

ПОЭЗІЯ СЛАВЯНЪ

E $\frac{73}{189}$

СБОРНИКЪ

$\frac{801-12}{504}$

ЛУЧШИХЪ ПОЭТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1871

15429-0

2007098473

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ первые вѣка нашей исторіи Русь находилась въ литературномъ общеніи съ другими славянскими землями — по-крайней-мѣрѣ съ тѣми изъ нихъ, которыя принадлежали къ православной церкви. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ литература польская не только обращала на себя вниманіе образованныхъ русскихъ людей, но въ значительной степени вліяла на тогдашнюю нашу письменность. Со времени же петровской реформы нами такъ сильно овладѣли литературы западно-европейскія, что мы, изучая ихъ и подражая имъ, совершенно забыли о литературахъ славянскихъ. Нити, связывавшія уметвенную жизнь Россіи съ славянскимъ міромъ, порвались; не только уметвенная дѣятельность, но самое почти существованіе славянскихъ народовъ сдѣлалось у насъ неизвѣстнымъ. Такъ продолжалось до недавняго времени. Еще великій нашъ Пушкинъ, одинъ изъ первыхъ, если не первый, угадавшій значеніе для насъ народной поэзіи западныхъ славянъ, знакомился съ нею не по настоящимъ текстамъ, а въ безобразныхъ передѣлкахъ француза Мериме. Обращенный къ Мериме запросъ нашего поэта на счетъ того, «на чѣмъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсенъ» и отвѣтное письмо Мериме о его «Guzla» останутся свидѣтельствомъ, въ какомъ невѣдѣніи мы тогда находились относительно славянскаго міра. И надобно замѣтить, что это было въ тридцатыхъ годахъ (письмо Мериме помѣчено: 18 января 1835 года), то-есть — двадцать лѣтъ спустя послѣ перваго изданія Вукомъ Караджичемъ подлинныхъ

сербских пѣсень, съ которыми знаменитый Гриммъ тотчасъ же познакомилъ Германію, и десять лѣтъ послѣ того какъ Гёте, неоднократно обращавшій вниманіе своихъ соотечественниковъ на переводы произведеній народной поэзіи южныхъ славянъ, утверждалъ, что «въ довольно скоромъ времени сокровища сербской литературы сдѣлаются общимъ достояніемъ Германіи» (die Schätze der serbischen Literatur werden schnell genug deutsches Gemeingut werden).

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ сбылось предсказаніе великаго нѣмецкаго поэта; но думаемъ, что если литературныя сокровища западныхъ и южныхъ славянъ должны сдѣлаться гдѣ-либо общимъ достояніемъ, то это въ Россіи, потому-что въ нихъ опечалдѣвается духъ народностей, которыя составляютъ съ нами одно племенное тѣло, которыя намъ ближе всѣхъ по исторіи, которыя одни намъ близки по сочувствіямъ.

Въ послѣднія десятилѣтія свѣдѣнія о славянскихъ племенахъ, наукахъ и литературахъ начали распространяться и въ Россіи. Этому, конечно, содѣйствовали учрежденныя въ 1839 году каѳедры славянскихъ языковъ въ нашихъ университетахъ; но нельзя не пожалѣть, что въ преподаваніи на этихъ каѳедрахъ было слишкомъ мало жизни, что оно имѣло въ виду спеціалистовъ. Насколько быстрое пошло бы у насъ развитіе славянской идеи, если бы хоть на одной изъ славянскихъ каѳедръ явился такой человѣкъ, какъ Грановскій! Но всё же дѣло подвигалось впередъ; политическія событія всё болѣе и болѣе уясняли славянское призваніе Россіи и значеніе для насъ славянскихъ народностей; общность ихъ и нашихъ интересовъ становилась всё болѣе ощутительною, и въ настоящее время вопросы, касающіеся славянъ, принадлежать къ тѣмъ, къ которымъ общественное мнѣніе Россіи далеко не равнодушно.

Но если политическое положеніе славянскихъ племёнъ составляетъ теперь предметъ уже довольно знакомый русской публикѣ, то этого нельзя еще связать объ ихъ литературной дѣятельности. У насъ по этому предмету было до-сихъ-поръ одно только пособіе — изданный въ 1865 году гг. Шпанинъ и Спасовичемъ «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ». Сочиненіе это имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства, по обилію собранныхъ въ нёмъ свѣдѣній, и польза его, какъ справочной книги, заставляетъ забыть ту странную отрицательную точку зрѣнія, которая затемняетъ безпристрастіе историческаго изложенія. Но, во всякомъ случаѣ, съ какими бы

совершенствомъ ни была написана исторія той или другой литературы, она не можетъ замѣнить собою чтенія самихъ ея произведеній. Потому мы надѣемся восполнить существенный недостатокъ, предлагая нашей публикѣ изданіе, въ которомъ она найдётъ, въ переводѣ на русскій языкъ, лучшія произведенія какъ народной, такъ и художественной поэзіи славянскихъ племёнъ. При этомъ мы сочли полезнымъ сообщать биографическія свѣдѣнія о самихъ поэтахъ и краткій историческій очеркъ каждой изъ славянскихъ литературъ. Какъ мы, такъ и сотрудники наши старались, чтобы переводы были по возможности вѣрны — разумѣется насколько позволяли требованія русскаго стиха. Мы старались, чтобы нашъ сборникъ служилъ картинною славянскихъ литературъ по возможности полную, то-есть, чтобы всѣ замѣчательнѣйшіе поэты славянскіе были въ нёмъ представлены хотя однимъ изъ ихъ произведеній. Наконецъ — мы обращались въ Славянскія Земли, къ извѣстнѣйшимъ литераторамъ, за указаніемъ, какія именно произведенія ихъ поэтовъ признаются у нихъ образцовыми и пользуются наибольшою популярностію, дабы, придерживаясь въ выборѣ нашемъ этихъ указаній, дать нашему сборнику характеръ, соответствующій дѣйствительному направленію каждой литературы и чуждой какому-либо произвольнаго съ нашей стороны подбора. По этому — тѣмъ осязательнѣе будутъ для читателя отличительныя черты этихъ литературъ: ихъ юношеская восторженность и страстность, ихъ простодушное общеніе съ природою, ихъ безприпятельное сочувствіе къ простому народу, ихъ національно-патріотическое чувство, согрѣтое свѣтлыми надеждами на великое будущее славянскаго племени, и утверждающееся на крѣпкомъ сознаніи славянскаго единства, ихъ любовь къ Россіи — всё это свойства, проникающія литературы южныхъ и западныхъ славянъ въ цѣломъ ихъ составѣ. Одна литература польская, какъ замѣтитъ читатель, составляетъ между ними исключеніе, соответствующее историческому характеру и настоящей политической роли польской интеллигенціи въ славянскомъ мѣрѣ.

Но сборникъ нашъ — мы надѣемся — не только уяснитъ читателямъ характеръ и направленіе славянскихъ литературъ — онъ, быть-можетъ, поспособитъ разсѣять тотъ существенный предрасудокъ, съ которымъ мы привыкли взирать на умственные произведенія нашихъ соплеменниковъ. Воспитанные въ западно-европейской школѣ, мы привыкли думать, что только литературы англійская, французская, нѣмецкая, итальянская могутъ пред-

ставить намъ творенія оригинальныя, что только въ нихъ мы можемъ найти великихъ поэтовъ; славянскія же литературы пробавляются лишь блѣдными копіями съ западныхъ образцовъ. Этотъ-то предразсудокъ и составляетъ, если мы не ошибаемся, главную причину того, что публика наша, уже менѣе прежняго равнодушная къ общественнымъ и политическимъ дѣламъ западныхъ и южныхъ славянъ, до-сихъ-поръ не обращаетъ вниманія на ихъ литературы. А между-тѣмъ у нихъ есть поэты оригинальные, поэты съ истиннымъ художественнымъ талантомъ и вдохновеніемъ. Станко Вразъ, Мажураничъ, Кукулевичъ-Сакцинскій, Вукотиновичъ, Прерадовичъ — у сербовъ, Славейковъ — у болгаръ, Прешеръ — у хорутанъ, Колларъ, Челяковский, Яблонскій, Гавличекъ — у чеховъ, Хадушка, Сладковичъ — у словаковъ, Зейлеръ — у лужичанъ, Мицкевичъ, Богданъ Залѣвскій, Красинскій, Винцентій Польшъ — у поляковъ, наконецъ, Иосифъ Федьковичъ у нашихъ русскихъ галичанъ — это люди, которые заняли бы каждый въ любой западно-европейской литературѣ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. А эти имена, которыми должно гордиться славянское племя, до-сихъ-поръ — кромѣ одного или двухъ польскихъ — почти безвѣстны въ Россіи.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЯ

СЪ ДРЕВНЕ-РУССКАГО

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Слово о полку Игоря» — без сомнѣній, есть самое замѣчательное и притомъ едва ли не самое поэтическое произведеніе нашей древней поэзіи. Этотъ самобытный и единственный, дошедшій до насъ, письменный памятникъ, свидѣтельствующій о существованіи и развитіи древнерусской эпической поэзіи, отличается тою смѣлостью очерковъ и яркостью красокъ, которые, съ перваго взгляда, облачаютъ въ сочинителѣ необыкновеннаго художника. Эти чудные, родные звуки, дошедшіе къ намъ изъ глубины двѣнадцати столѣтій, изъ темныхъ временъ княжескихъ усобицъ и половенскихъ набѣговъ, передаютъ намъ въ безискусственныхъ, поэтическихъ и часто величественныхъ образахъ одинъ печальный эпизодъ смутнаго періода, отмѣченнаго въ лѣтописяхъ только краткимъ перечнемъ нескончаемыхъ битвъ. Этотъ печальный эпизодъ — походъ сѣверскаго князя Игоря, въ 1185 году, на половцевъ, окончившійся страшнымъ погромомъ: истребленіемъ всего русскаго войска и лѣтненіемъ самого князя, брата его, буй-тура Всеволода и сына, Владиміра Игоревича.

Но кто же такой былъ этотъ таинственный и вѣнецъ этого злополучнаго похода? Увы! лѣтописи молчатъ. Правда, существуетъ предположеніе, что и вѣнецъ «Слова» есть *премудрый книжникъ* Тимофей, уроженецъ города Кіева, о которомъ упоминается въ «Нياتьельской лѣтописи»

подъ 1211 годомъ, но это только одно предположеніе. Вся біографія князя Игоря — въ его лѣтписи; а и вѣнецъ свидѣлствуетъ только о томъ, что онъ былъ мирянинъ и современникъ похода Игоря. Уже одно то обстоятельство, что сочинитель «Слова» избралъ предметомъ для своей эпопеи такое неважное и даже не блестящее происшествіе, тогда-какъ походъ Святослава на половцевъ, предпринятый за годъ до Игоря и увѣнчавшійся такимъ блестящимъ успѣхомъ, былъ у него еще въ свѣжей памяти, показываетъ ясно, что «Слово о полку Игоря» написано не только современникомъ, но даже лицомъ участвовавшимъ въ походѣ. Уже по одной этой причинѣ, не говоря о филологическомъ и археологическомъ значеніи «Слова», оно, по самому содержанию своему, какъ единственная, дошедшая до насъ, картина изъ періода междоусобій, важна для историка и интересна для всякаго, кто любитъ переноситься мыслію въ первыя времена нашей исторіи. «Слово» не только рассказываетъ намъ во всей подробности одно изъ характеристическихъ и часто повторявшихся происшествій того времени, отмѣченное въ лѣтописи двумя строками, но передаетъ намъ мысли и чувства нашихъ предковъ, ихъ воззрѣнія на своихъ князей, на княжескія усобицы, ихъ глубокое сознание единства Русской Земли, единства русскаго племени, ихъ отвращеніе къ дикимъ порожденіямъ азіатскихъ стѣнъ, ихъ любовь къ отчизнѣ и ея защитникамъ, ихъ привязанность къ своимъ род-

нимъ полямъ и селамъ, въ тихихъ наслажденіяхъ семейной жизни, ихъ уваженіе къ горести слабой женщины и восторженное удивленіе къ героизму.

Можно сказать утвердительно, что ни одно произведеніе древней русской поэзіи, сбереженное временемъ, не возбуждало такого постоянного вниманія нашихъ ученыхъ и не подавало поводъ къ такому множеству противорѣчивыхъ сужденій, какъ «Слово о полку Игоря». Будучи открыто въ 1795 году графомъ Мусинимъ-Пушкинымъ въ одномъ старинномъ сборникѣ (примечъ первое извѣстіе объ этомъ открытіи было сообщено свѣту Карамзиннымъ въ октябрьской книжкѣ гамбургскаго журнала «Spectateur du Nord», за 1797 годъ) и издано имъ въ Москвѣ, «Слово о полку Игоря» не переставало, съ того времени, занимать умы нашихъ филологовъ и критиковъ. Плодами ихъ изысканій были, съ одной стороны, значительное число изданій, переводовъ и стихотворныхъ переложеній, съ другой — множество статей критическаго и полемическаго содержанія.

«Слово о полку Игоря» есть поэтическое произведеніе, занимающее въ порядкѣ развитія поэзіи эпической по ея видамъ мѣсто на переходѣ отъ эпоса героическаго къ эпосу позднѣйшей гражданственности — къ роману, и притомъ произведеніе, написанное стихами. Это послѣднее мнѣніе разделяютъ многие изъ ученыхъ изслѣдователей этого памятника — въ томъ числѣ: Востоковъ, Дубенскій, Полевой, Максимовичъ и Туловова — хотя они и не вполнѣ сходятся въ опредѣленіи его стихотворнаго склада. Мнѣніе каждаго изъ нихъ имѣетъ свои основанія, свои доказательства. Все различіе происходитъ отъ образа воззрѣнія на предметъ. Такъ, напримѣръ, Востоковъ, признавалъ вообще складъ «Слова» прозаическимъ, говоритъ однако же, что оно дѣлится на довольно ровные и вѣрные періоды или стихи, подобныя библейскимъ. Дубенскій принимаетъ это въ другомъ смыслѣ, и раздѣляетъ «Слово» шестистопными дактило-хоренчскимъ стихомъ или гекзаметромъ. Полевой также разбиваетъ подлинникъ на стихи, примечъ говорить, что размѣръ въ немъ явственъ, и стоитъ только не

считать стопъ, чтобы тотчасъ понять его разнообразную, пѣвучую музыкальность. Максимовичъ же полагааетъ, что волюное движеніе рѣчи «Слова» совершается, такъ сказать, отдѣльными, разнообразными волнами или стихами, не столь опредѣленнаго склада и однообразнаго размѣра, какъ народныя великороссійскія, но столь же разнообразныя и волюныя, какъ стихи украинскіе, особенно въ думкахъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться, ознакомившись съ подлинникомъ «Слова о полку Игоря». Наконецъ, по мнѣнію Туловова, «Слово» могло быть или стихотворнымъ произведеніемъ, написаннымъ по образцу древнихъ эпическихъ пѣсенъ и притомъ такъ, какъ пишутся поэмы въ наше время — только для чтенія, или произведеніемъ прозаическимъ, сохранившимся, вслѣдствіе вліянія пѣсенъ, краски поэзіи народной; или, наконецъ, что всего вѣроятнѣе, пѣсенью, которая дѣйствительно нѣкогда распѣвалась въ честь Игоря, и потомъ положена была на бумагу, въ чемъ удостовѣряетъ насъ самъ сочинитель «Слова», который *воспѣваетъ*, а не *описываетъ* своего героя.

Не смотря на видимую цѣлостъ и стройность поѣствованія, въ которомъ вездѣ является Игорь или самъ, какъ дѣйствующее лицо, или какъ предметъ и причина дѣйствія, «Слово о полку Игоря» въ тоже время представляетъ нѣсколько рѣзкихъ переходовъ и отступленій, раздѣляющихъ его на нѣсколько отдѣльныхъ частей. Отсюда рождается вопросъ: не вошли ли въ составъ «Слова» еще и другіе пѣсни и отрывки, кромѣ тѣхъ, которые самъ сочинитель приписываетъ Боюну? или даже — не составлено ли оно неизвестнымъ пѣвцомъ Игоря, подобно распѣванію Омара, изъ нѣсколькихъ современныхъ пѣсенъ, посвященныхъ злополучному походу Игоря и счастливному его возвращенію на родину?

Издавая въ предлагаемомъ сборникѣ лучшія произведенія поэзіи всѣхъ славянскихъ народовъ, грѣшно было бы не помѣстить въ немъ «Слово о полку Игоря», этотъ единственный дошедшій до насъ перлъ древней русской поэзіи.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

ПѢСНЬ I.

З А П Ъ В Ъ.

Не начать ли намъ, ребята,
Складамъ поѣстей невзгодъ,
Про походъ на супостата,
Князя Игоря походы?
И началъ намъ безъ обмана —
Эту пѣсню про князей —
По быдлинамъ нашихъ дней,
Не по замисламъ Бояна?
Если былъ пѣвецъ Боянь
Въицмъ духомъ нашихъ дней,
То носилъ мыслью-птицей
По дубравамъ, по лѣсамъ,
Стрѣмъ волкомъ по полямъ,
Или сизую орлицей
Поднималъ къ облакамъ.

А когда о враждебныхъ
Временахъ онь вспоминалъ —
Десять соколовъ пускалъ
На лебедѣхъ говоравшихъ,
И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начинала
То про старца Ярославъ,
То про храбраго Мстислава,
Что косягово побѣдилъ
И Редюю великана
Въ поединкѣ умертвилъ,
То про краснаго Романа.

Не на стадо лебедей
Нашъ Боянь, нашъ соколей,

Десять соколовъ пускаетъ:
Онь перстами пробѣгаетъ
По рокоучимъ струнамъ
И онь ужъ возглашаютъ
Славу доблестнымъ князьямъ.

Такъ намъ же наше слово
Отъ Владиміра Святюга,
И про Игоря, друзья,
Пѣсней вамъ окончу я:
Какъ, наполнивъ духомъ ратнымъ,
Онь свой разумъ изострилъ,
Слово напичкавъ булатнымъ,
Сердце мужествомъ покрывъ
И за Русь повелъ дружины
Въ половецкую краину.

ПѢСНЬ II.

ВЪЩЕЕ ЗАГМѢНІЕ.

Князь Игорь взглянулъ на дневное свѣтло,
И видя, что вѣсто лучей,
Полюгъ его милою онь осѣпало,
Промолвилъ дружинѣ своей:

«Не лучше ль погибнуть средь битвы кровавой,
Чѣмъ даться живому въ полонъ!
Итакъ — на коней и за новую славою,
Туда, гдѣ снѣжится Дош!»

Въ могучее сердце занало желанье
Напиться изъ Дона-рѣки —
И доблестный Игорь забылъ предѣшанье,
Подъ гнетомъ душевной тоски.

«Хочу я копье мое — молвил — далече,
Въ Земѣ Половецкой сломить:
Хочу я сложить свою голову въ сѣчи,
Иль Дону шелокомъ испить!»

Тебѣ бы, Боянъ, рассказать про сраженья,
Соловухо прешнхъ вѣковъ,
Носишь соловьемъ по вѣтвямъ вдохновенны,
Касаея уломъ облаковъ,

Слнча прошедшую русскую славу
Съ позднѣйшей и мчасъ по слѣдамъ
Героя Трояна, сквозъ боръ и дубраву,
По дебрямъ, полямъ и горамъ!

Тебѣ бы принчнше пѣть о герояхъ —
Про дльгова внука дѣна!
Не бури изъ родины въ поле чужое
Степныхъ соколовъ занесла:

Сстаются гадки густыми стадами
На Донъ изъ невѣдомыхъ странъ...
Иль, можетъ, начать мнѣ такими стихами,
Велѣбсь внуку, вѣщій Боянъ!

Ржутъ борзые кони за тихой Судюю;
Въ Новѣ-градѣ трубы трубаютъ;
Гремитъ стальной Киевъ молвой боевою;
Въ Путивлѣ знамена шумятъ:

Князь Игорь ждетъ брата, буй-туръ Всеволода...
И тотъ ему молвить въ привѣтъ:
«Мы оба съ тобой святославова рода!
Ты братъ мой единый и свѣтъ!

«Веди — пусть коней твоихъ борзыхъ сѣдаютъ;
Мои же, мой первенецъ-братъ,
Давно ужъ подъ Курскомъ тебя поджидаютъ,
Осѣданы въ полѣ стоятъ.

«Курице жь мои, удаме курице
Велѣданы въ шлемахъ родныхъ,
Повиты подъ трубными звуками брани
И вскормлены съ коней стальныхъ.

«Дороги знакомы, лужи съ тетивами,
Извѣстенъ имъ каждый оврагъ,
Колчанамъ гремятъ боевыми стрѣлами,
Булатные сабли въ рукахъ;

«И знаютъ лишь рыскаютъ по чистому полю,
Какъ волки по дебрямъ бродятъ,

Чтобъ только добыть себѣ чести на долю,
Чтобъ князю почету добыть.»

Князь Игорь въ чеканное стремя вступаетъ
И ѣдетъ равниной степной;
По солнцу дорогу ему застилаетъ
Подноною синее тьмой.

Ночь, воемъ грозя ему, птицъ пробуждаетъ
И ревъ плотоядныхъ звѣрей
Въ окрестныхъ степяхъ, и сова завываетъ
Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей,

Чтобъ волнамъ Сурожа и намъ, поморине,
Дать вѣсть за далекой землей,
Корсую и идоу въ Тмутараканѣ,
И Волгѣ съ Судюю-рѣкою.

А пловцы по полю тѣсною толпою
Къ великому Дону сѣпнать;
Какъ рѣвній крикъ лебеди поздней порою,
Возмъ ихъ дорогой скрнпнать.

Онъ къ синему Дону свой путь направляетъ
Съ дружиною храброй своей;
Но птицы погибель ему предвѣщаютъ;
Орлы плотоядныхъ звѣрей

Пронзительнымъ крикомъ своимъ взымаютъ
На груди изъ дубрей лѣсныхъ;
И волки невзгоду на нихъ накликаютъ,
Влуждая въ оврагахъ крутыхъ.

Проснулись лиснцы и лаютъ за станомъ,
На красные лаютъ щиты.
О, Русь! о, родная! ужъ ты за курганомъ!
Спускается ночь съ высоты;

Зари, чуть мерная, вдали догораютъ;
Поля покрываются мглой;
Въ сосѣднемъ тѣсу соловой умолакаетъ;
Крнчь галочий слышенъ порой.

А русскіе, тѣсно сомкнувшись щитами,
Идутъ по пустыннымъ полямъ —
Добыть себѣ чести стальными мечами
И славы отважнымъ князьямъ.

ПѢСНЬ III.

П О В Ъ Д А .

Въ пятницу утромъ разбили они половецкія рати

И, разметавшись стрѣлами по чистому полю,

Красныхъ дѣвицъ половецкихъ съ собою, а съ
ними и бархатъ

Цѣнный, и золото въ слиткахъ, и разныя ткани.
Плащами жь,

Шубами, юртами — гати гати, мосты настлази

Въ тонкихъ мѣстахъ и по грязнымъ болотамъ.
Червасное знамя

Съ бѣлой хоруговью, красная чолка съ сере-
брянымъ древкомъ —

Храброго Игоря доли. Дремлетъ средъ чистаго
поля,

Дремлетъ Олега гнѣздо удалое... далече умча-
лось...

Нѣ на обиду ни соколу-птицѣ, ни речету злому,
Не на обиду тебѣ породилось оно, половчанннъ
поганный,

Воронъ зловѣщій! А Гзаль ужъ бѣжить сирома-
хоу волкомъ;

Хищникъ Кончакъ ему слѣдъ пролагаетъ къ ве-
ликому Дону.

Рано заутра востокъ загорѣлся кровавой зарею;

Черныя тучи отъ моря идутъ: закрываютъ четыре

Солнца; въ нихъ синія молніи блещутъ: быть
сильному грому,

Литесь дождю стрѣлами съ великаго Дона. Тамъ-то

Копьямъ стальнымъ подоматься! тамъ-то мечамъ
притупиться

О половецкіе шлемы — на рѣкѣ Камлѣ, у Дона!

Русь, уже ты подъ курганомъ! Чу, вѣтрымъ, стри-
боговы внуки,

Вѣютъ съ моря стрѣлами на храброе русское
войско.

Стонетъ земля, помутнися рѣки, поля покрыва-
етъ

Пыль и лепечутъ знамена: то пловцы идутъ отъ
Дона,

Идутъ отъ моря, отъсюду и наши полки окружаютъ.

Бѣсовы дѣти канкомъ побѣдимъ поля оградннъ;
Русское жь войско щитами червасными ихъ за-
слоило.

Всеволодъ буйный, ты бьешься въ переднемъ
отрядѣ, стрѣлами

Прищешь на хищныхъ враговъ и гремишь обь
ихъ шлемы мечами;

Гдѣ ни появишься ты, богатъ, золоченымъ
шеломомъ

Блещи тамъ въ прахѣ лежатъ половецкія головы
грудой;

Тамъ, пополамъ разсѣченны саблею бузатной
твоєю,

Всеволодъ доблестный, падаютъ въ прахъ ихъ
аварскіе шлемы.

Братцы, какой побойтся онъ раны, когда онъ
для славы

Все позабылъ — и почетъ, и веселую жизнь, и
Черниговъ

Городъ, и отчий престолъ золотой, и своей не-
лагодной

Гдѣбовны, милой супруги, привѣтъ и обчяныя
ласки?

ПѢСНЬ IV.

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ УСОБИЦАХЪ.

Прошли тропаины вѣка,
Минуло время Ярославъ,
Не стало дльгова полка —
Олега, сына Святослава:
Мечѣмъ вражду онъ ковалъ,
Стрѣлами землю засѣвалъ.
Когда въ родномъ Тмутаракани
Онъ въ стрѣми бранное вступалъ,
Тогда призывнымъ звукамъ брани
Великій Всеволодъ внималъ,
Межъ-тѣмъ какъ каждую зарю
Въ своихъ твердыхъ, за Десною,
Владимѣръ уши затывалъ.

И привеза на судъ свой слава
Вориса, сына Вячеслава,
И положила на коверъ —
На бархатъ конскаго покровъ —
За оскорбленье, за позоръ
Олега, князя молодого.

И Святославъ съ Каяла прямо
Велѣлъ отца священный прахъ
Поднять на угорскихъ коняхъ
Къ стѣнамъ Софiевскаго храма.

Такъ при Олегѣ молодомъ —
При Гориславичѣ — крутомъ
Междоусобия засѣвались,
Всходили, горемъ разrostались;
И погибала жизнь людей,
Внучать могучаго Даждь-Бога,
И сокращалася на много
Въ междоусобныхъ князей.
Въ то время рѣдко оглашали
Равнины пѣсни поселенъ;
Но часто вѣроны кричали,
Терзая трупы христанъ;
А галки въ полѣ собирались,
И на пиру родныхъ полянъ
Между собой перекликались.

Не разъ гремѣлъ побѣдннй громъ
И битвы лютыя бывали;
Но о сраженiи такомъ
Еще на Русь не слыхали.

ПѢСНЬ V.

ПОРАЖЕНIЕ.

Вилотъ до вечера съ разсвѣта,
И отъ вечера до свѣта
Коня крѣпкiя трещать,
Свищутъ стрѣлы каденныя,
Сабань острыя гремятъ
О шеломи боевые,
Средь пѣвѣдомыхъ полей
Половецкихъ дикарей.

Подъ конитомъ — подѣ конями
Поле вздулось бороздами;
А была поляна та
Позасѣяна костями,
Брошью алой волгитъ:
И взмолять посѣвъ тоскою
По-падъ Русскую Землюю.
Что за толотъ, что за зловѣчъ
Рапо угромъ, предѣ зарѣю?
Это Игорь! — это оны
Вновь полянъ сымываетъ къ бою:

Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего.

Былъсь день — не отступали,
Храбро билъсь другой,
Въ третей, въ воденѣ, подѣ грозой
Стиги княжескiе напн.
Туть надѣ беретомъ, гдѣ билъсь,
Оба брата разлучились;
Гдѣ — гулявнн и буйнв —
Мчнтся быстрая Каяла,
Туть кроваваго вина
Не хватило, не достало;
Туть, у вражеской рѣки,
Наши братья-земляки
Пирь кровавай довершили,
Ждавшихъ сватонъ напоили
И за честь своей земли
Сами трупами леги.

Ванеть на полѣ былина
Подъ кручнною-тоской,
И къ землѣ тоска-кручнна
Клоунтъ иворъ молодой.

ПѢСНЬ VI.

ПЛАЧЪ ПѢВЦА.

Наступило, братцы, времечко,
Наступило не веселое:
Степь прикрыла силу ратную.
Возстають обиды кровавыя
Въ силахъ пашемни даждь-божьего,
Разражается несчастьями;
И вступивши на грозовую
Землю дѣвой, громко крыльями
Залескала лебедными
На Дону, у моря силгаго:
Пробудила время тяжкое!
Нѣтъ въ князьяхъ единомыслия
На поганыхъ; нѣмсто дружества,
Ставъ братъ брату поговаривать:
«То мое, мое и это все!»
Стаи спорить междъ собой князья
За лустое, какъ за важное
И крாமолу на себя ковать.
А поганше со всѣхъ сторонъ

Между-тѣмъ, какъ побѣдители,
Приходили въ Землю Русскую.
О! далеко залетѣлъ соколь,
Игнцъ стоянъ къ морю синему:
Ужъ дружинѣ храброй Игоря
Не воскреснутъ. По слѣдамъ ея
Иля и Карна громко крикнули,
Поселенъ Землею Русскою,
И изъ рога огне-жѣнаго
Извергали пламя лютое.
Зарыдали жоны русскiя.
Приговаривая жалобно:
«Видно ужъ не замыслитъ ямслию,
Видно ужъ не вздумаетъ думюю,
Ни очами, видно, богѣе
Не увидѣтъ намъ мужей своихъ.
Серебромъ и зношкимъ золотомъ
Не брѣнчать намъ, не нобрякнвать!»

Возстанавъ такъ Киевъ скорбюю,
А Черниговъ подѣ напастями;
Разназалась тоска тяжезлая
По Руси — и горе лютое
Затопили Землю Русскую.
А межъ-тѣмъ какъ князья русскiе
Междъ собою только ссорились,
Наши вороги поганые
Приходили въ Землю Русскую
И съ дворовъ, какъ побѣдители,
Собирали дань постыдную —
По одной по бѣлѣ съ каждаго.
Потому-что Святославичи,
Всевольды и Игорь храбрые,
Пробудили — ту, которую
Усмишлѣ-было родитель ихъ,
Святославъ великiй Киевскiй.
Онъ заставилъ хищныхъ половець
Тренетать, какъ передѣ бурей,
Предѣ своею ратью сильною,
Передѣ саблями бузатными.
Наступилъ повою твердую
Онь на Землю Половецкоюю,
Притопталъ холми съ оврагами,
Возмутитъ озера съ рѣками,
Псушннлъ ключи съ боготами
И исторгъ изъ лукоморiя
Кобыка ихъ несчастнаго,
Изъ срединъ половецкаго
Войска, сильнаго, несмѣтнаго.
И Кобыкъ безсильными илѣннникомъ

Очутися въ стольномъ Киевѣ,
Во дворѣхъ велико-княжескомъ.
Гречи и купцы гнѣмкнскiе,
И моравцы съ величницами
Пѣли славу святославою
И хулили князя Игоря,
Потошннвато въ Каяль-рѣкѣ
Половецкой силу ратную;
Вѣсѣтъ съ кровнымъ русскимъ золотомъ;
Гдѣ оны, храбрый Игорь Сѣверскiй,
Изъ сѣда раззолоченаго
Пересѣтъ въ сѣдо полоннника.
Приушли стѣны крѣпкiя,
Омрачилось веселіе.

ПѢСНЬ VII.

СОПѢ СВАТOSЛАВА.

Худой Святославу привидѣлся сонъ:
«Мнѣ силосъ — боирамъ разслазавльсь оны —
Что будто бы въ полночь, на ложѣ тесовомъ,
Въ горахъ надѣ Днѣпромъ,
Меня одѣвали въ чернымъ покровомъ,
И съ синимъ виномъ
Отраву мѣшали
И тѣмъ яловитымъ виномъ угощали;
И будто бы жемчугъ колчалою пустымъ
Изъ раковинъ червали въ чередюю.
И тѣмъ жемчугомъ дорогимъ
Меня осмидали, смѣясь надо мною;
И что въ златовѣркихъ наладахъ мохнъ
Безъ матицы доски лежали;
А бѣсныя вѣроны дебрей глухихъ
Всю ночь, до разсвѣта, у Паѣнска кричали,
На выгонѣ значныхъ луговъ городскихъ
И прочъ не легки на синее море!»

«Увы! одождло насъ лютое горе!»
Боире въ отвѣтъ:
«Дна сокода асинихъ, какъ угрешнй свѣтъ,
Слетѣли съ родного
Стола золотого,
Собрались на брань —
Добить изъ полона
Насѣдственннй Тмутараканъ,
Наъ шамомъ напнтисъ изъ Дона.
По крыльямъ соколн ихъ
Враги обурвали мечами,
А буйннхъ самнхъ

Оугаги крѣпко дѣнями.
На третій день утро смѣлилося мглою,
Померкли два солнца подъ ризой ночной,
А съ ними поугаи два мѣсяца лѣсныхъ —
Олегъ съ Святославомъ, два князя прекрасныхъ.
Заря на Каялъ погасла во мглі:

Какъ барсы степные,
Разсипались пловцомъ злые
По Русской Землѣ,

Въ пучину несчастій ее погрузили
И хава на новую брань возбудили.

Худа помираша хвалу,
Предъ силою воля склонилась
И диво-сова, свазовъ полночную мгау,
На землю спустилась...

Чу! готскія дѣвы у моря зашѣли
Про Буса, бойца своего,
Про мѣсть Шарокапову, время его —
И золотомъ русскимъ звенѣли.
А вѣрной дружинѣ твоей суждено,
Зпать, горькое-горе одно!»

А князь отвѣчать имъ такими рѣчами,
Мѣшая слова золотыя съ слезами:
«О, Игорь и Всеволодъ, дѣти мои!
Не внору вы противъ Земли Половецкой

Мечи обнажили свои,
Гоняясь за славою — молвой молодецкой!
Безславно своихъ вы слѣмили враговъ,
Безславно поганую пролили кровь!
Изъ стали сердца ваши скованы были,
А время и мужество ихъ закалили...
И этого ль могъ ожидать я отъ васъ,
На старости лѣтъ сѣдиной серебрясь?

И вотъ ужъ враги полошани
Одну изъ сильнѣйшихъ моихъ областей!
Гдѣ братъ мой отважный съ отрядами бѣеи, *)
Съ черниговской ратью своей?

Гдѣ наши могуты, таграпа, ревуги,
Шельбири, топчани, ольберы? **) гдѣ, други,
Они — побѣждавши крикомъ враговъ,
Съ одними ножами, безъ крѣпкихъ щитовъ,
Премѣннѣе дѣдовской славою?

Но вы говорили: она подвигъ кровавый
«Одни мы пойдѣмъ, какъ въ минувшіе дни,
«Пронедшую славу добудѣмъ одни,

*) Бѣеи назывались нагими дружины торговъ и берендѣевъ, служившихъ черниговскимъ и другимъ князьямъ.

** Впрочемъ, особые отряды войскъ, названные по именамъ вождей, или начальствовавшихъ.

«Одни и градущей подѣлимся славою!»
Не диво бѣ еще на сломѣхъ на вѣку
Вновь стать смолодимъ старнику!
Когда лѣсной соколъ лянлетъ,
Онъ птицѣ высокѣ захоплетъ
И ужъ никогда

Въ обиду не дасть дорогого гнѣзда,
Да горе — въ князьяхъ мнѣ не помощь, а бремя.
Такъ все измѣняетъ красное время!»

Подъ саблями стонетъ безпомощный Римъ, *)
А съ нимъ и Владиміръ, болязнью томима.
Нѣтъ, видно, печаль и кручина
Удѣль беззащитнаго гнѣбова сына!

ПѢСНЬ VIII.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ КНЯЗЬЯМЪ.

Великій князь Всеволодъ храбрый!
Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
Не ячишься грозой на защиту
Престола отца своего?

Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать веслами задѣй
И вычерпать Донъ многоводный
Шеломами раги своей.

Когда бѣ ты былъ здѣсь — по ногатѣ
Скунуть бы мы плѣнныхъ могои,
Платили бѣ по мелкой резани
За дѣвъ половецкой земли.

Ты можешь стрѣлять и на сушѣ
Огнемъ самоналовъ живыхъ:
Потомками Гнѣба, семьею
Его сыновей удалихъ.

Ты, Рюрикъ отважный и буйный!
И ты, князь Давидъ молодой!
Не ваши ль златые шеломы
Забрызганы кровью чужой?

Не ваши ль дружины рыкають
Среди незнакомыхъ полей,
Подобно израненнымъ турмамъ
Концами каленныхъ мечей?

*) Ромны, нынѣ уездный городъ Полтавской губерніи.

Скорѣй въ стремена золотыя
Вступайте — и вихремъ за Донъ —
За Русскую Землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

А ты, Ярославъ именитый,
Князь Галицій, славный умомъ!
Высоко силичи ты на тронѣ,
На тронѣ своемъ золотомъ.

Карпатскія горы могучей
Дружиной своей оградилъ;
Метая камни за тучи,
Ты путь королю заступилъ;

Замкнулъ, затворилъ воротами
Дуная широкую часть,
И, правя суди до Дуная,
Далеко простеръ свою власть.

Модна о дѣлахъ твоихъ славныхъ
Премитъ по далекимъ землямъ
И къ Киеву путь пролагаетъ,
Къ его золотымъ воротамъ.

Высоко сиди на отцовскомъ
Золоченомъ-пшину столѣ,
Стрѣляешь могучихъ султановъ
За моремъ, въ далекой землѣ.

Направъ свои стрѣлы въ Кончака!
Пусть имень извѣдастъ онъ —
За Русскую Землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

И вы, храбрецы удалые,
Романъ и Мстиславъ молодой!
Мечтая о подвигахъ ратныхъ,
Вы смѣло выдѣстесь въ бой.

Однажды рѣшившись, отважно
Стремитесь вы къ дѣлу своей,
Какъ соколъ, что въ небѣ ширяетъ,
Чтобъ птицу настичнуть вѣрнѣй;

Затѣмъ-что лагнискіе шломы
И лаги на вашихъ знакахъ:
Ужъ многи халскія земли
Предъ ними распались въ прахъ.

Ятвяги, Литва, Деремела
И орды степныхъ дикарей
Повержи оружье, склонились
Подъ гнѣбомъ булатныхъ мечей.

Князья, ужъ померкъ невозвратно
Для Игоря солнечный свѣтъ,
И листья опали съ деревьевъ,
Какъ-будто въ предвѣстіе бѣды:

Уже городъ подѣлани
По Роси-рѣкѣ и Сулѣ;
А Игоря храброй дружинѣ
Спать сломъ непробуднымъ въ землѣ.

Князья, синій Донъ на побѣду
Зовѣтъ васъ, вздымая волну!
Отвѣсье оловомъ дѣти
Готовы идти на войну.

О, Ингваръ и Всеволодъ! *) Трое
Васъ братьевъ — и всѣ вы бойцы:
Родного гнѣзда шестокрѣпца,
Гнѣзда не худого птенцы!

Не жребьемъ побѣднымъ достигли
Вы власти — жезланой мети:
Къ чему жъ золотые шеломы,
Къ чему вамъ стальныя щиты?

Свои воротъ оградите
Стрѣлами отъ вражескихъ племѣнъ —
За Русскую Землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

ПѢСНЬ IX.

ВОСПОМИНАНИЕ О МИНУВШЕМЪ.

Ужъ къ Переяславу-городу рѣчка-Суадъ серебристыхъ
Струй не катитъ, а Двина бѣлоотомъ течетъ къ
полочанамъ

*) Здѣсь рѣчь идетъ о трехъ сыновьяхъ Ярослава Лудяго: Ингварѣ, Всеволодѣ и Мстиславѣ, изъ которыхъ здѣсь только два первые названы по имени, потому что о послѣднемъ (Мстиславѣ) упоминается выше.

Грознымъ, подъ вѣнкомъ поганыхъ. Одинъ Изя-
славъ Васильковичъ
Въ шлемѣ литовскіе острыя мечѣмъ позвонилъ
и, затмивши
Славу дѣда Всеслава, прикрытый стальными
щитами,
Паль на кровавой травѣ подъ ударами сабель
литовскихъ;
Слѣгъ на кровать и сказалъ: «князь, дружину
твою удаляю
Крыльями иттица одѣли, а зѣбри кровь ползалы!»
Ни Вячеслава съ нимъ нѣ было, ни Всеволода:
одинъ онъ
Выронилъ нишно-жемчужную душу изъ храброго
гѣла
Сквозь золотое свое ожерелье. Поникло веселье;
Смолкли печальныя пѣсни; трубить городскія
трубы...
Князь Ярославъ и вы, внуки Всеслава! склоните
знамѣна
Долу, вложите мечи притуплённые: вы помрачили
Славу могучаго дѣда! Не вы ль пригнали пога-
ныхъ
Вашей крамолой на Русскую Землю, на плечи
Всеслава,
Чтобъ и отъ нихъ мы узнали насилье, какое
ужь терпѣтъ
Русь отъ Земли Половецкой. Въ вѣкѣ седьмомъ
отъ Трояна
Кинулъ жребій Всеславъ о любимой имъ дѣвицѣ
красной;
И не клювою подбирался, а сѣвъ на коня боевого,
Къ стольному Киеву-городу онъ прискакалъ и
доткнулся
Древкомъ коня своего до его золотого престола.
Въ полночь оставилъ Бѣль-городъ, а утромъ,
подвезши стригуса,
Сшибъ новгородскіе створы, разбилъ Ярославову
славу...
Бросился волкомъ къ Нѣмигъ съ Дудутокъ... А
на Нѣмигъ
Головы стелятъ снопами, молотятъ стальными
дѣнами,
Жизнь кладутъ на току и вѣютъ душу изъ гѣла.
Кровью затопленный берегъ Нѣмиги не жатвой
засѣявъ

Вѣль, а костями русскихъ сыновъ. Князь Все-
славъ народу
Судъ давалъ и рядилъ князьямъ городъ; а самъ
волкомъ
Рискалъ въ ночи; кидался изъ Киева въ Тмутар-
ракань
И перерискивалъ волкомъ дорогу великому Хорсу.
Въ Полоцкѣ стольномъ ему позволили къ за-
утренѣ рано
Въ колокодѣ у Софїи святой, а онъ въ Киевѣ
слышалъ
Благовѣсть тотъ. Хотя у иного и вѣщее сердце
Въ гѣлѣ, а часто страдаетъ. Ему-то разумную
пѣсию
Вѣщій Болъвъ нашъ сложилъ, что ни хитрый, ни
умный, ни иттица
Быстрая въ небѣ не минутъ суда правосуднаго
Бога.
Какъ не стонать и не плакаться Русской Землѣ,
вспоминалъ
Старое время и старыхъ князей! Нельзя жь было
вѣчно
Въ Киевѣ стольномъ Владимиру старому князю:
и нишѣ
Стяги его, доставшия Рюрику съ братомъ Да-
видомъ,
Словно волмъ, заприжѣнны въ плугъ, годъ
ярмомъ ненавистнымъ
Никнуть, межъ-тѣмъ какъ тяжелыя конья сви-
стятъ на Дунаѣ.

ПѢСНЬ X.

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ.

Звучный голосъ раздастся
Ярославны молодой;
Стонемъ горницы несется
Онъ предъ утренней зарей:

«Я быстрый гѣсною голубки
По Дунаю полечу
И рукавъ бобровой шубки
Я въ Каялѣ обмочу;
Князю милому предстану
И на гѣлѣ на больномъ
Окровавленную рану
Оботру тѣмъ рукавомъ.»

ПѢСНЬ XI.

БѢГСТВО ИГОРЯ.

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

«Вѣтеръ, чѣдъ ты завываешь
И на крыльяхъ на своихъ
Стрѣймъ ханскія вѣдимаешь,
Мечешь въ вонювъ родныхъ?
Иль тебѣ ужь на просторѣ
Гѣсно вѣять въ облакахъ,
Корабли на синемъ морѣ
Мчатъ, летѣять на волнахъ?
Для чего жь однимъ размахомъ
Радость душную мою
Ты развѣялъ легкимъ прахомъ
По степному ковылю?»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

«Дѣшърь мой славный! ты волнами
Горы крѣпкія пробилъ,
Половецкими землями
Путь свой дальній проложилъ;
На себя, съвозъ всё претрадилъ,
Ты летѣла, рѣка,
Святославови насады
До узусови Кобына.
О, когда бь ты вновь причала
Друта къ этимъ берегамъ,
Что бы я къ нему не слала
Слѣзъ на море по утрамъ!»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

«Солнце ясное трикратно!
Вѣймъ ты красно и тепло!
Для чего лучшезъ утраты
Войско милое сожгло?
Для чего въ безводномъ полѣ
Каждой луки имъ свежо
И что гнѣтъ тоски-недоли
На колчаны налегло?»

Въ полночь море взволновалось;
Небо тучами покрывалось:
Кажеть Богъ дорогу Игорю
Изъ неволи въ Землю Русскую,
Ко злату-столу отцовскому.

Догорѣла зорька ясная,
Зорька ясная — вечерняя.
Игорь дремлетъ — Игорь бодрствуетъ:
Игорь поле мѣрять мыслю,
Что отъ Дону отъ великаго
До Донца-рѣки до малаго.
Конь готовъ и ждеть съ полуночи.
Омуль свистають за рѣкой вдаль —
Подаеть вѣсть князю Игорю;
Но князь Игорь не откликнулся.
Крикнулъ — поле вскобасалось,
Зашумѣлъ конь серебряный,
Съ ними вежи половецкія

Потрапсали. Игорь доблестный
Горностаемъ проскочилъ тростники,
Кануль въ воду бѣлымъ гололемъ,
На коня стрѣлою кинулся,
Босимъ волкомъ сосночалъ съ него,
Побѣжалъ къ Донцу родному,
Къ лугоному его берегу,
И зависла могучимъ соколомъ,
Убивая подъ туманами
Лебедѣй съ гуслимъ къ завтраку.
На обѣдъ себя и къ улану.
Игорь несся яснымъ соколомъ,
Вдуръ бѣжалъ по полю чистому
Стрѣймъ волкомъ, отряхавши
По пути росу холодную:
Надорвалъ коня дорогою.

Говоритъ ему Донецъ-рѣка:
«Много, князь, тебѣ величія,
Кончаку-врагу нелюбию,
А землѣ родной веселія!»
Игорь-князь ему отвѣтствуетъ:
«О, Донецъ! не мало доблести
И тебѣ, что князь Игоря
На волнахъ своихъ серебряныхъ
Ты летѣялъ, устилаючи
Берега травой зеленою,
Одѣвая мглами теллами

Подъ нависшими деревьями!
 Ты стереть его заблажино
 На водѣ хохлатымъ гоголемъ,
 На струяхъ рѣчною чайкою,
 Уткой-чернышкой въ поддѣбесѣхъ.
 Нѣтъ, не такъ, вадимаясь волнами,
 Мчится Стугна мелководная!
 Поглотивъ ручьи нагорные,
 Она струи о кустарники
 Раздробила, ненасытная,
 И на вѣки заградилла путь
 Къ берегамъ дѣпровскимъ юному
 Ростиславу. И заплакала
 Мать сѣдая ростиславова
 По прекрасномъ князѣ-юношѣ:
 «На лугахъ двѣты душистые
 Осыпаются отъ жалости,
 А деревья съ тихой грустію
 Надъ землею наклоняются.»

Не сороочь стрекотаніе
 Раздается въ отдаленіи:
 Это идутъ, вслѣдъ за Игоремъ,
 Гзакъ съ Кончакомъ половецкіе.
 Стихло. Вороны не каркали,
 Гапки смолкли и съ сороками
 По деревьямъ только прыгали;
 Дятель путь къ рѣкѣ указывалъ;
 Соловей веселимъ пѣніемъ
 Утро ясное привѣтствовалъ.

И съ Кончакомъ рѣкъ заводитъ Гзакъ:
 «Если соколъ улетитъ въ гнѣздо,
 То стрѣлами золочеными
 Соколѣнка разстрѣляемъ ми.»
 А Кончакъ ему отвѣтствуетъ:
 «Если соколъ улетитъ въ гнѣздо,
 Такъ красавцевъ-дѣвицей
 Соколѣнка ми опутаемъ.»
 А Кончаку снова молвить Гзакъ:
 «Если дѣвицей-красавицей
 Соколѣнка ми опутаемъ,
 Не видать тогда намъ болѣе
 Ни соколѣнка, ни дѣвицы,
 Нашей дѣвицы-красавицы,
 И начнутъ насъ птицы хищныя
 Бить средѣ полей половецкаго.»

ПѢСНЬ XII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Вѣдь сказалъ же Болякъ,
 Какъ и вѣщій Коганъ,
 Пѣсноповѣрецъ времени Ярославъ,
 Говорилъ въ старину,
 Прославляя войну
 И походъ старика Святослава:

«Тяжело на землѣ
 Жить безъ плечъ головѣ,
 Тяжело богатирскому тѣлу
 Безъ головушки жить!»
 Такъ безъ Игоря бытъ
 Землѣ Русской, родному удрѣлу.

Солнце-свѣтъ въ небеси,
 Игорь-князь на Руси.
 На Дунаѣ заглѣли дѣвицы —
 И летятъ голоса
 Черезъ моря и гѣса
 Къ высямъ Кіева, пышной столици.

Игорь ѣдетъ домой —
 Къ Пирогощѣ святой
 По Боричеву путь направляетъ.
 По дорогѣ народъ
 Веселится, поетъ,
 Своихъ старихъ князей величаетъ,

А потѣмъ молодихъ.
 Такъ прославимъ же ихъ!
 Слава Игорю, ихъ властелину!
 Храбрцу, удалцу
 Всеволоду-бойцу
 И Владиміру, Игоря сину!

Много здравствовать вамъ,
 И князьямъ и воикамъ,
 Поборавшимъ всегда и до нынѣ
 За мирягъ-христіанъ
 На пояни басурманъ!
 Слава храбримъ князьямъ и дружинѣ!

Н. Гервель.

СЛАВЯНСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

О СЛАВЯНСКИХ НАРОДНЫХ ПЬЕСАХ.

Славянский мир, таящий в себе задачи широкой своеобразной будущности, по степени уже достигнутого им развития, конечно, не может еще сравниться со своими старшими европейскими братьями. Понятно послѣ этого, что и степень достигнутой им литературныхъ успѣховъ не можетъ еще быть поставлена въ уровень съ богатствами и самостоятельными литературами главнѣйшихъ народовъ Европы. Изъ болѣе или менѣе значительнаго ряда писателей направленія подражательнаго у той или другой славянской народности выдается еще очень не много такихъ именъ, которыя бы составили дѣйствительный вкладъ въ обще-европейскую литературу — какъ по своеобразію своихъ произведеній, такъ и по способности доводить такое своеобразіе до мирового значенія. Славяне и до-сихъ-поръ еще по преимуществу должны хвалиться своею народною словесностью, этимъ безыскусственнымъ, еще не знающимъ авторства и не приближающимъ къ искусству, первобытнымъ творчествомъ, богатѣйшимъ хранилищемъ котораго служитъ крѣпкая память народная. Сравнительно съ народною словесностью славянъ, очевиднымъ отпечаткомъ ослабленія, поблѣднѣлости, вымирания отличаются народныя пѣсни другихъ, болѣе образованныхъ народовъ Европы, за-то неизмѣримо богатѣйшихъ литературою, съ широкимъ развитіемъ которой всегда соединяется упадокъ народной словесности. Дѣло въ томъ, что у народа развивающагося правильно, литература собственно

представляетъ дальнѣйшую степень развитія тѣхъ началъ, задачи которыхъ заключаются уже въ народной словесности, а потому литературу все болѣе и болѣе упреждаетъ, особенно по мѣрѣ ея распространенія въ цѣломъ народѣ, безыскусственная словесность народная. Правда, что подобнаго рода правильный ходъ развитія есть представленіе идеальное; въ полномъ смыслѣ его не найдемъ ни у одного изъ народовъ Европы, а потому-то ни у одного изъ нихъ и не является окончательно упрежденною словесность народная. Но всего менѣе поводовъ къ ея упрежденію представляетъ славянский миръ, литературное развитіе котораго всего менѣе отличалось подобною правильностью. При той, все еще недостаточной степени народно-мирового содержанія, какую представляетъ все еще не довольно самостоятельная, болѣе или менѣе съ помощью пересадокъ, тѣмничнымъ образомъ вырощенная литература славянъ, дѣйствительно своеобразныхъ сторонъ славянскаго міросозерцанія, настоящаго отраженія славянскихъ народныхъ нравовъ и даже славянской народной исторіи приходится искать преимущественно въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Что касается собственно историческаго значенія народнаго эпоса вообще, то оно самымъ удовлетворительнымъ образомъ выясняется въ слѣдующихъ словахъ извѣстнаго собирателя кельтскихъ народныхъ пѣсней, Вильмарке: «Оч- чего до-сихъ-поръ постоянно обходился истори-

ками самъ народъ? Откуда такое заблужде- ние? Отчего не побеспокоились собрать ма- териалы для его исторіи? Оттого-что, по всей вѣроятности, долго и не предположали, чтобы у него могла быть исторія. Да и она въ самомъ дѣлѣ не оказывается занесенною ни въ лѣтописи, ни въ граматѣ. А между тѣмъ вѣдь она суще- ствуетъ: ей хранителямъ служатъ народныя, передаваемыя по преданію пѣсни *)

Въ старину стародавнюю люди болѣе или ме- нѣе книжные, представители тогдашняго образо- ваннаго слоя, смотрѣли на это дѣло иначе. Въ помѣщенномъ во главѣ этой книги литературномъ памятникѣ XII вѣка, назывемъ «Словѣ о полку Игоревѣ», неизвѣстный (т. е. намъ теперь неиз- вѣстный) сочинитель его рѣзко противопостав- ляетъ *бывшимъ*, т. е. былымъ, исторію — *зависаема* *Бояна*, пѣвца, т. е. поэтическую зависаема, пѣ- снямъ, эпосу. Между-тѣмъ самъ народъ подъ *быв- шими* или *старинами* и до-сихъ-поръ еще разубѣдетъ пѣсни съ весьма даже яркою припискою самимъ чудешнымъ вымысламъ, да и людскимъ науки съ другой стороны вымысли эти ни мало не мѣ- шаютъ видѣть въ нихъ дѣйствительную *старину* народную, т. е. придавать имъ значеніе *истори- ческое* не въ узкомъ, буквальномъ, а въ широ- комъ и глубокомъ значеніи этого слова.

Дѣло въ томъ, что въ народныхъ пѣсняхъ бы- лихихъ дѣйствительно отражается жизнь самого народа, тогда-какъ бышны, приводимыя авторомъ «Слова о полку Игоревѣ», представляють намъ собственно лишь князей съ ихъ дружинами. «Слово о полку Игоревѣ» со своими, хотя и неопре- дѣленнымъ намъ теперь, сочинителемъ, является та- кимъ образомъ уже не чуждо народнымъ произ- веденіемъ. При всемъ томъ оно, по многимъ своимъ поэтическимъ оборотамъ, оказывается съ са- мымъ близкимъ родствѣмъ съ народными пѣснями. «Слово о полку Игоревѣ», какъ и довольно близко подхопящія къ нему по строю чешскія пѣсни такъ называемой «Краледворской рукописи», также помѣщенныя въ этой книгѣ во главѣ чешскихъ пѣсней, служатъ примѣмъ доказательствомъ, что у славянъ совершенно правильнымъ обра- зомъ начиналось зарожденіе произведеній лич- наго творчества непосредственно изъ корней на- роднаго эпоса. Къ сожалѣнію, доброе начало такъ и осталось *началомъ*. Дальнѣйшія истори- ческія ходы вещей у насъ на Русеніи оказались рѣ-

шительно неблагоприятнымъ вообще для успѣховъ сибтской литературы, просто остановившейся въ своемъ развитіи; у братьевъ же нашихъ чеховъ дальнѣйшія историческія судьбы въ скоромъ вре- мени разобили литературу съ народною словес- ностью и рѣшительно подчинили первую чуж- дымъ влияніямъ.

Внимательный читатель замѣтитъ, что даже въ представляемыхъ здѣсь переводахъ «Слова о полку Игоревѣ» и «Краледворская рукопись», сходящая по своему историческому строю, по воспоминанію въ нихъ дружить въ князьями и по отсутствію въ нихъ чудесности (что обя- зывается единствомъ поэтического рода), съ дру- гой стороны довольно сходятъ и по нѣкоторымъ поэтическимъ образамъ и сравненіямъ. Это по- этическое обстоятельство объясняется единствомъ ихъ народнаго источника, тѣмъ, что какъ авторъ нашего «Слова», такъ и авторы чешскихъ пѣсней черпали изъ издано-наследственнаго запаса устно-народныхъ пріемовъ и оборотовъ, которые не только въ то отдаленное время, но и теперь представляются сходящими у различныхъ славянъ.

Намъ извѣстная изслѣдователь народнаго ста- ринны, О. И. Вуелавъ, давно уже обратилъ вни- маніе на совпаденіе многихъ оборотовъ и обра- зовъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» съ образами и оборотами теперешнихъ народныхъ пѣсней — по преимуществу южно-русскихъ, т. е. пѣсней той самой мѣстности, которой принадлежитъ и «Слово о полку Игоревѣ». Въ настоящемъ изданіи вслѣдъ за нимъ непосредственно и помѣщаются пѣсни южно-русскія или малороссійскія въ переводѣ (какъ и все въ этомъ изданіи) на нашъ современ- ный литературный языкъ. Первое мѣсто по праву дано тутъ такъ называемымъ *думамъ* малороссійскимъ, подходящимъ къ «Слову о полку Игоревѣ» и по своему историческому значенію, чуждому всякой *чуждой* народности. Думъ состав- ляють однако же чисто-народный поэтической родъ — ту позднѣйшую ступень въ развитіи южно-русской народнаго словесности, которую издавна была въ южной Руси ступень древнѣйшая — богатѣйшій владиміровъ эпосъ, пере- несенный тамъ свой влѣкъ въ видѣ тѣхъ *бывшихъ*, о которыхъ упоминаютъ выше и которыя не вошли у которыхъ изданіе, какъ не требующія перевода. Причина, почему старинныя пѣсни о борьбѣ бо- гатырей стально-киевского Владиміра съ различ- ными пашалями Русской Земли совершенно

были вытѣснены *думами*, поистиннощими о борь- бѣ позднѣйшихъ богатырей — козаковъ съ позд- нѣйшими пашалями — единоплеменными намъ поляками, дано уже выяснена у П. И. Костомаро- ва тѣмъ, что эта послѣдняя борьба, привлекая къ себѣ участіе и вниманіе *всего* народа, напол- няетъ всю его жизнь, и въ самомъ народномъ эпосѣ не оставила мѣста ни для чего другого — ни для малѣйшихъ воспоминаній о какой либо другой борьбѣ.

Вслѣдъ за думами помѣщаются здѣсь обра- щенія мелкихъ малороссійскихъ пѣсней такъ на- зываемаго бытового содержанія. Эти послѣднія представляютъ значительныя сходства съ пѣснями Бѣлорусскими, которыя всѣ безъ исключенія при- надлежатъ къ разряду бытовыхъ. Въ Бѣлорусіи не имѣется ничего походяго на малороссійскія думы; въ ней вовсе не развилась *историческая* (въ строгомъ смыслѣ слова) пѣсня, хотя въ ней, какъ и въ Малоросіи, совершенно забыта *бываема*, этотъ полуисторическій эпосъ о богаты- ряхъ владиміровыхъ. Если же древнѣйшій эпосъ, совершенно изгнанный въ Бѣлорусіи, оставилъ тамъ по себѣ пустоту, потому-что ничего не явилось ему на смѣну, то это объясняется тѣми историческими обстоятельствами, которыя совершенно пришибли народную силу въ этомъ не- счастливѣйшемъ изъ краевъ Земли Русской. Тяже- сть панскаго гнета была такова, что невольно замрла въ устахъ и самая жалоба, раздѣля- ющаяся только по-временамъ, но за-то вырази- тельно въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ. Самымъ одна- ко же яркимъ поэтическимъ выраженіемъ бѣдствіа народа подъ панскимъ ярмомъ служатъ прекрас- ная пѣсня изъ уторской Руси, замѣтовавшая въ настоящемъ изданіи изъ сборника Я. О. Го- ловачаго. Вообще же уторско-русскія пѣсни, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ галлицами, очень близко подходятъ вмѣстѣ съ этими послѣд- ними по строю, оборотамъ и языку къ малорос- сійскимъ пѣснямъ.

Во главѣ настоящаго изданія такимъ образомъ помѣщаются, вслѣдъ за переводами старо-русско- го «Слова о полку Игоревѣ», переводы съ от- дѣльныхъ парфій теперешняго русскаго языка. За-то далѣе слѣдуютъ уже переводы пѣсней, при- надлежащихъ другимъ великимъ отраслямъ сла- вянскаго племени. Первое мѣсто отведено тутъ пѣснямъ юго-славянскимъ: сербскимъ и болгар- скимъ, тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ между собою и нерѣдко даже поистиннощими (въ от-

дѣлѣ собственно этическомъ) объ однихъ и тѣхъ же поэтическихъ личностяхъ и событіяхъ. Связ- нанные между собою единствомъ вѣры и, во мно- гихъ отношеніяхъ, судьбы историческія, сербы и болгары вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрою и устойчиво- стью въ нихъ (не смотря на турецкое иго) своеобразныхъ славянскихъ началъ близайшимъ образомъ связаны съ нами русскими, да и самимъ языкомъ ихъ, не смотря на извѣстную приписку турецкихъ словъ, ближе подходитъ къ нашему, чѣмъ языкъ большей части другихъ славянъ. Дѣло въ томъ, что владычество турокъ, какъ бы ни было тяжело оно со стороны внѣшней, не дѣйствительно такимъ разлагающимъ образомъ на внутреннюю жизнь народа, на самобытность и независимость его народнаго личноты, какъ оно было у славянъ западныхъ подъ вліяніемъ гнѣмцевъ и ихъ раз- личныхъ союзниковъ. Конечно, никакія наслія турокъ не сравнятся съ тѣми, какія несли тамъ по преимуществу многострадальныя между запад- ными славянами чехи послѣ своей бѣдственной гусетской поры, когда они такъ рѣшительно опередили остальную Европу, которая именно за такую ихъ дерзость и пашалями пади пади ими такъ долго и такъ пенство *)). Понятно, что подъ вліяніемъ такихъ несправностей у народнаго про- грана въ Чехіи могла быть надолго пришиблена и самая историческая память — и въ устно-на- родной поэзіи чеховъ дѣйствительно замѣтитъ огромный пробѣлъ: полнѣйшее отсутствіе тѣхъ пѣсней, которыя замѣняютъ для народа исторію и соотвѣственно этому называются у насъ *бываема* или *старинами*. Напротивъ, именно этими пѣснями пенстоими богатырь сербы, прямо переносившіе въ этомъ отношеніи передъ всѣми другими славянами. Стоитъ вспомнить при этомъ съ другой стороны про отсутствіе *бываема* от- дѣла у бѣлорусцевъ, которое объяснено было выше силою испанскаго гнета. А между тѣмъ вѣдь наши, угнетавшіе Бѣлорусскій народъ, не были какою-нибудь чуждою, однородною или нехристианскою силою: это были свои же братья славяне, только принадлежавшіе особой славян- ской отрасли. Но гнетъ познать въ Бѣлорусіи все же можетъ быть объясняемъ и тѣмъ, что

*) Что касается этого *переводно* значенія чеховъ въ гу- сетскую пору, то я могу сослаться даже на писателя, кото- рого, конечно, никто не можетъ упрекнуть въ вліяніемъ пристрастія къ славянству, а именно на А. И. Шмидта. (См. его «Обзоръ Исторіи Славянскихъ Литературъ», стр. 285.)

*) Villemarqué, Barzaz Breiz, предисловіе къ 4-му изданію

сами они смотрѣли на себя, какъ на людей иной, высшей вѣры, которая заставляла ихъ видѣть въ русскихъ чуть-ли не иноподобъ. А что же представляла намъ сама Польша, Польша въ ея народныхъ предѣлахъ, помимо всякихъ захватовъ у Руси? Развѣ не такой-же точно гнетъ, какъ и въ белоруси, испытывалъ *польскій* простой народъ подъ вліяніемъ *польскаго* панства? Вотъ этимъ же самымъ гнетомъ объясняется и отсутствие въ польской народной словесности, какъ и въ белорусской, піесень высшаго, героическаго содержания, піесень такъ называемыхъ былевыхъ. И вотъ ещѣ съ этимъ отсутствіемъ ихъ у угнетенныхъ *своими* же вельможествомъ поляковъ сопоставивъ широкое процвітаніе подобныхъ піесень у сербовъ, не смотря на вѣковое владчество надъ ними *чужого* и *многотнаго*, притомъ даже *христианскаго* народа — турокъ, то невольно придется прийти къ заключенію, что общественная порабощенность народа во сто кратъ хуже, чѣмъ его политическая подвластность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и у насъ на Руси двухвѣковое иго татаръ породило гораздо менше золь, чѣмъ поздѣйшая и нѣсколько долѣ продолжавшаяся *закрѣпощенность* народа. Извѣстно, что и намъ русской былевой эпосъ въ наибольшей подлѣтѣ сохранился на той сѣверной намѣй окраинѣ, куда не проникло крѣпостное право.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что судьба народной словесности, какъ и судьбы народовъ, не вездѣ одинакова. Съ одной стороны словесность народная, какъ и самый языкъ, составляетъ достояніе всенародное: нѣтъ народа безъ языка, и нѣтъ народа, языкъ котораго бы доходилъ бы до созданія піесень. Но чѣмъ болѣе доходитъ въ себѣ народъ *задатковъ* исторической жизни, тѣмъ богаче, глубже, многостороннѣе становится его піени. Появленіе въ народной словесности такъ называемыхъ у насъ *быль* или *старинъ* служитъ первымъ признакомъ пробужденія во всей громадѣ народной *историческаго самосознанія*. Такое самосознаніе можетъ не пробудиться — и подобная піени не являющаяся; или оно можетъ пробудиться, но потомъ заглухнуть подъ вліяніемъ поздѣйшихъ неблагоприятныхъ вліяній — и подобная піени исчезаетъ изъ памяти. Народная словесность такимъ образомъ представляетъ свои послѣдовательныя ступени развитія, но не всякій народъ проходитъ эти всѣ и не всякому удается при этомъ спастись, какъ и въ самой исторической жизни,

отъ поворотовъ вѣсти. Съ другой же стороны народъ, въ силу своихъ историческихъ способностей и удачности достигнута въ своей устной словесности самой высокой ступени, при дальнѣйшихъ успѣхахъ своихъ и удачахъ на историческомъ поприщѣ, долженъ неминуемо опуститься упадка и разложенія въ области устнаго творчества, которое должно все болѣе и болѣе вытѣсниться литературною дѣятельностью, и тѣмъ быстрее должно пойти подобное вытѣсненіе, чѣмъ непосредственнѣе будутъ участвовать въ литературной дѣятельности силы *всего народа*, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ непосредственнѣе будутъ пользоваться ею весь народъ.

Если сербскій народный эпосъ занимаетъ такое первенствующее положеніе въ народной словесности славянъ, то это служитъ съ одной стороны признакомъ богатыхъ задатковъ для исторической жизни въ сербскомъ народѣ, указывая на то, что задатки эти не были приняты и турецкими игомъ, съ другой же стороны это объясняется тѣмъ, что въ литературной дѣятельности сербской, послѣ ея старшихъ, да и то далеко не самостоятельныхъ зачатковъ, произозшло продолжительный перерывъ и застои; нѣвѣрныя же понятія сербовъ на литературномъ поприщѣ еще очень далеки отъ того, чтобы повести къ ослабленію народнаго творчества. Сербскій былевой эпосъ, сохранившійся даже въ болѣе поздней и неспорочности, тѣмъ намъ русской, уступаетъ этому послѣднему только въ *обедненности*: не смотря на то, что не только многія изъ дошедшихъ до насъ русскихъ былины не только или значительно подновлены, но что многія изъ нихъ, очевидно, совсѣмъ забыты, и въ намѣхъ эпосъ такимъ образомъ существуютъ большіе пробѣлы — и въ тѣхъ, такъ сказать, уже *развалинахъ*, которыя у насъ сохранились, замѣчается такая стройная замѣнутость въ одинъ кругъ (я разумю кievскій) и сосредоточенности вокругъ одной, нравственно перенутенной личности (Нали Муромца), какая сербскимъ народнымъ піени не достигнута. Это нѣмалѣе соотнобствуетъ тому, что и въ исторической жизни русский народъ достигъ, разумѣется, большаго, чѣмъ народъ сербскій, а то уже разлагающагося состоянія, въ какомъ дошелъ до насъ русский эпосъ, объясняется съ одной стороны вышеупомянутымъ прирѣвнующимъ дѣятельнѣе крѣпостнаго права (въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно господствовало), съ другой же намъ стоитъ только

назвать Ломоносова, Погодина, Слѣпушкина, Кольцова, Икитина, чтобы дать почувствовать, что нѣкоторая часть общенародныхъ умственныхъ силъ уже отводится у насъ въ области переробитнаго творчества въ область литературы. Тоже самое обстоятельство, даже еще въ сильнѣйшей степени, обнаружилось въ текущемъ столѣтіи у чеховъ и у словаковъ, и это въ свою очередь объясняетъ уже проявляющійся у нихъ упадокъ народнаго творчества, имѣющей усиливаться — чѣмъ дальнѣе, тѣмъ болѣе.

Только что изложеннаго обстоятельства достаточно, кажется, объяснить, почему для сербскихъ народныхъ піесень отведено въ настоящемъ изданіи такъ много мѣста. А соотвѣтственно этому у нихъ придется сказать всего болѣе и въ моемъ вступительномъ очеркѣ.

Сербскій народный эпосъ отличается отъ нашего русскаго тѣмъ, что, особенно живо помня о порѣ непосредственно предшествовавшей турецкому нашествію и непосредственно слѣдовавшей за нимъ, онъ сохранилъ только самыя темныя воспоминанія о древнѣйшій порѣ, тогда какъ въ нашемъ русскомъ эпосѣ какъ бы застывшая представляется именно пора древнѣйша кievскаго и къ ней, съ ея столькимъ (хотя и сильно обоснованнымъ) княземъ Владиміромъ, приурочиваются поздѣйшія историческія событія. Напротивъ того въ сербскомъ эпосѣ даже далеко не столь старыя и нѣмалѣе блестящія царь Душанъ († 1356 г.), этотъ главнѣйшій изъ представителей кратковременнаго могущества Сербіи, стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ господствующаго течения событий эпическихъ. Вызванъ о царѣ Стефанѣ и затрогивають — то болѣею частью только различная и притомъ чисто баснословная обстоятельство изъ приписываемой ему частной жизни, и нѣмъ остается почти совершенно чуждо историческое его значеніе. Но оно вѣдь и не могло привѣсть къ себѣ сочувственнаго участія народа, потому-что весь бѣежскій и могучество, приданное Душаномъ Сербіи, былъ чисто искусственный, а потому и непрочною соейства. Душану хотѣлось построить Сербію по извѣстному ему властолюбивому воображенію византийскаго государственному образцу, но это было противно природнымъ условіямъ Сербіи и народъ отнесся къ этому безучастно. Собственно одна ибѣня сербская, помѣщенная у насъ въ самомъ началѣ, при всей легендарной своей обстановкѣ, отчасти отражаетъ въ себѣ историческое значе-

ніе дари Стефана — и отражаетъ въ несочувственномъ свѣтѣ. Происходившее при немъ столкновеніе народнаго сербскаго и византийскаго взгляда на вещи выражають тутъ въ двоякомъ образѣ дѣйствій царя Стефана на заданномъ имъ именованіи порѣ. Въ началѣ его царя Стефанъ, по народному, для всѣхъ равно обязательному закону гостепріимства, самъ присуждается своимъ гостямъ (какъ и намъ Владиміръ князь столбно-кievскій). Но сидѣе за столомъ у царя духовенство является представителемъ византийскаго взгляда, когда говоритъ, что смотрѣть на это зорно, что на то у него царя есть слуги. Стефанъ немедленно *соблазняется* такимъ взглядомъ и перестаетъ присуждать, но самъ небеснѣйшій поворотнѣе царя, Стефанъ архангелъ, становится противъ зараженнаго чуждыми понятіями духовенства на сторону народнаго взгляда, и переставая прислуживать царя своими крѣпкими — за то, что онъ не смирился духомъ.

Къ числу историческихъ лицъ, предшествовавшихъ турецкому игу и занесенныхъ въ народный эпосъ, принадлежитъ и *князь* Вукашинъ, имѣющій съ этимъ званіемъ получашій почти неограниченную власть при молодомъ преиницѣ царя Стефана, Урошѣ, котораго онъ и убилъ потомъ какъ бы изъ благодарности. Эпосъ остается вѣрнѣе исторіи, выставляя Вукашина въ самомъ несочувственномъ свѣтѣ; но похождения, приписываемыя ему, на половину баснословнаго свойства. Одно изъ нихъ заключается въ томъ, что онъ вѣроломнымъ образомъ губитъ воеводу Момчила, при помощи измѣнчиваго ему жены (такихъ жонъ-измѣнницъ — множество въ эпосѣ всѣхъ народовъ), но, по собственному соейству умирающаго, не беретъ участія въ преступленіи за себя, болѣе, что она и ему измѣнитъ, а женится на вѣрной сестрѣ Момчила, Евросинѣ. Другое похождение Вукашина помѣщено въ настоящемъ изданіи; это — «Погрѣбене Свадра». Въ основу легло тутъ старинное мѣстное повѣріе, существующее въ эпосѣ разныхъ народовъ, что для успѣха извѣстнаго предпріятія нужна челоувѣскаго жертва. Въ сербской піени жертва этой грѣбеть *ома*, одно изъ тѣхъ, довольно часто въ нихъ попадающихся, мѣстныхъ женскихъ существъ воздушнаго свойства, которыя представляются живущими на высокихъ горахъ и въ каменныхъ нещарахъ у воды. Желая спасти отъ роковой смерти свою жену, Вукашинъ, совершенно согласно съ основными чертами своего

права, нарушать данную имъ передъ братьями клятву молчать и предоставить это дѣло судьбѣ. Столько же вѣроломными оказывается, впрочемъ, и второй братъ, Улгына; зато вѣрными клятвѣ остаются третій — такую правдивостью напоминаяй сочувственный типъ младшаго брата во всенародныхъ сказкахъ. Угасшая развязка пьесы поэтически смягчается тѣмъ, что юная жена Гойки, закладываемая въ стѣну, и послѣ смерти сохраняетъ способность пѣть грудью своего младенца — черта, объяснимая всенароднымъ вѣроуменіемъ въ продолжающія сношенія между мертвыми и живыми. Нельзя не замѣтить, что самими вероубитыми временами отзывается въ нашей пьесѣ исправленіе самими жонами вѣроубитъ служебныхъ обязанностей, напоминающее типъ Навзикая въ «Одиссеѣ»; съ другой же стороны дотошная грубость воиной слышна въ просьбѣ неслезливо Гойкивица — на деньги ея матери купить рабыню и заложить ее въ стѣну вмѣсто нея.

Отголосокъ той же грубой патриархальной поры слышится и въ большой пьесѣ про баюничка Страхины, жена которого уведена турками, родной же ее отецъ не хочетъ отпустить на выручку къ ней ее братьевъ, на томъ основаніи, что ей послѣ этого не быть уже женою Страхины и лучше ему поискать другой. Зато въ этой же самой пьесѣ оказывается замѣчательная смягченность — сравнительно со сходными сказаніями про расправу музда съ женою-извиницей у разныхъ народовъ. Вмѣсто обычнаго въ этомъ случаѣ жестокаго самосуда, Страхины не только сама прощаетъ жену свою, но и не позволяетъ отцу ее и братьямъ дотронуться до нея пальцемъ. Наконецъ проявилась человечности служить въ этой пьесѣ и то, что Страхины отпустилъ пѣнаго деришпа на свободу, повѣривъ его честному слову. Черта эта вполнѣ соответствуетъ свидѣтельству императора византійскаго Мануила, что у славянъ въ обычай было предлагать воспо-лѣзныимъ, но продолжитъ у нихъ опредѣленнаго срока, выкупаться на волю, или оставаться жить вмѣстѣ съ ними въ качествѣ уже свободныхъ людей.

Мѣстомъ, гдѣ происходитъ бой Страхины съ обидчикомъ туркомъ, служитъ знаменитое въ эпосѣ и исторіи печальное памяти Косово поле. Надо замѣтить однако же, что оно является въ сербскомъ эпосѣ такимъ же обычнымъ провинцемъ поля вообще, какъ въ нашихъ былинахъ Куликово поле, а потому и пѣтъ основанія въ

боѣ Страхины съ Вахъ-Дайей видѣть одинъ изъ эпизодовъ знаменитой косовской битвы, участниками въ которой являются, это правда, и Страхины и его тесть съ шурыками, но уже въ особѣхъ пѣсахъ, относящихся къ пѣсколо подпѣшной порѣ эпиской. Предфѣтеиъ этой поры является сонъ, упоминаемый въ пѣснѣ о «Сербской церкви», какъ она называется въ переводѣ А. Н. Майкова («Зданіе Раваниде» въ сборникѣ Вука Караджича). Впрочемъ, это не столько переводъ, сколько весьма даже вольное воззоданіе, и самый сонъ царца съ его разгадкой принадлежитъ не сербскому подлиннику, а нашему поэту, хотя нельзя не сознаться, что онъ совершенно въ духѣ народнаго эпоса. Въ подлинникѣ царца просто указываетъ царю Лазарю на то, что слѣдуетъ же и ему, но примрѣ предковъ, выстрѣить стрѣлы на воиницъ души; а наша поэма же за тѣмъ билетательна затѣя царя и скромный советъ Милоша, съ указаніемъ на предстоящее нашествіе турокъ, передана г. Майковымъ совершенно вѣрно. Царь Лазарь, какъ извѣстно — лицо историческое. Выбъ сперва сапожникомъ при царѣ Стефанѣ Душанѣ Сильномъ и потомъ нашествіемъ духомъ отдѣльных областей въ сербскомъ царствѣ, онъ впоследствии достигъ самодержавной власти и положилъ конецъ междоусобицѣмъ, сдѣлавшимъ за смертью Душана. Спокойствіе, доставленное имъ Сербин, было однако же не надолго: турки, съ которыми имѣлъ уже дѣло кралъ Вуканшичъ (убитый послѣ прирапальной битвы съ ними въ 1371 г.), немилосудно угрожалъ самостоятельности Сербин, какъ о томъ пророчили, по свидѣтельству Милоша, святаго старинныхъ книгъ (внѣше староставле). Милошъ — также лицо историческое, одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей въ роковой борьбѣ съ турками и одинъ изъ любимыхъ героевъ народнаго эпоса. Въ особомъ пересказѣ пьесы о построении царемъ Лазаремъ церкви, онъ становится спасителемъ отъ лютыхъ казни братьевъ царца Милуци, Юговичей, и отца ея Югъ-Богдана, навлекшихъ на себя овалу царскую страшнымъ користолоубіемъ, выказаннымъ имъ при вѣрнопле но имъ наблюденіи за постройкою церкви*). Такимъ образомъ Юговичи со своимъ старымъ отцомъ являются съ самой непривлекательной стороны не въ одной только пьесѣ про баюничка Страхины. Между тѣмъ тѣ же самые Юговичи

* Вука Караджича «Сербіа Пѣсни», ч. II, № 36.

становятся безстрашными защитниками отечества въ пѣсахъ про косовскую битву — подъ пострашимымъ влияніемъ того могучаго общенароднаго чувства, которое бываетъ въ состояніи охватывать и проводитъ сквозъ свое очистительное горѣніе и такихъ людей, которые, каждый самъ по себѣ, въ отдѣльности, отлучаются совершенно дрянностью. Юговичи, какъ и все вокругъ нихъ, боится быть прозванными окашными трусами и измѣнниками и слагаютъ свои буйныя голды и измѣнники въ слабую свои буйныя голды (спасается только младшій) вмѣстѣ со старикомъ Югъ-Богданомъ, въ обыкновенное время, какъ видѣли мы, стоявшимъ не выше ихъ въ правдивомъ отношеніи. Но не побоялся прозваться измѣнникомъ безстыднй Вукъ Вранковичъ, зотъ Ганелонъ народнаго сербскаго эпоса*), зато и пропаламши въ каждой изъ пьесъ про косовскую битву. По исторіи женатыи на одной изъ дочерей Лазаря, какъ и Милошъ, Вукъ находился съ этимъ послѣднимъ въ давнишней личной враждѣ, и самая клевета на него передъ Лазаремъ, будто бы онъ хочетъ ему измѣнить, (съ большой головы на здоровую!) существуетъ не только въ эпосѣ, но есть историческій фактъ, засвидѣтельствованный сербскими и греческими писателями, равно какъ и убіеніе Милошемъ султана Мурата**). Въ одной изъ пьесъ про косовскую битву участникомъ въ ней становится и кралъ Вуканшичъ, подобно Юговичамъ съ ихъ отцомъ заглагоживающей свои преступленія славною смертью — но исторіи же, какъ видѣли мы, Вуканшичъ погибъ еще въ 1371 г., тогда-какъ косовская битва была въ 1389 г.).

Прекрасная сербскія пьесы про косовскую битву, какъ не трудно замѣтить, отличаются, за весьма немногими исключеніями въ частности, первенствомъ историческаго строя. Въ нихъ даже почти незаметно той обычной въ эпосѣ примѣси чудеснаго, въ силу которой одиночные богатыри народные расправляются съ цѣлыми вражьиими полчищами. Собственно только въ пьесѣ про Юричица Янка чисто-богатырская, но и то уже знаительно угрѣбренная, стихія сказывается въ томъ, что одинъ онъ удачно совершаетъ расправу съ цѣлыми двумя стами илчаровъ. По внутреннему способу построения пьесы о косовской битвѣ

пропикнута мужественною грустью и какою-то особенною покорностью поэтичному року. Въ одной изъ нихъ роковое принимаетъ христіанскій вѣропонѣднй отгнотъ, должностивую успокоительнымъ образомъ дѣйствовать на оскорбленное народное чувство. Царю Лазарю будто бы былъ предоставленъ выборъ между земнымъ и небеснымъ царствомъ, и онъ будто бы самъ предпочелъ мученическимъ исходомъ борьбы съ невѣрными кунить царство небесное, потому что оно — на вѣки, земное же не надолго.

Въ пьесѣ о Юричицѣ Янкѣ участникомъ косовской битвы является и знаменитый королевичъ Марко. Сюето рода намекъ на это изберается и въ пьесѣ про Марка и сокола, гдѣ зотъ по слѣдній спасается Маркомъ именно во время битвы съ турками на косовомъ полѣ. Между-тѣмъ все остальные пьесы выставили Марка, согласно съ исторіей, не супротинникомъ турокъ, а вѣрнымъ, хотя и по дающимъ себя въ обиду, слугою султана. И при всемъ томъ Марко — любимый богатырь сербскій, представитель цѣлаго особаго круга эпискаго, круга, стоящаго въ сторонѣ отъ пьесъ про косовскую битву. Службу своего первенствующаго богатыря туркамъ народъ объясняетъ себѣ пострашимымъ предоступленіемъ. Сюда относится пьеса «Судъ королевича Марка», или, какъ она озаглавлена въ сербскомъ подлинникѣ, «Урошь и Мрлявичевичъ». У малолѣтнаго Уроша, сына царя Стефана Душана, оспариваютъ царскій престолъ трое синоуевъ Мерлявца, тѣ самые, что являются дѣйствующими лицами въ пьесѣ о «Построеніи Саграда». По ескен тамъ, какъ видѣли мы, одинъ изъ братьевъ, младшій, отличается великодушіемъ правдивости, то тутъ все трое въ одинаковой степени руководятся только лично своей выгодой. Съ другой стороны, въ той пьесѣ не совсемъ-то честно дѣйствующую, ради спасенія своей жизни, является и жена Вуканшича; здѣсь же она, напротивъ того, внушаетъ своему сыну Марку, что лучше преждевременно сдѣлать голову пѣямъ принять грѣхъ на душу. И въ другіихъ пьесѣхъ про Марка, мать его Евроима постоянно является съ самой сочувственной стороны, возстава противъ провинца напращей крови и силою своей материнской власти смягчая суровость сына. Но если она такимъ образомъ выставляется въ сербскомъ эпосѣ вполнѣмъ заглаживающею единственныи свой недобрый поступокъ, то совершенно напротивъ того Вукан-

* Ганелонъ — извѣстнй предатель французовъ при Роосвиллѣ, виновникъ гибели Роланда — въ знаменитой народно-эпиской пѣснѣ «Chanson de Roland».

**) См. А. Соколова: «Объ историческихъ народнхъ пѣсахъ Сербовъ», Казань, 1834, стр. 24—25.

шинь все дагђе и дагђе затигивается въ преступлєніи — въ исполненіи драматизма течєніи пїсень про тяжбу его и братьевъ съ Урємемъ. Правильный судъ Марка въ этомъ дѣлѣ до того озабляетъ Вукашина, что онъ едва не становится убійцею своего сына, когда же оказывается, что вмѣсто Марка онъ поразилъ ангела, то мысль о карѣ, которая можетъ ему грозить за подобное святотатство, вмѣсто того, чтобы смирить Вукашина, только подстрекаетъ его отомстить виновнику-сыну самую ужасною местию — совершить надъ нимъ нравственное убійство, обрекая его на служеніе туркамъ. Злое заклятіе Вукашина сбывается съ тою неотразимою силою, съ какою вообще дѣйствуетъ, по первоначальному народному вѣрованію, всякій заговоръ, съ какимъ бы злымъ умысломъ онъ ни соединялся и какъ бы ни былъ невиненъ тотъ, противъ кого онъ направленъ. Но злему заклятію Вукашина противопоставляются благословенія благодарнаго Марку Урєма, дѣйствующія съ тою же неотразимою силою, но, при всей болгарской славѣ и доблести, наговариваемой нимъ на Марка, несли такъ немощны снять съ его головы роковое служеніе султану. Такъ вотъ каковыя способности объясняетъ себѣ народъ то внутреннее противорѣчіе, которое такъ обидно его поражаетъ въ его любимомъ богатырѣ.

Впрочемъ изъ цѣлаго ряда пїсень про Марка видно, что и слуга туркамъ онъ заставляетъ ихъ уважать себя и въ своихъ лицѣ народную сербскую судъ, вмѣстѣ же съ тѣмъ является, подобно нашему Ильѣ Муромцу, *спотасемъ* за народъ, за слабыхъ и сирыхъ. Великій цѣнитель народнаго зноса, Яковъ Гриммъ, приводитъ, въ видѣ диковина, мнѣніе о любимомъ сербскомъ героѣ автора сербской исторіи, Энгеля: «судя по пїснямъ, это былъ такой же сорви-голова на войнѣ, какъ няница и кутила въ другое время». — «Мнѣ бы хотѣлось знать, спрашиваетъ Гриммъ, достало ли бы у какого-нибудь испанскаго или французскаго историка смѣлости, чтобы подобнымъ образомъ предать поношенію такихъ народныхъ героевъ, какъ Сидъ и Роландъ?»^{*)} Гриммъ очень хорошо понимаетъ, что на какого бы героя народнаго ни посмотрѣть съ той узкой точки зрѣнія, какою, очевидно, задается Энгель, всякій бы изъ нихъ могъ предстать и сорви-головой,

и няницей. Но надо быть болѣе чѣмъ близорукимъ, чтобы изъ-за этихъ грубыхъ сторонъ болгарской природы (по своимъ основнымъ чертамъ единой у всѣхъ народовъ) не видѣть въ народныхъ герояхъ ничего другого, чѣмъ, перидко высшихъ проявленій человѣческаго достоинства, которыя существуютъ въ зносахъ каждаго народа и у каждаго получаютъ свой особый народный отбѣнокъ.

Сербскій Марко-королевичъ не только грубъ, но и безчеловѣченъ въ пїснѣхъ объ арапской царевнѣ, которую, изъ-за ее безобразія, онъ такъ ужасно отблагодарилъ за оказанное ему благодѣяніе, хоти и тутъ, какъ въ сербскомъ, такъ и въ болгарскомъ пересказѣ, лучшая сторона Марка уже заставляетъ его глумиться надъ его поступка и горько каяться въ немъ передъ Богомъ. Но съ другой стороны какая мягкость — хоти бы въ заботахъ Марка о сококлъ на Косовомъ полѣ, мягкость, впрочемъ, напоминающая цѣлый рядъ общенародныхъ сказаній о молодцѣ, сострадательномъ и къ животнымъ, и о благородности этихъ послѣднихъ. За-то уже совершенно своеобразный славянскій отбѣнокъ принимаетъ мягкость Марка въ пїснѣхъ о немъ и богѣ Костадинѣ, которому онъ ставитъ на видъ его три *нечовѣштва* (безчеловѣчія), изъ раду конкъ особенно выдаетъ прогнанія имъ изъ-за стола сироты, которыхъ сострадательный Марко одѣваетъ въ богатѣйшія одєжда, а послѣ этого ихъ радушіемъ образомъ принимаетъ и самъ бегъ Костадинъ. Збота о сиротнѣхъ сказывается въ различныхъ похожденіяхъ Марка, и именно мысль о ней, а также о *мишѣ* и *убогѣ*, заставляетъ его отказываться отъ званія сборщика податей въ пїснѣхъ про «Мишу изъ Костура». Тоже самое начало проявляется и въ нашихъ русскихъ былинахъ, когда, напримеръ, Владимиръ-князь управляетъ обиженнаго имъ Илью Муромца опозититься противъ татаръ — не ради его, князя Владимира, а ради вдовъ и дѣтей. Не желая разжигаться на счетъ этихъ послѣднихъ, Марко не останавливается ни передъ какою опасностью для-защиты слабыхъ. Это съ особенною ясностью видно въ пїснѣхъ о томъ, какъ отбѣнилъ онъ самодѣйный откупъ, установленный арапомъ Саворининомъ на славномъ Косовомъ полѣ, уже принадлежашемъ царю (султану). Пролная, но обаяно многихъ богатырей у различныхъ народовъ, обильныя слезы (даромъ что богатыри грубы), Марко горько тужитъ о томъ, чего пришлось дожидаться Косову полю: «послѣ нашего князя честного (Ла-

зарл) потаній арапнѣхъ осмѣливается на тебѣ судъ судить!» По всею силою пробуждается тутъ въ Маркѣ народное чувство: онъ хочетъ отомстить за своихъ, или погибнуть. Самая пощадя, оказанная имъ въ концѣ четвертъ арапскимъ султаномъ, задушена имъ въ видѣхъ обороны народной: Марко оставляетъ ихъ въ живыхъ для того,

Чтобъ могли они повѣдать людямъ,
Что межъ Мерковъ стоаю и арапомъ.

Ни дать, ни взять нашъ Ильѣ Муромецъ, шадійихъ трехъ вражескихъ королевичей подѣ Черниговомъ, говоря имъ:

Вы чинте вездѣ такую славу,
Что сыята Русь не пуста стоать,
На святой Русе есть силыамъ, могучи богатыри!

Чисто-народное чувство сказывается въ Маркѣ королевичѣ и тогда, когда онъ даетъ почувствовать свою силу султану. Сюда относится пїсния, въ которой узнаетъ онъ сабло своего отца и сноситъ голову турку — его убійцѣ, а также и та, гдѣ онъ ъють вино въ рамазанъ (посѣтъ у турокъ) и такимъ образомъ гордо показывается султану, что турецкій законъ для него не законъ. Есть, правда, и такая пїсния (она не вошла въ это изданіе)^{*)}, гдѣ султанъ засаживаетъ Марка въ тюрьму, но впоследствии ему за-то приходится прибѣгать за помощію противъ враговъ къ тому же Марку, какъ нашему князю Владимиру въ засаженомъ имъ въ гробѣ Ильѣ Муромцу. И долго не подается Марко, съсылаемъ на свое истощеніе въ тюрьмѣ, такъ-что султану наконецъ приходится съсылать на *сиротинню*, совершенно подобно Владимиру князю, тогда-какъ, надо замѣтить, ни въ греческомъ зносахъ Агамемнонъ, ни въ иранскомъ Рустемъ, ни во французскомъ Карлѣ Великомъ, точно также умоляющію о помощи разбиченнаго богатыря, и не думаютъ умолять его *ради сиротъ*^{**)}.

Цѣлыхъ триста лѣтъ прожилъ Марко, совершая свои богатырскіе подвиги, да послѣ такой долгой жизни онъ умереть отъ руки Божіей, а не отъ оружія врагьяго, потому-что ему, какъ и нашему Ильѣ Муромцу, *смерть на бою была не написана*.

^{*)} Вука Караджича «Сербскія пїсния», ч. II, № 67 (Марко и Муса Кеослѣя)

^{**)} Замѣчательно, что въ этомъ случаѣ предпочтеніе славянскому зносу отдаетъ даже нѣмцкій писатель М. Карпьеръ, въ своемъ сочиненіи: «Die Kunst im Zusammenhange der Culturentwicklung» (кн. III, отд. II, стр. 26).

Но кромѣ того сказанія про смерть Марка, которое передается пїснено о ней, существуютъ другія, по которымъ Марко, подобно нашему Ильѣ Муромцу, подобно западнымъ Фридриху Барбароссѣ и Карлу Великому, подобно наконецъ эстонскому сыну Калевы, заключается въ пещеру. Но наступитъ время, и онъ снова выйдетъ оттуда, и тогда только совершитъ то, чего, въ силу заклятія отцовскаго, не могъ совершить при своей *первой* жизни — освободитъ свой народъ отъ турокъ.

Изъ эпическихъ пїсень, стоящихъ въ сторонѣ отъ двухъ главныхъ круговъ сербскаго зноса, (про Лазаря и про Марка королевича) на первомъ мѣстѣ поставлена въ этомъ изданіи прекрасная пїсния про Симеона-пайденина, сходная по своей основѣ съ известнымъ древне-греческимъ сказаніемъ объ Эдипѣ. Подобная сказанія существуютъ въ различныхъ видахъ у многихъ народовъ, и въ которыхъ, какъ у сербовъ, они до сихъ-поръ сохраняются памятью, у другихъ издавна уже заши въ рукописи и подверглись въ нихъ различнымъ искусственнымъ передѣлкамъ. Пїсния «Сестра и Братъ» также принадлежитъ къ числу сказаній, распространенныхъ у разныхъ народовъ, какъ въ пїсенной, такъ и въ сказочной формѣ. Собственно только пересказомъ ея служить въ отдѣлѣ болгарскихъ пїсень посвящая заглавіе: «Обиѣлъ Врачарина». Пїсния этого рода служатъ отголоскомъ той отдаленной нормы родовой розни, которая съ такою силою сказывается и во множествѣ свадебныхъ народныхъ пїсень. Если самъ женихъ въ этихъ пїсняхъ представляется невѣстѣ *чужимъ чужакиномъ*, то няница и ея отчужденность отъ его родни, способная переражаться въ такую ненависть, для удовлетворенія которой женщина готова пожертвовать даже своимъ младенцемъ. Собственныя дѣти, приносимыя въ жертву мести — черта, довольно распространенная и въ древне-германскомъ зносахъ, закрѣпленная писменностью еще въ средніе вѣка. Существенна и въ теперешнихъ устныхъ сказаніяхъ у различныхъ народовъ, черта эта служить однимъ изъ доказательствъ живучести старинъ въ необыкновенно крѣпкой народной памяти. Такую же отдаленную стариню отгадываетъ у различныхъ народовъ и сказаніе о злой свекрови, уже довольно смѣгчаннымъ видомъ котораго является трогательная сербская пїсния про Югу и Мару: въ этой пїснѣ мы представляется только *различіемъ* между си-

номъ и его милой, тогда-какъ во многихъ сказаніяхъ она прямо оказывается *убиительною* женою своего сына. Пьеса про Ваню-Годуя Котому принадлежитъ къ разряду пьесъ про похищеніе невесты, также весьма распространенныхъ повсюду и во всевозможныхъ видахъ. Известно, что насильственный увозъ невесты былъ древнѣею формою брака у всѣхъ народовъ. Въ нашей пьесѣ увозъ *обманомъ*, получающій особый оттънокъ оттого, что тутъ ловкостью молодого героя проведены обидники сербскаго народа — турки.

Всѣ эти пьесы могутъ быть отнесены къ разряду сказаній въ частной жизни, основа которыхъ — общенародная. Это совсѣмъ не то, что энцикла пьесы первыхъ разрядовъ, отличающіяся по преимуществу своеобразиемъ. За-то опять на мѣстную историческую почву, и притомъ на почву повѣдную историческую, переносятъ пьесы изъ войны сербско-мадлярской, помѣщенная въ самомъ концѣ энциклаго отдѣла, и особенно интересная потому, что она, очевидно, сложилась по свѣдѣніямъ слѣдамъ событія. Такия пьесы, впрочемъ, слугаютъ у сербовъ чрезвычайно легко, но слугаютъ, какъ можно видѣть и по помѣщенному въ этомъ изданіи образцу, изъ давнишняго зааса поэтическаго оборотовъ и образовъ, только прирѣзняемыхъ къ современнымъ событіямъ. Последніе два тома сборника сербскихъ пьесъ Вука Стефановича Караджича именно и занимаютъ такия пьесы, которыя слугаютъ, можно сказать, поэтическою современною лѣтописью Сербіи.

При множествѣ пьесъ чисто энциклаго строю, сербы могутъ похваляться и прекрасными лирическими пьесами, образцы которыхъ составляютъ въ настоящемъ изданіи цѣлый особый отдѣлъ. Лирическимъ, впрочемъ, онѣ могутъ быть названы собственно потому, что въ каждой изъ нихъ выражается одно господствующее душевное настроеніе — по преимуществу настроеніе любящихся сердецъ — по выражается оно въ формѣ все-же по большей части энциклаго, иногда же и драматической, т. е. въ видѣ объема рѣчи между двумя дѣйствующими лицами, къ числу которыхъ иной разъ принадлежатъ и конь, надѣляемый тутъ, какъ и въ энциклаго пьесахъ, способностью *проявлять*.

Въ самомъ концѣ мелкихъ пьесъ помѣщена опять чисто энциклаго, принадлежащая къ довольно распространенному роду сказаній про *тичю свадьбу*, сказаній, не лишенныхъ юмор-

стическаго оттънка *). Это небольшой образецъ того рода народной словесности, изъ котораго выработалась весьма извѣстный родъ литературныхъ произведеній — басни.

Въ пьесахъ сербскими помѣщаются находящіяся съ ними въ ближайшемъ родствѣ болгарскія. Про двѣ изъ нихъ уже сказано выше, такъ какъ онѣ, собственно говоря, только особые пересказы пьесъ, имѣющихся и въ Сербіи. («Неповѣдь Марка-королевича» и «Обитель Врачаринца»). Но така и большая часть прочихъ, вошедшихъ въ это изданіе. «Денитѣя короля Шпшмана» въ очень близко подходитъ къ сербскому эпосъ къ «Денитѣй Душана»; по и та и другая — только особый видъ того всенароднаго сказанія про опасное сватовство, отрыскомъ котораго являлось и наше русское про женихъ Владиміра князя. Что касается болгарской пьесы про поводу Дойчина, то она совершенно близко подходитъ къ сербской про большого Дойчина **), обѣ же вмѣстѣ являюся только вариация на всенародную тему измѣны жены. Прямо противоположнаго содержанія пьеса про Марковичу, вѣрную жену Марка королевича, которой вѣтъ соотвѣтственной въ сербскомъ эпосѣ. Довольно своеобразна также и пьеса о томъ, какъ Марко отыскиваетъ своего брата, хотя вѣтъ подобное ихъется и въ сборникѣ сербскихъ пьесъ Юкича и Любича. Въ пьесѣ болгарской особенно замѣчательны *золотые волосы* Марка королевича — черта, которой соотвѣтственная ихъются въ сказкахъ и основа которой должна быть мифическая. Что касается «Марка и Филина Мадрина», то это опять только особый пересказъ пьесы, имѣющейся и у сербовъ. Сродною по содержанию оказывается и пьеса про Марка и Филина Сокола. Попадающаяся въ ней множеская же черта — сюжетъ обратимства (нашего русскаго названію или *крестоваго братства*) между Марвомъ и Самодиною (тоже, что у сербовъ *ома*) встрѣчается въ свою очередь и въ сербскихъ сказаніяхъ про Марка. Въ концѣ пьесы болгарской замѣчательно то, что Марко требуетъ отъ Сокола девятилѣтней службы. Если сопоставить это съ девятилѣтнимъ же пѣномъ деревца у баночка Страхилы, то придется заключить, что, подобно Страхилѣ, и Марко по истеченіи этого срока дол-

*) Такия пьесы повсюду и въ русскихъ сборникахъ — подъ заглавіемъ: «Каково птицажъ жить на Русѣ».

***) Вука Караджича «Сербскія Пьесы», II, № 78.

женъ вынуть изъ свободу своего пѣльника — по старославянскому вышеуказанному обычаю.

Прочіе болгары и сербы, въ одной съ нами юго-восточной отрасли славянскаго племени относятся, по повѣтовому дѣленію знаменитаго Шафарика, и хоругатану, живущіе въ австрійскихъ областяхъ Штирці, Каринтіи и Крайніи. Пьесы хоругатанія, на этомъ основаніи, и помѣщаются у насъ вездѣ за болгарскими. Самая большая изъ нихъ и наиболѣе проникнутая энциклаго стремъ — про женихъ короля Матвея — по основѣ своей, какъ легко замѣтитъ читатель, напоминаетъ сербскую пѣсню про Марка королевича и Милу изъ Костура. Другая энциклаго же пьеса — про молодую Вреду — есть лишь одно изъ сказаній про *злую свекровь*. Особенность хоругатаніи пьесы составляетъ то, что засть свекрови тутъ объясняется ея принадлежностью чуждому, турецкому племени, тогда-какъ, напримеръ, въ нашихъ русскихъ соотвѣтственныхъ пьесахъ (послужившихъ основаніемъ для драмы г. Часна «Свекровь») она такая же русская, какъ и голыма ея невестка. По съ другой стороны надо замѣтитъ, что въ свадьбныхъ нашихъ пьесахъ, гдѣ столь ужаснымъ образомъ представляются и будущая свекровь и женихъ-чужанинъ, этотъ послѣдній также выставляется иногда принадлежющимъ къ чуждому, напримеръ, литовскому племени. Первоначально же чужданіемъ его дѣлава просто его принадлежностью *чуждому роду*, и всѣ пьесы и сказанія этого разряда происходятъ отъ отдаленныхъ временъ *родовой разрозненности* и тѣсно съ ней связаннаго насильственнаго захвата невесты. Трогательная пьеса про сиротку Ерицу сложена на любимую всенародную тему — о *злой мачихѣ*. Что же касается той вѣсной смерти отъ горя, какою умираетъ Ерица, то подобная сила горя очень часто выставляется и въ сербскихъ пьесахъ, и жертвою ея становится тамъ не только вѣчная женщины, но и твердые мужички. Совершенно знакомо представится каждому читателю пьеса про Алесѣя: это только особый изводъ народной пѣвнейшей пьесы, послужившей основою «Денорѣ» Бюргера, такъ прекрасно возроданной нашимъ Жуковскимъ. Но пусть читатель не спѣшитъ заключить, что пьеса эта непременно заимствована хоругатанамъ и вѣднѣтъ: довольно сходная существуетъ также у галчанянъ; и хотя и эти послѣдніе, при своихъ сношеніяхъ съ пѣтцами, также могли бы ее заимствовать, все же надобно по-

дождать, не найдутся ли такия пьесы и у такихъ славянъ, которые болѣе были отстранены отъ вѣтныя пѣвнейшаго, а можетъ-быть, наконецъ, и у другихъ европейскихъ народовъ. Совершенно въ сторонѣ отъ прочихъ стоитъ чисто лирическое, по своему строю, пѣсню о *преступникѣ*, отличающаяся своего рода правдоуказательностью и христіанскимъ оттънкомъ расказанія въ грѣхахъ. Совсѣмъ не то наша извѣстная русская разбойничья пьеса: «Не пути мати зеленая дубровника», поражающая такою ужасающею ироніей.

Особую отрасль великаго славянскаго племени составляютъ славяне западные, къ которымъ относятся чехи съ моравянами и словаками (находящіеся между собою въ ближайшемъ родствѣ), поляки и сербы-лужичане. Эта отрасль, какъ оно отчасти уже поменено было выше, не можетъ похваляться такимъ богатствомъ народной поэзіи, какъ юго-восточная. Говоря это, я имѣю въ виду гегершій научный составъ народной поэзіи, тотъ навозлѣвшійся пѣвками запасъ пьесъ, который до сихъ-поръ сохранился въ народной памяти. Но если эта послѣдняя у славянъ западныхъ утратила уже весьма многое, сравнительно съ юго-восточной славянскою отраслью, то однѣ изъ западно-славянскихъ народовъ, чехи, можетъ за-то похваляться такими пѣвными произведеніями, которыя, оказываясь, по-крайней-мѣрѣ, весьма близкими къ чисто-народной поэзіи, закрѣпились письменностью еще въ средніе вѣка и дошли до насъ въ отрывкахъ духъ старшихъ рукописей, найденныхъ въ 1817 году. Одна изъ нихъ, такъ называемая зеленорогская, относилась учеными къ порѣ не позде XI вѣка, и если въ настоящее время возникающіе сомнѣнія въ такой ея отдаленной древности, то все же она относится — ужъ по-крайней-мѣрѣ къ исходу среднихъ вѣковъ. Рукопись эта заключаетъ въ себѣ довольно большой отрывокъ пьесы «О судѣ Любуши», этой вѣщей старославянскаго князю, о которой должно было существовать очень много пьесъ, такъ-какъ и тѣ свѣдѣнія о ней, которыя находятся у чешскихъ лѣтописцевъ и хронистовъ — Козьмы Пражскаго (XII), Далмича (XIII—XIV) и Гайда (XVI) — происходятъ, очевидно, изъ эпоса. Дошедшая до насъ пѣсня начинается лирическимъ обращеніемъ къ вѣтъ Благотѣи, обращеніемъ, вполнѣ возможнымъ въ настоящихъ народныхъ пьесахъ и даже прямо наминающимъ начало дашей былинъ про Сухана:

Что же ты, матушка Нлвра рѣка,
Что ты тебѣ не по старому...
А вода съ несомъ поутасла.

Если же Злата мѣтитъ отъ того, что враждуютъ родные братья, то и это возможно въ чисто-народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ одной галичской отъ того что братъ пересталъ говорить съ сестрой — и хлѣбъ пересталъ родиться въ погѣ. Точно также совершенно въ духѣ народной поэзии и являющаяся даже снизу касатки вѣстички. Вражда между братьями, которую приходится разсудить Любушѣ, оказывается такою же враждою изъ-за наследства, какъ и вражда трехъ братьевъ въ сербской былинѣ про судъ Марка королевича, и Любуша, подобно Марку, напускаетъ на себя недовольство — но собственно только старшаго брата, налагающаго на свое право переродства. Значительная разница однако же въ томъ, что Марку въ своемъ рѣшеніи руководится только волею покойнаго царя Душана, тогда-какъ Любуша ссылается на народную волю, на его вѣковѣчный обычай, по которому братья должны имъ владѣть наследственнымъ имуществомъ порознь, или же, если дѣлиться, то по ровну. Къ тому же Любушу поддерживаетъ народъ, по рѣшенію котораго — въ данномъ случаѣ даже не долженъ быть допущенъ раздѣлъ, а братья должны владѣть вмѣстѣ. Яростъ въдѣствие такого рѣшенія старшаго брата, Хрудоша, прямо напоминаетъ яростъ также недовольнаго судомъ короля Вукашина. Хотя дѣло окончательно рѣшено народомъ, Хрудошь вымещаетъ свою злобу на князья Любушѣ. Оскорбленная имъ, она отказывается отъ власти и предоставляетъ народу выбрать на ей мѣсто мужа съ жезляною рукою. За этимъ жезляномъ видѣ рукошн, въ первоначальномъ дѣльномъ видѣ рукошн, выборъ въ князья Премисла нахаря, которому Любуша должна была отдать свою руку, какъ то видно изъ сказаній, вошедшихъ въ чешскія хроникн. Впрочемъ, память объ этомъ событіи сохранилась даже и до-сихъ-порѣ въ одной изъ свадебныхъ чешскихъ пѣсенъ, начатанныхъ въ сборникѣ покойнаго Эрбена (стр. 312). Открылось же, дошедшій до насъ въ зеленогорской рукописи, оканчивается свидѣтельствомъ одного изъ участниковъ народнаго вѣча, Ратибора, что сызлака Хрудоша на свое переродство есть сызлака на вѣмечую правду, а что у славянъ есть своя, завѣщанная имъ отцами.

Вотъ эта-то сызлака на вѣмечую право пер-

вородства и заставляеть, между-прочимъ, вѣнокоричъ учоныхъ думать, что пѣсня о судѣ Любуши никакъ не можетъ относиться къ IX вѣку, потому-что право переродства установилось у вѣмечоу гораздо позже (хотя Шафаричъ и приводитъ вѣнокорича, правда, весьма неясногн свидѣтельства о существованіи его въ Германіи и до X вѣка). Во всякомъ случаѣ, самое противопоставленіе въ нашей пѣснѣ славянскаго права вѣмечоу сохранивъ свою силу. Какъ бы поздно ни являлся въ германскомъ племенѣ майоратъ, онъ однако же въ немъ неустыжна корни, тогда-какъ славянамъ всегда представлялась онъ нарушающимъ *правду* по святому закону. Известно, что даже жезляной рукой Петра Великаго, подъ тяжестью которой сокрушилось столько народныхъ обычаевъ, всестыни не удалось занести у насъ этого западноевропейскаго учрежденія, служащаго одною изъ самыхъ твердыхъ основъ для аристократизма. Не даромъ въ презрительномъ отзывѣ Ратибора о непригодности для славянства вѣмечскихъ порядковъ слышно не чуждое народное самонѣніе, а сознательное неовѣданіе преимуществъ славянскаго равенства.

Но мы видѣли, что народъ, собранный вокругъ Любуши, стоитъ даже не за дѣлежъ по ровну, а за владѣніе безъ раздѣла. Тутъ выражается та особенность древне-славянскаго быта, въ силу котораго уже въ предѣлахъ ея зарождался своего рода *община*. Но еще съ большею ясностію на признаки общины въ самомъ семейномъ быту указываетъ въ другомъ отрывкѣ, сохранившемся въ той же зеленогорской рукописи и обыкновенно нечитаемомъ подъ названіемъ *сейма*. Въ каждой семьѣ, какъ видно отсюда, въ случаѣ смерти ея главы, дѣти начинаютъ править съобща (съобща же пользуются, какъ видѣли мы, родовымъ имуществомъ) и *выбираютъ* себя въ свои владыки (*władcyki si z roda wyberęce*). Вотъ эти то выборные главы семьи и ходятъ за прочіихъ членовъ ея на *сеймахъ*, т. е. такія сходбища, на которыхъ собираются для общаго совѣта представители различныхъ семей. Одинъ изъ подобныхъ сеймовъ и рисуется намъ пѣсня о судѣ Любуши, эта краснорѣчивая, хотя не вполне сохранившаяся картина общинной жизни славянъ, картина, прекрасное впечатлѣніе которой окончательно дополняется этой дѣвой, творящей судъ — блистательнымъ въ свою очередь проявленіемъ одной изъ сторонъ славянскаго равенства, должимаго равенства между обоими полами.

Такимъ образомъ, если пѣсни въ родѣ хорутанской и Бреды* служатъ до-сихъ-порѣ уцѣлѣвшимъ въ народной памяти отголоскомъ временъ, предшествовавшихъ утвержденію общины, предметъ родовой разрозненности со свойственнымъ имъ приращеніемъ женщинъ, то высокое положеніе женщинъ въ «Судѣ Любуши» со всеми другими чертами этой прекрасной пѣсни, несомнѣнно существовавшей уже въ средніе вѣка, говоритъ объ извѣстной смягченности нравовъ подъ вліяніемъ общины, той смягченности, какою съ другой стороны отличаются, какъ видѣли мы, и другія стороны сербскаго устнаго эпоса.

Другая чешская рукопись, также сохранившая намъ древнія пѣсни, это такъ называемая краледворская, которую всегда относили однако же къ порѣ не ранее конца XIII или начала XIV в. Въ «Краледворской рукописи» сохранилось цѣлыхъ 14 пѣсенъ—восемь эпическихъ и шесть лирическихъ. Между-тѣмъ рукопись, писанная самыми мелкими письменами, далеко не полна; скорѣе это только весьма незначительные остатки рукописи. Предметомъ пяти изъ эпическихъ пѣсенъ служатъ историческія войны чеховъ, въ изложеніи которыхъ только весьма мало замѣтна стихія богатырская, а потому эти пѣсни и подходятъ гораздо больше къ «Слову о полку Игоревѣ», чѣмъ къ нашимъ или юго-славянскимъ былинамъ. Если вѣрно мнѣніе, что пѣсни слагаются по свѣдѣніямъ слѣдкамъ событий, то древнѣйшею изъ находящихся въ «Краледворской рукописи» должна быть признана пѣсня про Забоя и Славоя, повѣствующая, какъ полагаютъ, про одинъ изъ тѣхъ боевъ между чехами и франками, которые происходили въ VI, VII и VIII вѣкахъ*). Къ тому же пѣсни эта еще сильно отличается язычествомъ: въ ней говорится о жертвахъ богамъ снасетелямъ, о дунахъ, порхающихъ по деревьямъ и т. п. Герои пѣсни бьются за старья язычскія вѣрованія и обычаи противъ почитнцъ вѣмца Людэка (Людювника), служащаго представителемъ общаго въ западномъ мѣрѣ насильственнаго распространенія христіанства.

*) Таково мнѣніе Шафарича, усвоенное и однимъ изъ почитаемыхъ историковъ чешской литературы, Шенборъ. Братъ же Иречекъ въ своемъ изслѣдованіи о краледворской рукописи видитъ въ этой пѣснѣ свѣдѣніе объ одномъ изъ боевъ съ Карломъ Великимъ (вмѣсто *Wlad* — король, она читаетъ *Karl*). Нпротивъ извѣстнаго извѣстнаго чешскаго христіанствн (Wjbor z Hegerow českou) полагаютъ, что время этой пѣсни не можетъ быть точно определено, но что во всякомъ случаѣ тутъ раздѣляется событіе не ранее начала IX вѣка.

Замѣчательно, что одинъ изъ героев, Забоя, и самъ является брагманъ вѣдомъ-вдохновеннымъ, и вспоминаетъ про славнаго вѣмца Людэра, дѣтнанаго своими пѣснями Вишеградъ, подобно тому, какъ авторъ «Слова о полку Игоревѣ» вспоминаетъ про Воина. Этимъ указывается уже на личное авторство, на вѣдомъ съ извѣстными именами, тогда-какъ чисто-народная пѣсня всегда безименна, ибо въ сложеніи каждой изъ нихъ участвуютъ много. И пѣсни «Краледворской рукописи», какъ наше «Слово о полку Игоревѣ», должны быть произведеніемъ уже отдѣльных пѣвцовъ, но всей вѣроятности пѣвцовъ княжескихъ, такъ-какъ предводители дружинъ и являющіеся героями этихъ пѣсенъ. Тѣмъ не менѣе есть въ нихъ черты, отъносящіяся къ ближайшему знакомству пѣвцовъ съ простонароднымъ эпосомъ. Сюда относится и самый *ялычъ* Забоя, въ которомъ вовсе не слѣдуетъ видѣть извѣстнаго авторской чувствительности, такъ-какъ словными прональст сызла являются и самые суровые богатыри простонароднаго эпоса. Сызлакомъ богатырскихъ пѣсенъ уже совершенно отзывается то, что молотъ Забоя, выгнанный изъ Людэка дучу, проносится въ войско на пять сажень, еще же болѣе то, что мечомъ онъ пролагаетъ себѣ дорогу между врагами (какъ наши богатыри пролагаютъ улицы). За-то участіе въ битвѣ цѣлыхъ дружинъ со стороны чеховъ не согласно съ пріемами богатырскихъ пѣсенъ, въ которыхъ многочисленные дружинн являются только на сторонѣ враговъ, и въ одиночной расправѣ съ ними того или другого богатыря и заключается сущность богатырскаго силъ.

За «Забоемъ и Славоемъ» по времени дѣйствія слѣдуетъ пѣсня про «Чествира и Васлава», относимая учеными уже къ совершенно определенной порѣ, а именно къ 830 г., когда воевода пражскаго князя Нелзана, Чествиръ, поразилъ лудскаго князя Васлава. Предметомъ пѣсни такимъ образомъ служатъ князскія междоусобица, нерѣдко происходившія въ чешской землѣ, какъ и у насъ на Русн; потому-то пѣсня эта особенно живо напоминаетъ многія мѣста нашего «Слова о полку Игоревѣ». Къ тому же въ ней, какъ и въ нашемъ «Словѣ» совершенно выдержанъ строй дружиннаго эпоса, стѣтъ отличный отъ богатырскаго. Съ другой же стороны языческое мировоззрѣніе, мѣстами дающее себя чувствовать и въ нашемъ «Словѣ», не смотря на его принадлежность уже христіанской порѣ, въ

чешской пьесы о Честмире и Влаславе сказывается еще в такой же безпримесной полноте, как и в «Забаво и Славо». Тут те же жгучие богами, те же мистические существа — Морена и Трысь (богиня смерти и мистическое олицетворение страха). Пьеса об Ольдрихе и Болеславе, в которой недостает начала, по-видимому о событиях, относимых историками к 1004 г., а именно — об изгнании из Праги овладевшего ею Болеслава Храброго, короля польского (того самого, что забрал на время и Киев, о чем должны были существовать и у нас особые пьесы, как можно догадываться по некоторым эпическим чертам в передаче этого события нашим летописцам). Тут, стало быть, та же повесть о междоусобицах, только в более широком смысле, о междоусобицах между отдельными отраслями славянского племени, но вполне окончившихся, можно сказать, и в наше время. За-то пьеса о Венеш Германчиче повествует снова о битвах с иноземцами — славянскими врагами славян, пьесами. Венеш — лицо эпическое, сын Германа из Ральска, молодец расправившийся в 1203 г. при Грубой Скале с войсками маркграфа Мейсенского, вторгшимися в Чехию в то самое время, когда король чешский Премысл Оттокар I Фадилъ к германскому императору Оттону IV. Пьеса эта в начале отличается лирическим складом, как и многие пьесы нашего «Слова о полку Игореве», о котором кроме того напоминают в ней такие сравнения, как «искры, летящие от мечей, будто молния съ небес».

Подлинная из исторических пьес «Крадеворской рукописи» — это пьеса о Ярославле, битве оломуцком, являющейся только в конце ее рывком к долго сомнительного боя в пользу чехов. Впрочем, иша других пьес, в частности, Вяслава, Вестопа и Вратислава, принадлежат, по-видимому, болшву замечанию, т. е. фантазии. Самый же бой при Гостини и Оломуц — событие историческое, происшедшее в 1241 г., когда татары, разгромив Русскую Землю (о чем и упоминается в чешской пьесе), коснулись также и Польши, в Чехию. Поводом ко вторжению их в славянские земли выставляется в пьесе корыстолюбие пьемцев, побудившее их ограбить дочь хана Кубла. Пьеса эта от всех прочих пьес «Крадеворской рукописи» отличается христианским оттенком. Сама везиано новоязвляющаяся, спасительная для

чехов туча, получает значение туча, названного молитвою к христианскому Богу. В пьесе также не раз упомянуто об участии Боготери на христианах, что замкнуто и в некоторых из наших былин по татаринцу и в различных наших сказаниях понародного, поупотребленного свойства. Но чешская пьеса о Ярославле замечательна совершенным отсутствием великих эпических отголосков, которые так двоярсно сказываются в нашем «Слове о полку Игореве», не смотря на упоминаемую в нем Богородицу Прогоную. Упомянутая о татарской ворожбе на шестах, пьесе «Ярослава» обращает внимание на то, что христиане, прямо на оборот, ворожбы не знали. Между тем, известно, как долго держалась, да и теперь еще держится, ворожба в народ, хотя и крещеном, но далеком от настоящего перерождения в христианском духе. Вот почему вы выходит пьеса «Ярослава» против ворожбы можно, кажется, заключить, что она рывительно не была простым народным пьесом, а принадлежала к образованному слою общества или, быть-может, даже и к духовным. Тьма не менее, за исключением мистических вставок, она вполне пропитана строем народной поэзии. Это видно, во-первых, из тех поразительных сходств в оборотах с нашим «Словом о полку Игореве», которых особенно много и оказывается именно у него. Сюда относятся: «задожди стурди, будто львень, треск от коней, словно рокот грома, блеск мечей, что молния из тучи» (это последнее сравнение уже встречалось нам в пьесе о Венеш, тьма еще более подтверждается общность этого оборота, замещавшегося из народной поэзии *); «выросло горе на долинах»; «тяжелая бда кругом везала»; «тучи стурди летели в басурманство, только ночь оставила битву». Сюда же относятся и сравнение Вратислава со свирлым *тормом*, прямо напоминающее *буй-торм*-Исвовадо в нашем «Слове о полку Игореве». Кроме же того у пьеса «Ярослава» встречаются и эпические приемы боя, отличающиеся богатством описок. Сюда относится в самом конце удар меча Ярослава, разносящий Кублача до брха.

* Совершенно неопознанными представляется мне, именно поэтому, старание Шомбери — тождеством поэтических оборотов в различных пьесах «Крадеворской рукописи» доказать принадлежность таковых пьес одному и тому же пьесу.

Это, очевидно, не что иное, как обычное в наших былинах расежение на поля, существующее вместе с тьма и в эпоху всевозможных народов.

Нельзя не обратить внимания на тот свободный дух, который с такою силою сказывается в следующих словах пьесы про «Ярослава», принята, как и многое в ней, христианский врановидный оттенок:

Пугота Госуду повоза:
Смертный грехъ въ армъ яди охоты.

Перед этим блещут изветные слова Игоря в нашем «Слове» о его походе: «луче поити бити, неже половену бити».

Уже чудное исторического значения является пьеса о Людши и Люборѣ, относимая ко времени Вяслава I (1230 — 1253) собственно потому, что при нем вошли в обычай у чехов турниры, один из которых и составляет предмет помянутой пьесы. Надобно, впрочем, заметить, что пьса особенных оснований видеть тут именно *турнир*, т. е. рыцарский бой в западно-европейском вкусе; вопреки же бои съ надеждою вознаграждения прекрасною дьвою существовать в эпоху разных народов — даже таких, которые и понятия не имели о рыцарстве. Да и из самой пьесы видно, что бой не является тут просто *ванкою* трой, но получить значение *испытания силы* на случай войны:

Благо ждѣт война в мирѣ,
Нашъ вѣдъ пьемци окружаютъ.

Рывительно ли к какому определенному времени не может быть отнесена пьеса о «Збигонѣ». В лицѣ его является какой-то наследник дьвичий, из рук которого безмездный молодец спасает свою любезную. Совершенно в духе народной поэзии сопоставление с этим событием в человеческом мире соответственного события в мире птиц: тот же самый Збигонь держит в неволе голубку, которая наконец возвращается к другу своему голубку, получая свободу вместе с дьвичей. Уже не цѣло сопоставление, а простое поэтическое сравнение представляет небольшая пьеса «Олепъ» *), где

дѣло идет о прекрасном молодце, которого спрашивают молотъ злодѣи (то-же первоначальное оружие и в «Збигонѣ»), послѣ чего душа выходит у него лебединым горломъ через уста, как у князя Вяслава в «Слове о полку Игореве». Появляющиеся в конце пьесы чертены — вѣтхияны его смерти — напоминают цѣлый эпический ряд подобных вѣтхниковъ во всенародных сказаниях *объ открываемых* преступлениях (сюда относятся и «Инокимъ Юрвалю» в вѣтхныхъ обработках Шиллера и Жуковского). Самыя же заключительныя слова пьесы — о дьвичках, оплакивающих молодца — до которой степени связывать ее съ остальными пьесами рукописи, которых всѣ до одной — уже чисто любовнаго содержания. В некоторых оно, как и во многихъ сербскихъ пьесахъ, выражается в той легкой эпическо-драматической формѣ, о которой говорено было выше; пьесы же отличаются совершенным лиризмомъ. По тону отчасти подходит къ пьесамъ «Крадеворской рукописи» и такъ называемая «Пьеса на Вышградѣ», предметомъ которой, какъ замѣтитъ читатель, служатъ также любовь *).

Сходство всѣхъ мелкихъ пьесъ «Крадеворской рукописи» съ теперешними народными пьесами различныхъ славянъ подробно разобрано и доказано братьями Пречками, и пьса никакого сомнения, что именно эти пьесы древней рукописи — пьесы чисто народной. Читатель, впрочем, может и самъ усмотрѣть это, если внимательно сравнит ихъ со всѣми тьма, по преимуществу любовнаго содержания, которыя помянуты в настоящемъ изданіи даѣе и замѣтными изъ сборниковъ не только чешскихъ, но даже польскихъ и сербо-лужицкихъ.

Кромѣ пьесъ этого рода въ чешскомъ отдѣлѣ помѣщается эпическое сказаніе про Яныша королевича въ прекрасномъ переложеніи Пушкина, которому сказаніе это послужило канвою для его драмы «Русалка» **).

Совершенно въ сторонѣ отъ другихъ должны быть поставлены двѣ остальные пьесы этого отдѣла, пьесы, очевидно, не народнаго происхожденія, но перешедшія въ народъ и сдѣлавшіяся народными. Это, во первыхъ, пьеса гуситская, сое-

* Доказательствомъ отдаленной древности ея содержания считаютъ упоминаемый в ней *молодец* — оружье первоначальное. Но надо замѣтитъ, что в народной поэзии и можетъ долго удерживаться и то, что уже давно исчезло изъ народного быта.

** Пьеса в отрывочной рукописи XIII ст. Изготоржии, впрочемъ, заподозривается ея подлинность.

** Материалъ для биографіи Пушкина, изд. П. В. Анненкова, стр. 363.

дипенная съ молитвеннымъ обращеніемъ къ народному святому чешскому — Вячеславу; во вторыхъ — сочиненная уже въ ближайшее къ намъ время и полная патріотическаго одушевленія пѣсня «Гей Славяне», съ которою русская публика хорошо знакома по концертамъ г. Славянскаго.

Между моравскими пѣснями на первомъ мѣстѣ является пѣсня про *старого мужа*, какихъ нѣбось много и въ нашихъ русскихъ сборникахъ. Чтò же касается слѣдующей за нею «Стри отравительницы», то тема эта нерѣдко попадаетъ также въ галицкихъ пѣсняхъ, тема же послѣдней пѣсни въ отдѣлѣ моравскихъ — противоположеніе матери мнѣхъ — тема рѣшительно всенародная.

Нѣкоторыя изъ словацкихъ пѣсней отличаются историческими воспоминаніями, при болѣе или менѣе лирическомъ строѣ. Одна изъ нихъ — Нитра — не можетъ, однако же, считаться чисто-народною, но только перешедшею въ народъ.

Изъ сборниковъ польскихъ заимствованы въ этомъ изданіи почти исключительно пѣсни любовнаго содержанія. То же можно сказать и про пѣсни лужицкія, изъ ряда которыхъ выдается только помѣщаемая здѣсь въ самомъ концѣ *легенда*. Тутъ то же любовь, но любовь уже духовная, мистическая — къ небесному жениху Христу. Извѣстно, что о такой любви говорится въ житіи великомученицы Екатерины. Лужицкая легенда приписываетъ ее безымянной дочери варацкаго князя, своимъ обѣтомъ безбрачія представляющей женскій протипнкъ къ сказаніямъ и стихамъ объ Алексѣѣ божіемъ человѣкѣ. Далѣе же тутъ примѣшивается, существующее также и по-польски, сказаніе о посѣщеніи живымъ человѣкомъ рай, причѣмъ сдѣлать сто лѣтъ представляются ему нѣсколькими часами.

Хоти выше и указано было на тò, въ какой мѣрѣ народная поэзія славянъ западныхъ усту-

паетъ народной поэзіи юго-восточной отрасли славянскаго міра и этимъ достаточно объясняется, почему пѣснямъ западной отрасли отведено въ настоящемъ изданіи такъ мало мѣста, все же нельзя съ другой стороны не сознаться, что и сборники пѣсней этой отрасли представляютъ много такихъ красотъ, о которыхъ приведенные здѣсь образцы не могутъ дать полнаго понятія.

Въ заключеніе, пишущій эти строки считаетъ нелишнимъ прибавить, что оны вполнѣ чувствуется слабость своего вступительнаго очерка, зависящую какъ отъ ограниченности мѣста, ему отведеннаго, такъ и еще болѣе отъ недостаточной его подготовленности къ вполнѣ удовлетворительной оцѣнкѣ народной поэзіи всего славянства. Предметъ этотъ чрезвычайно широкъ и до-сихъ-поръ остается почти непочатымъ. Пишущему эти строки до-сихъ-поръ удалось со сколько нибудь удовлетворительною полнотою обработать только нѣкоторые отдѣлы народной словесности русской, при чемъ пѣсни и сказанія другихъ славянъ служили ему лишь пособіемъ. Въ настоящемъ очеркѣ, совершенно наоборотъ, пришлось выдвинуть впередъ именно эти послѣднія, наши же русскія пѣсни приводить только въ видѣ сравненій. Понятно, послѣ всего этого, что настоящій очеркъ можетъ считаться только слабой попыткой, обнародованіе которой извиняется лишь желаніемъ — хотя сколько нибудь помочь читателю не безъ нѣкоторой пользы войти въ столь мало еще намъ извѣстную область славянскаго народной поэзіи. Хорошо будетъ уже и то, если читатель почувствуетъ, какой богатый и разнообразный запасъ представляющей хранитъ въ себѣ крѣпкая, и по преимуществу крѣпкая у славянъ, хотя и собранная данъ уже съ цѣлымъ нѣжкомъ, неспиритупленно-свѣжая, чудно-юная память народная!

Орестъ Миллеръ.

ЮЖНО-РУССКІЯ ПѢСНИ.

I. МАЛОРУССКІЯ.

I.

ПОВЬТЪ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА.

Надъ городомъ тѣмъ надъ Азовомъ не спитъ туманъ вставалъ,
Три брата родные изъ тяжелой неволи бѣжали.
Два йдутъ на вѣнцы, а третій вѣнкомъ подбѣгаетъ,
О сѣрне корни, о бѣны камни
Козакіе ноги свои пошажетъ
И кровью слѣды погнаветъ,
Душъ братьевъ своихъ догоняетъ,
Ихъ такъ умоляетъ:
«Ой, братцы, стойте! копей попасете,
Меня подождите,
Съ собою возьмете,
Въ земляхъ христіанскимъ меня подвезите!»
Засыпалъ середній; онь старшаго брата пытаетъ,
А тотъ ему такъ отвѣчаетъ:
«Аль алая неволя еще не дала себѣ знати?
Какъ будемъ мы брата въ степи подождати,
Насъ будутъ враги догоняти,
Насъ будутъ рубити, стрѣляти;
Иль въ тяжелой неволѣ мы будемъ опять пропадати.»
— «Когда меня, братцы, вы ждете не хотите,
Сталь меньшій опять говорити,
То, братцы, прошу васъ, съ дороги сверните,
Булатныя сабли свои обнажите,
Козакское тѣло мое ирубите,

Въ голодной степи закопайте —
И звѣрю, и птицѣ въ добычу не дайте!»
Середній слонамъ тѣмъ винаметъ
И меньшему такъ отвѣчаетъ:
«Мы отроду, братецъ, того не слыхали,
Чтобъ остря сабли да кровью родной обмывали,
Процаясь, булатнымъ копыемъ ублажали.»
— «Когда меня, братцы, рубить не хотите,
Прому васъ: какъ будете къ балкамъ стѣннымъ
подходить,
Терновныя вѣтки срубайте,
Ихъ въ полахъ собирайте,
Примѣтой мнѣ въ поле кидайте.»
Вотъ два козака къ буеракамъ стѣннымъ подбѣгаютъ;
Середнему нечѣмъ примѣту кидати:
Сталь изъ-подъ жулана китайку червонную рвати,
Какъ сталь ийшеходъ изъ терновыхъ кустовъ
выходити,
Китайку червонную сталь находити:
Руками хватаетъ,
Слезамъ ее обливаветъ.
«Не даромъ китайка валется прахомъ по шляху:

Ужь, можетъ, отъ братьевъ моихъ не осталось и праху!

Ой, можетъ, за ними погоди бѣжала,
На рощѣхъ въ тернахъ меня мнвовала,
А братьевъ догнала,
Рубила, сѣрѣжала,
Когда бы мнѣ Богъ
Милосердый помогъ.

Козацкое тѣло въ степи отыскати,
Въ холодной землѣ закопати!»

Одно — то безвѣдье, другое — безхлѣбье,
А третье — то вѣтеръ въ степи поиваеги,

Устаго съ ногъ козачину сшибаеги.
«Ой, полно мнѣ пѣшему конныхъ братьевъ догоняти!

Ой, время и отдыхъ погамъ момъ дати!»
Такъ, Сѣворь-могиду завидѣвъ, козакъ говорилъ,
Подъ Сѣворь-могидой козакъ опочилъ.

Въ то время орлы прилетали съ полночи
И жадно глядѣли въ козачіи очи.

Козаченько видить — роныетъ слова золотыя:
«Орлы споз-перне, гости мои дорогіе!

Прому васъ тогда прилетати,
Изъ черна очи мои вырвати,

Какъ божьяго свѣта не буду видати.»

И только онъ это сказаатъ —
Творцу милосердому душу отдаатъ.

Тогда-то орлы налетали,
Изъ черна очи рвали — вырывали;

И желтая птица тогда жь налетала,
Кровавое мясо вкрутъ жолтыхъ костей обирала;

И сѣрые воки тогда жь прибѣгали,
Козацкое тѣло терзали,

Въ терновыхъ оврагахъ кровавыя кости глодали,
Ой, жалобно вили надъ нимъ, завывали,
Обрядъ похоронный справляли.

Кукушка изъ темныхъ лѣсовъ прилетала,
Садилась на дѣрево, съѣзи лапа, куковала,
Что брата сестрица, что первенца мать провожала.

Какъ стаи они къ христіанскимъ землямъ при-
близаются,

То стало на сердцѣ козацкомъ великое горе ско-
пляться.

И молвить середній печальное слово:
«Не даромъ на сердцѣ у насъ столько горя ско-
пилось злого:

Ой, можетъ, ужь нашего брата пѣтъ больше на
свѣтѣ живого!

Ой, какъ-то мы, братья, къ отцу-матери въ домъ
да прибудемъ?

Какъ стануть насъ спрашивать, что отвѣчатъ мы
имъ будемъ?»

Братъ старшій словами тѣмъ внимаеги
И брату середнему такъ отвѣчаеги:

«Да скажемъ, что горе не вмѣстѣ свое коротали,
Почною порой изъ неводи бѣжали,
Будили его — не могли добудиться.

Одни должны были домою воротиться.»

Середній словамъ тѣмъ внимаеги
И старшему такъ отвѣчаеги:

«Когда они правды отъ насъ не узнають,
То насъ ихъ молитвы свята за-то покарають.»

Вотъ старшіе братья къ самаренимъ полямъ подѣ-
зжываютъ,

У рѣчки Самары ложатся — въ тѣни отдохавъги,
Коней на траву выпускають.

Тогда басурмане безбожные ихъ окружали,
Тѣхъ братьевъ диконъ зарубили,

Козацкое тѣло въ куски искрошили,
По чистому полю его раскидали,

Со смѣхомъ, на сабляхъ ихъ головы къ небу
вздымали.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

—

и.

ПОХОДЪ НА ПОЛЯКОВЪ.

Ой, пошлн козѣли на четыре поля,
На четыре поля, пятое — Подолье.
Какъ одной дорожкой да пошлн Мухометъ,
По другой дорожѣ Кукуруза-свѣтъ.

А дорожкой третьей Полтора-Кожуха:
Длинный оселедецъ вѣтсе изъ-за уха,
На конѣ гарцуеги, пѣсню расцѣваеги;

А за нимъ большое войско выстунаеги:
Все то запорожцы, козаки лихіе;

Мѣрно ударяють въ бубны золотыя,
На коняхъ гарцуютъ, саблями сверкають.

Теняи молитвы къ Богу возсылають,
А Карпид, панъ гетманъ, пѣсню разцѣваеги:

Ой, тоска меня зайла,
Сердце изсушила,

Молодого, удалого
Съ ногъ меня свалила.

Но тоскѣ той окаянной
Я не поддаюся.

Ой, поиду, поиду къ шинкарежъ,
Мѣду съ ней напьюся.

Ой, кто хочетъ выпить мѣду,
Тотъ ступай къ жиловѣжъ:

У жиловки черновровки
Сѣрѣлая подковки.

Юбка нестрия, монеты...
Сама молодая...

Да хорошая какая!
Что за удалая!

Эй, шинкарка! дай мнѣ мѣду!
Буду веселиться...

Пусть головушка больная
Съ хмѣлю загрузится!

«Бези ты женатъ, азь вдовый —
Чортъ тогда съ тобою!

Бези жь холостъ — не женатый,
То поучи со мною.»

Есть и дѣтки, есть и жонка,
Жонка молодая,

Да не хочетъ приласкаться —
Гордая такая!

Н. ГЕРВЕЛЬ.

—

и.

САГАЙДАЧНЫЙ.

На горѣ ли да жнецы жнутъ,
А подъ той горою,
Да подъ зеленою

Козаки идуть.

Впереди всѣхъ вождъ похода,
Дорошенко славный,
Козаковъ державный

Воевода.

Въ середнѣи панъ курѣнный;
Конь подъ нимъ ретивый,
Съ чернобугой гривой,
Здоровенный.

А въ хвостѣ — панъ Сагайдачный,
Что отдалъ за трубку
Ясную голубку,
Всеудачный!

«Охъ, вернися, козачина!
Вороти мнѣ трубку

И возьми голубку,
Молодчина!»

«Мнѣ съ женою не возиться,
Не по мнѣ голубка;

А въ дорогѣ трубка
Прогондится.

«Гей, кто въ дѣсъ? — отзовися!
Было бы огниво —

Трубка всыхнетъ живо...
Веселися!»

Г. Данилевскій.

—

и.

МОРОЗЕНКО.

Ой, Морозецъ, Морозѣнко, бравый козачина!
По тебѣ, по Морозѣнѣкѣ плачеть Украина.

Ой, не такъ та Украина, какъ козаки хваты...
А Морозѣнка все плачеть, сидя возлѣ хаты.

Полно, старая, о синѣ слѣзи лить рѣками!
Лучше выпей-ко ты мѣду съ нами козаками!

«Что-то мнѣ, мои родные, мѣдъ-вино не пѣсьеги:
Гдѣ-то онъ, мой Морозѣнко, съ лютымъ гур-
комъ бѣтсега?»

Изъ-за горъ изъ-за високыхъ войско выстунаеги;
Впереди всѣхъ Морозѣнко; конь подъ нимъ иг-
раеги.

Лѣтитъ онъ, коню на гриву голову склоняя:
«Голова лъ моя больная!... сторона чужая!...»

Тѣло бѣлое покрыто красною насѣчкой:
Гдѣ пройдетъ Морозѣнко — кровь струнется рѣчкою.

Окопалися козаки въ полѣ у Лимана...
Взяли, взяли Морозѣнка въ воспресеенье раню.

Посадили Морозѣнка на песокъ, на солницѣ:
Сняли, сняли съ Морозѣнка поясъ и червонцы.

Посадили Морозівна на пивную бочку:
Сняли, сняли съ Морозівна красную сорочку. *)

Н. ГЕРБЕЛЬ.

—

V.

СВИРГОВСКІЙ.

Какъ Свирговскаго Ивана,
Запорожскаго гетмана,
Басурмане изловили:
Буйну голову рубили,
Ой, головушку рубили,
Па буйчужъ ее сажали,
Въ трубы жѣдныя трубили,
Издѣваиася, корили.

Туча небо застлала,
Стаеи галокъ набѣгала,
На Украйну налетала;
А Украина горевала,
По гетманѣ тосковала,
Слѣзы лина, пролинала.

Тогда буйны вѣтры во стени завывали.
Куда вы гетмана, куда вы дѣвали?

Тогда изъ тѣсовъ соколѣмъ налетали.
Ой гдѣ по гетманѣ, ви гдѣ тосковали?

Тогда въ чистомъ поле орлы голосали.
Ой гдѣ вы гетмана, ой гдѣ схоронили?

Тогда въ поднебесѣхъ касатки завывались.
Ой гдѣ вы съ гетманомъ, ой гдѣ прощались?

Лежитъ онъ, зарытый въ глубокой могилѣ,
На вражей границѣ, у города Кили.

Н. ГЕРБЕЛЬ.

—

VI.

ОТКУДА ЪДЕШЬ?

— «Ты откуда?» — «Я съ Дунаю!»
— «А что слышала про Михайлу?»

— «Я не слышала — сама я видѣла:
Шли поляки, шли казаки
Па три страны, па четыре,
А татары поле крыли...
Въ томъ полку, въ полку козацкомъ,
Ѣхала возъ, покрытъ китайкой,
Да заслугою козацкой —
Возъ, китайкою покрытый;
Въ томъ возу козакъ убитый;
Онъ изрубленъ былъ, изѣченъ,
Въ лютомъ боѣ изувѣченъ;
А во слѣдѣ за тѣмъ за возомъ.
Поль, головушку понурили,
Разудалии конь козацкій;
Безъ коня холонъ наѣмный,
Несъ въ рукѣ онъ остроу пилу,
А въ другой кривую саблю —
Съ сабли кровь текла, бѣжала...
Мать Михайлу провожала...
Онъ не больно былъ изрубленъ:
Головушка на три части,
Бѣло тѣло на четыре.
Ахъ, па что мнѣ, мати, слѣзы!
Ты сломи-ка три берѣзы,
А четвертую осину,
Да построй хороми сину,
Безъ дверей построй, безъ оконъ,
Чтобъ улежся только могъ онъ!»

Н. БЕРГЪ.

—

VII.

Вспахана черная панна,
Засѣяна пшеница,
Выборонена бѣлымъ тѣломъ,
Вмочена кровью.
Лежитъ воинъ въ чистомъ полѣ,
Ни гроба, ни ямы,
Ни отна, ни матери:
Некому позвонить,
Некому потужить.
Звонять кони копытами,
А воины шпорами.
Летитъ воронъ
Съ чужихъ сторонь,
Садится па могилѣ,
Выпиваетъ его очн...

М. МАКСИМОВИЧЪ.

—

VIII.

ВО ПОЛѢ СНѢЖОКЪ.

Во чистѣмъ полѣ
Поронить снѣжокъ —
Тамъ убитъ лежитъ
Молодой козакъ,
Привазиралъ травой
Очи ясныя.
Въ головахъ его
Воронъ каркаетъ,
А въ ногахъ его
Плачетъ вѣрный конь:
«Отпусти меня,
Аль награду дай!»

— «Изори ты, конь,
Поводъ полковной,
И бѣги — лети
Въ поле чистое!
По лугамъ травы
Выѣшь двѣ косыби!
Вышей воду, конь,
Ты изъ двухъ озеръ!
Ты скачи отголъ
Ко дворямъ моимъ,
Ты ударь ногой
Во тесонъ заборъ;
Выйдетъ матушка,
Станетъ спрашивать:
«Ой, ты конь лихой,
«Господишъ гдѣ твой?
«Аль въ бою сложилъ
«Буйну голову?
«Али въ полѣ ты
«Обронилъ его?»
Ты умѣй па то
Ей отвѣтъ держать:
Пѣть, не вороги
Навели его,
И не я его
Обронилъ-убить,
А нашолъ себѣ
Пань панычочку:
Во чистѣмъ полѣ
Ваялъ земляпочку.»

Н. БЕРГЪ.

—

IX.

ДОЛЯ.

Гдѣ ты, гдѣ ты, моя доля?
Гдѣ ты, долушка моя?
Исходитъ бы, распроситъ бы
Всѣ сторонки, всѣ края!

Аль ты въ полѣ, при долинь,
Днямъ розаномъ цвѣтешь?
Аль кувушкою кувуешь?
Аль соловушкамъ поешь?

Али въ морѣ, межъ кущами,
Ты считаешь барыши?
Аль въ хоромахъ, гдѣ поркуешь
Подлѣ дѣвци-души?

Али въ небѣ ты гуляешь
По летучимъ облакамъ,
И расчесываешь кудри
Красну солнцу и звѣздамъ?

Гдѣ ты, гдѣ ты, моя доля,
Доля, долушка моя?
Чтѣ никакъ не дошитаюсь,
Не докличусь я тебя!

Н. БЕРГЪ.

—

X.

ЯВОРЪ.

Пникогъ яворъ надъ водою,
Въ воду опустился;
Удалой козакъ слезами
Горькими облился.

Яворъ, яворъ, ты не падай,
Не ломись, не гнися!
Молодой козакъ, удалый,
Сердцемъ не крунися!

Радъ бы яворъ — не ломился:
Рѣчка корни моетъ;
Радъ бы, радъ козакъ — не плакалъ,
Да сердечко поетъ.

*) То-есть — содрали съ живого козу.

Онъ въ Московщину поѣхалъ,
Загремѣлъ подковой:
Вѣроятъ конь, арчаѣ дубовый,
Поводокъ желѣбовый.

Онъ въ Московщину поѣхалъ,
Видно тамъ и спинулъ,
Дорогую ли Украйну
На вѣки поинулъ.

Приказалъ — и опустили
Черный гробъ въ могилу;
Приказалъ — и посадили
Въ головахъ калину.

«Пусть вѣвають калину платани
Надъ моей могилкой;
Пусть поють мнѣ и шибечуть
Объ Украйнѣ милой!»

Н. Бергъ.

—

ХІ.

В Ѣ Д А.

Я пойду, пойду, изъ хутора пойду:
Не покину-ли я въ хуторѣ бѣду?

Оглянулась я дорогой, а бѣда
Горемыку догоняетъ по слѣдамъ.

«Что, бѣда, ты увязалась такъ за мной?»
— «И увязалась, безтаанная, съ тобой!»

«Что, бѣда, ты уцѣпилась такъ за мной?»
— «И родилась, безтаанная, съ тобой!»

Н. Бергъ.

—

П Ѣ С Н Я.

Милый полъ горой високой,
Милая долиной;
Онъ зацѣлъ румяной розой,
А она калиной.

Ты на горѣхъ, на пригорѣхъ,
А я подъ горою,
День и ночь съ моею тоскою
Слѣзы лью рѣкою.

Кабы жить тебѣ со мною,
Жили бъ мы съ тобою,
Жили бъ, жили бъ, мое сердце,
Какъ рыба съ водою!

Что рыбакъ закинулъ уду,
Рыбу-рыбку ловить,
А милый-то по милому
Бѣды руки ломить.

Что рыбакъ закинулъ уду,
Рыбу-рыбку удить:
Долго, долго ли по милому
Тосковать мнѣ будетъ?

Что рыбакъ надъ быстрой рѣчкой
Ласточкою вѣется,
А милый-то по милому
Горлицею бѣется.

Иль засыпался ты пылью,
Мятлицей-вьюгой,
Что не хочешь повидаться
Со слесой подругой?

Что мятлица мнѣ, вьюга,
Бури-непогода:
Вѣдь любили жъ мы другъ друга
Цѣлые два года!

Да враги мои злодѣи
Все-про-все узнали,
Все-про-все они узнали,
Въ люди рѣзкажили.

Будь здорова, чернوبرова,
И прощай на вѣки!
Не теките, не бѣгите
Слѣзъ горючихъ рѣки!

Н. Бергъ.

—

XIII.

ДОЛЯ.

Не калина ль въ темномъ лѣсѣ,
Я не красная ль была?
А теперь меня сломали
И въ пучки перевязали:
Это доля моя!

Не трава ли зеленая
Въ чистомъ полѣ я была?
А теперь меня скосили
И на солнысе засушили:
Это доля моя!

Я ль не красная дѣвица
У родной моей была?
Съ сельбыми меня свѣнчали,
Волою дѣвичью связали:
Это доля моя!

Е. Грѣбенка.

—

XIV.

ПОВѢЙ ВѢТЕРЬ.

Вѣтеръ, вѣтеръ, ты повѣй
Изъ Украйны изъ моей!
Изъ Украйны на Литву
Я дружку покляну пошлаю,
Я покляну пошлаю, скажу
Что по немъ я здѣсь тужу,
Что мнѣ тяжело безъ него,
Безъ милына моего!
Кабы было у меня
Два могучія крыла,
Подлетѣла бъ я къ нему,
Къ милу-другу моему.
Да на что мнѣ улетѣть
Ясна сокола невать,
Коли самъ онъ прилетитъ
И меня развеселитъ.
Такъ леги же, соколъ мой!
Жду я, жду тебя съ тоской;
Выхожу я на крыльцо,
Умываючи лицо;
Бѣло личико умую,
Подадутся съ тобою.

Н. Бергъ.

XV.

САМА ХОЖУ ПО КАМУШКАМЪ.

Я хожу сама по камушкамъ,
А коня вожу по травушкѣ.
По дорогѣ скачѣтъ чижикѣтъ.
— «Гой ты, чижикъ-воробешка!
Ты скажи-ка мнѣ всю правдушку:
У кого, скажи, есть волоюшка,
И кому запретъ на волоюшку?»
— «Краснымъ дѣваамъ своя волоюшка:
Сарафанъ взяла да вынула,
Па себя платокъ накинута,
Убралася, и въ хороводъ пошла,
Въ хороводъ пошла, дружка нашла.»
— «Гой ты, чижикъ-воробешка,
У кого еще есть волоюшка,
И кому запретъ на волоюшку?»
— «Добрымъ парнямъ своя волоюшка:
Взялъ въ охабку шапку бархатну,
Синь кафтанъ надѣлъ, помошь-запѣлъ,
Помошь-запѣлъ, вездѣ поспѣлъ.»
— «Гой ты, чижикъ-воробешка,
У кого, скажи, есть волоюшка,
И кому запретъ на волоюшку?»
— «Положонъ запретъ на волоюшку
Молодой ли что молодущи:
На печи у ней ворчунъ ворчить,
А въ печи у ней горшокъ бурчить,
Подъ палатами дити кричить,
У порога пороса пицить;
Говорить горшокъ: оставь меня!
Пороса визжитъ: наной меня!
А дити кричить: качай меня!
А ворчунъ ворчить: цалуй меня!»

Н. Бергъ.

—

XVI.

НѢТЪ МИЛАГО.

Пшеничку я съжала, домой приближала,
Домой приближала, дружка не съскала.
Гдѣ мой милый дѣсяи, гдѣ запропастился?
Волки ли заѣли? въ рѣчкѣ ль утопили?
Кабы волки съѣли — дубровы бъ шумѣли;
Кабы утопили — Дунай бы разлился;
Кабы у шинкари — грѣмли бы чарки;
Кабы на базарѣ — скринки бы играли.

Н. Бергъ.

II. ЧЕРВОННОРУССКІЯ.

I.

У СОСѢДКИ СЫНЪ МОЛОДЧИКЪ.

У сосѣдки смѣь молодчикъ—
Хата съ хатой рядомъ;
У сосѣда дочь красотка —
Садъ сомося съ садомъ.

Вѣсть вѣтеръ съ полудни —
Старики за сказки;
Вѣсть вѣтеръ со полудни —
Молодежь за ласки.

Милый по саду гуляетъ,
Смотритъ къ намъ въ окошки.
Я, дѣвица, вышла въ сѣни,
Стала на порожекъ.

Съ милымъ другомъ перемолвить
Слово я хотѣла,
Да отецъ въ саду работаль:
Я и не поемъла.

Сизый голубъ по застрѣхъ
Ходитъ, да воркуеть;
Сизу-голубю дѣвица,
Смѣючись, толкуеть:

«Ты, голубчикъ сизокрылый,
Ворковать умѣешь,
А небось къ намъ подь окошко
Прилетѣть по смѣешь?»

«Для теби ли, голубочка,
Для воркуны-птички,
На окошкѣ я расцѣлю
Проса и шпенечки:

«Ты не бойся, мой голубчикъ,
А — какъ сидеть солнце —
Прилетай ко мнѣ, дѣвицъ,
Прямо подь окошце!»

Голубочку по застрѣхъ
И отку сѣдому
Не въ домѣкъ дѣвичи рѣчи,
Да въ домѣкъ милгомъ:

Не слетѣлъ клевать шпенечку
Голубъ сизокрылый,
А приножь со мной, дѣвицей,
Цаловаться милый.

Л. Мей.

II.

Н А Н А.

— Что-это не слышно Наны голосочка?
Затяни намъ пѣсню, маленькая дочка!

«По саду-садочкѣ
Выросла малинка:
Солнце ее грѣеть,
Дождичекъ летѣть.
Въ свѣтломъ торебочкѣ
Выросла Наланка:
Тати се любить,
Матушка голубить.»

— У малытокъ Наны пѣсонки — малытки:
Малы, да пригожи, словно незабудки.

Л. Мей.

III.

ПОМОЛОДѢВШІЙ СТАРИКЪ.

Зимнимъ утромъ по разсвѣтѣ,
Изъ далекаго села,
На конѣ несется всадникъ,
Будто изъ лука стрѣла.

Вотъ съ горы онъ по равнинѣ
Яснымъ соколомъ летитъ;
Парь столбомъ за нимъ клубится,
Вѣется свѣтъ изъ-подъ коняты.

У наѣзника лихова,
Русскихъ юношей красн,
Посѣдѣли отъ мороза
Кудри, брови и усм.

Вотъ къ воротамъ онъ примчался
И въ калитку застучалъ;
Борзый конь, почуя стойло,
Громко, весело заржалъ.

А изъ терема дѣвица
Посмотрѣла изъ окна:
Не признала въ раннемъ гостѣ
Друга милого она.

И сказала: «кто бы это?
Что за дѣдушка сѣдой
Къ намъ стучится спозаранку
Торопиво рукой?»

Вдругъ знакомый слышитъ голосъ:
«Отвори, душа моя!
Аль меня ты не признала?
Дай взглянуть мнѣ на тебѣ!»

И свѣшнить она скорѣе
Душегрѣйку надѣвать,
И бѣжитъ она къ воротамъ
Гостя милого встрѣчать.

Къ другу кинулася на шею,
Крѣпко, крѣпко обняла
И горячимъ поцалуемъ
Сѣдыву съ него свела.

Вмигъ отъ жаркаго дыханья
Милой дѣвицы-красн

Почернѣли у милова
Кудри, брови и усм.

О. Миллеръ.

IV.

ПРИМИРЕНІЕ.

Ахъ, вы, нянюшки и мамушки!
Вы, красавицы-подруженьки!
Вы скажите мнѣ, повѣдайте:
Что прочтѣе, долговѣнѣе —
На цѣлѣхъ роса разсвѣтлалъ,
Въ небѣ радуга цѣлѣтлалъ,
Али въ сердцѣ гнѣвъ на милого?
Съ милымъ другомъ я размошлалася,
Я на милого прогнѣвалася,
И ни я къ нему, ни онъ ко мнѣ
Ни словечка не промолвилъ.
Въ свѣтъ зарыла я любовь свою,
Да и гнѣвъ свой затоптала въ свѣтъ
И отъ друга оторклася навѣкъ.
Улыбуалася солнце вѣшнее,
Снѣтъ растаялъ, гнѣвъ утѣкъ ручѣемъ,
И любовь въ цѣлѣхъ лазоревыхъ
На лугахъ зеленыхъ выросла.
Вотъ пришлоъ великій, свѣтлый день;
Встала я равнымъ-равненькомъ,
Вышла радостно на улицу;
Мнѣ на встрѣчу милый другъ идетъ.
Я промолвила: «Христосъ воскресъ!»
Онъ ясныя потушнвилъ.
Онъ отвѣтилъ мнѣ: «свѣстннну!»
И въ уста поцаловалъ меня.
Ахъ, вы, нянюшки и мамушки!
Вы, красавицы-подруженьки!
Пусть померкнетъ солнце красное,
Съ милымъ вѣвѣ я не рассорюся!

О. Миллеръ.

V.

ОДИНОЧЕСТВО.

Облака надъ дѣсомъ, сны надъ головою,
Свѣтлые, несутся легкой грядомъ:
Лѣсъ замешанется, сердце ветреноется;
Пролетитъ — и слѣда ихъ не остається;
Сладко по долигѣ ранній вѣтеръ вѣсть;

На той на долині яворь зеленѣть;
 Съ шумомъ по песочку ручеекъ струится;
 Къ ручейку приходить красная дѣвица.
 Кованямъ ведерцемъ воду зачерпнула,
 Воду зачерпнула, тяжело вздохнула,
 Къ явору присѣла, голову склонила,
 Къ своему сердечку такъ проговорила:
 «Не одна-то въ полѣ такъ расгетъ быдншка,
 Какъ одна живу я въ людяхъ сиротинка!
 Пѣть со мною брата, пѣть сестрицы милой;
 Взять мать съ родимымъ темною моголою;
 Милый другъ далеко: въ сторону чужую
 Отъ меня унозъ оибъ въ сѣчу роковую!»
 Дѣвицѣ не снятся пышныя палаты,
 Снятся ей въ долині двѣ простыя хаты:
 Въ одной проживаютъ старички родные,
 Въ другой вмѣстѣ съ миламъ они, молодые;
 Снятся ей съ цѣбтами подлѣ хатъ два сада:
 Тамъ весной отрада, въ лѣтній зной прохлада;
 И любви, и счастья въ тѣхъ приятныхъ хатахъ.
 Больше, чѣмъ порою въ книжескихъ палатахъ.
 Но пропесна вѣтеръ бурей надъ долиной —
 Дѣвица прослузасъ съ прежнею кручиной.
 Гдѣ родныя хаты? гдѣ сады съ цѣбтами?
 Знать умчалъ ихъ вѣтеръ бурными крылами.

О. Миллеръ.

VI.

ДОВРЬЕ ПАНЫ.

Хорошо когда-то жили,
 Жили, поживали
 Наши дѣды на Украинѣ:
 Панщины не знали.

Ой, паны въ ту пору были
 Лѣтки на работу:
 Изъ подлѣн работѣи
 Мы одну субботу.

Какъ паны да лихи стали,
 Лихи на работу:
 Стали панщину мы править
 Шесть дней и въ субботу.

А въ святое воскресенье
 Карауль держали.
 «Ой, шинкаря, жбань горѣлки!
 «Холодно — устали!»

И, за столъ усѣвшись, парни
 Ту горѣлку пили...
 А въ ту пору въ церкви божей
 Къ утренѣ звонили.

Въ воскресенье, въ самый полдень,
 Въ церкви божей звонять,
 А Савулу багатами
 На работу гонять.

«Соберемся — да и къ пану!
 Трудно, братцы, стало!
 Какъ бы это воскресенье
 Насъ не покарало!»

Вотъ стоимъ мы передъ паномъ —
 Говоримъ причину...
 «Ой, козакъ! вѣзь Савулу,
 Да ето палокъ въ синну!»

Н. Гербель.

VII.

В Д О В А.

Какъ въ дворѣ у пана строили свѣтлицу,
 Гнали на работу горькую вдовцу.
 Ой, всего недѣлю мужа скоронила,
 А черезъ недѣлю дитято родила;
 Недали съ родовъ ей опочить нимало:
 Черезъ три дни камни тяжкіе таскала;
 Держать, а утѣхи все-то нѣтъ сердечку...
 Камешничкамъ камни подаетъ другою:
 «Стройте, городите бѣзую свѣтлицу,
 Только пожалѣйте горькую вдовцу,
 Вы свѣтлицу стройте, сирую не троньте!»
 Плачеть, а утѣхи все-то нѣтъ сердечку...
 Видить водъ горою, видитъ быстру рѣчку,
 Подбѣжала къ рѣчкѣ, опустила сына:
 «Плавай ты по рѣчкѣ, дитято-дитина!
 Не выдай ты батьку, не увидишь матку:
 Батьку рано скрыла черная могола,
 А родная въ рѣчкѣ сына утопила!
 Жилъ бы ты на свѣтѣ, былъ бы хлонецъ бравой,
 А теперь по рѣчкѣ день и ночь ты плавай
 Передъ панскимъ домою, подь его сѣбнами,
 Плавай, обливайся горькими слезами!»

Н. Бергъ.

БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ.

I.

На Руси билъ черный богъ;
 Передъ нимъ билъ турій рогъ;
 Онъ на Кіевъ поглядѣть,
 Голосъ вѣдьмамъ подавалъ;
 Володимиръ же святой
 Черногога сбиль долой;
 Отъ святой Варвары жъ въ ночь
 Разбѣжался вѣдьми прочь
 Съ льнсы горь, гдѣ шировали,
 И всю ночь оибъ плясали.
 Святой Юрій прискакаль,
 И въ Невижѣ церкву сталъ.
 Но отъ князя Радзивила
 Понапала нечиста сила,
 Пану вѣру загубила.
 Батьки въ церкви не служили;
 Мшу ксвяди тамъ запонили;
 Ни отъ Сауца, ни съ Турова
 Къ намъ не слышалось ни слова,
 Ни единого словечка;
 Сталъ какъ блудная овечка
 Юрій, панъ святой хранитель,
 Храбрый зми побѣдитель.
 Мы предъ Юриемъ шадемъ,
 И помолнимся о томъ,
 Чтобъ его снятая сила
 Покарала Радзивила.

А. Майковъ.

II.

ПЕТРУСЬ.

Ой, худая вѣсти
 Люди приносили!
 Вѣднаго Петруса
 Дѣ смерти забини.
 А за что жъ забини,
 За вину какую?
 Отъ своей-то жонки
 Полобилъ чужую!
 Какъ же могъ подумать
 О такой ты пані?
 Пани — вся въ атласахъ,
 Ты жъ — въ худомъ кафтані!
 Пани трехъ служанокъ
 За Петрусемъ слава;
 Не дождаласъ пани,
 Въ поле поскарала:
 «Ой, бросай, Петрусекъ,
 Соху середъ поли!»
 Пана вѣту дома —
 Полная намъ воли!»
 Вѣрные холопи
 Пана повѣстали;
 Панскія хоромы
 Крѣпко оцѣнили.
 Выглянула пани,
 Видитъ — хлопонъ кучи;
 Панскій конь весь въ мѣлѣ,
 Панъ — черные тучи...
 «Сердечно-Петрусекъ,
 Утекай скорѣ!»

Пань прѣіхаль: тучи
Грозовой черѣбѣ!
Чуть Петрусь до двери —
Засивтали насти:
Вьютъ и вьютъ Петрусь
Часть, другой и третій.
Парень ужъ не даметъ:
Хлопцы бить устали;
За бока Петрусь
Взяли, подмазали.
Понесли къ Дунаю...
Быстръ Дунай раскрился...
«Вотъ тебѣ, голуубчикъ,
Что прѣігожь родилец!»

Вельможная пани
Въ сѣни выходила;
Пани рыболовалъ;
По рублю дарила:
«Будетъ намъ и больше!
Рыбачкѣ, идите,
Моего Петрусь
Тѣло изовите!»

Рыбаки искали
Въ омутѣ и тинѣ —
И мамли Петрусь
Въ Жалінекой долині.
Нового имъ къ пани
Вѣстникомъ отпривитъ,
Чтобы прѣіхала
Похороны справитъ.

Вельможная пани
Бродитъ какъ пальная;
О своемъ Петрусь
Плачетъ мать родная;
Плачетъ зять родная
Горькими слезами;
Вельможная слылетъ
Мѣлами рублями:
«Ой, не плачь ты, мати,
Пусть одна я плачу!
Жизнь и вавство съ сыномъ
И твоимъ утрачу!»
И ходила пани
Борани, тѣсами;
Щеки обливала
Жаркими слезами;
Всѣ обѣ остры камни
Поженены избилъ;

Бархатное платье
По росѣ смочила.

Ходитъ намъ по рынку,
Тяжело вдыхаетъ;
На себя самъ горько
Плачетъ, вѣивлетъ:
«Видай-ко я прежде
Про такую долю,
Не мѣнать Петрусью бѣ
Тѣшитъся я вволю!»

А. Майковъ.

III.

«Ой, синки мои, соколы мои,
Доченьки-голубоньки!
Какъ прѣідетъ мой часъ, помпратъ начну,
Вкрутъ мели сберитесь!»

Ходитъ въ горенкѣ, синки шепчутся,
Какъ имъ мать хоронитъ;
Ходитъ въ горенкѣ, зятя шепчутся,
Какъ добро раздѣлитъ;

Ой, а доченьки, что голубоньки,
Кругъ матушки вьются;
А невѣстунки ходитъ въ горенкѣ,
Надъ ними смѣются.

А. Майковъ.

IV.

Не ходи, конь, да въ зелѣный садъ,
Ой, не пей, конь, ключевой води,
Ой, не ѣшь, конь, зеленой травы!
Въ ключѣ дѣвица умивалася,
Красотѣ своей дивовалася:
«Красота ты моя красотунка!
Да кому, красота, ты достанешься:
Аль дворяницу, аль мѣщанину,
Аль тому гостю прѣіажему?»
— Ни дворяницу, ни мѣщанину,
Ни тому гостю прѣіажему:
Гробовымъ доскамъ, разсыпнымъ пескамъ.

П. Гервель.

V.

Ой, коли бѣ, коли
Москали пришли,
Москали пришли,
Пани ердніе,
Вѣри одния!
Было бѣ добре намъ,
Было бѣ счастно намъ
Колѣ вся бы Русь
Да держалася
Одной силой,
За одно была!
Только къ намъ за грѣхи,
Повалили ляхи,
Край пани зѣняли
Аль до Ляшквичъ.
И ляхи бѣ не пришли,
Да пани привели.
Ой, пани, чтобъ вы пропали,
Что насъ лихамъ запродали!
Ой, пани, чтобъ вы пропали,
Что имъ вѣру промѣняли!

А. Майковъ.

VI.

Ой катилася зари
Изъ подъ новаго двора;
Не зари тѣ золотая,
Ѣдетъ пани молодая:
Какъ она заговоритъ,
Словно въ звони зазвонитъ.

А. Майковъ.

VII.

При дорогѣ при широкой
Два дубочка стоятъ;
При бесѣдѣ, при веселой
Два молодичка вьютъ.
Они вьютъ и тарабарьютъ
Про женитбу свою.
Удалася ли, удалася ли,
Братъ, женитба твоя?
«Удалася, удалася,
Братъ, нелюбая жена!
Да пойду я, молодець,

Во новѣнкій городецъ,
Да куплю я, молодець,
Размазеваный золецъ;
Посажу я, молодець,
Да неуюбу жену:
Да спущу я, молодець,
На воду, на быструю:
Самъ пойду я, молодець,
На високою гору:
Погляжу я, молодець,
Да на ясную зарю:
Высокъ ли, высоко ли
Вышла ясная зари?
Далеко ли, далеко ли,
Братъ, нелюбая жена?
«Ой вернися, ой вернися,
Ты нелюбая жена!»
— «Не вернуся, не вернуся,
Яснѣ добрый молодець:
Не промашися на свѣтѣ
Вобилемъ ты, молодець,
А другую, молодую
Поведешь ты ноць вѣнецъ:
Будетъ лучше меня —
Позабудешь меня:
Будетъ хуже меня —
Таяъ вспоманешь меня!»

А. Майковъ.

VIII.

Не сѣни ты, батюшка,
При дорогѣ березки:
Не коси ты, братинька,
Травоньки шелковой;
Не щипай ты, сестрицька,
Дѣтниковъ въ садочкѣ;
Не бери ты, матушка,
Изъ ключа водичи.
При дорогѣ березка —
Я сама, владенька:
Травонька шелкова —
Мои руса коси:
Въ садочкѣ дѣтночки —
Мои ясны бѣни:
Во ключѣ водичи —
Мои горьки слезки.

А. Майковъ.

IX.

Вѣтры осенніе бѣлу березу раскачиваютъ,
Молодецъ добрый по сѣнямъ тесовымъ похаживаетъ,
Матеръ родную свою такъ утраиваетъ:
«Матушка, встань завтра рано-ранѣшенько,
Вытопи хату тепло ты теплѣшенько;
Столъ застелен полотнами бѣлыми,
Мѣду налей ты въ стаканы хрустальные:
Придутъ къ намъ гости не званіе,
Придутъ къ намъ гости не жданіе,
Придутъ насъ, матушка, въ рекруты брать,
Будутъ намъ, матушка, руки вязать».

— П. Гербель.

X.

На селѣ два брата — и живутъ богато;
Вотъ они на диво наварили шва;
Всѣхъ кто побогаче — всю родню сознали;
За сестрой богатой трѣхъ пословъ послали,
А сходить за бѣдной людямъ наказали.
Ой, сестру-бѣгачку на полѣ встрѣчаютъ,
А бѣднугу въ хатѣ сиди принимаютъ.
Къ образамъ богачку въ уголъ посадили,
А бѣднугѣ къ печкѣ мѣсто удѣлили.
Ой, сестру-бѣгачку мѣдомъ угощаютъ,
А бѣднугѣ водку въ чарку наливаютъ.
Почевать богачку братья приглашаютъ,
А бѣднугу къ печи за дверь провожаютъ.
По двору богачка веселится-скачетъ,
А сестра-бѣднуга въ тѣмномъ лѣсѣ плачетъ.
«Братцы, торонитесь, на коней садитесь,
Ее догоняйте, къ образамъ сайайте,
Больше чѣмъ самой мнѣ ей вы угожайте!»

— П. Гербель.

XI.

Бузина съ малиною
Разомъ зацвѣла;
Мать въ ту пору раннюю
Сина родила,
Не спросясь ни въ разула,
Въ службу отдала,
Въ войско, во солдатунки,
Въ сторону чужую.
Съла, съла матушка
На гору крутую,
И оттуда крикнула
Громенемъ голосомъ:

«Дятятно, что маешься?
Падешь ты о чѣмъ?
Ходишь такъ не весело,
Ходишь да крушишься?»
— «Матушка родимая,
Какъ развеселишься!
Чуждая сторонунка
Супитъ, сокрушаетъ,
Наши командирунки
Безъ вина ругаютъ».

— П. Гербель.

XII.

Въ чистомъ полѣ снѣгъ валяется,
По сирой землѣ ложится.
Сина мать благословляетъ.
Въ путь-дорогу снаряжаетъ.
Ахъ, ты мать моя родная,
Мать моя ты дорогая!
Я твою все горе знаю:
Въ край даѣйшій уѣзжаю,
Мать старуху покидаю,
И съ копя-то не слѣзжаю,
Изъ стремлѣнь не вынимаю
Ногъ усталыхъ — уѣзжаю
Прямо къ тихому Дунаю.
Ой, Дунай, рѣка большая!
Что ты мутная такая?
Аль волна тебя разбила,
Аль лѣбѣдка помутила?
— Пить, мени гранаты, нули
Помутили и раздули,
Черезъ Дунай перелезала,
Въ молодцовъ да попадая,
Съ плечъ голоушки срывая,
Тѣло бѣлое валяя.
Охъ, вы, кони вороние,
Мои кони дорогие!
Что не нѣгѣ изъ Дунаю —
Я того не разлагаю.
Ой, не пьютъ они — вздыхаютъ,
Глазъ съ зарѣчы не спускаютъ:
Какъ тамъ молодцы гуляютъ,
Какъ другъ друга убиваютъ;
Какъ текутъ тамъ, протекаютъ
Рѣчки алыми струями,
А ручьи текутъ словами,
Какъ мости тамъ настилаютъ
Челювѣчыми тѣлами.

— П. Гербель.

ПѢСНИ ЮГО-СЛАВЯНСКІЯ.

I. СЕРБСКІЯ.

1. ЭПИЧЕСКІЯ ПѢСНИ ПОРМЪ, ПРЕДШЕСТВОВАВШЕЙ КОСОВСКОЙ БИТВѢ.

ЦАРЬ СТЕФАНЪ ПРАЗДНУЕТЪ ДЕНЬ СВОЕГО
СВЯТОГО.

Царь Стефанъ великій праздникъ славить,
Празднуетъ Архангела Стефана
И гостей на праздникъ созываетъ,
Созываетъ триста іереевъ
И дванадцать владыкъ великихъ
И четыре старыхъ прогумна;
Разсадилъ ихъ по мѣстамъ, какъ надо,
Разсадилъ козлю на козльномъ,
Самъ пошелъ, гостямъ вино подносить,
Всякому по чину и по роду,
Какъ царю по правдѣ подобаетъ.
Но бесѣда говоритъ Стефану:
«Царь ты нашъ и солнце наше красно,
Намъ глядѣть зазорно и обидно,
Что ты служилъ и вино подносишь;
Сядь ты съ нами лучше за трапезу,
А вино пускай слуга поднеситъ!»
Царь Стефанъ на рѣчь ихъ соблазнился,
Сѣлъ съ гостями рядомъ за трапезу,
Въ честь святого не наполнивъ чашъ
И о Богѣ духомъ не смираясь;
Далъ слугамъ, чтобы съ виномъ ходили,
Честную угодица святого,
Самого жъ себя не могъ принудить
Послужить слугою чашъ единый.
Какъ стоялъ Стефанъ передъ гостями,

За плечомъ его стоялъ Архангелъ,
Крыльями его присѣняя;
А какъ сѣлъ Стефанъ съ гостями рядомъ,
Прогнѣвался на него Архангелъ,
По лицу крыломъ его ударилъ
И съ трапезы царской удалился.
Не выдалъ никто между гостями,
Увидаль одинъ маститый старецъ,
Какъ стоялъ Архангелъ за Стефаномъ,
Увидаль одинъ маститый старецъ,
Увидаль и горько опъ заплакалъ.
Какъ замѣтилъ то прислужникъ царскій,
Подождалъ и тихо старцу молвилъ:
«Что, старикъ, на праздникѣ ты плачешь?
Иль тебя не вдоволь угошали?
Мало ѣлъ ты, или пить сегодня?
Иль боишься, что тебя обидятъ,
Милостію царскою обдѣлать?»
Говоритъ ему маститый старецъ:
«Вотъ съ тобою, царскій ты прислужникъ,
Я не мало ѣлъ и пилъ сегодня,
Не боюсь я, что меня обидятъ,
Милостію царскою обдѣлать,
Но видѣнье чудное я видѣлъ:
Какъ стоялъ Стефанъ передъ гостями,
За плечомъ его стоялъ Архангелъ,
Крыльями его присѣняя;
А какъ сѣлъ Стефанъ съ гостями рядомъ,
Прогнѣвался на него Архангелъ,
По лицу крыломъ его ударилъ
И съ трапезы царской удалился.»
Рассказать про то царю прислужникъ;

Царь посѣшно всталъ изъ-за транспеци,
А за нимъ и триста иереевъ
И дванадесать владыкъ великихъ
И четяре старыхъ пропущина:
Взяли книги, начали молиться,
Вдѣли великое творина,
Цѣлыхъ три дни и три тѣмныхъ ночи,
Господу Всевышнему моляся
И Его угодину святому —
И царя понизовалъ угодникъ,
Отпуская грѣхъ ему великий,
Что съ гостями съѣлъ онъ за транспецу,
Въ честь святого не наполнивъ чаши,
И о Богѣ духомъ не смиряся.

П. БЕГЪ.

—

и.

ПОСТРОЕНИЕ СКАДРА.

Трое братьевъ городили городъ —
Марьявчичи званисъ братья:
Вукашинъ король былъ первый стройщикъ,
А другой Угѣша воевода,
Третій строилъ Марьявчичъ Гоико —
Городъ Скадаръ на рѣкѣ Боинѣ.
Ровно три года городятъ городъ,
Ровно три года, рабочихъ триста,
Но не могутъ и основу вивестъ,
А куда ужъ весъ поставитъ городъ.
Что работники построить за день,
То повадитъ злая вила за ночь.
Какъ четвертое настало лѣто,
Слышнеть — вила клечеть изъ Планин:
«Вукашинъ, не мучься ты задаромъ,
Не губи добра ты понарасу:
Не видать тебѣ и основанья,
А куда ужъ весъ поставитъ городъ,
Кои сходныхъ не найдешь духъ прозвищъ,
Сестру съ братомъ, Стою и Стояна,
И подъ башню ихъ ты не заложншь,
А заложншь — будетъ основанье
И построншь Скадаръ на Боинѣ!»
Какъ тѣ рѣчи Вукашинъ услышалъ,
Подымваетъ слугу Деснира:
«Десниръ, мое мнѣе чадо!
Быдъ дождикъ ты моимъ слугою,
Будь отнынѣ моимъ сыномъ милымъ!
Запрагай ты коней въ колесницу,

Шесть коней бери добра съ собою,
Поѣжай по бѣлому ты свѣту,
Духъ ницъ ты одинакихъ прозвищъ,
Сестру съ братомъ, Стою и Стояна,
Добывай за деньги, или силой,
И вези ихъ въ Скадаръ на Воину:
Мы заложимъ ихъ подъ башню въ камень,
Такъ поставимъ граду основанье
И построимъ Скадаръ на Боинѣ.»
Какъ услышалъ Десниръ тѣ рѣчи,
Снарядилъ коней и колесницу,
Шесть коней добра съ собою насплналъ
И поѣхалъ онъ по бѣлу свѣту;
Бѣднть, шцеть одинакихъ прозвищъ,
Бѣднть, шцеть Стою и Стояна.
Ужъ три года Десниръ проѣздилъ,
Не нашолъ онъ одинакихъ прозвищъ,
Не нашолъ онъ Стою и Стояна,
И назадъ прѣхалъ къ Вукашину,
Отдасть коней и колесницу,
И кони, какъ были, вынмааетъ:
«Вотъ тебѣ кони и колесница,
Вотъ и все добро твое, богатство!
Не нашолъ я одинакихъ прозвищъ,
Не нашолъ я Стою и Стояна!»
Какъ услышалъ Вукашинъ тѣ рѣчи,
Призываетъ зодчаго онъ Рада,
Зодчій клечеть всѣхъ людей рабочиыхъ,
Стали строить Скадаръ на Боинѣ,
Зодчій строитъ, злая вила валитъ,
Не дасть и основанья вивестъ,
А не только весъ построитъ городъ,
И опять съ горы загоасила:
«Эй, король, не мучься ты задаромъ,
Не губи добра ты понарасу!
Коль не можешь и основу вивестъ,
Такъ куда жъ тебѣ построитъ городъ!
Но послушай моего совѣту:
Вась три брата на рѣкѣ Боинѣ,
И у всякаго по вѣрной любви,
Чья придетъ сюда поутру прежде
И рабочимъ принесеть обѣдать,
Заложите вы тоѣ подъ камень:
Основанье граду будетъ крѣпко,
Ты построншь Скадаръ на Боинѣ.»
Какъ услышалъ Вукашинъ тѣ рѣчи,
Призываетъ онъ родимыхъ братьевъ,
Говоритъ имъ: «братья дорогие,
Вопь съ горы что говоритъ мнѣ вила:
Вншь добро мы понарасу губимъ,
Ни за что намъ съ вилою не садитъ,

Не позволить вивестъ и основы,
А куда ужъ весъ построитъ городъ!
Да сказала, что вотъ насъ три брата
И у всякаго по вѣрной любви:
Чья придетъ поутру на Воину
И рабочимъ принесеть обѣдать,
Заложитъ тебъ велитъ подъ башню:
Такъ поставимъ граду основанье
И построимъ Скадаръ на Боинѣ.
Только, братья, заклиная Богомъ,
Чтобъ ни чья про то не знала любя;
Мы оставимъ это имъ на счастье:
Чья поидеть, та и поидеть съ обѣдомъ!»
И другъ дружѣй братья клятву дали,
Что ни кто своей не скажетъ любя.
Такъ застала ихъ пора ночная,
Ко дворямъ они вернулись бѣлымъ
И за ужинъ сѣлы за господскій,
А потомъ пошли въ опочивальни.
Но великое свершилось чудо:
Вукашинъ не удержался первый,
Разказалъ онъ все подругѣ-любѣ:
«Ты послушай, любя дорогая,
Не ходи ты завтра на Воину
И рабочимъ не носи обѣдать,
А не то себя, душа, погубишь:
Закладутъ тебя подъ башню въ камень!»
И Угѣша клятвы не исполнлалъ,
Разказалъ и онъ подругѣ-любѣ:
«Ты послушай, любя дорогая,
Не ходи ты завтра на Воину
И рабочимъ не носи обѣдать,
А не то себя, душа, погубишь:
Закладутъ тебя подъ башню въ камень!»
Лишь одинъ не посерамилъ Гоико,
Не сказалъ своей ни слова любя.
Какъ назавтра утро засѣло,
Встали братья и пошли на стройку.
Часть обѣда настаетъ рабочимъ,
А черѣдъ за любю Вукашина.
Вотъ идетъ она къ своей невѣсткѣ,
Къ молодой Угѣшиной хозяйкѣ,
Говоритъ: «невѣстка дорогая,
Помоги, неможется мнѣ нынче,
Голову мнѣ съ вѣтра разомило:
На, снеси обѣдъ рабочимъ людямъ!»
На, снеси обѣдъ рабочимъ людямъ!
Но Угѣшина подруга молвитъ:
«Ахъ, невѣстка, радостью бы рада,
Да рука сегодня заболѣла,
Попроси уль ты споху меньшую!»
Та ириходитъ къ Гоикниной подругѣ,

Говоритъ: «невѣстка дорогая,
Помоги, неможется мнѣ нынче,
Голову отъ вѣтра разомило:
На, снеси обѣдъ рабочимъ людямъ!»
Люба Гоики ей на это молвитъ:
«Матушка ты наша, королева,
Отнеса бы я тебѣ съ охотой,
Да еще ребенка не узнала
И полотець не стирала бѣлымъ»
Вукашинна на это молвитъ:
«Ты ноги, невѣстка дорогая,
Отнеси обѣдъ рабочимъ людямъ,
А ребенка я тебѣ помою
И полотеца выстираю бѣлымъ.»
Нечего, пошла подруга Гоики,
Понесла обѣдъ рабочимъ людямъ;
Какъ пришла она къ рѣкѣ Боинѣ,
Увидалъ свою подругу Гоико,
Стало Гоикѣ радосадно-горько,
Стало жалъ ему подруги вѣрной,
Стало жалъ и малаго ребенка,
Что глядѣлъ на бѣлый свѣтъ лишь мѣсяцъ:
Сѣзъмъ пролилъ Марьявчичъ Гоико;
Издаалъ его узнала любя,
Тихой поступью къ нему подходитъ,
Говоритъ ему такое слово:
«Что съ тобою, господинъ мой добрый,
Что ты роишь нынче горькн сѣзъмъ?»
Отвѣчаетъ Гоико Марьявчичъ:
«Ахъ, душа ты, вѣрная подруга!
Пришлочилось горькое мнѣ горе:
Яблоко пропало золотое,
Уклатилось въ быструю Воину:
Вотъ и плачу, слезъ не одолжю!»
Но не тужитъ Гоикнина подруга,
Говоритъ она, смѣючисъ, мужу:
«Лишь бы ты мнѣ былъ здоровъ и веселъ,
А про яблоко чего крушиться:
Наширемъ ми яблоко и лучше!»
Тутъ еще ему горьче стало;
Отъ своей онъ любви отвернуся
И смотрѣть ужъ на нее не можетъ.
Подопали тогда родные братья,
Денеры его подруги-любю,
За бѣлымъ се схватили руки,
Поведи закладывать подъ башню,
Признають зодчаго на стройку,
Зодчій собралъ всѣхъ людей рабочиыхъ,
Но смѣется Гоикнина подруга,
Дуааетъ, что съ нее шутни шутятъ.
Стали въ городъ городить бѣднгу,

Навалили триста тѣ рабочицъ,
Навалили дерева и камня,
Что кою бы стало по колѣни;
Люба Гойки все еще смѣется,
Думаетъ, что съ нею шутку шутятъ.
Навалили триста тѣ рабочицъ,
Навалили дерева и камня,
Что кою бы по повѣс хватило;
Какъ осѣло дерево и камень,
Увидала Гойкина подруга,
Что бѣда у ней надъ головою,
Взвизгнула змѣёю мѣдвѣницей,
Доверямъ своимъ взмолилась жалко:
«Ради Бога, братья, не давайте
Загубитъ мнѣ молодѣ въкъ зелѣный!»
Такъ молила да не умолила:
Ни одинъ и поглядѣть не хочетъ.
Тутъ зазоръ и срамъ она забыла,
Господину своему взмолилась:
«Не давай ты, господинъ мой добрый,
Городитъ меня подѣ башню въ городѣ,
По ноди ты къ матушкѣ родимой,
У нея добра въ дому найдется,
Пусть раба или рабыню купишь:
Заложите ихъ подѣ башню въ камень!»
Такъ молила да не умолила —
И когда увидѣла бѣдлага,
Что мольба ей больше не поможетъ,
Зодчему тогда она взмолилась:
«Побратимъ ты, побратимъ мой зодчій,
Проруби мнѣмъ грудямъ окошко,
Вѣдше сосцы паружу выставъ:
Какъ придетъ свѣда мой соколъ Вана,
Пососѣтъ онъ материнской грудчѣ!»
Какъ сестру, ея послушалъ зодчій,
Прорубилъ ея грудямъ окошко
И сосцы ей выставитъ наружу,
Чтобы могъ, приѣд, ея Ванюша
Покормитъ материнской грудью.
Снова зодчему она взмолилась:
«Побратимъ ты, побратимъ мой зодчій!
Проруби мнѣмъ очамъ окошко,
Чтобъ глядѣть мнѣ на высокой теремъ,
Колѣ Ваню понесутъ оттуда
И назадъ съ нимъ къ терему вернуться.»
И опять ея послушалъ зодчій:
Прорубилъ ея очамъ окошко,
Чтобъ глядѣть на теремъ ей высокой,
Какъ оттуда понесутъ къ ней Ваню
И назадъ съ нимъ къ терему вернуться.
Такъ ея загордили въ городѣ;

Великій день носилъ къ ней Ванюшу;
Восемь дней она его кормила,
На девятый потеряла голосъ,
Но кормила Ваню и опослѣ:
Цѣлый годъ его туда носили.
И понынѣ у людей въ поминѣ,
Что бѣжить и будто тихо каплетъ
Ради чуда молока оттуда,
И приходять жоны молодчи
Грудью той лечитъ сосцы сухіе.

Н. Вергъ.

—

III.

БАНОВИЧЪ СТРАХИНЬЯ.

Жилъ да билъ Страхины Бановичъ, *)
Былъ онъ баномъ мадеьнаго банства,
Маленькаго банства край Косова.
Не бывало сокола такого!
Поднимается онъ рано утромъ,
Созываетъ слугъ и домохозяцъ:
«Вѣрные вы слуги-домочадцы!
Осѣдлайте мнѣ коня лихого.
Что ни лучшую достанете сбрую
И поддурни крипиче подтантите:
Я собираюсь, дѣти, въ путь-дорогу,
Не надоело покидаю банство,
Бѣду, дѣти, въ городѣ бѣтъ Крушевцѣ,
Къ дорожному гестю Югъ-Вогдану
Къ его Юговичамъ любезнымъ:
Хочется мнѣ съ ними новидаться!»
Побѣжали слуги-домочадцы
И коня для бана осѣдали.
Онъ выходитъ, надѣваетъ чоху, **)
Надѣваетъ чоху алой шерсти,
Что свѣтлѣе серебра и злата,
Что яснѣе мѣсяца и солнца,
Надѣваетъ диву и кадилу;
Изукрасилъ нашъ ясный соколы,
На коня садится на лихого —
Какъ махнулъ и прилетѣлъ въ Крушевцѣ,
Гдѣ недавно царство основалось.
Югъ-Вогданъ встрѣчать его выходитъ,
Съ девятью своими сыновьями,

*) Одинъ изъ главныхъ героевъ косовской битвы, происходившей на Косовомъ полѣ 13-го июня 1389 года, въ Видуль день, и рѣшившей участь Сербскаго царства.

**) Родъ плаща со шкурами.

Съ девятью своими соколами,
Обнимаютъ и целуютъ бана;
Конюхи коня его принимаютъ;
Самъ идетъ онъ съ Югъ-Вогданомъ въ теремъ,
Въ терему они за столъ садятся
И господичи заводятъ рѣчи.
Прибѣжали слуги и служанки,
Гости подчуютъ, вино подносятъ;
Господа усадили по порядку:
Выше всѣхъ, въ челѣ, на первомъ мѣстѣ,
Югъ-Вогданъ, домовладыка старый,
Страхины-банъ ему по праву руку,
А потомъ Юговичи и гости;
Кто моложе, подчинялъ старѣйшимъ;
Больше всѣхъ Юговичи служили,
Другъ за дружкой угощая батьку,
Старого, сѣдого Югъ-Вогдана
И гостей хлѣбъ-солью обносили,
Особливо зятя Страхины-бана;
А слуга ходилъ съ виномъ и водкой,
Наливая онъ золотую чарку,
Въ чаркѣ было девять полныхъ литровъ;
А потомъ, братъ, подали и сласти,
Угощенья, сахарныя варенья,
Ну, какъ знаешь, на пирушкѣ царской!
Загостился банъ у Югъ-Вогдана,
Загостился тамъ, запростаился,
И не хочетъ ужъ оттуда ѣхать.
Всѣ, что съ нимъ въ Крушевцѣ шпроваи,
Надошли старому Богдану,
Говора и вечеромъ и утромъ:
«Государь нашъ, Югъ-Вогданъ могучій!
Шелькону тебѣ целуемъ позу
И твою десную бѣду руку —
Онажи ты милость намъ и ласку,
Потрудися, приведи къ намъ зятя,
Дорогого бана Страхины-бана,
Приведи его подѣ наши кровли,
Чтобъ его почесствовать намъ широмъ.»
И Вогданъ водилъ къ нимъ Страхины-бана.
Такъ живутъ они и поживаютъ,
И не малое проходитъ время;
Страхины-банъ у Юга загостился;
Но стрясла Сѣда надъ головою:
Разъ поутру, только встало солнце,
Шастъ пнесьмо къ Страхинычу изъ Банства,
Онъ его отъ матери любезной.
Банъ раскрылъ его и, на колѣно
Положивши, про себя читаетъ;
Вотъ оно что бану говорило,
Вотъ какъ мать плала его, журила:

«Гдѣ ты, сынъ мой, празднуешь, пируешь?
На бѣду вино ты пьешь въ Крушевцѣ,
На бѣду у тещи загостился!
Прочитай теперь — и все узнаешь:
Изъ Едрена *) даръ пришелъ турецкій,
Захватилъ онъ все Косово поле,
Визирей навелъ и сераскировъ,
А они съ собой проклятыхъ беевъ,
Всю турецкую собрали силу,
Все Косово поле обступили,
Обхватили обѣ наши рѣчки,
Обхватили Лабу и Ситницу,
Заперли кругомъ Косово поле.
Говорятъ, рассказываютъ люди:
Ниль отъ Мрамора до Явора-Сухого,
А отъ Явора, сынъ, до Сазаги,
Отъ Сазаги на Мостъ на Желѣзный
А отъ Моста, сынъ, до Звечана,
Отъ Звечана, сынъ, до Чечана,
Отъ Чечана, до планши **) высокихъ
Разлеглося вражеское войско
И нѣвестъ члѣдъ окаяннй силы.
Говорятъ, у самого султана
Дѣлсти тысячъ молодцовъ отборныхъ,
Что имѣють за собой имѣнья,
Что на царскомъ проживаютъ кошѣ
И на царскихъ коняхъ разъѣзжаютъ;
Винъ, оружія не носятъ много,
А всего на нихъ вооружены —
Ягаганъ у пояса да сабля.
У турецкаго царя-султана
Есть другое войско — яничары,
Что содержатъ при султанѣ стражу;
Яничаръ тѣхъ также дѣлсти тысячъ.
Есть и третья сила у турчина,
Третья сила — Тука и Манчука:
Въ трубы трубить, колетъ всѣхъ и рубить.
Велятъ, сынъ, силы есть у турка:
А еще, сынъ, у турчина сила:
Самовольный турокъ Влахъ-Алія,
Что не слушаетъ царя-султана,
А не только ужъ паншей и беевъ:
Съ ихъ войсками, съ борзими конями,
Комары они ему да мухи.
Вотъ какой, сынъ, зотѣ Влахъ-Алія!
Не хотѣлъ добромъ идти онъ прямо
На Косово со своимъ султаномъ,
А свернулъ дорожку на дѣво,

*) Едрель — Адрианополь, старая столица Турціи.

**) Планши — больша гора.

И ударилъ онъ на наше багнето,
 Все пожогъ, расхитилъ и разграбилъ
 И на камнѣ камня не оставилъ;
 Разогналъ твоихъ онъ домоначдцевъ,
 У меня жь передомилъ онъ ногу,
 На меня слонимъ конемъ наѣхалъ;
 Взядъ въ полонъ твою подарку-любю
 И увелъ съ собою на Косово:
 Подъ шатромъ ее теперь цадуетъ!
 Я одна тебѣ, мой смилъ, осталася,
 Горько плачу здѣсь на пенешнѣхъ,
 Горько плачу здѣсь, а ты пируешь,
 Пьешь вино въ Крушевцѣ съ Югъ-Богданомъ:
 Не въ утѣху бы тебѣ гуляне!»
 Взяло бана горе и досада,
 Какъ прочелъ, что мать ему писала;
 Сталъ лицомъ онъ пасмуренъ, невѣселъ,
 Черные усъ свои повѣсилъ,
 Черные усъ на грудь упали,
 Ясны оченки его померкли,
 И горючія пробилася слезы.
 Югъ-Богданъ увидѣлъ Страхины-бана
 И какъ жаркій пламень загорѣлся —
 Говоритъ онъ зятю Страхины-бану:
 «Чтѣ ты это пасмуренъ, печалень?
 Вогъ съ тобою, Страхины-банъ мой милый,
 На кого ты нынче разсердился?
 Не шурья ли что ли насмѣялся,
 Прогнѣвали въ разговорѣ словомъ?
 Иль золонки мало утощали?
 Иль тебѣ чужо твое достало?»
 Выспикнулъ банъ и тустю отвѣчаетъ:
 «Ну те къ Богу, старый, не пугайся!
 Я въ ладу съ любезными шурьями,
 Не видаль обидъ и отъ золонковъ,
 Хорошо погаль меня и кормять,
 И всего мнѣ вдоволь здѣсь и вдосталъ,
 Но съ того я горекъ и печалень,
 Что пришли ко мнѣ дурная вѣсти
 Отъ моеи отъ матери изъ багнетъ.»
 Тутъ про все Богдану онъ повѣдалъ,
 Какъ нагрянули къ нему злодѣи,
 Какъ дворы его опустошили,
 Какъ прогнали вѣрнихъ домоначдцевъ,
 Какъ родную мать его зашибалъ,
 Какъ въ полонъ его подарку взяли:
 «Вотъ она, моя подарку-любя!
 Вотъ она, гдѣ дочь твоя родная!
 Страмота и стыдъ для насъ обонки!
 Но, послушай, тустъ ты мой любезный:
 Какъ помру, ты вѣрно поможашь,

Пожалѣй же ты меня живого!
 Клянясьсь, можлосъ тебѣ покорно,
 Вѣлабу твою цалую руку,
 Отпусти Юговичей со мною:
 Я поѣду съ ними на Косово,
 Поищу тамъ моего злодѣя,
 Царскаго ослунника лихого,
 Что меня такъ тяжко разобидѣлъ.
 Ради Бога, тустъ мой, не пугайся,
 И за нихъ ты ничего не бойся:
 Я у нихъ перебѣню одѣжу,
 Я одѣну ихъ какъ турки ходятъ:
 На голову — бѣлые кауки, *)
 На плечи — зеленые долманъ,
 На ноги — широкіе чекчиры,
 За поясъ — отточенную саблю;
 Да вѣло слагамъ, чтобъ осѣдлали
 Бѣрзыхъ коней, какъ сѣдають турки:
 Чтобъ подирути крѣпче подтанути,
 А за мѣсто чапраковъ подъ сѣда
 Медвѣдѣй бы положили черныхъ —
 Пустьъ ужъ будутъ точно янчары!
 А когда пойдутъ черезъ Косово,
 Сквозъ полки турецкаго султана,
 Тамъ ребята пусть меня боится,
 Пятая назадъ какъ отъ старшодю.
 Я впередъ поѣду дѣлбашемъ;
 Коли кто на встрѣчу попадетъся,
 Вздумаеть поговорить со мною
 По-турецки, или по-мавовски, **)
 Я могу поговорить съ турчиномъ
 По-турецки или по-мавовски;
 Вздумаеть со мной по-арнаутски,
 Я и скажъ ему по-арнаутски;
 Вздумаеть со мною по-арабски,
 Я и скажъ съ турчиномъ по-арабски.
 Такъ пройдемъ мы черезъ все Косово,
 Такъ обманемъ всѣхъ людей турецкихъ
 И отнѣмемъ моего злодѣя,
 Сильнаго турчина Влахъ-Алию,
 Кдѣ меня такъ тяжко разобидѣлъ.
 Мнѣ шурья противъ него помогутъ,
 А одинъ я такъ какъ-разъ погибну,
 Одного меня какъ-разъ поранять!»
 Какъ услышалъ Югъ-Богданъ тѣ рѣчи,

*) Каукъ — шапка или колпакъ, который турки обивають чалмою.

**) Врантосъ вѣястско-турецкій или такъ называемый мавовскій языкъ, былъ несомнѣнно привязанъ турсъ, и имъ исповывали сербы и болгары, которые болѣею частью говорятъ по европеиски-турецки какъ турки.

Вспякнулъ гнѣвомъ, зятю отвѣчаетъ:
 «Страхины-банъ мой дорогой и милый!
 Не проспалася видно ты сегодня,
 Что дѣтей моихъ съ собою просишь,
 Чтобъ вести ихъ на Косово поле,
 Чтобы ихъ перекололи турки!
 Не могъ и помнить про это!
 Не иди имъ, Страхины-банъ, съ тобою,
 Хоть бы дочь мнѣ вовсе не увидѣлъ,
 Что ты, банъ, съ чего такъ расхочился?
 Знаешь ли ты, или ты не знаешь,
 Коли ночь она проночевала,
 Ночь одну проночевала съ туркомъ,
 Такъ тебѣ ужъ въ любви не годится:
 Самъ Господь убилъ ее и проклялъ!
 Брось ее, покинь на басурмана!
 Отпущу тебѣ невѣсту твою,
 Пьянъ навѣсяю у тебя на свадьбѣ,
 Буду вѣкъ пріателемъ и другомъ,
 Но дѣтей не отпущу съ тобою!»
 Закричавъ Страхины, разгорѣлся,
 Завизгавъ онъ съ горя и досади,
 Но ни слова не сказала Богдану,
 Ничего не позвала и не кликнула,
 Самъ пошелъ и отворилъ конюшню,
 Своего коня оттуда вывелъ,
 Ухъ, какъ осѣдлалъ его Страхины!
 Ухъ, какъ подтанулъ ему подируту!
 Какъ взнуздаль его стальной уздою!
 Тутъ на улицу коня онъ вывелъ,
 Къ каменному подомолу приступку
 И махнулъ въ сѣдло единымъ махомъ.
 На Юговичей потомъ онъ глянулъ,
 А Юговичи въ смрую землю;
 На Неманча потомъ онъ глянулъ,
 Чтѣ Страхиныѣ своимъ считался,
 И Неманчи во смрую землю.
 А какъ нишъ съ нимъ вино и водку,
 Всѣ какъ пунные они хвалились,
 Всѣ хвалились и божились зятю:
 Передъ Богомъ, банъ ты нашъ Страхины,
 Все возьмимъ, и насъ и нашу землю!
 А тустеръ, какъ со двора поѣхалъ,
 Нѣтъ ему товарища и друга,
 На Косовское иди съ нимъ поле.
 Горькой банъ одинъ-однимъ остался,
 И одинъ пускается въ дорогу.
 ъдетъ прямо Крушевцемъ полемъ,
 И когда поля-поля переѣхалъ,
 На городъ еще онъ оглянулся:
 Чтѣ не ѣдутъ ли шурья позды?

Чтѣ не жалко ли его имъ стало?
 Но никто позвалъ его не ѣхалъ.
 Тутъ увидѣлъ банъ, что ни откуда
 Помощи въ бѣдѣ ему не будетъ,
 И взбрело Страхинычу на мысли,
 Что съ собой въ дорогу неа онъ не взялъ,
 Своего лихого Карамана,
 Пса, чтѣ былъ ему коня дороже.
 Крикнулъ онъ изъ бѣгаго изъ горла:
 Караманъ его жесалъ въ конюшнѣ,
 Какъ заслышалъ онъ господскій голосъ,
 Высочилъ и по пою понесся,
 И догналъ онъ духомъ Страхины-бана,
 Вдругъ него и бѣгаетъ, и скачетъ,
 Брыкаетъ ошейникомъ желѣзнымъ,
 И въ глаза заглядываетъ бану,
 Будто глаза выговорить хочеть.
 Отлегло на сердцѣ у Страхины,
 Веселѣй Страхиныѣ стало ѣхати.
 ъдетъ онъ чрезъ горы, чрезъ доли,
 Наконецъ доѣхалъ до Косова;
 Какъ взглянулъ да какъ увидѣлъ турогъ,
 Оборвалось сердце у Страхины,
 Но призвалъ онъ истиннаго Бога —
 И поѣхалъ смѣло черезъ поле.
 ъдетъ банъ черезъ Косово поле,
 На четыре стороны онъ ѣдетъ,
 Ищетъ банъ турчина Влахъ-Алию,
 Но ни гдѣ найти его не можеть.
 Банъ спустился на рѣку Ситаницу
 И увидѣлъ у рѣки у самой
 На пескѣ стоить шатеръ зеленый,
 Широко раскинулся надъ полемъ;
 На шатрѣ позолоченный яблосъ,
 Чтѣ сияетъ и горитъ какъ солнце;
 Предъ шатромъ конь воткнуто въ землю,
 Воронъ конь къ тому коню привязанъ,
 У коня мѣшокъ съ овсомъ подъ мордой,
 Къ коня стоить и въ землю бѣтъ конятомъ.
 Какъ увидѣлъ Вановичъ шатеръ тотъ,
 Онъ умомъ и разумомъ раскинулъ:
 Ужъ не это ли шатеръ Алию?
 Подсказалъ, коньемъ въ него ударилъ
 И откинулъ полу, чтобы глянуть,
 Чтѣ такое подъ шатромъ творится.
 Не было тамъ сильнаго Алию,
 А сидѣлъ какой-то пьяный деревнишъ,
 Борода сѣдая по колѣни;
 Непотребствуетъ проклятый деревнишъ
 И вина не въ мѣру налиываетъ —
 Въ чашу лѣетъ онъ, а вино-то на полъ.

Ажно очи набѣжали кровью!
 Какъ увидѣлъ дerviша Страхинычъ,
 Пророчалъ ему селамъ турецкій;
 Пыный дerviшъ главуцъ изподобылъ:
 «А, здорово делибанъ Страхинычъ!»
 Стало бану горько и досадно,
 По-турецки дerviшу онъ молилъ:
 «Врешинъ, дerviшъ, съ пшью обознаеса,
 Съ пшью лаешъ глупца ты рѣчи,
 И гяуромъ турка называешъ!
 Про какова говоришь тамъ бана?
 Я не банъ, а конюхъ я султанскій;
 Я приношу съ султанскими конями,
 Да бѣда мнѣ: кони разбѣжались
 По несметной по турецкой рати;
 Мы теперь гоняемся за ними,
 Чтoby они совсѣмъ не распронали.
 А ужъ ты старикъ молчалъ бы лучше,
 Расскажу не-то царю-султану,
 Такъ ужъ тебѣ за это будетъ!»
 Засмѣяся громко старій дerviшъ:
 «Делибанъ ты, делибанъ Страхинычъ!
 Знаешъ ли, Страхинычъ, Богъ съ тобою,
 Я стою въ Голечѣ-планинѣ
 И узналъ тебя, когда ты ѣхалъ
 Связозъ полки несметныя султана,
 И коня я распозналъ далѣе,
 Да и пса я твоего пригнѣзилъ,
 Вѣрнаго, лихого Карамана.
 Эхъ, Страхинычъ, знаешъ ли, Страхинычъ,
 Я узналъ тебя, Страхинычъ, сразу
 По лицу и по глазамъ сердитымъ;
 Да и усъ, какъ поглажу, такой-же!
 Помнишь ли ты, Богъ съ тобой, Страхинычъ,
 Какъ попался я къ твоимъ вандурамъ,
 На горѣ высокой на Сухарѣ:
 Ты велѣлъ меня въ темницу бросить;
 Девять лѣтъ я пролежалъ въ темницѣ
 И десятое ужъ лѣто наступало —
 Сказалия ти что-ли надо мною,
 Своего темничника ты влкнулъ
 И на свѣтъ велѣлъ меня ти вывести.
 Какъ темничникъ, сторожъ твой темничный,
 Да привелъ меня къ тебѣ предъ очи —
 Знаешъ ли ты, помнишь ли, Страхинычъ,
 Какъ меня распранивать ти началъ?
 Лютой змѣй, поганый аспидъ турка!
 Околѣешь ти въ моей темницѣ!
 Хочешъ ли ты, турка, откушиться?
 Ты спросилъ я и тебѣ отвѣтилъ:
 Откушавъ, кони на волю пустишь,

Если дашь мнѣ отчину увидѣть;
 У меня въ дому добра найдется:
 Есть и земан, есть тебѣ и лени,
 Залачу, лишь отпусти на волю!
 А не вѣришь — Богъ тебѣ порука,
 Божья вѣра — вотъ тебѣ порука,
 Что получишь ты богатый выкупъ!
 Ты повѣрилъ, далъ ти мнѣ свободу,
 Отпустилъ меня въ родимый городъ,
 Ко дворямъ моимъ высконимъ, бѣлымъ,
 Но какъ я на родину вернуся,
 Горькое одно увидѣлъ горе:
 Безъ меня промчалъ у насъ зараза,
 Поморила и мужчинъ и женщинъ,
 Не осталось ни души въ деревнѣ,
 Всѣ двори понадали и сгнили,
 Даже стѣмъ поросли травою,
 А что было — серебро и лезъ —
 Все съ собою захватилъ турки.
 Какъ увидѣлъ я двори пустыя,
 Гдѣ не стало ни души единой,
 Думаъ, думаъ и одно придумалъ:
 У юнца отбилъ коня лихого
 И пустился къ городу Едрену,
 Къ самому великому султану.
 Доложилъ визиръ царю-султану,
 Что каковъ я молодецъ удалый,
 И они въ кафтанъ меня одѣли,
 Дали саблю и шатеръ богатый,
 И коня мнѣ дали вороного,
 Дали мнѣ коня и наказали,
 Чтoby служилъ по вѣкъ царю-султану.
 Ты приношу за выкупомъ Страхинычъ?
 Нѣтъ со мной, Страхинычъ, ни динара!
 На бѣду одну ти приахалъ;
 Понадѣйся на Косовѣ туркамъ,
 Ни за что вѣдь голову погубишь!»
 Смотритъ банъ, огадываетъ турка,
 Узнаетъ онъ дerviша сѣдова,
 Слѣлъ съ коня и къ дerviшу подходитъ
 И его рукою обнимаетъ:
 «Богомъ братъ мой, старина ты дerviшъ,
 Мы про долгъ съ тобою позабудемъ!
 Кланяюсь тебѣ я этимъ долгомъ!
 Не за долгомъ я сюда ирѣхалъ,
 А ищю я сильнаго Алю,
 Чтoby двори всѣ у меня разграбилъ,
 Чтoby убрелъ мою подругу-любу.
 Ты скажи мнѣ лучше, старій дerviшъ,
 Какъ найти мнѣ моего злодѣя;
 Но молю тебя опять, какъ брата:

Ты, смотри, меня не выдай туркамъ,
 Чтoby въ плѣтъ меня не захватилъ.»
 Старій дerviшъ бану отвѣчаетъ:
 «Соколъ ты изъ соколовъ, Страхинычъ!
 Вотъ тебѣ, Страхинычъ, Богъ порука,
 Хоть сейчасъ возми свою ты саблю
 И поль-войска у султана вырѣжь —
 Не скажу я никому ни слова!
 Не забуду вѣкъ твоей хлѣбъ-соли:
 Какъ сидѣлъ я у тебя въ темницѣ,
 Ты поилъ, кормилъ меня, Страхинычъ,
 Выводилъ на свѣтъ обогрѣваться,
 И пустилъ меня на честномъ словѣ.
 Я тебя не продамъ и не выдамъ,
 И тебѣ измѣнникомъ я не былъ,
 И во-вѣкъ измѣнникомъ не буду,
 Такъ чего жъ тебѣ меня бояться!
 А что спрашиваешъ ты, Страхинычъ,
 Про турчина сильнаго Алю:
 Онъ раскинулъ свой шатеръ широкой
 На горѣ на Голечѣ-планинѣ;
 Но послушая моего совѣту:
 На коня садися ты скорѣе
 И скачи отсюда безъ-огадны,
 А не то безъ пользы ты погибнешъ.
 Не поможетъ молодая сила,
 Ни рука, ни сабля боевая,
 Ни конь, отравленное ядомъ:
 Ты до Влаха сильнаго дойдѣшь,
 Да назадъ-то Влахъ тебя не пуститъ,
 И съ конемъ тебѣ захватитъ вѣстѣ
 И со всѣмъ твоимъ вооруженьемъ;
 Руки онъ тебѣ переломаетъ,
 Выколетъ глаза тебѣ живому.»
 По смѣется дerviшу Страхинычъ:
 «Полно, дerviшъ, плакать созоранку!
 Объ одномъ молю тебя какъ брата —
 Только туркамъ ты меня не выдай!»
 Старій дerviшъ бану отвѣчаетъ:
 «Слышишь ли ты, делибанъ Страхинычъ,
 Вотъ тебѣ всеваший Богъ порука,
 Хоть сейчасъ ты на коня садися,
 Выхвати свою лихую саблю
 И поль-войска изруби у турокъ,
 Не скажу я никому ни слова!»
 Банъ садится на коня и ѣдетъ,
 Обернулся и съ коня онъ кличетъ:
 «Эй, братъ дerviшъ, сослужи мнѣ службу:
 Ты поишь и вечеромъ и утромъ
 Своего коня въ рѣкѣ Ситницѣ,
 Покажи, гдѣ бродитъ черезъ рѣку,

Чтoby мнѣ съ конемъ не утонуть!»
 Старій дerviшъ такъ отвѣтилъ бану:
 «Страхинычъ-банъ ты, ясный соколъ сербскій,
 Для тебя и для коня такого
 Всюду бродка, всюду переходы!»
 Банъ махнулъ и перебрѣлъ Ситницу,
 И помчался по Косову полю
 Къ той горѣ, гдѣ былъ шатеръ широкий
 Сильнаго турчина Влахъ-Али.
 Банъ далѣе, солнчику висѣю,
 Освѣтло все Косово поле
 И полки несметныя султана.
 Вотъ тебѣ и сильный Влахъ-Али!
 Прощаю ночь онъ съ бановича любой,
 Подъ шатромъ, на Голечѣ-планинѣ;
 Ужъ такой обманъ у турчина —
 Поутру дремать, какъ встанетъ солнце:
 Легъ-себѣ, закрылъ глаза и дремлетъ.
 И мила ему Страхинычъ любя:
 Головою въ колѣни къ ней склонился,
 А она его руками держитъ,
 И глядитъ на поле на Косово,
 Сквозъ шатеръ расторенный широко,
 И рассматриваетъ силы рати,
 И какие тамъ шатры у турокъ
 И какіе витязи и кони.
 На бѣду вдругъ оустила очи,
 Видитъ — скачетъ молодецъ удалый,
 По Косовскому несется полю.
 И рукою она толкнула турка,
 По шею его рукою треплетъ:
 «Государь мой, сильный Влахъ-Али!
 Пробудися и поднимисъ скорѣе:
 Немоднота, чтoby те погъ не днугатъ!
 Подносивай свой литый полевъ,
 Уберисъ своимъ оруженъ свѣтлымъ,
 Видишь, ѣдетъ къ намъ сюда Страхинычъ,
 Страхинычъ-банъ изъ маленькаго банства:
 Голову тебѣ отрубитъ саблей,
 А меня онъ увезетъ съ собою,
 Выколетъ живой мнѣ оба ока!»
 Вспихнулъ турокъ, чтoby огонь, чтoby пламень,
 Вспихнулъ турокъ, соннымъ окомъ главуцъ
 И въ глаза захохоталъ ей громко:
 «Ахъ, душа, Страхинычъ ты любя!
 Эхъ тебѣ онъ страшнѣй, твой Страхинычъ!
 Днемъ и ночью только имъ и бредишь!
 Знаю, душа, какъ и въ Едренѣ уѣдѣлъ,
 Онъ дугать те не перестаетъ!
 Это, видишь, любя, не Страхинычъ,
 Это, любя, делибанъ султанскій:

Чай, ко мнѣ самимъ султаномъ посланъ,
 Любо царскимъ визиремъ Мехмедомъ,
 Чтобы турокъ я у нихъ не трогалъ:
 Вспокоились визиря царьви,
 Испугались видно атагана!
 Ты не бойся, кони я отсюда
 Покажу дорогу делибашу —
 Саблею его перепоюю,
 Чтобы еще ко мнѣ не посылали!
 Но ему подруга-люба молвить:
 «Государь могучий Влахъ-Али!
 Погляди ты, аль ослѣпъ — не видишь,
 Это вовсе не гонецъ султанскій,
 Это мужъ мой, Страхинъ-банъ удальи,
 Я въ лицо его отсюда вижу,
 По глазамъ его узнала съ разу,
 Да и усь, какъ поглажу, такой же;
 Вотъ и конь его, и шѣсь косматый,
 Караманъ его лихой и вѣрный;
 Не бланя, а подмайбасъ лучше.»
 Какъ услышала турокъ эти рѣчи,
 Онъ тронулся, вскочилъ на легки ноги,
 Подпоисалъ златогитый поясъ,
 За поясъ заткнулъ княжалъ булатный,
 У бедра повѣсилъ саблю остроу,
 На коня на вороного глянулъ,
 На коня онъ глянулъ — банъ нагрнулъ.
 Не кивнулъ онъ турѣй головою,
 Не назвалъ селамъ по-турецки,
 А сказалъ ему собакѣ прямо:
 «Вотъ ты гдѣ, проклятый басурманнѣ,
 Вотъ ты гдѣ, лихой царьви ослушникъ!
 Ты скажи мнѣ, чьи дворы разграбилъ?
 Чью прогналъ ты вѣрнѣхъ домохозяевъ?
 Чью, скажи, теперь ты лобу любишь?
 Выходи со мной на поединокъ.»
 Изготовился турчина на битву,
 Пригнулъ разъ и до коня допрыгнулъ,
 Пригъ еще и на коня онъ вспрыгнулъ,
 Подобралъ ременные поводья;
 Банъ не ждетъ, помчался на турчина
 И пустилъ въ него конькомъ булатнымъ.
 Тутъ бойца удале слетѣлось,
 Но руками размахнулъ Али
 И поймавъ онъ бановича шку,
 И кричитъ онъ громко Страхинъ-бану:
 «У, ты гдурь, Страхинъ-банъ проклятый!
 Вотъ ты что придумалъ и затѣялъ:
 Да не съ байой это шумадийской, *)

*) То-естъ — съ сербнякой изъ Шумадии, средней, вл-систой Сербии, получившей свое название отъ шума — зѣва.

Что насочинилъ — крикомъ озадачилъ,
 А могучий это Влахъ-Али,
 Что не любить и султана слушать,
 Помыкается онъ и визирами,
 Слово мухами да комарами:
 Вотъ ты съ кѣмъ затѣялъ поединокъ.»
 Такъ сказалъ и самъ пускаетъ шку,
 Просадилъ хотѣлъ Страхинью сразу,
 Но Господь помогъ тутъ Страхинъ-бану,
 Да и конь былъ у него смысленный:
 Онъ припалъ, какъ загудѣла шку,
 И она надъ баномъ просвѣстила
 И ударила въ холодный камень,
 На три иверия разбившись разомъ,
 У руки и гдѣ насажень иблговъ.
 Какъ не стало коньковъ, ухватили
 Палицы они и шестопери.
 Размахнулся турокъ Влахъ-Али
 И ударилъ Страхинъ-бана въ темя;
 Страхинъ-банъ погнался, покачнулся,
 Вѣрному коню упалъ на шею,
 Но Господь опять помогъ Страхиню,
 Да и конь былъ у него смысленный,
 Конь такой, какого не видали
 Съ той поры ни сербы и ни турки:
 Онъ взмахнулъ и передомъ, и задомъ,
 И въ сѣдлѣ Страхинича поправилъ.
 Тутъ ужъ банъ ударилъ Влахъ-Алию,
 Изъ сѣдла не могъ турчина выбить,
 Но коня вездилъ онъ по колѣни
 Въ землю всѣми четырьмя ногами.
 Шестопери также изломали
 И поймавши изъ нихъ всѣ перья;
 Тутъ за сабли вострыя схватились,
 И давай опять рубиться-биться.
 А была у Страхинъ-бана сабля:
 Трое саблю остроу ковали,
 А другіе трое помогали
 Съ воскресенья вилотъ до воскресенья;
 Выковали саблю изъ бузата,
 Рукоятъ изъ серебра и злата,
 На вѣлкомъ брусѣ, на точилѣ,
 Страхинъ-бану саблю наччили.
 Замахнулся турокъ, по Страхиню
 Подсочилъ, на саблю саблю припалъ,
 На ноги расѣлъ у турка саблю,
 И выгналъ, возрадовался духомъ,
 Кинулся смѣлѣи на Влахъ-Алию,
 Налеталъ оттуда и отсюда,
 Чтобы съ плечъ башку снести у турка,
 Или руки у него поранить.

Лихъ боецъ съ лихимъ бойцомъ сошоласъ:
 Наступаетъ сильный банъ на турка,
 Только турокъ бану не дается,
 Половинной сабли турокъ бѣтаетъ,
 Онъ обертывается саблей шею,
 Заслоняетъ грудь и руки ею,
 И Страхиню саблю отбиваетъ,
 Только иверни летятъ да брызги;
 Другъ у друга сабли изрубили,
 Изрубили вилотъ до рукояти,
 Восторону отбросили обломки,
 Соскочили съ коней и схватились
 Другъ за друга сильными руками
 И, какъ два великіе дракона,
 По горъ по Голечу носились,
 Цѣлый день носились до полудня,
 Ажно пѣна-потъ прошибъ турчина,
 Бѣлая какъ снѣгъ бѣжала пѣна,
 А у бана бѣлая съ кровью;
 Окровавилъ онъ свою рубашку —
 Окровавилъ золотыя латы;
 Тяжко-тяжко стало Страхинъ-бану,
 Онъ вилгнулъ на лобу и воскликнулъ:
 «Вотъ убей тебя, змѣя не любя!
 И каково тамъ роженя ты смотришь!
 Подпила бы ты обломокъ сабли
 И ударила бѣ меня, иль турка,
 И ударила бѣ кого не жалко!»
 Но турчинъ Али къ ней возмолился:
 «Ахъ душа, Страхинична ты любя!
 Не могъ, смотри, меня ударить,
 Не могъ меня — ударъ Страхиню!
 Ужь не быть тебѣ его женою,
 И тебѣ онъ больше не полюбитъ,
 А корить и днемъ и ночью станеть,
 Что спала ты подъ шатромъ со мною,
 Мнѣ же будешь ты миа во-вѣки,
 Мы удѣемъ въ Едренеть съ тобою,
 Дамъ тебѣ я пятьдесятъ невольничъ,
 Чтобы тебѣ за рукава держали
 И кормили сахаромъ да мѣдомъ;
 Золотомъ тебя всею осмылю,
 Съ головы до мурави зеленой:
 Ну, ударъ, душа, Страхиню бана!»
 Женщину легко подбить на злое:
 Подбѣжала легко Страхинъ-бана,
 Сабельный обломокъ ухватила,
 Обернула шоконнымъ уборосомъ,
 Чтобы руку бѣлу не поранить,
 Не хотѣла турка Влахъ-Алию,
 А нагнулась, змѣя, на мужа,

Господина своего Страхиню
 И ударила его осколкомъ
 Прямо въ лобъ, по золотой челенкѣ *)
 И по блудому его кауку,
 И челенку свѣтлую расѣяла,
 И каукъ ему расѣяла бѣлый,
 Кровь пробилася алов струєю,
 Стали отъ заливать Страхинъ.
 Видитъ банъ погибель неминую,
 Но подумалъ онъ и догадался,
 Вспомнилъ онъ лихого Карамана,
 Что привиченъ былъ ко всякой травѣ,
 Да какъ крикнуть богатырскимъ горломъ:
 Вѣрный пѣсь на крикъ его примчался,
 Ухватилъ измѣнницу за горло,
 А вѣдъ женщину куда пулиши:
 Бросила она обломокъ сабли,
 Взвизгнула и за уши схватила,
 За уши схватила Карамана
 И скатилася кубаремъ въ долину;
 А турчину стало жалко любви.
 Онъ глядитъ на слѣдъ, что будетъ съ нѣю;
 Тутъ Страхинъ въ пору догадался,
 Молодоцкое визгирало сердце,
 Изловчился, насочилъ на турка
 И ударилъ басурмана обзвемъ.
 Страхинъ-банъ оружія не шетитъ:
 Онъ насылъ на турка Влахъ-Алию,
 И заѣлъ его до смерти зубомъ.
 А потомъ вскопчилъ на легки ноги,
 Началъ звать и вликаетъ Карамана,
 Чтобы лобу не загрязъ до смерти.
 Но она долиною пустилася —
 Убѣжалъ, змѣя, хотѣла къ туркамъ;
 Только не далъ сильный банъ Страхиню:
 Ухватилъ ее за правую руку,
 Привязалъ ее къ коню лихому
 Сѣлъ, а лобу за собою бросилъ
 И помчался по Косову полю,
 Такъ и эдакъ, бокомъ-стороною,
 Чтобы туркамъ лютымъ не попасеться;
 И приѣхалъ въ бѣлый градъ Крушевецъ,
 Къ старому, сѣдому Югъ-Вогдану,
 Увидалъ опять шурьевъ любезничъ,
 Обидалъ, расчлавокался съ нимъ
 И спросилъ, здорово-ль имъ живется?
 Какъ увидѣлъ Югъ-Вогданъ могучий,
 Что у него лобъ расѣченъ саблей,
 По лицу онъ проналъ горьки слѣзы,

*) Челенка — золотой или серебряный султанъ на чалмѣ.

Горьки сабы пролѣзъ и промовлялъ:
«Славно же ми гостя угостил!
Весела тебѣ пирушка наша.
Видно есть юнаки и у турокъ,
Что такого сокола подбил,
Сокола такого Страхнѣ-бана!»
И шуря, взглянувши, вполоснились.
Но Страхнѣ такъ имъ отвѣчаетъ:
«Не кори себя и не пугайся,
Милый гость мой, Югъ-Водавъ моужий!
Мы тревожьтеся, братья, понапасну:
Не случилось молодца у турокъ,
Чтобы могъ со мною потягаться,
Чтобъ подшибъ меня, или поранилъ;
А сказать ли, кто меня поранилъ?
Какъ сражался я съ лихимъ турчиномъ,
Рапила меня подруга-любба,
Дочь твоя родная; не хотѣла
Тронуть турва, а пошла на мужа,
Противъ своего вооружилась!»
Вспыхнулъ Югъ и загорѣлся гнѣвомъ,
Кликнулъ онъ своихъ дѣтей моужичъ:
«подавайте сабли, ятаганы!
На куски ее зарѣжьте, суду!»
На сестру накинутася братья,
Только не даль имъ ее Страхнѣ,
И сказалъ шурямъ такое слово:
«Что вы, братья, на кого вы, братья,
На кого вы, братья, зашумѣли?
На кого княжали потянули?
Кои вы ужъ молодцы такіе,
Гдѣ же были, братья, ваши сабли,
Ваши сабли, вострые княжали,
Какъ я ѣздилъ на Косоно поле,
Погнѣбалъ у окаянныхъ турокъ?»
Кто изъ васъ меня въ ту пору вспомнить?
Не можете жъ мнѣ жену обидѣть!
Я безъ васъ справился бы съ нею,
Да пришлось со всіми въ справляться,
Не съ кѣмъ было бы мнѣ и чарки выпить:
Такъ ужъ любѣ и вину процаю.»
Вотъ каковъ, братъ, былъ у насъ Страхнѣчъ,
И другого не было такого!

Н. Бергъ.

IV.

СЕРБСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Имянинникъ былъ царь Лазарь;
Собрались къ нему все бани,
И князья и воеводи,
И въ бесѣдѣ прохаживались
Во честномъ, почетномъ ширѣ
Пиръ ужъ былъ во полуширѣ,
Какъ вошла въ шатеръ царца
Свѣтъ-душа красна Милица.
Обложилась жемчугами,
Поясъ кованный надѣла,
Головной покровъ кисейный,
Златъ-вѣнецъ поверхъ покрову;
Поклонилася сунуту,
Поклонилася, говорила:
«Господиъ ты мой, царь Лазарь!
Мнѣ бы не слѣдъ къ тебѣ входить,
Не подобно бы говорить,
Да не терпѣть больше сердце.
Сонъ я видѣла, и трижды
Тотъ же самый сонъ мнѣ снится.
Все явлется мнѣ старецъ
Въ клубокъ и черной ряси;
Осиянъ небеснымъ свѣтомъ,
Держитъ онъ большую книгу;
И пречудныя въ той книгѣ
Кажетъ мнѣ изображенья.
На одномъ-то словно поле;
Только все дымится кровью;
Словно вонство какое
Полегло на немъ, побито;
На другомъ изображеньи
Церковь, словно какъ на небѣ;
Отъ нея жъ лучи исходятъ
Внизъ на Сербекую всю Землю.
И затѣлъ являлся старецъ,
И затѣлъ казалъ мнѣ книгу,
Что велитъ по ней исполнить —
Не могла никакъ я сумать.
Только сдумала одно я —
И пришла къ тебѣ, царь Лазарь.
Всѣ цари, какіе были
Надъ Землею славной Сербской,
Собирали сребро, злато,
Чтобы строить Божьи церкви
И обители святые.
Ты сидишь на ихъ престолѣ,
Копишь сребро и злато,

Самъ по всей землѣ прославляетъ,
А для Господа, для Бога
Ни единой не построишь
Ни обители, ни церкви».
Приздумался царь Лазарь
И воскликнулъ громкимъ глазомъ:
«Храмъ построю я, какого
Не бывало въ сербскомъ царствѣ!
Изъ свинцу солью основу,
Изъ сребра поставлю стѣны,
Краснѣмъ золотомъ покрою,
А внутри весь изукрашу
Крупнымъ жемчугомъ заморскимъ
И камешемъ самодѣльнымъ —
Да во славу христіанамъ
Онъ на всю снѣтъ землю!»
Повставали съ мѣстъ все бани,
И князья, и воеводи,
Похвалили мысль цареву:
«Съ Богомъ, царь, благо дѣло!»
Только Милошъ воевода
За столомъ одинъ остался,
И сидитъ, потуши очи
И глубоко вздыхая.
Запримѣтилъ свѣтъ-царь Лазарь,
Что не всталъ съ князьями Милошъ,
Послалъ къ нему онъ чашу:
«Буди здравъ, князь славный Милошъ!
Что сидишь, потуши очи
И глубоко вздыхая?
Аль не по-сердцу рѣчь наша?»
И вскочилъ князь славный Милошъ,
Принялъ чашу въ бѣлыя руки,
Поклонился, слово молвилъ:
«Государь ты свѣтъ-царь Лазарь!
Не воще царичѣ снѣлось
Поле, залитое кровью,
Словно вонство какое
Полегло на немъ, побито:
Прочитай ли ты въ писаньи,
Во святыхъ старинныхъ книгахъ,
Что стоитъ про наше время?
Наше время — на исходѣ:
«Виднокъ часъ, во онъ же турокъ
«Придѣтъ на нашу землю,
«Царство сербское порушитъ,
«Погнѣнитъ народъ въ работу».
Вотъ кровавое то поле!
Если жъ ты построишь церковь

Со свинцовой основой,
И серебрыни стѣны,
Красно золото на крышѣ,
А внутри заморскій жемчугъ,
Самодѣльные камени:
Придѣтъ поганый турокъ,
Разнесетъ онъ все и сретѣтъ.
Изъ свинцу пошьетъ онъ ядереъ,
Будетъ бить имъ наши грады,
А серебрыни стѣны
Перебьетъ на сбрую конямъ,
Самодѣльные камени
Впрямитъ въ сабельныя эфесы,
А все золото и жемчугъ
Заберетъ своимъ туркинымъ,
И наложницамъ и жонкамъ,
На мониста и повязки.
Церковь строить — такъ изъ камня,
Камни сѣраго, такого,
Чтобы ни огонь не жогъ налядый,
Чтобы ни мечъ не сѣкъ будатный,
Чтобы ни червь, ни ржа не ѣли;
Всѣмъо жъ злата и камешевъ —
Да снѣтъъ благочестивымъ
И небесной свѣтлой славою.
Пусть тогда приходитъ турокъ,
Забираетъ нашу землю,
Царство сербское порушитъ,
Погнѣнитъ народъ въ работу:
На сѣръ-камень не пошьется.
И пребудутъ яко збѣды
Надъ землей пѣвнейной нашей
Наши каменные церкви:
Будутъ иноки честные,
Благоудатью лишь богатые,
Славить Господа въ нихъ Бога,
Поминать царей великихъ
И мужей, во брани падишихъ
За отеческую землю,
И стоять въ сердцахъ у сербовъ
Будетъ вѣки нерушимо
Царство сербское, подъ вѣрнымъ,
Подъ невидимымъ покровомъ
Пресвятой Христовой церкви...
И на эту-то вотъ церковь
И указывалъ царичѣ
Во свѣтомъ видѣньи старецъ.»

А. Майковъ.

2. ПѢСНИ О КОСОВОСКОЙ БИТВѢ.

ПОГИБЕЛЬ СЕРВСКАГО ЦАРСТВА.

Полетѣла птица-соколикъ сизый
Отъ Иерусалима святаго;
Въ коготъ несетъ ласточку птнцу.
А то былъ не соколикъ сизый —
Самъ Илья пророкъ, святитель Вожий.
Несъ Илья пророкъ не ласточку птнцу,
А грамоту отъ пречистой Дѣвы.
Какъ принесъ на Косово поле
Опустилъ къ царю на колѣни.
А грамота вымолвила слово:
«Честное тѣ племя, царь Лазарь!
Какого ты хочешь себѣ царства?
Хочешь ли небеснаго царства,
Или хочешь царства земного?
Кои хочешь царства земного —
Съдай копя, надѣвай доспѣхи,
Опоишься богатырскою саблей;
Вей прагъ турокъ безъ пощады —
И все вражье войско погубишь;
А хочешь небеснаго царства —
На Косовомъ полѣстрой церковь,
Выводи не мраморны стѣны,
А чистаго бархату и шелку,
И дай всему войску приобщиться:
Всѣ твой воины погубишь,
А съ ними и ты, царь Лазарь.»
Выслушалъ царь Лазарь рѣчи,
Ставъ про себя царь думать:
«Боже тѣ мой, Боже милосердый!
Како мнѣ выбрать царство?
Выбрать ли небесное царство,
Или выбрать царство земное?
Если я выберу царство,
Временное царство земное:

То земное царство не на долго,
А царство небесное на вѣки.»
И избралъ царь царство неземное,
Вѣчное небесное царство.
На Косовѣ полѣ создалъ церковь,
Вывелъ не мраморны стѣны,
А чистаго бархату и шелку;
Сервскаго призвалъ патриарха,
Дѣвѣнадцать владѣхъ великихъ,
И войску святое далъ причастье.
Самъ князь урядилъ свое войско;
А турокъ на Косово ударилъ.
Войско велъ старшій Богданъ-Югъ,
А съ нимъ сыновъ Юговичей девять,
Словно девять соколовъ сизыхъ,
У каждаго девять тысячъ войска,
У Юга двѣнадцать тысячъ.
Съ турками бились, рублились,
Семь нашихъ турецкихъ убили;
А какъ стали битъ осьмого,
Налъ самъ Богданъ-Югъ старшій;
Съ нимъ погубилъ Юговичей девять,
Словно девять соколовъ сизыхъ,
И войско ихъ все погубао.
Вышли три Марлявиченца съ войскомъ,
Банъ Угдеша съ Гойкомъ воеводой,
И самъ Вуканшивъ король съ ними;
У каждаго тридцать тысячъ войска.
Съ турками бились, рублились,
Восемь нашихъ убили,
Только стали битъ съ девятымъ,
Двое Марлявичевичей нали,
Банъ Угдеша съ Гойкомъ воеводой.
Храбраго краля Вукашина
Турки конями притоптали,
Съ ними войско ихъ погубао.
Вышелъ Стефанъ герцогъ съ войскомъ —
Много у герцога силы:

Цѣлымъ шестидесятъ тысячъ войска.
Съ турками бились, рублились,
Деять нашихъ убили,
Только стали битъ съ десятымъ,
Какъ герцогъ Стефанъ былъ изрубленъ,
И все его войско погубао.
Вышелъ съ войскомъ Лазарь, царь Сервскій,
Много било съ Лазаремъ сербовъ:
Было съ нимъ семьдесятъ семь тысячъ;
Разбили, погнади по Косову турокъ,
Туркамъ не дадутъ и оглянуться,
Не только что туркамъ съ ними битъся.
Тутъ и одолѣлъ бы царь Лазарь,
Да Богъ судья Бранковичу Вуку,
Что выдалъ на Косовѣ тестя:
Лазари турки одолѣли,
И налъ тогда Сервскій царь Лазарь,
А съ нимъ и все его войско —
Семьдесятъ семь тысячъ войска.
Оно было честно и свято
И къ Господу Богу приближао.

II. Кирѣвской.

II.

ЦАРЬ ЛАЗАРЬ И ЦАРИЦА МИЛИЦА.

Какъ за ужиномъ сидитъ царь Лазарь, *)
Съ нимъ сидитъ царица Милица.
Говоритъ царица Милица:
«Ты послушай, государь мой Лазарь,
Царь сервсканъ короля!
Ты уходишь завтра на Косово,
Воеводъ и слугъ берешь съ собою,
Ничего ты здѣсь не оставляешь,
Кто бы могъ къ тебѣ съ письмомъ отвѣхатъ
На Косово и назадъ вернуться.
Ты уводишь monkъ девять братьевъ,
Деять братьевъ, Юговичей храбрыхъ;
Хоть единаго изъ нихъ оставь маѣ,
Чтобъ сестрѣ оиъ былъ въ бѣдѣ защитой!»
Ей на это Лазарь отвѣчаетъ:
«Государыня моя, Милица!
Ты скажи, кого жь тебѣ оставить?»

— «Ты оставь маѣ Юговича Бошка!»
Отвѣчаетъ ей на это Лазарь:
«Государыня моя, Милица!
Завтра утромъ, какъ взойдетъ день бѣлый,
День взойдетъ и солнце просияетъ
И врата отворятся градскія,
Ты ступай и стань подъ воротами,
Какъ пойдетъ рѣдками наше войско:
Передъ ними будетъ Юговъ Бошко,
Понесетъ оиъ знамя войсковое;
Отъ меня скажи ему ты мнѣость,
Царское мое благословенье,
Чтобъ отдалъ, кому захочетъ, знамя
И съ тобою въ теремѣ остался!»
Какъ назавтра утро засіяло,
Отперли ворота городскія,
Выходила госпожа царица
И въ воротахъ самакъ становилась.
Вотъ идетъ дружина за дружиной,
Борзи кони подъ оружемъ войсковымъ;
Передъ ними былъ Юговичъ Бошко
На конѣ червонномъ, весь во златѣ,
И покрытъ оиъ знаменемъ Христовымъ —
До копя покрыва до анжого;
А на знамени насаженъ яблочь,
Золотымъ крестомъ приосѣнненый,
А съ креста висятъ златыя клечи —
Падаютъ Юговичу на плечи.
Подошла къ Юговичу царица,
За узду коня остановила,
Обняла руками шею брата
И ему сказала тихо-тихо:
«Милый братъ мой, дорогой мой Бошко,
Царь тебѣ даетъ благословенье —
Не ходитъ съ полками на Косово,
А отдалъ, кому захочешь, знамя
И со мною въ городѣ остаешься,
Быть сестрѣ защитой и помогой!»
Ей на это Бошко отвѣчаетъ:
«Воротися ты въ свой теремъ бѣлый!
Мнѣ не сядѣть съ тобою оставаясь,
Покондѣтъ святое наше знамя,
Хоть дари маѣ царь свой градъ Крушевечь!
Что тогда заговоритъ дружина:
Окаянный грѣсъ, измѣнникъ Бошко!
Оиъ идти бѣжитъ на Косово,
Кровь пролитъ за честный крестъ Господень,
Умереть за вѣру за святую!»
И съ конемъ промчался оиъ въ ворота.
Вотъ и старшій Югъ-Богданъ съ дружиной!
Семь за нимъ Юговичей позадѣ;

*) Последний сервскій царь. Правилъ съ 1371 по 1389 годъ. Въ этомъ году, 15 июня, въ Видоуе день, косовская битва рѣшила участь Сервскаго царства. Милица—дочь воеводы Югъ-Богдана, на которой Лазарь женился еще при жизни царя Стефана.

Всѣхъ она просла по порядку —
 Ни одинъ и поглядѣть не хочетъ.
 Малое за тѣмъ проходить время,
 Выѣзжаетъ и Юговичъ-Воничъ
 Съ царскими ретивыми конями —
 Были кони въ золотыхъ поповахъ —
 И подъ ними она коня схватила,
 Обвила руками шею брату
 И ему сказала тихо-тихо:
 «Милый братъ ты мой, Юговичъ-Воничъ,
 Царь тебѣ даетъ благословенье —
 Передать коней, кому желаешь,
 И со мною въ городѣ остаться —
 Выть сестрѣ защитой и помогой!»
 Отвѣчаетъ ей Юговичъ-Воничъ:
 «Воротись, сестра, въ свой теремъ бѣлый!
 Мнѣ не слѣдъ съ тобою оставаться
 И коней передавать царѣвнѣхъ,
 Хоть бы знать, что ятну на Косовѣ!
 Нѣтъ, я йду во чистое поле
 Кровь пролить за честный крестъ Господень,
 Умереть за вѣру за святую!»
 И съ копьемъ промчался онъ въ ворота.
 Какъ царица это услышала,
 Она пала на холодный камень,
 Она пала, память потеряла.
 Вотъ и Лазарь славный проѣзжаетъ:
 Онъ увидѣлъ госпожу Милицу,
 Какъ увидѣлъ она, заплакавъ горько,
 Посмотрѣлъ направо и налево,
 Громко кличетъ слугу Годубана:
 «Годубанъ, слуга ты мой вѣрный,
 Ты покни свою лошадь бѣлу,
 Подними на руки царицу
 И снеси ее въ высокій теремъ,
 А ужъ грѣхъ тебѣ Господь отпуститъ,
 Что не будешь съ нами на Косовѣ!»
 Какъ услышалъ Годубанъ тѣ рѣчи,
 Залпаясь онъ горькими слезами,
 Лошадь бѣлу у воротъ покинулъ,
 Взялъ царицу на бѣлыя руки
 И отнесъ ее въ высокій теремъ,
 Но не могъ онъ одолѣть сердца,
 Не идти съ братьями на битву:
 Воротился, на коня прыгнуть
 И пустился прямо на Косово.
 Какъ назагтра зарей, раннимъ-рано,
 Прилетѣли два черные врана,
 Воронѣ съ Косова чиста поля
 И на теремъ бѣлый опустились,
 На высокій лазаревъ ли теремъ.

Одинъ каркнулъ, а другой промолвилъ:
 «Это ль будетъ бѣлый царскій теремъ?
 Что-то въ немъ да никого невидно!»
 Звать, никто не слышалъ этой рѣчи —
 Услыхала госпожа царица,
 Передъ теремъ вышла передъ бѣлымъ,
 Тихо молвить воронѣмъ тѣмъ чернымъ:
 «Богъ намъ въ помощь, черные два врана!
 Вы откуда, два врана, такъ рано?
 Не съ Косова ль поля боевого?
 Не выданы ль тамъ двухъ сильныхъ ратей?
 Не желали ль, какъ онѣ сразились,
 И какое войско побѣдило?»
 Воронѣ царницѣ отвѣчаютъ:
 «Госпожа царица ты, Милица,
 Мы летимъ съ Косова чиста поля,
 Видѣли двѣ рати на Косовѣ,
 Межъ собой онѣ вѣра сразились,
 Два царя тамъ голови сложили,
 Малоесть малая осталась турва,
 А у серба, что хоть и осталось,
 Все то раны, всё-то кровью облиты!»
 Какъ они съ царицей говорили,
 Милутичъ къ воротамъ подѣзжаетъ,
 Держитъ руку правую да въ лѣвой;
 У него семнадцать ранъ на тѣлѣ,
 И конь его весь кровью облитъ.
 Говоритъ царица Милутичу:
 «Что съ тобою, Милутичъ мой вѣрный?
 Или липомъ ты пасмуренъ, не веселъ?
 Что выдалъ князя на Косовѣ?»
 Милутичъ царицѣ отвѣчаетъ:
 «Госпожа, спусти меня на земь
 И умой холодной водою,
 Да виномъ облей меня краснымъ:
 Одолѣли меня тяжки раны!»
 Тутъ съ коня снзла его Милица,
 Чистою водою его умыла
 И виномъ облила его краснымъ.
 Какъ немного Милутичъ ожилъ,
 Стала спрашивать его царица:
 «Что, сважи мнѣ, было на Косовѣ?
 Какъ погибъ тамъ славный царь Лазарь?
 Какъ погибъ тамъ Югъ-Богдавъ могучій?
 Какъ его Юговичъ погибалъ?
 Какъ погибъ тамъ Милошъ воевода?
 Какъ погибъ Вукъ Бранковичъ смѣлый?
 Какъ погибъ Страхиныя Вановичъ?»
 Тутъ слуга рассказывать началъ:
 «Всѣ остались на Косовомъ полѣ!
 Гдѣ погибъ нашъ славный царь Лазарь,

Много тамъ поломано копьевъ,
 И турецкихъ копьевъ, и сербскихъ,
 Только сербскихъ больше, чѣмъ турецкихъ,
 Какъ они царя обороняли,
 Именитаго Лазаря князя.
 Югъ-Богдавъ погибъ еще сначала,
 Въ самой первой схваткѣ съ басураномъ;
 Тамъ и всемо Юговичей пало,
 Ни одинъ изъ нихъ не выдалъ брата:
 Всѣмъ бились, сколько коня хватило.
 Уцѣлѣлъ одинъ Юговичъ-Воничъ:
 По Косову знаменемъ онъ вѣялъ,
 Разогналъ и распугалъ онъ турокъ,
 Слово соколъ гудобей пугливыхъ.
 Гдѣ въ крови бродили по козѣно,
 Тамъ погибъ нашъ Вановичъ Страхиныя;
 Милошъ палъ по край рѣки Ситницы,
 Край Ситницы, край води студеной;
 Онъ убитъ у нихъ царя Мурата
 И еще двѣнадцать тысячъ войска.
 Да проситъ тому грѣхъ Всевышній,
 Кто родитъ намъ Милона на свѣтъ!
 По себѣ оставилъ онъ память,
 Вѣкъ у немъ рассказывать будутъ,
 Пока есть жива душа на свѣтѣ
 И стоитъ Косово чисто поле!
 А что спрашиваешь ты про Вука:
 Будь онъ проклятъ и съ отцомъ будь проклятъ!
 Проклятъ будь и родъ его и племя:
 Онъ царя выдалъ на Косовѣ
 И увезъ съ собой двѣнадцать тысячъ,
 Какъ и самъ, избѣжиковъ лютыхъ.»

Н. Веггъ.

ш.

РАЗГОВОРЪ МИЛОША СЪ ИВАНОМЪ.

«Обратимъ ты мой, Иванъ Косанчичъ!
 Ты выглядывалъ у турва войско:
 Велика ль у нихъ народу-сила?
 Можно ль съ ними въ полѣ намъ схватиться?
 Можно ль будетъ одолѣть ихъ въ полѣ?»
 Говоритъ ему Иванъ Косанчичъ:
 «Обратимъ ты Милошъ мой Обизанъ!
 Я выглядывалъ у турва войско:
 Много-много видѣлъ вражьей силы!
 Кабы только всё мы обратились,
 На обѣдъ бы насъ не стало турграмъ.

И ходилъ пятнадцать дѣлныхъ сутокъ
 По турецкой по несметной рати:
 Не нашолъ ни сточу я, ни краю:
 Какъ отъ Мрамора до Янора-Сухого,
 А отъ Янора, братъ, до Сазанъ,
 Отъ Сазанъ на Мостъ на Желѣзный,
 А отъ Моста до того Звечана,
 Отъ Звечана до того Чечана,
 Отъ Чечана до планинъ высокихъ
 Разлеглося вражеское войско.
 Витязъ къ витязю, къ коню конь борзый,
 Пика съ пилой, точно холмъ великой,
 Словои тучи бунчуковъ ихъ кучи,
 А шатры матеръ будто снѣжныя горы!
 Кабы съ неба въ нихъ ударилъ ливень —
 Ни одна не пала бы капли на земь:
 Все ушло бы да коней и войско!
 Съѣлъ Муратъ на полѣ на Мазгитѣ,
 Обхватилъ онъ Лабу и Ситнику.»
 Но еще спросилъ Ивана Милошъ:
 «Ты скажи мнѣ, братъ Иванъ Косанчичъ,
 Гдѣ шатеръ могучаго Мурата?
 Обѣщася нашему а князю,
 Что пойдутъ и заколю Мурата
 И ногой ему подъ горло ступимъ!»
 Говоритъ ему Иванъ Косанчичъ:
 «Глухъ ты, Милошъ, глухъ и неразумель!
 Гдѣ шатеръ могучаго Мурата?
 Посреди онъ всей турецкой рати;
 Хоть возьми у сокола ты крылья
 И ударь ты съ неба гудобой:
 На тебѣ бы перьевъ не осталось!»
 Сталъ тутъ Милошъ умолять Ивана:
 «Ты послушай, братъ, Иванъ Косанчичъ,
 Не родимый, словно какъ родимый!
 Ты не сказывай про это князю,
 Чтобы не было ему заботы
 И чтобы войско наше не сробѣло;
 А скажи ты князю рѣчь такую:
 Велика у суностата сила,
 Но мы съ нею можемъ потягаться,
 А него и одолѣть ихъ сможемъ.
 Въ рати той не молодцы на службѣ,
 А хаджи (*), старики сѣдые,
 Да народъ рабочій, не охочій,
 Что ни разу бою не выдали,
 А пошли затѣмъ, чтобы прокурориться;
 Да и это войско у турчина

*) Хаджи — странникъ, бывшій на поклоненіи гробу Мохаммеда.

Забогло разную болязнью,
Забогли у него и кони,
Забогли мокроземъ и сапомъ.»

Н. Бергъ.

IV.

КОСОВСКАЯ ДѢВУШКА.

Встала рано дѣвица косовка,
Въ день великій встала, въ воскресенье,
Въ воскресенье прежде красна солнца;
Засучила рукава сорочки,
Засучила вплоть до бляхъ локтей,
Положила на плечи хлѣбъ бѣлый,
Взяла въ руки два златыхъ сосуда,
Налила въ одинъ води студёной,
А другой виномъ налила краснымъ,
И пошла она Косовскимъ полемъ;
Посреди побоища проходить,
Славнаго побоища царёва,
Витязей оглядываетъ мертвыхъ,
А кого найдетъ еще живого —
Чистою водой его умоетъ,
Причиститъ виномъ его червоннымъ
И потомъ накормитъ хлѣбомъ бѣлымъ.
Глядь: лежитъ въ крови удалый витязь,
Добрый витязь молодой Орловичъ,
Молодой царёвъ знаменосолецъ.
Онъ въ живыхъ въ ту пору оставался,
Только былъ онъ безъ руки безъ правой,
Безъ ноги безъ дѣвой до колѣна;
Тонки ребра были перебиты
И виднѣлась бѣлая печенька.
Подняла его красная дѣвица,
Подняла она его изъ крови,
Чистою водой его умыла
И виномъ червоннымъ причастила:
Оживилъ витязь удалой Орловичъ,
Говоритъ онъ дѣвицѣ косовкѣ:
«Ахъ, сестра моя ты, дорогая!
Что тебѣ такая за неволя
Здѣсь въ крови людей вращать мертвыхъ?
На побоищъ кого ты ищешь:
Сына дядина, родного ли брата?
Иль отца отскиваешь старца?»
Отвѣчаетъ дѣвица косовка:
«Милый братъ, невѣдомый мнѣ витязь,

Не лежать мой родные въ полѣ,
Не иду я дядинаго сына,
Ни отца родимаго, ни брата.
Али ты не знаешь какъ царь Лазарь
Причашалъ свое большое войско
У святой у церкви Грачаницы?
Три недѣли причашалъ онъ ровно
И съ нимъ было тридцать казугеровъ.
Причашалось сербское все войско,
А за войскомъ наши воеводы,
Самый первый — воевода Милошъ,
А за Милошемъ Иванъ Косанчищъ,
За Косанчищемъ Миланъ Топлица.
Я въ ту пору у воротъ стояла.
Какъ помошь нашъ Милошъ воевода,
Добрый молодецъ на бѣломъ свѣтѣ —
По камнямъ стучитъ кривая сабля,
На макушкѣ шолковая шапка,
Серебромъ на ней султаны окованы,
На груди кольчуга дорогая,
Шолковый платокъ надѣтъ на шею.
На меня, идучи, витязь глянулъ,
Снялъ съ себя кольчугу дорогую,
Снялъ и подалъ мнѣ ее и молитву:
«На, возьми ты, дѣвица, кольчугу,
По кольчугѣ ты меня вспомнишь,
Какъ зовутъ меня — провеличаешь;
Я на смерть иду, на гибель злую,
Съ храбримъ войскомъ Лазаря-владыки;
Ты, душа моя, молиси Богу,
Чтобы здравымъ вышелъ я изъ бою;
Счастье я за-то твое устрою:
Я тебя возьму Милану въ жонн,
Что мнѣ братъ по Богу, не по крови,
Что со мною Богомъ побратался,
Вышнимъ Богомъ и святымъ Иваномъ;
Я отдамъ вамъ буду посаженымъ!»
А за нимъ помошь Иванъ Косанчищъ,
Добрый молодецъ на бѣломъ свѣтѣ —
По камнямъ стучитъ кривая сабля,
На макушкѣ шолковая шапка,
Серебромъ на ней султаны окованы,
На груди кольчуга дорогая,
Шолковый платокъ надѣтъ на шею,
На руцѣ горитъ богатый перстень;
Обернувшись, на меня онъ глянулъ,
Снялъ съ руки свой перстень драгоцѣнный,
Снялъ его и подалъ мнѣ съ словами:

*) Казугеръ — молитва.

«На, возьми, дѣвица, этотъ перстень!
Этимъ перстнемъ ты меня поминешь,
Какъ зовутъ меня — провеличаешь;
Я на смерть иду, на гибель злую,
Съ храбримъ войскомъ Лазаря-владыки;
Ты, душа моя, молиси Богу,
Чтобъ оттуда я вернулся здравымъ;
Счастье я за-то твое устрою:
Я тебя возьму Милану въ жонн,
Что мнѣ братъ по Богу, не по крови,
Что со мною Богомъ побратался,
Вышнимъ Богомъ и святымъ Иваномъ;
Я на вашей свадьбѣ дружкой буду!»
А за нимъ помошь Миланъ Топлица,
Добрый молодецъ на бѣломъ свѣтѣ —
По камнямъ стучитъ кривая сабля,
На макушкѣ шолковая шапка,
Серебромъ на ней султаны окованы,
На груди кольчуга дорогая,
Шолковый платокъ надѣтъ на шею,
На руцѣ уброемъ златотканный.
На меня, идучи, витязь глянулъ,
Снялъ съ руки уброемъ златотканный,
Снялъ его и подалъ со словами:
«На, возьми уброемъ златотканный!
Ты меня уброемъ тѣмъ поминешь,
Какъ зовутъ меня — провеличаешь;
Я на смерть иду, на гибель злую,
Съ храбримъ войскомъ Лазаря-владыки;
Ты, душа моя, молиси Богу,
Чтобъ оттуда я вернулся здравымъ;
Счастье я за-то твое устрою:
Ты женою вѣрною мнѣ будешь!»
Такъ прошли въ ворота воеводы;
Ихъ-то, братъ, ницу я по Косову!»
Говоритъ ей молодой Орловичъ:
«Погляди, сестрица дорогая,
Видишь вкругъ разметанныя копья:
Гдѣ лежитъ ихъ боляе и гуще,
Молодецкая тамъ кровь лилася,
До стрелевъ она коною хватала,
До стрелевъ и до поводевъ самыхъ,
Добру молодцу по самый поясъ:
Тутъ леги герон-воеводы.
Ко дворамъ ты бѣлымъ воротиси:
Что кровавище рукава и полы!»
Какъ услышала она тѣ рѣчи,
Горькая изъ глазъ полилася слезы,
Ко дворамъ своимъ вернулась бѣлымъ,
Зарыдавши жалостно и громко:
«На роду написано мнѣ горе:

Подойду лишь въ зеленыя я дубу —
Глядь: зеленый выцвѣлъ весь и высохъ!»

Н. Бергъ.

V.

ЮРИЩИЧЪ-ЯНКО.

Кто-то стонетъ въ городѣ Стамбултѣ:
То ли вила *), то ли гуя **) злая?
То не вила, то не гуя злая:
Стонетъ молодецъ Юришичъ-Янко;
И не даромъ день и ночь онъ стонетъ:
Янко запертъ въ темную темницу,
Въ ней три года молодецъ бѣдуетъ,
У Тирьянскаго царя, у Сулеймана;
Тамъ ему и тяжело и горько,
Тамъ и стонетъ вечеромъ и утромъ;
Надѣвъ ужъ и стѣнакъ холодный,
А не только злому Сулейману,
Вотъ приходитъ Сулейманъ Тирьянскій,
Онъ приходитъ къ воротамъ темницы,
Кличетъ громко Юришича-Янка:
«Будь ты проклятый, гяуръ океанный!
Что съ тобою за бѣда такая,
Что все воешь ты въ моей темницѣ?
Не поять тебя, или не кормить?
Или плачешь по какой гуяри?»
Отвѣчаетъ Янко Сулейману:
«Говоритъ ты волень, царь, что хочешь;
Но не жажду я, не голодаю,
Только горько мнѣ и раздосадо,
Что повался я въ тебѣ въ темницу:
Дондла меня твои темница!
Ради Бога, царь-султаны великій,
Сколько хочешь попроси за выкупъ,
Но пусть мои отседа кости.»
Сулейманъ ему на это молвитъ:
«Врешши, гяуръ, Янко окаянный!
Твоего мнѣ выкупа не надо,
Но мнѣ надо, чтобъ сказалъ ты правду,
Какъ зовутъ тѣхъ воеводъ мочуныхъ,
Что мое все войско исполниши,
Какъ мы шли Косовскимъ чистымъ полемъ.»
Отвѣчаетъ Янко Сулейману:
«Говори ты, царь-султанъ, что хочешь,

*) Горная нимфа.

**) Звѣя.

Я скажу всю истинную правду:
Самый первый сильный воевода,
Что посягъ и разогналъ всѣхъ турокъ,
Потогналъ и въ Лабѣ и въ Ситницѣ —
Это былъ самъ Королевичъ-Марко.
А другой великій воевода,
Что разбилъ большую рать у турокъ —
Это будетъ Огникъ-Недоростокъ,
Милый сестричъ воеводи Марка.
А послѣдній славный воевода,
Что сломалъ свою кривую саблю
И что турокъ навздѣвалъ на пику
И погналъ передъ собою въ Лабу,
Въ Лабу и студеную Ситницу —
Этого зовутъ Юриничъ-Янко,
Что сидитъ, сугтанъ, въ твоей темницѣ:
Учини надъ нимъ теперь что хочешь!»
Говоритъ на то сугтанъ Тирьансий:
«Вотъ какой ты гуръ окаянный!
Ну, скажи, какой ты хочешь смерти?
Хочешь, въ морѣ ми тебя утопимъ,
Или, хочешь, на огнѣ изжаримъ,
Или въ рендичамъ коней приважемъ:
Разнесутъ они тебя на части?»
Отвѣчаетъ Янко Сулейману:
«Говоритъ ты воленъ, царь, что хочешь;
Но вѣдь муки никому не милы;
А козь смерти миновать не можно,
Такъ послудай: я тебѣ не рыба,
Чтобы въ море ты меня закинулъ;
Я тебѣ не дерево-колода,
Чтобы вы огнемъ меня спалили;
Не блаудина, чтобы меня конями
Приказалъ ты разорвать на части;
Но изъ добрыхъ коней приважей я витязь.
Дай же ты разбитую мнѣ лошадь,
Что стояла тридцать лѣтъ безъ дѣла,
Никакого бою не глядѣла;
Да еще тушую дай мнѣ саблю,
Тридцать лѣтъ нечюненую воше,
Что и въ битвѣ съ-роду не бывала,
А лежала равачниной покрыта
И забыла изъ ножонъ ужъ лезить;
А потомъпусти мена ты въ поле,

И за мною дѣвсти яничаровъ:
Пусть они мена на сабли примуть,
Пусть погибну я, какъ добрый витязь!»
Сулейманъ Юринича послушалъ:
Далъ ему разбитую онъ лошадь,
Что стояла тридцать лѣтъ безъ дѣла,
Никакого бою не глядѣла;
Далъ еще ему тушую саблю,
Тридцать лѣтъ нечюненую воше,
Что и въ битвѣ съ-роду не бывала,
А лежала равачниной покрыта
И забыла изъ ножонъ ужъ лезить;
Выпустилъ потомъ онъ Янка въ поле,
И за нимъ двѣ сотни яничаровъ.
Какъ схватилъ коня Юриничъ-Янко,
Началъ бить въ бока его ногами:
Конь понесся по чистому полю,
Всдѣля за Янкою дѣвсти яничаровъ;
Впередъ одинъ удалый турка:
Онъ задумалъ снести башку у Янки,
Чтобы взять подарокъ отъ сугтана,
И совсѣмъ нагналъ-было онъ Янку;
Только Янко скоро спохватился:
Онъ бѣду надъ головою видитъ,
Помянулъ онъ истиннаго Бога,
Хватъ рукой могучею за саблю,
Разомъ дернулъ — высочила сабля,
Какъ сейчасъ откованная только;
Выждалъ Янко молодого турка
И на саблю басурмана принялъ;
Поперекъ его ударилъ тяжело —
И съ коня двѣ пали половини.
Подскокнѣвъ Юриничъ, мигомъ бросилъ
Онъ свою нещюженную лошадь,
На коня турецкаго метнулся,
Изъ ножонъ у турки вынулъ саблю
И помогалъ носить онъ яничаровъ:
Половину ихъ носилъ онъ саблей,
А другую онъ припалъ, какъ стадо,
Къ самому сугтану Сулейману,
А потомъ — и здравъ, и цѣлъ, и веселъ —
Онъ домой поѣхалъ чистымъ подемъ.

Н. Бергъ.

3. ПЪСНИ О МАРКЪ-КОРОЛЕВИЧѢ.

1.

СУДЪ МАРКА-КОРОЛЕВИЧА.

Какъ во чистомъ во Косовомъ полѣ,
Что у бѣлой церкви Грачанницы,
Собрались четыре ратныхъ стана:
Первый станъ былъ Вукашина врази,
А другой — царевича Угльши,
Третий станъ былъ воеводи Гойки
И четвертый — Уроша младого.
Изъ-за царства сорятся родные,
Загубить другъ друга умышляють,
Известы ножами золотыми:
Не рѣшати, кому сидѣть на царствѣ.
«Я насдѣлникъ!» Вукашинъ влается;
«Мой престолъ!» въ отвѣтъ ему Угльша;
«Нѣтъ, онъ мой!» имъ Гойка возражаетъ.
Лишь одинъ царевичъ недоростокъ,
Вѣдний Урошь, слова не промолвилъ:
Онъ троихъ своихъ боится братьевъ,
Братьевъ Марьявчѣвичей несмыхъ.
Вукашинъ письмо проворно пишетъ
И съ гонцомъ письмо онъ посылаетъ
Въ Призренъ городъ, городъ бѣлостѣнный,
Къ старику Недѣльѣ протопону,
У него и книги староставни.
И Угльша письмецо готовить
И съ гонцомъ письмо то посылаетъ
Въ Призренъ городъ, городъ бѣлостѣнный,
Къ старику Недѣльѣ протопону.
Писнетъ то жъ и Гойко воевода
И гонцу письмо свое вручаетъ;
Писнетъ то жъ и Урошь малолѣтний

И гонца тихонько отправляетъ.
Такъ-то братья письма тѣ писали,
И гонцамъ отвѣтъ ихъ поручали,
Другъ отъ друга кровью, укрывался;
Но сошлась всѣ четверо посланцевъ
Въ Призренъ градъ, градъ бѣлостѣннымъ,
На дворѣ Недѣльки протопона;
Только дома старца не застали:
Въ храмѣ божьемъ утреню служилъ онъ,
Утреню святую съ литургіей.
Возгордились посланцы силой,
Что они сильнѣйше изъ свянныхъ,
Слѣзъ съ коней своихъ не захотѣли —
Прямо въ церковь вѣхали съ конями
И плетью ременими нещадно
Стали бить Недѣлку протопона.
«Гей, проворнѣй, протопонъ Недѣлька!
Гей, проворнѣй на Косово поле —
Тамъ рѣшншь, кому сидѣть на царствѣ:
Причащай вѣтъ ты царя честнаго,
Причащай его и исповѣдай;
У него и книги староставни;
А не то — пропадѣсъ съ головою.»
Ронитъ слезы протопонъ Недѣлка,
Ронитъ слезы, ронитъ, отвѣчаетъ:
«Отважитесь, сильные изъ сильныхъ!
Дайте справить службу по уставу —
Все тогда по правдѣ мы расудимъ.»
И гонцы коней повертели,
А какъ служба божья совершилась,
Стали вдругъ у паперти церковной,
И сказалъ имъ протопонъ Недѣлка:
«Богъ на помощъ, четверо посланцевъ!
Какъ царя честнаго причащай я,
Причащай его и исповѣдай,
Не о царствѣ спрашивать его я,
А о томъ, чѣмъ грѣшенъ передъ Богомъ.
Вы ступайте въ городу Призрену:

Тамъ живетъ питомецъ мой любезный,
 Мой питомецъ, Марко-Королевичъ:
 У меня письмо оны научился,
 Былъ вѣдомъ оны у царя Душана;
 У него и книги староставни.
 Оны одинъ книжки знаетъ про наслѣдство.
 Призовите Марка на Косово —
 Оны вамъ все по чистой правдѣ скажетъ,
 Потому-что Марко, кромѣ Бога,
 Никого на свѣтъ не боится.
 И тонца не медля поспкакали,
 Поспкакали въ городу Призбѣну,
 Ъ быльмъ сѣнямъ, къ марковымъ хоромамъ,
 И едва подъѣхали въ воротахъ,
 Принялись стучать колыбомъ тяжолымъ.
 Услыхала Евросима матеръ,
 Стала Марка сына докликаться:
 «Сынъ мой Марко, чадо дорогое!
 Посмотри, кто тамъ стучитъ въ ворота?
 Не тонца ль отковские примчалисъ?»
 Вышелъ Марко, отворилъ ворота,
 И сказали посланнице Марку:
 «Богъ на помощь, Марко-Королевичъ!
 Отвѣчай имъ Королевичъ-Марко:
 Въсь добрый часъ, ребята удале!
 Въсь ль здоровы сербские юнаки,
 И царя и короля честные?»
 А тонца ему съ поклономъ низкимъ:
 «Господицъ нашъ, Королевичъ-Марко!
 Въсь во здравьи, да не въ добромъ мирѣ:
 Загорѣлась ссора межъ князьями
 Во Косовомъ во широкомъ полѣ,
 Что у бѣлой церкви Грачаницы.
 Изъ-за царства ссорятся родные,
 Загубить другъ друга умышляють,
 Ивести ножами золотыми:
 Не рѣшатъ, кому сидѣть на царствѣ.
 Приходи къ намъ на Косово поле,
 Ужакъ, кому сидѣть на царствѣ.»
 Входитъ Марко во свои хоромы
 И зоветъ оны Евросиму матеръ:
 «Евросима, мать моя родная!
 Загорѣлась ссора межъ князьями
 На широкомъ на Косовомъ полѣ,
 Что у бѣлой церкви Грачаницы.
 Изъ-за царства ссорятся родные,
 Загубить другъ друга умышляють,
 Ивести ножами золотыми:
 Не рѣшатъ, кому сидѣть на царствѣ;
 И зоветъ меня къ Косову полю,
 Чтобъ рѣшится, кому сидѣть на царствѣ.»

Видъ свой бился Марко изъ-за правды,
 А старуха Марка заклинаетъ:
 «Милый Марко, синь единородный!
 Коль боишься материнской клятвы,
 То — отцу и дядеямъ въ угоду —
 Не держи отвѣтъ имъ по привѣдъ,
 А во правдѣ истиннаго Бога.
 Не губи души своей безсмертной!
 Лучше лечь за правду головою,
 Чѣмъ принять злой грѣхъ такой на душу!»
 Вынулъ Марко книги староставни,
 Снарядился въ дальній путь-дорогу,
 Вывелъ Шарца, всунулъ ногу въ стремя
 И повнеса на Косово поле.
 Какъ подъѣхалъ къ ставкѣ королевской,
 Взговорилъ такъ Вукашинъ владыка:
 «Благодать мнѣ послана отъ Бога!
 Сына Марка вижу предъ собою —
 Оны присудитъ царство Вукашину:
 Сынъ отцу наслѣдуетъ на царствѣ.»
 Слышитъ Марко, слѣва не проронитъ,
 Головы къ шатру не поворотитъ,
 Какъ Угльша Марка запримѣтилъ,
 Взговорилъ оны такое слово:
 «Благо мнѣ! шлеманникъ мой прѣхалъ!
 Оны присудитъ сербское мнѣ царство.
 Присуди мнѣ сербскую корону —
 Станемъ вмѣстѣ царствовать имъ братски.»
 Слышитъ Марко, слѣва не проронитъ,
 Головы къ шатру не поворотитъ,
 Только Гойко Марка запримѣтилъ,
 Взговорилъ оны такое слово:
 «Благо мнѣ! шлеманникъ мой прѣхалъ!
 Оны присудитъ сербское мнѣ царство.
 Той порой, какъ Марко былъ ребенкомъ,
 Я его и нѣжилъ, и голубилъ,
 Согрѣвааъ за паухой шелковой,
 Слово персикъ, яблочко-румяно;
 На койъ куда бы я ни ѣхалъ,
 Все, бывало, Марка прихватили!
 Присуди мнѣ царство, Королевичъ,
 Будешь самъ ты властвовать надъ царствомъ,
 И я же буду княземъ подневольнымъ.»
 Слышитъ Марко, слѣва не проронитъ,
 Головы къ шатру не поворотитъ,
 Прямо ѣдетъ къ бѣлой ставкѣ князей,
 Ъ бѣлой ставкѣ Урша младого,
 Ставить Шарца прямо противъ входа
 И у парскихъ ногъ съ него слѣзаетъ.
 Какъ его завидѣлъ юный Урошь —
 Быстро всталъ съ шелковаго дивана,

Быстро всталъ и такъ ему промовлять:
 «Благо мнѣ! мой милый кумъ прѣхалъ,
 Милый кумъ мой Королевичъ-Марко!
 Оны рѣшитъ кому сидѣть на царствѣ.»
 И юнаки стали миловаться,
 Цаловались, нѣжно обнимались,
 О юнакомъ здравьи справлялись,
 И услыхъ радомъ на диванѣ.
 Вотъ немного времени минуло,
 День прошолъ и ночь затѣмъ настала,
 Но едва взошла заря на утро
 И къ господней службѣ зазвонили,
 Все бодрство къ утренѣ сошлося,
 Отстояло въ храмѣ литургію
 И, толпою ныснать изъ церкви,
 Тутъ же все усѣлось за столами,
 За медъ и сахарныя яства.
 Передъ Маркомъ книги староставни;
 Оны въ нихъ смотритъ, смотритъ и вѣщаетъ:
 «Гой, отецъ мой, Вукашинъ владыко!
 Алъ тебѣ твоей всей власти мало?
 Мало, что ли? чтобъ она пропала!
 О чужомъ тягаетесь вы царствѣ.
 Гой ты дядя, Гойко вовода!
 Мало что ли поводской власти
 И тебѣ? О, чтобъ она пропала!
 О чужомъ тягаетесь вы царствѣ.
 Загляните — чтобъ Господь забылъ васъ —
 Въ это книгу: *Урошево царство!*
 Въ ней стоитъ; такъ, значить, царство
 Отроку завѣщано въ наслѣдство.
 Вотъ кому самъ царь его оставилъ,
 Въ смертний часъ свои смѣяа очи.
 Какъ слова тѣ Вукашинъ услыхалъ,
 Митомъ оны восочилъ на рѣзвы ноги
 И за ножъ схватился золоченый,
 Чтобъ убить возлюбленнаго сына.
 Отъ отца бѣгомъ нутился Марко,
 Потому-что сину не пристойно
 Со своимъ родителемъ сражаться.
 И бѣжитъ веруть бѣлой церкви Марко,
 Вдругъ той бѣлой церкви Грачаницы,
 Все бѣжитъ, а кралъ за нимъ въ догонку.
 Ужъ они три круга ѣзжали
 Вдругъ той бѣлой церкви Грачаницы;
 Догонять ужъ сталъ его родитель;
 Вдругъ слова изъ церкви раздались:

«Въ церковь Марко, въ церковь поскорѣ,
 Или часъ твой прѣблѣ — ты погиблешь,
 Или руки родительской тогнбешъ,
 Изъ-за правды истиннаго Бога!»
 Тутъ предъ нимъ разверзались двери храма,
 И едва успѣвъ вбѣжать оны въ церковь,
 Какъ за нимъ оны тотчасъ закрылись.
 Подбѣгаетъ кралъ къ дверямъ церковнымъ
 И ножомъ по нимъ оны ударяетъ —
 Глянуть — кровь закапала изъ двери.
 Сталь тогда оны ваятся невольны
 И такое выговоритъ слово:
 «Горѣ мнѣ, о Боже милосердый!
 Погубилъ я сына дорогаго!»
 И раздася голосъ изъ-за двери:
 «Кралъ могучій, Вукашинъ владыка,
 Знай, не сына поразилъ ты Марка,
 Поразилъ ты ангела Господня!»
 Сталь тутъ кралъ вѣнчать на сына Марка,
 Проклинавъ и власть его нещадно:
 «Поразилъ тебя рука Господня!
 Вудъ лпхотъ и гроба, и потомства!
 А душа въ тебѣ пусть заживется,
 Чтобъ султану властвая послужиться!»
 Кралъ клянетъ, а царь благоговяетъ:
 «Кумъ мой Марко, Богъ тебѣ на помощь!
 Чтобъ лицо твое сіяло въ думѣ,
 А копьѣ въ бою не уставало,
 А душа въ тебѣ пусть заживется,
 И, пока дуна и солнце свѣтитъ,
 О тебѣ жива была бы память!»
 И обслысо — какъ сказали оба.

О. Миллеръ.

II.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧЪ И СОКОЛЬ.

Расхворался Королевичъ-Марко,
 Расхворался посреди дороги,
 Въ-головвахъ копьѣ вытаетъ изъ землю,
 За копьѣ коня лихого ваяетъ
 И такія говоритъ оны рѣчи:
 «Кабъ кто води мнѣ даль наитися,
 Кабы сѣнь-прохладу мнѣ устроилъ —
 Сосуджилъ бы вѣрною мнѣ службу,
 Не забылъ бы я ея до смерти!»
 Вдругъ откуда ни возьмиса соколь,
 Подаетъ води студеной въ яловѣ,

Чтобъ напила Королевичъ-Марку;
Распростеръ свои надъ Маркомъ крылья
И устроилъ снѣгъ ему, прохладу.
Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
«Сивозрылый мой ты соколъ лясный!
Чѣмъ тебѣ, мой соколъ, услужилъ я,
Что меня водой теперь ты поишь,
Что устроилъ мнѣ ты снѣгъ-прохладу?»
Ясный соколъ Марку отвѣщаетъ:
«Ахъ забылъ ты, Королевичъ-Марко,
Какъ мы были на Косовомъ полѣ
И терпѣли всякія напасти:
Изловили меня змѣе турки,
Яганаомъ крылья мнѣ обѣжали:
Ты схватилъ меня, Кралевичъ-Марко,
И на ёлку посадилъ зелену,
Чтобъ меня не растоптали кони;
Даль мнѣ мяса, чтобы я наѣлся,
Даль мнѣ крови, чтобы я напился:
Вотъ какое ты добро мнѣ сдѣлалъ,
Вотъ какую сослужилъ мнѣ службу!»

Н. ВЕРГЬ.

—

III.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧЪ И БЕГЪ-КОСТАДИНЪ.

Два юнака въ чистомъ полѣ ѣдутъ,
Костадинъ-бегъ и Кралевичъ-Марко.
Какъ взмолился Костадинъ-бегъ Марку:
«Побратимъ мой, Королевичъ-Марко,
Прѣѣзжай ко мнѣ когда-тодъ-осень,
Около Дмитрія святого,
Ко моимъ ли краснымъ именнамъ,
Чтобъ тебя почествовать мнѣ широмъ,
Чтобы видѣть ты мое радущѣе,
Моего двора гостепрѣимство!»
Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
«Не хвались своимъ гостепрѣимствомъ!
Знаю я твое гостепрѣимство:
Какъ искалъ я разъ Андрея брата,
Я забрелъ къ тебѣ во дворъ широкій,
Около Дмитрія святого,
Насмотрѣлся тамъ я, наглядѣлся,
Какъ гостей своихъ ты принимаешь!»
— «Что жъ ты видѣлъ, Королевичъ-Марко?»
Костадинъ-бегъ Марка вопрошаетъ.
«Первое, что у тебя я видѣлъ —
Отвѣчаетъ Костадину Марко —

Что были двѣ сиротки малыхъ,
Что зашли поѣсть съ тобою хлѣба
И вина червоннаго напились,
А ты крикнулъ на сиротъ тѣхъ малыхъ:
Вонъ отсюда, нечестныя враны!
Не поганые у меня трапезы!
Жаль мнѣ стало тѣхъ сиротокъ малыхъ,
Взялъ я ихъ, пошолъ на рынокъ съ ними,
Накормилъ тамъ ихъ я хлѣбомъ бѣлымъ,
Напоилъ я ихъ виномъ червоннымъ,
Бархатную справилъ имъ одѣжу,
Всю какъ есть изъ бархату и шолку,
И послалъ къ тебѣ во дворъ широкій,
Самъ же сталъ подглядывать тихонько:
Какъ теперь сиротокъ тѣхъ ты примешь?
Взялъ одну на лѣвую ты руку,
Посадилъ другую на деснушу
И отнесъ къ себѣ ихъ за трапезу:
Выше, пейте, княжескія дѣти!
А въ другой разъ у тебя я видѣлъ:
Старые пожаловали гости,
Что свое имѣнье прохарчили
И свою одѣжу истаскали.
Посадишь ты ихъ въ концѣ трапезы,
Что на самомъ на послѣднемъ мѣстѣ.
А пришли къ тебѣ другіе гости,
Въ бархатныхъ и золотыхъ одеждахъ:
Посадишь ты ихъ съ конца иного,
Угощай ты ихъ виномъ и водой,
Подчиная ихъ всякими сластями.
Въ третьихъ — то, что ты отца и матеръ
Позабилъ совсѣмъ и не попросишь,
Чтобъ за трапезой съ тобой сидѣли,
Первую бы чашу подымаи!»

Н. ВЕРГЬ.

IV.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧЪ УНИЧТОЖАЕТЪ СВА-
ДБЕННЫЙ ОТКУПЪ.

Раннимъ-рано всталъ Кралевичъ-Марко
И похалъ нѣ полю Косову;
Какъ доѣхалъ до рѣки Серваны,
Пострѣчалъ онъ дѣвцу взоону,
Говоритъ ей: «Богъ тебѣ на помощь,
Постестрима, дѣвица косовка!»
Поклонился дѣвица косовка,
Поклонился до земли до самой:

«Буди здравъ, вонтелъ незнакомый!»
Говоритъ опять Кралевичъ-Марко:
«Всѣмъ вѣдалъ ты, дѣвица косовка,
Красотою, поступью и ростомъ,
Княжескою гордою осанкой,
Не вѣдала одною лишь косою:
Сѣдина въ нее, сестра, пробилась!
Рано горе что ли ты узнала,
Отъ себя ль, отъ матери ль родимой,
Отъ отца ли своего отъ старца?»
Ронитъ слезамъ дѣвица косовка,
Говоритъ такіа рѣчи Марку:
«Побратимъ мой, незнакомый витязь!
Никакого горя я не знала
Ни сама, ни отъ отца отъ старца,
Ни отъ матери моей родимой;
А напастъ такая приключилась:
Къ намъ изъ-за моря пришло аранинъ,
Откупилъ Косово у султана,
Давъ теперь беретъ съ Косова поля,
И поить оно его и кормитъ:
Всякая косовская дѣвица,
Что идетъ у насъ дѣвица замужъ,
Тридцать платитъ за себя дукатовъ,
А кто женится, тотъ платитъ больше:
Платитъ тридцать и еще четыре.
Такъ богатый лишь играетъ свадьбу;
У меня же нѣтъ родни богатой,
Нѣтъ дукатовъ заплащать арану —
И сижу я, горемыка, въ дѣвкахъ;
Да по въ томъ бѣда моя и горе:
Всѣмъ велика жъ дѣвкамъ выйти замужъ,
Какъ и всякому изъ васъ жениться;
Только въ томъ бѣда моя и горе:
Наложилъ такую дань аранинъ,
Чтобъ къ нему дѣвицъ водили на ночь;
Что ни ночь, то новая дѣвица;
Онъ ее въ шатрѣ своемъ дагуется;
У прислуги жъ червоната арана —
Что ни ночь — по молодичѣ новой.
Такъ идетъ чередъ по всѣмъ по сѣмьямъ:
Всѣ къ нему дѣвицъ своихъ приводятъ.
Нынче мнѣ чередъ идти къ арану,
На ночь эту бить ему женюю.
Какъ помню, горькая, объ этомъ —
Господи! и дѣдалъ что не знаю:
Что ли бросишься пойти мнѣ въ рѣку?
Иль поѣсишься пойти въ дубраву?
Только лучше загубить мнѣ душу,
Чѣмъ идти и ночь провести съ араномъ,
Со врагомъ земли моей и вѣри!»

Говоритъ ей Королевичъ-Марко:
«Милая моя ты постестрима!
Ты не вѣдайши и не тоиши,
Не мочи себѣ души губить ты,
А скажи мнѣ, гдѣ дворы арана:
И поведу и поведу съ нимъ рѣчи!»
Говоритъ косовская дѣвица:
«Побратимъ мой, незнакомый витязь!
Спрашиваешь ты про дворъ аранинъ:
Будь ему тамъ, басурману, пусто!
Или ты напоишь себѣ вѣфету
И отнесъ арану хочешь выкупъ?
Если, братъ, одинъ ты у родимой:
Для чего идешь ты на погибель,
Оставляешь мать твою крушиться,
Цѣлый вѣкъ горючія литъ слезы?»
Марко звѣстъ въ свой карманъ широкій,
Достаетъ онъ тридцать дукатовъ:
«На, возьми ты тридцать дукатовъ,
И ступай къ себѣ, во дворъ свой бѣлый,
Тамъ сиди и жди своей судьбины.
Мнѣ же дворъ ты покажи аранинъ:
И поведу спесу къ нему подарки,
И скажу, какъ бы тебя просваталъ.
Не-за-что губить меня арану:
У меня добра въ дому довольно,
Я бы могъ кунитъ Косово поле,
Что жъ за-невидалъ мнѣ дань арану!»
Говоритъ косовская дѣвица:
«У арана нѣтъ дворовъ — наметы;
Глянь ты вдоль Косова чиста поля:
Гдѣ шолковный флагъ раскинутъ-вѣется,
Тамъ шатеръ просятяго арана;
Около шатра набити колья,
А на кольяхъ головы вѣнаковъ:
Скоро будетъ этому недѣля,
Какъ извелъ у насъ аранъ проклятый
Семьдесятъ и семь вѣнаковъ сербскихъ,
Все-то горькихъ жениховъ косовскихъ.
У арана сорокъ слугъ отборныхъ,
Что вокругъ шатра содержатъ стражу.»
Какъ услышалъ Марко эти рѣчи,
Тронулъ Шарпа внизъ Косова поля;
Воинъ Шарпадъ Марковъ вступаетъ,
Изъ-подъ ногъ летятъ на землю искри,
Изъ ноздрей огонь и пламя вылетятъ;
Марко самъ сердитъ сидитъ на Шарпѣ,
По лицу онъ ронитъ горькія слезы,
Слезамъ ронитъ, такъ рѣчи молвитъ:
«Горькое Косовское тѣ поле!
Вотъ чего, Косово, ты дождалось:

Послѣ князя нашего тутъ судятъ,
Судятъ-рядятъ черные арапы.
И спесу я срамоту такую,
Срамоту такую и напасти,
Чтобъ арапы дажь такую брали —
Чистыхъ дѣвъ и молодлицъ у сербовъ!
Отомщу за васъ я ивиче, братья,
Отомщу, изъ сгину смертью лютой!»
На шатры онъ правитъ Шарца прямо;
Скоро Марка усмотрѣла стража,
Усмотрѣвши, говоритъ арапу:
«Господишь ты нашъ, арапъ заморскій!
Дивный молодецъ вдоль поля бѣдетъ,
На конѣ лихомъ онъ сѣрой масти,
Конь подъ нимъ сердито встаетъ:
Изъ-подъ ногъ летятъ на землю искри,
Изъ поудрей огонь и пламя шашетъ;
Словно хочетъ онъ на насъ ударить!»
Говоритъ арапъ своей прислугѣ:
«Дѣти въ мои, прислуга-стража,
Не посмѣетъ онъ на насъ ударить,
А должно-быть отнеслась невѣсту
И везетъ онъ за нее мнѣ выкупъ.
Видно жаль ему, юнаку, злата:
Отъ того онъ такъ и разсердился.
Выдѣе вы за чашечку и встрѣните
Молодца того какъ-подобасть,
Низкій вы поклонъ ему отвѣстѣе,
И коня въ у него примите,
И коня, и все вооруженье;
Въ мой шатеръ потомъ его ведите;
Не хочу отъ молодца и злата,
Головой онъ мнѣ своей заплатитъ:
По сердцу мнѣ конь его ретивый!»
Побѣжала вѣрная прислуга
И коня подъ Маркомъ ухватила,
Но какъ-только взглянула на Марка,
Нопосмѣла съ Маркомъ оставаться.
А назадъ въ шатеръ бѣжить къ арапу,
Причтется за чорнаго арапа,
Япанчами сабли закрывая,
Чтобы ихъ какъ Марко не увидѣлъ.
Такъ одинъ къ шатру онъ подъѣзжаетъ;
И съ коня слѣзая передъ входомъ,
Говоритъ Кралевичъ-Марко Шарцу:
«Ты гуляй здѣсь, конь мой, Шарецъ вѣрный!
Я же самъ пойду въ шатеръ къ арапу;
Коль бѣда какая приключится:
Стань ты, Шарацъ, предъ шатромъ у входа!»
Такъ сказалъ — въ шатеръ къ арапу входитъ,
Видитъ Марко чорнаго арапа:

Пѣетъ арапъ вино заставоу царой,
Подаетъ вино ему дѣвци.
Поклонился Марко и промовлялъ:
«Господишь мой, Богъ тебѣ на помощь!»
А арапу еще краснѣе:
«Будь здоровъ, воетель незнакомый!
Сядь сюда, вина со мной откушай
И повѣдай мнѣ, откогда будешь,
Для чего пожаловалъ-прѣихать?»
Марко такъ арапу отвѣчаетъ:
«Некогда мнѣ пить вино съ тобою,
За другимъ пришлю къ тебѣ я дѣломъ,
За такимъ, что лучше быть не можетъ:
Я сосваталъ красную дѣвицу,
Сватовъ тамъ оставилъ на дорогѣ,
Самъ пришолъ, прибрѣсь тебѣ и выкупъ,
Заплатилъ что надо, взять дѣвицу,
Чтобы ни кто со мной потомъ не спорилъ.
Объяви, какой желаетъ выкупъ!»
Говоритъ арапъ на это Марку:
«Ты давно небось объ этомъ знаешь:
Кто выходитъ на Косовѣ замужъ,
Платитъ тридцать золотыхъ дукатовъ,
А кто женится, тотъ платитъ больше,
Платитъ больше — тридцать и четыре.
Ты же молодецъ лихой и красивый,
Мнѣ съ тебѣ и сотню взять не стыдно!»
Марко хлѣзетъ въ свой кармашъ широкій,
Подаетъ арапу три дуката:
«Вѣрь мнѣ, больше нѣту за душую!
Погоди съ меня брать цѣлый выкупъ:
Я приду къ тебѣ съ красной-дѣвицей;
Обдарить меня тамъ обѣщали —
Вѣрь мнѣ: всѣми этими дарами,
Господишь, тебѣ я поклонюсь!»
Какъ затонаетъ арапъ, какъ вскрикнетъ:
«Ахъ, эмѣ ты лютой, ехидна!
Торговаться ты со мной затѣялъ,
Надо-мной затѣялъ насмѣхаться!»
Достаеъ онъ буздыганъ тяжелый
И ударилъ буздыганомъ Марка.
Три разъ ударилъ и четыре.
Усмѣхнулся Кралевичъ-Марко:
«Ахъ ты, молодецъ, арапъ ты чорный!
Шутнишь ты, изъ бѣды меня не въ шутку?»
— «Не шучу, арапъ ему на это:
Не шучу, а бью тебя не въ шутку!»
Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
«А я думаю, что со мной ты шутнишь;
А когда не шутнишь ты со мною —
Буздыганщишко принасъ я также:

Погоди и я тебя ударю,
А потомъ мы выдемъ въ поле биться,
Съизнова начнемъ свой поединокъ!»
Внимаетъ буздыганъ свой Марко,
Какъ слетаетъ голова съ юнака:
Словно пове не была на плечахъ!»
Обнажилъ потомъ онъ саблю острую,
Какъ пошолъ косить онъ слугъ арапа:
Всѣхъ посякъ, лишь четырехъ оставилъ,
Чтобы могли они повѣдать людямъ,
Что межъ Маркомъ стало и арапомъ.
Спялъ онъ съ козелью головою юнакомъ,
Схоронилъ ихъ, чтобы орлы и враны
Тѣхъ головъ юнацкихъ не клевали,
А на хѣсто ихъ воткнулъ на колья
Головы неистыя араповъ.
Собралъ все имущество арапа,
Четырехъ же слугъ его отправилъ,
Что въ живыхъ на ту пору остались,
Ихъ отправилъ по Косово полю,
Чтобы вѣсть такую разносили:
«Коль есть въ какой семьѣ дѣвица,
Пусть себѣ свободно мужа ищетъ
И, пока млада, выходитъ замужъ.
Гдѣ юнакъ есть — пусть невѣсту ищетъ:
Нѣтъ ужъ больше откуна на свадьбѣ,
Откупъ платитъ Кралевичъ-Марко!»
Разошлася эта вѣсть по всюду:
Старъ и малъ за Марка Бога молитъ:
«Долголѣтъя, Господи, дай Марку!»
Онъ избавилъ землю отъ напасти,
Отъ крошкшинокъ лихихъ и лютыхъ:
Будь спокой думѣ его и тѣлу!»

П. БЕГЪ.

в.

САВЛЯ ЦАРЯ ВУКАШИНА.

Рано утромъ, на зарѣ румяной,
Полоскала дѣвица-туркиня
На рѣкѣ, на Маринѣ, полотна,
Ихъ валькомъ проворнымъ колотила,
На травѣ зеленой разстинала.

И рѣка пустынная шумѣла;
И до солна воды были свѣтлы:
Но какъ стало солнце подыматься,
Свѣтлы воды словно помутнились,
Все жетѣе проносилася пѣна,
Все темнѣе глубина казалася:
А въ полудню — вся рѣка ужъ явно
Алой окрасилася кровью.
И пошолъ мелькать то фесъ, то долманъ;
А потомъ помчало, другъ за другомъ,
То коня съ сѣдомъ, то человека;
И вергитъ на быстринѣ ихъ трупы,
И что дадыне, то плыветъ ихъ больше,
И конца тѣламъ вверху не видно.
Опустилъ валькъ, стоитъ туркиня:
Страшно стало ей отъ гдѣ плывущихъ;
Только слынитъ — кличутъ въ ней отгуда...
Кличетъ витязъ, бѣтѣсь съ быстриною:
Все его отъ берега относитъ.
«Умоляю именемъ Господинымъ,
Будь сестрой мнѣ милою, дѣвица!»
Кличетъ витязъ и рукою машетъ:
«Брось конецъ холста ко мнѣ сворѣе,
За другой тачи меня на берегъ!»
И туркиня валькъ холста выдала,
На одинъ конецъ ногой ступила,
А другой завилася и шлепнула въ воду;
И поймалъ его поспѣшивъ витязъ,
И счастливо до берега доплылъ:
А взобрался на берегъ — и молилъ:
«Охъ, сонемъ я изнаюмъ, сестрица!
Ихожу кругомъ я алой кровью...
Помоги мнѣ: ранъ на мнѣ числа нѣтъ!»
И упалъ безчувственный на землю.
Побѣжала во свой дворъ туркиня,
Въ попыхахъ зоветъ родного брата:
«Мустафа, иди, голубчикъ братецъ,
Помоги — снесемъ съ тобою вѣстѣй —
Тамъ лежитъ — водой его прибило —
Весь въ крови и въ тядкихъ ранахъ витязъ.
Онъ Господишь именемъ молился,
Чтобы ему ми раны затѣчили.
Помоги, снесемъ его въ постелью.»
Мустафа-ага пришолъ и смотритъ:
Тотчасъ видитъ — не простой то витязъ.
Онъ въ богатомъ воинскомъ доспѣхъ;
У него — съ златымъ эфесомъ сабля,
На эфесѣ — три большихъ алмаза.
Мустафа-ага не думалъ долго,
Отстегнулъ у витязя онъ саблю,
Изъ ножонъ ее черныя вынулъ,

Да какъ хватить витязя по горлу —
 Голова ажъ въ воду покатиалась.
 Дѣвица руками лишь воплеснула.
 «Звѣрь ты, звѣрь — воплинула — косматый!
 Видь молни онъ насъ во имя Боже,
 И меня сестрою милою называлъ!
 Ты жь какъ разъ позарился на саблю —
 Черезъ эту жь саблю, зпате, и сгинешь!»
 Мустафа травою вытеръ саблю
 И стоилъ ногу тѣло въ воду,
 И пошелъ домой, ворча сквозь зубы:
 «Вотъ тебя-то, не спросилъ я, жалко!
 И немного времени минуло,
 Какъ султанъ созвалъ къ походу войско.
 Собрались его аги и беи,
 У рѣки, у Ситинци, стоили.
 Мустафу всѣ вкругомъ обступаютъ,
 Всѣ его дивятся чудной саблѣ;
 Только кто ни пробуетъ — не можетъ
 Изъ ножонъ ее червленыхъ вынуть.
 Подополь попробывать и Марко,
 Знаменитый Марко-Королевичъ:
 Ухватилъ — да сразу такъ и вынулъ.
 А какъ вынулъ, смотритъ — а на саблѣ
 Врѣзаны три надписи по сербски:
 Ковача Новака первый вензель,
 А другое имя — Вукашина,
 Третье жь имя — Марко-Королевичъ.
 Приступилъ къ турчину храбрый Марко:
 «Гдѣ, турнинъ, ты добылъ эту саблю?»
 За женой ли взялъ ее съ приданымъ?
 Отъ отца ль въ благословеніе принялъ?
 Аль на чисто вымѣнялъ на злато?
 Аль въ бою травомъ добылъ честно?»
 И пошелъ турчина похваляться,
 Рассказалъ — какъ сдѣлалось дѣло,
 Какъ сестра полотна полоскала,
 Какъ рѣкой тѣла гуировъ плыли,
 Какъ одинъ живой былъ между ними,
 Какъ она поймайт его уснѣла,
 И приношъ онъ, и увидѣлъ саблю...
 «Не дуракъ же я на свѣтъ родился —
 Говоритъ — почувль, что за сабля,
 Изъ ножонъ ее червленыхъ вынулъ,
 Да хватилъ какъ витязя по горлу —
 Голова ажъ въ рѣку покатиалась —
 Марко даже рѣчи не далъ кончить,
 Какъ въ глазахъ у всѣхъ сверкнула сабля —
 И у турка голова слетѣла —
 Три прыжка — и шлепнулась въ воду.
 Побѣжали дозвать султану,

Что бѣды творитъ Краевничъ-Марко;
 И султанъ по Марка посылаетъ.
 Тотъ одинъ сидитъ въ своей палатѣ,
 Молча пьетъ вино, за чарой чару,
 На султанскихъ посланныхъ не смотритъ.
 И въ другой разъ шлетъ султанъ, и въ третій;
 Наконецъ вала докуа Марка.
 Овъ вскочилъ и, выворотилъ шубу
 Мхомъ вверху, на плечи накинулъ,
 Булаву съ собою взялъ и саблю,
 И пошелъ въ султанскую палатку.
 На коврѣ султанъ сидитъ въ палатѣ;
 И приходитъ Марко, да и прямо,
 Въ сапогахъ, какъ былъ, передъ султаномъ
 На коврѣ узорчатомъ садится.
 Самъ глядитъ темнѣ черной тучи,
 Очи въ очи устремивъ султану.
 Увидѣлъ султанъ, каковъ есть Марко,
 Потихоньку сталъ отодвигаться,
 А за нимъ и Марко, и все смотритъ,
 Смотритъ, такъ что дрожь беретъ султана.
 Овъ еще подвинется, а Марко —
 Не водитъ подъ-вечеръ хороводовъ.
 Марко зналъ про тотъ наказъ не хочетъ:
 Марко носить доломанъ зеленый,
 Съ дѣвками играетъ въ хоровахъ,
 Прицѣпляетъ кованую саблю,
 Въ рамазанъ вино пьетъ на базарѣ,
 И хоть пилъ бы самъ ужъ въ тихомолку —
 Нѣтъ! хаджей накличетъ переходжъ
 И съ хаджами заодно гуляетъ.»
 Какъ услышалъ царь-султанъ тѣ рѣчи,
 Призываетъ двухъ къ себѣ чауши:
 «Вы ступайте, вѣрные чауши,
 Отыщите Краевничъ-Марка,
 Позовите на диванъ къ султану!»
 Побѣжали вѣрные чауши,
 Отискали Краевничъ-Марка:
 У шатра сидѣлъ Краевничъ-Марко,
 Передъ нимъ стойтъ златая чара,
 Чтѣ дѣвнадцать окъ вина въщипаетъ.
 Говорятъ Краевничу чауши:
 «Слышнншь ли ты, Королевичъ-Марко,
 Царь-султанъ тебя жалеетъ видѣть,
 На диванъ тебя зоветъ султанскій.»
 Разсердился Королевичъ-Марко,
 Какъ пустилъ онъ золотую чару,
 Какъ пустилъ ее въ чаушей парскихъ:
 Разлетѣлась на части чара,
 Да и головы на части то же,
 Проплилъ вино и кровь на землю.

А. Майковъ.

VI.

МАРКО ПЬЕТЪ ВЪ РАМАЗАНЪ ВИНО.

Царь-султанъ наказъ султанскій выдалъ,
 Чтѣбъ вина пить въ рамазанъ не смѣли,
 Чтѣбъ доломанъ зеленыхъ не носили,
 Кованыхъ не прицѣпляли сабель,
 Хороводовъ чтѣбы не водили.
 Марко зналъ про тотъ наказъ не хочетъ:
 Марко носить доломанъ зеленый,
 Съ дѣвками играетъ въ хоровахъ,
 Прицѣпляетъ кованую саблю,
 Въ рамазанъ вино пьетъ на базарѣ,
 Да еще хаджей къ себѣ накличетъ,
 Чтѣбы вмѣстѣ заодно съ нимъ пили.
 Вытъ челоу царю-султану турки:
 «Царь-султанъ, отецъ ты нашъ и матеръ!
 Твой наказъ султанскій мы читали,
 Чтѣбъ не пить вина въ часъ рамазану,
 Чтѣбъ зеленыхъ не носить доломановъ,
 Кованыхъ не прицѣплятъ чтѣбъ сабель,
 Не водитъ подъ-вечеръ хороводовъ.
 Марко зналъ про тотъ наказъ не хочетъ:
 Марко носить доломанъ зеленый,
 Съ дѣвками играетъ въ хоровахъ,
 Прицѣпляетъ кованую саблю,
 Въ рамазанъ вино пьетъ на базарѣ,
 И хоть пилъ бы самъ ужъ въ тихомолку —
 Нѣтъ! хаджей накличетъ переходжъ
 И съ хаджами заодно гуляетъ.»
 Какъ услышалъ царь-султанъ тѣ рѣчи,
 Призываетъ двухъ къ себѣ чауши:
 «Вы ступайте, вѣрные чауши,
 Отыщите Краевничъ-Марка,
 Позовите на диванъ къ султану!»
 Побѣжали вѣрные чауши,
 Отискали Краевничъ-Марка:
 У шатра сидѣлъ Краевничъ-Марко,
 Передъ нимъ стойтъ златая чара,
 Чтѣ дѣвнадцать окъ вина въщипаетъ.
 Говорятъ Краевничу чауши:
 «Слышнншь ли ты, Королевичъ-Марко,
 Царь-султанъ тебя жалеетъ видѣть,
 На диванъ тебя зоветъ султанскій.»
 Разсердился Королевичъ-Марко,
 Какъ пустилъ онъ золотую чару,
 Какъ пустилъ ее въ чаушей парскихъ:
 Разлетѣлась на части чара,
 Да и головы на части то же,
 Проплилъ вино и кровь на землю.

Марко всталъ, идетъ къ царю-султану,
 Слѣлъ направо у колынь султанскихъ,
 На брови самуръ-козлякъ надвинулъ,
 Вузданья передъ собою держитъ,
 На плечѣ оточенная сабля.
 Говоритъ ему султанъ: «послушай,
 Названный мой сынъ, Краевничъ-Марко!
 Издалъ я въ народъ наказъ султанскій,
 Чтѣбъ вина пить въ рамазанъ не смѣли,
 Чтѣбъ доломанъ зеленыхъ не носили,
 Кованыхъ не прицѣпляли сабель,
 Хороводовъ чтѣбы не водили.
 Слухъ идетъ, рассказываютъ люди,
 Слухъ недобрый, Марко, нехорошій,
 Будто Марко водитъ хороводы,
 Будто носить доломанъ зеленый,
 Кованую саблю прицѣпляетъ,
 Въ рамазанъ вино пьетъ на базарѣ,
 Да еще хаджей подчасъ накличетъ,
 Чтѣбы вмѣстѣ съ нимъ они гуляли.
 Чтѣ дозлякъ ты на брови надвинулъ?
 Вузданья передъ собою держишь,
 На плечѣ оточенную саблю?»
 Говоритъ царю Краевничъ-Марко:
 «Царь-султанъ, отецъ ты мой названный!
 Пилъ вино въ часъ я рамазана,
 Оттого-что вѣра это терпнть,
 Угощалъ хаджей я переходжъ,
 Оттого-что не могу я видѣть,
 Чтѣбы я пилъ, другіе лишь смотрѣли;
 Пусть не ходятъ лучше по харчевнямъ!
 Если я ному зеленый доломанъ,
 Такъ затѣмъ, что онъ присталъ мнѣ больше;
 Прицѣпляю кованую саблю,
 Оттого-что и купилъ такую;
 Съ дѣвками играю въ хоровахъ,
 Оттого-что не женатъ, а холостъ:
 Вѣдь и ты, султанъ, какъ я же, холостъ.
 Чтѣ козлякъ я на брови надвинулъ,
 Свѣтнншь яро — отъ тебя мнѣ жарко!
 Вузданья держу передъ собою
 И еще оточенную саблю,
 Оттого-что не хотѣлъ бы ссоры:
 Если же она, не дай Богъ, вылетѣтъ —
 Плохо тѣмъ, кто будетъ ближе къ Марку!»
 Глянулъ царь направо и налѣво:
 Не было ль кого тамъ ближе къ Марку?
 Никого, а царь-султанъ всѣхъ ближе.
 Царь назадъ, а Марко наизааетъ,
 Такъ султана къ самой стѣнкѣ приперъ.
 Царь въ карманъ: вынулъ кучу злата,

Внизу сотню золотых червонцев,
Отдаст Кралевичу их Марку:
«На, поди вина напейся, Марко!»

Н. Вьргъ.

VII.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧЪ ПАШЕТЪ.

Пить вино намъ Марко-Королевичъ
Съ Евросимой, матерью старухой,
А какъ оба вкушали вдоволь,
Сину Марку мать возговорила:
«Милый сынъ мой, Марко-Королевичъ,
Откажись, родной, отъ богатства:
Не къ добру вѣдуть твои заѣи;
Надоло старой мнѣ что вечеръ,
Мить-спирать кровавая одежди.
Ты возми-ко лучше плусть съ волами,
Да вонши-ко горы и долины,
Позасѣй ихъ бѣлоу пшеницей —
Было бь чѣмъ съ тобой намъ прокормиться.»
Какъ вѣѣла, такъ и сдѣлалъ Марко:
Впрѣгъ воловъ онъ въ старый плусть отповскій,
Сталъ пахать — не горы и долины,
Сталъ пахать онъ царскую дорогу.
Глдь — дорогой ѣдутъ яничары,
Ѣдутъ съ грузомъ сѣребра и золота;
И сказали Марку яничары:
— «Эй, ти, Марко, не наши дорогу!»
— «Эй, вы, турки, не топчите нашу!»
— «Эй, ти, Марко, не наши дорогу!»
— «Эй, вы, турки, не топчите нашу!»
А какъ спорить Марку надоѣло,
Ухватился онъ за плусть отповскій
И всѣхъ турокъ положилъ на мѣстѣ.
Взялъ съ собой онъ сѣребро и золото
И отдалъ ихъ матери старухѣ:
«Вотъ что я на нашихъ заработалъ!»

О. Миллеръ.

VIII.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧЪ И МИНА ИЗЪ КОСТУРА.

Сѣлъ за ужинъ Королевичъ-Марко,
Со своею матерью родимой,

Хѣба рущать и вина откушать.
Вдругъ приходятъ три письма къ Кралю-Марку:
Что одно-го изъ Стамбула-града,
Отъ царя-султана Балзета;
А другое изъ Вудима-града,
Отъ будимскаго приходятъ крали;
А и третье изъ Сибины-града,
Отъ того ли Сибины-Янка.
Что письмо изъ города Стамбула:
На войну султана зоветъ въ немъ Марка,
Противъ лютыхъ воевать араповъ.
Что письмо изъ города Вудима:
Кралъ зоветъ въ немъ Королевичъ-Марка
На свою на свадьбу сватомъ милымъ.
Что письмо изъ города Сибины:
Въ немъ зоветъ Кралъ-Марка на крестини
Воевода Сибины-Янко.
Молвить Марко матери родимой:
«Ты скажи мнѣ, мать моя родная,
Ты скажи, кого теперь мнѣ слушать:
То ли слушать мнѣ царя-султана
И идти съ нимъ воевать араповъ;
То ли слушать краля изъ Вудима
И идти къ нему на свадьбу сватомъ;
То ли слушать Сибины-Янка
И идти мнѣ къ Янку на крестини?»
Мать на это Марку отвѣчаетъ:
«Милый сынъ мой, Королевичъ-Марко!
Въ сваты ѣдутъ, Марко, веселиться,
Въ кумовья, сынъ, ѣдутъ по закону,
На войну же ѣдутъ по невождъ.
Ты иди, сынъ, на войну съ султаноу,
Воевать иди араповъ лютихъ:
Богъ проститъ, лишь только помолися,
Богъ проститъ, а турокъ не умолишь.»
Марко матери своей послушалъ:
Собрался онъ въ путь къ царю-султаноу,
Взялъ съ собой слугу онъ Голубана;
Отѣѣжая матери онъ молвитъ:
«Ты послушай, мать моя родная,
Запирайте съ вечера ворота,
И поутру позже отпирайте:
Не въ задахъ я съ Миной изъ Костура,
Такъ боюсь: придетъ онъ, окаянный,
И дворы мои разграбитъ бѣны!»
Такъ сказавши, отѣѣжаетъ Марко
Со своимъ слугою Голубаноу.
Какъ на раздѣхъ на третѣмъ бѣли,
Вечерятъ Кралевичъ-Марко началъ,
Голубанъ вино ему подноситъ:
Только взявъ Кралевичъ-Марку чапу,

Вдругъ напала на него дремота,
Опустилъ онъ чапу на трапезу,
Чаша пала, не проливъ ни капли;
Голубанъ его тихонько будитъ:
«Государь ти мой, Кралевичъ-Марко!
Не въ-первой ти на войну собрался,
Но ни разу не било съ тобою,
Чтобъ за трапезой тебѣ вздремнулось,
Чтобъ дреманьи выронилъ ти чапу!»
Ото сна Кралевичъ тутъ очнулся,
Говоритъ слугѣ онъ Голубану:
«Голубанъ возлюбленный и вѣрный,
Мало спалъ я, чуденъ сонъ я видѣлъ!
Ахъ, не въ часъ мнѣ этотъ сонъ приснился:
Снилось мнѣ, что поднялася туча,
Поднялася отъ Костура-града,
Надъ моимъ Призѣломъ разразилася,
Вылъ въ той тучѣ Мина изъ Костура:
Онъ дворы мои разрушилъ бѣлы,
Онъ конемъ на мать мою наѣхалъ,
Взялъ въ полонь мою подруту-любю,
Изъ конюшенъ всѣхъ коней повывѣлъ
И добро изъ ризницъ похитилъ.»
Голубанъ на это отвѣчаетъ:
«Не пугайся, Королевичъ-Марко!
Не вздремнуть тебѣ мѣлоду такому!
А что сонъ тебѣ теперь приснился:
Лживъ биваетъ сонъ, Кралевичъ-Марко,
Вотъ одинъ лишь истина святая!»
Какъ прѣѣхалъ къ царю-султаноу:
Сталъ собирать великую онъ силу,
Двинулася та сила черезъ море,
На арапскую напала землю,
Побрада вѣстивъ-что градовъ-весей,
Сорокъ градовъ и еще четыре.
А когда дошла до Каръ-Ована
Бѣла три года Ованъ просятый,
Но Ованъ султаноу не дается.
День и ночь сѣчетъ араповъ Марко
И султаноу ихъ башки приносить,
А султаноу даритъ за это Марка.
Взяло турокъ горе и досада,
Говорятъ они царю-султаноу:
«Государь нашъ, Балзетъ могучий!
Не великъ юнакъ Кралевичъ-Марко:
Отѣѣкаетъ онъ башки у мертвыхъ
И къ тебѣ ихъ на бакинши приносить.»
Услыхалъ про то Кралевичъ-Марко,
Говоритъ султаноу Балзету:
«Царь-султаноу, отецъ ти мой названный!
Завтра день великаго сватого,

Юрьевъ день, святой для насъ и красный,
И мой опричь-того крестини:
Опусти меня, отецъ названный,
Юрю святому помолитися
По обычаю и по закону;
Отпусти со мною побратима,
Побратима, царь, Агу-Алиа,
Чтобъ мнѣ было съ кѣмъ вина напиться!»
Какъ услышалъ царь-султаноу тѣ рѣчи,
Одолѣтъ не могъ для Марка сердца:
Отпустилъ Кралевича онъ Марка
Помолитися Юрю святому
И крестини справить по закону;
Отпустилъ съ нимъ и Агу-Алиа.
Марко ѣдетъ на горы зелени,
Далеко отъ царской силы-рати,
Тамъ раскинуть свой шатеръ широкой,
Сѣлъ подъ нимъ онъ съ милымъ побратимоу,
Съ побратимоу со своимъ Алиоу,
Наливаетъ чапу онъ за чашей.
Поутру, лишь-только встало солнце —
Что была передова стража
У могучей у арапской рати —
Умогряла стража, догадавася,
Что укъ иѣтъ въ султаноу войскъ Марка,
Кинчетъ стража ко своимъ арапамъ:
«Навалитесь вы теперь, арапы,
На турецкую ударте силу:
Нѣту въ ней ужъ страшнаго юнака,
На конѣ великомъ сѣрой масти!»
Ринулося лютое арапство,
Ринулося арапство и посѣѣло
Тридцать тысячъ войска у султана.
Шлетъ письмо султаноу Кралевичъ-Марку:
«Милый сынъ ти мой, Кралевичъ-Марко!
Воротися поскорѣ къ войску:
Потерялъ я войска тридцать тысячъ!»
Марко такъ султаноу отвѣчаетъ:
«Царь-султаноу, отецъ ти мой названный!
Гдѣ мнѣ, царь, къ тебѣ вернуться скорю:
Я еще какъ-надо не напился,
А куда укъ мнѣ молиться,
Чествовать угодишка сватого!»
Какъ другое проглянуло утро,
Кинчетъ снова стража у арапа:
«Навалитесь вы теперь, арапы,
На турецкую ударте силу:
Нѣту въ ней ужъ страшнаго юнака,
На конѣ великомъ сѣрой масти!»
Ринулося лютое арапство,
Ринулося на турокъ и посѣѣло

Шестдесятъ ихъ тысячъ у султана.
Царь опять Кралевичъ-Марку ишетъ:
«Милый сынъ мой, Королевичъ-Марко!
Воротися поскорѣ къ войску:
Шестдесятъ мы потеряли тысячъ!»
Марко такъ сутану отвѣчаетъ:
«Царь-султанъ, отецъ ты мой названный!
Подожди ты маую-толку:
Я путемъ еще не нагулялся
Съ кумовьями, съ милыми друзьями!»
Вотъ и третье утро засило:
Снова кличетъ стража у арана:
«Навалитесь, лютые араны!
Нѣтъ того ужъ страшнаго юнака,
На конѣ великомъ сѣрой масти!»
Ринулося лютое арапство,
Сно посылко тысячъ у султана.
Пишетъ онъ нѣшмо Кралевичъ-Марку:
«Шо Богу мой сынъ, Кралевичъ-Марко!
Воротися ты поскорѣ къ войску:
Мой шатеръ араны поваляли!»
На коня тутъ сѣлъ Кралевичъ-Марко;
Бьетъ онъ къ туренькой сильной рати.
Какъ на небѣ утро прогнзало,
Два могуче сразились войска;
Увидала стража у арана,
Что явился вновь Кралевичъ-Марко,
Кличетъ громко своему арапству:
«Стойте, братья, лютые араны!
Вонъ онъ снова тотъ юнакъ могучій,
На конѣ великомъ сѣрой масти!»
Тутъ ударилъ Марко на араповъ,
На три части разметалъ ихъ войско,
Часть посѣлъ своею саблей вострой,
А другую потопталъ онъ Шарцемъ;
Третью часть пригналъ къ царю-сутану;
Но и самъ онъ въ боѣ притомился,
Притомился и былъ весь израненъ:
Семьдесятъ добылъ онъ ранъ арапскихъ!
На плечо къ сутану припадаетъ;
Говоритъ сутанъ Кралевичъ-Марку:
«Милый Марко, сынъ ты мой названный!
Тяжелы ли у тебя, сынъ, раны?
Можешь ли ты, сынъ мой, исцѣлиться?
Посылай ли мнѣ за лекарами?»
Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
«Царь-султанъ, отецъ ты мой названный!
Я могу, отецъ мой, исцѣлиться!»
Царь въ карманъ — вынимаетъ злаго,
Вынимаетъ тысячю червоцень
И даетъ ихъ Королевичъ-Марку,

Чтобъ онъ пошь себѣ за лекарами;
Вѣрнихъ слугъ даетъ еще онъ Марку,
Чтобъ ему служили и смотрѣли,
Какъ бы онъ не умеръ у султана.
Только Марко лекарей не ищетъ,
А идетъ въ харчению изъ харчени,
Чтобы высмотрѣть, вина гдѣ больше;
Сѣлъ, за чашей чашу наливаетъ,
И когда вина наполнился вдвоемъ,
Исцѣлились у него всѣ раны.
Тутъ пришло къ нему нѣшмо изъ дому,
Что разграбленъ дворецъ его широкій,
Что потоптана конями матеръ,
Что похищена подруга-люба.
Взяло горе Королевичъ-Марка,
Палъ онъ на колѣно предъ сутаномъ:
«Царь-султанъ, отецъ ты мой названный!
Дворъ широкій у меня разграбленъ,
Мать моя потоптана конями,
Вѣрная въ плѣну подруга-люба
И богатства въ ризницѣ не стало:
Причинилъ такія мнѣ напасти
Окаянный Мина изъ Костура!»
Утѣшаетъ царь Кралевичъ-Марка:
«Милый сынъ ты мой, Кралевичъ-Марко!
Кони дворъ разграбленъ твой широкій,
Я дворы тебѣ поставлю лучше,
Со своими радомъ ихъ поставлю;
Кони въ ризницѣ добра не стало:
Будешь, Марко, сборщикомъ ясачнымъ,
Наберешь себѣ добра ты снова,
Кони вѣрная въ плѣну подруга,
Я сишу тебѣ новѣсту лучше!»
Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
«Государь ты мой, отецъ названный!
Государь мой, честь тебѣ и слава!
Какъ дворы начнешь ты Марку ставить,
Станетъ плакаться, тужить сиротство:
«Вотъ онъ нѣсъ какой, Кралевичъ-Марко!
Кони тѣ дворы его сторѣли,
Пусть ему на этихъ будетъ пусто!»
Сборщикомъ твоимъ ясачнымъ стану,
Но собрать мнѣ ясака несколько;
Кони все нужда кругомъ да бѣдность;
И опять восплачется сиротство:
«Вотъ онъ нѣсъ какой, Кралевичъ-Марко!
Тамъ его расхищено богатство,
Тамъ и здѣсь ему пусть будетъ пусто!»
А что хочешь мнѣ смекать новѣсту:
Государь мой, стати-ли мнѣ жениться,
Кони прежняя жива подруга?

А ты дай мнѣ триста яничаровъ,
Дай ты въ руки мнѣ кривыхъ косъ,
А еще-то легкія мотки:
Я на градъ Костуръ ударю бѣлый,
Можетъ тамъ сишу свою подругу!»
Дать ему султанъ, чего просилъ онъ:
Дать ему онъ триста яничаровъ,
Наковать онъ косъ кривыхъ пмъ триста,
Дать имъ въ руки легкія мотки.
Говоритъ Краля-Марко яничарамъ:
«Братія мои въ яничари!
Подъ Костуръ ступайте вы подъ бѣлый,
Крѣико вамъ обрадуются греки,
Скажутъ: «вотъ намъ Богъ даетъ и руки,
Добрыхъ намъ работниковъ даетъ онъ,
Въ добрый часъ, для сбора винограда!»
Только вы работатъ не ходите,
А залажьте подъ Костуромъ градомъ,
Пейте, братья, чистую ракию,
Пейте тамъ, пока я васъ не кликну!»
Двинулися триста яничаровъ,
Двинулися къ бѣлому Костуру,
Самъ же Марко на Святую гору,
Причистился тамъ даровъ Господнихъ,
Исповѣдался въ грѣхахъ монаху
И покаялся въ прозитои крови;
Какъ повалялся, надѣлъ одежду,
Онъ надѣлъ одежду калугерску,*)
Отпустилъ онъ бороду по поясъ,
Надѣваетъ шапку-камлавку,
Сѣлъ на Шарца, ѣдетъ онъ въ Костуру;
Какъ прѣѣхалъ въ Минѣ изъ Костура,
Видитъ Мина пѣсть-сидитъ ракию,
Маркова ему подруга служитъ.
Молвитъ Марку Мина изъ Костура:
«Буди съ Богомъ, калугеръ ты черный!
Гдѣ конемъ такимъ ты раздобылся?»
Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
«Буди съ Богомъ, государь мой Мина!
На войнѣ я былъ съ царемъ-султаномъ,
На войнѣ противъ араповъ лютихъ;
Былъ у насъ одинъ тамъ олухъ въ войскѣ,
Назывался Королевичъ-Марко:
Голову свою тамъ положилъ онъ,
Схоронилъ его я по закону,
Такъ и дали турки на поминки,
Дали мнѣ коня его лихого!»
Какъ услышала Мина эти рѣчи,

На ноги отъ радости вскоцилъ онъ,
Говоритъ Кралевичу онъ Марку:
«Исполать тебѣ, мой гость желанный!
Девять лѣтъ я дожидался цѣлѣхъ,
Дождалося радостной той вѣсти!
Маркови дворъ пожогъ я бѣлымъ
И увѣлъ его подругу-любю;
Но не могъ на ней доселъ жениться,
Дождался Марковой смерти.
Обычай теперь меня ты съ нею.»
Марко взялъ святые книги въ руки,
Обычайтъ онъ Мину изъ Костура —
А чь съ кѣмъ? съ подругой со своею!
Послѣ сѣли пить вино и воку,
Пить вино и сердцемъ веселиться.
Молвитъ любя Мина изъ Костура:
«Сляпшишь ли, душа моя и сердце!
Ты звалася до нынѣ Марковина,
Называйся ты, душа, отнынѣ,
Называйся: минна подруга!»
Въ ризницу, душа, теперь спустился,
Принеси три кунты ты червоцень:
Отдаритъ хочу я калугера.»
Та пошла и принесла червоцень,
Взявши ихъ изъ богатства Мини,
Взявши ихъ изъ маркова богатства;
Принесла еще отгуду саблю,
Старую, заржавѣлую саблю,
Чорному вручаетъ калугеру:
«На тебѣ все это, чорный шнокъ,
На поминки по Кралевичъ-Марку!»
Принялъ саблю Королевичъ-Марко,
Оглядѣлъ ее и Минѣ молвитъ:
«Государь мой, Мина изъ Костура!
Вольно ли потѣниться мнѣ нынче,
Поиграть по-калугерски саблей,
На твоей на свадьбѣ на веселой?»
Отвѣчаетъ Мина изъ Костура:
«Поиграй! Загѣмъ не вольно будетъ?»
Какъ тутъ вскоичитъ Королевичъ-Марко,
Какъ тутъ вскоичитъ Марко да подскоичитъ —
Ходенемъ хоромъ заходили;
Какъ махнеть заржавѣлую онъ саблей —
Отлетѣла голова у Мини;
А Краля-Марко кличетъ въ яничарамъ:
«Навалитесь, братья-яничари!
Нѣтъ ужъ больше Мини въ Костурѣ!»
Навалылся триста яничаровъ,
Разнесли дворы у Мини бѣлы,
Разнесли, огнемъ ихъ по-налили;
Марко взялъ свою подругу-любю,

*) Калугеръ — монахъ.

Взялъ потомъ и минуно богатство
И въ Прилѣбъ свой бѣлый воротился,
Звонкимъ горлою пѣсни раслѣвал.

Н. БѢРГЪ.

—

х.

СМЕРТЬ МАРКА-КОРОЛЕВИЧА.

Раннимъ-рано всталъ Кралевичъ-Марко,
Въ воскресенье, до восхода солнца,
И похажь онъ край синя моря;
Прѣзжая на Урвинъ-планину;
Какъ похажь по Урвинъ-планинѣ,
Началъ конь подъ Маркомъ спотыкаться,
Спотыкаться началъ онъ и плакать.
Стало Марку горько и досадо;
Говорить Кралевичъ-Марко Шарцу:
«Добрый конь мой, разудалый Шарца!
Сто шесть лѣтъ я странствую съ тобою,
А ни разу ты не спотыкнулся;
Что жъ теперь ты началъ спотыкаться,
Спотыкаться началъ ты и плакать?
Не къ добру ты, видно, Шарца, плачешь:
Быть бѣдѣ великой, минучей,
Либо мнѣ, либо тебѣ погибнуть!»
Кличетъ вила изъ Урвинъ-планини:
«Побратимъ ты мой, Кралевичъ-Марко!
Знаешь ли, о чемъ твой Шарца плачетъ?
О своемъ онъ плачетъ господнѣ:
Скоро Марку съ Шарцемъ разставаться!»
Отвѣчаетъ Марко бѣлой вилою:
«Горло бы твоё на вѣкъ осило!
Чтобы Марко съ Шарцемъ да разстался!
И прошолъ всю землю и всѣ грады,
Отъ восхода солнца до заката,
Не выдалъ коня я лучше Шарца
И юнака удаче Марка!
Не расстанусь съ Шарцемъ я во-вѣки,
Не расстанусь до своей до смерти!»
Бѣла вила Марку отвѣчаетъ:
«Побратимъ ты мой, Кралевичъ-Марко!
Не отнимутъ у Кралъ-Марка Шарца,
Не умрешь ты отъ булатной сабли,
Отъ коня, отъ палицы тяжелой;
Ни кого ты, Марко, не боишься;
А умрешь ты, Марко, отъ болѣзни,
Отъ десницы праведной Господней.
А когда словамъ моимъ не вѣришь,

Поѣжай ты прямо по планинѣ,
Какъ дождь до вершинъ самой,
Обернись направо и налѣво:
Ты увидишь тонкія двѣ ели,
Широкіе ели разрослися
И собой покрыли всю планину;
Студена течетъ вода межъ ними.
Тамъ коня останови ты, Марко,
Привяжи поводьями за ёлку
И нагнись ты надъ водой студеной.
Какъ себя ты въ ней увидишь, Марко,
Ты узнаешь о своей о смерти.»
Вилу бѣлую послушалъ Марко.
Онъ похажь прямо на планину;
Какъ дохажь до вершинъ самой,
Поглядѣлъ направо и налѣво
И увидѣлъ тонкія двѣ ели,
Что по всей планинѣ разрослися
И собой закрыли всю планину.
Тутъ коня остановилъ Кралъ-Марко,
Привязалъ поводьями за ёлку
И нагнулся надъ водой студеной:
Бѣлое лицо свое увидѣлъ —
И почувалъ смерть Кралевичъ-Марко;
Слѣзы пролилъ, самъ съ собою моливъ:
«Обманулъ ты свѣтъ меня широкій!
Свѣтъ досадный, прѣтъ мой неагадный,
Красень ты, да погулялъ я мало:
Триста лѣтъ всего мнѣ погулялось!
А теперь пришлось съ тобой разстаться!»
Говорить, а саблю вынимаетъ:
Какъ махнетъ Кралевичъ-Марко саблей,
Снесъ онъ Шарцу голову по плечи,
Чтобы туркамъ Шарца не достался,
Чтобы не знали онъ никакой работы
И чтобы воду не возилъ въ колоду.
Какъ поськъ Кралевичъ-Марко Шарца,
Закопалъ его глубоко въ землю,
Почтвая Шарца पुше брата *).
Перебилъ потомъ свою онъ саблю,
Перебилъ онъ на четыре части,
Чтобы и сабля туркамъ не досталась,
Чтобы никто у нихъ не похвалялся,
Что себя отъ Марка саблю добылъ,
Чтобы свои не прокинали Марка.
А когда разбилъ онъ саблю востру,
Перебилъ онъ и коня на части,
И закинулъ на вершину ели.

*) Пуше брата Андрая, которого убилъ Кеседжа при Маркѣ, и Марко ухажь, по похоронивъ брата.

Ухватилъ свой буздыганъ тяжелой,
Ухватилъ онъ прапою рукою
И пустилъ его съ Урвинъ-планини,
Опустилъ его на синю море,
И сказалъ тутъ Марко буздыгану:
«Какъ ты выйдешь, буздыганъ, изъ моря,
Народится молодецъ удальи,
Молодецъ такой же, какъ и Марко!»
Погубивши все свое оружье,
Марко вынулъ чистую бумагу —
Пишетъ Марко, пишетъ завѣщанье:
«Какъ придетъ кто на Урвинъ-планину,
Между елей, край воды студеной,
И увидитъ тамъ Кралевичъ-Марка:
Знай, что мертвъ лежитъ Кралевичъ-Марко,
Подъ Марка все его богатство,
Все богатство: три мѣшка чернопцевъ;
На одинъ мускай меня скоронягъ,
А другой возмужь на храмъ Божій,
Третій даръ мой старцамъ переходимъ,
Ничимъ старцамъ, слѣбнинымъ каземъ:
Пусть поютъ и поминаютъ Марка!»
Написавши Марко завѣщанье,
Положилъ его на вѣтку ели,
Чтобы съ пути увидѣть было можно,
А перо съ чернильницей забросилъ,
Бросилъ онъ на дно воды студеной;
Снялъ потомъ съ себя зеленый дѣманъ,
Разостлалъ по муравѣ зеленой,
Разостлалъ, перекрестился трижды,
На брови самуръ-копчакъ надинуль,
Легъ-себя — и не вставалъ ужъ Марко.
Такъ лежалъ онъ край воды студеной,
День за днемъ онъ плѣтую нефѣю.
Его проїдетъ широкою дорогою
И подъ елку увидитъ Марка:
Думаетъ, что спитъ Кралевичъ-Марко,
И далѣко въ сторону отходить,
Чтобы Марко вдругъ не пробудился.

Гдѣ удача, тамъ и неудача,
Гдѣ несчастье, тамъ, гляди, и счастье:
Привелось, по-счастью, той дорогой
Проѣзжать изъ церкви Виландари
Проигнужь святогору Васу,
Со своимъ прислужникомъ Исаемъ.
Какъ увидѣлъ проигнужь Марка,
Онъ махнулъ рукою слугѣ Исаю:
«Тише, сынъ, не разбуди ты Марка!
Послѣ сна сердитъ бываетъ Марко:
Намъ обоимъ голово по-сниметь!»
Такъ обаялъ и сталъ глядѣть на Марка
И увидѣлъ на вѣтвѣхъ, на ёлкѣ,
Марково писанье, завѣщанье.
Прочиталъ онъ Марково писанье:
Говорить оно, что Марко умеръ.
Тутъ съ коня слѣзаетъ проигнужь,
Слѣзъ съ коня, рукою тронулъ Марка:
Вѣчнымъ спомъ почтѣ Кралевичъ-Марко!
Горьки слѣзы пролилъ проигнужь:
Было жалъ ему юнака Марка;
Съ мертвымъ Маркомъ ѣдетъ къ синю морю,
И себя онъ ими опасалъ;
Сталъ онъ думать, гдѣ скоронитъ Марка,
Думалъ, думалъ, не одно придумалъ:
На коня къ себѣ владеть онъ Марка,
Съ мертвымъ Маркомъ ѣдетъ къ синю морю,
На ладью у берега садится,
Ѣдетъ съ Маркомъ на Святую гору,
Къ Виландарѣ церкви подѣзжаетъ,
Вносить тѣло во святую церковь,
Панихиду служить по усопшемъ
И хоронитъ Марка середъ церкви,
Безо-вѣсной надписи и камня,
Чтобы мѣсто, гдѣ скоронилъ Марко,
Недруги его не распознали
И надъ нимъ по смерти не глумлялись.

Н. БѢРГЪ.

4. ЭПИЧЕСКІЯ ПѢСНИ РАЗЛИЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

I.

КАКЪ ОТДАРИТЬ ТУРЕЦКІЙ СУЛТАНЪ
МОСКОВСКАГО ЦАРЯ.

Идутъ письма изъ Земли Московской
Черезъ грады многие и земли,
Идутъ, идутъ — въ Стамбуль приходятъ:
И несутъ ихъ въ золотыхъ каретахъ
Къ самому турецкому султану;
А при письмахъ царскіе подарки —
Для султана: золотое блюдо,
А на немъ стоитъ мечеть золата,
А вокругъ мечети змѣй обвилася,
Въ головѣ же у змѣя вставленъ камень,
Самоцвѣтный камень, при которомъ
Можно ночью и ходить и видѣть,
Словно днемъ, когда сіяетъ солнце.
Ибрагимъ султанскому сыну:
Дорогию острія дѣй сабли,
Золотая рукоятъ на каждой,
А на нихъ по дорогому камню;
А султаншѣ — колыбель золату;
Въ головкахъ — удалый соколъ-птица.
Получивъ подарки дорогие,
Ставъ султанъ кручиниться и думать,
Что бы царю Московскому отправить,
Честь за честь, за дорогой подарокъ?
Думалъ, думалъ, ничего не вздумалъ.
Кто придетъ къ нему, передо всеми
Начинаетъ хвастаться, какіе
Шлѣтъ ему подарки царь Московскій.
И никто сказать ему не можетъ,
Чѣмъ царя бы отдарить за милость.
Вотъ наша приходитъ Соколовичъ,
Хвалится султанъ ему дарами;
За пашой пришли ходжа и кадій,

Поклонились низко, цаловали
У султана руку и кобзю;
Имъ султанъ дарами началъ хватать,
И потомъ сталъ спрашивать обоихъ:
«Служи вы мои, ходжа и кадій,
Вы вдвоемъ меня не вразумите ль,
Что послать въ Московскую мнѣ Землю,
Изъ моей земли царю въ подарокъ?»
Отвѣчали и ходжа и кадій:
«Царь-султанъ! твои надъ нами воля,
А мы вздумать ничего не можемъ.
Ты позвалъ бы старца-патриарха:
Онъ скорѣй научитъ и укажетъ,
Что послать и чѣмъ доволенъ будетъ
Государь, великій царь Московскій.»
Услыхалъ султанъ такія рѣчи,
Своего послалъ тотчасъ каваса,
Чтобы позвалъ старца-патриарха.
И когда пришолъ къ султану старецъ,
Показалъ султанъ ему каміе
Получилъ подарки и промовитъ:
«О, слуга мой, старче патриарше!
Ты меня не вразумишь ли, старче,
Что послать въ Московскую мнѣ Землю,
Чтобы былъ подарками доволенъ
Государь, великій царь Московскій.»
Тихо старецъ отвѣчалъ султану:
«Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
Мнѣ ль учить твою велику мудрость!
Въ простотѣ дозволю мнѣ слово молвить,
Какъ Господи мнѣ на сердце положитъ.
Есть въ моемъ великомъ государствѣ
Что царю Московскому отправить,
Что тебѣ совсѣмъ не на потребу,
А ему весьма угодно будетъ.
Посохъ есть отъ Нѣманчца Саввы,
Златъ вѣнецъ царя есть Константина,

Иоанна Златоуста ризы,
Да съ святимъ крестомъ на древѣхъ знамя,
Что держалъ въ бою царь Сербскій Лазарь.
Никакой тебѣ въ нихъ нѣтъ потребности,
А царю угодны будутъ, знаю.»
Полубилася эта рѣчь султану
И велѣлъ онъ старцу-патриарху,
Чтобы справилъ для царя подарки
И вручилъ ихъ посланцамъ московскимъ.
Патриархъ, какъ слѣдуетъ, все справилъ,
И, вручая посланцамъ, сказалъ имъ:
«Позаботьте, милые, вы съ Богомъ;
Но большой не ѣдите дорогой,
А идите лѣсомъ и горою;
Будетъ вамъ по слѣдъ попола злая,
Чтобы отнять у васъ сіи святини,
Выше конхъ нѣтъ для христіанства.
Я сложу главу свою за это,
Грѣшное мое погинеетъ тѣло,
Но душа моя чрезъ тѣ спасется.»
И златѣмъ простился съ посланцами.
И султанъ доволенъ былъ, что кончалъ.
Наконецъ съ такимъ мудрѣннымъ дѣломъ,
И что все такъ дешево устроилъ,
Передъ всеми началъ похваляться.
Вотъ наша приходитъ Соколовичъ,
И ему султанъ сказалъ, похвасталъ:
«Угадай, паша, слуга мой вѣрный,
Что къ царю Московскому послалъ я?
Даль я посохъ Нѣманчца Саввы,
Златъ вѣнецъ царя далъ Константина,
Иоанна Златоуста ризы,
Да съ святимъ крестомъ на древѣхъ знамя,
Что держалъ въ бою царь Сербскій Лазарь.
Въ нихъ мнѣ вовсе не было потребности,
А царю они угодны будутъ.»
И спросилъ султана Соколовичъ:
«По чѣму же ты сдѣлалъ такъ совѣту?»
И султанъ ему отвѣтилъ прямо:
«По совѣту старца-патриарха.»
И сказалъ на это Соколовичъ:
«Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
Если ты Царю послалъ святини,
Выше конхъ нѣтъ для христіанства,
Приложилъ бы къ нимъ ужъ также кетати
И ключи отъ своего Стамбула!
Все равно — отдать придется постѣ
И съ великими для тебя позоромъ!
Видъ на тѣхъ святиняхъ и держалосъ
Все твое владчество и царство.»
Услыхалъ султанъ такія рѣчи,

Спохватился и всплеснулъ руками,
И намѣ приказывать поспѣшно:
«Гой еси, паша, слуга мой вѣрный!
Собери ты турковъ-ялычаровъ,
Догоми ты посланцевъ московскихъ,
Отбери у нихъ мои подарки,
Отбери святини, на которыхъ
Все мое и утверждалосъ царство!»
Собралъ войско храбрый Соколовичъ
И поѣхалъ по большой дорогѣ;
Ищетъ, ищетъ посланцевъ московскихъ —
Не нашолъ ни гдѣ, домой вернулся,
Говоритъ султану, что не видѣлъ,
Какъ ни бился, посланцевъ московскихъ.
И султанъ пришолъ въ велику ярость,
Закричалъ намѣ онъ зычнымъ голосомъ:
«Тавъ иди же, паша, слуга мой вѣрный,
И убей ты старца-патриарха.»
Побѣжалъ наша приказъ исполнить —
И схватилъ онъ старца-патриарха,
И взмахнулъ надъ нимъ ужъ острой саблей.
Патриархъ же старецъ молвилъ тихо:
«Господиъ наша, остановися —
Погоди, не обатрай, пожалуй,
Землю кровью праведной моею,
А не то три года быть засухѣ:
Ничего земля родитъ не станеть.»
Услыхалъ паша, что молвилъ старецъ,
И повелъ его на сине море,
И занесъ надъ нимъ ужъ острую саблю;
Говоритъ опять великій старецъ:
«Господиъ наша, остановися,
Не губи меня на синемъ морѣ:
Встанетъ буря, море возмутится,
Корабли потопитъ и гаеры,
Города зальѣтъ, размоетъ землю.»
Напугать нашу такъ думалъ старецъ,
Да наша не сталъ ужъ старца слушать,
И отсѣкъ главу его саблюю.
Даль Господи въ своемъ раю небесномъ
Прославляе праведному мужу,
Намъ же, братья, радость и веселье.

А. Майковъ.

II.

СИМЕОНЪ-НАЙДЕНЬШЪ.

Ранымъ-рано всталъ отецъ-игумень
И пошолъ онъ къ тихому Дунаю
Зачерпнуть въ рѣкъ воды студеной,
Чтобъ умыться и творить молитву.
Вдругъ увидѣвъ онъ сундукъ свинцовый:
Къ берегу волной его прибло.
Думалъ старецъ: кладъ ему достался,
И понесъ сундукъ съ собою въ келью.
Отпираетъ онъ сундукъ свинцовый:
Никакого не было тамъ клада,
Въ сундукѣ лежалъ ребенокъ малый,
Семидневный, мужское чадо.
Внимаетъ мальчика игумень,
Окрестилъ и далъ ему онъ имя,
Нарекъ имя: Симеонъ-Найденшъ;
Груди женской не далъ онъ малюткѣ,
А кормить его сталъ самъ онъ въ кельѣ,
Сахаромъ кормилъ его да мѣдомъ.
Ровно годъ исполнился ребенку,
А на взглядъ какъ-будто и три года;
А какъ минуло ему три года,
Былъ онъ точно отрокъ семилѣтний,
А какъ семь ему годовъ сравнялось,
Былъ онъ съ виду, какъ другой въ двѣнадцать,
А когда двѣнадцать наступило,
Всѣ считали, что ему ужъ двадцать.
Скоро полюбъ Симеонъ ученье,
Заговялъ всѣхъ нарней монастырскихъ
И отца-игумена святого.
Разъ поутру, въ свѣтлый день воскресный,
Вздумаи ребята монастырски
Всюкою потѣшиться шпрю,
Стали прыгать и метать камни —
Всѣхъ ребятъ Найденшъ перепрыгалъ,
Стали въ камни — обидалъ и въ камни.
На него ребята обозлились
И давай смѣяться Симеону:
«Симеонъ ты, Симеонъ-Найденшъ!
Безъ отца ты на свѣтъ уродился,
Нѣтъ тебѣ ни племени, ни роду,
А намолъ тебя отецъ-игумень
Въ сундукѣ подъ берегомъ Дунай.»
Горько-горько стало Симеону,
Онъ пошолъ въ отцу-игумну въ келью,
Сѣлъ, читать Евангеліе началъ,
Самъ читаетъ, горестно рыдаетъ,
Такъ намолъ его отецъ-игумень;

Говоритъ игумень Симеону:
«Что съ тобою, смѣй ты мой любезный,
Что ты плачешь, горестно рыдаешь?
Иль тебѣ чего на свѣтѣ мало?»
Отвѣчаетъ Симеонъ-Найденшъ:
«Господи ты мой, отецъ-игумень!
Мнѣ смѣются адшіе ребята,
Что не знаю племени я роду,
А что ты намолъ меня въ Дунай.
Ты послушай, мой отецъ-игумень!
Завлѣваю Господомъ и Вотомъ:
Дай, отецъ, ты мнѣ коня лихого,
Сѣмъ я сяду, по свѣту поѣзжу,
Пощу я своего родъ-племя!
То ли я отъ низкаго отродья,
То ли кость господскаго колѣна?»
Стало жалъ его отцу-игумну:
Воскормилъ онъ Сима будто сына.
Снарядилъ его отецъ-игумень,
Далъ ему онъ тысячу дукатовъ
И коня далъ изъ своей конюшни;
Сѣлъ, поѣхалъ Симеонъ-Найденшъ.
Десятъ лѣтъ по бѣгу свѣту ѣздилъ,
Своего родъ-племени онъ ищетъ,
Да найти-то какъ ему родъ-племя,
Коль спроситъ о томъ кого не знаетъ.
Вотъ десятое подходитъ лѣто,
Въ монастырѣ назадъ онъ хочетъ ѣхать
И коня поворотилъ лихого.
Проѣзжаетъ край Будима-града;
А и выросъ онъ обь эту пору,
Впросъ Сима, что твои невѣста,
И коня онъ выхолоилъ на двоихъ,
Гарцовалъ Будимскимъ чистымъ поземъ,
Звонилъ горломъ расбѣвая пѣсни.
Увидѣла Сима королева
Изъ окошка, изъ Будима-града,
Увидѣла и зоветъ служанку:
«Ты ступай, проворная служанка,
Ухвати подъ нимъ коня лихого,
Повони его ко мнѣ ты въ теремъ:
Звать, скажи, велѣла королева
На честную трапезу-бѣсуду!»
Побѣжала за городъ служанка
И коня подъ молодомъ схватила,
Говоритъ: «пожалуй, вѣтякъ, въ теремъ!
Звать тебя велѣла королева
На честную трапезу-бѣсуду.»
Симеонъ вернулъ коня лихого,
Подъѣзжаетъ подъ высокой теремъ,
Отдаетъ коня держать служанкѣ,

Самъ идетъ онъ въ теремъ къ королевѣ;
Какъ вошолъ онъ въ теремъ, скинулъ шапку
Королевѣ низко поклонился
И сказалъ: «Богъ помочъ, королева!»
Королева Симеону рада,
За готовый столъ его саждаетъ
И виномъ его, и водкой проситъ,
Сахарныхъ сластей ему подноситъ.
Расходилась кровь у Симеона,
Наппааетъ онъ за чаркой чарку,
Лишь не ищетъ, не кушаетъ хозяйка,
Все-то глазъ не сводитъ съ Симеона.
А какъ почъ-полуночь наступила,
Симеону королева молвить:
«Милый гость, нежданный мнѣ вѣтякъ!
Ты скидай съ себя свою одѣжу.
И ложись опочивать со мною,
Полюби меня ты, королеву!»
Хмѣль игралъ въ ту пору въ Симеонѣ:
Силъ онъ платье, легъ онъ съ королевой,
Въ блѣсе лица ее палуется.
Какъ на завтра утро засяло,
Воскочилъ хмѣльна съ Симеона,
Видитъ онъ, какой бѣды надѣлалъ;
Горько-горько стало Симеону,
На проворныхъ вскочилъ онъ ноги
И пошолъ искать коня лихого.
Оставляетъ Симу королева,
Оставляетъ на вино и кофій,
Но не хочетъ Симеонъ остаться:
Онъ садится на коня и ѣдетъ,
ѣдетъ онъ Будимскимъ чистымъ поземъ;
Только тутъ на умъ ему пришло,
Что съ собой онъ изъ Будима-града
Своего Евангеліа не вzialъ,
А забылъ его у королевы,
На окошкѣ, въ теремѣ высокомъ.
Повернуть назадъ коня лихого,
На дворѣ коня онъ оставляетъ,
Самъ идетъ онъ въ теремъ королевинъ;
Подъ окномъ увидѣлъ королеву:
Подъ окномъ сидитъ она и плачетъ,
А сама Евангеліе держитъ.
Говоритъ ей Симеонъ-Найденшъ:
«Дай мою ты книгу, королева!»
Королева Симеону молвить:
«Симеонъ ты, горькій горемыка!
Въ часъ недобрый ты намолъ родъ-племя,
Въ часъ недобрый въ градъ Будимъ прѣйхалъ,
Ночевалъ съ будимской королевой,
Цаловалъ ее въ лицо ты было:

Цаловалъ ты мать свою родную!» *)
Какъ услышалъ Симеонъ про это,
По лицу онъ пролилъ горьки слезы,
Взялъ свою у королевы книгу,
Бѣлую у ней цалуетъ руку,
На коня на своего садится
И домой къ отцу-игумну ѣдетъ.
Увидѣлъ его отецъ-игумень,
Своего коня узналъ даѣко,
Вышелъ онъ на встрѣчу къ Симеону;
Симеонъ съ коня съѣзжаетъ на землю,
До земли отцу онъ поклонился;
Говоритъ игумень Симеону:
«Гдѣ ты, сынъ мой, столько загостился?
Гдѣ такъ долго прогулялъ, проѣздилъ?»
Отвѣчаетъ Симеонъ-Найденшъ:
«Ты не спрашивай про это, отец!
Въ часъ недобрый я намолъ родъ-племя,
Въ часъ недобрый былъ въ Будимъ-градѣ.
Тутъ онъ горе старцу исповѣдалъ.
Какъ узналъ о томъ отецъ-игумень,
Взялъ за бѣлы руки Симеона,
Отворилъ смердящую темницу,
Гдѣ вода стоила по колѣно
И въ водѣ кишмя кишѣли гады,
Въ ту темницу Симеона залеръ,
А ключи въ Дунай-рѣку забросилъ,
Самъ съ собою тихо раздумалъ:
«Кои выйдутъ гдѣ ключи оттуда —
И грѣхи простятся Симеону!»
Десятъ лѣтъ прошло и миновало
И десятый годъ ужъ наступаетъ;
Рыбакъ въ рѣкѣ поймалъ рыбу
И ключи наши у ней во чревѣ,
Ихъ къ отцу-игумну приносить;
Завлѣченный палъ ему на мѣси;
Взялъ ключи у рыбаковъ игумень,
Отворилъ смердящую темницу;
Въ ней воды какъ-будто не бывало
И невѣсть куда пропали гады.
Видитъ старецъ: тамъ сияетъ солнце,
Золотой въ срединѣ столъ поставленъ,
За столомъ сидитъ его Найденшъ
И въ рукахъ Евангеліе держитъ.

Н. БѢРГЪ.

*) Известный издатель сербскихъ пѣсней, Караджичъ, замѣчаетъ, что вѣроятно въ Евангеліи, на поляхъ или вначалѣ, было написано, кому принадлежатъ книга и зачѣмъ онъ вдалъ по свѣту.

СЕСТРА И БРАТЬЯ.

Два дубочка выросли рядом,
Между ними тонковерхая ёлка;
Не два дуба рядом выросали,
Жили вместе два брата родные:
Один Павелъ, а другой Радула,
А межъ ними сестра ихъ Елипа.
Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
Всякую ей оказывали милость;
На посѣдокъ ей ножъ подарилъ
Золоченый, въ серебряной оправѣ.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говорить она Радуловой любѣ:
«Невѣстуха, по Богу сестрица!
Не знаешь ли ты земли такого,
Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
Отвѣчаетъ Радулова любя:
«По Богу сестра моя, невѣста,
Я не знаю земли такого;
Хоть бы знала, тебѣ бы не сказала;
И меня братья мои любили,
И мнѣ всякую оказывали милость.»
Вотъ пошла Павлиха къ водоюу,
Да зарѣзала коня вороного,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зао сестру ты любишь,
На бѣду дарилъ ты ей подарок:
Извела она коня вороного.»
Сталъ Елипу допытывать Павель:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ — кланусь тебѣ жизньню,
Кланусь жизньню твоей и моею!»
Въ ту пору братья сестрѣ повѣрили.
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
Синяго сокола тамъ заколала,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зао сестру ты любишь,
На бѣду дарилъ ты ей подарок:
Вѣдь она сокола заколала.»
Сталъ Елипу допытывать Павель:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ.
«Не я, братецъ — кланусь тебѣ жизньню,
Кланусь жизньню твоей и моею!»
И въ ту пору братья сестрѣ повѣрили.
Вотъ Павлиха по вечеру поздно

Ножъ украла у своей золовки
И ребенка своего заколала
Въ колыбелькѣ его золоченой;
Рано утрѣмъ къ мужу приближала,
Громко вол и лицо терзая:
«Самъ себѣ на зао сестру ты любишь,
На бѣду дарилъ ты ей подарок:
Заколала у насъ она ребенка;
А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
Осмотри ты ножъ ея злаченый.»
Вскочилъ Павель какъ услышалъ это,
Побѣжалъ къ Елицѣ во свѣтлицу:
На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченый,
Изъ ножонъ выпуль его Павель —
Ножъ злаченый весь былъ окровавленъ.
Дернулъ онъ сестру за блузу руку:
«Ой, сестра, убей тебя Боже!
Извела ты коня вороного,
И въ саду сокола заколала;
Да за что ты зарѣзала ребенка?»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ — кланусь тебѣ жизньню,
Кланусь жизньню твоей и моею!»
Кози жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
Выведи меня въ чистое поле,
Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
Пусть они мое бѣлое гѣло
Разорвутъ на четыре части.»
Въ ту пору братья сестрѣ не повѣрили;
Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ пошла капля ея крови,
Выросли тамъ алде дѣвочки;
Гдѣ осталось ея бѣлое гѣло,
Черковъ тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молодая Павлиха;
Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ —
Выроста трава сквозь ея кости,
Въ той травѣ лютий змѣй гнѣздится,
Пить ей очи, самъ уходить къ ночи.
Лето страждетъ молада Павлиха;
Говорить она своему господину:
«Сланишь ли, господинъ ты мой, Павель,
Сведи меня къ золовкыни церкви,
У той церкви авось исцѣлюся.»
Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,
И какъ были они уже близко,
Вдуртъ изъ церкви услышали голосъ:

«Не входи молодая Павлиха,
Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
Какъ услышала то молада Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
Не веди меня къ бѣлому дому,
А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
И пусти ихъ по чистому полю.»
Своей любѣ послушался Павель,
Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ пошла капля ея крови,
Выросли тамъ терные да крапива;
Гдѣ осталось ея бѣлое гѣло,
На томъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываетъ,
За конемъ золоченая льлька,
На той льлькѣ сидитъ соколъ-птица,
Лежитъ въ льлькѣ маленькій мальчикъ:
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

А. Пушкинъ.

IV.

ЙОВО И МАРА.

Двое милыхъ, любясь, выросали,
Юный Йово да дѣвушка Мара,
Съ малодѣтства, отъ третьяго года.
Ихъ увидишь — такъ радостно станеть,
Скажешь: это фатма и ландишь!
Умывались одною водою,
Угирались одною позотенемъ,
Любо въ очи другъ-другу глядѣли,
Будто солнце въ глубокое море;
Пѣли йвѣно одну вечерами,
Темной ночью одинъ сонъ видали.
Впору Йовѣ уже было жениться,
Можно бы было отдать Мару замужъ.
Выросъ Йово удалъ изъ удалыхъ,
Красотою красивѣй дѣвнцы;
Мара... слова для Мары не смыщеть:
И на свѣтѣ такой не бывало!
Не увидишь очей ея лучше;
Тоньше стала ея не найдется;
Милонднн, что горная вила,
А гибка-то, что ель молодая.
Годъ на Мару гляди — и все мало;

Мало бы вѣку любить эту Мару;
Какъ увидишь ее — заболѣешь,
А посмотреть — такъ выгнать разомъ.
Но спротивъ была нама Мара,
Йово жъ былъ изъ богатаго рода,
Не простого — господскаго рода.
Разъ онъ Марѣ, вздохнувши, промолвилъ:
«Такъ ли любилъ меня, мой Мара,
Какъ люблю я тебя, мое сердце?»
Тихо Мара ему отвѣчала:
«Милый Йово, ты глазъ мнѣ дороже,
Завсегда ты на мысляхъ у Мары;
Какъ мать смда, пошу тебя въ сердцѣ.»
Ихъ подсудувалъ невидимый сторожъ:
Мать Йована гѣ слышала рѣчи;
Злосъ на Мару, сказала Йовану:
«Милый Йово, перо дорогое,
Позабудь ты объ этой дѣвчонкѣ.
Есть невѣста и лучше, и краше;
То Фатима, Атагича злато...
Фата съ дѣтства възлюбана въ мѣсткѣ
И не знаетъ, что солнце, что мѣсткы;
Не видала, какъ хабѣ зеленеть,
Не видала муравей на полѣ,
Не видала ни разу мужични;
А къ тому жъ и богатаго рода,
И въ подмогу богатствомъ стодится.»
Отвѣчаетъ такъ матери Йово:
«Моя милая мать, дорогая!
Заклинаю тебя я и небомъ,
Заклинаю тебя и землею:
Не разрозни ты милого съ милой!
Не богатство серебро да злато,
А богатство, что дорого сердцу!»
Но не хочеть и слушать старуха.
Рада бы слышать слова эти Мара,
Но далеко отъ ней ея милый.
Мара плачетъ, а вѣтеръ разноситъ:
«Много твоя есть у насмурной ночи,
Больше горы у Марини въ сердцѣ.
Ужъ известно, какъ молодцы любятъ:
Какъ ласкають — въ любви угнѣряютъ,
Перестали — смѣются съ друзьями.
Не таковы онъ, возлюбленный Йово,
Да ужъ, видно, такая мнѣ долл!
Чуть зайахъ мнѣ дѣвчонъ мой душнстмъ —
И достался другой соколнцѣ.
Свить мой, Йово, свѣтъ, жаркое солнце!
Ты лучше меня освѣтлю,
Да и скоро запаю за гору.»
Мара плачетъ, а вѣтеръ разноситъ.

Одного все нашъ держитъ Йово:
«Нѣтъ, ей-Богу, родимаа, лучше,
Лучше смерть чѣмъ жениться на Фатѣ:
Сердце проситъ одну только Мару.»
Но не хочетъ и слушать старуха,
И не хочетъ высватывать Мару;
Поспѣваетъ къ Атагича злато;
Но Фатима, Атагича злато,
Заклинаетъ старуху святими,
Чтобъ не сватать ее за Йована:
«Неразумо, грѣшно и жестоко
Разлучать двѣ души неразлучныхъ,
Двухъ немилыхъ заставить любиться.»
Но не хочетъ и слушать старуха:
Заручила, кольцомъ обручила,
Малый срокъ имъ назначила къ свадьбѣ,
Небольшой срокъ — одну лишь пѣлку,
И сзываетъ сватовъ къ тому сроку.
Созвалъ ихъ, пошла по невѣсту.
«Синь-кормилецъ, пойдѣмъ по невѣсту!
Мать Фатиму тебѣ заручила,
Заручила, кольцомъ обручила.»
Но не хочетъ послушаться Йово,
Остается въ дому своемъ бѣломъ.
Мать безъ сына пошла со сватами,
Къ ней выходитъ Атагича злато
И цалуетъ ей правую руку:
«Мать-старушка пригожаго Йови!
Что за утро, какъ солнце не грѣетъ,
Что за ночь та, какъ мѣсяцъ не свѣтитъ,
Что за сваты, когда жениха нѣтъ!»
Отвѣчаетъ на это старуха:
«Заклинаю, Атагича злато!
Не заботься о суженомъ Йовѣ —
Онъ женихъ твой, а мой однокровный.
Здѣсь гора есть, въ ней водятся вики;
Между ними есть горная вила,
Та, что злато съ коней выбиваетъ;
А за сына, какъ мать, я боюсь,
Чтобы вила его не убила,
Молодого, единаго сына.»
Какъ въѣзжали на дворъ они къ Йовѣ,
Разомъ сваты съ коней поскодрили,
Но не сходитъ Атагича злато;
И сказала Фатимѣ старуха:
«Слѣзъ, невѣстка моя дорога!»
— «Нѣтъ, не слѣзю, ей-Богу, не слѣзю,
Если лошади мою онъ не приметъ
И не сниметъ съ нея меня Йово.»
И пошла мать къ Йовану на вышку,
И такъ сину она говорила:

«Синь-кормилецъ, сойди ты отсюда!
Тамъ ты примешь Атагича злато.»
Поднялся онъ, упалъ на колѣни,
Ублажаетъ свою мать родную,
Точитъ слѣзы, какъ-будто дѣвица,
Точитъ слѣзы, рыдаючи, молнитъ:
«Не пойду я, ей-Богу, родная!
Въ чемъ клалъ — тверже камня въ томъ буду!»
Но и слушать не хочетъ старуха:
«Прокляну я и грудь, что вскормила
Мнѣ такого негоднаго сына,
Если злато съ коня ты не ссадишь!»
Что жъ тутъ дѣлать, скажите, Йовану?
Всталъ онъ быстро на легкия ноги,
Оттираетъ горячій слѣзы
И выходитъ поспѣшно къ дѣвицѣ.
Онъ снимаетъ съ коня свое злато,
Онъ снимаетъ, и на землю ставитъ.
Не слыхали, сказали ли что Йово,
Не слыхали, сказала ль что Фата,
Только сталъ онъ пологонъ бѣгле,
Только Фата бѣгъ стала свѣта.
Былъ отпраздненъ обрядъ по закону;
Вотъ и время садиться за ужинъ;
Чинно снаты за столъ по-садились;
Повели ужъ на верхъ новобрачныхъ.
Сѣла злато на мягки подушки,
Йово сѣлъ на узорную лавку,
Самъ раздѣлся, снялъ поясъ широкий,
Самъ повѣсилъ оружье и платье,
Говоритъ самъ и самъ отвѣчаетъ.
«Вѣрно, скажете теперь мое злато:
Йово Фату-невѣсту цалуетъ!
Обо мнѣ же теперь и не вспоминитъ.
Нѣтъ, не будетъ измѣнникомъ Йово:
Легче съ жизнью расстаться для Йови!»
Это Фата и слышитъ-не-слышитъ;
Точитъ слѣзы по щечкѣ румяной:
«Наказанъ Боже правый, старуху,
Что двухъ милыхъ на-вѣкъ разлучила,
Двухъ немилыхъ вѣзла любиться.»
Это Йово и слышитъ-не-слышитъ.
Завернувшись плащомъ онъ широкимъ,
Вызвалъ подъ плащъ онъ тамбуру съ собою
И пошелъ подъ окно своей Мары.
Онъ ударилъ въ пѣвучія струны,
Заигралъ и заплѣлъ подъ тамбуру:
«Вѣрно, скажете теперь моя Маря,
Что съ невѣсткѣмъ кафтавъ я снимаю...
Но снималъ я, клянуся моей жизнью,
Клянуся жизнью моей и твоею!

Вѣрно, скажете теперь моя Маря,
Что съ невѣсткѣмъ покрывъ я снимаю...
Не снималъ я, клянуся моей жизнью,
Клянуся жизнью моей и твоею!
Вѣрно, скажете теперь моя Маря,
Что цалуя невѣсту я въ щоку...
И подъ плащю, клянуся моей жизнью,
Клянуся жизнью моей и твоею!
Нашей первой любовью клянуся я!
Можно только унасть бы на землю,
Но не Йовѣ сломить свою клятву!»
И подъ пѣсню проснулася Маря:
«Роза пахнетъ — то, вѣрно, мой милый...
Роза пахнетъ, тамбура играетъ...»
Но къ Фатимѣ пошелъ уже Йово.
Пала Маря въ пухови подушки:
«Сонъ, жестоко меня обманулъ ты!
Спроткнулъ и сонъ обижаетъ.»
Йово къ Фатѣ своей воротился;
Онъ ей поднялъ съ лица покрывало:
Яркимъ солнцемъ лицо заблестало,
Урны очи — горячимъ алмазомъ,
Урны очи, слѣзы полныя очи.
Тихо молвитъ Фатима-невѣста:
«Покарай ты свекровь мою, Боже,
Что двухъ милыхъ на-вѣкъ разлучила!»
Смотритъ Йово на Фату-невѣсту,
Между глазъ онъ невѣсту цалуетъ,
Говоритъ ей: «душа моя, Фата!
Принеси мнѣ чернилъ и бумаги:
Два-три слова хочу написать я,
Чтобъ тебя не обидѣла свекровь.»
Написалъ онъ письмо свое мелко,
И промолвилъ Фатимѣ-невѣстѣ:
«Слушай, слушай, Атагича злато!
Ни послеслова до бѣлаго утра:
Пусть нашьются вина твои братья,
Сестры въ волю напьянутся въ коло
И родная спойетъ свои пѣсни.
Съ Богомъ, злато! Будь на вѣкъ счастлива!»
И, цалуя межъ глазъ свою Фату,
Къ ней безъ жпани упалъ на колѣни.
Смотритъ Фата — мертвецъ передъ нею;
Горько плачетъ, но слова не молвить —
Промоччала до бѣлаго утра;
И тогда, какъ заря показалась,
День залогоа и солнчино встало,
Разбудить ихъ хотѣла старуха,
И на вышку вошла въ новобрачныхъ,
И *помятомъ* ударила въ двери.
«Встанъ же, Йово, дитя дорогое!

Вѣдь, ужъ солнце високо на небѣ.»
Отворила ей двери Фатима,
Со слезами на личикѣ бѣломъ.
Мать Йована сказала невѣсткѣ:
«Пусть я плачу по немъ безъ умолеу!»
Отвѣчаетъ свекрови невѣстка:
«Не брани ты его, дорога!
Ужъ вчера онъ оплакалъ тобою,
Какъ ты силой его обвѣчала.
Вонъ онъ, Йово, лежитъ уже мертвымъ!»
И старуха навзрыда зарыдала,
Зарыдала и прокляла Фату:
«Что, скажи мнѣ, ты сдѣлала сину?
Говори же... Будь проквата Богомъ!
Удушника за что ты Йована?»
И Фатима въ отвѣтъ ей сказала:
«Не клани меня мать — не стубила
Твоего я любимаго сына —
И себя бы скорѣе стубила...
Вотъ Йована писемъ небольшое:
Для тебя мнѣ его оставила.»
Мать Йована писемъ то читаетъ,
И слезу за слезою роветъ.
А въ писемѣ томъ написано было:
«Созови мнѣ, мой дорогой,
Созови мнѣ посылыщниковъ юныхъ,
Не-женатыхъ посылыщниковъ, юныхъ,
Провожатыхъ дѣвицъ, не-замужнихъ,
И надѣвъ на меня ты рубуху.
Ту, что Маря, любя меня, спина,
Повязанъ меня шитою марамой,
Чтобъ мнѣ Маря, любя, вышпала,
Положи мнѣ дѣвочки гвоздики —
Ими Маря меня убирала.
Подѣвъ Маркъ меня пропеснот...
Какъ дойдете до Марина дома,
Кольцо меня вы на землю:
Такъ читала и слѣзы роняла;
Пала камнемъ на мертваго сына,
Пала камнемъ, вопила, рыдала,
Кувчала дѣсноку кувшовой
И выловила сирой стенола.
По наказу умершаго Йови,
Что сказалъ онъ, то сдѣлано было:
И созвали посылыщниковъ юныхъ,
Не-женатыхъ посылыщниковъ, юныхъ,

Провожатыхъ дѣвиль, не-замужнихъ,
И надѣли на Йову рубаху,
Ту, что Мара, любя, ему спшила,
Повязали расшитой мармой,
Той, что Мара, любя, вышивала,
И убрали цѣтями гвоздики —
Тѣмъ, чѣмъ Мара его убирала.
Подѣл Мары несли его тѣло;
И сидѣла она подъ окошкомъ:
На головѣ алѣи двѣ розы,
И унаи тѣ розы на пальцы.
Мара шла и плакала горько,
И такъ матери тихо сказала:
«О, родная! что это такое?
Обѣ розы на пальцы унаи...
Спаси Богъ! не случилось чего бы!
Что-то сильно гвоздику пахнетъ
А косяю еще больше пахнетъ,
И какъ будто косяю Йована...
Пахнетъ розою, мать дорогая,
Пахнетъ розой у нашего дома...
Не дума ли то носится Йовы?
Пахнетъ розой: идетъ ко мнѣ низкий!»
Тихо мать ей на это сказала:
«Не блажи, дорогая ты дочка!
Вѣрь мнѣ, Йово пахнетъ другую —
О тебѣ же теперь и не вспомнить.»
И вконецъ несчастная Мара:
«Не добро ты вѣдуешь, родная!
Роза пахнетъ — онъ здѣсь, мое сердце!»
Кто духъ милыхъ въ любви различаетъ?
Мигомъ съ вѣщми спустилася Мара,
За ворота на улицу вышла,
Увидала жемчужную вѣтку —
Заклинаетъ носильщиковъ Богомъ:
«Чья тѣ, братья, жемчужная вѣтка?»
Отвѣчаютъ ей два побрата:
«Эго вѣтка умершаго Йовы.»
Мара проситъ носильщиковъ юнхъ:
«Ради Бога, носильщики-братья,
Опустите на землю Йована —
Пусть хоть мертвымъ его поцалую,
Вѣдь живото я не цаловала!»
Ради Бога услыхана просьба:
Тѣло Йовы на землю сложили,
И пришла къ усопшему Мара
И, склонившися къ труну живая,
Бездыханной осталася у гроба.
Плачетъ Фата у матери Йовы,
Плачетъ мать неутѣшная Мары,
Горько плачетъ, коритъ, проклинаетъ:

«Богъ накажетъ тебя, мать Йована:
Не вѣдѣла живымъ ты любиться,
Тавъ ты мертвыхъ теперь не различь!»
Стали Марѣ тешать гробъ мечами,
И когда проносили Йована,
Клади въ гробъ и красавицу Мару;
Какъ его подносили къ могилѣ,
Со двора выносили и Мару;
Какъ Йована спускали въ могилу,
И еѣ доносили къ могилѣ.
Ихъ въ могилѣ одной скоронили,
И руками ихъ соединили;
Положили имъ яблоко въ руки:
Да узнаютъ любовь ихъ святую!
Ихъ одною землею покрыли,
Зеленѣла на нихъ одна травка.
Шли одною дорогой старухи,
Съ ними шла и Фатима-невестка...
Идутъ вмѣстѣ кладбищемъ въ деревню,
Прокиваютъ и старыхъ и малыхъ.
Мало время съ-тѣхъ-поръ пролетѣло:
Выросъ боръ изъ Йована зеленый,
А изъ Мары борика дѣловая —
И по бору вилася борника,
Словно выются шоловья нити
По пучку изъ душистаго смия,
Черемидя же — вокругъ ихъ обонхъ...
Боже правый! за все Тебѣ слава!...
Накази Ты и старыхъ и малыхъ,
Кто двухъ милыхъ въ любви различаетъ.

Н. ЩЕВРИНА.

ВАНЯ ГОЛАЯ-КОТОМКА.

Какъ ируетъ самъ король Янѣка
Во Янѣкѣ, градѣ бѣзостѣнномъ;
Съ нимъ ируетъ тридцать капитановъ
И гуляетъ тридцать генераловъ.
Врутъ подходятъ молодецъ удайны;
Чудная на молодѣцъ одежда:
У чакчиръ прорѣжи на колѣняхъ,
У домана провалилис локти,
Салогн — заплати на заплатѣ,
А рубашки не было и вовсе;
По чакчирамъ золотитый поясъ,
А за нимъ турецкіе книжалы,
Рукояти въ серебрѣ и златѣ,

У бедра привѣшетъ палашина,
Палашина широй въ три аршина.
Каби знали, какъ ювѣка звали!
Звали: Ваня Голая-Котомка.
Подомошь онъ прямо къ капитанамъ,
Подомошь онъ, Божею помощъ назавать;
Капитаны Ванѣ поклонилася,
Съ кородемъ его сажаютъ рядомъ,
Тридцать чашъ ему вина подносятъ:
Выпилъ разомъ, не моргнувши глазомъ.
Стали пить опослѣ капитаны,
Говорятъ они ювану Ванѣ:
«Эхъ ты Ваня, голытѣба Янѣцкій!
Для чего не хочешь ты жениться?
Насъ ируетъ тридцать капитановъ
И гуляетъ тридцать генераловъ,
Всякій Ванѣ приберетъ небысту,
Кто сестру, а кто и дочь родную;
Попроси, какую пожелаешь
И отгаза молодцу не будетъ!»
Говоритъ имъ изъ Янѣка Ваня:
«Честъ и слава всемъ вамъ, капитаны,
И спасибо вамъ на добромъ словѣ,
Но зарокъ я положилъ предъ Богомъ,
Положилъ зарокъ я не жениться
Ни на сербскѣ, ни на той латинскѣ,
А на дочери Аги-Османа
Изъ турецкаго Удбина-града.»
Капитаны вѣе переглянулисъ,
Межъ собой смѣются втихомолку.
Стало Ванѣ горько и досадно,
Что надъ нимъ смѣются капитаны,
Вспросилъ нить онъ, всталъ на легки ноги,
Никому гостямъ не поклонилася,
Внизъ идетъ по дѣстницѣ высокой,
Палашомъ пересчиталъ ступени;
Онъ идетъ къ себѣ въ свой теремъ свѣтлый,
Сундуки большіе оттираетъ,
Достаетъ богатую одежду:
Достаетъ онъ тонкую сорочку,
По поясу изъ серебра и злата,
Съ пояса же бѣлую шоловю;
Ту сорочку Ваня надѣваетъ,
Сверхъ сорочки надѣваетъ куртку,
А на куртку золотитый долманъ,
По долману кованыя латы:
Выли латы шолокомъ подослѣты;
Надѣваетъ на голову шапку,
А на шапкѣ было девять перьевъ,
Да еще десятая челенка,
Изъ челенки три висѣло кисти,

По плечамъ мотаются и бьются;
Да криво изъ наемнѣ самоцѣтнхъ,
Что лицо ему обороняло
Отъ погоди и отъ стужи лютой;
Надѣваетъ на ноги чакчиръ,
Жолтые чакчиръ до колѣна,
Словно птица желтоногий соколъ;
Надѣваетъ золотитый поясъ,
Затягиваетъ за поясъ книжалы
И четыре гданскихъ шестолета;
Прицѣпляетъ свой палашъ булатный
И коня выводитъ изъ конюшни,
Добраго коня себѣ выводитъ,
Достаетъ богатое сидельце
И чакчиръ зеленый пограничный,
Что жметъ у пограничныхъ турокъ;
На коня садится онъ и ѣдетъ,
ѣдетъ Ваня, держитъ темнымъ лѣсомъ;
Въ Огорѣльцахъ къ ночи прибѣгаетъ,
Въ Огорѣльцахъ ночь его застала,
А на зарѣкѣ былъ онъ подъ Удбиномъ;
ѣдетъ прямо къ терему Османа;
Какъ подѣхалъ, накинупутъ и смотритъ:
Кто-то свѣснлъ изъ окошка руку;
Шполотомъ спрашиваетъ Ваня:
«Что рука въ окошкѣ показалася?
То ль вдовини, то ль красн-дѣвницъ?»
Отвѣчаетъ голосъ изъ окошка:
«Не вдовини, а красн-дѣвницы,
Милой дочери Аги-Османа!»
Говоритъ ей Ваня изъ Янѣка:
«О, Фатима, красная дѣвица!
Покажися, выглѣни изъ окошка,
Чтобы могъ я вдосталь наглядѣтися.
Приходилъ я, вланялся три раза
Твоему отцу Агѣ-Осману
И просилъ тебя себѣ въ замужество,
Да не хочеть, знать, тебѣ онъ выдать;
Вотъ и ѣду въ городъ я Кадлушу,
Чтобъ поспатать Мунну Хайкуну.»
Какъ услышала про то Фатима,
Говоритъ Ивану изъ Янѣка:
«Кто жъ ты будешь, молодецъ удайны,
И откуда племенемъ и родомъ?»
Отвѣчаетъ Ваня изъ Янѣка:
«О, Фатима, красная дѣвица!
Я изъ града бѣлаго Ваграда,
А зовутъ меня Ваградскій Муйо.»
Говоритъ ему красн-дѣвица:
«Загони скорѣй коня въ конюшню;
Какъ Османъ вернется изъ планицы,

Ми уже его попросимъ вмѣстѣ!»
 Говоритъ ей Ваня изъ Янѣка:
 «О, Фатима, ясное тѣ солнце!
 Передъ Богомъ дашь себѣ являту,
 Чтобъ къ Осману больше мнѣ не ѣздить;
 Коли хочешь вѣковать со мною,
 Собрерисъ ты, приберисъ въ дорогу,
 Подожду я полчаса, недолго —
 Выходи, садися и поѣдемъ!»
 Повернулъ коня онъ вороного,
 А Фатима изъ окошка кланется:
 «Подожди ты полчаса, недолго:
 Собрерусъ я, приберусъ въ дорогу
 И съ тобою вмѣстѣ мы поѣдемъ!»
 Слѣзъ съ коня онъ, на траву садится
 И свою Фатиму поджидаетъ.
 Шумъ и звонъ пошелъ изъ бѣлой башни:
 Завенѣли кольца, ожерелья,
 Зашумѣла шоломовая фериля,
 Застучали тупанъ и панчунъ —
 И выходятъ ясная Фатима,
 Подъ полой несетъ мѣшокъ червоцень,
 А въ рукѣ гмешевѣшпый кубокъ,
 Чтобъ вина въ ней напился Муью;
 Передъ нимъ она вино становить
 И надуеть Муью въ праву руку,
 Тотъ ее мель черными очами;
 Выпилъ кубокъ, взялъ себѣ червоцъ,
 Привязалъ ихъ у луги сѣделной,
 На коня садится вороного,
 Подаетъ Фатимѣ блду руку
 И сажаетъ на сѣдо позади,
 Вкругъ нее обматываетъ поясъ,
 Ѣдетъ прямо на гору-планину.
 Какъ доѣхалъ до горы-планины,
 Три увидѣлъ онъ пути широкыхъ:
 Въ городъ Нишу, въ городъ Шибенику,
 А и третій въ градъ Ваградъ турецкій.
 Говоритъ ему Фатима сюда:
 «Ты послушай изъ Ваграда Муью!
 Я слыхала отъ отца Османа
 Про пути-дороги по планинѣ:
 Ты не ѣдешь въ градъ Ваградъ турецкій,
 Ѣдешь Муью ты въ Янѣкъ гмурскій.»
 Отвѣчаетъ изъ Янѣка Ваня:
 «О, Фатима, красная-дѣвица!
 Я не Муью изъ Ваграда града,
 А я... чай, слыхала ты про Ваню,
 По прозванью Голая-Котомка:
 Такъ я буду этотъ самый Ваня!»
 Тутъ спустился подъ гору-планину,

Видать: скачетъ могодецъ удалый,
 Конь въ крови по самамъ колѣни,
 А ѣздокъ по самце по догги;
 Поострѣчался и съ коня онъ кланется:
 «А, здорово, изъ Янѣка Ваня!»
 — «Богъ на помощь, изъ Ваграда Муью!
 Гдѣ гулялъ ты и откуда ѣдешь?
 Не отъ насъ ли изъ Янѣка града?
 Гдѣ жъ твоя дружина удалая?»
 Отвѣчаетъ изъ Ваграда Муью:
 «Точно, былъ я у тебя въ Янѣкѣ,
 Взялъ съ собою тридцать провожатыхъ,
 Да напали на меня пандурмъ,
 Ирубили всю мою дружину,
 Я поскѣ ихъ пятьдесятъ-четыре
 И убѣжалъ на конѣ ретивомъ.
 Ты откуда, изъ Янѣка Ваня?
 Не отъ насъ ли изъ Ваграда града?
 Гдѣ жъ твоя дружина удалая?»
 Отвѣчаетъ Ваня изъ Янѣка:
 «Нѣтъ со мною никакой дружини;
 Силы-рати не хочу я брати,
 Съ вѣрой въ Бога мнѣ вездѣ дорога!
 Ѣду я изъ города Удбина,
 Изъ Удбина, отъ Аги-Османа:
 Я похитилъ дочь его Фатиму —
 Посмотри: сидитъ за мною сзади!»
 Говоритъ красавица-дѣвица:
 «Будь ты проклятъ, изъ Ваграда Муью!
 Прогулялъ съ побощемъ пѣвѣту!
 Онъ сманилъ меня твоимъ прозваньемъ:
 Не назвался Ваней изъ Янѣка,
 А назвался изъ Ваграда Муью.»
 Какъ услышала Муью эти рѣчи,
 Говоритъ онъ Ванѣ изъ Янѣка:
 «Ой ты, Ваня Голая-Котомка!
 Вотъ какой ты гмуръ ованный:
 На чужія прозвища воруети!»
 Вынулъ Муью пистолетъ турецкій
 И стрѣляетъ онъ изъ пистолета
 Не по Ванѣ, по коню лихому,
 Чтобъ Фатиму сзади не поранитъ.
 Ткнулся конь, подъ Ваню спотыкнулся,
 Придавиль онъ Ванѣ правую ногу,
 А турчинъ коня лихого гонитъ,
 Чтобъ башку свергнулъ Ивану срываъ;
 Только ногу высвободилъ Ваня,
 Достаетъ онъ пистолетъ свой гданскій,
 Выстрѣлилъ изъ пистолета въ Муью:
 Зналъ, была судьба такая Муью —
 Угодилъ ему онъ прямо въ сердце.

Взялъ коня лихого изъ-подъ турки,
 Сѣлъ, Фатиму за собою бросилъ,
 И помчался къ городу Янѣку;
 Онъ помчался, а турчинъ кончался.
 Подѣзжаетъ Ваня изъ Янѣка,
 Подѣзжаетъ къ городскимъ воротамъ;
 Какъ увидѣла Иванна стража,
 Побѣжала къ королю съ докладомъ:
 «Воротился нашъ удалый Ваня,
 Съ нимъ турчина да и конь турецкій!»
 Но король, покуда не увидѣлъ,
 Ни чьему докладу не повѣрилъ;
 А увидѣлъ — подозвалъ онъ Ваню,
 Три раза въ чело его надуеть
 И такое задалъ пированье,
 Слово землю захватилъ большую:
 Цѣлый день велѣлъ палитъ изъ лушекъ.
 Окрестилъ свою Фатиму Ваня,
 Закинулъ съ нею, какъ съ женой своею:
 Только встанутъ, даловаться станутъ.

Н. Бергъ.

VI.

ПѢСНИ ИЗЪ ВОЙНЫ СЕРБСКО-МАДЯРСКОЙ.

Вотъ письмо мадляринъ Перцель пишеть
 Во селѣ проклятомъ Сентъ-Иванѣ,
 Шлеть письмо твоихъ Кичанину Стевану:
 «Гей, Кичанинъ, гей — поутру завтра
 На тебя съ полками я ударю,
 Я ударю въ день святого Снаса,
 Въ часъ, когда идеть у васъ обѣдня;
 На глазахъ твоихъ село разграблю,
 Чтобъ по немъ тебѣ ужъ не шататься,
 Въ прахъ развѣю твою войско,
 Разорю я церковь на Марошѣ,
 Изъ той церкви сдѣлаю конюшню,
 Своего коня туда поставлю,
 По полю бачвановъ *) стану вѣшать,
 Капитановъ ихнихъ похватаю,
 Въ страшныхъ мукахъ ихъ я стану мучить,
 Поведу ихъ по Землѣ Малярской —
 Пусть надъ ними старъ и малъ смѣется,
 Пусть смѣется и въ глаза имъ шлеть;
 Окрецу истомъ ихъ въ нашу вѣру,
 Окрецу и посажу ихъ на колѣ.»
 Какъ прочелъ Степанъ, что Перцель пишеть,
 Онъ схватилъ чернила и бумагу
 И въ отвѣтъ онъ Перцелю отгнѣтилъ:
 «Если точно, генералъ ты Перцель,
 На меня сбараешься ударить,
 Наму перковъ разорить грозисися,
 Хочешь биться въ день святого Снаса,
 Въ часъ, когда идеть у насъ обѣдня —
 Такъ послушай: будь мнѣ Богъ свидѣтель
 И святая истинная вѣра —
 Я всякъ съа готовъ съ тобой сразиться!
 Изъ шагра и погламу отстода,
 Какъ изъ руки моихъ ты увернешся,
 Какъ-то поке намъ будемъ вѣрнѣтъ,
 И твои проклятые говевды
 И Вочкай-Рагонские гувары;
 Буду гнать я ихъ до ихъ палатокъ,
 До проклятого села Иванна.
 Ждутъ тебя бачвани не дождутся,
 Вострие свои ханджары точать,
 Громко вѣсни ходять-распѣвають,
 Съ дѣвками играютъ въ хоровахъ;
 Капитаны ихъ сражаютъ коней
 И готовятся къ кровавой битвѣ:
 Разобьютъ они твое все войско,
 Причинять тебѣ нечаль-досаду!
 Хочется съ тобою имъ побиться,
 Славныхъ боемъ освѣтитъ тотъ праздникъ.»
 Какъ письмо то получилъ мадляринъ
 И прочелъ, что писано въ немъ было,
 Написалъ тотчасъ письмо другою
 И послалъ его въ Варашинъ городъ,
 На колѣно генералу Кишу:
 «Слушай, Кишъ, ты побратимъ мой вѣрный!
 Разверни ты шоломовое знамя,
 Насади ты блбоно на древо,
 Собери подъ знамя силу-войско,
 И кому солдатскій плащъ, что кровия,
 Пистолеты, что друзья и братья,
 А винтовка — матушка родная:
 Тотъ идеть пуская къ селу Ивану,
 Гдѣ стоятъ мои мадлары станомъ.»
 Перцель въ наказъ домогъ до Киша,
 Кишъ прочелъ, что писано въ немъ было,
 Все какъ надо по наказу сдѣлалъ,
 И пришло онъ къ Перцелю на помощь;
 Оба вмѣстѣ тронулись къ Вилону,
 И когда попали на дорогу,

*) То-есть сербы изъ области Бачи, гдѣ происходили военные дѣянія 1848 и 49 годовъ между сербами и мадьярами. Сентъ-Иванъ, мѣстопребываніе Перцеля, и Вилово, главная квартира Кичанина, находятся въ этой области.

Стали пушки наводить на нашихъ;
 Но лихіе мѡлодца бачванн
 Услыхали звонъ и громъ оружія,
 Услыхали топотъ по дорогѣ,
 Выстрѣляль одинъ — и сто винтовоѣ
 Отвѣчали ядротъ ему на выстрѣль,
 Тысячи тотъ выстрѣль услышали;
 Тутъ все поле прогнуло подъ нами,
 Заграсася какъ бы струна на гусликъ,
 Загудѣль отъ пулъ и ядеръ воздухъ.
 Тотъ кричитъ: «пропасть мнѣ и погибнуть!»
 А другой бѣгомъ уходитъ съ поля.
 Это было около полудня;
 Сербы знали только что стрѣлял.
 Видитъ Пердѣль, что не можетъ биться,
 Что чѣмъ дальше бѣтѣсь онъ, тѣмъ хуже —
 И бѣгомъ онъ по полю пустился.
 Сербы кинулись за нимъ въ погоню,
 И кричали: «гой еси ти, Пердѣль!
 Чтѡ Вилово рано ты оставилъ?
 Чтѡ бѣжать ты по полю пустился?
 Еще пушекъ мы не разорѣли,
 Еще сердце въ насъ не разыгралось,

Маку-пороху еще довольно
 И свинцоваго гороху много!
 Веротисъ и бой давай докончимъ,
 И сегодняшній прославимъ праздникъ.»
 Но не слышитъ Пердѣль и уходитъ,
 Изъ очей онъ горьки слезы ронитъ:
 «Вотъ убей проклятое Вилово!
 Погубилъ я много силн-войска,
 Вѣрныхъ подданныхъ отна-Копута,
 Слугъ поворныхъ Пердѣля Морница;
 Но влагнуся вѣрой и закономъ,
 И святымъ мадрскимъ нашимъ Богомъ:
 Ужъ добуду это я Вилово,
 Или въ немъ свои оставлю кости!»
 Онъ отеръ свои полоу саѣзы,
 И еще скорѣй бѣжать пустился:
 Видно пули мимо засвистѣли!
 Сербы славятъ день святаго Спася,
 Пьютъ вино во здравье генерала,
 Храбраго Кличанина Стенана:
 Будь ему отъ насъ во-вѣки слава!

Н. Бергъ.

5. ЛИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко,
 Птица малая лѣсная!
 У тебя ль у малой птицы
 Незамѣнная три пѣсни;
 У меня ли у мѡлодца
 Три великія заботы!
 Какъ ужъ первая забота —
 Рано мѡлодца женни;
 А вторая-то забота —
 Вѣронъ конь мой пригомяся;
 Какъ ужъ третья-то забота —
 Красу дѣвину со мною
 Разулучи змея люди.
 Выкопайте мнѣ могилу
 Во полѣ, подъ широкомъ,
 Въ головлахъ мнѣ посадите

Али цвѣтнн-цвѣточнн,
 А въ ногахъ мнѣ проводите
 Чисту воду ключевую.
 Пройдутъ мимо краснн дѣвки,
 Такъ сплетутъ себѣ вѣночки,
 Пойдутъ мимо старн люди,
 Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

А. Пушкинъ.

II.

КО НЬ.

Свѣтлолица, черноброва,
 Веселѣ бѣла днл,
 Водитъ дѣвица ликова
 Очѣннаго коня;

Гладитъ гриву вороного
 И въ глаза ему глядитъ:
 «Я коня еще такого
 Не видала» — говорятъ.

«Чай, коня и всадникъ стоятъ...
 Только онъ тебя наврядъ
 Вилово холитъ и поконитъ...
 Чтѡ онъ — холость аль женать?»

Конь мотаетъ головою,
 Бьетъ ногою, говоритъ:
 «Холость — только за душою
 Думу вѣрнкую таитъ.

«Онъ со мною, стороною,
 Заговаривалъ не разъ —
 Не посылъ ли за тобою
 Добрыхъ сватовъ въ добрый часъ.»

А она въ отвѣтъ, краснѣя:
 «Я для добраго коня
 Стала бы сыпать, не жалѣя,
 Полны яси ячменя;

«Стала бы розовыя ленты
 Въ гриву черную вилетать,
 На попоны позументы
 Съ бахромою нашивать;

«Въ вѣчной холѣ, безъ печали
 Мы бы зѣкали съ тобой...
 Только бы сватовъ высмали
 Поскорѣе вы за мной.»

А. Майковъ.

III.

СОЛОВЕЙ.

Распѣвала птишка мала,
 Пташка мала соловейна,
 Въ темной рошѣ распѣвала,
 Чтѡ на вѣтѣхъ на зелѣной.
 Три охотника проходили,
 Увидали соловейку;
 Говоритъ имъ соловейка:
 «Не стрѣляйте, не губите!
 Я свою за-то вамъ пѣсню,

Во дубравѣ, въ темной рошѣ,
 На шиповникѣ, на розѣ!»
 Но охотники поймали
 Малу пташку соловейку
 И съ собою пташку взяли,
 Чтѡбы въ клѣткѣ распѣвала,
 Красныхъ дѣвотъ забавляла.
 Да не сталъ имъ соловейка
 Пѣть свои дѣсныя пѣсни:
 Онъ не пѣтъ, не ѣстъ въ неволѣ.
 Отпустили соловейку
 Въ темную рошу, въ лугъ зеленый,
 И забылъ онъ на свободѣ:
 «Тяжко другу жить безъ друга,
 Тяжко другу жить безъ друга,
 А соловушкѣ безъ дуга!»

Н. Бергъ.

IV.

МОЛОДЕЦЪ ВЪ ХОРОВОДѢ.

Хороводъ ходилъ подъ Видиномъ,
 Да такой, что и не видано!
 Подъѣзжаетъ добрый мѡлодецъ,
 Весъ онъ залитъ златомъ-серебромъ,
 Да и конь его разубранъ весъ,
 Конь разубранъ, разукрашенъ бѣлъ.
 На плечахъ у добра мѡлодца
 Долманъ былъ зеленый бархатный,
 На долманѣ тридцать пуговицъ,
 Сверхъ долмана куртка шелкова
 И богаты латы мѣдныи,
 На ногахъ чарчирн штаны,
 На манушкѣ шапка алая,
 Въ панталу вѣтннутъ золотой салтанъ,
 У бедра дамасска сабелька,
 Золотая рукоятъ у ней
 Кружннмъ жемчугомъ осыпана.
 Всѣ глядятъ на добра мѡлодца;
 Говоритъ имъ добрый мѡлодецъ:
 «Не глядите, краснн дѣвнцы,
 На убранство на богатое!
 Не гляжу и я на золото,
 А выгладываю дѣвнцу,
 Изю всѣхъ ли раскрасавицу,
 Чтѡ вести бы можно къ матушкѣ,
 Похвалитесь ей, похвастаетесь!»
 Тутъ одна сказала дѣвица:

«Холостой ты добрый молодец!
Ты назадь возьми такую рѣчь!
На богатство что ли смотримъ мы,
На убранство коня вѣрона?
Смотримъ мы на добра молодца,
Чтобъ не даромъ кинуть матушку,
Да еще ли царство красное,
Царство красное — дѣвичество!»

Н. Бергъ.

v.

МАТЬ И ДОЧЬ.

— «Пробѣжалъ молодецъ,
Пробѣжалъ по селу;
Я въ потмахъ, молада,
Проглядѣла его,
Стаю мнѣ на душѣ
Тяжело таково!
Ахъ, родная моя,
Вороты молодца!»
— «Что тебѣ въ молодцѣ?
Видишь, онъ не простой,
Не простой, городской:
Надо нива ему,
Надо ужины собрать
И постелю потомъ
Городскую постлать!»
— «Ахъ, родная моя,
Вороты молодца!
Вмѣсто нива ему —
Чорны очи мои;
Вмѣсто хлѣба ему —
Бѣлы щочи мои;
А закускою будь
Лебединая грудь!
А постель молодцу —
Мурава на лугу;
А покровъ — небеса;
Въ головѣ же ему
Дамъ я бѣло плечо,
И плечо горячо!
Ахъ, родная моя,
Вороты молодца!»

Н. Бергъ.

vi.

ЮНОША И ДѢВА.

— «Ахъ, душа ты, красная дѣвица,
Ты на что глядѣла, выросшая?
На зеленая, что ли, дубъ глядѣла,
Иль на ёлку тонку и високу,
Иль на брата моего меньшого?»
— «Ахъ ты, молодецъ, мой соколъ асный!
Не на зеленѣ дубъ глядѣла роса я,
Ни на ёлку тонку и високу,
Ни на брата твоего меньшого,
Но глядѣла, другъ мой, выросла —
На тебя я все, молада, глядѣла!»

Н. Бергъ.

vii.

НЕ БЕРИ ПОДРУГИ.

Побратимъ ты мой,
Побратимъ Иванъ,
Какъ не грѣхъ тебѣ:
Досадилъ ты мнѣ!
Красна дѣвица
За тебя идеть!
Такъ и просится
Сабли вострая
Зарубить тебя,
Брата-подруга!
По бери моей,
Братъ, подруженьки!
Нашимъ всѣмъ она
Полюбилася:
Моему отцу —
Златомъ-серебромъ;
Моей матери —
Родомъ-наменемъ,
А сестрамъ моимъ —
Долгимъ волосомъ;
Мнѣ же, молодцу,
Чернотой очей,
Что черны у ней,
Какъ осенняя ночь.
Не бери жь моей,
Братъ, подруженьки!

Н. Бергъ.

viii.

БРАТЬ, СЕСТРА И МИЛАЯ.

Темный боръ въ листу зеленомъ;
Братъ съ сестрою тамъ гуляетъ,
Говоритъ сестрица брату:
«Что но мнѣ ты, братъ, не ходишь?»
— «Я бы радъ ходить, сестрица,
Да изъ дому не пускають
Молода красна-дѣвица,
Ненаглядная подруга:
Я коня лишь осѣдаю,
А подруга разсѣдаеть;
Саблю вострую надѣну,
А подруга саблю синеть:
«Не ходи, мой другъ, далеко:
«Мутна рѣчка вѣдь глубоча,
«Широкъ вѣдь чисто поле —
«Что, мой милый, за неволя!»

Н. Бергъ.

ix.

МОРЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦИ.

Когда мнѣ подруга
Мои избѣнила
И храброе сердце
Во мнѣ приушло:
Однажды, я помню,
Той смутной порою
Далъ мнѣ повстрѣчался
Коварный со мною.

«Возьми-ка, онъ молвилъ,
Винтовку лихую,
Пойдемъ-ка съ тобою
Въ столицу морскую!
Житьё, Алексѣичъ,
Тамъ нашему брату:
Душою тамъ рады
Лихому солдату.

«Тамъ денегъ, что камню:
Богаты мы будемъ!
Какия долганы
Себѣ мы добудемъ!
Намъ грудь золотыми
Унизкутъ кистями

И адуу шапку
Дадутъ съ галунами!

«А красныя дѣвки!...
Какъ станемъ порою
По селамъ веселятъ
Бродить мы съ тобою:
Споютъ, Алексѣичъ,
Намъ пѣсню такую...
Пойдемъ, братъ, скорѣе
Въ столицу морскую!»

Поддѣся я, глуный,
На хитрыя рѣчи,
Не думалъ, вскинуль
Винтовку на плечи —
И вотъ очутился
Отъ милаго края
Далёко, далёко...
Но счастья не знаю!

Какъ лёсъ, я пригованъ,
И рвусъ и тоскую,
И въ хлѣбѣ насущномъ
Отраву я чую;
И дѣвичья пѣсня
Души не забавитъ,
И воздухъ заморскій
Все душитъ, и давитъ!

Не щутъ со мною
Красавицы встрѣчи:
Пугаютъ ихъ, что ли,
Имъ чуждыя рѣчи.
Соотчичей старихъ
Не могъ разпознать я:
По праву, по рѣчи,
Мнѣ братья — не братья!

Отъ нихъ не услышишь
Родимаго слова,
Не скажешь имъ: братцы,
Здорово, здорово!
Покинуль давно бы
Я сторону эту:
Есть сила, есть крылья,
Да — волюшки нѣту!

Н. Бергъ.

X.

СОКОЛИНЫ ОЧИ.

Ахъ, вы очи соколины!
 Соколиными очами
 Я родѣй пришла съ праву
 И Османъ-Агъ по сердцу.
 Разъ мнѣ мать его сказала:
 «Ты послушай, дьяволь-дѣвка,
 Не бѣдись ты, не румянься,
 Моего не тронь ты сына!
 А не то уйдемъ мы въ горы,
 Въ нихъ сгородимъ дворъ тесовый
 И затворимъ тамъ крѣпко!»
 — «Что жъ, подите, затворитесь!
 У меня, вѣдь, черги-очи:
 Захочу я, проверчу и
 Дворъ тесовый, дворъ дубовый,
 Все увижу сквозь ограду —
 И Османа я украду!»

Н. Бергъ.

XI.

ЖЕНИТЬБА ВОРОВЪЯ.

Какъ задумалъ воробей жениться,
 Сталъ онъ сватать дѣвицу-синицу:
 Три раза онъ по полю пропрыгалъ,
 И четыре по горѣ высокой —
 Сваталъ, сваталъ, наконецъ сосваталъ.
 Взялъ въ дружки онъ вѣную сороку,
 Въ деверья хохлающую чекуну,
 Въ посаженые отцы виготья,
 Въ кумовья болотную чачуру,
 А въ прыдумки втицу шевермогу.
 Собирались сваты по невѣсту,
 И дошли до ней благополучно,
 Но какъ стали возвращаться къ дому
 И пошли черезъ Косово поле,
 Говорить имъ такъ синица-птица:
 «Не шумите, господа вы сваты,
 Вы не спорьте, громко не гуторьте,
 А не то ударить съ неба кобычекъ
 И отыметъ онъ у васъ невѣсту.»
 Только что она проговорила,
 Какъ откуда ни возьмись кобычекъ,

Ухватилъ дѣвицу онъ синицу;
 Кто куда, всѣ сваты разбѣжались:
 Самъ женихъ въ овсяную солому,
 А дружокъ-сорока на березу.

Н. Бергъ.

XII.

ДѢВУШКА И РЫБАКА.

Дѣвушка у моря сидѣла,
 Говорила она, вопрошала:
 «Господи сильный и правый!
 Чтѣ шире снято моря?
 Чтѣ просторнѣе чистаго поля?
 Чтѣ коня лихого быстрѣе?
 Чтѣ мѣду сотоваго слаще?
 Чтѣ милѣе брата родного?»
 Молвила ей рыбка морская:
 «Дѣвушка, зеленъ твой разумъ!
 Шире снято моря — небо,
 А просторнѣй чистаго поля — море,
 Взоръ быстрѣ коня лихого,
 Слаще мѣду сотоваго — сахаръ,
 Милѣй другъ милѣй брата родного.»

М. Михайловъ.

XIII.

Будь у меня, Лазо,
 Царская казна,
 Знала бы я, Лазо,
 Что себѣ купить:
 Я купила бѣ, Лазо,
 Садикъ надъ рѣкой.
 Знала бы я, Лазо,
 Что въ немъ посадить:
 Посадила бѣ много
 Розановъ, гвоздикъ.
 Будь у меня, Лазо,
 Царская казна,
 Знала бы я, Лазо,
 Что себѣ купить:
 Я бѣ себѣ купила
 Лазо-молодца:
 Будь садовникъ, Лазо,
 У меня въ саду.

М. Михайловъ.

II. БОЛГАРСКІЯ.

I.

ЖЕНИТЬБА КОРОЛЯ ШИМАНЪА.

Сговорилъ себѣ невѣсту Шиманъъ,
 Сговорилъ у короля Латина,
 Да бѣда жить съ Латиномъ дѣло:
 Отдавалъ онъ дочь свою съ условьемъ;
 Говорилъ онъ Шиману: «Послушай,
 Не бери вначуть съ собой на свадьбу;
 Всѣ они безумные ребята:
 Съ ними ты вернешься безъ невѣсты;
 Вѣдь они до ссоры больно надки
 И къ вину охочи черезъ мѣру,
 Да притомъ рубаки удалые!»
 — «Не возьму съ собой вначуть на свадьбу,
 Только мнѣ красавицу отдай ты.»
 По рукамъ ударили. Приходитъ
 Время сватье уже гостей на свадьбу —
 И со всѣй земли съѣзжались гости.
 Всѣхъ съмывалъ къ себѣ на свадьбу Шиманъъ,
 Лишь вначуть своихъ не приглашалъ онъ.
 Взяло зло ихъ. Матери старушкѣ
 Говорятъ обиженные внуки:
 «Почему насъ дѣдъ на свадьбу не звалъ?
 Мы ему подарки поднесли бы:
 Я ему на свадьбу подарилъ бы
 Триста мѣръ пшеницы; винограду
 Средній братъ привезъ бы триста вьюковъ;
 Младшій братъ овецъ три сотни далъ бы.»
 — «Ахъ мой любезнице вы дѣти!
 Дамъ я вамъ такой совѣтъ: ступайте
 Вы на свадьбу дѣда и безъ зана:
 Если насъ на свадьбу не позвали —
 Виновать Латинъ въ томъ, а не Шиманъъ.
 Вѣдь Латинъ на шиманову свадьбу
 Только съ тѣмъ условьемъ согласился,

Чтобы насъ на свадьбу Шиманъъ не бралъ,
 Чтобы могъ онъ дѣда опозорить!»
 — «Ты сважи, родимая, намъ прямо,
 Кто изъ насъ тронхъ всѣхъ удалѣе,
 Тотъ идетъ пускый на свадьбу дѣда.»
 И въ отвѣтъ старушка имъ сказала:
 «Ахъ, мои любезные вы дѣти!
 Изъ тронхъ всѣхъ удалѣе Мирчо.
 Разъ къ нему пошла я въ тѣхъ зеленей —
 Я ему объдѣ куда носила —
 И застала, что онъ спалъ подъ сѣно,
 И когда въ себя вдыхалъ онъ воздухъ,
 Всѣ къ нему склонились деревья,
 А какъ только воздухъ выдыхалъ онъ,
 Снова тѣхъ зеленей выпрямлялся.
 Знать, изъ всѣхъ насъ удалѣе Мирчо.»
 — «Такъ теперь, родная, посоветуй:
 Какъ бы намъ сейчасъ же вызвать Мирчо?»
 — «Ахъ, мой любезнице вы дѣти!
 Вы сейчасъ письмо ему пишете,
 Съ соколомъ письмомъ ему пошлите,
 А въ письмѣ пишните: «Милый Мирчо,
 Приходи домой скорѣе: Мирчо,
 Наша мать больнѣхонья и Богъ-вѣсть,
 Возвратилъ, въ живыхъ ее найдены ли!»
 Братья Мирчѣ тотчасъ отписали:
 «Милый братъ, скорѣе возвращайся:
 Наша мать больнѣхонья и Богъ-вѣсть,
 Возвратилъ, въ живыхъ ее найдены ли!»
 Вотъ письмо написано — и къ Мирчѣ
 Полетѣлъ съ нимъ быстрокрылый соколъ,
 Полетѣлъ онъ въ тѣхъ зеленей къ Мирчѣ
 И принесъ ему письмомъ отъ братьевъ.
 Прочиталъ письмо отъ братьевъ Мирчо,
 Прочиталъ и залился слезами,
 И погналъ домой своихъ овецекъ,
 Девять стадъ овецекъ мягкоушныхъ.

Не успѣвъ домой вернуться соколъ,
 Мирчо былъ ужь со стадами дома.
 Входитъ онъ въ родимую свѣтлую,
 Входитъ онъ и видитъ малъ старушку.
 «Богъ судья тебѣ, моя родная!
 Для чего, сважи, дурная вѣсти
 Въ лѣсъ ко мнѣ прислала ты? Вѣдь стадо
 Я погналъ домой не сосчитавши!»
 — «Ахъ смоню, синочекъ милый Мирчо!
 Я пошлю тебя на свадьбу къ дѣду;
 Но чтобъ онъ не зналъ, что ты на свадьбѣ!»
 И вконали меньшей изъ братьевъ, Мирчо,
 Чтобъ привязъ родительскій исполнить:
 Осѣдалъ тотчасъ коня лихого,
 Взялъ съ собой свою пастушью гуню,
 Поскакалъ на дѣдушкину свадьбу,
 Хоть его на свадьбу и не звали.
 Онъ засталъ во всемъ убранный сватовъ,
 И гостей, и шумный ширъ на славу:
 Вѣшь и пей, чего душа желаетъ.
 И никто не встрѣтилъ даже Мирчу.
 Мирчо сѣлъ съ дѣтми, подалше въ уголъ.
 А король, женихъ печальный, бродитъ,
 Бродитъ по покаямъ и горюетъ,
 Что не смѣлъ позвать внучатъ на свадьбу.
 Всѣ пошли потомъ на ширъ къ Латину;
 Пьютъ, ѣдятъ тамъ три дни и три ночи.
 Наконецъ король Латинъ сказалъ имъ:
 «Нѣтъ еще большого чуда, гости,
 Въ томъ что вы не прочь поѣсть и выпить!
 Кто изъ васъ поудалѣе будетъ,
 Тотъ сейчасъ съумѣетъ сдѣлать чудо:
 Кто изъ васъ юнакъ и сынъ юнака,
 Тотъ нусвай стрѣйю прострѣлнть перетень,
 И тому достанется невѣста.»
 Гости всѣ сначала подивились,
 А потомъ смутились, замолчали.
 Шинманъ самъ ломаетъ руки въ горѣ,
 По щекамъ его струятся слезы.
 И сказалъ ему пастухъ какой-то:
 «Что съ тобой? что ты горюешь, Шинманъ?»
 — «Какъ же мнѣ не горевать, любезный?
 Какъ же мнѣ не горевать, не плакать?
 Огъ меня Латинъ желаетъ чуда;
 Если бо я позвать внучатъ на свадьбу,
 То меня Латинъ не осрамилъ бы!»
 И сказалъ ему пастухъ съ усмѣшкой:
 «Поно! ты объ этомъ не заботься:
 Отъ такой бѣды уйти не трудно!»
 Вотъ кольцо поставили для цѣли

И пастухъ попалъ въ него стрѣлою.
 Какъ тогда обрадовался Шинманъ!
 Но затѣмъ сказалъ Латинъ: «кто можетъ
 Распознать изъ трехъ созрѣвшихъ яблокъ
 Сколько лѣтъ которому? кто можетъ?»
 Гости снова крѣпко подивились,
 А потомъ смутились, замолчали.
 А пастухъ сказалъ на то Латину:
 «Ну такъ что жь? вели подать намъ яблокъ,
 Да вели подать съ водою чащу.»
 Принесли и яблоки и воду;
 Взялъ пастухъ тѣ яблоки и въ воду
 Ихъ пустилъ, и первое изъ яблокъ
 На водѣ держалось, не тонуло.
 «Третій годъ какъ спято!» онъ промовѣлъ.
 О другомъ изъ яблокъ, затонушемъ,
 Но до дна сосуда не дошедшемъ,
 Онъ сказалъ: «оно изъ прошлагоднихъ!»
 А о томъ, которое упало
 Прямо внизъ, на донышко сосуда,
 Онъ сказалъ: «вотъ — нынѣшняго сбору!»
 И затѣмъ Латинъ сказалъ: «веди я
 Трехъ дѣвицъ — и въ одинакихъ платьяхъ —
 Привести: узнай изъ нихъ невѣсту.»
 Вотъ пришли три дѣвушки-красотки,
 И лицомъ и всѣмъ другъ съ другомъ схожи —
 И совсѣмъ смутился старый Шинманъ.
 Но пастухъ приблизился къ дѣвицамъ,
 Бросилъ горсть червонцевъ и подумалъ:
 «Не возьметъ себѣ невѣста денегъ,
 Ихъ возьмутъ другія двѣ дѣвицы!»
 Дѣвъ изъ трехъ червонцы собирая,
 А одна не тронулася съ мѣста —
 И пастухъ сказалъ при этомъ: «Шинманъ!
 Вотъ бери теперь свою невѣсту,
 Поѣжай теперь домой съ гостями!»
 И себѣ схватилъ пастухъ дѣвицу
 И, позвавъ гостей къ себѣ на свадьбу,
 Поскакалъ онъ къ Шинману. Съ почемужъ
 Принятъ былъ пастухъ въ палатахъ царскихъ.
 «Не пастухъ я — я твой внучекъ, Шинманъ!
 Всѣхъ зову теперь къ себѣ на свадьбу:
 И себѣ я раздобылъ невѣсту.»
 И домой къ себѣ пріѣхалъ Мирчо.
 Повстрѣчала малъ его старушка,
 И всплеснула бѣдная рука,
 Увидавъ съ невѣстой сына Мирчо,
 И съ укоромъ такъ ему сказала:
 «Богъ судья тебѣ, несчастный Мирчо!
 Для чего ты опозорилъ дѣда,
 Для чего ты взялъ его невѣсту?»

— «Ахъ, мой родимая — и дѣду
 И себѣ привезъ я по невѣстѣ!»
 И тотчасъ веселье началось;
 Вранный ширъ три мѣсяца танцуютъ.

М. Петровскій.

II.

ВОЕВОДА ДОЙЧИНЪ.

Болезнь Дойчинъ воевода;
 Цѣлхъ девять лѣтъ лежить онъ
 На постели на высокой.
 Вотъ жена къ нему подходит,
 Говоритъ ему: «хозяинъ!
 Ты все боленъ, все въ постели,
 А къ тебѣ арапъ шлѣтъ съ вѣстью:
 Почему къ нему не ѣдешь?»
 — «Что жь, красавица-хозяйка,
 Пусть такая вѣсть приходитъ,
 Только ходишь ли ты вѣрно
 За конемъ моимъ ретивымъ —
 Въ той ли холѣ онъ какъ прежде,
 Пьѣтъ ли свѣтлое вино онъ,
 Вѣтъ ли бѣлую пшеницу
 И играетъ ли на волѣ,
 Какъ бывало подо мною,
 Какъ съ арапами я биса?
 Выводи ко ты скорѣе
 Къ воротамъ коня лихого:
 Дай взглянуть на вороного.»
 Вотъ коня она выводитъ
 Къ воротамъ — и вспрянула Дойчинъ,
 Вспрянулъ онъ съ овра болѣзни.
 И заржалъ тутъ конь ретивый,
 И заржавни громко, молвилъ:
 «Эй! вставай скорѣе Дойчинъ,
 Дойчинъ, мой больной хозяинъ!
 Я услышалъ прошлой ночью,
 Что арапъ къ тебѣ шлѣтъ съ вѣстью —
 Почему къ нему не ѣдешь?»
 И сказалъ хозяйкѣ Дойчинъ:
 «Ты, красавица-хозяйка,
 Отведи коня лихого
 Къ кузнецу и побратиму:
 Пусть коня мнѣ подкуетъ онъ,
 Пусть поставитъ онъ подковы
 Вѣсомъ въ девять окъ — не меньше;
 Пусть прибѣтъ онъ ихъ гвоздями —

Девять-сотъ гвоздей поставитъ,
 Все — за триста карагошей,
 Въ долгъ, на слово лишь юнака.»
 Вотъ коня беретъ хозяйка
 И дорогой мимо лавовъ
 Прямо въ кузницу проводитъ.
 Конь лихой бѣжитъ, играетъ,
 Словно юрьевскій агвѣнокъ;
 А народъ въ толпу собрался,
 Собрался — переизлучилъ
 И гадаетъ: «не погибъ ли,
 Ужъ не умеръ ли нашъ Дойчинъ,
 Что жена коня проводитъ?
 Ужъ его не продаетъ ли?
 Иго коня лихого купишь
 И жену возьметъ въ придачу?»
 А она коня приводитъ
 Прямо въ кузницу съ словами:
 «Много лѣтъ тебѣ здоровья
 Непанастный мужъ проситъ!
 Подковай коня онъ проситъ,
 Въ девять окъ пригнавъ подковы
 И прибить ихъ всѣ гвоздями —
 Девять-сотъ гвоздей поставитъ,
 Все — за триста карагошей,
 Въ долгъ, на слово лишь юнака.»
 Посмотрѣвъ кузнецъ ей въ очи,
 Посмотрѣвъ и такъ промовѣлъ:
 «Что мнѣ триста карагошей!
 Подкую коня, пожалуй,
 За твою красу, что девять
 Лѣтъ нетронутой осталась,
 На которую ни вѣтеръ
 Вѣкъ не вѣвалъ и ни солнце
 Не смотрѣло, не скагало.»
 И вазалъ она вернулася,
 Занимался сезаами,
 Словно травка подъ росою.
 И спросилъ хозяйку Дойчинъ:
 «Что красавица-хозяйка,
 Ненаглядная малютка,
 Что ты ронишь части слѣзы
 Изъ очей своихъ, изъ чорныхъ
 На свои на бѣды шѣки,
 Словно рѣсу на цвѣткови?
 Что же конь мой не подкованъ?»
 А хозяйка отвѣчаетъ:
 «Твой кузнецъ коня беретъ
 Подковать; за это проситъ
 Онъ красу мою, что девять
 Лѣтъ нетронутой осталась,

На которую ни вѣтеръ
Вѣть не вѣялъ и ни солнце
Не смотрѣло, не сжигало.»
Заскрипѣлъ зубами Дойчинъ,
Заметался на постели
И женѣ своей промовляетъ:
«Что жъ, красавица-хозяйка,
Пусть коня онъ не куетъ мнѣ!
Ты введи коня сейчасъ же
Въ стойло, въ темную конюшню;
Объѣдай сѣдломъ стариннымъ:
Не забудь — подурить всѣхъ девять;
Булаву мою достань ты,
Небольшую — въ девять окъ лишь,
Вынь и саблю небольшую,
Небольшую — въ девять пядей,
Что была зарята въ землю,
Не заржавѣла лежавши;
Позади сѣда привѣсь ихъ,
И потомъ коня подай мнѣ.
Вотъ коня она сѣдаетъ
И привѣшиваетъ саблю,
Саблю, вмѣстѣ съ булавою,
И къ хозяину выводитъ.
На коня садится Дойчинъ,
А хозяйка держитъ стремя,
Держитъ стремя — закиньваетъ,
Говоря коню лихому:
«Дай-то Богъ, чтобъ конь ретивый
Далеко занесъ Дойчина
И принесъ ко мнѣ арапа.»
Вотъ вступилъ мѣлѣ Дойчинъ
Въ позолоченное стремя
И сказалъ своей хозяйкѣ:
«Ну, красавица-хозяйка,
Полотно дай мнѣ льняное,
То, что девять лѣтъ бѣлилось,
То, что выткано на ставнѣ
Изъ чешпира, и хранилось
Въ сундукѣ, что изъ чешпира.
Полотномъ тѣмъ бѣлымъ нужно
Обвязать мнѣ всѣ суставы,
Всѣ суставы — что болѣли
Девять лѣтъ, что пролежали
На постелѣ на высокой,
Пролежали — онѣмѣли:
Чтобъ отъ вѣтра не озябли,
Чтобъ на солнце не сторѣли.»
Полотно несетъ хозяйка;
Дойчинъ имъ обвязалъ суставы
И сказалъ женѣ любимой:

«Съ Богомъ, любя, оставайся!»
— «Съ Богомъ, милый мой хозяинъ!
А тебѣ, мой конь, скажу я:
Не играй подъ господиномъ:
Пусть убьютъ его на савльѣ,
А ко мнѣ арапъ прѣдетъ!»
Вотъ и въ путь поѣхалъ Дойчинъ.
Отправляясь въ путь-дорогу,
Булаву свою металь онъ,
Булаву металь — и видитъ —
Не играетъ конь ретивый.
И спросилъ его хозяинъ:
«Добрый братъ мой и товарищъ!
Что ты, конь мой, не играешь,
Какъ игралъ ты подо-мною,
Какъ съ арапами а биса?»
Ужь моя жена ходила ль
За тобой, давала ль корму,
И винюмъ поила ль свѣтлымъ?»
— «Дойчинъ, мой большой хозяинъ!
Каждый день меня хозяйка
Щеткой чистила въ конюшнѣ
И винюмъ поила свѣтлымъ
Вволю, сколько мнѣ вилоса,
И шпенцею кормила,
А сама тебя бранила,
Прокинула — говорила:
«Дай-то Богъ, чтобъ конь ретивый
Далеко занесъ Дойчина
И принесъ ко мнѣ арапа.»
И сказалъ на это Дойчинъ:
«Вѣрный конь мой, братъ мой милый!
Не отедеъ она, не мать мнѣ,
И не ею былъ я вскормленъ:
Не боюсь ея проклятій.
Разыграйся, конь мой вѣрный,
Разыграйся подо-мною,
Какъ игралъ въ былую пору,
Какъ съ арапами а биса!»
Громко конь заржалъ на это,
И скакнулъ на девять ростовъ
Человѣческихъ. А Дойчинъ,
Изаочившись, распрямившись
На золоченныхъ стременахъ,
Молодецки громко гиннулъ,
Булаву метать онъ началъ,
И, взметнувши, отъѣзжалъ онъ
На девять часовъ дороги
И, вернувшись на мѣсто,
Булаву конилъ рукою.
И арапъ, увидѣвъ это,

На коня на вороного
Сѣлъ, на Дойчина понесся.
Дойчинъ — въ тылъ; арапъ помчался
Догонять его; наступилъ,
Булавою размахнулся,
Размахнулся, чтобъ ударить;
Но конь Дойчина нагнулся —
И надъ Дойчиномъ стрѣлою
Булава промчалась мимо.
Тутъ, коня обогротивши,
Дойчинъ бросился къ арапу
И, нахвастъ, громко гиннулъ,
Булавою его ударилъ,
И съ коня сваливъ ударомъ;
Вынулъ саблю небольшую,
Небольшую — въ девять пядей,
И къ сѣду ея привѣсьилъ.
Не держалась голова та
Везъ другого перевѣса —
И назадъ вернулся Дойчинъ,
И, прѣхавъ къ повороту
Кузнецу, промовлялъ грозно:
«Не тебѣ ли поручилъ я
Подковать коня, поставить
Вѣсомъ въ девять окъ подковъ,
Девять сотъ гвоздей потратить,
Все — за триста карагрозей,
Въ долгъ, на слово лишь юнака?
Ты же брася сѣзаять это
За красу моей хозяйки!»
Тутъ съ коня онъ потянулся,
Сорвалъ голову рукою
Съ пещечъ злодѣя-побратима
И къ сѣду, съ другого бока,
Припривилъ для перевѣса.
Посаѣ этого вернулся
Онъ домой къ своей хозяйкѣ,
И, казнивъ ее, поѣхалъ
Въ земли чуждья валаховъ.

М. Петровскій.

III.

МАРКОВИЦА.

Воссѣдаетъ Марко во свѣтѣлѣ,
Смотритъ вдаль на пильную дорогу,
Говоритъ женѣ своей любимой:

«Слушай, глянь-ка, милая, въ окошко:
Что за пылъ такая поднялася,
Понеслася, летитъ большой дорогой?»
— «Ничего, любезный мой хозяинъ!
Можетъ-быть, тебѣ такъ показалося?»
Чуть они словами обмѣнялись,
У воротъ ужъ кто-то постукался.
И сказалъ ей Марко-Королевичъ:
«Посмотри, кто просится въ ворота.»
Вотъ жена отправилась къ воротамъ;
У воротъ увидѣла арапа.
«Здѣсь, скажи, красавица-молодка,
Проживаетъ Марко-Королевичъ?
Сипшалъ я, что молодецъ онъ вилитъ,
Что въ питьѣ идти на споръ готовъ онъ;
А въ питьѣ я съ нимъ готовъ поспорить.
Я хочу съ нимъ объ закладъ поиться:
Я въ закладъ даю коня лихого,
А въ придачу тѣченую саблю.
Саблей той убить меня онъ вилитъ,
Если онъ въ питьѣ меня ослитъ.
Если жъ я въ питьѣ его ослию,
То возьму жену его молодку.»
Побѣжала къ Марку Марковина,
Прибѣжала въ мужнину свѣтѣлку,
Говоритъ ему: «Ступай, хозяинъ,
Самъ взгляни, кто въ ворота стучится.
Къ намъ арапъ прѣхалъ черномазый;
Объ закладъ съ тобой онъ хочеть биться:
Если ты въ питьѣ его ослитъ,
Онъ отдастъ тебѣ коня лихого
И въ придачу тѣченую саблю:
Ты воленъ тогда убить арапа;
Переищетъ тебя арапъ проклятый —
Ты ему жену свою уступиши!»
— «Отвори ему, жена, ворота,
Пусть войдетъ сюда арапъ проклятый.»
И жена ворота отворила,
И коня поставивши въ конюшню,
Прибѣжала въ мужнину свѣтѣлку.
Стали пить вино арапъ и Марко;
Пьютъ три дня, три ночи безъ просну;
Оба пьютъ и оба не напоятся.
Накоонецъ ужъ Марку надобно
Все сидѣть да пить вино съ арапомъ,
И сказалъ тогда арапу Марко:
«Слушай ты, приятель черномазый,
И поуду немощно прогуляться!»
Только разъ дворомъ проходила Марко,
Ужь бѣжить опять въ свою свѣтѣлку
И къ вину огнистому садится.

Въ разъ ушатъ вина онъ выпиваетъ —
Семьдесятъ въ немъ онъ вина вмѣшалось.
Вогъ судья проклятому арану!
Подымалъ въ вино онъ черенцы;
Отъ нея ко ему тануло Марка;
Марко лёгъ, чтобъ отдохнуть невозможно
И не могъ ужъ скоро пробудиться.
Вогъ судья проклятому арану!
Говоритъ онъ Марковичъ: «Слушай,
Спни свое, надѣнь чужое платье.
Если ты желаешь быть моею,
То тебѣ со мной не худо будетъ,
А ужъ мнѣ съ тобой — не надо лучше!»
Говоритъ арану Марковича:
«Въ добрый часъ, согласна. Слава Богу,
Ты меня отъ пьяницы избавишь.
Подожди немного, соберу я
Все бѣлье, да мужнино оружье.»
Вогъ судья проклятому арану!
Онъ не ждетъ молодку Марковичу —
Молодомъ вскоцилъ и побѣжалъ онъ,
Побѣжалъ онъ въ маркову конюшню,
Своего коня изъ стойла вывелъ,
И коня у Марка то-же взялъ онъ;
На него онъ взбрелъ Марковичу —
И какъ вѣтеръ понеслся поземъ.
Вогъ они приблизились къ Солунѣ,
И сказала тихо Марковича:
«Ахъ, аранъ мой милый, золотой мой!
Здѣсь вѣдъ есть у Марка обратими:
Вѣдъ они меня сейчасъ узнаютъ
И убьютъ тебѣ въ одну минуту.
Спни сейчасъ ты шелковое платье,
Сенишь ты, а я его надѣну,
Покажусь имъ страшнымъ делибашей,
А тебя я выдамъ за злодѣя,
Много душъ стубившаго безвинно,
Много зла надѣлавшаго людямъ,
И что я веду тебя къ Царьграду.»
Вогъ вошелъ онъ въ корчму въ Солунѣ
И, войдя, вскричала Марковича:
«Гей, сюда, солунские граждане!
Здѣсь со мной разбойникъ, душегубецъ;
Онъ успѣлъ пролить не мало крови,
Причинилъ не мало горя людямъ.
Я теперь веду его къ сultanу.
Если вы дотронетесь хоть пальцемъ
До него — не будетъ вамъ пощады!»
Только ночь навела надъ Солунемъ,
Поднялась тихонько Марковича,
Поднялась и голову арану

Съ плечъ снесла его же острой саблей;
А сдра забрежилось утро,
Закричалъ ужасный делибаша:
«Гей, сюда, солунские граждане!
Поддавай разбойника арана!
Кто изъ васъ злодѣя обезглавитъ?
Разузнаютъ сейчасъ же это дѣло;
А не то въ живыхъ вамъ не останется.»
И въ отвѣтъ солунские граждане
Говорятъ: «Не можемъ мы дознаться,
Кто убилъ разбойника арана.
Требуй все, чего ни пожелаешь —
Все дадимъ, чтобъ только откупиться.»
— «Если такъ, то всякого добра мнѣ
Дать сейчасъ двѣнадцать полныхъ выюговъ
Съ мулами и ихъ проводниками.
Такъ и быть, тогда я васъ прощаю!»
Дали ей солунские граждане,
Дали все чего она желала.
Повернувъ домой съ своей добычей,
До луговъ добравшись подъ Солунемъ,
Вдругъ она встрѣчаетъ мужа Марка.
Говоритъ ей Марко-Королевичъ:
«Гей, постой, могучій делибаша!
Если ты прошогъ моря и земли,
То скажи — о чемъ тебѣ спрощу я!»
И въ отвѣтъ промолвилъ делибаша:
«Ты скажи мнѣ, Марко-Королевичъ,
Что съ тобой такое приключилось?»
— «Не встрѣчалъ ты гдѣ-нибудь арана
На пути съ красавицей-молодой?»
— «Много я земель проѣхалъ, Марко;
На пути-дорогѣ отъ Стамбула,
Заходя въ корчму на почеву —
То была тридцатая ночевка —
Встрѣтилъ я какого-то арана;
Везъ съ собой онъ сербскую красотку,
И на взглядъ, какъ-быто, Марковичу.
Да за чѣмъ ты ищешь Марковичу?
Развѣ ты въ землѣ своей не властень?
Развѣ ты другой жены не смынешь?
Вѣдъ жена твоя давно искала
И нашла себѣ другого мужа.
Знаешь что: вернись со мною, Марко,
Присмотри за выюками моими,
Помоги погонщикамъ при музахъ,
Помоги развѣючить и навѣючить!»
Повернувъ, путемъ-дорогой ѣдутъ
И подъ часъ она торопитъ Марка,
Бьетъ его порой тройчаткой плетью,
Бьетъ она, торопитъ, наступаетъ

Иногда на пятки мужу Марку,
Такъ что кровь изъ пята его сочилась.
Вогъ они добрались до Широка,
Подойти уже къ седу Плетвару
И спросилъ тутъ грозный делибаша:
«Знаешь, что тебѣ спрощу я, Марко!
Еслибъ ты увидѣлъ Марковичу,
Могъ ли бѣ ты узнать ее?» И Марко
Отвѣчалъ на это делибашѣ:
«Знаешь что, могучій делибаша,
Не сердись ты на отвѣтъ правдивый:
Только ты къ землѣ опустишь очи,
То какъ разъ похожъ на Марковичу,
Если жъ ты на небо смотришь, вѣрь мнѣ —
Никого страшнѣй тебѣ не зналъ я.»
Лишь они подѣхали къ Плетвару,
Какъ съ коня спрыгнула Марковича
И, спрыгнувъ, сказала мужу Марку:
«Что, узналъ ты, Марко, Марковичу?»
— «Богъ проститъ тебѣ за всѣ побию
И за плеть проклятую — тройчатку!»
Вогъ пошелъ онъ въ свою сѣланцу,
Все добро изъ выюговъ выбрану,
Все добро, добытое въ Солунѣ.

М. Петровскій.

—

IV.

ИСПОВѢДЬ МАРКА-КРАЛЕВИЧА.

Занемогъ — и не на шутку — Марко;
Пролеталъ онъ на одрѣ три года
И ничто ему не помогало.
И ему старуха мать сказала:
«Милый сынъ, мой ненаглядный Марко!
Не Господь послалъ тебѣ страданье —
Болезнь ты, мой сынъ, отъ прегрѣшеній.
Поповъ я, милый Марко:
Имъ въ грѣхахъ покаяйся, сынъ мой милый,
Не тая предъ нами прегрѣшеній.»
Позвала она поповъ къ больному,
И приняло ихъ девятеро къ Марку,
И вхола они ому сказали:
«Во грѣхахъ своихъ покаяйся, Марко!»
И сказалъ имъ Марко-Королевичъ:
«Ахъ, отцы духовные, не мало
На душѣ моей грѣховъ тяжолыхъ!
Погубилъ я много душъ невинныхъ;
Но еще есть грѣхъ, и самый тяжкій:

Какъ я былъ еще въ Землѣ Арапской,
Бились мы съ арагами уламо;
Да случился какал-то старуха:
Подала она лихой совѣтъ имъ.
По ее проклятому свѣту
Изъ поножи они достади сабли
И по всей землѣ ихъ раскидали —
И тогда мы безъ коней остались:
Всѣ они порѣзали коняты;
И живьемъ насъ побрали араны,
А побравъ, въ темнища побросали,
Изъ темницъ на казнь лишь выводили.
Деять лѣтъ я просидѣлъ въ темницѣ;
Взаперти не зналъ бы я, не вѣдалъ,
Какъ живутъ на вольномъ свѣтѣ люди,
Ни зима, ни лѣта я не зналъ бы...
У двра арапскаго въ то время
Дочь была любимая, дѣвица.
И всегда, какъ наступало лѣто,
Присоизла мнѣ цвѣтовъ царевна,
Говора: «возьми себѣ ихъ, Марко,
Въ знакъ того, что лѣто наступило.»
А когда зима смѣняла осень,
Присоизла свѣту мнѣ царевна,
Говора: «возьми комочекъ свѣту
Въ знакъ того, что ужъ зима настала.»
Думалъ я: что сдѣлать, чтобы выйдти
Изъ моей темницы невинной?
Обманулъ я дѣвушку аранку.
«Если бѣ ты — я говорю аранкѣ —
Если бѣ ты меня освободила,
На тебѣ бы я тогда женился.»
Поддалась словамъ моимъ аранка:
Изъ тюрьмы пустила на свободу.
Дождалась она нору удобной,
Какъ отецъ ее билъ на охотѣ;
Трехъ лихихъ коней завла аранка,
Трехъ коней вывучила казною.
На коня къ себѣ я взялъ аранку:
Понеслася мы съ ней Прилѣскимъ поземъ.
Встали мы у чистаго колода,
Чтобы тамъ хлебнуть водъ студеной.
Я взглянулъ въ то время на аранку,
А у ней лицо черно какъ уголь,
Зубы лишь бѣлыя при улыбкѣ.
Стало мнѣ и тяжело и противно...
Саблей снесъ я голову аранкѣ.
Кавось я въ великомъ прегрѣшеннѣ.
И зачѣмъ я погубилъ аранку,
Для чего ее домой я не взялъ,
Не привезъ ее къ своей старушкѣ?

Какъ сестра, она со мной жила бы,
И грѣха я на душу бы не взяла!
Взаперти въ своей смрой темницѣ
Я не зналъ что день, что ночь, не зналъ бы
Ни зимы, ни лѣта безъ арапки;
И она меня освободила;
А за-то я смертью отплатилъ ей.
Вотъ грѣхъ мой, отцы святые!»
Поднялись священники соборнѣ
И читали Евангеліе стали,
Стали пѣть молитвы покаяныя
И три дня, три ночи пѣли пѣли.
И сополъ — спустился сонъ на Марка;
А когда отъ сна онъ пробудился,
Могъ присѣсть ужъ на одрѣ болѣзны.
Съ той поры все оправалася Марко
Съ каждымъ днемъ до дня выздоровелныя.

М. Петровскій.

в.

МАРКО-КРАЛЕВИЧЪ И МАДИРИНЪ ФИЛИПЪ,

Сѣлъ Краль-Марко, сѣлъ за ужинъ,
Выѣсть съ матерью своею,
И подъ усь себѣ смѣется.
Мать сказала Кралю-Марку:
«Что ты, Марко, все смѣешься?
На смѣхъ старость подымаешь?
Аль смѣшонъ тебѣ мой ужинъ?
Иль вино мое не сладко?»
Отвѣчаетъ ей Краль-Марко:
«Я смѣюся не на ужинъ,
А смѣюся на мадира,
На мадирина Филиппа:
Часто, мелко мнѣ онъ пишетъ,
Мелко пишетъ, въ гости проситъ —
Погулять, повеселиться
И борьбою поборотся.»
Отвѣчаетъ мать Краль-Марку:
«Охъ, не ѣди, сынъ мой милый,
Охъ, не ѣди къ злымъ мадирамъ!
Погубитъ Филиппъ мадиринъ
Сорокъ молодцовъ болгарскихъ
И увелъ ихъ жонъ съ собою.»
Только Марко не послушалъ,
Не послушалъ этой рѣчи,
Всталъ, собрался и поѣхалъ.
Какъ пріѣхалъ онъ къ мадирамъ,

Видитъ: рѣчка протекаетъ
Передъ избами мадирова,
Подлѣ рѣчки сорокъ плѣнницъ
Полотно стираютъ бѣло,
А съ високаго забора
Смотрятъ, воткнуты на коня,
Удали башни болгарова,
Что мужей тѣхъ горькихъ плѣнницъ.
Опросилъ тѣхъ плѣнницъ Марко:
«Гдѣ у васъ Филиппъ мадиринъ?»
А онѣ ему сказали:
«Что тебѣ Филиппъ мадиринъ?
Прѣзжай ты лучше мимо.
Погубилъ Филиппъ мадиринъ
Сорокъ молодцовъ болгарскихъ.
Видишь головы на коньяхъ:
Это головы болгарова,
Что мужей ли нашихъ милыхъ.
Видишь этотъ бѣлый камень:
Онъ его одной рукою
Поднимаетъ и бросаетъ.»
Марко тронувъ тихо лошада,
Поднялъ съ земли бѣлый камень
И его далеко бросилъ.
Ѣдетъ Марко, Ѣдетъ Марко
Прямо къ терему Филиппа,
Видитъ: заперты ворота;
Марко толкъ ногой въ ворота —
И ворота отворились.
Онъ во дворъ широкій Ѣдетъ,
И мадирина онъ кличетъ,
Но выходитъ не мадиринъ,
А пригожая мадирка.
«Гдѣ Филиппъ?» спросилъ Краль-Марко;
А мадирка отвѣчаетъ:
«Пѣтъ вино въ сухихъ подвалахъ.»
Марко сѣлъ съ коня лихого
И съ руки у той мадирки
Снялъ запыста золотыя
И за пазуху засунулъ.
На коня садится Марко
И поѣхалъ и поѣхалъ
Онъ къ мадирину Филиппу.
Какъ Филиппъ увидѣлъ Марка,
Наилъ чарку, подавъ Марку;
Марко выпилъ чарку разомъ,
И мигнулъ, чтобы онъ налилъ,
Да не въ ту бы налилъ чарку,
А ужъ въ маркову ендовку:
Деять мѣръ брала ендовка.
Наилъ тотъ ендовку Марку;

Марко взялъ ее и подаль
Самому тому Филиппу,
Но не могъ Филиппъ мадиринъ
Одолѣть и половини.
Наливаетъ Марко снова
И мадиринъ запястъя
Изъ-за пазухи вынаестъ
И кладетъ передъ Филиппомъ.
Какъ увидѣлъ ихъ мадиринъ,
Какъ сазалъ ему Краль-Марко,
Чтобы выкупила запястъя —
Бузаву мадиринъ вынулъ
И на бой зоветъ Краль-Марка;
А Краль-Марко отвѣчаетъ:
«Погоди, Филиппъ мадиринъ;
Дай допитъ: не жалъ ендовки,
Жаль вина недонитого.»
Какъ махнулъ ендовкой Марко,
Да какъ хлопнетъ онъ Филиппа,
Ажно вбилъ въ скрзю земаю.
Самъ давай хватать мадрокъ:
Нахваталъ ихъ цѣлыхъ сорокъ,
И въ Болгарію поѣхалъ.
Подъѣзжаетъ Марко къ дому;
Пыль клубится по дорогѣ.
Мать его дворомъ проходитъ,
Мать проходитъ, слезы ронитъ,
Говоритъ своей невѣсткѣ:
«Положилъ Филиппъ мадиринъ,
Положилъ онъ Краль-Марка;
Посмотри, сюда онъ Ѣдетъ,
Положитъ и насъ съ тобою.»
Не былъ то Филиппъ мадиринъ
А удалнй былъ Краль-Марко,
Велъ мадрокъ полоненныхъ,
Велъ мадрокъ цѣлыхъ сорокъ.

П. Бѣргъ.

vi.

МАРКО-КРАЛЕВИЧЪ И ФИЛИПЪ СОКОЛЪ,

Похвалася Филиппъ Соколъ,
Какъ вечеръ за столъ садился,
Похвалася предъ женою,
Предъ своею Соколкихой,
Что убѣтъ онъ Краль-Марка —
Не убѣтъ онъ Краль-Марка,
А возьметъ къ себѣ въ холонцъ,

Дворъ мести ему широкій
И ребятъ мальчишекъ вяничитъ.
Услыхала эти рѣчи,
Услыхала Самодива,
Самодива горна дива,
И взвилася и полетѣла
Ко дворямъ широкимъ Марка,
На его хоромы сѣла,
Да какъ взизгнетъ Самодива,
Самодива горна дива:
«Гой ты, гой еси, Краль-Марко,
Побратимъ ты мой любезный!»
Говорила Самодива:
«Побратимъ ты мой любезный!
Похвалася Филиппъ Соколъ,
Какъ вечеръ за столъ садился,
Похвалася предъ женою,
Предъ своею Соколкихой,
Что убѣтъ онъ Краль-Марка,
Не убѣтъ — возьметъ въ холонцъ,
Дворъ мести ему широкій
И ребятъ мальчишекъ вяничитъ.»
Разсердился крѣпко Марко,
Разсердился, прогнѣвиса,
Взялъ помошь онъ лошаденку
Неучною, плохую,
Что узды советѣтъ не знала,
Въ чистомъ полѣ не бывала.
Марко сѣлъ на лошаденку,
Въ поле чистое пустился;
Какъ заскачетъ, какъ запляшетъ
Лошадена та подъ Маркомъ,
Ажно пѣлъ взвилася клубами.
Тутъ поѣхалъ въ путь Краль-Марко,
Въ путь-дорогу чистымъ полемъ,
Въ путь поѣхалъ и пріѣхалъ
Къ дому Сокола Филиппа.
«Выходи, Филиппъ ты Соколъ,
Выходи со мной боротся.»
Какъ услышалъ Филиппъ Соколъ
Звѣчный голосъ Краль-Марка,
Вышелъ къ Марку Филиппъ Соколъ,
Ворона коня выводитъ,
Выѣзжаетъ съ Маркомъ въ поле,
Чтобъ по-битися, по-боротися
И въ борьбѣ другъ друга ранитъ.
Долго бился и боронился,
Одолѣтъ Филиппа Марко,
Говоритъ Филиппу Марко:
«Гой еси ты, Филиппъ Соколъ,
Я возму тебя въ холонцъ,

А жену твою въ холонки,
А ребят твоихъ въ холонство.»
Отвѣчаетъ Филиппъ Соколъ:
«Гой ты, гой еси, Краль-Марко,
Не бери меня въ холонки,
Лучше голову съебн мнѣ,
Погуби мнѣ Соколюху
И дѣтей моихъ парнишекъ.»
Говоритъ Филиппу Марко:
«Гой еси ты, Филиппъ Соколъ!
Не хвалился бы ты лучше,
Не хвалился бь, не грозилася,
Что убьешь ты Краль-Марка.
Мнѣ не надо Соколюхи
И дѣтей твоихъ парнишекъ,
Только ты одинъ мнѣ нуженъ:
Денья дѣтъ служи мнѣ вѣрно,
И мети мнѣ дворъ широкій.»
Ухватилъ его Краль-Марко
И отвелъ его Краль-Марко
Ко дворамъ своимъ широкимъ.
Гой еси ты, Филиппъ Соколъ,
Филиппъ Соколъ, злой мадринь!

Н. Бергъ.

VII.

МАРКО — КРАЛЕВИЧЪ ОТЫСКИВАЕТЪ СВОЕГО
БРАТА.

Какъ собралъ къ себѣ Краль-Марко,
Какъ собралъ къ себѣ всѣхъ бановъ
Бѣть и пить и веселиться —
Веселій началъ похваляться
Добримъ братомъ пль сестрою,
А Краль-Марко похвалялся
Все конемъ своимъ удалью.
Осердились гости Марка:
«Похвалялись мы — кто братомъ,
Кто сестрою, а Краль-Марко,
А Краль-Марко конекимъ мясомъ.»
Осерчалъ на то Краль-Марко,
Опросилъ онъ мать родную:
«Родила ль еще ты на свѣтъ
Добра молодца такого,
Какъ меня ли Краль-Марка?»
Мать кралица отвѣчаетъ:
«Былъ другой такой, какъ Марко,
Называется онъ Андреемъ,

Да прошли тутъ зме турки,
Заме турки, анатолицы,
Взяли силою Андрея
И ушли съ нимъ во-своиен.»
Отвѣчаетъ ей Краль-Марко:
«Гой еси ты, мать родная,
Ты напоили, ты напоили
Вьюенъ золотомъ червоннымъ,
Чтобы стало мнѣ въ дорогу:
И поиду искать Андрея.»
Встала Краль-Марко и поѣхала
Прямо внизъ къ Сулину-граду.
Сталъ онъ сумраченъ и грозенъ,
Грозенъ-сумраченъ какъ турка.
Полъ народъ градской въ мечети
И Краль-Марко за народомъ.
Турки кланялись въ мечетяхъ,
Съ ними кланялся и Марко,
А молился по болгарски.
Видни турки изъ мечети
И Краль-Марко съ ними вышелъ,
И пошелъ въ корчму къ корчмаркѣ
И сказалъ ей: «дай вина мнѣ,
Дай вина мнѣ на червонецъ.»
А корчмарка отвѣчаетъ:
«Есть вино, да не на деньги,
А на споръ, кто больше выпьетъ.»
Говоритъ опять Краль-Марко:
«Съ кѣмъ же будетъ мнѣ поспорить?»
Повела его корчмарка
Къ мужу, именемъ Андрею;
Заложилъ тутъ за Марка
Щарца кралица лихого,
За Андрея заложилъ
Молоду его корчмарку:
Кто напьется пнянимъ прежде,
Тотъ закаждъ свой проиграетъ.
Три дни ѣли, три дни вили —
Марко перешилъ Андрея;
Говоритъ корчмаркѣ Марко:
«Гой ты, гой еси, корчмарка!
Собрайся въ путь дорогу —
И въ Болгарію поѣдемъ!»
А корчмарка отвѣчаетъ:
«Мамафинъ *) ты некрещеный!
У меня въ Землѣ Болгарской
Есть Краль-Марко, милый дeverъ:
Онъ убьетъ тебѣ гура.»
Говоритъ корчмаркѣ Марко:

*) Азіятскій туркъ.

«Гой ты, гой еси, корчмарка!
Вотъ онъ дeverъ твой Краль-Марко!»
А корчмарка отвѣчаетъ:
Лжешь, гауръ ты некрещеный!
И узнала бь Краля-Марка!
Говоритъ опять Краль-Марко:
«А почему бы ты узнала?»
А корчмарка отвѣчаетъ:
«Я слыжала отъ Андрея,
Что Краль-Марко уродился
Съ золотыми волосами.»
Тутъ Краль-Марко шапку скинулъ
И какъ солнце заблестали
Кудри Марка золотыя.
Побѣжала прочь корчмарка
И давай будитъ Андрея.
А тѣмъ временемъ Краль-Марко
Принумился, нарядился:
Узнавались оба брата
И за транеу саднясь.
Ѣли, Ѣли, сколько съѢли,
Пили, пили, что есть силы,
А напившись встали оба
И въ Болгарію собрались.
Ѣдутъ, Ѣдутъ, много ль, долго ль,
Говоритъ Андрей дорогой:
«Гой еси ты, братъ мой милый,
Гдѣ бы мнѣ воды напиться?»
Говоритъ Краль-Марко брату:
«Здѣсь води тебѣ не держатъ,
Есть корчма по-край дороги,
У лихого Кеседжін:
Понитай, шуми корчмаркѣ —
Пусть отпуститъ на червонецъ;
Но съ коня, смотри, не слазій.»
Тотъ поѣхалъ, громко вринулъ:
«Гой ты, гой еси, корчмарка!
Дай вина мнѣ на червонецъ.»
Говоритъ ему корчмарка:
«Сѣзь съ коня, напейся даромъ.»
Какъ ту рѣчь Андрей услышалъ,
Дался диву, сѣзь и началъ
Пить вино, а Кеседжін
Подскокылъ къ Андрею зади
И подсежь его бузатомъ.
Долго ждалъ Андрея Марко,
Ждалъ, пождалъ, вздремнулось Марку;
Какъ очнулся, дозвѣтъ тихо,
Молвилъ онъ своей золовкѣ:
«Гой ты, гой еси, золовка,
Ты золовка дорогая!

Сѣзь Андрей шагъ, не вернется!
Сонъ дурной сейчасъ и видѣлъ,
Что свалился на-земь волосъ
Съ головы моей удалой.»
Тутъ къ корчмѣ подъѣхалъ Марко
И кричитъ корчмаркѣ Марко:
«Дай вина мнѣ на червонецъ.»
Говоритъ ему корчмарка:
«Сѣзь съ коня, напейся даромъ.»
Марко сѣзь и вынулъ саблю,
Изрубилъ все Кеседжійство,
А корчмарку съошь живую,
И вернулся, и отвелъ онъ,
И отвелъ вдову Андрея,
Андреху молодую,
Къ старой матушкѣ родимой.

Н. Бергъ.

VIII.

ОВИТЕЛЬ ВРАЧАРНЪ ЦА.

Жили были двое добрыхъ братьевъ,
Жили дружно, истинно по-братски;
Сговорились вмѣстѣ пожениться,
Сговорились — оба пожениться.
А при нихъ жила сестра родная.
Какъ сестру свою они любилъ!
Ей они постронаи свѣтлицу;
Въ той свѣтлицѣ нѣжили сестрину.
Чтобъ съ сестрой не расставаться, братья
Не хотять ее и замужъ выдать.
Думали-гадали злыя снохи,
Какъ бы имъ управиться съ золовкой,
Какъ бы братьевъ развести съ сестрою.
У одной снохи былъ сынъ — ребенокъ.
Вотъ и сговорились тайно снохи:
«Только братья выйдутъ на охоту,
Мы отворимъ сестрину свѣтлицу,
Мы наидемъ у ней въ кармакъ пожитъ,
Ншь зарѣжемъ своего младенца:
Разведемъ мужей съ золовкой нашей.»
И на чѣмъ сонили и порѣшили
Злыя снохи, то и совершили.
Видели братья какъ-то на охоту;
Жоны ихъ тотчасъ пошли въ свѣтлицу,
Взяли у золовки фряжскій пожитъ,
Ншь дитя зарѣзали въ свѣтлицѣ;
Обагриши дѣткою кровью пожитъ,

Положи ножъ въ карманъ золовѣ
И свѣтлицу снова затвори;и;
А золовка такъ и не проснулась.
Занялась заря, настало утро —
И съ охоты братья воротились,
А ихъ жоны причитаютъ, воютъ.
Услыхали братья эти вопли,
Обратились къ жонамъ: «Ахъ, молодки!
Что такое съ вами приключилось?
Отчего вы распустили косы?
Али нѣтъ въ живыхъ золовки вашей?»
— «Ахъ, мужья, одинъ Господь судья вамъ,
Вамъ судья, да и сестрицѣ вашей!
За любовь въ сестрѣ Онъ васъ накажетъ.»
— «Что у васъ надѣлала сестрица?»
Испугались, обѣихъ братья,
Какъ сказали имъ молодки-жоны,
Что сестра убила ихъ малютку.
И сказали братья: «бить не можете,
Чтобъ сестра такъ поступила съ нами,
Чтобъ убила нашего малютку.»
А собаки-жоны говорятъ имъ:
«Ахъ, мужья, не вѣрите вы? взгляните,
Отворите сестрину свѣтлицу,
Посмотрите на свою сестрицу!»
Идутъ братья въ сестрину свѣтлицу,
Потихоньку отворяютъ двери
И къ сестрѣ своей любимой входятъ,
Но ее не будятъ сразу: тихо,
Кротко будятъ милую сестрицу.
Вотъ она проснулась, испугалась,
Говоритъ своимъ любимымъ братьямъ:
«Ахъ, мои любезные, скажите,
Что за плачъ такой у васъ, родные?»
— «Ахъ, сестра, что сдѣлала ты съ нами!
За любовь за родственную нашу,
Ты убила нашего малютку.»
Испугалась ихъ сестра, смутилась,
Съ иерепугу закинулась Богомъ,
Завлилась, говорила братьямъ:
«Ахъ, мои родные, что съ вами?
Что такое вы мнѣ говорите?»
— «Ну, сестра, ужь если ты невинна,
Такъ достань ты намъ свой фряжскій ножикъ,
Фряжскій ножикъ кровью омоченный...
Такъ умри жь и ты насильной смертью!»
Вотъ они сестру на дворъ выводятъ;
Тамъ она взмолилась милымъ братьямъ:
«Ахъ, мои родные, погодите,
Во дворѣ не проливайте крови;
Со двора меня вы уведите,

Отведите дальше, въ лѣсъ зеленый,
На поляну, гдѣ растетъ дягловникъ,
Тамъ, гдѣ видно дерево сухое,
Тамъ, гдѣ виднѣтъ высохшій источникъ.»
Все о чемъ сестра просила братьевъ,
Все они исполнили: въ зеленый
Лѣсъ свели ее, направили поляну,
На которой всюду росъ дягловникъ,
Отыскали высохшій источникъ,
Отыскали дерево сухое.
Тамъ сестра сказала братьямъ: «братья!
Если я у васъ дитя убила —
Никогда источникъ не пробѣется,
Дерево сухое не прозябнетъ
И дягловникъ не всегда заглохнетъ;
Если жь я невинна передъ Богомъ,
То сейчасъ источникъ оживится,
Дерево сухое отродится,
Гдѣ дягловникъ — тамъ обитель будетъ.»
Но успѣла все она промовлѣть,
Какъ предъ ними дерево прозябло,
Закипѣлъ источникъ вновь водою,
На полянѣ вознеслась обитель.
Тутъ сестра сказала братьямъ: «братья!
Всѣ, кто чѣмъ теперь ни заботѣтъ,
Пусть идутъ сюда за исцѣленьемъ;
Если жь ваши жоны заболѣютъ,
Девять лѣтъ имъ пролежать въ постеляхъ,
Протереть имъ столько же постелей,
Не найти имъ больше исцѣленья;
А придутъ сюда къ мамѣ останкамъ —
Передъ ними храмъ святой замкнется
И вода въ источникѣ изсякнетъ,
И домой вы повернете съ ними,
Понесете ихъ въ болѣзнь нуцѣй,
Бросите ихъ на пути-дорогѣ;
Воронья новьяютъ имъ очи,
Разнесутъ ихъ тѣло змѣ волки
И востамъ ихъ больше не соберутся.
А младенецъ вашъ со мною будетъ.
Ну, теперь меня убейте, братья:
За любовь за родственную нашу
Смерть моя отпустится вамъ, братья.»
И сестру свою убили братья.
Тамъ, гдѣ кровь страданицы точилась —
Очутилась церковь; тамъ, гдѣ наза
Голова ея — алтарь явился;
Тамъ, гдѣ пали слѣды невинной —
Вдругъ пробился ключъ воды цѣлебной.
Появился тамъ младенецъ мальчикъ —
Въ ангела младенецъ превратился —

Каждый день служилъ онъ литургію;
Немоцины притекали къ храму,
Притекали къ храму — исцѣлялись.
Воротаясь домой, застали братья
Злобныхъ жонъ своихъ уже больными;
Девять лѣтъ болѣли злыя жоны,
Пролежали столько же постелей —
И ничто болѣзнь не облегчало.
Услыхавши какъ-то стороною,
Будто гдѣ-то проявилась церковь
Съ чудною врачующею силой,
Исцѣлявшей тяжкіе недуги —
Говорятъ болѣзница жоны,
Говорятъ мужьямъ своимъ: «пронесия
Слухъ, что будто проявилась церковь
Съ чудною врачующею силой
И съ ключемъ воды живой, цѣлебной;
Будто въ церкви той младенецъ-мальчикъ
Ежедневно служитъ литургію;
Будто въ церковь всѣ идутъ больными,
А домой здоровыми приходятъ.
Если бъ насъ свесли вы къ этой церкви?»
Взяли братья жонъ своихъ болящихъ,
Повесили ихъ къ церкви въ лѣсъ зеленый:
Тамъ нашла Врачаряну обитель,
Отыскали ключъ воды цѣлебной,
Услыхали гдѣне младенца;
Но едва приблизились къ церкви,

Какъ предъ ними затворилась церковь,
Тотчасъ смогло гдѣне младенца
И изявъ потокъ воды цѣлебной.
Только тутъ и вспомнилося братьямъ,
Что сестра предъ смертью имъ сказала.
И домой поворотили братья;
Шли они неровною дорогой,
Бросили лукавыхъ жонъ дорогой
И сказали: «вотъ вамъ наказаніе!
Вы у насъ сестру стубили — пусть же
Упадетъ на васъ ея проклятіе!»
И у жонъ ихъ вдроны и галки
У живыхъ выклевывали очи;
Ихъ тѣла растаскивали волки,
А душа въ тѣлахъ еще держалась.
Снова братья на коней вскочили,
Снова къ церкви въ лѣсъ поворотили;
Передъ иракшомъ сестринимъ склонившись,
Говорили ей: «прости сестрица!»
И сестра простила грѣшныхъ братьевъ:
Отворилась передъ ними церковь;
Снова въ церковь пѣлась литургія.
Оба брата иноками стали
И остались навсегда при церкви.
И стоитъ та церковь и понынь
Въ радость всѣмъ радѣющимъ святнѣмъ.

М. Петровскій.

III. ХОРУТАНСКІЯ.

ЖЕНИТЬБА КОРОЛЯ МАТІАСА.

Матыяс удадэй женіцца
 На молодой Аленчыц,
 Красавиц невданной,
 На королевіц угорской.
 Не долго съ ней онъ тѣшитса,
 Не долго — три дняхъ всего:
 Ужь въ первый день спускается
 Къ Матыасу птица вѣщая,
 Щебечетъ вѣсть печальную:
 «Сбери войскá поспѣшишь,
 Иди къ границамъ Угорскимъ.»
 Въ отвѣтъ Матыясъ промовилъ ей:
 «Нельзя въ походъ мнѣ двинуться:
 Не отдохнули воины,
 И лошади не кованы,
 И сабли не наточены
 И ружья не зарижены.»
 Насталъ второй по свадьбѣ день —
 И снова птица вѣщая
 Въ походъ зоветъ по прежнему;
 Матыясъ отвѣтилъ то же ей.
 Когда спустилася въ третій разъ
 Къ Матыасу птица вѣщая —
 Матыясъ готовъ въ походъ иди.
 Зоветь король Аленчину,
 Свою супругу милую,
 И говоритъ Аленчицъ:
 «Въ походъ я долженъ двинуться,
 Въ походъ въ границамъ Угрии.
 Тебѣ придется, милая,
 Немного покручиниться!
 Считай почаще золото,
 Посматривай на крѣпости;

Но не гуляй ты по саду,
 Чтобъ не попасться турчину!»
 Матыясъ коня любимаго
 Береть, летитъ изъ города,
 Летитъ къ границамъ Угорскимъ.
 Матыясъ ждалъ войны,
 Шатеръ ему устроили:
 Онъ прибылъ — и раздался
 Далеко крики радости,
 И турки ихъ услышали.
 Матыясъ въ турецкомъ лагерѣ
 Съ бузатной саблей носится:
 Махнетъ бузатной саблею —
 И девяти головушекъ
 Враги недосчитаются.
 И снова по поднебѣско
 Летаетъ птица вѣщая:
 Вокругъ шатра проносится
 Три раза — и на яблоко,
 На золотое яблоко
 Шатра она спускается,
 Щебечетъ вѣсть печальную:
 «Съдай коня удалого!
 Ты о другихъ заботишься;
 Чужіе страны мѣряя,
 Забылъ свою сторонушку;
 А тамъ твои Аленчина
 Въ турецкій пѣднъ поналася:
 Разъ турки къ намъ прѣѣхали,
 Аленчину похитили.»
 Матыясъ отвѣтилъ вѣстниці:
 «Чѣмъ вѣсть свою докажешь ты?
 Нельзя меня испитывать,
 Шутя: винтовой мѣткою
 И правды донтаюся!»
 — «Зачѣмъ тебѣ испитывать!
 Возьми меня въ заложницы.»

Легко, какъ птичка вольная
 Съ земли на вѣтку прыгаетъ,
 Матыясъ взлетѣлъ на борзого —
 И вотъ понесся по полю,
 Быстрѣе, легче облачка,
 Въ свой замокъ крѣпкій, каменный,
 Въ свои палаты свѣтлыя.
 А всѣ его домашніе
 Слѣзая на встрѣчу съ волями,
 Со вздохами, съ рыданіемъ.
 Матыясъ сказалъ горюющимъ:
 «Не бойтеса: коронится
 Къ вамъ королева въ скорости.»
 Онъ туркомъ одѣвается:
 Береть онъ саблю свѣтлую,
 На саблѣ лента алая,
 Подъ плащомъ крестъ онъ вѣшаетъ,
 Береть коня удалаго.
 Несется конь, подковами
 Взбиваетъ пыль песчаную
 И сыплетъ искры яркія;
 Черезъ границы Угрии
 Летитъ далеко въ Турцію.
 Среди далекой Турции
 Растутъ три липы старыя:
 Подъ первой кони ставятся
 И къ ямскѣ турки рядятся;
 А подъ второю липою
 Торгуютъ бѣдной раею;
 Подъ третьей — пляшутъ весело.
 Матыясъ, сидѣвшій съ турками,
 Спросилъ нашу турецкаго:
 «Почемъ вы раю цѣните?»
 Паша турецкій весело
 Отвѣтилъ: «цѣны разныя:
 Есть рая по червонному,
 Есть рая и по талеру;
 А для того и задаромъ,
 Кто можетъ съ нами мѣряться
 Съ успѣхомъ въ молодечествѣ!»
 Подлѣзь въ карманъ за золотомъ
 Король Матыясъ, и, вынувши
 Червонецъ, по столу пустилъ;
 Червонецъ цѣлѣкъ три раза
 Обходить столь и падастъ
 Передъ пашой. Увидѣвши
 Червонецъ этотъ, съ радостью
 Паша замѣтилъ: «золото
 Чекана вѣсьмъ извѣстнаго
 Матыяса, враня Угрии.»
 Матыясъ на это холодно

Пашѣ отвѣтилъ: «истина!
 Я самъ его, голубчина,
 Убилъ и добылъ золотого!»
 И, знавъ подавни музакѣ,
 Идетъ онъ выбрать дѣвущку.
 И выбралъ онъ Аленчину,
 Аленчину любимую;
 Другъ другу руки подали
 И въ пляску вмѣстѣ пустилися.
 И кажетъ онъ ей перстень свой;
 Она въ отвѣтъ: «желанный мой!
 Давно я дожидалася
 Тебя, ждала — боялася.
 Мнѣ лстали всѣ невѣрныя...
 Тенерь пусть гладятъ бороды...»
 Матыясъ отвѣтилъ: «нѣ о чѣмъ
 Тенерь, мой другъ, кручиниться!
 Когда еще мы сдѣлаемъ
 Кружокъ и поравняемъ
 Съ конемъ моимъ, въ мгновение
 Я взброшу на сѣдо твое;
 Поскачемъ мы, но помни же:
 Какъ только вправо буди
 И кропнѣ невѣрныхъ саблею,
 Такъ ты на лѣво склонившись,
 Онигъ плясать пускаются,
 И только поровнялися
 Съ конемъ своимъ, въ мгновение
 Къ коню они бросаются
 И къ Савѣ мчатся молніей.
 И турки, осмотрѣвшись,
 Толпой за ними гонятся;
 Паша турецкій бороду
 Поглаживаетъ съ шутками:
 «Мнѣ то-же доводило
 Въ пѣднѣ у нихъ поскинывать!
 За это снимемъ голову
 Матыасу, а Аленчина
 На дою мнѣ достанется.»
 Матыясъ на обѣ стороны
 Слѣчетъ невѣрныхъ саблею,
 И также въ обѣ стороны
 Супруга уклоняется.
 Матыясъ сабля молніей —
 И какъ снопомъ за жинцею
 Ложется сѣдомъ по полю,
 Рядами разстлана
 Трава, косцомъ скошенная —
 Такъ въ Матыасомъ падають
 Рядами турки мертвые.
 И, доскакая до куницы,

Онъ кузнецу приказывать:
«Послушай! ты вѣдь славилься
Турецкой конкой лошади:
Гаскую коня немедленно,
И перекуй на изворотъ —
Передній шпиль назадъ поставь!»
Кузнецъ коня матыасова
Перековалъ наизворотъ.
Матыасъ рукою лѣвою
За конку платить, правую
Онъ сноситъ турку голову
И гонитъ въ Саву быструю
Кояа лихого, вѣрнаго.
Пригнувши въ Саву быструю,
Заржалъ ретивый, знаючи —
Что онъ несеть въ отечество
Матыаса и Алечинцу;
И ихъ чрезъ Саву быструю
Онъ вынесъ прямо въ Угрію.

М. Петровскій.

—

II.

АНСЕЛЬМЪ.

Въ свой садъ пошла она гулять —
Душистыхъ, алычъ розъ нарвать,
Букетъ для милаго связать.

И сорвала она: цвѣткъ
Душистой розы, поготовъ
И розмариновый листокъ.

Букетъ въ рукахъ ея дрожить:
Слезами скорби онъ омьтъ
И черной лентой перевить.

«Ансельмъ! въ живыхъ ты, или нѣтъ,
Услышь далекий мой привѣтъ!
Спѣши: готовъ тебѣ букетъ!»

Часы одиннадцать ужъ бьютъ —
И другъ желанный тутъ, какъ тутъ,
Стучится въ прежній свой пріютъ.

«Въ живыхъ ли, другъ мой, или нѣтъ,
Слѣшу къ тебѣ на твой привѣтъ —
Принять обѣщанный букетъ!»

Она въ свой домъ его ввела,
Руками крѣпко обвила
И въ поцалуѣ замерла.

Спѣша собраться какъ-нибудь,
Она спѣшитъ въ далекій путь,
Чтобъ послѣ съ милымъ отдохнуть.

И конь съ влюбленной четой
Летитъ пернатой стужей,
Вампата къ небу прахъ густой.

И вотъ съ возлюбленной своей
Ансельмъ несется средь полей —
И говоритъ тихонько ей:

«Послушай, мой бѣзданный другъ!
Тебѣ въ пути грозить испугъ:
Сейчасъ на мысль мнѣ впаало вдругъ —

«Что часто въ здѣшней сторонѣ,
При свѣтѣ звѣздъ и при лунѣ,
Мертвецъ блуждаетъ на конѣ!»

— «Чего бояться, милый мой?
Я ѣду смѣло — я съ тобой...
Да сидеть къ мертвому покой!»

«При свѣтѣ мѣсяца и звѣздъ
Короче дальній переѣздъ,
Среди пустынныхъ этихъ мѣстъ.»

Конь мчится — пламя и краса...
Мельвають дола и лѣса;
Въ звѣздахъ сияютъ небеса.

И снова молвить онъ: «мой другъ!
Тебѣ въ пути грозить испугъ:
Сейчасъ на мысль мнѣ впаало вдругъ —

«Что часто въ здѣшней сторонѣ,
При свѣтѣ звѣздъ и при лунѣ,
Мертвецъ блуждаетъ на конѣ!»

— «Чего бояться, милый мой?
Я ѣду смѣло — я съ тобой...
Да сидеть къ мертвому покой!»

«При свѣтѣ мѣсяца и звѣздъ
Короче дальній переѣздъ,
Среди пустынныхъ этихъ мѣстъ.»

Конь мчится — пламя и краса...
Мельвають дола и лѣса;
Въ звѣздахъ сияютъ небеса.

И въ третій разъ онъ молвить: «другъ!
Тебѣ въ пути грозить испугъ:
Сейчасъ на мысль мнѣ впаало вдругъ —

«Что часто въ здѣшней сторонѣ,
При свѣтѣ звѣздъ и при лунѣ,
Мертвецъ блуждаетъ на конѣ!»

— «Чего бояться, милый мой?
Я ѣду смѣло — я съ тобой...
Да сидеть къ мертвому покой!»

«При свѣтѣ мѣсяца и звѣздъ
Короче дальній переѣздъ,
Среди пустынныхъ этихъ мѣстъ.»

Конь мчится — пламя и краса...
Мельвають дола и лѣса,
Въ звѣздахъ сияютъ небеса.

Къ подножью черного креста
Примчалась юная чета...
Кругомъ кладбище — пустота...

Могила вскрылась подъ холмомъ:
Ансельмъ вошелъ въ свой тѣсный домъ
И вновь улѣся въ домъ томъ.

Она къ могилѣ подползла,
Ее слезами полила,
Пришла къ ней — и умерла.

М. Петровскій.

—

III.

ПРЕСТУПНИКЪ.

Въ ночь осеннюю, глубокую
Взялъ бѣднаго меня,
И, связавши крѣпко на крѣпко,
Посадили на коня.

До тюрьмы по полю чистому
Мчался конь какъ только могъ;

Тамъ быть сброшенъ я пандурами
И посаженъ подъ замокъ.

Въ подземельѣ томъ губительномъ
Было дарство вѣчной тѣмы:
Да избавить Богъ преступника
Отъ неволи и тюрьмы?

Солнце, мѣсяцъ, звѣзды яркія,
Хотъ бы разъ на васъ взглянуть?
И на Божій свѣтъ я выглянуть?
Отправляется въ дальній путь:

Снова по полю далекому
Волокли меня — везли,
Съ колесницы сняли траурной,
На подмоксти привели.

Тамъ толпа народа празднаго
Собралися посмотреть
На преступника нечестнаго,
На позоръ его и смерть.

Вотъ примѣръ вамъ, други, вѣдруги!
Не живите, братцы, такъ:
Не живите въ спорѣ съ совѣстью,
Такъ-какъ прожилъ я бѣднякъ!

Вотъ священникъ кончитъ исповѣдь
И палачъ передо мной...
Хочешь, нѣтъ ли — а приходится
Познакомиться съ петлей...

Лишь сороки бѣлобокія
Станутъ вокругъ меня летать,
Будри длинныя, измятые
Будутъ хохотъ и чесать.

Пусть слетятся змеи вѣроны,
А не ангелы съ небеса,
И растащатъ тѣло грѣшное,
Унесутъ въ дремучій лѣсъ!

Пусть растащатъ тѣло грѣшное,
Только, Господи, подай
Миръ душъ безсмертной въ вѣчность
И прими въ свой свѣтлый рай!

М. Петровскій.

IV.

СИРОТКА ЕРИЦА.

«Встань, вставай же, Ерица!
 Что воловь не гонишь ты
 Со двора на пастбище!»
 — «Подожди ты, матушка,
 Нѣтъ еще заутрени,
 Не проиѣлъ пѣтухъ еще!»
 — «Встань, вставай же Ерица!
 Что воловь не гонишь ты
 Со двора на пастбище!»
 Тотчасъ встала Ерица —
 И воловь гнала она
 Со двора на пастбище.
 «Здѣсь, волы, питаетесь!
 Забѣгу и къ матери
 На кладбище тихое...
 Отворишь, сира земли
 На могилѣ матери:
 Все тебѣ я выскажу,
 Свое горе выплачу!»
 И могила вскрылася;
 Ерица зашала,
 Говорила матери:
 «Матушка родимая!
 Мнѣ досталась мачиха
 Злая, нелюбимая:
 Не звантъ къ заутрени,
 Не поѣтъ пѣтухъ еще,
 Будить меня мачиха
 Гнать воловь на пастбище;
 При тебѣ лежала я
 На постелѣ прибраной
 До восхода соннышка.
 Матушка родимая!
 Мнѣ досталась мачиха
 Злая, нелюбимая:
 Хлѣбъ печетъ — зола одна,
 Посолить — пескомъ однимъ,
 Рѣжеть хлѣбъ жалючи
 Ломотками тонкими —
 Все сквозь нихъ видѣется —
 Да и то съ упреками.
 Ты кормила хлѣбушкомъ
 Бѣднымъ, не жалючи,
 Хлѣбъ тотъ масломъ задала,
 Подавала съ радостью.
 Матушка родимая!
 Мнѣ досталась мачиха

Злая, нелюбимая:
 Станетъ ли расчесывать
 Косу мою длинную —
 Растерѣбитъ до крови;
 Ты любила, матушка,
 Косу мнѣ расчесывать
 Тихо, гладко, съ ласкою.
 Матушка родимая!
 Мнѣ досталась мачиха
 Злая, нелюбимая:
 И постель не стелеть мнѣ,
 Не взобѣтъ, какъ слѣдуетъ;
 Не подушку мягкую —
 Тернъ кладетъ мнѣ въ головы,
 Одѣяло жесткое
 Все пескомъ посыпано;
 Ты вѣшала, матушка,
 Каждый день постель мою.
 Матушка родимая,
 Ты ужь не вернусь домой!»
 Говорить покойница
 Изъ могилы Ерицѣ:
 «Перебейся, Ерица!
 Уповай на Господа!»
 — «Матушка родимая!
 Не пойду я къ мачихѣ:
 Я съ тобой остануся,
 Лягу въ землю черную!»
 Опускалась Ерица
 На могилу матери,
 Опускалась, могила:
 «Лучше мать покойница,
 Чѣмъ живая мачиха!»
 Только это молвила
 И съ душой разсталася.

М. Петровскій.

—

V.

МОЛОДАЯ БРЕДА.

Бреда встала, чуть день загорѣлся;
 Она ходить по двору, бродить;
 Отперла высокое окошко,
 На равнину внизъ поглядѣла.
 Какъ взглянула на ровное поле,
 Видитъ мгла собирается надъ полемъ.
 «Встань-ка, встань, моя мать дорогая!
 Расскажи скорѣе, растолкуй мнѣ:

Отъ воды ли та мгла поднялася?
 Отъ горы ли она отъ высокой?
 Али тучу, полную градомъ,
 Изъ подъ неба къ намъ буря пригнала?»
 Мать печально съ постели вставала,
 Милой дочери своей говорила:
 «Не съ воды та мгла поднялася,
 Не съ горы она, не съ высокой,
 И не тучу, полную градомъ,
 Изъ подъ неба къ намъ буря пригнала:
 Это — коней турецкихъ дыханье;
 По землѣ идетъ оно мглою.
 Ихъ поля зеленая равнина.
 По тебѣ приѣхали турки.
 Отчего же ты такъ поблѣдѣла?»
 Отъ испугу Бреда поблѣдѣла,
 А отъ горя чувства потеряла.
 «Что скажу я тебѣ, мой мати:
 Не давай меня за-мужъ за чужого!
 Турокъ золъ, а свекрови еще злѣе:
 Слухъ идетъ по цѣлому краю,
 Что на свѣтѣ нѣтъ ей хуже.
 Восемь жонъ у сына уморила,
 И меня уморить захочетъ:
 Опонятъ въ винѣ какимъ зельемъ,
 Изведеть, отравитъ меня хлѣбомъ.»
 — «Ты послушай, дитя дорогое,
 Что скажу я тебѣ на это:
 Какъ захочетъ свекровь опонять-то,
 На зеленую траву вино вылей,
 Опрони на камень на стѣнѣ,
 Изъ котораго дѣлаютъ известъ;
 Поднесетъ она хлѣба да съ ядомъ,
 Ты отдай его щенку молодому.»
 Какъ застонетъ Бреда, заплачетъ,
 Своей матери такъ отвѣчаетъ:
 «Когда станешь приданое готовить,
 Станешь власть въ сундукъ мой любовный,
 Ты возьми мой бѣлый платочекъ,
 Положи въ сундукъ его сверху:
 Прежде всѣхъ мнѣ его будетъ нужно,
 Завязать чтобы на сердцѣ рану.»
 А еще Бреда говорила:
 «Что скажу тебѣ, милая мати!
 Какъ приѣдутъ сюда эти турки
 И на землю съ коней соскочатъ,
 Посади ты ихъ за столъ пообѣдать;
 Ты напои, накорми ихъ досыта.
 Какъ зачнутъ они напиваться,
 Станутъ сиранивать молодую Бреду,
 Тогда ты поиди за мной, мати,

И отдай меня злomu турку!»
 Стала мать приданое готовить,
 Стала власть въ сундукъ свой дубовый,
 Какъ наѣхали турецкіе сваты
 И на землю съ коней соскочили;
 Мать за столъ посадила ихъ обѣдать,
 Накормила ихъ, напоила.
 А какъ начали сваты напиваться,
 Еще стали просить они Бреду.
 Скоро мать по нее пошла,
 Отдавала ее злomu турку;
 За обѣдъ они ее посадили,
 Дорогое вино съ нею пили.
 Привели тутъ коня молодого;
 На коня того Бреда садится.
 Они скажутъ по ровному полю,
 Только вѣетъ вслѣдъ мгла густая
 Отъ дыханья коней турецкихъ.
 На бѣгу бредить конь спотыкнулся,
 Спотыкнулся, сѣдло повачудулось;
 А въ сѣдлѣ былъ вьнажалъ запрятанъ —
 Бредѣ въ сердце оное возникло.
 Молодой женихъ съ коня сходитъ,
 Съ коня сходитъ, самъ говоритъ сватамъ:
 «Эта мать моя сдѣлала злодѣйка!
 Восемь жонъ у меня уморила,
 И теперь уморить хочетъ эту;
 Везъ нея я живъ не остануся!»
 Молодой женихъ продолжаетъ,
 Слугѣ милому приказъ отдаетъ оный:
 «Что скажу тебѣ, слуга мой проворный:
 Ты поправь сѣдло милой Бредѣ.»
 А слуга на отвѣтъ ему молвитъ,
 Говоритъ, жениху понерешитъ:
 «Кто недавно паловалъ Бреду,
 Тотъ мускай и сѣдло поправляетъ.»
 Жениха къ себѣ Бреда подзываетъ:
 «Женихъ милый, что тебѣ скажу я!
 Ты поди отвори сундукъ мой,
 Ты достань мнѣ тамъ бѣлый платочекъ:
 Завяжу я платкомъ этимъ рану.»
 А еще Бреда говорила:
 «Ты скажи мнѣ, женихъ ты мой милый,
 Далеко ль до города осталосъ?»
 — «Не горюй, дорогая Бреда!
 Скоро кончатся наши невзгоды:
 Вотъ ужь видна золотая стѣйла,
 И серебряны видны ворота.»
 И слѣпать они по ровному полю,
 Будто птица въ воздухѣ несется,
 Только вѣетъ вслѣдъ мгла густая

Отъ диханья коней турецкихъ.
 Какъ прѣехали они въ бѣлый городъ,
 То на землю съ коней соскочили;
 Ихъ свекровь во дворѣ дождалася;
 Молодой она Бредаговорила:
 «Далеко по нашему краю
 О твоей красотѣ слухъ несется;
 Но лицо твое не столько румяно
 Какъ молва о немъ ходитъ по свѣту.»
 Вотъ поитъ она молодую Бреду,
 Пирогомъ ее угощаетъ:
 «Станешь пить ты краснаго вина,
 Разцвѣтитъ лицо твое румянцемъ;
 Станешь ѣсть пироги мои бѣлыхъ,
 Снова будешь ты бѣлѣе снѣгу.»
 Бреда пить вино не стала,
 На зеленую траву проливала,
 Опрокинула на камень на сѣрый,
 Изъ котораго дѣлаютъ известь —
 И въ минуту трава погорѣла,
 И въ минуту камень распадася;
 А пирогъ отдала собацѣ —
 И собака околѣла на мѣстѣ.
 Говорила Бреда свекрови:
 «Что скажу тебѣ, немилая свекровка!
 Далеко по нашему краю
 О твоей слухъ несется о злости;
 Только злость твоя хуже гораздо,

Чѣмъ молва о ней ходитъ по свѣту.
 Восемь жюнь ты у сына уморила,
 И меня опить захотѣла,
 Въ пирогъ подала мнѣ отраву.»
 Мѣсяцъ Бредаговорила:
 «Ты послушай, что скажу тебѣ, милый!
 Гдѣ пріютъ для меня въ твоёмъ домѣ?
 Гдѣ покою мой писанный — снальня?
 Гдѣ постель у тебя послана мнѣ?»
 А свекровь говорить ей на это:
 «Никогда мнѣ на мысль не впадало,
 Чтобы гдѣ-нибудь былъ такой обычай,
 Чтобы гдѣ молодая невѣста
 Для себя бы покою попросила
 И постель бы свою посмотрѣла.
 Только есть у насъ такой обычай,
 Что невѣста за печками смотритъ.»
 Какъ повелъ женихъ ее въ снальню,
 Показалъ онъ ей двѣ постели.
 Бреда въ бѣлую постелью ложилася,
 Развазала на сердцѣ рану
 И въ послѣдній разъ говорила:
 «Лейся, лейся, кровь, ты изъ сердца!
 Я пошла тебя къ матери милой,
 Ей на память по мнѣ отошла я.
 Про меня ужъ она не услышитъ
 И меня самой не увидитъ.»

В. В.

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

I. ЧЕШСКІЯ.

ЛЮБУШИНЪ СУДЪ.

Гой, Встава! что ты волны мутить,
 Сребропѣнница что мутить волны?
 Подыла ль тебя, Встава, бури,
 Разогнавъ съ небесъ широкихъ тучу,
 Оросивши главы горъ зеленыхъ,
 Размѣтавши глину золотую?
 Какъ Встава не мутиться нынѣ:
 Разлучились два родные брата,
 Разлучились и враждуютъ крѣико
 Межь собой за отчье насѣдье:
 Лютый Хрудощъ отъ кривой Отавы,
 И Стаглава и Хрудоща братьевъ,
 Оба брата, Кленовичи оба,
 Оба Тетвы славнаго потомки,
 Попелова сына, иже прибылъ
 Въ этотъ край богатый и обильный
 Черезъ три рѣки съ полками Чеха.
 Прилетѣла сизая касатка,
 Отъ кривой Отавы прилетѣла,
 На окошѣ сѣла на широкое,
 Въ золотомъ Любуши стольномъ градѣ,
 Стольнымъ градѣ, свѣтломъ Вышеградѣ,
 Зароптала, зарипдала горько.
 Какъ сестра касатки той родная
 Эти рѣчи въ домѣ услышала —
 Позвала княжну Любушу въ городъ

Учинить великую расправу,
 Звать на судъ ея обоихъ братьевъ
 И рѣшить ихъ дѣло по закону.
 Шлетъ пословъ княжна изъ Вышеграда
 Святослава кликать изъ Любуши,
 Отъ Любуши бѣлой и дубравной;
 Лютобора витязя, что правилъ
 На холмѣ широкомъ Доброславскомъ,
 Гдѣ Орлицу пѣть сивля Лаба;
 Ратибора съ Керконошъ высокихъ,
 Гдѣ дракона ярый Трутъ осилитъ;
 Радована съ Каменнаго Моста,
 Ярожира отъ вершинъ ручьиныхъ,
 Стрѣзбора отъ Сазани владичи,
 Саморода съ Мжи среброносной,
 Кметовъ, леховъ и владикъ великихъ, *)
 И Стаглава и Хрудоща братьевъ,
 Что за отчину враждуютъ крѣико.
 Какъ собрались леги и владичи
 Въ Вышеградѣ у княжны Любуши,
 Всякой стать по сану и по роду.
 Къ нимъ тогда княжна въ одеждѣ бѣлой
 Вышла, сѣла на престолѣ отчемъ,
 На престолѣ отчемъ, въ славномъ сеймѣ.
 Вышли двѣ разумныя дѣвичи,

*) Кметъ — близкій человѣкъ къ князю, его совѣтникъ.
 Лехъ — богатый владѣтель, правитель; отъ нихъ впоследствии
 произошла магната. Владика — владѣтель небольшого
 участка, малой дворяннѣ. Изъ нихъ образовалось рыцар-
 ство и среднее дворянство. Леги и владичи могли быть кме-
 тами, не переставая носить прежнее названіе.

Съ мудрыми судейскими рѣчами;
 У одной въ рукахъ сжижали правды,
 У другой же мечъ, каратель кривды;
 Передъ ними пламень правдоуистинкъ,
 А за ними воды очищены.
 Начала княжна такое слово
 Съ золотого отчаго престола:
 «Гой вы, кметы, дехи и владыки!
 Разсудите братьевъ по закону,
 Разсудите братьевъ, чѣдъ враждуютъ
 Межь собой за отчье насъядье.
 Вы скажите намъ святую правду
 Отъ боговъ всебѣднѣвъ присносущихъ:
 Вмѣстѣ ль стануть безъ раздѣла править,
 Или на части равныя раскинуть.
 Гой вы, кметы, дехи и владыки!
 Приговоръ мой разрѣшите нынѣ,
 Коди вамъ по разуму придется;
 А не то — законъ поставите новый:
 Да рассудить разлученныхъ братьевъ.»
 Поклонились дехи и владыки,
 И пошли про это разговоры,
 Разговоры тихіе межь ними,
 Въ похвату рѣчей княжны Любуши.
 Лютоборъ, чѣдъ проиывалъ далече,
 На холмѣ широкомъ Доброславскомъ,
 Встагъ и началъ къ ней такое слово:
 «О, княжна ты нама въ Вышеградѣ,
 На златомъ отеческомъ престолѣ!
 Мы твое рѣшенье расзудили;
 Принажи узнать народный голосъ.»
 И тогда собрали по закону
 Дѣвы-судьи голоса народа,
 И въ сосудъ священный положивши,
 Лехамъ даи прокривчатъ на вѣдѣ.
 Радованъ отъ Каменнаго Моста
 Голосъ народа перечисляя
 И ко всемъ сваазалъ рѣшенье сейма:
 «Силомъ враждующіе Клена,
 Оба Тетвы славнаго потомки,
 Попелова сына, иже прибылъ
 Въ зыотъ край богатый и обильный
 Черезъ три рѣки съ полками Чеха!
 Ваше дѣло такъ рѣшилось нынѣ:
 Управляйте вмѣстѣ безъ раздѣла!»
 Встагъ тутъ Хрудонъ отъ кривой Отавы,
 Закинула жель въ его утробѣ,
 Весь во гнѣвъ лютомъ онъ затрясая
 И, махнувъ могучею рукою,
 Заревѣлъ къ народу ярмѣ туромъ:
 «Горе, горе молодымъ гнѣятамъ,

Коль ехидна въ ихъ гнѣздо вотрется!
 Горе мужу, еси онъ попуститъ
 Управлять собой женѣ строгитиной!
 Мужу должно обладать мужами,
 Первородному итеть насъядье!»
 Подналася Любуша на престолѣ,
 Молва: «кметы, дехи и владыки!
 Мой позоръ свернися передъ вами —
 Такъ творите жъ нынѣ судъ и правду
 Межь собою сами по закону:
 Править вами не хочу я болѣ!
 Изберите мужа, да приметъ
 Власть надъ вами онъ рукою желѣзной,
 А рукъ моей, рукъ дѣвичьей,
 Управлять мужами не подь-силу!»
 Ратиборъ, чѣдъ съ Керконошъ високныхъ,
 Встагъ и къ сейму рѣчь такую началъ:
 «Намъ не слѣдѣ искать у вѣмнѣвъ правды,
 По сватымъ у насъ законамъ правда:
 Принесли ту правду наши предки
 Черезъ три рѣки на эту землю.»

Н. БЕРГЪ.

СЕЙМЪ.

.....
 Велятъ отецъ надъ челядью владыча:
 Мужи памутъ, жоны шьютъ одѣжу;
 А умереть глава, начальникъ дома —
 Дѣти вмѣстѣ начинаютъ править
 И становятъ надъ собой владыку,
 Чѣдъ за нихъ всегда на сейми ходитъ;
 Вмѣстѣ съ нимъ для пользы братій ходятъ,
 Ходитъ кметы, дехи и владыки.
 Встаги кметы, дехи и владыки;
 Похвалили правду по закону.

Н. БЕРГЪ.

III.

ПЪСНИ ПОДЪ ВЫШЕГРАДОМЪ.

Гой ты, солнце ясно,
 Вышеградъ нашъ крѣпкій!
 Чѣдъ стоишь високо
 Твердою твердиной,

Твердою твердиной,
 Страхомъ супостату!
 Подъ тобою рѣчка
 Быстры волны катить,
 Подъ тобою рѣчка,
 Ярая Влтава.
 Вызиво той Влтавы,
 Той Влтавы чистой,
 Выросла дубрава —
 Лѣтняя прохлада.
 Весело тамъ пѣсни
 Соловей заводитъ,
 Солово и смутно:
 Какъ его сердечко
 Сважаетъ и прикажетъ.
 Ахъ! зачѣмъ не иташка
 Я, не соловеяка!
 Полетѣлъ бы въ поле:
 Тамъ, въ широкомъ полѣ,
 Вечерами поздно
 Милая гузаетъ.
 Всѣхъ объ эту пору,
 Всѣхъ любовь тревожитъ;
 Всякое создание
 Въ часъ вечерній проситъ
 У любви отрады.
 Такъ и я, бѣднага,
 Все тужу по милой.
 Сжался, дорогая,
 Ты надъ горемъ мой!

Н. БЕРГЪ.

IV.

КРАЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ. *)

1.

ОЛЬДРЪХЪ И БОЛЕСЛАВЪ.

..... въ глѣсъ дремучій,
 Гдѣ владыки собирались вмѣстѣ,
 Семъ владыкъ съ дружинами своими.

Выгонѣ-Дубѣ въ ночную темнѣтъ прибылъ,
 Со своими прибылъ молодцами:
 Было съ нимъ сто воиновъ отважныхъ
 И у всѣхъ въ ножахъ мечи гремѣли;
 Сто мечей начеено будатныхъ,
 Сто денщицъ могучихъ на-готови;
 Удалыи владыкъ вѣрно служатъ.
 Вотъ пришли они въ средину глѣса,
 Стали въ кругъ; другъ-дружѣи руки даги,
 Разговоры тихіе заводятъ.
 Было время за-полночь гораздо.
 Утро сѣрое ужъ было близко.
 Выгонѣ молвилъ тихо князю Ольдрѣ:
 «Гой еси ты князь и воинъ славный!
 Богъ вложилъ въ теби и мощь и крѣпость,
 Въ буйну голову даи разумъ свѣтлый:
 Такъ вели жъ насъ на поляхъ свирѣпыхъ!
 За тобою послѣдуюмъ мы вѣдоу:
 Взадъ, впередъ, направо и налѣво,
 Гдѣ ты будешь въ ярой битвѣ бится.
 Ну зажди жъ ты въ сердцѣ нашемъ храбростѣ!»
 Князь беретъ могучею рукою
 Длинный прапоръ: «Такъ за мною, братья,
 На поляхъ, враговъ родного края!»
 Волгѣ за княземъ двинулись владыки,
 Восемь всѣхъ, и было съ ними войска
 Триста парней добрыхъ, да полсотни.
 Всѣ они собрались, гдѣ поляне
 Сонные, раскинувшись, лежали;
 Становились у опушки глѣса.
 Прага все еще во снѣ молчала;
 Парь клубился надъ рѣкой Влтавой;
 А за Прагой ужъ синѣли горы
 И востокъ за ними затерялся.
 «Въ долъ за мною, только тихо, тихо!»
 Вся дружина скрылася въ Прагѣ сонной,
 Спрятавши оружье подъ одѣжу.
 На зарѣ пастухъ подходитъ къ замку
 И кричитъ, чтобъ отперли ворота.
 Услыхавъ его изъ зѣмка, сторожъ
 Отворилъ ворота чрезъ Влтаву.
 Пастырь всходитъ на мостъ, громко трубить;
 Ольдрѣхъ высочилъ и съ нимъ владыки,
 Семъ владыкъ и всякъ съ народомъ ратными.

*) Часть открытій «Краледворской рукописи» принадлежатъ известному чешскому поэту Вячеславу Вячеславову Гавѣ. Осенью 1847 года онъ отправился въ городъ Краде-Доръ, съ цѣлю извѣдыванія древнихъ памятниковъ чешскаго языка. Здѣсь онъ познакомился съ напавшемъ Борчемъ, который разсказалъ Гавѣ, что въ складѣ тамошней городской церкви находится много разныхъ древнихъ рукописей. Гавка немедленно пошелъ туда и, среди всякаго

хлама и бумажъ временъ Жижки, открылъ рукопись, которая впоследствии сдѣлалась известна подъ именемъ «Краледворской». Эта рукопись представляетъ часть цѣлаго значительнаго собрания древне-чешскихъ стигилотороній. Она сохранила очень хорошо и читается безъ особеннаго труда. Доброслѣднѣе полагаетъ время явленія рукописи между 1290 и 1310 годами. Другіе говорятъ, что она явилась раньше.

Бубны-трубы загремѣли разомъ;
 На мосту завѣяли хоругви;
 Мостъ загрязня, какъ пошла дружина.
 Обузав поляны внезапный ужасъ.
 Вотъ они оружіе схватили;
 Вотъ вадьяки стали съ ними биться;
 Но поляне скоро заматались
 И толпами бросились къ воротамъ,
 Убѣгая отъ рѣзни жестокой.
 Самъ Господь намъ даровалъ побѣду!
 И одно встаетъ на небѣ созвѣзье —
 Яроміръ опять встаетъ надъ нами!
 Разнеслася по цѣлой Прагѣ радость,
 И кругомъ-то Праги разнеслася,
 По всему-то полетѣла краю,
 По всему ли краю отъ той Праги.

2.

БЕНЕШЪ ГЕРМАНИЧЪ.

Гой ты, солнце наше красно!
 Что съ лазоревыхъ высотъ
 Нынѣ такъ печально светишь
 Ты на бѣдный нашъ народъ?

Гдѣ нашъ князь? гдѣ людъ военный?
 Къ Отту, къ Отту всѣ уши...
 Кто жь прогонитъ вражью силу
 Изъ отеческой земли?

Идутъ нѣмцы длиннымъ строемъ —
 То саксонскъ злая рать;
 Отъ вершинъ Згорѣльскихъ древнихъ
 Идутъ край нашъ воевать.

Злато-сѣребро собирайте,
 Будьте щедры и добры:
 Скоро жечь придутъ злодѣи
 Наши хаты и дворы.

Все пожгли враги, побрали
 Злато-сѣребро изъ хатъ
 И стада угнали наши;
 Къ Троскамъ далѣе сибѣнать.

Не тужите, добры люди:
 Встанетъ гранушка въ поляхъ,
 Чтѣ саксоны пригоняли,
 Проскакавши на коняхъ.

Уберите же вѣнчани
 Избавителя чело!
 Зелень выросла на нивахъ,
 Все по-старому пошло.

Скоро минетъ наше горе:
 Бенешъ Германчъ идетъ,
 Биться на-смерть съ супостатамъ
 Призываетъ свой народъ.

Вотъ собрались наши люди
 Подъ Скалой въ лѣсу густомъ,
 И пошли на бой кровавый
 Кто съ бузатамъ, кто съ цѣномъ.

Бенешъ, Бенешъ передъ нами!
 Всѣ бѣгутъ во слѣдъ ему.
 «Горе нѣмцамъ!» Бенешъ крикнулъ:
 «Нѣтъ пощадъ никому!»

Закригѣли глѣвомъ лютымъ
 Въ битвѣ обѣ стороны;
 Зволновались утробы;
 Очи злобой зажжены.

Набѣжали другъ на друга
 И давай колотъ и сѣчь:
 Коломъ колъ тяжелый встрѣченъ,
 Зацѣпилися мечъ за мечъ.

Страшно рать на рать валяла,
 Словно лѣсъ помошь на дѣсь;
 Отъ мечей летѣли искры,
 Будто молнія съ небесъ.

Нивы стогомъ застояны;
 Веположило всѣхъ звѣрей,
 Веположило волянхъ пшанекъ
 Средь лѣсовъ и средь полей.

До вершини ажко третей
 Слышно было жаркй споръ,
 Копья съ саблями трещали,
 Словно падалъ ветхй боръ.

Такъ стояли оба войска,
 Сѣвши крѣпко на лату —
 И пришло отъ лютой битвы
 Тѣмъ и тѣмъ не въ-моготу.

Въ гору Германчъ ударить;
 Что махнеть мечомъ своимъ —
 Цѣлой улицей ложится
 Вражья сила передъ нимъ.

И направо, и налѣво
 Такъ и стелетъ онь народъ;
 Поднялся — и опустата
 Сверху камнями онь бѣдетъ.

На широкой долѣ сбѣжали
 Мы олятъ съ холмовъ крутыхъ;
 Завопили нѣмцы, дрогнувъ:
 Мы пошли — и смали ихъ!

3.

ЯРОСЛАВЪ.

Разскажу я славную вамъ повѣсть
 О бояхъ великихъ, лютыхъ браняхъ;
 Собирайте вы свой умъ да разумъ:
 Нынѣ будетъ вамъ чего послушать!
 Тамъ, гдѣ править Оломучъ землями,
 Невсокая гора поднялася;
 Называютъ гору ту Гостайномъ;
 На ея вершинѣхъ христіанамъ
 Чудеса творила Божья Матерь.
 Долго, долго жили мы въ покоѣ;
 Было все кругомъ благополучно;
 Да поднялася отъ востока буря,
 А поднялася ради дщери хавской,
 Чтѣ за злато нѣмцы погубили,
 За жемчугъ, за дѣроти каменя.
 Дочь Кублая, красотой чтѣ мѣсяць,
 О земляхъ на западѣ узнала,
 И узнала, что въ нихъ много люду:
 Собиралася въ дальнюю дорогу
 Поглядѣть житье-бытье чужое.
 Съ нею десять юношей срядилось,
 Да еще двѣ дѣвы молодыя.
 Было все потребное готово.
 Тутъ они на быстрыхъ сѣли коней
 И свой путь по солнышку держали.
 Какъ заря передъ восходомъ бѣшетъ
 Надъ густыми темными лѣсами,
 Такъ бѣстѣла дочь Кублая хана,
 Красотой бѣстѣла и нарядомъ:
 Золотой она нарчей покрывалася,
 Лебедину шею обнажила,

Дорогимъ увѣшавалася каменьямъ.
 Хавской дочери дивились нѣмцы,
 На ея сокровища подѣстались;
 Выхидать засѣли на дорогѣ —
 И въ лѣсу Кублаеву убили,
 Все богатство хавское побрали.
 Какъ про то услышалъ ханъ татарскй,
 Чтѣ съ его Кублаевой случилася,
 Собиравъ несметныя онь рати,
 И пошолъ, куда уходитъ солнце.
 Короли на западѣ узнали,
 Чтѣ Кублай готовится ударить,
 Перемолвились, набрали войско
 И поѣхали на встрѣчу къ хану;
 Становили станъ среди равнинъ,
 Становили, поджидали хана.
 Вотъ Кублай собираетъ чародѣевъ,
 Звѣздочетовъ, знахарей, шамановъ,
 Чтѣбъ они рѣшили ворожбою,
 Будетъ ли, не будетъ ли побѣда.
 Притенли толпами чародѣи,
 Звѣздочеты, знахари, шаманы;
 Разстучившись, кругомъ становились,
 Положили чорный шестъ на землю,
 Разложили на-двое, назвали
 Половину именемъ Кублая,
 А другую назвали врагами;
 Стародавнія заплѣли пѣсни.
 Тутъ шести затѣлили сраженье:
 Шестъ Кублай вышелъ цѣль изъ бою.
 Зашумѣли въ радости татары,
 На коней садились ретивыхъ —
 И риданы становилось войско.
 Христіане ворожбы не знали,
 А пошли на басурмановъ просто:
 Сколько силъ, столько и отваги!
 Загремѣла первая тутъ битва:
 Заложидан стрѣламъ, будто ливень,
 Трескъ отъ копій, словно рокотъ грома,
 Бѣсскъ мечей, чтѣ молнія изъ тучи.
 Обѣ стороны рубились крѣпко
 И одна другой не уступала.
 Вдругъ татары шатнули христіане
 И совсѣмъ бы смали супостатовъ,
 Да пришли къ нимъ чародѣи снова
 И шесты народоу показали.
 Тутъ опять татары разъярились,
 Въ христіанъ ударили свирло
 И погнали ихъ передъ собою,
 Словно пѣсъ испуганнаго звѣря.
 Здѣсь шелоу, тамъ щитъ жѣлѣзній бромешъ!

Тамъ несется конь съ вождемъ убитымъ,
 Что поюю въ стремени повиснулъ;
 Здѣсь одинъ воще съ врагами бѣтѣся,
 Тамъ другой помилованья просить.
 Такъ татары были крѣпки въ битвѣ,
 Что наложи съ христіанъ собрали
 И два царства отняли большія:
 Старый Кіевъ до Новгородъ людий.
 Выростало горе на доливахъ;
 Весь народъ сходился христіанскій,
 Собирались ихъ четыре войска;
 Звали снова басурмановъ къ бою.
 Въ этотъ разъ татары взяли вправо,
 Словно туча съ градомъ надъ полями,
 Что грозить богатымъ урожаемъ:
 Издалеча рати такъ шумѣли.
 Вотъ и угры сдвинули дружины
 И грозой пошлал на суностата,
 Да напрасни мужество и храбрость,
 Молодецкая напрасна доблесть:
 Одоубили дикіе татары,
 Разметали угорское войско,
 Цѣлый край мечомъ опустошили.
 Христіанъ покниуда надежда!
 Было горе, всѣхъ горѣе горе.
 Милосердому взмолились Богу,
 Чтобы спасъ ихъ отъ татаръ свирѣпыхъ:
 «Господи! возстань въ своемъ Ты гнѣвъ,
 Отъ враговъ Ты намъ защитой буди,
 Что совѣмъ стугили наши души:
 Рѣжутъ насъ, какъ ярый полкъ овечекъ!»
 Вой потеряли и другой потерявъ.
 Въ Землю Польскую пришли татары,
 Положили все, что было близко,
 Додрались до града Оломуца.
 Тяжкая бѣда кругомъ вставала:
 Брали верхъ поганые татары.
 Бьются день, другой дерутся крѣпко;
 Никуда не вышлится побѣда.
 Вотъ невѣрныхъ рати разрослися,
 Будто тма вечерня подь осень.
 Посрединѣ ихъ рядовъ нечистыхъ
 Колебалися христіанъ дружины,
 Продираясь ко святой часовнѣ,
 Гдѣ сѣдился чудотворный образъ.
 «Ну, за мною, братья!» такъ воскликнулъ,
 Въ шитъ мечомъ греми, Внеславъ могучій,
 И хоругвь надъ головами подиалъ.
 Всѣ метнулись, какъ одно тѣло,
 На татаръ ударили жестоко,
 И, какъ пламень изъ земли, пробилися

Вонъ изъ долины нехристей поганыхъ.
 На пятахъ они поднялися въ гору,
 У подошви развернули рати,
 А въ долину стали вострымъ клинкомъ.
 Тутъ покрылися тяжкими щитами,
 Сиравы, сѣбны, и большія щиты
 Взбросили на могучныя плечи
 Другъ во другу: задніе переднимъ.
 Тучи стрѣлъ летѣли въ басурманство.
 Только ночь остановила битву,
 Разоставшись по землѣ и небу;
 Тѣмъ и тѣмъ она закрыла очи,
 Что, враждой раскалени, горѣли.
 Той порой, во мракѣ, христіане
 Навалили подь горою насыпь.
 Какъ заря блеснула на востокѣ,
 Закупили орды суностатовъ,
 И кругомъ ту гору обступили:
 Не видать конца подкамъ несметнымъ!
 На коняхъ нима тамъ кружили
 И на длинныя вѣтвиали щиты
 Головы отъ труновъ христіанскихъ
 И носили предъ наметомъ ханскимъ.
 Собралися въ кучу всѣ ихъ силы,
 Къ одному они шатнулись боку
 И полѣзли по горѣ на нашихъ,
 Огласила крикомъ всю окрестность,
 Ажно долъ и горы загудѣли.
 Христіане поднялися на насыпь;
 Божья Матерь силу въ нихъ вложила:
 Натанулися ихъ тугіе луки,
 Ихъ мечи бузатные сверкнули —
 Отступили отъ холма татары.
 Разъярился людъ ихъ некрещенный;
 Завинило сердце хана гнѣвомъ.
 На три полчища разбился таборъ,
 Съ трехъ сторонъ облавили ту гору;
 Тутъ скатили христіане бревна,
 Двадцать бревентъ, сколько тамъ ихъ было,
 И за валомъ ихъ сложили въ кучу.
 Подбѣжали къ насыпи татары,
 Въ облака ударилися ихъ вопли
 И хотѣли вражди дѣти насыпь
 Раскидать, но бревна покапалися:
 Какъ червей прильсюнду туть нехристь
 И еще давило ихъ въ долины.
 Тѣ и тѣ годѣмъ рубилися долто,
 Только ночь остановила битву.
 Господи! Внеславъ сражонъ могучій
 И на землю съ насыпи свалился.
 Одолѣло горе наши души,

Исупнила жадда всѣ утробы,
 Язпки съ трахи лизали росоу.
 Вечеръ те гнѣ былъ передъ ночью холодной,
 Послѣ ночь смѣнялася утрою сѣрымъ.
 Смирно было въ станѣ суностата.
 Разгорѣлся день передъ полуднемъ:
 Христіане надали отъ жажды,
 Рты свои сухіе отворили,
 Хриплимъ голосомъ молилися Дѣвѣ,
 Истомленныя подиавши очи,
 Заломивши руки въ лютую скорби;
 Жалостно съ земли смотрѣли въ небо.
 «Намъ не въ мочь терѣть такую жажду,
 Отъ нея не въ силахъ мы рубитися!
 Кто не смерти, живота желаетъ:
 Дождайся милости татарской!»
 Такъ одинъ сказалъ, а другіе:
 «Лучше сплнуть отъ меча намъ, братья,
 Чѣмъ отъ жажды на холмѣмъ издохнуть!
 Хотѣ въ плѣну бы намъ воды напиться!»
 «Такъ замново якъ нимъ! Востонъ воскликнулъ:
 Коль такъ вы, братья, говорите,
 Коль измучилися отъ жажды лютой!»
 Тутъ свирѣпымъ туромъ на Вестона
 Вратиславъ ударилъ и за плечи
 Онъ потрясъ его рукою мощной:
 «Ахъ ты змѣй, предатель опаленный!
 Погубить людей ты хочешь добрыхъ!
 Чѣмъ бы милости просить у Бога,
 Ты зовещъ ихъ въ мерзкую неволю.
 Не ходите, братья, на погибель!
 Вѣдь ужъ зной мы тяжкій переживи:
 Въ ярий полдень Богъ намъ силы подаде;
 Онъ еще подасть, коль вѣрнѣе будемъ.»
 А такіа рѣчи неогребни
 Тѣмъ, кого зовутъ богатырями!
 Пусть мы сгинемъ здѣсь отъ жажды лютой:
 Эта смерть отъ Бога будетъ, братья!
 А мечамъ невѣрнымъ отдадимся:
 Руки сами на себя наложимъ.
 Неудобна Господу неволя:
 Смертный грѣхъ въ аремъ идти охотой.
 Кто такъ мыслить — тотъ за мною, мужи,
 Тотъ за мною ко святой иконѣ!»
 Двинулися къ часовнѣ христіане:
 «Господи! возстань въ Своемъ Ты гнѣвъ!»
 Дай смиритъ намъ силы суностата,
 Высудилъ моленіе Ты наше!
 Мы отвоюю стигнутыя врагами:
 Изъ оковъ нечистыхъ насъ Ты вырви
 И улажь росою намъ гортани!

И Тебя ми словохонитъ стапемъ!
 Совруши Ты нашихъ суностатовъ,
 Да не придуть нехристи во-вѣкъ!»
 Гудъ — ужъ тучка въ раскалени небо!
 Летятъ вѣтры, слышнень рожонъ грома;
 Разостлалися облака по небу,
 Мечутъ молніи на станъ татарскій,
 Странный ливень рвы холма наполнилъ.
 Миновала буря. Идутъ рати
 Изю всѣхъ вѣтровъ, слышнень рожонъ громи,
 Къ Оломуцѣ вѣютъ ихъ хоругви;
 Тяжкіе мечи гремятъ у бѣдеръ;
 На плечахъ колчани со стрѣлами,
 А на буйныхъ головахъ шлемомъ;
 Счащуть-плануть ретивые кони.
 Завенѣли вдругъ ротъ лѣсныи,
 Бруби-трупы раздалися въ полѣ:
 Закипѣла яростная битва.
 Стадо темно межъ землей и небомъ —
 И была послѣдняя то схватка!
 Звонъ и стукъ пошолъ отъ сабель вострыхъ,
 Заснигнѣли стрѣлы каленыя;
 Ломъ отъ коней, трескъ отъ шикъ тажолыхъ,
 И молитвы посрединѣ битвы,
 Плачь, тревога — и веселья много!
 Кровь лилася ручьями дождеными;
 Что въ лѣсу деревьямъ, было трупомъ.
 У того мечомъ разрубленъ черепъ,
 У того не стало рукъ по плечи,
 Тотъ съ коня валитися черезъ брата,
 Тотъ врага, остервенясь, ломаетъ,
 Словно буря на скалахъ деревья;
 У иного мечъ торчитъ изъ реберъ,
 А тому отнесъ татаринъ ухо.
 Ухъ! кругомъ поспанилался воили:
 Христіане биты, побѣжани;
 Гонятъ ихъ поганые татары.
 Но смотрите: Ярославъ несется,
 Что орелъ летитъ, могучій витязъ;
 На груди его желѣзный панцирь,
 А подъ нимъ отвага и удача;
 Подъ шлемомъ крѣпкимъ разумъ быстрый,
 А въ очахъ праяръ гнѣвъ и ярость;
 Расходился, будто левъ косматый,
 Что, поучивъ запахъ теплой крови,
 Равенный, бѣжитъ за челоукомъ.
 Такъ отъ мчался, лютый, на татарство.
 Чехъ съ нимъ, то градъ изъ темной тучи.
 Онъ на сына ханскаго нагрннулъ —
 И борьба межъ ними закипѣла:
 Пигами тилолами сразилися —

Да сломились пики у обонях.
Ярославъ съ конемъ окровавленнымъ
Ринулся, махнулъ мечомъ широкимъ
И разнесъ Кубланча до брѣха.
Палъ Кубланчъ бездыханнымъ трупомъ,
Глухо звякнувъ на плечахъ колчатамъ.
Васурмане всё оторопили,
Пометали саженины копыя —
И кто могъ пустился по долинѣ
Въ тѣ края, отколь приходитъ солнце.
И враговъ татаръ не стало въ Ганѣ.

4.

ЧЕСТМИРЪ И ВЛАСЛАВЪ.

Князь Некланъ велитъ сражаться
Словомъ княжескимъ къ походу
Противу Власлава.
Собрались, встали рати,
Собрались по слову князя,
Противу Власлава.

Чувались Влаславъ побѣдой
Надъ Некланомъ, славнымъ княземъ,
И вносилъ огонь и мечъ
Онъ въ Некланови предѣлахъ;
И своимъ удачамъ людямъ
Онъ признавалъ надъ княземъ
Непотребно издѣваться.
«Чмиръ, веди мои дружини!
Все ругается надъ нами
Князь Влаславъ, нашъ врагъ надменный!»
Чмиръ встаетъ, веселый духомъ,
И спинаетъ щитъ свой черной,
Что съ двумя зубами *) схватилъ,
Да беретъ тязолой молотъ
И шелою несокрушимый;
А потомъ богамъ приноситъ
Подо всё деревья жертвы. **)
Громкимъ голосомъ онъ крикнулъ:
Рати строятся рядами.
Вотъ пошли передъ зарею;
Цѣлый день въ походѣ были;
Шли, когда и солнце сѣло.

*) Думаютъ, что это былъ щитъ на двухъ ножкахъ съ железными остриями, которыми выкалывалъ въ землю, когда воины готовились отравить врага.

**) Такъ было обрядъ жертвоприношенія у древнихъ чешей.

Шли они на холмъ высокой.
Дымъ отъ сѣль валить клубами;
Въ сѣлахъ жалобные вошны.

«Кто спалилъ тѣ сѣла?
Кто принесъ вамъ слѣзы?
Не Влаславъ ли гордый?
Больше онъ не будетъ
Храбровать надъ вами:
Я иду злодѣю
Отомстить за братьевъ!»
Тутъ сказалъ Чмиръ:
«Окаянный Крувой
Завладѣлъ въ долинахъ
Нашими стадами;
Въ сѣла внесъ онъ горе
Смертью и пожаромъ;
Все сгубилъ, что было
Въ жизни намъ потребой;
Взялъ и воеводу!»

На Крувою Чмиръ озлился,
И въ груди его широкой
Злоба закипѣла,
Потряса всё члены.
«Братья!» крикнулъ, «нынче утромъ
Будетъ крѣпкая работа;
А теперь даю вамъ отдыхъ!»
Горы влѣво, горы вправо;
На хребтѣ у нихъ высокою
Красно солнышко играетъ.
И отсюда черезъ горы,
И отсюда черезъ горы
Идутъ чмирови дружини
И несутъ съ собою битву
Прямо къ городу, что выросъ
На скалѣ, скалѣ высокой.
Крувой заперъ тамъ Воймиря,
Съ нимъ и дочь его младую,
Что въ дѣсу густомъ похитила,
Тамъ, подъ сѣрою скалою,
Гдѣ ругался надъ Некланомъ.
Крувой кляну далъ Неклану
Вить ему службу вѣрнымъ
И десницу язвою подаетъ;
Только тѣми же рѣчьми,
Той же самою рукою
Онъ бѣду принесъ народу.
«Ну, за мной къ стѣнамъ высокимъ,
Добры молодцы, за мною!»
И отважная дружина

Быстро двинулася къ замку,
Слова чмирова послушавъ —
Тучей двинулася съ градомъ.
Тяжкіе щиты сомкнувши платомъ,
Рядъ передній весь покрылся ими;
Тѣ, что сади, оперлись на копыя
И, всадивъ ихъ поперегъ въ деревья,
Всю тяжесть на нихъ понесли.
Ихъ мечи тутъ загремѣли
Надъ вершинами дѣсными,
На мени выдася пражия,
Что изъ замка поднималось.
На стѣнѣ, какъ быкъ, металася Крувой,
Въ осажденныхъ разжигая храбрость.
Мечъ его на пражанъ падалъ,
Словно дубъ съ горы высокой;
Что, валясь, деревья ломитъ;
Столько было подъ стѣнами
Вонюновъ Неклана-князя.
Чмиръ велѣлъ идти на городъ сади;
Спереди жъ, черезъ ограду,
Онъ скакать велѣлъ дружинѣ.
Тамъ два дерева стояло:
Прислонилися деревья
Подъ скалою къ оградѣ самой —
Пусть на нихъ летятъ колоды,
А головъ не тронуть буйныхъ!
Тутъ-то, сзади, поставилъ кучу
Молодцовъ онъ дюжихъ и широкихъ,
Такъ-что всё они срослися
Вогатырскими плечами.
Поперекъ они на плечи
Жерди длинныя взмахнули,
Ихъ веревкой вдвое связали
И на деревни оперлися.
Тутъ на жерди къ нимъ другіе
Мужи крѣпкіе встали;
Копья всицудли на плечи
И веревкою связали.
Третій рядъ встали на этихъ,
Тамъ четвертый рядъ на третій;
А ужъ пятые достали
До вершинъ самой замка.
Тутъ мечи блеснули сверху,
Сверху стрѣлы заснигѣли,
Сверху бревна покатылися.
Черезъ стѣны пражане, какъ волны,
Хлынули и замкомъ завладѣли.

«Види, выйди, Воймиръ, ты на волю,
Выйди съ дочерью милою своею!

Утро ясно въ небѣ играетъ!
Посмотри, какъ злодѣю Крувою
Вуйну голову нынѣ отрубятъ!»
На зарѣ пришелъ витязъ могучій,
Дочь красавицу вывелъ съ собою,
И увидѣлъ, какъ злого Крувою
Канюю лютой, безчестной казнили.
Отослалъ Чмиръ добычу къ народу,
А съ добычей вернулася и дѣва.

Тутъ Воймиръ хотѣлъ готовить жертву
Въ томъ же мѣстѣ, въ ту же солнца пору.
«Нѣтъ, въ походѣ!» къ нему Честмиръ воскликнулъ:
Чѣмъ ссорѣ, тѣмъ къ побѣдѣ ближе!
Погодимъ богамъ сжигать имъ жертву;
Намъ карать велатъ Власлава боги.
А какъ станеть солнышко на полдень —
Соберемся ми, гдѣ надо будетъ,
И войска намъ проврчатъ побѣду.
Вотъ тебѣ оружіе Крувою,
Нѣдрута лихого — и подемъ!»
Закричалъ Воймиръ весельемъ буйнымъ;
Громкимъ голосомъ съ горы онъ крикнулъ
Изъ гордана сильной, ажно дрогнулъ
Темный дѣсъ: «Не гнѣвайтесь вы, боги,
За хое предъ вами прегрѣшенье,
Что сегодня я не жу вамъ жертвы!»
А Честмиръ: «За нами эта жертва!
Но пора и въ битву съ супостатомъ.
На коня садись-ка ты лихого,
Да лети ты черезъ боръ оленемъ.
На дорогѣ, близъ дубравы темной,
Повстрѣчаешь небольшую гору:
Эту гору полюбили боги!
Тамъ сожги ты имъ снятую жертву
За свое чудесное спасенье,
За побѣду, что была за нами,
За побѣду, что еще предъ нами!
Ты придемъ на это мѣсто прежде,
Чѣмъ подвинется на тверди солнце;
А когда ужъ двѣ и три ступени
Пройдѣтъ оно и надъ дѣсами
Станетъ тамъ — прыдуть и рати наши
Въ тѣ мѣста, гдѣ дымъ столбомъ взоветъ
Къ небесамъ отъ жертвы приносимой;
Тамъ дружини гору проклятую.»
На коно тогда Воймиръ садился,
Полетѣлъ онъ черезъ боръ оленемъ
Къ той горѣ, что близъ дубравы темной;
Тамъ сжигалъ богамъ святую жертву
За свое чудесное спасенье,

За побѣду, что была за ними,
 За побѣду, что еще предъ ними,
 Сожигать онъ добрую телуцу;
 Шерсть на ней червоная блестяла.
 Ту телуцу онъ купилъ въ долинѣ,
 Что густою поросла травою;
 За телуцу пастухамъ оставилъ
 Онъ коня и съ нимъ его уздечку.
 Какъ святая запылала жертва —
 Подходили воины къ долинѣ
 И въ дубраву другъ за другомъ шумно
 Поднимались, брякая мечами.
 Каждый воинъ обходилъ вершину
 И богамъ провозглашалъ онъ славу;
 Проходи, мечомъ не медлишь брякнуть.
 А когда осталось ихъ немного,
 На коня Воймиръ лихо прыгнулъ
 И велѣлъ поднять остатки жертвы
 Шестерымъ онъ всадникамъ послѣднимъ:
 Два меча и жирная лопатка.
 Вотъ пошан дружини вмѣстѣ съ солнцемъ.
 На воздухѣ солнчицею стало,
 А въ долинѣ князь Влаславъ надменный
 Поджидалъ ихъ съ силами своими,
 Что отъ лѣса протянулись къ лѣсу.
 Внятеро ихъ было больше прашанъ.
 Слово въ туцѣ, тамъ гремѣли громы
 И собакъ тамъ заливались стаи.
 «Трудно будетъ битися намъ съ врагами:
 Палици не переломишь коломъ!»
 Такъ Воймиръ, а Чмиръ ему на это:
 «Хорошо лишь про-себя то вѣдать!
 Лучше быть всегда на все готову!
 Развѣ дбомъ ты гору поворотить?
 А лѣса проводить вѣдь и тура.
 Съ высоты Влаславу нашихъ видно:
 Такъ придется обойти намъ гору,
 Чтобы тѣ, что вперед-то идуть,
 Позади за нами очутились;
 Тамъ и ну ходить вокругъ вершини!»
 И Воймиръ устроилъ дѣло съ Чмиромъ:
 Деять разъ, по ихъ наказу, войско
 Деять разъ ту гору обходилю.
 Такъ ихъ силы выросали съ веда,
 Такъ враги все болѣе пугались.
 Вдругъ вся рать въ кустяхъ остановилась
 И мечи врагу блеснули въ очи:
 Вся вершина будто жаръ горѣла.
 Тутъ выходитъ смѣлый Чмиръ съ отрядомъ,
 А въ отрядѣ томъ четыре части;
 Въ ту же пору Трисъ на супостага

Налетѣлъ изъ-за деревьевъ частыхъ
 И враговъ переукалъ онъ сади:
 Ихъ ряди, смѣшавшись, побѣжали;
 Но Воймиръ своей рукою храброй
 Заградилъ имъ ночью выходъ въ поле
 И ударилъ съ боку на Власлава.
 Ухъ! какъ лѣсъ-то затрепеталъ широкій:
 Слово гори тамъ съ горами билось
 И деревья на себѣ ломали!
 Тутъ Влаславъ понесся противъ Чмира;
 Встрѣтилъ Чмиръ его ударомъ тяжкимъ;
 Закинула битва между ними —
 И Влаславъ на землю повалился.
 По землѣ катается онъ странно,
 Въ бокъ и въ задъ, а справиться не можетъ:
 На покой зоветъ его Морена;
 Кровь изъ тѣла крѣпкого струится,
 По травѣ бѣжитъ въ сырую землю
 И душа изъ телыхъ усть порхнула;
 Тамъ и сямъ она летаетъ долго,
 Съ дерева на дерево, покуда
 Не сожогонъ быть на кострѣ убитый. *)
 Побѣжали воины Власлава
 И ударились, въ испугѣ, въ гору,
 Трешча передъ очами Чмира,
 Что въ бою сразилъ Власлава-князя.
 Загремѣли вѣсти о побѣдѣ;
 Ихъ Некланъ веселымъ ухомъ слынитъ,
 И свою военную добычу
 Радостнымъ оглядываетъ окомъ.

3.

ЛЮДИША И ЛЮБОРЪ.

Старъ и младъ, винмай расказу
 О бояхъ и ратоборствахъ!
 Жилъ когда-то князь за Лабой,
 Князь богатый, славный, добрый;
 Дочь-краса была у князя,
 И ему и всѣмъ по сердцу;
 Красотою свѣтъ дивила:
 У ней была станъ высокій,
 Вѣный ликъ, а на ланитахъ
 Расцвѣталъ жиной румянецъ;
 Очи были — словно небо;
 По плечамъ же блослѣзнями

*) Чеш-вѣщаники повѣдали, что душа мертвого не успеваетъ до-гнѣть-поръ, пока не сожгутъ тѣла.

Разсинались золотия
 Кузри, въ кольца завиваясь.
 Князь послалъ велитъ сражаться —
 Звать къ нему бояръ околныхъ
 На великій праздникъ въ городъ.
 День уставленный приходитъ:
 Все бодрство собралось
 Изъ земель и странъ далекихъ
 На великій пиръ, на праздникъ.
 Бубны-трубы загремѣли.
 Подошли бояре къ князю,
 Подошли и поклонились
 Низко князю и княгинѣ,
 И княжнѣ, дѣвицѣ красной;
 За столы потомъ усадились
 Всѣ по сану и по роду.
 Тутъ прислуга подносила
 Яства дивныя боярамъ,
 Подносила медь шипучий.
 То-то было веселый праздникъ!
 То-то было пированье!
 Въ члены сила набиралась,
 Душу бодрость напояла.
 Князь сказалъ тогда боярамъ:
 «Мужи, тайну я открою,
 Для чего собралъ васъ пиръ:
 Мужи славные! хочу я
 Испытать теперь, извѣдать,
 Кто изъ васъ мнѣ всѣхъ нужнѣе.
 Благо ждаты войны и въ миръ:
 Насъ вѣдь вѣщцы окружаютъ!»
 Князь сказалъ — и всѣ бояре
 Изъ-за трапезы подвинулись
 И, поднявшись, поклонились
 Низко князю и княгинѣ
 И княжнѣ, дѣвицѣ красной.
 Бубны-трубы загремѣли.
 Изготовились бояре.
 Посредки равнины свѣтлой,
 На разубранномъ балконѣ
 Князь сидѣлъ передъ народомъ
 Со своими старшинами;
 Вызвалъ него была княгиня;
 Съ именитыми женами
 И съ подругами Людша.
 И воскликнулъ князь къ боярамъ:
 «Кто пойдетъ на битву первый,
 Самъ я, князь, того позначу!»
 Указалъ онъ на Стрѣбора;
 Вызвалъ Стрѣборъ Людислава.
 На коней садится оба;

Всякъ беретъ по вострой пикѣ;
 Другъ на друга посылалъ,
 Долго бились и боролись,
 Оба древа изломали
 И, отъ боа истомили,
 Вышли вонъ изъ-за ограды.
 Бубны-трубы загремѣли —
 И воскликнулъ князь къ боярамъ:
 «Кто пойдетъ вторымъ на битву,
 Пусть княгиня намъ укажетъ!»
 И княгиня указала
 На Серпиша. Онъ выходитъ,
 Вызываетъ Спиттибора.
 На коней садится оба;
 Всякъ беретъ по вострой пикѣ
 И комчались другъ на друга.
 Выбилъ Серпишъ Спиттибора,
 Самъ съ коня спрыгнулъ онъ на землю;
 За мечи схватились оба —
 И запылали удары
 По щитамъ ихъ по тяжелымъ
 И посылался искры.
 Спиттиборъ Серпиша ранилъ,
 Тотъ на землю палъ сырую.
 Истомился отъ боа, оба
 Вышли вонъ изъ-за ограды.
 Бубны-трубы загремѣли —
 И воскликнулъ князь къ боярамъ:
 «Кто пойдетъ на битву третьимъ,
 Пусть Людша намъ укажетъ!»
 И Людша указала
 На Любора. Онъ выходитъ,
 Вызываетъ Болемѣра.
 На коней садится оба;
 Всякій взялъ по вострой пикѣ —
 И всакали внутрь ограды.
 Другъ на друга понеслись,
 Пили вострыя скрестились —
 Люборъ выбилъ Болемѣра;
 Щитъ его далеко принулъ;
 Самого жъ его прислуга
 Понесла изъ-за ограды.
 Бубны-трубы загремѣли.
 Люборъ въ бой идетъ съ Рубошемъ.
 На коня садится Рубошъ,
 Быстро скачетъ на Любора;
 Люборъ выигъ конь Рубоша
 Пересѣлъ мечомъ тяжелымъ.
 И врагъ въ шлемѣ ударилъ.
 Рубошъ палъ съ коня на землю
 И взола его прислуга.

Бубны-трубы загремѣли.
 Люборъ кликнулъ за оградой:
 «Кто теперь со мною хочетъ,
 Выходи плечо помѣрять!»
 И пошолъ въ народѣ говорить.
 Люборъ идетъ-стоитъ въ оградѣ.
 Вотъ Здеславъ качаетъ пикой,
 А на пикѣ турій черепъ;
 На коня Здеславъ садится,
 Горделиво похваляется:
 «Прадѣдъ мой осилитъ тура,
 Разогналъ отецъ мой пѣвцевъ,
 А меня спознаеть Люборъ!»
 Другъ на друга поскакали,
 Ломи крѣпкими сразились —
 И слетѣли оба съ сѣделъ.
 За мечи схватились быстро
 И рубились ими стаи;
 Тутъ стоялъ отъ ихъ ударовъ;
 Люборъ съ боку вдругъ напрунулъ
 И въ шлемъ врага ударилъ
 И разбилъ шлемомъ на части.
 Ихъ мечи потомъ скрестились:
 Выбитъ мечъ изъ руки Здеслава,
 Полетѣлъ онъ за ограду,
 А Здеславъ на землю рухнулъ.
 Бубны-трубы загремѣли.
 Обступили всѣ Любора,
 Повели предъ очи внязи,
 И книжникъ и Людини;
 И книжна вѣнокъ дубовый
 Возложила на Любора.
 Бубны-трубы загремѣли.

6.

ЗАБОЙ И СЛАВОЙ.

Поднимается скала надъ лѣсомъ;
 На скалѣ стоитъ Забой могучій
 И во всѣ концы издастъ взгляды.
 Возмутился духъ его печалью —
 И Забой заплакалъ, что твоей голубы.
 Тамъ сидѣлъ онъ долго, смутенъ сердцемъ,
 Вдругъ вскопчилъ и погналъ оленемъ
 Черезъ боръ широкій и пустынный;
 Побывалъ у каждаго онъ мужа,
 Къ сильному отъ сильнаго онъ мчался,
 Рѣчь держалъ короткую со всякимъ,

Преклонялъ чело передъ богами
 И къ другимъ оттуда онъ пускался.
 Минулъ день; за нимъ другой проходить;
 Въ третій день беснулъ на небѣ мѣсяцъ.
 Собралися мужи въ лѣсъ дремучій;
 Тѣхъ мужей ведетъ Забой въ долину,
 Что лежала межъ лѣсовъ глубоко.
 Самъ онъ сталъ среди ложбины низкой;
 Въ варито *) рукою ударяетъ.
 «Мужи, съ вѣрными братскими сердцемъ,
 Мужи искренне взоромъ!
 Вамъ пою въ глубокой я долині, **)
 Отъ глубокаго пою вамъ сердца,
 Что печалью возмутилось!
 Нашъ отецъ ушолъ къ отцамъ
 И дѣтей покинулъ малыхъ,
 И подругъ своихъ покинулъ,
 Не сказавши никому:

Братъ! поди, поговори ты съ ними,
 Какъ отецъ съ родною семьею!
 И пришло чужой въ предѣлы наши;
 Захмутилъ на насъ чужою рѣчью;
 И, какъ тамъ живутъ съ утра до ночи,
 Такъ и нашимъ женамъ и ребятамъ
 Жить велѣлъ, и каждому онъ мужу
 По одной велѣлъ держать подругъ
 На пути съ Весны и до Мораны; ***)
 Яснахъ вѣрчювъ изъ бору выгналъ
 И боговъ, что боги на чужбинѣ,
 Приказалъ любить онъ нашимъ людямъ
 И святня сожигать имъ жертвы;
 А своимъ ничто не смѣлъ молиться
 И въ потемкахъ приносить имъ нищу.
 Гдѣ отецъ кормилъ боговъ родимыхъ,
 Гдѣ молился, гдѣ пѣвалъ имъ славу —
 Онъ носѣлъ священника деревня
 И боговъ кумиры ниспровергнуть.»
 — «Ты, Забой, поешь отъ сердца сердцу
 Пѣсню горя, какъ Лемжиръ ****), что двигалъ
 Вышеградъ и всѣ его предѣлы
 Пѣснями да крѣпкими словами:
 Такъ и ты меня и братьевъ тронулъ;
 Добраго шѣвца и боги любятъ!

*) Музыкальный инструментъ со струнами, въ родѣ кобы.

**) Пѣвцы того времени становились или садились во время пѣвца обыкновенно янже тѣхъ, кому пѣли.

***) Весною называлась у чеховъ богиня весны и молодости, а потомъ и самая весна и молодость. Морана была, напротивъ, богиня зима, смерти, а также и самая зима и смерть.

****) Древній пророкъ-пѣвецъ.

Пой! отъ нихъ поешь ты пѣсни,
 Что музять все наше сердце
 Противъ недрута лихого!»
 Посмотрѣвъ Забой, какъ у Славои
 Разгорѣлись, распалились очи —
 И зашѣлъ онъ пѣсню снова,
 Чтобъ сердца расшевелялись:
 «Жило-было двое братьевъ;
 Какъ ужъ стали голосами
 На мужей они похожи,
 Всякій день ходили въ рощу
 И къ мечу, копылю и млату
 Приучали тамъ десницу;
 Прятали въ густомъ лѣсу оружье
 И съ веселымъ сердцемъ возвращались.
 А какъ стали руки братьевъ крѣпкими,
 Выходили братья въ бой кровавый.
 А межъ тѣмъ братишки ихъ другіе
 Подростаи и во свѣдѣ за тѣми
 На враговъ летѣли, словно буря;
 И отчина ихъ цѣля въ повои!»
 Всѣ въ Забою, къ молоту прыгнули
 И шѣвца въ объятыхъ сжали крѣпкихъ,
 Клали руки сильными на нерсы
 И умно-разумно говорили.
 До разсвѣту было ужъ недолго.
 Выходили изъ долины мужи
 Выходили розно, темнымъ лѣсомъ
 И по всѣмъ дорогамъ разбрелся.
 День проходитъ, и другой проходить,
 А на третій день, какъ ночь настала,

Въ темный лѣсъ пошолъ Забой
 И за нимъ пошелъ дружини;
 Въ темный лѣсъ пошолъ Славои
 И за нимъ пошелъ дружини.
 Всякъ поворенъ воеводѣ;
 Королю же всякъ тамъ недругъ,
 Всякъ его стубить замыслилъ.
 «Гой еси ты, братъ Славои!
 Къ голубой ступай вершинѣ,
 Что надъ всѣмъ поднялася краемъ:
 Тамъ собираться надо будетъ.
 На востокъ отъ той вершини,
 Видишь, лѣсъ идетъ дремучій:
 Тамъ рукою ударимъ въ руку.
 Пробирайся жъ ты лисцей,
 И туда жъ приду съ полками.»
 — «Гой еси ты, братъ Забой!
 Для чего оружие наше
 Оставяетъ въ покоѣ дого?
 Чтѣмъ грянуть намъ отсюда!»

— «Ты послушай, братъ Славои!
 Коль извѣсть ты хочешь змѣя,
 Настуши ему на горло:
 Горло вражье на вершинѣ!»
 По лѣсу разбрелись мужи,
 И направо и налѣво.
 Эти идутъ, слушаъ Забой,
 Тѣ — по слову храбраго Славои,
 Темнымъ лѣсомъ, къ синей той вершинѣ.
 Въ пятый разъ восходитъ солнце красно.
 Тутъ вожди другъ другу руку
 Подаютъ и лиснымъ окомятъ
 Съ той вершини озираютъ
 Королевскія дружини.

«Насъ однимъ разбить ударомъ
 Хочетъ Людекъ: вишь, полки собираетъ!
 Эй ты, Людекъ! ты теперь холопомъ
 Надъ холопами у нихъ поставленъ!
 Палачу ты своему скажи-ка,
 Что его прикази — димъ для нашихъ!»
 Разъярился буйный Людекъ;
 Войско быстро онъ сзываетъ.
 Много свѣту было въ небѣ:
 Красно солнце тамъ играло,
 И играло красно солнце
 На дружинахъ королевскихъ.
 Всѣ они въ походъ готовы
 И подняты готовы руку,
 Коли вождь прикажетъ Людекъ.
 «Гой ты, гой ты, братъ Славои!
 Ты зажди лисцей сзади,
 И жъ ударю имъ на встрѣчу!»

И пошолъ Забой, какъ туча съ градомъ,
 И Славои пошолъ, какъ туча съ градомъ:
 Этого съ боку, тотъ ударилъ прямо.
 «Братъ! вонъ эти лихощи,
 Что боговъ у насъ низвергли,
 Порубили роци наши,
 Ясныхъ вѣрчювъ прогнали!»
 Намъ пошлеть побѣду боги!»
 Разозлился Людекъ, заметался;
 Онъ изъ полчищъ на Забоя вышелъ;
 И Забой, сверкая взоромъ, встрѣтилъ
 Людека. Что дубъ схватился съ дубомъ
 Средь лѣсовъ: такъ дубъ Людека съ дубомъ
 Налетѣлъ среди обѣихъ ратей.
 Людекъ поднялъ тяжкій мечъ
 И пробилъ въ щитѣ три кожи;
 Тутъ Забой пускаетъ молотъ —
 Людекъ въ сторону отпрянулъ;
 Угодилъ тяжолый молотъ,

Угодилъ онъ въ дубъ высокой —
 Дубъ на воинствѣ свалился,
 И въ отпамъ пошло ихъ тридцать.
 Разъярился Людекъ: «Звѣрь ты дикий,
 Злощача ты гадина, ехидна!
 Ну-ка выйди на речахъ со мною!»
 И махнулъ Забой мечомъ:
 Отлетѣлъ у супостата
 Отъ щита большой осколокъ.
 Людекъ самъ ударъ заносить —
 Да скользнулъ бузатъ по кожѣ,
 Чтò была по сверхъ щита Забой.
 Распалились оба воеводи,
 Синами тяжелые удары
 И забрызгали другъ друга кровью;
 Въѣвъ в крови и вошчи ихъ были,
 Чтò верууть вождей рубились крѣпко.
 На полуднѣ стало солнце
 И пошло ужъ къ вечеру съ полудни;
 Но вожди безъ умолку все бились.
 Здѣсь книжка яростная сѣла,
 Да и тамъ Славой сражася ладно.
 «Ахъ ты, врагъ безъ умоноу!
 Чтòбы взять тебя нечистый!
 Чтò ты кровь-то нашу топчишь!»
 И Забой свой молотъ поднималъ,
 Да отпрыгнулъ буйный Людекъ;
 Поднялъ тотъ свой молотъ снова
 И пустилъ имъ въ супостата;
 Молотъ свинснулъ — вражий щитъ разбилъ
 И разбилъси Людековы перси,
 А душа изъ гѣла полетѣла;
 Молотъ вышугнулъ оттуда душу
 И пронесся въ войско на пять шаженъ.
 Страхъ началъ на вражи рати,
 Вырывая вошь изъ ихъ гортани.
 У Зобоя жъ люди веселилися
 И въ очакъ у нихъ играла радость.
 «Братя! боги дали намъ побѣду!
 Раздѣляйтесь, братья, на двѣ части —
 И въ походъ направо и налѣво!
 Изво всѣхъ долинь коней сгоняйте:
 Пусть заржутъ они въ дубравахъ зтихъ!»
 — «Братъ Забой! удалий левъ!
 Вей враговъ ты безъ пощады!»
 Щитъ Забой на землю бросилъ,
 Въ руку взялъ тяжелой молотъ,
 А въ другую мечъ бузатный —
 И дорогу межъ врагами
 Проложилъ себѣ онъ разомъ.
 Зашумѣли, дрогнули дружини!

Тутъ погналъ ихъ съ тылу Трясъ могучий,
 И они со страху завопили.
 Кони ржутъ въ густомъ лѣсу.
 «На коней и за вратами!
 Черезъ весь ихъ край гоните!
 Выстри кони, мчитесь, мчитесь
 По литамъ злодѣевъ нашихъ!»
 И отряди на коней вскочили
 Скокъ-по-скокъ погнали за врагами,
 Смыка за ударами удари.
 Проскакали горы, лѣсы, равнины —
 Справа, слѣва все назадъ бѣжало.
 Вдругъ рѣка шумить предъ ними,
 За волнами волны катить.
 Воини спрыгнули въ рѣку
 И враговъ передъ собой погнали.
 Тутъ чужикъ топилъ наши волны,
 А своихъ на берегъ выносили.
 Все леталъ надъ гѣми надъ полями
 На широкихъ крыльяхъ лютый коршунъ,
 И гонялъ онъ малыхъ птичекъ;
 А дружини смѣяли Забой
 По полямъ, разсыпавшиесъ, бѣжали
 За вратами, ихъ разлили вѣду
 И топтали ярими конями.
 Ночью гнали, какъ свѣтилъ имъ мѣсяцъ;
 Гнали днемъ, когда свѣтило солнце.
 Тамъ опять скакали ночью,
 Тамъ зарей на утрѣ сѣромъ.
 Вдругъ рѣка шумить предъ ними,
 За волнами волны катить.
 Воини спрыгнули въ рѣку
 И враговъ передъ собой погнали.
 Тутъ чужикъ топилъ наши волны,
 А своихъ на берегъ выносили.
 «Ну, въ сѣдмѣ туда вершинамъ,
 Тамъ конецъ кровавой мести!»
 — «Ты послушай, братъ Забой:
 До горы ужъ недалеко,
 И враговъ немного стало;
 Да и тѣ о жизни молятъ.»
 — «Ты назадъ веди дружини!
 Я жъ пойду и доконаю
 Всѣхъ послѣднихъ королевцевъ!»
 Въ томъ краю прошли мятели;
 Въ томъ краю прошли дружини,
 Въ томъ краю, направо и налѣво;
 Тамъ и сямъ дружини видны,
 Крики радостные слышны.
 «Братъ, ужъ вотъ она, вершина,
 Гдѣ намъ боги шлютъ побѣду!

Тамъ изъ тѣлъ выходятъ души
 И порхають по деревьямъ;
 Звѣрь и птицы ихъ боятся,
 Не боятся только сѣвы.
 Погребать пойдемъ убитыхъ,
 Да боговъ своихъ покормимъ,
 Принесемъ большія жертвы
 Имъ, спасителямъ народа;
 Возгласимъ и честь и славу,
 И положимъ все предъ ними,
 Чтò у вѣдровъ отбили!»

—

ЗБИГОНЬ.

Сизъ леталъ голубчикъ
 По кустамъ зеленымъ;
 Выскакивалъ горе
 Овъ темному лѣсу:
 «Ахъ ты, лѣсъ широкій!
 Здѣсь леталъ я прежде
 Съ дорогой подружкой,
 Съ голубицей милою;
 Да подружку-душку
 Збигонь-недругъ отнялъ
 И въ каменный городъ
 Овъ бѣдняжку заперъ!»
 Подъ стѣнами замка
 Молодецъ гуляетъ,
 О красѣ дѣвицъ
 Возмущается, плачетъ.
 Отъ того ли замка
 Уходилъ онъ въ горы;
 На горѣ садился,
 И молчалъ онъ долго
 Въмѣстѣ съ лѣсомъ темнымъ.
 Вотъ летитъ голубчикъ,
 Жалобно воркуетъ.
 Молодецъ удалый
 Голубочку молвилъ:
 «Чтò ты, сизъ-голубчикъ,
 Стоишь такъ и плачешь?
 Али одинокимъ
 Ты живешь на свѣтѣ?
 Али совогъ быстрый
 Заклевалъ подружку?
 У меня вотъ Збигонь
 Милую похитилъ
 И въ каменномъ замкѣ

Дорогую заперъ.
 Ты бы, сизъ-голубчикъ,
 Съ соволомъ подрася,
 Кабы сердце было
 У голубя храбро.
 Ты бы вѣдъ подружку
 У злодѣя отпалъ,
 Кабы востры когти
 У тебя случились.
 Ты задралъ бы, сизай,
 Вора-лихоудѣя,
 Лишь родисъ ты съ клѣвомъ,
 Съ крѣпкимъ, плотоуднымъ!»
 — «Молодецъ удалый!
 Ну-ка поднимайся
 И ударъ ты смѣло
 Въ Збигоня-злодѣя!
 У тебя, вѣдъ, сердце
 Нетрусливо, храбро;
 У тебя, вѣдъ, латы,
 Ратные доспѣхи,
 У тебя, вѣдъ, молотъ,
 Молотомъ желѣзнымъ!»
 И пошелъ онъ доломъ
 И дремучимъ лѣсомъ;
 Взялъ брону съ собою
 И желѣзныи молотъ.
 Вотъ подъ стѣны замка
 Молодецъ приходитъ.
 Былъ онъ подъ стѣнами —
 Ночь, ни зги не видно.
 Овъ рукою сильною
 Постучалъ въ ворота.
 — «Кто за воротами?»
 Изъ замка спросили.
 — «Молодой охотникъ
 Ночью заблудился!»
 Отперли ворота.
 Овъ еще ударялъ:
 Отперли други.
 — «Гдѣ владика Збигоня?»
 — «Въ терему високомъ!»
 Тамъ онъ затворился;
 Тамъ краса-дѣвица
 Молодая плачетъ.»
 — «Отворяй-ка двери!»
 Збигонь не послушалъ.
 Молодецъ ударилъ
 Молотомъ желѣзнымъ —
 Распахнулись двери;
 Въ голову овъ послѣ

Збигоня ударилъ —
Збигонь повалился.
Юноша по замку
Побѣжалъ и въ замкъ
Все побилъ кинюе;
А потомъ съ подружкой,
Съ дорогою, съ милой,
Спазъ онъ до расвѣту.
Раззигралось солнце,
Свозъ деревьевъ свѣтитъ
На каменный городъ.
Раззигралась радость
У мѡлодца въ сердцѣ,
Что красу-дѣвицу
Обнималъ онъ снова
Сильною рукою.
— «Это чья голубка?»
— «Збигонь ту голубку
Изловилъ въ дубравѣ
Да и заперъ пташку!
Какъ меня, обидячку!»
— «Такъ лети жь, голубка,
Ты теперь изъ замка!»
Вотъ и полетѣла
Въ лѣсъ она широкой;
Тамъ и самъ порхала
Съ кустика на кустикъ;
Со своимъ ли другомъ,
Съ голубочкомъ своимъ,
На одной на вѣтвѣ
Ночку почевала.
Веселилась дѣва
Съ мѡлодцомъ гуляемъ;
Тамъ и самъ гуляла,
Гдѣ млада хотѣла,
И спала съ любезнымъ
На одной кровати.

8.

огень.

Скачетъ олень по долинамъ,
Пригаетъ онъ по горамъ,
Носить по дѣлому краю,
Носить крутые рога.
Рѣзать крутыми рогами
Сучья въ дремучемъ лѣсу;
По лѣсу летяга летаетъ,
Скачетъ на быстрыхъ ногахъ.

Хаживалъ мѡлодецъ въ горы
Доломъ широкимъ на брапъ,
Тяжкия напивалъ стрѣлы,
Вражью мощь поражалъ.
Добраго мѡлодца нѣту!
Лютый нагрянулъ злодѣй,
Злобой глаза распалился,
Молотъ желѣзный сверкнулъ
Юношу въ перси ударилъ:
Всплакались темныя лѣса!
Вышла изъ мѡлодца, вышла,
Душенька вышла душа,
Гораомъ пошла лебединнымъ,
Въ алы порхнула уста.
Вотъ онъ лежитъ; за душою
Точится теплая кровь;
Кровь мѡлодецкую тихо
Пьетъ мать сырая земля.
Сердце у дѣвицы каждой
Стонеть и больно болитъ.
Юноша въ хладную землю,
Въ хладную землю зарытъ;
Дубъ на немъ выросъ, дубочекъ,
Вѣтви пустилъ широко.
Ходить олень круторогой,
Свачетъ на притыкхъ ногахъ,
Щиплетъ зеленые листья
Онъ на дубу мѡлодкомъ.
Быстрые вренчмы вьются,
Изъ лѣсу къ дубу летять,
Голосомъ жалкимъ выводятъ:
«Мѡлодца врагъ погубилъ!»
Горькими плачутъ слезами
Красныя дѣвы по немъ.

9.

вѣнокъ.

Какъ подулъ, повѣялъ вѣтеръ
Изъ дубравы княженцой —
Прибѣжала красна дѣвка
Защипнуть воды на рѣчку.
Глядъ, а къ ней вѣнокъ зелѣной
По волнѣ плыветъ студеной;
Перевить вѣнокъ цвѣтами,
Алой розой, васильками.
Вотъ она ведро становить
И вѣнокъ зелѣный ловить,
Да ловивши, остунилась,

Въ воду съ берега скатилась.
«Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя сажала,
Мой вѣнокъ, вѣнокъ зелѣной,
Я тому позолоченный
Подарила бы въ гостинечъ
Дорогъ-перстень на мизинецъ.
Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя срывала,
Чья рука тебя срывала,
Тонкимъ шолкомъ увивала,
Я тому бы втихомолку
Изъ косы дала иглоку.
Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя кидала,
Мой вѣнокъ, вѣнокъ зелѣной,
На просторъ волны студеной,
Я дала бы тому вѣночекъ —
Пусть надѣнетъ милъ-дружочекъ!»

10.

агоды.

Разъ моя краса-подруга
Въ лѣсъ по ляду пошла;
Уколола бѣду ножку
Ей терновая игла,
И ступить ужъ на дорожку
Красна дѣва не могла.

«Ахъ ты тернь, ты тернь колючий,
Что со мною сдѣлалъ ты?
Изведу тебя за это,
Вражьи вымету кусты!»

Подожди въ дубравѣ темной
Ты, красавица, меня!
Дай пригнать мнѣ изъ долины
Бѣлогриваго коня.

Ворзый конь въ долину ходитъ,
Травку-травушку жуегъ;
А въ дубравѣ-то въ зеленой
Молодца подруга ждетъ;

Про себя все тужить, тужить,
Тихо молвить иногда:
«Что-то скажетъ мнѣ родная?
Знать, пришла моя бѣда!»

«Мать говаривала: сердце
Ты отъ мѡлодцевъ храни!
Да чего жь мнѣ ихъ боятся,
Коль со мной добры они?»

На конѣ на бѣлогривомъ
Цаловалъ къ подругѣ я
И серебряной уздечкой
Привязалъ въ лѣсу коня.

Обнялъ крѣпко дорожку,
Цаловалъ ее въ уста —
И про тернь, про тернь колючий
Позабыва красота.

Мы ласкались, миловались;
Солнце къ вечеру пошло.
«Ахъ пора, пора, мой милый!
Намъ домой пора, въ село!»

На коня вскочилъ я быстро
И проворною рукою
Обхватилъ красу-дѣвицу
И поѣхалъ съ ней домой.

11.

роза.

Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ ты, роза,
Распустилася такъ рано?
Распустившись, ты замерзла,
Ты замерзла и увала
И, увалувши, упала!
Долго я вечеръ сидѣла,
Пѣтухи ужъ прокричали —
Я млада еще сидѣла;
Ничего я не дождалась,
Вся лучина догорѣла.
Я заснула — мнѣ приснилось,
Что съ руки-то у бѣдняжки
Перстенецъ сналъ завѣтный,
Вышалъ камень самоцвѣтный.
Не нашла я камня снова,
Не дождалась я милова!

12.

КУКУШКА.

Въ чистомъ полѣ росъ дубочекъ,
Тамъ кукушка куковала,
Куковала, тосковала,
Что весна не вѣчно въ полѣ.

Кабы все весна-то въ полѣ,
Какъ бы жито взрѣвало?
Кабы лѣто вѣчно было,
Какъ бы яблоко доспѣло?

Какъ бы могъ прозачнубъ колосъ,
Кабы осень все стояла?
Было съ горько, было бы тяжело
Красной дѣвчѣ безъ друга!

13.

СЯРОТА.

Ахъ, лѣса, лѣса въ темнѣ,
Вы лѣса ли Милетинскіе!
Что, лѣса, вы зеленѣете
Въ лѣто, въ зиму одинаково?
Рада, рада бы я не плакала,
Не мутила бы сердечушка,
Да скажите, люди добрые,
Кто, скажите, не залачаетъ здѣсь?
Гдѣ мой батюшка, родимый мой?
Въ мать-землѣ сырой зарытъ лежить!
Гдѣ моя родная матушка?
И надъ нею травка выросла!
Нѣтъ ни брата, ни сестрицы нѣтъ!
Мила-друга люди отняли!

14.

ЖАВОРОНОКЪ.

Ковношко красна дѣвица
Въ огородѣ барскомъ полетѣ.
«Что смугла ты, что печальна!»
Дѣвъ жаворонокъ молвилъ.

«Какъ могу я жить весельемъ,
Птица-жаворонокъ малый?

Моего милѣва друга
Посадили въ крѣпкій замокъ!

«Кабы мнѣ перо, бумаги:
Написала бы я къ другу
И съ тобой бы въ ту сторону
Я письмо свое послала.

«Нѣтъ пера и нѣтъ бумаги!
Такъ лети жь одинъ отсюда:
Спой ты пѣсню дорогомю
Про мою тоску-кручину!»

Н. Бергъ.

v.

ЯНЫШЬ-КОРОЛЕВИЧЪ.

Подлюбитъ королевичъ Янышъ
Молодую красавицу Елицу;
Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
На Любушѣ, Чешской королевнѣ.
Съ прежней любой идти онъ проститься;
Ей приноситъ съ червонцами черешъ,
Да гремучія серьги золотыя,
Да жемужное тройное ожерелье;
Самъ ей вдѣлъ онъ серьги золотыя,
Назвалъ на шею ожерелье,
Давъ ей въ руки съ червонцами черешъ,
Въ обѣ щѣны поцаловалъ молча
И похвѣлъ своею дорогомю.
Какъ одна осталася Елица,
Деньги на земь она пометала,
Изъ ушей выдернула серьги,
Ожерелье на двое разорвала,
А сама кинулася въ Мораву.
Тамъ на дѣвъ молодая Елица
Водиною царьней очулася,
И родила маленькую дочку
И ее нарекла Водяницей.
Вотъ проходятъ три года и боѣ.
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы.
Захотѣлъ онъ коня вороного
Напоить студеною водою.
Но лишь только зашпѣнную морду
Сунулъ конь въ студеною воду,
Изъ воды вдругъ высунулася ручка:
Хвать коня за узду золотую!

Конь отдернулъ голову въ испугъ:
На уздѣ виситъ Водяница,
Какъ на уздѣ пойманная рыба.
Конь кружится по чистому луку,
Потрясая уздой золотомъ,
Но страхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ увидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня вороного,
Осадивъ могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говоритъ ей Янышъ-королевичъ:
«Разскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль Богомъ проклятая вилла?»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,
Мой отецъ Янышъ-королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей.»
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня вороного,
Обнявъ дочь свою Водяницу
И, слезами заливаясь, молвилъ:
«Гдѣ, скажи, твои мать — Елица?
Я слыхалъ, что она потонула.»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ:
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»
Водяницѣ молвилъ королевичъ:
«Такъ иди же къ водяной царьцѣ
И скажи ей: Янышъ-королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаеть,
И у ней свиданія просить
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»
Они поскѣ того разстались.
Рано утромъ, чуть заря зардѣлася,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлымъ груди,
Поднялася царица водяная,
И сказала: «Янышъ-королевичъ!
У меня свиданія проситъ ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлся снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выйди ко мнѣ на зеленый берегъ,
Поцалуй меня попрежнему сладко,

Попржнему полюбую тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимаетъ,
Не внимаетъ, головою киваетъ:
«Нѣтъ, не выйду, Янышъ-королевичъ,
Я къ тебѣ на зеленый берегъ;
Сладче прежняго намъ не цаловаться,
Крѣчче прежняго меня не полюбить.
Разскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?»
Отвѣчаетъ Янышъ-королевичъ:
«Противъ соннышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жена не углѣбитъ.»

А. Пушкинъ.

vi.

ГУСИТСКАЯ ПѢСНЯ.

Близокъ, братья, день желанный!
Заслодо наше солнце!
Огласнись старымъ кликомъ
Наши доли, наши горы!
Возродился чехъ старинный,
А съ нимъ духъ и всякій свѣчай,
Всякій свѣчай и обидчай
Старочешскій!

О, старый чехъ всегда готовъ
На зовъ друзей, на зовъ враговъ —
На свѣтлый пиръ, на страшный бой,
На смертный бой!

Аминь! усниши Господи!
Потрудись за насъ, святой Вячеславъ,
Намъ заступникъ во скорбяхъ!

О, когда заѣтъ отцовскій
Сохранимъ ми нерушимо —
Слава Чехии не сгинетъ
И возстанетъ левъ нашъ бѣлый;
Чуть врагъ его заслышитъ,
Какъ мѣдѣди встрепенутся
И подъ нашу пѣсню заплачутъ,
Какъ заслышутъ:

О, старый чехъ всегда готовъ
На зовъ друзей, на зовъ враговъ —
На свѣтлый пиръ, на страшный бой,
На смертный бой!

Аминь! услыши Господи!
Потрудиш за насъ святой Вячеславъ,
Нашъ заступникъ во скорбяхъ!

А. Майковъ.

—
VII.

ГЕЙ СЛАВЯНЕ!

Гей славяне, гей славяне!
Будеть вамъ свобода,
Если только наше сердце
Бьётся для народа.

Громъ и адъ! что ваша злоба,
Что всё ваши ковы,
Коли жить намъ духъ славянской!
Коль мы въ бой готовы!

Даль намъ Богъ языкъ особый —
Врагъ то разумѣетъ:
Языка у насъ во-вѣки
Вырвать не посмѣетъ.

Пусть нечистой силы будетъ
Болѣе сторицей:
Богъ за насъ и насъ покроетъ
Мощною десницею.

Пусть играетъ вѣтеръ, бури,
Съ неба грозы сводить,
Треснетъ дубъ, земля подъ нами
Ходенемъ заходить:

Устоимъ одни мы вѣрно,
Что градскія стѣны.
Проклятъ будъ, кто въ это время
Мыслить про измѣны!

Н. Бергъ.

—
VIII.

САДОВНИКЪ.

У садовника въ садочкѣ
Вырастаетъ деревцо:
Черны очи, бѣлы плечи
И румяное лицо.

— «Гдѣ ты, гдѣ ты, нашъ садовникъ,
Розанъ эдакій досталъ?
У тебя еще алѣе
И еще онъ краше сталъ.

«Съ той поры, какъ появился
У тебя онъ на лугу,
Съ той поры на твой я розанъ
Наглядѣться не могу.»

— «Не чужой мнѣ этотъ розанъ,
Не чужой онъ мнѣ цвѣтокъ:
Самъ его я возлелѣлъ,
Сохранить и уберечь.»

«Въ злую службу-пепогоду
Я присматривалъ за нимъ,
За цвѣткомъ моимъ прекраснымъ,
Ненагляднымъ, дорогимъ.»

Пшче матери собирайте
Дочерей — своихъ красотъ,
И садовнику отдайте
Подъ присмотръ и подъ уходъ.

На лугу, между кустами,
У него жить цвѣтамъ;
Не одно за-то спасибо
Всякій паренъ скажетъ вамъ.

Н. Бергъ.

—
IX.

ДАРЪ НА ПРОЩАНЬЕ.

Жизь со мной голубчикъ,
Жизь въ счастливой догѣ,
Да порхнулъ голубчикъ
Во чистое поле —

Во чистое поле,
На зеленый дубчикъ:
Тамъ теперь воркуетъ
Милый мой голубчикъ.

Не воркуй, голубчикъ,
Съ дубу зеленого,
Не муди голубѣ
Сердца ретивѣго!

«Поздно ты, голубка,
Поздно спохватилась!
Что жъ, какъ не былъ дома,
Ты съ другимъ слюбилась!»

«Подарилъ я милой,
Милой ленту аду,
Чтобы ленту эту
Въ косы заплетала;

«Подарилъ другую,
Ленту голубую,
Чтобы не забыла
Ту пору блудую.»

Н. Бергъ.

—
X.

ЛОВКІЙ ОТВѢТЪ.

Говоритъ мнѣ снова
Нынче мать милѣва,
Чтобы я забыла
Про ея про сына.

На такія рѣчи
Я ей отгнѣчала,
Чтобы она покрѣче
Сына привязала;

Привязала бы сына:
Не ходи, моги, мимо!
Къ дѣвкѣ порогу
Не топчи дорогу!

Н. Бергъ.

—
XI.

ВѢДНОСТЬ И ЛЮБОВЬ.

Подъ окошкомъ нашимъ
Протекаетъ рѣчка.
Кабѣ ты мнѣ, мила,
Коня напоила!
«И съ конемъ не слажу:
Я коней выражу,
Милый, не пошла!»

Подъ окошкомъ нашимъ
Выросла олива.

Кто, скажи мнѣ, мила,
Кто тутъ ходитъ мимо?
«Къ намъ никто не ходитъ,
Рѣчи не заводитъ
Обо мнѣ съ родимой.»

Подъ окошкомъ нашимъ
Расцвѣтаютъ розы.
Отъ чего же, мила,
Проливаешь слезы?
«Вѣдность одолѣла:
Съ ней я то-и-дѣло
Проливаю слезы.»

Н. Бергъ.

—
XII.

РАЗСВѢТЪ.

Люди мнѣ сказали:
«Будто время къ ночи»
А то зачернѣли
Моей милой очи.

Люди мнѣ сказали:
«Зорька на востогѣ!»
А то разгорѣлись
Моей милой щѣки.

Люди мнѣ сказали:
«Проглянуло солнце!»
А то поглядѣла
Милая въ оконце.

Н. Бергъ.

—
XIII.

РАЗЛУКА.

Въ чистомъ полѣ, подъ ракитой,
Борзый конь играетъ,
А подъ ней моя милая
Слезы проливаетъ:

— Ты куда, мой милый, ѣдешь?
Нѣтъ туда и слѣду...
Но куда бы ты не пустился —
Я съ тобой поѣду.

«Я туда, далеко йду —
Вь горы голуби,
Чтобь забыть мнѣ на чужбинѣ
Раны сердца злыя.

«Я туда, далеко йду —
Вдоль рѣки широкой,
Чтобы больше не видаться
Сь дѣвою черноокой.

«Далеко по бѣлу свѣту
Я скитаться стану,
Чтобь въ любви не вѣдать больше
Горькаго обману.»

М. Петровскій.

—

XIV.

ЛЮБОВЬ.

Что поётъ тамъ эта пташка,
Что въ кустахъ сидитъ одна:
Будто дѣвушка, влюбившись,
Вдругъ становится блѣдна.
Ну, вѣдь, право, эта пташка
Все неправду говорить:
Посмотрите, какъ румянецъ
На щекахъ монхъ горитъ!

М. Петровскій.

—

XV.

НЕСЧАСТНЫЙ МИЛЫЙ.

Мнѣ сегодня сонъ приснился,
Что мой милый воротился;

А какъ утромъ я проснулась —
Нѣтъ милова: мнѣ взгрустнулось.

Кабы я посла достала,
Я бы къ милому послала.

Ты лети, лети, посоль,
Мой посоль, ясенъ соколъ!

Къ замку соколъ подлетѣлъ,
Другъ изъ замка поглядѣлъ:

«Воротись ты, соколъ мой,
Воротись ты домой —

«И скажи, что буду скоро
Къ ней до зорьки, до восхода!»

Солнце красное восходить,
Милый другъ мой не приходитъ.

Конь подъ нимъ играетъ, пляшетъ;
Милый другъ рукой мнѣ машетъ.

Повихнулъ конь борзый ногу:
Паль мой милый на дорогу —

Паль мой милый, встать не можетъ:
Кто подыметъ? кто поможетъ?

«Что мнѣ, мила, что мнѣ помощь,
Что мнѣ помощь, коли поздно!

«Лучше въ колоколъ звоните
И меня похороните.»

Ахъ, увиль мой красный цвѣтъ,
Что милый мнѣ былъ, чѣмъ свѣтъ!

И того, по комъ вздыхала,
Я на-вѣки потеряла!

Н. Бергъ.

—

XVI.

НА ПУТИ КЪ МИЛОЙ.

Солнце за горами,
Сумрачно въ долину...
Ахъ, зачѣмъ ты, батюшка родимый,
Спишь теперь въ могилѣ?

Спать ложусь, встаю ли,
Все я поманяю
О тебѣ, мой батюшка родимый,
О тебѣ вздыхаю!

Лишь одна кручина
Мое сердце гложетъ,
Что на наше счастье золотое
Онъ смотрѣть не можетъ.

Гдѣ овесъ ты сѣялъ,
Тамъ взросилъ я жито,
И кругомъ у насъ густой пшеницей
Поле все покрыто.

Тамъ, гдѣ въ землю пролилъ
Ты хоть каплю поту —
Тамъ мнѣ нынче золото-богатство
Сыплется безъ счету.

Житницы, амбары
Полины и богатны...
Скоро-скоро будетъ къ вамъ хозяйка,
Дворники и хаты!

Ахъ, когда бь ты видѣлъ
Мою дорогу,
Словно яблонь, ты развеселилъ бы
Голову съдую.

Конь мой, конь! какъ былъ ты
Жеребенокъ квиный,
Ты не зналъ, что на тебѣ поѣду
За своей я милой!

Солнце за горами,
Темень долгъ туманный...
Ты лети, лети, мой конь ретивый,
Къ милой и желанной!

Н. Бергъ.

—

XVII.

ЧАРОДѢЙКА.

Вы сожгите еѣ,
Утопите еѣ:
Загубила она
Душу-сердце мое!

Чародѣйка она,
И хитра и умна,
Много чаръ у нея,
Всѣхъ чаруетъ она.

Чары — очи у ней,
Аль вода разольется:
Какъ увидишь ты ихъ —
Своей покой позабудь!

Пятерыхъ звезда
Влескомъ чорныхъ очей,
Красотою лица,
Вблизиною плечей...

Пятерыхъ звезда,
И шестому не въ мочь:
Самъ не свой, какъ шальной,
Бродитъ онъ день и ночь.

Ахъ, сожгите еѣ,
Утопите еѣ:
Загубила она
Душу-сердце мое!

Н. Бергъ.

—

XVIII.

ПОДЪ ОКОШКОМЪ.

Ночь придетъ — знакомой мнѣ
Обойда дорожкой,
Запою я, въ тишинѣ,
Подъ твоимъ окошкомъ:
«Спи, мой ангелъ! Добрый сонъ!
Пусть тебя лѣзѣтъ онъ!

«Будь онъ сладокъ, какъ твоя
Золотая младость!
Кто жь приснится? Если я —
Улыбнись, какъ радость!
Спи, мой ангелъ! Добрый сонъ!
Пусть тебя лѣзѣтъ онъ!»

О. Гляйка.

—

XIX.

РАДОСТЬ И ГОРЕ.

Ахъ ты, радость, ты, радости!
Деревцомъ вырастаешь,
Только жаль, что корней ты
Нигде не пускаешь.

И подуетъ ли вѣтеръ,
Аль вода разольется:
Дерево молодое
Упадетъ и согнѣется.

Можеть, можеть и встанеть,
Да къ иному ужь нѣту...
Жаль миѣ, жаль, что корпей-то
У тебя, радость, нѣту!

Ахъ ты, горе-кручина!
У тебя, у кручины,
Лишь одинъ горькій корень;
Безъ нѣтвей, безъ былинн.

Много надобно вздохомъ,
Слѣзъ широкое море,
Чтобъ развѣять кручину,
Чтобы выплакать горе!

Горькій корень далѣко,
Горькій корень глубоко,
Безъ нѣтвей, безъ былинн —
Горькій корень кручины!

Н. Вьргъ.

XX.

О Ч И.

— У тебя, краса-дѣвица,
Очи такъ полны огня,
Что неволью я страхуся —
Не обманеш ли меня?

«Если бѣ даже въ сто разъ ярче
Эти искрились глаза,
Не пугайся: не обманетъ,
Милый другъ, твоя краса.»

«Ты не бойся понапрасно
Черныхъ, огненныхъ очей,
А скорѣе берегися
Тихихъ, вкрадчивыхъ рѣчей.»

М. Петровскій.

II. МОРАВСКИЯ.

I.

СТАРЫЙ МУЖЬ.

У молодки Нани
Мужъ, какъ лунь, съдой...
Старый мужъ не вѣрять
Жонкѣ молодой:

Разомъ домекнулся,
Что не будетъ прокъ —
Глазъ съ нея не спустить;
Двери на замокъ.

«Отвори каморку —
И чуть-чуть жива:
Что-то разболѣлась
Сильно голова —

«Сильно разболѣлась,
Словно жаръ, горитъ...»

На дворѣ погодно:
Можеть, освѣжить?»

— Что жѣ, открой окошко,
Прохладись, мой свѣтъ!
Хороша прохлада,
Коли друга нѣтъ!

Нана замолчала,
А въ глухой ночи
Унесла у мужа
Старого ключи.

«Сни, голубчикъ, съ Богомъ,
Сни, да почивай!»
И ушла тихонько
Въ дровяной сарай.

— Ты куда ходила,
Нана, со двора?

Волосы — хотъ выжми;
Шуба вся мокра...

«А телата наши
Со двора уши,
Да куда жѣ? — къ сосѣдѣ
Въ просо забрехи.»

«Затнала на силу —
Разболѣжались всѣ...
И на перемокла,
Ходя по росѣ.»

Видно, лучше съ милымъ
Хотъ дрова ценать,
Чѣмъ со старымъ мужемъ
Золото считать.

Видно, лучше съ милымъ,
Голая доска,
Чѣмъ со старымъ мужемъ
Два пуховика.

Л. Мъй.

II.

СЕСТРА ОТРАВИТЕЛЬНИЦА.

Побѣжала ранимъ-рано
На Дунай-рѣку Уляну.

Проѣзжали тамъ гусары:
«Эй, поѣдемъ, дѣвка, съ нами!»

— Я бы рада, я бы рада,
Да боюсь родного брата.

«Отрави ты брата ядомъ
И поѣдемъ съ нами рядомъ.»

— Я бы рада, я бы рада,
Да откуда взять миѣ яду?

«Въ темномъ дѣсѣ подъ рапшой
Зиѣй гнѣдится ядовитый:

«Принеси его ты въ хату
И изжарь на завтракъ брату.»

Ѣдетъ, ѣдетъ братъ изъ бору,
Тащить дерево-волоу.

Встрѣчу брату выбѣгала
И ворота отворяла;

Отвела коней на мѣсто.
«Это что, сестра, за вѣсти?»

— На-ка рыбки, братъ Ванюша:
Пополудновой, покушай! —

«Гдѣ взяла ты рыбу эту:
Ни головъ, ни перьевъ нѣту?»

— Я головки отрубила,
Подъ окошкомъ ихъ зарыла.

Какъ отвѣдалъ онъ жаркое,
Поблѣднѣлъ одной щечкою;

Какъ еще кусокъ откушалъ,
Поблѣднѣлъ и весь Ванюша;

А какъ третій съѣлъ кусочекъ,
Поблѣднѣлъ, что бѣлъ платочекъ.

«Принеси, сестра, напишься:
Хочетъ сердце прохладиться.»

Принесла води изъ лужи —
Стало Ванѣ еще хуже.

«Постели, сестра, постелю:
Клонитъ сонъ меня что съ хлѣбомъ.»

— Лягъ на камень головою
И усни ужь, Богъ съ тобою!

Въ Воляндѣ звонн звонять:
Палачи Уляну гонять;

Въ Мутеницахъ зазвонили:
Съ ней они въ дорогѣ были;

А звонить въ Годнѣ стали —
Палачи ее пригнали.

Какъ тесаи гробъ Ивану,
На возу везли Уляну.

— Вы живѣмъ меня заройте,
Только пѣсенки не пойте!

Какъ Ульяну зарывали,
Дѣвки пѣсенку слагали;

Какъ совсѣмъ ее зарыли,
Дѣвки пѣсенку сложили.

Н. Бяргъ.

—

III.

ЛУЧШЕ.

Лучше куколя пшеница —
Лучше вдовушки дѣвица;
Лучше золото свинца —
Лучше молодецъ вдовца!

Л. Мѣй.

—

IV.

СМЕРТЬ МАТЕРИ.

«Тятенька-голубчикъ, гдѣ моя родная?»
— Померла, мой свѣтъ, дочка дорогая!

Дочка побѣжала прямо на могилу,
Рухнулась на-земь, молвить черезъ силу:

«Матушка родная, вымоли словечко!»
— Не могу: землю давить мнѣ сердечко.

«Я разрою землю, отваяю каменья:
Вымоли словечко, дай благословенья!»

— У тебя есть дома матушка другая.
«Охъ, она не мать мнѣ — мачиха лихая!

«Только зубы точить на чужую дочку:
Щиплетъ, коли станетъ надѣвать сорочку;

«Чешетъ, такъ подгребнемъ провручѣемъ сочитомъ;
Рѣжетъ комоть хлѣба — ножикомъ грозитомъ!»

Л. Мѣй.

—

V.

ПЕЧАЛЬ.

Ужъ не быть тому во-вѣки, что было,
Не свѣтъ знать красу солнцу, какъ оно свѣтло!

Не звать мнѣ прежней доли съ прежней мощью-
силой;

На конѣ своемъ удамомъ знать не ѣздить къ милой!

Мнѣ свѣтло красно солнце въ малое оконце,
А теперь свѣтить не хочетъ, частый дождикъ мочить,

Частый дождикъ, непогода бѣтъ, стучитъ въ окошко:
Заросла къ моей любовной торная дорожка —

Заросла она кустами, заросла травой,
Съ-той-пори какъ я спознался съ милою другою.

Н. Бяргъ.

III. СЛОВАЦКІЯ.

I.

ИЗГНАНІЕ.

Свѣтлая ты рѣчка,
Рѣчка ты Влтава!
Наше тѣ веселье,
Красота и слава!

Красное тѣ мѣсто,
Прага дорогая,
Нашъ престольный городъ,
Родина святая!

Да чтѣ намъ Влтава,
Чтѣ намъ наша Прага,
Коли въ насъ угасла
Сила и отвага!

Изъ дому насъ гонять,
Все у насъ побрали,
Только лишь съ собою
Виблю не взяли. *)

Татры, горь-скалы!
Къ намъ идемъ ми въ гости:
Здѣсь намъ жить въ ущельяхъ,
Здѣсь ми сложимъ восты!

Н. Бяргъ.

II.

СОБЕССКІЙ И ТУРКИ.

Погодите, братцы:
Перейдетъ Собесскій,
Перейдетъ Собесскій
Черезъ холмъ Силезскій —

Черезъ холмъ Силезскій,
Черезъ Бѣлу гору,
Черезъ Бѣлу гору,
На червономъ конѣ —

На червономъ конѣ,
Съ золотымъ кантаромъ, *)
Съ золотымъ кантаромъ,
На помощь гусарамъ —

На помощь гусарамъ,
На защиту Вѣны;
Тогда только сунтесъ,
Турки-бусурменны!

Н. Бяргъ.

—

III.

БѢЛГРАДЪ.

Конь подъ Бѣлградомъ стоитъ вороной;
На немъ сидитъ,
Кровью покрытъ,
Миленскій мой.

*) Такъ называемую краличку библию, переведенную прямо съ еврейскаго текста учеными чехами на чешскій языкъ, въ XVI вѣкѣ, въ городѣ Кралицѣ, на рѣкѣ Моравѣ.

*) Родъ узам.

Знаешь ли, мила, какъ битва живетъ?
Видишь: съ меня,
Видишь: съ воиа
Кровь такъ и льеть!

Знаешь ли, мила, какой нашъ обѣдъ?
Наша ѣда —
Хлѣбъ да вода:
Вотъ нашъ обѣдъ!

Знаешь ли, мила, гдѣ буду я спать?
Тамъ, гдѣ убьютъ,
Тамъ погребутъ,
Тамъ мнѣ лежать!

Знаешь ли, кто у меня звонаремъ?
Рапещихъ стонъ,
Сабельный звонъ,
Пушечный громъ!

Н. Вьргъ.

IV.

НИТРА. *)

Нитра, мила Нитра, ты веселье наше!
Гдѣ же, гдѣ то время, какъ была ты краше?
Нитра, мила Нитра, матушка родная,
На тебя мы смотримъ плача и стеная:
Ты была когда-то въсѣхъ околицъ слава,
Гдѣ Дунай струится, Висла и Моравя,
Гдѣ святой Меводій настру пась Христову
И училъ народы божию пась;
Ты была наслѣдьемъ внязя Святопола...
Нинѣ жь твои слава стикла и замолкла;
Нинѣ здѣсь владѣть чуждое намъ племя:
Такъ-то съвѣтъ измѣняивъ, такъ проходить время!

Н. Вьргъ.

*) Когда-то столичный городъ Натрасскаго княжества, въ Землѣ Словацкой; нынѣ главный городъ Натрасской области, на рѣкѣ того же имени.

V.

ГРУСТЬ ПО МИЛОМЪ.

Не разслѣся ты, снала моя,
Когда съ мненькимъ расставаляся я.
Если вѣтъ ужь мнѣ больше радости,
Брошу вольный свѣтъ и безъ жалости.

И за что, судьба, такъ караешь ты,
Все, что дорого, отнимаешь ты?

Хоть бы смирелюся, хоть свѣтало бы —
Только дней моихъ убывало бы!

Соловей ты мой, ной въ часгѣмъ лѣсу!
Разгони тоску, что въ душѣ несю.

Камнемъ на сердцѣ всѣ лишения;
Нѣтъ ужь въ мирѣ мнѣ утѣшенія.

И немалого жарко встрѣчу я —
Отцу, матери не перечу я.

И съ немилымъ я, видно, стану жить,
А по мненькомъ горевать-тужить.

М. Петровскій.

VI.

МИЛЫЙ ВЪ ПОЛѢ.

Люди мнѣ сказали, будто въ полѣ тучи,
А то зачертила мненького очи.

Люди мнѣ сказали — поле загорѣлось,
А то у милова личико зардѣлось.

Люди мнѣ сказали, что гогочуть гуси,
А то заиграли мненького гусли.

Люди мнѣ сказали — пролетѣла пташка,
А то заблѣла милого рубашка.

Люди мнѣ сказали — поле гулко стадо,
Поле гулко стадо — милымъ гонить стадо.

Н. Вьргъ.

IV. ПОЛЬСКІЯ.

I.

ОЖИДАНИЕ.

Мѣсяца не видно
Середь темной ночи:
Жду я, жду милого —
Проглядѣла очи.

Жду я, не дождался:
Не приходитъ Яся,
Хоть и общалъ онъ,
Общала вчера я.

Вѣ погѣ садочекъ,
Вѣ погѣ прохладный;
Кто жь его украсилъ?
Яся непамядный.

Посажу дѣточекъ
Рано до разсвѣту...
Ахъ, да не до свѣту,
Кои друга ибѣту!

Пріунимъ безъ друга
Зелень лѣтъ-лѣсочникъ:
Соловей не свнцеть,
Онуся носочикъ...

Н. Вьргъ.

II.

КРАКОВЪ.

«Вудь здоровья, Сонц!»
Мовилъ Сонѣ Яковъ:
«Вороного кона
Погоноу я въ Краковъ.

«Всѣмъ-то, всѣмъ украсятъ
Краковъ, городъ важный;
Что домовъ и башенъ
На улицѣ каждой!

«Вѣдять тамъ гусаря,
Съ пиками уланъ;
А гдѣ замокъ старый,
Тамъ король и паня.

«Дѣвки-бѣсеняты
Такъ и лѣзутъ повсюду...
Не забудь меня ты,
И я не забуду.»

Н. Вьргъ.

III.

ВЫПЬЕМЪ.

Нашп дни коротки —
Выпьемъ что-ли водки!
Что тутъ долго спорить —
Выпьемъ и вдругорядъ!
Пусть жена и дѣти —
Выпьемъ-ка по третей!
Всѣ печали къ чорту —
Наливай четверту!
Пьемъ мы зачастую
Пятуу, шестую,
А седмю подносить —
Почивать насъ просятъ;
А восьмую выпьемъ —
Лажемъ и не пинемъ!

Н. Вьргъ.

IV.

ИЗМѢННИКЪ.

«Дождишь, дождишь моросить,
Вмокла вся поляна.
Ахъ, люби меня, Ванюша,
Вѣрно, безъ обмана!

— Я люблю тебя, люблю,
Много, какъ умѣю!
Кои стану измѣнять,
Чтобъ сломать мнѣ шею!

Только сталь онъ выѣзжать
На большу дорогу —
Онъ головушку сломилъ,
А копь борзый ногу.

«Знать, тебѣ невѣренъ былъ
Милый твой Ванюша:
Ужъ вдругорядъ никого,
Дочка, ты не слушай!»

Н. ВѢРГЪ.

V.

СМЕРТЬ МИЛАГО.

Распѣвають пташки, громко распѣвають,
Моего Ванюшу кличутъ, выкликають —
Кличутъ, выкликають, стонутъ за дубровой;
Копь гремитъ полковой, на войну готовый.

«Не горюй, подруга: все въ Господней воцѣ!
Можетъ, годъ, не богъ, буду въ ратномъ воцѣ.»
Молвилъ и помчался. Годъ и два проходитъ,
А съ войнн Ванюша къ милой не приходитъ.

Ждетъ его подруга, ждетъ и дни, и ночи,
Плачетъ и крушится — выпалака очн;
Вышла на дорогу: ѣдутъ тамъ узаны —
ѣдутъ тамъ узаны, кони ихъ бузаны.

Подъ попоной черной конь одинъ позадн.
— Гдѣ же мой Ванюша? гдѣ коню хозяинн?
«Охъ, убить твой Ваня, въ правый бокъ подъ душу,
Въ правый бокъ подъ душу ранилн Ванюшу!»

Ранилн Ванюшу въ правый бокъ подъ сердце:
Плакаться я стану по чужимъ по сѣчамъ.
«Ой, не плачь, красotka! не жалѣй Ивана:
Изъ полку любого выбери узана!»

Выбрать мнѣ не долго изъ полку любого,
Да не будетъ Вани у меня другого!
Хоть бы я глядѣла, всѣхъ переглядѣла,
А такого друга все бы я не встрѣла!

Н. ВѢРГЪ.

VI.

ПОЦАЛУЙ.

Руки, что жъ прошу я
Долго подадутъ!
Мы еще попросимъ,
Да какъ-разъ и бросимъ!

Не гляди такъ строго:
Красныхъ дѣвокъ много
За быстрой рѣкою,
Лишь махни рукою.

Въ молодня лѣта
Нѣтъ любви запрета:
Идутъ дни за днями,
Волны за волнами...

Хоть морозъ и грянетъ,
Цѣтъ весною встанетъ;
Старость кровь остудитъ —
Ничего не будетъ!

Н. ВѢРГЪ.

V. ЛУЖИЦКІЯ.

I.

ВѢРНОСТЬ ДО ГРОБА.

«Мнѣ приснилось въ эту поченку,
Что подруженька въ гробу лежитъ.

«Ты сѣдай коня, мой милый братъ,
Ты сѣдай коней обоимъ намъ!»

«Мы съ тобой поѣдемъ въ Лужицы,
Повидаемся съ Шутицами:

«Мы узнаемъ, мы развѣдаемъ,
Какъ живетъ имя, какъ можетъ.»

Мать-Шутиха ходитъ по двору;
На Шутихѣ платье черное.

«Здравствуй, здравствуй, мой матушка!
Гдѣ же дочь твоя красавица?»

— «Нынче годъ ровнымъ-равнымъ,
Какъ свезли мы на погостъ ее —

«Что на нарѣ лъ воронихъ коней,
Да на нарѣ бѣлыхъ кониковъ.»

Повернулъ коня онъ борзого
И поѣхалъ прямо въ Кростицы —

Онъ поѣхалъ прямо въ Кростицы,
На кладбище, на церковный дворъ.

Онъ вкругъ объѣхалъ триъ раза,
Сталъ надъ гробомъ красной дѣвицы:

«Пробудись, проснись, подруженька!
Возврати мои подарочки!

— «Ахъ, не встать и не проснуться мнѣ,
Не вернуть твоихъ подарочковъ:

«На груди плита тяжолая,
Очи перстѣю засыпана.

«Поѣжай къ моей ты матушкѣ,
Пусть отдастъ твои подарочки:

«Черевички съ бантомъ, съ дѣнтами,
И платокъ богатый, полковный.

«Перстенецъ твой на рукѣ моей:
Ужъ его мнѣ не отдать тебѣ!

«Подожди еще годовъ-другой:
Ляжемъ, милый, ты рядкомъ со мной!»

Повернулъ коня онъ борзого
И поѣхалъ прямо къ матери:

«Слышишь, старая ты матушка,
Вороти мои подарочки:

«Черевички съ бантомъ, съ дѣнтами,
И платокъ богатый, полковный.

«Перстенецъ мой на рукѣ у ней:
Перстенецъ мой не воротится!»

Отдавала мать подарочки,
Горько плакала добрый молодецъ.

— «Что ты плачешь, добрый молодец?
Много въ свѣтѣ красныхъ дѣвушекъ,

«Что богаче и пригожѣ,
Что богаче и красивѣ.»

— «Коль съ твоей не почастливилось,
Мнѣ другихъ подругъ не надобно!»

Повернулъ коня онъ борзата,
Бѣдетъ къ мастеру гробовому —

Бѣдетъ къ мастеру гробовому,
Новый гробъ ему заказывать.

«Какъ тамъ лягу, гдѣ она лежитъ,
Перестану я грустить-тужить!»

Н. Бергъ.

II.

ИЗМѢНА МИЛАГО.

— «Пой, красна дѣвица, пѣсни!
Голосъ твой слышно далеко —

«Голосъ твой слышно далеко,
Видеть до полей до Исенскихъ:

«Вплоть до чужой до границы
Слышно тотъ голосъ дѣвницъ!»

— «Пѣсни мнѣ пѣть, веселиться
Наньче совсѣмъ не годится.

«Пусть всё въ харчевнѣ гуляють,
Гора-печали не знаютъ;

«Мнѣ жъ тамъ веселости мало:
Я опуну покрывало,

«Прямо ни разу не гляну,
За двери прятаться стану.»

Милый по комнатѣ ходить,
Видать ее — не подходитъ —

Видать ее — не подходитъ,
Съ нею рѣчь не заводитъ;

Полкъ не станеть, не глянетъ,
Бѣлой руки не протянетъ.

— «Ахъ, ты мой милый, сердечный!
Что погордѣлъ, поважнѣлъ ты?»

«Что ни словечка не скажешь,
Ласки своей не покажешь?»

— «Какъ же мнѣ знаться съ тобою,
Съ дѣвкой, съ мужичкой простою!»

— «Словно не зналъ ты, не вѣдалъ
Нашего племени-роду

«Прежде, чѣмъ знался со мною,
Съ дѣвкой, съ мужичкой простою!»

«Лучше бы со мной ты не знался,
Къ намъ по вочамъ не шатался,

«Спать бы одинъ себѣ дома,
Дома, въ богатыхъ хоромахъ —

«Ногъ на ходьбѣ не томить бы,
Въ избу къ намъ бѣдъ не носить бы:

«Ватушки съ матушкинъ гора,
Слѣзъ разливнаго море,

«Вратьямъ и сестрамъ обиды,
Милымъ подружкамъ печали!»

Счастливи, кто сердце хоронить,
Слѣзъ на постелю не ронить,

Парнямъ въ обманъ не дается,
Парню въ глаза насмѣется!

Съ виду всё ласковы парни,
Въ сердцахъ жъ — хитры и коварны;

Красную дѣвку заводять,
Дружбу не долго съ ней водятъ:

Часъ и другой поиграють
И, погравши, бросають...

Н. Бергъ.

III.

ПОКОРНАЯ ДОЧЬ.

Я на гору кверху подиілаась
И въ даль я съ горы поглядѣла,
И вижу я: лодочка бѣдетъ,
А въ лодкѣ три молодца добрыхъ.

Что былъ всѣхъ пригожѣй, моложе,
Что въ лодкѣ сидѣлъ по-середѣ —
На мнѣ обѣщаль онъ жениться,
Хоша молодецекъ годами.

Онъ далъ мнѣ, дѣвицѣ, колечко,
Колечко, серебряный перстень:
«Возьми ты, дѣвица, колечко,
Возьми ты серебряный перстень!»

«Коль матушка спрашивать будетъ,
Откуда серебряный перстень —
Скажи, отъѣчалъ ты родимой,
Что перстень наша на дорогѣ?»

— Предъ матушкой лгать я не стану,
Не стану кривить я душою:
А прямо скажу безъ утайки,
Что хочешь на мнѣ ты жениться.

Н. Бергъ.

IV.

ЛЕГЕНДА.

Пускай узнаетъ цѣлый свѣтъ,
Что было въ Урахахъ за сто лѣтъ.
Жилъ въ Варавинѣ славный князь —
И дочь у князя родилась;
Лидомъ пригожа и свѣтла
Новорожденная была.
Когда же стала подростать,
Не шла съ подружками играть;
Но въ божьихъ храмахъ день и ночь
Модилась княжеская дочь.
Минуло ей шестнадцать лѣтъ —
Она даетъ святой обѣтъ:
Оставить міра суету
И посвятить себя Христу.
Но слышнѣя вѣсти отъ родныхъ,

Что къ ней присватался женихъ,
Что красотой ея плѣнёнъ
Одинъ владѣтельный баронъ.
И соглашаются отдать
Ему ее отецъ и мать;
Но дочь одно твердитъ въ отвѣтъ:
«Дала я Господу обѣтъ
Весь вѣкъ не вѣдать брачныхъ узъ;
Одинъ женихъ мой — Иисусъ!»

Но ей отецъ, вознесень гласъ:
«Ты наша дочь — и слушай насъ!»
И дочь, покорствуя отцу,
Пошла готовиться къ вѣнцу,
Кротка, спокойна и тиха,
Но не глядитъ на жениха.
Когда жъ окончень былъ обрядъ,
Она ушла тихонько въ садъ
Къ своимъ возлюбленнымъ цѣтцамъ,
И на колѣни пала тамъ,
И говорила такъ, молясь:
«Услыши, Господи, мой гласъ,
И укрѣпи во мнѣ, Господи,
Изнемогающую плоть!»

И передъ нею Онъ предсталъ,
И страхъ невѣсту обуялъ;
Но подавъ Онъ десницу ей —
И стала вдругъ она смѣяться,
И новяхъ силъ живой родникъ
Ей въ душу слабую проникъ.
И кротко въ очи ей смотри,
Господи вѣщать ей, говори:
«Возьми сей перстень золотой,
Залогъ любви Моей святой!»
Невѣста розу сорвала
И жениху ее дала,
Предъ нимъ колѣни преклоня:
«Прими залогъ и отъ меня!»
И обрученны пошли,
Срывая розаны съ земли;
А онъ, на ней покая взглядъ,
Сказалъ: «пойдемъ въ Мой вертоградъ!»
И, взявъ, повелъ ее съ собой.
И шли они рука съ рукой,
И въ вертоградъ къ Нему пришли,
Гдѣ розы пишныя цѣли,
Алоэ, нардалъ и кипянокъ,
И раздавалъ нѣкій звонъ
Золотострунныхъ райскихъ лиръ,
И пѣлъ святыхъ избранныхъ клиръ.
И доведя ее до вратъ,
Онъ рече: «ты зрѣла вертоградъ!»

Иди — пора тебѣ домой —
 И миръ да-будетъ надъ тобой!»
 И опечалилась княжна:
 Глядитъ — опять стоитъ она
 Предъ Вардиномъ у воротъ,
 И стража влечетъ: «кто идетъ?»
 Она, сробѣвъ и устыдись,
 Даетъ отвѣтъ: «Отецъ мой князь;
 Объ немъ извѣстенъ городъ весь:
 Онъ воеводой главнымъ здѣсь!»
 Но возражаетъ стража ей:
 «У воеводы нѣтъ дѣтей!»
 Она же имъ твердитъ одно:
 «Онъ воеводой здѣсь давно!»
 И взявъ, привратники ведутъ
 Ее въ судьямъ своимъ на судъ;
 Тѣ стали спрашивать ее,
 Она же имъ опять свое:
 «Отецъ мой князь!» она твердитъ:
 «Онъ воеводой здѣсь сидитъ.»

И диву судьи всѣ дались,
 И рыться въ книгахъ принялись,
 И тамъ прочли они въ отвѣтъ,
 Что въ Вардинѣ за сто лѣтъ,
 На праздникъ, въ свадебную ночь,
 Пропала княжеская дочь,
 И судьи всѣ рѣшили такъ,
 Что это вышней воли знакъ.
 И, внявъ княжизъ, онѣ пошли
 И ей пастора привели:
 И, осыпавъ его крестомъ,
 Она почла вѣчнымъ своимъ,
 Тиха, спокойна и ясна,
 И благогѣйна полна.
 Тому внимал, всякій чти
 Святые Господа пути,
 Зане Живымъ на небесахъ
 И многиаствоишь, и благъ.

Н. Бергъ.

СЛАВЯНСКІЕ ПОЭТЫ

МАЛУРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Малорусская литература — явление недавнее, именно потому что она имѣетъ исключительно народный характеръ. И у насъ, какъ и вездѣ, прежде считалось непреложнымъ, что языкъ книжный долженъ быть особымъ языкомъ отъ разговорнаго, и писатели, берясь за перо, настраивали себя на такую рѣчь, какой самъ не употреблялъ въ простомъ разговорѣ. У насъ издавна былъ книжный языкъ славяно-церковный; писать казалось возможнымъ только на немъ; языкъ живой вымался въ него невольно, но всегда писатель старался держаться, по возможности, книжнаго склада рѣчи. Можно сказать, что литературный языкъ на Руси измѣнился по мѣрѣ большаго невѣжества въ славяно-церковномъ языкѣ; писатели сбивались на просторѣе противъ собственнаго желанія. Въ южной и западной Руси, политически отдѣленной отъ сѣверной и восточной, славяно-церковный языкъ сталъ уступать другому языку литературному, но также не народному, хотя и состоявшему въ болѣе близости къ послѣднему, чѣмъ древній славяно-церковный. Это была учоная смѣсь славяно-церковнаго, польскаго и живаго русскаго, подъ работою туземныхъ грамматиковъ и риторовъ получившая своеобразную форму. Языкъ этотъ назывался русскимъ и послужилъ для значительнаго количества богословско-полемическихъ сочиненій, актовъ, писемъ и историческихъ повѣствованій. Учонные составляли для него словари и грамматики. При болѣе тѣсномъ

близженіи Малороссіи съ Великою Россіею, этотъ книжный языкъ уступилъ мѣсто другому, созданному Ломоносовымъ и развивавшемуся послѣдовательно работою и дарованіемъ русскихъ писателей. Онъ былъ ближе къ народному великорусскому по выговору, по строенію, но отличался отъ него множествомъ словъ и оборотовъ, взятыхъ изъ славяно-церковнаго и выкованныхъ писателями, усвоившими формы и способъ выраженія изъ иностранныхъ языковъ, древнихъ и новыхъ, такъ-что литературное развитіе удалало его отъ народнаго, а не приближало; для Малороссіи онъ былъ болѣе искусственъ, чѣмъ для великоруссовъ и болѣе далекъ отъ домашней народной рѣчи. Высшей классъ малорусскаго народа, который былъ сравнительно образованнѣе прочей массы, усвоивалъ этотъ языкъ сначала на письмѣ, потомъ и въ живой рѣчи, хотя долго не оставлялъ въ домашнемъ быту своего прадѣдовскаго, народнаго. Малорусскій простолюдинъ почти не понималъ его. Говоря съ послѣднимъ, малорусскій высшаго класса и образованнѣе поневолѣ спускался до языка простолюдина, потому-что иначе они бы не могли объясниться другъ съ другомъ; но писать на языкѣ простаго народа долго казалось большинству рѣшительно невозможнымъ.

Но въ образованномъ мѣрѣ начался переноротъ. Съ распространеніемъ просвѣщенія получившались недостатки исключительной книжности; стали приближаться къ живой рѣчи, стара-

лись излагать на письмѣ мысли приблизительно то, какъ онѣ излагались въ разговорѣ; то былъ покаместъ далекій идеалъ; дѣло шло медленно, также медленно, какъ образование массы народа и сляніе его сословій, и до-сихъ-поръ это литературное дѣло далеко не доведено до конца: мы все-таки пишемъ и даже говоримъ между собою не такъ, какъ осталая масса народа. Замѣтивъ здѣсь это обстоятельство, мы, однако, понимаемъ, что при маломъ количествѣ образованныхъ людей въ сравненіи со всѣмъ народонаселеніемъ, лицомъ въ всякихъ средствахъ въ образованіи, разниа въ языкѣ образованнаго класса отъ языка народной массы неизбѣжна, когда простоядну незнакома понятія и предметы, требующіе незнакомыхъ для него словъ и оборотовъ; но, кромѣ того, разниа эта зависитъ еще и оттого, что мы пишемъ и говоримъ отлчно отъ народа даже и тогда, когда о томъ же самомъ у народа есть готовый складъ рѣчи. Тѣмъ не менѣе XIX вѣкъ все-таки отличается тѣмъ, что языкъ книжный стремится слиться съ разговорнымъ, является потребность, чтобы складъ рѣчи образованнаго человека и простоядина былъ въ сущности одинаковъ. Если мы многое можемъ дать простоядину, знакома его съ предметами, понятіями и образомъ жизни высшаго человеческого развитія, то съ своей стороны и отъ него можемъ заимствовать немало: именно, живость, простоту и правдивость рѣчи, что, безъ сомнѣнія, и есть правдивая, истинная грамматика языка, которая указываетъ формы, созданныя безыскусственною природою, свободнымъ теченіемъ народной жизни, а не вымысломъ кабинетнаго ученого. Вироятно, съ развитіемъ профессіи въ массахъ, произойдетъ этотъ желанный обмѣнъ. Народъ расширитъ свой кругозоръ свѣдѣніями, добытыми наукою, а сама наука можетъ заимствовать отъ народа бохѣ простой и живой способъ выраженія.

Упрощеніе языка будетъ послѣдствіемъ широкой образованности. По нашему мнѣнію, первымъ шагомъ къ этому великому послѣдствію было то, что простоядинъ въ литературѣ пересталъ подвергаться пошлему невниманію; его бытъ, нравы, новатя, вѣрованія, его мѣни и сказки, его языкъ стали предметомъ изслѣдованія и изображенія. Идея народности вступила въ литературу.

Съ появленіемъ этой идеи, на Руси стали изучать русскаго простоядина, дорожить его рѣчью;

знать ее и владѣть ею уже стало достоинствомъ. По-этому и въ Малороссіи обратились къ тому же. Но тутъ-то оказалось, что въ этомъ русскомъ крайѣ господствуетъ въ народѣ совсемъ иная рѣчь, отличная отъ той, которая слышится въ другихъ краяхъ, рѣчь, отпечатывающаяся на себѣ нѣкую прожитую жизнь въ теченіи протекшихъ лѣтъ. Простоядлинъ-малорусъ оказался очень непохожимъ на простоядина-великоруса, хотя по главнымъ основнымъ чертамъ и тотъ и другой принадлежатъ къ одному народному дереву. По-этому, вступая своею особою въ число предметовъ, изображаемыхъ литературою, простоядлинъ-малорусъ естественно долженъ былъ принести съ собою особую вѣтъ литературы съ своеобразною рѣчью. Когда одни писатели дозволялись тѣмъ, что старались изобразить его на общерусскомъ языкѣ, другіе находили такой способъ недостаточнымъ, видѣли въ русскіихъ сочиненіяхъ, изображавшихъ малорусскую жизнь, какъ бы переводы съ какого-то другого языка и притомъ переводы рѣдко удачные, и обратились къ живой рѣчи народной малорусской, стали водить ее въ литературу, и такимъ-то путемъ возникла малорусская литература въ наше время.

Начало ей положено Котляревскимъ въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія. По господствовавшему тогда образу возрѣній, рѣчь мужика непременно должна была смѣшиваться, и сообразно съ такимъ взглядомъ, Котляревскій выступилъ съ народіемъ на «Энеиду» Виргилия, составленною по малорусски, гдѣ античные боги и герои изображены дѣйствиющими въ кругу жизни малорусскаго простоядина, въ обстановкѣ его быта, и самъ поэтъ представляетъ изъ себя также малорусскаго простоядина, рассказывающаго эти событія. Но эта народія поэмыка гораздо больше значеніе, чѣмъ можно было ожидать отъ такого рода литературныхъ произведеній. На счастье Котляревскому, въ малорусской натурѣ слишкомъ много особеннаго, ей только свойственнаго юмора, и его-то вывелъ Котляревскій на свѣтъ, желая позавбавить публику; но, этотъ народій своеобразный юморъ оказался, независимо отъ народія, слишкомъ свѣжымъ и освѣжающимъ элементомъ на литературномъ полѣ. Самъ авторъ былъ человекъ въ высокой степени талантливый. Не смотря на то, что онъ для своего произведенія избралъ почти несвойственный малорусской поэтической рѣчи четырехстопный ямбъ, какимы въ

облаи писали тогда русскіе поэты, «Энеида» имѣла громадній успѣхъ и Котляревскій открылъ собою дѣльный рядъ многихъ талантливыхъ писателей. Не ограничивался «Энеидою», Котляревскій написалъ еще двѣ драматическія пьесы: «Наташу Потанку» и «Москаля - чаривника». Обѣ эти пьесы долго игрались въ Малороссіи, а послѣдняя и въ столицахъ, гдѣ она и до-сихъ-поръ остается единственнымъ малорусскимъ драматическимъ произведеніемъ, не сходящимъ со сцены. И правду сказать: эта небольшая пьеса, сюжетъ которой заимствованъ изъ народной сказки, не встрѣтила у насъ до-сихъ-поръ еще ничего такого, чтобы стало выше ее по достоинству, въ качествѣ простояродной комедіи. «Наташка» очень любима въ Малороссіи; мѣни изъ нея распространялись до того, что сдѣлались почти народными.

За Котляревскимъ явился другой талантливый писатель: Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ. Отъ него осталось только нѣсколько стихотвореній, но за-то они приобрѣли чрезвычайную популярность, и можно встрѣтить много малорусовъ, знающихъ большую часть изъ нихъ наизусть. Подобно Котляревскому, и Артемовскій-Гулакъ сперва имѣлъ намѣреніе посѣлиться, по-забавить — и началъ пьесами на оды Горация, приспособляя возрѣнія римскаго поэта къ понятіямъ малорусскихъ поселянъ. Изъ написанныхъ имъ, кромѣ того, стихотвореній, видное мѣсто занимаетъ «Панъ Твардовскій», баллада. Сюжетъ ее тотъ же, что и въ балладѣ съ такимъ же названіемъ, написанной по-польски Мицкевичемъ, но малорусскій вариантъ отличается большею образностью и народнымъ юморомъ, чѣмъ польскій. Изъ нѣсколькихъ басенъ, написанныхъ имъ, «Панъ та собака», по художественности, по глубинѣ мысли и народному колориту, занимаетъ высочайшее мѣсто, тѣмъ болѣе, что она выражаетъ бо-лѣзненное, но сдержанное чувство народа, безысходно терпимаго произволу крѣпостничества. Артемовскій-Гулакъ былъ рѣдкій знатокъ самыхъ мельчайшихъ подробностей народнаго быта и нравовъ, и владѣлъ народною рѣчью въ такомъ совершенствѣ, выше котораго не доходилъ ни одинъ изъ малорусскихъ писателей. Нельзя не пожалѣть, что этотъ истинно-талантливый писатель рано покинулъ свое поприще. Въ старости онъ снова былъ обратися къ нему, но послѣднія его произведенія далеко уступаютъ первымъ.

Время тридцатыхъ и начала сороковыхъ го-

довъ настоящаго столѣтія ознаменовалось появленіемъ произведеній Григорія Федоровича Квитки, писавшаго подъ именемъ Основьяченка. Квитка началъ свою литературную дѣятельность на малорусскомъ языкѣ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, постоянно проживая на хуторѣ близъ Харькова, въ общинѣ съ народомъ. Кромѣ повѣстей, писанныхъ по-русски и помѣщенныхъ въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», Квитка по-малорусски написалъ двѣнадцать повѣстей («Садляцкій патрегъ, Маруся, Мервецкій великъ-день, Добре роби — добре й буде, Конотовська видьма, Отъ тоби я скарбъ, Козыр-дивка, Перекоти-поле, Сердена Оскаля, Пархимове свиданье, Божи дити, Щира любовь *) и пять драматическихъ произведеній («Шельменко-писарь, Шельменко-денщикъ, Сватаня на Гончаривци, Щира любовь, Вой-жипка, послѣдняя не была начата, но игралась на харьковской сценѣ»). Трудно опредѣлить превосходство одной его повѣсти предъ другою, потому-что каждая имѣетъ свои достоинства и представляетъ то ту, то другую сторону народнаго быта, нравовъ и взглядовъ. Если въ «Содатскомъ портретѣ» Квитки, описывая сельскую ярмарку, рисуетъ простоядина поселянина до того комически, что возбуждаетъ смѣхъ въ самомъ серьезномъ читателѣ, то въ «Маруся», «Сердечной Оскаль» и «Божьихъ дѣткахъ», при разнообразіи отношеній и положеній, выражаетъ такую полноту, глубину и вѣжностъ народнаго чувства, что выжимаетъ слезу у самого веселаго и безпечнаго. Въ повѣсткахъ «Контовська видьма», «Отъ тоби скарбъ», «Мервецкій великъ-день» онъ представляетъ самыя зѣлывыя фантастическія представленія; въ повѣсткахъ «Добре роби — добре й буде», «Перекоти-поле» — изображаетъ народные нравственные понятія; въ «Козыр-дивкѣ» выводитъ отношенія, въ которыхъ народная сельская жизнь сталкивается съ властью и администраціею; и вездѣ является онъ вѣрнымъ живописцемъ народнаго быта. Два изъ нихъ превзошло его въ качествѣ повѣствователя-этнографа, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше своего современника Гоголя, хотя много уступаетъ ему въ художественномъ построеніи. Изъ его драматическихъ произведеній, комическая оперетка

*) Последніе двѣ почему-то не вошли въ послѣднее изданіе его литературныхъ сочиненій, но мы когда-то читали ихъ, получивъ отъ самого автора въ рукопись; изъ повѣсти «Щира-любовь» Квитка потомъ составилъ драму, которая, по достоинству, много уступаетъ повѣсти того же содержанія.

«Сватанье на Гончаровскѣ» отличается вѣрными и талантливыми изображеніемъ домашнихъ нравовъ подгороднаго народа; пѣса эта имѣла большой успѣхъ на харьковской сценѣ и въ другихъ мѣстахъ, а также во Львовѣ. Черезъ-чуръ мѣстный интересъ этой пѣсмы не далъ ей мѣста на столичной сценѣ; но, кажется, недостатокъ артистовъ, знающихъ малорусскій языкъ и малорусскую жизнь на столько, чтобы исполнить эту пѣсню, былъ главною причиною непопавшенія ея на столичной сценѣ. Неудача льтъ тому назадъ «Сватанья» было изобиловано любителями въ Пассажѣ и было встрѣчено съ большимъ восторгомъ. Квитка имѣла громадое вліяніе на всю читающую публику въ Малороссіи; равнымъ образомъ и простой, безграмотный народъ, когда читали ему произведенія Квитки, приходилъ отъ нихъ въ восторгъ. Не помѣшали успѣху творчій талантливаго писателя ни литературные приемы, черезъ-чуръ устарѣлые, ни то, что у него господствуетъ слободское нарѣчіе, отличное отъ нарѣчій другихъ краевъ Малороссіи. Не только въ русскихъ юго-западныхъ губерніяхъ, но и въ Галиціи, гдѣ нарѣчіе уже значительно разнится въ мелочахъ отъ харьковскаго, сочиненія его читались съ наслажденіемъ, какъ свое родное. Великорусскіе критики упрекали его въ искусственной сентиментальности, которую онъ будто навязываетъ изображаемому народу; но именно у Квитки какъ этого, такъ и ничего навязываемаго народу — нѣтъ; незадуманный упрѣкъ происходитъ оттого, что критики не знали народа, который изображалъ малорусскій писатель.

Одновременно съ Квиткою писали стихотворенія по малорусски: Гребенка, Боровиковскій, Ломасовъ, Чужбинскій, Метлицкій (Амвросій Могила), Писаревскій, Петренко, Корсувъ, Щоголевъ и др. Всѣ они были болѣе или менѣе люди не бездарные, но никто изъ нихъ не обладалъ талантомъ на столько, чтобы составить эпоху въ молодой литературѣ. Это суждено было Тарасу Григорьевичу Шевченку.

До Шевченки малорусская литература ограничивалась изображеніемъ народнаго быта въ формѣ повѣстей и рассказовъ, отчасти въ формѣ драмъ, или стихотвореній въ народномъ тонѣ. Самъ Квитка, съ его умѣніемъ воспроизводить народную жизнь, не пошелъ далѣе простого изображенія. Выраженныя имъ чувства и воззрѣнія народа ограничиваются тѣмъ, что дѣйствительно можно было талантливому наблюдателю

подмѣтить во вѣншемъ проявленіи у народа — и только. Народъ у Квитки не смѣетъ подняться выше обычныхъ условій; если, иногда, онъ и заговариваетъ о своей боли, то очень не смѣло, но не дерзаетъ помалывать ни о чемъ лучшемъ. Народность Квитки, какъ и вообще тогдашнихъ народо-изобразителей — это зеркало наведенное на народный бытъ; по мѣрѣ того, каково это зеркало — въ немъ, съ большею или меньшею вѣрностью и полнотою, отражается то, что есть въ данный моментъ. Но Шевченко болѣе самъ простодушенъ, тогда-какъ другіе болѣе или менѣе были паны и паничи, любовавшіеся народомъ, иногда и дѣйствительно любившіе его, но въ сущности, по рожденію, воспитанію и стремленіямъ житейскимъ, не составлявшие съ народомъ одного плеча. Шевченко въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ выводитъ на свѣтъ то, что лежало глубоко на днѣ души у народа, не смѣя, подъ тягостю вѣншихъ условій, показаться — то, что народъ только смутно чувствовалъ, но не умѣя еще облечь въ ясное сознаніе. Поэзія Шевченки — поэзія плечаго народа, но не только та, которую самъ народъ уже пропѣлъ въ своихъ безыменныхъ твореніяхъ, называемыхъ пѣснями и думами: это такая поэзія, которую народъ самъ бы долженъ былъ забыть, если бы съ самоубійнымъ творчествомъ продолжалъ дажде пѣть непрерывно послѣ первыхъ пѣсенъ; или, лучше сказать, это была та поэзія, которую народъ дѣйствительно забылъ устами своего избранника, своего истинно-передоваго человѣка. Такой поэтъ какъ Шевченко есть не только живописецъ народнаго быта, но только живописецъ народнаго чувства, народныхъ дѣяній — онъ народный вожь, возбудитель въ новой жизни, пророкъ. Стихотворенія Шевченки не отступаютъ отъ формы и приемовъ малорусской народной поэзіи: онъ глубоко малорусскій; но въ то же время ихъ значеніе никакъ не мѣтвое: онъ постоянно несетъ въ себѣ интересъ общечеловѣчскіе. Шевченко не только малорусскій престопающий поэтъ, но вообще поэтъ простого народа, людской громады, подавленной падзана условіями общественной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствительный потребность нинихъ условій и уже начинающей въ нимъ стремиться, хотя еще и не видящей вѣрнаго исхода, а потому гордо впадающей въ отчаяніе, грустной даже и тогда, когда ей въ душу заглядываетъ уюваніе далекаго подданаго. «Мы вѣруемъ

твоему слову, о Господи!» восклицаетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній малорусскій плывецъ: «возстанетъ правда, возстанетъ свобода, и Тебѣ Единому поклонятся всѣ народы во-вѣки, но пока еще текутъ рѣки, кровавыя рѣки!» Понятно, что крѣпостное иго, тяготившее надъ народомъ, встрѣчалось въ Шевченкѣ ожесточенное негодованіе. «Видишь ли — говоритъ онъ въ другомъ своемъ произведеніи — въ этомъ рабѣ снимаютъ съ казѣн запатанную свитку для того, чтобы одѣть недорослыхъ княжичей; тамъ распинаютъ вдову за подати, берутъ въ войско единого сына, единую подлору; тамъ поэтъ ищетъ умираетъ съ голода опухшіи ребенокъ, тогда-какъ мать жметъ на барщій шинелю, а тамъ опозоренная дѣвушка, шатаясь, идетъ съ незаконнымъ ребенкомъ: отецъ и мать отгнелись отъ нея, чужіе не принимаютъ ее, ницѣ даже отворачиваются отъ нея... а барчукъ... онъ не знаетъ ничего: онъ съ двадцатю по свѣту (любовницею) пропиваетъ души. Видишь ли Богъ ивъ-за-тучъ наши слѣзы, горе? Видишь и помогаешь намъ столько же, сколько эти вѣковѣчныя горы, покрытая человѣческою кровію!» Не удивительно, что, живя и дѣйствуя въ періодъ строжайшаго сохранения существующаго порядка, малорусскій поэтъ, дерзнувшій открыть завѣсу тайника народныхъ чувствъ и желаній и показать другимъ то, что гнѣтъ и страхъ пріучили каждаго закрывать и боязливо заглядывать въ себѣ, осужденъ былъ судьбою на тяжелаго страданія, которыхъ отголоски рѣзко отозвались въ его произведеніяхъ. Быть-можетъ, съ-тѣхъ-поръ какъ народъ освободился отъ одного изъ бременъ, лежавшихъ на немъ — крѣпостное рабство, съ-тѣхъ-поръ какъ Россія вообще уже вступила на путь преобразованій, такой поэтъ, какъ Шевченко, не можетъ повториться; дальнѣйшія улучшенія въ жизни народа, дальнѣйшее его развитіе должны происходить посредствомъ умственного труда и гражданской доблести, а не поэтическихъ возбудителей; иные предметы, иные приемы будутъ вдохновлять грядущихъ поэтовъ, но для Шевченки навсегда останется мѣсто въ идеяхъ великихъ вѣннихъ славянскаго міра. Въ художественныхъ приемахъ онъ уступаетъ такимъ поэтамъ нашего племени, какъ Пушкинъ и Мицкевичъ, какъ уступалъ имъ вообще по воспитанію, хотя этотъ недостатокъ и значительно восполнялся силою его творческаго гени; но по животворности его

идей, по благородству и всеобъемлемости чувства, по естественности и простотѣ — Шевченко превосходитъ ихъ. Его значеніе въ исторіи — не литературы, не общества, а всей массы народа. Если новыя условія жизни, великіе перевороты и вѣдныя ряды иного рода событий унесутъ съ лица земли малорусскую народность, исторія обратится въ Шевченкѣ всегда, когда заговоритъ не только объ утаснувшей малорусской народности, но и вообще о прошлыхъ судьбахъ русскаго народа. Если когда-либо потомки долго страдашаго, униженнаго, умысленно содержимаго въ невѣжествѣ мужика, будутъ пользоваться полною человѣческою свободою и плодами человѣческаго развитія, судьба прожитыхъ ихъ предковъ не утаснетъ въ ихъ воспоминаніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они съ уваженіемъ будутъ вспоминать и о Шевченкѣ, вѣдныя страданія ихъ предковъ, искавшемъ для нихъ свободы — семейной, общественной, духовной, вмѣстѣ съ ними и за нихъ терпѣливымъ душою и гѣломъ, мыслию и дѣломъ.

Одновременно съ Шевченкомъ писалъ по малорусски Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ, столько же талантливыи поэтователь, сколько и превосходный этнографъ. Его «Записки о Южной Русѣ» могутъ служить лучшимъ образчикомъ этнографическихъ трудовъ. Изъ числа писанныхъ имъ повѣстей, по нашему мнѣнію, первое мѣсто занимаетъ историческій романъ «Чорна рада». По художественности и вѣрности картинъ, это одно изъ лучшихъ произведеній въ своемъ родѣ вообще въ русской литературѣ и единственное въ малорусской. Языкъ Кулиша отличается благородствомъ и старательною отдѣлкою: вообще видно постоянное стремленіе поднять его уровень и сдѣлать доступнымъ для предметовъ и понятій, стоящихъ выше быта населенія. Кроме прозы, Кулишъ пробовалъ писать и стихи, которые плавны и звучны, но по силѣ вдохновенія далеко уступаютъ Шевченковымъ.

Въ 1857 году вступилла на литературное поприще женщина-писательница, подъ псевдонимомъ Марка-Вовчка. Ея небольшіе рассказы изъ народной жизни, издаваемые въ свѣтъ подъ общимъ названіемъ «Оповіданья», отличаются высокою художественностью построения, глубокою мыслию и чувствами и вѣрностію красокъ. Малорусская читающая публика отнеслась въ этимъ произведеніямъ съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ.

Въ 1861 — 62 годахъ въ Петербургѣ издавался

Василієм Михайловичем Бѣлозерскимъ журналъ «Основа», посвященный Малороссіи. Кромѣ разныхъ статей, относящихся къ малороссійскому краю въ историческомъ, этнографическомъ, экономическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, журналъ этотъ наполнялся многими повѣстями, рассказами, стихами и замѣтками, писанными по малорусскому и вызвавшимъ къ литературной дѣятельности нѣсколько даровитыхъ писателей, какъ напримѣръ: Губова, Чайку, Нечуй-Витра, Олесеу Стороженка, Руданскаго, Кулика, Кухаренка, Мордовца, Номиса, Носа, Омельовича и другихъ. Рассказы Олесеу Стороженка, изданные въ свѣдѣніи особо въ двухъ томахъ, очень замѣчательны по талантливому изображенію малорусскаго быта, превосходному языку и народному юмору.

Но журналъ «Основа», давшій бесспорно большую толчокъ литературной малорусской дѣятельности, не могъ долго существовать по малости подписчиковъ, что, во всякомъ случаѣ, указывало на недостатокъ сочувствія въ высшемъ классѣ Малороссіи. Это одно уже, кромѣ другихъ соображеній, указывало, что для малорусской письменности нуженъ иной путь. Изобразительно-этнографическое направленіе нечернызнавокъ; въ эпоху, когда все мыслящее думало о прогрессѣ, о движеніи впередъ, о расширеніи просвѣщенія, свободы и благосостоянія, оно оказывалось слишкомъ узкимъ, простонародная жизнь, представлявшаяся прежде обладающею несметными богатствами для литературы, съ этой точки зрѣнія, являлась, напротивъ, очень скудною: въ ней не видно было движенія, а если оно въ самомъ дѣлѣ и существовало, то до такой степени медленное и трудно уловимое, что не могло удовлетворять требованіямъ скорыхъ, плодотворныхъ и знаменательныхъ ученій, какими занята была мясаяца сила общества. Стихотворство еще менѣе возбуждало интереса. Буйные витры, стеновыя могилы, козакъ, чумаки, чернобрина дѣвчата, зозули, соловейки, барвинковыя вѣточки и прочія принадлежности малорусской поэзіи становились избитыми, типическими, опонидельми призраками, подобными античнымъ богамъ и пастушкамъ псевдоклассической литературы, или сантиментальнымъ романамъ двадцатыхъ годовъ, наполняющихъ старые напы «Новѣйшіе вѣсенники». Поднимать малорусскій языкъ до уровня образованнаго, литературнаго въ высшемъ смыслѣ, пригоднаго для всѣхъ отраслей знанія и для

описанія человѣческихъ обществъ къ высшему развитію—была мысль соблазнительная, но ея несостоятельность высказалась съ перваго взгляда. Языкъ можетъ развиваться съ развитіемъ самого общества, которое на немъ говоритъ; но развивающагося общества, говорящаго малорусскіимъ языкомъ, несуществовало; тѣ немоты, въ сравненіи со всею массою образованнаго класса, которые, ставши на степень высшую по развитію отъ простаго народа, любили малорусскій языкъ и употребляли его изъ любви—тѣ уже усвоили себѣ общій русскій языкъ: онъ для нихъ былъ родной; они привыкли къ нему болѣе чѣмъ къ малорусскому, и какъ по причинѣ большаго своего знакомства съ нимъ, такъ и по причинѣ болѣе развитости русскаго языка предъ малорусскимъ, удобнѣе обрашались съ первымъ, чѣмъ съ послѣднимъ. Такимъ образомъ въ желаніи поднять малорусскій языкъ къ уровню образованныхъ литературныхъ языковъ было много искусственнаго. Кромѣ того, сознавалось, что общерусскій языкъ никакъ не исключительно великорусскій, а въ равной степени и малорусскій. И въ самомъ дѣлѣ, если онъ, по формамъ своимъ, удалялся отъ народнаго малорусскаго, то въ то же время удалялся, хоть и въ меньшей степени, отъ народнаго великорусскаго; то былъ общій недостатокъ его постройки, но въ этой постройкѣ участвовали также малоруссы. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ—языкъ этотъ былъ не чуждъ уже малоруссамъ, получившимъ образованіе, въ равной степени какъ и великоруссамъ, и какъ для тѣхъ такъ и для другихъ представлялъ одинако готовое средство къ дѣятельности на поприщѣ наукъ, искусствъ, литературы. При такомъ готовомъ языкѣ, творца для себя же другой, пришлось бы создать языкъ перемѣнно искусственный, потому что, за неизмѣнимъ словъ и оборотовъ въ области знаній и житейскомъ быту, пришлось бы ихъ выдумывать и вводить предумышленно. Какъ бы ни любили образованные малоруссы языкъ своего простаго народа, какъ бы ни рвались составить съ нимъ единое тѣло, все-таки, положивъ руку на сердце, пришлось бы имъ сознаться, что простонародный языкъ Малороссіи—уже не ихъ языкъ; что у нихъ уже есть другой, и собственно для нихъ самихъ не нужно двухъ разомъ.

Приходя къ такимъ выводамъ, малоруссы, сообразаясь съ господствовавшимъ въ тѣ годы общимъ стремленіемъ распространять всѣми воз-

можными средствами просвѣщенія, находили, что выработанный до извѣстной степени народный малорусскій языкъ можетъ послужить превосходнымъ двигателемъ общенароднаго образованія и принялся писать по-малорусски элементарныя научныя книги, съ цѣлю ознакомленія народа съ основами образованности. Такимъ образомъ написана была книга, гдѣ давались элементарныя понятія о природѣ, подъ названіемъ: «Де по про свѣтъ Божій», изданъ былъ первый выпускъ священной исторіи и арифметика. Изготовлено было въ разныхъ мѣстахъ два перевода святого Евангелія. Выли и другія работы. Мысль эта наша великое сочувствіе во всѣхъ концахъ малорусскаго міра. Выпускъ священной исторіи, менѣе чѣмъ въ продолженіи полугодія, разошелся въ количествѣ болѣе шести тысячъ экземпляровъ. Но тутъ подіялись подозрѣнія, обличенія и обвиненія. Московская газета, поддерживаемая нѣкоторыми корреспондентами изъ Малороссіи, находила въ этомъ предпріятіи умыслъ на отторженіе Малороссіи отъ русской имперіи, средство съ польскими интригами, однимъ словомъ преступныя намѣренія. И вотъ—найдено было умысленъ прегрѣздъ всякій дальнѣйшій ходъ этому дѣлу. То было въ 1863 году; съ-тѣхъ-поръ малорусская литература перестала существовать въ Россіи*). Въ глазахъ ревнителей государственной чѣлости и народнаго единства Россіи, все писанное по-малорусски стало представляться признакомъ измѣны, мятежа, попытокъ къ разложенію отечества. Въ сущности же на дѣлѣ не было и тѣни ничего подобнаго. Малоруссы, желавшіе ввести малорусскій языкъ въ первоначальное образованіе народа, не руководились никакими другими видами, кромѣ убѣжденія, что языкъ природный, какъ говорится, воссанный съ материнскимъ молокомъ, былъ болѣе легчайшимъ средствомъ для передачи начатковъ образованія, чѣмъ тотъ, который былъ чуждъ народному уху,

какъ по словамъ и оборотамъ, такъ и по юговору. Если было сочтено умысленнымъ переводить священное писаніе съ первоно-славянскаго на русскій, то тѣмъ же самымъ казалось вполне умысленнымъ перевести его по-малорусски, потому что на русскомъ языкѣ для малорусса оно менѣе понятно, чѣмъ на славяно-церковномъ. Никто не думалъ, чтобы первоначальное образованіе, полученное малоруссами на своемъ природномъ языкѣ, могло изгнать и устранить изъ Малороссіи языкъ общерусскій; напротивъ, существовала увѣренность, что, получивъ нѣкоторыя свѣдѣнія на своемъ нарѣчій, малоруссы съ болѣею охотою пожелаютъ читать по-русски и скорѣе научатся русскому языку, приобрѣвши уже до этого нѣкоторую подготовку и развитіе. Таковы были идеи тѣхъ, которые проводили мысль о примѣненіи малорусскаго языка къ дѣлу народнаго образованія, а не какія-либо иныя. Конечно, для тѣхъ, которые не считаютъ народнаго образованія первою насущною потребностію, которые не видятъ особенной бѣды въ томъ, если народъ долгое время, можетъ-быть столѣтіе и долѣе, будетъ воевать въ невѣжествѣ, важность народнаго нарѣчія въ дѣлѣ первоначальнаго развитія не можетъ быть вопросомъ; но тѣ, которые, не менѣе малоруссовъ, любителей своего народнаго слова, искренно, горячо желаютъ просвѣщенія, и расходятся съ послѣдними только въ томъ, что считаютъ возможнымъ дѣломъ для малорусскаго простонародна легко и скоро получить первоначальное образованіе на литературномъ русскомъ языкѣ, должны не ограничиваться одними теоретическими предположеніями, а познаться съ этимъ вопросомъ въ области опыта. Въ Малороссіи есть школы, и малоруссы учатся по русски; надлежитъ безпристрастно и точно разрѣшить вопросъ: какъ широко подвизуется просвѣщеніе въ народную массу и легко ли оно достается? Разрѣшеніе этого вопроса будетъ отвѣтомъ и на то: справедливы ли были малоруссы, хотѣвшіе употребить народное нарѣчье орудіемъ легчайшаго распространенія просвѣщенія въ массу народа, или же они ошлбались?

Н. Костомаровъ.

*) Какъ-какія произведенія, появившіяся съ этихъ поръ до настоящаго времени, проходила безслѣдно. Только опера «Запорожецъ за Дунаемъ» хотя небогата по содержанию, но сценична, явилась въсколку времени столичной публикѣ, а потому была оставлена.

МАЛУРУССКІЕ ПОЭТЫ.

И. П. КОТЛЯРЕВСКИЙ.

Предки Котляревского были природные малороссы. Отец его служил в полтавском городском магистратѣ, а дѣды были диаконами успешной соборной церкви въ Полтавѣ. Еще до-сей-пори на высокой горѣ въ Полтавѣ, около крѣпостныхъ ослонцовъ, стоитъ полуразрушенный дубовый домикъ, съ надписью надъ входомъ: «Создана домъ сей, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, 1705 року 30 августа.» Въ этомъ домикѣ жилъ отецъ Котляревскаго, а 29 августа 1769 года родился и самъ Иванъ Петровичъ, известный малороссійскій поэтъ. Родители Котляревскаго были весьма не богаты. Съ дѣтскихъ лѣтъ проявилась въ немъ охота къ чтенію и усидчивость въ занятіяхъ, такъ что его очень рано отдали въ семинарію, гдѣ онъ окончилъ ученіе съ успѣхомъ. По выходѣ изъ семинаріи, Котляревскому предлагали вступить въ духовное званіе, но онъ избралъ поприще свѣтское. Первое время онъ занимался обученіемъ дѣтей въ помѣщичьихъ домахъ, и, какъ страстный любитель родного языка, народныхъ обычаевъ и преданій, собиралъ этнографическія свѣдѣнія и писалъ стихи на малороссійскомъ языкѣ. Въ 1779 году онъ поступилъ въ штатъ бывшей новороссійской канцеляріи и черезъ четыре года былъ произведенъ въ первый классный чинъ, имѣя 14 лѣтъ отроду. Въ 1796 году Иванъ Петровичъ оставилъ гражданскую службу и поступилъ наемникомъ въ Сѣверскій парабирерный полкъ. Прослуживъ 12 лѣтъ въ военной службѣ и получивъ чинъ штабсъ-капитана за храбрость, оказанную при взятіи крѣпостей Брандова и Измаила, въ 1806

году, онъ вышелъ въ 1808 году въ отставку съ чиномъ капитана и снова поселился въ своемъ отцовскомъ домикѣ въ Полтавѣ. Въ началѣ 1812 года ему было поручено сформированіе 5-го малороссійскаго козачьяго полка, что было исполнено имъ ровно въ двѣ недѣли. Черезъ два года по выходѣ своемъ въ отставку, Котляревскій получилъ мѣсто надзирателя полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ. За улучшенія, произведенныя имъ по этому заведенію, онъ былъ награжденъ, въ 1817 году, чиномъ майора и пенсіею въ 500 руб. ассиг., а въ 1827 году назначенъ попечителемъ полтавскаго богоугоднаго заведенія. Эту послѣднюю должность Иванъ Петровичъ занималъ до самой смерти, т. е. до 1838 года. Общій голосъ Полтавы признаетъ за Котляревскимъ щедрость, благотворительность и готовность принять участіе въ каждомъ гонимомъ и убогомъ человѣкѣ.

Воспитаніе Котляревскаго совпало съ эпохой протеста противъ классицизма — протеста, выразившагося въ европейской литературѣ осмѣяніемъ олимпійскихъ боговъ и героевъ сѣдой древности. По преданію, Иванъ Петровичъ еще въ семинаріи началъ *перелицовывать* «Энеиду» Виргилія на малороссійскій языкъ. Кому онъ подражалъ и былъ ли ему извѣстенъ тогда Скарронъ или Ваумгартенъ — этого мы не знаемъ. Извѣстно только, что поступа въ военную службу, Котляревскій скоро прославился своею пародіей. Троянскій герой, въ видѣ украинскаго бродяги, смѣшился товарищей Ивана Петровича до слѣзъ, и рукопись его начала ходить по рукамъ. Затѣмъ, поселившись въ Полтавѣ и сдѣлавшись частымъ гостемъ у малороссійскаго воен-

наго губернатора, князя Репнина, онъ написалъ для его домашняго театра двѣ пьесы: «Наташку-Полтавку» и «Москала-чаривника». Первая изъ этихъ пьесъ появилась въ 1819 году, и была принята публично съ громкимъ одобреніемъ. Появленіе «Москала-чаривника» было также пріѣтствовано общими похвалами. Съ этого времени имя сочинителя стало повторится съ любовью не только во всей Малороссіи, но и въ Великороссіи и въ обѣихъ столицахъ. Обѣ эти пьесы говорятъ много въ пользу природнаго таланта Котляревскаго. Природное чутье сценическихъ условий въ авторѣ и прѣсколько удачныхъ чертъ изъ простонародныхъ нравовъ съ комической стороны, поставили «Наташку-Полтавку» и «Москала-чаривника» выше многихъ, если не всѣхъ, пьесъ тогдашняго репертуара. Что же касается къ сѣнцамъ, которыми начинается первая изъ этихъ пьесъ (*Віють вітри и У сосіда хата біла*), то они пріобрѣли такую популярність, что и въ настоящее время въ Малороссіи нѣтъ человѣка, который бы не зналъ ихъ наизусть. Сочиненія Котляревскаго имѣли въ свое время сильное вліяніе на всѣхъ, кому доступенъ былъ языкъ украинскій. Онъ былъ единственный писатель, воспроизведшій всѣми забытую жизнь украинскаго простонародья.

I.

ВѢЮТЬ ВѢТРЫ.

Вѣють вітри, вѣють буйни —
И деревя гнута.
Охъ, болить мое сердечко,
Слѣзы такъ и льются.

Въ лютомъ горѣ, безъ милѣго,
Я веселье трачу;
Только станетъ легче сердцу,
Какъ пойду пошлачу.

Не помогутъ слѣзамъ счастья,
Легче мнѣ не будетъ...
Кто счастливъ былъ хоть часочекъ,
По-вѣкъ не забудеть.

Есть же люди — и сиротскій
Завидуютъ долѣ;
Но счастлива въ та былинка,
Что хирѣть въ полѣ?

Въ чистомъ полѣ, на грипекѣ,
Вѣзь роса, безъ крова?
Тяжко, тяжко на чужбинѣ
Вѣзь друга милѣна!

Безъ милѣва, дорогова,
Сталь мнѣ сѣбѣ турмою;
Безъ милѣва нѣтъ мнѣ счастья,
Нѣтъ мнѣ и повою.

Погляди поди мой милый,
Какъ я здѣсь горюю,
Какъ слезами поливаю
Мое долю зую!

Кто жь меня здѣсь приласкаетъ,
Кто здѣсь приголубитъ,
Если нѣтъ того со мною,
Кого сердце любить?

Полетѣла бь я въ милѣму,
Да куда — не знаю,
Безъ него и сокну, яну,
Всякъ часъ умираю.

Н. Бергъ.

II.

П Ы С Н Я.

У сосѣда есть избушка,
У сосѣда жонка-душка;
У меня же — ни избѣнки,
Нѣту счастья, нѣту жонки.

За сосѣдомъ всѣ красоти,
За сосѣдомъ и молодці,
Красны дѣвочки косятся —
На сосѣда всѣ зариса.

Ой, сосѣд мой ранше сѣть,
У сосѣда зеленѣть;
У меня же, сиротни,
Нѣту въ полѣ ни былинки.

Вѣсь сосѣда выхвалюють,
Вѣсь сосѣда уплавають;
Я жь напрасно время трачу —
Одинокій горько плачу.

Н. Гербель.

III.

ВОЗНЫЙ.

Городъ, село ли — имѣютъ права;
Тожѣ имѣетъ свой умъ голова.
Каждымъ, какъ кубаремъ, прихоть вертитъ;
Каждога чѣшій къ поживѣ манитъ.
Волка медвѣдъ разрываетъ въ куски,
Волкъ — тотъ воза теревитъ за виски,
Ну, а возлѣ огородъ теревитъ:
Каждый съ другого сорвать наровитъ.
Каждый, кто выше, тотъ низаго гнѣтъ;
Сильный безсильнаго давить и имѣтъ.
Вѣднй — богатому вѣчный слуга:
Корчится, гнѣтса предъ нимъ, какъ дуга.
Кто не имѣетъ, тотъ вѣкъ своей скринитъ;
Кто не лукавитъ, тотъ сади сидитъ.
Ложка сухая вѣдъ горю керѣтъ,
Какъ тутъ прожить безъ грѣха и хлопотъ?

Н. Гервель.

IV.

ИЗЪ «ЭНЕИДЫ».

Эней былъ молодецъ удалый,
Парнога — чудо не козакъ,
На всѣ дѣла проворный малый,
Какъ естъ — наметанный бурлакъ.
Какъ только греки взяли Трою
И пышный городъ сталъ золою,
Онъ поскорѣ тятю дакъ,
Взялъ кой-какихъ съ собой троянцевъ,
Во огнь копченыхъ обрванцевъ,
И Троѣ пятки показалъ.

Онъ понастроилъ кучу лодокъ,
Своихъ троянцевъ расащилъ,
Сѣбѣннъ несчастныхъ, какъ селѣдокъ,
И въ море синее спустилъ.
Какъ вдругъ опять напасть лихая:
Собачья дочь, Юнона злая,
Вдругъ напустилася на него,
И въ заключеніе пожелала,
Чтобъ въ адъ душа его пошла
И духу не было его.

Парнога былъ ей не по сердцу,
Да и гнѣвилъ ее притомъ,
И наконецъ сталъ горше перцу,

Противній нами съ ревнѣмъ.
Да что же сдѣлалъ онъ такое?
А то — зачѣмъ родился въ Троѣ;
И тѣмъ еще былъ ей не милъ,
Что смылъ за сына Афродиты
И что Парисъ не ей — пади ты —
Венерѣ яблочко всучилъ.

Гладитъ Юнона — видитъ съ неба,
Что въ лодкахъ ѣдетъ нашъ Эней.
«Ахъ, ты пострѣль!» шепнула Геба,
И жутко, жутко стало ей.
Она впригла въ тележку птичку,
Собрала волосы подъ кичку,
Чтобъ не трепалася коса,
Надѣла неструю юбченку,
Взяла коврину, да солонку
И — шмыгъ къ Эолу, какъ оса.

Вошла въ хоромы и сказала:
«Здорово, свать! гостей встрѣбай!
Давно тебя я не видала.»
И положила коровай,
Шуми распушеннымъ подоломъ,
На столъ предъ дѣдушкой Эоломъ.
Потомъ присѣла на скамьѣ
И молитва: «съ просьбицей къ тебѣ я,
Дружокъ Эоль! трахни Энея:
Теперь онъ въ морѣ на ладѣ.»

«Ты знаешь, что онъ за ярыга:
Весь снѣтъ обнохаетъ, какъ пѣсь,
Еще успѣетъ, забудыма,
Иль разныкъ глазъ повязать слѣзъ.
Пошли ему лихое горе:
Пусть тѣ, кто съ нимъ, потонуть въ морѣ,
А прежде всѣхъ потонетъ самъ.
За это рязну красоту,
Не просто бабу, а находку,
Тебѣ сегодня же я дамъ.»

«Вини съ чѣмъ подѣхала ты къ свату!
Эоль, оскдабѣсь, завонилъ:
«Все бѣ сдѣлалъ я за эту плату,
Да вѣтры, жалко, распустилъ:
Ворей большія лежитъ съ похжѣльа,
А Ночь на свадьбѣ — всемъ веселею,
Зефиръ, давшинній негодилъ,
Къ дѣвчонкамъ въ дружбу затесался,
А Эврѣ въ поденици наидся...
Какъ хочешь, такъ и поступи!»

«Но успокойся: для тебя я
Нарву молодичку вихри
И, дѣло дого не тагая,
Ушлаю его въ тартарары.
И такъ — пройди и убирайся!
На счетъ молодки постарайся,
А на пожитую — шалишь:
Надуешь — кончены всѣ пѣсни:
Ласкайся, вѣшничай — хоть тресни,
А отъ меня получишь пѣшь.»

Эоль, не медя ни мгновенья,
Собралъ всѣ вѣтры подъ рукой,
И вздуться подаль повелѣнье
Онъ морю синему горой.
И вотъ оно запузырилось,
Ключомъ вскипѣло, расходилось...
Энею нашему не въ мочь:
Онъ дакъ нычуетъ, плачетъ, бѣдный,
И, весь испачканный и бѣдный,
Ерошитъ чубъ свой день и ночь.

Гулаютъ вѣтры надъ волнами;
Пучина черная реветъ.
Троянцы моются слезами;
Эней схватился за животъ.
Лады, какъ шепи, разметало;
Троянцы тонуть — ихъ ужъ мало;
Сто бѣдъ нагрязило на нихъ;
Эней кричитъ: «да я Нептуну
Патлатанный въ руку суну —
Пусть только вѣтеры бы затихъ!»

Нептунъ былъ взыточникъ давнишній.
Заслышавъ голосъ, онъ сказалъ:
«Пятлатанный мнѣ не лишний!»
И тотчасъ рака осѣдалъ;
На немъ, какъ окунь, бурлачина
(Нептунъ проворный былъ дѣтина)
Нырнулъ и вынырнулъ со дна
И крикнулъ вѣтренной артели:
«Чего не ладно загудѣли?
Какого надо вамъ рожна?»

Вмигъ вѣтры ушки наостривши
И — драла въ порочки спон:
Какъ лякъ до ясу припустили,
Какъ отъ вороны воробьи.
Тогда Нептунъ схватилъ метѣлку,
Все море вымелъ, какъ свѣтѣлку —
И солнце гинуло на свѣтъ.

Эней, почувствовавъ отраду,
Переверстлся пять разъ къ ряду
И приказалъ варить обѣдъ.

Въ красивыхъ мисочкахъ сосновыхъ
Явились кушанья тотчасъ,
Въ приправахъ жирныхъ и здоровыхъ;
Рѣвою блага полилася:
Ее кувшиннами хлестали;
Галушки, жаренныя въ салѣ,
Глотали съ жадностью молчкомъ,
И водки выпили не мало;
Когда жъ наѣлись до отвала,
Они уснули крѣпкимъ сномъ.

Венера, не пустая шлюха,
Какъ увидала, что Эоль
Сыпка промучилъ голодухой
И на бѣднугу страхъ навелъ,
Взялася тотчасъ поправить дѣло:
Нарядъ свой праздничный надѣла —
Такой нарядъ, что хоть бы въ плясъ:
На головѣ чепецъ парчѣвый,
Да въ галунахъ капотъ новый —
И такъ къ Зевесу понеслася.

Зевесъ въ то время шилъ сивуху,
Соленой рыбой заѣдалъ.
Онъ выпилъ чѣлау осмуху
И ужъ вторую начиналъ,
Когда вошла къ нему Венера,
Кривяся — ну точно съ ней холера —
И стала хныкать передъ нимъ:
«Спроситъ васъ, татенька, пришла я,
За что сынку напастъ такая?
Какъ куклой всѣ играютъ имъ.»

«Куда ему добратъся къ Риму!
Скорѣй въ каналѣ свистнетъ ракъ,
Сворѣе ханъ вернется въ Крымъ,
Иль станетъ умникомъ дуракъ.
Чтобы Юнона да не знала
Въ кого впустилъ свое ей жало
И какъ людей честныхъ пугать!
Смирить ее потребна сила,
Чтобъ тамъ и сямъ не лезбазна...
Одинъ ты можешь приказать.»

Юпитеръ допидъ жбанъ горѣлки,
Утеръ усм, погладилъ чубъ
И молвилъ: «оохъ, вы скороспѣлки!»

Я въ словѣ твердъ, какъ старый дубъ:
Эней покоичитъ всё мытарства,
Приобрѣтетъ большое царство,
И станетъ баринѣмъ большими:
Оброкъ на цѣлый свѣтъ наложитъ,
Народъ свой сильно преумножитъ
И будетъ царствовать надъ нимъ.

«Такъ вотъ что я сую Энею:
Къ Дидонѣ въ гости онъ зайдетъ,
Точнѣ баласы будетъ съ нею,
Подъѣдетъ къ ней, какъ къ мышки котъ
И влюбитъ бабу не на шутку.
Не плачь, молись, постись, малютка!
Все будетъ такъ, какъ я сказалъ.»
Венера съ титянойю простиалась;
Но прежде въ поясъ поклонилась,
А онъ ее поцаловалъ.

Едва Эней съ своей аравой
Успѣлъ немощно отдохнуть,
Какъ ужъ собралъ свой скарбъ дыравый
И снова ѣдетъ въ дальній путь.
Плыть въ... Ему противно море:
Топшнѣтъ его... Такое горе,
Что не глядѣть бы и на свѣтъ!
И онъ сказалъ: «умри я въ Троѣ,
Тогда бы мнѣ легче было втрое;
А тутъ инъ въ чемъ угнѣи нѣтъ.»

О. Ленко.

П. П. АРТЕМОВСКИЙ-ГУЛАКЪ.

Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ, извѣстный малорусскій поэтъ и учоникъ, родился въ 1791 году въ мѣстечкѣ Смѣломъ, Кіевской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Н. И. Костомаровъ, жиншій у Петра Петровича, во время своего студенчества въ Харьковѣ, въ тридцатыхъ годахъ, слышалъ отъ него не разъ, что отецъ его всегда, и даже въ то время, когда Смѣла еще принадлежала Польнѣ, отличался горячею привязанностію къ Россіи, за что, въ 1789 году, во время смуты, бывшій въ томъ краѣ, онъ подвергся жестокому истязанію со стороны поляковъ. Въ память этого событія, старинъ до смерти хранилъ тотъ пукъ розогъ, которыми его истязали, въ кнѣтѣ, какъ святыню,

вмѣстѣ съ образами. Артемовскій, унаслѣдовавъ, послѣ смерти отца, этотъ пукъ розогъ, вмѣстѣ съ кнѣтомъ, свято хранилъ его и любилъ показывать своимъ гостямъ, причѣмъ входилъ во всё подробности приключенія. Получивъ первоначальное образованіе въ домѣ родительскомъ, молодой Артемовскій былъ отгданъ въ Кіевскую семинарію, гдѣ перенѣлся всего, и даже однажды, послѣ большого пожара, который истребилъ чуть не половину Кіева, помочь до того, что принужденъ былъ питаться арбузными корками, которые собиралъ на базарной площади. По окончаніи полнаго семинарскаго курса, онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ, откуда вышелъ кандидатомъ. Затѣмъ, выдержавъ магистерскій экзаменъ въ томъ же университетѣ и успѣшно защитивъ свою диссертацию, Артемовскій былъ удостоенъ степени магистра словесныхъ наукъ, а годъ спустя занялъ предложенную ему кафедру Харьковского университета каедру русско-й исторіи, которую и занималъ въ теченіи многихъ лѣтъ, сначала въ званіи экстраординарнаго, а потомъ ординарнаго профессора, и оставилъ только вслѣдствіе избранія его, въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ должностъ ректора университета, которую онъ занималъ въ теченіи десяти лѣтъ.

Независимо отъ своей учоной дѣятельности, Артемовскій извѣстенъ также своими поэтическими произведеніями на малорусскомъ языкѣ, которыя носятъ на себѣ печать несомнѣннаго таланта. Къ сожалѣнію, онъ писалъ мало и притомъ въ молодости, когда талантъ его еще далеко не окрепъ. Во всѣхъ его произведеніяхъ преобладающая черта — юморъ. Какъ на лучшія произведенія Артемовскаго, въ этомъ родѣ, можно указать на слѣдующія стихотворенія: «Солоныи и Хирия», «До Пархима», подражаніе Горацию, «Панъ Тьердовскій», баллада и, въ особенності, разсказъ «Панъ и собака». Не смотря на то, что стихотворенія Артемовскаго никогда не были изданы отдѣльною книжкою, оставался затерянными въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» и другихъ малоизвѣстныхъ малорусскихъ журналахъ и альманахахъ, они ходятъ въ Малороссіи по рукамъ во множествѣ списковъ, а почесенку о «Панѣ и собакѣ» каждый грамотный малороссъ знаетъ наизусть. И дѣйствительно, произведенія Артемовскаго, какъ по своему направленію, такъ и по языку, стоятъ несравненно выше того довольно-низкаго уровня, на которомъ стояла

современная ему малорусская поэзія. Своими разсказомъ «Панъ и собака» онъ далъ новое направленіе малорусской поэзіи, послѣднимъ словомъ которой сдѣлался Шевченко. Въ исторіи малорусской словесности «Панъ и собака» составляетъ явленіе, мимо котораго ни одинъ критикъ не пройдетъ, не остановившись. Языкъ его чистъ, силенъ и разнообразенъ. Смѣшное является у него не въ каррикатурѣ дѣйствительности, а въ самомъ положеніи вещей. Простодушное, но не дѣтское ни во что усердіе героя разсказа Рябка, панской собаки, смѣшитъ насъ, не оскорбляя нашего уваженія къ личности, заключенной въ его собачей шкурѣ. Каждая черта въ юмористической его живописи имѣетъ внутреннюю смѣсль, который придаетъ его смѣху достоинство благородной сатиры.

Артемовскій скончался въ Харьковѣ въ глубокой старости лѣтъ шесть тому назадъ.

ПАНЪ И СОБАКА.

Созна на землю ночь. Ничто не шлохнется,
Лишь птица сонная вспомнитъ и встрепенется:
Возмогне паритъ. Не видно ни — темно:
На небѣ зорьки нѣтъ и мѣсяцъ спитъ давно;
Лишь звѣздочка порой за тучею дождливой
Мелькнетъ, какъ изъ норы мышонокъ болзливый.
И небо, и земля — все спитъ въ тиши ночной;
Поконится весь свѣтъ подъ черной неленой.
Одинъ, какъ вѣрстъ, Рябка о снѣ не помпашаетъ:
Онъ барское добро, какъ другъ, оберегаетъ.
Вѣтъ даромъ барскій хлѣбъ Рябка нашъ не людитъ:
Онъ ѣтъ за лѣтарахъ, за-то ужъ и саужилъ.

Вѣднѣтъ не легю —

Всю ночь не спитъ Рябка.

И что за темпота! хотя въ въ хоромахъ свѣчка
Зажглася на огнѣ! хотя бы изъ-навѣчка

Мелькнулъ гдѣ огонѣкъ!

Ужъ батюшка, нашъ понъ, дѣвно, какъ вѣшошь,
Откуда-то съ крестинъ къ заутрѣнѣ плетется,
А нѣсъ-Рябка не спитъ, всю ночь ему неймется:
То въ уголь онъ одинъ запланетъ, то въ другой —

Въ куртинкѣ въ куражъ, въ хлѣвъ свиной;
Провѣдаетъ — спокойнѣи поросята?

Что гуси? цѣлы ли утятя?

Что овцы? побѣжати въ стогами,
Къ гумну, къ конюшнѣ, къ воротамъ;
Всѣмъ жѣ усердію озабоченъ —
И исполнителенъ, и точенъ.

Онъ сторожитъ, чтобъ москаль

На барскій дворъ не забрели:

Ихъ тѣла была въ сѣдѣ; изъ дальнихъ мѣстъ пришли.
И лаетъ вѣрный нѣсъ, и воеетъ что есть духу,
Да такъ, собачій свѣтъ, что просто больно уху.
Всю ночь пролалявъ, онъ умокнулъ на зарѣ;
И вотъ, едва прилетѣ, раздался хланъ въ норѣ.
Пусть спитъ себѣ Рябка — вѣдъ нѣтъ бѣды покуда.
И такъ онъ вѣрно спитъ, сномъ праведнаго люда,
Что честно бережетъ добро своихъ господъ;
Какъ вѣдругъ поднялся гамъ, бѣжитъ, кричитъ народъ:
«Цю-цю, Рябка! на-на! Сюда его зовите!»

— «Я здѣсь, отцы мои! чего вы тамъ, скажите?»
Отъ радости Рябка и скачетъ, и хвостомъ

Вертитъ, какъ помеломъ,

Оскакиваетъ зуби

И, мысля о жаркомъ, облизываетъ губи.

«Не даромъ, мыслитъ онъ, не даромъ на дворѣ

Всѣ вспопоминилъ на зарѣ —

Есть вѣрно что-нибудь такое...

Должно-быть мнѣ несутъ жаркое,

А можетъ, что-нибудь другое

За-то, что я всю ночь не спалъ

И лаемъ отъ воровъ усадьбу охранялъ.»

«Цю-цю!» кричитъ Ятухъ, держа въ рукѣ дубину,
Хватъ за ухо, да въ синю.

«Держите подлепа... Попоминишь, вражій смнѣ!»
И вотъ Рябка дерутъ, рвутъ шерсть на немъ до корня.
Завылъ отъ боли нѣсъ; на воѣ сбѣжался дворян.

Что? какъ? за что? про что? — не знаетъ ни одинъ.
«За что, спросилъ Рябка, меня вы отограла?
За что вѣдѣтъ избить меня мой господинъ?»

— «За-то, сказалъ Ятухъ, что господа не спали.»

— «Въ умѣ ли ты, Ятухъ? лъ въ этомъ виноваты!»

— «Да ты, какъ вижу я, ужъ больно простоваты!»

Ты виноваты ужъ тѣмъ, что лалъ надсаждался.

Вотъ видишь ли — вчера нашъ въ карты проигрался

(Въ игрѣ, на этотъ разъ, удачи не далъ Богъ),

А панъ не могъ всю ночь заснуть отъ блохъ.

Пойми: кто проигралъ, порядкомъ прокутился,

Въ томъ, Господи прости, нечестный почесался:

Тотъ проигралъ готовъ родимаго отпа.

Затѣмъ ты вилъ, рычалъ и лалъ безъ конца?

Пускай бы лалъ самъ, а ты бы душой украдкой,
Завелъ въ своей норѣ, да выисалъ бы сладко.»

— «Такъ этимъ, молнитъ нѣсъ, я только виноваты?

Нѣтъ, баста! съ-этихъ-норъ беру свою наадъ!»

Промѣ бабу съ воза — нѣтъ бѣды въ томъ, такъ и надо:

Лошадѣ легче вѣсть, она тома и рада.»

Такъ расудили, Рябка пошоль ушло прочь,
Въ свою конуру влѣтъ — и тамъ просятъ всю ночь.

Проспалъ — ивъ крѣпкомъ снѣ, уви, ему не спилось,
 Что шайка москалей въ господскій дворъ ввалилась;
 Что можно ваять беретъ, шпырять вверхъ и внизъ;
 Ну точно воли въ хлѣвъ, въ овчарню забралось...
 Онь — глядя, а на дворъ совсѣмъ уже свѣтло.
 «Рябкоцю-цю!» кричатъ, и все вверхъ дыкомъ пошло;
 Поднялся весь народъ, бѣгутъ, кричатъ нестройно;
 А онь и не моргаетъ — лежитъ себѣ спокойно.
 И думаетъ: «теперь навѣрно угодила
 Я тѣмъ, что ночью спалъ и пана не будилъ.
 Пускай меня зовутъ — я не пойду отсюда,
 Пока не принесутъ ко мнѣ въ конуру бѣзды,
 Да и тогда еще наплашутся со мной,
 Пока взгляну на нихъ, да съѣмъ кусокъ, другой.»
 «Прю-цю!» «Вотъ панъ и самъ! Рѣшителевъ я буду.»
 «Верите, бейте пса!» кричитъ онь, какъ шальной.
 Рябко и хвостъ поджалъ, отъ страха чуть живой.
 Наклинулся на пса: разъ восемь отливали

И слова били и хлестали.

А наконецъ и перестали.

Питался пѣсь спросить о чемъ-то, но языкъ
 Запутался — ни тпру, ни ну, какъ между дѣвъ;
 И звука нѣтъ — хрипитъ, какъ пьяный съ череною.
 «Да мы, сказалъ Игухъ, не почили съ тобою:

Въ тебѣ есть естъ грѣхъ...»

— «Чтобъ чортъ побралъ васъ всѣхъ:

Тебя, пановъ съ ихъ батькой

И съ дѣдомъ, да и съ дядькой!»

И слѣзы у Рябка струились, какъ рѣва,
 И думалъ бѣдный пѣсь, держась за бока:
 «Дуракъ, кто такъхъ дрянныхъ господъ на службу,
 Имъ бѣсы угодилъ, что силы есть, по дружбѣ.

И угождалъ имъ какъ никто —

И вотъ награда мнѣ за-то:

За службу, за свой грѣхъ, доказанный годами,
 Я здѣсь лежу въ кровли, избитый богатоми.

Такъ лижешь — тутъ горитъ,

А эдакъ — тамъ болитъ.

Такимъ панамъ подъ носъ, съ своею головою,
 Хотъ тѣсто выложилъ съ квашенію —

Имъ все равно: хотъ крутъ, хотъ вертъ —

Все въ черепочѣ смерть.»

О. ЛѢНКО.

Е. П. ГРЕБЕНКА.

Евгеній Павловичъ Гребенка родился 21-го января 1812 года въ отцовскомъ помѣстьѣ — Убѣжище, въ 16 верстахъ отъ города Прилуки,

Полтавской губерніи. Раннее дѣтство Евгенія Павловича прошло подъ домашнимъ кровомъ. Впечатлѣніе дѣтскихъ годовъ, проведенныхъ посреди патриархальнаго сельскаго быта, посреди прекрасной природы, въ обществѣ съ народомъ, богатымъ самородною поэзіей, отразилось на многихъ произведеніяхъ Гребенки. Вѣроятно, не одна изъ народныхъ балладъ, но одно изъ преданій, пересказанныхъ имъ впоследствии, были слышаны имъ дома и заставляли сильнѣе биться его дѣтское сердце. Въ 1825 году Гребенка былъ отведенъ отцомъ въ Нѣжинъ и помѣщенъ въ Гимназіи Высшихъ Наукъ князя Безбородко, пмѣи Лицей. Здѣсь онъ окончилъ полный курсъ наукъ, съ правомъ на чинъ 14-го класса, и тогда-же (въ 1831 году) поступилъ на службу въ резервы 8-го Малороссійскаго казачьяго полка; затѣмъ вышелъ въ отставку и около 1834 года перѣхалъ въ Петербургъ.

Гребенка началъ заниматься литературою еще въ Лицѣ. Большею частью первые опыты его были на малорусскомъ нарѣчьи. Малорусскій переводъ «Полтавы» Пушкина также относится по времени его студенчества, какъ равно и «Малороссійскія Приказки», выпущенныя имъ въ свѣтъ въ 1834 году въ Петербургѣ. По приѣздѣ въ Петербургъ Гребенка началъ еще усерднѣе заниматься литературою. Его «Приказки» имѣли успѣхъ и были изданы въ другой разъ, въ 1836 году. Въ этомъ же году издалъ онъ и свой малорусскій переводъ «Полтавы», съ посвященіемъ Пушкину. Посвященіе это познакомило его съ нашимъ славнымъ поэтомъ. Пушкинъ, съ извѣстною добротой своей, принялъ теплое участіе въ начинающемъ литераторѣ. Вѣроятно, съ его одобренія были напечатаны въ «Современникѣ» на 1837 годъ два стихотворенія Гребенки. Есть даже свѣдѣнія, что малороссійскія басни молодого писателя такъ понравились Пушкину, что одну изъ нихъ, именно «Волкъ и олень», онъ перевелъ на русскій языкъ.

Извѣстный уже въ литературныхъ кружкахъ, Гребенка все еще не былъ знакомъ публикѣ. Первые труды его на малороссійскомъ языкѣ имѣли кругъ читателей слишкомъ ограниченный; русскими же стихотвореніями, къ которымъ перешелъ Гребенка, было трудно обратить на себя вниманіе въ то время, какъ еще дѣйствовало Пушкинъ и вся окружающая его плеяда даровитыхъ поэтовъ. Гребенка понялъ это — и рѣшился посвятить всю свою дѣятельность повѣствован-

тельной прозѣ. Первымъ опытомъ его въ этомъ родѣ были «Разсказы Пиратница», принятые публикою довольно радушно. Со времени изданія этихъ «Разсказовъ» имя Гребенки начинаетъ все чаще и чаще появляться подъ повѣстями, разсказами и очерками въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, такъ что вскорѣ ни одинъ почти журналъ, ни одинъ альманахъ или сборникъ не обходится безъ какого-нибудь произведенія Гребенки. Лучшими произведеніями его въ этомъ родѣ — повѣсти: «Вѣрное лекарство», «Записки студента», «Иванъ Ивановичъ» и «Приключенія синей ассигнаціи», и особенно романъ «Чайковский», о которомъ Влѣкинскій отзывался съ большою похвалою.

По приѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Гребенка поступилъ на службу въ Комиссію духовныхъ училищъ; затѣмъ, въ 1838 году, онъ былъ определенъ старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности въ Дворянскій Полкъ, а въ 1841 — переведенъ учителемъ словесности во Вторую Кадетскій Корпусъ. Въ послѣдніе годы жизни преподавалъ онъ тотъ же предметъ въ Институтѣ Корнуса Горныхъ Инженеровъ и въ офицерскихъ классахъ Морского Корпуса.

Натура Евгенія Павловича была одна изъ самыхъ симпатическихъ; благодушнее его располагало къ нему съ первой встрѣчи. Узнавъ ближе, нельзя было не полюбить его отъ всей души. Всѣ сходившіеся съ Гребенкой, вспоминаютъ о немъ съ особенной теплотою. Разговоръ его былъ пріятель и дышалъ веселостію, съ тѣмъ легкимъ отщипкомъ юмора, какой замѣчаемъ мы въ его сочиненіяхъ. Вообще, Евгеній Павловичъ былъ самый милый собесѣдникъ и всегда гостюю временемъ. Гребенка умеръ въ декабрѣ 1848 года; тѣло его перевезено въ Малороссію, которая была ему всегда такъ мила и дорога.

УКРАИНСКАЯ МЕЛОДІЯ.

— «Нехилого, мама, нельзя полюбить!
 Онъ, тяжко съ постылыми томитися и жить,
 Весѣду вести съ нимъ, при людяхъ встрѣчаться!
 Ужь лучше, родимая, въ дѣвахъ остаться!»

— «Взгляни на меня: я больна, я стара;
 Взгляни — мнѣ въ могилу ложиться пора.

Какъ очи закрою, что будетъ съ тобою?
 Остатся въ людяхъ одна, сиротою.

«Не радостна, дочка, судьба сироты!
 И горя, и нужды натерпѣнныи ты.
 Остань тебя на землѣ сиротою;
 Я горящей буду стоять надъ землемою.»

— «Ну, полно, родная! не плачь, не рыдай!
 Готовъ полатенци, плати вышивай.
 Пускай съ нелюбимымъ я счастье утрачу;
 Ты будешь смѣяться, одна я заплачу.»

На свѣжій могилѣ крестъ божій стоитъ,
 Надъ нею старуха рыдаетъ, груститъ:
 «О, Боже, мой Боже!... Раскройся могила!...
 Дитя ненаглядное я загубила!»

Н. ГЕРВЕЛЬ.

II.

СОЛНЦЕ И ТУЧИ.

Вотъ солнышко взошло, пригрѣло насъ лучами —
 И миръ повеселѣлъ, расшѣлъ какъ маковъ цвѣтъ;
 Лишь тучка вдалекѣ, за синими горами,
 Ворчитъ себѣ подъ носъ и хмурится на свѣтъ:
 «Охъ, это солнце мнѣ! ужъ вотъ какъ надоѣло!

Чего всѣхъ радуешь оно?

Надуешь, пѣтъ ли — все равно

Влаетися. Постой, дружокъ, возмужай-ка и за дѣло:

Пора закрыть тебя давно.»

Гляжу я — тучамъ-ноль-неба обложно,

Все словно въ трауръ облеклось;

Но солнце выше поднялось

И тучи тѣ позолотило.

О. ЛѢНКО.

III.

КОНОПЛЯ И РЕПЕЙНИКЪ.

«Чего ты, вражий сынъ, все въ бокъ меня толкаешь?»

Рейпейникъ конопль сердито говоритъ:

«Да какъ же мнѣ расти, коль самъ тынкомъ, какъ знаешь,

Ты землю у меня подъ бокѣмъ захватывать.»

Какъ много есть людей репейнику подь пару:
Ихъ всё должны любить, они же — ни кого.
Я указалъ бы вамъ на пана одного,
Да ну его! боюсь: обижу комиссара!

О. Ленко.

IV.

ЧЕЛНОКЪ.

Загнѣнносъ море, замыло, взграто
И вѣтеръ пронесся грозой,
И волны, вздымаясь какъ грозныя скалы,
Стремятся одна за другою.
Надъ моремъ нависли тяжолыя тучи;
Въ тѣхъ тучахъ, какъ гомосъ зловищій, могучій,
Тантса раскатъ громоу.

Играетъ и гнѣнтся синее море.
Челнокъ межъ волнами плыветъ;
Нырнать и борется онъ на просторѣ,
И мчнтса все дальше, впередъ.
Безъ веселья качается въ морѣ бездольный!
Охъ, жаль мнѣ близнжуку! и сердцу такъ больно...
Куда его въ бурю несеть?

Вотъ море затихло и волны опали;
Пестрѣють подь вѣной кружки;
Оннать замелькали, оннать заснопали
По морю кругомъ байдаки.
Но гдѣ же челнокъ мой, гдѣ бѣтса мой мннжй?
Внть-можетъ, погибъ онъ — гроза ищннула:
Вонъ на воду всплнли куски.

Какъ чолпъ въ синемъ морѣ, такъ я среди свѣта:
Просторно и жутко мнѣ въ немъ...
Укрытса? — да что безъ людского привѣта!
Какъ вѣкъ свой прожить болнземъ?
Прощай мой покой! — я пукаюсь въ море:
Пусть злая недода и лютое горе
Натншатса мной, какъ челнокъ!

О. Ленко.

Н. И. КОСТОМАРОВЪ.

Николай Ивановичъ Костомаровъ, извѣстный
русскій исторіографъ, родился 4-го мая 1817 года
въ Острогожскомъ уѣздѣ, Воронежской губернии.
Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ

одномъ изъ частныхъ московскихъ пансіоновъ, а
потомъ въ Воронежской гимназіи. Затѣмъ онъ
поступилъ въ Харьковский университетъ, въ ко-
торомъ, въ 1836 году, окончилъ полный курсъ
по словесному факультету, со степенью канди-
дата. По выходѣ изъ университета, Костомаровъ
провелъ нѣсколько лѣтъ безъ службы, живя боль-
шею частью въ Харьковѣ и его окрестностяхъ,
и посвящая все свое время изученію малорус-
ской народности. Тогда же началъ онъ писать
на малорусскомъ языкѣ, подь псевдонимомъ
Іеремія Гапки. Первымъ поэтическимъ произве-
деніемъ Костомарова на малорусскомъ языкѣ
была драма «Савва Чалый», изданная имъ въ
1838 году. Затѣмъ, въ 1839 году, онъ напеча-
талъ свои «Украинскія баллады», а въ 1840 —
сборникъ своихъ стихотвореній, подь названіемъ
«Вѣтка». Кроме того въ томъ же году помѣстилъ
онъ, въ сборникѣ «Снитъ», свою трагедію «Пе-
релаславска нить» и малорусскій переводъ
«Еврейскихъ мелодій» Байрона. Въ 1840 году
Костомаровъ выдержалъ экзаменъ на степень
магистра историческихъ наукъ, а въ слѣдующемъ
году представилъ диссертацию, подь заглавіемъ:
«Объ историческомъ значеніи русской народной
пѣсни», въ которой доказывалъ важность изуче-
нія народныхъ памятниковъ для исторіи, съ
цѣлю уразумѣть взглядъ народа на себя и на
все его окружающее. Получивъ степень маги-
стра, Костомаровъ навсегда оставилъ Харьковъ
и поселился на Волнн, гдѣ принялся за изуче-
ніе тамошней народности, прнчемъ осмотрѣлъ
всѣ мѣстности, ознаменованныя событиями изъ
эпохи гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго,
исторію котораго онъ началъ писать съ 1844
года. Въ 1845 году онъ поселился въ Кіевѣ и
вскорѣ избранъ былъ единогласно тамошнимъ
университетомъ на кафедру русской исторіи. Съ
1848 по 1856 годъ онъ прожилъ безвыѣздно въ
Саратовѣ, гдѣ продолжалъ заниматься русскою
исторіею, а также мѣстною этнографіею. Въ
1856 году Костомаровъ переехалъ въ Петер-
бургъ, и въ томъ же году напечаталъ въ «Оте-
чественныхъ Запискахъ» свою монографію:
«Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею до
Богдана Хмельницкаго». Въ слѣдующемъ году
въ томъ же журналѣ было напечатано его боль-
шое историческое сочиненіе «Богданъ Хмельни-
цкій», пріобрѣвшее всеобщую извѣстность и по-
ставившее имя Костомарова наряду съ именами
первыхъ русскихъ историковъ. Затѣмъ, въ 1858

году, Костомаровъ помѣстилъ въ тѣхъ же «Оте-
чественныхъ Запискахъ» новое свое историче-
ское сочиненіе «Буить Стѣнки Разина», а въ
слѣдующемъ году, въ «Современникѣ», монографію:
«Очеркъ домашней жизни и нравовъ велико-
русскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ»,
«Легенду о народобѣдѣ» и «Начало Руси». По-
слѣдняя статья, гдѣ, въ противность общему
мнѣнію о норманскомъ происхожденіи варяго-
руссовъ, доказывается, что они пришли изъ
прусской Жмуди, возбудила оппозицію со стороны
М. П. Погодина, который вызвалъ Николая Ива-
новича на публичный учоный поединокъ, со-
стоявшійся 19-го марта 1860 года, въ залѣ Пе-
тербургскаго университета. Въ 1861 году, въ
журналѣ «Основа», было напечатано «Гетма-
нство Виговскихъ»; въ 1863 — вышли отдѣльными
изданіями два замѣчательныя его сочиненія:
«Сѣверно-русскія народоправства во времена
удѣльно-вѣчевого уклада» и «Историческія мо-
нографіи и изслѣдованія»; затѣмъ появившесъ въ
1864 — «Ливонская война», въ 1865 — историче-
скія изслѣдованія: «Южная Русь въ концѣ
XVI вѣка» и «Понѣвѣ объ освобожденіи Мос-
квы отъ поляковъ въ 1612 году и избраніе
дара Михаила», въ 1866 — въ журналѣ «Вѣст-
никъ Европы» — обширная историческая моно-
графія «Смутное время Московскаго государ-
ства» и, наконецъ, въ 1869 и 1870 годахъ, въ
«Вѣстникѣ же Европы», два превосходныхъ историче-
скихъ сочиненія: «Паденіе Рѣчи-Посполитой»
и «Костюшко и революція 1794 года», кото-
рыя окончательно утвердили за Николаемъ
Ивановичемъ имя славнаго русскаго историка.
Въ настоящее время Костомаровъ проживаетъ въ
Петербургѣ, весь погруженный въ свои истори-
ческія изысканія, доженствующія увѣковѣчить
его славу, какъ исторіографа.

МѢСНЦЪ.

Съ той поры, какъ первый грѣшникъ
Каннъ Авеля убилъ,
И впервые землю кровью
Человѣческой облилъ —

Только вѣтеръ стоны слышалъ,
Воя въ дѣбрихъ и лѣсахъ;
Только мѣсяцъ грѣхъ тотъ видѣлъ,
Мирно блеща въ небесахъ.

Вотъ прннѣлъ святую душу,
Проклятъ злобу — и велѣлъ,
Чтобы мѣсяцъ то убійство
На себѣ запечатлѣлъ.

«Пусть — сказалъ — сей образъ будетъ
Вѣчно видимъ въ мнрѣ сѣмъ,
Правый гнѣвъ и милость Божья
Грядомъ видятся на немъ!»

«Чтобъ, взглянувши, злой убійца
Видѣть Богомъ тремлетъ,
А несчастный утншалса,
Божью правду вспоминая.»

И, гроза, на родъ нашъ бднный
Видѣть гнѣвъ излила зломъ;
Грѣхъ на мѣсяцъ остался
Неизгладимымъ пятномъ.

Съ той поры, взглянувши на мѣсяцъ,
Злой гнѣвъ и прожитъ,
А безвинный, чистый сердцемъ
Въ даль съ надеждою глядитъ.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, сынъ крѣ-
постного крестьянина Григорія Шевченко,
родился 25-го февраля 1814 года въ селѣ Кир-
повкѣ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губер-
нии, въ имѣніи помѣщика Энгельгарда. Липи-
лись отца и матери на восьмомъ году жизни,
онъ былъ отданъ въ школу къ приходскому дя-
чку, на правахъ школяра-помѣщика. Эти школяры,
въ отношеніи къ дячкамъ, то же самое, что
мальчики, отдаваемые родителями, или иною
властью, на выучку къ ремесленникамъ. Всѣ домаш-
нія работи и выполненіе всевозможныхъ прихо-
дней самого хозяина и его домашнихъ лежатъ на
нихъ безусловно. Какъ бы то ни было, только въ
теченіе двухлѣтней тяжкой жизни въ этой такъ
называемой школѣ промолъ Шевченко «Грамату-
ку», «Часовенцею», наконецъ, «Псалтырь». Подъ ко-
нецъ школьнаго курса дячекъ послалъ его чи-
тать, вмѣсто себя, «Псалтырь» по усонимымъ кре-
стьянамъ и, въ видѣ поощренія, платилъ ему за

то десятую копейку. Къ концу второго года своего пребывания у дядки, Шевченко, не будучи въ силахъ выпонить болѣе всякаго рода притѣсненій и побоевъ, которыя сыпавшася на него градомъ, вышелъ ночью изъ школы и бѣжалъ въ мѣстено Лисянку. Тамъ нашолъ онъ себѣ новаго учителя въ особѣ маляра-дьякона, который, впрочемъ, какъ оказалось впоследствии, весьма мало отличался своими правилами и обчянами отъ перваго его наставника. Проживъ у него всего три дня, Шевченко убѣжалъ въ село Тарасовку, къ дядьчю-маляру, славившемуся въ околѣдѣ изображеніемъ великомученика Никиты и Ивана Воппа. Мальчикъ обратился къ дядьчю съ твердую рѣшимостью перенести всѣ испытания, лишь бы усвоить его великое искусство хоть въ самой малой степени; но Апеласель, посмотрѣвъ внимательно на его лѣвую руку, обьявилъ ему, къ крайнему его огорченію, что въ немъ нѣтъ способности ни къ чему, ни даже къ *шеству* или *бондарту*.

Потерявъ всякую надежду сдѣлаться когда-нибудь хотя посредственнымъ маляромъ, Шевченко съ грустью возвратился въ родное село, въ надеждѣ получить мѣсто подчаска при деревенскомъ стадѣ. Но и это не удалось ему. По мѣшкю, только что наслѣдовавшему достоиніе отца своего, понадобился расторопный мальчикъ, и оборванный школяръ-бродяга попалъ прямо въ трудовую куртку, въ такіе же шаровары и, наконецъ, въ комнатные козачки.

Въ 1832 году Шевченко исполнилось восемнадцать лѣтъ, и такъ-какъ надежды помѣщика на его лаякскую расторопность не оправдались, то онъ, виявъ неотступной просьбѣ пещачнаго Тараса, законтраговать его на четыре года разныхъ живописныхъ дѣлъ цеховому мастеру, мѣшкюму Шираеву, въ Петербургѣ. Шираевъ соединялъ въ себѣ всѣ качества дядьча-сартанца, дьякона-маляра и другою дядьча-хиромантика; но, не смотря на весь гнѣтъ тройственнаго его генія, Шевченко находилъ время бывать иногда въ Лѣтнемъ саду и рисовать со статуи. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ онъ познакомился тамъ съ художникомъ П. М. Соенкомъ, занимавшимъ впоследствии мѣсто учителя рисованія при Линей князя Безбородко въ Нижнѣй. По совѣту Соенка, онъ принялся за авварельные портреты съ натуры — и въ короткое время сдѣлалъ значительные успѣхи по этой части живописи. Затѣмъ, въ 1837 году, Соенко представлялъ его

конференцъ-секретарю Академіи Художествъ Григоровичу, съ просьбой — освободить бѣдняка отъ малкой его участи. Григоровичъ передалъ его просьбу В. А. Жуковскому. Тотъ, уговорившись предварительно съ Ангельгартомъ, проиавъ К. П. Брюлова написать съ него, Жуковского, портретъ, съ цѣлью разыграть его въ частной лотерей. Брюловъ тотчасъ согласился и вскорѣ портретъ Жуковского былъ у него готовъ. Жуковский устроилъ лотерей въ 2500 рублевй ассигнаціями, и этою дѣною, 22-го апрѣля 1838 года, куплена была свобода Шевченки, который съ того же дня началъ посѣщать классы Академіи Художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ Брюлова.

Все что известно намъ о первыхъ поэтическихъ опытахъ Шевченки, это тѣ, что они, по большей части, были задуманы и приведены въ исполненіе въ томъ же Лѣтнемъ саду, въ свѣдѣнн, безданныя ночи. Сначала строгая украинская муза долго чуждалась его вуса, извращеннаго жиньяю въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ; но когда дыханіе свободн возвратило его чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, она простерла къ нему свои руки и принадлежала его на чужбинѣ. Изъ этихъ первыхъ опытовъ, написанныхъ въ Лѣтнемъ саду, одна только баллада «Порченнал» вошла въ первое собраніе стихотвореній Шевченки, изданныхъ имъ въ 1840 году въ Петербургѣ. Появленіе въ свѣтъ «Кобзаря» было встрѣчено радужно всеми столичными критиками; что же касается Малороссіи, то она была въ восторгѣ отъ своего новаго поэта, который приносилъ какъ нельзя болѣе нѣ сердцу каждому украинцу, чуткому ко всему, касающемуся его народности и поэтическихъ его преданій. Съ виходомъ въ свѣтъ «Кобзара», имя Шевченки мгновенно заняло первое мѣсто въ ряду украинскихъ поэтовъ, и съ-тѣхъ-поръ неотъемлемо занимаетъ его по настоящее время. Всего болѣе понравился всѣмъ предестный рассказъ «Катерина», исполненный чисто-народной поэзіи. Не считая печатныхъ экземпляровъ, онъ разошелся по Малороссіи въ тысячахъ спискахъ и былъ выученъ каждымъ на память. Въ 1841 году были напечатаны «Гайдамаки», которые, впрочемъ, не имѣли большого успѣха, какъ равно и другіе произведенія, появившіяся въ томъ же году и въ два слѣдующія въ «Ластовкѣ», «Маякѣ» и «Молодикѣ».

Въ 1844 году Шевченко получалъ знаніе сво-

боднаго художника и затѣмъ отправился въ Малороссію, чтобы записатисъ сюжетами для новыхъ картинъ и стихотвореній. Въ 1847 году надъ Шевченко стрясласъ бѣда: компрометированный по одному дѣлу, онъ былъ лишонъ званія свободного художника, выписанъ въ радвое и посланъ на службу въ Оренбургскій край, гдѣ его сначала держали въ самомъ Оренбургѣ, потомъ перевели въ Орскую крѣпость, откуда назначили въ дальнюю и трудную экспедицію къ Аральскому морю, а въ 1850 году поселили въ Нововетровскомъ укрѣпленіи. Въ 1857 году, Шевченко, благодаря хлопотамъ своихъ петербургскихъ друзей и особенно графини А. И. Толстой, получилъ увольненіе отъ военной службы — и въ слѣдующемъ году уже былъ въ Петербургѣ, гдѣ и поселился окончательно, въ зданіи императорской Академіи Художествъ. Послѣ двухлѣтнаго пребыванія въ Петербургѣ, ему захотѣлось побывать на родинѣ и у родныхъ, что онъ и исполнилъ лѣтомъ, въ 1859 году. Возвратившись въ Петербургъ, онъ приступилъ къ новому изданію «Кобзара», который и вышелъ въ 1860 году. Сюда, кромѣ стихотвореній, составлявшихъ первое изданіе, вошло нѣсколько новыхъ и, между прочимъ, «Гайдамаки»; но лучшимъ украшеніемъ сборника была повѣсть «Работница», написанная въ Оренбургскомъ краѣ. Эта предестная повѣсть можетъ быть поставлена рядомъ съ «Катериной». Сколько честву! сколько истинной поэзіи!

Тарасъ Григоровичъ умеръ, почти внезапно, 25-го февраля 1861 года, въ самую сорокъ седьмому годовщину своего рожденія. Тѣло Шевченки было первоначально погребено на Смоленскомъ кладбищѣ, потомъ отвезено въ Кіевскую губернію и тамъ, согласно желанію покойнаго, похоронено между городомъ Коневымъ и селомъ Печерами, въ очаровательной мѣстности, на берегу Дѣпра.

ТОПОЛЬ.

По дубровѣ вѣтеръ вѣетъ,
По полю гуляетъ,
У дороги стройный тополь
Долу нагибаетъ.
Стань vysokій, листъ широній —
Что онъ зеленѣетъ?

Какъ широкое то море,
Поле вокругъ сыхнѣтъ.
Чумаки ль пройдутъ мимо —
Смотрини — приуняю;
На зарѣ ль чабанъ съ свирякою.
Сядетъ на могилѣ,
Поглядитъ — завоетъ сердце:
Возлѣ ни былинъ!
Одиноко, сиротую,
Внѣтъ на чужбинѣ.
Кто жь ростилъ его, да хозяйъ
На погнѣль зную?
Красни дѣвнці, постойте —
Все намъ разскажу я!

Молодой козакъ дѣвнцѣ
Крѣпко полюбили,
Полюбили онъ — ухалъ
И не воротился.
Если бы знала, что покинетъ —
Лучше бы не любила;
Если бы знала, что онъ стинетъ —
Лучше бы не пустила;
Если бы знала — не ходила бы
Подъозъ за воюю,
Не стояла бы вилотъ до ночи
Съ мимамъ надъ рѣкою;
Если бы знала!... И то горе —
Знать, что постврѣчаешь,
Знать впередъ, что съ нами будетъ...
Лучше, какъ не знаешь!
Не пытайте долгъ: сердце
Суженаго знаетъ...
Пусть болитъ, пока на-вѣки
Въ землю закопаетъ.
Вѣдь не долго въ румянн,
Пшени, бѣлолицы;
Брови — черны, очи — карн
Не на-вѣтъ, дѣвнці!
До полудня — и завянутъ,
Брови полнають...
Красни дѣвнці, любите,
Какъ сердечко знаетъ!

Соловей залѣтаетъ звонко
На лугу въ калннѣ —
И козакъ залѣтаетъ вѣсно,
Ходя по долинь.
И повѣтъ, пока не выдетъ —
Не увидитъ милой,

Не увидит и не спросит:
«Мать тебя не была ль?»
Убажканые пѣсней,
Стануть, обоймутся,
И — довольны и счастливы —
Снова разойдутся.
И ни кто у ней не спросит —
Сердца не питаешь:
«Гдѣ была ты, гдѣ гуляла?»
Дѣлаешь, какъ знаешь.
Красна дѣвица любима,
А сердечко мѣло:
Сердце чуло невзгоду,
А сказать не смѣло.
Не сказала — и осталась,
День и ночь воркуешь,
Какъ безъ гоубы гоуба,
А ни кто не чуешь.
Соловей ужь не щебечетъ
Въ полѣ надъ водою;
Не поетъ моя козачка,
Стоя надъ рѣкою;
Свѣтъ постылъ: ей не поѣтся;
Бродитъ сиротиной.
Безъ милого — какъ чужие
Мать съ отцомъ родимымъ;
Безъ милого созанье ль свѣтитъ —
Ворогомъ смѣется;
Безъ милого свѣтъ — могна...
А сердечко бѣется!

Годъ промель, другой проходитъ —
Друга не приноситъ;
Винеть красная, какъ дѣвчикъ...
Мать ее не спроситъ:
«Что ты, дочка, что ты сохнешь?»
Смотритъ — и ни слова,
А тайкомъ въ мужья ей прочитъ
Вотага сѣдою.
— «Выходи же!» говоритъ ей:
«Вѣкъ не быть дѣвицей!»
Онь богатый, одинокий:
Будешь жить царицей.»
— «Не хочу я жить царицей!
Ты меня въ могилу
Опусти гѣмъ полотенцемъ,
Что я къ свадьбѣ шла.
Пусть поны повѣть, а дружки
Плачутъ надо мною:
Легче въ гробъ, чѣмъ повѣщаться —
Быть его женою!»

Но не слушала старуха:
Дѣлала, что знала;
Дочка видѣла и сохла,
Сохла и молчала.
И пошла она къ волонуть —
Донятаться слова:
Долго ли на этомъ свѣтѣ
Жить ей безъ милого?
Молвить: «Бабушка, гоуба,
Пѣвнѣтъ мой махровый!
Ты скажи, скажи всю правду:
Гдѣ мой чернобровый?
Живъ ли онъ, здоровъ и любитъ,
Аль забылъ, покинулъ?
Я пойду за нимъ повсюду...
Живъ онъ, али спинулъ?
Молви бабушка, гоуба,
Молви, если знаешь!
Выдаешь меня родная
За сѣдого замужъ.
Полюбить его, гоуба,
Сердца не научишь.
Я бь пошла да утопнлась —
Душу, жалъ, погубишь.
Если умеръ чернобровый,
Сдѣлай такъ мнѣ, пташка,
Чтобъ домой я не вернулась...
Тяжко сердцу, тяжело!
Тамъ со сватами идетъ старый...
Укажи жь мнѣ долю!»
— «Ладно; только будь послушна
И забудь про волю.
Эхъ! сама была я дѣвкой,
Это горе знаю;
Миновало — научилась:
Людямъ помогаю.
Про твою я долю, дочка,
Прошлымъ лѣтомъ знала;
Прошлымъ лѣтомъ я, про случай,
Зелье припасала.»

Вотага старая и съ полки
Склянину достала.
«Вотъ и зелье! Видь на рѣчку
До зари», сказала:
«Пѣтухи пока не пѣли,
Поспѣши умыться,
Виней зелья — и все горе
Пракомъ разлетится.
Виней — и бѣги скорѣе;
Что бѣ тамъ ни казалось,

Все бѣги, пока не станешь
Тамъ, гдѣ съ нимъ прощались.
Отдохнешь... а какъ проглянетъ
Мѣсяць изъ-за сада,
Виней снова; не придетъ онъ —
Въ третей винить надо.
Съ разу — какъ за-прошлымъ лѣтомъ —
Будешь ты такою;
Отъ другого — середь степи
Топнетъ конь ногою...
Если живъ козакъ, то мнгомъ
Онъ къ тебѣ прибудетъ...
А отъ третьяго... ахъ, дочка,
Не пытай, что будетъ!
Только помни, не крестися —
Все снесетъ водою...
Ну, иди же — полюбуися
Прешней красотою!»

Взявши зелье, поклонилась:
«Ну, прощай, бабуся!»
Вышла вопъ: «Иди ли, нѣтъ ли?
Нѣтъ, не ворочуся!
Винѣтъ умилась, нашлася —
И повесѣла,
Вотъ еще, еще — и, словно
Сонная, зашла:
«Ты плыви, плыви же, лебедь,
«По морю синѣму!»
«Ты расти, расти же, тополь,
«Къ небу голубому!»
«Дорости, высокъ и тонокъ,
«Винють до самой тучи,
«Свѣдай тамъ — дождусь ли друга,
«Аль загину, ждучи?»
«Посмотри, какъ доростешь ты,
«За синѣ море:
«Тамъ за моремъ моя доля,
«Здѣсь надъ моремъ — горе.
«Тамъ мой милый, чернобровый
«По полю гуляетъ,
«А я плачу, годы трачу,
«Друга поджидаю.
«Расскажи ему ты, сердце,
«Что смѣются люди;
«Ты скажи ему, что спину,
«Если позабудетъ.
«Мать сама меня хоронитъ —
«Въ зелье зарынаетъ...
«Безъ меня ее, родную,
«Кто-то приласкаетъ?

«Его присмотритъ, кто разспроситъ,
«Въ старости поможетъ?
«Мать моя! моя ты доля!
«Боже Ты мой, Боже!
«Посмотри за море, тополь,
«Если нѣтъ — не будетъ —
«Ты залапай передъ зарею —
«Не выдаи бѣ люди!
«Ты расти, расти же, тополь,
«Къ небу голубому!
«Ты плыви, плыви же, лебедь,
«По морю синѣму!»

И едва замолкла пѣсня —
Чудо совершилось:
Чернобровая козачка
Въ тополь превратилась.
Не вернулась къ родимой,
Въ полѣ друга ждучи;
Доросла — тонка, высока —
Винють до самой тучи.
По дубровѣ вѣтеръ вѣетъ,
По полю гуляетъ,
У дороги стройный тополь
Долу нагибаетъ.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

II.

Д У М А.

Проходить дни, проходить ночи;
Прошло и лѣто; мелеститъ
Листъ пожелтѣвшій; гаснутъ очи;
Заснуди думы; сердце снитъ.
Заснуди все... Не знаю я —
Живешь ли ты, душа моя?
Везгорастно я глажу на свѣтъ,
И нѣту слѣзъ, и смѣха нѣтъ!

И доли гдѣ мой? Судьбою
Знать не дано мнѣ никакой;
Но если я благой не стою,
Зачѣмъ не выпало хоть злой?
Не дай, о Боже, какъ во снѣ
Влуждаться, остынуть сердцемъ мнѣ!
Гнилой колодой на пути
Ложать меня не попусти!

Но жить мнѣ дай, Творецъ небесный,
О, дай мнѣ сердцемъ, сердцемъ жить,

Чтоб я хвалил твой міръ чудесный,
Чтоб мог я близко любить!
Страшна неволя — тяжело въ ней;
На волю жить — и спать — страшнѣй.
Прожить ужасно безъ слѣда:
И смерть и жизнь — одно тогда.

А. Пащявѣв.

III.

ДУМА.

Льётся рѣчка въ синеморе,
Да не вытекаетъ;
Ищеть доли козачина —
Должники не знаютъ.

И пополь козакъ по свѣту...
Бьётся синеморе,
Бьётся сердце въ немъ, а дума
Говорить про горе:

«Ты куда идешь — не спросишь?
На кого покинуть
Мать, отца, красу-дѣвицу?
Вросилъ все — и стинуть?»

«Тамъ не тѣ — иные люди;
Тяжко жить межъ ними:
Нѣ съ кѣмъ будетъ подѣлаться
Думами своими.»

И сидитъ козакъ надъ моремъ:
Бьётся синеморе;
Думалъ, доля повстрѣчаетъ —
Повстрѣчало горе.

Журавли домой несутся
Цѣлыми стадами.
Зарыдалъ козакъ: дороги
Поросли тернами.

Н. Гервель.

IV.

ДУМА.

Для чего мнѣ черны-брови,
Молодые годы?
Для чего мнѣ кари-очи,
Дѣвничья свобода?

Даромъ годы молодые
Вѣкнутъ, увядають,
Очи плачуть, черны-брови
Съ вѣтромъ вынадають.

Сердце пташкою въ неволѣ
Вынетъ безъ участя.
Что мнѣ въ томъ, что я пригожа,
Если нѣту счастья?

Тяжело на бѣломъ свѣтѣ
Жить мнѣ сиротою;
Межъ своими, межъ родными
Стала я чужою.

И никто меня не спроситъ,
Что такъ плачуть очи,
Что такъ сердце молодое
Поеть дни и ночи —

Что такъ сердце, какъ голубка,
День и ночь воркуетъ...
Ой, никто его не спроситъ,
Сердцемъ не почуветь?

Не поймутъ чужіе люди...
И въ чему тревожить?...
Развѣ скажутъ: пусть поплачетъ,
Если плакать можетъ!

Плачь же, сердце, плачьте, очи,
Если плакать въ силѣ,
Громче, жалобнѣй, чтобъ слышашъ
Вѣтеръ на могилѣ;

Чтобы снесъ тѣ слезы буйный
За синее море,
Чернобровому злодѣю
На лихое горе!

Н. Гервель.

V.

КЪ ОСНОВЬЯНЕНКѢ.

Бьютъ пороги; мѣсяць всходитъ,
Всходитъ, какъ бывало...
Нѣту Сѣчи, нѣтъ гетманова —
Всѣ на-вѣкъ пропало!
Нѣту Сѣчи! Дѣвиръ широкій
Камыши питають:

«Гдѣ-то, гдѣ-то наши дѣти?
Гдѣ они гуляютъ?»
Стонетъ чайка, словно дѣтокъ
Ищетъ, призываетъ;
Солнце свѣтитъ; вольной стенью
Вѣтеръ пробиваетъ.
А въ той степи длиннымъ рядомъ
Высятся могилы,
И питають буйный вѣтеръ,
Тихи и унылы:
«Гдѣ-то наши, гдѣ гуляютъ?
Время воротиться!
Воротитесь! поглядите —
Жито колосится,
Гдѣ паслися ваши кони,
Гдѣ трава шумѣла
И гдѣ моремъ разливаннымъ
Вражьи кровь алѣла...
Воротитесь!...» Врагъ смѣется:
Лишь ему забавно...
Смѣйся! пусть погибла воля —
Не погибнетъ слава!
Не погибнетъ, а расскажетъ,
Что творилось въ свѣтѣ,
Чья тутъ правда, чья неправда,
Скажетъ, чьи мы дѣти.
Наша дума, наша пѣсня
Не умрутъ случайно...
Вотъ гдѣ, люди, наша слава,
Слава всей Украинѣ!
Нѣтъ въ ней золота, каменьевъ —
Ничего такого,
А грома, святъ, правдина,
Какъ господне слово.

Такъ ли, другъ ты мой желанный?
Правду ль говорю я?
Эхъ, когда бы!... да голосъ рвется...
Да и что скажу я?...
Все кругомъ чужіе люди —
Не сѣшать съ привѣтомъ...
«Не кручинься!» можетъ, скажешь;
Да что проку въ этомъ?
Осмѣють несломъ тотъ люди,
Выштыи слезами —
Осмѣють... Орелъ мой синый,
Тяжко жить съ врагами!
Поборолся бы и съ ними,
Лишь была бы сила,
И заплѣть бы — былъ и голосъ —
Да судба сломила.

Вотъ въ чемъ горе, другъ мой милый!
И бреду я снова
По сутробамъ, да мурлычу:
«Не шуми дуброва!»
Вотъ и все тутъ. У тебя же
Голосъ полонъ сила;
Всѣ тебя и чтуть и любятъ:
Пой имъ про могилы,
Про козацкія могилы:
Какъ ихъ наснадили,
И давно ли, и кого въ нихъ
Хоронили — клали.
Пой про старъ, про тѣ, что было —
Было миновало...
Пой, орелъ мой, чтобъ на свѣтѣ
Все живое знало,
Цѣлый свѣтъ, за что Украина
Много такъ терпѣла;
Отчего козачья слава
Свѣтъ весь облетѣла.
Пой, орелъ мой! пусть замлѣду —
Не схоронить тайну!
Пусть хоть разъ еще увижу
Я свою Украину,
Пусть хоть разъ еще услышу,
Какъ поетъ море,
Какъ поетъ душа-дѣвица
Про свое про горе;
Пусть хоть разъ еще забѣдетъ —
Сердце сердцу скажетъ,
И тогда въ чужую землю
Пусть на-вѣки ляжетъ.

Н. Гервель.

VI.

ИВАНЪ ПОДКОВА.

Было время — но Украинѣ
Пушки грохотали;
Было время — запорожцы
Жили-пировали:
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Все то минуло — остались
Лишь могилы въ потѣ,
Тѣ высокія могилы,
Гдѣ лежитъ зарыто
Тѣло бѣлое козачье,
Саваномъ погнито.
И черплютъ тѣ могилы,
Словно горы, въ потѣ,

И лишь съ вѣтромъ перелѣтнѣмъ
Шепчутся про волю.
Славу дѣдовскую вѣтеръ
По полю разноситъ...
Вяужь усилннть — пѣсню сложить,
И съ той пѣсней косить.
Было время — на Украйнѣ
Въ пляску шло и горе:
Какъ вина да меду доволь —
По колѣна море!
Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомняешь,
Какъ-то легче станеть сердцу,
Веселѣе взглянешь.

Встала туча надъ Лиманомъ,
Солнце заслоняетъ;
Лютнѣмъ вѣтромъ сине-море
Стонеть, завываешь.
Дѣшнр надужи. «Что жь, ребята,
Время мн теряемъ?»
Въ лодки! — море расходилось:
То-то погуляемъ!
Высшають запорожцы;
Вотъ Лиманъ покрыли
Ихъ ладн. «Играй же, море!»
Волны заходили...
За волнами, за горами
Берега пропали.
Сердце поетъ; козаки же
Веселѣе стали.
Плещуть веслы; пѣсня льется;
Чайка вокругъ порхаешь...
Атаманъ въ передней лодкѣ —
Путь-дорогу знаетъ.
Самъ все ходитъ вдоль по лодкѣ;
Трубку сжалъ зубами;
Взглянетъ вправо, взглянетъ влѣво —
Гдѣ бь сойтись съ врагами?
Закрутилъ онъ усъ свой чорный,
Восинулъ чубъ косматый,
Поднять шапку — лодки стали.
«Сгинь ты, врагъ проклятый!»
Попымаете не къ Сиполу,
Братия атамана,
А въ Царьградъ поѣдемъ — въ гости
Къ самому султану.»
— «Ладно, батька!» заремляло.
— «Ну, спасибо, братцы!»
И накрылся. Вновь горами
Волны громоздятся...

И опять онъ вдоль по лодкѣ
Ходитъ, не садится;
Только молча, исподлобья
На волну косится.

М. Михайловъ.

VII.

Не вернулся изъ походу
Молодой гусаръ въ село:
Что жь я по пѣзъ горюю,
Что жь мнѣ такъ жаль его?
За кафтанъ короткий что ли,
Иль за чорный усъ такъ жаль,
Иль за-то, что не Марусей —
Машей звалъ меня москаль?
Нѣтъ, мнѣ жаль, что пропадаетъ
Даромъ молодость моя;
Не хотятъ меня и замужь
Врать ужъ люди за себя.
Да къ тому еще и дѣвки
Мнѣ проходу не даютъ:
Не даютъ онѣ проходу —
Все гусарихой зовутъ.

А. Плещевъ.

VIII.

ПѢСНЯ.

Проторила я тропинку
Черезъ яръ,
Черезъ гору, мой сердечный,
На базаръ.

Парижскъ бубняки носила
Вечеркомъ;
Продажа — и воротилась
Съ пятакомъ.

Я два грѣна, охъ, два грѣна
Проніла,
На копейку музыканта
Наняла.

Ты сыграй-ка мнѣ на дудкѣ
На своей...
Чтобъ забыла я кручину,
Горе съ ней.

Вотъ какая, мой сердечный,
Дѣвна я.
Сватой я — вилду я пожалуй
За тебя!

А. Плещевъ.

IX.

ЗАВѢЩАНЬЕ.

Какъ умру — пусть степь родная
Будеть мнѣ могилой:
Вы меня похороните
На Украйнѣ милой;
Чтобъ поля, и дѣшнр и берегъ,
Дальній и збуочій,
Были видны, было слышно,
Какъ реветъ могучій...

Н. Гервель.

X.

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА.

Не домой иду въ полуночь
Изъ знакомой хаты
И не спать ложась, мой милый,
Вспомни меня ты:
А когда придетъ невгода
Просидитъ до свѣта...
Вотъ тогда меня ты вспомни,
Попроси сойтя!
Вотъ тогда про друга вспомни —
Далеко, надъ моремъ,
Какъ онъ мается въ неволѣ,
Какъ онъ бѣтса съ горемъ,
Какъ свои онъ злыя думы
И души тревогу
Схоронивъ, въ пустынѣ бродитъ,
Молится все Богу,
Объ Украйнѣ вспоминаетъ,
О тебѣ, сердечный,
И груститъ порой... не слышно
И безъ слезъ, конечно,
А такъ только... На дворѣ вѣдъ
Праздникъ наступаешь...
Тяжею тому, кто праздникъ
Безъ друзей встрѣчаетъ
На чужбинѣ! Завтра рано
Благовѣсть раздастся

По Украйнѣ... Завтра рано
Станутъ собираться
Люди въ церковь... Завтра рано
Зареветъ годный
Вѣтеръ въ пустынь, да поудеть
Ураганъ холодный
И завѣтъ бѣлымъ снѣгомъ
Мой курень печальной...
Вотъ какъ встрѣчу я нашъ праздникъ
На чужбинѣ дальней!

Н. Гервель.

XI.

ИЗЪ ПОВѢСТИ «КАТЕРИНА».

Чернобровый, любитесь,
Но не съ москалями: *)
Москаль — чужие люди,
Помыкають вами.
Вѣдъ москаль шутя полюбить,
И шутя покинетъ:
Онъ уйдетъ въ свою сторону,
А бѣдняжка сгинетъ...
Пусть одна бь... еще не горе!
Пусть... а то могла
Съ нею ждетъ и мать-старуху,
Что на свѣтъ родила.
Сердце вянетъ, расивая,
Какъ причину знаетъ;
Люди сердца не распросить —
Прямо осуждаютъ.
Чернобровый, любитесь,
Но не съ москалями:
Москаль — чужие люди,
Помыкають нами.

Не послушалась родимыхъ
Сердце-Катерина:
Полюбила, какъ умѣла,
Москаля дѣвчина;
Полюбила молодого,
Въ садъ къ нему ходила —
Въ садъ, пока себя и долю
Тамъ не загубила.
Кланчетъ ужнать старуха —
Не доплатитъ дочку;

*) Въ Украйнѣ москалемъ называютъ каждаго великорос-
сіянина (московца) и, въ особенности, военного, солдата, въ
отличие отъ козака.

Гдѣ съ москалкомъ гуляеть,
Тамъ проспитъ и ночку.
Не двѣ ночи вари очи
Жарко цаловала...
А межъ-тѣмъ дурная слава
По селу бѣжала.
Пусть позорятъ злые люди —
Чтѣ ей въ томъ позорѣ?
Полюбила — не слыхала,
Какъ подкралось горе.
Провесали дурная вѣсти
Въ трубѣмъ затрубили.
На войну москаль поѣхалъ;
Дѣвицу покрыви.*)
Не печалитъ Катерину,
Что коса покрита:
Люби слѣзамъ, словно пѣсни,
Если не забыта.
Обѣщали чернобровый,
Если нѣтъ вернется,
Обѣщали къ ней прѣйхати.
То-то заживется;
Будетъ дѣвица московной,
Горе позабудетъ;
А пока — пусть осуждаютъ,
Пусть смѣются люди.
Не тоскуеть Катерина —
Слѣзы утираеть,
Что ее съ собой подружки
Пѣть не заываютъ.
Не тоскуеть Катерина,
Хоть и плачутъ они...
Съ коромысломъ за водою
Выбреть о-поль-лѣни,
Чтѣбъ враги не увидали;
Станеть подъ калиной
У колода и про «Гриця»
Заколетъ съ кручиной.
И калина плачетъ — столько
Въ пѣсни той печали.
Воротилася — и рада,
Что не повстрѣчала.
Не тоскуеть Катерина,
Тяжкихъ думъ не знаетъ —
У окна, въ цѣтномъ платочкѣ,
Друга поджидаетъ.

*) Въ Украинѣ дѣвучка, уличенная въ преступную связь,
не смѣетъ являться къ людямъ съ непокрытой головою; ее
покрываютъ насильно, то-есть повязываютъ голову, какъ
замужней.

Поджидала Катерина
Цѣлые полгода:
Защемило волѣтъ сердца —
Подозла невагода.
Расхворалась Катерина,
Еле-еле дышетъ...
Чуть оправилась — за пещку
И дитя колишетъ.
А сосѣди-шебетухи
Матери толкують,
Что у дочки, по дорогѣ,
Москалинъ ночують.
«У тебя красotka дочка,
И не одиночка:
Нильчичъ, колить у запечка
Москаль-сыночка.
Чернобровымъ завелася...
Видѣтъ, знать, грѣшила...»
Чтобъ васъ, вѣдьмы, шибетухи,
Злыдни задавили!
Катерина, разразилась
Горе надъ тобою!
Гдѣ ты въ свѣтѣ пріютинься
Съ мамымъ сиротою?
Кто разспроситъ, пригудубитъ
Въ свѣтѣ безъ милѣва?
Мать, отецъ — чужіе люди:
Тяжко это слово!
Вотъ оправилась бѣдьячка —
Подойдетъ къ окошку,
И все нильчичитъ съ ребенкомъ,
Смотритъ на дорожку.
Смотритъ — нѣтъ да нѣтъ милѣго...
Можетъ, и не будетъ?
Въ садъ поплакать бы сходила,
Да увидать люди.
Ночь настанеть — Катерина
По саду гуляеть,
На рукахъ качаетъ сына,
Горе повѣряеть:
«Здѣсь его я поджидала
Вечеромъ, бывало,
Тутъ клялся... а тамъ... смочекѣ!»
И не досказала.
Зацѣпи въ саду черешни,
Зацѣпи калина;
Какъ бывало, въ садъ зелѣный
Вышла Катерина.
Вышла, только не поѣтъ
Бѣдной, какъ бывало,

Какъ въ саду вишневомъ почью
Друга поджидала.
Не поѣтъ чернобровой —
Проклинаеть долу.
А межъ-тѣмъ враги смѣются,
Потѣшались вволю,
Распускають злыя рѣчи —
Бѣдной не оставятъ...
Если бы милый — онъ сумѣлъ бы
Ихъ молчать заставитъ...
Но далеко чернобровый —
Сердцемъ не почуветь,
Какъ враги надъ ней смѣются,
Какъ она горюеть.
Можетъ-быть, онъ за Дунаемъ,
Подъ сирой землею;
Аль въ Москвитинѣ слюбился
Съ дѣвицей плюю.
Нѣтъ, онъ живъ, здоровъ и веселъ —
Онъ не пролилъ крови...
Гдѣ жъ найдеть такіе очи
И такіе брови?
Нѣтъ въ Москвитинѣ — пройди хоть
Всю ее до моря —
Нѣтъ такой, какъ Катерина;
А живеть на горе...
Мать сумѣла дать ей брови
И глаза на диво,
Не сумѣла только сдѣлать
Дѣвицу счастливой.
А краса безъ доли, счастья,
Чтѣ цѣтвомъ въ поляхъ:
Сушить солнце, треплетъ вѣтеръ,
Каждый рветъ по волѣ.
Лей же слѣзамъ, Катерина,
Въ хижинѣ убогой;
Москалинъ уже вернулъся,
Да не той дорогой.
За столомъ сидитъ родимый —
На руки сълонился;
Не глядитъ на свѣтѣ онъ Божій:
Сердцемъ истомился.
Рядомъ съ нимъ сидитъ на лавкѣ
Мать, въ тоскѣ-кручинѣ,
За слезами еле-слишко
Молвитъ Катеринѣ:
«Что же свидѣла, Катерина?
Гдѣ женихъ твой — паръ?
Гдѣ же сваты, гдѣ же дружки,
Старости, бояра?»

Знать, въ Москвитинѣ!... Иди же
Къ нимъ, когда посмѣешь,
Да не сказывай дорогой,
Что ты мать имѣешь.
Видно, въ день и часъ проклятый
И тебя родила!
Если бы знала, до восхода
Солнца утопила:
Пусть бы гадина слогдала —
Не москаль поганый...
Охъ! дитя мое родное,
Цѣтвѣтъ мой румяный!
Точно ягодку, какъ птичку
Нѣжила, растила —
На бѣду, знать... Таъ-то, дочка,
Мнѣ ты отплатила!
Ну, иди же! на чужбинѣ
Понци свекрухи,
Если слушать не хотѣла
Матери-старухи.
Понци ее — отпущешь —
Крѣпко приласкаешь;
Будь счастлива межъ чужими,
Къ намъ не возвращайся!
Нигде не возвращайся
Изъ чужого края...
Кто-то мнѣ глаза закроеть,
Безъ тебя, родная?
Кто заплачетъ надо мною,
Бѣдной сиротинной?
Кто посадитъ на могилѣ
Красную калну?
Кто помянетъ? кто помолится
Будеть надо мною?
Дочка, дочка дорога,
Дитято родное!
Ну, иди жъ!...» Взагословна:
«Богъ съ тобой, родная!»
И на лавку повадилася,
Будто неживая.
И сказала отецъ родимый:
«Что жъ неидешь, дѣвчѣна?»
Зарыдала и ушла
Въ ноги Катерина:
«Ты прости меня, родимый,
Въ чемъ я согрѣшила!
Ты прости меня, голубчикъ,
Мой соколикъ милый!»
— «Пусть Господь тебя и люди
Добрые прощяють!»

Помолись — и въ путь-дорогу...
Сердце за не знает...»

Еле встала, поклонилась,
Вышла со слезами;
А старикъ съ своей старухой
Стали сиротами.

Вышла въ садикъ, помолилась,
Горсть земли набрала,
И на крестъ ее въ мѣшочкѣ
Крѣпко навязала.

«Не вернусь!» проговорила:
Далеко умру я,
И чужде закопають

Въ землю мнѣ чужую;
А своя — цѣлотка эта —
Надо мною лжеть,
Да про долю, да про горе
Добримъ людямъ скажеть...

Не рассказывай, голуба,
Гдѣ бы ни скоронили,
Чтобы грѣшницу по смерти
Люди не бранили!

Ты не скажешь... вотъ кто скажеть,
Кто его родная!
Боже мой, куда я дѣнусь,
Убѣгу куда я?

Я сама, дитя родное,
Спрячусь подъ водою,
Ты же грѣхъ мой отстрадаешь
Въ людяхъ сиротю,
Безъ огня!...» Пошла деревней,
Плачетъ Катерина;
Появилася платочкомъ
И глядитъ на сына.

За деревней оглянулась —
Сердце въ ней зангло —
Показала головою
И заголосила.

Стала въ полѣ при дорогѣ,
Словно тѣ берѣзъ;
Какъ роса передъ зарёю,
Полнясь слезамъ.

Изъ-за слѣзъ изъ-за горючихъ
Вѣла-дня не чуеть,
Только сына обнимаетъ,
Плачетъ да дацуетъ.

А ребенокъ, точно ангелъ,
Ничего не знаетъ,
Къ груди крохотной ручонкой
Тянется, хватается.

Солнце сѣло; за дубровой
Зорька догораеть...
Отвернулась — и въ дорогу...
Вотъ ужъ чуть мелькаетъ...
На сѣдѣ еще сосѣди
Долго толковали,
Но ни мать, ни старикъ батько
Ихъ ужъ не слышали.

Такъ-то съ ближними на свѣтѣ
Люди поступають!
Рѣдуть, тѣшатся... иной же
Самъ себя терзаетъ.

А за что? Господь ихъ знаетъ.
Свѣтъ, кажись, широкой,
А въ немъ мѣста не отыщеть
Странникъ одинокой.

Одному отжиритъ доля
Съ краю и до краю,
А другому лишь оставитъ
То, гдѣ закопають.

Гдѣ жъ тѣ люди, гдѣ жъ тѣ братья,
Съ кѣмъ мы такъ желали
Жить, кого любить собирались?
Сгинули, пропали.

Есть на свѣтѣ доля —
Съ кѣмъ она спозналась?
Есть на свѣтѣ воля —
Да кому досталась?
Есть на свѣтѣ люди —
Золотомъ сияють,
Кажется, чего бы —
Долюшки не знаютъ.

Ни доли, ни воли!
Кафтавъ надѣвають
Съ кручшой, а плакать —
Такъ стыдъ запрещаетъ.

Золото возьмите,
Будьте имъ богаты,
Мнѣ же — дайте слезамъ
Выплакать утраты.
Затоплю недолю
Частыми слезами,
Затопчу неволю
Восьми ногами!

Тогда я богатый,
Тогда я довольный —
Какъ сердце выграеть
Касаткою вольной.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

XII.

ИЗЪ ПОВѢСТИ «РАБОТНИЦА».

Каравай мѣситъ, на хуторѣ,
Молодицъ гурьба сошлась.
Старый дѣдъ развеселился
И дунулся съ ними въ плясъ;
Такъ и топаетъ и скачетъ,
И ногами дворъ мететь;
И прохожихъ, и пробѣжныхъ
Всѣхъ во дворъ къ себѣ зоветь,
Варенухой угощаетъ
И на свадьбу проситъ всѣхъ.
На дворѣ и въ хатѣ слышны
Пѣсни, говоръ, шумъ и смѣхъ.
Старый мечется, хотъ ноги
Измѣняютъ ужъ совсѣмъ;
А изъ погреба за бочкой
Бочку катятъ между-тѣмъ.
Напекли и наварили
Много всладо добра;
И скребутъ и выметаютъ
Всюду съ самаго утра.
Только все чужіе люди!
Что жъ работница не тамъ?
Въ Кіевѣ Ганна поклониться
Побрела къ святымъ мощамъ.
Не пускалъ старикъ, и плакала
Марья, прося, чтобы за мать
У него она на свадьбѣ
Оставалась. Удержатъ
Не могли однако жъ Ганни.
«Нѣтъ ужъ, Марья!... Пусти меня.
Мнѣ за мать сидѣть не ладно:
Богачи твои родня,
Я работница — пожалуй,
Осмѣютъ тебя, какъ разъ.
Помоги вамъ Богъ! Молитесь
Лучше я пойду за васъ.
Если примете, оттуда
Есть вамъ олятъ я ворочусь —
И, покуда сила хватить,
Въ вашей хатѣ потружусь».

И ему благословенье
Съ сердцемъ непренимъ дала —
И заплакала — и тихо
Изъ воротъ она пошла.

Пиръ на хуторѣ въ разгарѣ:
Не смакаетъ шумъ и гамъ,
Достается музыкантамъ,
Достается кабдукамъ.
Варенухой лавки моютъ.
А межъ-тѣмъ свой дальній путь
Ужъ работница кончаетъ.
Не успѣла отдохнуть —
Ужъ къ хозяйкѣ, гдѣ пристала,
Нанялася поскорѣй:
Ей въ хозяйствѣ помогаетъ
И таскаетъ воду ей.

На пути деньжонокъ вышлн:
Надо что-нибудь скопить,
Чтобъ Варварѣ преподобной
Хоть молебень отслужить.
Работаетъ, воду носитъ —
Накопила семь рублей.
Марку шапочку купила
У святыхъ она мошей,
Голова чтобъ не болѣла;
Для жени его потомъ
Отъ Варвары преподобной
Запаслася перстенькомъ;
И, святымъ всѣмъ поклонившись,
Побрела олятъ домой.
Воротилася. Марья встрѣчаетъ
У воротъ еѣ, съ женой;
Входятъ въ хату и сажаютъ
Нхуи странницу за столъ.
Накормили — и про Кіевъ
Разговоръ у нихъ пошелъ.
Отдохнуть ей Катерина
Пострала сама постель.
«Что они меня такъ любятъ!
О, мой Боже! Неуже ль
Обо всемъ они узнали,
Догаданы кто я?
Нѣтъ, а добрыми родичи!»
И изъ глазъ у ней катились
Слезамъ, слезамъ въ три ручья...

Послѣ Троицы однажды,
Въ воскресенье, дѣдъ Трофимъ
На дворѣ сидѣть, у хаты;
И съ собой передъ нимъ

Внукъ игралъ, а внучка юбку
Катеринну нашла,
И, въ нее одѣвшись, важно,
Тихо въ гости къ дѣду пла.
Засмѣлся старій, внучку
Радомъ съѣсть онь пригласилъ,
Будто вправду молодцу,
И потомъ ее спросилъ:
«А куда ты хлѣбъ дѣвала?
Можеть, оглялъ кто въ лѣсу?
Иль испечь его забыла?
Такъ вотъ я тебя, лису!»

А работница въ ворота
Входитъ въ этотъ самый мигъ.
Ей съ внучатами встрѣчу
Живо бросился старикъ.
«Гдѣ же Маркъ?» спросила Ганна.
«Видно все въ дорогѣ?» — «Да!»
— «Охъ! насилу я, насилу
Доташилась къ вамъ сюда.
Умирать-то не хотѣлось
Мнѣ въ далекой сторонѣ.
Хотъ бы Маркъ скорѣй вернулся!
Что-то больно, тяжело мнѣ.»
И гостицы изъ душошка
Вынимаеъ для ребятъ:
Внучкѣ старшенькой, Оришѣ,
Крестень, бусы и духагъ:
Въ золотой, изъ фольги, ризѣ,
Образочекъ тоже ей;
И для Карна есть игрушки:
Два коня и соловей.
Катеринѣ съ богомодля
Ужъ четвертый разъ съ собой
Перстенецъ она приноситъ
Отъ Варвары, отъ святой.
Вотъ три свѣчки изъ святого
Воску дѣду отдала;
А себѣ и Марку нынче
Ничего не принесла,
Денегъ больше не хватало,
А работать пѣту сила.
«Дѣтки, бубличка кусочекъ
У меня есть гдѣ-то тамъ...»
Отъскакала и внучатамъ
Раздѣлала пополамъ.

Въ хатѣ готчасъ ей умыла
Ноги Маркова жена;
Принесла потомъ ей подлиннѣ,

Но не ѣсть, не пѣть она.
«Катерина, послѣ завтра
Воскресенью надо быть.
Хотъ бы вынуть часть за здравье,
Да мелебень отслужить
Чудотворцу Николаю.
Что-то Маркъ у насъ пропагъ:
Какъ бы гдѣ-нибудь въ дорогѣ,
Вѣдний, онь не захворалъ.»
И катилос тихо слѣзы
Изъ потухшихъ старыхъ глазъ.
Извуренная, насилу
Съ мѣста Ганна подѣлалась.
«Охъ, не та ужъ, Катерина,
Стала я. Хила, стара,
На ногахъ едра держуся:
На покой мнѣ, знать, пора.
Хотъ въ теплѣ, а тяжело, Катря,
Умирать въ дому чужомъ.»
Захворала крѣпко Ганна.
Позвали за попомъ
И соборовали масломъ,
Но не стало легче ей.
Катерина не спускала
Съ умирающей очей:
День и ночь надъ ней сидѣла,
Грустно голову склонивъ.
Дѣдъ бродилъ все по подворью,
И унылъ и молчаливъ.
По ночамъ надъ хатой слышнень
Бытъ злобнѣйшій крикъ совы.
Съ каждымъ часомъ становилось
Ганнѣ хуже. Головы
Ужъ она не подымала,
И не ѣла ничего;
Только Марка вспоминала.
«Катря! охъ, когда бы я знала,
Что увижу я его —
Я еще бы подождала?»

Беззаботно съ чумаками
Степью Маркъ себѣ идетъ.
Не сбѣжнть онь — расцѣваетъ
И вольво въ степи насеть.
Онь сувка везеть въ гостинень
Дорогого два куска
Для жены; и поясъ алый
Для Трофима старина;
Парчевой очипокъ Ганнѣ,
Да еще кушилъ онь ей
Съ росиненой каймой платочекъ;

А для маленькихъ дѣтей
Черевички, винограду;
Всѣмъ же вмѣстѣ — изъ Царьграду
Въ бочкѣ красное вино;
И икры не мало съ Дону
У него западено.
Онь идетъ да расцѣваетъ,
А что дома ждеть — не знаетъ.

Доташились понемногу —
Вотъ и дома онь опять.
Помоинишисъ прежде Богу,
Стала ворота отворять.
«Катря, Катря! Иль не слышишь?
Воротилос Маркъ. Иди
Поскорѣй ему на встрѣчу,
Да сюда его веди.
Слава Господу! Додѣлался
Грѣшной мнѣ сподобитъ Онь.»
И читала Ганна тихо
Отче нашъ, какъ бы сквозь сонъ.

На дворѣ ярмо снимаетъ
Росинено дѣдъ съ воловъ.
Вышла къ мужу Катерина,
На него глядитъ безъ словъ.
«Катря, гдѣ же наша Ганна?
Что нейдетъ ко мнѣ сюда?
Ужъ, помилуй Богъ, жила ли?
Не случилася ли бѣда?»
— «Пѣтъ! А крѣпко захворала.
Ужъ давно она лежитъ,
Все тебя зоветь: «когда же
Маркъ вернется?» говоритъ.
Поскорѣй поидемъ, а бабью
За волами приглядитъ.»

Входить въ хату. Маркъ не смѣетъ
Перейти черезъ порогъ.
«Слава Богу!» шепчетъ Ганна.
«Не пугайся, Маркъ, дружокъ;
Подойди; а ты, Катруся,
Выйдъ изъ хаты и вдвоемъ
Съ нимъ оставь насъ: нужно Марка
Распросить мнѣ кой-о-чѣмъ.»
Вонъ выходитъ Катерина.
Маркъ стоитъ передъ больною.
«Маркъ, голубчикъ, подвинься,
Посмотри ты, что со мной!
Виднши, я какая стала?
Вся измучилася, больна...

Не работница, не Ганна
Я...» И стихла вдругъ она.
Маркъ и плавалъ, и дивился,
И стоялъ не шевеласъ.
Вдругъ глаза она открыла,
И слезами залиласъ.
«Не вини меня! казниласъ
Я весь вѣкъ въ чужой избѣ.
Не вини меня, спночекъ
А прости: я мать тебѣ!»

А. Пльщевъ.

XIII.

ИЗЪ ПЬСЫ «ГАЙДАМАКИ».

1.

ПРОЛОГЪ.

Было время — въ Польшѣ шляхта
Гордо выступала;
Виласъ съ пѣвцами, съ сугтаномъ,
Съ Крыммомъ воевала,
Съ москалями... было — слыло...
Такъ-то все минуеъ!
Ляхъ, бывало, знай, кичнтся,
День и ночь шируетъ,
Королями помываетъ...
Не слажу — Стефаномъ —
Съ этимъ трудно было слагать —
Иль Собьсьемъ Яномъ,
А друими. Несчастливны
Молча пановали.
Сейми спорили; сосѣди
Видѣли — молчали,
Лишь слѣдили, какъ изъ Польши
Короли бѣжали,
Да прислушивалосъ молча,
Какъ паны орали.
«Nierozwalam! nierozwalam!»
Шляхта восклицаетъ,
А магнаты жгутъ деревни,
Саблы отускаютъ.
Долго такъ дѣла велосъ...
Но вотъ надъ Варшавой
И надъ Польшею сталъ владыкой
Понятовскій браный.

Владыкой сталъ, и думалъ шляхту
Прибрать къ рукамъ — и не сумѣлъ!
Виднши, я какая стала?
Добра хотѣлъ онь всѣмъ... бить-можеть,
Еще чего-нибудь хотѣлъ...

Одно лишь слово *merogvalat*
Хотѣлъ у шляхты отобрать —
И змилъ вся Польша заплыла,
Взбѣсилася шляхта, ну кричать:
«Слово гонору, дарма праца!
«Наёмникъ подлый москаля!»
На зовъ Пулавскаго и Паца
Встаютъ шляхетская земля,
И — разомъ сто конфедераций.

Разбредились конфедераты
По Литвѣ, Волыни,
По Молдавіи, по Польшѣ
И по Украинѣ;
Разбредились, да и забыли
Защищать свободу —
И пошло по всей Украинѣ
Все въ огонь, да въ воду.
Первыи ягли, народъ терзали,
Рзвали, топили —
Кровь лилася; но гайдамаки
Ужъ ножи святили.

Н. Гервель.

2.

свиданіе.

«Вѣтеръ по роцѣ
Ждетъ — не гуляетъ;
Мѣсяцъ высоко,
Звѣзды сияютъ.
Выйди, голубка,
Хоть на часочекъ:
Мы поворучемъ,
Мой голубочекъ.
Нипче далеко
Я уѣжаю.
Скоро ль съ тобою
Свижусь — не знаю.
Выгляни же, выйди
Сизая пантка!
Горько на сердце,
Горько и тяжело.»

Такъ Према расцѣваетъ
И по роцѣ бродитъ,
Поджидаетъ; по Оксана
Что-то не выходитъ.
Звѣзды блещутъ; середъ неба
Мѣсяцъ серебрится;

Очарованная пѣсней,
Ива въ прудъ глядится.
Соловей въ кустѣ калины
Громко расцѣваетъ,
Словно знаетъ, что дѣвицу
Парень поджидаетъ...
Вдругъ пропесня шестая; парень
Глянулъ: середъ тумана,
Словно ласочка, опушкой
Крадется Оксана.
Онъ на встрѣчу... обнялся...
«Сердце!» — и замѣли...
И опять: «Оксана!» «сердце!»
И опять вѣмили
— «Полно!» — «Нѣтъ, еще разоцѣть,
Голубъ сизокрылый!
Выпей думу!... Какъ, однако,
Я устала, милый.»
— «Отдохни, моя ты зорька!
Ты съ небесъ слетѣла...
Сядь на свитку.» Усмѣхнулась
Дѣвушка — и сѣла.
— «Такъ садись и ты со мною.»
Сѣлъ, пригаль. — «Оксана,
Зорька ясная, голубка,
Что пришла не рано?»
— «Я замѣшалася сегодня;
Что мнѣ дѣлать было?
Ватко что-то расхворался.»
— «А меня забыла...»
— «Ахъ, какой же ты, ей-богу!»
И слеза блеснула.
— «Я шучу; утри же слѣзы.»
— «Шутишь?» Усмѣхнулась,
И, склонивъ къ нему голову,
Словно какъ уснула.
— «Я шучу, моя Оксана,
Или ты не видишь?
Ну, не плачь же, глянь мнѣ въ очи:
Завтра не увидишь.
Завтра буду далеко я,
Далеко, Оксана...
Завтра ночью въ Чигиринѣ
Ножъ святой достану.
Онъ мнѣ дастъ, моя голубка,
Золото и славу;
Наружу тебя, обую,
Посаю, какъ пану —
Словно гетманшу какую
И глядѣть все стану,
Все глядѣть, до самой смерти.»

— «Вспомнишь ли Оксану,
Какъ по Киеву съ панамъ
Паномъ жадитъ будешь!...
Тамъ найдешь себѣ полячку —
И меня забудешь.»
— «Развѣ есть на свѣтѣ душе?...»
— «Можетъ-быть — не знаю.»
— «Не гнѣви напрасно Бога:
Лучше нѣтъ, родная,
Ни на небѣ, ни за небомъ;
Ни за синимъ моремъ
Нѣтъ такой, какъ ты, Оксана!»
— «Э, о чемъ мы споримъ!
Что ты мелешь?» — «Правду, рабка!»
Долго говорили
Такъ они, и тѣмъ свиданье
Радостное длили...

Н. Гервель.

3.

пиръ въ лѣсянкѣ.

Вечерѣло. Надъ Лѣсянкой
Искры закружили:
Это Гонта съ побратимомъ
Трубки закурили.
Страшно, страшно закурили!
Въ адѣ не умѣютъ
Такъ курить! Болотный Тингачъ
Кровью алгѣетъ
И шляхетской, и жидовской;
А надъ нимъ пылаютъ
И избушка и палаты:
Видно, Богъ нараетъ
И большого, и меньшого.
Середѣ базара
Желѣзнякъ и Гонта только
Крикнутъ: «ляхамъ кара!
Кара ляхамъ!» — даже дѣти
На ножи тѣзть рады.
Плачутъ, стонутъ лахи, просятъ —
Нѣту имъ поцади!...
Кто съ молитвой, кто съ проклятьемъ,
Кто надъ трупомъ брата —
Исповѣдуются лахи:
Времени потраба.
Нѣтъ, не мидуотъ *мисіе*
Ни годѣвъ, ни роду,
Ни полячки, ни жидовки...
Кровь считается въ воду.

Старца-старого, какъ бѣи,
Малаго ребѣнка
Не осталось: всѣхъ повѣла
Красная полячка.
Всѣ легко на землѣ доскомъ,
Всѣ, что живо было
Между шляхтой и жидами...
А межъ-тѣмъ все плѣдо
Выше къ тучамъ и пыладо
Зарево пожара...
Галайда — тотъ знай рыкаетъ:
«Кара ляхамъ, кара!»
Какъ безумный, мертвыхъ рѣжетъ,
Жжотъ, что ни пошало.
«Дайте ляха, азь іуду!
Всѣ мнѣ мало, мало!
Дайте ляха, дайте крови
Наточить съ поганихъ!
Море крови... мало моря...
Охъ, моя Оксана!
Гдѣ ты?» Крикветъ и потонетъ
Въ пламени пожара.

А тѣмъ часомъ гайдамаки
Ставить вдоль базара
Столъ да столъ; несутъ принасы,
Что добыть успѣли,
Чтобъ отужинать засвѣло.
«Тѣшься!» заревѣли...
Сѣли узинать; кругомъ ихъ
Адъ горитъ и рѣветъ.
На рознахъ то тамъ, то нидѣ
Панскій трупъ червѣетъ.
Вотъ рожны и загорѣлись —
Труны вѣстѣ съ ними
На земь гранулися. — «Пейте,
Дѣти, съ проклятьями!
Можетъ-быть, еще придется
Повстрѣчаться съ ними.
Пью за труны, пью за души
Ваши!» восклицаетъ
Желѣзнякъ, и жбанъ горляни
Разомъ осушаетъ.
«Пейте, дѣти! пейте, лейте!
Выпьемъ, Гонта, что-ли?
Выпьемъ, братъ ты мой названый!
Погуляемъ въ волю!
Гдѣ же волохъ? цустъ сыграетъ —
Мнѣ его уважимъ:
Что не скажетъ онъ про ляховъ,
Мнѣ ему доскажемъ.»

Не про горе, потому-что
Горя не уважимъ —
Веселюю дѣрни, старче,
Чтобъ земля домилась,
Какъ вдовина-молодица
Попусту томилась!»

ковзарь (шраетъ, притъвая):

«Отъ седа и до седа
Мушка и пласка:
За насѣдку черевички —
Будеть же имъ таска!
Отъ седа и до седа
Я бы расплясалась:
Ни корови, ни вола —
Хата мнѣ осталась!
Да и ту продамъ кумѣ
И со всімъ приборомъ
И кулаю себѣ шалашъ
Прямо кодь заборомъ;
Торговать и шинковать
Буду я врючвами,
И тогда-то ужъ гулять
Буду съ молодцами.
Охъ, вы дѣточки мои,
Охъ, вы годубатки!
Не стыдитесь, подвиньтесь,
Какъ танцуетъ матка!
Я въ наймъ пойду; дѣтей
Въ школу... да и въ пласку —
И червонымъ черевичкамъ
Я задамъ же таску!»
Галайда среди базара
Съ Гонтою танцуетъ.
Жельзвякъ хватаетъ кобуу,
Съ кобзаремъ толкуетъ:
«Попляши, а я сыграю —
Поддавай лишь лару!»
И помощь сѣной въ присядку
По всему базару,
Отдирать востоями,
Поддаётъ словами:

«Въ огородѣ пустарнакъ, пустарнакъ!
Аль тебѣ я не козакъ, не козакъ?
Аль тебя я не люблю, не люблю?
Аль тебѣ я черевичковъ не кулаю?
Я кулаю тебѣ обнову,
Распотѣшу чернобровку!
Буду, сердце, ходить,
Буду, сердце, любить!»

«Ой, гопъ-гопакъ!
Полубила козакъ,
Только старшій, да ведужій,
Только рижій, неукложій —
Вотъ и доля вся пока!
Доля сѣдомъ за тоскою,
А ти, старшій, за воною,
А сама-то я въ шинковѣ,
Да хвачу себѣ врючкѣтъ,
А потомъ — все чоеъ да чокъ:
Чарка первая коломъ,
А вторая соколкомъ...
Баба въ пласъ пошла — конецъ,
А за нею молодець...
Старшій-рижій бабу кланчетъ,
Только баба кукнишь тычетъ:
«Коль жениша, сатана,
«Добнай же мнѣ шена:
«Надо дѣтокъ покаждѣтъ —
«Накормишь и приодѣтъ.
«Добнай, не то — быть худу,
«А ужъ я сама добуду...
«А ти, старшій, не грѣши —
«Кольбельки колмиши,
«Да молчи и не грѣши.»

«Какъ была я молодою, да угодицею,
Я повѣсила передникъ надъ оконницею;
Кто бъ ни пошь — ни минѣтъ,
И кивнѣтъ и моргниѣтъ.
А я шолокомъ вышиваю,
Имъ въ окошечко киваю;
Ой, Семѣюмъ — вы — Иванамъ,
Надѣвайте-на жуяны,
Да со мной гулять пойдемъ,
Да присядемъ — запоёмъ...»

Л. Мвй.

4.

ГОНТА ВЪ УМАНІ.

Проходить дни, минуло лѣто,
А стѣны горить, да и горить;
По сѣламъ плачутъ дѣти: гдѣ-то
Отцы ихъ? Богъ вѣсть! Шестистѣтъ
Поблѣкой лѣтвюю дуброва;
Гуляють тужи; солнце спитъ —
И не слыхатъ людскою слова;
Липъ воевъ зѣбрь, ида въ сеаю,
Гдѣ чуетъ трунь: не хоронили,

Возковъ поляками кормили,
Пока ихъ сѣгомъ занесло.

Да бѣли-сѣбѣ и вьюга —
Только въ помощъ карѣ:
Ляхи мѣрали, а козакѣи
Грѣлись на пожарѣ.
И весна пришла — и ряской
Воду принакрыва,
Поднесла землѣ барвиновѣ,
Да и разбудила —
Пусть сыра-земля проснѣтся.
Жаноронокъ въ ногѣ,
Соловей въ куестахъ — и льѣтся
Пѣсни ихъ о волѣ...
Суцїй рай! А для кого же?
Для людей? Не будетъ
Человѣкъ глядѣтъ, а взглянетъ —
Вожїй рай осудитъ.
Надо кровію подраивать,
Освѣтитъ пожаромъ;
Солнца мало, рясковъ мало;
Тучи ходять даромъ;
Аду мало!... Люди, люди!
Да когда жъ довольно
Будеть вамъ добра Господня?
И чуднѣ, и больно!
И весна не смыла крови:
Злоба братьевъ вдвое —
Не глядѣлъ бы; а припомнишь —
Было такъ и въ Троѣ;
Будетъ вѣчно. Гайдамаки
Рѣжутъ да гуляють;
Гдѣ пройдутъ — земля плащаетъ,
Кровію намочаетъ.
Подобралъ Максимъ снопочка —
Вспомнитъ Украина!
Хоть не сынъ родной Ярема,
А не хуже сына.
Батько рѣжетъ, а Ярема
Рѣжетъ — и лютуетъ —
Со свѣщеннымъ на пожарахъ
Дивуетъ и ноцуетъ.
Не помицуетъ, не минетъ
Ляха проклатого:
Онъ за кнѣтора имъ платитъ,
За отца святого,
За Оксану... И шатнѣтся,
Вспомнитъ про Оксану.
А Максимъ: «Гулай, снопочекъ!
Если не устану,

Погоулемъ!» Погоуляли:
Буна подѣтъ куми,
Вилоть отъ Кіева на Умань
Протинулись трупи...

Кто тамъ бродитъ въ черной свиткѣ
Посреди базара?
Кто тамъ стая надъ грудой труповъ,
Въ заревѣ пожара?
Долго щипетъ онъ кого-то,
Проклятую куну
Мертвыхъ ляховъ разгребаетъ...
Отскажъ... Два трупа —
Двухъ подростковъ взялъ на плѣчи,
И позадь базара
Черезъ мѣртвыхъ онъ шагаетъ,
Среди пожара,
За востоямъ. Кто же это?
Гонта, горемъ битый!
Хоронитъ дѣтей несетъ онъ,
Чтобъ землемъ крыты
Были, чтобъ козачья тѣла
Стая пошев не ѣла.
И по уличамъ, по темнымъ,
Гдѣ не такъ горѣло,
Гонта вѣсь дѣтей на пѣчахъ,
И отъ лѣду врылся —
Не видали бы, какъ старшій
Гонта прослезился,
Хорошій дѣтей. Онъ вынесъ
Дѣтокъ въ поле прямо,
Прочъ съ дорожи, и свѣщеннѣи —
Въ землю: будетъ йма...
Онъ конаеть и конаеть...
Умань все плащаетъ,
Свѣтитъ Гонть на работу...
Отчего же въ свѣтъ,
Въ этомъ заревѣ кровавомъ,
Гонть странни дѣти?
Отчего жъ онъ, словно крадетъ,
Или кладъ хоронитъ,
Даже струситъ, если вѣтеръ
До него дотонитъ.
Кришь и пѣсни гайдамаковъ?...
Онъ дѣтей хоронитъ —
Онъ глѣбуюку имъ хату
Роетъ; въ темной хатѣ,
Не глядѣтъ, владѣтъ — звать, слышитъ:
«Мы не ляхи, тяти!»
Уложивъ; досталъ китайку
Изъ киски; лобзаетъ

Мёртвыхъ въ очи, и китайкой
 Алой накриваетъ,
 Крестить. — «Дѣти! поглядите
 Вы на Украину:
 За неѣ въ сгибл, дѣти!
 За неѣ я сгину!
 Да меня-то кто схоронитъ
 На чужомъ на полѣ,
 Какъ я васъ, и кто заплачетъ
 По моей по долѣ?
 Спите, дѣти, почивайте!
 Вамъ постель — могилы!
 Сѹка-мать другой постели
 Вамъ не обрядила.
 Безъ вѣшчювъ — васлѣчювъ,
 Безъ калны, дѣти,
 Спите здѣсь, мои у Бога,
 Чтобъ на этомъ свѣтѣ
 Покаралъ меня жестоко
 За грѣхъ за эти ...
 Чтѣ католики вы были —
 Вамъ прощаю, дѣти!»
 И заравниваетъ землю,
 Чтобъ враги не знали,
 Гдѣ зарыли дѣти Гонты,
 Гдѣ ихъ погребали.
 «Спите, дѣти! батьку ждите:
 Скоро будетъ!... что же?
 Скороталъ вашъ вѣкъ я, дѣти —
 И меня ждѣть то же.
 И меня убьютъ — схоронять ...
 Кто? — и самъ не знаю ...
 Гайдамаки!... Охъ, еще разъ
 Съ ними погуляю!»
 И поноздъ убитый Гонты,
 Шагъ — и спотыкнѣтсѣ.
 Свѣтить зареву — онъ планеть,
 Глянетъ — усмѣхнѣтсѣ.
 Страшно, странно усмѣхался...
 На стѣну осландуся,
 Слѣзы вѣтеръ — и въ пожарномъ
 Димѣ окундлѣ.

Л. Мѣй.

5.

ЭПИЛОГЪ.

Минуло то время, давно миновало,
 Когда я ребенкомъ, голодный, блуждалъ
 По той по Украинѣ, гдѣ Гонты, бывало,
 Съ пожомъ осащѣннымъ, какъ вѣтеръ, гулялъ.

Минуло то время, какъ тѣми путями,
 Гдѣ шли гайдамаки, босими ногами
 Ходилъ я, стараясь найти гдѣ-нибудь
 Людей, чтобъ къ добру указали мнѣ путь.
 Припоминаю — и плачу, что горе минуло.
 О, еслибъ ты снова ко мнѣ завернуло,
 Я отдалъ бы съ радостью счастье мое
 За прешня слѣзы, за горе-жизне.
 Припоминаю — и снова полныи родниа,
 И дѣтъ, и отецъ, и невзгоды былия
 Предъ взоромъ проносится. Живъ еще дѣдъ,
 Отецъ же въ могилѣ — родимаго нѣтъ.
 Бывало, въ субботу, закрывши «Минен»
 И вышнѣ по чарѣ родной романи,
 Отецъ проситъ дѣда, чтобъ тотъ рассказалъ,
 Какъ въ Уманѣ встарь гайдамаки гуляли,
 Какъ Гонты проклятыхъ полковъ каралъ.
 Стоялъ ты очи, какъ звѣзда, сѣли
 И диласъ, смѣлился ужасный рассказъ:
 Какъ гибли поэты, какъ сѣла горѣли.
 Сосѣди, бывало, отъ страха нѣмѣли,
 И мнѣ, бѣднику, доводилось не разъ
 Оплакивать вѣтора зваю судьбину.
 И, слушая дѣда, ни кто не видѣлъ,
 Какъ малый ребенокъ за нечюю рыдалъ.
 Спасибо, родимый, что ты про кручину,
 Про славу козацкую мнѣ рассказалъ:
 Рассказъ твой я внукамъ теперь передаю.

Люди добрые, простите:

Каюсь, крѣмо каюсь,
 Что рассказъ свой велъ я просто,
 Въ книгахъ не справился.

Все, что здѣсь прочтется вами,
 Слышала я отъ дѣда;

А старикъ не зналъ, не вѣдалъ,
 Что его бесѣда

Понадеетъ грамотѣямъ.

Дѣдушка, винюся!

Пусть бранятъ; а той порой

Я въ своимъ вернуся

И окончу, какъ умѣю,
 Горькую быдину,
 Какъ сквозь сонъ, оину взглядомъ
 Наму Украину,
 Гдѣ ходили гайдамаки
Съ острыми ножами,
 Тѣ дороги, что я мѣрилъ
 Дѣтскими ногами.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

А. Л. МЕТЛИНСКІЙ.

Амаросій Лувьяновичъ Метлинскій, известный собиратель малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, родился въ 1814 году въ Гадяцкомъ уѣздѣ, Полтавской губернии. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ гадяцкомъ уѣздномъ училищѣ, откуда перешелъ въ харьковскую гимназію, а потомъ въ Харьковскій университетъ, въ которомъ окончилъ полный курсъ наукъ. Затѣмъ, онъ занималъ нѣкоторое время мѣсто бібліотекаря университета, посылая свободное отъ служебныхъ занятій время на приготовленіе къ магистерскому экзамену и сочиненію магистерской диссертации. Наконецъ экзаменъ былъ сданъ, диссертация защищена — и новый магистръ вошелъ въ среду профессоровъ Харьковского университета и занялъ въ немъ кафедру русской словесности. Въ 1849 году Метлинскій былъ переведенъ на ту же кафедру въ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ, но оставался тамъ не долго. По возвращеніи въ Харьковъ, онъ занялъ прежнюю свою кафедру, и не оставялъ ее до выхода въ отставку. Последние годы своей жизни онъ провелъ на берегахъ Женевского озера и на южномъ берегу Крыма, въ Ялтѣ, гдѣ и умеръ въ концѣ іюня мѣсяца 1870 года отъ ранъ, нанесенной собственной рукою въ припадкѣ меланхолии.

Метлинскій выступилъ на литературное поприще въ 1839 году, подъ псевдонимомъ *Амаросій Мотыла*, съ небольшою книжкою своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Думки та Пѣсни та ще де що», куда, кромѣ оригинальныхъ произведеній, вошло собраніе его переводовъ изъ славянскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ. Затѣмъ, въ 1848 году, издавъ онъ въ Харьковѣ «Южно-русскій Сборникъ», въ пяти частяхъ, въ которомъ, кромѣ его собственныхъ думокъ, нашли мѣсто произведенія мѣстныхъ малорусскихъ писателей, въ томъ числѣ и Квитки. Но важнѣйшимъ трудомъ Метлинскаго по части малорусской литературы, которому онъ отдавался весь, въ теченіе всей своей жизни, начиная съ 1836 года, было — собраніе малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, которыхъ онъ собралъ до восьмисотъ и издалъ въ 1854 году въ Кіевѣ, подъ заглавіемъ: «Народныя Южно-русскія пѣсни». Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько статей о малорусскомъ языкѣ, о правописаніи, о народной поэзіи и т. п. Статьи эти помѣщены были, въ видѣ предисловія, въ раз-

нѣмъ изданнымъ имъ книгамъ на малорусскомъ языкѣ. Какъ поэтъ, Метлинскій пользуется нѣкоторою известностью, благодаря удачному воспроизведенію народнаго быта, нравовъ и поэзіи; что же касается малорусскихъ критиковъ, то они видятъ во всемъ имъ написанномъ большую глубину чувства, прекрасное пониманіе козацкой старины и художественное выполненіе.

ЯВОРЬ.

Чтѣ съ тебя такъ рано, яворъ,
 Листья опадаютъ,
 И, захваченныя вѣтромъ?
 По волю летаютъ?

Или ночь тебя, мой яворъ,
 Не поитъ росою,
 Или въ полдень не проходитъ
 Солнце надъ тобою?

Есть и старія деревья —
 Смотришь — зеленѣютъ,
 И ихъ листья непогоди
 По полю не снѣтъ.

Иль роса однихъ ихъ холитъ,
 Холитъ, умываетъ,
 Солнце свѣтитъ, буйный вѣтеръ
 Пѣсни навиваетъ?

«Нѣтъ, роса меня питаетъ,
 Солнце согрѣваетъ —
 Только сердце по отчизнѣ
 Плачетъ и страдаетъ.

«Оттого съ меня такъ рано
 Листья опадаютъ,
 Хотя меня и буйный вѣтеръ
 Въ бурю не качаетъ.»

Н. ГЕРВЕЛЬ.

А. С. АОНАСЬЕВЪ-ЧУЖВИНСКІЙ.

Александръ Степановичъ Аонасьевъ родился 28-го февраля 1816 года въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губернии, гдѣ отецъ его владелъ небольшоимъ населеннымъ имѣніемъ. Въ 1829 году онъ былъ отвезенъ въ Нѣжинъ и отданъ въ Гим-

назоу Высшихъ Наукъ князя Безбородко. Здѣсь онъ квартировалъ у профессора Соловьева, челоука весьма замѣчательнаго, вмѣстѣ съ Е. П. Гребенкоу, впоследствии пріобрѣтшимъ известность какъ повѣствователь. Вскорѣ по вступленіи Аванасьева въ число воспитанниковъ гимназіи, это заведеніе было преобразовано въ лицей, и онъ окончилъ курсъ наукъ уже съ званіемъ студента лицей и правомъ на чинъ 14-го класса. Отдохнувъ около года въ деревнѣ, Аванасьевъ, по приглашенію одного изъ бывшихъ своихъ товарищей, описавшаго ему свой бытъ самими поэтическими красками, поступилъ юнкеромъ въ Бѣлгородскій уланскій полкъ, но на первыхъ же порахъ встрѣтилъ самое горькое разочарованіе, и въ 1843 году вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика. Въ 1847 году онъ снова поступилъ на службу въ канцелярію воронежскаго губернатора и въ томъ же году назначенъ редакторомъ неофициальной части «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; но и здѣсь онъ прослужилъ всего два года, послѣ чего снова вышелъ въ отставку. Аванасьевъ началъ писать очень рано, еще въ лицей, гдѣ въ то время вѣлалъ литературный духъ. Первымъ напечатаннымъ его произведеніемъ было стихотвореніе «Кольцо», помещенное въ «Современникѣ» (1838, т. XI), съ подписью: *Чужбинскій*. Подъ этимъ псевдонимомъ онъ продолжалъ писать до 1851 года, т. е. до появленія въ свѣтъ духъ первыхъ его изданій: «Газета Польскихъ Писателей» и «Русскій Солдатъ», подписанныхъ уже его настоящимъ именемъ. Съ-тѣхъ-поръ Аванасьевъ началъ выставлять подъ своими статьями и стихотвореніями попеременно то фамилію, то псевдонимъ, а съ 1853 года сталъ соединять фамилію съ псевдонимомъ, т. е. подписывался: Аванасьевъ-Чужбинскій. Изъ многочисленныхъ его статей, которыя онъ печаталъ почти во всѣхъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, можно указать на слѣдующія: «Словарь малоросскаго нарѣчія» (Изв. Имп. Акад. Наукъ, 1855, т. IV), «Безыменные тины» («Русскій Вѣстникъ», 1856, № 23), «Замѣтки о Малороссіи» («Экономическій Указатель» 1857, № 13) и, въ особенности, на собраніе мелкихъ его стихотвореній на малороссіиское языкѣ, изданныхъ имъ въ 1855 году, подъ заглавіемъ: «Що было на сердцѣ». Многія изъ нихъ отличаются неподдѣльнымъ чувствомъ, безъ чего не мыслимы малороссіискія пѣсни и думы. Въ 1856 году Аванасьевъ, вмѣстѣ съ другими на-

шими писателями — Островскимъ, Писемскимъ, Максимовымъ и Михайловымъ — былъ приглашенъ в. к. Константиномъ Николаевичемъ составить описаніе нравовъ, обычаевъ и занятій приморскихъ и прирѣчныхъ жителей Россіи. Аванасьевъ избралъ низовья Днѣпра, какъ предѣлу бѣге ему извѣстны. Подомъ его дѣятельности во время этой поездки былъ цѣлый рядъ статей, помѣщавшихся въ «Морскомъ Сборникѣ» въ теченіе 1856—1860 годовъ и вышедшихъ потомъ отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: «Поѣздка въ южную Россію» (СПб. 1861).

Е. П. ГРЕБЕНКЪ.

Скажи мнѣ всю правду, мой добрый, мой милый,
Что съ сердцемъ мнѣ дѣлать, когда заболитъ,
Застонетъ, забьется съ удвоенной силой
И станетъ безъ устану плакать и нить?

Когда несконное горе по волѣ,
Какъ терпѣ, тебѣ сердце въ куски изорветъ,
И ты, какъ сухое перекати-поле,
Не знаешь куда тебя вѣтеръ несетъ?

Уны! ты отвѣтши: скописни былинку —
Хотя бы ее сто разъ ты полылъ водой —
Не дѣбеть ей ужъ боля: любя сиротинку,
А ей не видать ни отца, ни родной.

Вотъ такъ и на свѣтѣ! кто рано поучетъ,
Какъ сердце падеетъ, какъ сердце болятъ,
Тотъ рано запачечетъ... А долл шутуеетъ —
Поманитъ, поманитъ и прочъ уеитъ.

Ужаси утершишъ — какъ ясно сеоане!
Взойдетъ и заблещетъ для міра всего
И въ очи заглянетъ къ тебѣ сквозь оеанце?
Осаѣншишъ, а будешь глядѣть на него.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

П. А. КУЛИШЪ.

Пантелеимомъ Александровичъ Кулишъ родился въ 1819 году, въ мѣстечкѣ Воронежъ, Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда. По окончаніи курса въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, онъ наѣбрался поступить въ только-что открытый тогда университетъ Св. Владимира, для

чего и прибылъ въ Кіевъ, но скудость средствъ побудила его отказаться отъ этой мысли и принять должностъ учителя уѣзднаго училища, сначала въ Луцкѣ, а потомъ въ Ровнѣ. Здѣсь Кулишъ задумалъ и написалъ свой первый романъ «Михайло Чернышенко», который и былъ отпечатанъ въ Кіевѣ въ 1843 году. Въ 1845 году онъ поѣхалъ было за границу, но въ Варшавѣ былъ арестованъ, за статью «Повѣсть объ украинскомъ народѣ», напечатанную въ дѣтскомъ журналѣ «Звѣздочка», и отправленъ въ Тулу на службу, гдѣ пробылъ три года. Затѣмъ, по переселеніи въ Петербургъ въ 1855 году, онъ напечаталъ въ «Современникѣ» «Записки о жизни Гоголя» и нѣсколько повѣстей и издалъ «Записки о Южной Русси», въ двухъ частяхъ, романъ «Черная Рада», «Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ», альманахъ «Хата», четыре тома своихъ «Повѣстей» и нѣсколько книжекъ на малороссіискіи языкѣ, по части народнаго образованія. Кроме того, онъ издалъ «Сочиненія и письма Н. В. Гоголя» (6 томовъ), «Повѣсти Григорія Квитки» (2 тома) и «Проловди на малороссіискіи языкѣ Василія Гречулевича». Съ появленіемъ, въ началѣ 1861 года, въ Петербургѣ первыхъ номеровъ малороссіискаго журнала «Основа», Кулишъ посвятилъ ей всю свою дѣятельность, наполняя чуть не на половину каждую изъ ея книжекъ своими историческими, этнографическими и критическими статьями, повѣстями, всякаго рода замѣтками, поэмами и мелкими стихотвореніями. Последнимъ изданіемъ Кулиша — было собраніе его малороссіискіихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Доситки». Въ настоящее время Кулишъ живетъ въ Малороссіи, въ Борзенскомъ уѣздѣ.

ЗЕМЛЯЧКЪ.

Ты не мой мнѣ на чужбинѣ
Объ Украинѣ милой!
Не буди воспоминаній
Ты съ такою силой!

Пѣснь твоя мой духъ уносить
Въ край тотъ — въ той сѣтнѣй,
Гдѣ любилъ я чуждо-очи
И люблю по-нынѣ.

До суда живыхъ и мертвыхъ
Ихъ я не забуду!

Той любовью передъ Богомъ
Похвалится буду!

Любятъ люди пышныи пѣтнѣкы,
Любятъ — и срывають,
И, сорывавъ, красой, какъ дѣтн
Мотылькомъ, играютъ.

Какъ ребенка мать родная,
Такъ люблю тебя я...
За любовь мою отплати
Я не вымогаю...

За любовь мою сторидей
Сердце заплатило:
Путь мой темный и печальный
Свѣтомъ озарило.

Озарило — тайну слова
Жлугачо открыло...
О, не даромъ это сердце
Вилосъ и любило!

Н. ГЕРВЕЛЬ.

Д. И. ГЛѢБОВЪ.

Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ родился въ 1832 году. Онъ началъ свое воспитаніе въ Полтавской гимназіи, а окончилъ въ Лицѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, откуда вышущее въ 1855 году, съ чиномъ 14 класса. Первое время, по выходѣ изъ Лицея, Глѣбовъ занималъ мѣсто учителя исторіи и географіи въ Черноостровскомъ (Камонецъ-Подольской губерніи) дворянскомъ училищѣ, но скорѣй оставилъ это мѣсто и перѣехалъ на жительство въ Черниговъ. Здѣсь, въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ издавалъ газету, собравшую около него кружокъ людей, горячо сочувствовавшихъ новымъ реформамъ. Литературныя свои занятія Глѣбовъ началъ очень рано; именно, еще будучи воспитанникомъ Полтавской гимназіи, онъ издалъ въ 1847 году небольшой томикъ своихъ стихотвореній. Затѣмъ, въ «Черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» 1853—1856 годовъ было напечатано 27 его басенъ на малороссіискіи языкѣ, а въ «Основѣ» цѣлый рядъ малороссіискіихъ стихотвореній въ разныхъ родахъ.

П Ы С Н Я.

Мчится голубь въ поднебесьи,
Отдыху не знаетъ;
Доли, горы и дубравы
На вѣкъ покидасть.

Ни сади въ цвѣту весеннемъ,
Ни лѣса густые
Не влекутъ на мирный отдыхъ
Силы молодой.

Отдыхасть козачина;
Конь насасть рядомъ...
И сказалъ онъ, голубочка
Провожая взглядомъ:

«Ой, куда ты, сизогрызый,
Очи устремляешь?
Ой, зачѣмъ лѣса и доли
На вѣкъ покидаешь?»

«Аль тебѣ, мой голубь сизый,
Нѣбого голубить?
Аль ни кто на дѣломъ свѣтѣ
И тебѣ не любить?»

«Если такъ — спустисъ на землю,
Отдохни со мною,
И потомъ въ иное полѣ
Полетимъ съ тобою.

«За горами, за лѣсами,
На иномъ на полѣ
Попытаемъ — не найдемъ ли
Мы счастливой доли.

«Мы найдемъ, мой голубочекъ,
Темныя дубровы,
И луга въ цвѣтахъ душистыхъ
И соболями брови.

«Мы найдемъ тамъ — мы увидимъ
Ясную зорницю:

Мы найдемъ тамъ и голубку,
И красу-дѣвицу.

«Сизогрызая голубка
Друга приглубить,
А красавица-дѣвица
Козака полюбить!»

Н. ГЕРВЕЛЬ.

ЩОГОЛЕВЪ.

Подъ этимъ именемъ было напечатано нѣ-
сколько стихотвореній, въ 1859—1861 годахъ,
въ журналахъ «Народное Чтеніе» и «Основа».

П Ы С Н Я.

Охъ, былъ конь и у меня —
Весь изъ полямя-огня,
Были сабля и винтовка
И колдунья-чернобровка.

Турокъ бѣзъаго словилъ,
Ляхъ мнѣ саблю изаубрилъ,
И винтовка изомалася,
И колдунья отчуралася.

По буджацнмъ по степямъ
Путь козачинымъ бунчукамъ,
А мнѣ путь одинъ — съ сохою
По-падъ нивою сухою.

Гей, гей, гей, воль черной мой!
Долго намъ пахать съ тобой...
Вѣтеръ вѣетъ-повѣваетъ;
Котелочекъ закипаетъ...

Кто бѣ меня повеселилъ —
Хлѣбъ-соль вмѣстѣ раздѣлялъ?
Ой, кто въ полѣ — поканился!
Кто въ дубровѣ — отозвался!

Никого! Въ дубровѣ гулъ;
Мѣсяцъ въ облачко вырнулъ;
Вѣтеръ вѣетъ-повѣваетъ;
Котелочекъ простываетъ...

Л. Мвй.

ЧЕРВОННОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Въ общемъ стремленіи славянскихъ народно-
стей къ развитію и Галицко-Угорская Русь за-
вила въ новѣйшее время свою духовную жизнь ли-
тературными произведеніями на родномъ языкѣ,
а съ 1848 года и русскіе Галиччны и Угрии
(Вентрии) получили официальное признаніе среди
австрийскихъ славянъ и право на равноправность
съ другими народностями многоплеменной Австріи.
Съ-той-пори придаетъ и русскимъ кой-какое зна-
ченіе въ политико-административномъ устройствѣ
области, а мѣстные политики владутъ и русскій
народъ въ Галиччнѣ на вѣс своихъ политиче-
скихъ комбинацій и грѣзъ. Не такъ было нѣ-
сколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. До 1848
года никто не заботился о Галиччнѣ; страна,
обитаемая русскими, считалася, на равнѣ съ дру-
гими, австрийской провинціей — королевствомъ
Галиччнѣ и Ладомеріей — съ главнымъ городомъ
Лембергомъ, и даже спеціалисты такъ мало знали
о народѣ, его судьбахъ и жизни, что покойный
Шафарикъ не обинуясь могъ сказать въ 1826
году, что русскій элементъ въ восточной Галиччнѣ,
Буковинѣ и северной Угрии остается еще
въ лингвистическомъ и историческомъ отноше-
ніи — неизвѣстной страной *).

Между-тѣмъ, земли населенныя русскими въ
Галиччнѣ, северовосточной Угрии и Буковинѣ

* Die Russen in Galizien, Bukovina und Nord Ungarn
ist in sprachlicher und historischer Hinsicht noch eine —
terra incognita. (J. P. Schafarik, «Geschichte der slavische
Sprache und Literatur», Ofen, 1826, стр. 141.)

занимаютъ по объемамъ покатоствъ Карпатскаго
горы и прилежащимъ равнинамъ пространство
безъ малаго въ 1500 квадратныхъ миль, то-есть
почти восьмую часть Австро-Угорской имперіи;
населенія же русскаго въ этихъ земляхъ,
живущаго сплошной массой, считается слншкомъ
3,600,000 душъ, такъ-что русскіе занимаютъ
своею численностію послѣ чеховъ второе мѣсто
между славянскими племенами Австріи. Въ отно-
шеніи географическаго положенія, водной систе-
мы и климатическихъ свойствъ, Галиччна и Бу-
ковина лежатъ на границѣ горныхъ земель или
горы, занимающаго всю область средней Евро-
пы. Сюда примыкаютъ съ сѣвера холодныя, топ-
кія равнины, съ покатоствю къ Балтійскому морю,
имѣющія характеръ сходный съ низменностію
сѣверо-востока Европы, а съ востока и юга при-
касаются степи съ покатоствю къ Черному морю,
составляющія переходъ отъ европейскихъ рав-
нинъ къ азіатскимъ степямъ. Слѣдовательно здѣсь
соприкасаются между собою страны: горная, низ-
менная и степная. Конечно это положеніе имѣло
вліяніе на этнографическія свойства и на самый
ходъ исторіи страны. При этомъ надо прибавить,
что климатъ Галиччны, относительно, суровый, но
здоровый, почва плодородная, способная къ про-
израстанію всякаго зерноваго хлѣба и фрукто-
выхъ деревъ, земля богата лѣсами и пастбищами
и изобильна необходимѣйшими минералами, пре-
имущественно солью. Народъ обладаетъ крѣп-
кимъ телосложеніемъ, бодръ и способенъ къ ра-

внито и образованію; притомъ онъ права тихаго, добродушнаго и исполненъ глубоко-поэтическаго настроенія духа, что свидѣлствуется множественствомъ народныхъ пѣсней всякаго рода и преданіями старинн. Жители этой страны посятъ названіе *русскихъ* (русиновъ или русляковъ) и хранятъ въ плѣтѣ своемъ житій-бытій печать родного и племеннаго единства. Они издавна исповѣдывали православіе и только въ половинѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій совращеніи были въ униатство, за исключеніемъ 180,000 душъ въ Буковинѣ, которые, подъ защитой Молдавіи, остались вѣрны православію.

Русская народность вмѣстѣ съ русскимъ православіемъ привилась и образовалась въ Галичинѣ еще въ древнія времена равноапостольнаго князя Владимира и открыла подъ управленіемъ собственныхъ князей своихъ, сперва — Ростиславичей, а затѣмъ Дростлава Осомомсла, Романа, Данила и Льва, когда, по словамъ гѣтца «Слова о полку Игоря», Угорскія горы подспирались желѣзными полями доблестныхъ князей русскихъ. Исторія Червонной Руси изображена многими свѣтлыми страницами, дополняющихъ дѣянія древней Руси. Ея князья доблестно отстаивали этотъ порубежный уголъ Русской Земли отъ посягательства сосѣднихъ поляковъ и мадьяръ. Впрочемъ, какова бы ни была судьба Галицкой Руси во время ея самостоятельности, во всякомъ случаѣ страна жила своей собственной жизнью, безъ чуждаго напаса, имѣла своихъ русскихъ князей и владыкъ и исповѣдывала свободно православную вѣру своихъ отцовъ. Этотъ періодъ народнаго быта, продолжавшійся около четырехъ столѣтій, живетъ до-сихъ-поръ въ памяти народа и составляетъ главную ланку его пѣсенъ и преданій. Первоначальное устройство Галицкой Руси въ политическомъ и религіозномъ отношеніи представляло столько общихъ чертъ національности Русской Земли, что въ этотъ періодъ не можетъ быть и рѣчи объ особой галицко-русской народности или галицкой пѣсьменности. Ни самостоятельное, независимое положеніе Галицкаго княжества, ни географическое обособленіе на рубежѣ Русской Земли, ни постороннія вліянія сосѣдей не могли разъединить ее съ остальной Русью. Червонная Русь соединена была съ ней общимъ ходомъ правленія, общей іерархіей духовной, общимъ славяно-русскою письменностію, общимъ русскимъ языкомъ и общими національными преданіями.

Съ половины XIV вѣка все измѣнилось. Разслабленіемъ внутренними смутами и татарскимъ нашествіемъ, Галицкое княжество не могло долѣе оставаться независимымъ. Польскій король Казимиръ, воспользовавшись прѣсѣненіемъ князя Юрикова дома, завладѣлъ древне-русскими городами Перемишлемъ, Львовомъ, Галичѣмъ и другими и утвердилъ власть Польши во всей Землѣ Галицкой. Польки отменили прежніе законы и прежнее устройство княжества. Поддаваемая польскимъ вліяніемъ, Галицкая Русь навсегда потеряла свою автономію въ управленіи и въ общественной жизни; польскій языкъ, польскіе обычаи, польская образованность смѣнили русскую жизнь — сперва между боярами, совращенными въ католичество, а затѣмъ и въ среднемъ сословіи. Начался второй періодъ въ исторіи Галицкой Руси — періодъ польскаго владычества и католическо-шляхетскаго гнѣта. И этотъ гнѣтъ былъ въ Галичинѣ гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ южной и югозападной Руси, которая, подчинившись литовско-русскимъ князьямъ, уже затѣмъ присоединилась въ Польшю на известныхъ условіяхъ и взаимныхъ соглашеніяхъ. Наротивъ того, перемишльская и галицкая земли считались завоеваннымъ краемъ, и польскій король, именуя себя *haeres et dominus Russiae*, въспрыжился въ ней какъ самодержавный владетель. На томъ же основаніи, при самомъ началѣ утвержденія поляковъ въ Галичинѣ, выданы были польскіе законы и латинскій и польскій языкъ въ администрацію и судопроизводство, между-тѣмъ какъ литовско-русскія области управлялись своимъ статутомъ и русскій языкъ признавался правительственнымъ языкомъ. Русская львовская епархія была оставлена вакантною и подчинена особымъ наместникамъ (періоду мірскихъ людямъ или римско-католическимъ архіепископамъ); города и мѣстечки были отданы на жертву вѣркамъ. Политическое положеніе и общественныя отношенія повліяли на русскую народность и письменность: русскій языкъ сталъ языкомъ подчиненнымъ и, мало-по-малу, былъ вытѣсненъ изъ борженскихъ дворовъ въ сельскія хаты, такъ-что первоначальная черта русскаго характера, обычая, языка, поэзіи и преданій сохранилась только въ простомъ народѣ, то-есть въ низшемъ классѣ, который не имѣлъ голоса ни въ политической, ни въ общественной жизни.

Не смотря на все это, сельское населеніе осталось вѣрнымъ русской народности. На всемъ

пространствѣ своей земли оно называетъ свою страну Русью, себя — народомъ русскимъ, свою вѣру — русскою. Имя Руси до того неотъемлемо для Галицкой Земли, что даже польская администрація называла ее не иначе, какъ Червонною Русью или просто Русью. Галичане никогда не прерывали своихъ сношеній со смежными русскими областями и участвовали во всей духовной и литературной дѣятельности важной и югозападной Руси; они участвовали въ составленіи тѣхъ схоластическихъ сочиненій, въ стихахъ и въ прозѣ, которыя заключали въ себѣ литературу другихъ странъ Малой и Вѣлой Руси. Львовское Ставропигиальное братство сдѣлалось, съ конца XVI столѣтій, такимъ же центромъ православно-русскаго образованія и литературной дѣятельности, какими были Острожская и затѣмъ Кіевская академіи. Павла Беринда, Лаврентій Зияний, Іоанъ Борейскій и другіе равно дѣйствовали въ пользу русскаго православія какъ въ Кіевѣ и въ Вильнѣ, такъ и во Львовѣ.

Въ теченіе этого періода (1350—1772) Галицкая Русь не въ силахъ была произвести ни одного сочиненія, которое было бы истиннымъ выраженіемъ самостоятельной мысли и народнаго жизни. Самъ языкъ, потерявъ свою первоначальную чистоту въ книжномъ употребленіи, подвергся вліянію церковнаго и польскаго языковъ, въ свѣдѣніе чего потерялъ самую возможность проявить настоящія народныя формы въ изыскомомъ видѣ. Единственнымъ выраженіемъ народнаго жизни и народнаго духа оставались народныя пѣсни и преданія, никакъ не замѣчаема, пѣсьмъ не собираемыя, какъ и самъ народъ среди схоластической утончености остался единственнымъ хранителемъ и блюстителемъ родного языка. Но, несмотря на всю свою твердость, подавляемый тройнымъ гнѣтомъ—польщиномъ, католическимъ и жидовства—галичскій народъ не могъ добиться не только правъ народныхъ, но и челоуѣчскихъ.

Въ такомъ состояніи перешла Галицкая или Червонная Русь подъ владычество Австріи. Рухнуло дряхлое зданіе шляхетско-польской республики, терзаемой домашней неурядицею и католическимъ фанатизмомъ. Развалины Польши подлѣны были новыми границами и вмѣсто привилегированной шляхетско-польской націи явились народы, испоконне обитатели земли. И Галицкая Русь появилась изъ-подъ этихъ развалинъ. Австрія прибрѣла Галицію на основаніи какихъ-то мнѣ-

михъ правъ угорской короны на бывшія Галицкое и Владимірское княжества; но она приняла галицко-перемишльскую землю не въ качествѣ русской области съ живущею и развитою народностію, а въ видѣ польско-русской провинціи, въ которой русский народъ былъ порабощенъ, униженъ, задавленъ и едва подавалъ признаки жизни. По тогдашнему понятію, русіе, не имѣя дворянства — не имѣли предстателей и защитниковъ народныхъ правъ и интересовъ. Актъ раздѣла Польши и поданства австрійскому государю подписали одни поляки, такъ-какъ о русскихъ вельможахъ и боярахъ въ Галичинѣ уже и помину не было. Въ ту пору не было ни богатыхъ горожанъ, ни промышленниковъ; промыслы и ремесла стояли на низкой ступени, а все торговля находилась въ рукахъ евреевъ. Что же касается крестьянъ, то они по большей части находились въ крѣпостной зависимости — бѣдные, загнанные, неравные.

Не смотря на то, вѣщамъ замѣтливъ русскую народность въ новоприобрѣтенномъ краѣ и умѣли воспользоваться ею для обезпеченія своей власти. Австрійское правительство оказало покровительство поправному русскому народу, особенно духовному сословію, имѣвшему большое вліяніе на народъ. Австрійскіе законы и административные порядки оказались многимъ лучше прежняго польскаго хозяйства: за крестьянствомъ признана была личная свобода и право владѣнія; дѣтямъ крестьянскаго сословія открытъ доступъ въ общественныя школы, даже въ университетъ. Въ австрійскихъ школахъ смилъ крестьянина (хлопа) или священника (поповича) пользовался такими же правами и преимуществами какъ и шляхтичъ. Въ гражданскую службу принимались люди изъ всякаго сословія, коль скоро они окончили съ хорошимъ успѣхомъ установленный курсъ наукъ. Образованные дѣти русскаго духовенства, а также молодые люди изъ мѣщанъ и крестьянъ оказались для правительства болѣе пригодными для службы, чѣмъ польскіе шляхтичи, вѣчно мечтавшие объ *отбюдванні ойчизни* и возвращеніи прежней воли. Значеніе русскаго духовенства возмѣнилось тѣмъ, что его въ гражданскихъ дѣлахъ признали подосуднымъ дворянскимъ нападѣмъ варагитъ съ римско-католическимъ. Съ 1783 года была учреждена первая духовная семинарія и введено преподаваніе философскихъ и богословскихъ наукъ на русскомъ языкѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ чтеніе этихъ двухъ предме-

товъ, раздѣленныхъ на два курса, было перенесено въ Львовскій университетъ. Русская интеллигенція сильно развилась. Русскіе галичане образовали столько докторовъ богословія, что были въ состояніи замѣнить ими каведры въ богословскомъ факультетѣ Львовскаго университета, на которыхъ преподаваніе велось не только на русскомъ, но и на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Съ 1787 года философскіе и физико-математическіе предметы въ Львовскомъ университетѣ также стали преподаваться двумя профессорами изъ Угорской Руси на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Юридическій факультетъ тоже имѣлъ одного преподавателя, читавшаго на русскомъ языкѣ.

Впрочемъ, это успѣвное развитіе книжнаго образованія продолжалось не долго и не привнесло русской народности ожидаемыхъ плодовъ, такъ-какъ австрійскія власти, повидимому, поддерживали русскую народность въ Галиціи для того только, чтобы противодействовать стремленію польскаго элемента въ Варшавѣ. Какъ скоро, послѣ втораго раздѣла Польши, этотъ центръ очутился въ рукахъ Пруссій и имя Польши вычеркнуто было изъ карты Европы, австрійцы отвернулись отъ русскихъ, и затѣмъ, вмѣстѣ съ поляками, стали подавлять русскую народность. Русскія каведры были упразднены и замѣнены латинскимъ и польскимъ; профессора вышли въ отставку. Заслуженный профессоръ Петръ Дмитріевичъ Лодій эмигрировалъ въ Россію и съ 1805 года принялъ должность профессора въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Вся надежда на возрожденіе русской народности исчезла.

Впрочемъ, были и другія причины малаго успѣха русской письменности подъ австрійскимъ владѣтельствомъ. Во-первыхъ, Галицкая Русь, очутившись подъ австрійскимъ правительствомъ, была оторвана отъ общей русской жизни. Послѣ присоединенія смежныхъ областей—Волыни, Подолия и Украйны—въ Россіи и православію, униатская Галичина осталась одиокою, какъ вѣтъ отторгнутая отъ своего родного корня и насильно посаженная въ чужую почву. По этой причинѣ, очевидно, и науки, преподаваемые въ школахъ, не были плодотворны для русской литературы и народнаго образованія. Да и молодежь не получала надлежащей подготовки на родномъ языкѣ въ высшихъ училищахъ, такъ-какъ тогдашнія училища служили только къ распространенію нѣмецкаго языка. Наконецъ, польское общество, особенно духовенство, съ завистію смотрѣло на рус-

скія школы и всякими средствами старалось черпнуть и унижать какъ преподавателей, такъ и слушателей предъ лицомъ общественнаго мнѣнія. Послѣ политическаго поворота австрійскаго правительства, эта завистливость превратилась въ полную ненависть и явное гоненіе всего, что называлось русскимъ. Самыя слова: *Русь, русский языкъ* сдѣлались предосудительными, и нѣмцы замѣнили ихъ словами: *Румения, руменскій (русинскій) языкъ*. При всѣхъ усиліяхъ патриотовъ, просвѣщеніе русскаго народа не подвинулось ни на шагъ впередъ. Ихъ старанія привели ту единственно пользу, что подготовили новое поколѣніе поборниковъ и защитниковъ русскаго народа и русской вѣры *).

Русскіе передовые люди пытались нѣсколько разъ водворить русский языкъ въ народныхъ школахъ, чтобы вывести народъ изъ его нравственной апатіи, развить и скрѣпить русскую народность и спасти его отъ послѣдствій полонизма и католичества, но они встрѣчали непреодолимыя препятствія въ польскомъ обществѣ, католическомъ духовенствѣ и нѣмецкой бюрократіи. Митрополитъ Михаилъ Левинскій сдѣлалъ представленіе о необходимости введенія русскаго языка въ сельскія школы, но получилъ рѣшительный отказъ со стороны львовскаго губернскаго управленія, а въ отнѣтъ на горчій протестъ противъ сказаннаго рѣшенія, написанный каноникомъ Иваномъ Монильницкимъ, послѣдовала резолюція правительства (1816), въ которой было сказано, что, по политическимъ причинамъ, не слѣдуетъ поддерживать галицко-русскій языкъ, такъ-какъ онъ ничто иное какъ говоръ русскаго языка.

Такимъ образомъ, таличана, липоване школы и всякихъ средствъ къ обработкѣ родного языка, обречены были на пассивное созерцаніе окружающихъ ихъ событий, перерывоты въ мнѣніяхъ и вѣсуксахъ, споры въ называемыхъ классныхъ съ романтиками и разныхъ толковъ о народности и народной литературѣ. Законы, литература, обычай, вкусъ—все окружающее образованнаго русскаго галичанина было чуждо его народности: все было иностранное. Но среди того омута чужеземщины самая живучесть народности, оригинальные особенности, богатство преданій и поэтическое творчество народа не допущены подвѣсти и стертъ народныхъ особенностей, а побуждали

* «Науковий Сборникъ», изд. Обществомъ Галицко-Русской Митри. Львовъ, 1865, стр. 1—103.

въ возрожденію и вызвали къ обновленію народнаго письменности. Наконецъ, хотя съ трудомъ, удалось добиться согласія правительства на введеніе русской грамоты въ низшія народныя училища, причемъ было задано нѣсколько книжекъ на народномъ языкѣ, для обученія крестьянскихъ дѣтей.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ польскіе ученые, расудая о народной поэзіи, обратили вниманіе на русскія пѣсни въ Галиціи, а Ходаковскій, Вацлавъ Забѣскій и другіе стали явно предпочитать русскія народныя пѣсни своимъ собственнымъ, которыя и по содержанію и по формѣ стоятъ далеко ниже галицкихъ. Это обстоятельство еще болѣе ободрило и поощрило молодыхъ людей и дало имъ новыя силы къ самостоятельной обработкѣ народнаго нарѣчія. Народныя пѣсни и «Энеида» Котляревскаго представили примѣры и готовые формы поэзіи. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ русскіе въ Галиціи владѣли польскимъ языкомъ гораздо свободнѣе, чѣмъ своимъ собственнымъ и потому успѣхи ихъ на литературномъ поприщѣ могли быть и лучше и обширнѣе, если бы они стали писать по-польски; но писать на этомъ языкѣ значило бы вступить въ ряды польской литературы, польской духовной жизни, отказаться отъ права на самостоятельную и сдѣлать свой народъ составною частью польской народности. Одна мысль о томъ уже казалась общдою и даже преступною для молодыхъ дѣтей: это значило бы отказаться на всегда отъ развитія родной рѣчи. Къ тому же, польская революція 1830 года показала всю противоположность стремленій и интересовъ Польши и Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ показала всю необходимость противопоставить русский языкъ и русскую литературу польскому языку и польской литературѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ оставаясь между русскими студентами Львовскаго университета небольшою кружкомъ, съ цѣлю возрожденія галицко-русской литературы. Къ этому кружку примкнули и пишущій эти строки—и скорѣй сдѣлались однимъ изъ его руководителей. Пятнадцати-миліонный малорусскій народъ—расуждали мы—достаточно отдѣляется отъ другихъ славянскихъ племенъ—не исключая и великорусскаго—языкомъ, нравами и другими особенностями и потому малорусское племя имѣетъ право на полное выраженіе своихъ народныхъ особенностей, то-есть на созданіе особой литературы. Примѣръ другихъ славянъ

подкрѣплялъ насъ въ томъ мнѣніи, которое поддерживалъ такой авторитетъ, какъ Копитаръ, заявившій, что у славянъ каждое нарѣчіе должно образовывать свою литературу, какъ у древнихъ грековъ, и съ болѣе широкимъ чѣмъ у грековъ, которые, недостатка числа населенія одного изъ нѣмнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій, образовали четыре эллинскихъ діалекта. Не смотря на наши скудные знанія по части народнаго языка, мы начали писать на немъ стихи и статьи, съ твердою рѣшимостью создать галицко-русскую народную литературу. Затѣмъ, чтобы осветить задуманное дѣло чѣмъ-нибудь торжественнымъ, мы принапъ славянскія имена, давъ себѣ честное слово подъ принятымъ именемъ писать и дѣйствовать на пользу народа и во имя возрожденія народной словесности. Явились: *Русанъ* (Маріанъ) Пашкевичъ, *Дамборъ* (Иванъ) Вагилевичъ, *Ярославъ* (Иванъ) Головацкій, впоследствии къ нимъ присоединились: *Велимиръ* (Лопатинскій), *Мирославъ* Ильевичъ, *Богданъ* (Иванъ) Головацкій и другіе. Собравъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ и написавъ нѣсколько статей въ стихахъ и прозѣ, вдумали мы, въ 1834 году, издать книжку, въ видѣ альманаха, подъ заглавіемъ «Заря», съ знаменательнымъ девизомъ: «Свѣтъ заре на все поле, заколь мѣсяць зойде», а чтобы тѣмъ рѣче отличить свое нарѣчіе отъ другихъ славянскихъ, по предложенію Пашкевича, принято было особое фонетическое правописаніе. Альманахъ предполагалъ украсить изображеніемъ Богдана Хмельницкаго, на что получено было разрѣшеніе львовской цензуры. Съ рукописью было труднѣе. Такъ-какъ въ Галиціи не существовало въ то время цензуры для русскихъ книгъ, то занялась переписка съ пошпей, губернскимъ правленіемъ и центральнымъ вѣдомымъ правительствомъ. Толковали, разсуждали, разбирали, суетились и кончили, наконецъ, тѣмъ, что запретили печатаніе совершенно невинной книжонки страждущимъ певцамъ приговоромъ. Этимъ роковымъ приговоромъ австрійское правительство не только запретило печатаніе безобидной книжки, но и осудило самое ее направленіе, въ свѣдѣствіе чего всѣ сочинители статей были поставлены подъ строгій полицейскій надзоръ. Мы увидѣли свое беззаконное положеніе, и, не желая оставаться подъ отеческимъ надзоромъ львовскаго правительства, развѣхались въ разные стороны. Вагилевичъ уѣхалъ къ своему отцу въ деревню, Пашкевичъ вступилъ въ духовную ака-

демя, а я, третий сотрудник, горя жаждою познакомиться съ славянами и славянскими литературами, отправился въ Кошицкую академію, а оттуда перешолъ въ Пештскій университетъ. Здѣсь я близко сошелся съ многими учеными соваками, сербами и хорватами, причѣмъ мы обмѣнялись нашими мыслями, желаніями и сіѣтованіями о нашихъ общіихъ нуждахъ. Мы, наконецъ, нашли тутъ, въ Венгріи, возможность напечатать (въ Будинѣ), въ 1837 году, сборникъ нашихъ сочиненій, подъ заглавіемъ «Русалка Дибстроя», куда вошли почти всѣ статьи, находившіяся въ запрещенной «Зарѣ». Книжка была напечатана съ разрѣшенія угорской цензуры, но такъ-какъ въ тогдѣшнее время, касательно цензурныхъ постановленій, Угорщина считалась заграничной страной, то всѣ экземпляры «Русалки» должны были быть отданы въ львовскую цензуру. Тутъ повторилась прежняя исторія: начались придирки, сдѣланы объясненія. По взаимному нашему соглашенію, Шанквенчъ и Ваглевичъ объявили, что они не гримнажи личнаго участія въ изданіи «Русалки»; я же принялъ на себѣ вину на себя, причѣмъ объявилъ, что будучи въ Пештѣ въ университетѣ, я поручилъ рукопись моимъ друзьямъ-сербамъ передать ее въ тамошнюю цензуру и затѣмъ напечатать. Наея, преступниковъ — хотя и не очень-то крупныхъ — помиловали; но надъ «Русалкою» былъ произнесенъ вторичный смертный приговоръ.

Между-тѣмъ мы, молодые друзья-товарищи, продолжали упражняться въ родномъ языкѣ, собирая народныя пѣсни и другія преданія. Мой сборникъ народныхъ пѣсень, съ помощью друзей, умножился до того количества, которое оны теперь занимаетъ въ «Чтеніяхъ Общества Петерин и Древностей Россійскихъ».

Запрещеніемъ «Русалки» австрійское правительство въ третій разъ уничтожало успія галичанъ возродить русскую словесность. Тѣмъ не менѣе народная жизнь проявлялась, но лишь одиночными литературными произведеніями. Иосифъ Ловицкій переводилъ разныя баллады Гёте и Шиллера и печаталъ ихъ въ Перемышлѣ (1838—1844); Изильевичъ издавалъ свои «Галичскія народныя пословицы и загадки» (Віна, 1841); появились нѣсколько грамматикъ: Ловицкаго (Перемышл, 1836 — на лѣмцекоемъ и 1845 — на русскомъ языкѣ), Ваглевича (Львовъ, 1845) и Иосифа Лозинскаго (Перемышл, 1841); издано было нѣсколько сборниковъ народныхъ пѣсней:

Вацлава Зайцкаго (1833), Жеготы Паули (1839—1840) и Лозинскаго (1835). Лозинскій предлагалъ-было замѣну русскаго алфавита латинскимъ, но эта мысль, поддерживаемая поляками, была поводомъ опровергнута статьями Левичаго и Шанквенча, что побудило самого Лозинскаго отказаться отъ своего проекта въ пользу кириллицы. Но этимъ исчерпывается литературная дѣятельность русскихъ галичанъ до 1848 года.

Насталъ 1848 годъ: 7 (19) марта провозглашена была во всей Австріи конституція, а 3 (15) мая послѣдовало освобожденіе крестьянъ отъ крупнои зависимости и провозглашена равноправность и полная свобода для всѣхъ народовъ, населяющихъ имперію. Русскіе, почувствовавъ себя освобожденными отъ долголѣтняго рабства, стали собираться съ силами и наирагать ихъ, чтобы не остаться позади другихъ народовъ и занять свое мѣсто.

Съ 1848 года стала выходить въ Львовѣ первая червонно-русская политическая газета «Зора Галицка», взявшая на себя защиту правъ русскаго народа. Тогда же были устроены въ Львовѣ: политическій клубъ (Русская Рада), для посредничества между народами и правительствомъ, и литературное общество (Галицко-Русская Матина), а также учреждены: каедръ русскаго языка и литературы въ Львовскомъ университетѣ и введено преподаваніе русскаго языка во всѣхъ гимназіяхъ восточной Галичины. Заключила небывалая дѣятельность, возникли новыя надежды. Каждый годъ выходило больше сочиненій, чѣмъ до того времени было издано въ продолженіе цѣлаго вѣка. До 1848 года русскіе довольствовались введеніемъ русскаго языка въ народныя школы и употребленіемъ его въ популярныя сочиненія и беллетристику, такъ-какъ сами даже русскіе патриоты считали родное нарѣчіе пригоднымъ только какъ средство для преподаванія простому народу первоначальныхъ свѣдѣній; но послѣ провозглашенія равноправности стали для него требовать всѣхъ правъ развитаго языка — введенія его въ школы, въ судопроизводство и въ общественной жизни. Конечно, русскіе не чувствовали въ себѣ достаточнаго для этого силъ; но они рассчитывали на поддержку правительства, разсуждая такъ: если поляки и мадьяры соединятся въ рьяной оппозиціи противъ правительства, то немощносильные вѣмцы въ Галичинѣ и Угріи, не будучи въ силахъ одолѣть ихъ, будутъ всегда нуждаться въ пособіи предан-

ной правительству національности; слѣдовательно, они должны поддерживать русскихъ, если только русскіе съ своей стороны будутъ держать сторону правительства. И точно, до подавленія угорской революціи *русской арміей*, правительство поддерживало русскихъ галичанъ. Когда въ 1849 году поляки потребовали немедленнаго введенія польскаго языка въ школы, вѣсто русскаго, и въ администраціи, вмѣсто нѣмецкаго, то вѣмцы не преминули признать, что русскій языкъ долженъ получить тѣ же самыя права, какъ польскій; но въ Вѣнѣ министры рѣшили иначе: такъ-какъ русскій языкъ еще не вполне развитъ (?) и русскіе не имѣютъ возможности занять всѣ должности, то пусть останется нѣмецкій языкъ, пока русскіе не составятъ учебниковъ и не подготовятъ людей способныхъ занять мѣста учителей и чиновниковъ.» Такимъ образомъ вѣмцы застраховали себѣ свои мѣста и заградили къ нимъ дорогу русскимъ. Между-тѣмъ русскіе галичане, застигнутые 1848 годомъ безъ подготовки въ своемъ языкѣ, полуграмотные, начали писать по-русски какъ понало, питаея надеждой, что современемъ естественнымъ ходомъ вырабатается правильный письменный языкъ.

Передовые люди видѣли, что галицко-русская письменность должна снаться съ русскою, но немощіе дерзали выступить явно съ этимъ мнѣніемъ, боясь потерять довѣріе и поддержку правительства. Графъ Стадінъ еще въ 1848 году сказалъ: «если галицко-русскій языкъ и *российскій* одинъ и тотъ же, то мы лучше поддерживать поляковъ.» Со времени назначенія графа Голуховскаго наместникомъ во Львовѣ, поляки тѣмъ усерднѣе начали противоудѣствовать русскому дѣлу. Уже въ 1849 году правительство противупоставило народному органу «Зарѣ» свою газету, которая сначала издавалась во Львовѣ, а съ 1850 года стала печататься въ Вѣнѣ кирилловскимъ шрифтомъ. Стѣснительныя мѣры правительства принудили русскихъ въ 1854 году закрыть русскій клубъ въ Львовѣ и превратить «Галицкую Зарю» изъ политической газеты въ литературный журналъ. Расчеты галичанъ, что поляки никогда не перестанутъ волновать Австрію, которая, не будучи въ состояніи одна подавить эту революціонныя волнныя, всегда будетъ нуждаться въ русскіхъ галичанцахъ, оказались неосновательными. Когда князь Шварценбергъ *увидѣвъ мѣръ австрійской неапогодарности* и поляки стали на сторону Австріи противъ

Россіи, то австрійскій патриотизмъ русскихъ галичанъ не могъ подавить внутренняго чувства и племенного сордства — и австрійцы убѣдились, что, въ случаѣ столкновенія съ Россіей, нельзя будетъ сдѣлать изъ русскіхъ галичанъ покорное орудіе австрійской политики. Съ-тѣхъ-поръ правительство начало еще сильнѣе угнетать и оскорблять русскихъ — и безпрестанными обидами довело ихъ до полнаго отреченія отъ солидарности съ Австріей. Это выразилъ одинъ изъ передовыхъ галичанъ въ 1866 году (послѣ сраженія подъ Садовой), выступивъ въ «Словѣ» съ положеніемъ, что русскіе галичане и малоруссы одинъ и тотъ же народъ съ великороссіянами, что они составляютъ одну національность по происхожденію, по исторіи, по вѣрѣ, по языку и литературѣ; и никто не прекосовилъ и не возмразилъ ему, кромѣ заклятыхъ украинофиловъ и поляковъ.

Впрочемъ, начало духъ русскіхъ народностей еще до-сихъ-поръ смущаетъ умы галичанъ украинофиловъ, которые, поддерживаемые поляками, сдѣлались политической партіей, враждебной Россіи. Еще въ 1848 году польская партія пыталась создать особый польско-русскій органъ и начала издавать «*Ruskij Dziennik*», но, потерявъ полное фiasco, разсыпался, а преданный ему редакторъ, И. Ваглевичъ, преданійся полякамъ, перешолъ въ протестанство, въ которомъ и умеръ. Послѣ того украинофины заявляли свою жизнь отъ времени до времени, среди игры политическихъ партій, изданіями, каковыя: «*Вечерница*» (1862—1863), «*Мета*» (1864—1865), «*Шипа*» (1865), «*Русь*» (1866) и, наконецъ, «*Основа*» (1871). Вѣмцы и поляки наперерывъ стараются разными подложными теоріями затѣмнить здравый смыслъ народа въ его понятіяхъ объ единствѣ его съ Великою Русью въ исторіи, языкѣ и литературѣ, заманивая неопытныхъ въ сѣти малорусскаго, украинскаго и польско-русскаго партикуляризма. Еще въ недавнее время въ воображеніи издателя «*Метя*» мерещилась утопія самостоятельной *Хожландии* и малорусской литературы. Есть, впрочемъ, люди, которые служатъ и нашимъ и нашимъ. Ксенофонтъ Клямковичъ, бывшій издатель «*Метя*» и сотрудникъ органа Голуховскаго «*Русь*», отрекся-было въ 1867 году отъ украинофильства и въ «*Славянской Зарѣ*» ревностно защищалъ русскіе принципы, а теперь опять предается извѣстному въ Галичѣ дѣятелю Лавровскому и издаетъ полонифильскую «*Основу*». Люди преданіеся врагамъ Руси, морозные вѣмцами и поляками,

морочать самих себя и других, а народу и наук не въ состояніи, разумеется, принести никакой пользы.

Разсудительные люди изъ галичян признаютъ одну русскую народность и одну русскую литературу. Изъ этой среды вышли лучшія сочиненія и изданія галицко-русской письменности, какъ-то: А. Петрушевца: «Историческія изслѣдованія», начатаяныя въ «Галицкомъ Историческомъ Сборникѣ» (1854—1860) и въ «Научномъ Сборникѣ» (1865—1869); Д. Зубрицкаго: «Исторія Галицко-Русскаго Княжества» (1852—1854) и его же «Анонимъ Гвезденскій и Іоаннъ Дугошь» (1855); Б. Дѣдицкаго: статьи и стихи въ «Галицкой Зарѣ» (1852—1855) и въ «Отечественномъ Сборникѣ» (1856—1857); его же «Кюнкшоль», повесть въ стихахъ (1853) и «Буй-Туръ Веселодъ», поэма, (1860); «Семейная Библиотекка», журналъ, изд. Шеховичемъ (1855—1856); «Русская Анекдотія или выборъ лучшихъ поэзіи» (1854); «Поэзіи Николая Устѣновича» (1860); «Поэзіи Іоанна Гуцаевича» (1861); его же «Дѣвѣтѣ наддѣвтринской Левадѣ» (1853) и мелодрамы: «Погоране» и «Сельскіе племнотентѣи» (1870); «Поэзіи Іосифа Федьковича» (1862); «Повѣсти и пѣсни Івана Науновича» (1861); «Поэзія на Украинѣ», поэма Николая Лесѣвичча (1862) и его же «Спѣвакъ изъ Полѣсья» (1861) и прочее. По части исторіи слѣдуетъ указать на «Исторію Галицко-Владимирской Руси по 1453 годѣ» (Львовъ, 1863) и «Изслѣдованія на полѣ отечественной исторіи и географіи» (1869) Исидора Шараневича. Въ новѣйшее время защиту единства русскаго языка вела газета «Слово», но всего успѣшнѣе работоровать въ этомъ направленіи успѣлъ Николасевичъ Ливчакъ въ своемъ юриристическомъ изданіи «Страхоудъ», съ прибаленіемъ «Золотой Грамоты», и въ своемъ журналѣ «Славянская Заря», издаваемомъ въ Вѣнѣ въ 1867 и 1868 годахъ. Свидя принадлежатъ также изданія дѣятелей Угорской Руси: Александра Духновича, Іоанна Раковскаго и другихъ. Угорская Русь не сбавлялася ни партикуляризмомъ мѣстнаго нарѣчія, ни украинифильствомъ, ни кулишовскою, а старалась употреблять чистый русскій языкъ. Назовемъ напѣвнѣшія изданія угорскихъ русскіихъ: это: «Подраженіе Русинионъ», альманахъ на годѣ 1851 и 1852; «Церковная Газета», изд. І. Раковскимъ (1856—1857); «Учитель» (1867); «Спѣвъ»,

литературная газета (1867—1871); русскія грамматики А. Духновича (1852), Киррилла Сабона (1865) и другихъ.

Наконецъ, есть въ Галичинѣ партія строго правительственная, партія лицъ по служебной обязанности или по убѣжденію — пытавшася образовать что-то среднее между простонароднымъ галицко-русскимъ нарѣчіемъ и письменнымъ русскимъ языкомъ. Это направленіе поддерживали австрійскіе чиновники Григорій Шашкевичъ и Юлій Выслободскій. Эти господа, по ввугненію правительства, приняли письменный языкъ галичскій, такъ-сказать, подъ свой контроль, наблюдая, чтобы форма языка не выступала изъ круга провинціального говора и чтобы по возможности разлчались даже правописаніемъ отъ общерусскаго языка. Они слѣдили за Зубрицкимъ, Духновичемъ, Дѣдицкимъ, Раковскимъ и другимъ и протерли свое усердіе до того, что въ 1859 году графъ Голуховскій, съ докторами Евсеіемъ Черкасскимъ и Іосифомъ Иречкомъ, покуслился было уничтожитъ кирриловскія буквы и замѣнить ихъ латинскими. Правда, наскрѣнье это не устояло противъ единогласнаго протеста всего русскаго народа, но, тѣмъ не менѣе, оно произвело большое смущеніе въ обществѣ и оцнѣ затормозило правнлный хѣдъ развитія литературы. Послѣ тяжелыхъ ударовъ и разочарованій, русскіе убѣдились, что имъ нельзя полагаться ни на Австрію, ни на поляковъ, что для нихъ нѣтъ спасенія ни въ австрійской федераціи, ни въ польской уни. Только немногіе честолюбцы, какъ Лавровскій, примкнули къ украинифильцамъ; всѣ прочіе стоятъ за единство русскаго языка и русской литературы.

При такомъ хаотическомъ волненіи всякихъ элементовъ не удивительно, что плоды этой молодой литературы недоскрѣпаютъ, что въ пѣснахъ галичскихъ поэтовъ часто слышатся фальшивые тоны, что вообще галичскіе писатели мало производительны, и направленіе ихъ нерѣдко сбивчивое, колеблющееся, зависящее отъ политическаго настроенія и разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Но во всякомъ случаѣ должно сказать, что въ настоящее время русская народность въ Галичинѣ ироявляетъ вѣкторіую умственную и литературную жизнь; а не такъ давно и этого не было.

И. Головацкій.

ЧЕРВОННОРУССКІЕ ПОЭТЫ.

М. ШАШКЕВИЧЪ.

Маркіанъ Шашкевичъ родился въ 1811 году въ селѣ Клякчемъ, около Золочева, въ Галичинѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. По окончаніи гимназическаго курса, онъ вступилъ въ число студентовъ Львовскаго университета, въ которомъ въ короткое время хорошо ознакомился съ литературами латинской, нѣмецкой, польской и древне-славянской. Но все это не могло удовлетворить пытливаго духа Шашкевича, ноа не понаписъ ему въ руки «Эннеда» Котляревскаго, «Украинскія пѣсни» Максимовича и «Малороссійская Грамматика» Павловскаго. Эта *находка* разомъ перевернула всѣ идеи Шашкевича и какъ бы открыла передъ нимъ новый міръ и указала ему новый путь. Онъ задумалъ создать галицкую словесность, для чего ревностно принялся за изученіе своего языка и исторіи русскаго народа; затѣмъ, сталъ собирать народныя пѣсни, изучать обычаи и обряды народа, разбирать старыя рукописи и другія памятники старины. Кроиъ того Шашкевичъ старался поизнѣтъ и на другихъ, вразумитъ и научитъ ихъ, такъ-что скоро вокругъ него образовался цѣлый кружокъ молодежи, горячо сочувствовавшей его идеѣ. Окончивъ курсъ философіи, Шашкевичъ вступилъ на богословскій факультетъ. Около этого времени появился въ печати его первый литературный трудъ: «Двѣстрояя Русалка», отпечатанная на 1837 году въ Будинѣ. Затѣмъ, онъ издалъ «Читанку» для русскіихъ народныхъ школъ. Но главнѣйшимъ призваніемъ Шашкевича была — поэзія, и потому два собранія его стихотвореній, изданныхъ имъ подъ названіемъ

«Думки» и «Псалмы Русланова», ставятся галичанами выше всего, написаннаго имъ въ теченіе своего литературнаго поприща. И дѣйствительно думы Шашкевича отличаются неподдѣльнымъ чувствомъ и глубокою грустью — этою отличительной чертой народной галицкой поэзіи. Многія изъ его пѣсней перешли въ народъ. Кроиъ того, онъ перевелъ на галичскій языкъ «Кразедворекую рукопись», нѣсколько сербскихъ пѣсней и отрывки изъ польской поэмы Гошцисаго «Копенекскій Замокъ». Шашкевичъ умеръ въ 1843 году.

ТОСКА ПО МИЛОЙ.

Вѣтъ вѣтеръ изъ-за дѣсу,
Вѣтъ легкорумный;
Ты скажи мнѣ, тихій вѣтеръ,
Чтѣ съ моею милою?

Весела ль она, здорова ль,
Все ли розой рдѣветъ?
Или плачетъ и тоскуетъ,
Личко блѣднѣветъ?

Охъ, я сохну и тоскую,
Слѣзы проливаю;
Скоронивъ свои надежды,
Радостей не знаю.

О, когда бы могъ я звнѣтися
Пашкою легкорумною
И тоску мою развѣтися
На груди у милой!

Я летать бы, я летать бы
Днемъ и середѣ ночи,
Чтобы вдоволь насмотрѣться
Въ дорогія очи.

Я летать бы, я летать бы
По утрамъ туманнымъ,
Чтобъ натѣшиться, люблюсь
Личнымъ румянцамъ.

Я летать бы, я летать бы
Темными ночами,
Чтобъ натѣшиться, унитъся
Сладкими рѣчами.

Но Господь мнѣ не далъ крыльевъ —
Горе только знаю —
И я чахну на чужбинѣ,
Чахну, умираю.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

Н. УСТИАНОВИЧЪ.

Николай Устиановичъ родился въ 1811 году въ мѣстечкѣ Николаевѣ, Стрыйскаго округа, въ Галиціи. Образование свое онъ началъ въ гимназій и окончилъ въ Львовскомъ университетѣ, гдѣ прослушалъ полный курсъ философскихъ и богословскихъ наукъ. Въ 1836 году онъ написалъ первое свое стихотвореніе: «Слезъ на гробѣ Михаила барона Герасевича», извѣстнаго всѣмъ въ Галиціи русскаго патриота, претерпѣвшаго величайшія гоненія со стороны поляковъ. Въ 1849 году онъ издавалъ въ Львовѣ единственный въ то время во всей Галицкой Руси политическій журналъ «Вѣстникъ», по запрещеніи котораго онъ оставилъ Львовъ и поселился снова въ своемъ приходѣ, селѣ Славскѣ, откуда сталъ высылать свои статьи и стихотворенія въ разныя повременныя изданія Галицкой Руси. I-я часть его поэтическихъ произведеній вышла въ Львовѣ, въ 1860 году, подъ заглавіемъ: «Поэзіи Николая Устиановича»; остальными его стихотворенія остаются разбросанными по разнымъ сборникамъ и періодическимъ изданіямъ, хотя они, быть-можетъ, болѣе чѣмъ всѣ остальные произведенія галицкой поэзіи, заслуживаютъ полного изданія. Многія изъ пѣсней Устиановича вошли въ народъ, въ томъ числѣ и тѣ двѣ, которыя помѣщены въ нашемъ изданіи.

I.

ДУМА.

Младенецъ спитъ, какъ божій день прекрасенъ,
Какъ лебедь чистъ, какъ зорька свѣжъ и асень;
Въ его глазахъ — родня небеса,
Въ щекахъ — садовъ погуленныхъ краса,
На гладкомъ лбѣ — печать ума и силы,
А въ сердцѣ — все, что только сердцу мило.

Склоняся надъ нимъ, сидитъ руслячка-мать:
По злой тоскѣ легко ее узнать;
Склоняся надъ нимъ, какъ бѣлый стволъ берѣзы,
Она роняетъ пламенныя слезы
И наму пѣсно русскую въ тиши —
Знакомый вопль тоскующей души —
Надъ дремлющимъ младенцемъ напѣваетъ
И словно тѣмъ отраду напѣваетъ.

Несчастная, тоскующая мать!
Зачѣмъ такіа пѣсни распѣвать!
Вѣдь наша пѣснь есть гробъ и запустѣнье,
А наша рѣчь — и срамъ и поношенье,
Родное сердце — вѣчная борьба,
А скорбь пѣмамъ — русская судьба.

Кто знаетъ, можетъ чистый твой птепецъ
Когда-нибудь проснется наконецъ,
Водохвостъ, залѣтѣсь горькими слезами
И думою подѣлитъ съ вѣтрами:
«Ахъ, лучше бѣ русской пѣсни мнѣ не знать,
Не вѣдать сердца, долн не пѣтать!»

Н. ГЕРВЕЛЬ.

II.

ОСЕНЬ.

Пусто, глухо въ чистомъ полѣ,
Листья пожелтѣли,
Пышный дѣвѣтъ обнявъ,
Птицы улетѣли.

Тучи черныя на землю
Налегли тѣнями;
Непроглядные туманы
Говорятъ съ вѣтрами.

На горѣ калина долу
Вѣтви нагибаетъ;

Надъ Днѣстромъ душа-дѣвица
Слезы проливаетъ.

Ты чего, калина, тужишь,
Вѣтви нагибаетъ?
Ты чего, душа-дѣвица,
Слезы проливаетъ?

Аль краса твоя пропала?
Доля позабыла?
Нѣтъ родимой? аль колдунья
Такъ приворожила?

«Нѣтъ, краса моя со мною;
Доля не забыла;
Есть родная, и колдунья
Мнѣ не ворожила.

«Жаль весны мнѣ, что такъ скоро
Отвѣла — пропала:
Нѣтъ того, кого любила,
Жарко цвѣвала!»

Н. ГЕРВЕЛЬ.

А. МОГИЛЬНИЦКІЙ.

Антонъ Могильницкій родился въ 1811 году въ Подгорнацахъ, Стрыйскаго округа, въ Галиціи. По окончаніи гимназическаго курса у базилианъ въ Бучачѣ, онъ прослушалъ курсъ философіи и богословія въ Кошицахъ и Львовѣ, послѣ чего былъ рукоположенъ въ священники. Онъ написалъ нѣсколько думъ, эпическую поему «Святъ Малавскій» и сатирическую поему «Пѣснь поэта». Въ настоящее время Могильницкій — членъ львовскаго Сейма и вѣйскаго Рейхсрата, гдѣ онъ горячо и рѣзко защищаетъ права русскаго народа въ Галичинѣ.

ДУМА.

Прежде такъ рудилъ карпатскій
Безотрадно по вздыхалъ,
Потому-что жилъ счастливо
И печалей не знавалъ.

Но мать стастья той годины
Въ темномъ гробѣ мирно спитъ:
Вспоминать о немъ не стану —
Жалко сердце вередитъ.

Солнце скрылось, что когда-то
Грѣло галиций намъ рай,
А невзгоды, словно тучи,
Обожгли русскій край.

Какъ скончившіся тучи
Шаютъ на землю градъ и громъ,
Такъ невѣрные вносили
Въ Землю Русскую погромъ.

Тамъ, гдѣ зорька утромъ рано
Занимается, отоль
Къ намъ вносила мечъ и пламень
Крыма алчущая голь.

Русскій видѣлъ, какъ селенья
Лютый пламень пепелилъ,
Какъ татаринъ русской кровью
Землю Русскую поилъ.

Видѣлъ онъ, какъ божи храмы
Хищный ворогъ разрушалъ,
Какъ дѣтей изъ отчей хаты
Онъ въ неволю угонялъ.

И старикъ-отецъ до смерти
Съ-той-поры все горевалъ:
Все дѣтей своихъ возврата
Изъ неволнъ поджидалъ.

Дни и ночи мать-старуха
Слезамъ горькыя ала:
Погасить по малышъ дѣтямъ
Злой печаль не могла.

Ой, жена лишилась друга,
Мужъ подругу потерялъ;
Дѣти плачутъ: лютый ворогъ
Въ пѣльнѣ родителей угналъ.

Завоуанн пѣльннхъ въ дѣни,
Врагъ скрывался безъ слѣда.
«Край родной, тебѣ мы снова
Не увидимъ никогда!»

Тщето русскій на чужбинѣ
По отечеству надыхалъ,
Тщето съ вѣтромъ въ край родимый
Воши сердца носилахъ.

Всюду смерть и запустѣнье;
Люди прачутся въ лѣсахъ;
Звѣри трупн разрынають;
Всюду горе, плачь и страхъ.

Въ храмахъ божьихъ нѣту службы,
Не гудятъ колокола,
И земля плода отъ семя —
Запустѣвши — не дала.

Линя високія могилы
Всюду высятся, стоятъ,
И судьбу — по-ужу нашей —
Вспоминають и корятъ.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

Я. Ө. ГОЛОВАЦКІЙ.

Яковъ Оедоровичъ Головацкій, одинъ изъ главныхъ представителей русской народности въ Галицкомъ край, родился 29-го октября 1814 года въ селѣ Ченеляхъ, Злочесскаго округа, въ Галиціи. Первоначальное образование получилъ онъ въ Львовской гимназій, гдѣ ознакомился съ языками польскимъ, вѣдмедскимъ, русскимъ и чешскимъ; затѣмъ, слушая лекціи философіи въ Колиндахъ и Пенштѣ; здѣсь же изучилъ онъ основательно сербскій языкъ и ознакомился со всѣми остальными славянскими нарѣчьями. Образование свое закончилъ онъ, въ 1839 году, въ Львовскомъ университетѣ, гдѣ прослушалъ съ полнымъ успѣхомъ курсъ богословскихъ наукъ. Свободное отъ занятій время Головацкій посвящалъ литературѣ. Первымъ поэтическимъ произведеніемъ, съ которымъ онъ вышелъ на судъ публики, было стихотвореніе «Два вѣнча», начатое въ 1837 году въ альманахѣ «Русалка Дѣстровая», вскорѣ послѣ того запрещенномъ австрійскимъ правительствомъ за впервые употребленную въ немъ гражданскую печать, вмѣсто церковно-славянской, предписанной къ употребленію министер-

ствомъ, и вообще за русско-народное направленіе всѣхъ статей альманаха. Въ 1843 году Головацкій былъ рукоположенъ въ священника и получилъ мѣсто въ селѣ Хмѣлево, Чертковскаго округа, а въ 1848 году получилъ приглашеніе Львовскаго университета занять въ немъ катедру русскаго языка и славяности. Головацкій еще въ 1833 году вступилъ въ тѣсный кружокъ молодыхъ русскихъ, старавшихся воскресить свою національную литературу, и съ того времени былъ душою этого благороднаго движенія, причемъ, по славянскому обычаю, принявъ имя Ярослава. Переселившись въ Львовъ, онъ дѣятельно принялся за пропаганду. Въ первый же годъ своего профессорства онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ всѣхъ русскихъ газетъ и журналовъ, выходившихъ въ то время въ Австріи, и началъ во-всеуслышанье проповѣдывать возрожденіе русской литературы и гордо отстаивать русскую народность противъ враждебныхъ проповѣдей поляковъ и вѣмцевъ. Скоро австрійское правительство стало косо смотрѣть на благородную дѣятельность почтеннаго учонаго, а польская партія, ненавидѣвшая его уже за одно тѣ, что онъ занималъ катедру русскаго языка, пустила въ ходъ всевозможныя средства, чтобы заставить его отказаться отъ занимаемой имъ кафедры. Но Головацкій, понимая всю важность занимаемаго имъ мѣста, оставался твердымъ. Съ назначеніемъ наѣстникомъ Галиціи Голуховскаго, одного изъ предводителей польской партіи, нападки эти усилились. Голуховскій объявилъ о существованіи панславянскаго заговора и хотѣлъ арестовать Головацкаго. Профессоръ подаль жалобу въ министерство, а самъ отправился на московскую этнографическую выставку, что окончательно озлобило противъ него поляковъ и вѣмцевъ. Тогда Головацкій, не дожидаясь министерскаго рѣшенія, поѣхалъ въ Петербургъ — и 22-го декабря 1867 года былъ назначенъ предсѣдателемъ Комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ въ Вильнѣ, съ переименованіемъ въ статскіе совѣтники. Вотъ болѣе-замѣчательныя сочиненія Головацкаго: «Думки», помѣщенныя въ «Русалкѣ Дѣстровой» (1837) и «Вѣнѣ» (1846—47); «Грамматика русскаго языка въ Галиціи» (1849); «Христоматія церковно-славянская и древне-русская» (1854); «Очеркъ старо-славянскаго баснословія» (1860); «Львовская русская епархія отъ гдѣ тому назадъ» (1861); «Собраніе писемъ народныхъ» (1868).

I.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

Я блуждаю на чужбинѣ,
Стражду, погибаю;
По отчизнѣ ненаглядной
Сердцемъ изнываю.

Здѣсь сторонушка чужая,
Здѣсь чужіе люди:
И не злы, а къ постороннимъ
Холодны ихъ груди.

Впрочетъ, будь они и добры —
Все же не родные;
Все мнѣ чуждо между ними,
Потому — чужіе.

Между гроздіи виноградныхъ
Грустный я блуждаю,
Изъ чужбины въ край родимый
Думы посылаю.

Вспоминаешь ли меня ты,
Родина святая?
Какъ-то время коротаешь
Ты, моя родная?

Какъ бы рѣчь мою родную
Я хотѣлъ услышать,
Пѣсно спѣть — добыть изъ сердца,
Что любовью дышетъ!

Я спою вамъ наши пѣсни —
Всѣ, какія знаю —
Только голосъ мнѣ подайте
Изъ родного края.

Голосъ, точно колокольчикъ,
Въ сердце проникаетъ:
«Кто тебя уразумѣтъ,
Сердцемъ разгадаетъ?»

Взругъ сады горятъ вѣтрами,
Бешутъ виноградомъ,
А мнѣ сердце грусть по дому
Обливаетъ ядомъ.

Мнѣ мнѣтѣ гдѣ родные
И дѣтѣи валныи,

Чѣмъ сады съ плодами юга
Чуждой намъ краины.

Люди братаются, а же
Одиной плачу;
Всюду люди веселятся,
А я слѣмъ трачу.

Веселятся! я не стану
Веселиться съ ними:
Мнѣ не знать уже веселья,
Развѣ межъ своимъ.

Веселитесь, насаждайтесь
Кто и какъ умѣетъ!
Кто узнаетъ, разгадаетъ,
Что такъ сердце мѣветъ!

Слѣзы лью я надъ Дунаемъ
И въ Дунай ролюю:
Какъ припомню напу рѣчку,
Сердцемъ изнываю.

Грусть-тоска меня сѣдаетъ,
Смерть передо мною...
Не съ кѣмъ слова перемотвѣтъ,
Поллюбить душою.

Не съ кѣмъ мнѣ поплакать, не съ кѣмъ
Горемъ подняться...
Разступись Дунай угрюмый!
Лучше утопиться.

Грусть меня вчера терзала
И терзаетъ нынѣ.
Не страдать тотъ, кто не бился
Съ горемъ на чужбинѣ!

Н. ГЕРВЕЛЬ.

II.

Р Ѣ Ч К А.

Что течешь такъ тихо, рѣчка,
Въ этомъ ложѣ гѣсномъ?
Отчего не разольбьшися
По полямъ окрестнымъ?

Полно течь такъ одиноко!
Время горе сбросить:

Подымься — и буйный вѣтеръ
Пусть твой стоиць разноситъ.

«Какъ же мнѣ не течь тихоноу,
Синь мой, мой желанный:
Берега мои високи,
А поля безграничн.

«Заквітѣла бѣ, да воды-то
Мало — не хватасть...
Что жь, за-то моя поверхность
Зеркаломъ сияеть.

«Были тучи, громъ и ливень —
Волны заходили...
Что жь? — размыли только берегъ,
Воду помутили...

«Лучше течь безъ шуму, тихо
И достигнуть дѣян,
Отпала пни и маныи,
Острова и мели.

«Такъ я буду течь спокойно,
И, забывъ про горе,
Можеть-быть съ лицомъ открытымъ
Дотеку до моря.»

Н. Гервель.

И. Ѡ. ГОЛОВАЦКІЙ.

Иванъ Ѡеодоровичъ Головацкій, родной братъ Якова Ѡеодоровича, родился въ 1816 году также въ Ченелѣхъ, Злочесскаго округа. Онъ воспитывался въ Львовской гимназии, а потомъ въ Львовскомъ университетѣ, гдѣ шоль сначала по богословскому факультету, но вскорѣ оставилъ его и перешолъ на медицинскій. По окончаніи полного медицинскаго курса въ Вѣнѣ, съ званіемъ магистра хирургіи, онъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ военнымъ врачомъ въ Италиі, послѣ чего оставилъ медицину и принялся за редактированіе «Галицко-Русскаго Вѣстника». Въ 1849 году вступилъ охотникомъ въ дружину галицко-русскихъ стрѣлковъ, но вскорѣ долженъ былъ оставить службу, такъ-какъ редакція «Вѣстника» перенесена была въ Вѣну. Головацкій издалъ: «Вѣнокъ русинамъ на обжинки» (Вѣна, 1846 и 1847, двѣ части), куда, между прочимъ, вошли

его мелкія лирическія стихотворенія, пріобрѣвшія ему извѣстность въ Галичці, «Пѣнне радостнаго голоса государю Николаю Павловичу, императору *всемъ Русии*» (написана въ 1845, а напечатана въ 1848 году) и «Russisches Lesebuch», руководство для изучающихъ русскій языкъ, преимущественно для нѣмцевъ. Въ этой книгѣ помѣщены стихотворенія Державина, Пушкина, Лермонтова и другихъ, съ хорошимъ переводомъ на нѣмецкій языкъ. Въ настоящее время онъ состоитъ редакторомъ «Вѣстника Законовоу Державныхъ» въ русскомъ переводѣ и русскимъ переводчикомъ городского суда въ Вѣнѣ.

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ.

Глажу на тебя и глаза опускаю —
Не въ землю, а въ сердце я ихъ устремляю.
Какъ много тамъ чувствъ, но одно только въ немъ
Къ тебѣ разгорается страстнымъ огнемъ.
Закрадется ль въ душу мнѣ радость иль горе,
Твой образъ, какъ солнышко въ зеркалѣ моря,
Взлетитъ, отражаясь на сердцѣ моемъ.

Никто не проникнетъ въ загадку простую:
Зачѣмъ въ это сердце такъ часто глажу я;
Но разъ ты взглянула — я понялъ твой взглядъ,
И понялъ, что такъ только въ сердце глядеть.
Съ-тѣхъ-поръ какъ въ него ты проникла случайно,
Тебѣ уснилась забытая тайна
И въ чувстввахъ душевныхъ борьба и разладъ.

Ты все разгадала! смотри же — ни слова
О томъ, что береть я отъ взгляда людскаго.
Шуты надо мной, надѣвайся, брани —
Но пусть мою тайну мы знаемъ одинъ...
Снесу отъ тебя и все горечь укора,
Лишь страстному сердцу дай больше простора
И рай мой душевный въ душѣ схорони!

О. Ленко.

И. ГУШАЛЕВИЧЪ.

Иванъ Николаевичъ Гушалевицъ родился 10-го декабря 1823 года въ Паушовцѣ, небольшомъ селѣ Чортковскаго округа, въ Галичці. По окончаніи гимназическаго курса у базилианъ въ Вучачѣ, онъ поступилъ въ Львовскій университетъ, на богословскій факультетъ, который окончилъ съ пол-

нымъ успѣхомъ. Затѣмъ, въ 1849 году, былъ рукоположенъ въ священника и занялъ предложенную ему каведру русскаго языка въ академической гимназиі въ Львовѣ. Литературное свое поприще Гушалевицъ началъ очень рано: еще будучи студентомъ въ Львовскомъ университетѣ, издалъ онъ, въ 1847 году, томъ своихъ мелодическихкихъ пѣсенъ, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія», которыя съ перваго же разу обратили на него общее вниманіе галичанъ. Затѣмъ, стихотворенія его стали появляться въ разныхъ временныхъ изданіяхъ, пріобрѣтая ему новыхъ поклонниковъ. Главное достоинство стиховъ Гушалевица заключается въ необыкновенной ихъ благозвучности, чѣмъ не могутъ похвалиться современные ему галицкіе поэты. Въ 1849 году онъ редактировалъ политическую газету «Новини», потомъ — учено-литературный журналъ «Пчела», а съ 1851 по 1853 годъ — политико-литературное изданіе «Зари Галицкая». Кроме того онъ издалъ въ 1852 году свои «Пѣвты изъ надъ-Дибѣтранской Ливады» и переводъ «Слова о полку Игоря» на галицкое нарѣчіе, съ своимъ предисловіемъ и примѣчаніями.

Изъ всѣхъ произведеній Гушалевица особенно нравятся галичанамъ его пѣсни и басни, написанія весьма гладко и звучно. Особенною славою пользуются: пѣсли — «Миръ намъ, братья!» и басня «Волькъ, баранъ и лисица». Оба эти произведенія пошли въ народъ. «Ни кому изъ насъ, русскихъ поэтовъ», говоритъ поэтъ Дѣдицкій, «не выпало на долю столько славы, столько високихъ похвалъ за многія пѣсни, сколько одному Гушалевицу за эти два поэтическія произведенія. И если наши соотечественники читають иногда насъ съ удовольствіемъ, то одного Гушалевица часто вычитываютъ на память даже тѣ, которые и читать не умѣють». Въ настоящее время Гушалевицъ — членъ Львовскаго Сейма и Вѣйскаго Рейхсрата, гдѣ является поборникомъ народнаго дѣла Галицкаго Руен.

МИХАИЛЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

Города дотѣввають подъ пеломъ,
Не осталось изъ въ деревняхъ;
Не гремитъ богатирская слава
И соколики наши въ гробахъ.

Палетѣла изъ дальней сторони
Стаи птицъ поклеваетъ мертвецовъ,
А лобиди за Дибѣръ улетѣли,
Улетѣли — и вѣту сѣдловъ.

Вотъ орлы, обогренили кровью,
Шумной стаей на сѣверъ летятъ,
На Путивль и на Курскъ многояюдный
Съ загаенной кручиной гонятъ.

Что печалитъ васъ, гордыя птицы?
Что за вѣсти несете съ собой?
Отчего вы обрызганы кровью,
Незастывшею кровью людскоу?

«Вогатирская кровь пролилася
И бѣжитъ по полямъ, по лугамъ,
Веселятся, пируютъ татары —
И конца нѣтъ кровавымъ пирамъ.

«Тамъ мы крылья свои обагрили,
Гдѣ струилася кровь, какъ ручей,
Гдѣ взрублены зѣмни врагами
Труны нашихъ отцовъ и дѣтей.

«Стольный Кіевъ въ рукахъ Чепгисхана —
За ударомъ наноситъ ударъ...
Знать, сокровища Галичч-града
Не насытяти лютыхъ татаръ.

«Города Переяславъ, Черниговъ
Глухо стонуть въ татарскихъ цѣпяхъ;
Дѣти мрутъ безъ святаго крещенія
У своихъ матерей на рукахъ.»

Скачетъ конь изъ орды басурманскоу:
Что-то скажешь ты намъ, вороной?
«Князь Черниговскій» — молчитъ онъ тихо —
«Не воротится больше домой:

«Грозный ханъ приказалъ христіанамъ
Поклониться монгольскимъ богамъ —
Михаилъ же Черниговскій — молвить:
«Лучше голову хану отдамъ!»

«И погибъ онъ за вѣру свитую:
Отлетѣла его голова;
Но отъ брызнувшей крови страдальца
Встрепенулася сама татарва.»

Прилетаютъ сѣдыя кукушки —
Три сестрицы — садятся подъ радъ,
Громко плачутъ, какъ малыя дѣти,
И, рыдая, орламы говорятъ:

«На Руси на святой погибаетъ
Ни за что ея вѣрный народъ —
Отъ болѣзней, отъ тяжкихъ мученій,
Отъ чумы и отъ голода мрѣтъ.»

«Мы приносимъ печальныя вѣсти:
Не воротимъ счастливыхъ годовъ!
О, прощай наша Русь дорогая!
Не видать намъ родимыхъ холмовъ!»

Поднялися орлы, полетѣли
И пропали въ густыхъ облакахъ...
Зашумѣлъ имъ во слѣдъ буйный вѣтеръ
И захлѣвъ въ неприступныхъ горахъ.

О. Лявко.

II.

З А Р Ъ.

Зорька ясная, спустися,
Въ очи радостно взгляни,
Ниже, ближе наклонися,
Грусть отъ сердца отгни!

Загорисъ, какъ загоралася:
Я тогда такъ счастливъ былъ;
Ты сияньемъ разливалася,
Но туманъ тебя затмилъ.

Зорька ясная, ты знала
Какъ мирился я съ трудомъ,
И надеждой обольщала,
Какъ младенца сладкимъ сномъ.

Чуть весна — ужъ я у цѣли:
Пѣстрый лугъ благоухалъ;
Но цвѣты мои желтѣли —
И я жить переставалъ.

Вѣлый свѣтъ не милъ мнѣ болѣ,
Нѣтъ надежды золотой:
Не видать счастливой доли
Мнѣ въ странѣ моей родной!

Н. Гервель.

II. НАУМОВИЧЪ.

Иванъ Наумовичъ родился въ 1826 году въ мѣстечкѣ Стрѣльчѣ, Коломыскаго округа, въ Галиціи. Наумовичъ извѣстенъ болѣе какъ политическій дѣятель, патріотъ и ораторъ, чѣмъ поэтъ, хотя онъ написалъ нѣсколько очень хорошихъ пѣсень, извѣстныхъ каждому галичанцу. Выбранный въ депутаты Львовскаго Сейма, онъ явился неустрашимымъ поборникомъ русской народности, и превосходнымъ его рѣчи, заставивши умолкнуть самыхъ упорныхъ и опасныхъ враговъ его и его народа, останутся навсегда краснорѣчивымъ памятникомъ тяжелой и печальной борьбы русскаго народа въ Галиціи за свое существованіе, борьбы на жизнь и смерть, показавъ въ настоящемъ свѣтѣ всю чистоту стремленій русскихъ, поднявшихъ знамя во имя славы и всего злобу ихъ враговъ, ставшихъ на самыхъ узкихъ и эгоистическихъ началахъ. Въ настоящее время Наумовичъ много содѣйствуетъ — и словомъ и дѣломъ — улучшенію матеріальной стороны бита народа и распространенію просвѣщенія въ низшихъ его слояхъ. Онъ редактировалъ прежде журналъ «Недѣля», а въ настоящее время сотрудничаетъ въ журналѣ «Учитель». Кромѣ того, онъ много писалъ и пишетъ о сельскомъ хозяйствѣ, пчеловодствѣ и проч.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

Слава Богу, я въ телегѣ,
На востокъ лицомъ,
Возвращаюсь въ край родимый,
Къ милымъ въ отчій домъ.

Кони добрые все шибче,
Шибче все бѣгутъ:
Пусть бѣгутъ — домой скорѣе
Къ милымъ привезутъ.

Возвращаясь изъ чужбины,
Я повеселѣлъ,
И въ привѣтъ странѣ родимой
Пѣсенку запѣлъ:

«Русь святая, будь во-вѣки,
Какъ и въ оный часъ,
Ты дая всѣхъ гостеприимна
И мила для насъ!»

Н. Гервель.

Б. ДѢДИЦКІЙ.

Вогданъ Дѣдицкий родился въ 1827 году въ Угновѣ, Жолновскаго округа, въ Галиціи. Воспитывался онъ въ Львовскомъ и Вѣнскомъ университетахъ, гдѣ прослушалъ полный курсъ филологическихъ наукъ. На литературное поприще выступилъ онъ въ 1849 году съ стихотвореніемъ «Къ Богу», напечатаннымъ въ «Новинахъ». Съ этого времени статьи его и мелкія стихотворенія стали появляться почти во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ Галицкой Руси. Въ 1854 году онъ сдѣлался редакторомъ журнала «Заря»; въ 1856 году — получилъ мѣсто учителя русскаго и польскаго языковъ и словесности при гимназій въ Перемшлѣ; въ 1860 году онъ издалъ въ честь митрополита Григорія барона Якимовича великолѣпный альбомъ, подъ названіемъ «Галицкая Заря», а съ 1861 года состоитъ ответственнымъ редакторомъ политической газеты «Слово». Кромѣ литературскихъ стихотвореній, разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ, Дѣдицкий издалъ поэмы: «Копюшій» и «Буй-туръ Всеволодъ» и критическое сочиненіе: «О неудобности латинской азбуки въ русской бесѣдѣ» (Вѣна, 1860).

I.

РУССКОМУ ПѢВЦУ.

Не слава въ дальнихъ сторонахъ,
Не доля гордыхъ тѣхъ поетовъ,
Что отдыхаютъ на вѣнкахъ,
Добитыхъ звучностью сонетовъ,
А слѣзы въ жизненной борьбѣ
Лишь предназначены тебѣ.

Народа русскаго пѣвецъ
Стоитъ въ забытомъ всѣми хорѣ
Передней стражи, какъ боецъ
Въ международномъ, долгомъ спорѣ:
Еще не слышно о войнѣ,
А онъ стоитъ уже въ огнѣ.

Пѣвецъ ты Руси — той земли,
Чье имя — дѣло поль-свѣта,
Съ которой бури не могли
Сорвать ей родственнаго цвѣта:
И сладко пѣть ее тебѣ
Необъятенную въ борьбѣ!

О, пой еѣ, какъ соловой,
Что и въ грозу не умолкаетъ,
И унывающихъ людей
Могучей пѣсней ободряетъ!
Какъ птица вешняя въ ночи,
Надъ нею тихо щебечетъ!

Повѣдуй міру въ добрый часъ,
Что носимъ гордо мы невзгоду,
Что были люди и у насъ —
Воины за вѣру и свободу,
Что память ихъ, врагамъ на страхъ,
Живетъ въ признательныхъ сердцахъ.

Ты пой на зло тѣмъ мудрецамъ,
Что насъ хотятъ унижить тутъ,
И доказать стремятся намъ,
Что мы родинас намакутъ;
Пой имъ: «при князевскомъ дворѣ
Крестились русские въ Дибирѣ!»

Пусай за гимнъ священный твой
Ты не найдешь счастливой доли,
И, какъ боецъ передовой,
Погибнешъ первый въ чистомъ полѣ,
За-то другимъ проложитъ путь —
Дашь имъ подняться и вздохнуть...

Н. Гервель.

II.

УТРО.

Вставъ съ постели утромъ рано,
На востокъ впередъ взоръ:
Величаво и румяно
Всходитъ солнце изъ-за горъ,
Всходитъ солнце и лучами
Вязетъ землю съ небесами.

Хоръ пернатыхъ пробудился,
Пѣсь звучитъ среди лѣсовъ:
Миръ господень оживился
Звучкомъ птичьихъ голосовъ:
Это тверди безконечной
Плететъ земля привѣтъ сердечный.

Люди набожные съ лаза
Съ крестнымъ знаменемъ встанутъ,
И убогій и вельможа
Славу божию поютъ;

Гимнъ хвалы земли прекрасной —
Лучшій даръ для тверди лесной.

Кто мольбою начинается
Дѣло всякое съ утра,
Вотъ тому низкославетъ
Помощь съ неба для добра —
И благому предпріятію
Путь указавъ благодатью.

Такъ молись, молись съ восходомъ,
Съ птицей утренней молись,
Въ храмѣ божиѣмъ съ народомъ
Сердцемъ къ Господу несись —
И душа твоя мольбами
Свяжетъ землю съ небесами.

Н. Гервель.

III.

НА СТРАЖѢ.

Возлѣ ставни, возлѣ вѣняетъ,
На дунайскихъ берегахъ,
Часовой стоитъ на стражѣ,
Съ карабиномъ на плечахъ.

Вечеръ; солнце потухаетъ;
Тишина кругомъ легла;
Тихій звонъ лишь долетаетъ
Изъ сосѣднаго села.

Часовой перекрестился,
Преклоняся челомъ.
Это русскій: онъ по русски
Осыпалъ себя крестомъ.

Это русскій: съ грустной думой
Все на Сѣверъ смотритъ онъ,
Словно ждешь — боецъ угрюмый —
Не отвѣтять ли на зовъ.

Словно мыслитъ: въ миломъ краѣ
Можетъ кто-нибудь грустить
И о немъ, что на Дунаѣ
Жизнь собратій сторожить.

Н. Гервель.

Н. ЛЬСЬКЕВИЧЪ.

Николай Осмицъ Лѣськевичъ родился въ 1835 году въ селѣ Улазовѣ, Жолковского уѣзда, въ Галиціи. Окончивъ гимназіиескій курсъ въ Перемышлѣ, онъ поступилъ въ Львовскій университетъ, въ которомъ прослушалъ богословіе и курсъ филологическо-историческихъ наукъ. Затѣмъ, съ 1865 по 1868 годъ, Лѣськевичъ былъ сотрудникомъ политическаго газеты «Слово», въ которой выказалъ много энергіи для поддержанія русскаго дѣла въ Галицкомъ краѣ. Это послѣднее обстоятельство до того озлобило польско-нѣмецкую партію противъ Лѣськевича, что она отказала ему въ мѣстѣ учителя въ восточной (русской) половинѣ Галичины. Это побудило его принять должность учителя въ Виленской гимназіи. Какъ поэтъ, Лѣськевичъ славится замѣчательною звучностью стиха и чистотою языка, тѣмъ могутъ похваляться только немногіе изъ галицкихъ поэтовъ. Изъ отдѣльно напечатанныхъ его сочиненій можно указать на двѣ поэмы: «Пѣвецъ изъ Подгѣся» и «На Украинѣ». Изъ послѣдней замѣтована нами пѣсня, помѣщенная здѣсь въ русское переводѣ.

ПѢСНЯ.

Какъ луна на это поле
Свѣтитъ средь ночей,
Такъ она и на Украйну
Льетъ свои лучи.

Но ужь скоро вспыхнетъ солнце,
Сдвинутъ ночи тѣнь —
И опять надъ нашимъ краемъ
Загорится день.

А когда блеснетъ намъ съ солнцемъ
И свободы свѣтъ —
Раздадутся наши пѣсни
Солнышку въ привѣтъ.

Пѣсни тѣ еще мы сложимъ,
Сложимъ въ наши дни,
И когда умремъ мы самъ —
Не умрутъ они.

Для пѣвца же большей славы
Небыло и нѣтъ,

Какъ дожить, чтобъ эти пѣсни
Пѣлъ весь русскій свѣтъ.

Пусть погибнемъ, пусть придется
Всѣмъ намъ опочить —
Не погибнетъ наша пѣсня,
Духъ нашъ будетъ жить.

Мы поѣмъ и воспѣваемъ
Край своихъ отцовъ
И въ сердцахъ воспламеняемъ
Къ родинѣ любовь.

Не войной мы Русь поднимаемъ
Изъ земли сырой,
А могучимъ, вѣщимъ словомъ
Пѣсни золотой.

Н. Гервель.

І. ФЕДЬКОВИЧЪ.

Іосифъ Федьковичъ родился въ 1834 году въ селѣ Сторонцѣ, въ Буковинѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ родительскомъ, причемъ старшая сестра своими разсказами незамѣтно возбудила въ немъ любовь къ народнымъ русскимъ пѣснямъ и сказкамъ. Затѣмъ, онъ познакомился съ однимъ нѣмецкимъ живописцемъ, который такъ полюбилъ Федьковича, что взялся ознакомить его съ нѣмецкимъ языкомъ и поэзіей, въ чемъ и успѣлъ, благодаря ковалливости и прилежанію своего ученика. Но эти мирныя занятія продолжались не долго. Насталъ 1852 годъ, а съ нимъ и очередь идти въ солдаты. Послѣ трудной семилѣтней службы, въ теченіе которой онъ побывалъ въ Венгріи, Валахіи и Италіи, онъ былъ произведенъ въ 1859 году въ офицеры. Но ни служба, ни походы, ни битвы съ непріятелемъ не заглушили въ немъ поэтическаго настроенія: и въ казармахъ, и на бивавахъ продолжалъ онъ сочинять свои пѣсни и думы. По возвращеніи изъ Италіи въ Черновецъ, онъ познакомился тамъ съ нѣмецкимъ поэтомъ Нейбауеромъ, которому прочиталъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній на нѣмецкомъ языкѣ. Нейбауеръ отнесся весьма сочувственно къ молодому поэту: онъ напомъ его стихотворенія прекрасными и пророчилъ ему блестящую будущность. Затѣмъ, онъ познакомился съ Кобылянскимъ, мѣстнымъ журналистомъ и го-

рячкимъ поклонникомъ русской народной поэзіи. Прослушавъ нѣмецкія произведенія Федьковича, Кобылянский спросилъ у поэта, почему онъ, будучи русскимъ, не пишетъ по-русски? «Хотя я не пишу по-русски», отвѣчалъ Федьковичъ, «тѣмъ не менѣе я очень люблю славянскую и, особенно, русскую народную поэзію, и даже однажды, въ лагерѣ подъ Касано, отважился сочинить небольшую пѣсню на русскомъ языкѣ». И онъ прочелъ ему думу «Ночлеги». Кобылянский прішолъ въ восторгъ и умолялъ его продолжать писать по-русски. Федьковичъ внялъ доброму совѣту своего соотечественника — и вскорѣ нѣкій томикъ его стихотвореній былъ отпечатанъ и выпущенъ въ свѣтъ.

УКРАЙНА.

Что за чудная сторонака
Вольная Украина!
Что живетъ въ ней счастливо —
Это вѣдь не тайна.

Степь привольная лоснится
Полковой травой;
На пѣвчѣ заря низходитъ
Студеной росой.

Косынки насуетъ въ полѣ;
Соколы ныряютъ;
Съ буйнымъ вѣтромъ въ перегонку
Козаки летаютъ.

Кто забудетъ тѣ могилы,
Тѣ холмы, курганы,
Подъ которыми почивотъ
Славные гетманъ.

Ихъ лучи протенней славы
Въ мракѣ согрѣваютъ,
Между-тѣмъ какъ «Думы» громко
Славятъ, величаютъ.

И тѣ звуки проникаютъ
Въ сердце не случайно...
Какъ же намъ тебя не помнить,
Милая Украина?

Тамъ на гѣрбанѣ молодчикъ
Весело играетъ;
Красна-дѣвица надъ рѣчкой
Пѣсни распѣваетъ.

Тамъ сойка замираетъ
Трелью соловьиной;
Птицы радостно щебечутъ
Въ рождѣ подъ калиткой.

Тамъ, свои малютки-пожги
Медомъ отягчая,
Межъ цвѣтовъ жужжитъ пріветно
Пчѣлка золотая.

Тихій вечеръ дышетъ нѣгой
Надъ Днѣпромъ-рѣвою.
Чолнъ плыветъ надъ темной бездной,
Зыблемый волною.

Въ немъ сидитъ краса-дѣвица,
Что цвѣтокъ махровый;
Передъ ней, склоняся къ колѣнямъ,
Парень чернобровый...

Дальше видны бѣлый хуторъ,
Рядомъ — дѣсь сосновый,
Прудъ съ нависшею ракитой,
Пчельникъ, садъ фруктовый.

Въ томъ саду стоитъ избѣнка,
А передъ избѣнкой
Расправивши дѣвица
Съ маленькой ручѣнкой —

И той маленькой ручѣнкой
Что-то вышиваетъ...
«Гдѣ-то онъ, мой соколъ синій?
Гдѣ-то онъ гуляетъ?»

Расправивши, взгляни-ка —
Соколъ рѣветъ въ поля!
Красна-дѣвица взглянула —
Не тоскуетъ боль:

«То не соколъ — то мой милый
Вѣрономъ летаетъ!»

И тесовую калитку
Тихо отворяетъ.

Входитъ соколъ... Какъ голубка,
Дѣвица воркуетъ:
Ей бы надо посердиться,
Да нельзя — цаплетъ...

То не соколы несутся,
Радуясь приволью:
Чумаки изъ Крыма здутъ
Съ рибою, да съ солью.

Вотъ они остановились,
Въ степь воловь пуганя,
Кучу хворосту набрали
И въ костеръ свалили.

Тотъ готовить кашу съ саломъ,
Тѣ о чѣмъ-то спорятъ;
Молодые ладятъ пѣсни,
Старики гутораютъ.

А въ дали, гдѣ такъ румяно
Зорька догораетъ,
Самшени звонъ: онъ тихо льется,
Лѣтся, замираетъ.

Это благовѣстѣ къ вѣчерни
Въ томъ высокомъ храмѣ,
Что сияетъ тамъ, за лѣсомъ,
Свѣтлыми крестами.

А во храмѣ томъ священникъ,
Въ полномъ облаченьи,
Шлетъ мольбы за Русь святую,
Молитъ о спасеніи...

Н. Грвель.

СЛАВИЧЪ.

Подъ этимъ именемъ встрѣчаются въ галицкихъ журналахъ и сборникахъ стихотворенія съ патристическимъ оттѣнкомъ, заслуживающія понашего вниманія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дающія нѣкоторое понятіе о томъ возбужденномъ настроеніи галицкаго народа, о которомъ такъ много говорить и пишутъ въ настоящее время.

МЫ РУССКІЕ!

Мы русскіе! Наша завѣтная вѣра —
Что всё мы славяне — одно,
Одно неразрывное, цѣльное племя,
Скрѣпленное миромъ давно.

И боремся мы неустанно съ врагами,
И ставимъ преграды врагамъ
Съ той мыслью святою, что Богъ нашей Руси
Единъ и единъ Его храмъ.

Мы русскіе! Насъ оживляетъ надежда,
Что духъ нашъ славянскій не соплъ,
Что всюду невзримо онъ вѣетъ надъ нами,
Что всюду гдѣ Русь тамъ и онъ.
Злой ворогъ къ стѣнамъ насъ прижметъ заммшляетъ;
Но рухнетъ она надъ врагомъ — *)
И мы напихну споемъ по усопшемъ,
А Русь будетъ нашимъ цитою.

Мы русскіе! Пусть же злодѣямъ пощаду
Даруетъ святая любовь!
Не надо намъ мести, не надо намъ крови,
Не надо намъ крови враговъ!
Но вѣту пощады измѣнникамъ края,
Продавшимъ отчину врагамъ:
Ихъ всюду достигнетъ апаеаа Руси,
Прокляте невѣрнымъ сынамъ!

О. Ленко.

и.

Братя! пѣсня моя разлита
Въ вѣшнемъ воздухѣ, вернутъ васъ...
Нѣтъ поэзи — разбита:
Я остатки только спасъ;
Тѣ остатки холмъ-могила
Въ темныхъ пѣдрахъ сохранила,
Гдѣ точилъ ихъ лютой гадъ...
Не взианте — я вашъ братъ!

Братя, гдѣ святая вѣра
И надежда и любовь?
Есть ли скорби лютой мѣра?
Сколько разъ хотѣлъ я вновь
Къ кубку счастья прикоснуться,
Вновь ожитъ и встрепенуться,
Но суровый демонъ мой
Мнѣ напощиналъ: «постой!»

Братя! дней моихъ весною
Сердце вѣдало любовь:
Рай явился предо мною,

Веселѣй кипѣла кровь...
О, души моей царя,
Зорька ясная, денница,
Не люби: любимецъ твой
Стать статуей ледяной!

Братя, я кручину злую
Пѣлъ — тревожилъ земляковъ...
Лучше брошусь на родную
Землю, гробъ моихъ отцовъ:
Можетъ-быть, земля родная
Не отвергнетъ — и святая
Пѣсня встрѣтитъ свѣтлый май...
Ахъ, вернется ль прешній рай?

Н. Грвель.

МАРІЯ СІОНСКАЯ.

Кто скрывается подъ этимъ псевдонимомъ — этого мы не знаемъ. Намъ извѣстно только то, что стихотворенія, подписанныя выше-приведеннымъ псевдонимомъ и отличающіяся торчачею любовью къ родинѣ и широкой фантазіей, стали появляться, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ разныхъ современныхъ изданіяхъ Галицкой Руси и вскорѣ обратили на себя вниманіе всѣхъ образованныхъ галичанъ.

ПРОЛОГЪ КЪ ПОЭМѢ «ПРОРОКЪ НАРОДА».

Я подъ пальмою густою,
Надъ Дунаемъ надъ рѣкою,
Взоръ въ небо погружаю,
То брожу имъ по Дунаю.

Ой, подъ пальмою густою
Я стою — и подо мною
Спитъ Дунай. Пронесни! Тоскуя,
Пѣнь о будущемъ пою я.

Пѣсьню великую, какъ слово
Пробудившее народы,
Пѣсьню юную, какъ входи
Подъ лучами Всеблагого.

Пѣсня та — огонь и сила,
Гласъ пророка въ часъ гоненія...
Развѣ мать ея могла?
Нѣтъ, то чадо воскресенія!

*) Прямая къ стѣнѣ — подлинное слова министра графа Вейсера.

Вот пронесся звук пѣва...
Разлилася рѣка сѣдая —
И изъ синихъ волнъ Дуная
Появилась прелесть-дѣва.

Дѣва плещетъ паловино,
Грудью волнъ разсѣкаетъ
И на пѣснь мою — о, диво! —
Пѣсню смерти отвѣчаетъ:

«Мой желанный, черноокій,
Не гоняйся за цѣтми:
Въ полѣ вылазъ снѣгъ глубокій,
Вѣтеръ свищетъ межъ горами...

«Не томись мольбой безплодной:
Всюду мракъ и запустѣнье...
Тю усну въ землѣ холодной,
Для того пѣтъ пробужденья.

«Вѣрь, напрасно сердце бьется!
Ты не пой про воскресенье!
Прежде впасть Дунай польется,
Чѣмъ наступитъ часъ спасенья!»

Смогла дѣва молодая,
И, мелькнувъ косою волнистой,
Скрылась въ безднѣ серебрястой
Горделиваго Дуная.

И былъ полонъ чувства злора;
Взоръ тонулъ въ лазурномъ сводѣ...
«Свѣтъ! свѣтъ!... О, легенда!...
Да пройдетъ пророкъ въ народѣ!»

О, Дунай! свидѣтель мирный
Рокowych переворотовъ,
Чтѣ волной своей сапфирной
Вьешься въ скалы патриотовъ?

«Отъ слезъ твоей горячей,
Что на грудь мою скатилась,
Я всплеснулъ волной могучей —
И пучина залубилась.»

И реветъ онь, и клочочеть,
Къ сѣрымъ скаламъ подступая,
Словно ихъ разрушить хочеть
И вновь съ пѣной отбѣгаетъ.

Слышалъ пѣсно дѣвъ водной?
Прочь со смертью! — вѣчность знаю...
Прочь, кодувья! я, свободный,
Пѣснь свободную слагаю!

Я подъ пальмою густою,
Надъ Дунаемъ, надъ рѣкою,
Взоръ то въ небо погружаю,
То брожу имъ по Дунаю...

Н. Гервель.

УГРОРУССКІЕ ПѢТЫ.

А. ДУХОВИЧЪ.

Александръ Духовичъ родился 24 апрѣля 1803 года, въ селѣ Тополя, въ Венгрии. По окончаніи курса философіи въ Кошицахъ и богословія въ Ужгородѣ, онь былъ рукоположенъ въ священника въ 1827 году; затѣмъ, въ 1838 году, назначенъ былъ членомъ консисторіи Мункачевской епархіи, а въ 1843 году — благочиннымъ въ Пряшево. Большая часть его произведеній была напечатана въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, сборникахъ и мѣсящесловахъ. Первымъ плодомъ его литературныхъ трудовъ былъ «Букварь»; за нимъ слѣдовали: молитвенникъ «Хлѣбъ души», «Короткая землемъсь», «Литургическій катехизисъ», «Поздравленіе русиновъ», альманахъ, «Добродѣтель превъшиваетъ богатство», драма, «Народная педагогія» и «Сокращенная грамматика великорусскаго языка». Что же касается стихотвореній Духовича, то они никогда не были собраны и изданы отдѣльною книжкой. Тѣмъ не менѣе многія изъ его думъ перешли въ народъ. Духовичъ умеръ въ 1867 году. Это былъ передовой человѣкъ Угорской Руси и пользовался полнымъ довѣріемъ и любовью своего народа.

ПѢСНЬ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА.

Вейся жаворонокъ звоней,
Вейся и кружись!
Надъ моей родимой нивой
Пой и веселись!

Вознесися надо мною
Къ солнечнымъ лучамъ,
Чтобъ я тоже могъ учиться
Сердцемъ къ небесамъ.

Пой хвалу, малютка-птичка,
Богу въ вышнихъ,
Чтѣ дать жизнь и безмятежность
И тебѣ и мнѣ.

Славь Его за всѣ щедроты,
Чтѣ Онь низпослалъ,
За тотъ дождь, изъ тѣлой тучи,
Что съ зарей упалъ.

Умоляй Его смиренно,
Чтобы благодать
Озаряла ежедневно
Нашу землю-мать.

Пусть хранитъ Онь нашу ниву
Отъ вѣтровъ и тучъ,
Пусть росу низпосылаетъ
И горячій дучъ.

Пой, молись! а я пою
Спѣлое зерно,
Завалою его землѣю —
И взойдетъ оно.

А когда настанетъ жатва,
Жаворонокъ мой,
Я обильнымъ урожаемъ
Подѣлюсь съ тобой.

Веселись же, пой въ пространствѣ,
Вейся и летай!
Веселись, пока такъ чудно
Блещетъ жизни май!

Можеть-быть и насъ зароютъ
Скоро, птенчикъ мой,
Какъ тѣ зѣрна и покроютъ
Черною землей!

Но не будетъ наша доля
Равною тогда:
Я умчусь, чтобъ возродиться,
Ты же — безъ слѣда...

Н. Гервель.

II.

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЬ.

Соколата, дайте волю
Молодымъ своимъ крыламъ!
Я ужь старъ — не въ силахъ богѣ
Подниматься къ облакамъ.

Я вскормилъ васъ, дѣтокъ милыхъ...
По горамъ и по доламъ
Я леталъ, пока былъ въ силахъ —
Отдохнуть пора костямъ.

Ахъ, и я въ былые годы
Къ солнцу взоръ свой обращалъ;
Безъ руля морскія воды
Въ челнокѣ переплывалъ.

На борьбу съ бѣдой, въ началѣ,
Много силъ потратилъ я.
Стрѣлы въ грудь мою вонзали
И чужие, и друзья!

Всюду гибельные ковы,
Всюду зло: въ сѣтяхъ своихъ
Наровнять оцутать совы
Робиньхъ птенчиковъ моихъ;

А кукушка-лихоудѣйка
Гонитъ бѣдныхъ изъ гнѣзда,
И яйцо свое, злоудѣйка,
Вмѣсто ихъ, владеть туда.

Съ хитрой злобой и страстями
Трудно биться было намъ...
И леталъ я надъ лѣсами,
Поднимался къ облакамъ...

Я былъ прямъ и твердъ душою,
Не боялся силъ зла,
И — лицомъ къ лицу съ грозой —
Въ той борьбѣ душа росла.

Брань враговъ моихъ терзала
Сердце бѣдное и слухъ...
Какъ судьба меня не гнала,
Живъ во мнѣ соколий духъ.

Въ честь отчизны — соколъ ясный —
Пѣсни я любилъ слагать;
Научилъ васъ пѣть согласно,
По соколиному летать.

Дайте волю, соколата,
Молодымъ своимъ крыламъ!
Крылья сокола помати —
Не служить имъ больше вамъ.

Нѣтъ побѣдъ безъ усилъ —
Безъ порывовъ молодыхъ!
Не берите вражьиxъ крылѣй —
Поднимайтесь на своихъ...

Совершилъ я, что былъ въ силахъ —
И вотъ нынѣ пѣсня моя,
Пѣсню послѣднюю, для милыхъ
Я соколиковъ пов.

Тамъ, межъ горъ, въ родимомъ краѣ,
Гдѣ родился я и жить
Порывался — тамъ жезлаю
Вѣчнымъ сномъ я опочить.

Вы меня похороните
У скалы, въ травѣ густой,
И, засыпавъ, помяните
Русской пѣсню и слезой.

О. Левко.

А. ПАВЛОВИЧЪ.

Александръ Павловичъ, уроженецъ Бѣлой
Вѣжи, Пришевской енаркіи, въ Венгріи, поль-
зуется большимъ уваженіемъ и извѣстностью во
всей Угорской Руси, а также и въ Галичинѣ,
какъ народный поэтъ и русский патриотъ. Почти
всѣ его стихотворенія запечатлены страстною
любовью ко всему русскому, что отчасти можно
видѣть изъ переведеннаго нами и помѣщеннаго
въ слѣдъ за нимъ стихотворенія его «Дума на
могилѣхъ подъ Бардіювымъ».

ДУМА НА МОГИЛѢ ПОДЪ БАРДІЮВЫМЪ.

1.

Изъ-за Дона козачина
Въ полѣхъ выѣзжаетъ,
Свой родимый край козацкій
Душой поминаетъ:

«Синій Донъ, земля родная,
Тихая станца —
Все продай! со всемъ что мило
Долженъ я проститься».

«Царь велѣлъ — и Донъ поднялся,
Въ битву такъ и рвется...
Гдѣ-то, Донъ, мнѣ вороного
Наполтъ придется?»

Распростились, козачина
Шевельнувъ уздою,
Конь заржалъ — и вдоле по степи
Полетѣлъ стрѣлою.

2.

Какъ понесла козачина,
Поле взворвало:
«Ой, вернись, козакъ, вернись —
Тамъ твоя могила!»

— «Не страшитъ меня могила:
Что мнѣ, сиротинѣ?
Умереть хотѣлъ бы только
Съ славою на чужбинѣ.»

3.

Миновать козакъ границу,
Конь подъ нимъ спотыкался...
О, козакъ! куда ты мѣшился?
Что ты не вернулся?

Вотъ козакъ въ чужія горы,
Въ край чужой въѣзжаетъ;
Конь заржалъ: козакъ, онъ то же
Стени вспоминаетъ!

4.

Надъ Карпатскими горами
Тузи собирались;
Нѣтъ, не тузи — это птци
Хищныя слетались.

Надъ Карпатскими горами
Громы раздаются;
Нѣтъ, не громы — это рати
Вражескія бьются.

5.

Вкругъ донца кипитъ сраженье,
Градъ свинцовый свищетъ,
Но одна ноша въ сердцахъ
Невредимо рыщетъ.

Много тысячъ пучъ мадярскихъ
Мимо просветало,
Но одна ноша въ сердцѣ —
И донца не стало.

6.

Конь заржалъ и палъ съ нимъ рядомъ,
На полѣ багровомъ...
Ой, нашолъ ты, козачина,
Смерть подъ Бардіювымъ!

Козаки его отгнѣли
И похоронили,
Крестъ поставили и рядомъ
Яворъ посадили.

7.

Козаки над тихимъ Дономъ
Весело пируютъ;
Изъ-за дальнихъ горъ Карпатскихъ
Тихий вѣтеръ дуетъ.

То не вѣтеръ тихо дуетъ,
То не рѣчка льётся:
Это гѣны въ страну родную
Отъ Карпатъ несётся.

«Не пугайтесь! я былъ страшенъ
Лишь для супостатовъ:
Я козакъ, я вашъ товарищъ,
Павшій у Карпатовъ!»

«Тяжело душѣ козачей
Спать въ чужой краинѣ,
И вотъ съ вѣтромъ въ край родимый
Я примчался нынѣ.

«Вы жъ завѣтъ мой замогильный
Свято соблюдайте:
Въ вашихъ пѣсняхъ служивца
Чаще вспоминайте.

«Чуть слышшу пѣснь родную,
Я сюда примчуся,
Полюбуюсь тихимъ Дономъ
И развеселюсь!»

8.

Неугѣнные родные
Плачутъ по-надъ Дономъ,
А я нѣмъ, русинъ карпатскій,
Вторю тихимъ стономъ.

Не сердись, о, мать-козачка,
Что одинъ я нынѣ
Горько плачу на могилѣ
О твоёмъ о синѣ!

Знай, что только мать родная,
Полная кручины,
Впрямъ лить святыхъ слезъ
На могилѣ сына.

Н. Гервель.

СЕРБО-ХОРВАТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Площадь сербо-хорватской народности простирается отъ рѣки Драви на сѣверѣ до рѣки Вояны на югѣ, и отъ Адриатики на западѣ до рѣкъ Моравы и Тимока на востокѣ. Въ этихъ границахъ заключаются юго-западные земли Австро-Угорской имперіи (Ванатъ, Бачка, Славонія, Хорватія, Далматія, Приморье и Адриатическіе острова, часть Истрии и Крайны и Военная Граница), сѣверо-западными владѣніи Турціи (Боснія и Герцеговина, часть Старой Сербіи и Албаніи) и два независимыя княжества: Сербія и Черногорія. Вся площадь занимаетъ до 3,500 квадратныхъ миль. Но отдѣльныя волоніи этого племени лежатъ далеко за предѣлами означенной географической площади въ Угріи и Моравіи, Турціи и Россіи. Численность сербо-хорватской народности можетъ быть опредѣлена приблизительно въ 5,700,000. По отношенію къ вѣроисповѣданіямъ эта народность распадается въ настоящее время на три части: православныхъ до 3,200,000, католиковъ до 2,200,000 и мусульманъ до 400,000. Вторые живутъ почти исключительно въ Австро-Угорской имперіи, а третьи — въ Турецкой. Въ настоящее время на всей площади сербо-хорватскаго племени господствуетъ одинъ литературный языкъ; но въ народныхъ говорахъ разныхъ мѣстностей нѣтъ подобнаго единообразія и единства. Обыкновенно отличаютъ три главные говора: штокавскій, чакавскій и кайкавскій, названные такъ по различному выговору мѣстоименія *кто*. Первый изъ

этихъ говоровъ господствуетъ въ восточной и южной части племени; второй въ мѣстностяхъ, омываемыхъ сѣверо-восточной частью Адриатическаго моря, отъ рѣки Цетини до Истрии; а третій въ вѣсколькихъ хорватскихъ столбцахъ, расположенныхъ вокругъ Загребя. Кайкавщина стоитъ уже на переходѣ отъ нарѣчія сербо-хорватскаго къ словенскому; а вѣкторіями считается даже говоромъ послѣдняго. Отношеніе же чакавскаго (исходящаго) говора къ штокавскому (исходящему) можетъ быть сравнено съ отношеніемъ малорусскаго къ великорусскому.

Названія сербъ и хорватъ быть можетъ отличаютъ нѣкотораго двѣ особыя народности, но теперь онѣ отличаютъ двѣ культуры, то-есть имѣютъ смыслъ болѣе историческій, чѣмъ этнографическій. Это различіе началось очень давно и простирается глубоко, отразившись въ политической, литературной, общественной и особенно въ религиозной жизни двухъ вѣтвей одного и того же племени. Изъ разсказа Константина Багрянороднаго видно, что и пришлозъ этотъ народъ (въ началѣ VII вѣка) изъ своей закарпатской родины двумя военными товариществами, и, лишь благодаря счастливой случайности, сербы снова поселились въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ хорватами въ этомъ новомъ задунайскомъ своемъ отечествѣ. Впечатлѣнія и вліянія географическія и историческія, которымъ должны были подвергаться тѣ и другіе здѣсь, въ Иллирии, были весьма различны и это обстоятельство имѣло важное

влияние на всю их будущность. Иллирия была именно тот край, где раньше всего началось борьба дружба, сначала политических, а потом и религиозных, центров тогдашней Европы: Рима и Византии. Юго-восточная, сербская часть этого племени, подобно Болгарии и Руси, приключилась в центр культуры восточной, греческой, а с северо-западной, хорватская часть пошла в круг притяжения в центр образованности западной, латинской. Провидительное влияние Рима на хорватов действовало непосредственно и прямо, чем влияние Византии на Сербию, которая была заслонена сь этой стороны государством Болгарским. Съ другой стороны, приморское положение Далмации, ее давняя и тесная связь съ Италией, присутствие римской стихии въ населении, по-крайней-мѣрѣ городовъ — все это содействовало раннему выступлению на историческую сцену западной, хорватской части племени, между-тѣмъ какъ сербское население восточныхъ горъ и плоскогорий еще долго прозябало въ неподвижной тишинѣ патриархальнаго быта, прерываемой лишь междуособиами отдаленныхъ общинъ и жуваній, на которыя еще долго распадалась эта земля.

Въ началѣ IX вѣка хорваты должны были защищать свою независимость отъ завоевательныхъ стремлений франковъ Карла Великаго. Отчаянные подвиги Людовика были однако напрасны, потому-что въ средѣ самихъ хорватовъ нашлись пособники франковъ. Хотя на это разъ его не было продолжительно; но оно было печальнымъ предвѣстникомъ многихъ бѣдъ и опасностей, которыя съ-тѣхъ-поръ не переставали тяготѣть надъ страной и разрушать всѣ попытки политическаго объединенія и независимаго существованія хорватовъ. Съ такимъ же недружелюбиемъ относился къ славянской народности и духовный представитель и глава запада. Не удивительно, что сьмяна христианства, приносимая въ Хорватию западными миссионерами, падала на почву не восприимчивую и не пускали корней въ народномъ духѣ до-тѣхъ-поръ, пока эти зародки христианства не были освѣщены и согрѣты взошедшимъ изъ сосѣдней Болгарии и Паннонии солнцемъ христіанской проповѣди на славянскомъ языкѣ.

При той тѣсной связи церкви съ государствомъ, которая составляла преобладающий характеръ средневѣковаго періода европейской образованности, неудивительно, что въ славян-

скихъ странахъ судьба славянскихъ народностей самымъ тѣснымъ образомъ была связана съ судьбами славянскихъ церквей. Въ этомъ отношеніи замѣчательны два факта: во-1-хъ, углубленное распространение славянкой проповѣди во всѣхъ сербо-хорватскихъ странахъ; даже грозные пираты перечтаны охотно приняли христіанство въ той славянской формѣ, какъ оно было предложено имъ солдунскими братьями; во-2-хъ, это чистое христіанство встрѣтилось на сербо-хорватской почвѣ съ двумя врагами: народными предрассудками съ одной стороны и римскимъ властолюбіемъ съ другой. Предраассудки новопросвѣщеннаго народа ловко были эксплуатированы разными сектаторами, особенно же миссионерами павликянскихъ дуалистическихъ сектъ, которыя на славянской (болгарской и сербской) почвѣ переработались въ ересь богомилскую, дѣйствию на народное воображеніе причудливо фантастичностью своихъ догматическихъ учений о началѣ въ мірѣ добра и зла, а съ другой стороны происходительно относились къ живымъ еще въ народной памяти остаткамъ языческихъ вѣрованій.

Другимъ болѣе опаснымъ и непримиримымъ врагомъ славянскаго православія была римская курия и ея пособники. Извѣстны стѣсненія и притиски, которыми удалось ей затормозить дѣятельность солдунскихъ братьевъ и ихъ учениковъ въ Моравіи и Панноніи. Съ такимъ же недоброжелательствомъ приняла курия и фактъ усвоенія славянскаго богослуженія сербо-хорватскимъ народомъ. Послѣдній противоставилъ однако свою хотя вѣную и насивную, но непреклонную оппозицію попыткамъ замѣнить въ богослуженіи славянскаго языка латинскимъ. Вопросы соборнымъ опредѣленіямъ 925 и 1059 годовъ, славянская литургия вѣроятно удерживалась въ странѣ, и въ 1248 году папа Иннокентій IV принужденъ былъ признать существовавшій фактъ. Римъ доволствовался тѣмъ, что уловилъ еси не внутренне, то хоть вѣншее отличие богослуженія: книги хорватовъ отъ книгъ другихъ православныхъ славянъ: оно состояло въ особой азбукѣ, которую писали, а впоследствии и печатались эти книги, въ такъ-называемой *маломлицѣ*. Вопросъ о времени, мѣстѣ и обстоятельстве ея происхожденія до-сихъ-поръ еще недостаточно выясненъ. Несомнѣнна однако ея отдаленная древность, лишь немногимъ уступающая древности азбуки кирилловской, а по мнѣнію вѣлоторыхъ даже превосходящая ее въ этомъ. Изъ соей

болгарской по видимому родинѣ она, быть-можетъ, вѣстѣ съ павликянствомъ или богомилствомъ, распространилась въ земли сербо-хорватскія, особенно же въ адриатическое приморье, гдѣ она скоро утвердилась и, какъ вѣншій признакъ внутренняго раскола славянъ, была заботливо поддерживаема и даже распространяема римской курией, пресѣданной въ кириллицѣ злой призракъ греческой схизмы и органъ духовной самостоятельности славянъ. Тѣ же дѣли и тѣмъ же способами пресѣдавались сначала сектаторами, а потомъ католиками и въ Босніи. Чтобы отбѣднить ее отъ вліянія общей церковно-славянской письменности, кириллица была преобразована здѣсь въ *буквицу*, съ усвоеніемъ скоршеннаго кирилловскаго чертвѣ, исключеніемъ въ-которыхъ буквѣ и введеніемъ правописанія чисто-фонетическаго, не связаннаго никакимъ литературнымъ преданіемъ.

Всѣ эти обстоятельства — отдѣленіе отъ востока и подчинене западу въ отношеніи политическомъ и религиозномъ — рано задержали духовное развитіе хорватской народности. Босна то же томилась въ продолжительной борьбѣ внутренней — разныкъ сектъ, сословій и родовъ, и вѣншей — съ Утріей и Сербіей. Когда, такимъ образомъ, въ XI—XII вѣкахъ значительно исслабла духовная сила и историческая дѣятельность въ сѣверо-западной части племени, начинается политическое и духовное объединеніе и развитіе въ юго-восточной его половинѣ: она просыпается отъ пятильбовой дремоты и выступаетъ на сцену исторіи. Первымъ дѣятелемъ государственнаго и религіознаго устроенія Сербіи былъ великій жуванъ Раса святаго Стефана Нѣмана (умеръ въ 1200 году) и два его сына: св. Савва (1169—1237) и Стефанъ Первовѣнчанный (умеръ въ 1234 году). То обстоятельство, что основатель сербской династіи, родившись въ католичествѣ, перешелъ въ православіе, показываетъ направленіе духовнаго развитія новоустроенной державы. Избравъ своей столицей городъ Расу, въ глубинѣ Балканскаго полуострова, почти на рубежѣ сербской народности съ болгарскою, Нѣмана и его преемники обнаружали желаніе уаслѣдовать религіозныи и политическіи преданія болгарскаго Сimeoна и Самуила. Подобно болгарамъ, сербы охотно подчинились греческому вліянію въ области духовной, но сопротивлялись всякому политическому преобладанію императора на полуостровѣ. Съ другой стороны, подобно Сimeo-

ну и Самуилу, вѣмачни не ограничили собраніемъ земель сербскихъ, но стремились подчинить себѣ и болгаръ. Такъ древняя борьба этихъ двухъ народностей за преобладаніе на Балканскомъ полуостровѣ! Но это политическое соперничество не мѣшало сербамъ усвоить себѣ литературный языкъ и всю письменность старой Болгаріи: подобно древней Руси, старая Сербія сочала это дорогое наследіе въ Кириллѣ достойномъ общеславянскимъ. Вотъ почему большая часть остатковъ письменности старосербской представляетъ лишь скудные матеріалы для исторіи какъ сербскаго языка, такъ и народа: это сербскіе изводъ, списки съ оригиналовъ староболгарскихъ. Даже въ томъ немногомъ, что старая Сербія произвела самостоятельнаго въ области письменности, господствуетъ тотъ же языкъ, духъ и направленіе. Подобно староболгарской, письменность старосербская вращается въ кругу понятій и интересовъ почти исключительно церковныхъ; ея міросозерданіе можно назвать монашескимъ. Да это и не удивительно: припомнимъ, что главнымъ центромъ старосербской письменности была знаменитая Хиаландарская лавра, основанная на Аонѣ св. Саввою. Не переходя почти за ограды монастырей, сербская письменность оставалась далекою отъ жизни народной жизни. Житія святыхъ и службы имъ, монастырскіе уставы, скудная панегирическая монашеская лѣтопись — вотъ содержаніе всей почти старосербской письменности, еси исключить изъ нея грамоты и душановы и выступатьъ на сцену представляють много данныхъ для исторіи языка и права, но не могутъ быть названы произведеніями въ собственномъ смыслѣ литературными. Что касается внутренняго значенія и достоинства этой церковно-богословской письменности, то надобно признать, что подынялись на вѣкторію и довольно значительную высоту въ произведеніяхъ св. Саввы, Стефана Первовѣнчаннаго и Домогеніаца, въ первой половинѣ XIII вѣка, она быстро начала затѣмъ клониться въ упадокъ и совершенно измельчала. Лучшимъ ея образцами остались три житія Стефана Нѣмани, писанные тремя названными лицами, и одно житіе св. Саввы, писанное Домогеніакомъ. Нѣкоторые литературное значеніе имѣетъ еще «Родословъ» или «Дареставникъ» архіепископа Данила, заключающій въ себѣ жизнеописаніе шести сербскихъ королей, десяти архіепископовъ и трехъ патриарховъ (1224—1375). Впрочемъ послѣдніе отдѣлы этого

труда принадлежать перу уже продолжателей Данича. «Родослав» не может идти в сравнение с первой летописью русской: его написание и широкое распространение, но малосодержательное изложение, монашеская точка зрения, с которой описываются все личности и события, панегирический и подобирастный тон, все это так же отлично от благочестивого, но разумного, простого и фактического способа изложения летописца русского. То же должно сказать и о большей части позднейших сербских летописцев, которые черпали свои материалы либо из греческих хронграфов, либо из сербских житий и «Родослова», наполняя свои страницы не фактами из народной жизни, а своими благочестивыми размышлениями о создании церкви, монастырей и т. п.

Позднейшие сербы старались окружить ореолом личности и престол старших своих царей, особенно же Душана Сильного; но это не вводит оправдания историческими фактами. Внутренняя слава страны и народное развитие не соответствовали внешней обширности государственных владений и политических задач, которая думала преследовать сербские государи. Быть-может Данич был прав, утверждая, что время избранно выше душана: объединение народа великие походы на Царьград. Из Нйманна хунаства выросло Сербское королевство, а за Душановым царством вдруг открылась пропасть. Видно, искусственно было это государство и непомерно раздуто его мнимая сила, если один несчастный день, одна програнная битва навсегда рвущий судьбу этого, казалось, сильного и обширного государства! День святого Вида (15 июня 1389 г.) останется навсегда траурным днем сербов не потому, чтобы он сломил навсегда народную силу, а потому, что разрушил величавую, хотя и легкомысленную иллюзию. Первое время турецкого порабощения не во многом изменило внутренние отношения страны: остались по прежнему свои правители, свои князья и патриархи. Терпение и даже уважение к сербской народности турецкого правительства (в XV и XVI вв.) видно, например, из того, что сербский язык в некоторое время был даже дипломатическим в сношениях с Угрией, Румынией, Дубровником и Албаней султанов Мурада II, Магомета II, Балзета II, Селима I, Селимана II (от тех

остались подлинники сербских писем). Положение стало ухудшаться лишь тогда, когда сама Турция стала разлагаться и ее кривляя правительственная организация разстроилась.

Если и прежде народ неохотно списал над собой господство людей чужой вѣры, которую он презирал, и в лицѣ усюков искал свободу в глупой горѣ и львовѣ, а отчасти и в предѣлахъ сѣверныхъ христіанскихъ государствъ (особенно въ Хорватіи и Угрии), то тѣмъ болѣе стало для него невыносимо турецкое господство тогда, когда, наряду со стѣсненіями политическими, усилился гнѣвъ административный, притѣсненія фискальныя и фанатизмъ религіозный. Тогда только, въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, совершились тѣ громадныя населенія сербовъ съ ихъ десотами и патриархами въ Австрію, которыя обезлюдилъ Старую Сербію и оставилъ ее открытою для сѣверныхъ албанцевъ, охотно обмѣнявшихъ свои скалы на эти плоскогорья. Это обстоятельство очень затруднило и отодвинуло соединеніе, слѣдовательно и освобожденіе славянъ балканскихъ. Но, съ другой стороны, это выселеніе было полезнымъ и даже необходимымъ для подрѣзненія славянскаго народности на Савѣ и среднемъ Дунаѣ. Австрійское правительство вѣроломнымъ нарушеніемъ обѣщаній, данныхъ патриархамъ Черновицамъ и возмутительнымъ фактомъ позннаннаго заключенія въ Винѣ, а потомъ Хебѣ, въ Чехіи, послѣдняго сербскаго деспота Георгія Вранковича, доказало сербамъ, что и за Савой и Славия есть враги, даже болѣе опасные и непримиримые, чѣмъ сами турки. Этотъ несчастный Вранковичъ заслуживаетъ себѣ благодарную память въ исторіи не только сербскаго народа, но и сербской литературы: по нечальному двадцатидухлѣтнемъ заключенію онъ составилъ подробную исторію сербскаго народа, которая осталась въ рукописи, но которую въ многомъ воспользовался впоследствии знаменитый Рачичъ.

Въ то время, какъ духовная дѣятельность, послѣ двухвѣкового напряженія, опять надобно ослабѣла на сербскомъ востокѣ, она неосозидано и быстро развилась до разрывовъ очень значительныхъ на далматскомъ и хорватскомъ западѣ. Благоприятное положеніе нѣкоторыхъ приморскихъ городовъ (Задръ, Сплѣтъ, Шибеникъ, Трогиръ, особенно же Дубровникъ) и развитіе ихъ торговой и промышленной дѣятельности содѣйствовало ихъ матеріальному обогащенію и умственному разви-

тію. Правда, это благосостояніе и эта торговая дѣятельность скоро навлекли на нихъ ачтьность королей угорскихъ и ревнивое соперничество республики Венеціанской, добывавшей безраздѣльнаго господства на Адриатикѣ. Но нѣкоторые изъ именованныхъ городовъ, особенно же Дубровникъ, удачно ухитрились завировать между Угрией и Венеціей, а потомъ Венеціей и Турціей, опираясь отчасти на поддержку своихъ восточныхъ соплеменниковъ, откуда не переставали спускаться въ Далмацію и Хорватію то бѣдные усюки, то богатые вассалы и князья, некавіе здѣсь убожица во время домашнихъ смутъ и политическихъ переворотовъ. Эта непрерывная почти эмиграція изъ Герцеговины, Босни, Сербіи и Черногоріи въ адриатическое прибрежье и на острова поддерживала здѣсь славянскую стихію, что было необходимо и спасительно въ виду сильной итализанціи, охватывавшей особенно верхніе слои населенія — племенчей и горожанъ. Лучше сохранялся славянский бытъ и языкъ въ сельскихъ общинахъ: это видно даже изъ сравненія, напримеръ, законниковъ городскихъ со статуатами сельскихъ общинъ. Въ первыхъ сильнѣе отражается вліяніе юридическихъ понятій и учрежденій Италіи и Германіи, а вторые представляютъ сборники опредѣленій обычнаго народнаго славянскаго права, въ родѣ «Русской Правды» или «Законника» Стефана Душана. Статуты далматскихъ городовъ и общинъ сохранились либо на латинскомъ, либо на италіянскомъ, либо на славянскомъ языкѣ: послѣдніе замѣчательны для исторіи не только славянскаго права, но и славянскаго языка, представляя древнѣйшіе образцы сербскаго нарчія въ его чистомъ видѣ, безъ тѣхъ примѣсей церковно-славянскихъ, отъ которыхъ не свободны даже юридическіе акты, грамоты и «Законникъ», вышедшіе изъ канцеляріи государей сербскихъ. Рядомъ съ этими статуатами необходимо упомянуть еще о хорватской хроникѣ, достояющей, въ одной по-крайней-мѣрѣ части, довольно поздній переводъ древней латинской хронки Безменнаго, пресвитера Дуклянскаго или Дюлгейца (около 1161). Эта хронка имѣетъ, впрочемъ, значеніе болѣе литературное, чѣмъ историческое, такъ-какъ она представляетъ по видимому книжную копіяцію изъ народныхъ преданій и разсказовъ, бытъ-можетъ еще разуроченныхъ цѣпями фантазіи самаго составителя.

Около половины XV вѣка является въ Дам-

ачи первый центр дѣятельности литературной въ собственномъ смыслѣ этого слова. Это было городъ Дубровникъ (Ragusa), называвшіеся нѣкогда югославянскими вѣнами и бывшій достояніемъ соперниковъ Венеціи на Адриатическомъ морѣ. Его возвышеніе совпадаетъ со временемъ самаго значительнаго государственнаго развитія душановой Сербіи, съ государемъ онъ всегда находился въ самыхъ тѣсныхъ и непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Многочисленныя грамоты разныхъ сербскихъ государей и владѣтелей показываютъ, что дубровчане держали въ своихъ рукахъ монополию всей внутренней и внешней торговли континентальной Сербіи, которую они связывали съ рынками венеціанскимъ и константинопольскимъ. Завоеваніе Сербіи Турціей не имѣло вреднаго вліянія на торговлю и промышленность Дубровника. Напротивъ, сюда стекалось тогда много новыхъ силъ матеріальныхъ и умственныхъ, такъ-какъ въ старѣ убожищемъ для многихъ сербскихъ и греческихъ эмигрантовъ, принесшихъ сюда свои богатства и знанія. Съ другой стороны, паденіе Константинополя, изобрѣтеніе книгопечатанія и возрожденіе наукъ въ западной Европѣ, а прежде всего въ Италіи, не могли не дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на умственное настроеніе населенія Далмаціи, по-крайней-мѣрѣ тѣхъ его мѣстностей и классовъ, которые издавна находились въ тѣсныхъ духовныхъ связяхъ съ Италіей. Всѣ эти обстоятельства содѣйствовали возникновенію въ Дубровникѣ и нѣкоторыхъ другихъ далматическихъ городахъ чрезвычайно богатой и блестящей литературы, которая въ славянской исторіи является замѣчательнымъ, но совершенно отрывочнымъ эпизодомъ, вѣтъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ въ исторіи сербской и общеславянской. Дубровничкая литература, по своему содержанію и направленію, во многомъ представляетъ лишь звонкое echo современной италіянскій въ сочиненіяхъ Данте и Петрарки, Тасса и Аріоста, Гварни и Види можно найти образцы и даже сюжеты многихъ логическихъ произведеній Минчетича и Лучича, Ветранича и Заатарича, Гундулича и Пальмота. Дѣсти лѣтъ текла параллельно два потока: они вышли изъ того же источника и изскали въ одно и то же время и отъ тѣхъ же почти прирчи. Этими источниками были воскресшіи гѣній древней Греціи и Рима; причиною же паденія было распространеніе и господство въ западной Европѣ французскаго псевдоклассицизма. Въ са-

момъ дѣлѣ, если мы посмотримъ на сюжеты дубровницкой поэзи, то увидимъ, что также какъ и въ тогдашней итальянской они заимствованы болѣею частью изъ Омра, Софола, Еврипида, Анакреона, Моска, Филемона, Виргили, Овидія, Горация, Катюла, Гибулза, Проперція, Марциала и другихъ классическихъ писателей. Впрочемъ, несправедливо было бы думать, что дубровницкая поэзи во всемъ есть не болѣе, какъ бѣдная копія съ итальянской. Во многихъ случаяхъ дубровницкіе сюжеты оказываются едва ли не выше своихъ итальянскихъ оригиналовъ; во всякомъ же случаѣ, подражаніе здѣсь было свободное, а не рабское; оно заключалось болѣе въ общей манерѣ, въ тонѣ изложенія, въ общихъ иногда сюжетахъ, но не въ подробностяхъ развитія основной мысли, не въ выборѣ и группировкѣ частей. Такъ, напримѣръ, Гундуличъ, при написаніи своей знаменитой поэмѣ «Османы» имѣлъ, быть-можетъ, въ виду «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса, а Пальмотичъ, писавшій «Христіаду», заимствовалъ для нея сюжетъ изъ подобной поэмѣ Види. Это не помѣшало однако ни тому, ни другому представить созданія въ высокой степени художественныя, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ далеко превосходившія названные итальянскіе образцы (особенно послѣдній изъ нихъ).

Съ другой стороны въ дубровницкой поэзи встрѣчается много указаній и намековъ, много красокъ и картинъ, взятыхъ изъ мѣстной жизни, описаніе городовъ и острововъ, сельскихъ занятій, событий жизни общественной и факторы изъ славянской исторіи: достаточно назвать «Цигладу» Чубрановича, «Рыбную ловлю» Гекторовича, особенно же великодушную эпопею Гундулича «Османы», сюжетъ которой заимствованъ изъ исторіи борьбы славянъ съ мусульманами (1621) т. е. того самого эпического цикла, который составляетъ исключительное почти содержаніе сербскихъ юнацкихъ пѣсень. Впрочемъ, если бы можно было даже доказать, что въ содержаніи многочисленныхъ дубровницкихъ одъ, посланій, элегій, идиллій, поэмъ и драмъ нѣтъ ничего народнаго, славянскаго, то и тогда онъ не потеряли бы своего важнаго значенія въ исторіи славянской литературы уже по тому одному, что здѣсь мы находимъ столь высокую художественную прелесть сербскаго языка, что она надолго еще останется образцовымъ и неподражаемымъ. Это особенно должно сказать о трехъ послѣднихъ корифеяхъ

дубровницкой поэзи: Гундуличъ, Пальмотичъ и Джорджичъ. Это мастерство дубровницкихъ поэтовъ въ употребленіи сербскаго языка явилъ для насъ удивительное, что получая воспитаніе болѣею частью въ Италиі, или отъ итальянскихъ учителей, они должны были употреблять въ школахъ, въ наукахъ и управленіи языкъ латинскій и итальянскій; а вѣроятно, какъ Ралица, Златаричъ и Джорджичъ писали и стихи на этихъ языкахъ съ неменьшей свободой, какъ и на своемъ родномъ сербскомъ. Гдѣ же находили они образцы поэтическаго употребленія послѣдняго? Не въ другомъ чемъ, какъ въ произведеніяхъ сербской народной словесности, образчики которой даже уцѣлѣли въ сочиненіяхъ вѣнскихъ дамагитскихъ поэтовъ. Мы можемъ назвать наконецъ одного дамагитскаго поэта, хотя болѣе уже позднѣе времени, именно первой половины XVIII вѣка, который соединилъ художественную форму старыхъ поэтовъ дубровницкихъ съ народнымъ содержаніемъ поэтовъ новосербскихъ. Это Андрей Качичъ Миошичъ, оставшій въ своемъ сочиненіи «Разговоръ угодни народа словинскаго» поэтическое описаніе вальдильскихъ эпизодовъ сербской исторіи. Это сочиненіе до сихъ поръ остается самою любимую и популярную книгу во всѣхъ мѣстностяхъ и слояхъ сербскаго народа. Этотъ характеръ и цѣль книги, кругъ читателей, въ которыхъ она обращена и на которыхъ рассчитана, знаменуютъ эпоху уже новыхъ литературныхъ взглядовъ и задачъ.

Вообще же дубровницкую поэзи, по ея произхожденію и цѣлямъ, должно назвать скорѣе словесною, чѣмъ народною. Въ городахъ Далмаціи, по образцу Италиі, составлялись общества или клубы, членами которыхъ были по большей части люди аристократическихъ фамилій; устраивались литературные вечера, домашніе спектакли и т. п., для которыхъ и писались болѣею частью произведенія далмагитской литературы разсматриваемаго періода. Предназначаемая для тѣснаго кружка друзей произведенія распространялись болѣею частью въ немногочисленныхъ рукописныхъ копіяхъ, почему отъ нихъ уцѣлѣла и обнаружена часть лишь очень незначительная въ сравненіи съ утраченнымъ или неизданнымъ. Народъ же не принималъ почти никакого участія въ этой блестящей литературной дѣятельности своихъ племянничекъ, а также не многихъ матерей и горожанъ. О развитіи литературнаго вкуса и распространенія положительныхъ знаній въ на-

родѣ не было еще рѣчи. Въ литературѣ, какъ могущему средству пропаганды въ народъ известныхъ идей, прибѣгалъ впервые дѣятель реформации, а послѣ нихъ и католическіе проповѣдники должны были волеи-неволеи вѣзаться за то же орудіе для сохраненія своей власти надъ пропагандируемымъ умомъ народовъ. Впрочемъ, реформационное движеніе изъ своихъ германскихъ центровъ могло распространиться на славянское югъ лишь въ ближайшихъ къ Германіи мѣстностяхъ, именно въ землѣ словенцевъ и въ собственной провинціальной Хорватіи. Первыми внесителями въ эти страны протестантскихъ идей были даже отчасти одни и тѣ же лица, какъ напримѣръ словенцы Угандъ и Далмагитъ, хорваты Юричичъ, сербъ Поповичъ и боснякъ Малешевичъ. Въ народъ тогда нуцено было множество хорватскихъ бунарей, катихизисовъ и молитвенниковъ, которые печатались для этой цѣли въ Витгенбергѣ, Тюбингенѣ, Регенсбургѣ и Нюренбергѣ, а потомъ и въ Осамѣ Хорватіи, въ типографіи одного изъ графовъ Принскихъ, ставшаго ревностнымъ провозгласителемъ протестантизма. Впрочемъ, католической реакціи въ XVII вѣкѣ удалось подавить въ Хорватіи протестантизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и начатки народнаго образованія. Еще два вѣка продолжалась здѣсь полусонная дремота народа, убаюкиваемого іезуитскими молитвенниками и катихизисами и не пробуждаемого ни сухими словарями и грамматиками Габдлеличей и Вязостинцевъ, ни однообразнымъ воспѣваніемъ подвиговъ ситетскаго героя, Петра Принскаго, и другихъ поучительныхъ матерій.

Подобный же характеръ носитъ на себѣ литературная дѣятельность боснійскихъ францисканцевъ (въ XVII и XVIII вѣкахъ) и духовныхъ книжниковъ въ Славоніи (съ начала XVIII вѣка). Нѣкоторое пробужденіе и духъ жизни виденъ лишь въ сатирическихъ опытахъ Рельовича и народныхъ идиллій знаменитаго ученаго Катавичча.

Прежде чѣмъ перейти отъ этихъ чуть еще мерцающихъ проблесковъ пробуждающейся на славянскомъ югѣ духовной дѣятельности въ болѣе яркимъ фактамъ литературнаго и политическаго возрожденія сербо-хорватскаго народа, мы остановимся здѣсь на нѣкоторыхъ обнаруженіяхъ вліянія Россіи на сербо-хорватскую письменность этого средняго ея періода. Между духовною дѣятельностью православныхъ славянъ разныхъ странъ всегда поддерживалась тѣсная связь и

взаимодѣйствіе. Литературная собственность болгаръ была съ тѣмъ вмѣстѣ полнѣею достояніемъ Русь и Сербіи и на оборотъ. Такъ было по крайней-мѣрѣ съ ихъ церковною письменностью. По счастливому стеченію случайности, или по дѣйствию болѣе строгихъ историческихъ законовъ ослабленіе духовной дѣятельности въ одной изъ этихъ народностей сопровождалось соответственнымъ ея усиленіемъ въ другой, такъ-что, при взаимной поддержкѣ духовная жизнь каждой народности находила себѣ удовлетвореніе болѣе или менѣе равномерное и непрерывное. Въ первый періодъ Болгарія дѣлилась избитымъ своихъ княжнскихъ произведеній съ Русью и Сербіею. Въ XI вѣкѣ Болгарія падаетъ, но зато укрѣпляется и развивается новопріобрѣтенная Русь. Когда же она въ XIII вѣкѣ подверглась монгольскому игу, то духовное представительство православнаго славянства перешло въ Сербію. Въ концѣ XIV вѣка сербское пораженіе на равнинѣ Косовской отчасти вознаграждено было современной и соразмѣрной русской побѣдой на полѣ Куликовомъ: съ XV вѣка Россія должна была въ другой разъ спасать дѣло славянства и провозславля—и она его вынесла на своихъ печалехъ. Хотя сербская церковь не раздѣлила судьбы сербскаго государства и пережила его паденіе, однако она истощилась бы наконецъ въ своихъ духовныхъ силахъ и средствахъ, если бы не получала нравственной и матеріальной поддержки отъ далекой Москвы, снабжавшей Сербію церковными книгами, утварью и т. д. На западѣ распространялись даже убѣжденіе, что русская редація славянскихъ богослужебныхъ текстовъ и есть нормальная древне-славянская. Этотъ предрасудокъ былъ раздѣляемъ между прочимъ и римской курией. Когда въ началѣ XVII вѣка пала для противодѣйствія протестантизму должная быть прибѣгнуть къ снабженію своей славянской паствы богослужебными книгами, то въ самомъ Римѣ стали печататься глаголическіе служебники, евангелія и т. д. направленные Леваковичемъ (по совету Терлецкаго) по русскимъ изводамъ. Точно также въ XVIII вѣкѣ надвѣла глаголическая книга извѣстнаго Карамзинъ. Этимъ положено начало искусственному образованію такъ называемаго славяно-сербскаго языка, который господствовалъ въ сербской литературѣ еще въ началѣ нашего вѣка. Быть-можетъ въ нѣкоторой связи съ этими равными понятиями литературнаго объединенія русскихъ и сербовъ стоитъ опытъ об-

разованіи искусственного хорватско-русского языка, предложенный в половине XVI вѣка знаменитым хорватомъ Юриемъ Крижанчичемъ (авторомъ очень замѣчательной русской грамматики, сочиненія о русскомъ государствѣ и др.). Обладіе русскаго имени и владіе русскаго языка на славянскомъ югѣ усилились въ началѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ славянскихъ подвиговъ Петра Великаго. Въ сербскія провинціи южной Австріи вышлеало было тогда изъ Кіева много учителей, которые принесли съ собой Смотрицкаго, Могилу и другія русскія учебная книги. Какъ утвердилось тогда въ умахъ сербскаго образованнаго общества, особенно же духовенства, убѣжденіе въ полной пригодности для сербской науки и литературы этого подъ русскимъ вліяніемъ сложившагося тяжелаго и неуловимаго славяно-сербскаго языка, видно изъ той жаркой оппозиціи, какую встрѣтили первыя попытки ввести въ сербскую литературу народный разговорный языкъ, сдѣланныя знаменитымъ въ сербской словесности Досноемъ Обрадовичемъ (1739—1811). Онъ дѣйствительно являлся вѣстникомъ уже новаго времени и новыхъ идей; но главная его задача заключалась не въ томъ, что онъ заговорилъ на письмѣ народнымъ языкомъ—мы видѣли это и въ Дубровникѣ—а въ томъ, **къ кому и о чемъ онъ заведъ рѣчь**. Подобно своему единственному предшественнику на этомъ пути, Качичу, онъ обратилъ свою рѣчь къ народнымъ массамъ, говоря языкомъ для нихъ доступнымъ и о предметахъ для всякаго интереснаго и полезныхъ. Въ «Собѣтахъ здрава смысла», и въ своей «Жизни и приключеніяхъ» онъ имѣлъ цѣлю передать народу тѣ свѣдѣнія и ту практическую мудрость, которую находилъ собственными тяжкими опытомъ, своею скитальческой жизнью, полною тревогъ и приключеній. Досной былъ также небезучастнымъ свидѣтелемъ заявившейся въ началѣ нашего вѣка борьбы за освобожденіе и былъ первымъ устроителемъ школьнаго дѣла въ возрожденной Сербіи. Не безцѣльно для народнаго развитія осталась также учено-литературная дѣятельность протоіерейя Рачца, перваго историографа сербскаго народа. Но по своему взгляду на литературный языкъ и способу изложенія онъ принадлежалъ еще XVIII вѣку, переходяму въ сербской исторіи. Истиннымъ же представителемъ и главнымъ двигателемъ литературнаго возрожденія сербскаго народа долженъ быть названъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ. Его пятидесяти-лѣтняя литературная дѣятельность (1814—1864) произвела глубокий и благотворительный переворотъ не только въ народномъ самосознаніи сербовъ, но и во взглядахъ науки на ихъ языкъ, исторію, этнографію. Въ произведеніяхъ народнаго творчества сербовъ, онъ открылъ для изученія цѣлый міръ новыхъ образовъ и звуковъ, попитій и идеаловъ, вѣрованій и преданій, неиссякаемый источникъ открытій для этнографа и вдохновенія для художника. Сербская народная словесность, по ясности, широтѣ и самобытности выражающагося въ ней міросозерцанія, несравненно выше всего, что создало до-сихъ-поръ личное творчество сербскихъ художниковъ, и потому долго еще сравнительное достоинство послѣднихъ будетъ измѣряться по мѣрѣ ихъ приближенія либо отдаленія отъ этой неподвижной и возвышенной нормы. Этотъ взглядъ опредѣляетъ направление, господствующее въ новой школѣ сербскихъ поэтовъ и писателей. Вотъ почему изданіе произведеній сербскаго народнаго творчества Вукомъ составило эпоху въ исторіи сербской словесности. Но этимъ не ограничиваются его заслуги: онъ первый собралъ и разсмотрѣлъ въ достаточной полнотѣ составъ и строй сербскаго народнаго языка, въ разныхъ его развитіяхъ; своей теоріей, примѣромъ и вліяніемъ онъ болѣе всѣхъ другихъ содѣйствовалъ установленію опредѣленной нормы сербскаго литературнаго языка. Въ этомъ случаѣ онъ оказалъ справедливое предостереженіе звуковымъ и грамматическимъ особенностямъ такъ называемаго штокавскаго говора, господствующаго въ южныхъ, наиболѣе чистыхъ этнографически и пѣсенныхъ мѣстностяхъ сербской площади и бывшаго уже разъ литературнымъ органомъ дубровницкой поэзіи. Вотъ почему эта реформа безъ значительнаго сопротивленія была принята не только адриатическими чикавцами, но и загребскими каймаками. Болѣе споры и возраженія вызвало другое нововведеніе Вука, хотя касающееся предмета болѣе второстепеннаго, именно—прависаніа. До Вука у православныхъ сербовъ, какъ и у русскихъ, господствовало унаслѣдованное отъ древности историческое или этимологическое прависаніе; Вукъ считъ полезнымъ замѣнить его фонетическимъ или звуковымъ, издавна господствующимъ въ большей или меньшей мѣрѣ у всѣхъ славянъ неправославныхъ (даже у болгаровъ). Но при этомъ онъ вѣдалъ быть-можетъ въ крайность,

совершенно пренебрегли въ прависаніи не только исторію, но и этимологію языка. Подобный методъ пригоденъ конечно для фонетической транскрипціи народныхъ пѣсенъ и сказокъ, имѣющихъ значеніе не только для литературы, но и для диалектологіи; но онъ едва ли удовлетворителенъ въ приложеніи къ языку литературному, который долженъ привести къ нѣкоторому, хотя и ограниченному, единству неуловимое и безконечное разнообразіе мѣстныхъ говоровъ и поднаречій. Вотъ почему, быть-можетъ, не совсѣмъ безпричинно была сильная и продолжительная оппозиція, съ которою встрѣтился на этомъ пути Вукъ. Вождемъ ея былъ довольно извѣстный въ 30-хъ и 40-хъ годахъ сербскій публицистъ, поэтъ и политикъ Иванъ Хаджичъ (Свѣтличъ). Вукъ одержалъ однако побѣду, благодаря особенно-бѣзтактному образу дѣйствій оппозиціи, которая уронила свое дѣло, поставивши его подъ эгиду самаго непопулярнаго въ Сербіи правительственнаго Александра Карагеоргиевича. Молодое поколѣніе стало за преслѣдуемую вуковичу и она окончательно утвердилась въ сербской литературѣ, когда въ 1859 году и въ княжествѣ силто было еще ясно заперещено, наложенно въ 1849 году.

Въ періодъ, охваченный именемъ Вука, сербская литература получила очень далекое развитіе, хотя болѣе въ ширину, чѣмъ въ глубину, то-есть болѣе по количеству, чѣмъ по качеству появившихся произведеній. Ея площадь постепенно расширялась и дѣятельность сосредоточивалась; появились литературные центры въ Новомъ-Садѣ, Вѣтрадѣ, Загребѣ, Задрѣ. Уровень народнаго образованія возвышался, благодаря особенно изодиторной дѣятельности матицъ (новосадской, пилзерской, далматинской), или обществъ для изданій народныхъ книгъ, учебниковъ, газетъ и т. д. При каждой матицѣ стала издаваться журналъ («Сербскій Лѣтописецъ», «Кляничникъ», «Далматинская Заря»). Если же много, какъ въ этихъ, такъ и другихъ публицистическихъ изданіяхъ этого времени, представлялъ очень еще слабыя школьные опыты, переведенныя, заимствованныя и подражанія, то и это въ свое время было полезно и даже необходимо, если оно удовлетворяло вкусу читателей и расширяло ихъ кругъ. Въ программу нашего легкаго очерка исторіи сербо-хорватской литературы не можемъ входить подробный критическій разборъ и оцѣнка литературныхъ произведеній новаго времени. Мы отсылаемъ читателей къ

самому сборнику, гдѣ они найдутъ довольно подробная выдержки, изъ которыхъ можно составить довольно опредѣленное понятіе о характерѣ, направленіи и достоинствѣ новосербской литературной школы. Съ другой стороны едва ли пришло время для исторической оцѣнки писателей и ихъ произведеній, не подтвержденныхъ еще пробой времени, не отомешднихъ на такое отъ насъ разстояніе, съ котораго онѣ могли бы быть видѣны въ чистотѣ и естественномъ своемъ освѣщеніи. Мы должны поэтому ограничиться здѣсь самыми общими замѣчаніями о писателяхъ и ихъ произведеніяхъ, предоставляя эстетическому вкусу читателей произнести приговоръ надъ дарованіемъ того или другаго автора и достоинствомъ его произведеній.

Такъ-какъ журналы сдѣлались первыми центрами новозародившейся литературы, то мы должны упомянуть имена лицъ, потрудившихся на этомъ пути. Первымъ сербскимъ журналистомъ или публицистомъ долженъ быть названъ Димитрій Давидовичъ, много помогши Вуку въ проведеніи его литературныхъ реформъ и въ освобожденіи сербскаго литературнаго языка. По свѣдѣніямъ Давидовича пошли затѣмъ Иванъ Хаджичъ (Свѣтличъ), извѣстный составитель сербскаго «Законодника», основатель Новосадской Матици и противникъ Вука въ вопросѣ о сербскомъ прависаніи; Милошъ Поповичъ, 20 лѣтъ стоявший во главѣ сербской журналистики; Теодоръ Павловичъ, врагъ пилзерской теоріи, апологетъ которой былъ знаменитый въ свое время хорватскій публицистъ Людовикъ Гаъ, благодаря потину котораго хорваты приняли сербскую штокавинцу, какъ общій литературный органъ всѣхъ хорватовъ и сербовъ.

Въ сербской поэзіи этого періода преобладаетъ лирика и эпосъ; въ области драмы сдѣланы были нѣкоторые опыты болѣе или менѣе удачные, причѣмъ произведенія Матвѣя Бана, Суботича, Богочича, Деметера и въ особенности, Ивана Поповича и Лазара Лазаревича пріобрѣли извѣстность; но все это не могло создать сербскаго народнаго театра, а тѣмъ болѣе идти въ сравненіе съ тѣмъ, что произвели новосербскіе писатели въ области лирической и эпической. Правда, что въ этомъ случаѣ они имѣли предъ собой неподражаемые образцы народнаго творчества; но, во всякомъ случаѣ, заслуга этихъ писателей велика уже потому, что они серьезно занялись разработкой этого народнагоклада, моти-

вои народной поэзии и въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣли возвести сюжеты и мотивы безскусственного народнаго творчества въ перл искусства.

Уже епископъ Лукианъ Муницій пробовалъ свои силы въ лирикѣ; но его оды писаны на языкѣ нѣсколько искусственномъ и ненародномъ, а содержание — отвѣчено и тенденціозно, хотя нельзя ему отказать ни въ даровитости, ни въ обиліи мыслей и образовъ. Гораздо выше поднялся въ своемъ лирическомъ одушевленіи и эпической образности Симъ Милутиновичъ, котораго упрекаютъ лишь въ недостатокъ полной отдаленности стиха и языка, нѣсколько смутнаго и хаотическаго. По его слѣдамъ пошелъ его ученикъ, знаменитый черногорскій владыка Петръ Петровичъ Нѣгоичъ, великій какъ государь, человекъ и поэтъ. Его «Горскій вѣнецъ», сборникъ аллегорическихъ пѣсень въ драматической формѣ, стоитъ на высотѣ сербскаго народнаго творчества и принадлежитъ къ числу популярнѣйшихъ произведеній сербской литературы.

Не мало произведеній въ лирическомъ и эпическомъ родѣ оставили также Суботичъ, Матвій Ванъ, Катилеицъ, Медо-Пучичъ, Антошъ Казали, Утшеневичъ, Тернскій, Прерадовичъ, Богочичъ, Вукотиничъ, Деметеръ, Ненадовичъ, Яншичъ и нѣкоторые другіе. Поэтическая же произведенія, блеснувшего яркимъ, но легучимъ метеоромъ, Радичевича, затѣмъ знаменитаго учонаго и полгитина Кукуленича-Салишичаго, славнаго автора «Чонгичъ-ати» Мажуранича, образованнаго и благороднаго словенца Ставка Врза, черногорскаго публициста и поэта Судичевича — ихъ поэтическія произведенія могли бы занять почетное мѣсто и въ литературѣ болѣе богатой и развитой, чѣмъ сербо-хорватская. Художественная форма и высокая прелесть языка старыхъ поэтовъ дамагитинскихъ здѣсь соединяется съ оригинальностью содержания и тона произведеній сербскаго народнаго творчества. Соединеніе же этихъ двухъ условій и полная ихъ гармонія могутъ служить ручательствомъ, что

въ этихъ опытахъ сербская литература имѣетъ наконецъ сокровище, которое много грядущихъ поколѣній будетъ не только изучать, но и любить.

Въ числѣ названныхъ корневцевъ новосербской литературы одни принадлежатъ сербамъ, а другіе — хорватамъ. Мы поставили ихъ рядомъ потому, что съ сороковыхъ годовъ, благодаря успѣхамъ Людовита Галъ и его загребскихъ сотрудниковъ, хорваты примкнули къ литературному единству съ сербами и на всемъ пространствѣ отъ Новаго Сада до Петинья и отъ Нѣготина до Рѣки употребляется теперь одинъ литературный языкъ, созданный, какъ мы видѣли, Вукомъ. Разница осталась лишь въ азбукѣ: католики пишутъ латинскими алфавитомъ, а православные кириллицей. И это обстоятельство со временемъ должно быть устранено, такъ-какъ оно вредитъ распространенію книгъ, напечатанныхъ въ Загребѣ въ Сербію и на оборотъ, следовательно уменьшаетъ сбытъ или дѣлаетъ необходимымъ перепечатываніе того же текста въ двухъ видахъ.

Рядомъ съ развитіемъ литературы, и наука сдѣлала уже значительные успѣхи въ Сербіи и Хорватіи, особенно въ послѣдней. Имена Данчича, Кукуленича и Рачкаго сдѣлали бы честь и всякой другой литературѣ. Изданія Бѣградскаго Ученого Общества, а еще болѣе Загребскаго Югославянской Академіи заключаютъ въ себѣ много важнаго матеріала для мѣстной исторіи и этнографіи.

Можно надѣяться, что это развитіе сербской литературы и науки пойдетъ еще свободнѣе и успѣшнѣе, когда падетъ послѣдняя преграда возлуженія ея тѣнью, состоящая въ неформальномъ политическомъ положеніи сербо-хорватскихъ земель, и когда совершится болѣе тѣсное — хоть литературное, если не политическое — сближеніе славянъ южныхъ съ западными и восточными.

А. Будичевичъ.

СЕРБО-ХОРВАТСКІЕ ПОЭТЫ.

III. МИНЧЕТИЧЪ.

Шинжо Минчетичъ родился въ 1475 году въ Дубровникѣ. Онъ начинаетъ собою рядъ собственно дубровницкихъ поэтовъ, создавшихъ свою собственную, особую литературу, заявившую весьма почетное мѣсто среди подававшихся ее соседнихъ литературъ, итальянской и латинской. Изъ біографіи Минчетича видно, что онъ началъ свое воспитаніе изученіемъ латинскихъ классиковъ и философіи Платона, а кончилъ собраніемъ родныхъ пѣсень и подражаніемъ имъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Далѣе въ біографіи его играетъ большую роль любовь, навѣявшая его «Pjesni ljubveze», которая такъ нравились современникамъ, что его ставили на равнѣ съ Петравкой. Но любовь Минчетича была чисто итальянско-романтическая и тонъ его пѣсень прямо напоминаетъ эротическихъ поэтовъ Італіи, какъ это легко можетъ увидѣть каждый, прочитавъ, помѣняющую вслѣдъ за этимъ, одну изъ лучшихъ его пѣсень въ близкомъ переводѣ. Минчетичъ умеръ въ 1524 году.

ПѢСНЯ.

Будь мнѣ господиномъ, свѣтлое ты солнце,
Чтобъ не тужить я, сидя у окна!
Будь мнѣ господиномъ, будь моимъ владыкой —
Инымъ лучамъ горе мнѣ размыкай:
Стану мнѣ свѣтелъ, тѣмъ я лучами,
Что на нѣбѣ мѣсятъ промежутокъ звѣздами,
Словно царь гуляетъ посреди царства...

Для любви другого нѣту мнѣ лекарства;
Всѣхъ того рѣкою будутъ литься слезы,
Жизнь не въ жизнь мнѣ будетъ, буре лишь дагрозы.
Лучше бѣ не родиться, бѣдъ не вѣдать болѣ:
Не было бы сердце въ этой вѣвѣ!

Н. ВЕРГЪ.

Г. ЛУЧИЧЪ.

Гангилъ Лучичъ родился въ 1480 году на островѣ Гварѣ. Онъ много путешествовалъ по морю, любилъ науки и литературу. Кромѣ «Лубовныхъ Пѣсень», сочинявъ которыя былъ обязанъ каждый поэтъ его времени, Лучичъ написалъ драму «Robinja», содержание которой взято изъ времени борьбы хорватовъ съ турками, множество *похвалъ мнѣ и надробныхъ* стихотвореній и перерветъ пятнадцать главъ изъ Овидіевыхъ «Превращеній». Сочиненія Лучича были изданы въ 1556 году съименомъ его Антоніемъ; въ другой разъ, безъ любовныхъ пѣсень — въ 1638, и въ третій разъ — Гайемъ, въ 1847 году, съ предисловіемъ доктора А. Мажуранича. Изъ числа мелкихъ стихотвореній Лучича, любимаго его пѣсня въ похвалу Дубровнику, въ которой высказывается и глубокое уваженіе его къ свободной общинѣ, и любовь къ славянству, погибающему подъ турецкими гѣботомъ, и сожалѣніе о томъ, что славяно оставляютъ другъ друга безъ поддержки, и молбъ бы Богу о помощи противъ невѣрныхъ. Лучичъ умеръ въ 1525 году.

ИДЕАЛЬНАЯ КРАСАВИЦА.

Вида хвастать красотою
Да не смѣтьт ни одна!
Что красъ всѣхъ вишь предъ тою,
Кѣмъ мнѣ жизнь отравлена?
Предъ красавишей такою,
Что на диво создана,
Да не смѣтьт ни одна
Вида хвастать красотою!

Надъ челою ея прекраснымъ
Дядюмъ изъ волосъ
Созерцаю ономъ страстнымъ;
Въ дань я сердце ей принѣсъ —
И стою я ей подвластнымъ,
Зря, какъ золото вилеюсъ
Въ дядюмъ изъ волосъ
Надъ челою ея прекраснымъ.

Зрю надъ черными очами
Брови черныя дугой;
Они журятъ весь миръ лучами
И творятъ его слугою
Ей покоришь; миръ съ ключами
Отъ сердецъ понижъ главою,
Брови черныя дугой
Зря надъ черными очами.

Рдѣють розовыя губки,
Словно царственный кораллъ;
Словно жемчугъ, блещутъ зубки;
Слово скажетъ — даръ низалтъ
Манни съ неба — въ райскомъ кубкѣ
Некторъ поданъ — пиръ насталъ.
Словно царственный кораллъ,
Рдѣють розовыя губки.

О, блаженъ, кто шейку эту,
Эти перси обойметъ;
Въ торжествѣ, на зависть свѣту,
Всѣхъ владыкъ оны превзойдетъ;
Равнодушный къ солнцу свѣту,
Скажетъ: «пусто оно уйдетъ!»
О, блаженъ, кто обойметъ
Эти перси, шейку эту!

Между женщинъ стройнымъ станомъ
Такъ возносится она,
Что, сдается, висшимъ саномъ
Въ ихъ кругу облечена...

Мелкій лѣсъ закрыть туманомъ:
Только пальма въ немъ видна;
Такъ возносится она
Между женщинъ стройнымъ станомъ.

Прѣтъ, что всѣхъ цвѣтовъ дороже,
Да не блекнетъ долги дни!
Золъ зубъ времени, но — Боже —
Ты ее оборони!
Смерть всѣхъ коситъ: отъ неѣ же
И ее ти отжени!
Да не блекнетъ долги дни
Прѣтъ, что всѣхъ цвѣтовъ дороже!

В. Вьнедиктовъ.

И. ГУНДУЛИЧЪ.

Иванъ Гундуличъ, знаменитѣйшій изъ старинныхъ дубровницкихъ поэтовъ, родился 27 декабря 1587 (8 января 1588) года въ Дубровникѣ. Жизнь и дѣятельность Гундулича совпадаетъ съ тѣмъ временемъ процвѣтанія дубровницкой республики, когда она достигла высочайшей степени своего развитія и славы. Школьнымъ его образованиемъ руководили иезуиты Сильвестръ Музи и Р. Риказони; затѣмъ онъ изучалъ философію и право. Онъ началъ свое литературное поприще на 22-мъ году. Изученіе итальянскихъ поэтовъ отразилось въ его трехъ большихъ переводахъ, изъ которыхъ особенно замѣчательнъ переводъ «Освобожденнаго Иерусалима» Тасса, а также и въ его первыхъ оригинальныхъ произведеніяхъ, именно — въ «Галатеѣ», «Перерѣ», «Клеопатрѣ», «Адонисѣ» и другихъ. Переноса итальянскія растенія на славянскую почву, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, старался перенести въ далматинскую литературу и итальянское благозвучіе стиха, и въ этомъ отношеніи достигъ такого совершенства, какое было не извѣстно ни его предшественникамъ, ни послѣдователямъ. Онъ присоединился потомъ къ обществу молодыхъ поэтовъ, посвятившихъ свою дѣятельность развитію драмы, и написалъ или перевелъ нѣсколько драматическихъ пьесъ, которыя разигрывалъ на сценѣ вмѣстѣ съ своими товарищами. Вотъ названія этихъ пьесъ: «Ариадна», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, «Дубровничанка», идиллическая драма въ трехъ дѣйствіяхъ, «Похищенная Прозерпина», драма въ трехъ дѣйствіяхъ, «Дана и Эндиміонъ», «Армида и Ринальдо» и

другія. Затѣмъ, перевелъ шесть исамовъ (6, 31, 37, 50, 101 и 141-й) и издалъ ихъ отдѣльной книжкой въ 1621 году, подъ заглавіемъ «Псалмы царя Давида», написалъ элегическую поэму въ трехъ пѣсняхъ «Слезы блуднаго сына» и нѣкоторыя другія менѣе значительныя пьесы, наконецъ знаменитаго въ далматинской литературѣ «Османа», эпическую поэму въ двадцати пѣсняхъ, которой современники пророчили безсмертную славу, и которая до-сихъ-поръ пользуется огромною извѣстностью въ южно-славянскій литературу. Желая выбрать такой сюжетъ, который бы имѣлъ высочайшій поэтической интересъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ бы поводъ къ прославленію всего славянства, особенно его любимаго Дубровника, онъ взялъ предметомъ для своей эпопеи войну, происходившую въ 1621 году между поляками и турецкимъ султаномъ Османомъ и, въ особенности, событія послѣдовавшія за поражениемъ турокъ подъ Хотиномъ и гибелью султана Османа. Поэма представляетъ много истинно-прекрасныхъ мѣстъ. Патриотизмъ поэта выражается въ поэтическихъ обращеніяхъ къ любимому Дубровнику, къ сербскому народу, причѣмъ бросаетъ поэтически взглядъ на ея исторію и славу ея героевъ. Въ 1-й пѣснѣ поэтъ изображаетъ Османа, который томится, припоминая поражение недавно нанесенное ему поляками; онъ хочетъ наказать янычаръ, виновниковъ этого несчастія. Во 2-й пѣснѣ описанъ совѣтъ султанскихъ пашей: султанъ рѣшается послать къ польскому королю просить мира. Въ 3-й и 4-й пѣсняхъ изображено путешествіе султанскаго посла. Въ 5-й и 6-й разсказывается, какъ дорогою онъ встрѣчается съ Крунославомъ, которая ѣдетъ въ Турцію съ королевичемъ Владиславомъ, чтобы выкупить своего на-реченнаго жениха, Кореваго, и сталкивается на пути съ Соколицею, любовницею султана Османа. Далѣе, въ пѣсняхъ 7-й и 8-й, изображены подвиги этой Соколицы, которая, предводительствуя дружиною, опустошаетъ Польшу. Въ 10-й и 11-й пѣсняхъ описывается пребываніе султанскаго посла въ Варшавѣ и заключеніе мира. Въ пѣсняхъ 12-й, 13-й, 14-й и 15-й Крунослава, передѣтая, посѣщаетъ въ темницѣ Кореваго, но еѣ передать и толпа турокъ врывается въ темницу и убиваетъ ихъ обоихъ. Это служитъ поводомъ къ разрыву, такъ-какъ освобожденіе Кореваго было однимъ изъ условій мира. Османъ беретъ себѣ въ жены Соколицу и еще

двухъ дѣвъ и готовится къ войнѣ. Пѣснь 16-я войско возмущается въ слѣдствіе приказа готовиться къ походу. Пѣсни 17-я, 18-я и 19-я: Османъ старается усмирить бунтъ, но его дядя, Даудъ-бей, становится во главѣ бунтовщиковъ, убиваетъ визиря и прочихъ приближенныхъ султана, освобождаетъ родственника султана Мустафу изъ темницы и провозглашаетъ его султаномъ. Пѣснь 20-я: Османъ удаляетъ въ сембашенный замокъ и тамъ удушаетъ его. Изъ двадцати пѣсней «Османа» двѣ были затеряны, и въ слѣдствіи ихъ дополнилъ его внукъ, Петръ Саркочевичъ, а въ новѣйшее время извѣстный хорватскій поэтъ Иванъ Мажураничъ. Гундуличъ былъ женатъ на дочери магната Саркочевича, Николичъ, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: Матвѣя, Геронима и Сигизмунда. Онъ умеръ въ 1638 году.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ОСМАНЪ».

Ростомъ, видомъ Крунослава
Словно ёлка на горѣ;
Конь подъ ней что вихоръ бурный,
Залтъ въ златѣ и сребрѣ.

На землѣ коня такого
Не видали никогда:
Голова и перси въ латахъ,
На челѣ горитъ звѣзда.

А Соколица — какъ соколъ:
Быстръ взоръ и ясный ликъ,
Горделивая осавка,
Станъ и строенъ и великъ.

Конь подъ нею то жъ какъ соколъ,
Соколиныя крилѣ;
Изъ очей онъ мечетъ искры;
Хвостъ и грива — на землѣ.

На щитѣ изображене
Звѣри съ мѣсяцемъ въ борбѣ
И начертана надъ нимъ
Надпись: *отрѣнь самъ себѣ.*

За возлюбленной своею
Молодой султанъ слѣдитъ,
Чтобъ она жива осталася —
Замираетъ и дрожитъ.

Королевичъ юный запяты
Весь наздницей другой:
Страстно мѣряетъ движенья
Подушавки дорогой;

Молить небо, чтобъ вдохнула
Доблесть, мужество въ неѣ,
Чтобъ ее въ бою щадилъ
Вражья сабля и копѣе.

Та и та на бой готовы,
Силу, храбрость показать.
Справа — польскія дружины,
Слѣва — вражеская рать.

Поде ровню и широко
Посреднѣй разлеглось,
А сверху, свидѣтель битвы,
Оно солнышка зажглось.

Вотъ помчался — словно буря
Противъ бури понеслась —
Сшибался страшно: у обихъ
Сталъ на коняхъ подалась.

Разомъ сабли обнажаютъ,
Левой злобою княтятъ;
За ударами удари
Шумно сшибаются, какъ градъ;

Искры прыгаютъ по латамъ,
Искры скачутъ по щитамъ.
Кони носятъ храбрѣхъ всадницъ
По долинь здѣсь и тамъ;

Налетаютъ буйнымъ вихремъ
Съ той и съ этой стороны:
Ни одна не побеждаетъ,
Обѣ силами равны.

И щиты, и латы цѣлы,
Ими грудь охранена;
Ни единого на сабляхъ
Нѣтъ кроваваго пятна.

Полны гнѣва и досады,
Начинаютъ новый бой —
Словно вѣтеръ разгирася
Въ чащѣ зимнею порой.

Разгорѣлись въ битвѣ обѣ,
Поднялись на стременахъ —
Ихъ мечами золотые
Съ звономъ падаютъ во прахъ:

Словно солнце просіяло
Духъ воительницъ чело,
Межъ волнами кося ихъ пышныхъ,
Лучезарно и свѣтло —

И какъ солнце изъ-за тучи
Сыпаютъ яркіе лучи,
Такъ блестяги, такъ играли
Ихъ булатные мечи.

Кто смотрѣлъ на нихъ спокойно
И въ очахъ не меркнулъ свѣтъ
У него — въ томъ сердце камень,
Либо вовсе сердца нѣтъ.

Отъ могучихъ вздоховъ ратей
Колыхнулись облака;
Рать на рать пошла; нагрянула
Туть сѣдокъ на сѣдова.

Блещутъ сабли, свищутъ стрѣлы,
Кони ржутъ, трубятъ труба;
Всуду ратное движенье,
Кровь, удари и борьба.

Гулъ пронесся по равнинѣ,
Скрылся день, явилась ночь,
И жестокий бой утихнулъ:
Битъся воинамъ не въ мочь!

Между нихъ красую дивной
И блистая, и горя,
Дѣвъ наздницы видѣлись,
Точно ясная заря...

Н. Бергъ.

Ю. ПАЛЬМОТИЧЪ.

Юний Пальмотичъ, потомокъ древней дубровнической фамилии, родился въ Дубровникѣ въ 1606 году. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ обнаружилъ большую любовь къ наукамъ и наклонность къ занятіямъ литературнымъ. Промедливъ латиня и реторику, похъ руководствомъ двухъ иезуитовъ, а

философію при содѣйствіи Михаила Градича, Пальмотичъ приобрѣлъ сначала извѣстность какъ латинскій поэтъ, по потомъ, похъ влияніемъ своего двоюроднаго брата, знаменитаго автора «Османа» Гундулича, обратился къ національной поэзіи и сталъ ревностно изучать народный языкъ, а такъ-какъ въ Дубровникѣ языкъ этотъ принялъ много итальянскихъ элементовъ, то онъ обратился къ Боснии, гдѣ и сталъ искать коренной сербской народности. Драма была любимымъ родомъ сочиненій Пальмотича. Сочинялъ онъ очень легко: обдумавъ планъ новаго своего драматическаго произведенія и распредѣливъ роли своимъ молодымъ товарищамъ, такимъ же страстнымъ поклонникамъ сцены, какъ и онъ, Пальмотичъ каждому изъ нихъ прямо диктовалъ его роль стихами. Въ выборѣ сюжетовъ онъ былъ, впрочемъ, мало самостоятеленъ: большая часть ихъ заимствована. Такъ, напримеръ, драму «Онега» взялъ онъ изъ Виргилія, «Ахилла» — изъ Гомера, «Эдипа тирана» — изъ Софокла, «Похищеніе Елены» — изъ Овидія, «Ринальда» и «Армиду» — изъ Тасса, «Павлимира» — изъ преданій объ основаніи Дубровника, «Капитлаву» — изъ дуклянскаго лѣтописца, и т. д. Пальмотичъ былъ извѣстенъ также какъ сатирикъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сочинитель духовныхъ гимновъ и переводчикъ псалмовъ. Но самымъ знаменитымъ его произведеніемъ считается поэма «Христиада», отрывокъ изъ которой, въ переводѣ на русскій языкъ, помѣщенъ въ нашемъ изданіи. Это —вольная передѣлка поэмы того же названія Геронима Види. Она пользуется большимъ почетомъ въ далматинской литературѣ, въ которой Пальмотичъ занимаетъ самое высокое мѣсто, на равнѣ съ Гундуличемъ. Далматинская литература имѣла въ немъ и своего представителя итальянской импровизаціи: Пальмотичъ легко импровизировалъ на далматинскомъ благозвучномъ языкѣ; въ особенности замѣчательны были его пѣсни, которыя пѣвались въ веселомъ обществѣ; въ то время, когда пѣлась одна строфа, онъ уже готовилъ другую, еще болѣе веселую. Пальмотичъ умеръ въ 1667 году, имѣя пятьдесятъ лѣтъ отъроду.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ПОЭМУ «ХРИСТИАДА».

Вышній Духъ! услыши и внемли!
Кто все зиждетъ, сохраняетъ;
Небеса, моря и земли
Кто собою наполняетъ!

Вдохнови меня святою
Силою — пѣть царя вселенн,
Кто похралъ своей пятою
Змыя страшнаго геенны;

И зачатъ, и въ свѣтъ родился
Кто отъ Дѣвы непорочной;
Кто звѣздой небесъ явился
Мудрецамъ страны восточной;

Кто божественныя руки
Восхотѣлъ въ земли простерти,
Чтобъ рабовъ спасти отъ муки,
И отъ рабства и отъ смерти;

Кто въ небесныя чертоги
Вывѣлъ неизбываго храма
Предвосхитилъ души многы,
Да замолитъ грѣхъ Адама.

Зрѣлъ весь міръ, какъ на мученье
Онъ пошолъ и Богу предать
Духъ безсмертный, и ученье
Сонму вѣрныхъ заповѣдать.

И въ минуту смерти Спаса
Тѣма вселенную покрыла,
И завѣса раздралася,
И померкнули свѣтила.

Сею силою чудесной
Дай мнѣ, Воже, грудь поддвинуть,
И во прахѣ, въ кельѣ тѣсной,
Непосидаю постигнуть!

Дай, съ земного мнѣ порога
Безмятежно и спокойно
Въ небесахъ увидѣть Бога,
Восхвалять Его достойно!

Н. Бергъ.

И. ДЖОРДЖИЧЪ.

Игнатій Джорджичъ родился въ 1675 году въ Дубровникѣ. Еще будучи въ школѣ, онъ обнаруживалъ замѣчательную силу духа, необыкновенную память и проницательность. Получивъ первоначальное образованіе у иезуитовъ, онъ продолжалъ его похъ надзоромъ Луки Кордича, ро-

домъ герцеговинца изъ Мостара, которому исключительно обязанъ былъ своими филологическими познаниями. Но поэтическая натура влекла его въ другую сторону — къ чтенію латинскихъ классиковъ и романтическихъ произведеній вѣнцѣй итальянской литературы. На двадцать второмъ году Джорджичъ вступилъ въ орденъ иезуитовъ, изъ котораго впоследствии перешелъ въ орденъ бенедиктинцевъ и играть значительную роль въ дубровницкой республикѣ. Онъ отличался большою усочностью, трудолюбіемъ и плодотворностью. Онъ началъ свое литературное поприще латинскими и славянскими стихотвореніями и оставилъ множество сочиненій на латинскомъ, итальянскомъ и славянскомъ языкахъ. Не станемъ перечислять произвѣдѣній сочиненій Джорджича; что же касается произведеній его славянскаго музѣ, то она преимущественно отличается поучительнымъ и религіознымъ характеромъ, что можно видѣть изъ самыхъ названій его поэмъ: «Вздохи набожной Магдалины», «Славянской всалтѣри» и другіе. Впрочемъ, Джорджичъ оставалъ иногда свои духовные сюжеты и обращался къ сатиры и даже написалъ цѣлую шуточную поэмѣ, подъ названіемъ «Маруно и Павла». Онъ умеръ аббатомъ въ 1737 году.

СВѢТЛЯКЪ.

Ночь спустила покрывало,
Меркнетъ синій неба сводъ,
Звѣзды ясна выходятъ,
Начинаютъ хороветъ.

Долго-долго ждалъ я милой,
Чтобы вышла на крыльцо;
Вдругъ изъ малаго окошка
Опустилось шьемедо.

Какъ мучительно хотѣлъ я
Знать, что было въ томъ письмѣ,
Но не могъ я, какъ ни бился,
Прочитать его во тьмѣ.

Свѣтъ на помощь не приходитъ,
Мѣсяцъ гдѣ-то за горой,
А небесная свѣтила
Высоко надъ головою.

Я въ отчаяньи ужъ думать
Подъ рвантовъ кусть залѣзть

И, сухой жаегли хворостъ,
Строки мнѣ прочесть.

Вдругъ, смотрю я, загорѣся
На травѣ свѣтлѣя-жучокъ,
Словно яхонтъ самодѣльный,
Словно малый огонѣкъ.

Драгоценную добычу
Я проворно ухватилъ,
Жизнью динущее пламя
На письмо я положилъ:

Все узнать я: мнѣ открылся
Таинный смыслъ немногихъ словъ...
О, хвала тебѣ во вѣки,
Свѣточъ маленькихъ луговъ!

Не простое украшеніе
Ты природы и весни,
Нѣтъ, ты лучъ притивъ солнца,
Къ намъ улавнивъ съ вышины!

И за тѣмъ ночной порою
По лугамъ летаешь ты,
Чтобъ шушукали, любилъ
Межъ собой во тьмѣ цвѣты.

Все завидуетъ, мой свѣточъ,
Неземной твоей красѣ:
Драгоценные металлы,
Камни радужные всѣ.

Какъ начнутъ свой танецъ нимфы
На лугу, въ ночную тишь:
Ты на чѣлахъ ихъ звѣздю
Лучезарною горнишъ.

Спящей ты земли зеница,
День, играющий въ ночи!
Вѣчно буду, милай свѣточъ,
Я любить твои лучи!

Открылъ мое ты сердце
На живомъ своемъ огнѣ,
Утишилъ и успокоилъ
Бурю страстныя во мнѣ...

Н. Бергъ.

А. КАЧИЧЪ-МИОНИЧЪ.

Андрей Качичъ-Миоичъ, потомокъ княжеской фамили даламатинскаго поморья, родился въ 1690 году въ приморской деревнѣ Вриштѣ, въ Даламаци. Первоначальное воспитаніе свое получилъ онъ въ Заострогскомъ монастырѣ, подъ руководствомъ уважаемаго францисканскаго монаха, Луи Томашевича, послѣ чего, по желанію своихъ родителей, постригся въ монахи того же монастыря, имѣя всего шестнадцать лѣтъ. Затѣмъ, для довершенія своего образованія, ѣздилъ два раза въ Гуду (Пештъ), гдѣ промоль съ полнымъ усердіемъ курсъ философіи и богословія. Свою философію, которая не шла дальше францисканскихъ образовъ, онъ изложилъ въ латинскомъ сочиненіи съ длиннымъ заглавіемъ, за что получилъ мѣсто профессора въ Мокарскомъ монастырѣ. Онъ перевелъ потомъ пять книгъ Моисеевыхъ и нѣсколько пророчествъ, изданныхъ въ 1760 году подъ заглавіемъ «Кораблица»; наконецъ обратился къ изученію славянскаго народнаго поэзіи, любовь къ которой свято сохранилась у дубровницкихъ писателей, не смотря на чужое литературное вліяніе. Это чувство къ народно-поэтическому содержанію, не заглушенное книжными вліяніями, сказывалось и у другихъ даламатинскихъ поэтовъ, но ни у кого такъ сильно, какъ у Качича. Бывши много лѣтъ папскимъ легатомъ въ Даламаци, Босніи и Герцеговинѣ, онъ воспользовался своими пугествами по этимъ краямъ, чтобы собирать народныя преданія, древнія рукописи и другіе историческіе памятники. Онъ собралъ все это въ книгу пѣсень, подъ названіемъ «Вазговор ugodni naroda slovincskoga», которая пользуется огромною и заслуженною извѣстностью. Книга Качича вышла до 1851 года двѣнадцать изданій (въ Венеціи, Дубровникѣ, Зарѣ, Вѣнѣ, Загребѣ и другихъ): такого успѣха не имѣло ни одно произведеніе даламатинской поэзіи. Национальныя преданія еще никогда не являлись передъ народамъ въ такой привлекающей и поэтической формѣ. Поэтому не удивительно, что пѣсни Качича перешли цѣлкомъ въ народную массу. Качичъ скончался въ 1760 году въ Заострогскомъ монастырѣ, гдѣ провелъ послѣдніе годы своей дѣятельной и полезной жизни, семидесяти лѣтъ отъ роду. Въ 1860 году южные славяне всюду отпраздновали его столѣтнюю память.

МИЛОШЪ ОБИЛИЧЪ И ВУКЪ БРАНКОВИЧЪ.

Чудо-рози расцвѣтають
Въ бѣлыхъ Лазаря чертогахъ;
Но которая румяній
И свѣдѣй — ли кто не знаетъ.

Нѣтъ, не рози тѣ алѣють —
Это дочери-невесты,
Гордость Лазаря-героя,
Славной Сербии владыки.

Выдаетъ царь Лазарь за-мужъ
Дочерей своихъ пригожихъ:
Вукасаву — за героя,
За Обилча Милоша,

Ненаглядную Милну
За султана Ваззета,
А за Бранковича Вука
Выдаетъ онъ владѣсть-Мару.

А Елену выдаетъ онъ
За боирна-соста, Черновеича Георга,
Что былъ въ Зетѣ воеводой.

Мало времени минуло —
Три сестры сошлись снова;
Не пришла одна Милана:
Не пустилъ ее влаетитель.

Сестры встрѣтились притѣно,
Но поспорили скоро,
Потому-что захотѣлось
Каждой мужемъ похвалиться.

Говоритъ краса-супруга
Черновеича Георга:
«Нѣту равнаго на свѣтѣ
Черновеичу Георгу!»

Ей въ отвѣтъ на это Мара:
«Малъ такого не рожа
Полководца и героя,
Какъ мой Бранковичъ хогучій!»

Засмѣялся Вукасава,
Свѣтъ-душа жена Милоша,
Засмѣялась и сказала:
«Ви не спортесть попустому!»

«Не хвалите, сёстры, Вука —
Не герой онъ; не хвалите
Черновича Георга —
Не герой онъ отъ героя;

«Но Милоша выхваляйте,
Славу Новаго Базара;
Онъ герой и отъ героя,
Мать его — Герцеговина!»

Разобидилася Мара
И ударила такъ сильно
Молодую Вукасаву,
Что та кровью облилася.

Побѣжала Вукасава,
Плача, въ бѣлыя платки,
Плачетъ мужа приманила —
И такъ мужу говорила:

«Если бы зналъ ты, какъ позорить
Честь твою супруга Вука:
Не героемъ отъ героя —
Поднимъ трусомъ обзываетъ.

«Говоритъ, что не поемъшь
Ты сойтись съ ея супругомъ
Въ честной битвѣ, въ поединкѣ,
Потому-что не герой ты.»

Не понравилась Милошу
Эти рѣчи: онъ проворно
Вышелъ, съѣзъ на вороного
И поѣхалъ прямо къ Вуку:

«Другъ мой Бранковичъ! сегодня
Ты со мной сразиться долженъ,
Что бы могъ увидѣть каждый
Въ комъ изъ насъ героизма больше.»

Вуку только оставалось
Выйди, съѣзъ на вороного
И сразиться въ чистомъ поѣ
Съ своимъ же своимъ Милошемъ.

Сшибанисъ копыями стальными —
Копья въ щепы разлетѣлись;
Сабли остры сверкнули,
Но и сабли изломались;

Загребѣли шестоперы —
И они не устояли,
Но Милошу удаеся
Сбросить Вука съ вороного.

И сказалъ Милошъ Обличчъ:
«Вукъ, теперь иди хвалиться
Предъ своей супругой вѣрной,
Что Милошъ тебя боекъ.»

«Я бы въ черныя одежды
Могъ одѣть твою супругу,
Но я зла въ душѣ не крою;
Только помни — не хвался!»

Мало времени минуло —
Поднялись злодѣи-турки;
Самъ Муратъ предъ ними ѣдетъ;
Города и села грабитъ.

Лазарь войско собираетъ,
Собираетъ для отпора;
Шлетъ гонцовъ за храбрѣмъ Вукомъ,
За Обличчемъ Милошемъ.

Пышный ширъ устроилъ Лазарь,
Пригласилъ князей и бановъ,
И сказалъ имъ, чуть замѣтилъ,
Что вино заговорило:

«Знайте, выборные бани,
И князья и воеводы,
Что Милошъ Обличчъ завтра
Поведетъ васъ противъ турокъ.»

«О, его равно боятъ
И невѣрные и наши!
Да начальствуетъ онъ войскомъ,
А подъ нимъ намъ Вукъ могучій!»

Разгорѣлось сердце Вука,
Ненавистника Милоша:
Онъ на дворъ паря выводитъ
И ему на ухо шепчетъ:

«Государь, напрасно войско
Ты такое собираешь:
Вѣдь Милошъ сторонникъ турокъ;
Онъ измѣну замышляетъ.»

Л. МУШИЦКІЙ.

Не сказалъ ни слова Лазарь,
Но за ужиномъ високо
Поднял чашу золотую,
Зарыдалъ и тихо молвилъ:

«Пью не въ честь царей могучихъ,
Пью здоронье Милоша,
Что предать меня задушатъ,
Какъ Спасителя Иуда!»

Князь Милошъ кланется Богомъ,
Вседержителемъ вселенной,
Что не думалъ, что не мыслитъ
Никогда онъ объ измѣнѣ.

И ушелъ онъ изъ чертоговъ
Въ свой шатеръ золотокрѣпій,
Гдѣ лишь съѣмъ до полночи,
До зари молился Богу.

Но едва зари блеснула
И денница показала
Ликъ свой свѣтлый изъ-за тѣсу —
Онъ ужъ мчался въ станъ турецкій.

Молитъ турокъ онъ: «пустите
Вы меня въ шатеръ къ султану:
Войско Лазаря предать вамъ
Вместѣ съ Лазаремъ хочу!»

Тѣ повѣрили Милошу
И въ шатеръ его впустили.
Палъ Милошъ передъ султаномъ,
Обхватилъ его колыни,

Добылъ ножъ изъ подъ одежды
И ударилъ имъ Мурата
Прямо въ сердцѣ, вынулъ саблю —
И давай крошить поганыхъ.

Но и турки не смутнились —
И Обличчъ былъ изрубленъ.
Что ты сдѣлалъ, Вукъ-предатель!
Что ты сдѣлалъ, нечестивый!

Н. ГЕРВЕЛЬ.

Лукианъ Мушицкій, архимандритъ Шишатовецкій, потомъ епископъ Карловинскій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, известный сербскій поэтъ, родился въ 1777 году въ Темеринѣ, въ Бачкѣ. Мушицкій есть одно изъ самыхъ знаменитыхъ именъ сербской литературы. При жизни онъ издалъ только немногія изъ своихъ стихотвореній, но и они уже доставили ему громкую известность въ средѣ сербскаго народа. Онъ имѣлъ также значительное вліяніе на развитие литературной предпринимчивости. Въ 1819 году онъ издалъ «Гласъ шишатовской арфы», въ 1821 — «Гласъ народолюбца», отрывокъ изъ котораго помѣщенъ въ предлагаемомъ изданіи въ русскомъ переводѣ. Что же касается его одъ, то они были собраны уже по его смерти и напечатаны въ Новомъ-Садѣ, въ 1838—1848 годахъ. «Мушицкій», говоритъ г. Пышинъ, «произвелъ сильное впечатлѣніе и имѣлъ множество, впрочемъ неудачныхъ, подражателей: въ его талантѣ впервые увидѣли истинно поэтическую силу, направленную на сюжетъ чисто національный. Мушицкій создалъ въ сербской литературѣ національную оду, прославляющую языкъ, вѣру и героев Сербіи. Въ языкѣ его одъ сначала слышалось вліяніе славянскія манеры, но потомъ онъ стремился дать ему болѣе народный колоритъ. Но вліяніе Мушицкаго совершалось въ ограниченныхъ предѣлахъ: съ одной стороны его поэзія слишкомъ была привязана къ случайнымъ обстоятельствамъ дня, съ другой она облекалась въ классическія формы, которыя хотя и удавались автору, но во всякомъ случаѣ не были лучшей формой для сербской поэзіи.» Мушицкій скончался въ 1837 году въ санѣ епископа. Для заключенія считаемъ не лишнимъ прибавить, что языкъ поэтическихъ произведеній Мушицкаго отличается необыкновенной чистотой и постоянно чуждался всякой посторонней прибрежки, чѣмъ грѣшатъ многіе изъ современныхъ сербскихъ поэтовъ. По этому языкъ Мушицкаго гораздо менѣе отличается отъ русскаго языка, чѣмъ произведенія послѣдующихъ поэтовъ. Для нагляднаго доказательства справедливости нашихъ словъ, помѣщаемъ здѣсь — *texte en regard* — стихотвореніе Мушицкаго («Къ моей лирѣ») въ подлинникъ и подстрочный переводъ его на русскій языкъ.

Дней радости, печальных
Сопутница моя,
Днес, зира, даяр вышмыгъ,
Лекатерна ай твоа!
Течетъ даяр майской аясо
Надъ Новымъ-Садомъ днесъ,
Надъ Карловцами равно:
Лютъ радости нѣтъ весъ,
Надъ Шантовомъ облакъ,
Ступиша, чернь провѣтъ
Лозамъ, страшишь слобъ яв-
савъ,
Громъ древо бамъ разавъ.
Не азъ страшуся съ тобою
Соборужнице мѣ;
Дерва тебѣ руюю,
Не безпокоюся я.
Терпѣнья жельзѣна
Облекъ во брону,
Легко сполу вся тужѣна,
И азъ цѣль мое смотрю.
Въ якую цѣль? Не азъ тайну!
Дня рудѣ не вѣстать
Мой духъ. Идѣте полевину
Есмы, азъ мей жельзъ горитъ:
Хранитъ языкъ и вѣру,
Пѣть сербско имя, дузъ,
Обычая, здрѣбность стору,
Любовъ званичу есмы;
Творитъ добра толико
Скороумный комѣтъ,
Минеръ, Фельъ сыко
Мѣъ даша. Больше чѣмъ?
Громъ аше мѣъ на тема
Надѣтъ—вѣнцѣ сплетутъ
На тоже музѣ, имя
До неба вознесутъ.

Дней радости, печальных
Сопутница моя,
О, зира, даяр вышмыгъ,
Пусть летѣса нѣтъ твоа!
Течетъ даяр майской аясо
Надъ Новымъ-Садомъ днесъ,
Надъ Карловцами тоже:
Лютъ радости нѣтъ весъ,
Надъ Шантовомъ облакъ,
Ступиша—и гравитъ
Лозамъ, цуветъ лозамъ,
Громъ древо разавъ.
Я не страшуся съ тобою,
Сопутница моя,
Дерва тебѣ руюю,
Не безпокоюся я.
Жельзѣна терпѣнья
Облекъ во брону,
Легко сполу вся бѣда,
На цѣль мое смотрю.
Какую цѣль?—не тайна!
Къ чему азъ не вѣстать
Мой духъ. Летѣтъ оныъ жельзѣну
Жельзѣны горитъ:
Хранитъ языкъ и вѣру,
Пѣть промѣную кровъ,
Обычая народа,
Званичу любовь;
Творитъ добра толико
Скорѣе чѣмъ и есмы,
На сколько Фельъ, Минеръ
Мѣъ дали. Больше чѣмъ?
Когда мѣъ громъ на тема
Надѣтъ—вѣнцѣ сплетутъ
Мѣъ сестры музѣ, имя
На небо вознесутъ.

ГОЛОСЪ ПАТРИОТА.

Масса принимаетъ свѣтъ образованья
Также, какъ и всякій человекъ отдѣльно.
Отдадимъ народу трудъ нашъ, наши силы:
Миръ съ него не сводитъ глазъ своихъ вытлывшихъ.
Нѣту большей славы, какъ слушать народу —
Воздвигать живые памятники въ краѣ!
Время сокращаетъ мраморъ обелисковъ,
Но не честь, не имя — гордость человека.
Почести, богатство на землѣ не крѣпки,
Добroe же имя вѣчно, какъ природа.
Доброта, правдивость, мужество и чувство
Насъ влекутъ сильнѣе, чѣмъ слова сухія,
Въ миръ невозмутимый свѣтлыхъ идеаловъ,
Гдѣ все такъ высоко, чисто и прекрасно.
Для потомства имя славное въ исторіи —
Крѣпкій столбъ въ несчастьи, свѣтлый лучъ въ мрачѣ,
Вѣрная опора въ битвѣ со страстями:
Тѣ, что слабы духомъ, требуютъ поддержки.
Мы тому примѣры видимъ предъ собою,
А въ скринахъ міра нѣту имя и сѣта.
Стадо лишь замолчитъ отъ гнѣва неугоду,

Геній зла ужъ гаситъ мысль о томъ заране.
О, водитъ народа! доблестные судьи!
Бдите—будетъ меньше зла на бѣломъ свѣтѣ.
Вы — орудье трона свѣтлаго Олимпа!
Разогните тушъ — мракъ и преступленья!
Мечъ свой правосудный, мечъ господа гнѣва
Мощно такъ сдужайте, гдѣ царюетъ злоба.
Если жь будутъ благи и законъ, и люди,
То откуда взыаться мраку и порокамъ?

Н. ГЕРВЕЛЬ.

И. ХАДЖИЧЪ (СВѢТИЧЪ).

Иванъ Хаджичъ, болѣе извѣстный подъ своимъ литературнымъ псевдонимомъ *Милоша Станичица*, родился въ 1799 году въ Сомборѣ; учился въ Карловцахъ, Пештѣ и Вѣнѣ; въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ изучалъ право. Въ Пештѣ, сойдясь съ молодыми своими земляками, Хаджичъ сталъ изучать сербскую народную поэзію и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ самыхъ горячихъ ея поклонниковъ, а въ 1825 году, вмѣстѣ съ Мущичемъ, Магарашевичемъ, Шафарикомъ и Петровичемъ, положилъ основаніе Сербской Матичи въ Пештѣ, которая существуетъ до-сихъ-поръ. Въ 1826 году Хаджичъ получилъ степень доктора права, черезъ четыре года назначенъ былъ директоромъ Ново-Садской гимназіи, а въ 1831 году сдѣланъ сенаторомъ въ Новомъ-Садѣ. Въ 1837 году онъ былъ приглашенъ княземъ Милошемъ Обреновичемъ въ Бѣградъ, для составленія судебного кодекса и преобразованія сербскихъ судовъ. По возвращеніи въ Новый Садъ, Хаджичъ былъ посланъ, въ 1842 году, на народный конгрессъ въ Карловцы, а въ 1847 — на венгерскій сеймъ въ Прессбургъ. Въ 1848 году венгерское министерство предлагало ему мѣсто члена совѣта министерства юстиціи, но онъ его не принялъ. Въ настоящее время Хаджичъ живетъ въ Новомъ-Садѣ на покой, трудясь на пользу отечественной литературы. Первымъ поэтическимъ произведеніемъ Хаджича былъ «Отвѣтъ молодого серба на голоса шинатованской арфы», написанный имъ на двадцать второмъ году; въ 1827 году онъ перевелъ дидактическую поему Горациа «De arte poetica» и написалъ нѣсколько оригинальныхъ стихотвореній; въ 1830—принялъ, по смерти Магарашевича, редакцію «Сербской Лѣтописи», издаваемой Сербской Матичей, основанію которой онъ

много содѣйствовалъ. Съ 1839 по 1844 годъ редактировалъ альманахъ «Голубица», выходившій въ Бѣградѣ, въ которомъ, между прочимъ, былъ помѣщенъ, въ 1842 году, его прекрасный стихотворный переводъ «Слова о полку Игоревѣ»; въ 1854 — перевелъ съ греческаго «Платонове наденіе Цариграда», а въ 1858 — издалъ свое послѣднее и едва ли не лучшее сочиненіе «Духъ сербскаго народа», куда вошло подробное описаніе происхожденія сербовъ и хорватовъ, ихъ вѣры, языка, письменности и нравовъ. Полное собраніе сочиненій Хаджича («Дѣла Ювана Хаджича») было издано въ 1858 году.

СТРАДАНІЯ СЕРБІИ.

Чу! отъ Босни громъ ратный
Турки загрѣбли;
За дружины въ сѣдлѣ дружина;
Сабля, ружья — въ дѣлѣ.
Дрина сѣбно, горько плачетъ,
Мачва тяжело дышетъ,
Ядаръ, Понерь, Шабаци — всѣхъ ихъ
Дѣлѣ войны колышетъ.
Глянь въ оконце:
Гдѣ ты, солнце
Сербію?

Съ Делиграда, Нѣготина
И Кладова — стоны,
И Моравѣ злыхъ ударовъ
Ждетъ безъ обороны;
Къ Пѣткамъ бура подступила;
Вражьи силы люты;
Наступающъ для Бѣграда
Страшныя минуты.
Въ громы, въ грѣзы
Вноситъ слѣзы
Сербію.

Сербію въ небу обратились:
Нѣтъ иной защиты!
Къ Богу громкія возванья
Въ гулъ всеобщій саптъ;
Вѣковѣчный камень лопнулъ;
Горѣ Русь зашгло:
Нѣтъ Москвы! Москва пропала —
Въ пламени погибла.
Кто, коль сможеть,
Встаетъ поможетъ
Сербію?

Болезнь въ Тополи Георгій:
Онъ лежитъ въ постели,
Опустилъ свою десницу —
Турки одолѣли.
Нѣту доблестнаго Вѣлика —
Правого Крелья Нѣтъ!
Бура выперла платну
И все въ бездну танеть.
Быть несется,
Цѣль круется
Сербію!

Вила хвораго героя
Звѣлями вращуетъ:
Тщетно! Сербію склонилася
И опасность чуетъ.
Вождѣ-Георгію, что, бывало,
Насъ водилъ на-славу —
Тамъ — за Савой! старцы, дѣти —
Все ушло за Саву!
Головы нѣтъ:
Сердце пинетъ
Сербію!

Мать безъ сына остается;
Слѣзы льетъ родная,
Къ царскимъ сербамъ, что за Савой,
Горестно зываетъ:
«Вы примите мое чадо
Милое! примите!
Вы выносите его наймите!
Хабѣемъ накормите!
Мать хоть тужитъ —
Сынъ пусть сужитъ
Сербію!»

Ахъ, когда то вновь на серба
Око Божье взглянетъ
И съ румяною зарею
Свѣтлый день настанетъ,
Честный крестъ намъ возсіяетъ
И благосердечный
Сербъ-юнакъ, пройдя сквозь муки,
Вздыхаетъ къ славѣ вѣчной!
Крестъ — ограда
Ваши, чада
Сербію.

В. БЕНЕДИКТОВЪ.

И. ПОПОВИЧЪ.

Иванъ Поповичъ родился въ 1806 году въ Вершицѣ, въ Банатѣ. Онъ началъ свою литературную деятельность еще семнадцатилѣтнимъ юношей и такимъ образомъ написалъ еще въ молодости множество драмъ, которыя дали матеріалъ для сербской сцены. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ былъ приглашенъ тогдашнимъ правителемъ Сербіи, Милошемъ Обреновичемъ, вмѣстѣ съ другими учеными и литераторами, переселиться въ Вѣнградъ, съ цѣлью — поднять нравственный уровень сербскаго княжества, только что освобожденнаго изъ-подъ турецкаго владычества. Поповичъ изъяснилъ свое согласіе и, ни мало не медля, перѣехалъ въ Вѣнградъ. Здѣсь онъ выказалъ дѣятельность понинѣй изумительную: онъ снабжалъ театр драмами и комедіями, устраивалъ учюныя и литературныя общества, говорилъ рѣчи, издавалъ популярныя книги, писалъ стихи на разные торжественныя случаи и т. д. Лучшими изъ драматическихъ его произведеній можно назвать: драмы «Святославъ и Милева» и «Гайдукъ», трагедіи — «Милошъ Обличъ» и «Несчастный бракъ» и комедіи — «Женитба и выдаванье», «Скрита» и «Злая жена». Драмъ Поповича давались въ Вѣнградѣ, Крагуевцѣ и Шабацѣ, и нравились своей публикѣ, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ-какъ сюжеты ихъ почти всегда брались изъ сербской исторіи и сербской жизни: онѣ дѣйствовали на національное чувство и развивали его, тѣмъ болѣе, что Поповичъ умѣлъ придавать имъ сценическій эффектъ.

Стараніями Поповича основано было, въ 1841 году, въ Вѣнградѣ, Дружество Сербска Словености и музеи. Учрежденіе Дружства, въ которомъ соединились всѣ извѣстные писатели сербскаго княжества, имѣло цѣлью обработку языка и распространение знаний въ народѣ. Въ 1847 году оно начало издавать журналъ «Гласникъ», въ которомъ заключается не мало матеріаловъ по сербской исторіи и старой литературѣ; въ 1850 году оно раздѣлилось на пять специальныхъ отдѣленій; наконецъ оно стало издавать и книги для народа. Поповичъ умеръ въ 1856 году.

ПѢСНЯ НА КОСОВОМЪ ПОЛѢ.

Призрень гдѣ нашъ? славный градъ?
Царскія палаты?

Улетѣлъ Душановъ вѣкъ,
Будто сонъ крылатый!
Здѣсь пришло время конецъ,
Миновала слава;
Гдѣ стояли города,
Выросла дубрана.

О Косово чорно поле, лютий недругъ сербскій!
Для кого, скажи Косово, весело ты, ясно?
Ты весной каждой, правда, пого оживаешь,
Но и тутъ для взоровъ серба мрачно ты и дико;
Взгору рѣкъ твоихъ порою выплываетъ солнце,
А когда и кто осушить нашихъ слезъ потоки?

Но и тамъ, и здѣсь гремятъ
Гроуные перуны;
И Богъ-вѣсть катится какъ
Колесо фортуны.
Смертный! о грядущемъ ты
Ничего не знаешь:
Что сегодня пріобрѣлъ,
Завтра потеряешь!
Сербскихъ доблестныхъ царей
Гдѣ теперь побѣди?
Непробуднымъ, вѣчнымъ сномъ
Спать отцы и дѣды.
Въ пѣсняхъ только ихъ дѣла
Громко прозвучали,
Чтобъ еще прибавить намъ
Горя и печали!

О студеная Ситница! укажи ты куда-то
Яси волни, что смотрѣли, какъ Неманъ съ вра-
гами билася.

О Ситница! помутнѣлся, поблѣднѣли гдѣ волни,
Какъ легли тутъ на Косовѣ наши витязи и рати.
По свой лѣтъ окровавленный ты весной омываешь,
Кто же намъ омоетъ язвы тѣжно-раненаго сердца?

Что рѣва среди луговъ
Мшится на просторѣ
И, пригонами поля,
Тонетъ въ бурномъ морѣ:
Тагъ бѣжитъ и наша жизнь,
Тоже въ ней волноенье,
Если счастье и мелькнетъ —
То лишь на мигуновѣ!

Н. Бергъ.

С. ВРАЗЪ.

Станко Вразъ, одинъ изъ лучшихъ хорватскихъ поэтовъ періода иллирскаго движенія, родился въ 1810 году въ Штириѣ. Онъ первый изъ западныхъ краицевъ вступилъ въ Иллирское Общество. Начиная съ 1835 года, на страницахъ «Денница» стали появляться его шрические стихотворенія, съ самаго начала обратившія на себя общее вниманіе тою задумчивостью и страстностью, которыя такъ нравятся восторженной молодежи. Но причина успеха Вряза заключалась не въ одной страстности его произведеній, а также и въ томъ, что онъ былъ основательно знакомъ съ законами эстетики и вводилъ въ хорватскую литературу въ лучшихъ формы новѣйшей поэзіи, что давало ему огромное преимущество передъ всѣми другими хорватскими писателями: онъ далъ хорватской словесности превосходные образцы балладъ, сонетовъ и пѣсенъ. Въ 1840 году онъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, исполненныхъ самаго горячаго сочувствія къ славянскому дѣлу; затѣмъ, въ 1841 году, вышло другое собраніе его стихотвореній подъ заглавіемъ «Голоса изъ жерновникой дубровы», а въ 1845 году — третье и послѣднее — «Гусли и Тамбура». Кроме того, онъ издалъ прекрасный сборникъ словенскихъ народныхъ пѣсенъ и оставилъ послѣ себя въ рукописи нѣсколько переводовъ изъ Байрона, которые, пройдя черезъ много рукъ, достались наконецъ Иллирской Матицѣ, которая ихъ хочетъ издать. Вразъ умеръ въ 1861 году.

МОЙ ВѢНОКЪ.

Лишь мой духъ съ себя оковы сбросить,
Утомясь безлюдною борьбой —
Обо мнѣ холодный свѣтъ не спроситъ,
Ни вѣнка на новый гробъ не броситъ,
Не почтѣтъ ружейною пальбой.

Жизнь! дари твои — обманъ трескучій:
Горькъ плодъ и безуханенъ цвѣтъ;
Лавръ вѣнка такой же теръ колючій;
Свѣтъ наукъ — огонь шапичій, жгучій...
Для живыхъ покой въ жизни нѣтъ.

Только тамъ нине дни настанутъ!
Смокнетъ шумъ житейской суеты,
Другъ и врагъ глумиться перестанутъ,

И меня коварно не обманутъ
Сны мои любимыя, мечты.

Цѣнь глухихъ страданій перервется;
Только тамъ тревожатъ всѣмъ конецъ...
И на крестъ живой вѣнокъ вьоньется —
Не вѣнокъ, что кровью достается,
А любви, святой любви вѣнецъ.

Ты, любовь, одна отрада наша!
Ты одна намъ къ раю кажемъ путь.
Мнѣ съ тобой казалась юность краше;
Лишь съ тобой вся жизнь свѣтлѣетъ наша...
Ты и тамъ страдалица не забудь!

Здѣсь въ тиши вечерней безмятежной
Насъ съ тобой скрывалъ зеленый боръ,
Стояромъ нашъ шопотъ страстный, нѣжный,
Подауль безучинный, неизбѣжный —
Двухъ сердецъ безмолвный договоръ.

Ужъ пора! прости, мой подруга!
Сонъ любви и гробъ мой посятитъ.
Ты не плачь о ранней смерти друга:
Тѣнь его изъ ангельскаго круга
Въ міръ живыхъ, къ тебѣ, мой другъ, саситъ.

Вамъ, друзья народной нашей славы,
Мой приѣтъ послѣдній будетъ — вамъ!
Стойте лишь по прежнему за правыхъ
Не страшась гонителей дубавыхъ —
И вѣлки васъ ожидаютъ тамъ!

Часъ насталь!... чу! падаютъ оковы;
Я усну въ могилѣ наконецъ;
И въ тиши могилы той суровой
Не смутитъ меня вѣнокъ зарывной:
Для меня любовь моя — вѣнецъ.

М. Петровскій.

Д. ДЕТЕТЕРЪ.

Димитрій Деметеръ родился въ 1811 году въ Загребѣ, отъ греческихъ родителей, переселившихся въ Хорватію изъ Македоніи. Окончивъ гимназическій курсъ въ Загребѣ и прослушавъ послѣ того курсъ философіи въ Градцѣ, молодой Деметеръ сталъ изучать медицину, сначала въ

Вѣнѣ, а потомъ въ Падуѣ, гдѣ въ 1836 году и получил докторскій дипломъ. Въ хорватской литературѣ имя Деметера пользуется большою извѣстностью; особенно дѣлятся его драматическія произведенія, вышедшія въ свѣтъ въ 1838 и 1844 годахъ, подъ названіемъ «Драматическіе Опыты», и заключающія въ себѣ двѣ драмы, «Любовь и долгъ» и «Кровавая мѣсть», и историческую трагедію «Теута». Съ 1839 года Деметеръ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, былъ редакторомъ журнала «Денница», въ которомъ помѣстилъ многія изъ своихъ сочиненій. Въ журналѣ «Коло» помѣщена его большая лирико-эпическая поэма въ тринадцать пѣсней «Гробничье поле». Кромеъ того, онъ перевелъ на хорватскій языкъ нѣсколько пьесъ для народнаго театра, а въ альманахѣ «Искра» помѣстилъ нѣсколько народныхъ греческихъ пѣсенъ, переведенныхъ имъ на хорватскій языкъ и слѣдующія четыре оригинальныя новѣллы: «Юва и Неда», «Возстаніе», «Отецъ и сынъ» и «Одна ночь». Въ 1849 году онъ состоялъ членомъ комиссіи для составленія славянской юридической и политической терминологіи и переводчикомъ въ баскомъ правленіи, а въ 1856 году назначенъ редакторомъ официальныхъ загребскихъ «Народныхъ Новинъ». Изданный имъ въ 1861 году хорватскій переводъ сочиненій бана Елашича — есть послѣдній трудъ Деметера на пользу родной литературы.

I.

ЦАРЬ МАТІАСЬ.

Въ подземельи царь-владика
Матіасъ, надежда наша,
За столомъ сидитъ гранитнымъ;
Передъ нимъ пустая чаша.

Вкругъ него сидятъ дружина —
Дубы видринской дубровы;
Но ихъ лица странно блѣдны,
Страшно блѣдны и суровы.

Въ полночь — только встрепенулся
Эти каменные люди
И начнутъ точить оружье
О законанія груди —

Царь встаетъ, гремя броней,
Грозный мечъ свой обнажаетъ,

Льетъ вино въ завѣтный кубокъ
И тотъ кубокъ осушаетъ.

Но едва прочмится полночь —
Въ подземельи тихо снова:
Царь и воины сѣдые
Смотрятъ въ землю — и ни слова.

Такъ — пока вокругъ гранита
Борода царя сѣдова
Деять разъ не обовѣется —
Въ полночь пить онъ будетъ снова.

Матіасъ послѣдней ночи
Терпѣливо ожидаетъ,
Чтобы въ бой идти, гдѣ Слава
Кровь святую проливаетъ.

Только липа будетъ вѣдѣть
Эту битву роковую,
Гдѣ бойцы сражаться будутъ
За отчину дорожную.

О, тогда пришедець дерзкій
Пошпиратъ ее не будетъ,
И славянская отчина
Всѣ несчастія позабудетъ!

Если въ полночь подѣ землею
Вамъ послышится движенье —
Знайте — это царь-владика
Собирается въ сраженіе.

Н. Гервель.

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГРОБНИЦКОЕ ПОЛЕ».

Птица волю рѣветъ въ полѣ,
Волю бродитъ звѣрь въ лѣсу...
Только я одинъ въ неволѣ,
Иго чуждое несутъ!
Кто за волю насть не хочетъ,
Въ томъ же наша кровь клокочетъ!

Предки правили вселенной,
Смыло ихъ звучала рѣчь —
И дерзнулъ ль я, рабъ презрѣнный,
Той святости пронесбречь?

Нѣтъ, кто насть за рѣчь не хочетъ,
Въ томъ же наша кровь клокочетъ!

Не поддамся чуждой силѣ,
Самъ убью дѣтей, жену:
Лучше видѣть ихъ въ могилѣ,
Чѣмъ въ окопахъ и въ плѣну.
Кто свершитъ того не хочетъ,
Въ томъ же наша кровь клокочетъ!

Сгибну самъ, но кровь родимый,
Кровь отцовскій пожогу,
Чтобы въ хижинѣ любимой
Не хозяйничать врагу!
Кто свершитъ того не хочетъ,
Въ томъ же наша кровь клокочетъ!

М. Петровскій.

ПЕТРЪ II ПЕТРОВИЧЪ НЕГОШЪ.

Петръ II Петровичъ Негошъ родился 1-го ноября 1813 года въ селѣ Геранонцахъ въ Черногоріи. Имя данное ему при крещеніи было — Радивой; имя же Петра онъ получилъ при вступленіи въ монашество. По смерти черногорскаго владѣи Петра I, въ 1830 году, Петръ Петровичъ былъ избранъ на его мѣсто, подъ именемъ Петра II, а въ 1833 году былъ посвященъ въ Петербургѣ въ санъ епископа. Получивъ свое образованіе подъ руководствомъ сербскаго поэта Симона Милутиновича въ Цетиньѣ, Петръ Петровичъ не стеснялся потомъ ни въ какое высшее училищѣ, что не помѣшало ему изучить основательно языки русскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій и занять единаго не самое видное мѣсто въ сербской литературѣ. Ему обязана Черногорія первыми начатками распространенія образованія въ народѣ: онъ основалъ нѣсколько школъ и завелъ типографію въ Цетиньѣ, въ которой напечатаны первыя его поэтическія произведенія, а также сочиненія тамошнихъ сербскихъ дѣятелей: Милутиновича, Малаковича и Караджича. Эти первыя произведенія Петра II были слѣдующія: «Цетинскій Пустынный», «Лекарство отъ турецкой злобы» и «Молитва черногорца въ Богу». Что же касается его большихъ поэмъ «Лучъ микровосма», «Сербское Зерцало», «Горскій вѣнецъ», «Вашка Дюринича», «Вашка Атевича» и «Самозванецъ Степанъ Малаго», то они были

напечатаны въ Вѣнградѣ, Вѣнѣ и Триестѣ, такъ какъ въ это время всихнула война съ турками и весь шрифтъ истинской типографіи былъ перелитъ въ пули. Послѣднимъ его поэтическимъ произведеніемъ была поэма «Слободана», напечатанная въ 1857 году, уже послѣ смерти владѣи, его любимцемъ, поэтомъ Любомиръ Ненадовичемъ въ Землянѣ. Петръ Петровичъ много путешествовалъ по Итали и жилъ въ Неаполѣ, Римѣ и Венеціи; въ этомъ послѣднемъ городѣ онъ собиралъ въ тамошнемъ архивѣ историческія матеріалы для своихъ сочиненій, именно для исторіи самозванца Степана Малаго. Владѣико умеръ 18 декабря 1851 года.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГОРСКІЙ ВѢНЕЦЪ».

I.

ЧЕРНОГОРСКІЙ ХОРОВОДЪ.

Богъ ополчился на сербское племя!
Много грѣховъ накопилось на царствѣ!
Наши царі отшатнулись отъ правды,
Стали враждебно гадить другъ на друга,
Стали другъ друга преслѣдовать злобно;
Худо владѣи и правили царствомъ;
Разумъ отбросили, глушость призывали;
Вѣрные слуги имъ стали не вѣрны —
Царскую кровью себя замятали.
Знатные — будь они прокляты Богомъ! —
Сербское царство развали на части,
Сербскую силу пустили на вѣтеръ;
Знатные — самый ихъ слѣдъ да исчезнетъ! —
Въ царствѣ посѣяли сѣмя раздора
И огривали имъ сербское племя;
Знатные — подыма, злыя кукушки! —
Продали насть, измѣнили народу.
Вечеръ косовскій, будь проклятъ на-вѣки!
Бранковичъ — подлое, гнусное имя —
Такъ развѣ служатъ отчизнѣ, народу?
Такъ развѣ цѣнятся честь и свобода?
Мілошъ! кто можетъ тебѣ не дивиться?
Доблесті воинской славная жертва!
Богъ ополчился на сербское племя:
Въ царство вползла семгилавая гадъ —
Сербскую Землю нацѣсти развали.
Но на развалинахъ славнаго царства
Всихнула ярко милошева правда
И утѣчались вѣнцовъ славою
Два побратима героя Милоша,

Дивное племя могучаго Юга.
 Сербекое имя погибло, пропало;
 Много погурчилось — вѣру забыло;
 Пусть молоко, ихъ вспомянувшее въ дѣтствѣ,
 Пролито будетъ отъ нѣждъ до вѣка!
 Чтѣ не погибло подъ саблей турецкой,
 Чтѣ дорожило отповокою вѣрой,
 Чтѣ не хотѣло позорной неволѣ,
 Тѣ убѣжало въ завѣтныя горы,
 Чтѣбъ защищать православную вѣру,
 Чтѣбъ охранять дорожную свободу.
 Эти бойцы — были лучшіе люди!
 Добрые мѣлодцы, словно тѣ звѣзды,
 Чтѣ надъ горами надъ нашими блещутъ,
 Въ битвахъ кровавыхъ все пали со славою,
 Пали за честь, за свободу, за имя.
 Память о нихъ сохранена намъ гусли —
 Звонкомъ своимъ утрачиваютъ намъ слезы.
 Если завѣтныя наши твердины
 Стали гробницею силъ турецкой,
 То отъ чего же теперь наши горы
 Не оглашаются громомъ оружія,
 Громомъ оружія, воинственнымъ вѣнкомъ?
 Или земля безъ главы сиротѣетъ?
 Нѣтъ, приширился овцы съ волками,
 Крѣпко сдружился съ турками сербы;
 Въ сердцѣ отчизны, на полѣ Цетинскомъ,
 Слышится голосъ музлы-муздына;
 Левъ благодарно зоветъ отъ смрада;
 Вѣтеръ разнесъ черногорскую славу
 И позабыли сны Черногоря
 Крестъ православный, трехкрестный, господень!

2.

ЧЕВСКОЕ ПОЛЕ.

Чевское поле — гнѣздо исполиновъ,
 Мѣсто кровавыхъ, геройскихъ побоищъ —
 Сколько ты помнишь сраженій жестокихъ!
 Сколько сунуру, матерей неутѣшенныхъ
 Вергло ты въ вѣчное, лютое горе!
 Силою ты покрыто людскими костями,
 Облито сплоснь человѣческой кровью!
 Съ Вдова да неперестанно ты кормишь
 Сѣрыхъ волковъ челоѣческихъ мясомъ,
 Конскими трупами вѣроновъ черныхъ.
 Страшно когда-то, о Чевское поле,
 Было глядѣть на тебя челоѣку!
 Дымъ покрывалъ тебя черный; его тысячи
 Турокъ тебя покрывали, какъ тучей;

Пушки съ зарю да зарю грохотали;
 Тысячи витязей — славныхъ героевъ —
 Книжкомъ побѣднмымъ тебя оглашали;
 Тысячи вѣроновъ карнали жадно,
 Глядя съ высоты на равнину. Когда же
 Вечеръ спустился и мѣсяцъ даургой
 Вспылалъ, озаряя кровавое поле,
 Стали ворочать мы вражьи труны —
 И не могли сосчитать всѣхъ убитыхъ.

3.

ПЕРЕДЪ ПЕРВОЮЮ.

Владико Данило стоитъ передъ пылающею
 костромъ. Входитъ Вукъ Мандушичъ.
*Вглядѣвъ его неприотпавше; длинныя усы падаютъ
 на изрубленные и пробитыя пулями латы;
 въ рукахъ у него перебитое пугаче ружье.
 Не сказавъ ни кому ни слова, онъ садится воз-
 лѣ костра. Владико глядитъ на него съ удивленіемъ.*

ВЛАДИКО ДАНИЛО.

Вукъ, что съ тобою? глаза твои блещутъ!
 Вижу, что ты возвращаешься съ битвы,
 Гдѣ надъ тобою витала опасность.
 Вогъ одинъ знаетъ, да ты — возвратится ль
 Кто-нибудь въ горы изъ этого боя!
 Вѣдъ безъ насилія ружья и латы
 Не окуршуются, вратія салю!

ВУКЪ МАНДУШИЧЪ.

Въ день наканунѣ святаго Стефана
 Въ домъ приближала ко мнѣ молада —
 Та вотъ, которую выдали зѣтомъ.
 Замужъ въ Штитары — пришла и сказала:
 «Сборники-турки забрались въ Штитары:
 Подать хотятъ собирать басурмане.»
 Валлъ я съ собой пятьдесятъ черногорцевъ
 И послѣшилъ съ удалцами въ Штитары,
 Чтѣбъ перебить этихъ нехристей жадныхъ.
 Слышусь выстрѣлы: турки должно-быть —
 Думаю я — пробираются въ горы,
 Турки должно-быть напали на нашихъ.
 Прямо на выстрѣлы мы побѣжали —
 И набѣжали на лютые горе:
 Дѣлсти неистовыхъ сборниковъ-турокъ
 (Все ренегаты, все пси арнауты)

Силится влѣзть на высокую башню,
 Башню Радуна, въ которой хозяинъ
 Самъ защищаетъ съ вѣрной женою,
 Соколомъ яснымъ, прекрасной Любичей.
 Ружья она зариваетъ для мужа;
 Мужъ изъ окна своей башни стрѣляетъ
 И ужъ сразилъ семерыхъ арнаутовъ.
 Но и надъ нимъ ужъ погибель витаетъ:
 Турки приносятъ солому и хворость,
 Кучей владутъ ихъ вернуть башни высокой
 И зажигаютъ тотъ хворость съ соломой.

Памя подыжалось до самаго неба,
 Пахнетъ и близится къ башнѣ Радуна;
 Но онъ оттуда стрѣлять продолжаетъ;
 Громко при этомъ поетъ онъ о Бай,
 Вукотѣ, Драшкѣ, героѣ Повакѣ,
 Вукахъ двоихъ, изъ села Терминахи,
 И призываетъ живыхъ и умершихъ,
 И, усмѣхался, смотритъ безстрашно
 Въ грозная очи побѣдильной смерти.
 Чуть ми завидна башню Радуна,
 Черное горе сердца намъ стѣснило.
 Бросилась ми на потаныхъ на турокъ,
 Путь проложили межъ труновъ, и только
 Вывезть успѣли Радуна изъ башни —
 Башня шатулась и рухнула съ трескомъ.
 Скоро и Джеко пришло къ намъ на помощь;
 Вместе ударили ми на невѣрныхъ,
 Выбили ихъ изъ деревни — и гнали
 Вилодъ до Катара, до Лешкова поля.
 Много невѣрныхъ легло въ этой битвѣ;
 Мнѣ же горячая пуля пробила
 Крѣпкія латы мои, а послѣдній
 Выстрѣлъ турецкій пробилъ мнѣ винтовку,
 Что я держалъ предъ собой — и куда же? —
 Въ самое дуло ударилъ пуля!
 Лучше бѣ мнѣ отвали правую руку!
 Жаль мнѣ ее, какъ родимаго брата,
 Жаль, какъ родного, любимаго сына!
 Это была золотая винтовка:
 Вѣрная смерть вылетала изъ дула.
 Вѣкъ я не чистилъ ее, а сіяла
 Зеркалаомъ яснымъ она постоянно.
 Я бы мою дорогую винтовку
 Сразу узнать среди тысячи ружей.
 Храбрый владико! пришло къ тебѣ съ просьбой:
 За моремъ всякихъ искусниковъ много:
 Пусть починили бы тамъ мнѣ винтовку.

ВЛАДИКО ДАНИЛО.

Вукъ, подними-ка усы свои лучше —

Дай разглядѣть мнѣ твой панцирь желѣзный,
 Дай сосчитать мнѣ рубцы боевые,
 Вражьи пули, засѣвшія въ бликахъ,
 Какъ мертвеца не поднятъ изъ могилы,
 Такъ не исправитъ пробитой винтовки.
 Слава Творцу, что ты живъ и не раненъ!
 Что жь до винтовки — получишь другую.
 Въ мощныхъ рукахъ сѣдоуса Вука
 Всякая сталь хороша и смертельна.

(Даетъ Вукъ Мандушичу новое ружье.)

Н. ГЕРВЕЛЬ.

А. НѢМЧИЧЪ.

Антонъ Нѣмчицъ, юго-славянскій писатель,
 родился въ 1813 году въ Сегенѣ, въ Венгрии.
 Это былъ одинъ изъ самыхъ пылкихъ послѣдова-
 телей Галя въ дѣлѣ иллирійскаго движенія. Онъ
 писалъ много, и помѣщалъ свои стихотворенія
 и прозаическія статьи въ разныхъ хорватскихъ
 журналахъ. Въ 1845 году онъ издалъ свое пу-
 тешествіе по Италіи; въ 1848 — напечаталъ сти-
 хотворенія своего умершаго пріятели Т. Влажка,
 подъ заглавіемъ: «Политическія пѣсни Т. В.»;
 въ 1854 — появилось въ журналѣ «Neven» опи-
 саніе его путешествія по Сербіи, отрывокъ изъ
 романа «Людскія несчастія» и комедія «Пиръ
 безъ хлѣба». Послѣ Нѣмчица осталось много
 ружейсей. Воговичъ издалъ собраніе его сочи-
 неній, съ біографіей автора. Нѣмчицъ умеръ въ
 1859 году.

РОДИНА.

Небеса надъ головою,
 Сине-море подо мною,
 Я же, грустный, между ними,
 Между ними, голубыми,
 Думъ сердца посвящая
 Моему родному краю.

Чолнъ мой угланъ, одинокій
 Мчится смѣло въ край далекій;
 Тамъ все чуждо — не родное,
 Люди, нравы — все чужое,
 Все гнѣтѣтъ — не то что дома,
 Гдѣ все мило, все знакомо.

Кто страны своей не любить,
Мысль о кровныхх не гудобитъ,
Въ томъ погасъ свѣщенный пламень —
Вмѣсто сердца вложитъ камень...
Солнце свѣтитъ, пламенѣтъ,
Но мнѣ сердца не согрѣтъ.

Бури! чу! твой гимнъ побѣднѣй!
Пошади челою мой бѣднѣй!
Если жъ челою мой разобѣдѣтъ
И съ нимъ жизнь моя порвѣдѣтъ,
Ты, вола, спесн отчизнѣй!
Поцалуй мой, вмѣсто жизни!

Н. Гервель.

И. МАЖУРАНИЧЪ.

Иванъ Мажураничъ, знаменитый хорватскій поэтъ и одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ иллирійской идеи на югѣ, родился въ 1813 году въ мѣстечкѣ Новомѣ. Окончивъ гимназическій курсъ и пройдя курсъ философіи, Мажураничъ выступилъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, на литературное поприще съ нѣсколькими стихотвореніями, написанными еще во время студенчества и напечатанными въ «Денницѣ». Затѣмъ, въ 1841 году онъ издалъ, при содѣйствіи своего друга Узаревича, «Нѣмецко-иллирійскій Словарь»; въ 1844 — «Османа» Гундуача, при чемъ присвоилъ къ нему 14-ю и 15-ю пѣсни, которыя были затеряны еще въ XVII столѣтіи. Этими двумя пѣснями Мажураничъ положилъ основаніе своей будущей славы. Въ 1846 году была напечатана въ загребскомъ альманахѣ «Искра» знаменитая его поэма «Смерть Измаила-аги Ченгича», гдѣ она была напечатана по иллирійски, т. е. латинскими буквами. Иванъ Суботичъ перенесъ ее, въ 1853 году, въ Вѣдринѣ, въ своемъ «Цвѣтничѣ Сербской Словесности», по сербски — кирилловскими буквами; наконецъ, Текачъ издалъ ее еще разъ въ 1859 году, въ Загребѣ, кирилловскими же буквами. Указавшемъ на это, какъ на образчикъ сближенія враждебныхъ литературъ, сербской и иллирійской, стремленіе къ которому начинаетъ теперь проявляться съ обычнѣмъ сторонѣ. Появленіе поэмы въ печати было встрѣчено самыми восторженными похвалами всего южно-славянскаго литературнаго міра. Вскорѣ молва о «Ченгичъ-Агѣ» достигла и дру-

гихъ славянскихъ земель и всюду возбудила почитное любознательство. Поэма переведена на языкъ русскій (М. П. Петровскимъ и В. Г. Беведиктовымъ), польскій (Кондратовичемъ-Сирокомлемъ) и чешскій (Л. Коларомъ). Первый изъ этихъ переводовъ пошлѣнъ въ нашѣмъ изданіи. Съ наступленіемъ бурнаго 1848 года, Мажураничъ издалъ въ Карловѣ замѣчательную брошюру на хорватскомъ и мадырскомъ языкахъ, подъ заглавіемъ: «Хорватамъ-Мадыарамъ». Затѣмъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи и отправленіи адреса на имя императора Франца-Иосифа, а въ слѣдующемъ году, по усмирненіи мадырскаго возстанія, находился въ числѣ депутатовъ отъ Хорватинъ и Славоніи, ѣздившихъ въ Вѣну. Въ 1850 году онъ былъ сдѣланъ генеральнымъ прокураторомъ Хорватинъ и Славоніи, а въ 1861 — канцлеромъ хорватско-славонско-далматскимъ. Эту важную должность Мажураничъ занимаетъ и въ настоящее время.

СМЕРТЬ ИЗМАИЛА-АГИ ЧЕНГИЧА.

ПОЭМА.

1.

Смаиль-ага *) слугѣ самъ вѣаетъ
Въ укрѣпленіи сильномъ, въ Стольцѣ,
Въ глубинѣ Герцогвиннѣ:
«Гей! скорѣе выводите
Бѣрднѣ, мною полоненныхъ
На студеной на Морачѣ. **)
Пусть придетъ сюда и Дуракъ,
Что со вѣтовалъ мнѣ, шехма,
Всѣхъ ихъ выпуститъ изъ плѣна.
Влаки ***) люти, говорилъ онъ,
И отмятъ мнѣ, будто, смертью
За погибель этихъ плѣнныхъ:
Будто хищникъ волкъ боится
Исхудалой горной мыши!»

*) Предлагаемый разсказъ имѣетъ историческую основу: Измаиль-ага Ченгичъ былъ убитъ дружиной дробняковъ и черногорцевъ въ 1840 году. Потомки его и теперь живутъ въ Сербовѣ.

** Бѣрднѣми называютъ жителей брда — горы въ сѣверо-восточной части Черногорья, которая и называется Брда. — Рына Ворона, отличающаяся низкою температурою воды, впадаетъ въ Свадрное озеро.

***) Влакомъ турокъ называютъ каждого христіанина въ Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи.

Гибла плоть, но духъ былъ бодръ — не падаѣтъ:
Всѣ они предъ нимъ безъ страха пали.
Вернется того, кто можетъ
Безъ тревоги свѣтъ оставить.

Видитъ ага эту силу
И въ груди ужъ чуетъ холодъ:
Словно жало ледяное
Ледянымъ концомъ вознѣлось
Въ душу аги-господаря.
Не отъ жалости ль къ янагамъ,
Такъ напрасно умерщвленными?
Турокъ жалости не знаетъ
Къ христіанамъ. Не отъ страха ль?
Не за голову ль боится?
То въ душѣ его таится.
Иль не видишь, какъ желаетъ
Храбрый воинъ переслѣтитъ
Холодъ, отъ махнѣшей раны
Пробѣгающей по глѣзу?
Посмотри, какъ тордо къ небу
Голова его подыята,
И чело свѣтло, и око
Такъ и искрится; взгляни лишь
Хоть на эту кривую глѣзу:
Зная силу за собою,
Какъ оно спокойно страждетъ —
И тогда скажи, ну есть ли
Въ немъ хоть легкой признанъ страха?
А теперь послушай рѣчи
Аги къ цѣлому собранью,
Какъ онъ туровъ упорнѣетъ:
«Дуракъ, ты старникъ безмозглый,
Что теперь? куда ты хочешь?
Нѣтъ мышей въ дѣхъ горныхъ больше.
Въ горы? тамъ вѣдъ много бердянъ;
Въ поле? съестся и въ поле.
Не уйдти тебѣ отъ нихъ живому!
Лучше бѣ было къ облакамъ подняться:
Мышь прызнетъ, но на землѣ вернется;
Лишь орызъ ноздъ небеса стремится...
И его на висельну эту:
Пусть узнаетъ онъ за трусость плату.
Если гдѣ еще найдется турокъ,
Что боится этихъ жалкихъ влаховъ,
Такъ и онъ поднимется туда же,
На добычу пороняемъ голодныхъ.»

Молча рабская прислуга
Исполняетъ приказанье
И свою добычу тащитъ.

Побѣжали тотчасъ слуги
И плѣнныхъхъ притащили.
На погахъ у нихъ оковы,
На рукахъ большія цѣпи.
Увидавъ ихъ, грозный ага
Подалъ знакъ воламъ тяжелымъ —
И воламъ и хищнымъ рысамъ —
Пастухамъ — и всѣхъ плѣнныхъхъ
По-турецки награждаетъ:
Острый колъ даритъ янагамъ,
Или колъ, или веревку,
Или саблю назначаетъ.
«Вмъ дары мои по-братски
Раздѣлите межъ собою!
Ихъ про васъ я, турокъ, приготовилъ,
И про васъ, и про свободныхъхъ бердянъ:
Что для васъ, то и для цѣлой Брды.»

Ага подалъ знакъ... но трудно ль
Для бойца за христіанство
Умирать за крестъ, за вѣру?
Скинулъ колъ, вознасясь въ мясо,
Свистнулъ ножъ, назашъ турецкій,
Задрожжалъ и зашатался
Перемѣтъ между столбами,
А не слышно воплей черногорцевъ:
Хоть бы пискъ! хоть зубъ заскрежеталъ бы!
По полянъ кровь уже бѣжала —
Хоть бы пискъ! хоть зубъ заскрежеталъ бы!
Ужъ все поле трунами покрывалъ —
Хоть бы пискъ! хоть зубъ заскрежеталъ бы!
Лишь нвой изъ нихъ воскликнетъ: «Боже!»
А другой прошепчетъ: «Исусе!»
Такъ легко на-вѣтъ промалнсь съ свѣтомъ
Умирать привыкшимъ героямъ.
Кровь бѣжитъ рѣкою по полянѣ.
Молодежь турецкая плазѣтъ
Съ любознательствомъ, съ тихимъ наслажденіемъ
На мученыя христіанъ потаннхъ;
Старики же смотрятъ молча,
Потому-что ожидаютъ
И себѣ такой же мести
Отъ руки проклятыхъ влаховъ.

Мрачно смотритъ лютой ага:
Удивляется невольню
Левъ могучій горной мыши.
Отослать янаку невозможно,
Если онъ не поддается страху.
Погубилъ янаковъ столькохъ ага;

«Амань, амань!» *) просит старец,
И Новица, сын Дурьака,
Тоже молить о пощаде:
«Амань, амань!» восклицает.
Ага смотрит лютым взором
И стоит как столп, как камень.
Лишь рукою знамя он подает —
Старика как не бывало.
Лишь «медеть!» старик промолвить,
Уж падать накинута летю:
Дурьяк воскреснул — все замолкло.

2.

Солнце скрылось, мѣсяц показася.
Но кто тамъ въ ущелье изъ ущелья
Крадется на западъ — къ Черногорью?
Въ ночь бредеть и днемъ лишь отдыхаетъ.
Онъ юнакомъ бравымъ былъ когда-то,
А теперь ужъ не юнакъ онъ больше,
А тростникъ отъ вѣтерка дрожащій.
Бросится въ змѣя съ его дороги,
Или змѣя изъ травы высокой —
Онъ, когда-то бывший злѣ змѣя,
Струситъ чуть ли не больше зайца —
И, бѣдняжка, думаетъ, что волка
Повстрѣчатъ, или — что еще опаснѣй —
Что набѣдетъ на бердскаго гайдука.
Онъ боняетъ, что какъ разъ воплбнетъ,
Прежде чѣмъ до цѣли онъ достигнетъ.

То гайдукъ, или шпюнь турецкій,
Что слѣдитъ за стадомъ мягкорунныхъ,
Или волковъ тяжелыхъ, виторогнхъ?
Не гайдукъ онъ, не шпюнь турецкій,
Онъ кавасъ надежный Ченгичъ-аги,
Злой Новица, воровъ Черногорья,
Старому и малому извѣстный.
И его не пронесли бы Вилы.
А тѣмъ меньше собственныя ноги,
Въ Черногорье при сияньи солнца.
На плечѣ его виситъ винтовка,
Ягаганъ за поясомъ засунутъ,
Съ ягаганомъ пара пистолеговъ.
Этихъ годовъ принакрылъ онъ струкой. **)
На ногахъ его одинъ опанки, ***)

*) Амань — помилуй, турецкое слово. Медеть — то же что в амань.

**) Струка — пледъ изъ грубой шерстяной матеріи.

***) Опанки — обувь черногорцевъ изъ цѣльнаго лоскута бѣлой кожи, нѣчто въ родѣ башмаковъ.

На юначкой головѣ лишь феска;
О чалмѣ нѣтъ даже и помину —
Безъ чалмы летится бѣдный турокъ.
Онъ должно-быть умереть боится:
Знать, есть цѣль, къ которой онъ стремится.

Онъ оставилъ Пуца за собою,
Пробрался чрезъ храброе Гѣшпи
И подходитъ ужъ къ Челкичамъ горнымъ —
Къ нимъ подходитъ, а самъ Бога молитъ,
Чтобъ помочь Онъ миновать и этихъ
Тайно, тихо, никому не зримо.
Умереть, какъ видно, онъ боится:
Знать, есть цѣль, къ которой онъ стремится.

Лишь вторые пѣтухи пролѣли
На Цетинскомъ полѣ — ужъ Новица
Красовался на полѣ Цетинскомъ;
А пролѣли третьи на Цетиньѣ,
Ужъ стоитъ Новица у Цетинья,
И съ привѣтомъ къ стражѣ приступаетъ:
«Богъ на помощь, стража!» говоритъ онъ,
А цетинскій стражникъ отвѣчаетъ:
«Здравствуй, добрый молодецъ! зачѣмъ ты?
Ты откуда, изъ какого края?
Что за нужда къ намъ тебя загнала?
Что пришло такъ рано ты въ Цетинью?»
Хитрый турокъ — хоть ему неловко —
Хитрый турокъ ловко отвѣчаетъ:
«Я тебѣ скажу всю правду, стражникъ!
Знай: юнакъ съ студеной Морачи,
Изъ Тисины, небольшой деревни
У подошвы Дормитора — знаешь?
У меня есть на-сердцѣ три горя:
Первое, что гложетъ это сердце,
То, что Ченгичъ погубилъ морачанъ,
А другое, что мнѣ гложетъ сердце,
То, что Ченгичъ погубилъ злодѣйски
Моего родителя, а третье,
Что такъ больно сердце это гложетъ,
Горе всѣхъ другихъ страшнѣе, глубже —
То, что лютый врагъ мой еще дышетъ.
Ну, такъ ради Бога, умоляю,
Допусти меня ты къ господарю
Твоему и моему съ тѣмъ вмѣстѣ:
Можетъ-быть, онъ въ горѣ мнѣ поможетъ.
Страхъ ему на это отвѣчаетъ:
«Скинь сперва, юнакъ, свое оружье,
И ступай куда тебѣ угодно.»
Входитъ онъ во дворъ черезъ ворота —

И звѣзда, померкшая послѣдней
Въ небесахъ — была звѣзда Ченгича.

3.

Поднялася чета-дружина
На Цетиньѣ въ Черногорьи,
Но велика, но отважна:
Въ ней всего-то сто юнаковъ,
И юнаковъ не отборныхъ,
По наружности, по виду,
Но по храбрости героической.
Каждый радъ изъ нихъ ударить
На двоихъ, за-то навѣрно,
А не на десять, чтобъ послѣ
Отступить, бѣжать съ позоромъ.
Всѣ они погибнуть рады
За священный крестъ, которымъ
Знаменатъ себя привыкли,
И за крестъ, и за свободу.
Удивительное дѣло!
Та чета не собиралася,
Какъ собираются другія,
И не слышалось, какъ прежде:
«Кто юнакъ, впередъ, въ ущелье!»
Кто юнакъ, впередъ, въ ущелье!
Охо горь не повторило.
Словно гласъ духовъ неясный,
Словно говоръ безънасныхъ
Разносился Черногорьемъ
Отъ скалы къ скалѣ, и — диво —
Въ мракѣ чудилось, что дышетъ
Жизнью даже мертвый камень,
Что дрожитъ, ползетъ и къ верху
Даже голову вздымаетъ,
Изъ скалы недвижной жахнетъ
Онъ могучую десницу,
Ногу врыбную; сказалъ бы,
Что въ его холодныхъ жилахъ
Кровь кипитъ и бѣетъ потокомъ.

Видишь длинную винтовку
Вверхъ направленную дуломъ;
Что же въ поясѣ хранишь,
То отъ всѣхъ скрываетъ струка,
И того чужды очи
Не увидятъ. Тѣма густая
Закрываетъ тайны ночи;
Голосъ водитъ всѣхъ — не они.

Часъ глухой и темной ночи...

Свѣтлыхъ звѣздъ не видно въ тучахъ,
Ни блестящаго оружья
Въ тѣмъ ночной подѣ грубой струкой.
Такъ идетъ чета ночная;
Передъ ней юнакъ безстрашный:
Въ тикомъ шопотѣ другъ другу
Каждый звалъ юнака Миркомъ.

Такъ идетъ чета! Куда же?
Тщетно ты ее спросишь бы.
Тщетно спрашивалъ бы молнии,
Тщетно спрашивалъ бы грома,
Дано ли они несутся?
Всѣ на это отзвонится:
«Знаетъ то лишь Громовержець,
Тотъ, кому міръ подвластенъ.»

Такъ идетъ чета! Куда же?
Знаетъ только Онъ, Всевышній.
Вѣрно, тотъ великій грѣшникъ,
На кого Онъ насыпаетъ
Эту силу съ звѣздной виси,
Судъ своей предвѣчной правды.

Тихо, глухо всѣ ступаютъ
Въ этой тѣмѣ глухой и тихой.
Говоръ, шопотъ, свѣтъ и тѣненья
Тамъ не слышались; изъ сонни
Голосовъ не слышитъ голосъ.
Словно туча градовая,
Страшный бичъ въ себѣ скрывая,
Приближается неслышно,
Угрожая горѣть краю,
Надъ которымъ вдругъ нависнетъ:
Такъ и храбрая дружина,
Подъ покровомъ темной ночи,
Подошла на десницу Божью;
Тихо ша, чтобъ преступленіе знало,
Что оно еще не безопасно,
Если громъ не вдругъ ударитъ съ неба;
Чѣмъ позднѣе, тѣмъ онъ бѣдетъ сильнѣе.

Не звучитъ нигдѣ оружье,
Не звенитъ и стволъ ружейный,
Не звучатъ литые токи *)
При походѣ тихой, легкой;
Словно зная кто ступаетъ,
Подѣ опанками юнаковъ

*) Токи — тѣсныя ряды серебряныхъ или мѣдныхъ шутовъ, нашитые впереди на курткахъ, надѣваемыхъ сверху.

Шумно змблется стремнина,
Опускается пригорокъ.
Всѣ друтъ съ другомъ ровно идутъ,
Неразучно, вѣрно, твердо,
Словно близнецы сѣтлина
По закатѣ тихомъ солнца.
Вотъ ужъ Комалеи, Загорачъ,
Бѣлопавичи — всѣ были
Далеко за ними, къ Ровчамъ
Каменистымъ ужъ подходятъ;
А за Ровламп къ расцвѣту
Прибыла чета къ Морачѣ,
Къ той Морачѣ, отъ которой
Цѣлый край названіе принялъ.
Храбрая чета на днелку
Избрада Морачскій берегъ.
Кто, склонившись къ росистымъ
Травамъ, своимъ жезлаетъ силамъ
Подкрѣпнть, другой же смотритъ
На замокъ ружейный, или
Счетъ ведетъ своимъ зарядамъ,
Или пожъ булатный точитъ;
Кто, добывъ огнивой искру
И подъ сущъ огонь засунувъ,
Богатырскимъ дуновеньемъ
Быстро пламя раздуваетъ;
А шой, взявъ часть барапа,
Даръ незлобиваго стада,
Жарилъ весело на шрутѣ
Изъ оръяника; другой же
Изъ своей походной сумки
Доставалъ кусочекъ сыру.
Нить захочетъ? воть Морача возлѣ.
Чашу нужно? естъ на это руки.

Вотъ и день ужъ настаиваетъ,
И ужъ слышится въ сосѣдствѣ
Голосъ пастыря, который
Гонитъ стадо; колокольчикъ
На вождѣ-баранѣ громко
Вторитъ пастырской свирѣли.

Рядомъ съ нимъ другой смиренный пастырь
Шошь навстрѣчу собственному стаду.
Не украшенъ онъ серебромъ и златомъ,
Онъ украшенъ доблестью во взорѣ,
И въ простую мантію одѣянъ;
Нѣтъ за нимъ проводниковъ блестящихъ,
Нѣтъ ни свѣчи, ни факеловъ зажженныхъ,
И не слышно звона съ колоколкинъ;
Свѣтитъ только на закатѣ солнце,

Да звенитъ бубенчикъ на барабѣ.
Храмъ его — безоблачно небо,
А алтарь — утесы и долины,
Опианамъ — дугонъ благоуханье,
Что горѣ возносится на небо
Отъ цвѣтовъ, растущихъ безъ призора,
Отъ цвѣтовъ и крови христіанской,
Пролитой за честный Крестъ, за Вѣру.
Подойда къ четѣ, служитель вѣрныи
Своего небеснаго Владкии
Говоритъ юнакамъ: «Вотъ на помощь!»
И на камень старецъ становится,
И ведетъ такую рѣчь къ собранью:
«Чада, чада вѣрныи отчизни!
Вотъ земля, въ которой вы родились;
Хоть она скалиста, но безцѣнна.
Дѣды ваши родились здѣсь же,
И отцы у васъ родились здѣсь же,
Да и сами вы родились здѣсь же:
Нѣтъ земли для васъ на свѣтѣ лучше.
За нее кровь лили ваши дѣды,
И отцы кровь лили за нее же,
За нее вы лѣте кровь и сами:
Нѣтъ земли для васъ дороже въ свѣтѣ.
И орлы вьютъ гнѣзда на вершинѣ!
Не найги свободы на равнинѣ!

«Вы, которые привыкли
Жить умѣренно и трезво,
Не заботитесь, даютъ ли
Виноградный сокъ утесы,
Не заботитесь, даютъ ли
Вдоволь хлѣба ваши скалы,
Не заботитесь, даютъ ли
Ваши горы шолкъ, покада
Есть вода въ ручьяхъ холодныхъ
И мычать воли въ долинахъ,
Да бзвѣять въ ущельяхъ овца!

«Порохъ есть, да и свинцу довольно,
И силна дщеница у юнака,
И соколы око подѣ рѣсницей;
А въ груди кинитъ-стучится сердце,
И тверда, неколебима вѣра;
Побратимъ за побратимомъ смотритъ,
Вѣрныи мужъ любимъ супругой вѣрной...
Нѣтъ оружья? — турокъ намъ приноситъ:
Вотъ и все, что сердце ваше проситъ.

«Но всего прекраснѣй въ этихъ скалахъ —
Это крестъ, воздвигнутый надъ нами.

Онъ одинъ васъ въ горѣ укрѣпляетъ,
Онъ одинъ вамъ открываетъ небо.
Еслибъ всѣ народы остальные
Изъ своихъ равнинъ необозримыхъ
Этотъ крестъ всецѣльный увидали,
Крестъ никѣмъ еще не побѣжденный,
Что стоить на Ловченѣ высокомъ,
Возносился къ сіюшему небу;
Еслибъ всѣ народы эти знали,
Какъ его хотѣлъ нечестныи турокъ
Поглотить своею алчною пастью,
Тщетно зубъ копя здѣсь о скалы:
О! они, сложивъ спокойно руки,
Не смотрѣли бь такъ на ваши муки;
И за то, что вы же умирали,
Сторожа ихъ мирный сонъ — едва ли
Васъ они за дикихъ бы считали!

«Вн за крестъ тотъ умерѣть готовы,
Свято гнѣвъ небесныи исполняя.
Не смотрѣли бь такъ на ваши муки;
И за то, что вы же умирали,
Сторожа ихъ мирный сонъ — едва ли
Васъ они за дикихъ бы считали!

«Кто изъ васъ обидѣлъ словомъ брата;
Кто убилъ слабѣйшаго на схватѣ,
Освернивъ поступкомъ этимъ душу;
Затворилъ передъ прохожимъ двери;
Не сдержалъ лукаво обѣщанье;
Отказалъ голодному въ трапезѣ;
Не прирѣлъ ираненаго брата:
Вотъ дѣла грѣха и осужденья!
Липъ въ одномъ раскаянн прощенье.

«Кайтеса, пока еще есть время!
Кайтеса — еще не поздно, дѣти!
Кайтеса, покада ваши души
Не стоятъ передъ престоломъ божьимъ!
Кайтеса: течене этой жизни
Незамѣтно движется къ закату.
Кайтеса, кайтеса: можетъ-быть денница
Многихъ васъ уже не встрѣтитъ завтра.
Кайтеса же!» Но въ горѣ старца
Рѣчь уже остановилась,
И на бороду упала
Горча-сазая, блистая
Словно жемчугъ въ блескѣ солнца.
Можетъ-быть, онъ вспомнитъ время
Юныхъ лѣтъ, но безъ укора
Проведенныхъ имъ, и, явля

Въ юномъ стадѣ испѣля,
Воль почуялъ въ старыхъ ранахъ.
Добрый пастырь! — правъ онъ въ словѣ съблгомъ:
У него не споритъ слово съ дѣломъ.

И растроганне доброй
Рѣчью праведаго старца,
Всѣ въ безмолвнн стояли;
Аглицы кроткіе вдругъ стали
Изъ могучихъ львовъ тѣхъ! Чудо!
Такъ всецѣльно Божье слово владу.

Но кто онъ, представшии грозно
Предъ четой, теперь смиренной,
И заставивши схватиться
Сотню руть за лгатами?
Непонятное явленье!
Сто сердець въ одно мгновенье
Отварили онъ вновь отъ неба,
И въ чему стремились сотня
Самыхъ пламенныхъ желаній —
Онъ разрушилъ, уничтожилъ!
То заклятыи врагъ, Новина,
То Новина — весь свобода —
Подойда къ рвятому мѣсту,
Пристываетъ ближе къ старцу
И свой голосъ возвышаетъ:

«Ради Бога, братья черногорци,
Не хватитесь за свое оружье!
И Новина, но уже не прежннй —
Не на насъ идѣ, идѣ я съ вами,
Чтобъ въ крови турецкой вымытъ руки.
Все что прежде я имѣлъ у турокъ,
У меня все отнялъ лютыи турокъ;
У меня остаался лишь дщеница,
Да и та принадлежить отниа!
Ужъ не мнѣ, а братьямъ черногорцамъ.
Любъ юнакъ крещеныи христіанамъ —
Такъ скорѣй меня крестите, братья!
Часъ насталъ: не въ силахъ больше ждать я!»

Сто дщениць при этомъ словѣ
Многимъ бросили оружье,
И сто глазъ съвозъ слѣзы видать
Только радугу — не солнце.
Старець подавъ знакъ — и многимъ
Ужъ несуть съ волоку чану.
«Вѣруй, чадо, въ Трисвятого Бога,
Въездержителя, Отца и Сына
И Святого Духа! вѣруй, сынъ мой,

Вѣруй, вѣруй, и спасетъ те вѣра!
И сказавъ то, старецъ вынулъ воду
На главу невѣрнаго... Лишь горы,
Да внизу ихъ дѣти, черногорца,
Были тамъ свидѣтелями тайны.
И потомъ, подъявши къ небу очи,
Кроткія, незлобивыя очи,
И сухія руки, старецъ пастьеръ
Отпустилъ юнакамъ согрѣшенія
И смиренно воззвалъ ихъ Богу:
Каждому юнаку далъ частицу
Тайной пищи, неземного хлѣба;
Каждому юнаку далъ по каплѣ
Тайнаго небеснаго напитка.
Смотритъ солнце на такое диво:
Слабый старецъ подкрѣпляетъ слабыхъ
Для того, чтобы земная сила
Божьей волѣ правдой послужила.

И когда имъ старецъ подаль силы —
Всѣ подождать до едина.
И стоимъ, исполнена Всевышнимъ,
Та чета, ужь не какъ ковь кровавымъ,
Наносиши смерть своимъ ударомъ —
Какъ перо святое, золотое:
Имъ же небо нишетъ для потомства
Подвиги отцовъ и дѣдовъ. Солнце
За горой далекой потухало.
Тихо въ церковь шолъ старикъ убогой,
И дружина шла своей дорогой.

4.

Поле Гацкое *) родное,
Какъ бы ты привольно было,
Еслибъ съ голодомъ не зналось,
Еслибъ съ голодомъ не зналось,
Съ злой неволей не встрѣчалось!
На тебѣ сегодня ширь кровавий,
Палачи повсюду, да оружье,
Военныя кони, да палатки,
Тяжкія оковы, да фелеси. **)
Что же тамъ за палачи такіе?
Для чего тамъ свѣтлое оружье?
Что за кони? и зачѣмъ шатры тамъ,
Тяжкія оковы и фелеси?

*) Гацкое поле находится въ Герцеговинѣ, на сѣверо-западъ отъ Черногора.

**) Фелеси — орудіе, которымъ сдерживаются ноги при известномъ названіи по шатамъ.

Сманлъ-ага тамъ собираетъ подать
И на Гацкомъ полѣ и за Гацкомъ.
Середъ поля онъ шатры раскинулъ,
Разослалъ онъ сборщиковъ удамъхъ,
Сборщиковъ — зайли бы ихъ волки!
Хочетъ онъ съ души взять по дукату,
Со двора по жирному барану
И добыть себѣ красоту на нош.

Ѣдутъ турки-сборщики съ востока,
За собой ведутъ нагуя раю;
Показались сборщики съ заната,
За собой ведутъ нагуя раю;
Ѣдутъ, змѣи, съ сѣвера и юга,
За собой ведутъ нагуя раю.
По слѣдамъ коней ступаетъ рая;
Связаны у раи бѣдной руки,
За спиною связаны веревкой.
Боже, въ чемъ же рая провинилась?
Въ томъ ли, что нужна подѣла турокъ?
Въ томъ ли, что ихъ пѣчишь одолѣть,
Провинилась — въ чемъ же? Въ томъ, что дашетъ,
А не можетъ, по желанью турка,
Дать давать ни золотомъ, ни хлѣбомъ.

Предъ шатрами Ченгичъ-ага
На конѣ лихо кружится
И конье далеко мечетъ,
Упражняя зоркій глазъ свой
И могучую десницу.
То обгонитъ всадника на скачѣхъ,
То метнетъ конье свое всѣхъ дальше.
Да, онъ могъ бы добрымъ быть юнакомъ!
Еслибъ былъ онъ добрымъ человѣкомъ!
Но увидѣвши добычу,
Ту, что сборщики тащили,
Онъ стрѣлою къ нимъ помчался
На конѣ и замачнулся
На бѣгу копьемъ-джикитомъ.
Вотъ, конье подъявши вверху,
Онъ прицѣлился во влaxа;
Но, видать, и у юнака
Измѣнить десница можетъ.
Такъ и здѣсь случилось съ агой.
Легкій конь его споткнулся,
И конье хотъ засвистѣло,
Но въ своемъ кривомъ полетѣ
Вѣсто агнца поразило волка,
И Сафору, что привелъ тѣхъ влaxовъ,
Прямо въ глазъ оно возвилось. Вынулъ
Глазъ съ коньемъ на мураву, а турокъ

Облился своею черной кровью.
Зашипѣлъ онъ дловитымъ змѣемъ.
Вспыхнулъ Ченгичъ-ага, словно пламень.
Просто срамъ подобному юнаку
Данъ собирать и не собрать той дани,
Въ цѣль конье свое метать и цѣли
Не достигнуть: вѣсто бѣдной раи,
Выбить глазъ у преданнаго турка,
Словно на смѣхъ злобнымъ христіанамъ!
Вспыхнулъ Ченгичъ-ага, словно пламень:
Боже, что же отнынѣ будетъ съ влaxомъ,
Если влaxъ и преже не былъ правымъ!
«Гей, Гассанъ, Омерь, Яшаръ, скорѣе,
На коней скорѣе, вы, собаки!
Пронеситесь вы широкимъ полемъ:
Поглядимъ, какъ бѣгаютъ тѣ влaxи!»
Заревѣлъ онъ какъ сердитый буйволъ.
Вняли слуги грозному приказу,
Понеслись лихія кони полемъ,
Крики слугъ съ коней лихихъ несутся,
Тонотъ конский слышенъ подъ слугами,
Волни раи слышны за конями.
Въ первую минуту, какъ посмотрѣши,
Рая носится быстрѣй, чѣмъ кони;
Во вторую разобрать ужь трудно:
Кони ль, раи ль бѣгаютъ быстрѣе;
Въ третью — кони напередъ несутся,
Отстаютъ измученная рая —
Мигъ — и рая падаетъ на землю,
И волочатъ кони раю
По травѣ, въ пыли, по намямъ,
Словно Гектора подъ Троею,
Лишь забыли боги Троею.
Турки смотрятъ на ристанье
И тѣмъ зрѣлищемъ ужаснымъ
Услаждаютъ чувство зрѣнья,
Насыщаютъ жажду крови —
Влaxской крови, мучой влaxовъ.
Иногда, развеселившись,
Дружный хохотъ подымаютъ,
Увидавъ, какъ эта рая,
Эти пси вдругъ падали на землю.
Таеь могли лишь демоны смѣяться,
Видя муки грѣшниковъ въ гееннѣ.
Не устали злые турки;
Утомились только кони,
Той живое бороною
Заборанивая поле,
Утомились — спотыкались.

«Гей, вы слуги! окрикнулъ лютый ага:

Поло жадитъ — умираетъ рая;
Такъ скорый мнѣ раю воскреситъ,
Чтобъ мол добыча уцѣлѣла!»
Злые слуги злѣйшаго владыки
Соскочили всѣ съ коней на землю
И, держа въ рукахъ бичи тройные,
Бросились на чутъ живую раю,
Чтобъ припили въ себя собаки-влaxи.
Свѣщетъ бичъ въ рукѣ пророчной,
Расѣбая мертвый воздухъ:
Плотъ грызетъ тройное жало,
Источая токи крови.
Если жъ бичъ порою оплоскаетъ,
То на тѣлѣ страшную картину
Черно-синихъ лютыхъ змѣй напечистъ,
А подъ ними жертва еле дышетъ.

«Ну, вставай скорѣе, рая!
Эй, въ на ноги, собаки!»
Раздаются крики турокъ.
Рая въ страхѣ собираетъ
Угасающія силы:
Его сильнѣе, потихоньку
Привстаетъ и становится
На израненныя ноги.
Его слабѣе, тотъ какъ-будто
Сквозь свой сонъ тяжолый, вѣчный,
Слыша страшнаго проклятья,
Чужа боль отъ злого жала,
Удержать въ себѣ желаетъ
Отлетающую душу —
И ползетъ на четверенькахъ.
Не одинъ, какъ видно, голосъ трубный
Пробудитъ отъ сна усонихъ можетъ
Въ день суда послѣдняго, но даже
Бичъ тройной способенъ вызвать къ жизни.

Лишь съ шатрами поравнялась
Рая, кровью облитая —
Ага страшный, словно призракъ,
Зарычалъ предъ бѣдной раей:
«Подави мнѣ подать, рая!
Подать, или худо будетъ!»

Вседержитель питамъ отдастъ воздухъ,
Дупла далъ, спонория далъ гнѣзда;
Рыбамъ воду, глубинамъ морскія,
Свѣтлые, кристаллыя чертоги;
Звѣрю далъ тѣса, круглыя горы,
Тѣмъ нещоръ и шолъ луговъ зеленыхъ;
Бѣдной раѣ не далъ корня хлѣба,

Чтоб ее слезами оросила.
Нѣтъ! и ей онь дать удѣлъ отраднй,
Да все отнялъ турокъ кровожаднй!

«Подать, подать!» Гдѣ взять раѣ подать?
Гдѣ взять злата, если нѣтъ и крова,
Подъ которымъ голову склонила бѣ?
Гдѣ взять злата, если нѣтъ и пола,
Лишь чужое пѣтомъ орошаешь?
Гдѣ взять злата, если нѣтъ и стада,
На скалахъ же лишь насешъ чужое?
Гдѣ взять злата, если нѣтъ одежды?
Гдѣ взять злата, если нѣтъ и хлѣба?

— «Голодъ, холодъ, господарю!
Подожди пять-шесть денчиковъ —
Соберемъ мы Христа-ради!»
— «Подать, подать подавайте!»
— «Хлѣба, хлѣба, господарю!
Мы давно уже безъ хлѣба!»
— «Погодите, пен, лишь только
Ночь съ небесъ сойдетъ на землю,
Будетъ мясо вмѣсто хлѣба!

Гей, ребята! эти вlahи боси,
Такъ подуйте ихъ, чтобъ имъ надохнуть!»

Отвѣчалъ онъ и вошелъ въ шатеръ свой.
Тотчасъ слуги бросились къ раѣ,
И при этомъ одноглазый Саферъ
Веселѣе всѣхъ засуетился:
Къ общей рудей радости онъ хочетъ
Вымскити на раѣ глази пропавшій.

То раздаста скрипъ фелековъ,
То рыканіе Сафера:
«Подать, подать подавайте!»
То отвѣтъ несчастной раи:
— «Хлѣба, хлѣба, господарю!
Мы давно уже безъ хлѣба!»

— «Погодите, пен, лишь только
Ночь съ небесъ сойдетъ на землю,
Будетъ мясо вмѣсто хлѣба!»
Повторялъ злодѣй слова злодѣя.

Но опишетъ ли кто вѣрно
Эти тяжкія страданія?
Да и кто же равнодушно
Могъ бы слушать эту новѣсть?

Минулъ день, сошолъ на землю сумракъ,
А за нимъ и ночь сошла на землю.
Небеса усыпаны звѣздами,

Только западъ былъ еще во мракѣ;
Полумѣсяцъ шолъ по голубебу,
Освѣщала грустную картину.

Средъ пустаго поля липа
Вѣковѣчная стояла,
Окруженная шатрами.
Между ними палатчій,
Нануцнй, наибольшій,
Возвышавшійся надъ всими,
Вылъ шатеръ Ченгича-аги,
Словно бѣлый стройный лебедь
Въ голубиной бѣлой стаѣ.
Въ тихомъ, кроткомъ лунномъ свѣтѣ
Ставки бѣлые бѣлѣлись,
Какъ могилы въ горахъ снѣга,
Надъ которыми въ полночь
Грозою вьются вѣны духи
И прохожаго почного
Привидѣнныи пугаютъ,
Или ухо огулаютъ.
Ляжемъ поевъ, рываемъ львовъ нагорныхъ,
Воплемъ душъ страдающихъ за гробомъ.

Мнилось, здѣсь лежитъ кладбище
Славныхъ праотцевъ славянскихъ,
Тѣхъ славянъ, которыхъ слава
Разносилась далеко,
И вокругъ которыхъ турокъ
Извивался днемъ и ночью,
Долго голову ломая,
Чѣмъ и какъ задѣть бы страху,
Чтобъ несчастные потомки
Славныхъ предковъ въ злой негодѣ
Могла ждали лучшей доли!

Слышно лишь, какъ львомъ рыкаетъ турокъ,
Или поемъ голоднымъ завываетъ.
Слышно лишь стенанія страдалицъ,
Крики ихъ, мучительные вздохи,
Страшнй звукъ оковъ, дѣней тяжолыхъ,
И за нимъ мольбы, призывъ на помощь...
Слушай, братъ, ужены воли — призракъ?
Слушай, братъ... да нѣтъ, не призракъ это...
Вижу я, какъ тяжело ты дынешь...
Плачешь ты? о, нѣтъ, не призракъ это:
Вѣдь бы ты предъ призракомъ не плакалъ.

Разведетъ огонь передъ шатрами,
И вокругъ его мелькаютъ турки.
Тотъ въ огонь поджидываетъ хворость;

Тотъ, надувшись точно мѣхъ кузнечнй,
Понемногу раздуваетъ пламя;
Тотъ сидитъ, поджавши ноги, возлѣ,
Надъ огнемъ веритъ баранье мясо;
На улахъ шипитъ баранье мясо —
И огонь его какъ-будто лижетъ,
Освѣщала потъ, который градомъ
По лицу изъ-подъ чамы струился.
И тогда баранъ ужъ былъ изжаренъ,
Онъ былъ тотчасъ снятъ съ тяжелой жерди,
Цѣпкомъ на длиннй столъ наваленъ
И пожомъ огромнымъ весь разсѣченъ.
Тутъ орда турецкая къ трапезѣ
Подшла, какъ-будто волчья стая,
И руками стала рвать добычу.
Первымъ былъ межъ ними Ченгичъ-ага,
А за нимъ Баукъ и остальные:
Звѣри такъ выдуются на падалъ.
Захвативъ и ракии, и хлѣба,
Стала ѣсть орда та мясо съ хлѣбомъ
И притомъ не забывала жажду
Заливать палицей, жгучей водкой.
Утоливъ свой голодъ и удвоивъ
Злость свою палицей, жгучей водкой,
Какъ огонь вдругъ вспыхнулъ Ченгичъ-ага:
Просто срамъ подобному юнаку
Данъ собирать и не собрать той дани,
Въ дѣль кошъ свое метать и цѣли
Не достигъ, а вмѣсто жалкой раи,
Выбить глазъ у преданнаго турка,
Словно на смѣхъ злобнымъ христіанамъ.
Какъ огонь вдругъ вспыхнулъ Ченгичъ-ага,
И сказала слугамъ: «Довольно мяса!
Кости вы голодной раѣ бросьте,
Кости лишь, а мясо приберите:
Какъ скажу, такъ чтобъ готово было.»
Прорывѣвъ онъ и ушелъ въ палатку.
Тотчасъ слуги бросили свой ужинъ
И пошли готовить все къ веселью:
Крѣпкія веревки и соломъ,
Чтобы разо обкурить порядкомъ,
Привлаивъ ее къ кудрявой лигѣ,
Головою внизъ, ногами вверхъ;
Обкурить, чтобъ тотчасъ выжаръ злато
Изъ несчастной, неодѣтой раи,
У которой не было и хлѣба.
Чтѣ же раи?... чтѣ же раѣ дѣлать?
Мать земля жестка, далеко небо;
Плачетъ сердцемъ, видя чтѣ съ ней будетъ,
Плачетъ сердцемъ, хотъ не плачутъ очи.
И когда все было ужъ готово,

Ждали, не могли дожидаться слуги,
Всѣхъ же больше одноглазый Саферъ,
Скоро ли имъ крикнетъ Ченгичъ-ага:
«Ну, тешеръ и съ липовымъ народомъ!»
Намъ пора, ребята, расцѣпляться,
Ужъ пора его на липу вадернуть!»

Между-тѣмъ ага сидѣлъ въ палаткѣ;
Съ нимъ — Баукъ лукавнй, повоеда,
Мустафа, его совѣтникъ вѣрнй,
И другіе старше изъ турокъ.
На полу ковры поволоку
Разноцвѣтные лежали,
И на нихъ вездѣ подуми
Предлагали тѣлу нѣгу,
Нѣгу сладкую и отдохъ.

А въ углу на огонькѣ тремала
Только-что освѣщенная вѣтла,
И тремала, словно пѣною пѣла,
Пѣла съ плачемъ, плакала съ пригѣвомъ.
А въ среднѣ, на высокой жерди,
Около которой разстилалась
Горда палатка Ченгичъ-аги,
Пшнное оружіе блестяло:
Ружья и холодное оружіе.
Тамъ влики дамасскіе сияли
Сотни разъ точившіе изъ влаховъ,
Изъ собакъ нечистыхъ, кровь ручьями;
Возлѣ нихъ виднѣлись ятаганы
И ножи бузавные безъ счета;
Много тамъ и длинныхъ ружей было,
Съ золотой изрядною насѣчкой
И безъ счета цѣпныхъ пистолетовъ.
Но чтѣ тамъ склонилось къ шестоперу?
Никогда невиданное диво!
Возлѣ волка агнецъ непорочнй,
Рядомъ съ змѣемъ — причрачная вилла!
То склонились гусли къ шестоперу!
Видишь ихъ, мой братъ? но не пугайся:
Шестоперъ тѣ гусли не расщепитъ,
Струны ихъ не превратитъ въ вериги,
А смолчекъ невнннй въ духъ укасиинъ
И въ коня удалаго кобылку.
Знай, славянскій-вннм не боится
Шума битвы и грохота оружія:
Гдѣ молчитъ вннтова боевая,
Тамъ молчитъ и пѣсна удайя!

*) Липовый человѣкъ, липовый христіанинъ — слабый, недѣлательный славянскій на языкѣ турка.

Небо, чистое въ то время,
Все одѣлось черной мглою.
И когда бы оно снова лучи
Могъ смотрѣть, то увидаль бы
Какъ дрожали тамъ плейды,
Эти маленькія звѣзды,
Надъ палаткой Ченгичъ-аги,
И какъ мѣсяцъ витогорій
Выступалъ передъ звѣздами,
Какъ баранъ-вожакъ предъ стадомъ.
Ночь глухая наступила,
Не слышать нигдѣ ни звука,
Лишь роса сусукалась тихо
На цвѣты, какъ слѣзкъ неба.

Страшный мракъ, ступавшійся все больше,
Тамъ одѣлъ и горы и долины,
Что руки нельзя увидѣть было,
А куда уже разглядѣть тропинку!
Горе тѣмъ, кого въ дорогѣ
Ночь такая заставала,
Если нѣтъ вблизи привала.

Расходились, разыгрались вѣтеръ,
Засверкала молнія, бичуя
Воздухъ, землю пламенемъ небеснымъ.
То предъ взоромъ свѣтъ невмоосимый,
То опять одѣнется все тьмою —
Тьмою большей чѣмъ казалась прежде.
Вотъ и громъ послышался внезапный,
Громъ глухой, гремѣвшій въ отдаленіи.
Вотъ все ближе, громче и страшнѣе
Отдается грохотъ по ущельямъ.
Гуль глухой идетъ горѣ и долу;
По доламъ, ущельямъ слышно бзо:
Быть бѣдѣ, не обойдется безъ бури!
Горе тѣмъ, кого въ дорогѣ
Ночь такая заставала,
Если нѣтъ вблизи привала!

Еслибъ ты синюю къ вѣтру
Сталъ въ тотъ мигъ, какъ молнія блеснула,
И внимательно взглянулъ бы
Прямо по вѣтру въ равнину —
Увидаль бы тамъ толпу народа:
Вышетъ всѣ, лишь мракъ ихъ раздѣляетъ.
То гроза покажетъ имъ дорогу,
То вдругъ тьма оная ее отниметъ;
Но они походкой легкой
Вблизи все подходятъ къ стану.
Ночь черна! хотѣть чрезъ тьму продрагаться,
Чтобъ скорѣй къ ночлегу лишь добраться.

Но вотъ снова молнія блеснула,
И людей вблизи ужъ освѣтила —
И теперь нетрудно было видѣть,
Кто ихъ вождь и кто идетъ съ нимъ рядомъ.
Знать, одинъ изъ нихъ глава дружины,
А другой надежный ихъ вожатый;
Знаетъ онъ всѣ доли и всѣ горы
И во тѣмъ ведетъ свою дружину.
Посмотри, какъ онъ легко ступаетъ,
Словно вѣтеръ мчитъ его въ пространствахъ.
Что жъ его влечетъ? чего послушно
По его слѣдамъ еще проходятъ
Двѣсти ногъ? Быть-можетъ, темной ночи
Онъ боится, любить сонъ и нѣгу
И теперь торопится къ ночлегу?

Влескъ грозн, мелькнувшій въ ту минуту,
Указалъ дружину за шатрами,
Какъ она въ три ряда становилась,
На три части храбрая дѣлилась.
И стоитъ чета ночная,
Словно туча грозовая,
Или лава, что несется
Съ горъ высокихъ и ключемъ кипящимъ.
Лѣтѣтъ съ ревомъ на головы спящимъ.

Вотъ чета прислушиваться стала:
Разузнать ей хочется гдѣ ага.
Долетать до нея ужъ крики:
То Саферъ съ достойною дружиной
Напередъ бесстыдно издѣвался
Надъ страданіемъ горемичной раи.
А въ палаткѣ ага возсѣдаетъ,
Куритъ онъ и таетъ черный кофе.
Ясное чело Ченгича
Видо въ этотъ мигъ въ морщинахъ,
Выстрелъ взоръ его какъ-будто
Видъ подернуть мрачной тучей.

Онъ хранитъ глубокое молчанье;
Въ головѣ его кружатся мысли
О красѣ дѣвичьей, объ оружьи,
О своей охотѣ соколиной,
О войнѣ, о золотыхъ дукатахъ,
О кровавыхъ казняхъ, черногорахъ,
О металѣ въ цѣль копей-джангомахъ.
Слова всмѣхнулъ ага, словно пламенъ:
Просто срамъ подобному янаку
Данъ собирать и не собрать той дани,
Въ цѣль копье свое металъ и цѣль
Не достичь, а вѣсто жалкой раи,
Выбить глазъ у преданнаго турка,

Словно на смѣхъ злобнымъ христіанамъ.
Какъ огонь вдругъ вспыхнулъ Ченгичъ-ага;
Но когда ага замѣтилъ гусли,
На столбѣ висѣвшихъ съ оружіемъ,
Вѣшенство въ крови его утихло,
Услышавъ горечь черной крови,
Словно онъ гармоніей небесной
Тронуть былъ; и жажда крови въ агѣ
Превратилась въ жажду пѣсанъ —
Такъ могуча сладость звуковъ!

Говоритъ Вауку Ченгичъ-ага:
«Гей, Ваукъ, почтенный воевода!
Удалство твое, я слышалъ, хвалить;
Ну, а что, когда бъ на насъ напали
Эти мшны горныя нежданно,
Сколько бъ ихъ одинъ ты искалѣчилъ?»
— «Да съ шесторою, господарь, побилъ бы.»
— «Просто дрянъ ты, баба! а я думаю,
Что и вправду ты юнакъ удалый!
Пусть ударятъ два десятка бердянь,
Да поможетъ мнѣ святая вѣра,
Я одинъ бы всѣхъ ихъ обезглавилъ.
Знаешь, я чуть-чуть не вналъ въ сомнѣнье:
Я курилъ, а самъ все время думаю,
Что гроза забавѣ помѣшаетъ,
Проконитъ намъ не позвонитъ влаховъ.
Знаю я, что ты пѣсанъ искусный,
Я жъ охочу до пѣсанокъ подъ гусли —
Такъ зайой, погнѣшь меня, пріятель!»

Всталъ Ваукъ, снялъ съ полки гусли
И, поджавши снова ноги,
Сѣлъ на прежнее онъ мѣсто;
И на мягкую подушку
Положилъ живыя гусли.
Вправо, влѣво онъ смѣчкомъ проводитъ;
Исправляетъ тонкую кобылку —
И вотъ звуки гуслей разлились,
Завучалъ затѣмъ могучій голосъ,
И пѣвелъ искусный и луваявй
Затянулъ подъ звуки гуслей пѣсно:

«Правый Боже, что за чудный воинъ
Быль Ризванъ-ага, владико сильный!
Какъ искусно онъ владѣлъ оружіемъ,
Острой саблей и копеймъ бутатнымъ,
И ружьемъ, и лютамъ атаганомъ,
И копеймъ своимъ лихимъ, удалымъ!
Ага сходитъ на Косою поле,
Собираетъ онъ парену податъ,

Хочетъ онъ съ души ваять по дукату,
Со двора по жирному барану,
На-ночь онъ добыть красотку хочеть.
Собираетъ онъ парену податъ,
Зная рая платить и не платить.
Гдѣ съ души онъ хочеть по дукату,
Тамъ не видятъ часто мѣдной парн,
Хочетъ съ дома жирнаго барана,
А возьметъ — на перечетъ всѣ ребра,
А гдѣ на ночь онъ красотку ишетъ,
Не находитъ и сморчка-старухи.
Запрасетъ ага злую раю,
А потомъ ее выводитъ въ поле,
Въ полѣ ставитъ онъ ее рядами,
На конѣ черезъ нее онъ скачетъ:
Первый рядъ перескочилъ удачно,
И второй перескочилъ удачно,
А когда хотѣлъ скакнуть чрезъ третій,
Длиннй конь его встряхнулся дико,
Лишь скакнулъ онъ, лонгула подруга,
Сильный ага на траву свалился.
И немного времени минуло,
А изъ устъ въ уста уже несется
Сильный понотъ по Косою полю.
Чѣмъ онъ дальше, тѣмъ сильнѣе понотъ;
Послѣ смѣхъ, потомъ насмѣшки раи,
А потомъ сложилась пѣсанъ подъ гусли —
И поютъ слѣпые на Косовѣ:
«Просто дрянъ былъ Ризванъ-ага сильный!»

Эта пѣсанъ еще звучала,
А ужъ каждый могъ бы видѣть,
Кто смотрѣлъ на Ченгичъ-агу,
Что въ лицѣ его видѣлись
Воль, досада, злоба, ярость
И другія злыя страсти,
И кровавыми котлами
Раздрили сердце аги
При звительныхъ намекахъ.

И кровавый пламень грозно вспыхнулъ
Въ гнѣвомъ сердцѣ противъ злобой раи,
Противъ влаховъ, христіанъ поганыхъ,
Противъ тѣхъ собакъ нечестныхъ, скверныхъ,
Что живутъ въ сосѣдствѣ правобѣрныхъ,

Цѣпи, ядь, веревка, сабля,
Ножъ, котелъ съ кипящимъ масломъ,
Копѣ, огонь и сотни пытокъ
Вдругъ припомнились агѣ,
Чтобъ взглянуть слѣдъ насмѣшекъ

И сберечь негронутую славу,
Имя въ пѣсни божьей гуслой.
Брови агн сдвинулись, какъ тучи,
Загорѣлись очи, словно пламя;
По лицу огонь зловѣщій бѣгалъ
И отъ гѣна расширялись лоздри;
На устахъ, ужь въспѣнныхъ отъ злости,
Выраженъ ада показалося.
И легко въ немъ гдѣждь прочталаъ бы:
«Такъ скорѣй погнѣбъ эта рая,
Чѣмъ меня погубитъ пѣсна злая!»

Не успѣвъ Баукъ окончить пѣсни,
Какъ у агн мысль уже мелькнула,
Что и тутъ свидѣлаемъ позора
Не одна лишь злая рая будеть,
И что очи и уста не только
Раъ злои данн природой щедрой:
Рая зла, а турки всѣ лукавы:
Всѣхъ души — и не уронши славы!

Эти злые помысли злой ага
Хочеть скрыть въ душѣ своей лукавой —
И черты лица онъ укроаеть;
По на немъ все ярче и виднѣе
Выстаетъ пламя дикой злобы.
Хочеть онъ казаться всѣмъ спокойнымъ,
А межъ-тѣмъ дрожитъ онъ какъ осина.
Наконецъ, безысанный скрыть ту злобу,
Поднялся онъ въ ярости и вскрикнулъ:
«Ужь пора окончить съ этой раей!
Палаши, пожи, огонь и козлы!
Распуститъ сейчасъ всѣ силы ада!
Я ювакъ, отъ пѣсни жду я славы;
Для того задамъ имъ ширъ кровавый.»

Не успѣвъ домоловить ага,
Какъ раздался мѣткій выстрѣлъ.
И зашумѣло другое око
У Сафера, что всѣхъ прежде
Подкозвалъ на голось агн;
Что отъ древа началось,
То окончилось отъ пули.
«Влахи!» всюду слышны крики.
Въ ту минуту часть дружины
Залпъ дала по всѣмъ палаткамъ.
«Влахи! влахи!» слышны крики.
«Гей, коня мнѣ!» голось агн.
Туть другая часть дружины
Залпъ дала. «Повсюду влахи!

Ружья, ружья, яганаши!
Гей, коня, Гассанъ, коня мнѣ!»
Вотъ и третій залпъ раздался.
Ужь Гассанъ коня выводитъ;
На коли садится ага;
Но свергнула словно молния —
И винтовочна пули
Агу вновь свела на землю.
Ночь мрачна; не знаешь, чья та пуля,
Но вблизи стрѣлялъ въ то время Мирпо,
И во тѣмъ порхнула безъ одежды
Та душа, безъ мира и надежды...

Ага малъ; еще дерутся турки;
Но отъ всѣхъ скрыто было мракомъ,
Что въ борьбѣ геройство совершало.
Ничего не разберешь во мракѣ.
Лишь когда сверкнетъ огонь небесный,
Или вдругъ мелькнетъ огонь ружейный —
Предъ собой вдругъ видишь турокъ влаха
Въ двухъ шагахъ, межъ-тѣмъ какъ прежде думалъ,
Что стоитъ онъ отъ врага на выстрѣль.
И лететь въ желѣзныя объятія,
И звучать желѣзныя лобанья,
И лететь сдѣланнымъ на земь аба:
Такъоаа винить въ души ихъ злоба.

Подъ покровомъ черной ночи
Ходитъ смерть, бросая слѣдъ кровавый;
Очи смерти свѣтятся какъ молнии,
И слово кости вѣдетъ вътръ холодный;
Словно громъ гремитъ она: то «горе!»
То «мудеть!» то «помоги намъ, Боже!»
И задыхаетъ, и хрипитъ, и стонетъ,
И беретъ по сербина, то турка,
Очи ихъ смежая безброурно.

Туть погнѣбъ совѣтники агн, Муа,
Ямаръ злой, Гассанъ, Омерж и тридцать
Мусулманъ изъ сити Ченгичъ-аги;
Мравъ ночной отъ смерти спасъ Бауа
И другихъ, бѣжавшихъ съ поля битвы.

Но кто тамъ лежитъ на трупѣ агн?
Самъ мертвецъ, на трупѣ онъ скалитъ зубы.
Тотъ мертвецъ — Новина. Онъ Гассаномъ
Видъ убитъ въ тотъ мигъ какъ въ жаждѣ мести
Подкозился къ поверженному звѣру,
Чтобъ его добить и обезглавить.
Стихъ свищовый градъ: конопль небесный —

И дружина скрылась подъ шатрами.
Ночь страшна, обита черной кровью,
Ночь темна... дружина же довольна:
На полегѣть новомъ ей привольно.

М. Петровскій.

Л. ВУКАТИНОВИЧЪ.

Людевитъ Вукатиновичъ, современный хорватскій поэтъ и одинъ изъ ревностнѣйшихъ проповѣдниковъ иллирскаго союза, родился въ 1813 году въ Загребѣ. Вукатиновичъ выступилъ на литературное поприще въ 1832 году съ своей драмой «Golubъ». Появление его въ литературномъ кружкѣ Загребя совпало съ началомъ иллирскаго движенія, въ главѣ котораго стоялъ Людевитъ Гай, ревностный проповѣдникъ панславистскихъ тенденцій. Вукатиновичъ примкнулъ къ этому движению и, вмѣстѣ съ Вразомъ, Машураичемъ, Вукуловичемъ, Боговичемъ и другими, влезъ за литературную пропаганду иллиризма со всею искренностью энтузіаста національнаго возрожденія. Вукатиновичъ влезъ за перо и написалъ множество стихотвореній, исполненныхъ самой горячей любовью къ родинѣ, изъ которыхъ половина поѣтся до сихъ поръ народомъ. Онъ призываетъ въ своихъ пѣсняхъ хорватскій народъ «сбросить суровое иго, которое вѣтаетъ ихъ имя и подкапываетъ ихъ племя». Не указывая еще прямо на настоящаго врага, онъ уже съ самаго начала говоритъ хорватамъ: «Все на этой землѣ, и старецъ и дитя, стремится къ золотой свободѣ и съ отточеннѣмъ оружіемъ выходитъ противъ ея нарушителя. Пора уже намъ отточить наши мечи противъ враговъ нашего имени, и въ потокахъ вражеской крови затопитъ вражескую несправедливость: пусть это будетъ нашей первой законнѣю!» Затѣмъ, онъ призываетъ ихъ явиться со всѣми силами на священную войну и общаетъ имъ вѣрную побѣду. Стихотворенія эти, разбросанныя по разнымъ журналамъ и сборникамъ, были собраны имъ и изданы два раза, въ 1838 и 1842 годахъ, подъ названіемъ «Пѣсни и Рассказы» и «Розы и Тернія». Затѣмъ, въ 1844 году, Вукатиновичъ издалъ свои «Историческія Повѣсти», въ духу томахъ, а съ 1847 — еще одинъ томъ своихъ стихотвореній. Кроме того, онъ помѣстилъ много превосходныхъ стихотвореній въ своемъ альманахѣ «Лерти» (1859—1861), гдѣ начатами также

и нѣкоторыя изъ его прозаическихъ произведеній. Съ 1848 года онъ посвящалъ себя практическимъ занятиямъ сельскаго хозяйства, погружаясь въ естественныя науки и сталъ изучать минералогію и геологію, помѣщая свои статьи въ «Хозяйственномъ Листѣ», котораго былъ редакторомъ съ 1856 по 1858 годъ. Будучи въ то же время директоромъ Загребскаго Музея, онъ обогатилъ его прекрасными составленными геологическимъ собраніемъ.

1.

ВЫДРИЦКАЯ ГОРА.

Когда съ родной горы я взоры устремляю
На дѣнь скалистыхъ горъ, вершины ихъ считаю
И думаю о томъ, что ихъ крутые скалы
Людьми заселены, что вкругъ живутъ хорваты,
Тогда моя душа въ пространствѣ утопаетъ
И Господу народъ хорватскій поручаетъ.

Когда съ родной горы, подернутой росой,
Любуюсь утормъ я дурною зарбю,
Когда я слышу зловъ, зовущій къ поклянью
Труждающихся всѣхъ, доступныхъ уюванью,
Тогда моя душа въ пространствѣ утопаетъ
И Господу весь мѣръ славянскій поручаетъ.

Когда моя душа полна волнения злого,
Я прихожу сюда, чтобъ отдохнуть немного —
И вѣтъ на мнѣ дѣвей, свободно это тѣло,
Я снова въ даль глазу восторженно и смѣло
И вновь моя душа въ пространствѣ утопаетъ
И счастье свое Звиздатель вручаетъ.

Когда свѣтло дня садится за горами
И меркнущая даль звучитъ колоколами,
И думаю тогда, пронался съ горую:
«Кто знаетъ, что насъ ждетъ съ иурнуною зарбю?»
И вновь моя душа въ пространствѣ утопаетъ
И Господу себя съ молгнью поручаетъ.

Н. ГЕРВЬЕЛЪ.

II.

ПОЦАЛУЙ ЧЕРНООКОЙ.

Черноока, скажи мнѣ,
Ты скажи, не утай,

Гдѣ взяла ты эти чары,
Чары дивныя свои?

Гдѣ уста взяла такіа,
Что — пройди весь бѣлый свѣтъ —
Не найдешь такихъ ни гдѣ ты:
Ихъ и не было, и нѣтъ!

Мнѣ роскошная ихъ сладость
И дороже, и милѣй,
Чѣмъ для ичѣлки соекъ медвяный
Розъ, фіалокъ и лилей.

Подавай мнѣ подарила
Ты вѣчоръ въ ночной тиши:
Имъ похитила на-вѣки
Прежній миръ моей души.

Я отпущу тебѣ за это:
Самъ вѣсьешь въ уста твои
Жарко, пламенно — и вынюю
Небо чѣло любви!

Н. Бергъ.

III.

МОЛБА КЪ ЧЕРНООКЮЙ.

Ты хочешь знать, гдѣ домишь мой:
Сокрытъ въ долині оны глухой;
Тамъ значный дугъ
Найдешь, мой другъ;
Тамъ тихо, тихо все вернется.

Для насъ обонхъ тамъ готовъ
Шатеръ зеленый изъ цвѣтовъ,
Тамъ много розъ
Перешлеася
Межъ виноградныхъ лозъ.

Ручей струснетъ тамъ изъ горъ,
Тамъ нѣгой полонъ тѣмный боръ,
И соловей
Въ тѣни вѣтвей
Поѣтъ тамъ слаще и живѣй.

За счастье въ тихомъ томъ дому
Всего я свѣта не возьму!

О, жить бы тамъ
Всю вѣчность намъ,
Для невагоды поколаме!

Н. Бергъ.

IV.

КЛИЧЪ.

Гдѣ такаа въ цѣломъ свѣтѣ
Есть дѣвица на примѣтъ:

Что лицомъ — зари румина,
Косы — будто крылья врана;

Зубки — перлы; очи черны —
Точно вишни, точно тѣсны;

Молодое нѣжно тѣло —
Словно пухъ лебляжій, бѣло;

Станъ стройнѣе горной ели;
Голосъ — нѣсны свирѣли;

Груди — волны въ океанѣ,
А походка гордой лани;

Сердце — что твоя геенна
И въ любви неизмѣнна.

Гдѣ такаа въ цѣломъ свѣтѣ
Есть дѣвица на примѣтъ?

Н. Бергъ.

V.

ЧОРНЫ ОЧИ.

Ахъ вы, очи черны,
Очи ясны!
Полюбилъ васъ крѣпко
Я, несчастный!

Въ каждое мгновенье
Дни и ночи
Вы передо мною,
Чорны очи!

Сяду ль ненарокомъ
Подъ окопце,

Гляну ли на небо,
Иль на солнце;

Взоромъ ли почую
Тѣму проижу:
Всюду, чорны очи,
Васъ я вижу!

Смилуйся ты, любя,
Надо мною:
Дай хоть мигъ единый
Мнѣ покою!

А него — такъ будешь
Ты убійца
Земляна и брата,
Илларипа!

Н. Бергъ.

А. КАЗАЛИ.

Антонъ Казали, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ поэтовъ далматинскихъ, родился въ 1815 году въ Дубровникѣ. Съ 1855 по 1859 годъ онъ редактировалъ «Гласникъ Далматинскій»; въ 1856 году издалъ лучшее свое произведение — поэму «Златка», отрывокъ изъ которой помѣщаемъ въ нашемъ изданіи; въ 1857 напечаталъ въ «Зарѣ» «Грѣша чиха удовиса», а въ слѣдующемъ году — повѣсть «О гробницкомъ полѣ». Кроме того, онъ перевелъ на сербскій языкъ первую пѣсню «Илиады», «Донъ-Карлоса» Шиллера и нѣсколько отрывковъ изъ Шекспира, Мильтона (изъ «Потеряннаго Рая») и Байрона. Въ настоящее время Казали служитъ учителемъ гимназій въ Зарѣ.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ЗЛАТКА».

Нѣтъ еще ни слуху и ни духу
О жестокихъ дѣлахъ войны кровавой,
Какъ, надежды полная и счастья,
Получила вѣсточку о другѣ
Златка, въ домъ изъ бою воротясь.
Дни-денѣчки всѣ она считаетъ
И готовится, чтобъ друга встрѣтить.
Кромѣ великихъ дорогихъ подарковъ,
Принасла она ему взыанье,

Тѣанъ, на коей битвы и побѣды
Доблестныхъ мужей изобразила.
Разъ пришла она въ свою свѣтлицу,
Чтобы въ тайнѣ начатое кончить;
Только съѣла Златка за работу,
Какъ пришла безъ спросу къ ней служанка,
Говоритъ: «прѣзжай вѣтизь просить,
Госпожа моя ты дорогая,
Милости твоей и позволенья
Стань передъ твои предъ очи ясны.»
Госпожа въ отвѣтъ ей тихо молвитъ:
«Ахъ, не въ часъ тотъ вѣтизь къ намъ прѣзжай!»
Говоритъ опять служанка Златкѣ:
«Не хотѣлъ со мной прѣзжай вѣтизь,
Не хотѣлъ со мной разговориться,
Сколько я его ни умоляла.»
Мигъ одинъ задумалась Златка.
«Пусть войдетъ!» потомъ она сказала.
Тутъ вошелъ высокій, статный вѣтизь,
Но недугомъ тяжкимъ пораженный:
Горькія страданія и муки
На лицѣ пригожемъ отражались.
Какъ на вѣтизи взглянула Златка,
Скорбію наполнилось въ ней сердце.
Всплѣвъ за первымъ господѣмъ прѣвѣтомъ,
Молвитъ оны: «Принесъ тебѣ я вѣсти,
Но одна лишь ихъ ты слышать можешь.»
Златка выслазла свою служанку
И глазъ-на-глазъ съ вѣтиземъ осталась.
Какъ взглянулъ онъ на ея взыанье,
Какъ взглянулъ онъ — горьки слезы пролилъ,
Только слезъ оны тѣхъ не утираетъ
И очей своихъ не закрываетъ.
Златка смотритъ на него печально,
Говоритъ ему такіа рѣчи:
«Что ты плачешь, вѣтизь незнакомый?
Что ты плачешь, глядя на взыанье?»
Ей на это вѣтизь отвѣчаетъ:
«Кто хоть день одинъ провелъ съ Вацлавомъ,
Не забудетъ вѣрно и Бохвала:
Я — Бохвалъ!» На это Златка живо:
«А Вацлавъ? И что огчзна наша?»
— «Стинула огчзна, нали рати,
А инне вѣтизи достались
Въ тяжкую неволю къ сущестату!»
«А Златка?» — «Оны не бѣжалъ, оны плѣнникъ!»
— «Какъ же могъ онъ допустить, что взяла
Въ плѣнъ его?» Бохвалъ на это Златкѣ:
«Нѣтъ, Вацлавъ не допустилъ, чтобъ взяла
Въ плѣнъ его...» — «Убитъ!» она сказала
И лицо свое закрыла въ скорби,

А сквозь пальцы слезы пробивались
И глухіе слышались вопли.
Тяж промчалось нѣскольکو игновеній.
«Нѣтъ, не умерь, мой Вацлавъ не умерь!»
Внѣ себя проговорила Златка:
«О, скажи ты мнѣ, что онъ не умерь!»
Тутъ Бохвалъ, очами прямо въ очи
Ей смотрѣвшій, опустил ихъ въ землю
И ни слова Златкѣ не промолвилъ.
«Что жь, погибъ онъ?» спрашиваетъ Златка:
«О, зачѣмъ Вацлавъ бѣжалъ ты съ поля?»
— «Между смертію и межъ позоромъ
Ты би что ли вѣдала что выбрать
Твоему Вацлаву?» — «Такъ зачѣмъ же
Не погибъ и ты съ Вацлавомъ вмѣстѣ?
Онъ сказалъ мнѣ, что ему ты будешь
Вѣчно вѣреть, что его не бросятъ
Ни при жизни твоей ни при смерти:
Онъ погибъ, а ты бѣжишь, несчастный!»
Ничего на то не отвѣчала,
Обнаживъ Бохвалъ широко перси,
Показалъ глубокія ей рамы:
«Ниче утромъ ихъ перевезали;
Говорятъ врачи: еще немного
Проживу...» — «Ах!» вымолвила Златка,
И, закрывши очи, обомлѣла;
Поддержалъ ее Бохвалъ рукою,
Говоритъ: «Звѣздю путеюдой
Былъ мнѣ духъ погибшаго Вацлава:
Онъ привелъ меня въ твои порога,
Чтобъ письмо его тебѣ я отдалъ
И сказать, что мыслию послѣдней,
Что его послѣднимъ самымъ словомъ
Ты была!» Проговоривши это,
Изъ-за-пазухи письмо ему вынулъ,
Положилъ его онъ на вязанье,
А при немъ и прядь волосъ Вацлава,
Кровию покрытую и прахомъ.
«Вотъ», сказалъ онъ, «все, что уцѣлѣло
Отъ Вацлава!» И затѣмъ хотѣлъ онъ
Удальтись, но схватила Златка
За руку его: «куда, скажи мнѣ,
Ты идешь, такой болной и слабій?
Отдохнуть бы у меня ты въ домъ!»
— «Иду», отвѣтилъ онъ, «на отдыхъ
Въ той землѣ, гдѣ другъ мой почиваетъ!»

И. Бергъ.

И. КУКУЛЕВИЧЪ-САВЦИНСКІЙ.

Иванъ Кукулевичъ-Савинскій, самый знаменитый изъ современныхъ поэтовъ Хорватіи и вмѣстѣ самый дѣятельный приверженецъ иллиризма, родился 17-го (29-го) мая 1816 года въ Вараждинѣ. Онъ прошолъ нѣзкую школу, гимназію и философію въ Загребѣ, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ тамошнемъ дворномъ конвентѣ. Въ 1838 году поступилъ въ военную службу и прослужилъ въ венгерской гвардіи, въ Внѣѣ, до 1840 года, откуда перешолъ въ одинъ изъ венгерскихъ полковъ, стоявшихъ въ Италіи, а въ 1842 году вышелъ въ отставку. Первые стихотворенія Кукулевича стали появляться въ «Денницѣ» и «Народныхъ Новинахъ», начиная съ 1837 года. Затѣмъ, онъ написалъ героическую драму «Юранъ и Софья», которая была дана на загребскомъ театрѣ новосадской драматической труппой въ 1840 году. По прибытіи въ Загребъ въ 1842 году, Кукулевичъ сталъ издавать свои «Разныя Сочиненія», которыхъ вышло по 1847 году четыре части, и въ которыхъ онъ собралъ свои рассказы, драматическія пьесы и пѣсни, и въ послѣднихъ присоединилъ народныя хорватскія пѣсни, имъ записанныя. Въ 1848 году онъ напечаталъ свои знаменитыя политическія стихотворенія, подъ названіемъ «Славянини», въ которыхъ господствуютъ общій характеръ иллирской поэзіи той эпохи, т. е. ненависть къ врагамъ и патриотическія воспоминанія и надежды. Лучшія пѣсни изъ этого собранія помѣщены въ нашемъ изданіи въ переводѣ Н. В. Берга, несколько не уступающемъ подлиннику.

Кукулевичъ рано принялъ и практическое участіе въ политическихъ волненіяхъ Хорватіи въ сороковыхъ годахъ. Онъ первый потребовалъ на Хорватскомъ Сеймѣ 1843 года признанія хорватскаго языка официальнымъ языкомъ страны, вмѣстѣ латинскаго; къ сожалѣнію, требованіе это, принятое съ большимъ сочувствіемъ патриотами юной Иллирии, было отвергнуто мѣстной аристократіей. Рѣчи Кукулевича на земскихъ собраніяхъ, не проходившія въ печать по своей крайней рѣзкости, и слава его какъ политическаго писателя, доставили ему такую популярность, что въ 1848 году, когда настала полная анархія, онъ избранъ былъ, вмѣстѣ съ Гаемъ и Враничапомъ, членомъ временнаго правительства Хорватіи. Пользуясь предоставленною ему властью, Кукулевичъ устроилъ гдѣ народное собраніе, въ

которомъ баномъ Кроацин избранъ былъ извѣстный Ялачичъ. Онъ же былъ главой хорватской депутаціи, изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, которые представили императору Фердинанду двадцать четыре пункта народныхъ желаній. Затѣмъ, Кукулевичъ былъ первый, сдѣлавшій весной 1848 года въ газетѣ «Славянскій Югъ» предложеніе о славянскомъ сѣздѣ, собравшемся потомъ въ Прагѣ, и исполнялъ затѣмъ дипломатическія порученія въ австрійской Сербіи и въ Пляшевицѣ. Когда же оказалось, что стремленія хорватовъ не имѣли желаннаго успѣха, и началась реакція, Кукулевичъ оставилъ официальную дѣятельность и возвратился въ своимъ архиварскимъ и антикварскимъ занятіямъ. Въ 1850 году его стараніями основано было Общество Юго-славянскій Исторіи и Древностей, которое избрало его своимъ президентомъ. Независимо отъ своихъ прямыхъ обязанностей, какъ президента, Кукулевичъ заведуетъ въ настоящее время и редакціей «Архива», издаваемого этимъ обществомъ и имѣющаго огромное значеніе для юго-славянскій исторіи. Онъ составилъ и издалъ историческую хорватскую хрестоматію, подъ заглавіемъ «Старые хорватскіе поэты», собралъ обширную бібліотеку рукописей, предпринималъ антикварскія путешествія по славянскимъ землямъ и Италіи, словомъ — онъ никогда не оставался безъ дѣла, употребляя всѣ свои силы и способности на пользу родинному краю. Въ настоящее время Кукулевичъ занимается изданіемъ нѣкоторыхъ старинныхъ даматическихъ поэтовъ.

СЛАВЯНКИ.

1.

Красота полудня,
Далматское море!
Наше ты веселое
И горькое горе!

Тяжело на свѣтѣ
Везъ тебя далмату:
Для тебя пополь онъ
Въ слуги къ супостату!

Всѣхъ ты одарило
Серебромъ и златомъ,
Не дало лишь только
Ничего далматамъ.

Сжался ты надъ ними,
Удѣли хоть малость
Изъ того, что прочимъ
Отъ тебя досталось!

2.

Твердая твердина
Чорная гора ты!
Знають-перезнають
Тебя супостаты!

Голы твои слани,
Голы твои дѣти,
Да вѣтъ ихъ славише
Ничего на свѣтѣ.

Честъ они и гордость
Славянскаго рода:
Живеть между ними
На горахъ свобода.

Доблестныя скалы,
Нужень мигъ единый,
Чтобъ для насъ въ стали
Меккой и Медной!

3.

Балкани, Балкани,
Родина болгарства!
Первое здѣсь было
Славянское царство.

Рать латинъ и персовъ
Здѣсь рога сломятъ;
Здѣсь и византійской
Гордости могилка.

Что жъ теперь сповоино
Смотрнши, Балканъ старий,
Какъ насъ греки рѣжутъ,
Тури, скипетары?

Ринь свои хоть води
Съ сумрачнаго темя,
Затоги ты ими
Вражеское племя!

4.

Тучки — покрывала
Небеснаго свода,
Водои вы земные —
Тамъ у васъ свобода!

Совами съ орлами
Между васъ деляють,
Вѣтромъ вашихъ вольнымъ
Грудь свою питають.

А вину славию
По бѣдѣмъ свѣту
Задумчиво бродягъ:
Имъ свободы нѣту.

Орля бѣ намъ крылья:
Могучимъ полѣтомъ
Мы бѣ туда махнули,
Къ голубымъ высотамъ.

5.

Славине, славине,
Народовъ холоны,
Охранная стража
Цѣлой вы Европа!

Гдѣ хоругви ваши?
Гдѣ поля и нивы?
Пропадаютъ втунѣ
Всѣ ваши порывы.

Всякъ изъ васъ въ дремотѣ
Только время губить;
Всѣ вамъ люди чужды,
Васъ никто не любитъ.

Славине, славине,
Полно спать, воспряньте
И на сукозатовъ
Дружно, разомъ гряните!

6.

Милыя вы горы,
Хорварскія горы!
На вашихъ вершинахъ
Ростутъ темны бори.

Многя родились
На горахъ тѣхъ мысли,
Чтò потомъ явились
На Савѣ и Вислѣ.

Сколькихъ селъ и градовъ
Вѣрно вы стражей;
Не легко доступны
Дли дерзости вражей.

Да бѣда: забрались
Къ намъ сюда въ ущелья,
Пуше силы вражей,
Лѣность да бездѣлье.

7.

Тяжкихъ бѣдствій намая,
Вѣлая Гора ты!
Будь твои вершины
На-вѣки прокляты!

Той порѣ свершилось
Дѣлѣти лѣтъ ужъ цѣлыхъ,
Какъ ты стала гробомъ
Столькихъ чеховъ смѣлыхъ.

Съединись съ Бланникомъ
Въ дружбѣ и любви:
Можетъ-быть родится
Дѣти чешской крови;

Можетъ-быть минуютъ
Дни небесной кары
И воскреснутъ снова
Чехъ и Оттокари.

8.

Москва золотая,
Полсвѣта столица,
Всѣхъ ты градовъ русскихъ
Матушка-царица!

Сколько усмирила,
Мать, ты всякой дичи,
Сохраняши вѣру
И старшій обмачй!

На тебя Россія
Цѣлая взираетъ,

Все къ тебѣ славянство
Длани простираетъ:

Подмнись, царица!
Кланки кланчъ въ намъ, мати!
Иль, какъ мнѣ, ты любишь
Также подремати?

Н. Бергъ.

М. БОГОВИЧЪ.

Миро Боговичъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ хорватскихъ писателей, родился въ 1816 году въ Вараждинѣ, въ Кроаціи. По окончаніи гимназическаго курса, онъ вступилъ въ военную службу, которую оставилъ въ 1840 году. Затѣмъ, изучалъ право и въ 1842 году занялъ мѣсто нотаріуса въ Крижевскѣ. Боговичъ началъ свое литературное поприще помѣщеніемъ въ журналѣ «Кроація» нѣсколькихъ славянскихъ стихотвореній въ нѣмецкомъ переводѣ; что же касается его оригинальныхъ стихотвореній, то первыя изъ нихъ были помѣщены въ «Иллирской Дениницѣ» того же года. Затѣмъ, въ 1844 году, онъ издалъ первое собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Ljubice»; въ 1847 году вышли его «Smilje i Kovilje», а въ 1848—политическія стихотворенія «Родные голоса».

Въ 1848 году Боговичъ выступилъ на политическое поприще: писалъ горячія политическія статьи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, какъ своихъ, такъ и заграничныхъ, принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ противъ венгровъ, по окончаніи которой былъ назначенъ Елангичемъ банскимъ комиссаромъ, должность котораго исправлялъ до 1850 года. Съ наступленіемъ реакціи Боговичъ отказался отъ политики и снова преданъ всей душой литературѣ. Въ 1852 году онъ былъ приглашенъ редактировать журналы «Невенъ» и «Коло»; въ 1853—присужденъ къ полугодичному заключенію въ тюрьму за оскорбленіе величества; затѣмъ издалъ свои «Историческія Повѣсти», переведенныя Вацникомъ и Коларомъ на чешскій языкъ; въ 1856 году издалъ свою драму «Франкопанъ», въ слѣдующемъ — трагедію «Стефанъ, послѣдній король Боснійскій», а въ 1860 — трагедію «Матвѣй Губецъ». Въ настоящее время Боговичъ живетъ въ своемъ по-

мѣстѣ, близъ Загреба, гдѣ посвящаетъ все свое время отечественной литературѣ.

I.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Что не слышалъ отъ пастуховъ окрестныхъ,
Что вѣрутъ озѣръ насутъ свои стада,
Про то, что тамъ, на днѣ озѣръ чудесныхъ,
Стоять и дремлятъ чудо-города.

Что тамъ они, залиты водою,
Стоять давно, и что изъ безднн той
До слуха ихъ доносится порою
И бой часовъ и благовѣсть святой.

Такъ и моя надежда сокрушилась,
Что и хранилъ такъ бережно въ тини;
Погибъ мой храмъ — сружиналъ его разбился —
А съ нимъ и рай измученной души.

И вотъ опять встаетъ воспоминанье
Изъ глубины души моей большой,
И подтверждаетъ странное сказанье
О городахъ, погибшихъ подъ водой.

Н. Гербель.

II.

ОСТОРОЖНЫМЪ.

— Легче, легче, братцы! тихо
Поведемъ мы нашу рѣчь:
Неприятель можетъ тихо
Насъ повсюду подстеречь!»

— «Это все пока прекрасно,
Но обдумаемъ впередъ,
Чтобы знать и видѣть ясно —
Что за этимъ вслѣдъ насъ ждетъ.»

— «Пусть же каждый смотритъ въ оба,
Вправо, влѣво, взадъ, впередъ,
Чтобы вражеская злоба
Не надѣлала хлопотъ!»

— «Мы теперь же согласимся:
Каждый будетъ знать — куда
И къ чему мы всѣ стремимся,
Только тихо, господа!»

Жалко, если эти рѣчи
Ослабитъ коня и тотъ
Ужъ потомъ при каждой встрѣчѣ
Трусу правдовать начнеть!

Ну ихъ трусовъ! Слово съ дѣломъ
Не дѣли, боясь тревогъ,
А рази неправду сѣло
Словомъ, дѣломъ: въ правдѣ Богъ!

М. Петровскій.

III.

ЛИБЕРАЛЪ.

«Ми — отцы убогаго народа —
Этотъ санъ исторіей намъ данъ —
И давно мы ждемъ, когда свобода
Обвѣжитъ упавшій духъ крестьянъ!»

«Оживить трудящія руки.
Идетъ всего отъ насъ однихъ люди;
На него прольемъ мы свѣтъ науки:
И его настала теперь чередъ!»

Таку у насъ гремитъ иной на вѣчѣ.
Всѣхъ въ восторгъ приводитъ эта ложь;
А въ дѣла его, отбросивъ рѣчи,
Загляни... въ дѣлахъ не то найдешь!

Всѣгда затѣмъ онъ глѣзетъ съ кулаками
На того, кто любить свой народъ,
И кричитъ: «народность вздоръ! мы сами
Не должны пускать народность въ ходъ.»

А придетъ къ расплатѣ общей время —
У него отвѣтъ на это есть:
«На народъ пусть явлетъ это бремя!»
Хоть ему ужъ нечего и ѣсть.

Обирать людей, незнавшихъ воли,
И играть роль пана и отца —
Молодецъ!... а бѣдный людъ мозоли
Наживай, питая молодецъ.

Вотъ онъ, нашъ поборникъ правъ народа,
Либералъ и шедрый меншенатъ!
Онъ вездѣ кричитъ одно: «свобода!»
И отгадъ чужую кожу радъ.

Поглядишь: милѣйшій человѣчекъ,
И народъ ему такъ дорогъ, любѣ!
Но во рту такихъ простыхъ овецекъ
Ты какъ разъ подмѣнишь волчій зубъ.

М. Петровскій.

IV.

СТАРЦЫ И ЮНОШИ.

— «Все теперь впередъ стремится,
Новизна забралась къ намъ...
Никогда не возвратится
Добрымъ старымъ временамъ!»

— «Прежде тишь была, приволье,
Лучше жилось и пилося;
Нѣтъ ужъ прежнего раздолья,
Все пошло и вкривь и вкось.»

— «Молодое, видишь, племя
Новой жизнью хочетъ жить,
И идей новѣйшихъ сѣмя
Хочетъ сразу насадить...»

— «И куда, куда ужъ прыгнулъ!
Лучше насъ провидать въ даль!
Хоть поймаютъ свои ошибки,
Да ужъ поздно будеть!... жалъ!»

— «Лишь *народностью* и дышать,
Рѣчь о ней одной вѣдуть,
Лишь о ней одной и шипуть,
Лучшей *будущности* ждуть.»

— «Въ этомъ *будущемъ* наивность
Видитъ рай земной въ дали;
Да каково-то *взаимности*
У *саявны* еще наши!»

— «Вѣдъ и намъ знакома слава:
Мы боролись искони
За нарушенное право,
За народность же — ни, ни!»

— «И съ славянами ни мало
Вѣкъ намъ не быть и знакомя;
Да притомъ къ чему пристаю
Хлопотать Богъ вѣсть о комъ?»

— «А теперь любовь къ отчизнѣ
Породила въ насъ раздоръ,
И не кончится при жизни
Нашей этотъ длинный споръ!»

— «Что же, съ Богомъ! безъ изъятя
Всѣ мы лучшаго хотимъ;
Только долго ль въ новомъ платьѣ
Щеголять придется имъ?»

— «Пусть по ихнему творится!
Намъ, къ несчастью, привелось
На своемъ остановиться:
Прежде лучше вѣкъъ жилось!»

— «Эта мысль одна осталась
Отъ минувшаго добра...
Неминуемо промчалась
Наша прежняя пора!»

Прави вы: иное время,
Время бурное пришло;
Молодое наше племя
Много новаго внесло!

Но хулитъ все то, что ново,
Право, вы бы не должны!
Мы расскажем вамъ аб оно
Въ чемъ сказались новизны:

Развѣ въ формѣ неизмѣнной
Долго жило что-нибудь?
Ужъ таковъ законъ вселенной,
Ужъ таковъ природный путь...»

Нашъ онъ!... нашъ за народность
Стали лучше умы:
Что же — намъ однимъ въ удобности
Ту святину бросимъ мы?

Мы срываемъ куволъ въ полѣ,
Хлѣбъ, нлody разводимъ тамъ,
И возросшему въ неволѣ
Воздвигаемъ счастья храмъ...

Не страдать же вѣкъъ народу!
Вѣтъ не можеть, чтобы намъ
Быть противнѣмъ, не въ угоду
Лучшей будущности храмъ?

Расширяемъ мы объята
Всѣмъ славянамъ, любимъ всѣхъ...
Но славяне — наши братья.
А любовь — едина ли грѣхъ?

Мы хлопочемъ объ отсталыхъ:
Мы хотимъ, чтобы шли впередъ
Всѣ славяне, чтобы догнали ихъ
И отстаившій нашъ народъ.

Въ нашемъ внутреннемъ раздорѣ
Пусть повинны мы одни;
Но вѣдъ «истина лишь въ спорѣ
Уяснилась» искони.

Вамъ ли, добрые обломки
Вѣка прошлаго, подстать
Новый вѣкъъ нашъ, быстрый, громкій,
Вѣкъъ движенія, догонитъ?

Вы за вѣкомъ не поспѣли,
Мы умчались съ нимъ впередъ...
Что намъ спорить въ этомъ дѣлѣ?
Всѣмъ, всему есть свой чередъ:

Вамъ прошедшее по праву
Отмежовано судьбой,
Намъ — грядущее, и съ славой,
И съ трудами, и съ борьбой...

М. Петровскій.

И. СУБОТИЧЪ.

Иванъ Суботичъ родился въ 1817 году въ мѣстечкѣ Добричъ, Сремскаго комитата, въ королевствѣ Славоніи. Образование получилъ онъ въ Пештскомъ университетѣ, откуда вышелъ со степенью доктора правъ и доктора философіи. Суботичъ считается однимъ изъ лучшихъ современныхъ сербскихъ писателей. Онъ началъ свою литературную дѣятельность мелкими лирическими стихотвореніями, которыми издалъ, въ 1837 году, въ Пештѣ, подъ заглавіемъ «Игра». Затѣмъ, едва выйдя изъ университета, онъ сталъ издавать «Сербскую Атлонію» и съ 1842 по 1852 годъ выпустилъ въ свѣтъ 32 тома этого изданія. Въ 1846 году Суботичъ издалъ главное свое произведеніе — эпосъ «Стефанъ Децанскій,

въ которомъ онъ удачно воспроизвелъ многія черты народной поэзіи. Въ 1858 году появились его «Лирическія Пѣсни», въ которыхъ онъ сдѣлалъ попытку сблизить сербскую лирику съ поэзіей запада. Два тома «Эпическихъ Пѣсенъ», появившихся вслѣдъ за этимъ, написаны совершенно въ томъ же духѣ. Какъ драматургъ, Суботичъ безспорно занимаетъ первое мѣсто между своими сербскими собратьями. Драмъ его «Звонимиръ, король хорватскій» и «Водни» и трагедій «Герцогъ Владиславъ», «Прехвала» и «Милошъ Обидичъ», взятая изъ сербской исторіи, пользуются большимъ успѣхомъ на сценѣ. Какъ учоный, Суботичъ извѣстенъ сочиненіями: «Наука о сербскомъ стихотворствѣ», «Grundzüge der Serbischen Literatur» и другими, которые всѣ облачаютъ въ немъ человека, обладающаго самими обширными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ наукъ и весьма вѣрными критическимъ взглядамъ. Его «Дѣла» (собраніе сочиненій) были изданы въ Карловцѣ въ 1858 году. Независимо отъ постоянныхъ литературныхъ и учонныхъ трудовъ, Суботичъ принималъ участіе и въ общественныхъ событіяхъ своей родины. Въ 1861 году онъ былъ сдѣланъ поджупаномъ Сремскаго комитата, въ слѣдующемъ году назначенъ членомъ высшаго суда въ Триединомъ королевствѣ, а въ 1865 году, избранннй въ депутаты на сеймъ Триединого королевства, принялъ предложенный ему членами сейма санъ вице-президента. Въ 1867 году онъ являлъ на московскую этнографическую выставку, причемъ произнесъ нѣсколько рѣчей и прочелъ стихотвореніе «Привѣтъ Москвѣ», помѣщенное въ нашемъ изданіи въ переводѣ на русскій языкъ.

I.

ПРИВѢТЪ МОСКВѢ.

Златоглавый городъ,
Мать-Москва родная!
Слышишь? — это голосъ
Съ береговъ Дуная!

Голосъ дальней Шары
И Косова поля,
Что къ тебѣ несется,
Магушка, отголя!

Древности далёкой
Доблестное чадо,

Всѣмъ ты, всѣмъ славянамъ
Радость и отрада!

Городъ вѣчно юный,
Дорогой и милой,
Ты — что сонъ отрадный,
Навѣянный виллой!

Всѣ къ тебѣ мы съ юга
Устремляемъ очь,
Дивная пѣвства
Свѣтлой Полудни!

Шибко бѣется сердце,
Кровь вскипаетъ въ жилахъ,
Чуть тебя вспоминаешь,
Мать намъ братьевъ мышекъ.

Подми же въ звѣздамъ
Голову високо:
Орелъ — твой избранникъ,
А омыль — ясный соколъ!

Славиться, гордиться
Можешь ты по праву,
Искони добивши
Честь себѣ и славу!

Ты въ крови купалась
И въ слезахъ горючихъ —
Истинная гордость
Россіянъ могучихъ!

Такъ услышъ же, мати,
Этотъ голосъ съ юга,
Голосъ братьевъ вѣрныхъ,
Кланчъ ко другу друга!

Будешь ты намъ снится
Тамъ и днемъ и ночью,
Вся полна красюю
Дивною и мощью!

H. Бургъ.

II.

ВИЛА ГОВОРИТЪ СЪ ОБЛАКАМИ.

«Вы откуда и куда такъ быстро,
Облака серебряныя, мчитесь?
Что несете въ нѣдрахъ самоцвѣтныхъ?»

ВЪ ПАМЯТЬ КОЛЛАРУ.

Во время оно истину затмила
Въ славянскомъ мѣрѣ скорная судьба —
И духъ славянства сталъ развѣднаться,
А чуждй сердцу — дѣлаться роднымъ.

Но духъ свободы въ Татрахъ народился —
И голосы, исполненнымъ любви,
Съ вершинъ горъ, пріята вилъ, воскакинулъ,
Чтобъ воедино братья собрались.

Отъ Адриатики до водъ каспійскихъ,
Отъ Бѣлаго до Чорнаго морей —
Коллара голосъ всюду раздается
И слава слѣзы радостныя лѣтъ.

Онъ отверзаетъ грудь всему славянству
И предлагаетъ братскій погалуй...
Лишь Гай одинъ, за темными горами,
На тотъ призвѣвъ сердечный не спѣшитъ.

Колларъ! твое святое имя геній
Славянъ умчалъ въ надвѣзданне края,
Чтобъ тамъ оно въ снѣгу вѣчно жило,
Чтобъ вѣчно имъ гордился славянинъ!

II. ГЕРВЕЛЬ.

II.

П Л Ѣ Н Ъ .

(къ картинѣ Ярослава Чернага: «Плѣнь герцеговинскій въ 1863 году».)

Здѣсь предъ вами тяжкая неодоля,
Горькое, великое несчастье
На пространствѣ небольшой картини!
Писана картина та слезами —
И слезами вама я прощаю,
И она слезами вама промовитъ
Про невзгоды нашего народа:
Вы слезами горькими зальетесь:
Не забудьте вама образовать печальныхъ!

Что тутъ видить взоръ мой возмущенный?
На горѣ пустой, на каменистой
Видитъ онъ развалныи повсюду,
На развалинахъ пріята азбѣть...

18

— «Мы гетимъ изъ Индіи далекой,
Гдѣ растутъ алмазы на деревьяхъ,
Крупный жемчугъ на поляхъ родится.
И несемъ три дара мы чудесныхъ:
Первый даръ — сердечко золотое,
Даръ другой — жемчужная корона,
Третій даръ — алмазное колечко.
Первый даръ, сердечко золотое,
Отдадимъ красавицѣ дѣвицѣ,
Даръ другой, жемчужную корону —
Гордой дѣвѣ князескаго рода,
Третій даръ, алмазное колечко —
Той, кто всѣхъ вѣрней и постоянней.»
И сказала имъ на это вила:
«Вы гречанцѣ дайте ожерелье:
Склянется гречанки красотою,
Знатъ вилонъ отдайте франкистанцѣ:
Франкистанки князескаго рода,
А кольцо славянцѣ подарите:
Тверже камня вѣрность ихъ святая!»

H. ГЕРВЕЛЬ.

O. УТЪШЕНОВИЧЪ.

Отгеславъ Утѣшеновичъ-Острожинскій, православный австрійскій сербъ и одинъ изъ самыхъ симпатическихъ поэтовъ новой сербской литературы, родился въ 1818 году въ Острожинѣ, на самой хорватской границѣ. Первые его стихотворенія стали появляться въ журналахъ въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ. Затѣмъ, въ 1845 году, онъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Острожинская Вила», а въ 1852 напечаталъ въ журналѣ «Невентъ» свой переводъ «Слова о полку Игоря». Поэма «Недѣлю», написанная имъ лѣтъ десять тому назадъ, съ патриотической вѣрой въ сербское возрожденіе, и обошедшая всѣ сербскія земли, упрочила извѣстность Утѣшеновича какъ поэта. Утѣшеновичъ извѣстенъ также и своими учонными работами, написанными ко большей части на нѣмецкомъ языкѣ, напримѣръ: «Hauskommunionen der Südslaven», «Militärgrenzen» и другія. Онъ занималъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣсто содѣйника хорватскаго напцлства въ Вѣнѣ, но за приверженность къ Россіи былъ уволенъ отъ должности. Въ настоящее время Утѣшеновичъ живеть въ Вѣнѣ, гдѣ трудится на пользу родной литературы.

Какъ цвѣты цвѣтамъ среди развалинъ?
 Не цвѣты то — то вѣнокъ забытый,
 Пламенной любви подарокъ вѣнчикъ;
 Онь забыть, межъ камней затерялся,
 И — того-глади — вѣнокъ засохнетъ!
 Чьи цвѣты и чей подарокъ это?
 Гдѣ росли они, красуясь пышно?
 Чья рука цвѣты тѣ возростила?
 Чья рука въ вѣнокъ ихъ заплетала?
 Съ чьихъ онъ персей на миру палъ землю?

Такъ ли, полно, видите вы, очи?
 Съ нашихъ горъ какъ-будто эти розы,
 Сербскія, родимыя то розы,
 На поляхъ на сербскихъ выросали,
 Возлежѣнны рукою сербской.

Но тоской мнѣ защемило сердце,
 Заой тоской, предчувствіемъ тяжелымъ:
 Не чужія ль ихъ сорвали руки
 И въ вѣнокъ связали благовоинный
 На полѣ кровавомъ лютотъ битвы?
 Врядъ ли сербы тотъ вѣнокъ связали?
 Гляньте, очь, ясно поглядите,
 Чтѣ такое вкругъ цвѣтовъ тѣхъ вѣетъ?
 Лютая змѣя вокругъ нихъ вѣетъ,
 Въ сторонѣ же пританисъ волки.
 Гляньте, очь, ясно поглядите
 И горючій пролейте слезамъ:
 Вотъ гдѣ наша горькая недоля!

Не вѣнокъ цвѣтовъ благоуханныхъ,
 Не змѣя вокругъ него вѣетъ,
 А веревки вкругъ красавицъ сербскихъ,
 Чтѣ попалъ въ тяжкую неволю.

Цвѣтъ роскошный сербскаго народа
 Отъ груди отъ матерней отторгнуть,
 Верие жестоко въ насъ вшлось!
 Это турки, а не злые волки!
 Гдѣ твой громъ, о Боже справедливый?
 Пѣнники мои, мое въ горе!
 Въ чемъ, скажите, грѣшны вы предъ Богомъ?
 «Только въ томъ, что родился на свѣтъ.»
 Пѣнники мои, мое въ горе!
 Въ чемъ, скажите, ваша грусть-кручина?
 «Въ томъ, что въ гробъ живыми намъ ложиться!»
 А кого намъ цаловать охота?
 «Цаловать охота саблюю востру!»

Аманъ, турки! коли есть въ васъ вѣра,

Развяжите пѣнникамъ вы руки,
 Не терайте благо ихъ глѣза:
 Не на то ихъ въ свѣтъ родила матерь!
 Посмотрите, кровь изъ нихъ струится:
 Не для вервья тѣ были руки!
 Отпустите дорогихъ намъ пѣнницъ,
 Зодотомъ за это намъ заплатимъ!

«Не видать вамъ дѣвицъ нашихъ красныхъ,
 Не видать, пока еще мы живы:
 Пригодятся дѣвы на базарахъ
 И роджатъ намъ поствѣ будутъ турокъ!»

Аманъ, турки! коли есть въ васъ вѣра,
 Межъ возковъ агитя въ не гоните,
 Отпустите дорогихъ намъ пѣнницъ —
 На базаръ стада гоните наши;
 Чтѣ, агъ, за пѣнницъ вы хотите?

«Прочь, негодный! Нѣтъ здѣсь базара!
 Ну, впередъ, красавицы-дѣвицы!
 Далеко вѣдь до Едрена-града,
 Гдѣ давно купца насъ ожидаютъ,
 Чтѣбъ купить у насъ товаръ безцѣнный.
 Ну, впередъ, красавицы-дѣвицы!»

Пѣнники мои, мое въ горе!
 Красота всему виною вама,
 Даръ небесъ и жертва аду вмѣстѣ:
 Отъ нея должны вы всѣ погибнуть!
 Уходите, горькія, въ неволю,
 Съ нами мѣсть останется на-вѣки,
 Мы отмстимъ за насъ врагу алкому,
 Если Богъ за насъ и наше счастье!

И погнали турки нашихъ пѣнницъ,
 Словно бѣлыхъ на убой агитокъ.
 Слышите ли, какъ бѣдняжки стонуть:
 «Горе намъ, судьбина наша злая!
 Страшное, великое несчастье!
 Не привидано такого срама —
 Быть наложницей алкого турка,
 Пѣнницею горькой на чужбинѣ,
 Подлѣ многихъ братьевъ нашихъ сербовъ!»

Слышите? Сюда на помощь, братья!
 Пѣнники влекутся на чужбину,
 Что же вы стоите, словно камень,
 И не вырвите у злобныхъ турковъ
 Изъ нечистыхъ рукъ столь чистой жертвы?
 Эй, въ погоню вслѣдъ за супостатами!

Стойте, турки! Бужеть вамъ базарить
 Нашей кровью, въ срамъ кресту святому!
 Нашъ базаръ на полѣ страшной битвы,
 Тамъ мы съ вами лютотъ побазаримъ!
 На побоице идите съ нами,
 Похититеи дѣвицъ и женщинъ!
 Саблями подѣлимъ напу землю,
 А потомъ подѣлимъ и красавицъ,
 Коли Богъ за насъ и наше счастье!

Кто лутъ вѣтязъ, кто боецъ удалый?
 Опояжь скорѣ саблюю востру:
 Часъ настаетъ за крестъ свой заступиться,
 Воротить свободу золотую!

Н. Бергъ.

II. ПРЕРАДОВИЧЪ.

Петръ Прерадовичъ родился 6 (18) марта 1818 года въ Грабовницѣ, въ австрійской Военной Граници. Отецъ его служилъ въ военной службѣ. Раю потерявъ его, молодой Прерадовичъ, какъ сирота, былъ помѣщенъ въ кадетскій корпусъ въ Новомъ Мѣстѣ, откуда былъ выпущенъ въ 1838 году съ чномъ поручика. Во время своего учения онъ почти забылъ свой родной языкъ и началъ писать стихи по нѣмецки, но квартированіе съ полкомъ въ Далмаціи даю ему случай вспомнить родную рѣчь — и онъ сталъ писать по сербски. Въ 1846 году онъ издалъ первое собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Первенцы» — и книга эта поставила его сразу на ряду съ лучшими сербскими поэтами. Продолжая военную службу, онъ участвовалъ, въ 1848 году, въ италянскій компаніи; затѣмъ, былъ адъютантомъ у извѣстнаго бана Елачича; въ 1852 году произведенъ въ майоры; въ 1859 году сдѣлалъ вторую италянскую компанію, которую окончилъ въ чинѣ полковника. Прерадовичъ доселѣ продолжаетъ свои литературныя занятія. Въ 1851 году онъ издалъ второе собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Новыя Пѣсни». Кромѣ того, онъ написалъ двѣ эпическихкія поэмы: «Перые Люди» и «Славянскіе Діоскуры». Въ последнее время онъ трудился надъ эпопеей «Королевичъ Марко». Въ настоящее время имя Прерадовича, какъ поэта, пользуется огромною популярностью между хорватами.

З А Р Я.

Полночь минула — что будить
 Въ этотъ часъ мой крѣпкій сонъ?
 Гусли дѣловскія сами
 Издаютъ чуть слышный тонъ,
 Тихо, тихо говоря:
 «Скоро день — уже заря!»

Полночь минула — покойни
 Доли, горы и потоки;
 Но ужъ пенечетъ съ синимъ моремъ
 Предраствѣнный вѣтерокъ —
 Пенечетъ, тихо говоря:
 «Скоро день — уже заря!»

Полночь минула — окрестность
 Сномъ обятая лежить,
 Но уже съ востока плыла
 Пробужденная летить,
 И шепчетъ, говоря:
 «Скоро день — уже заря!»

Полночь минула — во мракѣ
 И земля и океанъ,
 Но алѣетъ на Востокѣ —
 Влепетъ виза всѣхъ славянъ —
 Влепетъ, тихо говоря:
 «Скоро день — уже заря!»

Скоро день — уже заря!
 Образи жъ къ востоку очи,
 О страна моя! Заря
 Гонить сумракъ долгой ночи:
 Пусть дневной откроветъ свѣтъ
 Кладъ, заритый столько лѣтъ!

М. Петровскій.

II.

Пѣла плашечка на вѣткѣ,
 Сидя возлѣ синя моря,
 Синя моря — океана
 «Черезъ море полечу я;
 Три дня, три ночи я буду
 Пролетать надъ синимъ моремъ!»
 Услыхала пташку дѣва,
 Услыхавши, пташкѣ пѣла:

«Брось свои затѣи, пташка!
Нѣтъ ни берега, ни вѣтри
На широкомъ синемъ морѣ;
У тебя вѣдь слабы крылья,
У тебя не станеть мочи
Пролетѣть три дня, три ночи.»
Усыхаха пташка дѣву,
Усыхавши, дѣвъ пѣла:
«Неужели ты не видишь,
Дѣва, мѣста голубаго,
Что надъ моремъ перегнулся?
Вѣрь: когда ослабнуть крылья
У любви — ее поддержи
Это небо голубое.»

M. Петровский.

III.

Братъ далеко въ море синее пускался,
И, пускался въ море, созывалъ сестеръ онъ,
Трехъ сестеръ любимыхъ отъ одной родимой.
Обратился съ рѣчью братъ къ сестрицѣ старшей:
«Что тебѣ съ собою привезти мнѣ, Геля,
По моемъ возвратѣ изъ дороги дальней?»
— «Привези мнѣ, братецъ, шолковый платочекъ:
Я его надѣну въ сватъ день до обѣда.»
Обратился съ рѣчью братъ къ сестрѣ средней:
«Что тебѣ съ собою привезти мнѣ, Мара,
По моемъ возвратѣ изъ дороги дальней?»
— «Привези съ собою, братецъ, золотъ перстень:
Въ хорошеѣ пойду я — перстенькъ надѣву.»
Обратился съ рѣчью братъ къ сестрицѣ младшей:
«Что тебѣ съ собою привезти мнѣ, Сава,
По моемъ возвратѣ изъ дороги дальней?»
Не сказала Сава вслухъ ни полковечка,
А шепнула брату что-то потихоньку —
Потихоньку шепчетъ, а сама краснѣетъ...
Братъ пустился въ море... Черезъ годъ вернулся,
Черезъ годъ вернулся и сестеръ дарилъ онъ:
Старшей подарилъ онъ шолковый платочекъ,
А сестрѣ средней — золотъ перстеньчекъ,
Младшей же сестрицѣ — побрагима-друга.

M. Петровский.

IV.

Въ море дѣвушка смотрѣла
И, любяся, говорила:
«Боже мой! какъ я пригожа!

У меня чело открыто,
Какъ безоблачное небо,
Онъ свѣтится, какъ угли,
А лицо — что шодъ румяный;
Руки бѣлыя поспоритъ
Съ чистымъ слѣгомъ близкою.
Только бѣ мнѣ еще корону —
И была бы я царицей
Красоты на бѣгомъ свѣтѣ!»
Слѣдомъ молодецъ за нею
Шолъ — услышалъ — подошелъ къ ней
Съ тижкимъ вздохомъ и набросилъ
Ей на голову вѣночекъ;
Онъ вѣночекъ изъ розъ набросилъ,
Обратясь съ такою рѣчью:
«Вотъ желанная корона
Для тебя, моя царина!»

M. Петровский.

V.

Въ небѣ солнышко сияло,
Въ морѣ — жемчугъ драгоценный;
Ниже неба, выше моря
Красотой сияла дѣва
И, сия, говорила:
«Високъ ты свѣтишь, солнце!
Глубоко лежишь ты, жемчугъ!
Будь я ласточкой летучей —
Полеѣла бы я къ солнцу;
Будь я рыбою плывучей —
Я бы къ жемчугу спустилась:
Засияла бы отъ солнца,
Нарядилась бы я въ жемчугъ —
Приплывула бы всѣмъ людямъ.»
Къ дѣвѣ ласточка подеѣла
И, подеѣвши, ей сказала:
«Для чего тебѣ, дѣвина,
Солнце красное? сама ты —
Свѣтъ очей твоей родимой!»
Подплыла къ дѣвицѣ рыба
И, подплывши, ей сказала:
«Для чего тебѣ намъ жемчугъ,
Раскрасавица дѣвица? —
Межь подругами сама ты,
Какъ жемчужина, сияешь.»

M. Петровский.

VI.

Мать будила Радована:
«Пу, вставай, пора, вѣдь день ужъ!»
— «Не могу, родная, встать я:
Сонъ меня вотъ такъ и клонитъ —
Страшный сонъ прошедшей ночи:
Памть одна я черезъ море,
По водѣ холодной, мутной —
О, родная, дорогая —
По водѣ взмущенной бурей.
Такъ весь день я плыть, по моря
Переимитъ никакъ не могу я.
Утомившись, уморившись,
Утогулъ я середь моря.
О, родная! умерь сонъ твой!
Тамъ зарой его, гдѣ прошлой
Ночью милую зарыла.»

M. Петровский.

VII.

Вѣтеръ ходитъ синимъ моремъ,
Развиваетъ бѣлый парусъ;
Носитъ парусомъ онъ лодку;
Лодка носитъ два сердечка,
Два сердечка — одну душу.
Говоритъ подругѣ милый:
«Ой, скажи, мое сердечко,
Гдѣ прибѣтъ насъ этимъ вѣтромъ —
Ко двору ль твоей родимой,
Или къ матушину дому?»
Другу дѣвица сказала:
«Не заботься, мое сердце,
Гдѣ съ ладьей прибѣтъ насъ вѣтромъ:
Гдѣ не выбросятъ — повсюду
Намъ любовь приютъ устроитъ.»

M. Петровский.

VIII.

Частый дождишекъ идетъ по полю,
Плачетъ дѣвица, плачетъ красная
На груди своей милой матери.
«О чѣмъ плачешь ты», мать проговорила:
«О чѣмъ плачешь ты на груди моей,
Чего не было никогда съ тобой?»
— «Потеряла я, о родная,
Изъ колючка твоей дорогой алмазъ;

О немъ плачу я на груди твоей.»
— «Нѣтъ, не дѣло ты мнѣ проговорила:
Ты скажи мнѣ всю правду истину!»
— «Потеряла я, родная,
Знать, любовь твою потеряла я,
Если замужъ ты выдашь меня —
Выдашь меня за немилго.»

M. Петровский.

IX.

Вѣѣды яркія хорошеѣ ведутъ
По лазурному небу ясному,
Хорошеѣ ведутъ тихо, бережно,
Чтобы дремлющей не будить земли:
Утомилась земля-матушка
Отъ блуждающихъ по ней ногъ весь день,
Отъ трудящихся на ней вѣршихъ рукъ,
Отъ сердель людскихъ жарко бьющихся.

M. Петровский.

M. БАНЪ.

Матрѣй Банъ родился въ 1818 году въ Дубровникѣ. Жизнь его исполнена самыхъ разнообразныхъ приключеній. Окончивъ полный курсъ наукъ, онъ рѣшился посвятить себя дѣлу воспитанія. На двадцать первомъ году Банъ оставилъ свою родину и отправился на небольшой греческій островъ Калку, для преподаванія въ тамошнемъ училищѣ; затѣмъ, оставивъ это мѣсто, онъ переселился въ Константинополь, гдѣ вскорѣ поступилъ учителемъ во французскую школу. Женясь на третянкѣ, онъ, послѣ продолжительнаго путешествія по Малой Азии, поселился въ Бруссъ, гдѣ купилъ кусокъ земли и тутъ, въ тишинѣ своего скромнаго пріюта, посвятилъ всего себя родной юго-славянской литературѣ. Въ 1844 году Банъ переселился изъ Брусси въ Бѣлградъ, гдѣ князь Александръ Карра-Георгиевичъ вѣрилъ ему воспитаніе своихъ дочерей. Послѣ перенорота 1848 года, онъ отправился искать счастья въ Черногорію, но, пробывъ тамъ весьма короткое время, возвратился въ Бѣлградъ. Въ 1854 году Банъ получилъ каеэдру французскаго языка и литературы въ бѣлградскомъ лицей; но и на этомъ ловкомъ мѣстѣ продержался

не долго: во время самого разгара крымской войны он написал торжественную оду в честь султана и этим до того возстановил против себя общественное мнение в Сербии, что должен был оставить кафедру. Но и этот урок прошол для него бесследно. Не даже как на слѣдующій год Ванъ написал новую торжественную оду в честь Наполеона III, за что был награжденъ золотою медалю. Одним словомъ, его политическая репутація незавида. Свою литературную дѣятельность началъ онъ на итальянскомъ языкѣ еще въ Бруссѣ, гдѣ написалъ драму и нѣсколько трагедій; изъ нихъ напечатана только одна трагедія «И Moskovita». Въ 1847 году, занимая воспитаніемъ дочерей Александра Карра-Георгиевича, онъ издалъ книгу «О женскомъ воспитаніи», а въ слѣдующемъ — небольшое руководство къ военной наукѣ для сербовъ, которые, подъ начальствомъ Кичичанина, отправлялись тогда помогать своимъ австрійскимъ единоплеменикамъ противъ венгровъ. Въ 1849 году Ванъ возвратился на родину и началъ издавать тамъ на счетъ Илйрской Матици журналъ «Дубровникъ», прекратившійся вскорѣ по несогласію его съ Матицей. Собраніе его стихотвореній вышло въ 1855 году. Поэтическая дѣятельность Вана главнымъ образомъ обнаружилась въ драмѣ: его трагедіи «Мейрима», «Урошъ V» и «Царь Лазарь» — считаются лучшими драматическими произведеніями сербовъ. Въ настоящее время Ванъ живетъ въ своемъ имѣніи, недалеко отъ Вѣлграда.

ПИСЬМО.

Бѣлая голубка
Съ облаковъ спустилась,
Письменю мнѣ въ руки
Бросила — и скрылась.

Золотой листочекъ
Вашецъ рѣчью дивною:
Бажде въ немъ слово
Жемчугъ переливливый.

Прелесть - ручка въ рѣчи
Зѣрна тѣ снизала —
Въ рѣчи, что ей внятно
Сердце подсказало.

Ахъ, я все бы отдалъ
За письмо за это,
А за прелесть - ручку
Отдалъ бы полсвѣта!

Н. Гервель.

И. ТЕРНСКІЙ.

Иванъ Тернскій, вѣстный современный хорватскій поэтъ и одинъ изъ самыхъ пламенныхъ приверженцевъ илйрскаго литературнаго и политическаго движенія, родился въ 1819 году въ Раши, въ Военной Границѣ. Въ настоящее время онъ служитъ полковникомъ въ одномъ изъ граничарскихъ полковъ, расположенныхъ по турецкой граници. Въ 1837 году онъ впервые выступилъ на литературное поприщѣ въ альманахѣ «Деница», какъ подающей надежды писатель и вскорѣ своими послѣдующими трудами подтвердилъ эти надежды. Затѣмъ, онъ перевелъ нѣсколько шьесъ изъ Шиллера и помѣстилъ ихъ въ той же «Деницѣ». Въ 1842 году вышли въ свѣтъ его «Пѣсни» (34 оригинальныхъ и 15 переводныхъ шьесъ), въ которыхъ онъ прямо говоритъ о своей принадлежности къ илйрскому литературному движенію, причемъ даетъ понять, что стремленіе къ соединенію народовъ сербскаго племени въ одно коло не должно ограничиваться одною литературою: «Кто поражаетъ моего брата, серба или дамата или кого-нибудь другого — говоритъ онъ — тотъ проливаетъ и мою кровь; поэтому, пусть единство наше низвергнетъ чужеземца — и ты, братъ, отърой глаза!» Патриотическая поэзія Тернскаго обращалась также къ старинѣ и на развалинахъ замковъ и разрушенныхъ городовъ указывала слѣдствія старыхъ несогасій и новое убѣжденіе — соединиться. Въ томъ же году напечаталъ онъ во 2-й части журнала «Коло» повѣсть въ стихахъ «Марія Пшвачица», а въ 1849 — весьма удачную сатирическую поему «Zvekan oret na svet». Въ журналѣ «Невель» 1852 — 1854 годовъ было помещено много мелкихъ стихотвореній Тернскаго; наконецъ, въ 1854 году въ Загребѣ вышелъ его прекрасный переводъ «Краедворской Рукописи».

ЗАВѣТЬ ПЕРУ ПОЭТА.

Съ облаковъ перо упало
Изъ крыла орла Перуна;
То перо схватила вѣба
Межъ землей и небесами
И поуту подарила —
Подарила и сказала:
«О, поэтъ, мой братъ избранный!
Вотъ тебѣ перо святое
Изъ крыла орла Перуна:
Распѣвай святія пѣсни,
Сладкозвучныя какъ арфа.
Знай, перо твои имѣетъ
Удивительную силу,
Силу данную Перуномъ!
Испитай свой умъ и сердце,
И прославь меня, а также
И людей страны избранной —
Этихъ праведниковъ чистыхъ:
Ты скажи о нихъ всю правду
И дѣла ихъ помни вѣчно.
Пой любовь и справедливость,
Возбуждай стремленіе къ славѣ,
Прозвлавай труды народа:
Пусть надъ пѣснями твоими
Хоть одна душа поплачетъ!
Но когда перо святое
Ты захочешь опозорить,
Поди вліаньемъ чуждой воли,
И начнешь служить безчестию,
Въ благодарности за неволю,
Чуждой долости и силѣ —
Пусть тогда оно погнѣбитъ
Въ неизвестности позорной,
И да будетъ, и да будетъ
Вѣями проклято на вѣки!

Н. Гервель.

МИРКО ПЕТРОВИЧЪ.

Мирко Петровицъ Негошъ, отецъ князя Николая I, илйринскаго вѣстителя Черногорин, герой Грахова и народный поэтъ, родился въ 1820 году въ Негошѣ, въ Черногорин. По смерти своего старшаго брата, Данила I, правившаго Черногоріей съ 1852 по 1860 годъ, Мирко Петровицъ съ 1852 по 1860 годъ, Мирко Петровицъ долженъ былъ наследовать ему въ санѣ черногорскаго князя, но храбрый воевода, чув-

ствуя недостаточность своего образованія для занятія такого поста, завѣтъ всенародно, что онъ отказывается отъ своихъ правъ на княжество и уступаетъ ихъ сыну своему Николаю. По прибитіи князя Николая въ Цетинье, Мирко Петровицъ былъ возведенъ въ званіе великаго воеводы и назначенъ главнокомандующимъ черногорскимъ войскомъ и предсѣдателемъ сената. Всѣ эти должности онъ занималъ до своей кончины. Главными чертами характера этого замѣчательнаго челоѣка были — несокрушимая твердость характера въ счастья и несчастья, безавѣтная храбрость въ битвахъ, вѣрность данному слову и большой тактъ, изумлявшій не разъ записныхъ дипломатовъ. Всѣ эти достоинства признаются въ великомъ воеводѣ самимъ его врагамъ, которыхъ у челоѣка въ его положеніи бываетъ достаточно. Что же касается разныхъ обвиненій, возводимыхъ на него, какъ, напримеръ, его мнимое недоброжелательство къ герцоговскому герою Вукловичу и воеводѣ Вукотицу, побѣдителю турокъ при Дути, то всѣ эти обвиненія по большей части построены на слухныхъ и не имѣютъ за себя никакихъ положительныхъ данныхъ. Въ концѣ 1858 года спорно дѣло между турками и черногорцами о правѣ владѣнія Граховскимъ округомъ окончилось тѣмъ, что Турція рѣшилась отнять его у черногорцевъ силою, и съ этою дѣлюю послала 15000 отборнаго войска, подъ начальствомъ Гусейна-паша, губернатора Герцеговини, къ границамъ Черногорин. Мирко Петровицъ, какъ великій воевода, принявъ главное начальство надъ черногорскимъ войскомъ и, заманивъ турокъ въ Граховскій округъ, окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ пятисотымъ отрядомъ и отрѣзалъ имъ сообщеніе съ крѣпостью Клобукомъ, откуда турки получали съѣстные припасы. Гусейнъ-паша, видя опасность своего положенія, рѣшился отступить къ Клобуку. Мирко Петровицъ началъ на него во время этого обратнаго движенія и, пользуясь разобщенностью турецкаго корпуса, разбилъ его наголову, причемъ турки потеряли 8,000 челоѣвъ убитыми, а черногорцамъ досталось 8 пушекъ, 6,000 ружей, 2,000 лошадей, 2,000 палатокъ, 10,000 оловъ провiantу и множество мелкаго оружія. Въ числѣ убитыхъ былъ Кадрин-паша. Героизмъ этого дѣла былъ Мирко Петровицъ, который лично вождилъ своихъ черногорцевъ въ рукопашный бой. Мирко Петровицъ извѣстенъ также какъ авторъ чисто-народныхъ пѣсень и по скла-

ду и по содержанию. Такъ-какъ граховскій герой не умѣлъ ни читать, ни писать, то онъ свои пѣсни импровизировалъ подъ звуки гуслей; импровизировалъ же онъ свои пѣсни въ длинныя зимніе вечера, когда собиравлись около каждаго очага воеводы и сенаторы съ трубами въ рукахъ. Мирко Петровичъ пропѣлъ такимъ образомъ дѣльный рядъ пѣсенъ о послѣднихъ болахъ съ турками. Пѣсни эти были записаны архимандритомъ Дуичемъ и отпечатаны, въ 1865 году, въ Петинь, подъ заглавіемъ «Черногорскій Памятникъ». Мирко Петровичъ скончался 20-го іюля 1867 года, на сорокъ седьмомъ году жизни.

БОЙ ВЪ КАЛАШИНЬ.

Въ пятьдесятъ восьмомъ году Господнемъ
Два могучихъ сербскихъ воеводы
Вечеряли на Морачѣ Нижней:
И одинъ былъ Церовичъ Новица,
А другой Миланъ былъ воевода.
Семь сидѣло съ ними капитановъ;
Подавалъ вино имъ старый иннокъ
Во златомъ сосудѣ заповѣдномъ.
Разныя вѣли они бесѣды,
Волѣе о подвигахъ воинскихъ:
Кто себя прославилъ въ грозныхъ битвахъ,
Кто собою жертвовалъ отчизнѣ.
Говорить имъ иннокъ-черногорецъ:
«Нѣтъмъ вамъ хвалиться, воеводы,
Колѣ спитъ спокойно градъ Колашинъ
И про васъ никто нигдѣ не знаетъ.
А слышали вы, что случилось лѣтосъ
На Граховцѣ, на полѣ зеленомъ,
Какъ тамъ бился Мирко воевода
И его лѣихе черногорцы,
Какъ онъ Кадри-пашу разбилъ
И послѣя турокъ десять тысячъ,
Отняли у нихъ двѣнадцать пушекъ,
И казну, и всакие снаряды.
Вѣчна да будетъ всѣмъ имъ слава!
Вы жь сидите да вино лишь пьете.»
Какъ услышала рѣчи тѣ Новица,
Всталъ онъ съ мѣста, говоритъ Милану:
«Подмайся, побратимъ, скорѣе
И пиши письмо къ братовождичамъ,
Къ капитану Милошевичу Вуку;
Давнь затѣмъ ты всѣхъ васовевичей,
И же двину ровдевъ и Морачу,
Съ воеводой Мишиничъ-Миласовомъ,
И дробняковъ, удалихъ юнаговъ.

Въ воскресенье, что теперь наступитъ,
На горахъ окрестныхъ мѣ оберемъ
И ударимъ на городъ Колашинъ,
Гдѣ засѣя Меничь и Мушовичъ,
Разобьемъ ихъ, колѣ Вои поможетъ,
И себѣ добудемъ честь и славу!»
Поднялся Миланъ на легки ноги,
Говоритъ Новицѣ побратиму:
«Побратимъ мой, дорогой Новица!
На ролу написано мнѣ счастье:
Что мнѣ снизлось, грезилось только,
То иъ-очью свершается сегодня:
Дать зарокъ предъ Господомъ я Богомъ,
Да еще предъ сердцемъ молодецкимъ,
Что воденуи знамя въ Колашинѣ
И огнемъ снаю затѣмъ весь городъ,
Отомща кровию обиду,
Что мнѣ злѣе причинили турки.
Лѣтосъ брата, мой очн ясны,
Извели Вуковича Егоря,
И теперь державтъ похваляются
Головой его и саблей острой
Въ городѣ високомъ Колашинѣ.
Дастъ Господь, расплазятся со мною!»
Такъ сказалъ, коня себѣ сѣдлаетъ,
Занявъ войскомъ горныя вершины,
Простоялъ на тѣхъ вершинахъ два дни,
До прихода Церовича бана
Съ тысячею бойцовъ его отважныхъ.
Ночь они прочокали вѣдѣтъ:
Отдохнуи храбрыи ихъ рати.
Въ понедѣльникъ, чуть беснуо утро,
На бѣду для оканниныхъ турокъ,
Воеводы раздѣлили войско:
Часть съ высотъ ударила съ Миланомъ,
Гдѣ сидѣлъ Мушовичъ въ баняхъ бѣлыхъ.
Какъ хвалился, такъ Миланъ и сѣдлаетъ:
Черезъ улицы коня онъ гонитъ,
Турокъ бьетъ направо и налѣво —
И на крѣпости водвинулъ знамя.
А за нимъ несется и дружина,
Тысяча вонтелей отважныхъ;
Много вражескихъ головъ срубилъ
И полгорода огнемъ спалилъ.
Въ полгосмотрите: банъ идетъ Церовичъ,
Съ воеводой Мишиничъ-Миласовомъ
И съ его могучею дружиною.
Тысяча всѣхъ ратниковъ въ дружицѣ;
Въ бой они пошли по молодежи.
Банъ ударилъ противу Карнама;
Много башенъ бѣлыхъ онъ разрушилъ,

Много-много сѣкъ головъ турецкихъ,
Подъ-конецъ огнемъ спалилъ весь городъ
И шестосъ ваялъ пѣвниковъ въ неволю.
Исполать вамъ, оба воеводы!
Съ-этыхъ-поръ здѣсь туркамъ не селиться,
А селиться только черногорцамъ!
Пѣвниковъ подводитъ къ воеводамъ:
Стоитъ стоять между дѣвницъ и женницъ,
Плачь дѣтей въ среднѣхъ раздается,
А инши жоны слезы роняетъ,
Слезы роняетъ, воеводамъ молвятъ:
«Отпустите, воеводы сербовъ,
Нашъ домой, въ турскую державу,
Съ малыми дѣтми-сиротами!
Всѣхъ того у васъ доволно славы:
Колашинъ въ разгромѣ бѣлый
И гордино вражю сломилъ!»
Воеводы отпустили пѣвниковъ
И очни своихъ убитыхъ братьевъ:
У Милана семдесятъ погибло,
Шестдесятъ погибло у Новицы.
Ради сербы за честной крестъ бится,
Умирать за вѣру за смлутю
И за славу сербскаго оружя.
Исполать вамъ, околы вы ясны,
Что въ бою животъ свой положили,
Что разрушили турецкій городъ
И волковъ злыхъ разоганиа стаю!
Честь и слава будетъ вамъ во-вѣки,
Сквозь пройдетъ чрезъ горы, черезъ доли!
Все свершилось то на самомъ дѣлѣ,
Былъ я самъ на комской на плавницѣ
И своими все глазами видѣлъ.

Н. БЕРГЪ.

ГРАФЪ МЕДО-ПУЧИЧЪ.

Графъ Медо-Пучичъ, потомокъ древней дубровницкой фамилии, переселившейся въ Дубровникъ изъ Катара около 800 году, родился въ 1821 году. Онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ полюбилъ народныя пѣсни и сталъ заниматься родной литературой. Первые статьи его о хорутанской поэзии появились въ итальянскихъ журналахъ «La Favilla di Trieste» и «L'avenire di Ragusa». Тамъ же были помѣщены его итальянскіе переводы изъ «Османа» Гундуанча, нѣкоторые стихотво-

реній Мишкевича и одной пѣсни изъ «Краледворской Рукописи». Въ 1844 году онъ издалъ въ Вѣнѣ антологию, составленную изъ сочиненій древнихъ дубровницкихъ писателей; затѣмъ, сталъ усердно сотрудничать въ «Зарѣ» и «Деницѣ». Въ народной вѣнѣ «Карра-Георгиевичъ» воспеваъ онъ освобожденіе Сербіи изъ-подъ турецкаго владѣчества и самого воскресителя сербской народности, Георгія Петровича. Поэма была напечатана. Во время иллрискаго движенія, Пучичъ написалъ нѣсколько патристическихъ стихотвореній, въ которыхъ призываетъ сербовъ къ единству противъ иноземнаго угнетенія. Нѣкоторые изъ нихъ стали достояніемъ сербскаго народа. Въ 1849 году онъ помѣстилъ въ «Дубровникѣ» свой переводъ первой пѣсни гомеровою «Одиссею» и напечаталъ въ Загребѣ собраніе своихъ стихотвореній, написанныхъ имъ въ Италиі, съ 1846 по 1848 годъ. Въ 1-мъ томѣ «Дубровника» на 1849 году Пучичъ помѣстилъ сочиненія дубровничанина Вишчевича, умершаго въ 1668 году, съ его биографіей, а во 2-мъ — свои переводы съ русскаго, польскаго и французскаго («Клеветникамъ Россіи» Пушкина, «Духъ стѣней Забѣнка» и дѣвъ пѣсни изъ Беранже). Наконецъ, въ 1856 году, въ Зарѣ вышло послѣднее его сочиненіе «Повѣствованіе о Дубровникѣ», встрѣченное вполнѣ заслуженными похвалами критики и публики. Въ настоящее время Медо-Пучичъ проживаетъ въ Вѣнѣ, гдѣ занимается воспитаніемъ молодого сербскаго князя Милана.

ЖЕЛАНІЕ.

Какъ юность мнѣ отрадно вспомнить!
Мнѣ часто снится очн голубий,
Коса какъ смолъ, нѣжль либенъ грудь,
Уста — какъ будто розаны живныя.

Подчасъ мельбаютъ образы иные
И не даютъ покойно мнѣ заснуть:
Соотчичи печально понытѣ
И къ славы тяжкій, безконечный путь.

То видится одно мнѣ, то другое,
То будущее, то олятъ былое;
Такъ дохожу до настоящихъ сновъ.

О, Воже, дай мнѣ опочить въ покоѣ,
Чтобъ не терзалось сердце ретивое,
Чтобъ дѣвѣ мой не увянулъ безъ надоев!

Н. Бергъ.

II

ПАЛЪМА.

На вербаудѣ вдоль пустыни мчится
Черноликий всадникъ. Онъ отъ жара
Еле дышитъ; жаждой онъ томится:
Ижеть его печеная Сахара.
Солонюшкѣ средѣ ѣзды тяжелой
Онъ открытъ, какъ на ладони голой;
Но привыченъ Измаила спитъ:
Все впередъ стремится бедунъ.

Ѣдетъ, Ѣдетъ... Помолитесь надо:
«Могаммедъ-Сурула!» онъ взываетъ:
«Тамъ, въ раю, среди молитвъ, прохлада
Сладко вѣетъ и, струясь, сверкаетъ
Токъ жемчужный; гурин тамъ вѣрныхъ
Ждутъ для вѣни...» И угѣхъ безмѣрныхъ
Жажда жжеть его болъзную грудь —
И мечтой онъ облегчаетъ путь.

Вдрузь — то призракъ или мнѣлость Вожъ? —
Дерево — онъ видитъ — къ высямъ неба
Танется, густое, отъ подножья;
А кругомъ — поля и всходы хлѣба.
Вотъ — источникъ: вѣна и прохлада
Лѣбѣтъ въ сердцѣ; возлѣ дремлетъ стадо.
Караванъ присталъ тутъ. Ожигленъ,
Про каляны и кофе мыслятъ онъ.

Стройное оазисъ породенье,
Пальма! чады пустыни ты глѣбешь;
Жизлами корней своихъ скрѣпленье
Почвѣ ты даешь, прохладой вѣшь;
Отъ чумы храня струю потока,
Веревень былинку отъ припѣва;
Испоконъ вѣковъ даруя плодъ,
Все еще людской ты любишь родъ.

Пальма, ты и въ сербское поморье
Заглянувъ, въ немъ робко поселилась
И — хоть съверъ дуетъ въ междугорье —
На скалахъ средѣ терній вкоренилась;

Но здѣсь ростъ твой невмосеъ бываетъ,
Въ холоду твой плодъ не дозреваетъ;
Внесена для тѣхъной красоты,
Никому здѣсь не полезна ты.

Много есть въ саду родного края
Чуждыхъ зѣлѣй; корни ихъ широкіе;
Изъ тебѣ они, земля родная,
Лучше вытѣиваютъ соки.
Что за прокъ, что въ вербуню недѣлю
Твой алтарь украсятъ и постелю
Эти зѣлѣя? Влаговонный цвѣтъ
Кстанъ ль тамъ, куска гдѣ хлѣба нѣтъ?

Прочъ отъ иноземщины! Богъ каждой
Дать землѣ что нужно на погребу,
Чтобъ туземци голодомъ и жаждой
Не томилась: благодарность небу!
Каждому простой свой кормъ всегдашній
По нутру и мѣлъ свой быть домашній.
Бархатъ, сласти... Тотъ не дорожить
Ими, кто за соколомъ слѣдитъ!

Сербскій край! умою, красою, силой
И могучей рѣчью ты отъ Бога
Надѣленъ, чтобъ въ мирѣ славно было
Племя сербовъ. Отвергая строго
Что плететь хитро-вѣщней разумъ,
Не танись къ египетскимъ оазамъ;
Покази родной свой міру плодъ:
Всѣ пусть видятъ твой юнацкій родъ!

Въ слѣнотѣ мутятъ нашъ міръ злочинцы;
Советы разорваны въ узмъ;
Крестъ намъ смали греки и латинцы,
Честь, науку — вѣмцы и французмъ;
Вѣра жъ все чиста въ тебѣ святая,
И душой, какъ золотомъ блистая,
Ты внимай лишь сердцу въ дни тревогъ —
И съ тобой пребудетъ вѣчно Богъ!

В. Бендиктовъ.

И. ФИЛИПОВИЧЪ.

Иванъ Филиповичъ родился въ 1823 году, въ мѣстечкѣ Кошиницѣ, въ Бродскомъ граничарскомъ полку. Въ настоящее время онъ занимаетъ мѣсто учителя при главной школѣ въ Пожегѣ. На ла-

тературное поприщѣ Филиповичъ выступилъ очень рано, и съ-тѣхъ-поръ не переставалъ трудиться на пользу своей родной словености. Большая часть его мелкихъ стихотвореній, а также и рассказы изъ народнаго быта, напечатаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Кроме того, онъ перевелъ для «Сборника Пользнаго Чтенія» два романа: «Елизавета, или сибирскіе изгнанники» и «Вокфильдскій священникъ», и издавалъ вѣсколые книги для дѣтей. Съ 1859 года Филиповичъ издавалъ календарь, подъ названіемъ «Народная книга», который, благодаря разнообразію и занимательности своего содержанія, скорѣе можно назвать альманахомъ.

СТАРИКЪ И СТАРУХА.

Надъ рѣкой, надъ быстрой Савой,
Молишь Господа старуха:
«О мой Воже милосердый!
Прикажи — пусть стихнетъ буря
И повѣтъ тихій вѣтеръ,
И поможетъ мнѣ отвѣтъ
Черный куколь отъ пшеницы;
Прикажи — иначе буря
Разнесетъ сухія зѣрна;
А въ избѣ моей убогой
Плачутъ семеро малютокъ,
Сиротинкоъ безпріютныхъ,
Сироты — мои внучата —
Дрогнуть голые у печки:
Нѣтъ на бѣдныхъ рубашонокъ!»

Надъ рѣкой, надъ быстрой Савой,
Слѣзъ лѣтъъ старикъ убогий:
«О мой Воже милосердый!
Прикажи — пусть стихнетъ буря,
Стихнетъ вѣтеръ — не повѣтъ,
Чтобъ я могъ закинуть удъ,
Наловить на ужины рыбы.
Буря рѣбу разгоняетъ,
А въ избѣ моей убогой
Плачутъ семеро малютокъ,
Сиротинкоъ безпріютныхъ;
Сироты — мои внучата —
Третій день уже голодаютъ.»

Но губительная буря
Не стихаетъ, словно хочеть
Разорвать на части землю:
Вырываетъ дубы съ корнемъ

И высоко поднимаетъ,
Громозда на волни волни,
Воды Савы многоводной,
Такъ-что рыба съ перенугу
Въ темный нѣтъ на дно забилась.
Тщетно бѣдная старуха
Молишь Бога, чтобъ повѣтъ
Тихій вѣтеръ, вѣсто буря;
Тщетно ждетъ старикъ убогий,
Чтобъ утихла злая буря.

И сталъ думать Вседержитель —
Какъ бы имъ помочь обимъ?
«Если вѣтеръ стихнетъ вовсе —
Не отвѣтъ ей, старухѣ,
Черный куколь отъ пшеницы;
Если жъ вѣтеръ будетъ вѣтъ —
Старикъ сегодня рѣбу
Наловить ужъ не придется.
Какъ безвѣтріе и вѣтеръ
Никогда сойтис не могутъ,
Такъ ни кто на свѣтѣ людямъ
Угодитъ не въ состоянїи.
Пусть моя творится воля!
Пусть бушуетъ непогода!
Пусть ни кто изъ нихъ не страдаетъ:
Они оба мои дѣти!»

И опять старуха молишь,
Чтобъ повѣтъ тихій вѣтеръ;
И опять старикъ убогий
Ждетъ, чтобъ стихла непогода.
Но губительная буря
Продолжаетъ бѣсноватъ,
Громъ гремитъ — и прогоняетъ
Старика съ его старухой
Въ ихъ убогую лачугу,
Чтобы времени много —
Вѣзмъ удобного для дѣла —
Въ ней спокойно ожидалъ.

Н. Грвельъ.

В. РАДИЧЕВИЧЪ.

Бранко Радичевичъ родился въ 1824 году въ Бродѣ, въ Славонїи. Имя Радичевича есть одно изъ самыхъ любимыхъ и знаменитѣйшихъ именъ нѣвѣйшей сербской литературы. Стихотворенія его отличаются богатствомъ фантази и чувства, лег-

кой и музыкальной формой и прекрасным сербским языком (онъ пишетъ на банатско-сремскомъ нарѣчїи); направление его вполнѣ народное — и потому его можно смѣло назвать представителемъ новѣйшей школы сербскихъ поэтовъ. Въ 1847 году вышелъ его прекрасный переводъ «Вильгельма Телля» Шиллера; въ томъ же году былъ напечатанъ 1-й томъ его стихотвореній, а второй — въ 1851 году. Радичевичъ скончался въ 1853 году.

ДѢВУШКА У КОЛОДЦА.

Какъ вчера я здѣсь стояла,
Изъ колодца воду брала,
Добрый молодецъ ко мнѣ
Вдругъ подхлѣбалъ на конѣ,
И сказалъ: «душа-дѣвица,
Охлади испить водицы!»
Эти рѣчи — не таю —
Грудь поранили мою.
Я на парня посмотрѣла
И кувшинъ подать хотѣла,
Но онъ выпалъ изъ руки
И разбился на куски.
Черепки его но нынѣ
Здѣсь валяются во долинь:
Гдѣ же паренъ молодой?
Если нынче предо мной
Онъ повиситъ — я снова
Свой кувшинъ разбить готова.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

И. СУНДЕЧИЧЪ.

Иванъ Сундечичъ, православный священникъ и известный сербскій поэтъ, родился въ 1825 году въ Воевинѣ, откуда выѣхалъ еще будучи ребенкомъ, вмѣстѣ съ своими родителями, въ Далмацію. Затѣмъ, Сундечичъ воспитывался въ православной семинаріи въ Зарѣ, гдѣ окончилъ курсъ блестятельно, и, по приглашенію самаго семинарскаго начальства, смѣлѣвшаго оцѣнить способности молодого человѣка, занялъ профессорскую кафедру въ томъ же заведеніи. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ сдѣлался третьимъ редакторомъ «Далматинскаго Магазина». Въ 1850 году Сундечичъ издалъ въ Зарѣ свои стихотворенія,

подъ названіемъ: «Srce ili različne pjesme», а въ 1856 — «Нитку драгоценнаго жемчуга», сборникъ духовныхъ и нравоучительныхъ стихотвореній для юношества. Затѣмъ, онъ довольно долго сотрудничалъ въ «Далматинскомъ Вѣстникѣ», и даже одно время былъ его редакторомъ, а въ началѣ шестидесятихъ годовъ сталъ издавать въ Зарѣ беллетристическій журналъ «Звѣзда». Въ 1863 году надъ Сундечичемъ страсася бѣда: послѣ десятилѣтней службы въ зарской православной семинаріи, онъ былъ лишонъ далматинскимъ наместничествомъ кафедры и долженъ былъ искать новыхъ средствъ къ жизни въ Сербіи или Черногоріи. Единственной причиной возмущеннаго противъ Сундечича гоненія былъ горячій патриотизмъ, заявленный имъ какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни. Натерпѣвшись всагаго рода невгодъ въ своей второй родинѣ, Далмаціи, онъ удалился, въ 1864 году, со всемъ своимъ семействомъ въ Черногорію, гдѣ встрѣтилъ самый радужный прїемъ со стороны князя Николая, предложившаго ему мѣсто своего секретаря, съ жалованьемъ въ 1000 гульденовъ и опредѣлившаго его смывею на свой счетъ въ дубровницкую школу. Затѣмъ, независимо отъ обязанностей, сопряженныхъ съ секретарскою должностію при князѣ, ему было поручено завѣдывать мѣстной типографіей и изданіе календаря и учебниковъ для черногорскихъ школъ. Сундечичъ ревностно принялся за дѣло — и, спустя самое короткое время, бездѣйствовавшая до того типографія уже была въ ходу. Первой книгой, отпечатанной Сундечичемъ — былъ «Орлицъ», черногорскій календарь на 1865 годъ, въ которомъ, кромѣ ижеенъ князя Николая и статьи Дудича «О граховской битвѣ», помѣщено нѣсколько стихотвореній Сундечича и его же «Статистическія данныя о Черногоріи».

1.

МОСКВА.

Плечетъ мать-Москва святая —
Врагъ на грудь ей наступилъ:
Бородникоі бой кровавый
Къ ней дорогу проложилъ.

Вотъ Москва уже пылаетъ!
Смотритъ царь изъ-за Кремля,
Какъ все рушится, все гибнетъ,
Чѣмъ горда его земля.

Нить Москвы — его столица,
Но спасенъ его народъ,
Но спасенъ отъ униженія
Всѣхъ славянъ могучій родъ!

И Москва опять воспресла
Во стѣ разъ краше, чѣмъ была...
О, когда бы ты все славянство
Дивнымъ свѣтомъ обила!

Н. ГЕРВЕЛЬ.

II.

САБЛЯ СКЕНДЕРБЕГА.

Прочъ — и царскій дворъ и нѣга,
Чуть Мехметъ слышала вѣсть,
Что у бана Скендербега
Даръ волшебный — сабля есть —

Чудо-сабля: безъ направовъ
Бѣдова съ конемъ въ налетъ
Перерубить, да въ добавокъ
Въ землю на локоть войдетъ!

Царь горитъ желанья зноемъ,
Какъ бы саблю пріобрѣсть.
Выигъ просылтъ бы онъ героемъ
Съ этимъ дивомъ: то-то честь!

Вотъ съ прїивѣтствіемъ отправилъ
Къ бану грамоту султанъ —
Проситъ, чтобъ ему доставилъ
Эту саблю храбрый банъ.

Скендербегъ препонъ не ставитъ
И къ Мехмету саблю шлетъ:
Пусть-де онъ себя прославитъ —
Саблю грозную возьметъ!

Царь Мехметъ усм разглядилъ
И, оружіемъ звеня,
Руку выправилъ, наладилъ
На ударъ, и — на коня.

Сѣль — и челяди проворной
Отдалъ царственнѣй прїказъ,
Чтобъ былъ рабъ представлень чорный
На конѣ ему сейчасъ.

Крикнулъ — мигу пѣтъ потери:
Встрепенулась слугъ гурьба —
И ужъ тащутъ эти звѣри
Злооучнаго раба.

И едва предсталъ онъ цѣлю —
Къ конской гривѣ царь прїналь;
Преданъ лютому веселью,
Заманулся... поскакалъ...

Апъ напрягся такъ, что глазу
Ясно видѣлось, что — вотъ
Не раба, а трехъ онъ сразу
Верховныхъ на съвозъ проймѣтъ.

Но — не диво ли? — султану
Рѣшь и тутъ неудалось:
Грозный всадникъ жертвѣ рану
Только легкую нанѣлъ.

Зашпиглъ онъ, провнать злобой
И — домой. Давай писать.
Разсердѣнъ постыдной пробой,
Радъ онъ всѣхъ бы искустъ.

Вновь летитъ письмо султана
Къ бану; складъ его таковъ:
«Скендербегъ — злодѣй! Обманъ
Твоего открылся ковь».

«Гниа кто жь не обнаружитъ?
Саблю ты прислалъ не ту;
Шаю назадъ еѣ: пусть служитъ
Дрянъ тебѣ на срамоту!»

Скендербегъ, посланье это
Получивъ, захохоталъ
И на грамоту Мехмета
Свой отвѣтъ готовить сталъ.

Сѣль писать; усм смѣются;
И не пишутъ онъ, а такъ
Строчки сами ливня-льются:
«Не сердись-де царь-внукъ!»

Не вини меня, и сабли
Не хули! Все та жь она,
Но рукъ твоихъ ослабилъ
Мышцы: въ этомъ вся вина.

«Самъ я съ пояса отправилъ
Эту сталь къ тебѣ — ей-ей!
Но при этомъ не доставилъ
Я тебѣ руки моей.

«Пусть же злость тебя не поглотитъ!
Не храбрись впередъ слегка!
Вѣрь мнѣ: сабля не поможетъ
Тамъ, гдѣ немощна рука».

В. Бенедиктовъ.

Л. НЕАДОВИЧЪ.

Любомиръ Ненадовичъ, известный сербскій поэтъ, родился въ 1826 году въ селени Вранковинахъ, въ княжествѣ Сербскомъ. Родители его были люди зажиточные. Ненадовичъ началъ свое воспитаніе въ мѣстной нормальной школѣ, откуда перешолъ въ бѣградскую гимназію; по окончаніи полнаго курса въ этомъ послѣднемъ заведеніи, онъ прослушалъ курсъ философіи въ Главной Школѣ въ Бѣградѣ и затѣмъ отправился въ Прагу, для изученія чешскаго языка. Потомъ изучалъ право въ университетахъ Берлинскомъ, Гейдельбергскомъ и Парижскомъ (Sorbonne и Collège de France). Послѣ революціи 1848 года, онъ возвратился въ отечество, гдѣ получилъ мѣсто профессора въ Главной Школѣ (лицей) и былъ избранъ въ члены Общества Любителей Сербской Слоvesности, а также въ члены учинской комиссіи. Въ 1850 году онъ оставилъ кафедру и провелъ вѣдній годъ частью въ Парижѣ, частью въ путешествіяхъ по западной Европѣ, во время которыхъ познакомился съ черногорскими владѣнкой, Петромъ Петровичемъ Негошею, съ которымъ объѣхалъ всю Италію. Вернувшись въ Сербію, онъ былъ сдѣланъ архивариусомъ и секретаремъ министерства народнаго просвѣщенія, а въ 1858 году — секретаремъ миссіи въ Константинополѣ; но въ слѣдующемъ году былъ вызванъ обратно въ Бѣградъ, гдѣ снова занялъ служебное мѣсто по министерству народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Какъ всѣми любимымъ и уважаемымъ писателемъ, Ненадовичъ своими стихотвореніями, разбросанными по разнымъ сербскимъ журналамъ, альманахамъ и сборникамъ, и собранными имъ въ 1860 году («Пѣсни Л. Ненадовича», Землякъ, 1860) въ одну книгу, много способствовалъ даль-

пѣйшему развитію сербской литературы. Изъ поэтическихъ произведеній Ненадовича особенно извѣстностью пользуются слѣдующія: «Войникъ Дочичевичъ», поэма въ шести вѣснкахъ и «Славянская Вила»; послѣдняя пьеса была переведена на французскій языкъ. Затѣмъ, въ теченіи вѣсколькихъ лѣтъ, до самаго отбѣзда своего въ Константинополь, Ненадовичъ былъ редакторомъ утонаго журнала «Шумадинка». Кроме того, онъ обогатилъ сербскую литературу прекрасными переводами «Исторіи французской революціи» Минье и «Новелль» Тшоке. Для заключенія считаемъ не лишнимъ упомянуть объ издателеній дѣятельности Ненадовича. Онъ издалъ извѣстную поэмѣ Петра Петровича Негоша «Свободида» и очень важна для сербской исторіи «Приниси и Записки» своего отца, Матвѣя Ненадовича, о битвахъ на Дринѣ въ 1811, 1812 и 1813 годахъ, въ которыхъ Матвѣй Ненадовичъ игралъ главную роль. Въ настоящее время Ненадовичъ въ отставкѣ и живетъ въ Бѣградѣ.

І. СТАМБУЛУ.

Бьется сине-море, вздрагиваютъ горы;
Солнце помрачилось — не пѣбнаетъ взоры;
Звѣлится знамена, сталь звучитъ сурово:
Двигается на турокъ воинство Христово.

О, Стамбулъ надмѣнный! утони въ Босфорѣ!
Этотъ перстъ подытай предвѣщать горе.
Ты — укоръ вселенной, ты — позоръ и бремя —
И теперь отвѣтитъ наступило время.

Ничего ты въ мірѣ не щадишь надменный!
Ты злодѣй, какого пѣтъ во всей вселенной!
Сколько царствъ великихъ, къ нимъ горы враждою,
Ты попрашь своею грязною ногою.

Вѣрѣ, ты съ человѣкомъ не былъ человѣкомъ!
Вдругъ тебя струнась кровь, подобно рѣкамъ.
Ты не зналъ на свѣтѣ ничего святого
И былъ полонъ яда лжицмства злого.

Если наша слава пала предъ судьбиной —
Ты, драконъ голодный, ты тому причиной!
Видишь, отовсюду движется армія?
Нѣтъ, злодѣй презрѣнный, пѣтъ тебѣ пощадѣ!

Н. Гервель.

II.

МОЛОДЕЦКІЙ ОТВѢТЪ.

Солнце блещетъ, солнце свѣтитъ
На поляны наши;
На полянѣ князь Данило
Пьетъ вино изъ чаши.
Вотъ Омеръ-паша за горкой
Лагерь разбиваетъ,
И смяргнуса львовъ нагорныхъ
Льстиво приглашаетъ.
Засмѣлся князь Данило,
Сидя на поножѣ —
И Омеръ-пашѣ записку
Пшетъ на патронѣ:
«Злой отступникъ, ты рѣдился
Во святокъ законѣ,
А теперь его ты гонишь...
Мой отвѣтъ въ патронѣ!»

Н. Гервель.

Д. МИХАЙЛОВИЧЪ.

Димитрій Михайловичъ — современный сербскій поэтъ. Изъ сочиненій его извѣстны: «Вѣнокъ искренней любви», повелла (Новый Садъ, 1840), «Пѣсни милой» (Новый Садъ, 1840), «Смилье» (idem), «Войводанка» (Темешваръ, 1852) и «Цвѣты сербскихъ пѣсенъ», антологія изъ сербскихъ поэтовъ (Карловицъ, 1859). Въ настоящее время Михайловичъ состоитъ при темешварскомъ наместникѣ.

ПѢСНЯ.

Что за жизнь безъ вѣрмъ
Въ праведнаго Бога?
Везъ семьи любимой
Радостей не много!

Нѣтъ отрады въ жизни
Везъ души родимой!
Нѣтъ на свѣтѣ счастья
Везъ любви взаимной!

Н. Гервель.

И. ДРАГАШЕВИЧЪ.

Иванъ Драгашевичъ, профессоръ Военной Академіи въ Бѣградѣ и современный сербскій поэтъ, родился въ 1829 году въ Бѣградѣ; воспитывался онъ въ тамошнемъ надетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ офицеромъ. Въ настоящее время онъ имѣетъ чинъ капитана. Има его, какъ сочинителя нѣсколькихъ патріотическихъ стихотвореній, пользуется нѣкоторою извѣстностью между сербами. Въ настоящее время онъ издаетъ журналъ «Войнъ у Београдѣ», имѣющей довольно обширный кругъ читателей между городскими жителями Сербскаго княжества.

ВЪ ВОЙ.

Въ бой, братья, въ бой! настъ Самъ Господь зоветъ,
Зоветъ народъ — ударимъ на тирана!
Въ бой, сербы, въ бой! пусть его въ прахъ падетъ!
Вѣдь рана брата есть и наша рана.
Въ бой, сербы, въ бой, въ кровавый бой,
За свой народъ, за край родной!

О, скоро ль сербъ, болгаринъ и хорватъ
Спрячутъ позоръ, престанутъ быть рабами?
О, скоро ль нашъ забытый всѣми братъ
Подниметъ взоръ, разстанется съ дѣлами?
Возстанемъ всѣ — и врагъ падетъ,
Не-то онъ сгубитъ нашъ народъ!

Въ бой, сербы, въ бой! друзья, ударилъ часъ —
И врагъ падетъ подъ нашими мечами!
Въ бой, братья, въ бой! пусть міръ узнаетъ насъ,
Узнаетъ врагъ, что стали мы мужами.
Въ бой, сербъ, болгаринъ и хорватъ!
Впередь! ужъ слышится набатъ...

Н. Гервель.

И. ЮВАНОВИЧЪ.

Иванъ Ювановичъ, современный сербскій поэтъ, родился въ 1830 году въ Новомъ-Садѣ, гдѣ и получилъ первоначальное воспитаніе въ мѣстномъ училищѣ. Затѣмъ, продолжалъ свое образованіе въ Вѣнѣ, гдѣ слушалъ медицину. Има Ювановича, какъ поэта, пользуется извѣстностью между сербами и многія изъ его стихотвореній перешли въ народъ. Онъ перевелъ всего Гафиза, «Демоная»

Дермонтова и нѣсколько лучших стихотвореній Некрасова. Въ настоящее время онъ живетъ въ Вѣнѣ.

I.

КРЕСТЬ.

Ночь-полуночь, тьма густая,
Съ непогодой бурной
Надъ горой закрыли Чорной
Сводъ небесъ лазурный.
Все черной-черной тучи,
Громъ сильный грохочеть,
Страшный вихрь качаетъ горы,
Вскинуть къ небу хочеть!
Ужь не Богъ ли самъ ниспалъ ихъ,
Дивныя тѣ силы,
Чтобъ въ Нему поближе стали
Наши горы милы?
Ночь-полуночь, тьма густая,
Но сквозъ тьму густую
Часто видно въ блескъ молній
Ту скаду святую,
Гдѣ ручьи струятся крови,
Словно ленты алк,
И раскиданы въ обломкахъ
Сабли да кинжалы.
Прче молнія блеснула,
Скази озарилъ —
И на нихъ, средъ алой крови,
Крестъ святой явилъ.
И вѣдалъ тотъ громъ небесный
Доблестному роду:
«Здѣсь легло три сотни храбрыхъ
За свою свободу!»
Вмигъ утихла буря злая,
Вихоръ безпрерывный,
Чти великую святую
Той могли дивной.
Вмигъ размснлнся тучи,
Будто не бывали,
И вокругъ мѣсяца по небу
Звѣзды засверкали.
Самъ Господь велѣлъ внезапно
Тучи тѣ разсѣять,
Чтобы могъ свою отъ землю
Взорами легчить,
Гдѣ потомъ навшихъ братій,
Въ память грозной битвы,
На могилѣ ихъ собираю,
Къ небу шлютъ молитвы,

И клянутся прахомъ дѣдовъ
Метитъ прагамъ-тиранамъ,
Чорной кровью клянутся,
Острымъ атаганомъ,
И крестомъ святымъ клянутся,
Тѣмъ, что одною
Воздымаютъ къ яснымъ звѣздамъ
Тамъ чело висою.
Быть готовыми клянутся
Вѣчно къ оборонѣ
Сказъ своихъ — бездѣльныхъ перловъ
Въ сербской ихъ коронѣ.
Свѣтитъ мѣсяцъ, свѣтятъ звѣзды,
Всюду слышны клики,
Блещутъ сабли черногорцевъ,
Силы ихъ велики,
И несется гулъ далеко
Съ краю и до края:
«Самъ Господь съ тобой Всевышній,
О гора святая!»

Н. Бергъ.

II.

ДѢВА-ВОИИЦЪ.

Соволь шпелтъ, гдѣ бы сѣсть на отдыхъ;
На высокой ели не садится;
Сѣсть въ низу, гдѣ бѣлъ-шатеръ раскинутъ.
Подъ шатромъ сидитъ дѣвица-воица,
Пьетъ вино, да пѣсни распѣваетъ,
И, звуча, напѣвъ ея удаляетъ
Будитъ силы въ крыльяхъ соколиныхъ.
Услыхавъ еѣ, двѣнадцать турокъ
Подосли, понастриваютъ косо
И видаютъ ей крутое слово:
«Сука-сука! дѣвка молодая!
Пьетъ вино ты — туркамъ въ оскорбленье;
Ты поешь — надъ турками смѣешься...
Гдѣ и пить и пѣть ты научилась?»
— «А какое до того вамъ дѣло?»
Имъ дѣвица-воица отвѣчаетъ:
«Больно вы ужъ спеси понабрались!
Знать хотите — такъ скажу вамъ правду:
Друмъ юнакамъ сербскимъ я служила,
Друмъ юнакамъ — Милошу и Марку;
Пить вино у Марка научилась,
Пѣсни пѣть — у Милоша: два дара!
Два умѣнья — отъ двоихъ умѣньхъ!»

И свернула дѣвица очами,
И схватила саблю боевую...
Соволь смотри: турки врознь — мгновенно
И двѣнадцать ихъ головъ скатились...
«Ужь не сонъ ли?» думаетъ... А дѣва
Пьетъ вино, да пѣсни распѣваетъ.

В. Вьнедиктовъ.

СВѢТОЛИКЪ ЛАЗАРЕВИЧЪ.

Стихотворенія, подписанныя этимъ именемъ, пользуются большою популярностью между сербами и хорватами. Въ сожалѣнію, біографію этого талантливаго поэта мы ни гдѣ не могли найти, не смотря на все наше стараніе добыть ее изъ самой Сербіи.

ПРОЩАНІЕ СЪ ПРАГОЙ.

Чешская столица, Прага золотая,
Гордость душъ високихъ, украшеніе края,
Гдѣ и годъ отрадный прожилъ какъ мгновеніе,
Гдѣ тотъ годъ пронесся, точно сновидѣніе!

Ты пѣляешь взоры чудной стариню,
Роскошью настроенъ, вкусомъ, красотою;
Здѣсь все такъ приятно для ума и чувства,
И все мечтаетъ сердцу, что здѣсь край искусства.

Тяжело расстаться, Прага, мнѣ съ тобою!
Память о тебѣ я унесу съ собою,
Гдѣ и годъ отрадный прожилъ какъ мгновеніе,
Безъ чего въ природѣ не вѣсти искусству.

Рѣчка дорогая, быстрая Волтава,
Праги златоверхой и почетъ и слава!
Ты, шуми и пѣнясь, полная отваги,
Омываешь стѣны вѣковѣчной Праги.

Вингородъ могучій, старая твердыня,
Чешскаго народа гордость и святиня,
Вѣкового свидѣтель силъ и отваги —
Ежедневно шапѣть ты поначуи Прагѣ.

Мостъ твой, оковавшій быструю Волтаву,
Глядѣли въ скорбный зоръ груди и славу
Карла-исполниа, про его заботы,
Мудрость, справедливость, силу и щедроты.

Такъ прощай же, Прага, край очарованія!
У меня отидѣть лишь одно желаніе:
Поскорѣй добратъ до угла родного,
Чтобъ потомъ съ тобою повидаться снова.

Н. Гервель.

Ю. ЯКШИЧЪ.

Юрій Якшичъ, современный сербскій поэтъ, родился въ княжествѣ Сербіи, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, воспитывался въ Бѣлградской Главной Школѣ (лицей) и вскорѣ по окончаніи курса былъ назначенъ профессоромъ въ Пошаревскую прогимназію. Последнее мѣсто занималъ онъ до 1868 года. Якшичъ пользуется довольно большою извѣстностью между сербами, какъ поэтъ. Стихотворенія его печатались и не печатаются во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ Сербіи. Якшичъ началъ свое литературное поприще въ сороковыхъ годахъ изданіемъ альманаха «Лицейка». Изъ болѣе значительныхъ произведеній его можно указать на драму изъ древней черногорской исторіи «Княгиня Елизавета Черногорская» (Бѣлградъ, 1869) и на стихотвореніе «На гробѣ князя Милана» (Бѣлградъ, 1868).

ТОНИТЕ, БРАТЬЯ!

Тоните, братья, въ рѣкахъ крови!
Влажите сами на вострѣ
Своихъ дѣтей! сжигайте сѣла!
Страхните работою — свой позоръ!

Герои, братья — погибайте!
Пускай о томъ узнаетъ свѣтъ...
И небо горько будетъ плакать,
Что сербъ погибъ, что серба нѣтъ...

Нѣтъ, мы не братья, мы не сербы!
Глядѣли въ скорбный зоръ чужой!
Когда бы сербами мы были,
Людьми, друзьями — Боже мой —

Ужели бѣ мы съ вершинъ Авама
Глядѣли въ скорбный зоръ чужой?
Такъ безучастно, хладнокровно,
О братья милые, на васъ?

Пренебрегайте всё, что свято!
Гушайтесь клятвами друзей!..
Умелъ по подю, не преступно
Глядѣть на кровь своихъ дѣтей?..

Гдѣ помощь братная? гдѣ слѣзмъ?
Иль: «въ бой за братьевъ за своихъ?»
Въ борьбѣ, въ крови, въ бѣдѣ великой
Господь покинулъ васъ однихъ.

По слова — скорбный и грѣховный —
Я нѣсноу грѣшную пою —
О, сердце скорбное народа
Нашковъ прозванное въ бою!

Могучій сербъ кипитъ отвагой —
Его душа кипитъ и ждетъ;
Но не дасть ей воли дьяволъ,
Иль Богъ ей воли не дасть!..

Н. ГРГЕВЪ.

В. КАТЯНСКІЙ.

Владиміръ Катянский, современный сербскій поэтъ, родился въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ Воеводинѣ (австрійской Сербіи). Окончивъ курсъ, Катянский отправился въ княжество Сербію, гдѣ вскорѣ получилъ мѣсто учителя гимназій въ Крагуевцѣ, которое онъ занимаетъ и въ настоящее время, дѣля свои преподавательскія занятія съ обязанностями главнаго распорядителя мѣстной Читальни. Собраніе стихотвореній Катянского вышло въ 1867 году.

Т У Ч И.

Ахъ вы, тучи! вы летите
Все въ востокъ издалека...
Вы меня съ собой возмите:
Я вѣдь самъ дитя востoka.

Вы несетесь такъ урюмомъ
Вдаль полетомъ незамѣтнымъ:
Такъ мои несутся думы
Отъ немилыхъ въ неприлѣтныхъ.

Поле высохшее, тучи,
Ваша влага оживляетъ;

Отъ моихъ же слѣзъ горючкихъ
Только горе выростаетъ.

Ваша влага дѣтъ выводитъ,
Отъ моей — полночь родится;
Глѣвъ вашъ съ бурей проходитъ,
Скорбь моя все будетъ дѣться.

Ахъ, летите жь быстро, тучи!
Направляйте безъ возврата
На востокъ свой бѣгъ летучій!
Тамъ моя родная хата.

Вашей влагой плодотворной
Нивы родины напоите,
И потоки крови черной
Съ ихъ лица скорѣ смойте.

Не грозите имъ громами —
Долго ихъ они громилы —
Но повѣйте вѣтерками,
Чтобъ покой они вкусили,
И привѣтъ снесите мой
Въ семьѣ моей родной!

Ф. Миллеръ.

НИКОЛАЙ I, КНЯЗЬ ЧЕРНОГОРСКОЙ.

Николай Петровичъ, нынѣшній поведитель Черногоріи и сынъ черногорскаго героя, Мирко Петровича Негоша, родился 25 сентября 1841 года въ Негошѣ, въ Черногоріи. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Триестѣ и Венеціи, съ воспитательною дѣлюю, онъ былъ отправленъ въ 1856 году въ Парижъ, и помѣщенъ, для довершения своего образованія, въ лицей Людовика XIV, гдѣ окончилъ курсъ наукъ въ 1860 году однимъ изъ первыхъ. По смерти своего предѣстника и дяди, князя Данила I, Николай Петровичъ вернулся въ Черногорію и здѣсь, 14-го августа 1860 года, былъ избранъ народнымъ собраніемъ — черногорскимъ княземъ. Независимо отъ своихъ несомнѣнныхъ правъ на престолъ, какъ сынъ Мирко Петровича и родной племянникъ покойнаго князя Данила, Николай Петровичъ былъ выбранъ въ князя еще и потому, что онъ обещалъ быть хорошимъ и умнымъ правителемъ; а извѣстная честность его убѣжденій давала народу гарантію, что онъ не ошибся въ своемъ

выборѣ. Дѣйствительно, надежды, возлагаемыя на молодого князя, исполнились вполне и въ правленіе Николая Черногорія отдохнула отъ прежнихъ смутъ и неурядицъ. Въ семейной жизни князь Николай также счастливъ, какъ и въ политической дѣятельности: женившись на Миленѣ, дочери сенатора Петра Вукотича, онъ сдѣлалъ вполне счастливый выборъ. Любовь къ родной литературѣ обнаружилась въ молодомъ князѣ очень рано. Съ самыхъ отроческихъ лѣтъ сербскія народныя пѣсни были любимымъ его чтеніемъ. На литературное поприщѣ выступилъ онъ въ 1865 году: въ этомъ году въ черногорскомъ календарѣ «Орличъ» были напечатаны первая его стихотворенія, возбудившія общее вниманіе въ сербо-хорватскомъ краѣ. Стихотворенія Николая Петровича не лишены достоинства, а въ которыхъ изъ его лирическихъ пѣсенъ, какъ напримѣръ: «На гробъ Петра II», «Петинскій колоколь» и «Туда», могутъ быть поставлены на ряду съ лучшими произведеніями сербо-хорватской литературы. Въ 1867 году князь Николай написалъ трагедію «Вукашинъ»; но она еще до-сихъ-поръ не напечатана.

1.

ТУДА! ТУДА!

Туда! туда! за горы голубая,
Гдѣ моего влстителя былъ дворъ!
Тамъ, говорить, собрался въ дни былые
Нашъ вѣчевой, ювацкій нашъ соборъ.
Туда! Туда!.. О, Призрель, слава краи!
Дай мнѣ взглянуть — побать въ твоихъ стѣнахъ!
Меня зоветъ страна моя родная —
И я пойду съ оружіемъ въ рукахъ!

Туда!.. Съ развалинъ царскаго чертога
Смажу врагу: «отъ кровя моего
Прочь ты, чума! Скопилось долгу много:
Пришла пора мнѣ выплатить его!»
Туда! туда! За этими горами
Есть, говоритъ, цвѣтущій, свѣтлый край
Съ дечанскими священными стѣнами:
Молитва тамъ душъ даруетъ рай.

Туда! туда! за всенъ тѣ кругни,
Гдѣ небо въ сводѣ скруглилось голубой!
Туда! туда! — въ долины боевая —
Въ нашъ сербскій край мы путь направимъ свой!

Туда! туда! За этими горами
Нашъ влчлетъ Югъ, герой маститый нашъ:
«Сюда! ко мнѣ!» распотаннй конями,
Взмавуетъ онъ: «мечь — долъ священнй вашъ»

Туда! туда! — и на костяхъ турецкихъ
За кости Юга сабли назубримъ
И силой этихъ сабель молодецкихъ
Оковы бѣдной раи сокрушимъ.
Туда! туда!.. За этими горами
Гробъ Милоша-героя ми найдемъ...
Тамъ миръ душевный обрѣтается нами —
И сербъ не будетъ болѣе рабомъ.

В. ВЕВЕДИТОВЪ.

II.

ЗАДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Пью во здравье! Многи лѣта!
Вѣкъ нашъ кратокъ; юность — май
Нашей жизни. Пей, взывай
И стрѣль изъ нисюлета!
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Пей — и здравъ и веселъ буди!
Пей, землякъ, пока въ гульбѣ
Не покажется тебѣ,
Словно мошки, мелки люди!
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Будь для насъ пригѣромъ, Марко,
Короленичъ нашъ! О, да!
Кровь у сербовъ молода:
Вснхните — небу станетъ жарко!
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Пей, но силую хмѣльнаго
Не туманься: не забудь,
Что злой недругъ давитъ грудь
Царства славнаго, родного!
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Пусть погибнетъ всякъ живущій —
Все же Призрель ми возьмемъ,
49*

И на тронѣ золотомъ
Въ немъ восседетъ царь грядущій.
То — земли родной плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Беки сербовъ попираютъ,
Какъ подножныхъ черняковъ;
Но мы живы — и ихъ кровь
Намъ отвѣдать не пора ли?
То — земли родной плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Начинателю мы сѣчи
Пьемъ во здравье; а потомъ
Въ кубокъ вновь вина нальемъ,
Какъ до стѣнъ достигнемъ Печи.
То — земли родной плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Кто бы изъ сербовъ миръ нашъ дольний
Не покинулъ, чтобъ поднять
Наше знамя — благодать —
На дечанской колокольчѣ?
То — земли родной плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Пью во здравье! Многи лѣта!
Паднимъ всѣмъ за отчий край —
Миръ и слава! Пей, зыбай
И стрѣляй изъ пистолета!
То — земли родной плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

В. Вьнедиктовъ.

Д. МЕДИЧЪ.

Данило Медичъ родился въ 1841 году въ Воинной Границѣ, въ Личанскомъ полуостровѣ, воспитывался въ мѣстномъ кадетскомъ корпусѣ и служилъ короткое время въ австрійской арміи. Литературное свое поприще началъ онъ изданіемъ политической брошюры: «Шмерлингъ — строитель вавилонской башни», за что былъ — не болѣе не менѣе — какъ изгнанъ изъ отечества. Медичъ отправился путешествовать. Обѣхавъ часть Европы, онъ направилъ свой путь въ Россію, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, сначала въ Кіевѣ, а потомъ въ Москвѣ и Петербургѣ, со-

стоя все это время корреспондентомъ сербскихъ журналовъ: «Позоръ» и «Даница». Медичъ по преимуществу лирикъ. Во время своего пребыванія въ Россіи онъ также занимался и переводами; именно, онъ перевелъ нѣсколько стихотвореній изъ Пушкина, Лермонтова и Хомякова и переложилъ въ стихи «Слово о полку Игореве», которое было напечатано въ Петербургѣ въ 1870 году. Въ настоящее время онъ живетъ въ Новомъ Садѣ и занимается переводомъ «Полтавы» Пушкина.

НАША НАДЕЖДА.

На Балканахъ раздаются
Звуки сдержанныхъ рыданій
Объ утратѣ царства, славы,
О забвеннѣй всѣхъ преданій.

Десять гибельныхъ столѣтій
Пронеслось, какъ возсѣла
Тамъ святая наша вѣра
И родной намъ слава стала.

Насъ хранить отцы святые
Православие учили —
И любви могучій свѣточъ
Мы въ груди не погасили.

Защищая нашу вѣру,
Мы прошли рѣки крови
И подъ Бѣлою горою,
И на погъ на Косовѣ.

Но напрасно по равнинамъ
Кровь славянъ лилась рѣками,
Если рабство и по нынѣ
Отягчаетъ ихъ члѣнами.

Назови, рѣчная виа,
Другъ славянского народа,
Ту страну, гдѣ православье
Не терпѣло бы невзгоды?

На верху горы Солунской,
Тамъ гдѣ все для насъ сіяетъ,
Блещетъ блѣдный полумѣсяцъ,
Мгла полночная вѣтаетъ.

Гдѣ дни славы громоносной?
Гдѣ Солунъ? гдѣ воевода

Храбрый Дойчинъ? гдѣ герои —
Слава сербскаго народа?

На вершинѣ горъ Балканскихъ,
Вѣчными сумракомъ объятой,
Духъ съ укоромъ повторяетъ:
«Ужъ десятій вѣкъ! десятій!»

Но не всѣ славяне въ рабствѣ,
Есть и вольные межъ нами —
Тамъ, на Сѣверѣ далекомъ,
Гдѣ Москва горитъ крестами;

Тамъ, на Волгѣ, гдѣ привольно
Пѣсня радостная льется;
Тамъ, за Дономъ многоводнымъ,
Гдѣ козакъ въ степи несется;

Тамъ, гдѣ Днѣпръ, гдѣ Кіевъ-городъ
Въ воды свѣтлыя гладится
И своей старинной славою
Велчается, гордится.

Долго былъ престольный Кіевъ
Царства Русскаго главою,
Но свершилось — и склонился
Онъ предъ царственной Москвою.

Здѣсь орель, Кремля владыко,
Свилъ гнѣздо между холмами
И прикрылъ всю Русь святую
Исполнскими крылами.

Но теперь онъ тамъ вѣтаетъ,
Гдѣ дика краса природы,
Гдѣ Невы въ сѣдое морѣ
Катитъ царственные воды.

Тамъ хранится православье,
Тамъ законъ правдиво чтится —
Все, чему Кирилъ-Методій
Заставляли насъ учиться.

Тамъ почіють всѣ надежды:
Тамъ славянская держава,
Что растетъ, на зависть міру,
И грозна и величава.

А въ Кремлѣ Иванъ-Великій
Громя вѣрныхъ призываетъ,
И слова такіа въ храмѣ
Повторять ихъ научаетъ:

«Слава матушкѣ-столицѣ,
Что при заревѣ пожара
Сокрушила гордость злую
Ненавистнаго корсара!»

«Слава царству молодому!
Слава свѣта властелину!
Слава мудрому монарху
Славы доблестному сину!»

О, Москва! къ тебѣ съ надеждою
Братья руни простираютъ:
Съ нею южные славяне
И живутъ и умираютъ.

Ты опора православья;
Безъ тебя горьжесть гражданскихъ
Намъ бы видѣть не пришлось
Въ честь апостоловъ славянскихъ.

Да, Москва — есть сердце Руси,
Безпредѣльнаго пространства,
А Россія — это сердце
Всей вселенной и славянства.

О, Москва! красуйся вѣчно —
До тѣхъ-поръ пока волнами
Будетъ Волга, рѣка царина,
Лобызаться съ берегами.

Н. Гербель.

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

В началѣ послѣдней четверти XIV столѣтія исторической судьбѣ угодно было положить конецъ существованію на Балканскомъ полуостровѣ обширнаго болгарскаго государства. Съ исчезновеніемъ политической самостоятельности болгарской народности и литература болгаръ, по естественному ходу событий должна была заглушиться на дѣянія столѣтій. Турецкое нашествіе уничтожило не одну только политическую независимость болгарскаго народа: оно окончательно подавило и всякую духовную его дѣятельность. При этомъ страшномъ разгромѣ, едва ли испитаннымъ какимъ-либо инымъ народомъ въ Европѣ, уничтожены были не одинъ только царствовавшій въ Болгаріи родъ, отъ перваго его члена до послѣдняго, но и все лучшее люди въ государствѣ, изъ которыхъ одни были обезглавлены, а другіе, страха ради, приняли исламизмъ. Роды болгарскихъ бояръ были совершенно уничтожены, и въ настоящее время о существованіи ихъ напоминаетъ лишь одна безмолвная улица города Тернова, называемая *богарскою*. Въ народѣ до сихъ-поръ поется гѣсни, въ которой говорится о томъ, какъ одинъ изъ греческихъ константинопольскихъ патриарховъ совѣтовалъ турецкому султану, на случай если послѣдній желаетъ спать спокойно и не быть постоянно тревожимымъ невѣрными и безповойными болгарскими племенами, стрѣбить и *потурчить* всѣхъ его уюныхъ и грамотныхъ людей. Султанъ выслушалъ благословенно мудрый совѣтъ патриарха — и то-

часъ же, по его приказанію, были отправлены въ разныя мѣстности Болгаріи чиновники съ указомъ о немедленномъ приведеніи въ исполненіе полезныхъ совѣтовъ патриарха. На сколько тутъ правды, мы судить не беремся. Независимо отъ разнаго рода насилій, сопряженныхъ съ завоеваніемъ одного племени другимъ, болгарскому народу суждено было испытать надъ собою еще и другое что, быть-можетъ болѣе глупое и пагубное, нежели турецкое — это, находящееся на него греческимъ высшимъ духовенствомъ. Въ концѣ XIV столѣтія, по причинамъ, которые излагаютъ здѣсь не мѣсто, была уничтожена терновская патриархія, всѣ епархіяи кой перешли въ полную власть константинопольскаго патриарха. Болгарскій народъ, сдѣлавшись въ церковномъ отношеніи полнымъ достоиніемъ греческаго патриарха, волей-неволей долженъ былъ мужественно перенести еще и другія испытанія. Константинопольскіе патриархи, дѣйствіемъ користующимися дѣлами, съ-тѣхъ-поръ постоянно стали назначать архіереями въ болгарскіе епархіяи исключительно грековъ. Этими духовнымъ пастырямъ осиротѣвшаго народа, незнаннымъ ни его нравовъ и обычаявъ, а подалю его языка, дикими и варварскими казались звуки славянской рѣчи въ богослуженіи. Такъ-какъ константинопольскій патриархъ успѣлъ выхлопотать себѣ у завоевателя Цареграда привилегію считаться главою и представителемъ всѣхъ христіанскихъ племенъ, докоренныхъ турками, то и архіерен въ епар-

хіяхъ были облечены такою же властію каждый, относительно своей части, передъ мѣстными турецкими властями. Безъ приглашенія мѣстнаго архіерея, турокъ не вмѣшивался въ церковныя и училищныя дѣла христіанъ. «Ты будь моимъ послушнѣйшимъ рабомъ, говорилъ турокъ, работай на меня, а что касается твоей вѣры и языка, то мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ.» Турокъ неспособенъ былъ думать о томъ, на какомъ языкѣ народъ совершаетъ свое богослуженіе. Но не такъ думали греческіе архіерен. Сначала они долгое время держались политики, которая, повидимому, вполне надѣлила интересы турецкаго правительства, а тайно стремились къ достиженію совершенно новыхъ дѣлъ, быть-можетъ чрезвычайно полезныхъ для вымишленныхъ эллиновъ, но весьма гибельныхъ для болгарскаго народа. Ненавидя племя и языкъ болгаръ, греческіе архіерен стали изгонять мало-по-малу славянский языкъ изъ церквей и училищъ и замѣнять его всецѣмъ *божественнымъ* греческимъ языкомъ. Та же участь въ скоромъ времени постигла не только церкви и училища во всѣхъ главныхъ городахъ Македоніи, Фракіи и Болгаріи, но и многіе изъ болгарскихъ монастырей. Мало-по-малу въ разныя болгарскіе монастыри стали назначаться игуменами люди или греческаго происхожденія, или же изъ болгаръ, но такихъ, которые уже успѣли выучиться, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, читать и писать по гречески, и тѣмъ заявить о своей преданности главъ-архіерею греку-фанариоту. Только въ трехъ или четырехъ болгарскихъ монастыряхъ — въ томъ числѣ въ знаменитомъ монастырѣ св. Іоана Рильскаго, да въ нѣсколькихъ весьма отдаленныхъ отъ греческаго взора городкахъ — не переставали раздѣляться въ церквахъ и училищахъ звуки славянскаго языка. Но и въ этихъ, весьма малочисленныхъ, училищахъ и монастыряхъ образованіе, получавшееся болгарскимъ юношествомъ, заключалось въ томъ, что оно, ознакомившись съ звуками славянскаго языка по церковно-славянской азбукѣ, переходило въ чтенію «Часослова», «Псалтыри» и «Дѣяній св. Апостоловъ», а механическое и несмысленное чтеніе «Евангелія» заначивало образованіе и развитіе болгарскаго юности, и счастливымъ считался тотъ изъ нихъ, которому удавалось у какого-нибудь учителя-самоучки выучиться четыремъ правиламъ арифметики. Пагубныя для болгаръ дѣяствія грековъ-фанариотовъ не ограничивались только изгнаніемъ изъ церквей и училищъ славянскаго

языка: они систематически истребляли славянскія книги и рукописи. Но самымъ тяжкимъ ударомъ для болгаръ было уничтоженіе Охридскаго независимаго архіепископства въ началѣ второй половины XVIII столѣтія. Можно положительно сказать, что съ этого времени славянское богослуженіе и обученіе дѣтей грамотѣ по церковно-славянской азбукѣ совершенно исчезли съ лица Болгарской Земли, и ихъ мѣсто занялъ греческій языкъ, какъ господствующій. Но это пагубное распространеніе *грецизма* среди болгаръ Балканскаго полуострова усилилось еще болѣе, когда греческимъ архіереямъ стали энергически содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ нѣкоторые *знаменитыя* греческія фамиліи, изъ которыхъ многія занимали важныя должности при турецкомъ правительствѣ, какъ напримѣръ фамиліи: Исианли, Судо, Мурузи и другія. Они задушили *огречить* весь Балканскій полуостровъ. И дѣйствительно вскорѣ вся Болгарская Земля переполнилась, по-крайней-мѣрѣ въ городкахъ, греческими училищами, въ которыхъ, казалось, окончательно водворился греческій способъ ученія. Дѣло дошло до того, что фанариоты и выисываемые ими изъ Эпира и Фессалии, а всего болѣе изъ константинопольскаго Фанара, греческіе учителя уничтожили не только то, что напоминало или могло бы напоминать болгарамъ о прежней ихъ исторической жизни и древней литературѣ, но довели ихъ до такого состоянія, что они позабыли даже свое славянское происхожденіе. Однимъ словомъ, фанариоты и греческіе учителя въ извѣстнй періодъ времени уничтожили все остатки древняго болгарскаго достоянія. Славянская азбука сдѣлалась совершенно неизвѣстною большей части болгарскаго народа, какъ-будто она никогда не существовала въ мірѣ, такъ-что болгарскіе торговцы, по необходимости старавшіеся усвоить себѣ красоту и прелесть повозлинскаго языка, вели свою перенеску по гречески; тѣ же изъ нихъ, которые не могли выучиться греческому языку, писали на болгарскомъ языкѣ, по греческимъ буквамъ. Да и въ настоящее время, если мы расроемъ современную намъ болгарскую газету «Македонія», то найдемъ множество корреспонденцій, преимущественно изъ Македоніи, написанныхъ на болгарскомъ языкѣ, по греческимъ буквамъ. Если и въ наше время есть мѣстности, населенныя болгарами, которымъ неизвѣстна славянская азбука, то легко себѣ представить въ какомъ положеніи находились

болгары, относительно их развития в славянском смысле, жить придется или сто тому назад. При этом не надо забывать и тяжелого материального турецкого ига, которое, не менее фанариотского, разрушало материальны и нравственные силы народа. Если же в несколько отдаленных горных монастырях продолжалось святить, хотя и слабо, святильничье славянского богослужения, если где-нибудь в каком-либо захолустьи фанариотами горюдь, населенном исключительно болгаринами, продолжали учиться славянскому грамоту, читать «Псалтырь», «Часослов» и прочее, то эту заслугу надобно приписать тем болгарским учителям - самоучкам, профессия которых переходила из рода в род, из поколения в поколение, которые, умевя писать весьма искусно полууставом, переписывали всякия церковныя книги и потом продавали их, за небольшую цѣну, нуждавшимся церквам, училищам или частным лицам. Но какъсь людей молча дѣлающее, начинавшееся съ букваря и кончавшееся чтеніемъ «Апостола», для борьбы съ громадными средствами, какими обладали греческіе наставники? Эти наставники и quasi-проповѣдники болгарскаго народа до того невидѣли болгарскій языкъ, что даже тогда, когда ихъ собственный интересъ заставлялъ ихъ входить въ сношенія съ народомъ или старѣйшими городской общины, то они объясняли съ послѣдними на турецкомъ языкѣ. Но неужели, спросите вы, при такомъ позорномъ униженіи въ теченіи дѣльных столѣтій не раздались ни одного протеста? Нѣтъ, протесты были, но протесты одиночныя и голосъ ихъ остался гласомъ вопиющаго въ пустынь.

Въ половинѣ XVIII столѣтія жилъ болгарскій иеромонахъ, по имени Писій. Проникнутый жаждою къ бѣдствіямъ своихъ соотечественниковъ и единоплеменн., онъ оставилъ рукопись, подъ заглавіемъ: «Исторія Славено-Болгарская». Въ этой рукописи, которая вскорѣ должна выйти въ свѣтъ, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее весьма любопытное мѣсто, бросающее яркій свѣтъ на положеніе болгарскаго народа въ половинѣ XVIII столѣтія: «Патріарси Цароградски съ насиліемъ освоили Терновская патриаршія подъ своя власть и на пакость и злоба, чо имаютъ на болгары еще изъ-перва время, не поставляютъ отъ болгарскаго языка епископы болгаромъ, но все отъ гречески языкъ, и не радятъ (не заботятся) отнюдь за болгарски школы или ученіе,

по обращая все на греческій языкъ, за-то су остаи болгары прости и научени и не искусни писаніемъ, и много ся отъ нихъ обратили на греческаго политика и учение, и за свое учение и языкъ слабо брегать. Таа вина болгаромъ отъ греческаго духовнаго власти приходить и много насиліе непрavedно отъ гречески владини терпять во сія времена; но болгары принимаютъ ихъ благоговѣнно и почитаютъ ихъ за архіереи и стубоу плащаютъ имъ должно, за-то по нихна простота и невозобе воспримутъ отъ Бога мзду свою, тако и они архіереи, шо съ сила, а не съ архіереекое правило, творятъ болгаромъ велика обиди и насиліе, и они по свое дѣло и безсозвѣстіе воспримутъ мзду свою отъ Бога по реченію: яко ти воздасъ комуждо по дѣломъ его.» Это не наши слова — это голосъ очевидца, возмущеннаго своей слабый голосъ въ защиту порабоеннаго народа.

Понятно, что при такомъ безвыходномъ положеніи, какъ въ нравственномъ, такъ и въ материальномъ отношеніяхъ, въ какомъ находились въ теченіе дѣльных столѣтій болгарскій народъ, при томъ двойномъ игѣ, турецкомъ и фанариотскомъ, при тѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданіяхъ и мученіяхъ, которыя онъ съ мужествомъ вынесъ на своихъ плечахъ, и которыми едва ли когда-либо подвергался какой-нибудь другой европейскій народъ, жившій историческое прошедшее, и рѣчи не могло быть объ умственной дѣятельности. Но болгарскій народъ сталъ просыпаться всего только съ первой четверти текущаго столѣтія, когда болгары стали переселяться не только отдѣльными лицами, но цѣлыми семействами, въ сосѣдніе имъ страны: въ Румынію, Сербію, Австрію и Россію. Строго говоря, постепенное выселеніе болгаръ въ названныя страны началось еще съ половины прошлаго столѣтія, но зародки новоболгарской письменности относятся лишь къ первой четверти нынѣшняго столѣтія, когда впервые стали появляться печатныя книги на болгарскомъ языкѣ. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что теперешній письменный болгарскій языкъ относится къ древне-болгарскому (церковно-славянскому), какъ письменный языкъ современныхъ грековъ къ древне-греческому. Первая книга на болгарскомъ языкѣ, неизвѣстно гдѣ изданная въ 1806 году въ Пештѣ, носитъ заглавіе: «Молитвенный Кривъ». Правда, что гораздо раньше этого въ самой Болгаріи были люди, которые радѣли о книжномъ дѣлѣ и оставили

потомкамъ свои труды. Таковы, напримѣръ, «Исторія Славено-Болгарская» иеромонаха Писіа; «Жизнеописаніе Софронія, архіепископа Врачанскаго», написанное имъ самимъ, въ которомъ онъ описываетъ свои страданія, испытанныя имъ отъ тогдашняго терновскаго митрополита, грека Григорія. Изъ этого еще неизданнаго вполнѣ сочиненія видно, что архіепископъ Софроній, проводя остатокъ своей жизни въ Валахіи, написалъ нѣсколько книгъ. Но такія и тому подобныя письменныя произведенія, важныя для исторіи болгарскаго возрожденія и замѣчательныя не только своимъ содержаніемъ, но и внутреннею силою языка, относятся уже къ памятникамъ ближайшей болгарской старины.

Только черезъ восемнадцать лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ первой болгарской книги, названной выше, появилась вторая болгарская книга. Это былъ «Букваръ» доктора Петра Беровича, бывшаго тогда окружнымъ инспекторомъ въ Малой Валахіи, составленный и начатанный имъ въ 1824 году въ Брашовѣ, въ Трансильваніи. Эта книга хотя и носитъ названіе букваря, но, по своему обширному и разнообразному содержанію, скорѣе могла бы быть названа книгою для познанаго чтенія, тѣмъ болѣе, что она въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ приносила несомнѣнную и огромную пользу болгарскому юношеству, только-что начинавшему тогда учиться своему родному языку. Ровно черезъ годъ послѣ выхода книги Беровича, Анастасій Столяничъ-Кипшолскій, родомъ изъ города Котла, перевелъ съ русскаго «Священное Цѣлостосрабіе» и начаталъ его въ Пештѣ. Въ томъ же 1825 году Василій Поповичъ издалъ въ Будинѣ «Священную Исторію Ветхаго и Новаго Завѣта», а Петръ Сауновъ начаталъ въ 1826 году въ Букарестѣ свой переводъ «Новаго Завѣта». Были въ еще какія-нибудь болгарскія книги изданы до наступленія тридцатыхъ годовъ — намъ неизвѣстно; но съ наступленіемъ этого времени въ болгарской литературѣ обнаружилась особенная дѣятельность. Это время, по всей справедливости, можно назвать временемъ Юрія Венелина (1802 — 1839) не безъизвѣстнаго въ русской литературѣ, который своими сочиненіями о болгарѣхъ пробиралъ въ ихъ средѣ неуязвимую славу. Имъ это замѣчательнаго слависта такъ популярно въ Болгаріи, что прядь ли въ наше время найдется сколько-нибудь развитой болгаринъ, которому были бы неизвѣстны какъ имя Юрія Венелина,

такъ и его сочиненія. Въ 1829 году Венелинъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, и вскорѣ послѣ того Россійская Академія отправила его въ Болгарію, гдѣ онъ скоро близко и основательно познакомился съ положеніемъ болгарскаго народа, изучилъ его языкъ, возлюбилъ въ близкія отношенія со многими изъ болгаръ, особенно въ Букарестѣ, которымъ онъ внушилъ любовь къ родному слову и воскресилъ въ нихъ воспоминанія о славной, давно прошедшей старинѣ. Его сочиненіе «Древнѣе и нынѣшнѣе Болгаріе» произвело сильное впечатлѣніе на болгарскихъ читателей, которые нашли въ его книгѣ то, что до того времени только смутно сознавали и въ чемъ нуждались, какъ въ насущномъ хлѣбѣ. Въ его книгѣ, какъ въ зеркалѣ, увидѣли болгары всю прошедшую историческую жизнь своего народа, всю его старинную славу и отнеслись съ горячимъ сочувствіемъ къ описаннымъ событіямъ. Его научный взглядъ относительно древнихъ болгаръ, основанный первую данностію среди славянъ Балканскаго полуострова, до того пришлось по сердцу современнымъ болгарамъ-славянамъ, что даже въ настоящее время, не смотря на то, что прошло уже слишкомъ тридцать лѣтъ, никто не смѣетъ сказать имъ, что теорія Венелина не выдерживаетъ строгой научной критики. Однимъ словомъ, Венелинъ своими сочиненіями, благотворное вліаніе которыхъ на болгаръ было громадно, создалъ цѣлую школу съ весьма многочисленными послѣдователями, и его научный взглядъ на исторію болгаръ еще долгое время будетъ имѣть среди нихъ перевѣсъ надъ всякою другою ученою теоріею. Проживавшіе въ это время въ Одессѣ, давно переселившіеся въ Россію болгарскіе уроженцы, негодичны Василій Априловъ и Николай Палаузовъ, благодаря сочиненіямъ Венелина и его переписавъ съ ними, совершенно переродили и всю свою дѣятельность обратили на пользу отечества, основавши на собственныхъ средствахъ въ Габровѣ, своемъ мѣстоживеніи, первое правильно-организованное училище, которое существуетъ и по настоящее время.

Съ этого времени болгарская письменность начатаетъ мало-по-малу оживляться. До тридцатыхъ годовъ вся болгарская литература состояла изъ весьма ничтожнаго числа печатныхъ книгъ; но съ этого времени они перестаютъ быть рѣдкостью. Самымъ дѣятельнымъ труженикомъ новоболгарской народной литературы является Неофитъ,

иеронахъ Рильскаго монастыря. Онъ составилъ и издалъ въ 1835 году, въ Брагуевѣ, тогдашней столицѣ Сербскаго княжества, «Краткую Болгарскую Грамматику». Затѣмъ, тамъ же и въ томъ же году, издалъ онъ «Таблицы Взаимнаго Обученія», «Краткую Священную Исторію» и «Священный Катихизисъ», а въ Вѣлградѣ — «Краткое изложенье греческаго языка» и «Службу и житіе преподобнаго отца Іоанна Рильскаго». Помимо этого, Неофитъ долгое время трудился надъ составленіемъ «Гречо-болгарскаго Словаря», а въ 1840 году издалъ въ Смирнѣ свой переводъ «Новаго Заветъ». Переводъ этотъ много лучше перевода Сапунова, но уступаетъ переводу знаменитаго епископа Врачанскаго Софронія. Затѣмъ, могутъ быть указаны еще слѣдующіе дѣятели: Константинъ Огняновичъ, переложившій въ болгарскіе стихи «Житіе св. Алексія Божія Человѣка» (Будингъ, 1833), Христофоръ Павловичъ Дуничанинъ, составившій и издавшій «Арифметику», «Мѣсяцесловъ», «Разговорникъ Гречо-болгарскій», «Писемникъ Общеполозень» (Вѣлградъ 1835) и «Болгарскую Грамматику» (Будингъ 1836), другой Неофитъ, архимандритъ Хилянскаго монастыря, что на Аоніи, составившій небольшую школьную энциклопедію, подъ заглавіемъ: «Славено-Болгарско Дѣловство» (Брагуевецъ, 1835), Гавриилъ Крестовичъ, переводчикъ «Мудрости Добраго Ршварда» (Будингъ, 1837) и І. Богоевъ, издавшій небольшой сборникъ народныхъ пѣсенъ.

Вѣдѣтъ съ развитіемъ ново-болгарской литературы, имѣвшей преимущественно воспитательный характеръ, многие изъ молодых болгаръ почувствовали потребность въ болѣе широкомъ умственномъ развитіи и въ болѣе серьезномъ образованіи, въ слѣдствіе чего многие изъ нихъ отправились въ западную Европу, чтобы поступить въ тамошнія университеты, но болѣе значительное число молодых болгаръ, жаждавшихъ образованія, но извѣстныхъ причинамъ, предпочло Россію и ея среднія и высшія учебныя заведенія, какъ духовныя такъ и свѣтскія. Съ этого времени (1845—1871) число болгарскихъ книгъ съ каждымъ годомъ стало замѣтно увеличиваться, а содержаніе ихъ становится все болѣе и болѣе строгимъ въ научномъ отношеніи. Но, не смотря на то, что въ означенный періодъ между болгарами появились цѣлый рядъ литературныхъ дѣятелей, въ числѣ которыхъ были и есть писатели съ замѣчательными талантами и серьезнымъ обра-

зованіемъ, въ современной болгарской литературѣ все-таки преобладаютъ книги воспитательнаго содержанія, особенно учебники по разнымъ отраслямъ науки, потому-что этого требовало самое положеніе болгарскаго народа. Впрочемъ, стали появляться и самостоятельныя, оригинальныя произведенія, какъ политическія такъ и прозаическія. Присутная въ послѣднюю трудовъ болгарскихъ писателей, дѣйствовавшихъ въ теченіе ближайшихъ къ намъ двадцати пяти лѣтъ, мы начнемъ съ литературныхъ трудовъ Найдена Герова, который окончилъ курсъ наукъ въ бывшемъ Ринельскомъ Лицѣ въ Одессѣ (нынѣ Новороссійскій Университетъ). Еще будучи студентомъ, Геровъ издалъ свою небольшую лирическую поэму «Стоишь и Рада» (Одесса, 1845), которая теперь сдѣлалась библиографическою рѣдкостью. По окончаніи курса, Геровъ возвратился на свою родину, гдѣ и учительствовалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ городѣ Филипповѣ. Тамъ онъ составилъ, на основаніи разныхъ иностранныхъ и русскихъ сочиненій, весьма полезное для учащагося юношества руководство къ изученію физики, подъ заглавіемъ: «Извлеченія изъ Физики» (Вѣлградъ, 1849), а въ 1852 году издалъ брошюру, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько мыслей о болгарскомъ языкѣ и образованіи». Затѣмъ, онъ въ теченіи многихъ лѣтъ работалъ надъ составленіемъ болгарско-русскаго словаря, часть котораго — именно три первые буквы — отпечатана была въ 1858 году въ Москвѣ, подъ заглавіемъ «Болгарскій Рѣчникъ».

Одну изъ самыхъ славныхъ страницъ исторіи ново-болгарской письменности составляетъ литературная дѣятельность Петра Славейкова. Этотъ талантливый писатель не получалъ основательнаго школьнаго образованія. Надѣнный отъ природы замѣчательными способностями, онъ, безъ всякой посторонней помощи, образовалъ и обогатилъ себя многосторонними познаніями и, такъ сказалъ, собственнымъ трудомъ приобрѣлъ все то, что даетъ своимъ слушателямъ хорошая современная школа. Славейковъ совершенно справедливо считается лучшимъ изъ современныхъ болгарскихъ поэтовъ, и пишн онъ въ свободной землѣ — изъ-подъ его поэтическаго пера вышло много замѣчательныхъ произведеній. Въ числу дѣятельнѣйшихъ труженниковъ и горячихъ патриотовъ, посвятившихъ всю свою жизнь на пользу отечества, принадлежатъ Георгій Раковскій, умершій въ 1868 году. Лучшее его произведеніе —

«Горскій Путникъ», поэма (Новый Садъ, 1857). Но самую существенную пользу Раковскій оказалъ болгарамъ изданіемъ и редактированіемъ газеты «Дунайскій Лебедь», которая имѣла громадное значеніе въ Болгаріи, не смотря на строгое преслѣдованіе ея со стороны турецкаго правительства. Въ послѣднее время, изъ кружка молодыхъ болгарскихъ писателей приобрѣлъ большую извѣстность М. Дриновъ и Любентъ Каравеловъ, воспитанники Московскаго университета. Первый изъ нихъ написалъ и напечаталъ двѣ весьма дѣльные и полезныя для болгаръ книги, изъ которыхъ одна носитъ заглавіе: «Взглядъ на происхожденіе болгарскаго народа и начало болгарской исторіи», а другая: «Историческое обзореніе болгарской церкви съ самаго ея начала и до настоящаго времени». Обѣ эти книги имѣли громадный успѣхъ въ Болгаріи. Каравеловъ, имя котораго не безызвѣстно и въ русской литературѣ, извѣстенъ какъ издатель весьма полезной книги, подъ заглавіемъ: «Памятникъ народнаго быта болгаръ», въ составъ которой вошли болгарскія народныя пословицы и народный дневникъ, съ указаніемъ праздниковъ, обрядовъ, легендъ и повѣрій на каждый день въ году, и, въ особенности, какъ редакторъ издающейся въ Букарестѣ либеральной газеты «Свобода», ввозъ которой въ Турцію запрещенъ подъ страхомъ строгого наказанія. Изъ молодыхъ болгарскихъ поэтовъ отличаются несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ двое — Чингузовъ и В. Поповичъ. Къ сожалѣнію, произведенія обоихъ этихъ поэтовъ встрѣчаются весьма рѣдко въ печати, особенно Чингузова, прекрасныя поэтическія пѣсни котораго ходятъ въ Болгаріи по рукамъ во множествѣ списковъ.

Мы могли бы привести еще нѣсколько десятковъ именъ болгарскихъ писателей, постоянно цѣлью которыхъ было и есть постепенное развитіе своего народа, но значительное большинство ихъ, чтобы не сказать: исключительно всѣ, трудятся и трудятся надъ составленіемъ всевозможныхъ элементарныхъ учебниковъ, начиная съ буваря и окончивая переводомъ «Опытной Физики» Гаю. Въ современной болгарской письменности преобладаютъ нравственно-воспитательный элементъ, и эта педагогическая литература въ настоящее время насчитываетъ около трехъ сотъ руководствъ различныхъ названій, по части отечественнаго языка, исторіи, математики, географіи, закона Божія, иностранныхъ языковъ и проч.

При этомъ нельзя не замѣтить, что при составленіи учебниковъ берутся преимущественно русскія руководства, которыя или переделываются, или переводятся цѣлкомъ. Какъ составители и переводчики руководствъ заслуживаютъ быть упомянутыми: Пароней Зографскій, бывшій архимандритъ, а нынѣ архіепископъ, І. Груевъ, Д. Манчевъ, Д. Войничковъ, И. Момчиловъ, С. Радулковъ, Н. Михайловскій, И. Богатовъ, А. Робоскій и Д. Мутефъ. Не смотря на то, что почти всѣ наличныя силы болгарской литературы были посвящены педагогической дѣятельности, изъ среды болгарской интеллигенціи, начиная съ сороковыхъ годовъ, стали выдѣляться и переводчики по части belletristiki, причемъ не обошлось безъ переводовъ съ русскаго. Около того же времени были сдѣланы попытки создать оригинальную болгарскую belletristiku: было написано нѣсколько повѣстей и разсказовъ, изъ которыхъ можно указать на повѣсти: Р. Блескова «Пронашья Станко», І. Груева «Сирота Пѣвтана» и, въ особенности, на слѣдующіе разсказы Л. Каравелова: «Бабушка Неда», «Долчо» и «Хаджи Начо». Вообще, Каравеловъ являеть прелекательно и вѣрно изображать народный бытъ болгаръ. Нѣкоторые изъ его повѣстей и разсказовъ переведены на сербскій языкъ. Наконецъ, въ послѣднее время сдѣлана была попытка къ созданію болгарскаго театра, рожденію котораго предшествовало появленіе въ печати нѣсколькихъ драматическихъ произведеній, для которыхъ сюжетъ былъ заимствованъ изъ болгарской исторіи. Изъ нихъ заслуживаютъ упомяновены слѣдующія три драмы Д. Войничкова, который написалъ ихъ для упомянутой цѣли: «Князь Райна», «Превращеніе Преславскаго Двора» и «Ведислава, Болгарская Княгиня». Всѣ эти драматическія произведенія давались на частномъ театрѣ въ Браиловѣ и роли исполнялись исключительно молодыми болгарами и болгарками, а сборъ былъ предоставленъ въ пользу болгарскаго училища.

Теперь перейдемъ къ болгарскимъ журналамъ и газетамъ, съ исключительно литературнымъ и ученымъ содержаніемъ. Болгарская періодическая печать раздѣляется на двѣ группы. Къ первой относятся газеты, издающіяся въ Константинополѣ, подъ гнетомъ турецкихъ законовъ о печати, которые не позволяютъ редакціямъ имѣть свое сужденіе о положеніи дѣлъ въ турецкомъ государствѣ, и въ тоже время требуютъ, чтобы

журналистика с одной стороны представляла положение этого государства въ самомъ лучшемъ видѣ, а съ другой — носила бы Россію и русскій народъ, рисуя его самыми черными красками. Къ второй группѣ относятся болгарскія газеты, выходившія въ Придунайскихъ Соединенныхъ Княжествахъ, гдѣ иноплеменные имѣютъ возможность писать свободно и обнаруживать всѣ злоупотребленія какъ турецкихъ властей, такъ и турецкаго народа. Но эти газеты недоступны для болгаръ, населяющихъ Европейскую Турцію, вслѣдствіе чего мало достигаютъ своей цѣли и имѣютъ весьма ограниченное число читателей. Вообще болгарская журналистика отличается своею неживучестью. Если бы всѣ газеты, издававшіяся въ теченіе ближайшаго къ намъ двадцатилѣтія, существовали до-сихъ-поръ, то теперь болгары имели бы около двадцати газетъ и журналовъ — цифра весьма почетная для патримональнаго народа, который сталъ просиживать отъ слишкомъ четырехъ вѣкового сна всего только со второй четверти текущаго столѣтія. Къ сожалѣнію, ни одна болгарская газета, за исключеніемъ «Цареградскаго Вѣстника», не прожила болѣе двухъ лѣтъ, и всѣ они погибли единственно отъ недостатка въ подписчикахъ. Такова въ немногихъ словахъ вѣчная исторія болгарской періодической печати за послѣднее двадцатилѣтіе. Приступаемъ къ почитенію болгарскихъ газетъ и журналовъ.

Спустя два мѣсяца по выходѣ въ свѣтъ альманаха «Забавникъ», изданнаго въ 1845 году К. Огняновымъ въ Парижѣ, въ Смирнѣ вышелъ первый номеръ перваго болгарскаго журнала «Любословіе», подъ редакціею К. Фотинова, которого можно назвать основателемъ болгарской журналистики. Два или три года спустя, въ Вѣнѣ сталъ выходить другой журналъ, подъ заглавіемъ «Мірозрѣніе», подъ редакціею И. Добровича. Но этотъ журналъ существовалъ не долго. Въ 1849 году въ Константинополѣ появилась первая болгарская политическая и литературная газета «Цареградскій Вѣстникъ», редакторомъ-издателемъ которой былъ Алексѣй Эзаркъ. Эта газета просуществовала тринадцать лѣтъ и принесла существенную пользу болгарскому народу, сумѣвъ внушить своимъ читателямъ любовь къ чтенію и убѣдить въ его пользѣ. Но особенную пользу принесла эта газета своими статьями противъ западной католической пропаганды, избивая всѣ ея пагубныя для болгаръ дѣйствія

и интриги, горько утѣшая народъ свято бжества вѣру протѣвая. Противъ нея, въ 1860 году, выступила газета «Болгарія», основанная на деньги католической пропаганды, подъ редакціею Д. Цанкова, приверженца уни. Во все время существованія этой газеты «Цареградскій Вѣстникъ» не переставалъ съ замѣчательною энергіею ратовать противъ нея, объясняя болгарскимъ читателямъ, что газета «Болгарія» есть органъ католической пропаганды, и потому ее слѣдуетъ вѣчески остерегаться и не довѣрять ея проповѣдямъ. Впрочемъ, «Болгарія» не шла между болгарами ни мажорнаго сочувствія и принуждена была прекратить свое жалкое существованіе. Еще до появленія названной газеты, именно въ 1857 году, образовалось въ Константинополѣ, изъ живущихъ тамъ болгаръ, Общество Болгарской Именности, избравшее цѣлью своей дѣятельности — снабженіе церкви и училищъ необходимыми книгами по дешевой цѣнѣ и собраніе памятниковъ народнаго языка. Затѣмъ, въ началѣ 1858 года, Общество стало издавать журналъ, подъ названіемъ «Болгарскія Книжница», который выходилъ по два раза въ мѣсяцъ. Первымъ редакторомъ этого журнала былъ Д. Мутъевъ, которого въ концѣ года замѣнилъ И. Богоровъ; въ началѣ же 1859 года журналъ окончательно перешелъ подъ редакцію Т. Стоянова-Бурмова, воспитанника Кіевской Духовной Академіи. Въ этомъ полезномъ изданіи, съ весьма разнообразнымъ содержаніемъ, помѣщаются очень дѣльные статьи, какъ переводныя, такъ и оригинальныя.

Въ 1862 году журналъ «Болгарскія Книжница», истощивъ всѣ свои средства, долженъ былъ прекратить свое существованіе. Тѣмъ не менѣе болгарскія газеты не переставали возникать. Въ 1860 году болгарскіе студенты Московскаго университета предприняли на собственные средства изданіе небольшого журнала чисто литературнаго содержанія, подъ названіемъ «Братскій Трудъ». Въ этомъ изданіи помѣщались литературные опыты тогдашнихъ болгарскихъ студентовъ Московскаго университета: В. Поповича, Г. Теодарова, К. Мыадинова, В. Карачевова, К. Жинифова и другихъ. Затѣмъ, вѣстный болгарскій патріотъ Раковскій основалъ въ Вѣлградѣ газету, подъ названіемъ «Дунайскій Лебедь», которая печаталась на двухъ языкахъ: болгарскомъ и французскомъ. Эта газета принесла огромную пользу болгарамъ, такъ-какъ талантливый редакторъ ея своимъ ис-

куснымъ перомъ много способствовалъ усилку борьбы противъ комытокъ западной католической пропаганды водворить въ Болгаріи унию. Помимо этого, покойный редакторъ названной газеты энергически ратовалъ противъ интригъ польскихъ эмигрантовъ, дѣянія которыхъ онъ изложилъ довольно подробно въ нѣсколькихъ статьяхъ. Но бомбардированіе Вѣлграда турками отвлекло вниманіе Раковскаго отъ литературы: занявшись формированіемъ болгарскаго легіона, онъ скоро нашолся вынужденнымъ прекратить свою газету, которая болѣе не возобновлялась. Въ 1863 году нѣсколько людей изъ болгарскихъ купцовъ въ Браиловѣ, въ Вазахин, образовали общество съ цѣлью издавать газету на акціяхъ. И дѣйствительно въ концѣ мая того же года въ Браиловѣ стала выходить новая газета, политическая, литературная и коммерческая, подъ названіемъ «Болгарская Пчела», въ редакторъ которой былъ избранъ С. Понеско. Газета, послѣ двухлѣтняго существованія, прекратилась, за немѣнѣею достаточнаго числа подписчиковъ. Почти одновременно съ «Пчелою», по прекращеніи журнала «Болгарскія Книжница», появилась въ Константинополѣ другая политическая и литературная газета, подъ названіемъ «Свѣтъникъ». Изданіе было предпринято нѣсколькими зажиточными болгарскими negociантами, безъ означенія фамилий редактора. Газета эта, кромѣ политики, занималась главнымъ образомъ разработкою греко-болгарскаго церковнаго вопроса и полемикою съ греческою журналистикою по поводу онаго. И эта газета тоже не прожила болѣе двухъ лѣтъ; ее замѣнилъ, въ 1855 году, «Время», редакторомъ-издателемъ котораго былъ Т. Стояновъ-Бурмовъ, человекъ даровитый и серьезно-образованный. Это періодическое изданіе особенно замѣчательно тѣмъ, что редакторъ его умѣлъ весьма искусно проводить въ кружокъ своихъ читателей мысли весьма полезныя для болгаръ, но которыя — будь высказаны въ иномъ видѣ — едва ли бы прошли невѣрными чрезъ чистяные турецкой цензуры. Но главная заслуга редактора заключалась въ умѣнн вѣсти разумную полемику съ греческими газетами по поводу болгарскаго церковнаго вопроса и въ усильной борьбѣ противъ западныхъ религиозныхъ пропагандъ. Газета «Турція», предпринятая молодымъ турецкимъ чиновникомъ Н. Генюичемъ, не задолго до появленія въ свѣтъ «Времени», какъ получавшая субсидію отъ правительства, продолжаетъ издаться и въ настоящее

время. «Турція» есть органъ, хотя и не официальный, турецкаго правительства, и ея задача — курить оміякъ ему и турецкимъ саювникамъ, да еще распространять между болгарами разныя небытія и небыллицы о Россіи. Но, не смотря на это, «Турція» не имѣла и не имѣетъ вліянія на своихъ читателей. Къ этому времени относится появленіе въ Константинополѣ вѣщечнаго журнала «Зарница», издающагося до-сихъ-поръ Американскимъ Обществомъ. Она выходитъ разъ въ мѣсяцъ и помѣщается на своихъ страницахъ только статьи нравственно-религіознаго содержанія.

Въ 1863 году выступилъ на поприще болгарской журналистики вѣстный всему болгарскому читательству міру поэтъ П. Славейковъ. Свою полезную журналистическую дѣятельность началъ онъ изданіемъ сатирическаго журнала «Волынка»; но видно сатира плохо дѣйствовала на болгаръ, такъ-какъ Славейковъ, послѣ трехлѣтнихъ трудовъ надъ своею «Волынкою», намолъ болѣе полезнымъ и цѣлесообразнымъ предпринять другое періодическое изданіе, политическое и литературнаго содержанія. И дѣйствительно Славейковъ, съ 1866 года, сталъ издавать въ Константинополѣ новую газету, подъ названіемъ «Македоніе», поставившую своею задачею — содѣйствовать пробужденію македонскихъ болгаръ, всего болѣе пострадавшихъ отъ вліянія гредизма. По этому въ «Македоніи» весьма часто, рядомъ съ статьями на болгарскомъ языкѣ, встрѣчаются статьи на греческомъ и даже на македонскомъ нарѣчій, написанныя греческими буквами. Польза, принесшая упомянутой газетою, на ряду съ другими болгарскими періодическими изданіями, болгарскому народу — несомнѣнна и громадна, и не смотря на всю строгость турецкаго правительства, па многократныя запрещенія на три и четыре мѣсяца, «Македоніе» все продолжаетъ выходить. Наконецъ, въ 1867 году стала издаваться въ Константинополѣ еще одна — также очень полезная — газета «Право», подъ редакціею И. Найденова, старшаго учителя въ константинопольскомъ болгарскомъ училищѣ.

Съ другой стороны болгарскія періодическая печать стала еще болѣе обогащаться изданіями, выходившими въ предѣлахъ Турціи, именно въ Придунайскихъ Соединенныхъ Княжествахъ, гдѣ болгарскіе писатели могутъ излагать свои мысли совершенно свободно. Въ 1864 году, сперва въ Браиловѣ, а потомъ въ Волградѣ, сталъ выходить разъ въ мѣсяцъ небольшой журналъ «Ду-

ховная Книжка», под редакцію Р. Баскова, содержание которого было чисто духовное. Онъ прекратился на второмъ году своего существованія, все по той же причинѣ, то-есть за неимѣніемъ средствъ. Затѣмъ, въ Букарестѣ, въ октябрь 1867 года, возникла политическая и литературная газета «Народность», редакторами которой были сперва И. Богоровъ, потомъ И. Грудовъ и наконецъ І. Касабовъ, при которомъ газета прекратилась, просуществовавъ не болѣе двухъ лѣтъ. Ее съ 1-го августа 1869 года замѣнила газета «Отечество», издававшаяся въ Букарестѣ же на двухъ языкахъ: болгарскомъ и румынскомъ. Она поддерживается нѣкоторыми изъ болгарскихъ куцеровъ и есть органъ такъ-называемой *старой* партіи, враждебной партіи молодыхъ болгаръ, которая въ свою очередь въ концѣ того же года основала свою газету, подъ названіемъ «Свобода», редакторомъ которой состоитъ извѣстный отчасти и русской публикѣ Л. Каравеловъ. Направление ее антируцкое въ полномъ смыслѣ слова, а цѣль — доказать болгарамъ, что они должны всѣ свои надежды возложить на самихъ себя и не ждать ничего хорошаго отъ турецкаго правительства. Къ сожалѣнію, ввозъ этой замѣчательной газеты въ Россію, по причинамъ о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто, съ мая мѣсяца 1870 года воспрещенъ, не смотря на то, что она весьма благопріятствуетъ русскимъ. Кромѣ того, въ Бранловѣ, въ 1868 году, выходилъ еще двѣ газеты: «Дунайская Звѣзда», редакторомъ которой былъ мѣстный болгарскій учитель Д. Войниковъ и «Путникъ», подъ редакцію В. Запрнова. Обѣ эти газеты прекратились въ августѣ прошлаго года. Но главное украшеніе болгарской периодической печати составляютъ два недавно появившихся журнала: «Періодическое Сочиненіе» и «Читалице», изъ которыхъ первое выходитъ въ Бранловѣ, а второе въ Константинополѣ. Возникновенію перваго журнала предшествовало основаніе въ Бранловѣ болгарскаго литературнаго общества, цѣль котораго служить дѣлу нравственнаго развитія и преуславленія болгарскаго народа. Годъ три тому назадъ нѣкоторые изъ болѣе зажиточныхъ болгаръ, живущихъ въ Одессѣ, Кишиневѣ, Болградѣ, Букарестѣ, Бранловѣ, Вѣнѣ и Галацѣ, пожертвовали весьма почтенную сумму, сличную

200,000 франковъ, для основанія Болгарскаго Литературнаго Общества. Изъ этой суммы одесскіе болгары, въ числѣ сорока двухъ человѣкъ, пожертвовали около 20,000 руб., изъ которыхъ 18,811 одновременно, а 805 руб. будутъ вносимы ежегодно во все время существованія общества; кишиневскіе болгары, въ числѣ шестнадцати человѣкъ, пожертвовали 1,725 руб., браиловскими болгарами и болгарками пожертвовано около 25,000 руб.; остальная же сумма собрана между болгарами, живущими въ Букарестѣ, Болградѣ, Вѣнѣ и Галацѣ, такъ-что основноі капиталъ общества состоитъ изъ 60,000 руб. Затѣмъ, 26-го сентября 1869 года состоялся въ Бранловѣ съѣздъ представителей общинъ отъ каждаго изъ поименованныхъ выше городовъ, причемъ былъ составленъ и одобренъ уставъ общества и избраны предсѣдатель (Н. Цѣновъ) и члены, для завѣдыванія административною частью общества и разширенъ вопросъ объ изданіи журнала, подъ заглавіемъ: «Періодическое Сочиненіе», первая книжка котораго вышла въ сентябрѣ 1870 года. Съ 1-го октября 1870 года, какъ упомянуто выше, сталъ выходить въ Константинополѣ новый журналъ, занявшій мѣсто прекратившихся «Болгарскихъ Книжницъ», подъ названіемъ «Читалице», редакторъ М. Балабановъ. Журналъ этотъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Наконецъ, съ октября 1870 года, въ Бранловѣ сталъ издаваться еще журналъ, подъ названіемъ: «Мірозрѣніе или Болгарскій Иваландъ», подъ редакцію И. Доброслава, а въ Букарестѣ Р. Басковъ предприняло изданіе новой газеты, литературнаго содержанія, подъ заглавіемъ «Училище», которая выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Къ числу болгарскихъ журналовъ можно отнести еще одно весьма полезное для болгаръ изданіе, а именно «Лѣтоструй или домашній календарь», издаваемый ежегодно Хр. Дановимъ, первымъ и единственнымъ болгарскимъ книгопродавцемъ, который своею неутомимую дѣятельностію по части изданія иностранныхъ учебниковъ и другихъ полезныхъ книгъ оказалъ весьма важную услугу своему народу. «Лѣтоструй» сталъ выходить съ 1869 года.

К. Жинзифовъ.

БОЛГАРСКІЕ ПОЭТЫ.

Г. РАКОВСКІЙ.

Георгій Раковскій, сынъ зажиточнаго болгарскаго крестьянина и болгарскій поэтъ, родился въ началѣ текущаго столѣтія въ Котелѣ, въ Снеженскомъ округѣ, въ Болгаріи. Первоначальное и притомъ весьма скудное образованіе получилъ онъ въ своемъ отечествѣ, разумѣется на греческомъ языкѣ, такъ-какъ въ то время на всемъ Балканскомъ полуостровѣ господствовалъ одинъ этотъ языкъ, а болгарскій преподавался только въ нѣсколькихъ монастыряхъ, лежащихъ подалеже отъ городовъ. Намъ ничего не извѣстно о его первой молодости и дальнѣйшемъ его образованіи до пятнадцатыхъ годовъ, когда имя Раковскаго стало дѣлаться извѣстнымъ въ Болгаріи. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что Раковскій окончилъ свое образованіе и пріобрѣлъ необходимые практическія свѣдѣнія въ Россіи, по въ какихъ годахъ и въ какомъ учебномъ заведеніи — это пока трудно сказать. Раковскій былъ всегда однимъ изъ новостѣйшихъ болгарскихъ патриотовъ, искренно любившихъ свое отечество, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей, способствовавшихъ умственному и нравственному развитію болгарскаго народа. Это былъ человѣкъ прочнаго образованія: онъ зналъ основательно языки древне-греческій, арабскій, древне-славянскій, сербскій и другія славянскія нарѣчія, отлично владѣлъ языками русскимъ, турецкимъ и ново-греческимъ, говорилъ и писалъ по-французски и даже былъ знакомъ съ санскритскимъ языкомъ. Имя его было хорошо извѣстно не только между болгарами, но и среди сербовъ и хорватовъ. Во время восточной войны онъ из-

давалъ въ Новомъ-Садѣ «Болгарскую Денницу» которая вскорѣ была запрещена австрійскимъ правительствомъ, которому не понравилась направленіе этой газеты. Въ 1856 году онъ издалъ въ томъ же Новомъ-Садѣ небольшую брошюру, подъ заглавіемъ: «Предсѣстникъ къ Горскому Путнику», въ которой изложилъ свои мысли о событіяхъ въ Болгаріи съ 1853 по 1856 годъ, а въ приложеніи помѣстилъ нѣсколько своихъ стихотвореній въ патристическомъ духѣ, и переводную статью съ нѣмецкаго: «О просвѣщеніи въ Турціи» съ карикатурами. Въ слѣдующемъ году явился въ свѣтъ его патристическая поэма «Горскій Путникъ», имѣвшая огромный успѣхъ въ Болгаріи. Затѣмъ, онъ сталъ издавать новую политическую газету: «Дунайскій Лебедь», но и она не долго существовала. Въ 1858 году Раковскій отправился въ Одессу, гдѣ получилъ мѣсто наставника молодыхъ болгаръ, воспитывавшихся въ тамошней духовной семинаріи, и въ слѣдующемъ же году издалъ свою чрезвычайно-полезную книгу: «Показаніе или руководство для изслѣдованія народнаго быта, языка и проч. Болгаръ», въ которой, кромѣ программы изслѣдованія народнаго быта, языка, быта и проч., находится и выполненіе этой этнографической задачи: географическія и статистическія свѣдѣнія о народѣ, его занятіяхъ, земледѣліи и промышленности, нравахъ и обычаяхъ, преданіяхъ и народной поэзіи. Затѣмъ, Раковскій оставилъ Одессу и переселился въ Сербію, въ Вѣлградъ, гдѣ во второй разъ принялся за изданіе «Дунайскаго Лебеда», единственной болгарской газеты, въ которой помѣщались весьма замѣчательныя статьи по разнымъ вопросамъ, занимавшимъ въ

то время всѣхъ мыслившихъ болгаръ и очень дѣльно обсуждался церковный вопросъ; но газета эта, къ крайнему сожалѣнiю болгаръ, прусупствовала всего годъ. Въ 1860 году Раковскiй напечаталъ въ Българѣ историческое сочиненiе, подъ заглавiемъ: «Нѣсколько словъ объ Асѣнѣ Первомъ, великомъ царѣ болгарскомъ и его сынѣ Асѣнѣ Второмъ». Авторъ начинаетъ съ того, что бросаетъ бѣдный критическiй взглядъ на византийскихъ историковъ и обвиняетъ ихъ въ пристрастii и невѣрности. Затѣмъ, излагаетъ исторiю царствованiя двухъ болгарскихъ царей на основанiи болгарскихъ памятниковъ, какъ изданныхъ, такъ и рукописныхъ и ихъ дѣятельности во время крестовыхъ походовъ, причемъ доказываетъ сбивчивость и невѣрность всего написаннаго о нихъ въ среднiй вѣкъ. Во время послѣдняго бомбардированiя сербской столицы турками, Раковскiй бѣжалъ въ главѣ болгарскаго отряда, явившагося на защиту Българда. Затѣмъ, онъ уѣхалъ въ Букарестъ, гдѣ вскорѣ и окончилъ свою трудовую и многострадальную жизнь. Онъ умеръ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1868 года — и тамонные болгары похоронили его съ подобающею честью.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГОРНЫЙ ПУТНИКЪ».

Надъ моремъ стоитъ воевода,
Болгарскiй воевода стоитъ,
И, крѣпкую думая думу,
Печально на Сѣверъ глядитъ.

Встаютъ передъ нимъ, какъ видѣнья,
Промедшiе, славные дни:
Онъ мыслитъ о горномъ возстанiи,
Что манитъ его искони.

«Ой, люблю съ болгарской дружиной
Скитаться въ нагорныхъ лѣсахъ
И въ битвѣ встрѣчать супостатовъ,
Съ бузатною саблей въ рукахъ!»

«На каждомъ широкое платиѣ —
Старинный, народный уборъ,
У каждаго блестятъ оружье,
И всѣ — молодцы на подборъ.

«Въ рукахъ боевая винтовка,
На поясъ пуговицъ рядъ,
За поясомъ ножъ, пистолецы,
Какъ ясное солнце, горятъ.

«Иду я въ главѣ ополченя,
За мной знаменосецъ сѣдой:
Пойдъ злато-зеленой хоругвью
Проходимъ Вальками грозой.

«Гдѣ бѣдетъ болгаринъ съ невѣрными
Въ прохладныхъ нагорныхъ лѣсахъ,
Тамъ заблестятъ знамя свободы,
Тамъ цѣпи дождутся во прахъ.

«О, соколъ, могучая птица!
Живешь ты въ гранитныхъ стѣнахъ
Съ подрутой, съ своими тѣнями,
Въ сосѣдствѣ съ орлами въ горахъ.

«Туда помоги мнѣ, о Боже,
Пробратисъ съ дружиной моей,
Чтобъ съ братьями тамъ мнѣ сойтисъ
Подъ сѣнью написанныхъ вѣтвей!

«Чего они ждуть такъ упорно?
Чего они крѣпко такъ снуютъ?
Кто ихъ бѣдниковъ покажетъ,
Когда они сами молчатъ?»

«Туда! — не теряйте минуты!
Отчина пасъ клещъ, зоветъ!
Удѣлъ нашъ — лѣса и стремнины:
Тамъ наша свобода живетъ.

«Возстанетъ могучее племя,
Рука упадетъ на еурокъ —
И снова воскресну славу
Украшитъ побѣдннй вѣнокъ...»

Н. ГЕРВЕЛЪ.

II. СЛАВЕЙКОВЪ.

Петръ Славейковъ, первый изъ современныхъ болгарскихъ поэтовъ, родился въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтiя въ большомъ селѣ Эленѣ, недалеко отъ города Терново, въ небогатой крестьянской семьѣ. Въ то время надъ всею Болгарiею стоялъ густой туманъ невѣжества, и молодой Славейковъ, при всей своей любознательности, могъ только вычитисъ читать церковно-славянскiя книги и писать на разговорномъ народномъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе молодой поэтъ, благодаря талантности своей натуры, въ короткое время

и безъ всякой посторонней помощи, достигъ извѣстной степени умственнаго развитiя и приобрѣлъ необходима снѣдннн. Всю свою молодость и возмужалость Славейковъ посвятилъ учительствованiю въ разныхъ городахъ Болгарiи. Обладавъ замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ, Славейковъ написалъ цѣлый рядъ прелестныхъ пѣсней, преимущественно любовнаго содержанiя, которыя вскорѣ сдѣлались народными. Собранiе его стихотворенiй издано было въ Букарестѣ въ 1852 году, подъ заглавiемъ: «Смѣшанный Букетъ». Въ этомъ же году и въ томъ же городѣ напечатанъ былъ его «Васненикъ», то-есть сборникъ басней. Спустя три года, Славейковъ составилъ и издалъ «Сокращенную Турецкую Исторiю», книгу не отличающуюся особеннымъ достоинствомъ. Но его болѣе обширная дѣятельность на поприщѣ болгарской письменности началась съ 1857 года, когда онъ переехалъ въ Константинополь, въ качествѣ народнаго представителя отъ терновской епархи по греко-болгарскому церковному вопросу. Въ слѣдующемъ году появились въ Константинополѣ его «Разсказы изъ Исторiи»; но гораздо болѣе впечатлѣнiе произвели его «Смѣшные (сатирическiе) Календари» на 1857 и 1861 года, въ которыхъ авторъ искусно рисуетъ разные смѣшныя стороны болгарскихъ общинъ. Эти календари съ жадностью читались по болгарскимъ городамъ и селеньямъ, и въ настоящее время едва ли найдется грамотный болгаринъ, которому не были бы извѣстны «Сатирическiе Календари» Славейкова. Но тѣмъ онъ истинно заслужилъ благодарности своихъ согражданъ, то это — своею неутомимую дѣятельностью на поприщѣ журналистики, которая сопровождается въ Турци разнообразными и тягостными условiями, для преодоленiя которыхъ нуженъ твердый характеръ и сила воли. Въ 1863 году Славейковъ основалъ въ Константинополѣ сатирическую газету, подъ названiемъ «Волинка», которая наздалась въ теченiи двухъ лѣтъ и въ которой талантливый редакторъ своимъ меткимъ перомъ безошадно каралъ всѣ смѣшныя стороны болгарскаго общества и обнаруживалъ всѣ его недостатки. Но двухлѣтнiй опытъ убѣдилъ наконецъ Славейкова, что далеко не всѣ болгары по степени своего развитiя могутъ понимать значенiе сатиры — и изданiе должно было прекратисъ за недостаткомъ подписчиковъ. Въ концѣ 1866 года Славейковъ основалъ новую газету, политическую и литературную, подъ

заглавiемъ «Македонiя». Уже одно названiе газеты показываетъ, что редакторъ предпринялъ это изданiе съ задумевою миссiю содѣйствовать всѣмъ отъ него зависящимъ средствамъ развитiю патрiотизма и національности у болгаръ, населяющихъ Македонiю — и нѣтъ эта была до извѣстной степени достигнута. Въ названной газетѣ находится множество прекрасныхъ и дѣльныхъ статей по различнымъ вопросамъ, касательно положенiя болгарскаго народа въ Турци. Въ ней иногда печатались статьи не только на болгарскомъ языкѣ, но и въ греческомъ переводѣ. Это дѣлалось отчасти для редакторовъ греческихъ газетъ, а отчасти и для тѣхъ македонскихъ болгаръ-стариковъ, которые не умѣютъ читать по-славянски. Въ теченiе четырехлѣтняго своего существованiя, газета «Македонiя» нѣсколько разъ подвергалась административной карѣ со стороны турецкаго правительства. Последнiя изъ этихъ каръ разразилась надъ нею 19-го октября 1870 года, въ видѣ запрещенiя газеты на три мѣсяца, за статью, въ которой, по словамъ турецкаго министра, редакторъ яко бы пригласалъ болгаръ возстать противъ существующихъ турецкихъ порядковъ.

I.

НЕ ПОЕТСЯ МНѢ.

Не поѣтся мнѣ такъ смутно что-то!
И какалъ итъ теперь охота!
О лѣтахъ минувшихъ итъ начну ли:
Кто услышитъ, коли всѣ занули?
Стаду славить доблести былого:
Имъ отъзвѣ нѣту никакого!
Я заплѣ бы, братья, а бы гранулъ
Вамъ на лиръ, вабы край воспрянулъ;
Да не встанетъ ему: онъ тяжко дремлетъ
И давно пѣвкамъ своимъ не внимлетъ;
Запоешъ, а родичъ неради...
Нѣтъ пѣвцу отрады и награды!

Вью по струнамъ лиры — трудъ напрасный!
Мнѣ не взывать пѣсни сладкогласной!
И къ чему возвышенные тоны,
Коль нужнее горькiй плачь и стоны,
Дребезжанiе, визгъ разбитой лиры...
Нѣтъ героевъ! бѣдны мы и сирь;
Все, что въ край доблестнаго было,
Улеглось, вѣчнымъ снегомъ почили;
20

Что живеть, то — жалко, равнодушно
Къ прошлой славы и ярму послушно,
О свободѣ не спорить, не поеть —
И ей-богу пѣть объ нихъ не стѣит!

Пѣсню той я край не утѣшу...
Лучше яру смолкнуть повѣшу
Между горъ, среди дѣсовъ дремучихъ,
На сучьяхъ увядшихъ и колючихъ:
Пусть объ ней Болгарія не слышитъ,
Пусть лишь вѣтеръ тамъ ее колашетъ —
До нихъ, до новыхъ поколѣній,
Для другихъ, для лучшихъ вдохновеній!

Н. Вьргъ.

II.

ГОЛОСОБЪ ИЗЪ ТЮРЬМЫ.

Пусть теперь услышитъ
Мать моя родная,
Что сію тутъ, горькій,
Плача и стеная.

Знаетъ Богъ, какъ въ узкахъ
Здѣсь я очутился
И какой виною
Туркамъ провинился.

Не измѣнились лютей
Я родному краю:
За одну лишь правду
Здѣсь я умираю!

Не съ мечомъ, не кривдой —
Вудь тебѣ известно —
Шогу я къ этой правдѣ
Доблестно и честно.

Нѣтъ слѣдовъ кровавыхъ
На моей десницѣ...
Выду ли я на свѣтъ,
Иль сгину въ темницѣ —

Только ты, родная,
Не печалься нуще:
Водружаютъ надъ нами
Въ небѣ Всемогущій!

Н. Вьргъ.

III.

НАЙДЕНЪ-ГЕРОВУ.

Милый другъ, юнакъ мой вѣщій,
Скорбный, горестный поэтъ!
Я услышала здѣсь твой голосъ —
Другъ мой, вотъ тебѣ отвѣтъ:

Съ-той-пори, какъ мы разстались,
Вѣрнѣ ты своей мечтѣ:
Ты гремяшь на страстной лирѣ
Гимны дѣвъ-красотѣ.

И она, твоя подруга,
И она не измѣнитъ:
Будетъ вѣрною, покуда
Солнце свѣтитъ, миръ стоитъ.

Милый другъ, юнакъ мой вѣщій!
Посмотри ты, посмотри,
Какъ глядитъ она въ окошко
Отъ заря и до заря.

Ждетъ тебя и поджидаетъ,
Отойди не хочеть прочь;
О тебѣ она горюетъ,
Плачетъ день она и ночь.

Бѣтаетъ часто любовью
Сердце пламенное въ ней;
Ты одинъ у ней на свѣтъ,
Нѣтъ другихъ у ней друзей.

А поветѣ, дунеть вѣтеръ:
Онъ на легкихъ на крылахъ
Ей несетъ воспоминанья
О былыхъ, о лучшихъ дняхъ.

Такъ! вѣрна твоя подруга,
Вѣкъ тебѣ не измѣнитъ...
Слышишь, другъ, юнакъ мой вѣщій,
Слышишь, что она твердитъ:

«Мой возлюбленный — волшебникъ:
Зачарована я имъ!
Мнѣ и свѣту не увидѣть,
Коль спознаюсь я съ другимъ!»

Н. Вьргъ.

IV.

ПѢСНЯ.

Незабвенная! донинѣ
Помню я печальный гласъ;
Помню я: передъ разлукой
Живо рѣчь текла у насъ.

Сдѣвъ горькій бѣжани,
Воздымалась тяжело грудь;
Думалъ я: хотя немного
Погоди лускаться въ путь!

Ты лицо свое закрыла —
И румянецъ всыхнулъ въ немъ:
О, какъ ты была прелестна,
Вся пылавшая огнемъ!

Помню я твое смѣтенье...
Этотъ трепеть... дѣтскій стидъ...
Поцалуя твоей — оль донинѣ
На устахъ моихъ горитъ!

Н. Вьргъ.

Л. КАРАВЕЛОВЪ.

Любенъ Каравеловъ родился въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія отъ зажиточныхъ родителей-поселянъ, занимавшихся овцеводствомъ въ Копривитницѣ, небольшомъ селеніи, лежащемъ у подошвы горы, составляющей границу между Фракіей и Болгаріей. Такъ-какъ рожденіе Каравелова совпало съ началомъ возрожденія болгарской народности и литературы, то и первоначальное воспитаніе, которое онъ получилъ въ своемъ родномъ селеніи, было въ народномъ духѣ и на болгарскомъ языкѣ. Правда, въ Копривитницѣ, какъ равно и въ сосѣднемъ съ нимъ селѣ Анагерицѣ, обученіе дѣтей славянской грамотѣ не прекращалось никогда, тѣмъ не менѣе въ тѣ времена каждый мальчикъ, поступавшій въ болгарское народное училище, начиналъ свое ученіе съ буквара на церковно-славянскомъ языкѣ, въ которомъ за азбукой слѣдовали слоги изъ двухъ, трехъ, четырехъ и т. д. буквъ, односложныя, двусложныя и т. д. слова и, наконецъ, молитвы: *Отче нашъ, Богородице Дѣво, Достойно*

есть, Царю небесный, Вѣрую и проч. Затѣмъ, ученіе принималъ за изученіе «Наустиницъ» («Часослова»), отъ которой переходилъ къ чтенію «Вѣтхаго Заветъа», «Псалтыря», «Апостола» и заканчивалъ свое образованіе усвоеніемъ первыхъ четырехъ правилъ ариметики. Если же отцу, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, хотѣлось дать своему сыну сравнительно болѣе обширное образованіе, то онъ долженъ былъ отправить его въ какой-нибудь близкій или отдаленный городъ, въ которомъ существовало греческое училище. Въ немъ молодой болгаринъ учился въ теченіе пяти или шести лѣтъ исключительно одному греческому языку, исторіи и литературѣ греческой, такъ-что нашъ славянинъ, по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ, совершенно *отреченъ* и становится сторонникомъ и горячимъ защитникомъ интересоваго малочисленнаго греческаго населенія. Но, какъ мы уже замѣтили выше, въ началѣ тридцатыхъ годовъ заря болгарскаго возрожденія и самосознанія уже занялась на болгарскомъ горизонтѣ, въ слѣдствіе чего греческій языкъ имѣлъ весьма незначительное вліяніе на даровитую натуру Каравелова. Въ концѣ первой половины шестидесяти столѣтія въ Пловдивѣ учительское мѣсто въ тамошнемъ болгарскомъ училищѣ занялъ Найденъ Геровъ, окончившій курсъ наукъ въ Ришельевскомъ Лицѣѣ, одинъ изъ первыхъ болгаръ того времени, получившихъ образованіе въ Россіи. Подъ его-то руководствомъ продолжалъ Каравеловъ свое дальнѣйшее образованіе и развитіе до самаго начала восточной войны. Въ 1857 году Каравеловъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ молодыхъ болгаръ, переселился въ Москву, съ цѣлью посвятить себя изученію военныхъ наукъ; но вскорѣ по приѣздѣ въ Москву эта мысль покинула его и онъ рѣшился заняться изученіемъ русскаго языка и литературы, для чего поступилъ въ Московскій университетъ, поддерживаемый частною русскою благотворительностью. Въ 1860 году студенты Московскаго университета изъ болгаръ стали издавать на свои скудные средства журналъ, подъ заглавіемъ «Братскій Трудъ». Здѣсь были помѣщены нѣкоторые стихотворенія Каравелова и статья его «Славяне въ Австріи». Въ 1861 году Славянской Благотворительной Комитетъ въ Москвѣ снабдилъ его денежными пособіемъ для изданія его сочиненія «Памятникъ народнаго бѣга Болгаринъ», могущаго служить пособіемъ для занимающихся изслѣдованіемъ народнаго бѣга славянъ. Затѣмъ, мы

встречаемъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1863—66 годовъ имя Каравелова подъ новѣстями и разсказами изъ народнаго быта болгаръ. Мысль, что славянскіе народы Балканскаго полуострова только тогда могутъ освободиться изъ-подъ турецкаго яра, когда между ними будетъ царствовать полное согласіе, побудило Каравелова поплыть въ 1866 году Москву и переселиться въ Сербію, чтобы поближе познакомиться съ образомъ мыслей сербовъ относительно Болгаріи. Но въ Вѣлградѣ онъ прожилъ не долго, и, вслѣдствіе причинъ, которыя объяснить будущее, принужденъ былъ покинуть столицу полусвободныхъ сербовъ и переселиться въ австрійскимъ сербамъ, въ Новый-Садъ, гдѣ онъ встрѣтилъ братскій приемъ и радушіе. Проживая тамъ, Каравеловъ продолжалъ помѣщать въ сербскихъ журналахъ свои новѣсти и разсказы на сербскомъ языкѣ, которые охотно читались сербами. Когда въ маѣ мѣсяцѣ 1868 года былъ убитъ въ Вѣлградѣ сербскій князь Михаилъ и коворѣніе въ подстрѣвательствѣ назо на А. Кара-Георгіевича и его сторонниковъ, то въ числѣ послѣднихъ былъ арестованъ и Каравеловъ; но, послѣ шестимѣсячнаго ареста, онъ былъ оправданъ иностраннымъ венгерскимъ судомъ и выпущенъ изъ крѣпости. Послѣ этого Каравеловъ поселился въ Букарестѣ, гдѣ съ 1869 года сталъ издавать болгарскую газету «Свобода», направленную которой весьма не нравился турецкому правительству, такъ-какъ она съ замѣчательною настойчивостью проводила между болгарами мысль о поголовномъ возстаніи противъ турокъ для освобожденія своей родины изъ-подъ турецкаго ига. Газета эта продолжала издаваться и по настоящее время.

Д У М А.

Вы меня не хороните
Подъ сырой землею —
Лучше въ погѣ завалите
Зеленой травкою.

Въ головахъ пусть зеленѣютъ
Яворъ и рябина,
А въ ногахъ — на память людямъ —
Красная вагина.

И придетъ меня провѣдать
Другъ мой, сердцу мнѣшъ —

И увидитъ онъ вапну
Надъ моей могилкой —

И вздохнетъ, и съ тихой грустью
Обо мнѣ вспоминать —
И слеза съ его рѣсницъ
Мнѣ на сердцѣ канетъ...

Н. ГЕРВЕЛЬ.

К. И. ЖИЗНИФОВЪ.

Ксенофонтъ Ивановичъ Жизнифовъ, болѣе извѣстный въ современной болгарской литературѣ подъ псевдонимомъ Райко, сынъ учителя, родился въ 1839 году въ городѣ Велесѣ, въ Македоніи. Время было такое, что по всему Балканскому полуострову, исключая Сербскаго княжества, относительно образованія господствовало греческое вліяніе, которое особенно усилило корни въ Македоніи, какъ въ области ближайшей къ возродившейся тогда Элладѣ, пропаганда которой снѣжно и ревностно поддерживалась греческими митрополитами и епископами изъ фанариотовъ. Со времени открытія Аоніскаго университета, эллинская столица ежегодно привлекала къ себѣ по нѣсколькимъ десяткамъ молодыхъ болгаръ. Поддерживаемые эллинскимъ правительствомъ и частною благотворительностію, они посвящали по нѣскольку лѣтъ изученію греческаго языка и, по окончаніи гимназическаго курса, а иногда и съ дипломомъ аоніскаго университета, возвращались на свою родину уже на высшихъ степеняхъ и ревностными распространителями греческаго языка и эллинской *великой идеи*, что Македонія есть неразвѣдная часть Эллады, зависящая въ политическомъ отношеніи отъ турокъ. И такъ, первоначальное образованіе, полученное Жизнифовымъ въ домѣ родительскомъ, было вполнѣ греческое и на греческомъ языкѣ. Правда, въ Велесѣ существовало болгарское училище, но въ немъ ученіе начиналось съ церковно-славянскаго букваря, за которымъ слѣдовалъ «Часословъ», «Псалтирь» и т. д. и оканчивалось чтеніемъ «Дѣяній Апостоловъ». Дальше этого болгарскіе учителя-самоучки не шли, по той простой причинѣ, что имъ и въ голову никогда не приходило, что существуютъ въ мірѣ какія-либо другія науки, кромѣ хитрой греческой мудрости. Въ началѣ 1856 года домашнія обстоятельства

заставили Жизнифова отказаться до поры до времени отъ мысли о своемъ дальнѣйшемъ образованіи и умственномъ развитіи и принять мѣсто младшаго учителя въ народномъ болгарскомъ училищѣ въ Прилѣвѣ, въ которомъ мѣсто старшаго учителя занималъ въ то время извѣстный своему трагическою смертію болгарской патриоту Дмитрій Миладиновъ, горчій защитникъ славянства, одаренный весьма замѣчательными способностями и умомъ. Затѣмъ, въ концѣ 1857 года, Миладиновъ отправилъ Жизнифова учительствовать въ Кукущѣ, но далеко отъ Софійи. Съ переездомъ его въ этотъ небольшой городъ, населенный исключительно болгарами, въ немъ въ первый разъ былъ введенъ болгарскій языкъ и болгарская грамота: до того времени, какъ въ церкви такъ и въ училищѣ, господствовалъ исключительно одинъ греческій языкъ, хотя преподаватели были природные болгары. У Жизнифова стали учиться болгарскому языку не только мальчишки, но и взрослые юноши, люди женатые и даже священники, такъ-какъ въ церквахъ положено было замѣнить греческое богослуженіе славянскимъ. Такъ продолжалъ онъ свою скромную учительскую дѣятельность до іюля 1858 года, когда представился ему случай отправиться въ Одессу, оставивши въ Кукущѣ своего духовнаго наставника и покровителя Миладинова. Въ Одесѣ Жизнифовъ, вмѣстѣ съ другими молодыми болгарами, былъ принятъ въ число воспитанниковъ Херсонской семинаріи, гдѣ онъ предполагалъ окончить свое образованіе; но находившійся въ это время въ Москвѣ, въ тамошнемъ университетѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ, младшій братъ Миладинова, Константинъ, вскорѣ вызвалъ его изъ Одессы въ Москву, гдѣ онъ и былъ зачисленъ воспитанникомъ Славянскаго Благоустроительнаго Комитета. Въ 1860 году Жизнифовъ, по выдержаніи надлежащаго экзамена, поступилъ въ число студентовъ Московскаго университета, а въ 1864 году окончилъ курсъ ученія по историко-филологическому факультету со степенью кандидата. Первымъ литературнымъ произведеніемъ Жизнифова, явившемся въ печати, было небольшое стихотвореніе патристическаго содержанія, появившееся въ 1867 году въ первомъ выпускѣ «Братскаго Труда», издаваемаго болгарскими студентами. Въ третьемъ выпускѣ того же изданія появилась небольшая его повѣсть изъ народнаго быта, подъ названіемъ «Проглулка», дѣшавшая ненавистію къ

фанариотамъ, а въ четвертомъ выпускѣ нѣсколькихъ стихотвореній, также патристическаго содержанія. Затѣмъ, въ 1863 году Жизнифовъ издалъ «Ново-болгарскій Сборникъ», въ составъ котораго вошли: «Слово о полку Игоревѣ», «Кралеворская Рукопись» и нѣсколько стихотвореній Шевченка въ болгарскомъ переводѣ издателя. Въ 1867 году въ издававшейся тогда въ Константинополѣ болгарской газетѣ «Время» напечатана была его довольно обширная статья, подъ заглавіемъ: «Отношенія византійскихъ императоровъ въ Болгаріи въ царствованіе предпослѣдняго болгарскаго царя Александра Асѣна». Наконецъ, въ 1870 году, въ Браиловѣ, вышло въ свѣтъ послѣднее его произведеніе: стихотворный разсказъ «Криваяя Рубаника», въ которомъ мать-крестянка разсказываетъ своему неизвѣстному слушателю, какъ турки убили ея единственнаго сына-женхца, и заканчиваетъ его, чтобы онъ рано или поздно отомстилъ кровожаднымъ злодѣямъ. Въ настоящее время Жизнифовъ живетъ въ Москвѣ и занимаетъ мѣсто преподавателя въ Лицѣ Цесаревича Николая.

1.

НА СМЕРТЬ ЮНОШИ.

О благодатный край, Болгарія святая!
Отчизна милая, отчизна дорогая!
Свершится ли твоя роковая судьба?
Всегъ отворишь лицо; сама же ты — раба.

Иль силы дѣтъ въ тебѣ — прочлиась дни былые?
Увы! сыны твои — побѣги молодые —
Напрасно шаютъ тебѣ съ чужбины свой привѣтъ:
Проклятая судьба ихъ губитъ въ дѣтъ дѣтъ.

И сходятъ въ мракъ могилъ святая души эти,
Едва начавъ свой путь, почти не живъ на свѣтѣ;
Имъ хотѣлось служить странѣ своей родной,
А смерти сражаетъ ихъ, хоронитъ подъ землей.

Онь тихо угасалъ: ужъ смерть надъ нимъ носилась,
Въ большой его груди чуть слышно сердце билось,
А онъ все говорилъ, страдая и скорбя:
«Какъ сильно я люблю, Болгарія, тебѣ!»

Н. ГЕРВЕЛЬ.

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ «КРОВАВАЯ РУБАШКА».

«Сынъ, слова мои ты помни,
Сердцемъ исповѣдай,
А придешь домой — отцу ихъ
Передай, повѣдай!
Если онъ богатъ и знатенъ,
Положь силу — быть-можетъ
Онъ въ бѣдѣ моей великой
Вѣдой мнѣ поможетъ;
Если жъ — нѣтъ, то самъ ты, сынъ мой,
Какъ почувшь силу,
Сердце вспыхнетъ и прихлынетъ
Свѣжей крови въ жилы,
Можетъ-быть ты самъ оплатишь
Моему злодѣю...
Много дней, годовъ — могилы
Роговой чертѣе,
Полныхъ мукъ, невзгодъ и горя,
И перестрадала,
Прежде-чѣмъ такую старой
И старухой стала.
Много въ жизни я видала,
Много испитала
Я съ-тѣхъ-поръ какъ стала помнить —
Помнить горе стала.
Я не знала въ жизни счастья;
Солнце не свѣтило...
Но всего я не съумѣю
Разсказать какъ было;
Да притомъ еще и слѣзы
Сердце разрывають,
Не дають всего припомнить,
Память затѣмбвають...»

Тутъ встала старуха съ полки
Сумку шерстяную
И изъ сумки той... Сказать ли?
Нѣтъ, не утаю я!...
Молча вынула... Припомнить
Не могу безъ страха!...
Всю испачканную кровью
Вынула рубаху,
Что была въ минуту смерти
На ея на смѣхъ,
Горячо любимомъ ею
И тогда и нынѣ.
И была рубаха съ верху
До низу покрыта

Вся запѣкшею кровью,
Кровью вся облита.
Я взглянула — упало сердце,
Смогло и застыло,
И уста вдругъ стали нѣмы,
Нѣмы какъ могилы.
Что за злая, роковая,
Горькая судьбина!
Тяжко жить тебѣ на свѣтѣ:
У тебя нѣтъ сына!
Я кровавую рубаху
Пожиралъ очами,
Осозналъ ея и гладилъ
Робкими перстами.

А старуха неутѣшно
Слѣзы льетъ — ропадетъ
На кровавую рубаху,
Стонетъ, причитаетъ:

«Ты одинъ былъ у родимой —
Вольный вѣтеръ въ погѣ...
И вотъ нѣтъ тебя, мой милый,
Нѣтъ на свѣтѣ богъ!
Пуля турчина на вылетъ
Грудь твою пробила,
Сабли на двѣ половинны
Тѣло разрубала.
И упалъ ты на пороги
Шалама родного,
Испустилъ нѣмую душу,
Не сказавъ ни слова
Ни родимой, ни невѣстѣ!
Боже, совершилось!
Точно кровь овечки кроткой,
Кровь его пролилась...
Я ждала тебя, мой милый,
Три дня и три ночи —
Не дождалась — не взглянула
На твои я очи!
Для того ли, мой желанный,
Я тебя вскормила?
Для того ли днемъ и ночьюю
Твоей покой хранила?
Для того ль я хлопотала
О твоей невѣстѣ?
Ты любилъ ее — видался,
Съ ней гуляя вмѣстѣ.
Боже правый, предъ Тобою
Чѣмъ я провинилась?»

Видно тяжкое проклятье
Громожъ разразилось!
Знать, она не захотѣла,
Горькая судьбина,
Чтобъ ввела я въ домъ хозяйку
И подругу сына!
И вотъ маюсъ я на свѣтѣ,
И степной кукушкой
Все кукую днемъ и ночьюю
Подъ моей избушкой...»

Н. Гервель.

ЧИНТУЛОВЪ.

Имя Чинтулова, молодого современнаго болгарскаго поэта, пользуется значительною популярностью между болгарами. Правда, его патристическія пѣсни весьма рѣдко появляются въ печати, но это не мешаетъ имъ расходиться въ тысячахъ спискахъ по всей Болгаріи.

ВОЛГАРСКАЯ ПѢСНЯ.

Возстань, возстань, юнакъ Балкана!
Скорѣ пробудись отъ сна
И противъ злотаго Османа
Веди ты наши племена!

Подъ игомъ рабства терпять муки
Давно несчастный нашъ народъ,
Высоко воздвѣваетъ руки
И отъ небесъ спасенія ждетъ.

Торжествовала вражья сила,
Придетъ и наше торжество —
И будетъ такъ, какъ прежде было,
Иль сгинемъ всѣ до одного!

Но для чего намъ гибнуть, братья,
Коль жизнь красна и дорога?
Другъ другу бросимся въ объятья,
Потомъ ударимъ на врага!

Не гните, братья дорогие,
Предъ супостатомъ головы!
Взгляните, какъ живутъ другіе —
И съ нихъ примѣръ берите вы!

Лишь диньтесь вы громадой дѣлой —
Къ намъ явятся на помощь вдругъ
И сербъ, и черногорецъ смѣлый,
И встанетъ весь славянской югъ.

Мы изъ ярма исторгнемъ выю,
Послушныя свободы зву,
Воскреснемъ снова мы — и змію
Сотремъ надменную главу!

Возстанте же, сыны Балкана!
Скорѣ сабли на-голо!
Помергни мѣсяцъ Оттомана
И въ лучи строй свое чело!

Возстанте! наше дѣло право!
Да развернется брани стая,
Да будетъ всѣмъ славянамъ слава,
Да сгинетъ нашъ исконный врагъ!

Н. Бергъ.

ХОРУТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Хорутане или словенцы живут на крайнем западном рубеж славянского мира, в точке его соприкосновения с романами и германцами. Хорутанская географическая площадь ограничена рѣками Рабой, Мурой и Дравой — на северѣ, Карнийскими Альпами, Ломбардскою империвною и Триестскимъ заливомъ — на западѣ, равнинами Истрии и истоками рѣки Куцы — на югѣ и Усехскими горами — на востокѣ. Географическій и этнографическій центр этой народности находится въ Крайцѣ. Отдѣльными поселенія хорутанъ расѣяны въ Хорватіи, юго-западной Угрии и итальянскомъ Фриуль. Численность хорутанъ простирается до 1,260,000 (по Фичкеру). По языку хорутане составляютъ какъ-будто связующее звено между болгарами и сербами, а съ другой стороны нѣкоторымъ грамматическія примѣты роднятъ ихъ со словами и моравянами, гость съ отприсками нарѣчій сѣверо-западныхъ славянъ. Благодаря тысячелѣтнему почти косвеннѣ этой народности на первобытной ступени развитія, вслѣдствіе неблагоприятныхъ историческихъ обстоятельствъ, хорутане, вмѣстѣ со многими другими чертами самаго древняго быта, сохранили и языкъ въ неизмѣнномъ почти видѣ, на очень древней ступени его грамматическаго и фонетическаго развитія. Но, съ другой стороны, отсутствіе въ странѣ политическаго единства и ея разорванность горами, слѣдовательно обособленная жизнь населеній разныхъ мѣстностей, содѣйствовали раздѣленію нарѣчія на множество отдѣльныхъ говоровъ, которыхъ насчитываютъ до девятнадцати, на миллионъ съ небольшимъ населе-

ніемъ! На степень нарѣчія литературнаго возвысился говоръ горной Крайны, или горенскій, такъ-какъ большая часть хорутанскихъ писателей происходила изъ этой поэтической мѣстности.

Въ более время область этого племена была гораздо обширнѣе. Если правда, что большинство населенія паннонской державы блатенскаго князя Коцеца составляли предки теперешнихъ хорутанъ, то они занимали всю юго-западную Угriu до Дуная, соприкасаясь на востокѣ съ болгарами, а на сѣверо-востокѣ съ Моравскою державою, въ составъ предѣлѣтннковъ которой они повидимому даже входили при полумическомъ славянскомъ князѣ Само. Но изъ этой паннольской долины они были оттѣснены на западъ, въ горы, сначала аварами, а потомъ мадьярами. На сѣверѣ границы хорутанскихъ поселеній забиты далеко въ глубь Австріи и даже Баваріи, гдѣ они могли уже соприкасаться съ южными нобѣтами великаго племени славянъ полабскихъ. Но какъ полагали, такъ и хорутане не могли долго противустоять напору съ запада германцевъ и должны были податься переные — на востокъ, а вторые — на югъ, причемъ удержали за собою лишь южную часть своихъ обширныхъ земель. На западѣ хорутане забиралась глубоко въ Альпы Тирольскія, а на юго-западѣ въ долины, можетъ-быть изъ родственныя въ отдаленную старину, венетскія или венеціанскія. Но обстоятельства были очень неблагоприятны дальнейшему развитію и распространенію этого племена. Съ запада, сѣвера и юга шли на него грозны и несчастія, а востокъ былъ еще слабѣе и разор-

ванъ и племя было предоставлено своимъ собственнымъ силамъ. Въ 788 году сюда проникли франки Карла Великаго — и Хорутанія была подчинена восточной маркѣ, а по ея распаденіи она не могла отстоять своей независимости отъ герцоговъ баварскихъ на сѣверѣ и фриульскихъ на западѣ. Въ отношеніи церковномъ она тоже не могла развиваться самостоятельно. Лучш, такъ неожиданно и ярко блестящимъ на южныхъ славянъ изъ Моравы и Болгаріи въ IX вѣкѣ, лишь очень слабо отразился въ Хорутаніи и случайнымъ его отблескомъ былъ, повидимому, тотъ загадочный и одинокій памятникъ старославянской письменности, который теперь извѣстенъ подъ именемъ фриезингенскихъ статей. Есть основаніе думать, что это латинская копія X вѣка съ галогической рукописи, содержащей двѣ формулы исповѣдной молитвы и одну гимнію. То обстоятельство, что и этотъ памятникъ долженъ былъ переимѣнить здѣсь свою славянскую одежду на латинскую, показываетъ, подъ какимъ вліяніемъ находилась уже тогда духовная жизнь народа. Съ дѣломъ центровъ проникла въ Хорутанію латинская проповѣдь: изъ нѣмецкаго Зальцбурга и итальянскаго Аквиена. Въ обоихъ случаяхъ она была руководима одинаково несправедливо враждою въ хорутанской народности и преслѣдовала одни и тѣ же цѣли: поглоченіе ея нѣмецкими стихіями на сѣверѣ, и итальянскими на западѣ. Отъ православнаго востока Хорутанія была отрѣзана католическою Хорватіею; но все-таки отсюда проникали ко временамъ памятники церковно-славянской письменности, только въ глаголическомъ облаченіи.

Между-тѣмъ политическія условія оставались все тѣ же: мнѣніемъ личности, названія, фамиліи, но система не мѣнялась. Феодализмъ утвердился здѣсь казавось бы окончательно и навсегда, но на чуждой и враждебной ему славянской почвѣ онъ не могъ пустить глубокихъ корней и сколѣзился, такъ сказать, надъ поверхностью народной жизни, задѣвая его лишь на столько, на сколько льготное положеніе однихъ слоевъ народа вообще предполагаетъ и требуетъ порабощенія другихъ. Какъ бы то ни было, въ продолженіе почти пяти-вѣкового періода мы не слышимъ здѣсь народнаго голоса и готовы были бы усомниться въ самомъ существованіи здѣсь хорутанскаго народа, если бы онъ не вынырнулъ и не заявилъ себя совершенно неожиданно въ половинѣ XVI вѣка. Протестантизмъ и здѣсь, какъ въ Хорватіи, до-

женъ былъ пролагать себѣ путь въ народную среду посредствомъ печатнаго и проповѣданнаго слова на народномъ языкѣ. Не продолжительна и не блистательна была эта проснувшаяся въ странѣ литературная дѣятельность, не разнообразны были ея произведенія и не рѣшительно вліяніе на народъ; но все жъ это минутное пробужденіе долго спавшаго языка и народа не было безплодно: оно возродило въ немъ самое увѣренность, что онъ не умеръ въ многовѣковой летаргіи, что онъ имѣетъ еще жизнь и будущее. Вотъ почему, какъ ни скромно литературное достоинство переводовъ Трубера и Даматина, и грамматическаго труда Богорича, но все жъ ихъ издательская дѣятельность, поощряемая благороднымъ патріотизмомъ Угнада, имѣетъ важное значеніе въ исторіи народнаго и литературнаго возрожденія хорутанъ. Но ему не скоро еще суждено было совершиться. Миръ западній поналъ грозится для него послѣдствіемъ возрожденія мира восточнаго и рѣшился во что бы то ни стало потопить опасное пламя славянско-письменности и народности. Эту миссію въ области религіозной приняла на себя Іезуиты, а въ политической — Габсбургіи. Дружными усиліями имъ удалось въ Хорватіи, Угрии и Чехіи возстановить господство штиазма и германізма. Почти всѣ остатки литературной дѣятельности періода реформаціи были тщательно собраны и уничтожены. Въ 1600 году Іезуиты сожгли въ одномъ стирскомъ Градцѣ 10,000 хорутанскихъ еретическихъ книгъ. Въ 1616 году мрачной памяти Фердинандъ II выдалъ въ жертву Іезуитамъ всѣ хорутанскія книги, хранившіяся гдѣ бы то ни было въ земскихъ бібліотекахъ.

Если же кой-что и уцѣлѣло послѣ этого вандальскаго опустошенія, то не иначе, какъ съ вырванными заглавіями и введеніями, чтобы истребить всякую память о мѣстахъ и лицахъ, бывшихъ притогами и дѣятелями реформы.

XVII вѣкъ былъ бы совершенно безплоднымъ для хорутанской науки и литературы, если бы онъ не произвелъ одного замѣчательнаго ученого, по имени Вальнасора, который положилъ основаніе научной обработкѣ исторіи Крайны. Но онъ писалъ на нѣмецкомъ языкѣ. Точно также поступилъ и другой знаменитый хорутанскій учоній, Иванъ Поповичъ, авторъ «Utersuchungen vom Meere». Другіе, какъ напримеръ Маркъ Полинъ, писали свои филологическія и историческія изслѣдованія большею частью по-латыни и лишь изрѣдка

по-хорутански. То была пора доктриперства, что видно из тѣхъ многочисленныхъ опытовъ грамматическихъ и лексикальныхъ изслѣдованій хорутанскаго языка, безъ котораго не обошлось ни одинъ почти хорутанскій писатель. Достаточно назвать Меизера, Гутсмана, Зеленко, Половича, Кумердеа, Янела, Дебеца, Водника, Кошгара, Яранца, Данико, Метелько, Мурко, Поточника, Милдошча.

Первые хорутанские стихи вышли во второй половинѣ XVIII вѣка изъ-подъ пера Янела. Эти стихи были болѣею частью переводные съ вѣмецкаго, итальянскаго и французскаго, и не отличались особенными достоинствами содержания и формъ; но все жь этотъ опытъ замѣчателенъ, какъ первый на своемъ нарѣчїи. Достоинъ замѣчанія, что Янелъ писалъ свои стихи тоническимъ размѣромъ. Вторымъ по времени хорутанскимъ стихотворцемъ былъ Антонъ Лингартъ, болѣе известный своей «Исторїей австрїйскихъ юго-славянъ». Но настоящимъ отцомъ хорутанской поэзїи признается Валентинъ Водникъ, происходившїй изъ той гореской части Краины, которая справедливо считается колыбелью хорутанской поэзїи. Водникъ писалъ въ лирическомъ, эпическомъ, особенно же въ сатирическомъ и эпиграмматическомъ родѣ; лишь необработанность хорутанскаго нарѣчїа мѣшала ему развернуть всю силу своего обширнаго и разносторонняго дарованія.

Водникъ звалъ на поэтическое поле много охотниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые приобрѣли известность, какъ, напримеръ, Ярикъ, Данико, Метелько, Кастеличъ и Жунаицъ; а одинъ нашолъ въ поэзїи настоящую свою стихїю и заслужилъ себѣ славу замѣчательнѣйшаго лирика и остроумнѣйшаго сатирика. То былъ Францъ Прешернъ. Онъ оставилъ значительное число прекрасныхъ вещей, балладъ, романсовъ, сатиры, эпиграммъ и сонетовъ, изъ которыхъ нѣкоторые справедливо сравниваются съ произведеніями Петrarки и Гейне. Многія его пѣсни увѣковѣчились въ народной памяти. Преобладающїй сюжетъ — любовь и мїръ надеждъ, чувствъ и волненїй о ней неразлучныхъ. Оттѣнокъ легкой грусти и раздумья роднитъ отчасти думы Прешерна съ нашими украинскими; не чуждъ хорутанскому лирику и малороссїйскїй юморъ, простодушная, но перѣдко ѣдкая, иронїя и сарказмъ.

Новое литературное движеніе стало распространяться въ Хорутанїи съ 1843 года, когда въ «Но-

вицахъ» Блэйвейса хорутанскїе писатели нашли общїй литературный центръ и органъ развитія народной мысли. Этотъ журналъ поставилъ свою задачу писать къ народу и для народа, примѣнительно къ его потребностямъ и степени развитїя; но онъ умѣлъ соединить съ популярностью изложенїя оригинальность содержанія.

Къ кругу писателей этого времени и направленїя принадлежали: Верговецъ (популярная хїмія и исторїя), Малавашичъ (Новеллы и пѣсни), Терстенелькъ (археологїя), Гицингеръ (исторїя) и другіе. Во главѣ новой поэтической хорутанской школы стоитъ Иванъ Косескїй, самый крупный, послѣ Прешерна, поэтический талантъ своего народа. Его поэзія болѣе тенденціозна, чѣмъ Прешерна; она нѣсколько напоминаетъ наеманистскїя мечты Коллара; она дышетъ любовью къ славянству и вѣроу въ его историческое призваніе. Косескаго, какъ лирика, сравниваютъ съ Клоштовомъ; нѣкоторыя изъ эпическихъ его произведенїй стоятъ на высотѣ эпоса Мажурича. Косескому обязана еще хорутанская литература многими прекрасными переводами съ языковъ нѣмецкаго и русскаго. Въ поэтической даровитости Косескїй, быть-можетъ, уступаетъ Прешерну; но за-то его вліяніе на народъ гораздо сильнѣе, благодаря самому роду его произведенїй и присутствїю въ нихъ политической тенденціи.

Изъ плеяды ново-хорутанскихъ поэтовъ и писателей отмѣтимъ: Вильхара, Цегнара, Томана, Препротника и, въ особенности, Левстника, даровитѣйшаго и симпатичнѣйшаго изъ современныхъ хорутанскихъ писателей.

Дѣло народнаго образованїя въ Хорутанїи пошло успешнѣе особенно съ тѣхъ-поръ, какъ основана была Люблинская Матица, ревностно взявшаяся за дѣло изданїя и распространенїя въ народѣ полезныхъ книгъ и учебниковъ, а также пробужденїя въ немъ народнаго сознанїя. Успѣшное же пробужденіе народнаго сознанїя рунчается за-то, что существованіе этого небольшого, но даровитаго племена можетъ считаться обезвеченнымъ. Итальянская и нѣмецкая стихїи сильны еще лишь въ городахъ и высшихъ сословїяхъ; но и здѣсь онѣ быстро таютъ отъ теплаго дыханїя народной жизни, и есть надежда, что скоро вся Хорутанїя будетъ возвращена славянству.

А. Будилевичъ.

ХОРУТАНСКІЕ ПОЭТЫ.

В. ВОДНИКЪ.

Валентинъ Водникъ, монахъ-поэтъ, родился въ 1758 году, въ вѣстечкѣ Шинши, банъ Любляны (Лайбаха). Онъ одинъ изъ первыхъ и притомъ съ наибольшимъ успѣхомъ сталъ вводить въ литературную дѣятельность народный языкъ, и, какъ многіе писатели славянскаго возрожденїя, соединялъ трудъ поэтический съ трудомъ изслѣдователя своей народности. Въ 1806 году Водникъ издалъ собраніе своихъ стихотворенїй, изъ которыхъ многія сдѣлались народными. Въ 1809 году онъ писалъ свои воинственныя пѣсни для хорутанскаго ополченїя; но когда Имперїя отошла къ Франціи, повлился его «Шлїгія озївѣна», въ которой высказались его національно-патріотическія надежды народной цѣлости и свободѣ, и которая послѣ намекни на него предсѣдованїя австрїйскаго правительства. Водникъ есть вообще замѣчательнѣйшая личность хорутанской литературы, которая начинается съ его дѣятельности свой новѣйшїй періодъ. Водникъ умеръ въ 1819 году. Друзья поставили ему памятникъ въ Люблянахъ, который въ 1839 году былъ возобновленъ почитателями покойнаго.

ВЛЮБЛЕННАЯ МИЛИЦА.

Слезъ горючія
Дѣвица льетъ,
Ждетъ друга милого
Пѣсню поетъ:

«Долго ль отглядывать
Вудуть они?»

Мчатся стремительно
Ночи и дни.

«Много я плакала,
Въ жаркой колыбѣ
Долго просяла я
Мужа себѣ.

«Голосъ таинственный
Мнѣ доверилъ:
«Мало ли доблестныхъ
«Богъ сотворилъ!»

«Если ужъ встрѣтила
«Ты своего,
«Если онъ по сердцу —
«Знай лишь его!»

«Вся я тутъ вспыхнула —
«Боже ты мой! —
И любжала я
Быстро домой.

«Благословеніе
«Мать и отецъ
«Данъ мнѣ — съ суженымъ
«Стать подъ вѣнецъ.

«Вотъ подвѣбное
«Платье несутъ;
«Вотъ мнѣ подруженьки
«Пѣсни поютъ.

«Убрали голову
«Ярко въ цвѣты,

Перстень надѣли мнѣ...
Гдѣ жь, милый, ты?

«Гдѣ ты, возлюбленный,
Другъ мой Милеть,
Краше котораго
Не было, нѣтъ?»

«Долго ль откладывать
Будутъ они?
Мчался стремительно
Ночи и дни.

«Что не собирается
Друга семья?
Или обманута —
Бѣдная — я?»

«Если не пустите
Бѣхать къ нему:
Лучшаго, новаго
Я не возьму.

«Буду я, горячая,
Стадо насти;
Въ полѣ покинутымъ
Цвѣтомъ расти!»

Такъ она плакала,
Словно рѣка;
Такъ изливалася
Дѣвы тоска...

Н. ВЕРГЪ.

У. ЯРНИКЪ.

Урбанъ Ярникъ родился въ 1784 году въ Полюцѣ, въ Крайшѣ. Онъ былъ священникомъ въ Мосбургѣ и соединялъ съ знаніемъ своего родного языка знаніе всѣхъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій. Его работы по изслѣдованію хорутанскаго языка свидѣтельствуютъ о его необыкновенной учюности и показываютъ въ немъ омынаго изслѣдователя. Къ такимъ сочиненіямъ принадлежатъ его «Sammlung altslavischer Wörter, welche im windischen Dialekte fortleben» (1822) и «Versuch eines Etymologikons des Slov. Mundart in Innerösterreich» (1832). Кроме того онъ издалъ нѣсколько хорутанскихъ «Сборниковъ для Юноше-

ства» и «Молитвенныхъ Книгъ», а также писалъ хорутанскія и нѣмецкія стихотворенія. Скончался въ 1844 году въ Блатоградѣ.

ИВАНОВЪ ДЕНЬ.

День становится короче
И къ полудню отъ полночи
Обращается земля,
Потрудившаяся тяжело:
Отдохнуть идетъ бѣднажка,
Злато бросивъ на поля.

Начинается работа;
Съ лица струятся капли пота;
Срѣзая колосъ золотой —
И даетъ благое небо
Селянину много хлѣба:
Счастьливъ, веселъ людъ простой.

Всѣ довольны, всѣ смѣются;
Громко пѣсни раздаются;
Наступилъ блаженный мигъ:
Всюду говоръ, шумъ и толки,
Да вснугнутой перенѣлки
Въ жатвѣ слышенъ рѣзкій крикъ.

Подоспи и сѣнокосы:
Ужь косцы готовятъ косы;
Начался веселый трудъ;
А красавицы-дѣвицы —
Чернобровки, бѣлолицы —
Сзади съ пѣснями идутъ,

Въ кучи сѣно собираютъ,
И хохочутъ и играютъ.
Вотъ и вечеръ; слышенъ звонъ
Съ отдаленныхъ колоколенъ:
Весъ рабочей людъ доволенъ —
И идетъ молиться онъ.

Ночь по небу засвѣтила
Лучезарна свѣтла —
Льются сверху ихъ лучи;
Но, въ мерданіи игривомъ,
Что-то дѣтся по нивамъ
И огни горятъ въ ноцѣ.

Слышенъ шумъ вдали великій,
Голоса дѣтей и влины;

Сопны юношей и дѣвъ
Тамъ вѣнками потрясаютъ,
Ихъ въ огонь потомъ бросаютъ,
Пѣсни звонкія заплывъ.

День Ивановъ! день Купала!
Хоть для насъ уже пропала
Слава древняя твоя
И величіе; но все же
Многихъ дней ты намъ дороже,
И славянскія края

Свято чтутъ тебя, какъ прежде,
Пребываючи въ надеждѣ,
Что хотя бы цѣлый свѣтъ
Постарѣлъ, пережвѣнился —
Ты одинъ бы сохранился:
Для тебя кончимъ нѣтъ!

П. ВЕРГЪ.

М. КАСТЕЛИЦЪ.

Михаилъ Кастелицъ, хорутанскій поэтъ и учюный, родился въ селеніи Горня, въ Нижней Крайшѣ, въ 1796 году. По смерти Водника, въ 1819 году, хорутанская литература не показывала ни маглѣйшаго признака жизни — и заслуга ея возрожденія принадлежитъ Кастелицу. Въ альманахѣ его «Krajnska Zvezdica» принимали участіе всѣ современные хорутанскіе писатели, именно: Прешернь, Поточникъ, Космачъ, Жупанъ, Ярникъ, Цигларъ, Шнайдеръ и другіе. Кастелицъ умеръ бібліотекаремъ въ Люблинахъ.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Подъ взорами Юга
Зима умираетъ;
Уносится стужа,
Снѣгъ мервнеть и таетъ.

Весна молодая
Приходитъ съ дождями,
Поля одѣваетъ
Травой и цвѣтами.

Въ садахъ соловьиный
Разносится голосъ;

Въ поляхъ, наливаясь,
Сгибается колосъ.

Пчела золотая
Кружится, летаетъ;
Цвѣтъ свои липа
На землю рождаетъ.

Надъ міромъ царюетъ
Любовь и истома —
И снова всѣмъ счастіе
Такъ близко, знакомо!

Н. ГЕРВЕЛЬ.

Ф. ПРЕШЕРНЬ.

Францъ Прешернь, знаменитѣйшій изъ хорутанскихъ поэтовъ, родился 21-го ноября (3-го декабря) 1800 году въ деревнѣ Вербѣ, въ Верхней Крайшѣ. Сынъ поселянина, онъ началъ свое воспитаніе въ мѣстной нормальной школѣ, продолжалъ его въ Люблинской гимназій и окончилъ въ Вѣнскомъ университетѣ, по юридическому факультету. Жизнь свою онъ провелъ въ борьбѣ съ бѣдностью и всякаго рода невгодами. Только въ 1846 году удалось ему добиться мѣста адвоката въ городѣ Кранъ; но и это послѣднее мѣсто занималъ онъ всего три года. Онъ умеръ въ 1849 году. Какъ поэтъ, Прешернь пользуется большою извѣстностью между хорутанами, и, благодаря мастерской отдѣлкѣ стиха, признается первымъ изъ хорутанскихъ поэтовъ и отцомъ хорутанской литературы. Собраніе своихъ стихотвореній онъ издалъ въ 1847 году, всего за два года до смерти. Онъ писалъ въ разныхъ родахъ, но любимѣйшимъ его родомъ были — пѣсни, элегін и, въ особенности, сонеты, которые признаются совершенствомъ.

РОЗАМУНДА.

На дворѣ большомъ у замка
Дубъ стоялъ вѣтвистый, старый,
И въ тѣни его сидѣли,
Угощаемые пишно,
Все извѣстные бароны,
Все искатели и сердца,

И руки баронской дочки
Розамунды. Розамунда,
Распустившаяся роза,
Честь фамилии, отчизны,
На искаженней влюбленныхъ
Взоры изрѣдка бросаетъ,
Взоры — огненные стрѣлы,
Низпадающія съ неба —
И вонзались стрѣлы эти
Глубокѣ въ сердца героевъ.
Двадцать было тутъ бароновъ:
Семь бароновъ было владскихъ,
Семь нѣмецкихъ, шесть изъ Крайнихъ
И изъ Штиринъ; межъ ними
Вылъ и славный Островерхаръ,
Для котораго турниры —
Шутка, дѣтская игрушка.
Вотъ въ него-то и влюбилась
Недоступная красота,
И сказала, что онъ можетъ
Испроить на бракъ согласье
У отца. Отецъ не медля
Согласился, обѣщая
Розамунду, и прибавилъ,
Что онъ долженъ три недѣли
Созывать гостей на свадьбу —
Проводить невѣсту въ церковь.

Вотъ и гости собралися,
И нѣвѣтъ-гусларь приходить
Пѣсни пѣть, брѣвчатъ на струнахъ
О героическихъ приключеньяхъ,
О жить-бытьи красавицъ
И влюбленныхъ въ нихъ красавцевъ.
И когда онъ пѣлъ красавицъ,
Кто-то вдругъ ему промовилъ,
Изъ желанья похвалиться
Красотою Розамунды:
«Ты, гусларь, бродилъ довольно
И бывалъ въ краяхъ далекихъ:
Ты скажи намъ — не видаль ли
Гдѣ-нибудь еще дѣвицу
Краше нѣвѣшней невѣсты?»

— «Дай ей Богъ здоровья, счастья,
Дочерей всѣхъ въ мать — красавицъ,
Сыновей въ отца — героевъ!
Да! во всей державѣ этой
Нѣтъ соперницъ Розамундѣ;
Только въ Боснѣ есть дѣвица...
То сестра наши... Она-то

Въ многихъ нѣвѣсахъ у гусларь
Воспѣвается, какъ чудо
Красоты во всей подлунной;
И она поспорить можетъ
Въ красотѣ съ невѣстой вашей.»

Не польстилъ нѣвѣць невѣтъ:
Побѣдѣла Розамунда,
Женить взглянула въ очи
И запальчиво сказала:
«Говорятъ, что турки въ Босну
Много дѣвухекъ изъ Крайнихъ
Увели въ неволю злоую.
Стыдно вамъ, такимъ героямъ,
Оставлять въ цѣпяхъ бѣдняжекъ!
Островерхаръ! опоясаясь
Ты мечемъ своимъ желѣзнымъ,
Собери свою дружину
И добудь скорѣе съ бою
У наши сестру красоту.
Турки будутъ очень рады
За нее намъ нѣвѣнницъ выдать,
Если такъ она красива,
Какъ молва изображаетъ.
Пусть бездѣтонъ будетъ бракъ мой,
Вѣкъ подпори будетъ старость,
Если я пойду къ навою,
Если мужа обойму я,
Прежде-чѣмъ турчанка будетъ
Здѣсь стоять передо мною.
Посмотрю — на самомъ дѣлѣ
Заслужилъ ли эту славу
Красотой турецкѣй ангелъ?»

Островерхаръ собираетъ
Всѣхъ рабовъ и посылаетъ
За ближайшими друзьями;
Опасиваетъ чресла
Онъ мечемъ своимъ желѣзнымъ
И съ дружиной ѣдетъ въ Босну,
Чтобы выполнить желанье
Дорогой своей невѣсты.

Въ переправѣ черезъ рѣчку
Кульну стража уступила
Островерхару; онъ мечъ свой
Обагрываетъ вражьей кровью,
Разбиваетъ злыхъ босняковъ
И затѣмъ беретъ тотъ городъ,
Гдѣ живетъ наша съ сестрою;
Онъ снимаетъ узы съ нѣвѣнницъ

И сестру нашу беретъ онъ —
Червоуку, бѣлолицу —
И везетъ ихъ всѣхъ съ собою.

Пуще самой Розамунды
Островерхару турчанка
Приглянулась, полюбилась.
Онъ ее не къ Розамундѣ,
А къ себѣ везетъ, въ свой замокъ.
Раскрасавица-турчанка
Въ Островерхара влюбилась
И влюбившись согласилась
Вростъ вѣру Магомета
И оставитъ нравы предковъ.
И въ канелѣ у наюла
Обручавъ ихъ вскорѣ патерьъ.
Розамунда жь, мѣръ оставивъ,
Увеличила собою
Хоръ люблянскихъ монастырокъ.

М. Петровскій.

II.

ПОМИНОКЪ ЮНОСТИ.

Прекрасная пора, пора цѣлующихъ дѣтъ,
О дни моей весны! — увы! вы миновались!
Хотя не вѣдалъ я, что значить жизни цѣвѣтъ,
Такъ ласканы его мгновенно оснѣпаны,
Хоть рѣдко мнѣ мерцалъ надежды кроткѣй свѣтъ
Изъ тучъ, что надъ-мою ширью разстланы,
По дороги думѣ, о юности, эти дни!
Ихъ сердцу не забыть! Господь тебя храни!

Отъ горькаго плода познанья я вкусилъ —
И ягучий ядъ его терзалъ мой умъ довольно;
Я видѣлъ: хладный свѣтъ нещадно поносилъ
Все чистое душой — и сердцу было больно;
Я о любви мечталъ, одной любви просилъ —
Съ развѣтомъ дни мечты разсѣялись неволью...
Да, честь и знанье рокъ приданнымъ обдѣлилъ
И въ дѣвкахъ ихъ сидѣть на-вѣки осудилъ.

Я видѣлъ, какъ плавецъ напрасно утлый чолкъ
Къ желанной пристани направитъ торонизъ;
Враждебная судьба вздымала горы волнъ
Въ преграду путнику... Кто бѣднякомъ родился —
Не вынытаетъ, пока карманъ не будетъ полизъ;
Въ почетѣ только тотъ, кто въ жизни самъ платился.

Я видѣлъ, какъ у насъ все цѣвѣтъ на обузъ,
И признаютъ лишь тѣ, что ослѣпляютъ умъ.

И какъ тутъ не скорбѣтъ, какъ сердцемъ не страдать
При этой роковой, уродливой картинѣ?
Но юность быстрата простору желала дать
Мечтаньямъ радужнымъ — не о житейской тинѣ:
Ей любовь города въ эфирѣ созидаетъ,
Цѣлующе садитъ въ заброшенной пустыни!
Неопытность вредна лишь для себя одной:
Ей бури кажутся, порою, тишиной.

Она не думаетъ, что мигъ одинъ жертвитъ
Все тѣ, что иногда вѣками создается;
Боль неудачъ ее не глубоко язвитъ:
Ей будущность сама въ запасѣ остается...
И наша жизнь, труды — работой Данаидъ
Безплодно лишь въ годахъ преклонныхъ признается.
За-то и дороги, о юность, о юность, мнѣ тѣ дни!
Ихъ сердцу не забыть! Господь тебя храни!

М. Петровскій.

Ф. ЦЕГНАРЪ.

Францъ Цегнаръ, современный хорутанскій поэтъ, родился въ 1826 году, въ Старомъ Лодѣ (Altlaak). Еще будучи гимназистомъ, началъ онъ усердно изучать памятники отечественнаго языка и, въ особенности, сербскія народная пѣсни, чѣмъ обратилъ на себя особенное вниманіе Цигалы, тогдашняго редактора «Славоніи». Въ 1850 году Цегнаръ самъ сдѣлался редакторомъ политико-литературнаго журнала «Славонія», а черезъ годъ — «Люблянскій Газетно». Въ 1853 году Цегнаръ поступилъ на службу въ триестскую почтовую дирекцію, откуда, черезъ годъ, перешолъ въ телеграфное вѣдомство. Въ настоящее время онъ состоитъ главнымъ начальникомъ телеграфнаго бюро въ Триестѣ. Въ 1860 году Цегнаръ собралъ свои, разбросанныя по разнымъ журналамъ, стихотворенія и издалъ ихъ отдѣльной книжкой. Стихотворенія Цегнара носятъ на себѣ печать народности и отличаются необыкновенною звучностью и правильностью стиха. Кроме того, онъ извѣстенъ какъ переводчикъ сербскихъ и чешскихъ народныхъ пѣсенъ, «Маринъ Стюартъ» Шиллера, «Доборъ» Мозенталя и другихъ. Наконецъ, Цегнаръ принималъ самое дѣятельное участіе въ

составленіи обширнаго «Нѣмецко-хорватскаго Словаря», изданнаго въ 1860 году подъ редакціею Водника, на счетъ покойнаго епископа люблянскаго Вольфа.

ПЕГАМЪ И ЛАМБЕРГАРЪ.

На поляхъ, передъ стѣнами Вѣны,
Злой Пегамъ патерь раскинулъ дерзко —
И съ писемомъ плѣть кесарю посланца;
Въ немъ Пегамъ надменно заявляетъ:
«Далеко, въ краяхъ своихъ восточныхъ,
Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ солнышко восходитъ,
Слышалъ я, что дочь имѣешь Виуду
Красоты невиданной на свѣтѣ.
Лишь вчера о Видѣ я услышалъ —
И сегодня ужъ за ней прѣхалъ.
Присылай ко мнѣ красотку Виуду,
А за ней въ придачу три воза
Золотыхъ дукатовъ на разживу.
Если жъ ты мнѣ Виду не уступишь,
То ко мнѣ готовься къ посидинку:
Я убью тебя, развѣю прахомъ
Твой дворецъ, возму малютку Виуду,
А всѣхъ тѣхъ, кто только попадется
Во дворцѣ — побью безъ милосердія,
Вороньякъ доставлю пиръ на славу!»
Прочиталъ письмо Пегамъ кесарь,
Прочиталъ и началъ горько плакать;
Плакалъ онъ и говорилъ со вздохомъ:
«До чего, о Боже мой, я дожилъ:
Злой Пегамъ отнять грозится Виуду
И зоветь меня на посидинку!
Страшенъ бой съ исчадьемъ этимъ адскимъ:
У него три головы на плечахъ,
У него огонь изъ глотки шплетъ,
У него въ устахъ языкъ змѣиный,
А въ груди собачье сердце бѣется:
Просто срамъ — отдать Пегаму Виуду,
А на бой идти — идти на гибель;
Съ нимъ ничто не можетъ состязаться:
На землѣ такого нѣтъ юнака.
Только Богъ одна надежда наша!»
Такъ судилъ и кесарь самъ, и Вѣна,
Такъ и всѣ судили въ государствѣ.
Весь народъ главу посплалъ непомѣ,
Посѣщалъ босой святые церкви,
Приносилъ священные объѣты,
Призывалъ Всевышняго на помощь
И себѣ, и кесарю, и Видѣ.
День прошолъ, за нимъ другой промчался,

Въ третій разъ взмоло на небо сознѣ.
Наконецъ вельможа приближенный,
Войномиръ, приходитъ къ государю,
Говоритъ ему съ поклономъ низкими:
«Выслушай меня, нашъ славный кесарь!
Есть еще у насъ одна надежда:
Къ намъ придетъ еще сегодня помощь
Изъ того извѣстнаго края,
Гдѣ шумитъ излучистая Сава,
Гдѣ живетъ народъ надежный, храбрый.
Вѣрѣ, пока въ живыхъ еще нашъ витязь
Ламбергаръ, пока въ немъ бѣется сердце —
Не выдай Пегаму нашей Виду.
Посылай скорѣе въ Вѣлны Камень,
Нашинъ юнаку Ламбергару:
«Ламбергаръ, сѣдай коня скорѣе!
У меня Пегамъ грозится Виуду
«Взять съ моею сѣдою головою
«И побить живое все, что встрѣтитъ.
«У меня струхнули всѣ юнаки;
«Какъ овца дрожитъ при видѣ волка,
«Такъ юнакъ трясется предъ Пегамомъ.»
«Осѣдай коня, скачи скорѣе,
«Поразъ ужаснаго Пегаму,
«Чтобы насъ онъ не срамилъ, проклятый,
«Чтобы онъ не хвастался предъ нами!»
Просіялъ въ лицѣ печальный кесарь,
Одарилъ онъ щедро Войномира
И послалъ письмо въ тотъ край прекрасный,
Гдѣ шумитъ излучистая Сава,
Гдѣ живетъ народъ надежный, храбрый.
Въ томъ письмѣ, отравленномъ на Саву,
Онъ писалъ юнаку Ламбергару:
«Ламбергаръ, сѣдай коня скорѣе!
У меня Пегамъ грозится Виуду
Взять съ моею сѣдою головою
И побить живое все, что встрѣтитъ.
У меня струхнули всѣ юнаки;
Какъ овца дрожитъ при видѣ волка,
Такъ юнакъ трясется предъ Пегамомъ.
Осѣдай коня, скачи скорѣе,
Поразъ ужаснаго Пегаму,
Чтобы насъ онъ не срамилъ, проклятый,
Чтобы онъ не хвастался предъ нами!»
И письмо пришло въ тотъ край прекрасный,
Гдѣ шумитъ излучистая Сава,
Гдѣ живетъ народъ надежный, храбрый.
И пришло письмо то въ Вѣлны Камень;
Ламбергаръ прочелъ письмо — и слезы
На глазахъ юнака показалося,
И сказалъ со вздохомъ онъ: «о, Боже!

До чего мы дожили! самъ кесарь
Мнѣ велитъ идти на бой ужасный,
Страшный бой съ чудовищемъ Пегамомъ.
Но, влчусь, пока цѣла на плечахъ
Голова, пока вѣрна десница
И Господь поддерживаетъ духъ мой —
Не возьметъ Пегамъ прекрасной Виду,
Хвостову его конецъ настанетъ!
Жернова бросаю я рукою,
Сталь колю своей булатной саблей —
Отрублю и голову я ею
Злому, ненастному Пегаму.»
Услыхавъ такіа рѣчи сына,
Подомла старушка мать къ юнаку,
Началъ давать ему совѣты:
«Ничего не бойся, милый сынъ мой!
Крестъ сильный, чѣмъ дьявольская сила —
Онъ протѣтъ ней, какъ солнце передъ тьмою —
И съ крестомъ осилитъ ты Пегаму:
Видѣ онъ хочетъ честный крестъ осилить.
У него три головы на плечахъ,
Но изъ нихъ двѣ крайнія — чужія,
Обѣ — бездѣи геенскихъ порожденъ,
Лобъ его въ три пяди шириною.
Лобъ его въ три пяди шириною.
Какъ пойдешь ты на борьбу съ Пегамомъ,
Крестъ повѣсь на грудь свою крутую,
Осѣни себя крестомъ веселилымъ,
Какъ тебя я съ малыхъ лѣтъ учила:
Этотъ крестъ осилитъ вражью силу
Въ головахъ пегамовыхъ проклятыхъ.
Не руби, не тронь ихъ острой саблей:
Ты ударь по головѣ средней.
Милый сынъ, иди на битву съ Богомъ!
За тебя я помолюсь усердно.»
Такъ его учила мать старушка
До поры, какъ ночь сонла на землю
И глаза устале сомкнулися.
Чудный сонъ привидѣлся старушкѣ,
Чудный сонъ — добро онъ ей пророчилъ:
Будто въ небѣ ясномъ, въ поднебеси
Страшный змѣй летитъ съ восхода солнца,
Цѣлый мѣръ покрываетъ онъ, словно, хочеть,
Небеса далекія и землю;
А за нимъ два ангела несутся
Въ облакахъ туманныхъ отъ заката,
Изъ десницъ такіа стрѣлы мечуть,
Что дрожитъ земля, трещецетъ небо —
И былъ змѣй низверженъ въ бездны ада.
И сказалъ старушкѣ божій ангелъ:
«Встань, пора, голубушка старушка!

Перешла далеко ночь за полночь,
Ужъ заря на небѣ показалась,
Пѣтухи пропѣли вѣсно утра.»
Рано утромъ встало отъ сна, старушка
Лобъ, уста и грудь перекрестила
И идетъ будить героя-сына:
«Ужъ пора вставать, мой сынъ любезный!
Перешла далеко ночь за полночь,
Ужъ заря на небѣ показалась,
Пѣтухи пропѣли вѣсно утра.
Дологъ путь въ далекую столицу,
А прѣхать туда ты долженъ нанчѣ.
Чудный сонъ привидѣлся мнѣ, сынъ мой,
Чудный сонъ — добро онъ намъ пророчилъ:
Будто въ небѣ ясномъ, въ поднебеси
Страшный змѣй летитъ съ восхода солнца,
Цѣлый мѣръ покрываетъ онъ, словно, хочеть,
Небеса далекія и землю;
А за нимъ два ангела несутся
Въ облакахъ туманныхъ отъ заката,
Изъ десницъ такіа стрѣлы мечуть,
Что дрожитъ земля, трещецетъ небо —
И былъ змѣй низверженъ въ бездны ада.»
Ламбергаръ возлѣно предлогаетъ,
Креститъ лобъ, уста свои и нерсы;
Встанъ съ ора, промается съ старушкой,
Небесамъ старушку поручаетъ,
У нея чаетъ вѣсно руку.
Онъ беретъ съ собой народъ богатый
И свою, въ сто центовъ вѣсомъ, саблю,
Крестъ святой на шею надѣваетъ,
Покрываетъ голову шлемомъ,
Не простимъ — изъ золота литого,
На коня любимаго садится,
Говоритъ коню оиъ воровому:
«Гей, Сѣркъ, мой вѣрный конь-товарищъ!
Гдѣ найдти бойца, какъ твой хозяинъ?
Гдѣ смекать коня, какъ ты, мой вѣрный!
Ты семь лѣтъ стоялъ спокойно въ стойлѣ,
Былъ одну румяную шеницу,
Шлѣ вино себѣравнымъ ушатамъ;
А теперь пора намъ въ путь-дорогу,
Въ тяжкій бой съ чудовищемъ Пегамомъ.
Если мы, Богъ дастъ, домою вернемся —
Я тебѣ подковы золотыя
И узду шелковую добуу.
Подарю шарчевую шопону,
Въ серебро велю обдѣлать ясли,
Принасу ведерку золотое.»
И заржалъ Сѣркъ подъ Ламбергаромъ;
Смылятъ мекри звонкія подковы,
21

Словно сталь на грузной наковальи
 Подъ кузнечным молотом тяжолым.
 Быстръ сойдѣ въ далекомъ поднебесьи,
 На землѣ Сѣрѣо еще быстрѣе.
 Изъ-за горъ выходитъ ярко солнце.
 Ламбергаръ по улицамъ люблянекимъ
 На волѣ своемъ такъ быстро скачетъ,
 Что земля дрожитъ подъ коньтѣми,
 И звѣнятъ во всѣхъ окошкахъ стекла.
 Повернулъ онъ къ мосту черезъ Саву,
 Но не хочетъ по мосту онъ ѣхать:
 Конь его чрезъ Саву прямо скачетъ.
 Передъ нимъ мелькаютъ справа, слѣва
 И дуга, и рѣки, и поляны;
 Пыль столбомъ несетъ въ поднебесьи.
 Какъ блестятъ оружье Ламбергара!
 Какъ перо колыхаетъ на шлемѣ!
 Поглядѣнь — ужъ солнце на закатѣ,
 Ламбергаръ ужъ у воротъ столицы:
 «Отпирай, привратникъ, Ламбергару,
 А не тѣ махнеть онъ чрезъ ворота
 И бояръ печальныхъ напугаетъ!»
 Поглядѣвъ на витязя привратникъ,
 Увидать, что дѣло не на шутку,
 Взявъ ключи, торопится въ ворота —
 И, скрививъ, ворота открылись.
 Ламбергаръ вступаетъ гордо въ Вѣну,
 А ему на встрѣчу воеводы —
 Горячо падаютъ Ламбергара
 И его блестящее оружье;
 И несутъ радостные клики
 Къ небесамъ и отдаются долу.
 Во дворецъ героя провозжаютъ
 Трѣжды онъ предъ кесаремъ склоняетъ
 Голову и молвитъ: «Ничѣ утромъ
 Всталъ съ одра я на Землѣ Словенской,
 На Землѣ Словенской, въ Вѣломъ Камнѣ,
 А теперь стою передъ тобою,
 Жду твоихъ священныхъ приказаній.
 Я готовъ вступить въ борьбу съ Пегамомъ.
 И, властвуя всемогущимъ Богомъ,
 Государь — пока цѣла на плечахъ
 Голова, пока рѣбѣна дешица
 И Господь поддерживаетъ духъ мой —
 Не возьмешь Пегамъ прекрасной Види,
 Хвастовству его конецъ настанетъ.
 Жернова бросаю я рукою,
 Сталь колю своей булатной саблей,
 Отрублю и голову я ею
 Злому, ненавистному Пегаму,
 Прежде-чѣмъ взойдетъ надъ нами солнце,

Прежде-чѣмъ настанетъ утро въ Вѣнѣ.»
 Просидѣвъ при этомъ грустный кесарь,
 И, на тронѣ съ собою Ламбергара
 Посадивъ, устроилъ ширъ на славу,
 Угощая его до поздней ночи,
 Наливалъ онъ въ честь его здравица,
 До поры, какъ Ламбергаръ промолвитъ:
 «Государь, порова государства!
 Ужъ пора и отдохнуть порядкомъ,
 Подобрѣть усталости отъ дороги;
 Посмотри — одиннадцать пробито;
 Предъ борьбой отдохновенье нужно!»
 И встаетъ онъ и ко сну отходитъ;
 Скоро сонъ ему смежаетъ очи,
 И во снѣ привидѣлось юнаку,
 Что въ лѣсу стоитъ онъ на утесѣ,
 А предъ нимъ — на деревѣ высокомъ —
 Змѣй ползаетъ между вѣтвей къ верхнимъ.
 Гдѣ сидитъ невинная голубка —
 Поглотить голубку эту хочетъ.
 Но сметаетъ дребезгъ сизокрылый
 И своимъ желѣзнымъ, острымъ клювомъ
 Раздробляетъ голову хитрѣй.
 И къ ногамъ бросаетъ Ламбергара.
 Ламбергаръ вмигъ ото сна воспрянулъ
 И, присѣвъ на пышномъ, мягкомъ ложѣ,
 Осматривъ крестомъ чело и перси,
 И потомъ, вскочивши, такъ промолвилъ:
 «Слава Богу, отдохнулъ я славно,
 И при этомъ видѣлъ сонъ отличный!
 Ужъ заря румяная на небѣ
 Загорѣлась, ужъ блѣднѣютъ звѣзды —
 Ужъ пора мнѣ спаряжаться въ битву.»
 Надѣваетъ онъ нарядъ богатый,
 И беретъ въ сто центовъ вѣсомъ саблю,
 Крестъ святой на шею надѣваетъ,
 Покрываетъ голову шлемомъ,
 Не проетникъ — въ золотѣ литого,
 Изъ дворца блестящаго выходитъ,
 На коня любимого садится,
 Говоритъ кою — кою лихою:
 «Тей, Сѣрѣо, мой вѣрний конь-товарищъ!
 Гдѣ найдти бойна, какъ твой хозяинъ?
 Гдѣ сѣкаться коня, какъ ты, мой вѣрний?
 Ты семь лѣтъ стоишь спокойно въ стойлѣ,
 Ълъ одну румяную иппоциу,
 Пилъ вино серебрянымъ ушатомъ,
 А теперь пора намъ въ путь-дорогу,
 Въ тяжкій бой съ чудовищемъ Пегамомъ.
 Если мы, Вольгъ дасть, домой вернемся —
 Я тебѣ подковы золотыя

И узду шелковую добуду,
 Подарю парчевую попоу,
 Въ серебро велю обдѣлать ясли,
 Припазу ведерко золотое.»
 И заржалъ Сѣрѣо подъ Ламбергаромъ,
 Онъ заржалъ и такъ понесся быстро,
 Что земля и дома задрожали
 И въ окошкахъ стекла зазвенѣли.
 Слышють искры звонныя подковы,
 Словно сталь на грузной наковальи
 Подъ кузнечнымъ молотомъ тяжолымъ.
 Онъ въ ворота пробжзаетъ не хочетъ —
 Скачетъ онъ чрезъ стѣну городскую.
 Выходитъ кесарь на балконъ высокой,
 А народъ — на стѣны городскія.
 Ламбергаръ три раза объѣзжаетъ
 Вкругъ шатра пегамова и громко
 Говоритъ проклятому Пегаму:
 «Выходи на лугъ, Пегамъ несмытый!
 Ламбергаръ зоветъ тебя на битву.
 Слышалъ я на Савѣ, въ Вѣломъ-Камнѣ,
 О твоей и дерзости и злобѣ;
 Кровь твою я прохладить прѣхалъ.»
 И Пегамъ выскакиваетъ быстро,
 Словно звѣрь ужасный трехголовый,
 И кричитъ: «Какъ разъ ты прибылъ въ пору,
 Сумасбродъ, бродяга! славный завтракъ
 Изъ костей твоихъ я приготовлю
 И напьюсь твоей горячей крови!»
 И летитъ Пегамъ на Ламбергара.
 Ламбергаръ махнулъ булатной саблей,
 По руцѣ Пегамѣ онъ ударилъ —
 И летитъ рука та сажень двадцать,
 И вѣру свергаетъ сабля снова.
 И вскричалъ съ досадою храбрый витязь:
 «Хоть рука и выросла, но, вѣрно,
 Голова не вырастетъ другая,
 Какъ се на саблю я надѣну!»
 Налетѣлъ онъ снова на Пегамѣ,
 Словно валъ морской на дикій камень,
 И булатной саблей замахнулся —
 Только гулъ пронесся отъ размаха.
 Онъ ударъ направилъ по средней
 Головѣ чудовища и разомъ
 Снесъ се съ широкимъ плечъ Пегамѣ
 И воткнулъ на саблю боевую.
 Голова желѣзнымъ зубами
 На мѣхъ булатномъ секретела,
 А во прахъ поверженное тѣло
 На травѣ и билось и металось...

Вмигъ другихъ головъ его не стало:
 Словно снѣгъ растаялъ, исчезли.
 Лѣется кровь ручьями изъ Пегамѣ,
 Жижотъ траву росистую, какъ пламя.
 Ламбергаръ идетъ равниной тихо,
 Съ головой Пегамовой на саблѣ,
 Кажется онъ ея всему народу,
 Что смотрѣлъ на битву съ стѣнъ высокихъ,
 И потомъ въ Дунай ее кидаетъ —
 И вода, какъ кипитокъ, алокочетъ,
 Подгибаетъ голову Пегамѣ.
 Поднялись восторженные клики
 Къ небесамъ и отдаются долу.
 Острый мечъ рѣшилъ тотъ споръ ужасный!
 Изъ-за горъ выходитъ ярко солнце,
 Лѣтъ лучи горячіе на Вѣну.
 Возражась въ столицу посѣлъ боя,
 Ламбергаръ идетъ въ святую церковь,
 Чтобы тамъ благодаренье Богу
 Принести за славою побѣду.
 И гремятъ колокола повсюду,
 И «Te Deum» слышится во храмахъ.
 Кесарь ширъ устраиваетъ въ замкѣ
 И на ширъ зоветъ онъ Ламбергара,
 Приглашаетъ витязя почѣтнѣмъ,
 И на тронѣ, съ собой и съ Видой радомъ,
 Ламбергара храбраго сажаетъ;
 Угощаетъ вилото до поздней ночи,
 Наливаетъ въ честь его здравица,
 Выдаетъ за Ламбергара Виду,
 А за ней въ приданое три воза
 Золотой монеты назначаетъ,
 Да еще на Савѣ девять замковъ.
 И домой съ красавицею женою
 Ламбергаръ прѣхалъ въ Вѣльмъ-Камень
 И себѣ, и матери на радость.
 И теперь гусларь, бродя вдоль Савы,
 Часто пѣсьнъ поетъ подъ звуки гуслей,
 Пѣсьнъ поетъ о славномъ Ламбергарѣ.

М. ПЕТРОВСКІЙ.

Л. ТОМАНЪ.

Лавръ Томанъ, хорутанскій писатель, родился въ 1827 году. Собраніе его стихотвореній, изданное подъ названіемъ «Родные Звуки», пользуется большою извѣстностью въ хорутанской литературѣ. Выбранный въ 1861 году депутатомъ

въ палату представителей въ Вѣнѣ, онъ явился въ ней горчичнымъ защитникомъ интересовъ хорутанскаго народа. Въ 1870 году, недовольный дѣйствіями австрійскаго правительства, онъ оставилъ, вмѣстѣ съ поляками, палату, что и было причиною паденія министерства Гискры-Гербста-Гаспера. Въ настоящее время Томашъ занимается адвокатурою.

С А В А.

Шумить, шумить серебряная Сава,
Реветь межъ горъ, зыбится по лугамъ:
Она сплѣтѣтъ къ славянскимъ городамъ,
Родная дочь могучаго Триглава.
О, Сава! ты волной своей поишь
Своихъ сыновъ и вѣрныхъ и могучихъ,
И въ ихъ сердцахъ воинственныхъ, кипучихъ
Геройскій духъ питаешь и врѣнишь.
Кто пьетъ твою серебряную воду,
Тотъ жизнь свою всегда отдать готовъ
За край родной, за славу и свободу,
Въ того она вселяетъ духъ отцовъ
И въ немъ любовь къ его отчизнѣ милой
Горитъ огнемъ — и здѣсь и за могилой.

П. Гервель.

И. КОСЕСКІЙ.

Иванъ Косескій — лучший изъ современныхъ хорутанскихъ поэтовъ послѣ Прешерна — пользуется огромною популярностью между хорутанами. Но если онъ уступаетъ Прешерну въ поэтическомъ дарованіи, то превосходитъ его тенденціозностью своего направленія. Поэзія Косескаго напоминаетъ нѣсколько панславистскія мечты гениальнаго Коллара, автора «Дочери Славы»: она дышетъ любовью къ славянству и вѣрой въ его великое будущее. Нѣкоторые изъ эпическихъ его произведеній отличаются несомнѣнными достоинствами и ставятся критикою очень высоко, даже наравнѣ съ «Смертью Ченгичъ-аги», знаменитою поэмою Мажураича. Кромѣ того, Косескому обязана хорутанская литература многими прекрасными переводами съ языковъ русскаго и нѣмецкаго.

СЛОВЕНСКІЙ ОРАТАЙ.

Мой сосѣдъ мужикъ богатый:
Много всякаго добра
У него среди двора,
Передъ хатой и за хатой.
Въ полѣ онъ по цѣлымъ днямъ
Съ утра до ночи трудится;
Въ городѣ видѣтъ — и тамъ
У сосѣда все спорится.
Раздается всюду крикъ:
«Кто богатый тотъ мужикъ?»
Не узнали братья брата:
Это онъ, кто отъ пелёны
Не былъ къ нѣгѣ приучёнъ:
Онъ — словенскій нашъ оратай!

Слышишь ли вамъ и громъ и клики?
Льется кровь, трубить труба!
Нѣ смерть страшная борьба
Загорѣлась — бой великій!
Словно дѣсь помощь на дѣсь,
Строй на строй валять безъ страха,
Поднимаю до небесъ
Облака густыя праха.
Кто же — весь гроза и гнѣвъ —
Вьѣтся съ недругомъ, какъ левъ?
Не узнали братья брата:
Это онъ, кто отъ пелёны
Къ битвѣ съ жизнью приучёнъ:
Онъ — словенскій нашъ оратай!

Скрипитъ возовъ, слышитъ дорога:
Выѣзжаютъ на базаръ
Продавать кудцы товаръ;
Жизнь всякаго тамъ много;
Съ нимъ сосѣдъ мой за моря
Барку шлетъ и щедро платитъ;
Барышамъ благодаря,
Рудоконни всё захватитъ;
Замки, земанъ подѣ концы.
Кто въ богатый тотъ кунецъ?
Не узнали братья брата:
Это онъ, кто отъ пелёны
Къ трудолюбью приучёнъ,
Онъ — словенскій нашъ оратай!

Вотъ собраніе ученыхъ,
Но одинъ блеститъ межъ нихъ:
Свѣтлымъ разумомъ постигъ
Тому языкомъ онъ мудрѣннхъ.

Если онъ заговоритъ:
Какъ поэтъ вѣщимъ струнамъ,
Внемлютъ всё ему; гремитъ
Онъ на коздрѣ перуномъ —
Рукоплещетъ весь народъ;
Кто же мужъ великій тотъ?
Не узнали братья брата:
Это онъ, кто отъ пелёны
Самой жизнью умудрѣнъ,
Онъ — словенскій нашъ оратай!

Засѣдаетъ передъ нами
Неумитный судія:
Знаютъ всё его края,
Онъ украшенъ орденами,
Славный гражданинъ-герой;
Про него и кesarъ знаетъ
И къ себѣ его порой
На совѣтъ призываетъ —
Отрѣшнитъ отъ правды ложь.
Кто же это, братья, кто жъ?
Не узнали развѣ брата:
Это онъ, кто отъ пелёны
Зрало мыслитъ приучёнъ,
Онъ — словенскій нашъ оратай!

Суету оставя свѣта,
Кто возводитъ къ Небу взоръ,
Восклицая «Surgam cog»,
Служитъ Богу въ познани дѣта?
Въ Римѣ пала ли къ кому
Такъ не ласковъ: милымъ братомъ
Называется, шлетъ ему
Митру, дѣлаетъ презатомъ.
Для него покинутъ свѣтъ
Никакого страха нѣтъ:
Въ Бозѣ тотъ почиетъ свято,
Кто съ пелёнокъ приучёнъ
Сердцемъ чтитъ святой законъ,
Какъ словенскій нашъ оратай.

Богу преданность во взорѣ,
На устахъ — Ему хвала,
Хорошо ль идти дѣла,
Иль въ дому бѣда и горе,
Будто все ему равно.
Сердце жизнью суровой
Точно сталь закалено,
А въ лицѣ — загаръ здоровый.
Такъ воскликнемъ же, друзья:
Да хранить Господь края,

Гдѣ, талантами богатый,
Жизнь проводитъ нашъ народъ,
Гдѣ всему одинъ оплотъ:
Онъ, словенскій нашъ оратай!

Н. Бергъ.

М. ВИЛЬХАРЪ.

Мирославъ Вильхаръ, современный хорутанскій поэтъ, извѣстенъ болѣе какъ музыкантъ и композиторъ. Кромѣ своихъ собственныхъ стихотвореній, онъ издалъ собраніе народныхъ хорутанскихъ пѣсень и къ нимъ мелодіи.

БОГОМИЛА.

Такъ могла, говорила
Молодая Богомила,
Мать-старуху обвиняла:
«Не нуди меня, родная,
Выходишь за не милого,
За Боговича съдого!
Правда, онъ живетъ богато,
Есть и серебро и золото,
Много ранъ честныхъ на тѣлѣ,
Храбрость выказалъ на дѣлѣ —
Такъ, ни слова, да обидно
И досадно мнѣ, и стыдно,
Что ходишь онъ въ тѣ сраженія
Лѣтъ за тридцать до рожденья
Моего, мой родная!
Нѣтъ, ты лучше, дорога,
Мнѣ позволѣй идти за Марца,
Съ кѣмъ росла, кого такъ жарко,
Такъ безумно полюбила,
Кому сердце подарила!»
Мать-старуха отвѣчала:
«Дочка, знай, коли не знала,
Что отецъ твой въ страшныхъ ранахъ
Паль героемъ полюбилъ,
За свой домъ, за край родимый,
За покой семьи любимой,
И велѣлъ мнѣ, умирая,
Чтобы выдала тебя я
За Боговича Вадима,
Его друга, побратима.»
За Боговича съдого
Дочка вышла — и ни слова,

Да не долго горевала:
Въ первый день ее не стало,
На второй — ее отпѣли,
А на третій — похоронили.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

Ф. ЛЕВСТИКЪ.

Францъ Левстикъ, хорутанскій поэтъ и учонный, родился въ 1833 году въ Ландѣ, въ Крайнѣ. Несмотря на крайнюю бѣдность своихъ родителей, онъ прошелъ гимназiю въ Люблинахъ и политехнической институтъ въ Вѣнѣ. Затѣмъ, шесте принудила его принять стипендию въ одной изъ католическихъ семинарiй; но изданiе имъ «Пѣсенъ», въ 1853 году, признанныхъ неблагочестивыми, возбудило противъ него начальство, которое кончило тѣмъ, что исключило его изъ заведенiя и подвергло разнымъ преслѣдованiямъ. Наконецъ ему удалось получить мѣсто гувернера въ частномъ домѣ, а въ 1864 году онъ былъ назначенъ секретаремъ Словенской Матрiи въ Люблинахъ (Лейбахѣ). Его «Пѣсни» считаются однимъ изъ лучшихъ въ хорутанской литературѣ; кромѣ того, онъ написалъ много учонныхъ статей, посвященныхъ разработкѣ хорутанскаго языка въ грамматическомъ и лексическомъ отношенiи.

ДѢВУШКА И ПТИЦА.

Красавица черпала воду ведромъ:
Ведро жезинное блестятъ серебромъ;
И глянула въ воду и видитъ свой ликъ —
Иривнѣмъ румянцемъ зардѣлася выитъ
И молвить: «красавъ и пригожа я впрямъ,
И за три я града краси не отдамъ!»
Веселая птичка въ сирени густой
Вдуртъ пѣсно загляла красавицѣ той:
«Ахъ, если бѣ явился тутъ снѣжный юнакъ,
Онъ вьзалъ бы красавицу, вьзалъ бы и такъ.»
— «Напрасно ты это поещъ — говорни!»
По й мала бѣ тебя я, по ты улетишь!»
— «Когда бы ты крылья имѣла какъ я,
Умчаласъ бы живо въ нимо край —
И кто бы имъ встрѣлся — убогiй, босой —

Коль это, красавица, суженый твой —
Ему бы свою ты красу отдала
И въ хатѣ простой съ нимъ счастлива была!»
Прошла до птичка — и порхъ въ небеса.
Ей вездѣ поглядѣла дѣвица-краса
И молвить: «быть-можетъ случится и такъ,
Что будетъ мнѣ дорогъ убогiй бѣднякъ:
Летая вездѣ, ты, дѣсной чародѣй,
Всего насмотрѣлся и знаешь людей.»

Н. БЕРГЪ.

А. ПРАПРОТНИКЪ.

А. Прапротникъ, современный хорутанскiй поэтъ, пользуется большою известностью въ своемъ краѣ, какъ авторъ многихъ патристическихъ стихотворенiй, изъ которыхъ нѣкоторые вошли въ народъ и расширяются по всей Крайнѣ какъ народныя. Въ настоящее время Прапротникъ занимаетъ скромное мѣсто учителя въ горудской школѣ въ Люблинахъ.

РОДИНѢ.

Отчизна! что за звукъ могучiй!
Ты мнѣ мила и безъ вѣнца;
Ты въ сердцѣ тлѣешь искрой глужчей
И будешь тлѣть тамъ до конца.

Твой свѣтъ мнѣ въ душу проникаетъ —
И благодарень я судьбѣ;
Но горе грудь мою терзаетъ,
Когда я мыслю о тебѣ.

Ты хороша, какъ сердца грѣзи!...
Струна восторженно звучитъ —
И калятъ радости слезы
Изъ глазъ и сердца на гранитъ.

О, солнце! ясными лучами
Надъ милой родиной сияй,
И — всю покрываю дѣтвami —
Ее и грѣй и освѣчай!

Н. ГЕРВЕЛЬ.

ЧЕШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Если каждая литература отражаетъ въ себѣ положенiе и историческiя судьбы народа, то этотъ отпечатокъ внѣшнихъ обстоятельствъ едва ли обнаруживается гдѣ-либо явственнѣе, чѣмъ въ литературѣ чешской. Передовой стражъ славянства на западѣ, народъ чешскiй въ продолженiе первыхъ вѣковъ своей исторiи (IX — XIV) видѣлъ, какъ славянскiя племена, стоявшiя рядомъ съ нимъ и покрывавшiя его границы, мало-по-малу уступали напору германской народности, какъ они частью истреблялись германскимъ мечемъ, прокладывавшимъ дорогу нѣмецкимъ колонистамъ, частью добровольно перенимали нѣмецкiй языкъ и бытъ и превращались въ иростныхъ нѣмцевъ; онъ видѣлъ, какъ кругомъ его земли оснѣжались, такъ сказать, славянская почва, заливаемая нѣмецкою волною, и онъ, наконецъ, остался одинъ, окруженный и съ запада, и съ сѣвера, и съ юга, и отчасти даже съ востока нѣмцами; онъ видѣлъ, онъ чувствовалъ, какъ нѣмцы стремились и на него, какъ имъ нужно стало покончить и съ нимъ, съ этимъ послѣднимъ славянскимъ кляномъ въ разросшемся тлѣнн Германiи. Борьба за существованiе сдѣлалась главною историческою задачею чешскаго народа. Если онъ не шалъ въ столь неравной борьбѣ, то этимъ онъ обязанъ отчасти выгодамъ своего положенiя въ страпѣ, которой долгое время служили природною защитою, а еще болѣе тому, что начатки просвѣщенiя были имъ приняты съ славянскаго востока, а не съ германскаго запада. Но борьба за сохраненiе

своей славянской народности должна была поглотить все помысли, все живыя силы чеховъ, и подчинить себѣ, какъ орудiе, ихъ литературу, также какъ она подчинила себѣ ихъ общественную и политическую жизнь. Итъ литературы, которая такъ мало соотвѣтствовала бы идеалу *искусства для искусства*. «Ich singe wie der Vogel singt» — этотъ девизъ мнѣе всѣхъ идетъ въ чешской литературѣ и поэзи. У чеховъ литература и поэзи есть служебное орудiе — въ настоящее время одно изъ важнѣйшихъ, если не самое важное — орудiе великой народной мысли: удержатъ за славянствомъ центръ европейскаго материка, не сдаться нѣмцамъ, покуда бытъ-можетъ другiе славяне не припятъ на помощь и завершится тысячелѣтняя борьба.

Только на самомъ разсвѣтѣ исторiи, когда опасность отъ Германiи не была такъ близка и славянству въ Чехiи жилось привольнѣе, мы находимъ тамъ поэзию, свободную отъ этихъ постороннихъ заботъ. Но и въ ней уже слышится такое живое сознание борьбы за народность, какого нельзя замѣтить нигдѣ въ тогдашней Европѣ. «Не хвалю намъ въ нѣмцѣхъ искать правду, у насъ правда по закону вьнута», говоритъ древнѣйшая поэма чешская, «Любушиинъ Судъ». «Пришоль чужой насильственно въ волчюи и стать приказывать чужимъ словамъ, и какъ дѣлается въ чужой землѣ съ утра до вечера, такъ пришлось дѣлать нашимъ дѣтвамъ и жонамъ» — этими словами описываетъ Забой нѣмецкое иго,

призывая пбенью своих родичей востать против ивнецкого полководца Людека, этого «раба над рабами короля». Съ восторгом изображал чешский пбенец, какъ, благодаря Бенешу Германичу, «пришлось ивнцамъ звать и пришлось ивнцамъ улетывать и было имъ побѣга!»

«Мужи! да не будетъ отъ насъ скрыто» — говоритъ старій князь Залабскій, приглашая вѣнцев на турниръ — «да не будетъ отъ насъ скрыто, по какой причинѣ въ собранъе. Храброе мужи, я хочу узнать, которые изъ васъ для меня пригодны. Во время мира мудро ждате войны: вездѣ намъ сосѣди ивнцы!»

Стихотворенія, въ которыхъ мы встрѣчаемъ столь ясное пониманіе рокового антагонизма съ ивнцами, принадлежатъ къ древнѣйшему періоду чешской исторіи. Первые изъ нихъ, «Любушичъ Судъ» и «Забой», относятся, если не по времени сочиненія, то по содержанию, къ IX вѣку; «Бенеш Германичъ» и «Людиша и Люборъ» принадлежатъ къ XIII вѣку.

«Любушичъ Судъ» писанъ на пергаментной тетради, обличающей глубокую древность, такъ что многие приписываютъ и самую рукопись IX-му или X-му вѣку. Тетрадка эта была найдена въ 1817 году Юсифомъ Коваржемъ, назначеннымъ графомъ Коллоредо, въ архивѣ замка сего послѣдняго на Зеленой горѣ. «Забой», «Бенеш Германичъ», «Людиша и Люборъ» (иначе «Турниръ»), вмѣстѣ съ поэмами «Честмиръ и Влаславъ», «Олдрихъ и Болеславъ», «Збигновъ», «Ярославъ» и ивнцами, которыми небольшими стихотвореніями входятъ въ составъ мелко испишаной пергаментной рукописи, откѣпанной покойнымъ Ганкою въ 1818 году въ колокольнѣ старой церкви въ Краледворѣ, и потому известной подъ названіемъ «Краледворской Рукописи». Это собраніе стихотвореній, писаннѣ около 1280 года и котораго нумерация показываетъ, что до насъ дошло менѣе $\frac{1}{7}$ его части. Это одно достаточно свидѣтельствуетъ о богатствѣ поэзи, процвѣтавшей въ Чехіи въ первую пору ея исторической жизни.

Во враждѣ своей къ чешской народности, не всегда разборчивные на средства ивнцы старались набросать тѣмъ подозрѣнія на подлинность и «Любушина Судъ» и «Краледворской Рукописи». Сущность ихъ аргументовъ заключалась, собственно, въ одномъ: какъ-могли могли славяне, народъ грубый и въ цивилизаціи неспособный, имѣть, да еще въ столь древнюю пору, такіа превосходныа поэмы, которые, пожалуй, лучше

иѣмецкихъ твореній того времени! Но, какъ водится, аргументъ этотъ облекался въ разныа ученыа доводы. Труды Шафарика и Палацкаго, Тома и Иречка устранили въ эти эпохиѣренныа нападки и поставили подлинность «Любушина Судъ» и «Краледворской Рукописи» выше всякаго сомнѣнія. Впрочемъ, подобное сомнѣніе было столь же нецѣлю, какъ раздававшіеся ивнцами и у насъ возраженія противъ подлинности «Слова о Полку Игоревѣ». Въ ту пору, когда найдены «Слова», также какъ «Любушичъ Судъ» и «Краледворская Рукопись», свѣдѣнія о древнемъ языкѣ и бытѣ славянъ были такими, что для поддѣлки подобныа произведеній требовался бы не только изумительный гений поэта, но и даръ провидѣнія откровѣій, сдѣланныхъ наукою лишь въ послѣдніа десятилѣтія.

«Любушичъ Судъ» и стихотвореніе «Краледворской Рукописи» представляютъ много сходнаго съ *народными* ивнческими пбеньями, которыа нынѣ еще поются у сербовъ и болгаръ. Но мы едва ли можемъ причислить эти произведенія чешскаго эпоса непосредственно къ области такъ-называемой народной поэзи. Нѣтъ, они относятся къ тому періоду творчества, когда народная пбень и поэзіа художественная еще не отдѣлилась. Кто рѣшитъ, принадлежатъ ли ррасоднѣ Гомера къ народной поэзи или къ художественной литературѣ? Такъ точно и эти древнія творенія. Въ тѣ первобытныа эпохи были у всѣхъ почти народовъ особые пбени по ремеслу (ррасоднѣ, барды, скальды и т. д.). Ихъ потомковъ мы находимъ въ ивнннннхъ сербскихъ *чусларакъ*, малороссійскихъ *бандуристахъ*, *скажальцахъ* нашего Сѣвера. Но между тѣми «соловьями стараго времени» и ивннннннми пбеньцами та громадная разннца, что эти послѣдніе ограниченны пбеньми кругомъ сельской жизни и, съ извѣстною степенью творчества, болѣею частью только повторяютъ довольно плохо сохраняемые въ памяти остатки старинныхъ пбень; а въ первобытныа эпохи — ррасоднѣ былъ спутникъ, нередко другъ и соуптнннннкъ князя, представлялъ высшнннн общественныа интересы и высшей мудрости въ странѣ. Что княжескіе пбени ивннннн пбнцами и у славянъ того же значеніе, какъ въ первобытныа эпохи Греціи, Германіи, Скандинавіи и т. д., на это есть достовѣрныа указанія; и въ произведеніемъ этихъ-то пбенью мы относимъ, какъ «Слово о Полку Игоревѣ», такъ и «Любушичъ Судъ» и стихотворенія «Краледворской Рукописи». Оттого

то въ нихъ и совмѣщается характеръ непосредственной народной поэзи съ несомнѣнными признаками художественной отдѣлки.

«Любушичъ Судъ», «Забой» и «Честмиръ и Влаславъ» переносятъ насъ въ эпоху язычества. Въ первомъ изображается ррасра, бывшая повеломъ къ призыванію на престолъ Премисла, родоначальника первой династіи чешскихъ государей. «Забой» воспѣваетъ побѣду, освобожденную Чехію отъ вторженія ивнннннхъ войскъ при Карлѣ Великомъ или одномъ изъ его преемниковъ. Въ поэмѣ «Честмиръ и Влаславъ» описывается борьба пражскаго князя Неклана съ ивнннннмъ племени дучанъ (въ сѣверо-западной части Чехіи) Властиславомъ, борьба кончившаяся смертію Властислава и торжествомъ пражскаго государя надъ племенной усобицей. Эти три поэмы единственныа литературныа памятныа до-христианскаго времени у славянъ. О поэтическихъ красотахъ ихъ мы не будемъ распространяться; ихъ почувствуетъ всякій, кто прочтетъ эти стихотворенія, помѣщонныа въ настоящей книгѣ ивнннннхъ. Но чего нельзя передать въ переводѣ — это чудная простота и сила древняго поэтическаго языка, въ которомъ каждое слово отчетливо съ выразительностію и отчетливостію, какія можно найти только у величайшнхъ художниковъ. Форма въ «Любушиномъ Судѣ» — 10-ти сложныа ивнннннхъ стихъ, господствующій понынѣ въ сербскомъ народномъ эпосѣ; тотъ же размѣръ преобладаетъ и въ «Забой» и въ «Честмиръ и Влаславъ», но ивнннннми переходить въ восьмннннхъ стихъ, удоболагавшійся поэтической прозѣ «Слова о Полку Игоревѣ». Любопытно, что въ этихъ поэмкахъ замѣтны слѣды такъ-называемой *аллитераціи* (созвучія), составляющей также особеннѣю древнѣйшей германской и скандинавской поэзи *).

Поэма «Олдрихъ и Болеславъ», отъ которой уцѣлѣлъ только конецъ, относится къ событію 1004 года: въ ней изображено освобожденіе Праги отъ воиска Болеслава Храбраго; «Бенеш Германичъ» описываетъ побѣду надъ саксонцами,

* Къ примѣрамъ аллитераціи, которые приводятъ г. Иречекъ, прибавимъ слѣдующіе стихи изъ «Честмира и Власлава»:

Вардова се Воимиръ ослезае
Звезда съ скалы часемъ въ слѣзъ звучимъ.
Неварите се, бои, своему слѣзъ,
Екъ не полнъ быть въ дешннннхъ снннннхъ и т. д.

одержанную въ 1203 году, «Ярославъ» — освобожденіе Моравы отъ нашествія татаръ въ 1241 году. Самая поэма «Ярославъ» сочинена въ концѣ XIII вѣка. Она есть послѣдній плодъ чистаго славянскаго эпоса въ Чехіи. Рука сочинителя-художника здѣсь особенно явственна. Въ «Ярославѣ» мы видимъ уже полное господство христианской этики; но замѣчательно, что поэтъ относится къ христианскому Богу почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ его предшественники къ богамъ языческимъ. Сравнимъ слѣдующія два мѣста: «Нужна жертва богамъ», говоритъ въ языческой поэмѣ Честмиръ въ отвѣтъ Воиміру, предлагающему отложить жертвоприношеніе до конца битвы: «внукая жертва богамъ, ми и такъ нынѣ поспѣемъ на враговъ. Садннннн сейчасъ на быстрыахъ коней, пролетн лѣса оленьимъ своимъ туда, въ дубраву. Тамъ въ сторонѣ отъ дороги скала лезвоннаа богамъ. На ея вершинѣ принесн жертву богамъ, богамъ своимъ спасамъ, за побѣду полади, за побѣду впередн. Пока... поднимется солнце надъ верхушками лѣсныхъ, придетъ и войско твоё, гдѣ твоа жертва поѣветъ въ столбахъ дыма, и поклонится все войско, идя мимо... Горька жертва; и приближается войско, идуть одинъ за другимъ, несая оружье. Каждый, идя крутомъ жертвы, возглаголетъ богамъ славу...»

А въ «Ярославѣ» описывается, какъ христиане, окруженныа татарами и умирая отъ жажды подъ палисадомъ, думали было о сдѣлѣ. Но тутъ къ нимъ обращается Вратиславъ: «Постидитесь, мужи, такихъ рбчей. Если мы погнѣемъ отъ жажды на этомъ холму, такая смерть будетъ Богомъ назначена, а сдѣлнмъ мечу намъхъ враговъ — самн совершнмъ надъ собой убійство. Мерзость предъ Господомъ — рабство, грѣхъ въ рабствѣ отдатъ добровольно тѣмъ. За мной пойдете, мужи, кто такъ думаетъ, за мной къ престолу Матери Божіей». Идетъ за ннннн множетвенно въ свѣтлой часовой: «Встань, о Господи, въ своемъ гнѣвѣ и возмнсь насъ надъ врагами. Услншь голоса, что къ тебѣ взываютъ. Окружены мы людьми врагами; освободн насъ отъ стѣнъ свннннннхъ татаръ и дай влагу нашимъ утробамъ. Громоздценую жертву ми тебѣ воздадимъ. Погуби въ земляхъ нашихъ врага, истреби его во вѣки, во вѣки вѣковъ!»

Въ этихъ словахъ Вратислава, обличающаго Богу *громоздценую жертву*, намъ слышится отзвукъ той эпохи, когда славяннне, идя вокругъ языческой жертвы, возглаголетъ славу своимъ древ-

ним богаты: даже выражения поговей в обоих случаях одни и те же.

Поэма обь Ярославъ представляет еще любопытную черту. Ея сочинитель какъ бы не знаетъ разницы церковнаго, уже отдѣлявшаго западную Европу отъ восточной. Она говоритъ о великой побѣдѣ татаръ надъ христианами, о томъ, какъ послѣ этой побѣды они «наложили на христианъ дань великую, подчинили себѣ два царства, старый Кіевъ и Новгородъ пространный» *). Читай это съ понятиями нашего вѣка, мы тутъ не находимъ ничего особеннаго. Но надобно вспомнить, что это говоритъ чешскій поэтъ XIII столѣтія, эпохи преставовъ походовъ и апогея римскаго владычества. Если бы вторженіе татаръ въ Европу описывалъ въ XIII вѣкѣ поэтъ изъ западныхъ народовъ, то онъ едва ли рѣшился бы назвать русскихъ, наравнѣ съ своими единобратями, просто-на-просто христианами, ибо для западнаго человѣка того времени послѣдователи восточной церкви были — невѣрники, немогшимъ лучше язычникомъ.

Съ «Прологомъ» мы прощаемся съ самобитною славянскою поэзіею въ Чехіи и переходимъ въ періодъ подражанія. Подражательность проявляется и въ формѣ и въ содержаніи. Премованная строчка замѣняютъ народный славянскій стихъ, сюжеты средневѣковой западной литера-

туры, свѣтской и духовной, изгоняютъ родимы теми. Такова чешская литература XIV вѣка. Въ ней мы находимъ и мистеріи, въ родѣ тѣхъ, которые игрались тогда на западѣ, какъ «Мастичкары», т. е. провадежь мазей, и «Гробъ Божій», но безъ таланта перефразірованнаго на чешскій языкъ рыцарскіе романы въ стихахъ, какъ «Александріада», «Тристрамъ», «Тандаріасъ и Флорисбелла» и даже оригинальный романъ въ прозѣ — «Кладечецъ», легенды въ стихахъ и прозѣ, въ родѣ самая замѣчательная, жизнь св. Екатерины, принадлежатъ еще къ XIII столѣтію, басы, множество аллегорическихъ и нравочительныхъ стихотвореній. Вся эта довольно обширная литература представляется намъ теперь безжизненною и не имѣетъ уже интереса. Но не смотря на это подражаніе литературнымъ образцамъ современнаго запада, сознаніе славянскіи народности не умерло въ Чехіи; напротивъ того, оно закинуло еще сильнѣе подъ гнетомъ иностранныхъ вліаній; отпоръ вѣнецкому элементу сталъ входить въ число прямыхъ задачъ литературной дѣятельности. Въ первый разъ задачу эту поставилъ себѣ сознательно авторъ замѣчательнаго произведенія, которое стоитъ на порогѣ XIII и XIV вѣка. Это — хроника въ стихахъ, но недоразумѣно получившая названіе Далмицовой. Авторъ ея, настоящее имя котораго неизвѣстно, былъ чешскій рыцарь; онъ писалъ между 1282 и 1314 годами. До него лѣтописи писались въ Чехіи моинами на латинскомъ языкѣ; онъ рѣшился передать ихъ содержаніе по-чешски, дабы каждый могъ узнать прошлое своего народа и «прислужить своему языку», имѣя передъ глазами «честь своей земли и достъ ея неприятелей». Вся книга направлена противъ той губительной для славянства политики, которая застала послѣднихъ чешскихъ королей изъ Премисловъ династіи покровительствовать вѣнецкимъ колоніямъ, давать имъ привилегіи, вѣрять должности вѣнцамъ и тѣмъ воевать въ самихъ чехскъ охоту становившимъ вѣнцами. Намъ приведемъ выше известнѣйшій стихъ «Любуинна Судъ»: «нехально въ вѣнцахъ искать правды». Послушаемъ теперь, какъ авторъ хроники парафразируетъ ученіе чешской пророчицы:

«Если намъ владѣть будетъ чужеземецъ, то языкъ вашъ не долго продержится. Горько между чужими, а среди своихъ угнетится и скорбѣнціи. Чешское хоти и шершаво, однако не пѣйсяи чужеземцамъ, чешская голова. Скорбѣ змѣя со-

губрется на льду, тѣмъ вѣнецъ пожелаетъ чеху добра. Гдѣ народъ одинъ, тамъ онъ и славенъ!» Этого взгляда проводится черезъ всю книгу.

Такъ, между прочимъ, разсказавъ о королѣ Вацлавѣ II, что онъ дозволилъ панамъ творить насиліе и захватывать имѣнія сиротъ, авторъ выставляетъ, что Богъ, въ кару за этотъ грѣхъ, наслалъ на него помраченіе: «онъ сталъ пускаться въ свой совѣтъ вѣнцамъ и ихъ во всемъ держаться. То было явное знаменіе великаго Божьяго гнѣва, что умъ его одурѣлъ до такой степени, что онъ взылъ себѣ въ друзья враговъ». Кончающъ авторъ свою хронику событиями чешскимъ панамъ: «Совѣтуя вамъ, будьте себѣ на умѣ, не пускайте въ землю иностранцевъ. Если вы не будете въ этомъ рассудительны, то самъ топоръ обтешетъ себя топориче. Совѣтуя вамъ, если дѣло зайдетъ о выборѣ короля, не ходите сквозь лѣсъ за кривымъ деревомъ. Что я подъ этимъ разумію, самъ пойми: выбирай своего, не бери изъ чужого народа. Помни, чему тебя училъ Любуна, которая никогда не обманывалась въ своемъ словѣ.»

Что трудъ чешскаго автора достигалъ своей цѣли въ средѣ тогдашняго общества, тому лучшимъ доказательствомъ служатъ извлеченіе изъ его хроники, сдѣланное прозою въ 1437 году, подъ заглавіемъ: «Краткая выборка изъ чешскихъ хроникъ, въ предостереженіе вѣрныхъ чеховъ». Вотъ первая слова этой «выборки»: «Чехи должны тщательно стараться и всеустрѣно остерегаться, чтобы не попасть подъ управленіе чужого народа и особенно вѣнцаго; ибо, какъ доказываютъ чешскія лѣтописи, этотъ народъ назывѣннѣйшій въ нанесеніи ударовъ языку *) чешскому и славянскому. Со всевозможнымъ тщаніемъ онъ постоянно съ этою дѣлою работаетъ и всякими способами и хитростями старается о томъ, какъ бы уничтожить этотъ языкъ, употребляя къ тому всякія средства и козни» и т. д.

Во второй половинѣ XIV вѣка представитель чешской поэзіи является Смилъ Фляшка изъ Пардубица, одинъ изъ знатнѣйшихъ членовъ чешскаго дворянства (ум. 1403). Онъ былъ авторомъ разныхъ аллегорическихъ и нравочительныхъ стихотвореній. Этотъ родъ поэзіи, наименѣе поэтической изъ всѣхъ, кажется особенно соотвѣтствовать тогдашнему настроенію умовъ въ Чехіи. Въ то время началъ выдвигать-

ся церковный вопросъ, вскорѣ поглотившій всѣ умственныя и общественныя силы чешскаго народа. Предвѣстникомъ этой новой эпохи былъ Омаа Пцитный, замѣчательнѣйшій чешскій писатель XIV вѣка, оставившій обширныя сочиненія религиознаго и философскаго содержанія (родился около 1330, умеръ около 1400 года). Онъ первый рѣшился писать на народномъ языкѣ о богословскихъ и философскихъ предметахъ, которые до того времени, будучи излагаемы не иначе какъ по латини, оставались достояніемъ ученаго сословія. Подъ перомъ Пцитнаго чешскаго проза достигла съ перваго разу замѣчательной ясности и точности въ передачѣ отвлеченныхъ понатій, безъ насилія духу языка; въ этомъ отношеніи Пцитный можетъ считаться писателемъ образцовымъ. Нѣтъ сомнѣній, что его сочиненія, популярныя вопросы, въ ту пору более близкія живому человѣчеству, способствовали религиозному движенію, которое вслѣдъ затѣмъ охватило Чехію.

Движеніе это извѣстно подъ именемъ *гуситскаго*. Оно заключало въ себѣ и освобожденіе перки отъ оковъ Рима и политическую революцію, избавившую чешскую народность отъ преобладающаго германизма, постепенно, въ продолженіи XIII-го и XIV-го столѣтій, вассававшагося въ Чехію при особнн правительствѣ и аристократіи и грозившаго поглотить тамъ славянскую стихію, какъ это случилось въ сосѣдней Силезіи. Славянъ борьба, открытая на духовномъ полѣ Гусомъ, ознаменованная безпримирными побѣдами Жижки и Протопа надъ ополченіемъ всей католической Европы и завершонная блестящимъ царствованіемъ народнаго избранника Подѣбрада, потребовала отъ чешскаго народа напряженнаго силъ, умственныхъ и матеріальныхъ, каковъ едва ли приходилось испытать другой изъ еврейскихъ народовъ. Трудно характеризовать эпохоннымъ историческимъ слогомъ то настроеніе, которое овладѣло тогда чехами и одно могло дать имъ устоять противъ всего запада. Намъ нужно обратиться къ памятной той времени. Вотъ подлинныя слова изъ устава, принятаго чехами, которые, подъ предводительствомъ Жижки, оцелились на защиту своей страны и своей вѣры: «Милостію и щедротомъ Отца и Господа Бога всемогущаго укрѣвваю и пріять просвѣщеніе истины и непреложной правды и закона Божія . . . и будучи побуждаемы духомъ благимъ, зная и разумія, что всѣ вещи

*) Слово «языкъ» въ старинныхъ чешскихъ памятникахъ, какъ и у насъ, употреблялось въ смыслѣ «народности».

*) Это упоминаніе о Новгородѣ дало поводъ къ довольно странному толкованію. Защища «Крелеворскую Русописъ» отъ вѣнцкихъ придрокъ, въ ней ничего не предвѣднхъ, г. Гречекъ ставитъ въ настоящеемъ случаѣ слишкомъ далеко въ своемъ заперіи доказатъ ея историческую достоверность. Ею смутило то, что Новгородъ не былъ царствомъ и не былъ покоренъ татарами, и потому онъ съ усвоеніемъ указывать въ русской лѣтописи извѣстіе о взятіи татарами Новгородъ-Вольнскаго. «Вотъ, говоритъ онъ, тотъ Новгородъ, о которомъ упоминалъ сочинитель «Ярослава»: нашъ поэтъ вѣрнѣ исторической истины». Тутъ не принято во вниманіе только одно, что языческая поэма не есть дипломатическій документъ. Очевидно, что поэтъ слышалъ о покореніи Руси татарами; а Русь того времени, какъ ему было известно, состояла изъ двухъ главныхъ частей: Киевской и Новгородской. Вотъ онъ и говоритъ, что татары подчинили себѣ старый Кіевъ и Новгородъ пространный. Последнее выраженіе указываетъ прямо на то, что рѣчь идетъ о *всѣмъ* Новгородѣ, а не о такомъ ничтожномъ городѣ, какъ Новгородъ-Вольнскій. Поэтъ слышалъ несомненно этотъ титулъ: *великій* Новгородъ, и не будучи знакомъ съ подробностями отношеній русскихъ городовъ, полагъ его, какъ видно, въ матеріальномъ смыслѣ величій его окружности или его вѣдлнй. Оттого-то онъ и написалъ, съ тою точностью выражений, какою отличается эпическій языкъ древнихъ чешскихъ поэмъ — Новгородъ *пространный*.

мира его превосходящи и тлѣнны, но истина Господа Иисуса Христа, Бога всемогущаго, остается во вѣки: того ради мы, братъ Юаннъ Жижка отъ Чашы *) и прочіе гетманы, напы, рыцари, дворяне **, бургомистры, городскіе совѣтники и всѣ общины, панскія, рыцарскія, дворянскія и гербовскія, мм... называемые, помощію Божіею и общественною, за всѣе безпорядки карать, бити и наказывать, сѣчь, убивать, рубить, вѣшать, топить, жечь и мотить всякаго рода мутью, каковыя кары подобаютъ злымъ по закону Божіею, не изъема ни какого, какова бы сословія ни было, ни мужчины, ни женщины. И если мы будемъ соблюдать вышеннаишая спасительная правила, то Господь Богъ пособитъ намъ своею святою милостию и помощію. Ибо такъ надлежитъ дѣлать для Божьяго боя и жить добродѣтельно, по христіански, въ любви и страхѣ божіемъ, возлагаю упованіе на Бога и ожидая отъ него вѣчной награды. И мы просимъ насъ, любезныя общины во всѣхъ краяхъ, князья, пановъ, рыцарей, дворянъ, мѣщанъ, ремесленниковъ, работниковъ, посяляя и всякаго званія людей, а въ особенности вѣрныя чеховъ, принять нашъ уставъ и помочь намъ его исполнить. А мы за-то хотимъ стоять и мотить за васъ, ради Господа Бога и ради его святаго распятія, для освобожденія истинны закона Божьяго и ея возвеліченія, для пособленія вѣрныи силамъ святой церкви, въ особенности изъ народа чешскаго и славянскаго, и всего христіанства, и для уничтоженія еретиковъ, лицемѣровъ и развратниковъ, дабы Господь Богъ всемогущій соизволилъ дать намъ и намъ свою помощь и одолѣи надъ врагами своими и нашими и ратовать бы за насъ съ нами своею мощію и не лишитъ насъ своей святой милости. Аминъ.»

При такомъ настроеніи въ народѣ можетъ ли остаться мѣсто художественному творчеству, поэзии? Поэзія чешская въ гуситскій періодъ ограничивалась церковными гимнами и воинскими маршемъ. Иногда назлагались стихами богословскія

препія и историческіе эпизоды. Прозаическая литература получила большіе размѣры: Гусъ установилъ правила чешскаго правописанія и грамматикъ, по вся литература эта служила исключительно интересамъ для: проповѣди, масса сочиненій по богословской и юридической части, историческія записки, необходимыя для практическихъ дѣлей книги о военномъ строеѣ, о хирургіи и т. д., — вотъ главное ея содержаніе. Она имѣетъ высокое значеніе историческое, но никакого художественнаго. Важнѣйшіе чешскіе писатели этого времени были: Гусъ (особенно замѣчательны его письма), Янъ Прибрамъ, Янъ Рокитана, Петръ Хелчицкій (писатель богословскіе), Лаврентій Брезова (авторъ общирныхъ историческихъ сочиненій), Цтборъ Товачовскій и Викторинъ Корнелій Виегордъ (писатель юридическіе).

XVII столѣтіе называется обыкновенно «золотымъ вѣкомъ» чешской литературы. Если такое названіе заслуживается хорошимъ слогомъ и плодотворностью, то дѣйствительно этотъ періодъ можетъ быть названъ золотымъ вѣкомъ. Языкъ чешскій достигъ замѣчательной степени обработки; свободности, наступившее послѣ гуситскихъ буръ, дало допускъ заниматься литературой, а живой интересъ къ вопросамъ религіи и науки, завѣщанный эпохою борьбы, которая велась за свободу вѣры, устремлялъ вниманіе чешскихъ писателей на всѣ отрасли знанія, тому времени достигнуто. Но напряженіе силъ предельнаго порою являло истощило народъ чешскій: не смотря на досугъ, на высокую степень образованности, на ясное сознаніе народности, творчества въ немъ уже не было. Этотъ «золотой вѣкъ» Чехія не произвела ни одного памятника замѣчательнаго. Вся тогдашняя литература можетъ быть характеризована немногими словами: прекрасній языкъ, посредственность и скука.

Поэзія ограничивалась по прежнему переложеніемъ исавомъ, церковными гимнами и нѣскими дидактическаго содержанія. Лучшимъ стихотворцемъ этого времени признается Симеонъ Ломничій. Изъ прозаическихъ писателей называемъ главнѣйшихъ: Бартошъ и Сикстъ изъ Оттердорфа, оба авторы мемуаровъ, Вилчеславъ Гаельс, составитель чешской хроники, Юаннъ Благославъ, авторъ чешской драматикъ и исторіи секты чешскихъ братьевъ, Данилъ Велеславинъ, авторъ разныхъ историческихъ сочиненій, Матвій Гозусъ, переведшій на чешскій языкъ «Москов-

скую Хронику» Гвашипа, Христофъ Гарантъ изъ Полицы, описавшій свое путешествіе по святымъ мѣстамъ, Адамъ Залужанскій, авторъ сочиненій по естественнымъ наукамъ и медицинѣ.

XVII вѣкъ, при своемъ наступленіи, предвѣщать, казалось, чехамъ дальнѣйшее развитіе этой общій литературной и научной дѣятельностью эпохи. Выдвинулись тогда писатели, какъ Карлъ Жерстинъ и Амосъ Коменскій, которые, по глубинѣ ума, а послѣдній и по поэтическому таланту, принимали лучшихъ представителей такъ называемаго «золотого вѣка». Вартъ все это оборвалось. Слишкомъ истощенный борьбою гуситской эпохи, чешскій народъ не въ силахъ былъ вновь сопротивляться нахлынушему на него ополченію западной Европы. Одна програнная битва (1620 г.) рѣшила теперь его судьбу. Онъ отдался побѣдителю, и этотъ побѣдитель — австріецъ — сдѣлался палачемъ. Мало было казни переходныхъ людей Чехія; мало было религиознаго напастія, заставляющаго высылаться за границу цѣлую третъ ея населенія; мало было систематическаго опустошенія чешской земли; побѣдитель захотѣлъ лишитъ ее даже воспоминанія своей прежней жизни, даже возможности возрожденія. Началось несмысленное въ христіанскомъ мірѣ, сознательное и систематическое истребленіе цѣлой народности. Руководителями дѣла были иезуиты, исполнителями — австріецкіе солдаты и полицаи. Вотъ свидѣтельство чловека, который принадлежалъ самъ къ иезуитскому ордену (Вальбина): «Было время, когда и былъ ребенокъ, вскорѣ послѣ бѣгогорской побѣды, когда *въ и осеню рода книгъ*, писанныи на чешскомъ языкѣ, по этому одному признавались за еретическія и сочиненія еретиковъ, а потому оны безъ всякаго разбора, были ии то книги хорошия или дурныя, полевныя или безполезныя, отыскивались для преданія пламени. Выгнанныя изъ угловъ въ домахъ или вырванныя изъ рукъ, книги эти раздирались и бросались въ кюстры, въ разныхъ мѣстахъ устроеныи (какъ, между прочимъ, я помню, что это было сдѣлано въ Прагѣ на площади). Хлную усердіе къ религіи; но не безъ мѣры. Между тѣмъ извѣстно, какъ передавали мнѣ самые участивші дѣла, что почти всегда книги бросались въ огонь даже безъ того, чтобы въ нихъ заглянули. Такую же заботу прилагали и валлонскіе солдаты, въ особенности тѣ, которые состояли подъ начальствомъ Вукоца, чтобы жечь всѣ книги, какия попадались имъ въ Богемію.

Приведу эти слова иезуита, Добровскій (калолическій аббатъ) прибавляетъ: «Что бы казали Вальбинъ, если бы онъ видѣлъ тѣ неимущества, которыя творили его товарищи по ордену съ чешскими книгами послѣ его смерти! *Индексы* (списки осужденныхъ на истребленіе книгъ) 1729 и 1749 году, равно какъ пражскій индексъ 1767 года, суть краснорѣчивыя доказательства того, превосходящія всякое воображеніе, невѣжества инквизиторовъ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ старавшихся, хотя безплодно, задунитъ въ Чехію здравый чловѣчскій разумъ».

Это продолжалось даже послѣ уничтоженія ордена иезуитовъ (упраздненаго въ 1773 году). Еще въ 1780 году жандармы отыскивали по всѣмъ краямъ Богеміи чешскія книги и продавали истребленію.

Въ продолженіе этихъ ужасныхъ 160 лѣтъ никакая умственная дѣятельность на чешскомъ языкѣ не была, разумеется, возможна. Чешскіе иезуиты прежняго времени, пережившіе бѣдогорскую битву и успѣвше счастіемъ за границу, продолжали, болѣе изъ патриотизма, чѣмъ для практической пользы своихъ соотечественниковъ, писать и печатать книги по-чешски, но по неволѣ прибѣгали чаще къ языку латинскому, на которомъ ихъ могла выслушивать Европа. Когда же умеръ послѣдній изъ этихъ писателей-эмигрантовъ, Коменскій (онъ скончался въ 1671 году), то немому было смѣнить это поколѣніе, такъ какъ въ самой Чехіи умственная жизнь была убита. Убитою казалась и самая народность чешская. Массы нѣмецкихъ колонистовъ заняли опустошенную и покинутую туземцами страну. Конфискованная у чеховъ-протестантовъ имѣнія были розданы нѣмцамъ и разнымъ иностранцамъ, служившимъ при австріецкомъ дворѣ. Чешскій языкъ пахъ на степень мужицкаго просторбчія. Когда, въ XVIII вѣкѣ, вновь пробудился въ Богеміи умственный интересъ, органомъ ихъ стала языкъ нѣмецкій; во второй половинѣ прошлаго столѣтія Прага считалась однимъ изъ центровъ *нѣмецкой* интеллигенціи. Въ то же время ядъ законодательныхъ мѣръ, принятыхъ между 1770 и 1780 годами, окончательно изгналъ чешскій языкъ изъ присутственныхъ мѣстъ и училищъ; безъ знанія нѣмецкаго языка нельзя было поступитъ даже въ ремесленнй цехъ. Средства, принятыя тогда противъ чешскаго языка, были, по замѣчанію современника Пельцеля, почти тѣ же, какия употреблены были послѣ бѣгогорской

*) Въ Чехіи существовалъ обычай принимать дворянскій титулъ съ частію «въ», соответствующую нѣмецкому *von*. Жижка замѣнилъ свой титулъ «въ Прочнова», титуломъ «въ Кааху», такъ-какъ чаша для причащенія была символомъ государства.

**) *Паны* въ Чехіи означали членовъ высшей аристократіи, магнатовъ; нѣмецкіе дворяне назывались: *пановици*; мы переводимъ это названіе словомъ — *дворяне*.

битвы для обращения чехов-протестантов в католицизм, и которая действительно привела к тому, что в 50 летъ вся Богемия сдвизалась католическою. Изъ сего, прибавляетъ этотъ авторъ (должно замѣтить, что Пельцель былъ чехо-патриотъ), можно съ вѣрностью заключить, что современнѣе Богемія въ отношеніи къ языку будетъ находиться въ томъ же положеніи, въ какомъ находится нынѣ Саксонія, Бранденбургія и Силезія, гдѣ въ настоящее время господствуетъ исключительно нѣмецкій языкъ и гдѣ отъ славянскаго языка ничего другого не осталось, какъ названія городовъ, деревень и рѣкъ.»

Пельцель писалъ это въ 1790 году. Трудно опредѣлить причины, по которымъ его пророчество не сбылось. Кажется, чешская народность обидана этимъ предшествовавшему гуситскому движенію и ужасу катастрофы, его завершившей. Все, что прошедшее Чехія имѣла благороднаго и славнаго, было въ ней связано съ славянскими именами; нѣя нѣмецкое въ ея исторіи являлось символомъ обскурантизма и самой страшной тирании. Понятно, что все, сколько-нибудь свободомысленное и даровитое, переходило на сторону чешской народности, какъ только она обнаруживала вновь признаки жизни. Этимъ объясняется, какимъ образомъ нѣмецкій элементъ, опираясь на всѣ силы правительства, администраціи и школы и располагая цѣлою массою природного германскаго населенія, въ короткое время уступилъ въ Чехіи, передъ горетію литераторовъ и ученыхъ, всѣ позиціи, завоеванныя полуторавѣковой политикою Австріи.

Три года послѣ того, какъ австрійскіе жандармы вновь обшивали сеа, чтобы жечь чешскія книги, именно въ 1783 году Карль-Генрихъ Тамъ напечаталъ «Оборону чешскаго языка» (Обранаazyka czechsko), и въ томъ же году другой чешскій патриотъ, Алоизій Ганке, издалъ въ Брѣнѣ (Брюннѣ) въ Моравіи по-нѣмецки книгу, въ которой онъ убѣждалъ держаться роднаго языка (Empfehlung des böhmischen Sprache). Это были первые нѣстники возрожденія. Въсрѣ потомъ (1785) составилось въ Прагѣ общество молодыхъ людей, которые давали театральныя представленія по-чешски. Этимъ чешскій языкъ впервые заявилъ о своихъ правахъ на существованіе въ образованномъ кругу и приобрѣлъ нѣкоторую популярность. Тогда же началась дѣятельность Прохазки, предпринявшаго изданіе лучшихъ произведеній прежней литературы чешской, изслѣ-

дователя чешской старина Пельцеля, Крамеріуса, который въ 1785 году основалъ чешскую газету и въ теченіе 20 лѣтъ печаталъ 84 сочиненія на чешскомъ языкѣ, и наконецъ знаменитаго Добровскаго (род. 1753, ум. 1829).

Добровскій былъ по преимуществу учоній. Онъ писалъ свои сочиненія частью по-латыни, частью по-нѣмецки; онъ даже не вѣрилъ въ возможность возрожденія чешскаго языка и народности. Тѣмъ не менѣе, къ нему всего вѣрнѣе относятся слова нашего поэта, когда онъ говоритъ:

«Вотъ, среди сей ночи темной,
Здѣсь, на Пражскихъ высотахъ
Доблй мужъ рукою скромною
Засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ.
О, какими вѣдутъ лучами
Озарилъ всѣ края!
Обнажилъ передъ нами
Вся славянская земля!»

Значеніе Добровскаго дѣйствительно то, что онъ «засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ». Онъ опредѣлилъ законы чешскаго языка, возстановилъ его исторію и первымъ научнымъ образомъ уяснилъ связь всѣхъ славянскихъ племенъ и нарѣчій. Успѣхъ на дѣлѣ превзошелъ ожиданія Добровскаго. Подъ конецъ своей жизни онъ увѣровалъ въ будущность чешской народности и началъ самъ писать по-чешски.

Въ 1790 году умеръ императоръ Іосифъ II, котораго, съ голоса нѣмцевъ, и мы привыкли прозывать какъ одну изъ свѣтлыхъ историческихъ личностей и который дѣйствительно заслужилъ признательность своихъ подданныхъ нѣкоторыми благородными мѣрами (облегченіемъ участи крѣпостныхъ крестьянъ и ослабленіемъ деспотизма римско-католической церкви), но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ярнй врагъ славянства и велъ къ систематическому истребленію всего славянскаго въ Австріи. Какъ только его не стало, чина чешскаго королевства обратились къ его преемнику съ просьбою допустить вновь преподаваніе на чешскомъ языкѣ въ училищахъ Богеміи. Правительство отвѣчало на это разрѣшеніемъ учредить въ Пражскомъ университетѣ одну каедру чешскаго языка и словесности. Тогда явились люди, которые начали обучать чешскому языку безвозмездно въ гимназіяхъ и семинаріяхъ. Вотъ фактъ, который неоспоримо, казая преданность дѣлу уже въ то время оудивляла сторонниковъ славянской народности въ Чехіи.

Вслѣдъ за первыми дѣятелями возрожденія, имена которыхъ мы назвали выше, выступили Шнейдеръ, Пухмайеръ, два брата Нейдме, Гибъковскій, Полакъ и безсметный списокъ заслугами Юнгманъ. Они стали отоживаться уже въ область поэзіи; Шнейдеръ бросилъ писать нѣмецкіе стихи, доставившіе ему нѣкоторую извѣстность, и началъ писать чешскія стихотворенія; но преобладающій характеръ литературы оставался учоній. Нужно было, такъ сказать, отгнать славянскую народность въ Чехіи изъ-подъ трудн развалинъ и возстановить передъ пробуждавшимся въ народѣ сознаніемъ картину его прошлаго. Много способствовало этому дѣлу учрежденіе, въ 1818 году, по иниціативѣ графа Коловрата, Чешскаго Музея, при которомъ возникло учоное общество, началъ издаваться учоно-литературный журналъ, а въ 1830 году уредился Матина, то-есть общество для изданія полезнхъ чешскихъ книгъ. Общественное на чешскую старину вниманіе повело къ открытію многихъ замѣчательныхъ памятниковъ, которые въ свою очередь дѣйствовали живоительно на общество, почти забывшее языкъ и дѣла своихъ предковъ.

Этотъ періодъ научной по преимуществу работы обнимаетъ время до 1848 года. Умственная жизнь Чехіи сосредоточивалась около учонихъ, какъ Юнгманъ, который въ громаднхъ образцовыхъ словаряхъ собралъ всѣ литературныя богатства чешскаго языка, Ганка, открывшій «Кралдовскую Рукопись» и изданный множествомъ памѣтниковъ, Шафарикъ, творецъ славянскихъ древностей, Палацкий, возсоздавшій исторію чешскаго народа. Къ этимъ именамъ нужно присоединить Челковскаго, Эрбена, Воцеля, Томка и др. По недостаточности было восстановить прошлое чешскаго народа; нужно было уяснить ему его связь съ великимъ славянскимъ міромъ: ибо безъ этой связи тотъ значилъ бы горсть чеховъ въ центріи западной Европы! Эта идея возникла и въ людяхъ прежняго поколѣнія. Добровскій изучалъ церковно-славянскій языкъ и сравнивалъ славянскія нарѣчія; поэтъ Пухмайеръ сочинилъ русскую грамматику для чеховъ. Съ двадцатыхъ годовъ та же идея проникаетъ во всю литературу чешскую. Ее первый провозгласилъ Колларъ въ восторженной поэмѣ своей «Дочь Славья», и потомъ развилъ въ сочиненіи «О литературной взаимности между племенами и нарѣчьями славянскаго народа» (1837). Таже идея оудивляла общественную дѣятельность и учонныя изданія Ганки; она выразилась

наукообразно въ «Славянскихъ Древностяхъ» и «Славянской Народописи» Шафарика, въ «Сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій» Челковскаго, въ его «Отголоскахъ славянскихъ ивнень» и т. д.; словомъ, она не была чужда ни одному изъ чешскихъ писателей этой времени.

Другая отличительная черта этой эпохи заключалась въ крайнемъ разнообразіи работъ тогдашнихъ чешскихъ писателей. Людей было мало, дѣла была громадная и всѣмъ общія, и потому никто не посвящалъ себя исключительно тому или другому роду литературы, а переходилъ отъ одного къ другому, для пользы общаго дѣла. Юнгманъ переводилъ «Потерянный Рай» Мильтона и составлялъ учонійскій словарь; учоніе по призванію, какъ Ганка, Шафарикъ, Палацкий, писалъ лирические стихи; поэты въ духѣ, какъ Колларъ и Челковскій, трудились надъ древностями и филологіею, Эрбенъ писалъ баллады и издавалъ юридическіе документы, Воцель соизлагалъ энциклопедическіе поэмы и разрабатывалъ археологію.

Возрожденіе чешской мысли шло съ такимъ успѣхомъ, что въ 30-тихъ и 40-ныхъ годахъ за этими первостепенными водами шла уже цѣлая группа литераторовъ. То были поэты: Хмѣленскій, Лангеръ, Кубекъ, Камаритъ, Винарничій, а изъ младшихъ Маха, Яблонскій, Рубецъ, Небескій, Виланы, Штувалькъ, Фуркъ; драматурги: Кашиера, Тылъ, Милковецъ и др.; авторы романовъ и повѣстей: тотъ же Тылъ, Хоходушекъ, Марекъ, Сабина, Жозепа Пѣшкова и т. д. Ихъ оудивляло одно стремленіе — будить въ чешскомъ народѣ самосознаніе и славянское чувство. Вся эта литература не произвела, правда, ни одного первокласснаго художественнаго творенія; но она принесла огромную практическую пользу. Замѣчательно, что единственный изъ всѣхъ названныхъ нами поэтовъ, котораго произведенія не служили общей патриотической цѣли, а имѣли чисто субъективный характеръ, Маха, вовсе не цѣнилъ свои современниками, не смотря на то, что художественными достоинствами превышалъ многихъ популярнѣйшихъ тогда поэтовъ.

1848 годъ обнаружилъ, что успія труженниковъ науки и литературныхъ дѣателей были не безплодны. Чешскій народъ поднялъ голову и попрековалъ возрпанія принадлежащихъ ему правъ; онъ гласно заявилъ свою солидарность съ славянскимъ міромъ. Бомбардированіе Праги

(12 июля 1848) и осадное положение, провозглашенное австрийским правительством, придушили на время этот голос — и наступило десятилетие тяжелого полицейского гнета. Политическая литература, которую создали было Гавличек, замолкла с его ссылкой в тирольскую крепость; его поэтически произведения, отличавшиеся необыкновенным остроумием, оставались неизданными; замолкла и слово Ригера, открывавшее чешскому языку поле политического красноречия. Но работа продолжалась, приняв несколько другое направление. Вместо создания ученых работ, на первый план выступила популяризация знания. Младшее поколение произвело также замечательных ученых: Иреча, Гануша, Гатталу, Вертято и других; но это не такие крупные дигатели науки, как люди прежнего времени, Юнгман, Шафарик, Палацкий. Даже в поэзии и беллетристике мы находим меньше выдающихся имен; можем назвать Шлагера, Галека, Юсифа Эрбена, Каролину Свйтлу, переводчика Пушкина Бендла и др. Главное же содержание литературы составляет масса работ для передачи чешскому народу результатов, достигнутых во всех отраслях знания. Продолжал самостоятельную разработку вопросы, касающихся непосредственно чешского края и отчасти всего славянского мира, чешские писатели в последние двадцатилетия поставили себе, казалось бы, задачей — освободить чешский народ от подчиненности немцам в умственном отношении. И они этого достигли. В настоящее время немецкий язык перестал быть необходимым чеху, как образовательное средство; ему уже нужен столько же, сколько иностранные языки нужны нам русским, т. е. для высшего, так-называемого университетского образования; но чех может в настоящее время, не зная ни слова ни на каком другом языке, кроме чешского, получить общее образование по всем предметам. Он имеет по-чешки всеобщую и австрийскую историю в книгах Томка и Сметана, всеобщую географию в изданиях Зана и Палацкого (сына), логику Марекса, зоологию и ботанику Пресла, физику и астрономию

Сметана, минералогию и геологию Крейчаго, химию Войтха Шафарина, механику Майера, политическую экономию в различных сочинениях Ригера, действующие в Австрии законы в изданиях Шембергера и т. д. Он имеет специальные чешские журналы: «Живу» по части естественных наук, основанную знаменитым Пуркине, который в ней популяризовал свои исследования, «Правник» журнал юридический, журналы: сельско-хозяйственный, педагогический, медицинский и др. Чех может прочесть на своем языке в прекрасных переводах лучших классиков древности, Шекспира и не мало других великих писателей. Наконец у него есть по-чешски превосходный энциклопедический словарь, издаваемый Ригером и почти уже оконченный. Умственная зависимость чешского народа налагающая господство немецкого языка держится теперь только принуждением.

Результаты у нас перед глазами. Чешская народность, которую 50 лет тому назад лучшей ее представитель, Добровский, считал умершею, стала политическою силою, с которою начинают считаться, а во временах восторженности будут считаться гораздо больше.

Палацкий сказал в одном из своих сочинений, что «славянский народ в Восток, не смотря на свою малочисленность, по-крайней-мере один раз в продолжение своей истории получил, подобно голландцам и шведам, значение *всемирное*». Палацкий разумеет эпоху Гуса. Вытекает-же, когда-нибудь скажут, что и литература чешская, при всей тесноте ее круга, совершила дело всемирно-исторического значения. Она воскресла для славянского в средние западной Европы. Значение этого события едва ли подожги оценит нашего времени; но, во всяком случае, дело, совершаемое чешскою литературою, причислится к тем, против всякого чаяния и восторжительно одержавшим, победою духа над материальною силою, которая облагораживает человеческую природу и о которых съотрадою вспоминает история.

А. ГИЛЬФЕРДИНГЪ.

ЧЕШСКИЕ ПОЭТЫ.

I. ГУСЬ.

Иоанн Гусь, великий провозвестник нового учения, названного его именем, родился 24-го июля (6-го июля) 1369 года в местечке Гуснице, в Чехии. Воспитавшись он в Пражском университете, где в 1393 году окончил курс, в 1396 — получил степень магистра, через два года назначен профессором богословия и философии и, наконец, в 1402 году избран ректором и проповедником при Вилемской часовне. Последняя должность доставила ему влияние на народ, который слушал его проповеди так же охотно, как и студенты. Когда великий раскол (shisma) стал распространяться по западной Европе, Гусь энергически встал против заблудшей папы, особенно против индальцев, продававших за это время в Чехии. Вслед за тем он стал опровергать многие обряды католической церкви, паявая их несогласными с духом христианского учения. Папа Александр V потребовал Гуса в Рим, но он не явился туда. Затем, соединившись с Иеронимом Пражским, он еще красноречивее вооружился против папской власти, за что был предан сначала проклятию, а в 1414 году потребован на Констанский Собор. Заручившись императорскою охранною грамотой и общающимся папы Иоанна XXIII, Гусь прибыл в Констанцию, где был вскоре арестован и заключен в тюрьму, в которой просидел слишком шесть месяцев. Наконец, в публикованном заседании Собора, 6 июня 1415 года, он

был осужден как еретик и присужден к смерти на костер.

В назначенный день Гусь был выведен из тюрьмы в ожидавшей его процессии, и, выйдя с ней, двинулся за город. Дожидая до места казни, где уже был воздвигнут костер, Гусь наль ниц и, подняв глаза и руки к небу, среди торжественной тишины стал молиться. Затем, успокоенный молитвою, сказал несколько раз: «Господи! в руки Твои предаю дух мой!» и, обращаясь к предстоящим, просил их убийственно не считать его еретиком, не вверять его обвинителям. Народ волновался. «Мы не знаем, в чем ты виновен», раздавался голос: «знаем только, что он молится, что он говорит как истинный праведный». Иные предлагали ему исповядаться, в надежде, что убеждения духовника побудят его к отречению и спасут его от мучительной смерти. Гусь с радостью согласился на предложение народа; но когда призванный священник объявил ему, что он согласен исповядаться и причастить его только под условием его отречения, то Гусь сказал, что не имеет особенной нужды в словесах, потому что не знает за собой ни одного смертного греха. Он хотел говорить по этому случаю с народом, но речи эти оказались опасными католикам — и папачи получили приказание присутствовать в казни. Они подняли Гуса, все еще стоявшего на коленях. «Господи Иисусе Христе!» воскликнул он, вставая: «я смиренно переношу за Тебя страшную смерть; молюсь

Тебѣ: отпусти врагамъ моихъ согрѣшенія ихъ!»
Получивъ позволеніе говорить со страхомъ, онъ благодарилъ ее за ласковое съ нимъ обхожденіе и объявлял, что надѣется царствовать съ Иисусомъ Христомъ, пострадавъ за Евангеліе. По окончаніи этой рѣчи, началъ снѣть съ него платѣ и, скрутивъ руки назадъ, привязавъ морскими веревками къ столбу, глубоко вбитому въ землю. Заключивъ, что лицо его обращено на востокъ, служители казни наняли его неприличнымъ для еретика и поворотили его на западъ. Когда зажгли костеръ, Гусъ запылъ громкимъ голосомъ: «Христе, Сыне Бога живаго, помилуй мя грѣшнаго!» Когда онъ въ третій разъ началъ ту же молитву, огонь, раздуваемый вѣтромъ, заглушилъ его голосъ; но онъ еще двигался въ облакахъ дыма и пламени столько времени, сколько нужно для трехкратнаго чтенія молитвы Господней. Когда тѣло сгорѣло до тла, собрали остатки костра, положили ихъ въ телегу, вмѣстѣ съ золой и пепломъ, и бросили въ Рейнъ, чтобы ученики его не воздали имъ покаянія. Но вѣрные чехи стрѣбили священную для нихъ землю, напоенную кровью мученика, и съ благоговѣніемъ отвезли ее въ Прагу, въ Вышеемскую церковь.

Такъ погибъ, на 46 году отъ рожденія, великій проповѣдникъ чешскаго народа въ XV вѣкѣ. «Онъ шолъ на смерть, какъ на веселій пиръ», говоритъ о немъ суровый католикъ, Фней Сильный: «ни одинъ вздохъ не вылетѣлъ изъ груди его; никуда не обнаружилъ онъ ни малѣйшаго признака слабости. Среди пламени, онъ до послѣдняго издыханія возносилъ молитву къ Отцу».

Большая часть чешскихъ сочиненій Гуса стоятъ въ бодрѣ или менѣе близкомъ отношеніи къ его реформѣ, отчасти посвященна объясненію св. писаній, отчасти политически по разнымъ вопросамъ реформы, отчасти нравоучительна. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: «Послѣдніе, или объясненія на недѣльныя евангелія», «Десять пунктовъ или кусковъ золота», «Зерцало грѣшнаго человѣка», «Ученіе о тайной вечери», «Тройная вервь» и другія. Изъ ученыхъ трудовъ Гуса заслуживаетъ вниманія «Чешское нравословіе». Затѣмъ, важнымъ памятникомъ его литературной дѣятельности и пропаганды остались многочисленные письма, изъ которыхъ особенно извѣстны его посланія къ друзьямъ, писанія изъ констанцской тюрьмы. Наконецъ,

Гусъ былъ авторомъ «Духовныхъ Пѣсень», полюбившихъ начало гуситской народной поэзіи, которая значительно развилась въслѣдствіи.

Г И М Н Ъ.

Господи Иисусе, Царю милосердый,
Со Отцемъ и съ Духомъ нашъ единый Боже!
Твое милосерде — наше достоянне,
По Твоей щедротѣ.

Жить еси Ты въ мірѣ и за насъ, за грѣшныхъ,
Потерѣвъ гоненя, Иудю предавъ,
Принявъ муки, рѣшитъ за вся христіани,
По Твоей щедротѣ.

Господа Иисуса доброта и милосость
Къ намъ, къ многогрѣшнымъ, велика, чрезвѣрна;
Безконечно, Боже, насъ ты награждаешъ,
По Своей щедротѣ!

Далъ еси кровь тѣла за спасеніе міра,
Пить ее велѣлъ намъ, чтобы души наши
Отъ гесны адской и отъ мукъ избавить,
По Твоей щедротѣ.

Господи, во всемъ Ты милосостивъ къ намъ грѣшнымъ,
Многими дарами насъ Ты оснашаешъ,
Насъ къ Себѣ вознесъ Ты въ высоты Сионаси,
По Своей щедротѣ.

Мы Тобой причастны вѣчному спасенію,
Ибо жизнь за насъ Ты, милосердый, отдалъ,
Смертію Своею нашу смерть поправши,
По Своей щедротѣ.

Воиистину, Боже, многуо цѣноу
Испунилъ насъ, грѣшныхъ, смерть за насъ пріявши;
Отче, Своими дѣтямъ послужи Ты вѣрно,
По Своей щедротѣ.

Милости Господни къ намъ нестоимымъ;
Горе, кто забудетъ о Тебѣ, Иисусе,
И въ иномъ спасеніе обрѣсти помыслимъ,
По Своей снѣботѣ.

Братья христіане! отъ всякихъ свершири
Да очистимъ духъ Свой и познаемъ благо,
Данное намъ Богомъ, притчемъ къ Иисусу
И къ Его щедротѣ!

Мучениче Спасе, Господи Иисусе!
Ради насъ пріявши смерть, позоръ и муки!
Будь къ намъ, многогрѣшнымъ, милосостивъ во-вѣки,
По Своей щедротѣ!

Братья христіане, да поѣмъ и славимъ
Господа Иисуса, смерть за насъ пріявши:
Вѣяное спасеніе чрезъ Него получимъ,
По Его щедротѣ.

Всякаго избавить насъ Онъ искушеня,
Надѣлитъ въ избѣгѣ всѣмъ благимъ и добрымъ
И сподобитъ грѣшныхъ въ животь внити вѣчный,
По Своей щедротѣ.

Нифѣ мнѣ и присно Господа да славимъ,
И Отца, и Сына, и Святаго Духа,
Троицу Святую и единосущю,
По той же щедротѣ!

Какъ была отвѣка, такъ да будетъ присно
Славима и чтима Троица Святая
Нами, безъ богазньи и безъ всякой скорби,
По той же щедротѣ!

Н. ВЕРГЪ.

С. ЛОМНИЦКІЙ.

Симонъ Ломницкій изъ Будча родился въ 1552 году въ Ломницѣ, въ Чехіи. Окончивъ ученіе въ католическихъ школахъ, онъ въ 1580 году выступилъ на литературное поприщѣ изданіемъ «Евангеліескихъ Пѣсень», въ слѣдствіе чего снискалъ себѣ покровительство католической аристократіи Чехіи, доставившей ему обезпеченное существованіе. Его сочиненія довольно многочисленны и носятъ на себѣ дидактическій и богословскій характеръ того времени. Между прочимъ, онъ издалъ: «Поученіе молодому хозяину», «Пренія между священникомъ и свѣтскимъ человѣкомъ», «Стрѣла Кундинова» и многія другія сочиненія. Во время возстанія въ Чехіи, которыми открылась тридцатилѣтняя война, онъ сначала присоединился-было къ народной партіи, по точасѣ послѣ битвы подъ Вѣлоу Горю перешолъ на сторону торжествующаго католицизма и написалъ ругательное сочиненіе противъ казенныхъ австрійцами чешскихъ вождей. Тѣмъ же

менѣе, онъ зналъ въ ничету. Въ 1622 году Ломницкій написалъ «Жалобную пѣсню о гибели и разореніи Земли Чешской» и нѣсколько другихъ произведеній въ томъ же горькомъ тонѣ. Годъ его смерти неизвѣстенъ.

МУДРОСТЬ.

Въ обыкновеніе вошло
Считать, что мудрость — ремесло,
Что всякій, кто лишь ни захочетъ,
Въ тою она сейчасъ и вложитъ.
На самомъ дѣлѣ то не такъ
И научиться ей никакъ
Нельзя въ гимназій или въ школахъ;
Еще не слыחנו похвалъ,
Что люди только глѣ умны,
Что были въ школахъ учени;
Напротивъ, намъ видѣтъ случалось,
Что тѣма ученыхъ заблуждалась,
Изъ просто-на-просто въ просакъ
Умѣна попадать — да какъ!
Какъ неучонимъ не случитю.
Нѣтъ, мудрости не научиться
Въ гимназій изъ разныхъ книгъ!
Кто думать иначѣ привыкъ,
Тотъ ошибается жестоко:
Между людьми, по волѣ рока,
Еще до школы она жила —
И школы людямъ создала;
Но не онѣ, да и не годы
Ее даютъ: нѣтъ! даръ природы
Она въ семь мірѣ, даръ боговъ,
Дражайшій всѣмъ имъхъ даровъ.
А кто лишь фоліанты ростъ —
Ея во-вѣки не откроетъ,
Коль съ нимъ она не родилась.
По для чего же учатъ насъ?
Снизыла книгами обложатъ?
Затѣмъ, что въ насъ онѣ умножатъ
Дары природы, разовьютъ
Нашъ умъ и бещетъ ему дадутъ,
Какъ грань искуснаго алмазу.
Видѣть образованнаго сразу,
Безъ книгъ, безъ всякаго труда,
Нельзя намъ тоже никогда;
Но должно всѣмъ имѣть терпѣнью
Умъвъ возвышенныхъ твореня
Узнавъ, извѣдавъ, изучивъ
И словно нѣкій даръ хранитъ
Для отдаленныхъ поколѣній.

Что по себѣ оставил гений —
Высокій, имъ свершонный трудъ
Есть лучшей мудрости сосудъ,
И кто оттолкъ черпать любитъ,
Природный даръ свой усугубитъ
И будетъ, при закатѣ дней,
И опитѣе, и умнѣй.

Н. Бергъ.

К. С. ШНЕЙДЕРЪ.

Карлъ Судимиръ Шнейдеръ, сынъ бургомистра города Кралева-Града (Кенигсгрца), родился въ 1766 году, учился сперва въ Чехи, а потомъ въ вѣнецкихъ университетахъ. Его специальность составляли классическія языки и юридическія науки. Начавъ службу на судебномъ поприщѣ, онъ въ 1803 году перешолъ на должность профессора эстетики и классической филологіи въ Пражскомъ университетѣ. Однако онъ не долго занималъ эту каедрю и снова перешолъ въ дѣятельности адвоката и управлялъ имѣніями знатнѣйшихъ членовъ чешской аристократіи. Въ 1805 году онъ напечаталъ собраніе своихъ стихотвореній на вѣнецкомъ языкѣ, но впоследствии началъ писать по-чешски. Несмотря на то, что онъ самъ сознавалъ, что слишкомъ поздно обратился отъ вѣнецкаго языка къ родному чешскому, онъ все-таки сдѣлалъ однимъ изъ популярнѣйшихъ чешскихъ поэтовъ. Его произведенія отличаются простотою и юморомъ. Лучшимъ изъ его произведеній считаютъ: «Пустынный», «Цыганка» и народная баллада «Янъ за борозу собаку данъ». Собраніе его стихотвореній издано въ 1823 и 1830 годахъ. Последніе годы своей жизни провелъ онъ въ званіи управляющаго. Шнейдеръ умеръ въ 1835 году.

Л Е Б Е Д Ъ.

Тянетъ лебедь отъ Дуная
Въ сторону Карпатъ;
Брыля арфой Зола
У него шумятъ.

Тянетъ къ озеру, гдѣ буи
Густо разрослись;
Съ высоты недоступной
Опустился внизъ.

Опустившись, оглянулся
Три раза вокругъ:
Невидать въ озерномъ плѣсѣ
Дорожикъ подругѣ!

И заплѣть потомъ онъ пѣсно
Грустно-таково,
И умоляющъ — и не стало
Лебеда того.

Такъ пѣвецъ порою вѣщій,
На закатѣ дней,
Половъ грусти, растается
Съ лукою своей;

Вседержатель вселенной
Гимнъ поетъ святой —
И на небо улетаетъ
Чистою душой.

Н. Бергъ.

В. СТАХЪ.

Вачеславъ Стахъ родился въ 1768 году. Вступивъ въ духовное званіе, онъ получилъ мѣсто профессора семинаріи въ Градичѣ (въ Моравіи), находившейся подъ руководствомъ знаменитаго Добровскаго, откуда, по уничтоженіи семинаріи, былъ перемѣненъ преподавателемъ пастырскаго богословія въ Оломуцъ (Ольмюцъ); затѣмъ, вышедъ въ отставку и поселился въ Внѣ, въ которой прожилъ до смерти, послѣдовавшей въ 1836 году. Онъ вступилъ очень рано въ рѣдкіе еще въ то время ряды чешскихъ писателей, именно — въ 1785 году, т. е. имѣя всего семнадцать лѣтъ. Большая часть его трудовъ — переводы изъ стиховъ и прозъ; что же касается его оригинальныхъ стихотвореній, то они были изданы имъ въ 1805 году отдѣльной книжкой и имѣли значительный успѣхъ.

i.

M U 3 Ѣ.

Услышъ мою, о муза, ты молитву:
Не дай въ меня страстямъ проникнуть низкимъ,
Но дай мнѣ мощъ спасти языкъ отъчизны
Отъ ренегата!

Я не хочу браться съ нимъ и зваться,
И быть, какъ онъ, отечества позоромъ,
Измѣнникомъ, презрѣвшимъ славу нашу —
Народа славу!

Отъ племени онъ своего отрекся,
Худу на рѣчь родную изрываетъ,
Чтобъ добытьъ ласкового слова
И мзды отъ вѣнцевъ.

Карай его ты праведною карой:
Когда начнетъ измѣннически лгать онъ —
Сибѣйшій ему ты мысли, посмѣянемъ
Народу сдѣлай!

Хвастливый путь! Пусть тамъ, гдѣ гордо хвасталъ,
Непоняръ изобличатъ въ немъ люди,
Изъ чучело подъ перьями павлина —
И въ мракъ прогонятъ.

А ты, пѣвцовъ наставница благая,
Ты просѣй уми питомцевъ юныхъ,
Да вышугутъ сердце въ сладостные звуки
Родимыхъ пѣсень!

Н. Бергъ.

ii.

ЧЕСТЬ МОЯ.

О, мой народъ возлюбленный и милый,
Наслѣдникъ славныхъ, благородныхъ предковъ,
Что звали въ дни они эту землю
И отражали наделахъ вѣнцевъ,
На-вѣки тронъ могучій созидалъ
Во ставѣ Маркомановъ. Есть тутъ люди,
Что мыслятъ объ однихъ вонскихъ лаврахъ,
Зачитники земли своей и братьевъ;
Другіе среди полей трудятся,
Изъ тучныхъ жатвъ богатства извлекая,
А третьи занимаются торговлей:
Товары продаютъ и покупаютъ —
И прибыль украшаютъ ихъ жилища.
Тѣ въ ремеслахъ различныхъ искусились;
Тѣ изучаютъ въ лѣтописяхъ правду;
Тѣ глубоко наслѣдуютъ природу,
А тѣ въ религіи спасены ищутъ.
Страшитесь силъ тапхъ соединенія,
Кормятные и алчные тевтонъ!
Какъ пламень лютей, грозны мы въ разливѣ:

Отрадно мнѣ отъ племени такого
Происходить! Примите эту пѣсню
Съ любовью, возлюбленные братья,
Какъ выраженіе любви отъ брата;
Любовію мы всѣ должны держаться
И счастье не измѣнить намъ во-вѣки!

Н. Бергъ.

А. Я. ПУХМАЙЕРЪ.

Антонинъ Ярославъ Пухмайеръ родился въ 1769 году въ городѣ Тинъ-на-Влтавѣ, въ Чехи. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ вѣнчской школѣ, продолжалъ его въ Будеѣвичской гимназіи и окончилъ въ Пражскомъ университетѣ. Затѣмъ, онъ вступилъ въ духовное званіе, былъ рукоположенъ въ священники и получалъ приходъ въ одной изъ деревень близъ Будеѣви. Пухмайеръ, какъ и многіе изъ современныхъ ему чешскихъ писателей, выступилъ на литературное поприщѣ со стихами, написанными по-вѣмски. Но это предпочтеніе чуждаго языка родному продолжалось не долго: ознакомившись съ народною поэзіей страны, онъ полюбилъ свой языкъ и сталъ испытывать свои силы въ сочиненіи чешскихъ стиховъ, причемъ впервые началъ употреблять, вмѣсто syllabicческаго, tonическаго размѣра, указанный знаменитымъ Добровскимъ, какъ болѣе соответствующій чешскому языку. Поэтомъ Пухмайеръ можетъ быть по всей справедливости названъ отцомъ новой чешской поэзіи. Въ 1795 году онъ издалъ небольшое собраніе своихъ стихотвореній; впоследствии онъ издалъ еще три другихъ собранія, подъ заглавіемъ «Новыя Стихотворенія». Но поэзія не была исключительнымъ занятіемъ благодушнаго поэта: онъ находилъ время и для другихъ занятій, не столь громкихъ, но не менѣе полезныхъ. Онъ издалъ въ 1805 году чешское руководство для изученія русскаго языка, а въ 1820 году подробную русскую грамматику съ вѣнецкимъ текстомъ. Кроме того, онъ занимался естественными науками, издалъ ботанику и наставленіе по сельскому хозяйству. Что же касается его многочисленныхъ проповѣдей, то чешская критика отзывается о нихъ съ большою похвалою. Пухмайеръ умеръ въ 1820 году.

ЗАВИСТНИКЪ И СКУПОЙ.

Скупой съ завистливымъ пустился въ дорогу,
 Покинувъ жонъ, отчину и дѣтей.
 При нихъ отправится угодно было богу
 Перуку самъ-третей.
 Когда жь они остановились:
 «И Богъ», Юнгтеръ имъ сказалъ:
 «А чтобъ вы въ этомъ убѣдились:
 Чего бы кто ни пожелалъ,
 Получить неизбѣжно.
 Обдумайте жь теперь прилежно,
 Чего просить вамъ у меня;
 Замѣчу только:
 Чтѣ первому дамъ я,
 Другому дамъ того жь два раза столько». —
 Тутъ сталъ скупой завистника толкать
 Желанье первое сказать,
 Завистникъ же толкалъ скупова
 И оба не могли проговорить ни слова.
 Завистникъ наконецъ
 Сказалъ: «о, тварей всѣхъ отецъ!
 Вели, чтобъ я на свѣтъ смотрѣлъ однимъ лишь
 глазомъ!»
 Свершилось разомъ:
 Овъ глазомъ сталъ смотрѣть однимъ.
 Легко понять, чтѣ стало со скупымъ.

Н. Бергъ.

В. НЕВѢДЫЙ.

Войтѣхъ Невѣдый родился въ 1772 году въ
 Жебражѣ, въ Чехин. Отецъ его былъ мясникъ.
 По окончаніи полного курса богословскихъ наукъ,
 Невѣдый близъ рукоположенъ въ священники, а
 впоследствии получилъ мѣсто декана (благочин-
 наго) въ родномъ своемъ городѣ, гдѣ и умеръ
 въ 1844 году. Невѣдый принадлежить къ числу
 первыхъ дѣятелей возрожденія чешской лите-
 ратуры. Онъ писалъ много — и въ стихахъ, и въ
 прозѣ — но въ настоящее время его читаютъ
 мало, потому-что Невѣдый находился подъ влія-
 ніемъ французскаго же-классицизма, господство-
 вавшаго въ его время, и притомъ писалъ силла-
 бическимъ разиформъ. Лучшимъ его произведе-
 ніемъ считается дидактическая поэма «Карлъ
 Четвертый». Кроме того, онъ написалъ три боль-
 шихъ эпическихъ поэмы: «Оттокаръ», «Владиславъ»
 и «Вачеславъ».

БЛАГОДАРНЫЙ СЫНЪ.

Днемъ и середъ ночи
 У Збислава очн
 Горышекъ съѣзъ полин.
 «Мой отецъ въ неволѣ!
 Не вернется богъ
 Изъ чужой страны!»
 «Можетъ, въ тяжелой муѣ
 Воздымаетъ руки
 Онъ къ Творцу земли...
 Но его минути
 Супостаты люты
 Ужь давно сочили!»

Съ родиною простился
 Сынъ и въ путь пустился,
 Чтѣбъ помочь отцу;
 Горы, гдѣ проходить,
 Наконецъ приходить
 Къ свѣтлому крыльцу,

Гдѣ папа могучій,
 Окруженный тучей
 Бунчуковъ и стрѣлъ,
 На коврѣ богатомъ,
 Весь сіяя златомъ,
 Сумраченъ сидѣлъ.

— «Ежели дотогѣ
 Мой отецъ въ неволѣ —
 Смигулся къ нему:
 Отпусти изъ плѣну
 И меня въ замѣну
 Заключи въ тѣрѣму!»

— «Но каковъ виною
 Ты передо мною,
 Другъ мой, виноватъ?
 Кто тебя осудитъ?
 Нѣтъ! ему не будетъ
 Выходу назадъ!»

— «Скуй мои ты руки:
 Вытерлю всѣ муки
 Смѣло до конца;
 Брось меня хоть въ пламень,
 Или разбей о камень,
 Лишь пуссти отна!»

— «Въ ямѣ, полной смрадомъ,
 Въ пилу всякимъ гадамъ
 Нынѣ брошенъ онъ:
 Другъ мой, неужели
 Хочешь въ-самомъ-дѣлѣ
 Быть тамъ заключенъ?»

— «Все переищу я,
 Если тѣмъ спасу я
 Свѣтъ моихъ очей:
 Будетъ смерть отрада
 За отна мнѣ!» — «Ладно!
 Кникнуть начелей!»

Палачи явились;
 Страшно задымился
 Въ ихъ рукахъ огни:
 Каждое мгновение
 Ждутъ лишь новелъныя
 Грознаго они —

Начинать расправу.
 Но папа къ Збиславу
 Дочь свою велеть:
 Прячетъ ликъ, стѣдится
 Дѣвушка... Динится
 Весь кругомъ народъ.

— «Будь мнѣ милымъ сыномъ,
 Будь здѣсь властелиномъ,
 Храбрый удалецъ!
 Чистъ и благороденъ
 Подвигъ твой. Свободенъ
 Нынѣ твой отецъ!»

Н. Бергъ.

М. ПОЛАКЪ.

Матвѣй Милога Здиралъ Полакъ родился въ
 1788 году въ мѣстечкѣ Засмузахъ, въ Чехин.
 Получивъ первоначальное образованіе, онъ былъ
 нѣкоторое время учителемъ; но въ 1808 году
 бросилъ свои мирныя занятія и поступилъ въ
 австрійскую армію, съ которой совершилъ всѣ
 послѣдующіе походы противъ Наполеона. Во
 время этихъ походовъ были написаны имъ пер-
 выя стихотворенія на чешскомъ языкѣ. Въ 1812
 году Полакъ былъ произведенъ въ офицеры. Въ
 1813 году, квартируя съ полкомъ въ Вѣнѣ, онъ

принималъ дѣятельное участіе въ изданіи «Чеш-
 скаго Литературнаго Листка», въ которомъ по-
 нѣшали свои стихи. Въ 1815 году онъ, въ свѣтѣ
 фельдмаршалъ-лейтенанта барона Коллера, от-
 правился въ Италію, гдѣ пробылъ три года. Въ
 1819 году, возвратившись съ Коллеромъ въ Че-
 хію, онъ издалъ свою большую поэму «Величіе
 Природы», которая, въ свое время, произвела
 сильное впечатлѣніе на читавшую публику и
 потомъ долго считалась лучшимъ произведеніемъ
 чешской поэзіи. Впоследствии онъ былъ еще разъ
 командированъ въ Италію, а въ 1827 году на-
 значенъ преподавателемъ чешскаго языка въ во-
 сной академіи въ Вѣнѣ. Въ 1830 году Полакъ
 оставилъ академію и снова поступилъ въ строе-
 вую службу и дослужился до чина генералъ-май-
 ора. Затѣмъ, въ 1849 году онъ вышелъ въ от-
 ставку и умеръ въ 1856 году. Заслуги его въ
 дѣлѣ возрожденія чешской литературы — несом-
 нѣны; что же касается упомянутой нами поэмы
 «Величіе Природы», то ее можно смѣло назвать
 первымъ чешскимъ стихотворнымъ произведе-
 ніемъ, отличающимся дѣйствительнымъ художе-
 ственнымъ творчествомъ. Изъ прозаическихъ со-
 чиненій Полака можно указать на «Шутесвіе въ
 Италію». Собраніе его сочиненій напечатано
 въ Прагѣ, въ 1862 году, въ двухъ томахъ.

СОЛОВЬИНАЯ ПѢСНЯ ПОДЪ ВЕЧЕРЪ.

Уткнули въ небесахъ громовыя раскаты —
 Долины и дѣса спокойствіемъ объаты;
 Какъ на красавицу, на алую зарю
 Съ морога моего я весело смотрю
 И лирой, никому невѣдомой и скромной,
 Ее пріятствую и славою вѣсперъ томию.
 Рядъ вѣсперъ идуть собирать съ луговъ дары:
 Лошата подъ косою пушистою коврию,
 А дѣвы, уготовувъ въ тѣхъ злакахъ по колѣно,
 Благоуханное стрѣбають въ конни сіяно.
 О, сладкій нѣти часъ! Пѣвца живишь ты ноя
 И согрѣваешь въ немъ остывшую кровь:
 Она кипитъ опять и сердце бьется шибко.
 Ты ангелъ кротости: твой взоръ, твоя улыбка
 О буряхъ жизненныхъ велеть мнѣ позабыть
 И, словно юности, и чувствовать, и жить...
 Межъ-гдѣмъ багровою шаръ потухшаго свѣтна
 Къ закату клонится; долины тѣма покрыва,
 Лишь гордо верхъ остроколючныхъ горъ
 Еще озаренъ, еще плѣняютъ взоръ
 Своими розами; несется шаловиный

Оттолк вѣтерокъ, колыма спящей нивой;
Колося въ темнотѣ, качаяся, шумять;
Послѣднимъ золотомъ одѣтъ еще закатъ,
Но мигъ — и длинная кружокъ спустились тѣни:
Все погрузилось въ мракъ. На горниа ступени
Восходить ночи царь, въ коронѣ золотой:
Коснувшись ихъ вершинъ сверкающей пятой,
Потекъ онъ по небу; на землю сыплетъ золото;
Все озарило вновь съ востока до заката,
Внизу и на холмахъ; но тихи тѣ лучи,
Иную будятъ жизнь: слышней гремятъ ключи
Межъ скалъ и пропастей, исполнены веселья;
Вотъ быстрый вѣтерокъ изъ темнаго ущелья
Какъ молния выпорхнулъ; косца идти домой,
За ними дѣвушка игривою толпой...
Все тихо. Врутъ оттолк, гдѣ сокори и буи
Съ сиренами силеясъ — божественные звуки
Рѣкою хлынули, по воздуху текутъ,
То дѣсь пролижутъ весь, то сладостно замрутъ
(Звать, новия нѣвѣкъ обдумываетъ трели)
И вотъ изъ горышка тончайшаго свирѣли
Аккорды динные распахалъ онъ опять,
Загѣмъ медлительно стать снова затихать
И лѣжно перешолъ въ задумчивые тоны,
Въ уныло-страстные, таинственные стоны —
И замеръ. Эхо лишь средь горъ и средь дѣсовъ
Раскатамъ пѣсень тѣхъ, тѣхъ трелей, голосовъ
Далеко вторило. Все будто оцѣмѣло
И чудной прерывать гармоніи не смѣло;
Зефиръ — и тотъ затихъ и не дерзала дохнуть,
Травой, колосомъ, безрешной повезнуть;
И даже лншн, свернувшей злаки пшныи,
Благоуханія почиванія не слышны...

Н. Бергъ.

В. ГАНКА.

Вячеславъ Ганка, знаменитый чешскій ученый и литераторъ, родился 29 мая (10 іюня) 1791 года въ селеніи Горниевѣчъ, Кенигсгрэцкаго округа въ Чехіи. Отецъ его былъ простой крестьянинъ, ремесломъ мясникъ, и потому итъ ничего удивительнаго, что онъ заставлялъ своего пятнадцатилѣтняго сына пасти стадо и помогать работникамъ въ погѣ. Только зимою Ганка ходилъ въ школу, что не мѣшало ему дѣлать большіе успѣхи. Старый «Пѣсенникъ» матери его черной пробудилъ въ немъ понятія о поэзій; страсть къ филологіи развилась въ немъ отъ за-

писыванія всѣхъ незнакомыхъ словъ, какія ему удавалось слышать отъ кватрироунавшихъ солдатъ всѣхъ народностей, составляющихъ разнообразію Австрійскую имперію. Боясь, чтобы его сына не завербовали въ солдаты, отецъ Ганки отвезъ его въ Кенигсгрэцкую гимназію, потому-что тогда ученики гимназій были свободны отъ военной службы. Такъ-какъ молодой Ганка былъ очень слабъ въ нѣмецкомъ языкѣ, то профессора, по просьбѣ старика отца, позволили ему отвѣчать уроки по-чешски. Изъ гимназій Ганка перешолъ въ Пражскій университетъ. Здѣсь онъ занимался очень прилежно, былъ любимцемъ Добровскаго и окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ. Изъ Праги онъ перѣѣхалъ въ Вѣну, для изученія правовѣденія и редактированія духа газетъ. По возвращеніи въ Прагу, онъ издалъ свои «Пѣсни», которыя были приняты публикою весьма сочувственно. Въ 1817 году, путешествуя по Чехіи, онъ совершенно случайно открылъ въ Краледворѣ знаменитый манускриптъ чешскихъ пѣсней, возбудившій вниманіе всей Европы и получившій названіе «Краледворской Рукописи». Въ 1818 году основанъ былъ Чешскій Музей и Ганка назначенъ его бібліотекаремъ. Съ этого времени Ганка посвятилъ всего себя Музею и сдѣлался живымъ наталогомъ своей бібліотеки и самую вѣрною справкою для каждой находившейся въ ней книги. Въ 1848 году онъ былъ сдѣланъ деканомъ Пражскаго университета и читалъ въ немъ лекціи древне-славянскій и русской литературы. Кромѣ множества печатанныхъ имъ ученыхъ статей въ разныхъ чешскихъ поименныхъ изданіяхъ, онъ издалъ древне-славянскую, русскую, польскую и чешскую грамматику, «Собраніе древне-чешскихъ литературныхъ памятниковъ», притѣчанія къ «Слову о полку Игоревѣ», изслѣдованія къ Остромирову евангелію, «Даминиону чешскую хроніку», «Изслѣдованіе о евангеліи, служившемъ при коронованіи французскихъ королей», «Жизнь Карла IV» и любопатную книгу Іоанна Гуса «Путь ко спасенію». Послѣдній его трудъ о древне-чешскихъ монетахъ, къ сожалѣнію, только отчасти напечатанъ.

Ганка былъ истинный патриотъ, но безъ малѣйшаго фанатизма и уважалъ мнѣнія каждаго. Даже когда, въ 1848 году, его выбрали въ депутаты, онъ отклонилъ отъ себя это званіе и принялъ только президентство общества «Славянскій Лигы», которое и сохранилъ до распу-

шенія этого общества, съ жаромъ поддерживая все, что могло клониться къ развитію отечественнаго элемента. Ганка умеръ 12 января 1861 года и погребенъ въ Вышеградѣ, куда его проводило болѣе 30,000 его почитателей.

I.

КРАЛЕДВОРЪ.

Съ вершинъ славной той горы,
Отъ лучезарнаго востока,
Гдѣ Доброславъ свои шатры
Кругомъ раскидывалъ широко;

Гдѣ, вытекая изъ Карпатъ,
Веселія и жизни полны,
Въ Орлицу, живую водопадъ,
Несутся быстрой Лабы волны —

Отголкъ примите нашъ привѣтъ
И поздравленія живыя,
Вы, Чехіи краса и цвѣтъ,
Ея бойцы передовые!

Вы какъ святыню сберегли
Отъ навожденія чужого
Соврѣщана родной земли,
Богатства языка родного,

Когда кажимъ-то тяжкимъ сномъ
Отягощались наши вѣжды
И умирали съ каждымъ днемъ
Въ сердцахъ послѣднія надежды.

Какъ часто внешне порою
Едва подымавшееся жито,
Въ долиніи пышной, подъ горой,
Лежить, перунами убито:

Такъ, словно пласть, лежали мы,
Родная рѣчь въ устахъ нѣмѣла,
Лежали средь кромѣшной тѣмъ —
А небо въ молніяхъ гремѣло.

Прошли, умчались безъ слѣдовъ
Тѣ дни для впаучевъ Славоміла,
Когда великіе отцовъ
Единой властью въ край было;

Давноминуваго крася,
Заблши ннѣ Самоничи,
Что въ нихъ тотъ Само родился,
Отъ чьей карающей десницы

Вѣждалъ строптивый супостатъ,
Тѣлами поле угнѣла;
Кто Карла смѣлъ среди Карпатъ
И славу спасъ роднаго края.

И та пора давно прошла,
Намъ приснопамятныя лѣта,
Когда сосѣдью намъ была
Премудрая Елизавета.

На память ей донынѣ храмъ
У насъ, съ высокою оградой,
Чело возносить къ небесамъ
И сердце намъ живить отградой.

Уможь и Тѣдмечекъ, что былъ
Минуваго красой и славой;
И вѣщій Неплахъ нашъ почтавъ,
Вытописатель величайшій.

А было прежде и для насъ
Иное, счастливое время:
Звучала здѣсь бардовъ нашихъ гласъ,
Росло воинственное племя;

И, хвалювъ развернувши стогъ,
Оно съ тевтонами боролся —
И подъ его мечами врагъ
Ложился, будто змѣйскій колосъ.

Среди равнинъ Высочныхъ стонъ
Стоялъ и дрогнули равнины,
Когда по нимъ король Отгонъ
Погналъ Зигмунтова дружини.

Туть Рокницава впереди
Стремился яростною бурей,
А послѣ выбранъ былъ въ вожди
Отъ цѣлаго народа Юрій.

Отголкъ гербъ его мы чтимъ,
Простлаженный во время оно,
И потому теперь надъ нимъ
Сіяетъ чешская корона.

Здѣсь жила Выдра и Бальбинъ,
И не одинъ отсюда воинъ
И честный вышель гражданинъ,
Бто присной памяти достоинъ.

Мы даже всё произошлоли
Изъ поколѣнья Доброслава,
Кто былъ для Чешской всей Земли
Въ минувши годы честь и слава.

Отсюда и Добровский тотъ,
Чье имя чтится всеъмъ народомъ
И къ дальнимъ влукамъ перейдетъ —
И онъ, и онъ отсюда родомъ!

Н. Бергъ.

II.

ФИАЛКА.

Нѣжная фиалка,
Цвѣтчикъ мой прелестный,
Для чего ты скрыта
Въ гущинѣ древесной?

Ты цвѣтешь въ убранныхъ
Хоть и небогатою,
Да за-то полна ты
Дивнымъ ароматомъ.

Чуть теплѣе станетъ,
Чуть нахлѣтъ весною —
Цѣлый боръ зеленѣй
Напоенъ тобою.

«Пусть-себя я прячусь,
Укрываюсь въ чащѣ:
Всякихъ ароматовъ
Ароматъ мой слаще!

«Въ чащу понемногу
Черезъ холми и доли
Проторать дорогу
Мотыльки и пчѣлы.

«Проберись лишь въ рошу,
А ужъ въ самой рошѣ
Отыскать фиалку
Ничего нѣтъ проще.»

Н. Бергъ.

III.

ОЖИДАНИЕ.

Тихо, тихо все вдругъ,
Опустилася ночь;
Приходи, мой милый другъ,
Сонъ откинувъ прочь!

Выплываетъ надъ рѣкой
Леплая луна...
Страстной полночь я тоской,
Въ мысляхъ ты одна.

И терзался, и любя,
Жду я... все молчать...
Лишь гитара въ честь тебя
Стройный гимнь звучить.

Тщетно взоръ прознаетъ тьму,
Гдѣ жъ ты? приходи!
Крѣпко я тебя прижму
Къ пламенной груди!

Ты одна — и нѣтъ другой
У меня мечты!
Что же, ангель дорогой,
Что же медлишь ты?

Н. Бергъ.

IV.

СЕБЪ.

Породила меня
Моя матушка,
Породила меня
Въ красный вешній день —

Въ красный вешній день,
Въ зеленѣмъ саду —
Въ зеленѣмъ саду,
Между розами —

Между розами
Полноцвѣтными.
Говорила мнѣ
Моя матушка:

«Кабы знала я,
Мое дитячко,

Что ты вырастешь
Чехомъ доблестнымъ:

Обвида бь тебя,
Обернула бь я
Въ розы алыя,
Влаговонныя!

Кабы знала я,
Мое дитячко,
Что ты вырастешь
Злымъ измѣнникомъ:

Обвида бь тебя
Я рожею —
И въ колючие
Тѣрны бросила!»

Н. Бергъ.

V.

ЦВѢТЫ.

Видны разные цвѣты
Среди поляны:
Розы, маки, васильки,
Ландыши, тюльпаны;

И на темной зеленой
Будто свѣтъ бѣлыя,
Укрывается въ тѣни
Бѣлая лилея.

Я весь день бродить готовъ
Посрединѣ дуга;
Но милѣй мнѣ всѣхъ цвѣтовъ
Ты, моя подруга!

Ты, лилея всѣхъ лилей,
Ты — живая роза!
Пусть цвѣты среди полей
Стибнуть отъ мороза,

Пусть померкнетъ все вокругъ,
Съ солнцемъ и луною,
Лишь бы ты, мой милый другъ,
Ты была со мною —

Восхитительна точь-въ-точь
Какъ теперь, сегодня:

Яснымъ днемъ была бь мнѣ ночь,
Раемъ — преисподня!

Н. Бергъ.

VI.

ЛАБА.

Ты куда, скажи мнѣ, Лаба,
Лаба тихая лямбѣшь?
Про кого свои ты пѣсни,
Мой соловушко, поѣшь?

Про кого поѣшь ты пѣсни
Въ темной рошѣ и въ лѣсу?
Распѣвалъ и я, бывало,
Про нее, мою красу!

Да недолго безмятежно
Дни катились мои,
Что у Лабы серебрястой
Тиховодная струя:

Разлучили вдругъ со мною
Сердце — милую мою —
Съ-той-поры я, сиротина,
Звонящихъ пѣсень не пою.

Ты куда жъ, скажи мнѣ, Лаба,
Лаба тихая лямбѣшь?
Про кого свои ты пѣсни,
Мой соловушко, поѣшь?

Н. Бергъ.

VII.

ОЧИ.

Очи, поэзия огня,
Вы — мой мучитель!
Для чего вы у меня
Миръ души похитили?

Веселюсь ли я съ толпой,
Въ стѣши ли безлюдныя
Унесусь — и вы за мной,
Пламенная, чудными!

Всякій день и всякій часъ,
Днемъ и въ ночь упрямою,

Только знаю, что про вас
Думушка я думаю!

Очи, полны огни,
Вы — мои учителя!
Для чего вы у меня
Мирь души похитили?

Н. ВЕРГЪ.

И. КОЛЛАРЬ.

Иванъ Колларь, самый знаменитый из чешских поэтов и едва ли не самый горячий славистъ во всемъ славянствѣ, родился въ 1793 году, въ Словацкой Землѣ. Онъ уже въ ранней молодости обнаружилъ страстное влеченіе ко всему народному: изучалъ народную поэзію, собиралъ словаціи и чешскія пѣсни, записывалъ старинныя преданья и пословицы. Окончивъ съ полнымъ успѣхомъ курсъ философскихъ и богословскихъ наукъ въ Бреславскомъ университетѣ, онъ отправился въ Іену, и въ 1817 году, какъ іенскій студентъ, принявъ участіе въ знаменитомъ вартбургскомъ праздникѣ, гдѣ юная Германія заявила фантастическимъ ауто-да-фѣ свою ненависть къ реакціи и обскурантизму. Надо думать, что это настроеніе, господствовавшее тогда въ нѣмецкой молодежи вообще и въ Іенскомъ университетѣ въ особенности, имѣло сильное вліяніе на складъ патриотическихъ тенденцій Коллара. Они вымывались въ немъ и другими обстоятельствами. Здѣсь, на берегахъ Савы и Эльбы, обиталъ когда-то полабскіе славяне — и это историческое воспоминаніе возбудило въ Колларѣ національное чувство, которое вскорѣ соединилось съ нѣжнымъ чувствомъ къ Вильгельминѣ Шмидтѣ, дочери нѣмецкаго евангелическаго пастора, происходившаго отъ славянскихъ предковъ. Это двойное чувство дадо содержание всей поэзіи Коллара, въ которой онъ изливаетъ свои личныя радости и печали, восхваляетъ прошедшее и настоящее славянскаго міра и предсказываетъ великую его будущность. Колларь издалъ свое произведеніе подъ именемъ «Дочери Славянъ», подъ которой понимался и возлюбленная Мина и великое славянское отечество. «Дочь Славянъ» написана звучными и часто истинно-поэтическими сонетами, которыхъ насчитывается болѣе шести-сотъ, и вышла въ свѣтъ

шестью выпусками въ 1821, 1824, 1832, 1846, 1852 и 1862 годахъ. Въ содержаніи «Дочери Славянъ» выразилась вся задумчивость панславистскаго направленія: это были или патриотическія элегіи, вызванныя воспоминаніемъ о прежней славѣ славянскаго отечества, или призывы братьевъ къ единуюшю, или обличеніе отступниковъ. Поэтическая дѣятельность Коллара ограничилась одной этой поэмой, такъ-какъ нѣсколько небольшихъ стихотвореній иного содержанія, написанныя имъ въ молодости и не имѣющія литературнаго достоинства, не могутъ идти въ расчетъ.

По возвращеніи изъ Іены въ Пештъ, гдѣ получилъ мѣсто евангелическаго проповѣдника, Колларь принялся за сочиненіе проповѣдей, а также занимался славянскою стариной и народной поэзіей. Затѣмъ, онъ совершилъ нѣсколько путешествій для изученія остатковъ славянской древности въ Германіи, Италіи и Швейцаріи. Результатомъ этихъ поѣздокъ былъ дѣльный рядъ сочиненій по части этнографіи, именно: «Народныя пѣсни словаковъ въ Венгріи» (2 т., 1834—1835), «Исслѣдованіе о происхожденіи, имени и древностяхъ славянъ» (1839), «Путешествіе» (1843), «Славянская Старо-Италія» (1852) и другія. Когда начался венгерскій вопросъ, тяжело упавшій на словаковъ, Колларь горячо защищалъ своихъ соотечественниковъ, но при началѣ революціи удалился въ Вѣну, гдѣ получилъ славянскую кафедру въ университетѣ.

Чтобы заключить изложеніе литературной дѣятельности Коллара, мы должны упомянуть еще объ одномъ произведеніи его, которое въ свое время оставило сильное впечатленіе въ умѣхъ славянской публики. Мы говоримъ о его нѣмецкой брошюрѣ: «О литературной взаимности между различными племенами и нарѣчійми славянскаго народа». Основная мысль брошюры заключается въ томъ, что славяне, не смотря на свои силы и способности, далеко отстали въ науцѣ, искусствѣ и литературѣ отъ остальныхъ народовъ западной Европы и что причина этого печальнаго факта заключается въ раздробленіи и недостаткѣ единства, и потому для утвержденія своихъ народныхъ стремленій славяне должны соединиться въ литературной взаимности. «Въ наше время» — говоритъ онъ — «не достаточно быть хорошимъ русскимъ, горячимъ полякомъ, совершеннымъ сербомъ, ученымъ чехомъ, и только исключительно, хотя бы и хорошо, говорить по русски, по польски, по сербски, по чешски. Ужъ

проши односторонне дѣтскіе годы славянскаго народа; духъ нѣнѣшняго славянства налагаетъ на насъ другую высшую обязанность, а именно: считать всѣхъ славянъ братьями одной великой семьи и создавать великую славянскую литературу». Какъ на средство для достиженія такого результата, Колларь указываетъ на взаимное изученіе славянскихъ нарѣчій: онъ объясняетъ, какаю опасность грозитъ славянству отъ его раздѣленія и какъ необходимо духовное общеніе литературъ для выполненія исторической задачи славянскаго племени — вести даде цивилизацію и просвѣщеніе посрѣ германскихъ и романскихъ народовъ, которые должны теперь уступить свое мѣсто новому, свѣжему народу. Брошюра имѣла огромный успѣхъ, и о *важнѣмостн* заговорили во всемъ славянскомъ мірѣ.

Колларь скончался въ 1852 году. Полное собраніе его сочиненій въ четырехъ томахъ вышло въ Прагѣ въ 1862—63 годахъ. Въ нихъ напечатана и любимаыя его автобіографія, обнимающая, къ сожалѣнію, только время его молодости.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ДОЧЬ СЛАВЯНЪ».

1.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Здѣсь предо мною земля знаменитаго нашего рода,
Въ оныя дни колыбель, пѣнь могла его.

Славян роняя, гляжу: чтѣ ни шагъ, то священное
мѣсто!

Или, сынъ Татри! горѣ взоры свои подыми,
Стань съ сему переломѣ величавому, старому дубу,
Съ коимъ доселѣ свой споръ лютое время ведетъ.
Но лютой и укасиѣ тотъ, кто подъ снѣптеръ
желѣзный,

Славя, вью твою, зависти полонъ, согнулъ.
Яростной брани добудень, свирѣпой грозѣ и пожару
Тотъ, кто протѣну своихъ мѣстьми калобой кинитъ.
Тотъ, кто мнѣше время? какъ почъ позади рас-
простерлася!

Слава, какъ дымъ, унеслася; образъ позора
я зрю.

Вплоть отъ нѣмѣжной Лабы до пажитей Вислы
коварной,

Съ тихихъ Дуная береговъ въ Батини шумнымъ
валамъ

Несся когда-то языкъ сладкозвучный, богатый и
дивный,

Слово могучиѣ славянь — нишъ умоляю оно!

Кто жъ совершилъ святотатство, грабежъ, волю-
щій на небо?

Кто въ народѣ одномъ сонми людей оскорбилъ?
Сиройся, бѣги отъ стыда кровожадное племя тев-
товоѣ:

Ты совершило набѣтъ, прѣшло чистую кровь!
Тотъ, кто свободи достоинъ — и въ чуждыхъ оцѣ-
нить свободу;

Цѣпи куящій рабамъ — самъ есть невольникъ
и рабъ.

Гдѣ вы, любезные роды славянъ, въ семъ краѣ
обитавшихъ?

Мирныхъ сорабовъ семья? вильневъ могучая
вѣтъ?

Гдѣ оботритовъ потомки? гдѣ вьуки воинствен-
ныхъ уроковъ?

Тщетно ихъ иметъ мой взоръ: въ Славии нѣту
славянъ!

Дубъ, уцѣлѣвшій отъ времени храмъ ихъ, гдѣ
жертвы сѣнгами

Давнымъ они божевамъ, нишѣповѣдай ты мнѣ:
Гдѣ эти скрмасы народы? Гдѣ гради ихъ, сеа
и вѣси?

Кто на полуночи здѣсь первую жизнь возбудилъ?
Бѣдной Европѣ одинъ ладѣи принесилъ съ парусами,
Дабы богатства свои за море слава она;

Звонокій металлъ изъ земли добывать научилъ другіе,
Больше на почете богамъ, нежели алчнмъ
въ корыстѣ;

Третий, измыслившн плугъ, въбороздилъ имъ зем-
лю — и выросъ

Колосъ на ней золотой, житомъ одѣлись поля.
Липы, священное древо славянъ, насаждалася ими
Подлѣ дорогъ и степей, чтобъ разсидалася тѣни.

Старицъ учили дѣтей созидатъ города и деревни,
Жоны учились оныя тонкое ремло пошто.
Гдѣ жъ ты, учитель-народъ, и какую ты мзду за
науку

Въ этихъ странахъ получилъ? Злобо твоей по-
пранъ вѣнчикъ!

Точно, какъ хищница пчелы, въ чужой перебраши-
вшися улей,

Матку и дѣтокъ съеутъ яростнымъ жаломъ
своимъ,

Такъ и въ предѣлахъ славянъ чужеземные втор-
глице владыки:

Тяжкія цѣпи на нихъ лютой сослѣдъ наложилъ.
Гдѣ среди роцей зеленыхъ веселая нѣла славянца,
Нишѣ безомліе тамъ: пѣсень никто не поетъ!

Гдѣ возымалася чертоги гремящаго бога-Перуна,
Чуждая сволочь теперь ставитъ хлѣба для коровъ

Между разбитыми пшными сводами; там, гдѣ
Аргона
Въ прежніе годы вѣзла, Ретры блистало чело,
Бродитъ суровый пришлецъ, попрагаетъ святые
останки
Деракой стопою; гнѣздо всякая гадина вѣетъ.
Славн сына, пришедшаго къ братьямъ въ оныя
страны,
Часто чуждается братья, радостныхъ рукъ не
простретъ;
Чуждая рѣчь поражаетъ его; онъ глядитъ и не
вѣритъ
Собственнымъ взорамъ: предъ нимъ истый стоить
славянинъ,
Только изъустъ у него неславянская рѣчь вылетаетъ
Ибо особый дала Славн дѣтямъ своимъ
Обликъ: ни мѣсто, ни время его не изгадаты во-вѣки!
Такъ двѣ рѣки, съединясь, вмѣстѣ порою бегутъ,
Послѣ, разбившись врознь, опять два пути избираютъ,
Каждая къ морю свои пѣнины волны несутъ.
Точно такая жь борьба истомила и братіе роды:
Бывши когда-то одно, врознь племена разошлись.
Часто отсутствовали дѣти повсюду родимую матеръ;
Часто забывали они матику ароматный бычь.
Жизнью, общаемъ, рѣчью онини славяне, ни пѣмца:
Разомъ и птица, и звѣрь, и мрана жилецъ ветопыръ.
Такъ въ благодатныя страны Элады проникли
османы,
На величавый Олимпъ дерзкій бунчукъ вознесъ;
Такъ европеецъ корыстный разрушилъ два міра
индійцевъ,
Земли покинуть у нихъ, доблесть, свободу и рѣчь.
Тьмы поволаѣній нечезали; низвергнути храмы и
боги;
Лишь неизмѣнно во-вѣкъ царство природоюдной.
Рѣки, гѣса, города сохранили славянское имя:
Только въ нихъ тѣло славянъ, духа жь славянскаго нѣтъ.
Кто же придетъ и могилы отъ вѣщей разбудитъ
дремоты?
Гдѣ онъ, славянскихъ племенъ истый властитель
и вождь?
Кто намъ укажетъ священное мѣсто, на коемъ
издревле
Кровь за народъ проливалъ доблестный мужъ
Милдудухъ?
Кто въ честь героя воздвигнетъ тамъ памятникъ?
Гдѣ, охранявшій
Прежнихъ времянь простоту, гдѣ онъ, воинственный
Крукъ?

Онъ, къ славянскимъ дружинамъ вызывавій въ бою
по славянскн?
Гдѣ Боеславъ удамой? Горю! ихъ богу нѣтъ!
Можетъ, порой ненарокомъ ломаетъ героическія
кости
Плугъ селянина; встаютъ тѣни бойцовъ изъ мо-
гилъ,
Грозно взывая къ судьбѣ. О, холодно черетное
сердце
Путника, если онъ тутъ горькой слезы не про-
льетъ,
Словно надъ прахомъ возлюбленной! Смолзны,
однако, и стихи,
Тяжкая скорбь, устремя очи нитливыя въ даль!
Поно печалиться намъ и несчастья оплакивать
нами:
Станемъ бодрѣе глядѣть, силой прибудетъ у насъ!
Слѣзы шода не дадутъ, по десница могучая мо-
жетъ
Все, трудясь, измѣнить: злое направитъ къ добру.
Если народъ заблудился, такъ мнр не собьется
съ дороги;
Часто ошибки однихъ служатъ на помощь дру-
гимъ.
Время цѣлитель всего и, рано ли, поздно ли, правда
Яркимъ свѣтломъ взойдетъ, насъ и другихъ
озаритъ.
То, что позрала вѣковъ беспощадныхъ неслыная
бездна,
Можетъ, по воли небесъ, мигомъ воскреснуть
и жить!

Н. Бергъ.

2.

ПѢСНЬ I, СОНЕТЫ I—7.

Тамъ, гдѣ бѣжитъ излучистая Саза
Широкою долиной, межъ цѣтловъ,
Гдѣ Милдудуха слава увѣнчала —
Тамъ нѣкогда собрался сонмъ боговъ
Держать совѣтъ: зане возопила
Къ нимъ Славн съ цѣтлущихъ береговъ
О небеса благія умоляла
И помощи противъ своихъ враговъ —

Задумался, толкуя о наградѣ...
Вдругъ Милко тихо молвилъ что-то. Ладѣ —
И передъ ними въ блескѣ и красѣ

Явилася свѣтозарная дѣвица,
Всѣхъ жонъ земныхъ прекрасная царица —
И даже боги изумились всѣ.

—

Иной, пожалуй, бросить взглядъ небрежный
На васъ, сонеты милое мон,
Какъ на гетеръ, за-то что, страсти вѣжной
Не внемля, танцовать съ нимъ не пошла.

Коль стихъ въ тебѣ огонь поры мтежной
И побѣдн волосы твои —
Любовь передъ красотами таи:
Нейдеетъ веснѣ уборъ полночи свѣжной!

Но кто безъ предрасудковъ подойдетъ
И просто къ намъ, о милое сонеты,
И къ пласкѣ васъ славянскою позоветъ —

Тому пѣтн, гирлянда и букеты,
Тому рукопожать и обѣтъ,
Того зовите сами въ хороводъ!

—

Съязмала свмкся съ жизнью я простою
И, отъ соблазнамовъ ускользнуть успѣвъ,
Боролися я съ житейской суетою,
Съ тщеславьемъ, съ честолюбиемъ, какъ левъ;

Снѣже злата праздно мечтою
Считала, а игры мой будили гнѣвъ;
Но прелесть бѣлокуроухъ жонъ и дѣвъ,
Влнстающихъ полуночною красою,

Я началъ рано чувствовать внолнѣ
И первымъ отсель узналъ тревоги.
Инымъ въ громахъ, въ горящей кушннѣ,

Въ пророческихъ видѣніяхъ во снѣ
Являлися силы высшія, а мнѣ
Красою жонъ съ небесъ вѣщали боги.

—

О скромность! всѣ въ ней доблести слиты!
Она въ семь свѣтъ высшая есть сила;
А взглядъ, въ которомъ кротость опочила,
Есть выраженіе высшей красоты:

Воздвигни ей престоль лишь, сердце, ты —
Она бы рай вездѣ распространила;
Дай ей уста — о, этими устами
Всѣхъ риторовъ она бы разгромила!

Гдѣ свѣтишь нмѣй, кроткая звѣзда?
И — полно — существошь ли ты въ мнрѣ?
Иль не была ты смертною никогда

И съ неба не сходила къ намъ сюда?
Нѣтъ! здѣсь она! Грешите ей на лнрѣ,
Моей обѣтованной навсегда!

—

Есть липа за широкою долиною,
Вотъ-вѣтъ какія помнитъ времена,
Даннмъ-давно стоить какъ-есть одна,
Шума своею темною вершиною:

Меня тамъ зрѣла каждая весна;
Туда, туда съ моею тоскою-кручинною
И съ радостью — чѣмъ грудь была полна —
Вѣжалъ я утромъ, хотъ на мнѣ единой;

И разъ, упавъ въ священныя кусты,
Молился такъ: «о, липа! если бь ты
Покрываетъ наши скорби вѣчною тьмою!»

Вдругъ зашептали горніе листы,
Потряса стволъ — и, въ блескѣ красоты,
Дочь Славн появилась предо мною!

—

Идти ли мнѣ въ широкий этотъ свѣтъ,
Или сидѣть? Кто дастъ на то отвѣтъ?
Кто разрѣшитъ тревожныя сомнѣнья?
Проложить путь, уважатъ вѣрный слѣдъ?

Блеснулъ передо мною дневный свѣтъ —
И я позналъ страданиа мученья;
Какой-то гость, кому названыя нѣтъ,
Ниспосылаетъ сердцу откровенья;

И вотъ — то веселье я, то слѣзы лью,
То молчаніе, то преданъ разговорамъ,
Играю безмилежно и пою.

Терпѣные, други! Вы жь, съ мертвнцнмъ взоромъ,
Повремените съ грознымъ приговоромъ,
Оставьте грусть мнѣ сладкую мою!

Торжественно колокола святые
Звучат; слышишь на праздник все село;
Красавица, вѣнками увитые,
Идут во храмъ; сияетъ ихъ чело.

Вотъ и меня туда же повлекло;
Вѣхался я въ толпы людей густыя,
Не вѣдая, что Милло, какъ на зло,
Еще сильнѣе въ цѣни золотыя

Меня скуетъ. Едва вступилъ во храмъ —
И вижу я: колѣнопреклоненный,
Въ одеждѣ бѣлой, нѣкій ангелъ тамъ

Молитвенно къ Звждителю вселенной
Стремится, взоръ поднявши къ небесамъ:
Ахъ! это онъ былъ, образъ незабвенный!..

Н. Бергъ.

3.

ПѢСЬ И, СОНЕТЫ 137—142.

Краса всего полуночнаго края,
Мать Руси всей, и сердце, и глава,
Стоитъ золотоговерхая Москва,
Крестами храмовъ бѣща и играя.

Вдругъ запылала пламенемъ она;
Реветь пожаръ отъ края и до края,
Дома, чертоги, хаты пожирая —
И запылалъ дворецъ Ростовичина...

Погибни созиданія столѣтій! ...
Скажи, зачѣмъ ты свѣточъ сей загляга?
«Чтобы асфій вселенная прочла

Исторію мою при этомъ свѣтѣ
И знала бь, чѣмъ для Руси я была
И каковы мои роднина дѣти!»

Славяне! Сладкій, благородный звукъ!
Но вмѣстѣ слышно горькое въ немъ горе,
Пучина искушений, бѣдъ и мукъ,
Горючихъ слезъ ключоучное море.

Ураль и Татры! здѣсь палатій Югъ,
Тамъ лютый Сѣверъ въ ледяномъ уборѣ;

Чего тамъ нѣтъ, какіхъ богатствъ вокругъ!
Живемъ-себѣ широко на-просторѣ!..

Но тяжко дѣлалъ этотъ намъ просторъ!
Другимъ на розахъ посланы постели,
И соловьевъ кругомъ разсыпанъ хоръ;

Намъ, вмѣсто розъ, колючій постанъ теръ,
Не соловьи, а вѣчный слышнень споръ
И браняща свѣршнствуютъ мятели...

Отъ скалы Аэона вплотъ до поморьянъ,
Отъ Песей доли до поля Косова,
Отъ козаковъ къ землямъ дубровничанъ,
Оттоль до града гордаго Петрова,

Отъ Балтики къ полунодю до Азова,
Отъ стѣнъ Китая до Полярныхъ странъ —
Раскинулись владѣнія славянъ
И слышно всѣмъ намъ рождественное слово.

Ураль, Вѣстава, Волга — всѣ края,
Вся наша необятная семья,
Обнимемъ, раздоры всѣ отбросимъ,

Ни зависти, ни злобы не тая,
И станемъ жить, какъ братья и друзья:
Мы всѣ одно святое имя носимъ!

Все намъ благія дали небеса,
Чтобы стали мы со всей Европой рядомъ;
Обните только земли наши взглядомъ:
Чего тамъ нѣтъ: обиліе, краса;

Серебро и золото; ишшимъ вертоградомъ
Глядятъ нашъ подемъ; всюду чудеса;
А по веселымъ вѣсямъ и по градамъ
Гремятъ поэтовъ вѣщихъ голоса:

Высокіе, божественные звуки!
И какъ у всѣхъ — плечѣ у насъ и руки,
И сила есть могучая въ рукахъ;

Лишь дайте намъ согласье да науки —
Взойдетъ другое солнце въ небесахъ
И все предъ нимъ повернется во прахъ!

Славяне, братья милые славяне!
Вы любите кровавый споръ да брани —
Свяжите мнѣ: какой въ тѣхъ браняхъ прокъ?
Возьмемъ отъ кучи угольцевъ урокъ:

Въ одну семью соединены заранѣ,
Онѣ горять и блещутъ на таганѣ
И къ верху искры межутъ въ потолокъ;
Но что жь одинъ бы сдѣлалъ угольцъ?

Соединимъ же всѣ мы безъ изъятія:
Сербы, русскій, чехъ, болгаръ, полякъ,
Одинъ къ другому кинемся въ объятія —

Одна хоругвь, одинъ да будетъ стягъ;
Забудемъ все, что было; будемъ братья —
И дронгнетъ сопротивный врагъ!

Не сѣуйте, что мы живемъ такъ мало,
Что племя богатирское дремало
До-сей-пору: ударить и для насъ
Спасенія и пробужденія часъ;

Такое же по нашимъ пивамъ рало
Пройдетъ, чтѣ всю вселенную вздрало,
И прозвучитъ надъ нами тотъ же гласъ,
Который ихъ, который старшихъ спасъ —

И какъ они, пойдемъ мы на работу;
Покуда же благія небеса
Намъ поспымаютъ сумракъ и дремоту;

Но вотъ и нашъ востокъ ужъ запылалъ
Зарѣй, и наша проситъ полоса
Возвышеннаго бѣдѣния и поту...

Н. Бергъ.

4.

ПѢСЬ III, СОНЕТЫ 5, 7 и 110.

Сдается мнѣ: весь родъ славянъ — большая
Рѣка, что путь величественный свой
Хоть медленно, но мощно совершая,
Стремится плавно къ цѣли вѣковой;

И на пути громады горъ встрѣчая,
Ихъ та рѣка обходитъ стороной,

И лѣтаетъ, въ рай пустыни превращая,
Черезъ города жмытальной волной.

Другие жь шумно катятся народы,
Какъ вздутыя напоромъ вѣшнихъ воды;
Но обхвѣтъ приливъ — и свѣтлымъ, зланный доль

Трасиной сталъ съ унадомъ волнъ ихъ мутныхъ,
Развалинами стали кровы сѣлы,
А жители — обродъ нищихъ безпріютныхъ.

О, еслибъ всѣ славяне предо мной
Металлами явились: ихъ собранье
Я бы сплавилъ, слить — и въ статуйъ одной
Великое бь представилъ изваянье!

И русскій бы узрѣлся головой,
А тузовищемъ — ляхъ при томъ слянѣ;
Изъ чеховъ вышли бь руки, склады плечной,
Изъ сербовъ ноги: крѣпкое стоянье!

Меньшія же всѣ отрасли славянъ
Пошли бы въ одыанье, въ складки, въ тѣни,
Въ оружіе: воздвигна бь великанъ —

И вся Европа, преклонивъ колѣни,
Взирала бы! А онъ — превраще тучъ —
Миръ пошпиралъ бы, грозень и могучъ!

Черезъ сотню лѣтъ, о братья, что-то будетъ
Изъ насъ, славянъ? Что будетъ въ свой чередъ
Съ Европою? Въ нашъ токъ воды прибудетъ —
И жили славяне не весь ли миръ зальетъ?

И нашъ языкъ, что нымѣ лжно судить,
Нѣмецкій судъ и рабскимъ вкривъ зоветъ,
Изъ устъ враговъ заслышится, разбудитъ
Дворцовъ ихъ эхо — и гудѣтъ поидетъ!

Славянскимъ русломъ знаніе пользѣтся,
И въ моду бѣтъ славянскій весь влодитъ
Надъ Сеною и Лабою введѣтся...

О, лучше бы тогда родиться мнѣ
И волной жизни плыть по океану!
Но — я тогда еще изъ гроба встану!

В. Венедиктовъ.

II. ШАФАРИКЪ.

Павелъ Иосифъ Шафарикъ, знаменитѣйшій изъ чешскихъ ученыхъ, родился 28-го апрѣля (10-го мая) 1795 года въ небольшой горной деревнѣ въ верхней Венгрии, гдѣ отецъ его, родомъ словакъ, былъ евангелическимъ проповѣдникомъ. До одиннадцати лѣтъ молодой Шафарикъ не оставялъ родительскаго дома, упражнялся въ чтеніи и письмѣхъ и пріобрѣтала первоначальныя знанья подъ руководствомъ отца. Въ 1805 году онъ былъ отданъ въ Разнавскую гимназію, по окончаніи курса въ которой былъ переведенъ въ 1810 году въ одинъ евангелическій лицей въ верхней Венгрии, въ которомъ пробылъ пять лѣтъ. Здѣсь-то совершенно случайно попался ему въ руки статья Иосифа Юнгмана «О языкѣ чешскомъ», напечатанная въ «Гласникѣ» на 1803 годъ и написанная очень горячо. Статья эта сильно подбуживала на Шафарика, и такъ сказать, рѣшила его участь. Онъ ревностно принялся за изученіе славянскаго народности, и первыя плоды этого изученія была его почтенная поштка — «Tatranská Míza s lyrou Slovanskou». Въздѣ за выходомъ въ свѣтъ названной книжки, напечатанной въ 1814 году, т. е. еще во время пребыванія его въ лицей, стихотворенія Шафарика стали появляться въ журналахъ и многія изъ нихъ были замѣчены публикою. Окончивъ курсъ въ лицей, Шафарикъ отправился, въ 1815 году, въ Ленскій университетъ, гдѣ пробылъ четыре года. Здѣсь, кромѣ обязательныхъ для него лекцій богословскія, онъ ревностно посѣщалъ лекціи филологіи, исторіи и философіи. По выслушаніи полного курса, Шафарикъ былъ удостоенъ, въ 1819 году, степени доктора философіи. Но и тутъ, не смотря на всю обширность своихъ занятій, Шафарикъ не выходилъ время для служенія славянскимъ музеямъ. Во время своего пребыванія въ Ленѣ, онъ перевелъ «Облака» Аристофана и «Марію Стюартъ» Шиллера. Но съ выходомъ изъ университета Шафарикъ окончательно распространился съ поэзіей и отдался исключительно ученымъ занятіямъ. Въ 1819 году Шафарикъ былъ приглашенъ въ Новыи-Сады, для занятія мѣста профессора и директора вновь открытой тамъ гимназіи. Эту должность занималъ онъ до 1833 года. Затѣмъ, онъ переселился въ Прагу, гдѣ съ 1842 года и до смерти оставался при университетской библиотекѣ. Уже въ Новомъ-Садѣ обнаруживалъ Шафарикъ

необъемлемную дѣятельность изученія, которое обратилось на славянскій міръ, его прошедшее и настоящее. Въ 1826 году онъ издалъ свое «Все-славянскую исторію литературы»; затѣмъ, въ 1828 году слѣдуетъ книга «О происхожденіи славянъ», въ 1833 — книга «О сербскомъ языкѣ», брошенная новый свѣтъ на исторію славянскихъ нарѣчій; въ 1837 онъ издалъ свое знаменитѣйшее произведеніе: «Славянскія древности», которое остается до-сихъ-поръ исходной точкой всѣхъ трудовъ по изученію древней славянскій исторіи; въ 1840 онъ, вмѣстѣ съ Палацкимъ, сдѣлалъ образцовое изданіе «Древнѣйшихъ памятниковъ чешскаго языка»; въ 1842 издалъ новый наславистскій трудъ — «Этнографія славянскихъ племенъ»; въ 1845 «Грамматикъ древне-чешскаго языка»; наконецъ въ послѣдніе годы — «Памятники южно-славянскій письменности», «Памятники письменности глаголической», и т. д. Все это — произведенія первостепенной важности. Шафарикъ умеръ 14-го (26-го) іюня 1861 года.

СОНЕТЪ.

Пливеть луна въ лазурномъ океанѣ,
Средь хора лучезарнаго свѣтъ,
Какъ нѣкій царь въ своемъ военномъ станѣ,
Какъ свѣтлый предводитель горныхъ силъ.

Почіетъ лѣсъ въ серебряномъ туманѣ
И быстрый ключъ свой бѣгъ остановитъ;
Морозами окованный заранѣ,
Онъ не бѣжитъ — дышанье пританѣ.

Какъ тихо все и въ небесахъ и въ погѣ!
Душа моя возносится горѣ —
Готовъ огонь святой на алтарѣ...

Но взоръ поэта винитъ по-невозгѣ:
Кого любилъ — ей ужъ нѣту болѣ:
Какъ звѣздочка погасла на зарѣ...

Н. Бергъ.

Ф. ПАЛАЦКІЙ.

Францъ Палацкій, знаменитый исторіографъ чешскаго королевства и отецъ новѣйшей чешской исторіи, родился 2-го (14-го) іюня 1798 года въ

деревнѣ Годславицахъ, Преровскаго округа на Моравѣ. Окончивъ курсъ ученія въ Пресбургскомъ лицей и въ Вѣнскомъ университетѣ, онъ издалъ «Начатки чешской просодіи» — сочиненіе, предсказавшее въ немъ замѣчательнаго ученаго. Поселившись съ 1823 года въ Прагѣ, онъ употребилъ всѣ свои усилія на то, чтобы убѣдить своихъ соотечественниковъ въ возможности воскресить чешскую народность. Усилія его увѣличались успѣхомъ и Палацкій принялъ редакцію журнала, основаннаго при Чешскомъ Музее, въ которомъ сталъ проводить свои взгляды. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ усердно изучалъ источники, разбросанные въ чешскихъ архивахъ и европейскіхъ бібліотекахъ Берлина, Мюнхена, Дрездена, Вѣны, Рима и другихъ. Историческія изслѣдованія и монографіи, которыя онъ сталъ помѣщать въ своемъ журналѣ, доставили ему вскорѣ громкую извѣстность — и онъ былъ облеченъ въ званіе чешскаго исторіографа, съ жалованіемъ въ 1000 гульденовъ — званіе, которое остается за нимъ до-сихъ-поръ. Литературная дѣятельность Палацкаго началась очень рано: въ 1828 году онъ издалъ «Старыя чешскія лѣтописи», въ 1830 — замѣчательное изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: «Община древне-чешскихъ историческихъ писателей»; въ 1836 году появилось начало его обширной и знаменитой «Исторіи чешскаго народа» — сначала на нѣмецкомъ, потомъ на чешскомъ языкѣ — которую онъ продолжаетъ до-сихъ-поръ. Кромѣ того, съ 1840 по 1844 годъ онъ издавалъ «Чешскій Архивъ», куда вошло множество любознательныхъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ чешскихъ и иностранныхъ архивовъ. Въ 1848 году Палацкій выступилъ на политическое поприще, и былъ самымъ вліятельнымъ представителемъ національной партіи, которая настаивала на федераліи, направленной противъ нѣмецкихъ стремленій включить Чехію въ германское единство и противъ вѣнской централизаціи. Отказъ участвовать въ засѣданіяхъ франкфуртскаго сейма напекъ на Палацкаго вражду нѣмецкой партіи, которая озлобилась даже до того, что готовила ему насильственную смерть отъ руки наемнаго убійцы. Не смотря на всеобщее раздраженіе, австрійское правительство два раза предлагало Палацкому мѣсто министра просвѣщенія, но онъ каждый разъ отказывался, расходясь въ возмущеніяхъ съ остальными членами министерства. Конечъ революціи удалилъ Палацкаго съ политическаго

поприща, на которомъ онъ дѣйствовалъ какъ членъ вѣнскаго и кромѣржанскаго сеймовъ; новая конституція опять дала ему мѣсто въ верхней вѣнской палатѣ. Важнѣйшій литературный трудъ Палацкаго есть его «Исторія чешскаго народа», доведенная теперь, послѣ нѣсколькихъ томовъ, до XVI столѣтія и которую онъ ведетъ параллельно на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ. Книга Палацкаго написана по вѣсьмъ требованіямъ исторической критики, на основаніи обширнаго изученія источниковъ, и имѣетъ въ глазахъ чеховъ высокое національное значеніе. Что же касается самого изложенія, то оно обязываетъ въ авторѣ значительный литературный талантъ. Въ 1867 году Палацкій, вмѣстѣ съ другими славянскими гостями, посѣтилъ московскую этнографическую выставку, причемъ встрѣтилъ, какъ въ Петербургѣ такъ и въ Москвѣ, самый радушный пріемъ.

ГОРА РАДОСТЬ.

Какъ Славія, влаждющая міромъ,
Высоко вознеслася — и океаны
У вѣчнаго шумять ей престола
И сонми преклоняются союзницъ:

Такъ поднимается высоко Радость,
Свою главу сѣду въ тучахъ края,
А въ глубинѣ земли свои основы,
И царствуетъ достойно надъ горами.

Хвала тебѣ, гора! Карпатъ смиренно
Склоняется, стоишь ты падуя;
Склонилась также сонми горъ Судетскихъ...
Цари межъ нихъ со славой и мирно!

Когда чело твое мрачится гнѣвомъ —
Съ высотъ твоихъ текутъ послушно тучи,
Вооружась перунами, и стонетъ
Земля внизу отъ края и до края.

О Радость! подыми свою корону,
Алтарь славянъ и вѣрный славянъ мать
Твоей ликъ, смотрящій весело и ласно,
Въ сердцахъ славянъ веселье пробуждаетъ.

Давно уже ждѣтъ не дымится жертвы
Пламенъ гостинскихъ и въ священномъ роуцѣ
Не слышатся воззванія къ Радостю:
И храмъ, и жрець на-вѣки омытъ.

Лишь старый дуб хранит святую тайну
И в души ослабивши потомков
Влагает сил их отцов усопших,
Подъ тихий говор дремящих дѣвъ.

Принять тебѣ отъ грѣвъ моей весны,
Достойная почитанья перница!
Какъ радостно душа въ тебѣ стремится!
Дай мнѣ принять въ тѣни твоей святини!

Здѣсь изъ живыхъ истоковъ я хочу
Славянскія вѣсело черпать силы,
Чтобъ чистый звукъ мой славянской лиры
Въ скалахъ Олимпа гордаго отдался!

Н. Бергъ.

Ф. Л. ЧЕЛЯКОВСКИЙ.

Францъ Ладиславъ Челяковский, знаменитѣйшій изъ чешскихъ поэтовъ и восторженный панславистъ, родился 23-го февраля (7-го марта) 1799 года въ Страконицахъ. Отецъ его былъ столяръ и смотрѣлъ на сына, какъ на своего преемника по ремеслу, хотя тотъ не чувствовалъ къ нему ни малѣйшаго призванія. По окончаніи гимназическаго курса, Челяковский слушалъ философію отчасти въ Линцѣ, отчасти въ Прагѣ, гдѣ сошелся съ Камаритомъ, Хмѣленскимъ и Винарицкимъ, прославившимися впоследствии какъ чешскіе литераторы. Первыми печатными его произведеніями были «Разсказъ Стихотворенія» и «Славянскія Народныя Пѣсни», изданныя въ 1822 году. Затѣмъ, послѣдовали переводы: «Листки изъ Прошлаго» Гердера, «Сестры» Гёте и «Дѣва Озера» В. Скотта. Въ 1825 году онъ издалъ альманахъ «Долница», а въ 1827 — «Литовскія Народныя Пѣсни». Но настоящая известность Челяковского начинается съ 1829 года, когда онъ издалъ свой «Отголосокъ Русскихъ Пѣсенъ», въ которомъ ему удалось весьма мастерски передать характеръ русской народной поэзіи. Успѣхъ книги былъ чрезвычайный, и чешская критика говоритъ до сихъ поръ, что если бы Челяковский не написалъ ничего больше, то одинъ «Отголосокъ» обезпечилъ бы ему мѣсто между первыми поэтами. Его «Отголосокъ» не есть одно подражаніе русскимъ пѣснямъ, не ограничивается по-

втореніемъ всѣмъ извѣстнымъ народнымъ мотивомъ, но умѣетъ стать на народно-поэтическую точку зрѣнія и приложить ее къ новому содержанию. Такой же трудъ совершилъ онъ и относительно чешской народной поэзіи въ «Отголоскѣ Чешскихъ Пѣсенъ», изданныхъ имъ въ 1840 году. Въ томъ же году вышла и его «Столѣтая Роза», которая, не смотря на свою космополитическую, отмеченную и даже нѣсколько сумбурную поэзію, представляетъ эпизодъ весьма живые и интересные, гдѣ авторъ обращается къ своей національной дѣйствительности.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Челяковский задумалъ-было отправиться въ Россію, въ надеждѣ получить тамъ кафедру славянскихъ языка и литературы; но дѣло не устранилось и онъ, послѣ долгихъ колебаній, остался въ Чехіи, гдѣ ему, около этого времени, предложили мѣсто адъюнкта при Пражскомъ университетѣ, по кафедрѣ чешскаго языка, которую онъ и принялъ. Въ 1834 году ему была вѣрена редація «Пражскихъ Новинъ». Во время польскаго возстанія 1831 года Челяковский горячо защищалъ сторону русскихъ, но по усмиреніи возстанія его мнѣнія измѣнились — и онъ сталъ сочувствовать полякамъ. Эти симпатіи перенесъ онъ и въ свою газету. Вѣдѣтельство русскаго посольства въ Вѣнѣ было причиной, что Челяковский потерялъ и профессору, и редакторство. Нѣсколько лѣтъ послѣ того прожилъ онъ въ Прагѣ въ большой нуждѣ. Наконецъ, въ 1842 году, его пригласили занять кафедру въ Берлинскомъ университетѣ. Здѣсь провель онъ около семи лѣтъ; но въ 1849 году, вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ, онъ оставилъ Берлинъ и занялъ ту же кафедру въ Прагѣ. Съ этого времени славянскія филологія стала исключительнымъ его занятіемъ. Лучшимъ сочиненіемъ его по этой части считается «Чтеніе о сравнительной славянской грамматикѣ», изданное въ 1852 году, уже по смерти автора. Начиная съ первыхъ мѣсяцевъ 1852 года, всякаго рода несчастья и непріятности стали страшать на впечатлительную голову Челяковского и сильно поматнули его здоровье, а внезапная смерть младшаго ребенка и, хотя давно-ожиданная, но тѣмъ не менѣе тяжелая, утрата любимой жены, умершей отъ чахотки, повергла его въ глубокую меланхолію: онъ сталъ гаснуть какъ свѣча — и 5-го августа 1852 года, въ 6 часовъ вечера, Чехія потеряла одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ сыновъ.

I.

ВЕЛИКАЯ ПАНИХИДА.

То не градомъ побиты, не дождикомъ,
Не пшеница лежитъ со грѣхкою:
Полегло подъ Москвою, подъ матушкую,
Много воинства храброго русскаго,
Много воинства тамъ и французскаго,
Преклоняя головы ко снрой землѣ,
Переколотаго, перебитаго,
Чтѣ мечами, штыками и конями,
Чтѣ картечью, гранатами, пулами.
Ой, вы дѣти единыя матушки!
Стороны ли родной вы защитнички,
Мнѣ за вашу любовь и за подвиги
Панихиду свершила великую,
Панихиду, какой не привидано,
О какой никогда и не слыхано.
Не достаю свѣчей воску яраго,
Не хватало на cadaго ратника,
Мы одну вамъ свѣчу всѣмъ затеплили,
Въ храмѣ Божьемъ, подъ синимъ подъ куполомъ:
Мы зажгли вамъ свѣчу — Москву-матушку,
Милымъ дѣтушкамъ на спокой души
И на диво, на страхъ — врату лютому!

Н. Бергъ.

II.

УЗНИКЪ.

Какъ въ Азовѣ то было въ славномъ городѣ,
Чтѣ у моря ли у Азовскаго:
Тамъ стояла тюрьма, темна тѣмнина,
Въ той темницѣ сидѣлъ добрый молодецъ,
Доброй молодецъ — донской козакъ,
Атаманъ лихой войска козацкаго.
Нѣтъ у молодца друга-товарища,
Только есть у него злые недруги,
Злые недруги — раны смертельныя;
Еще есть у него злой насмѣшничекъ,
Злой насмѣшничекъ — свѣтель мѣсяць:
Презъ окошко онъ круглое, косящее
Все заглядываетъ въ тюрьму, усмѣхается,
Надъ бѣдою козака издѣвается.
Какъ возговоритъ донской козакъ,
Говоритъ козакъ ясу мѣсяцу:
«Гой ты, гой вси, ясьнѣ мѣсяць!
Что ты такъ надо мною насмѣхаешься,

Надъ бѣдой моей, невзгодой издѣваешься!
Какъ бы панала я по Дону по тихому,
На байдарѣхъ моей бѣлопарусной
И взмолю бы, показавъ ты на небѣ,
Отразили бы въ водяныхъ струяхъ:
Я достаю бы тебя удалымъ колымъ,
Не конькомъ, такъ стѣржамъ каменнымъ,
А я прогналъ бы тебя съ неба синяго,
Принюдавилъ бы тебя я ко дву рѣки —
И лицо бы твоѣ затуманилось,
Помрачилось бы, какъ мое теперь!
Ты не ставъ бы впередъ, мѣсяць, тѣшитъся,
Надъ невзгодьемъ чужимъ насмѣхаться!»
То сказавъ, провѣщавши, донской козакъ,
Атаманъ лихой войска козацкаго,
Обнаживъ свои раны глубокия:
Потекая изъ нихъ кровь горячая,
Преклонился козакъ головой на грудь,
Изъ груди душу смѣлую вынулъ,
Душу смѣлую — козацкую.
Тутъ померкли на небѣ звѣзды ясныя,
Сверился мѣсяць за темными гучами,
А тѣ гучи дождемъ разразились,
Окрошили слезами мать сыру землю.

Н. Бергъ.

III.

З И М А.

На разсвѣтѣ разы, въ утро зимнее,
Не соколы летѣлы во чистомъ полѣ —
На конѣ лихомъ летѣлъ молодецъ.
Онъ съ крутой горы, какъ стрѣла, летитъ:
Отъ коня копя его вѣрнато
Только шелью свѣтъ къ облакамъ летитъ;
Изъ позадней копы не огонь вылетѣтъ —
Изъ позадней летятъ бжестки инея.
И примчался конь прежде времени
На знакомый дворъ, имъ оставленный.
Добрый конь заржалъ громко, несено,
Громкимъ голосомъ гнавулъ молодецъ.
Во свѣтлѣнѣ жъ красна дѣвица
У окна стоитъ у замерзшаго;
Не признавши вдругъ копы борзато,
Не признавши вдругъ добра молодца,
Но размысливши женскимъ разумомъ,
Про себя она такъ промолвила:
«Что за старецъ тамъ, что за дѣдушка
На дворѣ у насъ? Какъ отъ старости

Посидѣлъ его длинный усъ и бровь!
 Какъ бѣды его кудри длинныя!
 Снова гикнулъ тутъ добрый молодець,
 За узду коня привязавъ къ кольцу
 И громчій вскричалъ: «Гей, душа моя!
 Выходи встрѣчать меня, милый другъ!»
 И узнала тутъ она милого,
 И, узнавъ его, къ нему бросилась,
 Обвила рукой бѣлоснѣжную
 Вокругъ вѣрота добра молодца...
 Глядь — съидъхъ кудрей словно не было:
 Такъ тепло она обвила его;
 Посмотрѣла въ очи милого —
 Почернѣла вдругъ и сѣдая бровь,
 А къ устамъ его лишь прижалась —
 Почернѣлъ-стемнѣлъ богатирскій усъ.

М. Петровскій.

IV.

ВСЯКОМУ СВОЕ.

о п ѣ.

Какъ хороша природа! утромъ встаю,
 Я шью въ саду благоуханье травъ
 И слушаю, какъ на деревьяхъ птицы
 Поютъ привѣтъ явленію денницы.
 Межь-тѣмъ волшебнымъ зеркаломъ волны
 Зелене брета отражены,
 И лѣсъ, и неба отраженнаго сноды...
 Какъ хорошо мнѣ посреди природы!

о п а.

Да! много есть чудесъ: и я, отъ сна
 Кофейникомъ моимъ пробуждена,
 Встаю — и въ нѣтъ сладкой и приятной
 Глотая Мокки нектаръ ароматный;
 А тутъ несетъ портника мнѣ нарядъ,
 И въ зеркало огнищу и броситъ взглядъ,
 Чтобъ видѣть — все ли въ мѣру и по модѣ...
 Да! много есть прекраснаго въ природѣ!

о п ѣ.

Пойдемъ, мой другъ, природы въ пышный храмъ,
 Пойдемъ бродить по бархатнымъ лугамъ,
 Гдѣ розы и лилеи вѣтроу дышатъ,
 Гдѣ ихъ зефиры сладостно колыхаютъ,
 И розанами тѣми и плющомъ
 Себѣ чело и кудри мы увѣемъ,

Забывъ на мигъ житскія невзгоды...
 Пойдемъ, мой другъ, скорѣе въ храмъ природы!

о п а.

Нѣтъ! лучше, другъ, пойдемъ имъ въ магазинъ:
 Мнѣ тамъ уборъ понравился одинъ;
 На немъ фиалки, розы и лилеи
 Мнѣ настоящихъ краше и милѣе;
 Не суждено имъ вовсе увядать,
 Зефиръ ихъ также будетъ колыхать
 Какъ на бульварѣ отравляюся я порою...
 Пойдемъ скорѣе въ этотъ храмъ съ тобою!

Н. Бергъ.

V.

ИЛЬЯ ВОЛЖАНИНЪ.

Ужъ покрылась земля ночнымъ сумракомъ,
 Въ небѣ звѣздочки загорѣлися,
 И съ прогулки домой дѣти малыя
 Къ матерямъ своимъ воротилися;
 Лишь одно дитя — молодой Илья,
 Спитъ честной вдовы, Маренъ Андреевны,
 Не пришло домой къ своей матери.
 Завелга тоска въ сердце вѣщее
 Молодой вдовы Маренъ Андреевны,
 Знать недоброе сердце получало.
 Вотъ зоветъ она въ страхѣ, въ горести
 Вѣрныхъ слугъ своихъ и прислужниковъ,
 И ведетъ ихъ такую рѣчь:
 «Ой вы, слуги мои, слуги вѣрныя!
 Вы зайдите свѣчи воску враго
 И подите все въ разныя стороны,
 И ниште вездѣ, и спрошайте у всѣхъ,
 Не видаль ли кто моего Илья,
 Моего сника ненагляднаго.
 Кто найдетъ его, приведетъ ко мнѣ,
 Тому дамъ въ награду сто рублей,
 Дамъ въ придачу шубу соболонную.
 Получивъ приказъ, слуги вѣрныя
 Разошлись посрѣщю по городу;
 Исходили его изъ конца въ конецъ,
 Въ поле чистое путь направили,
 Поперекъ и вдоль его избѣгали,
 Въ темный лѣсъ пошли — никого не нашли,
 Долго вѣдали — не дожидались
 И домой безъ Илья воротилися.
 Вотъ идетъ сама, закурчивишися,
 Молодая вдова Марена Андреевна

Съ двумя слугами по городу,
 Воздыхаючи, будто пташечка,
 Будто горячка одинокая;
 Вотъ идетъ она горемычная,
 Изъ воротъ идетъ въ поле чистое,
 Переходитъ его до большой рѣки,
 До широкой рѣки Волги-матушки,
 На крутомъ берегу становится,
 Сама плачетъ — разливается.

Не цвѣточекъ бѣлѣетъ подъ кустикомъ:
 То сорочка лежитъ полотняная,
 Та ль сорочка ея сына милого.
 Какъ возговоритъ Марена Андреевна,
 Горючымъ слезами обливается:
 «Ты дитя мое безтаданное,
 Мое дитятко ненаглядное!
 Не всегда ли я, мое дитятко,
 Зарѣкала тебѣ крѣпко на крѣпко:
 Не ходи ты, дитя, къ Волгѣ-рѣкѣ,
 Не купайся въ ней — унесетъ тебя,
 Унесетъ тебя на дно въ себѣ,
 Вѣдь занеслина Волга-матушка:
 Не родилась у ней молодцовъ-сыновей,
 А родилась у ней только дочери,
 Однѣ дочери — воды быстрыя,
 Вотъ и крадетъ она чужихъ сыновей,
 Выдастъ за нихъ своихъ дочерей,
 Сердце матери горемъ сокрушаючи!»

Да не слышитъ, не видитъ молодой Илья,
 Какъ тоскуетъ мать его родимая,
 Горемычная вдова Марена Андреевна.
 Онъ гуляетъ себѣ несвѣхонекъ
 Подъ рѣкой внизу, подъ зеленой волпой,
 Въ золотомъ дворцѣ Волги-матушки.
 Онъ смотритъ кругомъ — не насмотрится
 И на всѣ чудеса не наднуется:
 Поголки и стѣны тамъ хрустальные,
 Изумрудами и алмазами,
 Будто звѣздами, поуспаны,
 А поны-то изъ чистаго золота,
 Изукрашены цвѣтами серебряными.
 Вотъ выходитъ Илья изъ воротъ дворца,
 Онъ выходитъ въ садъ Волги-матушки.
 Тамъ не яблоки цвѣтутъ, не смородина,
 А деревья какия-то чудесныя,
 Да кусты еще того чудеснѣе;
 Кто не видѣлъ ихъ — не представитъ себѣ,
 Кто увидитъ ихъ — не повѣритъ очамъ:
 На деревьяхъ кругомъ, вмѣсто яблоковъ,

Дорогія висятъ все жемчужины;
 А кусты-то все корольковыя
 Съ изумруднымъ все листочками,
 Съ бирюзовыми все цвѣточками,
 И блещатъ они, какъ облитые
 Яркой радугой семипѣтною.

Вотъ и ночь пришла — молодой Илья
 На постельку лѣтъ изъ рѣчной травы,
 Моху мягкаго, что лебяжій пухъ.
 Вдругъ не гусли заигли, не гудокъ загудѣлъ,
 Заиграда музыка дивовиная:
 Будто стѣны все кругомъ съ потолкомъ
 Въ струны звонкія обратилися,
 И все дочки Волги-матушки,
 Дочки рѣвныя — струйки быстрыя,
 Прибѣжали къ нимъ, заиграли на нихъ
 И заигли надъ шмъ пѣсню чудную;
 И отъ пѣсни той дѣрма сладкая,
 Золотые сны навѣваючи,
 Очи молодца померзла.
 Какъ проснется онъ, какъ захочетъ онъ
 Поѣсть, поспитъ, позабавиться,
 Ему пиццо — рыбки вкусныя,
 А питьемъ ему — янтарный медъ,
 А въ забаву, въ угѣху дѣтскую —
 Нанесетъ ему Волга-матушка
 Разныхъ дѣвъ рѣчныхъ, дѣвѣныхъ раковинъ
 Изъ далекаго моря синяго.

Тамъ живетъ себѣ во хрустальномъ дворцѣ,
 Подъ рѣчной волной, молодой Илья,
 Илья Волжанинъ по прозванію;
 И живетъ ужъ онъ — не годъ, не два —
 А ровненьшенько двѣнадцать лѣтъ;
 Возмужалъ, овѣрѣлъ онъ въ двѣнадцать лѣтъ
 И получалъ свою силу богатирскую;
 Но прискупило ему, одинокому,
 Безъ товарищей и безъ сверстниковъ,
 Захотѣлось ему на людей посмотрѣть,
 На людей посмотрѣть и себя показать,
 И онъ молвилъ такъ Волгѣ-матушкѣ:
 «Гей, ты Волга-рѣка, мать назвала!
 Отпусти ты меня, добра молодца,
 Погулять наверхъ, на зеленый лугъ,
 Погулять на немъ вольной пташкѣю:
 Подешу я тамъ свѣжикъ воздухомъ,
 Польбуюсь тамъ краснымъ солнышкомъ,
 Да порабуюсь на другихъ людей.
 Мнѣ прискупило во дворцѣ твоемъ;
 Мнѣ давнымъ-давно опостыдѣли

Иста сладкия, игры дѣтскія,
 Да и дочки твои бѣлогрудыя,
 Дай коня ты мнѣ черногриваго,
 Дай мнѣ лугъ тугой, да булатный мечъ,
 Дай доспѣхи мнѣ богатырскіе,
 Да кочанъ со стрѣлами каменными
 И, какъ мать сына, спаряди меня
 Въ путь-дороженьку далекую.»

Но ни слова въ отвѣтъ ему Волга-рѣка,
 Будто рѣчи его не слышала:
 Не хотѣлось ей отпустить его.
 И разгнѣвался добрый молодецъ,
 Разгорѣлась въ немъ кровь богатырская,
 И промовилъ онъ слово грозное:
 «Слушай, Волга-рѣка, не гнѣви меня!
 Не вспоримъ тебѣ волка сѣраго,
 Не взлезать орда сизокрылаго!
 Коль не дунешь меня вольной ногою,
 Разобью въ конецъ твой хрустальный дворецъ,
 Поломаю деревья диковинныя,
 Лишь осколки оставлю да щепочки
 И насильно уйду на зеленый лугъ!»
 И, промовивъ, рукою могучею
 Какъ ударитъ въ сердцахъ Илья Волжанинъ
 По широкому столу, по хрустальному —
 Въ мѣли дребезги разлетѣлся стогъ,
 Будто искрами весь рассыпался.
 Испугалась тогда Волга-матушка
 И всѣ дочки ея разбѣжались.
 Спарядила она въ путь-дороженьку
 Своего сына нареченнаго
 И простилась съ нимъ съ горькимъ ропотомъ,
 Волны черныя воздымаючи,
 Корабли въ сердцахъ разбиваючи.

Какъ увидѣлъ себя Илья Волжанинъ
 На зеленомъ лугу, на муравчатомъ,
 Какъ дохнуть онъ вѣтерной свѣжымъ воздухомъ,
 Такъ сердечко въ немъ и запырало,
 Такъ по жиламъ всею какъ огонь пробѣжалъ.
 Видитъ молодецъ — ходитъ по лугу,
 Травку шишечки, богатырскій конь:
 Грива черная до земли виситъ,
 Очи ясные какъ огни горятъ.
 На конѣ сѣдлецо чернаское,
 У сѣдла виситъ броня крѣпкая,
 Дорогая броня, вся серебряная,
 Съ золотомъ насѣткой, съ разводами,
 И булатный мечъ, и лугъ тугой,
 И кочанъ со стрѣлами каменными.

Одѣвается Илья Волжанинъ
 Въ тѣ доспѣхи богатырскіе:
 Грудь широкую, молодецкую
 Покрываетъ броней со кольчугою,
 А шлемомъ златымъ — гудри русмя,
 Опосалъ станъ булатнымъ мечомъ,
 Закопалъ за плеча лугъ со стрѣлами
 И, садясь на коня черногриваго,
 Поклонился рѣкѣ Волгѣ-матушкѣ
 За подарки ея драгоценныя,
 Струйкамъ — дочкамъ ея — рукою махнулъ
 И стрѣлой полетѣлъ въ поле чистое.
 Вотъ и вспомнилъ тогда Илья Волжанинъ
 Про свою родимую матушку,
 Про богатую вдову Марю Андреевну;
 Захотѣлось ему поглядѣться съ ней,
 Повидаться съ ней, поклониться ей
 И сказать ей слово признанное.
 И прѣхалъ онъ въ тому городу,
 Гдѣ жила она одинокая —
 И не можетъ узнать своей родины,
 Измѣнилось все на святой Руси,
 Зналъ не доброе съ нею подѣлялось:
 Тамъ, гдѣ городъ стоялъ, гдѣ домъ матери,
 Груды каменной лежатъ почернѣлыя,
 Да столбы торчатъ обгорѣлыя;
 Гдѣ сады красовались тѣнистые,
 Тамъ расросся бурьянъ со крапивою;
 Гдѣ гулялъ-ликовалъ православный народъ,
 Тамъ лишь згины пилитъ пологатый.
 Закручинился младъ Илья Волжанинъ
 И промовилъ слово печальное:
 «Той, ти городъ большой, моя родина!
 Ты повѣдай мнѣ, добрый городъ мой,
 Какой недругъ злой разорилъ тебя,
 Сокрушилъ твои стѣны крѣпкія,
 Попалилъ огнемъ храмы Божьи
 И херомъ твои величавыя,
 И родимый домъ моей матушки,
 Той разумной вдовы Марон Андреевны?
 Гдѣ, скажи мнѣ, твой православный народъ
 И гдѣ матушка моя родимая?»
 И въ отвѣтъ ему голосъ невѣдомый
 Изъ развалинъ сказалъ вѣсть недобрую:
 «Охъ! свирѣпый врагъ, супостатъ лихой
 Разорилъ меня, сокрушилъ меня;
 Гордый ханъ Угадай со своей ордой
 Налетѣлъ на меня безопадной грозой
 И мечомъ порубилъ, и огнемъ поपालилъ
 Всѣ дома мои, стѣны крѣпкія,
 Храмы Божьи, златоверхіе,

И весь добрый мой православный народъ,
 И родимую твою матушку,
 Ту богатую вдову Марю Андреевну.
 Но послушай еще, что затѣялъ врагъ:
 Онъ затѣялъ, злодѣй, все низовье спалить,
 Онъ затѣялъ еще всею въ конецъ разорить
 Наму родину — Русь православную!»
 Какъ болѣло тогда, надрывалось
 Сердце молодца отъ вѣсти той!
 Двѣ слезинки изъ глазъ его канули:
 И одна была въ память городу,
 А другая была въ память матери.
 И на полдень, вздохнувъ, обратился онъ,
 И помчался опять въ поле чистое.
 Но орелъ летитъ по поддѣбесью,
 Сначетъ молодецъ на лихомъ конѣ;
 Сначетъ онъ черезъ доль, черезъ темный боръ,
 По высокимъ горамъ, по широкимъ рѣкамъ,
 Видитъ сѣла кругомъ разоренныя,
 Городовъ печальна чечальныя,
 Видитъ трупы повсюду гниюще
 И по нимъ свой путь держитъ на полдень.
 Сначетъ далѣ младъ Илья Волжанинъ,
 Сначетъ день и ночь безъ устали,
 И увидитъ онъ на четвертый день
 Поле чистое; на томъ на полѣ,
 Будто озеро пораскинулось,
 И блещитъ оно, и горитъ оно
 При лучахъ золотыхъ зари утренней:
 То двухъ ратей брони вороныя
 И блещитъ, и горитъ на солнцѣхъ.
 И одна то изъ нихъ, небольшая рать,
 Наша русская, православная,
 А другая рать несмѣтная —
 То поганая рать татарская.
 И кипитъ межъ ними кровавый бой,
 И густымъ столбомъ вѣется пилъ кругомъ,
 И щипа о щипа, и мечи объ мечи
 И звучатъ, и трещатъ, ударяясь,
 Стономъ стонетъ земля, колышется...
 Но слабѣетъ рать православная:
 Будто волны, Орда океанная
 На нее набѣгаетъ со всѣхъ сторонъ;
 Приружили сердца русскихъ витязей.

Не стрѣла пролетѣла громовая
 Сквозъ ряды татаръ супротивные:
 То ударилъ на нихъ Илья Волжанинъ,
 Распался богатырской отвагою;
 Гдѣ стрѣлу метнетъ, гдѣ мечомъ махнетъ,
 Такъ и валются татары поганые,

Какъ отъ вѣтра порой осенній листь,
 Какъ трава подъ косой застрѣноюю.
 И побилъ онъ ихъ, потопталъ коземъ
 Да ни мало, ни много — двѣ тысячи.
 Вдуть на встрѣчу ему богатырь летитъ,
 Молодой Багадуръ, Угадавъ зять.
 Вотъ столкнулись они, какъ скала со скалой,
 И вступаютъ они въ одиночный бой:
 Какъ взмахнуть мечами булатными;
 Только искры дождемъ съ брони сыплются,
 Да ни тотъ, ни другой не слыхнется.
 Темный боръ гудитъ отъ ударовъ мечей,
 Пыла глубоко валитъ съ богатырскихъ коней
 И земля дрожитъ подъ копытами.
 Красное солнышко въ догудѣ стоитъ,
 А у витязей бой сильнѣй кипитъ;
 Распался Илья Волжанинъ,
 Распался Угадавъ зять.
 Вотъ собралъ подъ конецъ силу-мощь свою
 Молодой Багадуръ и ударилъ Илью,
 И упалъ подъ нимъ черногривый конь,
 Да и самъ Багадуръ подъ мечомъ Илья
 На земь палъ съ коня, не слыхнется,
 Какъ утесъ вѣковой, отъ горы родной
 Грономъ Божимъ отсѣченный.

Да и съ нимъ бѣда приключилася,
 Съ молодымъ Ильею Волжаниномъ:
 Вѣдь не конь подъ нимъ черногривый палъ,
 А рѣчной несекъ разсыпался;
 Вѣдь не острый мечъ изъ руки скользнулъ,
 Щуца-рыба скользнула проворная,
 Шлемъ и щипъ его, броня крѣпкая
 Обратилась всѣмъ въ череныхъ рѣчничихъ;
 Стрѣлы острыя, закаленные
 Стали рыбками серебристыми.
 Такъ распался передъ нимъ во прахъ
 Всѣ подарки рѣки Волги-матушки!
 Такъ остался младъ Илья Волжанинъ
 Одинокъ, безъ коня, безъ оружія,
 Посреди враговъ многочисленныхъ!

Вотъ обѣжался татары большой толпой
 И, со всѣхъ сторонъ окруживъ его,
 Положили они добра молодца
 И къ царю привели, къ хану грозному,
 Къ Угадѣи тому Угадаевичу.
 И, велѣвъ его ханъ, горемичнаго,
 Запереть въ тюрьму подземную
 И за шевъ цѣпами желѣзными
 Къ двумъ столбамъ приковать крѣпко на крѣпко,

И велѣлъ потомъ лютой мукою
Иавурять его тѣло бѣлое,
За татаръ своихъ, побитыхъ имъ,
Да за зятя своего любимаго.
И на первый день его мучили:
Твердо вынесъ Илья муку страшную;
На второй день опять его мучили,
Да не дрогнулъ Илья и отъ муки той;
Вотъ на третій день самъ ханъ пришлоу
И другихъ съ собой палачей привелъ
И такую рѣчь оуъ къ Илѣ повелъ:
«Добрый молодецъ, Илья Волжаннинъ!
Коли хочешь ты быть со мной за одно,
Коли примешь нашу вѣру татарскую,
Дамъ награду тебѣ я великую,
Дамъ почетъ тебѣ и високой санъ,
Своей милостью тебѣ пожелаю
И отдамъ за тебя дочь любимую,
Молодую Кочкачу Угадаенну.
Коль откажешься, заурядишься
Ты исполнить мою волю царскую,
Ужъ тогда тебѣ, добрый молодецъ,
Не споситъ своей буйной головушки:
Я отдамъ тебя въ муку лютую,
Изорву въ куски тѣло бѣлое,
Разниму его по суставчикамъ
И голоднымъ исамъ на сѣдняе
Размечу по волю широкому.»

И смутился душой Илья Волжаннинъ,
И впервой тогда оуъ извѣдалъ страхъ.
Оуъ ни слова царю не сказалъ въ отвѣтъ,
Лишь молитву послалъ ко Всевышнему,
Съ теплою вѣрой молитву усердную:
«Ты Создатель мой! Ты Заступникъ мой!
Ниспошли Ты мнѣ избавленіе
Изъ татарскихъ рукъ, невѣрныхъ рукъ,
И спаси отъ копечной погибели
Мою душу грѣшную, недостойную!»
И услышалъ Господь то моленіе
И послалъ Оуъ ему избавленіе:
Вдругъ ударилъ громъ сокрушительный
Въ ту тюрьму, гдѣ сидѣлъ Илья Волжаннинъ,
И убилъ на повалъ палачей его,
Оглушилъ самого хана грознаго
И разбилъ кандалы-дѣви тяжкія,
И одинъ невредимъ и свободенъ сталъ
Чудомъ Божиимъ Илья Волжаннинъ.
И воспринулъ тогда добрый молодецъ,
Вырвалъ мечъ отъ бедра Угадаена,
Распидасталъ мечомъ врага на-полю,

Быстро вскинулся на коня его
И назадъ, на сторону родимую,
Полетѣлъ стрѣлою пернатомъ.
Какъ увидѣлъ оуъ Землю Русскую,
Свою родину православную,
Сосоконилъ съ коня и на землю палъ
И молитву принесъ благодарную,
Оуъ Заступнику милосердому
За чудесное свое избавленіе.

О. Миллеръ.

И. К. ХМЪЛЕНСКІЙ.

Иосифъ Красославъ Хмѣленскій родился въ 1800 году. Сынъ учителя, оуъ воспитывался въ гимназій, въ Будебвицахъ, гдѣ подружился съ знаменитымъ впоследствии Челябинскомъ. Затѣмъ, по окончаніи полнаго курса въ Пражскомъ университетѣ, оуъ вступилъ въ государственную службу, которой посвятилъ всѣ свои силы. Хмѣленскій умеръ въ 1839 году, имѣя всего 39 лѣтъ отъ роду. Какъ поэтъ, оуъ пользуется значительной популярностью среди чеховъ, благодаря легкости и изящной отдѣлкѣ своего стиха. Въ послѣдніе годы своей жизни оуъ составилъ и издалъ сборникъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Видокъ Патристическихъ Писень», имѣвшій большой успѣхъ.

ПУСТЫННИКЪ.

Тыш; гроза утомилася,
Бури нѣтъ ужъ и сѣдла;
Въ небѣ синемъ появилась
Свѣтлозарная звѣзда;

А за ней и мѣсяцъ ясный
Загорѣлся надъ рѣкой;
Дышетъ вечеръ сладострастный
Тайной нѣгой и тоской.

Лугъ въ росѣ благоухаетъ.
Какъ отрадно стало мнѣ!
Сердце сладко отдыхаетъ
Въ благодатной тишинѣ.

Я извѣдалъ бурь немало
Въ жизнь мятежную мою,

Бура била и метала
Подо мной мою ладью;

Но не сгинулъ я по счастью
Посреди пучинъ лихихъ,
Наступилъ конецъ невастью —
И теперь мой вечеръ тихъ.

Н. Бергъ.

К. ВИНАРИЦКІЙ.

Карлъ Винарицкій, писавшій въ началѣ своего литературнаго поприща подъ псевдонимомъ *Сластикъ*, родился 12 (24) января 1803 года въ городѣ Сланомѣ. Окончивъ тамъ гимназическій курсъ, оуъ поступилъ, въ 1818 году, въ Пражскій университетъ, а въ 1820 году — въ Вѣдскій, откуда черезъ годъ снова воротился въ Прагу и поступилъ на богословскій факультетъ. По окончаніи курса въ 1823 году, оуъ былъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, учителемъ дѣтей графа Штанка. Въ сентябрѣ 1825 года оуъ былъ рукоположенъ въ священника и получилъ мѣсто церемонарія при архіепископѣ пражскомъ, а въ 1829 году былъ сдѣланъ секретаремъ при немъ же. Затѣмъ, оуъ получилъ приходъ въ деревнѣ Кованѣ, потомъ — мѣсто декана съ Тыш-на-Влетавѣ и, наконецъ, сдѣланъ каноникомъ въ Вишеградѣ, пражскомъ Кремлѣ. Въ 1848 году Винарицкій былъ депутатомъ отъ младо-болеславскаго округа на рейхстагъ въ Вѣнѣ и Кромбюрнѣ. Винарицкій умеръ 12-го февраля 1869 года. Оуъ писалъ стихами и прозой, переводилъ съ мертвыхъ и живыхъ языковъ, и составлялъ азбуки и хрестоматіи. Изъ стихотворныхъ произведеній Винарицкаго лучшіе: «Сейми Звѣрей» (1844), «Букеты, стихотворенія для дѣтей» (1842 и 1845), «Варито и Лира» (1843) «Король Янъ Слѣшой», трагедія (1847) и «Отечество» (1863); изъ переводныхъ: «Переводы изъ Виргилія» (1828), «Переводы избранныхъ сочиненій Богуслава изъ Лобковица», съ латинскаго (1836) и «Священныя Перлы Пиркера», съ нѣмецкаго. Сверхъ того Винарицкій написалъ много статей въ «Часописѣ Католическаго Духовенства», начиная съ 1860 года, то есть со времени назначенія его редакторомъ этого журнала.

УМИРАЮЩЕЕ ДИТЯ.

Бѣдной матери не спится:
День и ночь она
Надъ дитѣй своимъ томится,
Горькая, безъ сна;
День она и ночь
Не отходить прочь.

А ребѣнокъ, умирая,
Кличетъ: «мать моя!
Что мнѣ, матушка родная,
Не выдать тебя?
Вижу только лѣсъ...
Вотъ и оуъ исчезъ...»

«Полю!» мать ему слово съ слѣзъ:
«Полю, будь бодрѣй!
Сонъ и тишина грѣшн
Прогони скорѣй!
Не лѣса, а мать
Предъ тобой опять!»

Бѣдной матери не спится,
День и ночь она
Надъ дитѣй своимъ томится,
Горькая, безъ сна;
День она и ночь
Не отходить прочь.

Вновь ребѣнокъ въ ней взываетъ:
«Матушка моя!
Кто-то тамъ, вдали, слышитъ
И зоветъ меня...
Брѣдъ позади...
Матушка, гляди!»

«Вотъ оуъ, вотъ оуъ у порога,
Въ ризѣ облаковъ,
И показываетъ много
Райскихъ мнѣ садовъ...
Самъ какъ солнце оуъ...
То не сонъ, не сонъ!»

Мать беретъ ребѣнка въ руки,
Слушаетъ, глядитъ...
Но, оуви! утѣхи звуки —
Мальчикъ словно спитъ,

И какъ лучъ погасъ
Влещъ лазурныхъ глазъ...

Н. БЕРГЪ.

II.

МОЛОДОЙ ПРОВОЛОЧНИКЪ.

Мать выходитъ изъ Тренчина,
Съ мальчикомъ-сироткой;
Онъ въ большой, широкой шляпѣ,
Плащъ на немъ короткой.

Поднялся они на горку,
Стага плакать мати:
Смѣхъ идетъ отъ ней далеко
Хлѣбъ свой добывать.

Плача, мать его галуетъ,
Говоритъ съ тоскою:
«Незагадное ты солнце!
Свидимся ль съ тобою?»

— «Ахъ, не плачь, моя родная!
Не о чемъ круниться!
Богъ къ намъ милостивъ: поможетъ
Мнѣ Онъ воротиться!»

«На Моравѣ, на Влтавѣ
Хорошо вѣдъ плотять;
Люди добры: къ работѣ
Парня приохотятъ.

«Не крупись, моя родная,
Помолися Богу
И потомъ благословенье
Дай мнѣ на дорогу!»

Нѣжно мать онъ галуетъ,
Устремляя взоры
На Телчичскія угодья,
На лѣса и горы.

Вотъ ужъ онъ и на Моравѣ,
Вотъ и на Влтавѣ;
Всё въ рукахъ его спорится —
Онъ въ чести и славі.

Мать сиротку поддидаетъ,
Плачетъ, Бога проситъ:

Ей весною заработокъ
Добрый сынъ приноситъ.

Н. БЕРГЪ.

Я. Г. ВОЦЕЛЬ.

Янъ Герасимъ Воцель родился 12-го (24-го) августа 1803 года въ Кутной Горѣ, въ Чехии. Окончивъ курсъ въ мѣстной первоначальной школѣ, онъ поступилъ въ одну изъ гимназій въ Прагѣ; потомъ слушать курсъ философскихъ и юридическихъ наукъ въ Вѣнѣ. Съ 1824 по 1842 годъ онъ былъ воспитателемъ дѣтей въ разныхъ аристократическихъ домахъ, какъ-то — у маркиза Палавчиньи, у графа Штернберга, у князя Сальма-Сальма и, наконецъ, у извѣстнаго чешскаго патріота, графа Гарраха, и прожилъ это время въ южной Венгріи, Моравіи, верхней Австріи, Вестфаліи и Дрезденѣ, причемъ сдѣлавъ нѣсколько путешествій по Германіи, Голландіи, Бельгійи и Галліціи. Въ 1842 году Воцель возвратился въ Прагу и носвятилъ себя исключительно литературѣ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ сдѣланъ редакторомъ «Часописи» Чешскаго Народнаго Музея. Затѣмъ, онъ былъ избранъ въ члены Чешскаго Ученого Общества въ Прагѣ, а въ 1844 году — въ секретари археологическаго отдѣла въ Чешскомъ Народномъ Музее.

Въ 1848 году Воцель принималъ участіе въ народномъ движеніи, бывъ избранъ депутатомъ отъ жителей Кутной Горы на чешскій сеймъ, а потомъ отъ округа Полчскаго — въ вѣнскій рейхстахъ. Въ 1850 году онъ былъ приглашенъ занять каведру экстраординарнаго профессора чешской археологійи и исторіи искусства въ Пражскомъ университетѣ, вслѣдствіе чего долженъ былъ оставить редакторство «Часописи». Въ настоящее время онъ состоитъ ординарнымъ профессоромъ археологійи и исторіи искусства въ Пражскомъ университетѣ. Вотъ главнѣйшія изъ сочиненій Воцеля: «Арфа», трагедія (1825); «Премисловцы», поэма (1839); «Мечъ и Чапша», поэма (1843); «Исторія старочешскаго права наследства» (1861); «Первыя времена Чешской Земли» (1867) и другіе. Кроме того, онъ напечаталъ нѣсколько повѣстей и множество статей археологическаго и историческаго содержанія въ разныхъ журналахъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ «МЕЧЪ И ЧАША».

Стоитъ на распути двухъ разныхъ дорогъ
Дубъ старый, повсюду извѣстный:
Тамъ зрится подъ сѣнью зеленыхъ вѣтвей
Икона Царицы Небесной.

Вкругъ дуба высокія сосны стоятъ
И боръ покрываетъ дремучій
Долину и горы; для путника онъ
Сдается спящащей тучей.

Склоняется тамъ предъ иконой святой
И льбѣтъ неутѣшныя слезы
Печальна мать; на волнѣхъ при ней
Дѣвѣ дѣвочки — алма розы;

А далѣ — служанка сидитъ на скалѣ
И кони въ удепы глубокомъ
Паусятъ, а стражъ ихъ глядитъ черезъ тѣсъ
Задумчывымъ, горестнымъ окомъ.

То витязъ славянскій: такъ можетъ лишь онъ
Глядѣть на славянскія нивы,
Туда, гдѣ широкимъ вѣнцомъ изъ лѣсовъ
Тевтонъ окружилъ ихъ рѣшнвымъ.

Встревоженъ печалью своей госпожи,
Вдуртъ витязъ встаетъ — и, поспѣшно
Закривши могучею дланью лицо,
Ридаетъ, скорбитъ безутѣшно.

А дѣвочки мать обнимаютъ свою
И, въ кругъ соединившись тѣсною,
Тоскують и плачутъ по дѣтсыи онѣ,
И молятся Дѣвѣ Небесной.

А мать ихъ, къ Спасителю міра воздѣвъ
Глаза и дрожація руки,
Молитву читаетъ; стремится изъ устъ
За звуками жаркіе звуки...

Но солнце склонилось къ заходу; весь міръ
Во тьму погрузился густую —
И витязъ изъ рощи кома господѣ
Ведетъ за узду золотую.

Поднялася она, озираясь прожнть,
Исполнена тѣжкой тоскою,
Въ отечество чешское взоры стремитъ,
А слезы струятся рѣкою.

«Да будетъ, о Господи, воля Твоя!»
Рекла наконецъ королева:
«Предстательствуй въ Небѣ за чеховъ моихъ,
Принистал Матерь и Дѣва!»

Поѣхали; скрылись въ горахъ Шумовскихъ;
Не слышно ни стуку, ни звона...
Остался лишь дубъ вѣкопѣный одинъ,
Подъ дубомъ святая икона.

Н. БЕРГЪ.

И. П. КОУБЕКЪ.

Иванъ Православъ Коубекъ родился въ 1805 году въ Влтавѣ, въ Чехии. Упо во время ученія въ гимназійи и въ Пражскомъ университетѣ облизился онъ съ главными двигателями возрожденія чешской народности. Онъ готовился къ судебному поприщу, но предпочелъ остаться независимымъ отъ казенной службы, и получить мѣсто гувернера у одного знатнаго землевладѣльца въ Галліціи, а затѣмъ — секретари у извѣстнаго покровителя чешской литературы, графа Каспара Штернберга. Во время пребыванія въ Галліціи, онъ ознакомился съ литературами русскою и польскою и занялся переводами произведеній этихъ литературъ на чешскій языкъ. Въ 1839 году онъ былъ назначенъ профессоромъ чешскаго языка и литературы въ Пражскомъ университетѣ и занималъ это мѣсто до своей смерти, послѣдовавшей въ 1854 году. Въ теченіи своей тридцати-лѣтней литературной дѣятельности Коубекъ написалъ нѣсколько поэмъ и множество мелкихъ стихотвореній и прозаическихъ статей, оригинальныхъ и переводныхъ, разбросанныхъ по всемъ чешскимъ журналамъ того времени. Изъ поэтическихъ его произведеній пользуются особенной извѣстностью три слѣдующихъ: поэмы «Гроби славянскихъ поетовъ» и «Три сестры», и юмористическое стихотвореніе «Стусованіе поэта въ адъ». Собраніе его сочиненій было издано въ 1858 году въ Прагѣ, въ четырехъ томахъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ТРИ СЕСТРЫ».

Славяне, славяне! зкая васъ сила!
Плодная мать на свѣтѣ породила;
Сверху отъ Балтійки внизъ къ Адриатикѣ
Живетъ ваше племя и звучать языки;

Отъ Дона и Воги къ Шумавѣ дубравной
 Широко раскинутъ родъ лхой и славный.
 Мирные селане въ мирѣ и покоѣ,
 Въ битвахъ съ супостатомъ — храбры герои.
 Все вы, что ни есть васъ, все вы безъ изъятья
 Сдѣтрите, славане, какъ родные братья;
 Хоть отцовъ различныхъ — матери единой,
 Для чего жь не схожи вы своей судьбой?
 Для чего стойте другъ отъ друга грозно?
 И подчасъ глядите другъ на друга грозно?
 Были бь вы согласны, братья славяне —
 Были бь вы что сгнѣмъ въ единомъ колчанѣ,
 Хмѣлемъ бы винае вкрутъ одной тачини,
 Раздѣляя братски радость и кручини,
 Радость и кручини дѣли другъ со другомъ,
 Вмѣстѣ въ ратномъ полѣ, вмѣстѣ и за плугомъ,
 Смихъ общими смѣхомъ, общемо слезою
 Плача — были бь, братья, миру въ грозою!
 Да! вы бь одолѣли, съ цѣлымъ миромъ споря:
 Вспомните: васъ, братья, что неску у моря!
 Вспомните: васъ, братья, что на линахъ цѣбу!
 А какъ посчитаетъ — такъ и стоту йту!
 Что роствъ на ичваннѣхъ валитъ ино-время,
 Развонза Слава могучее племя;
 Что стоять колосевъ лѣтомъ въ цѣлой Ганѣ,
 Что валовъ гуляеть въ морѣ-океанѣ,
 Что свѣтилъ играетъ нѣ небу воцному —
 Вотъ васъ, братья, сколько по лицу земному
 Разсмано, бродитъ... кабы вамъ да счастье,
 Кабы спори броситъ да зажитъ въ согласѣ!...

Н. Бергъ.

И. Я. ЛАНГЕРЪ.

Иосифъ Ярославъ Лангеръ родился въ 1806 году въ Богданцѣ, въ Чехии. Учился онъ въ Прагскомъ университетѣ и рано обратилъ на себя внимание своимъ поэтическимъ дарованіемъ, въ свѣдѣніе чего нерепубликующіе чешскіе литераторы того времени припали въ немъ участие и выхлопотали ему небольшое содержаніе отъ графа Кинескаго. Въ 1830 году онъ занимался редакціею беллетристическаго изданія «Чехославъ» и издалъ сборникъ, подъ заглавіемъ «Селанинъ». Онъ напечаталъ также нѣсколько юмористическихъ стихотвореній и, опасаясь преслѣдованія за одно изъ нихъ, удалился на родину, гдѣ вскорѣ и умеръ. Полное собраніе его сочиненій напечатано въ Прагѣ, въ 1863 году, въ двухъ томахъ.

ЧЕШСКИЕ КРАКОВЯКИ.

4.

Очи мои, очи,
 Ясныя вы очи!
 Что въ одну сторонку
 Вы смотрите охочи?
 Что ты, быстра рѣчка,
 По камушкамъ скачешь?
 Кто еще не плакалъ:
 Полюби — поплачешь!

2.

Ахъ, никто не знаетъ,
 Да и знать не можетъ,
 Что мнѣ ретиво
 Такъ цемитъ и гложеть:
 Видѣ не каждый веселье,
 Кто поеть и скачеть?
 Иногда тихонько
 Онъ въ углу поплачеть!

3.

Давно ль я на свѣтѣ,
 А ужъ знаю горе;
 Слѣзь горячійхъ пролилъ
 Цѣлое я море.
 Полетѣла чешка,
 Вьѣтъ надъ черенной:
 И меня вѣдь тинеть,
 Гдѣ мой цвѣтникъ вешній!

4.

Очи! гдѣ набралісь
 Силой въ такую,
 Что ни днемъ, ни ночью
 Нѣтъ отъ васъ покою!
 Много въ роцѣ тѣрну,
 Не выхлѣть оттуда...
 Люби меня, любя,
 Чтобъ не было худя!

3.

Одна отогнала,
 Одна разбранила,
 Но за-то ужъ третья
 Сама поманила.

Три на свѣтѣ вещи
 Лечать сердце: водка,
 Момна золотая,
 Дѣвица-красота!

Н. Бергъ.

К. И. МАХА.

Карль Игнатій Маха родился въ 1810 году въ Прагѣ. Родители его, бѣдные ремесленники, думали передать ему современемъ свое ремесло, но молодой Маха былъ всегда далеко отъ мысли оправдать ихъ надежды на зтоу счотъ, выказывая совершенно противоположныя наклонности, и отчилъ тѣмъ, что убѣдилъ своихъ родителей отдать его въ гимназію. Здѣсь прожденныя наклонности мальчика обнаружилісь весьма скоро: онъ сталъ писать стихи. Первымъ его поэтическимъ произведеніемъ былъ переводъ шиллеровой баллады на чешскій языкъ; за нею послѣдовали переводы другихъ стихотвореній Шиллера и баллады Вальтеръ-Скотта, а наконецъ и оригинальные стихотворенія. Лучшимъ произведеніемъ Махи считается лиро-эпическая поэма «Май», отрывокъ изъ которой помѣщенъ въ нашемъ изданіи. Поэзія его отличается восторженною фантазіей и нѣкоторымъ байронизмомъ. Не смотря на то, что Маха умеръ очень рано и литературная его дѣятельность продолжалась всего семь-восемь лѣтъ, онъ вполнѣ заслуживаетъ названіе одного изъ даровитѣйшихъ чешскихъ поэтовъ. Собраніе его сочиненій издано въ 1836 году — въ годъ его смерти. Онъ умеръ на 27-мъ году.

М А Й.

Былъ поздній вечеръ — первый май;
 Кругомъ смотрѣло все какъ рай:
 Въ сирени голубо ворковалъ,
 Къ любви голубку призывалъ
 И о любви кречуничъ боръ.
 Вѣсь съ рошей тайный разговоръ;
 Шенгалъ любовно сѣрый мохъ;
 То мезеть слышался, то вѣдохъ
 Въ лѣсу; то тише, то живѣй...
 И розу славилъ соловей,
 И несъ ему роскошней цвѣтъ
 Благоуханіемъ оцвѣтъ.

Съ любовію равнина водѣ
 Небесный отражала сводѣ,
 Съ его звѣздами и луной:
 Казалось, будто мѣръ иной
 Тамъ, въ безднахъ, испрился, игралъ
 И снизу на небо взиралъ,
 И тѣхъ подземныхъ звѣздъ лучи,
 Яркіи и также горячи,
 На небо, вникъ стрелился вновь,
 Куда махала ихъ любовь...
 Туманно-блѣдный ликъ луны,
 Увидя въ зеркалѣ волни
 Нелестный, зибкій образъ свой,
 Завылъ, казалось, тоской...
 Взданъ тнулася длинный рядъ
 Веселыхъ доминокъ и хатъ:
 Одинъ засмался къ одному,
 Они все боже во тму
 Тонули, врылися — потомъ,
 Какъ бы обнявшись, съ домоу домоу,
 Пропали въ сумрачѣ густомъ,
 Дубъ къ дубу и сосна къ соснѣ
 Склоняются стали въ тишинѣ,
 И засталися волна къ волнѣ...

Н. Бергъ.

К. Я. ЭРБЕНТЬ.

Карль Яроміръ Эрбентъ родился 26 октября (7-го ноября) 1811 году въ Милетинѣ, въ Чехии. Первоначальное свое воспитаніе получилъ онъ на мѣстѣ своего рожденія; затѣмъ, въ 1825 году, поступилъ въ Крагеградскую гимназію, по окончаніи курса въ которой, перѣехалъ въ 1831 году въ Прагу, гдѣ сталъ слушать философію. Здѣсь онъ познакомился съ нѣкоторыми молодыми чешскими писателями, въ томъ числѣ и съ Гавличкомъ, которые приняли его радушно въ свой кругъ. Около 1836 года Эрбентъ началъ собирать чешскія народныя пѣсни, причемъ записывалъ ихъ самъ. Въ 1837 году, по окончаніи курса, онъ поступилъ на службу при угодномъ судѣ въ Прагѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, началъ заниматься, подъ руководствомъ Палацкаго, разборомъ земскаго архива чешскаго, а въ 1851 году былъ назначенъ архиваріусомъ города Праги. Мѣсто это онъ занималъ до своей кончины, послѣдовавшей 28-го октября (9-го ноября) 1870 года. Эрбентъ занялъ рано одно изъ первыхъ мѣстъ въ чеш-

ской литературѣ. Онъ соединялъ въ себѣ качества добросовѣстнаго ученаго, археолога и исследователя народнаго быта, съ талантомъ поэта. Въ 1842 году Эрбенъ издалъ свое собраніе чешскихъ народныхъ пѣсенъ, которая онъ началъ собирать еще будучи ученикомъ гимназіи. Мотивъ народныхъ пѣсенъ вдохновилъ его — и въ 1853 году онъ издалъ свой «Вѣнокъ изъ Народныхъ Сказаній» — лучшее изъ оригинальныхъ своихъ произведеній. Эрбену принадлежатъ нѣсколько исследованій по части славянской мифологии и нѣсколько ученыхъ изданій, изъ которыхъ важнѣйшія: «Жизнь св. Евагеріины», по рукописи XIII вѣка, «Чешская историческая Хрестоматія», «Сборникъ древнихъ актовъ, касающихся Чехіи и Моравіи» и многія другія. Въ послѣдніе годы своей жизни Эрбенъ издалъ «Славянскую Читавку», то-есть сборникъ лучшихъ народныхъ сказокъ на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Какъ археологъ, Эрбенъ пользовался большою извѣстностью не только между чехами, но и между всѣми славянскими учеными этой специальности. Въ 1867 году Эрбенъ посетилъ московскую этнографическую выставку, которая произвела на него сильное впечатлѣніе. Съ русскаго онъ перевелъ «Лѣтописи Нестора», «Слово о Полку Игоревѣ» и «Сказаніе о Мамановѣ побойщѣ».

ВОДЯНОЙ.

1.

Вечеръ. Озеро спокойно;
Стройный тополь мирно спитъ;
Водяной пѣсень нестройно
Изъ-подъ тополя звучитъ:
«Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо станеть шить».

«Я про сушу и про воды
Шью сапожки-свороходы:
Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо станеть шить».

«Скоро лятница начнётся
И кафтанчикъ мой дошьётся:
Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо станеть шить».

«Завтра, вырядясь красиво,
Сватбу справляю и на дню:

Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо станеть шить.»

2.

Съ разсвѣтомъ дочь тихононько встала,
И въ узелокъ бѣлье связала.
— «Куда идешь?» спросила мать.
— «Да вотъ бѣлье иду стирать.»

— «О, не ходи, моя родная!
Здѣсь безъ тебя умру одна я...
Дурной мнѣ силса ничтѣ сонъ:
Несчастье намъ пророчитъ онъ!

«Сперва я жемчугъ выбирала,
Потомъ ты платье примѣрила,
Видѣ пѣсны водяной.
Останься, милая, со мной!

«Всегда все было — печали,
А ожемчугъ — слезы предвѣщали...
Къ тому же пятница у насъ.
Нѣтъ, ты напрасно собралась.»

Вѣднjacky-дочь томить истома:
Ей не сидится больше дома,
Ей дома мѣста нѣтъ нигдѣ —
Все танеть бѣдную къ водѣ.

Ушла... Едва къ водѣ нагузлась,
Какъ вдругъ доска подъ ней свернулась —
И нѣтъ ея... и лишь на днѣ
Валы вскипѣли въ глубинѣ —

И, кверху выравнившъ клубами,
Расплылись темными кругами.
А водяной, у склона скалъ,
Въ тѣни вѣтвей рукозлещалъ.

3.

Печалень, непривѣтливъ
Подводный этотъ міръ:
Въ травѣ одѣтъ лишь рыбками
Раздолье тамъ и ниръ.

Не грѣеть солнце, вѣтеръ
Не вѣетъ тихо въ немъ:
Тамъ тишина и холодь,
Какъ въ сердцѣ отжиломъ.

Не весело, печально
Въ томъ царствѣ водяномъ;
Ни свѣтъ, ни тѣма: безсвѣдно
Тамъ день идетъ за днемъ.

Дворецъ у водяного
Обширенъ и богатъ;
Войдешь, а ужъ оттуда
Не вырвешься назадъ.

Въ кристаллыя ворота
Кто вступить разъ на пядь,
Того на бѣломъ свѣтѣ
Ужъ больше не видать!

Въ воротахъ, важно сядя,
Хозяинъ сѣть чинитъ,
Хозяйка молодая
Съ дитятей сидитъ.

— «Баю, баю, мой милый,
Мой вѣданный сныокъ!
Тѣ весель... Если бѣ горе
Мое повяты ты могъ!»

«Ты къ матери несчастной
Такъ вѣжно льнешь, а мать
Твоя была бы рада
Въ землѣ сырой лежать.»

«Въ землѣ, за той часовой,
Гдѣ видѣлъ черныи крестъ,
Лишь къ матушкѣ поближе,
Вблизи родимыхъ мѣстъ.»

«Баю, баю, сминшка,
Малютка водяной!
О, какъ не вспоминать мнѣ
О матушкѣ родной?»

«Гохубунка старалась
Меня пристроить... Вдругъ
На долю мнѣ достался
Подводный мой сундукъ.»

«Я вышла замужъ, вышла,
Да вышла-то вѣдь какъ!
Сватыями были — шука
И разъ, усатый разъ.»

«На сушѣ всюду мокро,
Гдѣ явится мой мужъ;
Въ водѣ же, подъ горькими,
Тиранитъ сотни душъ.»

«Мой водяной малютка,
Баю, баю, баю!
Не по любви пошла я
Въ безвѣстную семью:

«Въ разставленныя сѣти
Запуталась я...
Лишь ты, малютка, радость
Единая моя.»

— «Что тамъ, жена, поешь ты?
Не любь мнѣ твой напѣвъ;
Во мнѣ онъ возбуждаетъ
Досаду лишь, да гнѣвъ.»

«Вся жолчь во мнѣ вскипает!
Не пой — а такъ хочу!
Не то тебя, какъ прочишь,
Я въ рыбу превращу.»

— «И безъ того такъ грустно
Идутъ за двумя днѣ;
Заброшенную розу
Напрасно не кланя!

«Не самъ ли ты подрѣзалъ
Цвѣтокъ моей весны,
Разрушивши на-вѣны
Мои надежды, сны?»

«Вѣдь я тебя могла
О милости одной:
Чтобъ ты, хоть на часочекъ,
Пустилъ меня къ родной.»

«Ужъ сколько слезъ, съ мольбами,
Напрасно я лила,
Чтобъ разъ лишь, на послѣдкі,
Проститесь съ ней могла!

«Могла, на колѣни
Склоняясь предъ тобой;
Но не смягчилось сердце
Твое моею мольбой.»

«Не гнѣвайся напрасно,
Супругъ мой водяной,
Не то — пусть лучше будетъ,
Что ты сказалъ, со мной!

«Ты хочешь, чтобъ, какъ рыба,
Была я въѣвъ яма:
Я лучше буду камнемъ
Безъ сердца, безъ ума!

«Такъ преврати же въ камень
Меня, чтобъ въ этой мглѣ
Не вспоминать мнѣ вѣчно
О солнцѣ, о землѣ!»

— «Охотно бы я вѣрилъ,
Жена, твоимъ словамъ;
Но рыба въ море: кто же
Ее отыщетъ тамъ?

«И къ матери давно бы
Сходила ты, жена,
Да все боюсь — не будешь
Словами своимъ вѣрна.

«Пожалуй, я позволю
Тебѣ взглянуть на свѣтъ;
Но общайся вѣрно
Исполнить мой завѣтъ:

«Не заключай въ объятья
И матери родной,
Чтобы подземной страсти
Не настъ передъ земной!

«Такъ помни жъ — безъ объятий!
Смотри, не позабудь!
А предъ вечернимъ звономъ
Сверьсь въ обратный путь.

«Съ заутрени до вечера
Тебѣ даю я срокъ;
А въ вѣрности возврата —
Ребенокъ мнѣ залогъ.»

4.

Не бавать веснѣ безъ солнца,
Ни цвѣточкамъ безъ тѣни!
Лишь нерадостная встрѣча
Безъ объятий бы прошла!

И покажется ли странно,
Если, встрѣтившись нежданно,
Дочъ торжится объять
Обжаемую мать?

Незамѣтно день промчался
Въ тихихъ, радостныхъ слезахъ.
— «Время намъ разстаться: вечеръ
На меня наводитъ страхъ!»

— «Полно, полно, успокойся
И нечистаго не бойся:
Не хочу, чтобъ надъ тобой
Былъ владыкой водяной.»

Свечерѣло. Весь зелѣный
Кто-то ходитъ подъ окномъ.
Двери заперты засовомъ;
Мать и дочъ сидятъ вдвоемъ.

— «Что же такъ тебя тревожитъ?
На землѣ вѣдъ онъ не можетъ
Повредить тебѣ ни въ чѣмъ:
Онъ не въ озерѣ свободъ!»

Лишь вечерній звонъ раздался,
Стукъ послышался извнѣ:
— «Гей, жена, домой скорѣе!
Приготовь-ка ужинъ мнѣ!»

— «Прочь иди съ своей отравой,
Прочь, нечистый, прочь лукавый!
Приготовишь ужинъ самъ:
Жри, что жралъ ты прежде тамъ!»

Только полночь наступила,
Снова слышнень стукъ извнѣ:
— «Гей, жена, домой скорѣе:
Постели постелю мнѣ!»

— «Прочь иди съ своей отравой,
Прочь, нечистый, прочь лукавый!
Тотъ, кто прежде стлалъ, онятъ
Пусть придетъ тебѣ постлать.»

Ужъ забрезжилось — и снова
Стукъ раздался за дверями:
— «Гей, жена, домой! слышишь
Плачетъ: грудью покорми.»

— «Плачетъ? ... Я должна собраться:
Сердце хочетъ разорваться!
О, родимая, прости!
Къ смы, въ силу отпусти!»

— «Врагъ хитеръ! останься лучше,
Встрѣйся здѣсь своей судьбѣ!
Ты забранишь о смѣхъ —
Я забочусь о тебѣ.

«Въ омутъ, въ омутъ, врагъ проклятый!
Дочъ не выглянеть изъ хаты;
Плачетъ сынъ — такъ можешь самъ
Принести малютку къ намъ.»

Бура озеро волнуется;
Въ бурѣ слышнень дѣтскій крикъ:
Дѣтскій вошь, пронзившій душу,
Раздался и вдругъ заникъ.

— «Нѣтъ, я, матушка, не въ снахъ ...
Кровь хладѣетъ, стнмнетъ въ жилахъ;
Я не знаю, что со мной ...
Вѣрно это водяной!»

Вдругъ за дверью отъ наденъ
Стукъ глухой раздался вновь —
И порогъ въ убогой хатѣ
Оросила чь-то кровъ.

Мать молитву сотворила,
Тихо двери отворила:
Трушь малютки здѣсь и тамъ
Визъ раскиданъ по частямъ.

М. Петровский.

К. Е. ТУПЫ (Б. ЯБЛОНСКИЙ).

Карлъ Евгений Тупы, болѣе известный въ чешской литературѣ подъ псевдонимомъ Воле-слава Яблонскаго, родился въ 1813 году. По окончаніи курса въ Пражскомъ университетѣ, по философскому факультету, онъ вступилъ, въ 1834 году, въ монастырь ордена премонстран-ловъ, въ 1838 — произнесъ монашескій обѣтъ, въ 1841 — былъ рукоположенъ въ священника и, наконецъ, въ 1843 году былъ назначенъ приход-скимъ настоятелемъ въ деревнѣ Радоницахъ.

Внеслѣдствіи онъ былъ сдѣланъ членомъ конси-сторіи въ Краковѣ, и занимаетъ это мѣсто по нынѣ. Яблонскій рано приобрѣлъ известность въ литературѣ издавшемъ протонародной сказки въ стихахъ, подъ заглавіемъ: «Три золотыхъ волоска». Затѣмъ, въ 1837 году онъ издалъ альманахъ «Весна», а въ 1841 — вышло собраніе его стихо-твореній, которые вскорѣ приобрѣли большую известность. Лучшимъ произведеніемъ Яблон-скаго признаются его «Пѣсни Любви», прони-знутыя глубокимъ христіанскимъ чувствомъ.

I.

ТРИ ПОРЫ.

Была пора, когда и имя чеха само
Почетнымъ не въ одной родной землѣ своей:
То имя славное и вся Европа чтитъ,
Какъ прозвище царей, героевъ и вождей.

Была пора, когда гордился сибѣ каждый,
Что имя чешское весь родъ его носилъ,
Что онъ, какъ пращды, святой сибѣдаемъ жадно,
Полезнымъ былъ землѣ своей по мѣрѣ силъ.

Была пора, когда живая рѣчь родная
Звучала въ высотѣ у троповъ королей,
И отдалася гармонія святая
Подъ сводами палатъ — и все внимало ей.

Тогда и чехъ горѣлъ сыновнимъ соучастьемъ
Къ отчизнѣ, защищая своей родимой чести;
Тогда землѣ родной не чуждо было счастье ...
Оно лишь при любви въ отчизнѣ можетъ цвѣсти!

Прошли тѣ времена! пришла пора иная!
Ужасный, грозный день для Чехи насталъ:
Духовный обморокъ процесса въ край изъ края,
И непреклонный чехъ рабомъ по духу сталъ.

И ужъ не любить чехъ святой своей отчизнѣ,
Гордиться пересталъ онъ именемъ своимъ,
Въ честь пращдѣловъ своихъ ужъ не свершаетъ тризна
И въ подвигахъ добра не подражаетъ имъ.

Съ понатами отцовъ на-вѣки распорчался,
Забывъ и родину, и нравы, и языкъ;
Отъ кровныхъ братьевъ онъ безбожно отказался
И къ чужеземному гонителю приникъ.

И солнце Чехии померкло и затмылилось,
И теней, родины хранителей, отлететь,
Могучая страна со славою протислася,
И овблѣтый храмъ искусствъ затворенъ—опустѣлъ...

О, какъ же зарыдалъ надъ раннею утратой
Ты, другъ отечества, народа своего —
О тѣхъ великихъ дняхъ, протекшихъ безъ возврата,
Смотря на жалкій гробъ великаго всего!

Но вотъ звучитъ труба посланника Христова:
«Возстанте изъ гробовъ!» раздалася съ небесъ,
И всюду раздалось живительное слово:
«Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!»

И вотъ съ гнилыхъ гробовъ сатѣли гимномъ крыши,
Все доду наднее стремительно встаѣтъ,
Все жизнью новою, все славною жизнью дышетъ,
Все гимнъ торжественный Воскресшему поѣтъ.

Все оживилось какою-то дивной силой;
И вдругъ изъ мертвыхъ всталъ забытый духъ отцовъ.
«Пора, пора вставать!» звучитъ отъчизнъ милой
Изъ смѣлыхъ устъ ея восторженныхъ ярецовъ.

Пора! давно пора! Проснитесь, братья, вгляньте!
Востокъ объять огнемъ! денница занялася!
Запыли соловьи! Что жь медлите вы? встаньте!
Да будетъ стыдъ и срамъ послѣдному изъ васъ.

М. Петровский.

II.

Синь мой, самообольщенные
Въ мѣрѣ встрѣтитеъ за урядъ!
Всѣхъ кричатъ о просвѣщенныхъ,
Всѣ невѣжество бранятъ.

Кто невѣжество народа
Лишь поноситъ, какъ чуму,
Тотъ похожъ на сумасброда,
Что руками гонитъ тьму.

Тьмѣ противно для явленье,
Гонять ночь его лучи:
Противъ мрака заблужденья
Вѣчной истины учи.

М. Петровский.

III.

Много, синь мой, разныхъ книгъ
Завели себѣ народи;
И въ поминъ вѣтъ у нихъ
Книги матери-природы.

Въ нихъ стоустая молва
Часто съ перьевъ каплетъ ложью:
Все людскія въ нихъ слова —
Лишь въ природѣ слово Божье.

М. Петровский.

IV.

Звѣзды всходить и заходить;
Ежедневно, въ блескѣхъ дивномъ,
Всходитъ солнце: во вседневной
Все въ движеньи безпрерывномъ.

Вкругъ звѣзды звѣзда другая
Путь свершаетъ безконечный;
Все идетъ своей чредою;
Какъ теперь, такъ будетъ вѣчно.

Мѣсяцъ — вкругъ земли; вкругъ солнца
Той указана дорога:
Вейся сердцемъ вернуть отчизны,
А съ отчизною вкругъ Бога.

О. Миллеръ.

V.

Поздно лина расцѣбтаетъ,
Но душистый цвѣтъ даетъ;
Онъ богатъ цѣлебной силой
И хранитъ янтарный медъ.

Такъ и намъ, по волѣ Неба,
Позднѣй цвѣтъ на долю дашъ;
Но за-то онъ общается
Много благъ семейъ славянь.

О. Миллеръ.

Ф. Я. РУБЕШЪ.

Францъ Яроміръ Рубешъ, синь пивовара въ
Чижковѣ, въ Чехии, родился въ 1814 году. Его

готовили къ духовному званію и опредѣлили въ
Пражскую семинарію, но отъ вышлѣ изъ нея,
былъ нѣкоторое время гувернеромъ и кончилъ
тѣмъ, что поступилъ въ Пражскій университетъ
на юридическій факультетъ, по окончаніи кото-
раго служилъ по судебной части. Литературная
его дѣятельность началась въ 1832 году. Ру-
бешъ признается однимъ изъ лучшихъ чешскихъ
поэтовъ, а какъ поэтъ юмористическій и про-
стонародный занимаетъ между ними первое мѣ-
сто. Въ 1837 году онъ напечаталъ первый вы-
пускъ своихъ стихотвореній. Нѣкоторые изъ его
произведеній, какъ, напримѣръ, пѣснь: «Я чехъ!»
имѣли огромное вліяніе на возбужденіе чувства
славянской народности въ Чехии. Рубешъ и Тылъ
быть-можетъ болѣе всѣхъ содѣйствовали возбу-
жденію народнаго духа въ чешскомъ населеніи.
Онъ скончался въ 1853 году. Полное собраніе
его сочиненій вышло въ 1862 году въ Прагѣ,
въ 4-хъ томахъ.

Я Ч Е Х Ъ.

Я чехъ!

Кои найдетеъ межъ народовъ всѣхъ,
Кто лучше — пусть открыто скажетъ
И ясно это мнѣ докажетъ!
Моя отчизна — Чешская Земля!

Ея дубравы, рощи и поля —
Ихъ видѣть каждое минованье —
Вотъ въ чехъ для чеха наслажденье!
Не покидать родимый край —
Вотъ истинный для чеха рай!
Чему дивитесь! — вѣту болѣе
Межъ горъ красивѣе юдоли,
Какъ Чехія; надѣлена
Дарами великими, она,
Какъ бриліантъ, какъ перлъ безцѣнный,
Сіяетъ на груди вседневной.
Селятъ веселые двори,
Благословенныя шедрами Небомъ,
Цвѣтутъ; покрыты нивы хлѣбкомъ;
Луговъ шелковѣе ковры
Обильны злаками, широкіи;
Вольшія рѣки тамъ и тутъ
По нимъ излучисто бѣгутъ
И вылетъ рѣзные потоки.
И эта чудная земля,
И эти горы и поля —
То наша Чехія родная,
Моя отчизна дорогая!

Мое веселье, торжество,
Гдѣ въ рощахъ всѣхъ дровякъ святыхъ,
Подо вѣткой каждой — божество,
Преданья есть у всякой хаты,
У камня всякого, у каждого холма;
Свои хранятъ названыя доли,
Свои у всякой липы пчелы,
Липыцовъ у каждой розы тѣма,
И даже гробы и могилы
Всѣ для кого-нибудь да милы:
На нихъ лежатъ вѣнки изъ розъ,
Сіяя перлами изъ слезъ...
Я не завидую ни малю
Тому, что небо нѣбамъ дало:
Ихъ Рейна не дивятся грамамъ;
Я не завидую Австрою
Лимоннымъ рощамъ и лѣсамъ,
Ни вѣсьмъ Элады чудесамъ,
Ни даже злату Альбіона;
Пускай изнѣженный османъ
Межъ гурій дивныхъ, какъ въ одежѣ,
Въ своемъ блаженствуетъ гаремѣ!
Что мнѣ до всѣхъ подъ солнцемъ странъ,
Когда съ сознаніемъ и твердо,
Смотря на всѣхъ спокойно, гордо,
Мнѣ выговорить не грѣхъ:
Я чехъ!

И въ чехъ еще моя утѣха,
Что днесъ и въ прощанъ времена
Никто ни одного являна
Не видѣлъ на отчизнѣ чеха.
Мы свято добродѣтель чтимъ,
Мы строги въ правахъ, сердцемъ прямы;
Богаемъ лишь кроткими и благими
Мы дровае созидали храмы;
Въ насъ (это скажетъ цѣлый свѣтъ)
Ни лести, ни обмана нѣтъ;
Не терпимъ ухищреній лживыхъ,
Не ходимъ сомнѣнъ несчастныхъ.
Мы на предательской совѣтъ;
Всегда свое мы держимъ слово;
Нашъ неотъемлемый девизъ:
«Не трогай ничего чужого,
Но за свое какъ левъ дерись!»
И впрямъ мы за свое стоимъ!
Насъ врагъ боялся и дрожалъ...
А если побужденный палъ —
Мы нальму мира подавали,
Винамъ волнамъ и мольбамъ,
Но никогда цѣпей рабамъ

Рукой жестокой не ковали;
Изъ-за добжи нашъ создать
Не вѣдать тягостныхъ походовъ —
Мы чисты и не тяготятъ
На насъ проклятія народовъ!
И глядя прямо въ очи всѣхъ,
Я смѣло вымогалъ: и чехъ!

У грековъ, римлянъ были боги
Понсюду равние; чертоги
Имъ воздвигались, а чехъ
Чтилъ какъ боговъ перѣдко тѣхъ,
Чи героическія души
Спасали родину: Любуши,
Людмила, Круки, Янъ, Люмиръ —
И мало ль ихъ! Ихъ знаетъ ширь!
Мы и художниковъ имѣли:
Намъ Брандслъ, Шпрета, Менкст, Кадижъ —
Еще ль не наши Рафаэли?
Всакъ чѣмъ-нибудь изъ нихъ великъ.

И въ музыкѣ — и здѣсь успѣхи
Мы также сдѣлали, и здѣсь
Прославились далеко чехи:
Ихъ знаетъ свѣтъ широкій весь
За музыкантовъ; всѣ привыкли
Намъ тотъ приписывать талантъ,
Что каждый чехъ — есть музыкантъ;
Мотивы чешскіе проникли
Вездѣ и если бы во сто разъ
Миръ былъ пространнѣе и шире —
И въ немъ, и въ этомъ новомъ мѣрѣ,
Разлился въ звукахъ стало бы насъ;
Для нашихъ арій, нашихъ гбесенъ
И онъ бы показався гбесенъ.
Такъ, въ добрый мы родились часть!

А наши парни — что за хватки!
Во всякомъ дѣлѣ всякій лихъ;
Подчасъ — ораторы изъ нихъ,
Подчасъ выходятъ и солдаты,
Чтобъ биться доблестно за тѣхъ,
Кого... душевно любить чехъ.

А чешская дѣвица красна —
Другое солнце это ясно!
Смиренья, скромности полна,
Невинный горлиця она,
Стройный карпатской гордой лани;
О, кто бы, кто восторговъ дани,
Ее увидѣлъ, не принесъ!

Ея лино, ея заниты
Самой природой дивно сниты
Изъ бѣлыхъ и изъ алыхъ розъ;
Глаза — что синіе тюльпаны,
Уста какъ соты пчелъ медвяны:
Вотъ какова она собой!
Ея божественныя руки
Вѣнчаютъ мечъ идущихъ въ бой;
Въ ея устахъ родные звуки
Насъ сводятъ по prostu съ ума —
О, это музыка сама!

Что въ мѣрѣ наконецъ прелестнѣй
Роскошнѣхъ, вѣжнѣхъ чешскихъ лѣсней?
Что есть въ нихъ и чего въ нихъ нѣтъ?
Для чеха ими красенъ свѣтъ;
Онѣ — веселье и утѣха,
И слѣзы горькія для чеха.
Въ нихъ чутымъ ухомъ слышитъ онъ
Былого отклики живые,
Порою трубы боевыя,
Порою погребальный звонъ;
Порою голоса изъ ралъ,
Отъ предковъ, слышитъ замирая...
Въ нихъ, въ нихъ сказався намъ языкъ,
И сладкозвучный, и могучій,
Счастливыхъ слитіе созвучій —
Богатъ, возвышенъ и великъ!

Какъ на страдальческое ложе
Паду подъ бременемъ я дѣтъ,
Когда въ очахъ померкнетъ свѣтъ,
Скажу я: «милостивый Боже!
Пускай исполнится Твоя
Святая воля: нянь я
Иду отсель; мое мольенье
Въ сіе послѣднее мгновенье:
Дай, чтобы изъ звуковъ чешскихъ всѣхъ,
Скрестивши передъ смертью руки,
Я вымолвилъ лишь эти звуки:
«И жилъ и умеръ такъ какъ чехъ!»

Н. Бергъ.

В. ШТУЛЬЦЪ.

Вячеславъ Штульцъ, сынъ каменщика, родился 8-го (20-го) декабря 1814 года въ городѣ Кладнѣ, воспитывался въ одной изъ пражскихъ гимназій, гдѣ сблизился съ нѣсколькими молодыми людьми,

которые впоследствии приобрѣли извѣстность въ чешской литературѣ, и началъ заниматься переводами съ польскаго и русскаго. Штульцъ отличался всегда особеннымъ сочувствіемъ къ полякамъ, и это направленіе въ немъ утвердилось еще болѣе въ слѣдствіе сближенія съ княземъ Юріемъ Любомірскимъ, съ которымъ связала его самая тѣсная дружба. По окончаніи университетскаго курса въ Прагѣ, Штульцъ вступилъ въ семинарію и въ 1839 году былъ рукоположенъ въ священника. Штульцъ стоитъ во главѣ того направленія въ чешской литературѣ, которое старается соединить славянскій патриотизмъ съ ревностію, можно даже сказать — фанатическою, преданностію католицизму. Этимъ духомъ проникнуты его многочисленныя сочиненія. Большая часть ихъ писана прозою и касается предметовъ духовнаго содержанія; но Штульцъ писалъ и стихи, между которыми встрѣчаются весьма удачныя. Собраніе его стихотвореній, подъ заглавіемъ «Незабудки на тропинкахъ жизни», напечатано было въ 1845 году въ Прагѣ. Въ 1847 году онъ началъ издавать духовный журналъ «Вѣствованіе»; въ слѣдующемъ году назначенъ былъ преподавателемъ закона Божія въ одной изъ пражскихъ гимназій, а въ 1860 году избралъ въ каноники Вишеградскаго собора. Мѣсто это занимаетъ онъ и по настоящее время. Между послѣдними сочиненіями Штульца слѣдуетъ назвать: «Сиюскую Арфу» и «Небесное Перы», два сборника его стихотвореній, мотивы которыхъ заимствованы изъ ветхаго и новаго завета, и собраніе патристическихъ его стихотвореній, подъ названіемъ «Чешскія Думы».

ИЗЪ «ВОСПОМИНАНІЙ НА ПУТИ ЖИЗНИ».

1.

День угасъ; подъ кровомъ ночи
Миръ уснулъ — кругомъ покой...
Нѣтъ въ душѣ моей печали,
Нѣтъ и радости живой.

Вновь звѣзды моей угасшей
Лучъ отрадный видѣлъ мнѣ —
Будто ангела одежда
Вѣсть въ свѣтлой вышнѣ.

«Не изъ слѣзъ — изъ прилежанья» —
Слышнень голосъ упования —

«Снова радость расцвѣтѣтъ,
Вновь отчизна оживетъ!»

2.

Я на небо и на звѣзды
Съ грустью тайно смотрю,
И нависшей надъ мною
Черной тучѣ говорю:

«Ахъ, когда жъ оставить Каннъ
Брата Авеля враждой?»
И въ отвѣтъ на зовъ печали
Слашу голосъ неземной:

«Близко время искушенья;
Отъ любви придетъ цѣленье —
И любовь та мечъ и щитъ
Въ серцѣ и рало превратитъ.

3.

Пусть мрачится сводъ небесный,
Пусть немолчно громъ гремитъ:
Онъ во мнѣ надежды, вѣры
И любви не сокрушитъ.

Эта вѣра — на тверднѣ,
Какъ звѣзда любовь горитъ,
А надеждѣ — Божья правда
И питаеть, и живитъ.

Гнѣвъ, вражда и заблужденье —
Все пройдетъ, всему забвенью.
И опять святой народъ
Въ божьей правдѣ оживнетъ.

Ф. Миллеръ.

В. ФУРХЪ.

Викентій Фурхъ родился въ 1817 году въ Красоницахъ, въ Моравіи. Отецъ его былъ вѣнецъ, а мать — славянка. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ школѣ въ Тельчи, гдѣ служилъ его отецъ; затѣмъ, учился въ Иглавской гимназій, изучалъ философію въ Брнѣ (Бронѣ) и право — въ Оломуцѣ (Ольмуцѣ). Еще будучи ребенкомъ, любилъ онъ свой родной языкъ, и никакъ не могъ понять, почему языкъ чѣлаго

народа находился в таком пренебрежении, в каком он был тогда, особенно в Моравии. Хотя в гимназиях и университетах он занимался чтением чешских книг, однако только в Оломуце удалось ему слушать лекции чешского языка, потому что в то время язык этот не преподавался ни в каком другом заведении Моравии. В 1843 и 1844 годах Фурх издал свои стихотворения в двух томах; затѣм, в 1848 году, появились в печати его «Прѣта и Звукы», а в 1850 — «Пѣсни и баллады из венгерской войны». Впрочем, Фурх мало хлопотал обь обнаружении своих сочинений, и только небольшая часть ихъ явилась в печати. Некоторые изъ его пѣсенъ положены на музыку. В последнее время Фурх написал политическую драму изъ моравской исторіи, подъ заглавиемъ: «Славнборъ Штамбергъ».

Э X O.

Все вокруг давно почло
Подъ одеждою тѣмною,
Одного лишь только эхо
Слащеиъ голосъ томной.

Съ надолгимъ этимъ эхомъ
Духъ мой въ разговорѣ —
И оно ему приноситъ
Радость, либо горе.

«Или счастию возврата
Нашему не будетъ?»
Изъ-за горъ протяжно эхо
Отвѣчаетъ: «будетъ!»

«Обновится ли народъ мой,
Или изменюстся?»
Эхо голосомъ невѣрнымъ
Отвѣчаетъ: «можетъ!»

«Кѣмъ и какъ зажжются искра
Въ пламени убогомъ?»
Эхо голосомъ могущимъ
Загрозило: «*Богамъ!*»

«Буди вѣкъ Творцу вселенной» —
Я воскликнуть — «слава!»
Эхо громко и свободно
Крикнуло мнѣ: «слава!»

Н. Бергъ.

БАРОНЪ ВИЛЛАНИ.

Баронъ Драгоинъ Марія Виллани родился 11-го (23-го) января 1818 года въ Сушицѣ, въ южной Чехии. Онъ воспитывался въ военной академіи въ Новомъ Мѣстѣ, по окончании курса въ которой поступилъ, въ 1838 году, на службу въ австрийскую армию, въ 36-й пѣхотный полкъ. Въ 1848 году онъ былъ избранъ въ начальники народной дружины *Somasci*, за что былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость. Въ 1867 году Виллани былъ избранъ депутатомъ на чешской сеймъ въ Прагѣ, и въ томъ же году ѣздилъ, вмѣстѣ съ другими представителями западнаго и южнаго славянства, на этнографическую выставку въ Москвѣ. Стихотворенія барона Виллани были изданы два раза: въ первый разъ — въ 1844 году, подъ заглавиемъ «Лира и Мечъ», а во второй — въ 1846 году, подъ заглавиемъ: «Военныя Пѣсни и Декламации». Кроме того онъ написалъ комедію «Сочельникъ» и участвовалъ въ журналахъ: «Прѣты», «Пчела» и «Семейная Хроника», въ которыхъ помѣстилъ, промѣ множество мелкихъ стихотвореній, нѣсколько прозаическихъ статей. Въ настоящее время баронъ Виллани проживаетъ или въ Прагѣ или въ своихъ имѣніяхъ въ южной Чехии.

I.

5 МАЯ 1821 ГОДА.

Широко звуки разливая,
Черезъ моря несется стоиъ,
Но не труба то боевая,
А похоронный, тихій звонъ.

Того, предъ кѣмъ все трепетало,
Чьимъ громкимъ именемъ полна
Была вселенная — не стало:
Нить дивной жизни порвана!

Гдѣ славныхъ браней громъ побѣднмъ?
Онъ отремѣлъ, на вѣкъ затихъ!
Лежитъ герой на ложѣ, блѣдный,
Лежитъ безжизненный и тихъ.

Кругомъ друзья — ихъ ликъ гуманно,
Застали сабы въ ихъ очахъ;
У изголовья выгланчанинъ
Сидитъ, какъ воронъ на часахъ.

Врачъ молвилъ: «кесарь умираетъ...
Онъ умеръ... плачьте!» — Гудсонъ-Лонъ
Однѣ спокойно повторяетъ:
«Спопчалъ равно въ шесть часовъ!»

Угасъ! минута роковая!...
Затѣмъ-то раздается звонъ,
Черезъ моря перелетая...
Угасъ, угасъ Наполеонъ!

Н. Бергъ.

II.

ЭМИГРАНТЪ.

Озари ты, солнце красно,
Мракъ большой моей души,
Отгорѣй ты холодъ сердца,
Слѣзь потоки осуши!

Не кори меня, родная,
Что бросаю милый край!
Смы дай благословенье,
Сыномъ вѣкъ меня считай!

Рощи темныя, долины —
Не вижу васъ опять!
Ни друзей здѣсь, ни подруги,
Больше мнѣ не обнимать!

Чешской рѣчи, чешскихъ пѣсенъ
Не услышу! Грусть-госпа
Мнѣ одна лишь остается...
Слѣзы льются какъ рѣка...

Н. Бергъ.

В. НЕБЕСКІЙ.

Вичеславъ Небескій родился въ 1818 году въ селѣ Новыи Дворъ, въ Чехии, воспитывался въ Литомирской гимназии и Пражскомъ университетѣ, гдѣ любимымъ его занятіемъ было изученіе греческихъ классиковъ и философіи. Онъ готовился одно время къ дѣятельности врача, но вскорѣ, не чувствуя въ себѣ призванія къ медицинской практикѣ, оставилъ медицину и посвятилъ себя наукѣ и литературѣ. Начиная съ 1843 года, онъ написалъ и издалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ исследованийъ о древнѣйшихъ намят-

никахъ чешской письменности, въ томъ числѣ свои прекрасные разборы чешской «Александріады» («Часосиетъ», 1847) и «Градедворской Рукописи» (Прага, 1853). Кроме оригинальныхъ стихотвореній, приобрѣвшихъ ему въكتورю извѣстность, онъ перевелъ нѣсколько греческихъ трагедій, переводилъ испанскіе романы, новогреческія народныя пѣсни и т. п. Въ 1851 году Небескій былъ назначенъ секретаремъ Чешскаго Музея и редакторомъ журнала «Часосиетъ», издаваемого этимъ музеемъ.

I.

ВЕЛИКАЯ КНИГА.

Какъ велика, какъ дивно-необъятна
Божественная Библия небесъ,
Какимъ полна невѣдомыхъ чудесъ!
Была ты мнѣ доселѣ непонятна;
Теперь, когда въ подухахъ я лежу
И въ книгу злато-звѣздную глажу,
Все понялъ я, все вѣдаю и знаю
И ясно строки свѣтлыя читаю.

Н. Бергъ.

II.

ВЕСНА ЛЮБВИ.

Я не знаю, что со мною:
Все, мнѣ кажется, цвѣтеть,
Все играетъ, какъ весною,
Все ликуеть, все поетъ!
Словно вѣжное дыханье
Свѣтозарныхъ майскихъ дней,
Словно ихъ очарованье
Разлитъ въ груди моей.

Мысли заворонкомъ вьются
Въ небо, въ горніе края;
Въ сердцѣ будто раздаются
Пѣсни, трели соловья;
Я готовъ протиснуться съ міромъ,
Улетѣть невѣсть куда,
Въ небѣ розовымъ зѣвромъ
Потеряться безъ слѣда.

То истомой сладострастной
Полонь я — и грустно мнѣ;
То опять — что полдень ясный,
И блаженствую вьноли;

Яркой радугой по небу
Разлилась тоска моя,
Взвѣдавъ, мѣсяцу и Фебу
Посылаю вздохи я.

Н. БЕРГЪ.

III.

СОНАТА.

Знаю я, почему
Иногда соловей
Улетаетъ во тьму,
Подъ навѣскъ вѣтвей:
Мнѣ теперь самому
Тяжело межъ людей!

Никого мнѣ не жалъ;
Безъ тоски и безъ слезъ
Я умчался бы въ даль,
На гранитный утѣсъ —
И злодѣйку печаль
Я туда бы увесъ!

Н. БЕРГЪ.

Ф. РИГЕРЪ.

Францъ Владиславъ Ригеръ родился 28-го ноября (10-го декабря) 1818 года въ Семилахъ, въ Чехии. Получивъ образование сперва въ Пражской академической гимназии, потомъ въ Пражскомъ университетѣ, гдѣ поелъ въ одно и тоже время по юридическому и по философскому факультетамъ, Ригеръ принималъ дѣятельное участіе въ литературномъ развитіи родного языка. Въ то же время, горячо любя все родное, онъ оскорблялся до глубины души равнодушіемъ своихъ соотечественниковъ къ чешскому языку. Одинъ изъ нихъ употреблялъ нѣмецкій языкъ, какъ языкъ высшаго общества, другіе, особенно чиновники, просто боялись говорить публично по-чешски, зная очень хорошо, что австрийское правительство такъ или иначе, а оплатитъ тѣмъ, которые не хотѣли признавать главенства называемаго ими нѣмецкаго языка. Противъ этого Ригеръ возсталъ всѣми силами — и усилія его увѣнчались успѣхомъ. Онъ основалъ общество, по призыву котораго стали возникать и другія, подобныя, въ которыхъ члены принимались подъ усло-

віемъ употреблять только чешскій языкъ. Учрежденіе этихъ обществъ вызвало дѣлую бурю на голову Ригера; но борьба съ правительствомъ только завалила его силы, и онъ поставилъ на своею обществомъ не были уничтожены, чего добились обществомъ. Потерѣвъ поражение по дѣлу обществъ, австрийское министерство обвинило Ригера въ сношеніяхъ съ эмигрантами и изгнанными государственными преступниками — и арестовало его. Однако онъ былъ оправданъ по суду и еще съ большою энергіей продолжалъ свою пропаганду. Онъ заботился объ устройствѣ народныхъ читаленъ, библиотекъ и народныхъ театровъ, а во время извѣстнаго мартовскаго движенія въ Чехіи, въ 1848 году, былъ однимъ изъ депутатовъ, ходатайствовавшихъ у министерства Пинтерсдорфа объ автономическихъ учрежденіяхъ для Чехіи. На созванномъ въ это время славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ, Ригеръ былъ дѣятѣльнѣйшимъ защитникомъ чешскихъ интересовъ. Когда окончился чешскій возненіи, Ригеръ не могъ оставаться спокойнымъ: новый врагъ возоружился противъ него. Мадьярская партія, недовольная увеличеніемъ политическаго значенія чеховъ и видявшая въ Ригерѣ причину этого, всячески старалась противодействовать его стремленіямъ. Ригеръ однако не уступалъ ни шагу, а, напротивъ, удвоилъ энергію и уничтожилъ всѣ попытки мадырской партіи тѣмъ, что выпудилъ чешское правительство послать бану Елашичу помощь войскомъ и деньгами для успѣшнаго дѣйствія противъ мадырскихъ инсургентовъ. Избраніе въ 1860 году Ригера членомъ чешскаго сейма и вѣнскаго рейхсрата расширило его дѣятельность. Какъ писатель, Ригеръ пользуется заслуженною извѣстностью. Изъ историческихъ его сочиненій замѣчательно изслѣдованіе «Объ историческомъ правѣ Чехіи» (1848), а изъ политико-экономическихъ — «О значеніи нематеріальнаго труда въ народномъ хозяйствѣ» (1850) и «Отношенія промышленности къ благосостоянію рабочаго класса» (1860). Поэтическія произведенія Ригера принадлежатъ его молодости. Въ 1867 году Ригеръ посѣтилъ московскую этнографическую выставку, во время которой произнесъ нѣсколько прекрасныхъ рѣчей и, въ томъ числѣ, самую замѣчательную (на общѣ, данномъ городскимъ обществомъ), въ которой былъ неосторожно тронутъ вопросъ объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ, на которую такъ блистательно отвѣтилъ князь В. А. Черкасскій.

ПѢСОНЪ КУЗНЕЦОВЪ.

Нѣтъ ловчѣе молодца
Чеха — чеха-кузнеца!
Хоть глядитъ протосердечно,
Но что съдѣлаетъ, то — вѣчно:
Дань его крѣпка, вѣрна
И могучи рамена.

Бей съ размаху —
Разъ-два-три!
Да смотри:
Не дай маху!
Бей съ размаху —
Разъ-два-три!

Нашъ кузнецъ — огонь и жаръ;
Что ни слово, то — ударъ:
Такъ подчасъ имъ ошеломитъ...
Что не гнѣтся — митомъ сломитъ.
И во всемъ хорошему такъ;
На дурное жъ — не мастакъ.

Бей съ размаху —
Разъ-два-три!
Да смотри:
Не дай маху!
Бей съ размаху —
Разъ-два-три!

Онъ не любитъ пустяковъ:
Дѣла другъ — не празничныя словъ;
Лицедрѣе незнакомо
Для него: въ людяхъ и дома
Онъ дуетъ одно и то жъ:
Рѣжетъ правду, а не ложь.

Бей съ размаху —
Разъ-два-три!
Да смотри:
Не дай маху!
Бей съ размаху —
Разъ-два-три!

Что за смѣтливый народъ!
Всякъ изъ нихъ съ расчетомъ бьетъ
Чтобы на ударъ невзяній
На металл, огнемъ горящій,
Въ дѣло онъ пускаетъ мѣхъ —
Настоящій, добрый чехъ!

Бей съ размаху —
Разъ-два-три!
Да смотри:
Не дай маху!
Бей съ размаху —
Разъ-два-три!

Много, Чешская Земля,
У тебя руды, углѣй —
Вотъ оно, гдѣ наше знамя:
Наша сталь и наше пламя!
Жаръ сердець, огонь ума
Верхъ одержитъ, а не тьма!

Братцы, живо
Синь углѣй,
Не жалѣй!
Бей ретиво,
Бей на диво,
Веселѣй!

Чехъ, скажу вамъ наконецъ,
Былъ всегда лихой кузнецъ:
Мечъ ли выковать, или рало —
Онъ задумывался мало:
Молодецъ на то и сѣ!
Вотъ и смѣлъ я! Вотъ и все!

Братцы, живо
Синь углѣй,
Не жалѣй!
Бей ретиво,
Бей на диво,
Веселѣй!

Н. БЕРГЪ.

К. ГАВЛИЧЕКЪ.

Карлъ Гавличекъ (Karel Borovsky), извѣстный чешскій поэтъ и журналистъ, родился 19-го (31-го) октября 1821 года въ Воронѣ, близъ Нѣмецкаго Брода. Сынъ тамошняго купца, Гавличекъ получилъ первоначальное образованіе подъ надзоромъ мѣстнаго декана Брузака; затѣмъ, на десятомъ году, былъ посланъ отцомъ въ Птавану — учиться нѣмецкому языку. Гимназическій курсъ прошолъ онъ въ Нѣмецкомъ Бродѣ, послѣ чего, въ 1838 году, отправился въ Прагу, гдѣ около двухъ лѣтъ слушалъ философію въ та-

мошнем университете. В 1840 году, по желанию отца, вступил в Пражскую архиепископскую семинарию, но вскоре своими остроумными выходками и сатирическими стихами завлек себя таким плохим теологом, что должен был оставить семинарию, к удовольствию своему и своих наставников. Впоследствии он отправился в Москву, где прожил два года в качестве гувернера при дитячьего профессора Шевырева. Здесь он пональ в круг русских славянофилов и вскоре сошелся с главнейшими из них: Хомяковым, Погодиным, Бодинским и другими. Пребывание в России было для Гавличка во многих отношениях весьма полезно, дав ему возможность познакомиться короче с русскою жизнью, как в высшем обществе, так и в народе. Говорят, живя в Москве оставила свой след на его развитии: критический и оппозиционный характер его ума окрепился здесь еще больше; он лучше привык понимать между-славянские отношения и сильнее ненавидеть насилье и провозвол. В 1845 году он вернулся в Прагу. Свою литературную деятельность он начал статьями и письмами о России, которая в первый раз знакомил чешских читателей с настоящим положением русской действительности. В 1846 году он стал редактором «Пражских Новин» и «Пчель», выходившей вместе с ними. Благодаря его таланту, популярность его с этого времени стала увеличиваться все больше и больше, а вместе с тем стало возрастать и его влияние на публику. Австрийское правительство собралось уже запретить его журнал, когда мартовская революция совершенно развязала ему руки. Он принимал самое деятельное участие в чешеских событиях 1848 и 1849 годов. Едва вѣсть о событиях в Вѣнѣ достигла Праги, как Гавличек уже хлопотал об издании нового журнала — и вскоре «Народные Новины» появились за его подписью. Журнал этот, имѣвший огромное влияние на чешское общество, можно назвать лучшим из славянских политических изданий, когда-либо выходивших в Австрии. В своих политических мнѣниях Гавличек держался первой конституции и программы Палацкаго, но в этих предѣлах он был упорным защитником народного права от всяких враждебных покушений. Октобровая конституция 4-го мая 1849 года, заключающая в себя сѣмь послѣдовавших затѣм реакцій, встрѣтила

в Гавличекѣ самого горячаго противника. Правительство потребовало его къ суду, но присяжные оправдали его. Затѣмъ, начались преслѣдованія, завершившіеся в 1850 году запрещеніемъ журнала. Гавличекъ перешелъ въ Кутную-Гору, такъ-какъ въ Прагѣ изданіе журнала было невозможно по ея осадному положенію, и сталъ издавать тамъ «Славянина»; но борьба была уже невозможна. Въ мартѣ 1851 года Гавличку было запрещено вѣздѣть въ Прагу, потомъ запретили «Славянина» и успокоились только тогда, когда Гавличекъ былъ сосланъ въ крѣпость Брисенъ, въ Тироли. Тамъ-то написалъ онъ свои замечательныя «Тирольскія Элегіи». Это прекрасное стихотвореніе, исполненное поэзіи и юмора, имѣетъ три перевода на русскій языкъ (Гильфердинга, Минаева и Берга), изъ которыхъ послѣдній сдѣланъ для нашего изданія и помѣщается здѣсь въ первый разъ. Въ смятѣ постигла его тяжкая болѣзнь; ему позволили ѣхать на чешскія минеральныя воды, но въ Прагу онъ вернулся только наканунѣ смерти, послѣдовавшей 17-го (29-го) іюля 1855 года. Послѣднимъ трудомъ Гавличка, напечатаннымъ при его жизни, были «Повѣсти», переведенныя изъ Вольтера. Кроме того, осталась неопечатанною его юмористическая легенда изъ русской исторіи «Крестъ св. Владимира». «Гавличекъ — говоритъ Пининъ — былъ несомнѣнно большою галантѣю, и въ короткій періодъ своей дѣятельности онъ сдѣлалъ очень много для воспитанія общества въ томъ направленіи, къ которому оно было приготовлено всего меньше въ своихъ національныхъ заботахъ — въ направленіи политическомъ. Его ясный умъ, простота пониманія и изложенія, остроуміе и юморъ давали ему большое влияние на массу, и дѣятельность Гавличка тѣмъ замѣчательнѣе исторически, что въ его пониманіи было очень много здраваго практическаго смысла, который удалялъ его отъ мечтательнаго фантазерства».

ТИРОЛЬСКІЯ ЭЛЕГІИ.

1.

Тусело въ небѣ свѣтитъ мѣсяць
Связь туманъ и мракъ.
Какъ тебѣ сдается Брисенъ?
Что коснись такъ?

Не сходи покажѣсь съ неба,
Не ложися спать:

Дай съ тобою мнѣ, другъ мой мѣсяць,
Слова два сказать.

Я не здѣшній: чай по рѣчѣ
Могъ ты въ пять минутъ
Угадать: ни *iron*, ни *bieder* —
Я... въ чепцы тутъ!

2.

Я изъ края музыкантовъ:
Флейтчиковъ я былъ, *в флейтчиковъ*
Да игрой моею вѣщаю
Я не угодилъ.

Чтобъ носить порядкомъ погѣ
Дождливой поэзіи,
Разъ отравили жандарма
Къ флейтццу они...

Слышу, кто-то у постели
Шпорами тренъ-бренъ,
Въ два изъ три часа поутру,
Молвить: «добрый день!»

А за нимъ народу куча —
Каски, кивера,
Пышно шитые мундиры,
Сабли у бедра.

«Встанте, господа редакторъ,
Будете почивать!
Но не бойтесь: мы хоть ночью,
Но — не поровать!»

«Мы — коммисія. Вся Вѣна
Кланяется вамъ.
Все ли въ добромъ вы здоровьѣ?
Рады ли гостямъ?»

«Бахъ въ особенности низко
Кланяется вѣжъ;
Можетъ, самъ бы къ вамъ прѣхалъ:
Очень-много дѣль!»

Я утѣивъ при всякой встрѣчѣ —
Говорю: «сейчасъ!
Я готовъ, коли угодно,
Выслушать приказъ!»

«Но позволить, *meine hegen*,
Прежде вы должн

Мнѣ надѣть по-крайней-мѣрѣ
Галстукъ и штаны!»

Тутъ я началъ одѣваться...
Только мой будълогъ
Полицейской этой сценѣ
Винести не могъ.

Завозвннхъ подъ кроватью,
Страшный поддаль рылъ:
Къ «*Corpus habes*» съ-измала
Въ Англии привыкъ.

Что съ проклятымъ было дѣлать?
Валъ я «*Gesetzbuch*»,
Томъ увѣситый, огромный —
И въ будълога — бухъ.

3.

Тутъ я сталъ читать бумагу:
Добрый докторъ Вахъ
Пишетъ пѣжное посланье
Мнѣ въ такихъ словахъ.

На, вотъ самъ прочти, коль въ слогѣ
Въ этомъ ты сизѣтъ,
Что мнѣ докторъ милый пишетъ —
Вотъ что пишетъ онъ:

Пишетъ, будто воздухъ въ Прагѣ
Не совсѣмъ здоровъ
И совѣдуетъ отвѣдать
Мнѣ иныхъ краевъ;

Что за этимъ и вѣрету
Онъ нарочно шлѣтъ,
Дабы могъ я прокатиться
На казенный счетъ.

А чтобъ выхѣхалъ изъ Праги
Я того же дня —
Полицейскимъ поручаетъ
Убѣдить меня.

4.

Можетъ-статься это глупо,
Но ужъ я привыкъ
Слушать, если мнѣ покажутъ
Саблю или штыкъ.

Торопилъ меня Дедѣра,
Стоя у дверей,
Чтобъ съ нимъ я собрался
Ѣхать поскорѣй.

Туть въ наутствие совѣтъ
Разные даны,
Коммъ Баха пациенты
Слѣдовать должны:

«Что инвогнито-де ѣдемъ;
Чтобъ съ собой огнюдъ
Ни ружья, ни пистолета
Я бы нѣ брать въ путь.»

И такъ дадѣ, и такъ дадѣ —
Какъ Сирена пѣлъ.
Я жь межъ-тѣмъ сюртукъ и шубу
На себя надѣлъ.

У крыльца стояли кони —
Я взглянулъ на нихъ:
«О, когда бь еще немного!
Хоть единый мигъ...»

5.

Мѣсяцъ, мѣсяцъ, ты вѣдь знаешь
Женщину вполнѣ!
Чтѣ подчасъ намъ за обуза,
Чтѣ за крестъ оный!

Столько лѣтъ на эту землю
Глядя съ высоты,
Не одной разлуки тяжелой
Быль свидѣтель ты!

Лучше моднаго поэта
Могъ бы рассказать...
Такъ и тутъ: вокругъ столзились
Дочь, жена и мать —

Дочка Зденочка. Я, правда,
Терпѣй ужъ калачъ,
Но заналъ мнѣ крѣпко въ душу
Этотъ вопль и плачъ.

Я надвинулъ надбродку —
Шапку на глаза,
Чтобъ мнѣ неизмѣнна
Ни одна слеза;

Чтобъ жандарми не узнали
Про мою печаль...
Слѣзъ — карета покатила
Вдаль... куда-то вдаль.

6.

Ротъ грубить, жандарми скажутъ
Сзади, по бокамъ,
Чтобъ чего не обронилось...
Вонъ въ сторонкѣ храмъ!

Это Боровская церковь,
Какъ звѣзда, горитъ,
Словно мнѣ сивозъ дѣсь киваетъ,
Словно говоритъ:

«Ты ли это мой голубчикъ,
Дитяго мое?
Первыхъ дней твоихъ я помню
Здѣсь жить-быть!»

«Помню, какъ тебя крестили:
Вся твоя родня
Туть собралась... Добрый мальчикъ
Быль ты у меня.

«Какъ прилежно ты учился,
Какъ побрегъ ты въ свѣтъ —
Помню все... тому ужъ будетъ
Вѣрныхъ тридцать лѣтъ.

«Какъ съ тобой мы распрощались...
Но скажи, мой другъ,
Для чего теперь съ тобою
Ѣдетъ столько слугъ?»

7.

Подѣзжая подъ Иглаву,
Снился Шпильбергъ мнѣ;
А подъ Линцемъ, помню, видѣлъ
Я Куфштейнъ во снѣ.

За Куфштейномъ лишь пропали
Сны такіе всѣ;
Альми видѣлись, какъ Альми —
Въ царственной красѣ.

Только глупо, братъ, какъ ѣдемъ
Ты невѣсть куда;

Туть чертовски утомляеть
Самая ѣзда —

Пѣлны горькою насѣвшкой
Почтарей рожки...
Просто, кажется разбилъ бы
Голову съ тоски!

Только видишь, другъ мой мѣсяцъ,
Быль бы я не правъ,
Еслибъ мнѣ съ тобой забили
Горный телеграфъ:

Быль онъ очень акуратентъ,
Не любилъ дремать —
И полнѣя усердно,
Какъ родная мать,

Печи намъ вездѣ топилъ,
Зная напередъ,
Сколько гдѣ съ дороги тяжелой
Путникъ отдохнѣтъ.

Въ Будейвицахъ Дедѣра
Странно поступилъ:
Мнѣ совсѣмъ не по-жандармски
Онъ вина купилъ —

Да мельничкаго, родного!
То ль попуталъ грѣхъ,
То ли кровь заговорила
Въ немъ (Дедѣра — чехи!)

Ужъ не знаю! Или думалъ:
Все, чтѣ я люблю,
Въ этой Летѣ виноградной
Мигомъ утоплю.

Но мельницкое я выпилъ
И до мѣстныхъ винъ
Добрался — до итальянскихъ:
Хмѣль, какъ-естъ, одинъ!

8.

Тотъ элѣги оставимъ
Мы теперь съ тобой,
Ясный мѣсяцъ! На минуту
Перейдемъ въ другой!

Мерзкій путь отъ Рейхенгалла
До Вайдринга ты
Знаешь, чай: овраги, скалы,
Чортовъ мости;

Камни страшные — страшнѣе
Глуности людской;
Бездны больше, чѣмъ издержки
Армии ивой!

Сущимъ тартаромъ зяютъ,
Путнику греза:
Октопровать указомъ
Ихъ никакъ нельзя!

Ночь темна, какъ наша церковь.
Иль еще темнѣй.
Всакій мигъ кричитъ Дедѣра:
«Сдерживай коней!»

Да кому кричать? на козлахъ
Нѣту ни души:
Съ жандармерией одинъ мы
Среди скалъ, въ глуши.

Почтальонъ отсталъ далеко
И въ потьмахъ исчезъ:
По-добру онъ по дорогу
Съ козелъ раньше слѣзъ.

Мы летимъ при свѣтѣ вѣтра,
Рѣжутъ вихри слухъ;
Сердце бьется поневолѣ,
Замираетъ духъ.

Бручъ — чтѣ дѣстница на башпѣ;
Но люблю я страхъ
Передъругу полицейскихъ
И жандармовъ страхъ.

Я шепнулъ имъ: «между нами
Видно грѣшникъ есть:
Бросимъ жребій, кто отсюда
Долженъ мигомъ слѣзъ»

Очистительною жертвой,
Какъ Иона». Глядъ:
Полицейские проворно
Начали скакать;

Другъ за дружкой изъ кареты
Выскакали вонъ.
Боже! точно ль это было?
Или это сонъ?

Стража, въ шарфахъ, вверхъ ногами,
Словно трупъ, дежить,
А преступникъ одиноко
Подъ гору летить.

Хочешь, Австрія, вести ты
Всѣхъ насъ по шнурку,
А не справилась съ четверкой
Кѡней на скаку!

Скалъ и пронастой альпийскихъ
Полюй господарь,
Безъ возница, въ тѣмъ крошечной,
Мчался и одинъ,

И на станціи исправно
Закупись; потомъ
Снакъ какъ праведникъ; а стража
Все плелась шажкомъ;

Еле-еле дотащилась
Въ поздніе часы
И всю ночь себѣ чинила
Ребра и носъ;

Задъ себѣ арники герла,
А виною крестецъ...
Тутъ, мой другъ, я ставлю точку:
Странствіемъ конецъ!

Я ни камня не прибавилъ:
Можетъ — какъ ни глупъ —
Быть свидѣтелемъ почтмейстеръ
Въ Вайдрингъ Дальруль.

9.

Рано утромъ былъ доставленъ
Въ Врисень музыкантъ
И квантанцю Дедѣрѣ
Выдалъ комендантъ.

Клокъ бумаги комендантской
Въ Чехію пошолъ,
А меня здѣсь держитъ вѣршико
Габсбургскій орѣлъ.

Коменданта и жандармовъ
Въ этой западѣ,
Вместо ангеловъ небесныхъ,
Дали стражей мнѣ...

Н. Бергъ.

Г. ФЛЕГЕРЪ (МОРАВСКІЙ).

Густавъ Флегеръ (Моравскій), одинъ изъ лучшихъ современныхъ чешскихъ поэтовъ, родился въ 1833 году въ деревнѣ Карасейно, въ Моравіи. Болѣзнь помѣшала ему поступить въ университетъ, вследствие чего онъ долженъ былъ ограничить свое образование гимназическимъ курсомъ; затѣмъ, недостатокъ средствъ къ жизни принудилъ его поступить на службу въ чешскую сберегательную кассу въ Прагѣ. Флегеръ началъ писать стихи съ пятнадцатилѣтняго возраста. Первые его стихотворенія были написаны по-нѣмецки, но, впоследствии, онъ одумался, уничтожилъ все, написанное имъ на чуждомъ языкѣ и сталъ писать по-чешски. Въ 1858 и 1859 годахъ онъ написалъ и издалъ лучшее свое произведение — романъ въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Панъ Вышинскій», отзывающійся вліяніемъ «Евгенія Онѣгина». Затѣмъ, онъ написалъ комедію «Она мѣла любить» и трагедію «Святополькъ», имѣвшія также значительный успѣхъ. Остальныя его произведенія — нѣсколько романовъ и драматическихъ пьесъ — хотя и слабѣе численными выше сочиненій, но и они читаются съ удовольствіемъ.

П Ѣ С Н Я.

Одинъ я одиноко
Подъ липою сижу
И въ бездну — въ глубь потока
Задумчиво глажу.
Огромный камень старій
Въ потокѣ тамъ лежалъ:
Потокъ сердитый, ярый
На камень набѣжалъ —
И камень въ бездну ринулъ...
И я, усталый, жду,
Чтобъ и ко мнѣ прихлынулъ
Потокъ — и въ бездну ринулъ
Меня въ свою черду...

Н. Бергъ.

СЛОВАЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Словаки причисляются обыкновенно къ чехо-моравской вѣтви западно-славянскаго племени. Они занимаютъ почти сплошной массой Тренчинскій, Турчанскій, Оравскій, Литавскій и Зволенискій комитаты или долины сѣверо-восточной Угрии; затѣмъ, населяютъ большую часть округовъ Нитранскаго, Спинскаго, Шарыскаго, Тельковскаго, Земинскаго, Гемерскаго и Гонтскаго и меньшую часть округовъ Пресбургскаго, Новотрадскаго и Абуйварскаго. Но отдѣльныя поселенія и колоніи словаковъ выбѣгаютъ далеко за предѣлы территоріи, обнимаемой именованными пятнадцатю комитатами: онѣ встрѣчаются въ двадцати другихъ стѣнкахъ Угорщины, вплоть до самой Савы, гдѣ онѣ уже соприкасаются съ этнографической территоріей сербовъ и хорватовъ. Такъ-какъ условія жизни въ горной податранской родинѣ словаковъ не вносили достаточнаго притока въ возрастующаго населенія, то непрерывный почти потокъ словацкой колонизаціи, по теченію ихъ рѣкъ Вага, Грона и Нитры, неудержимо стремится къ Дунаю, а по Водрогу и Гернаду въ долину Тисы, въ то роскошное угорское дольноеземье, которое нѣкогда принадлежало, хотя не исключительно, праслѣдамъ словаковъ и, быть-можетъ, еще ставлетъ со временемъ наследіемъ, хотя тоже не исключительно, ихъ правнуковъ.

Чужденность словацкой народности не можетъ быть точно опредѣлена по причинамъ какъ социальнымъ, такъ и политическимъ. Въ средѣ словаковъ существуетъ съ одной стороны непримиримая рознь между дворянствомъ и народомъ: первое стѣдится даже своего происхожденія и причисляетъ себя къ мадьярамъ, подобно тому,

какъ западнорусское дворянство причисляетъ себя къ полякамъ. Съ другой стороны мадьярская администрація, озабоченная возвышеніемъ мадьярской народности надъ другими угорскими, особенно словацкою, въ смѣшанныхъ округахъ игнорируетъ показанія языка и причисляетъ словаковъ къ мадьярскому племени, что отражается и на статистическихъ данныхъ. Какъ бы то ни было, мы безопасно можемъ опредѣлить минимумъ словацкаго населенія въ 3 милліона душъ. Но, какъ уже сказано, это населеніе быстро возрастаетъ, несмотря на гнѣтъ австрійскаго, особенно мадьярскаго правительства. Словацкая народность обладаетъ значительно претворляющею силою: она расширяется особенно на счетъ мадьяръ. Но и нѣмцы въ средѣ словаковъ не могутъ долго сохранять своей народности: такъ значительны ихъ поселенія въ Спитской и Гемерской стѣнкахъ совершенно словачились.

Есть еще одно обстоятельство, которое увеличиваетъ значеніе этого свѣзкаго, даровитаго и симпатичнаго племени. На территоріи словаковъ приходится этнографическая грань нѣсколькихъ вѣтвей славянскаго племени: за рѣкою Моравою и городомъ Сузонаю начинаются поселенія чехо-моравскія; за Дунайцемъ и Бескидами живутъ поляки; за Водрогомъ начинается Русь. На югѣ, какъ сказано, отпрыскъ словаковъ соприкасается съ крайними нѣмцами селеній юго-славянскихъ. Такимъ образомъ словаки представляютъ какъ бы этнографическій центръ славянства, что отражается и на ихъ языкѣ. Онъ является какъ бы связующимъ звѣномъ между юго-восточной и сѣверо-западной вѣтвями язычнаго дерева славянъ. Незамѣтными переходами словацкое нарѣчіе сливается

на сѣверо-западѣ съ чешскимъ (говоръ питранскій), на сѣверо-востокѣ съ польскимъ (говоръ оравскій, паршишскій и т. д.), а на юго-востокѣ съ русскимъ (говоръ гемерскій, сотацкій). Собственно же среднее словацкое нарѣчіе (говоры турчанскій, тренчинскій, литавскій, зволенскій и т. д.) представляетъ въ своемъ составѣ и строгіи въ чрезвычайно замѣчательный по богатству словъ и формъ, по звуковой полнотѣ и цѣлности, а во многихъ случаяхъ — по чертамъ старинной самой отдаленной, праславянской. Это объясняется консервативностью жизни народа замкнутого въ мѣстностяхъ горныхъ, глухихъ, недоступныхъ для вѣявшихъ вѣзаний, и притомъ народа почти не имѣвшего еще самостоятельной исторической жизни, сохранившаго въ своемъ бытѣ и нравахъ много младенческаго, первобытнаго. Съ другой стороны края подтатранские могли быть влиятельными въ своемъ бытѣ и нравахъ много младенческаго, первобытнаго. Съ другой стороны края подтатранские могли быть влиятельными въ своемъ бытѣ и нравахъ много младенческаго, первобытнаго. Съ другой стороны края подтатранские могли быть влиятельными въ своемъ бытѣ и нравахъ много младенческаго, первобытнаго.

поръ они должны были дѣлить судьбу угорскаго государства, основанаго мадьярами въ Паннонскій долинѣ, на развалинахъ государствъ славянскихъ. Нельзя однако сказать, чтобы словаки были совершенно пассивными зрителями событий, разгнѣванныхъ затѣмъ въ угорскомъ государствѣ. Можно даже доказать, что самое основание этого государства, его организація Стефаномъ Святимъ, совершена была по тѣмъ культурнымъ началамъ, которыя выработаны были въ непродолжительное, но блестящее существованіе славянскихъ придунайскихъ государствъ, особенно же великоморавскаго, т. е. словацкаго. Мадьяры не принесли съ собой никакихъ новихъ культурныхъ началъ и потому должны были усвоить себѣ тѣ, какия они встрѣяли въ странѣ новихъ своихъ поселеній. Въ первый арпадовскій періодъ угорской исторіи славянскія народности давали политическое направление государству; тоже продолжалось и въ послѣдующіе періоды, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Угрія все болѣе втягивалась въ кругъ интересовъ и понатій европейскаго запада, постепенно отрываясь отъ началъ, унаслѣдованныхъ было отъ славянскаго востока. Въ этомъ отношеніи исторія Угрии представляетъ замѣчательную параллель съ исторіей Польши. Но главныя основы старогорской конституціи: административная децентрализація, мѣстное (жупное или комитатское) самоуправленіе, равноправность народностей и свобода вѣроисповѣданія, упорно были поддерживаемы и въ позднѣйшіе періоды угорской исторіи. Итакъ несомнѣнно, что и словаки принимали дѣятельное участіе въ событіяхъ угорской исторіи; но, по разнымъ причинамъ, они не успѣли поднестъ мадьяръ вліянію своей народности въ такой степени, какъ это случилось напримѣръ съ ордю болгарскою въ странахъ балканскихъ. Единственнымъ политическимъ представителемъ словаковъ, какъ народности, былъ знаменитый Матушъ Тренчанскій (въ началѣ XIV вѣка); но его усилія привлечь Угрію въ союзъ съ чехами не удалось. На позднѣйшіе времена въ союзъ съ чехами не удалось. На позднѣйшіе времена въ союзъ съ чехами не удалось.

массами переселились въ гостеприимную и либеральную Словачину (особенно въ Нитравскій, Новотрадскій и Зволенскій комитаты). Другой разъ это случилось въ XVII вѣкѣ, послѣ бѣготорской битвы: на этотъ разъ словаки приняли у себя и знаменитаго основателя научной педагогической Амоса Коменскаго. Вѣсѣтъ съ гуситствомъ словаки приняли тогда отъ чеховъ ихъ литературныя произведенія и чешскій литературный языкъ. Можно даже сказать, что единственно благодаря чешскимъ писателямъ изъ словаковъ (какъ Трановскій, Кърманъ, Грушковичъ и другіе) поддержаны были литературныя преданія такъ называемаго золотого періода чешской письменности, въ подугоравльскую умственную латарію убавкаванныхъ іезуитами чеховъ. Это не мало обязало литературное ихъ возрожденіе въ началѣ нашего вѣка.

Первые опыты литературной обработки словацкаго нарѣчія начинаются не ранѣе XVIII вѣка, слѣдовательно въ этомъ отношеніи собственно словацкая литература новѣе всякой другой славянской, не исключая и словенской или хорватской, имѣющей одиакъ памятники X вѣка и нѣсколько XVI-го. Первое же крупное явленіе словацкой письменности составляютъ грамматическіе и лексикальные труды Бернолака († 1813 г.) и поэтическія произведенія Голаго († 1849 г.). Ихъ значеніе въ словацкой литературѣ можетъ быть нѣсколько умножено значенію въ литературѣ сербской филологическихъ трудовъ Вука и поэтическихъ опытовъ Милутиновича. Разница лишь въ томъ, что Вукъ обязалъ сербскій языкъ во всѣхъ его развитіяхъ и изъ ихъ сравненія извлекъ норму сербскаго литературнаго языка; между-тѣмъ, какъ Бернолакъ ограничился одной западной вѣтвью словацкаго племени, вслѣдствіе чего его опытъ вышелъ болѣе одностороннимъ и недостаточнымъ. Голый проявилъ въ своихъ энциклопическихъ произведеніяхъ большой талантъ и оудовленіе; но онъ не свободенъ былъ отъ пристрастія къ псевдо-классической напыщенности, нѣкоторой ходульности и холодности, во вѣсѣтъ нашего Хераскова или сербскаго Муничаго. Какъ бы то ни было, Голый былъ первый толчокъ словацкой литературѣ, справедливо считающейся его отцомъ и основателемъ. Можно предполагать, что и Колларъ, знаменитый авторъ «Дочери Славны» и первый пророкъ панславизма, не вполнѣ былъ свободенъ отъ вліянія автора «Святополака», «Кирило-Ме-

еодлады» и «Славна». Впрочемъ, имя Ивана Коллара лишь отчасти принадлежитъ словацкой литературѣ: главныя его произведенія написаны на чешскомъ нарѣчьи, равно какъ и произведенія другого знаменитаго словака, Павла Іосифа Шафарика, автора «Славянскихъ Древностей». Но содержаніе и направленіе произведенійъ какъ того, такъ и другого болѣе имѣютъ родства и — вѣроятно — связи съ настроеніемъ и духомъ народа словацкаго, чѣмъ чешскаго. Какъ бы то ни было, не должно представляться случайностью, что первыми проповѣдниками идеи славянской взаимности и панславизма являются члены словацкаго племени, въ самую свою природою и географическимъ положеніемъ какъ бы призваннаго примирять противоположности разныхъ славянскихъ народностей и соединять ихъ въ сознаніи племеннаго единства и общности историческихъ задачъ.

Съ 40-хъ годовъ въ Словачинѣ закипаетъ болѣе оживленная литературная дѣятельность, являются новыя дѣятель, новая литературная школа. Основателемъ ея былъ знаменитый словакъ Людовитъ Штуръ, политикъ, поэтъ, учоный и публицистъ. Первые его заботы обращены были на установленіе нормы словацкаго литературнаго языка. Онъ осудилъ мысль Бернолака, поддержанную Голымъ, о возведеніи на степень литературнаго органа одного изъ многочисленныхъ окраинныхъ словацкихъ говоровъ. Литературный языкъ долженъ, по мнѣнію Штура, пользоваться всѣмъ разнообразіемъ народныхъ говоровъ, чтобы черпать лучше изъ каждаго, особенно въ отношеніи лексикальномъ. Что же касается стороны формальной, то предпостенно должно быть оказываемо тѣмъ звуко-сочетаніямъ и формамъ, которыя находятъ себѣ наибольшее оправданіе въ этимологій и исторіи славянскихъ языковъ и слѣдовательно наиболѣе приближающаго къ среднему или нормальному типу словацкаго нарѣчія. А такъ-какъ наиболѣе чистый и цѣльный звуковой и грамматическій типъ представляютъ говоры центральные, нагорные, то они и приняты Штуромъ за основу формы нарѣчія литературнаго. Эта мысль была очень сочувственно принята словаками, особенно въ молодомъ поколѣніи, на которое Штуръ имѣлъ самое сильное и благотворное вліяніе. Авторитетъ его былъ поддержанъ въ этомъ случаѣ согласіемъ другихъ знаменитыхъ и вліятельныхъ членовъ словацкаго общества: Гурбана и Годжи. Ихъ

соединенными усилиями дѣло установления нормъ словацкаго литературнаго языка было поведено очень успѣшно. Реакція старочешской партіи въ средѣ словацкаго народа была сломана и литературный расколъ словаковъ совершился, повидному, окончательно и безвозвратно. Словакъ Гаттала довершилъ это дѣло составленіемъ прекрасной грамматики новаго словацкаго литературнаго языка. Въ средѣ словаковъ нашлись значительные таланты поэтическіе, представившіе прекрасные образцы высокохудожественныхъ произведеній на словацкомъ языкѣ. На ряду съ названными гремя литературными корифеями штуровской школы (Штурокъ, Гурбаномъ и Годжей), мы должны назвать особенно два имени: Садковича и Халуку. Ихъ значеніе въ литературѣ словацкой можетъ быть отчасти сравнено со значеніемъ въ литературѣ чешской Чельковскаго и Эрбена, а въ сербской — Мажуранича и Нѣшана.

Около этихъ корифеевъ словацкой литературы группируется дѣлая плеяда другихъ болѣе или менѣе значительныхъ талантовъ. Назовемъ Заборскаго, Грайхмана, Желло, Полярника, Викторина, Иозефонича, Зоха, Кузмани и Павлини-Тота. Большая часть сюжетовъ словацкой поэзіи заимствуется изъ народной жизни современной и прошлой, словацкой или общеславянской. Идеи панславизма продолжаетъ быть вдохновляющей музой словацкой литературы. Это не замѣнилось даже послѣ горькихъ разочарований 48 и 49 годовъ, когда заря народнаго освобожденія, казалось, начинавшая уже брезжить, снова скрылась подъ тучами сначала баховскаго, а потомъ андрашевскаго деспотизма и преслѣдованій. Исчезло одно поколѣніе народныхъ дѣятелей (Штуръ, Гурбанъ, Годжа); но ихъ мѣсто не осталось праздыми: Франциски, Кузмани, Павлини-Тотъ, епископъ Мойзасъ и другіе снова взились за дѣло народнаго пробужденія и возрожденія. Самымъ важнымъ событіемъ послѣднихъ десятилѣтій было учрежденіе въ 1863 году словацкой матицы, образовавшей центръ, вокругъ котораго собрались всѣ лучшія силы страны и изъ котораго стала направляться просвѣтительная дѣятельность патриотовъ на образованіе народныхъ массъ. И дѣло поднимается, народъ просвѣщается, развивается, хотя не съ такой быстротой, какъ бы можно желать, но съ болѣею,

чѣмъ бы можно ожидать, имѣя въ виду многочисленность и значительность противодействующихъ условій и вліяній. Народъ бѣденъ и одинокъ; онъ не имѣетъ нигдѣ поддержки, а напротивъ всюду встрѣчаетъ ненависть и презрѣніе: дома отъ своихъ дворянъ-ренегатовъ, въ странѣ отъ мадыарскаго управленія, въ государствѣ отъ габсбургскаго правительства. Чехи довольно равнодушны къ словакамъ за ихъ литературный расколъ, произведенный во имя словацкой народности съ одной стороны и идеи панславизма (въ формѣ литературнаго единенія славянъ) съ другой. Польскіе политики не благоволятъ къ словакамъ за ихъ демократизмъ, за ихъ панславизмъ, за ихъ дружбу къ Россіи. Но, несмотря на все это, словаки не унываютъ и не отчаиваются въ своей будущности. Они веселы и довольны, потому что добродушны и непритязательны; они илюди и смѣлы, потому что молоды и предприимчивы. Словаки вдвое намъ сочувственны — какъ славяне и какъ друзья. Не только въ географическомъ, но и въ этнографическомъ смыслѣ это самый близкій къ русскимъ изъ западныхъ народовъ, подобно тому какъ болгаре изъ южныхъ. Наука и литература словацкая, конечно, еще бѣдна и едва только зарождается; но если можно о будущемъ судить по настоящему и прошедшему, то мы имѣемъ право возлагать самыя блестящія надежды на словацкихъ писателей и ученыхъ: такъ живо во всѣхъ ихъ произведеніяхъ отражаются черты могучаго таланта, широкой кисти, самостоятельнаго творчества и философскихъ порывовъ, нѣсколько родящихся мыслителей словацкихъ — напримеръ Штура — съ русскими славянофильскаго направленія.

Въ заключеніе нашего бѣлаго обзора литературной исторіи словаковъ позволяемъ себѣ выразить убѣжденіе, что ближайшее ознакомленіе и тѣснѣйшее общеніе русскаго народа съ словацкимъ не осталось бы безъ важныхъ для нихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что словакъ предостѣпн, повидному, играть не маловажную роль въ событіяхъ, которыя въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ должны разыграться на склонахъ Карпатъ и въ долинѣ средняго Дуная.

А. Будиловичъ.

СЛОВАЦКІЕ ПОЭТЫ.

И. ГОЛЫЙ.

Иванъ Голый, католическій священникъ и словацкій поэтъ, родился 12-го (24-го) марта 1785 года, учился въ Свацкѣ, Пресбургѣ и Тернавѣ, а въ 1808 году получилъ мѣсто капеллана въ Побдѣмѣ. Еще будучи въ Тернавѣ, онъ перевелъ на словацкій языкъ «Энеиду» и «Эклоги» Виргилія, «Сатиръ» Горация, «Батрахиомоміахія», отрывки изъ Теоокрита, Гомера, Овидія, Тиртѣя и другихъ греческихъ и римскихъ классиковъ. Что же касается его оригинальныхъ поэтическихъ произведеній — лучшаго литературнаго результата бернолаковской школы, принявшей, по примѣру известнаго словацкаго ученаго Бернолака, нитрасское нарѣчіе, получившее, вслѣдствіе этого, названіе *бернолачимъ* — то они складывались у него въ томъ же классическомъ вкусѣ; это были идилліи, элегіи и оды. Кромѣ того, онъ написалъ три эпические поэмы: «Святотополь», «Кирилло-Меоодолада» и «Славъ», которыя главнымъ образомъ составили его извѣстность, незаходимую впрочемъ дальше границъ словацкаго языка, тѣмъ болѣе, что ихъ псевдоклассическая форма и обусловленная ею поэтическая манера, вынесенная Голымъ изъ его воспитанія, уже мало соответствовали новымъ поэтическимъ вкусамъ и потребностямъ. Голый заключилъ свое литературное поприще составленіемъ стихотворнаго сборника катлическихъ церковныхъ пѣсней. 3-го мая 1843 года Голый едва не погибъ во время пожара, бывшаго въ томъ мѣстечкѣ повагской долины, гдѣ онъ былъ священникомъ, и, только благодаря энергіи нѣсколькихъ удалцовъ, онъ былъ вынесенъ изъ

горьшаго дома. Этотъ случай окончательно разстроилъ его и безъ того слабое здоровье и побудилъ просить увольненія отъ должности. Оставшись приходъ и проработавъ около шести лѣтъ, Голый скончался 2-го (14-го) апрѣля 1849 года. Полное собраніе его сочиненій вышло въ 1841—42 годахъ, изданное обществомъ любителей словацкаго языка и литературы.

1.

ГОЛОСЪ ТАТРЫ.

Куда ты, Вагъ, стремимся?
Куда бѣжашъ такъ быстро?
Обрызгавши кровью
Надбрежія крутя
И скаль сѣдыхъ обломки
Передъ собою топши.
Иль нѣ-любю катиться
Тебѣ русломъ завѣтнымъ
Среди отчуждѣнной
И подавать свой голосъ
Вершинамъ поднебеснымъ,
Въ твоемъ зеркальномъ лонѣ
Своей обликъ отразившимъ,
Не-то глѣсамъ кудрявымъ?
Иль нѣ-любю весною
Прислушиваться къ трелямъ,
Къ раскатамъ соловьинымъ,
И къ вѣснымъ вѣтвямъ ирвынхъ,
Летающимъ черезъ рощи?
Или порой вечерней
Смотрѣть на ихъ забавы,
На игры ихъ и пляски?

Зачѣмъ ты быстры воды
Свергаешь съ горъ въ долины?
Ты здѣсь — и чистъ, и ясенъ —
Сребристые потоки
Въ свое пріемлешь гоно;
Тамъ — отъ притоковъ мутныхъ
И самъ ты весь мутнѣешь.
Здѣсь парствуешь ты гордо
Надъ многими рѣками;
Тамъ — скипетръ обронивши —
Въ волнахъ Дуная гибнешь.
О родичи, о братья!
Какъ Вагъ, и вы бѣжите
Съ высокихъ горъ въ долины
Отъ матери любезной —
И гибнете безслѣдно
Въ волнахъ иноплеменныхъ...

Н. Бергъ.

п.

ПЛОХОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Полно тебѣ какъ ворона въ часъ непогодны кар-
кать,
Полно по лютѣй глухой пальцами бить и сту-
чать!
Кто съ удовольствіемъ слушаетъ скрипъ непод-
мазаной оси,
Свистъ и визжанье пилы, либо лгущевъ кон-
пертъ?
Развѣ не хочешь постигнуть, что духу тебѣ не
хватаетъ
Ноты высокія братъ: голосъ твой рвется, дро-
житъ;
Струны не слушаютъ пальцевъ неловныхъ — и
дичіе тоны
Слухъ намъ жестоко дерутъ, дыбомъ подьемъ
ють власы.
Малыя дѣти, заслыша далеко визгливый твой го-
лосъ,
Къ нянькамъ бѣгутъ подъ крыло: буга ты сущій
для нихъ!
Даже и птицы боятся тебя и скрываются въ
гнѣзды,
Если ты въ глѣзъ забредѣшь и начинаешь тамъ
вить.
Полно же каркать, а лучше разбей непокорную
лютню,
Сдѣлай тенета изъ струнъ, рачкичовъ жыр-
ныхъ дови,

Либо тѣбу смастери и, много хитроумныхъ на-
удливъ,
Лютню зажги и надъ ней вкусную рыбу из-
жарь.
Въ этомъ занятіи все-таки, другъ мой, поболѣе
толку:
Будешь ты новый Немвродъ, сладко и смачно
поѣшь!
Если жъ послушать не хочешь, дери свое горло
пожалуй,
Въ струны безъ усталы бей, пальцы одъ нихъ
обломай!
Будешь полезень хоть тѣмъ, что подчасъ распуга-
ешь на нивахъ
Галокъ, не-то воробьевъ, иль — съ винограда
скворцовъ.

Н. Бергъ.

С. ХАЛУНКА.

Самое Халунка, евангелическій священникъ
и знаменитѣйшій изъ словацкихъ современныхъ
поэтовъ, родился въ 1812 году въ Горныхъ Ле-
готахъ, въ Венгрии, въ томъ самомъ мѣстечкѣ,
гдѣ въ настоящее время проповѣдуетъ слово
Божье своимъ землякамъ. Первоначальное обра-
зование получалъ онъ въ домѣ родительскомъ;
потомъ учился въ Рознавѣ, Кезмаркѣ и Пресбургѣ.
По окончаніи полнаго курса богословія въ Прес-
бургскомъ университетѣ, Халунка получилъ мѣ-
сто священника въ Ельзаветскомъ Телницѣ, отку-
да, по смерти отца и по желанію прихожанъ,
былъ переведенъ въ свои родныя Горныя Лего-
ты, гдѣ проживаетъ по настоящее время. Въ
1843 году онъ выступилъ противъ сильно-ра-
спространенной въ словацкомъ народѣ изымъ —
пьянства. Для этой цѣли онъ переработалъ из-
вѣстное сочиненіе Шоке «Brantvein rest» (Во-
дочная чума), имѣя въ виду примѣнить въ прак-
тику и обычаямъ своихъ земляковъ, и издалъ его
въ Выстрицѣ, подъ заглавіемъ: «Водка — отрав-
ва», и тѣмъ много способствовалъ учрежденію
общества трезвости между словаками. Имя Ха-
лунки пользуется огромною извѣстностью среди
словацкаго народа. Почти каждой словацкѣй жур-
наль, альманахъ, календарь и сборникъ украшаютъ
его стихотвореніями. Независимо отъ поэзіи,
Халунка занимается также изученіемъ славянъ-
ской старины и историческими изысканіями.

БЕЙ ЕГО.

Гонить волины быстръ Дунай,
Разнаимъ широко;
Надъ Дунаемъ свѣтлый градъ
На горѣ высокой.
Становился римскій царь
Стапомъ передъ градомъ:
Забѣгаея шатры,
Рядъ стоитъ за рядомъ.
На престолѣ царь сидѣтъ
Предъ златой порфирой;
Вдругъ престола — словно гдѣсь —
Коня и сѣяри.
И съ престола римскій царь
Говоритъ съ послани:
Незнакомый людъ стоитъ
Предъ его очами.

Молодецъ все къ молодцу:
Кудри золотыя
Густо вьются по плечамъ;
Очи — голубыя;
Словно все въ одно лицо,
Та жъ краса и сила,
Словно всехъ-то ихъ одна
Матерь породила.
Породила жъ ихъ одна
Мать-земля родная,
Что отъ Татры подошла
Вплотъ до волеы Дуная,
И за Татрову идеть
На другое море,
На полночь и на востокъ,
Гдѣ въ святыхъ просторѣхъ
Уговица поля,
Доли и дубравы —
Какъ святую колыбель
Для великой славы!
Ихъ послалъ славянскій родъ,
Положивъ сойтюмъ
Встрѣтить римскаго царя
Дружбой и привѣтомъ.
Не лежатъ они челоюмъ
Передъ нимъ во прахѣ,
Не палуютъ ногъ его
Въ разбойномъ страхѣ;
Но подносятъ божій даръ —
Хлѣбъ и соль родную,
П и въ великому царю
Держать рѣчь такую:

«Весь народъ нашъ, старшимъ
И князья послали
Накъ, чтобъ ми тебѣ, о царь,
Добрый день сказали.
Ты нашъ гость, лишь доступилъ
Нашего порога.
Мы — славяне. Край сей данъ
Намъ въ удѣлъ отъ Бога.
Щедро Имъ онъ надѣленъ
Благодатью съ неба:
Не похвѣннися — такъ всемъ
Свой кусокъ естъ хлѣба.
Много лъ, мало лъ, съ насъ того
Будеть, что ишемъ —
Благо, сѣмъ на своеюмъ,
Жнемъ, что сами сѣемъ.
И придетъ ли странникъ къ намъ —
Кто? зачѣмъ? не спросимъ:
Съ Богомъ, дверь отворена!
Милости, моля, просимъ!
Будь онъ свой или чужой —
Человѣкъ прохожій —
Про него всегда у насъ
На столѣ даръ божій.
Вольно всемъ здѣсь жить зарокъ
Богомъ данъ славянамъ:
Грѣхъ великій — быть рабомъ,
Вяче жъ грѣхъ — быть паномъ!
И грѣховъ тѣхъ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ во всемъ народѣ:
Всеюмъ у насъ широкий путь
Къ славы и свободѣ!»
«Правда, какъ весной снѣга
Съ горъ крушатся на доли,
Лютый врагъ на край нашъ вдругъ
Словно съ неба надлетъ;
Здѣсь засѣвъ, уже думать вѣкъ
Насъ держать въ неволяхъ,
Намъ сѣять и пахать
И на намомъ полѣ
Кобылицъ своихъ части...
Только — блажь пустая!
Поднималася вся земля
Съ края и до края —
И спроси ты: гдѣ же ты,
Что намъ тѣбъ кованъ?
Гдѣ? спроси ихъ. Мы стоимъ,
А они — пропани!
Пожоноу уже такъ зарокъ
Вѣки неизмѣнный:

Кто бь, откуда бь не пришолъ
Врагъ иноплемениный,
Завладѣй хоть міромъ — здѣсь
Бѣгъ свой остановишь,
Здѣсь, въ землѣ славянской, гробъ
Самъ себѣ сготовиши!

«Ты теперь, о царь, стоишь
Здѣсь у нашей грани;
Что жь несешь съ собою къ намъ:
Мечъ или миръ во длани?
Если мечъ — то вѣдь мечи
И у насъ есть тоже;
А востры ль они — узвать
И не дай ти Боже!
Если жь къ намъ идешь какъ гость,
Съ миромъ, съ доброй вѣстью —
Ужь на славу угостимъ
И проводимъ съ честью.
Вотъ тебѣ ось насъ хлѣбъ-солъ —
И принять ихъ просимъ
Также честно, какъ тебѣ,
Царь, мы ихъ приносимъ.»

Хлѣба-солъ нѣ взялъ царь,
Лицомъ омрачился;
Ярый гнѣвъ въ его очахъ
Гордо засвѣтился,
И къ посланъ славянскимъ онъ
Съ трона золотого
Обратилъ, поднявъ главу,
Такое слово:

«Солнце шествуетъ въ пути,
И — къ нему всѣ очи:
Отъ него — вся жизнь и свѣтъ,
Безъ него — мракъ ночи.
Съ нимъ у твари спора нѣтъ,
Ни переговоровъ.
Для народовъ солнце — я,
И со мной — нѣтъ споровъ!
Какъ судьба, для всѣхъ моя
Власть неотразима:
Повелитель міра — Римъ,
Я жь — владыко Рима!
Межь народовъ хоть одинъ
Есть ли во вселенной,
Кто бь противиться ему
Возмечтавъ — мгновенно
До послѣдняго бь раба
Не исчезъ со свѣта?

Всѣ склоняются предъ нимъ,
И живутъ — чрезъ это.
Преклонитесь же и вы!
Я вашъ край острою,
Поселю здѣсь римлянъ; васъ
Выведу съ собою:
Въ Римъ — старшинъ, а молодежь —
Прямо въ легионы.
Покоритесь — будетъ вамъ
Миръ, почетъ, законъ;
Нѣтъ — васъ съ семьями къ себѣ
Погоноу гуртами;
Въ плуги запрягу — пахать
Землю буду вами;
На цѣпи, какъ псовъ, сидѣть
У воротъ застаню;
Буду тысячами васъ
Львама кидать на травку.
Горе будетъ, говорю,
Дѣтямъ вашимъ, жонамъ!
Бойтесь, если влкну я:
«Горе побѣжденнымъ!»
Бойтесь! этотъ римскій крикъ
Пуще Вожья грома...
Я сказалъ. Вотъ мой отвѣтъ.
«Передайте дома!»

Рѣчь окончили римскій царь;
Все кругомъ молчало.
Какъ нежданной громъ, она
На славянъ унала.
На царя стрелять они
Взгляды оторопѣли...
Вдругъ какъ-будто съ ихъ очей
Заблестали стрѣлы,
И по лицамъ словно вдругъ
Молніи мелькнули —
Разомъ, взвизгнувши, мечи
Изъ ноженъ свернули
И у всѣхъ единый влискъ
Вырвался изъ груди:
«Бей его!» Вокругъ царя
Взополонились люди
И поднять штыи едва
Вкрутъ него успѣли...
Самъ онъ мигомъ съ трона прочь...
Трубы загремли,
Разомъ латеръ поднялся:
Скачутъ нумидицы,
Взвездъ безсмертныхъ, взвездъ царейъ,
Галлы, иберійцы

Л. ШТУРЬ.

И — конь на перебѣсъ —
Римская пѣхота:
Окружили молодежь
И пошла работа.

Что медвѣдь дѣсной въ кругу
Псовъ остервенѣлыхъ,
Вѣется горсть богатирей
Противъ полчищъ цѣльныхъ.
Съ шумомъ рунатся вкругъ ихъ
Всадники и кони;
Конья дожити; звенять
Шпашки и брони...
Вѣется горсть богатирей,
Но сама рѣдѣтъ...
Вотъ лишь трое ихъ: кругомъ
Смерть надъ ними рѣбѣтъ
Въ бѣсѣхъ коний и мечей...
Вотъ всего лишь двое,
Вотъ одинъ... и этотъ палъ...
И вкругъ надшикъ въ боѣ
Побѣдители стоятъ.
Въ изумельхъ сами.
Въ легионахъ недочетъ:
Цѣлыми рядами
«Мертвыхъ, раненныхъ владуть.
Самъ, съ разномлебенной
Свѣтой, кесарь подсказалъ:
Мрачный и смущенный,
Разглядѣвъ желаетъ онъ
Барваровъ, которымъ
Показалась рѣчь его
Вдругъ такимъ позоромъ...
А той рѣчи — внемлетъ миръ,
Всѣ дари земные!
«Что жь за люди это тамъ» —
Мыслить — «что жь такіе?»
И задумчиво бь горамъ
Образилъ онъ взоры:
Грозно смотря изъ подъ тучъ
Сумрачныя горы;
Стая темная орловъ
Изъ за нихъ несется;
Словно гулъ какой отголосъ
Смутно раздается...
Смотритъ царь — и вдругъ велитъ
Стать снимать свой ратный
И полки переправлять
За Дунай обратно.

А. Майковъ.

Людевитъ Штуръ родился 16-го (28-го) октября 1815 года въ Венгрии, въ Тречаукомъ округѣ, въ Зай-Угрозѣ, гдѣ отецъ его управлялъ школою, въ которой обучались мальчики евангелическаго исповѣданія. Здѣсь началъ учиться и Людевитъ Штуръ. Затѣмъ онъ былъ переименованъ въ Раабскую гимназію. Тамонья преподавателемъ, Леопольдъ Пецъ, не разъ указывалъ своимъ ученикамъ на яркія свѣтлца славянскаго литературнаго міра, и тѣмъ заронилъ въ сердце юноши первые искры любви къ своему народу, а насмѣшки товарищей надъ его славянскимъ происхожденіемъ воспламенили эту любовь. Пробывъ въ Раабѣ два года, онъ перешолъ въ Пресбургскій евангелической лицей, гдѣ вскорѣ вступилъ членомъ въ Словацкое Литературное Общество, имѣвшее огромное значеніе для всей Словацкой Земли. По окончаніи полного курса богословскихъ наукъ въ помпунтовѣ лицей, Штуръ, изъ любви къ молодымъ своимъ соотечественникамъ, остался въ Пресбургѣ и взялся исправлять должность престарѣлаго профессора словацкаго языка и литературы Георгія Палковича. Въ 1839 году онъ отправился въ Галле. Здѣсь онъ пробывъ два года, занимаясь преимущественно историко-политическими науками, послѣ чего воротился въ Пресбургъ, куда его привлекло Словацкое Литературное Общество, достигшее около того времени высшаго своего процвѣтанія. Въ 1844 году онъ издалъ два первыхъ свои сочиненія: «Жалобы и стѣнованія словаковъ на притязанія мадьяровъ» и «Девятнадцатый вѣкъ и мадьярство». Въ 1845 году, послѣ долгихъ хлопотъ и затрудненій, Штуръ добился позволенія издавать политическую газету: «Народныя Словацкія Новины», имѣвшую огромное вліяніе на политическое возрожденіе словацкаго народа. Съ 1847 года начинается политическая дѣятельность Штура: онъ является на венгерскомъ сеймѣ, какъ депутатъ отъ города Знолена, и принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ значительныхъ преніяхъ, что крайне не нравится мадьярамъ. Въ началѣ мая 1848 года Штуръ, вмѣстѣ съ другими представителями славянъ, населяющихъ Австрію, отправился въ Вѣну для исходатайствованія новыхъ правъ для словаковъ. Здѣсь онъ союсола съ известнымъ баномъ Елашичемъ. Онъ представилъ ему несчастное положеніе своего народа, чѣмъ возбу-

диль въ немъ сочувствіе въ словакамъ и склонить могущественнаго въ то время бана подать ему руку помощи. Затѣмъ Штуръ возвратился на родину, но вскоре долженъ былъ бѣжать отсюда въ Прагу и потомъ въ Вѣну, спасая свою жизнь отъ расширившихся мадяровъ, не можшихъ простить ему его патриотическихъ стремленій въ независимости. Въ Вѣнѣ онъ сформировалъ отрядъ словацкихъ волонтеровъ въ 500 человекъ и въ главѣ ихъ выступилъ 17-го сентября изъ столицы и отправился на войну съ мадярами во имя словацкой народности. Послѣ смуты 1848 и 1849 годовъ Штуръ удалился отъ дѣлъ и поселился въ Модръ, гдѣ посвятилъ себя воспитанію сиротъ, оставшихся послѣ старшаго брата. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ и свои литературныя занятія, какъ о томъ свидѣлствуютъ дѣя изданныя имъ въ 1853 году книги: «Замѣты и Пѣсни» и «О народныхъ пѣсняхъ и былинахъ славянскихъ племенъ» и третье сочиненіе, оставшееся послѣ него неизданнымъ и явившееся въ первый разъ въ печати въ 1867 году въ русскомъ переводѣ В. И. Ламанскаго подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Славянство и мѣръ будущаго. Посланіе славянамъ съ береговъ Дуная, Людевита Штура. Переводъ неизданной вѣмечной рукописи, съ примѣчаніями В. Ламанскаго. Москва. 1867». Будучи идеалистомъ, Штуръ страстно любилъ природу. Не проходило дня, чтобъ онъ не уходилъ погулять за городъ, въ сосѣдній дѣсъ, гдѣ иногда охотился. Последнее развлеченіе стоило ему жизни. 12-го декабря 1855 года, желая перепрыгнуть ровъ, онъ неосторожно оперся на ружьё, которое выстрѣлило и ранило его въ животъ. Рана оказалась смертельною — и 12-го января 1856 года Штура не стало.

I.

ПѢСНЬ СВАТОВОЯ.

Вы, буиные вѣтры, осенніе!
Пролетайте горами высокими,
Поднимайтесь вы ко поднебесью,
Ко престолу великому Вождюему,
Тамъ сложите мои воздыханія,
Тамъ сложите мои слезы горькія:
Погнбаецъ народъ, Богу преданный,
Подъ ярмомъ нечестивыхъ азычниковъ;
Онозореи храмы, поруганы:
Гдѣ внимали мы слову Господнему,

Слова жертвы курятся поганья;
Въ злой неволѣ народъ свободнае;
Паль ихъ царь, съ нимъ воителей тысячи.
Кто жъ виновенъ въ тонкихъ несчастіяхъ?
Это мой грѣхъ, моя вина тяжкая,
Преступленіе брата Моймирова,
Сина горькаго славной Морави.
Не свѣтите вы, звѣзды небесная,
На лицо окаяннаго грѣшника!
Ваши очи, чѣдъ очи судейскія,
Принцають насковъ душу бѣдную.
Отвернитесь вы и погасните,
А не-то въ облака вы сокройтесь,
Пусть кругомъ станетъ темно и сумрачно,
Пусть лица своего не увижу я!..

H. Бергъ.

II.

ПѢСНЬ ОВЧАРА.

Чуть-лишь зорька брезжитъ
На востокъ стага,
Выгонаетъ пастырь
Въ горы свое стадо;
А какъ станетъ солнце
Въ небѣ на среднѣ,
Съ горъ стада сбѣгаютъ,
Чтобъ пастись въ долинѣ.
Горы моп, горы,
Зеленія нивы!
Счастье, богатство,
Свѣтики мои вы!
Вотъ ужъ онъ и подлені!
Доли тншь объемлетъ;
У потока стадо
Прикурнувши дремлетъ;
Самъ пастухъ подъ вѣшней,
А не-то подъ грушей...
Вечеромъ играетъ
Снова рогъ наступающій.
Овцы моп, овцы,
Поднимайтесь дружно!
Дома, подъ застрѣхой,
Нѣ почъ быть вамъ нужно.

H. Бергъ.

I. M. ГУРБАНЪ.

Іосифъ Милославъ Гурбанъ, словацкій поэтъ и патріотъ, родился 7-го (19-го) марта 1817 года въ Бецковѣ, въ Сѣверной Венгріи, гдѣ отецъ его былъ въ теченіи четверти столѣтій евангелическимъ священникомъ. Онъ началъ свое ученіе въ Тенчинѣ, затѣмъ пробылъ десять лѣтъ въ Пресбургѣ, гдѣ промолъ гимназической, философской и богословской курсовъ и былъ съ 1836 по 1840 годъ однимъ изъ главныхъ столповъ словацкой народности. По окончаніи курса ученія въ 1840 году съ званіемъ кандидата, онъ былъ назначенъ пасторомъ въ Брезово, гдѣ началъ свою дѣятельность открытіемъ воскресной школы. Гурбанъ началъ свою литературную дѣятельность въ 1838 году чешскими сочиненіями, потомъ сталъ сотрудникомъ Штура въ его словацкомъ журналѣ. Въ 1839 году онъ сдѣлалъ путешествіе по Чехіи и Моравіи съ литературными и патриотическими цѣлями, и описалъ это путешествіе въ книгѣ, изданной въ 1841 году въ Пештѣ, подъ заглавіемъ: «Поѣздка словака въ славянскія братьямъ на Моравѣ и въ Чехію». Съ 1842 по 1846 годъ онъ занимался изданіемъ своего альманаха «Нитра», котораго вышло пять частей, а съ 1848 года сталъ принимать самое дѣятельное участіе въ «Словацкихъ Новинахъ» Штура. Гурбанъ, вмѣстѣ съ литературными взглядами Штура, раздѣлялъ и политическіе его взгляды, а въ событіяхъ 1848—49 годовъ игралъ не менше замѣчательную роль народнаго оратора и предводителя. Когда Колларъ и его друзья, утомянные притѣвленіями венгерскаго правительства, покинули народное дѣло словаковъ, Гурбанъ вмѣстѣ въ Штуромъ и Годжею стали въ главѣ народа, на который приобрѣли сильное вліяніе энергической защитой его интересовъ. Политическая программа Гурбана и его друзей заключалась въ томъ, что они, въ предвидѣніи враждебнаго столкновенія венгровъ съ царствующею династіей, вошли въ сношенія съ чешскими и южно-славянскими патриотами и организовали словацкое возстаніе въ смыслѣ поддержанія габсбургскаго дома, въ надеждѣ приобрести тѣмъ своему народу обезпеченіе его правъ и національной независимости, въ чемъ, какъ извѣстно, жестоко ошиблись, такъ какъ династія, вмѣсто того чтобъ поддержать національнаго стремленія словаковъ и другихъ союзныхъ съ ними славянскихъ племенъ, преда-

ла ихъ въ-концѣ-концовъ въ прежнее рабство мадяраамъ. Гурбанъ приобрѣлъ себѣ чрезвычайную и вполне заслуженную популарность между своими соотечественниками: это былъ дѣйствительно человѣкъ убѣжденный и настоящій народный дѣятедь, для котораго національній вопросъ былъ не отвлеченнымъ умствованіемъ, а живымъ практическимъ дѣломъ. По минованіи революціонныхъ треволненій 1848 и 1849 годовъ, Гурбанъ снова вернулся въ свой приходъ, и съ 1851 года сталъ продолжать свое небольшое изданіе: «Словацкіе Обзорѣнія», начатое еще въ 1846 году и потомъ прерванное революціей. Изъ чисто-литературныхъ произведеній Гурбана болѣе другихъ замѣчательны: «Святословокомъ», напечатанное въ «Дѣятахъ» на 1844 годъ, «Готшалкъ», историческая повѣсть XI столѣтія, помѣщенная въ «Словацкой Весѣдѣ» 1861 года, и собраніе его собственныхъ стихотвореній, вышедшихъ въ Вѣнѣ въ 1861 году, подъ заглавіемъ: «Современныя Пѣсни».

I.

НИТРА.

Нитра, Нитра наша! чѣдъ съ тобою станешь?
Гдѣ твое величье прежде дѣвалось?
Пышный градъ когда-то — нинѣ всею сирой
Смотришь ты, чѣдъ лина, сѣченна сѣкирой!
Испытали много горхунувшія стѣны
Всякихъ бѣдъ и гору—бури, перемѣны.
Безъ тебя и дѣтямъ стало не-подъ-силу:
Скоро всѣ мы ляжемъ въ черную могилу!

«Полно вамъ крушиться, дорогія дѣти!
Поживемъ еще мы съ вами въ этомъ свѣтѣ!
У меня вы, дѣти, всѣ лихіе хваты:
Встанте только дружно — дрогнуть супостаты!
Встанте только дружно — Славія не сгинетъ,
Слѣзы наши, горе—все пройдетъ и минетъ;
Возвратится снова золотое время,
Оживетъ, воскреснетъ доблестное племя!»

H. Бергъ.

II.

П О В А Ж Ь Е .

Только брошу взору
По теченью Вата:

Чувствуется въ жилахъ
Сила и отвага!

Ретивое сердце
И стучитъ, и бѣтаетъ;
А кругомъ, далеко,
Все тебѣ свѣтаетъ;

Все тебѣ свѣтаетъ,
И зоветъ, и манитъ...
Хоть велико горе,
Все жъ тутъ легче станеть!

А какъ взглянешь къверху,
Къ Срѣчьнѣ отъ Житини:
Ты услышишь голосъ
Вѣковой кручины:

Это наши Татры
Стояутъ тамъ и плачутъ,
Да и волны Вага
Тамъ сердитѣй скачутъ:

Тяжко имъ подъ игомъ
Чуждаго народа;
Снятся имъ близка
Слава и свобода —

То, что дни имне
Чтить намъ забывали:
На скалахъ остались
Дивныя скрижали!

Ахъ, Поважье наше!
Кто хоть разъ тутъ будетъ,
Никогда про это
Онъ не позабудетъ!

Н. БЕРГЪ.

А. БРАКСАТОРИСЪ (СЛАДКОВИЧЪ).

Андрей Браксаторисъ, знаменитый словацкій поэтъ, известный болѣе подъ своимъ псевдонимомъ *Сладковичъ*, родился 6-го (18-го) ноября 1820 года въ Кручинѣ. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Ставничехъ; затѣмъ слушалъ философію въ Пресбургѣ и богословіе въ Галлѣ, послѣ чего (въ 1847 году) получилъ мѣсто преподавателя въ Грохотѣ, откуда въ 1855 году былъ

переведенъ въ Радавнѣ. Сладковичъ, какъ поэтъ, пользуется большою извѣстностью и горячею любовью между своими соотечественниками, особенно въ средѣ словацкой молодежи. Стихотворенія его, разсыянные по всѣмъ словацкимъ журналамъ и сборникамъ, и только недавно собранныя въ одну книгу, извѣстны каждому словачу. Въ настоящее время Сладковичъ трудится преимущественно на поприщѣ духовной литературы.

I.

ГѢНИ ПУШКИНА.

Пѣвецъ Полуночи! ты брать души моей,
О геѣй, намъ родной и милый!
Зачѣмъ безремезно покинулъ кругъ друзей?
Зачѣмъ такъ рано взялъ могилу?

Пѣвецъ Полуночи! люблю твой вѣщій гласъ,
Гарема игры и забавы,
Люблю пылающей войною твоей *Кавказъ*,
Люблю и громъ твоей *Полтавы*;

Люблю *церкешенку* прелестную твою;
Мнѣ милъ и сумрачный *Евгеній*,
И грустный *Ленскій* твой: надъ нимъ я слезамъ лью;
Во всемъ, во всемъ ты — дивный геѣй!

Угасъ — и сколько слезъ повсюду пролилось,
Печальное настало время...
Судьба! зачѣмъ, скажи, ты насъ разбила врозь,
Наславъ на чеховъ вражду племя?...
Н. БЕРГЪ.

Н. БЕРГЪ.

II.

ЭХО.

Славянскій братъ! родную мать
Съ тобою я объемяю:
Люби ее, славянскій братъ,
Люби святую землю!

Люби безцѣнный этотъ перлъ
И съ нею горе мякнай!
Пусть тяжело намъ; но Богъ не дастъ
Пропастъ семья великой!

Не поминьтъ мѣръ, откогда она
Взяла свое начало,

Но поминьтъ, какъ судьба на насъ
Арпадовцевъ насала:

Не позабудутъ вѣкъ они
Великаго разгрома,
Какой ихъ рати понесли
У башенъ Остригома.

Широко по свѣту несались
Славянской славы звуки,
Но доля горькая и намъ,
И намъ сковала руки.

Кто хочетъ жить въ семьѣ славянъ,
Подай другъ другу длани!
Кто хочетъ жить — встань и будь
Готовъ къ великой бранн!

За столько тяжкихъ, скорбныхъ лѣтъ,
За столько мукъ и горя
Мы супостату отомстимъ:
Прольѣтся крови море.

Живъ Богъ, одинъ для всѣхъ людей:
Онъ ихъ равно расудитъ!
Живъ Богъ: не вѣкъ торжествовать
Неправа вражды будетъ!

Живъ Богъ: Онъ нашимъ племенамъ
Исчезнуть не дозволитъ,
Когда сто миллионъ вѣкъ
Его объ этомъ молятъ.

Но если жили у славянъ
Порвутся — мѣръ застонеть —
Все человечество въ крови
Славянъ тогда потонеть.

Кому оплакать, схоронить
Тогда такую силу?
Кто, братья, выкопаетъ намъ
Великую могилу?

Горѣ, къ Зикдителю мировъ
И влажный взоръ подьемлю:

Благослови, славянскій братъ,
Свою святую землю!

Она — безцѣнный міра перлъ!
Утѣшься — горе минеть:
Богъ испытанъ намъ послалъ,
Но Онъ насъ не покинетъ!

Н. БЕРГЪ.

Л. ЖЕЛЛО.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ПАДЕНІЕ МИЛИДУХА».

Зачѣмъ намъ Богъ тебѣ оное далъ въ соудство?
Зачѣмъ сюда дружини ихъ занѣсъ?
Зачѣмъ славянамъ присудилъ въ наследство
Невзгоды, брань, потоки горькихъ слезъ?

И славянъ — то съ супостатомъ
Враждуетъ, сориситъ, а то
Танцуетъ съ родимымъ братомъ —
И море крови пролилъ.

Какъ-будто нѣкій злобный геѣй,
Враждебное славянамъ божество,
Противу всѣхъ ихъ поколѣній
Ведеть войну — зачѣмъ и для чего —
Богъ вѣдаетъ! Взглянь за умъ сорабы,
Увидѣши, что славянъ нашъ народъ,
Что всѣ мы — несогласьемъ слабы,

Что единные лишь къ спасенію приведесть —
И ключуть клячи: стеклися леги,
Стеклися сорабы долби князья,
Стеклися отъ Одры, Лабы чехи

И дугичей воинственныхъ семья,
Чтобы рѣшить, согласно общей воли,
Кому на сербскомъ быть престолѣ,
Стать повелителемъ обширныхъ земли,
Но долго пронзаетъ рѣшенъ не могли,
За помощію взываютъ къ Богу,
Чтобы Онъ рѣшилъ, кто будетъ царь:
Курится жертвенный алтарь
И жрець къ его склоняется порогу...
Вдуръ слышать — замраеть духъ:
«Царемъ да будетъ Миллидучъ!»

Н. БЕРГЪ.

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Польское племя занимает равнинную область по течению реки Вислы, от Бескидов до Балтийского моря и от Сяна и Вуга до Варги и Одрь, соприкасался на севере с литовцами, на западе с пшеими, на юге с моравцами и словаками, на востоке с русскими. Эта область обнимает: прислявский край России (кроме восточной части губернии Августовской, Сяндкей и Люблинской), часть провинций Пруссии и Поморья (Померании), Познань и Силезию, область Краковскую и северозападную часть Галиции. Отдельная польская колония раскинулась впрочем далеко за пределами очерченной нами этнографической площади, особенно же на востоке от нее, в Литве, Вьлой, Малой и Червонной Русях, в пределах бывшего польского королевства. По численности польская народность превосходит все другие славянские, кроме русской. Точную цифру численности польков указать очень трудно, так-как в большей части статистик ее либо преувеличивают на счет русских, либо уменьшают на счет пшеим. Мы не будем однако далеки от истины, если скажем, что польков находится в России 4 миллиона, в Пруссии 2 1/2 миллиона, в Австрии 2 1/4 миллиона, и того около — девяти миллионов. Чтобы видеть сословный состав этого девяти-миллионной населения, наиболее важное значение не только в польской истории, но и литературе, мы укажем процентное отношение разных слоев населения русской Польши (по Молеру): кроме значительного числа евреев (12% всего населения)

и пшеим (5%), в ней считается 75% сельских кметов, 7 1/2% сельской и городской шляхты и 1/4% крупной поземельной аристократии. Если подобный масштаб приблизит кь сословным отношениям всей польской народности, то мы увидим, что в 9-ти миллионной среде польского племени находится свыше 8-ми миллионов хлопов, до 800.000 шляхтичей и около 50.000 панов.

По языку поляки составляют самую крайнюю ветвь северозападной отрасли славянских наречий. Наиболее близок польский язык кь вышершему наречью прибалтийских славян и живущему — лужичан, чехов и словаков. Говор польского языка: малопольский (современный литературный), великопольский, мазовский и кашубский. Последний наиболее уклонился от общего типа польского языка и составляет, кажется, переходную ступень кь наречью ободритов, лужичей, полабов и других прибалтийских славян.

Образование польского государства совершилось одновременно почти с великоморавским, чешским и русским, и первоначальная их история представляет много точек соприкосновения и аналогий. Южная подкарпатская польская земля входила даже в состав великоморавской державы, откуда распространилась и на Польшу, как и на Чехию, славянская провинция св. Меодея, сфера которой долгое время удерживалась в малопольской особенно области. Удар, нанесенный сначала славянской церкви, а потом и государству в Моравии, отразился ро-

ковыми последствиями на судьбах как Чехии, так и Польши. Угры откололи славянский запад от южных центров православия. Русь еще была темна и не могла служить опорой для него в Чехии и Польше.

Прежде пала Чехия, а потом из рук ее и Польша вкусила от древа латинско-германского просвещения и много света для них помрачилось. Принятие латинской вѣры отразилось неизгладимыми последствиями на всей политической, социальной и литературной жизни польского народа. Уния религиозная с европейским западом была предтечей и виновником дальнейшего ему подчинения во всех культурных отношениях. Польша забывает язык крони, связывающий ее со славянами балтийского моря и новопросвещенный католицизмом Мечислав I становится первым пособником пшеим в порабощении ими польских единоземников. Из всех польских государей один Болеслав Храбрый понимал задачи польской, т. е. славянской политики на балтийском море, в смысле противодействия распространению там германизма, но это направление не усвоено было его преемниками. Они работствовали пред германским императором, рстачали свои силы в братоубийственных усобицах, равнодушно смотрѣли на гибель своих братьев на Лабѣ, а потом на Одрѣ и Вартѣ и даже легкомысленно открывали свой дом чужеземнику и врагу в Поморьѣ и Пруссии. Во все продолжение своей политической жизни поляки равнодушно уступали свое кровное достояние на запад и северо-восток в непрерывной погонѣ за расширением своих границ на восток и юг. Эта роковая ошибка польской политики предвела все балтийское побережье, от Лабь до Западной Двины, Германии и быть-может уготовала польскому народу гибель в ее вѣдрах.

В жизни социальной постепенное распространение стрел и порядков феодальной Европы отразилось постепенным подавлением славянской общины или гмины и выдѣлением из ее среды класса привилегированного сословия, до такой степени обособленного, сосредоточенного въ себѣ и неприязненного подавленным кметам, что современные польские историки не могли иначе объяснить себѣ этого социального переворота, как предположением, что шляхта была принята из Скандинавии (Шайноха), или Саксонии (Майвевский) чужеземный завоеватель-

ный народ! По этой гипотезѣ Польша основана завоеванием, т. е. по образцу вѣх государств германских.

Что касается деятельности литературной, то, подобно всем другим западно-европейским народам, поляки долго не имѣли даже письменности на народномъ языкѣ. Какъ въ богослужении, так и въ школах долгое время господствовал латинский языкъ, что не могло не содѣйствовать еще большому отдѣлению классовъ образованных или даже просто грамотныхъ отъ народа. Духовная лица содержали школы почти исключительно для собственного, такъ-сказать, обихода, для удовлетворения нуждъ церкви. Святскія лица проходили ту же латинскую школу, но долгое время они не принимали никакого участія въ скудной литературной дѣятельности, поддерживаемой членами бѣлаго и чорнаго духовенства. Неудивительно потому, что все произведѣнія польской историографіи до конца XV вѣка писаны духовными лицами и по латинѣ: хроник Галла, Матвѣя Хошвы, Кадлубка, Богдана, Ванко, Дѣтрыя, Янка изъ Чарикова и других. Онѣ имѣютъ потому такое же почти отношеніе къ польской литературѣ, какъ и хроники вѣка Дитмара, чеха Козьмы Пражскаго и русскаго Нестора, въ которыхъ тоже заключаются не мало данныхъ для польской исторіи, но ничего для литературы.

Кромѣ историографіи, польскіе монахи и каноники стряпали также религиозныя пѣсни, изъ коихъ нѣкоторыя составлены были на польскомъ языкѣ. Древнѣйшая изъ нихъ, «Пѣсь въ Богородицѣ», принимается латинскому миссіонеру Чехии и Польши св. Войтъху. Съ нею обыкновенно начинаютъ даже польскую литературу; но это едва ли основательно, такъ-какъ пѣсь не имѣетъ никакихъ поэтическихъ достоинствъ, да къ тому и сохранилась не въ древнемъ видѣ, а въ редакціяхъ XV вѣка.

Для исторіи польскаго языка важны польскіе переводы нѣкоторыхъ богослужбныхъ книгъ, наирибнѣе — евангеліи, сохранившея отчасти въ довольно древнихъ спискахъ (XIV вѣка); но для исторіи литературы это представляетъ матеріалъ очень скудный.

Воле характеризовали бы народный бытъ, взгляды и степень развитія разные юридическіе акты и статуты, но и они были чужды польскому народу либо по содержанію (каноническое право и опредѣленія синодовъ), либо по языку (даже

знаменитый виландский статут 1347 года писанъ по латыни).

Вотъ содержание трехсотлѣтней дѣятельности польскаго государства, общества и церкви въ периодъ предшествовавшей ей политическому сближенію съ государствомъ литовскимъ. Чѣмъ же жила, мыслила и дѣйствовала народъ? Онъ съ сожалѣніемъ и печалью разстается со старыми, тихими, но волевыми своимъ бытомъ и нѣсколькими отчужденными вѣрками (1036 и 1077 гг.) заявила свой протестъ противъ навязываемой ему религіи и панства. Но соединенная усилія князей, духовенства и шляхетской аристократіи разбилъ неорганизованное сопротивление массъ и постепенно накрыли ихъ толстой корою, сквозь которую едва просвѣчивалъ на темный народъ лучъ солнца. Быть-можетъ теплое дыханіе народныхъ массъ расплыло бы надъ собой эту ледяную кору, еслибъ не особенная обстановка вѣка. Народу удалось уже было ослабить санъ князя ранней на польской почвѣ орденъ бенедиктинцевъ. Въ XI—XII вѣкахъ мы находимъ еще имена епископовъ, и даже одного архіепископа, вышедшихъ изъ чешской среды. Но когда въ опустошеніи войнъ внутреннихъ, удѣльныхъ князей, прибавился истребительный навалъ монголовъ и опустѣли города и земли предоставленны были многочисленнымъ колонистамъ нѣмецкимъ и еврейскимъ; когда къ притѣсненіямъ пана и коендзя прибавился еще эксплоатация кмета жидами и мѣщанами, одаренными разными льготами, то съ-тѣхъ-поръ польскій народъ окончательно былъ придавленъ, забытъ и въ продолженіе вѣковъ онъ является лишь пассивнымъ дѣятелемъ исторіи. Онъ забылъ даже память о прошлой своей славянской свободѣ, силѣ и славу.

Неудивительно, что въ польскомъ народѣ не сохранилось не только устнаго зноса, какой удѣлялъ въ Россіи, Сербіи, Болгаріи, но и стариннаго, въ родѣ нашего «Слова о Полку Игоревѣ». Ни чешскихъ пѣсень «Кралевоверской Рукописи» или польскихъ злѣтислѣвцевъ мы находимъ слѣды народныхъ преданій, можетъ-быть историческихъ пѣсень, но блѣдно и разбитыя.

Въ XIV вѣкѣ въ польской исторіи прошедитъ важный и знаменательный порозецъ. Польша удѣльная объединяется. Въ малопольскомъ Краковѣ она находитъ свой политическій и умственный центръ, вмѣсто стараго великопольскаго Гнѣзна, слишкомъ уже угрожаемаго соеѣ-

дніи нѣмцами. Польша анархическая устроится, выработываетъ себя, изъ соединенія правъ мѣстныхъ, общепольскій статутъ, ставшій основой дѣятельнаго юридическаго развитія страны — и боярская, панская Польша превращается въ Польшу шляхетскую, въ Рѣчи-Посполитую. Подъ смѣшаннымъ вліяніемъ понятій западнаго феодализма, античныхъ и восточнаго славянскаго республиканскаго, а можетъ-быть и преданій старославянской общины, въ XIV и XV вѣкахъ складается въ Польшѣ могущественное сословіе, смываетъ и переплавляетъ въ себя все, что было надъ нимъ и воплощаетъ въ своей средѣ понятіе государства. Можно обвинять польское шляхетство въ исключительности и кастовой обособленности отъ народа, въ эгоизмѣ и подавленіи массъ, въ религиозной нетерпимости и политическомъ легкомысліи; но нельзя отказать въ энергіи и силѣ, въ дикородоной и безустойной дѣятельности этой великой собирательной личности, аналогіи которой дѣйствительно всего легче найти въ гражданской общинѣ старой римской республики. Съ другой стороны слабость и злоупотребленія шляхетскаго правительства и общества стали обнаруживаться и развиваться уже позже, когда шляхта вынѣдала отъ изнѣстнаго спонсера правъ и пріобрѣтеній, когда она подверглась растѣвающему вліянію на характеръ неограниченнаго господства и иезуитскаго воспитанія.

Во всякомъ случаѣ, относится ли къ этому факту перерожденія Польши монархическо-боярской въ шляхетскую съ одобреніемъ или порицаніемъ, нельзя его не признать, такъ-какъ изъ была опредѣлена вся послѣдующая дѣятельность Польши. Сила и немощь этого оригинальнаго политическаго института лучше всего обнаруживаются при сопоставленіи Польши съ Литвою и Русью. Соціальные отношенія странъ, соединившихся съ Польшею въ 1386 году, были устроены на совершенно другихъ началахъ. Почему же при возникшемъ взаимодѣйствіи Литвы и Руси постепенно усвоили себѣ польскіе шляхетскіе порядки, а не на оборотъ? Видно, что политическая дѣятельность Польши была сильнѣе, многостороннѣе, напряженнѣе, чѣмъ въ болѣе монархической и боярской Литвѣ.

Этимъ объясняются также успѣхи польскаго языка и вѣры въ новоприобретенныхъ земляхъ. Это вѣрный показатель силы и энергіи поселяемой польской культуры. Но если слѣдить за ея судьбами въ названныхъ странахъ въ послѣдующіе вѣка,

мы видимъ, что эта польская заносная культура не могла проникнуть въ глубь народныхъ массъ, что она легла на поверхности общества и потому должна была растаять при первомъ пробужденіи и подѣлѣ этихъ самыхъ пренебреженныхъ и забытыхъ просвѣтителемъ народныхъ массъ.

Какъ бы то ни было, соединеніе Польши съ Литвой подъ Ягеллонами на первое время было очень для нея спасительно и благотворно. Это обнаружилось въ 1410 году на поляхъ грюнвальдскихъ, гдѣ соединенными силами двухъ государствъ нанесенъ былъ тяжкій ударъ тевтонскому ордену, о призваніи котораго въ Прусію такъ жестоко сожалѣли теперь поляки. Къ сожалѣнію этотъ ударъ не былъ смертельнымъ и орденъ скоро воспрянулъ въ новой силѣ и ачтности.

Но представаніе Польшѣ еще другая возможность ея усиленія для борьбы съ Германіей. Вирнотай сужьба бѣгальскаго поморя была бы совершенно другой, еслибъ поляки не отвергли тогда дружественной руки гуситскихъ чеховъ, предлагавшихъ королю польско-литовскому чешскую корону. Успѣшныи Збигнѣва Олесницкаго съ его ультрамонтанской братіей удалось предотвратить на долгое время это политическое объединеніе сѣверозападныхъ славянъ, которое могло совершиться на почвѣ гуситства. Католицизмъ глубоко укоренился въ Польшѣ, и ни Дугошъ, ни даже Григорій изъ Санока не рѣшились принять предлагаемой имъ чехами архіепископской кааеры въ гуситской Прагѣ.

Однако давнии связи поляковъ съ чехами, по-сѣненіе Прагскаго университета, путешествія по Польшѣ и Литвѣ Иеронима Прагскаго, участіе въ польскихъ войнахъ чешскихъ ротъ, особенно же сильная распространенность въ Малой Польшѣ секты чешскихъ и моравскихъ братьевъ не могли не дѣйствовать возбуждающимъ и соблазнительнымъ образомъ на религиозное сознание поляковъ, между которыми въ XV вѣкѣ оказалось множество приверженцевъ гуситскаго ученія. Удѣлялъ даже стихія въ честь Вильгефа подобнаго польскаго гусита Андрея Галки изъ Добчиня. Быть-можетъ не безъ связи съ этими ранними попытками религиознаго обновленія стоятъ позднѣйшіи теоріи—напримѣръ Острогоро, а еще позже Модреванскаго и другіе, о чемъ скажемъ ниже.

Кромѣ умственныхъ возбужденій изъ Чехіи, на литературное развитіе польскаго общества могла еще оказывать полезное вліяніе Краковская ака-

демія, основанная еще Казиміромъ Великимъ въ 1367 году (почти одновременно съ Прагскимъ университетомъ), но открытая паною лишь 30 лѣтъ спустя по ходатайству дорогой для католической церкви просвѣтителю Чехіи, Ядвиги. Дѣятельность Краковскаго академіи въ первый вѣкъ ея существованія была очень плодотворна. Быть-можетъ она обязана въ этомъ отчасти и тому просвѣтителю возродителю, которому нришло въ XV вѣкѣ изъ восточнейшей Италіи.

Уже давно поляки, подобно дагматинцамъ, привыкли искать высшего образованія въ итальянскихъ университетахъ. Одни изъ нихъ, Цюльке, еще въ XIII вѣкѣ пріобрѣлъ себѣ даже европейское имя, такъ основатель оптики. Кромѣ Италіи и Чехіи поляки посылали также Парижскій университетъ, по образцу котораго основанъ и Краковскій. Подѣмъ наукъ въ Польшѣ XV вѣка лучше всего виденъ въ появленіи такого историка, какъ Дугошъ, такого филолога, какъ Парошъ, такихъ философовъ, какъ Григорій изъ Санока и Иванъ Глюговичъ, такого полгитика, какъ Острогоръ и, наконецъ, такого мирового гения въ области астрономіи, какъ Коперникъ. Дугошъ не только считается отцомъ польской историографіи, но и самъ представляетъ крупную историческую личность, которую можно упрекнуть развѣ за излишнее усердіе къ интересамъ Рима, въ чѣмъ онъ былъ отчасти предшественникомъ Скарги. Парошъ замѣчательнъ не только, какъ первый законодатель польской ореографіи, но и какъ первый филологъ звуковъ славянскаго языка, во многомъ предупредившій наше время. Григорій изъ Санока представляетъ типическій образъ челоука и философа съ трезвымъ и сильнымъ умомъ, независимымъ и независимымъ взглядомъ, обширной опытностью и ничѣмъ незапятнаннымъ характеромъ. По философскому направленію онъ нѣсколько сродни чехамъ Штингому и Хельцинкуму, и англичанину Вэкону. Глюговичъ считается предшественникомъ Лафтера, какъ основателя науки физономіи. Острогоръ былъ первымъ изъ политическихъ ислѣдатель Польши, который замѣтилъ аномалію развивающихся въ ней социальныхъ отношеній и возсталъ противъ духа христианскихъ ея недуговъ, угрожающихъ принятъ размыры столь обширные и губительныя — противъ слугающа Риму и ожесточеннаго шляхты съ народомъ. Но въ тотъ вѣкъ никто не хотѣлъ слушать или не могъ понять

мудрена. Коперник был человек, которого, подобно Гусу, даже немцы не отказывались называть своим Германом, ибо он был одним из величайших гениев человечества, пошатнувшим землю и остановившим солнце в его минимом течении. Правда, такие люди не считались десятками в Польше XV и начала XVI века; но и во всемирной истории подобные умы являются не дюжинами. Присутствие в стране гения действует возвышающим образом на целый народ, дает внутреннюю силу и вышешее обилие его умственной деятельности.

Вот чем объясняются и политические успехи Польши того времени. Она не завоевала ни одной страны, но присоединила к себе много. Короны венгерская и чешская несколько раз покрывали голову Ягеллонов. Прусский орден, Литва, Русь, Молдавия, обширные страны от Балтийского до Черного морей, находились под господством, управлением или влиянием полков. Сила Речи-Посполитой была столь внушительна, что могла соперничать с империей Габсбургов и Османов. Но ядровитая струя уже свободно разливалась по жилам государственного организма и провинциальные люди уже пробуждали неустойчивость политического здания, сооруженного на плечах одного сословия, затонтовавшего под собой народ. Король уже был политическою куклой; весь почин в делах внутренней и внешней политики исходил от шляхетской посольской палаты. Замысли, действительные или мнимые, короля Ольбрахта на политический лютый шляхты, в возбуждении которых подорывался знаменитый итальянец Каллимах (Буонапарки), еще больше усилил ревнивую заботливость о себе шляхты и на рубеже XV и XVI веков совершилось окончательное заврожение крестьян или хлопов, какое имя стало съезжаться пор презрительным и укоризненным.

В первой половине XVI века произошли в Польше события, угрожавшие, казалось, испорчением многовекового владчества над страной Рима и его слуг, в чем, как мы видели, не усилло густо.

Вся почва Европа возмела тогда на свою духовную власть, которую в продолжение веков сполна с такой рабской покорностью. Это реформационное движение не могло не отразиться на польском обществе, находившемся в давних и очень тесных сношениях с Германией, Францией, Италией и другими западными страна-

ми. Замечательно, однако, что наименее удовлетворительной религиозной формой представлялось полякам лютеранство. Эту отчужденную мистическую муть привнес в Польшу. Больше чуждым приморских краях Польши. Больше прозелитов нашло себя французский кальвинизм, особенно в Великой Польше и Литве. Но наибольшей распространенностью пользовалась церковь чешских или моравских братьев, быть-может, наимоноиничней народу старое густинство и еще более старое православие, народную славянскую церковь. Главные центры братских общин были в Малой Польше. С течением времени, когда широкая открытость Сигизмунда I и особенно II-го открыла Польшу настежь всем гонимым западно-европейским еретикам, здесь появляется множество мелких сект, больше или меньше радикальных. Самая крайняя и распространенная из них была рационалистическая секта социальная или ариан, иначе антиринитариев и польских братьев. Если припомним еще многочисленное православное население восточных земель польского королевства, то пред нами откроется поразительная картина религиозного разделения общества в стране, известной прежде и после XVI века своим архикатолицизмом. Но так-как это движение ограничивалось лишь верхними слоями общества и не спускалось ниже мещанского населения городов, то оно не могло быть ни глубоким, ни продолжительным.

Но было бы несправедливо называть это дисидентское движение безплодным и безгрядным. Первым главным его результатом было извержение се народной мысли талкох из латинского языка, без чего ее развитие не могло быть свободным и оригинальным, особенно в области поэзии. Правда и в XVI веке мы находим в Польше много напрасных усилий воскресить для народной поэзии мертвый язык классической Италии. В этом повинны не только итальянские индуги в роду Паула из Кросна, Дантышка, Яниагата, но и такие порвостепенные таланты, как Кухановский, Шимонович, Кленович. Польша произвела даже (хотя уже позже) одного поэта, удивившего всю Европу чудным латинским стихом, от которого не отказался бы сам Гораций: это был знаменитый Сарбевский, латинский стиходайя которого до-сих-пору изучаются в английских университетах, как образец классического стиля. Но подобия зати

могут иметь значение лишь курьеза, бесполезная для народной науки и литературы.

Еще долгие и больше употреблялся латинский язык в польской историографии. Вспомним Меховита, Кромера, Кюловича, Старовольского и других. Но все это не мешает утверждать, что распространение протестантизма вызвало в Польше, как и в других странах, употребление народного языка в богослужении, школах, науках и литературе.

Первым и главным делом каждой секты в Польше было изготовление польского перевода библии в духе своего учения. Самыми знаменитыми из них были: брестское издание польской библии кальвинистов (Радзивиллы) и вешнежское католиков. Католики, вызванные на полемику с протестантами, должны были обратиться к тому же мощному орудью народного слова, и издали свой перевод библии (Вуежк). Тоже стремление названо русской перевод библии Скорины и знаменитое острожское издание ее славянского текста.

Вслед за библиями появились бесчисленные полемические сочинения разных сект, составляющие главный литературный базар того времени. Представлены были во большинстве очень смутны, доказательства и опровержения нетверды и сомнительны; но увлеченны и страсти, пылы и усердие непохрипы и неупержимы. Во всей массе брошюр и книг серьезного внимания заслуживают сочинения двух особенно писателей: Ореховского и Модеревского. Для характеристики времени важны не только их сочинения, но и самая личность. Как тот, так и другой принадлежал к числу даровитых людей, учившихся и самостоятельных польских писателей половины XVI века. Литературная известность того и другого простиралась далеко за пределы Польши, в Германию и Италию. Но здесь и оканчивается их сходство и начинается глубокое и полное различие. Модерский может служить идеалом умного, честного, гуманного поляка, в роду Острогора или Григория из Санока. Он усомнился в чистоте католицизма и стремился к его обновлению в отношении догматическом и дисциплинарном. Подобно Гусу в Чехии, он желает для Польши независимой народной церкви, се патриархом, польским богослужением, чапей и браком духовенства. Ореховский тоже окукуется в струю протестантизма, но он выплывает из него единственно разрывание для своей совести от обта безбрачия. Во втором периоде

своей писательской деятельности, он с таким же легкомыслием бросил взором свобод совести, сь каким прежде он относился к авторитету церкви.

Это был ум сильный, но исковерканный, характер деятельный, но надломанный, каких с течением времени, кь сожалеанию, все больше и больше начала рождаь и воспитывать шляхетская Речи-Посполитая.

Либерализм и волюнтаризм распространились и на другая области литературной деятельности сигизмундовской Польши. В нехрипы управляет историка Мартина Вильского, педагога Марциана, поетов Ред, Кленовича и других. Удивительно ли это, когда сам король Сигизмунд Август не скрывал своего равнодушия к Риму и симпатий к идеям Модеревского о национальной польской церкви! Но во среде польского общества явился тогда новый деятель, который быстро восстановил пошатнувшееся здание католицизма и вырвал гроб сначала прагама Рима, а потом и самой Речи-Посполитой: в 1564 году кардинал Гозий пригласил в Польшу иезуитов... Но возвратимся назад к столь православляемому золотому сигизмундовскому периоду польской литературы.

Было бы ошибочно думать, что религиозная деятельность составила исключительное содержание польской исторической жизни: другая и может-быть большая половина наличных общественных сил была посвящена деятельности политической. На всем пространстве Речи-Посполитой кипела уядные, воеводские, провинциальные и земские сеймики и сеймы, заржда перемешае конфедерации или рокошамы, в вид политических демонстраций. Польский заговорный шляхтич считал своим правом и обязанностью управлять государством, и действительно имать свою долю влияния на направление дела через посредство земских посланцев или депутатом, каждые два года выбираемых на сеймы. Политические убеждения и понятия шляхты были довольно определены и положительны: наблюдать интерес своего сословия как в король, так и в Литве; уделить первую за сточь второй; не давать побижжа хлопам и силам королям. Такие мериданы своей политической силы и славы прошло польское государство, кажется, в 1569 году — в памятный год люблинской уни Польши, Пруссии, Литвы и Руси.

Съ-тѣхъ-поръ начинается быстрый закатъ этого яркаго, но холоднаго солнца.

Религія и политика такъ всецѣло поглотили умъ и чувство представителей польскаго общества, что даже наука и поэзія должны были подчиниться какой-нибудь религіозной или политической тенденціи. Литература не имѣла въ Польшѣ самостоятельнаго значенія; она была при-служившей церкви или государству. Вотъ почему изъ всѣхъ отраслей науки прочно прививалъ въ Польшѣ лишь историографія; а въ области поэтической преобладаетъ лишь лирика и сатира, т. е. поэзія самодовольствія или общественной критики.

Самый крупный историческій трудъ польской литературы XVI вѣка есть хроника Страйковскаго, автора замѣчательнаго, впрочемъ, болѣе вропатонистичнаго, трудолюбиваго и неутомимаго, чѣмъ образованнѣе и талантливѣе. Замѣчательно, что мажоретскій авторъ провѣлъ въ этомъ трудѣ тенденцію радикально противоположную члѣмамъ любянской уни, являясь литовскимъ сепаратистомъ.

Болѣе впрочемъ удивительнаи вкусу современниковъ геральдическія изслѣдованія Папроцкаго, имѣвшія на археологической, а животрепецкой интересъ въ странѣ, гдѣ всѣ были помѣшаны на гербахъ, радостности и чистотѣ шляхетской крови.

Одурающую силу шляхетскаго воспитанія и степенъ господства надъ обществомъ этихъ сословныхъ предрасудковъ можно видѣть изъ того, что такіе значительные таланты, какъ Рей и Кромъ, казалось, иногда раздѣляли мысли старика Аристотеля объ естественномъ и прирочденномъ разлічии гражданъ и рабовъ, шляхтичей и хлоповъ. Знаменитый Кромъ никогда не могъ примириться съ той смертной обидой природы, какою онъ считалъ свое ифшанское происхожденіе. Рей же, отецъ польской поэзіи, человекъ замѣчательнаго дарованія, промедлившій отъ многихъ вѣнскихъ ифронаній, въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ, полныхъ безконечнаго юмора и практической мудрости, серьезно доказываетъ, что шляхтичъ есть совершеннѣешее изъ созданныхъ міра, что политическое устройство и социальныя отношенія Польши суть идеальныя и безукоризненныя. Даже шляхетское высокомеріе въ серьезномъ научномъ трудѣ онъ хвалитъ, видя въ послѣднемъ удѣлъ ишнихъ классовъ и расъ, напримѣръ ифшцевъ. У Кохановскаго, другаго ко-

рирея польской поэзіи XVI вѣка, нельзя найти подобнаго указанія лишь потому, что онъ изобразилъ мысли, чувства и образы болѣе изъ міра англійскаго, классическаго, или брадъ сюжеты и краски чуждые всякому времени и мѣсту, болѣе общечеловѣческому, чѣмъ ишние и современные ему посылкіе.

Третій знаменитый писатель того же времени Горницкій, въ своемъ «Польскомъ дворянствѣ», отнесся, правда, съ легкой критикой къ шляхетству старой Польши, имѣя въ виду, быть-можетъ, идеалъ венеціанской олигархической республики; но и здѣсь критика облечена въ такую мягкую и невинную форму, образъ же польскаго дворянства представляется въ такомъ лестномъ свѣтѣ, что могъ возбуждать скорѣе самодовольствіе, чѣмъ самоусужденіе въ шляхетномъ читателѣ.

Болѣе рѣзкій и сильный голосъ за права человека, за превосходство ума и знаній надъ родошностью и гербами, вознімалъ Кленовичъ. Мншанннъ по происхожденію, но человекъ образованный и даже учонный, онъ могъ безпристрастно отнестись къ тѣмъ общественнымъ аномаліямъ, которыхъ другіе не видѣли по самообольщенію или неіѣвѣству. Онъ былъ свидѣтелемъ борьбы монархизма со шляхетствомъ и желалъ успѣха первому, олицетворяя послѣднее въ лицѣ безноконныхъ и насильственныхъ титановъ. Наряду съ Кленовичемъ, сочувственно отнестись къ рабигному, но честному и добродушному сельскому люду известныи идилиянъ Шимоничъ (Simonides). Тѣ же убѣжденія раздѣлялъ и Модренскій, о которомъ мы уже сказали выше. Но эти одноконные голоса вопіали въ пустыню: хлопъ былъ закнроченъ, ишншъ права на земледѣліе, отдавъ въ полную волю шапа, почти изыять изъ покровительства законовъ (1573), въ чемъ польское право никогда не отказывало не только ифшцамъ, но даже жидамъ и татарамъ!

Послѣ тенденцій политическихъ, существенную струну польской поэзіи, особенно лирики, составляетъ элементъ религіозный. Видное мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ переводъ псалмовъ Кохановскаго, его же «Слѣзы надъ громомъ дочери» и ифшоторыя другія. Но еще болѣе высокой и силой въ этомъ направленіи достигли Семъ Шаржинскій и Мясовскій, изъ коихъ послѣдній былъ уже ифшцомъ Сигизмунда III, то-есть XVII вѣка.

Общее значеніе поэтической школы Рей и Кохановскаго можетъ быть сравнено со значеніемъ

въ сербской литературѣ школы поэтовъ дубровничцевъ. Тутъ мало оригинальнаго народнаго творчества. Поэтическая мысль и ея выраженіе были скопаны чуждыми образами и звуками поэзіи староклассической, на которой развивались тогда всѣ западно-европейскія литературы. Наиболѣе независимыи отъ этихъ образцовъ былъ Рей, чѣмъ онъ былъ обязанъ малому своему знакомству съ классической литературой. Наиболѣе же хлѣбулъ отъ этого кастальскаго ручья Кохановскій; но за-то онъ перенесъ въ польскую литературу хрустальную прозрачность и классическую законченность ифшней стихотворной формы, которую съ такимъ мастерствомъ воспользовался потомъ Мидневичъ. Если сравнить Рей въ первой половинѣ XVI вѣка съ Гроховскимъ во второй, то изъ стилистическаго влншества послѣдняго въ сравненіи съ первымъ можно видѣть замѣчательный успѣхъ польскаго литературнаго языка въ ифшесколько десятилѣтій поэтической дѣятельности Кохановскаго и пледы его сопровождалшей.

Чтобы оцѣнить все значеніе и размѣры литературной дѣятельности этого періода въ сравненіи не только съ предшущемъ, но и послѣдующемъ, мы приведемъ нѣсколько данныхъ о числѣ и состояніи типографій и школъ того времени. Книгопечатаніе привнесъ въ Польшу скорѣе многихъ другихъ, даже западно-европейскихъ, странъ. Оно начинается здѣсь съ 1465 года. Но полный расцвѣтъ печатной дѣятельности относится къ послоній XVI вѣка, то-есть ко времени понаго разгара борьбы диссидентовъ съ католицизмомъ. Не только въ главныхъ, но и во второстепенныхъ городахъ и мѣстечкахъ Польши основывались типографіи, иногда кочевыи. Можно назвать въ Польшѣ до 100 мѣстностей, гдѣ выходили тогда польскія книги и въ которыхъ перепечатывалось до 150 типографій.

Тогда же и отъ тѣхъ же причинъ чрезвычайно размножилось число школъ. Это было лучшее средство распространять новыи религіозныи понятія въ духѣ того или другаго ифшоблданія. Отъ того каждая секта заводила известное число школъ, которое бывало очень значительно на примѣръ у кальвинистовъ и чешскихъ братьевъ. Начальникомъ въ одной изъ польскихъ школъ послѣдней секты былъ знаменитый чехъ Якобъ Коменскій. Запрывленіе католическими школами зависѣло тогда отъ Краковской академіи, которая, впрочемъ, бросивъ вызовъ духу реформъ и

замкнувшись въ косной ортодоксализмѣ, утратила въ XVI вѣкѣ свою прежнюю жизнь и силу, и погрузилась въ летаргическій сонъ, изъ котораго она воспрямилась-было лишь для того, чтобы заявить протестъ противъ посягательства на школьное дѣло иезуитовъ и опять погрузилась въ дремоту. Въ концѣ XVI вѣка основана двѣ новыи академіи: знаменитый гетманъ Янъ Замойскій основалъ академію въ Замостѣ, а не менѣе славный иезуитъ Петръ Скарга—въ Вильнѣ. Остановившись на этихъ именованіяхъ, связывающихъ Польшу XVI и XVII вѣковъ. Трудно сказать, которое изъ нихъ дороже, незабвеннѣе для поляковъ. Первый представляется лучшимъ типомъ польскаго государственнаго человека, а второй—вдохновеннымъ мисіонеромъ. Оба не непонимы въ позднѣйшихъ удачахъ и несчастіяхъ Польши. Замойскій далъ послѣдній толчокъ политикѣ польскаго государства, а Скарга—польской церкви; и это наущаженіе обусловило судьбу Польши въ послѣдніе два вѣка ея политическаго существованія. Замойскій думалъ утвердить въ Польшѣ законы и понятія римской республики и придалъ каждому шляхетскому послу священное значеніе римскаго трибуна, забывая, что трибуны были покровителямъ подавленныхъ противъ злштныхъ и что трибуновъ было 2, а не 200, какъ въ Польшѣ. Скарга былъ провинчивъ такимъ же благоговѣннѣе къ непогрѣшному авторитету римской церкви. Изъ законоположеній Замойскаго выросло liberum veto (съ 1652 года); изъ религіозной нетерпимости Скарги вышли законы, лишающіе диссидентовъ всякаго политическаго значенія и почти покровительства законовъ. Результаты того и другаго были равно смертоубиственны для политическаго существованія Польши. Но едва ли можно винить въ этомъ Замойскаго или Скаргу. Оба дѣйствовали по убѣжденію и патриотизму, и повинны развѣ въ то, что не разсчитали послѣдствій радикальныхъ ифвръ, предположенныхъ ими для вышей славы церкви и государства.

Въ отношеніи къ Россіи Скарга имѣетъ какъ виновника и главный дѣятель брестской уни, долженствовавшей скривить религіозныи узмы тѣ политическія связи, которыя, казалось, навсегда соединили Литву съ Польшей на любянской уни.

Кромъ своей церковно-политической дѣятельности по утвержденію въ Польшѣ и развитію влншя иезуитовъ, Скарга имѣетъ значеніе и какъ

писатель, историкъ, богословъ и особенно проповѣдникъ. Правда, его стиль не свободенъ отъ латинскихъ оборотовъ, его исторія отъ басенъ, его богословіе отъ схоластики и его проповѣди отъ риторики; но при всемъ томъ онъ считается однимъ изъ лучшихъ польскихъ прозаиковъ и вдохновеннѣйшихъ ораторовъ.

Нѣтъ сомнѣній, что подобное дарованіе и подобный характеръ оказалъ бы странѣ гораздо лучшую услугу, еслибы его мысль и воля не были порабощены служебной чужимъ цѣлямъ и интересамъ, съ той энергіей, которая отличаетъ фактастовъ и неопитовъ, и съ той неразборчивостію на средства, на которую могъ рѣшиться лишь ученикъ іезуитовъ.

Переходимъ въ исторію паденія Польши. Что его предуготовило и ускорило? То, что, строя свое государственное зданіе, поляки проглядѣли мелочью: не позаботились о фундаментахъ. Оно и обрушилось не отъ ветхости, не отъ внутренней даже гниль, а оттого, что почва вдругъ раздалась и поглотила въ себѣ массивныя стѣны и колонны, а вѣтеръ разметалъ по свѣту осколки шляхетскаго зданія. Чуткій слухъ давно уже слышалъ по временамъ глухой подземный гулъ, предтечу землетрясенія. Его слышалъ Остроговъ, Модревскій, Клеоновичъ, даже вѣщій Снарга; но самодовольное общество веселилось и не тревожилось за будущее или не думало объ немъ, пока земля не задрожала подъ ногами.

Конекъ XVI и первая четверть или даже половина XVII вѣка еще не представляли никакихъ замѣтныхъ признаковъ государственнаго и литературнаго ослабленія Польши. Геманы поубѣждали шведовъ, турокъ, москалей, и въ смутное время русской исторіи предъ Сигизмундомъ III открылись такія политическія виды, о какихъ не смѣялъ и мечтать Сигизмундъ I или II. Москва была у ногъ его и грозная Русь исходила кровью. Церковь тогда воевала и побѣждала; проповѣдники въ родѣ Бирюковскаго, Млодотковскаго, Верещинскаго гремѣли съ такимъ же краснорѣчіемъ и энтузіазмомъ, какъ прежде Спарга, Мясковскій, Гроховскій, Вацлавъ Поточскій писали оды, сатиры, эпопеи съ изяществомъ и дарованіемъ лучшихъ писателей сигизмундовскаго круга. Сарбескій удивлялъ міръ латинскими стихомъ; Шандцій, Кухонскій, Коловничъ, Старорольскій составляли исторіи и хроники, ничѣмъ не уступающія Кромеру и Орѣховскому. Въ Замостской академіи процвѣтало право, въ

Виленской — богословіе и даже Краковская на время какъ-будто проснулась и оживилась. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ странѣ стало душно и тѣсно. Габсбургско-испанское вліяніе все болѣе и болѣе связывало вѣйшую политику страны.

Религіозная реакція становилась все насильственнѣе; воспитаніе въ рукахъ іезуитовъ все одностороннѣе. Одна за другой закрывались типографія и диссидентскія школы; въ литературу вторгались схоластика и мертвящая латынь.

Духовенство налагаетъ свою руку не только на воспитаніе, но и на политику, на управленіе. Правотворная мазовецкая Варшава становится новымъ правительственнымъ центромъ этой новой іезуитской политики.

Шляхетское общество раздѣляется на двѣ политическія партіи: олигархическую и демократическую (въ условномъ шляхетскомъ смыслѣ). Завязывается борьба ихъ между собою и съ королями, который ничѣмъ не поддерживаетъ, то въ шляхтѣ. Въ странѣ вопрепятъ за замѣшательство и анархія. А народъ оплевываетъ пошутно, какъ вещь, и диссидентъ потерянъ всѣ политическія права! Въ эту пору возстаютъ Хмельницкій и отгнадеи Украины было первымъ подземнымъ ударомъ, отколовшимъ часть Рѣчи-Посполитой. Несчастія постигались на нее одно за другимъ, но онѣ ничему не научили правителей. Люди становились все болѣе равнодушными къ интересамъ общественнымъ и потеряли всякій политическій смыслъ. Сѣмью собирались по прежнему, но, со времени введенія обычая ихъ срывать, они рѣдко приходили къ какому-нибудь заключеніямъ. Оттого суетни было много, колесса государственной машины быстро вращались, но дѣла не выходило и возъ палился надъ ней. Короли быстро сдѣляются: Владиславъ, Янъ, Казиміръ, Вишневецкій, Собяскій, Саксъ, Лещинскій, Понятовскій; но они или безсильны, или равнодушны, или легкомысленны — и разложение быстро распространяется по всему государственному организму.

Литературная дѣятельность второй половины XVII и первой XVIII вѣка ограничивается почти одними мемуарами разныхъ общественныхъ и частныхъ лицъ, изъ которыхъ икоторыя, какъ напримѣръ Паска, Огиновскаго, представляютъ самую животрепещущую интересъ, живо рисуя намъ изнанку того общества, котораго лживая сторона слишкомъ подуряжена официальными историками и публицистами того времени.

Съ конца XVII и особенно въ XVIII вѣкѣ началось, повѣло новымъ духомъ на Польшу изъ Франціи. Первымъ проводникомъ этого вліянія французскаго псевдоклассицизма на польскую литературу была семья Морштиновъ. Еще болѣе усилились сношенія польскаго общества съ французскими при Лещинскомъ. Польскому эксп-королю принадлежить даже званіе переустройства Рѣчи-Посполитой посредствомъ либеральныхъ реформъ, съ сохраненіемъ, впрочемъ, старопольской свободы, но съ устраненіемъ ея авархизма.

Болѣе крупнымъ и важнымъ проводникомъ въ польское общество либеральныхъ идей французской философіи, педагогикѣ и политикѣ былъ знаменитый пяръ Конарскій. Онъ первый внесъ новый духъ въ общественное воспитаніе Польши, которое съ-тѣмъ-поръ все болѣе и болѣе ускользаетъ изъ рукъ іезуитовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Конарскій заперъ руку и на шляхетскія привилегіи, но менѣе въ этомъ успѣлъ. Въ изданныхъ имъ съ Залускимъ «*Columna legum*» польская шляхта нашла болѣе юридическія основанія для своихъ притязаній, чѣмъ матеріалъ и мотивы для общественной реорганизации страны. Напрасно Йелѣзньскій и Гонта съ гайдамаками жгли и рѣзали своихъ шляхетскихъ угнетателей: оказалось, что лишь могла можетъ выправить горбатого — и въ 1772 году началось раздѣленіе Польши. Еще 23 года продолжалась ея политическая агонія, окончившаяся въ 1795 году.

Въ послѣдніе годы своего существованія польское общество обнаружало лихорадочную дѣятельность. Съ паденіемъ іезуитскаго ордена (1773 г.) общественное воспитаніе перешло въ другія руки и новое поколѣніе могло освободиться отъ старой схоластики и рутинѣ. Народное пропое, основаніе и разгадка его настоящаго и будущаго, обратило на себя серьезное вниманіе — и тутъ появляется въ Польшѣ въ первый еще разъ историческая критика въ трудахъ Лойко, Нарушевича и Чапцаго. Вмѣстѣ съ подъемомъ урвенна историческаго образованія возмущается достоинство политическія произведеній послѣднихъ государственныхъ людей Польши, какъ: Коллонгайтъ, Сталинцъ, Нѣмцевичъ и другіе. Послѣ долгаго порыва Польша производитъ даже замѣчательнаго натуралиста, напримѣръ: астронома Почобута и химика Андрея Снядекаго.

Изъ той же станицавакской польской школы вышли и знаменитые слависты: Иванъ Поточскій

и Суронскій, во многомъ предупредившіе Шафарика.

Устава польской эдукаціонной комиссіи послужили образцомъ и для русскаго министерства народнаго просвѣщенія. Варшавское общество любителей наукъ и Виленскій университетъ связываютъ уже XVIII вѣкъ съ XIX. По паденію польскаго государства всѣ общественныя силы направлены на развитіе школы. Наука и литература остались единственной областью свободнаго дѣйствія и залогомъ народной жизни, почему онѣ и возражають съ наибольшей силой уже послѣ паденія Рѣчи-Посполитой.

Мы должны констатировать еще поэзіи станицавакской времени, связывающей старую сигизмундовскую съ новой школой Мицкевича. Въ вѣкъ политическаго и общественнаго разложенія, когда изжиты положительныя идеалы старыя и не образовались еще новыя, когда любовь къ прошедшему и вѣра въ будущее пошатнулись, единственный возможный родъ поэзіи — сатира или беззаботная апаурентическая лирика. Это мы и видимъ въ Польшѣ времени ея политическаго паденія. Нарушевичъ оламаниста, а Красицкій, Трембецкій, Венгерскій осмысливаютъ общественныя явы, народную вѣру и невѣріе. Жолчный сарказмъ Нарушевича здѣсь перемежается съ веселой и острой шуткой Красицкаго, беззабѣйчивой колкостью Трембецкаго и дилеттской выходкой Венгерскаго. А впрочемъ и строгій историкъ, и возмодующій епископъ, и развязный придворный, и беззаборный игрокъ не свободны отъ усвоенныхъ изъ Франціи худшей классическаго стиля, степенная выпность котораго часто находится въ странномъ противорѣчій съ игривой легкостью и пустотой самаго обиденнаго содержания.

Видно однако, что польское общество не съ отчаяніемъ проважало въ гробъ свое королевство. Оно какъ-будто не вѣрило его смерти. Одинъ Нарушевичъ разбилъ свою яру надъ гробомъ отечества и отказался даже отъ расстраивающихъ воспоминаній славы старой ягеллоновской Польши. Другіе были хладнокровнѣе или легкомысленнѣе: Красицкій, Каринскій, Богуславскій, Нѣмцевичъ продолжали свою веселую пѣсню. Два послѣдніе и знаменитый поэтъ-ораторъ Вороничъ нашли даже, можетъ-быть печально и неожиданно, новый родникъ поэтическіхъ образовъ и звуковъ, новыхъ мыслей и чувствъ, незнакомыхъ Польшѣ старой шляхет-

ской и предвѣстниковъ Польши новой, народной: это былъ родникъ народной поэзии, глубокой и прозрачной, отъ живой воды котораго такую чудную и вдохновенную силу почерпнуть затѣмъ Мицкевичъ.

Величайшее изъ золъ политическаго паденія Польши было ея раздѣленіе между тремя государствами или, другими словами, предоставленіе польскихъ земель германскому племени. Россія не была опасна этнографическому существованію Польши; она не была враждебна даже политической ея независимости, что доказываетъ восстановление Александромъ I такъ-называемой контрессвой Польши. Отсюда, изъ Варшавы, изъ Литвы, изъ Украйны началось и вторичное возрожденіе польской литературы и науки, болѣе блестящей и оригинальной, чѣмъ въ XVI и XVIII вѣкахъ. Въ началѣ появились въ началѣ двадцатыхъ годовъ два человѣка, изъ коихъ одинъ по справедливости считается высшимъ корифеемъ польской поэзии и основателемъ новой поэтической школы, а второй имѣетъ такое же значеніе въ польской историографіи.

Мы говоримъ о Мицкевичѣ и Делевалѣ. Они не были безъ предвѣстниковъ на полѣ своей литературной дѣятельности. Божановскій отозвался польскій стихъ; Красицкій далъ ему удивительную гибкость и легкость, а Нарушевичъ—силу и изобразительность. Бродзинскій разрушилъ окопы французскаго псевдоклассицизма и открылъ въ польскую поэзію доступъ съ одной стороны корифеямъ поговарманскаго романтизма, а съ другой—мотивамъ и сюжетамъ славянской народной поэзии. Мицкевичу предстояло собрать разсыпанные лучи и преломить ихъ въ призмѣ своего гѣнія, чтобы затѣмъ звѣздой первой величины заблестѣть на горизонтѣ польской литературы.

Точно также не мало знаний, труда и талантовъ положено было предвѣстниками Лелевалю на сооруженіе зданія отечественной исторіи; но онъ первый объялъ все проявленія государственной, общественной и народной жизни въ тысячелѣтній періодъ существованія Польши, указалъ методы и способы обработки громаднаго историческаго матеріала, однимъ словомъ основалъ историческую школу.

Эти два лица первенствуютъ не только по времени, но и по силѣ таланта и по размаху дѣятельности въ новоюгской литературѣ и науцѣ. Надобно, впрочемъ, сказать, что, подобно лите-

ратурѣ и науцѣ сигизмундовскаго времени, ново-польская не вносила свободы отъ тенденцій политическихъ или религіозныхъ, и въ этомъ, бытъ-можетъ, неопытныи ея основатели.

Мицкевичъ былъ великій поэтъ не только въ польской, но и въ общевропейской литературѣ. Кромѣ чудной прелести, гармоніи и силъ рѣчи, чрезвычайно яраго и блестящаго колорита образовъ, полныхъ итѣи, страсти и огня, его произведенія въ высокой степени оригинальны по содержанию и направленію. Можно упрекать его за чрезмерное увлеченіе шляхетской стариной, за идеализацію старопольскаго быта, за очень опасную и двусмысленную политическую тенденцію и мораль имъ проповѣдываемую; но нельзя отказывъ ему въ неотразимой силѣ выраженія, широкомъ размахѣ мастерской кисти и чрезвычайномъ разнообразіи, богатствѣ и типичности образовъ и картинъ, характеровъ и положеній. Въ Пушкинѣ больше художественной мѣры и классической простоты и законченности; Мицкевичъ былъ болѣе образенъ, страстенъ, разномысленъ, по экцентриченъ, парадоксаленъ и, такъ-сказать, стихіенъ.

Замѣчательный поэтический талантъ обнаружилъ еще два поляка, которые, составляя школу Мицкевича, нѣрѣдко подымались до одинаковой съ нимъ высоты: то были Красицкій и Словацкій. Ихъ дарованія были не столь разнообразны и дѣятельности не столь широка и вѣдательна; они только до крайности развили то самое направление, которымъ пошелъ Мицкевичъ; но при этомъ безконечно разошлись между собою. Красицкій взялъ положительную сторону Мицкевича, его религіозное міросозерцаніе; Словацкій же—отрицательную, протестъ противъ существующаго, но во имя не польскаго прошлаго, какъ Мицкевичъ, а во имя правъ человѣческаго разума. Красицкій писалъ свои гимны, своего «Придіона» въ Римѣ и о Римѣ, но не безъ отношенія къ польскому прошлому, которое представлялъ ему, какъ и Мицкевичу, въ радужныхъ краскахъ утраченнаго счастья. Словацкій тоже поэтъ эмиграціи; онъ только болѣе дружныхъ эманципировался отъ предразсудковъ и предѣловъ польскаго прошлаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ потерялъ всякую вѣру въ рай и въ адъ, въ добро и зло, въ торжона онъ издѣвается съ сарказмомъ и жолостью Байрона и Гейне. Замѣчательна судьба этихъ трехъ корифеевъ польской литературы. Оторван-

ные отъ народной почвы, перенесенные въ среду хотя привычную ихъ мысли, но чуждую славянскому духу, измученные внутренней борьбой, они постепенно задохнутся въ этой иноземной атмосферѣ и выдуютъ въ какой-то фантастическій и мрачный мистицизмъ, галлюцинаціи и подлунный материализмъ. Подобный конецъ постигалъ и многихъ другихъ польскихъ пѣвцовъ изгнанія, поэтовъ эмиграціи. Самыми знаменитыми изъ нихъ были Гарчинскій и Гоцинскій. Первый яркимъ метеоромъ промелькнулъ на горизонтѣ польской поэзии, оставивъ по себѣ одну блестящую поэму «Вацлавъ» и возбудивъ много несбыточныхъ надеждъ въ самомъ Мицкевичѣ. Болѣе замѣчательныхъ созданій осталось отъ Гоцинскаго, поэта украинскаго кружка, восставшаго стараго козачину и грозную его борьбу со шляхетчиной. Видно, что онъ былъ воспитанъ на украинскихъ думахъ, откуда заимствовалъ много сильныхъ красокъ и остротъ звуковъ.

Въ этому же кругу украинскихъ поэтовъ принадлежатъ Мальчевскій и Зальскій. Они стоятъ уже дальше отъ Мицкевича и, подобно Гоцинскому, черпаютъ свои вдохновенія изъ народной пѣсни, хотя въ ихъ изящескомъ сознаніи эта хлоская русская пѣсня отражается довольно своеобразно—совершенно иначе, чѣмъ, напримеръ, въ «Гайдамакахъ» Шевченки.

Здѣсь можно бы было упомянуть еще о нѣсколькихъ польскихъ поэтахъ галицкаго кружка, изъ которыхъ Ёжевскій, Семенскій и Ленартовскій относятся болѣе къ числу пѣснителей народнаго направленія; но по своему таланту они менѣе значительны и оригинальны. Почти тоже должно сказать о литвинѣ Кондратовичѣ (Сирокомлѣ).

Вообще, съ конца 40-хъ годовъ поэтическая струя польской литературы постепенно слабнѣетъ и почти окончательно прекратилась въ наше время. Въ разнѣе это разнѣвается романъ и повѣсть—историческая и бытоописательная. Въ этой области созданы себѣ литературное имя Вернаговичъ, Корженевскій, Качковскій и, въ особенности, Крашевскій, польскій Дюма, написавшій болѣе 200 томовъ повѣстей, романовъ, этюдовъ литературныхъ и даже ученыхъ сочиненій. При чрезмерной производительности, онъ не могъ давать надлежащей отдачи своимъ издѣліямъ, представлявшимъ, впрочемъ, важный матеріалъ для характеристичныхъ словесъ современнаго польскаго общества, которое Крашевскій возмнилъ такъ подробно и изобразилъ во многихъ случаяхъ такъ мастерски.

Переходя отъ литературы къ науцѣ мы замѣтимъ, что сила толчка, даннаго послѣдней Лелевалемъ, была столь значительна, что она увлекала всѣ почти ученые силы страны на поприще историографіи, въ самомъ обширномъ ея значеніи, обнимающемъ исторію литературы, права, церкви, государства и т. д. Въ это круга и довольно самостоятельно развились и дѣйствовали только знаменитый польскій критикъ Мохнацкій, преемникъ Бродзинскаго, имѣвшій въ польской литературѣ почти такое значеніе, какъ у насъ Бѣлинскій. Съ легкой руки Лелевалю въ Польшѣ появились какъ бы мавія въ историческомъ изысканіяхъ. Главными ихъ центрами стали Львовъ, Краковъ, Бреславль и Варшава, а также Вильна и Петербургъ.

Критицизмъ и серьезное отношеніе къ историческому матеріалу развивались, а съ ними и безпристрастіе въ отношеніи своего прошлаго. Главныя силы обращены были на изданіе историческихъ источниковъ и памятниковъ. Если сравнить правденныя изданія Рачинскаго съ до-революционными Дзялновскаго и Вѣлевскаго и учеными Гельбеля, то можно замѣтить значительный успѣхъ въ этомъ отношеніи. Если нѣкоторые изыскатели и увлекаются еще предвзятыми теоріями и предразсудками политическими или религіозными, какъ, напримеръ, Духинскій или Дзубыньскій, то за то другіе вносили отъ нихъ свободу, какъ Іосифъ Лукашевичъ, Зубрицкій, Дрошевичъ и многіе другіе.

Въ лицѣ Шайнохи польская историографія нашла наконецъ человѣка съ сильными описательными талантами, и хотя онъ нечуждъ нѣкоторой парадоксальности и поэзіи въ науцѣ, но зато ея пріобрѣтенія и результаты становятся этимъ способомъ достоинствѣмъ всего читающаго общества, народа. Являлись опыты и цѣльнаго философскаго обзора фактовъ отечественной исторіи, напримеръ Морачевскаго, но, повидимому, для подобныхъ трудовъ не пришло еще время, такъ какъ критическая разработка частностей всегда должна предшествовать философскому ихъ свѣденію и обобщенію.

Въ лицѣ, наконецъ, Мацкевскаго и Малиновскаго современная польская наука имѣетъ людей, которые вышли за предѣлы польской литературы, изучили польское право и языкъ сравнительно со всеми другими славянскими, подобно Суро-

вещому и Липде, что знаменует уже новую эпоху, когда литература польская сольется с общеславянской.

Подведем итоги нашего обзора почти тысячелетней духовно-литературной деятельности поляков. Несомненно, что по своим размахам и внутреннему достоинству, польская наука и литература самая значительная между славянскими, за исключением разве русской, которая может с ней поспорить. Несомненно и то, что эта литература, органически развиваясь из извѣстных начал, въ опредѣленном направлении, дошла до послѣдних своихъ результатовъ, завершила полный кругъ генетическаго развития и представляет собою законченное цѣлое. Но въ природѣ физической и духовной нѣтъ исключенія, а лишь преобразование, и въ непрерывной цѣли органическаго развития людей и народовъ конецъ одного звѣна перерождается съ началомъ другого: завершила свой кругъ и преставилась литература старая, католическо-шляхетская, но зарождается и начинается фазу новаго развития литература народная, польско-славянская литература будущаго. Нѣтъ сомнѣнй, что она будетъ настолько оригинальнѣе по содержанию, свободнѣе по выраженію, богаче и разнообразнѣе старой, насколько народъ сильнѣе, живучѣе, даровитѣе и, наконецъ, справедливѣе сословія или нации. Что терла польская образованность, замыкалась въ средѣ одного сословія,

видно изъ тѣхъ немногихъ, но блестящихъ выскочекъ некультурныхъ сословія, которые по временамъ пролагали себѣ путь въ среду шляхетскую силою своего дарованія и силъ. Изъ мѣщанъ происходили Григорій изъ Сапока, Мѣховитъ, Кромеръ, Далтышекъ, Янцкій, Маряцкій, Шимоновичъ, Кленовичъ, Морштыца, Песецкій, Сташицъ.

Если базой дальнѣйшаго развитія польской литературы и государства будетъ вся десятимилліонная народная масса, вмѣсто восьми сотъ тысячъ ея самозваныхъ представителей, то очень понятно, что эта культура будетъ десять разъ устойчивѣе, продолжительнѣе, богаче. Народъ, привыкшій къ труду, не будетъ съ такимъ несокромѣемъ относиться къ чернорабочей ученой дѣятельности, къ усидчивому и настойчивому умственному труду, который шляхетские бюрократы предпочитали предоставлять инымъ расамъ, какъ-то вѣяцамъ.

Новая польская культура, имѣющая развиться на почвѣ народной, славянской, не можетъ быть въ противорѣчій съ другими славянскими и первостепенною въ ихъ средѣ русской. Итакъ обновленіе польскаго народа въ отношеніяхъ литературномъ, социальномъ и политическомъ можетъ произойти единственно и исключительно на почвѣ народности и панславизма.

А. Будилевичъ.

ПОЛЬСКІЕ ПОЭТЫ.

Я. КОХАНОВСКІЙ.

Янъ Кохановскій, прашуръ польскаго плѣни и отецъ литературнаго польскаго языка, родился въ 1530 году въ Сичинѣ, въ Сандомирскомъ поводествѣ. Весь родъ Кохановскихъ отличался поэтическимъ дарованіемъ: родной братъ его переводилъ «Энеиду» Виргилія, двоюродный писалъ мелкія стихотворенія, а племянникъ перевелъ «Освобожденный Иерусалимъ» Тасса и «Неистовою Орландо» Ариоста. Двадцати лѣтъ отъ-роду, Кохановскій отправился за-границу, гдѣ прожилъ семь лѣтъ, преимущественно въ Италіи и Франціи, учился въ Падуѣ, посѣтилъ Венецію, Римъ, долго жилъ въ Парижѣ, гдѣ подружился съ извѣстнымъ французскимъ поэтомъ Ронсаромъ, и въ 1557 году возвратился въ Польшу. Король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ ему почетное званіе дворянина и почетный титулъ королевскаго секретаря, а другъ его, вице-канцлеръ Мишковскій, выхлопоталъ ему нѣсколько церковныхъ benefіцій и прелатуру въ канитубѣ познанскомъ, сопряженная съ хорошимъ доходомъ; но, не смотря на всѣ старанія Мишковскаго, Кохановскій не вступилъ въ духовное званіе, не чувствуя къ тому никакого призванія, и предпочелъ блестящей карьерѣ скромную, тихую жизнь частнаго человѣка. Онъ покинулъ дворъ, отказался отъ benefіцій, женился и поселился въ родной вотчинѣ своей Черпольскѣ. Когда, при Ваторіѣ, товарищъ Кохановскаго по Падуанскому университету Яновскій предложилъ Кохановскому одно изъ сенаторскихъ мѣстъ — кастильянскую — Кохановскій отклонилъ это предложеніе, сказавъ, что не желаетъ впускать

въ свой домъ надѣйнаго кастильяна, который разграбитъ все то, что онъ, бѣдный шляхтичъ, собралъ своими трудами.

Любовь современниковъ къ Кохановскому была безпредѣльна; онъ слылъ княземъ поэтовъ, и каждый полякъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что Польша не имѣла никогда и не будетъ имѣть равнаго ему поэта. Онъ писалъ много и во всѣхъ родахъ. Изъ эпическихъ произведеній Кохановскаго лучшіе: «Шахматы», подражаніе италіянскому поэту Виду, «Сусанна», повѣсть ваятая изъ Библіи, «Знамя» и «Походъ на Москву»; также весьма замѣчательна его драма «Отпускъ словесъ греческихъ», написанная имъ для Замойскаго, по случаю его свадьбы съ племянницею Ваторіа, и разгранная въ 1578 году перель королемъ Ваторіемъ въ Узловѣ, близъ Варшавы. Но тотъ родъ поэзіи, которымъ Кохановскій оказалъ огромное вліаніе на современниковъ и въ которомъ онъ достигъ совершенства и сдѣлался на два съ половиною столѣтія образцомъ для послѣдующихъ поэтовъ, была — лирика. Онъ сдѣлалъ полный переводъ псалмовъ Давида (1578), лучшій ихъ всѣхъ, существующихъ досихъ поръ, а также перевелъ плѣни Анакреона, Сафо и оды Горация. Къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ Кохановскаго принадлежатъ собраніе его «Вездѣлокъ», изданное въ годъ его смерти. Конецъ жизни Кохановскаго омраченъ былъ раннею смертію любимой дочери поэта Урсулы, которую онъ называлъ *славянскою Сафо* и которой онъ надѣялся передать свою лиру въ наслѣдство. Кохановскій скончался въ 1584 году и погребенъ въ фамильномъ склепѣ, въ Зволонѣ.

I.

НЕ ТЕРЯЙ НАДЕЖДЫ!

Въ мѣрѣ что ни дѣйся —
Смертннй все надѣйся!
Солнце не однажды снгнона взоидѣтъ;
Послѣ непогоды ярче день бласнетъ.

Глазья: дѣса раздѣты
До-нага; скелеты
Отъ деревъ остандсь; не цвѣтутъ поля;
Холодно; слѣдами вроеся земля.

Тѣмъ еще угѣшннй
Будеть праздникъ вешнй;
Вновь мнръ будетъ скоро солнщнкомъ согрѣтъ,
Радушно раскрашенъ, зеленою одѣтъ.

Грусть и угѣшенъ
На землѣ — въ смѣненъ;
Если жь скорбь нль радость черезчуръ сильна —
Знай, что тѣмъ скорбѣ перейдетъ она.

Человѣкъ предъ всѣми
Гордъ въ лучшее время,
А какъ дастъ фортуна по носу челочокъ —
Голову понурнль онъ и взнемогъ.

Нѣтъ! при всякомъ часѣ
Духъ имѣй въ зашаѣ
И всегда будь роненъ! Кребнй въ свой чередъ
Пусть дастъ что хочеть и назадъ береть!

Не нхннй въ утрату
Что еще возрату
Можеть быть доступно! Въ часъ и въ мнгъ ондшь
Возратнть все можеть горнй Властедннъ.

В. Беведнктовъ.

II.

ИЗЪ «БЕЗДѢЛОКЪ».

I.

ЭПИТАФІЯ СЕБЪУ.

Вдѣсь спнть златой телецъ, почтеннй мужъ
Собѣхъ,
Тугой своей нксой любовью спскавшнй всѣхъ.

За-что, подумаешь, былъ славенъ въ самомъ дѣлѣ!
Не онъ вѣдъ деньгами, а деньги нмъ владѣли.

2.

ПОСЛАСТУ ПРИТЕЛЮ.

О ты, чей длинннй носъ — король между носами!
Будь солщечннмъ намъ помазута часамн:
Разннй на солщѣ ротъ — узнаемъ мн сейчасъ
По тѣни на зубахъ твоихъ которнй часъ.

3.

НА ГРОБЪ ХИЛЬЕВСКАГО.

Ворей и океанъ, свою нагуза грудь,
Со слѣта благо мена рѣшнлись судъ —
И точно сдунули: порывавъ въ клочнн вѣтрнло
И мачту сокрушнвъ, волна мена прнбнла
Къ утесу голому на утолн лишь доскѣ;
Кругомъ — нн блнли! Зарнлся я въ пескѣ
И снлю себѣ... а ты, отгнаво въ океанѣ
Носачнйся пловець, мена въ прнмѣрь заранѣ
Возьмн и напередъ себя ты прнучн
Вдали распознать волненна и смерн.

4.

ЭПИТАФІЯ ПЕТРУ.

Намѣсто наднса картинку здѣсь охотн
Волѣть и вырѣзать: взглянувъ, всѣхъ знаетъ,
кто ты,
Почнвшнй вѣчншкъ спомъ ногъ камнемъ хлад-
ннмъ снмъ.
По какъ, скажн мнѣ, Петръ, тебн мн воспреснмъ,
Колн прндетъ сюда чешаться знбрь безъ страха,
Нль сядеть на тебн невѣсть какая птаха?

5.

НА МОИ «БЕЗДѢЛКИ».

Найдешь «бездѣлки» здѣсь, мой другъ, ты всенкой
масти,
Что кладка въ крѣпостяхъ: граннть въ передней
части,
Которая слыветъ у техннговъ *редутъ*;
А дакъе кнрнчъ съ бузжннкомъ кладутъ;
Въ середкѣ жь, по валамъ — тамъ мало ль что
кладется:
Песчаннкъ, известнякъ и мусоръ — что прндется...

6.

О ДОКТОРѢ ИСПАНЦѢ.

Снать уходитъ докторъ, говорнтъ, что ужннъ
Вреденъ для желудка и ему нууженъ.
Ладно, нуть уходитъ: мн вѣдъ и въ постелн
Доктора отшмечь — н достигнемъ цѣли.
Только столь оконченъ — всею мн гурьбою
Къ доктору-испанцу, взявъ ннна съ собою,
Высаднли дверн: «здравствуй, докторъ милнй!
Пей по доброй волѣ, нль заставнмъ снлой!»
Докторъ раскраснлся, что твоя невѣста,
Говорнтъ: «пожаду, рюмкѣ будетъ мѣсто!»
Знаемъ мн натуро доктора тугую:
Наливаемъ рюмку, налнли другую,
Налнн и третью, налнли четвѣрту,
А потомъ всѣ въ годосъ: «братъ, сноты къ чорту!»
Говорнтъ намъ докторъ: что за случай странннй!
Летъ совѣтъ я трезвнй, встанъ же точно нпннй!

Н. Бергъ.

С. ШИМОНОВИЧЪ.

Снмонъ Шмоновнчъ, сннъ городекого рат-
мана изъ Брезннъ, роднлся въ 1557 году. Онъ
получнлъ воспитанне въ Краковской академн,
потомъ ѣзднлъ въ Италню и во Францню, гдѣ
подружнлся съ знаменнтымъ гуманнстомъ Иосифомъ
Смаллергеромъ, котораго совѣты имѣли рѣ-
шнтельное влннне на его будущую лнтературную
дѣятельность. По возвращеннн изъ-заграницы,
Шмоновнчъ поступнлъ въ секретарн въ канц-
леру Яну Замонскому и много содѣйствовалъ
ему въ учрежденн академн въ Замосць, за что
тотъ нсходатаствовалъ Шмоновнчу шляхетство
и почетннй тнтлъ королевскаго поэта. Шмоновнчъ
умеръ въ глубокой старостн въ 1629 году. Его
произведеннн распадаются на два отдѣла:
латнскнн оды и польскнн иднлнн. Останн-
вшнй второй оды и обратнлся къ иднлнямъ.
Изучнвъ основательно иднлнн греческнхъ и латн-
скнхъ поэтовъ и весь проникнувшнсь ими,
онъ началъ съ простнхъ переводовъ изъ Геокрн-
та, Внргннн и Овнды и съ тапнхъ передѣлокъ и
покражанъ, въ которнхъ все содержанне остава-
лось антнчно и только наступамъ и наступнкамъ
данахлсь славнскнн нмена. По Шмоновнчѣ

скоро замѣтнлъ эту несообразность и сталъ
брать темой для своихъ иднлнн нравы дѣйстви-
тельные, а не воображаемые, идеалнзирова нхъ
по возможности, то-есть — писать картинн изъ
сельскаго бнта. Не смотря на важнне недостаткн
иднлнн Шмоновнча, въ главѣ которнхъ стонтъ
отсутствне наивности и простоты, нѣкоторыя
сценн поражаютъ своимъ реализмомъ, воспроиз-
веденнемъ въ художественной формѣ народнхъ
представленнй и понятнй, какъ напрнмѣръ, въ
иднлняхъ «Чары» и «Каравай», а жалобн, вла-
гаемнн нмъ въ уста простого народа на его
горькую судьбу, какъ въ иднлняхъ «Пастухн»,
«Жннцы» и другня, обнаружнваютъ въ авторѣ
не только художннна, но и человѣкъ съ направ-
леннемъ, мужественнаго гражданна.

Ж Н И Ц Ы.

о л е с я.

Ужъ полдень — мн все жнмъ съ разсвѣта, какъ
очуланъ!

Нль хочеть староста, чтобъ здѣсь мн растауланъ?
Гозоднаго ннкакъ, знать, снмнй не ноймѣтъ!
Ншь, съ плетью ходнтъ онъ то впадъ, а то внпередъ
По нашнмъ бороздамъ, не вѣдая, что значнтъ
Въ зной жать согнувшнся; вѣдъ и ворона скачетъ
За плугомъ и наугаръ тапнтся, а кому
Тягедю всѣхъ изъ ннхъ? — коню лнню одному!
Такъ тяжестн въ сернѣ побогѣ чѣмъ въ плетн.

ПЕТРУХНА.

Останнть бы тебѣ, сестра, ученя этн:
Не-то услнштн онъ и съ плетью тутъ-какъ-тутъ.
Другн не ворча спокойнне жуть да жуть
И дѣлн домоай за-то уносить спнны.
Что проку, посудн, бнть бнтой безъ прнчнны!
Нотъ я — такъ съ ннмъ въ ладъ: всегда его хвалю,
А все изъ-за чего? — бнть бнтой не люблю.
Дай лучше зашомъ! хоть нѣсна въ горлѣ странеть,
Да дѣлать нчего: авось добрѣй онъ станеть.
«Ахъ, солнце-солнщншо! Златое оно днн!»
Умнй ты старосты лнкова у мена:
Ты знаешь, солнщншо, когда въ тебѣ потреба:
Уходншь ночью спнть, а дннемъ намъ свѣтншь съ
неба;
Ему же мало днн: онъ хочеть, чтобъ и въ ночь
Свѣтнло ты какъ дннемъ, не уходнло прочъ.
И такъ весь день-денской мн жнмъ ему да ша-
шемъ.

Не будем, староста, ты красным солнцем на-
шим!
Обиди отъ тебя мы все-таки несёмъ
И красную тебѣ дѣвицу принаедемъ:
Пусть будетъ ужь одна, чѣмъ такъ тебѣ слоняться
И разомъ за пятю красотками гоняться!»

СТАРОСТА.

Эй! жать тамъ, не зѣвать! Проворный и спорный!
За-то подухавте лушу васъ поскорый!
Вы все подаете, Петрушка и Оаеса!
Пой лучше, нежели ворчать тамъ, носъ повѣся!

ПЕТРУХА.

«Ахъ, солнце-солнышко! Златое око дна!
Умный ты старости лихова у меня:
Донь за донь, круглый годъ свое ведешь ты дѣло —
Онъ хотеть, чтобы все въ единый мигъ пошло;
Ты, солнце, то нечѣшь, то вѣтру дашь похлуть
И чода осѣбить намъ жаркия и гурды —
А онъ не дастъ присѣсть: весь день сернами ма-
шемъ...»

Не будем, староста, ты красным солнцем на-
шим!

Мы знаемъ, староста, что у тебя болитъ,
Но боли той шикто изъ насъ не утолить
Тебѣ, хотя бь сумѣлъ; да не гляди такъ кисло!
Ахъ, еслибъ у тебя кой-что какъ плеть повисло!»

СТАРОСТА.

Эй, жать тамъ, не зѣвать! Работать не ворча!
И ты съ охотой бы другого курбача
Отпѣдала, а чай, Петрушка? Знаю, знаю...
Работай! Немутя тебѣ напоминаю!

ПЕТРУХА.

«Ахъ, солнце-солнышко! Златое око дна!
Умный ты старости лихова у меня:
То въ тучу крошится, то снова свѣтнши ярко —
А намъ отъ старости весь день какъ въ бѣнѣ
жарко:

Весь день какъ туча онъ, съ зари и до зари,
И въ онъ страшныи ему не посмотри.
Ты, солнце ясное, служя небесъ красою,
Дашь твоей землѣ утѣсы въ ночь росвою;
Поутру вновь росой намъ образжешь съ небеси —
А мы у старости воды не принеси
Себѣ въ подвѣнный вояи, ни караван хлѣба.
Но будемъ, староста, ты солнцемъ середъ неба!
И замужъ за тебя молодка не пойдѣтъ:
Оставимъ ми тебѣ лихимъ на весь народъ

И въ жонъ старую дадимъ тебѣ ми бабу,
Совесть безубую, противную какъ жабу;
Вотъ будетъ посмотрѣть, какъ ляжете вы спати
И издумаетъ тебя та баба цаловать!»

ОАЕСА.

Счастлива, сестра, твой Богъ, что староста далѣко
И на другихъ теперь наводитъ злое око.
Такия пѣсни пѣть ему ты не могли,
Не-то на красные достанешь сапоги,
Иль нестради такой задаетъ тебѣ онъ въ синну...
Смотри, какъ подучаетъ онъ бѣдную Марину,
Хотя чуть-чуть жива: цѣлешенькую nochъ
Въ постелѣ иривела; работать ей не въ мочь,
Да силой выгнали, не староста — хозяйка.
И вотъ опять пошла гулять по ней нагайка.
А все за что, спроси: за динный за языкъ:
Марина любить всѣмъ отбѣзавъ напиримъ
И зачастую въ споръ вступаетъ съ господами;
А лучше бь языкѣ держала за зубами.
Плохія шутки тутъ, хоть пѣть вина ни въ чѣмъ!
Ты слово старостѣ, а онъ тебѣ бичѣмъ —
И будемъ къ вечеру съ лихимъ магардѣмъ!

ПЕТРУХА.

Ты правду говоришь, Оаеса: нынче шутить,
А завтра онъ тебѣ опять согнѣтъ и скругитъ!
Чась часу неровѣнь! Но онъ бы ничего,
Да вотъ хозяйшюка — Вотъ съ нею — у него;
Вернуть имъ такъ-и-силкъ и просто за носъ подуетъ;
На что ни погляднши, все по ея выходитъ;
Сердита ль на кого — онъ и безъ дальнихъ словъ
Давай того пунить: со свѣту сантъ гововъ.

ОАЕСА.

Да, подлинно! На дняхъ у нихъ ми дѣнь чесали;
Дѣй огордицца со старостой болтали
О чѣмъ-то въ сторонѣ: она подслудила ихъ,
Да вдругъ какъ налетитъ изъ сѣннечъ изъ своихъ
И ну обнхъ бить. Онъ — прочь: онъ вѣтъ дѣла.
Ужъ такъ-то имъ она, бѣдной, оладѣла!
Побнвъ порядкомъ гѣхъ, накинудасъ на насъ
И что твои змѣя шнѣла цѣлый часъ.

ПЕТРУХА.

Отколь, подумаешь, взялось все это, Боже?
Дни бы человекѣ: какъ ми, холопка тоже!
Вдругъ стала что за фри! Старѣ всѣхъ старухъ,
А выдѣтъ на село, разрядится вся въ пухъ:
И лентя алма, и фаргукъ съ фалборами...
Пѣтъ всѣхъ хлопочетъ силъ туда жь за господами

Съ ужимкой говорить — и хрючетъ какъ свинья.
А паренѣщица какала, мать мол:
Всѣхъ парней поѣдомъ, казалосъ бы, поѣла!
Влюбилась въ одного недавно, онаѣла
Совесть, хотъ умирать: знахарку позвала;
Та съ угля ей воды напоптанной дала
Напиться, а не-то — подѣ образа въ ту жь пору.
Что было на селѣ объ этомъ разговору!
А староста? На все глядитъ сквозъ пальцы онъ:
То жь бабой этою какъ дѣшимъ обидѣтъ...
Гадаючи встаетъ она и спать ложится —
Не вѣрнши? я тебѣ готова побожиться...

ОАЕСА.

Чего! Я видѣла однажды и сама
Ее совѣтъ нагой, хотъ то была зима:
На зорьѣ выгѣла она ползкомъ изъ хаты —
Отколь ни возннсь, самъ дьяволъ тутъ рогаый...
А гдѣ вызалася онъ, ужъ тамъ добру не быть!
Съ однимъ лишь Господомъ сположно можно жить;
Зачитникъ намъ одинъ — Всевышнй! А безъ Бога,
Присловье говорить, не смѣй и до порога!

ПЕТРУХА.

А дьяволъ на одинъ наводитъ лишь грѣхи:
Вотъ дѣтосъ надалъ спогъ, а нынче пѣтухи
Да куръдохнуть все, хотъ крутъ имъ смѣ перо-
внхъ;
Цѣплятъ ни одного не вышлоулось новнхъ —
Все это отъ чего? Все дьяволъ, все-то онъ!
Въ хлѣвахъ и во дворѣ бѣда со всѣхъ сторонъ!

ОАЕСА.

Что онъ всему виновъ, я съ этимъ не согласна:
По мнѣ такъ на него сымаются тамъ напрасно,
Гдѣ просто недосмотръ и глѣбность. Совершай
Все съ Богомъ, а сама однако жь не плошай!
Что дѣтосъ надалъ спогъ, что не влѣютъ цыплати,
Повѣрь: не дьяволъ тутъ, а бабы винаюта.
Коль вѣтромъ у иной набита голова —
Какъ изъ пухтнхъ хоромъ, оттуда лишь сова
Наружу вылетитъ. Плохое это дѣло,
Когда бы на пачи иная все сидѣла,
А въ печку залезитъ, корову подонитъ
Самой, нль огуровъ подѣ осень насолитъ —
Куда! За-то въ корчму ближнмъ ми что есть духу
И въ тапкахъ съ нарами летаемъ летчо пуху:
Привскочимъ — нотолка чуть не достанемъ зломъ;
Распутнмъ фобарн — по хатѣ ншь столбамъ.

ПЕТРУХА.

И тоже думаю: хозяекъ добрыхъ мало;

Счастлива, муженька которая поймала:
Все въ руку будетъ ей, и не о чѣмъ тужить;
А безъ дружка куда на свѣтѣ плохо жить!
При мужѣ — цѣлый домъ, хозяйство все въ по-
рядкѣ,
И жито съ полосои, и овощъ убранны съ грядки,
И тепло во дворѣ, и курочка сята,
И чодю широкой открыты ворота.
Все у хозяйшюк заботливой спорится,
Загнѣмъ-то Господа вслѣдъ-часъ она боится;
Кто жь Господа ভালভа, тотъ стронитъ домъ на льду
И бить ему потомъ у дьявола въ аду!

ОАЕСА.

Ого! Да мудрая какая вдругъ ты стаала!
Подобныхъ отъ тебѣ рѣчей я не слыжала:
Что кнша говориши! Признайся: неужель
Зазноби и грѣхъ не знала ты досель?

ПЕТРУХА.

Иное дѣло я, ино — хозяйка дому!
Мой грѣхъ одной лишь мнѣ надѣляетъ погромъ,
А еси тамъ подчасъ закрядетъ бѣда...
Но виднши: староста опять идѣтъ сюда.
Какъ воронъ сморгнть онъ, нагайка грозно свѣса,
И слушаетъ. Давай совѣтъ ему, Оаеса!
«Ахъ, солнце-солнышко! Распѣшь съ небесъ лучи
И старосту своимъ порядкамъ научи!
Средь бѣлаго ты дна на мнѣ снрншь красной,
Въ ночь тѣмную лунѣ гулять дашь ты ясной;
Богъ въ жонѣ далъ тебѣ красавицу-луну,
Такую жь староста пучкай найдѣтъ жену:
Какъ ясная луна, красавицу съ достаткомъ.
Ахъ, солнце, научи его своимъ порядкамъ!
Какъ ты повнннсь, то звѣздъ намъ не видать;
Затенится луна — горитъ онъ опять.
Такъ все хозяйша въ дому покорно волѣ,
А челядь слушаетъ свою хозяйку боѣ.
Ахъ, солнце-солнышко! распѣшь съ небесъ лучи
И старосту своимъ порядкамъ научи!
Хотя надъ нивами, долами и горами,
Ты осипашь ихъ обильными дарами;
Ты день приносишь намъ, когда жь уходишь
прочь —

На небѣ и землѣ тогда и мракъ, и ночь:
Такия жь старостѣ пошн о насъ заботи:
Пусть въ время пошн даѣтъ намъ отъ работъ»

СТАРОСТА.

Ну, мастерица ты, Петрушка, пѣсни пѣтъ!
Хотя жь тебѣ моя и подбиралася плеть,

Но вышла из воды, проказница, ты сухо.
Идите подчиняться! ступай и ты, воструха!

Н. Бяргг.

С. ТРЕМБЕЦКИЙ.

Станислав Трембецкий родился в 1730 году в селе Ястребники, но далеко от Кракова. В 1752 году он вступил в число студентов Краковской академии, где профессором и поэт Томеций имел большое влияние на развитие его поэтического таланта. По окончании курса, Трембецкий объехал Европу и засёл в Париже, где вскоре перенавлекся с известнейшими тогдашними учеными и писателями французскими, не исключая и знаменитых в то время энциклопедистов, и кончил тем, что наполовину доступ к двору Людовика XV. Продолжительное пребывание в Париже обошлось Трембецкому не дешево, что, наконец, и побудило его возвратиться домой.

Трембецкий писал бойко, имел тонкий вкус и был хорошо знаком с латинскими классиками и даже с мало-читаемыми в то время старинными польскими поэтами периода Сигизмундов. Ему принадлежит слава первого в свое время стиха; услуги оказанные им языку — огромны. Сам Мицкевич считал его первоклассным мастером по отделке стиха, и числал у него многому. Лучшим произведением Трембецкого считает его описательная поэма «Софиевка», воспевающая красоты сада графа Федика Поточка, устроенного этим магпатош близ Умани, уездного города Киевской губернии, и стоившего ему миллионы. Обожатель Станислава Августа, он сопровождал этого злопознучаго короля по-всюду и даже в Петербург, куда, по смерти Екаторыи, король был вызван императором Павлом. Здесь Трембецкий прожил до смерти короля, пославшей в 1798 году, после чего возвратился домой. Последние годы своей жизни обидчивый Трембецкий прожил в то у Чарторяжского в Гранов, то у Шпенсера Поточка в Софиевк, то у Яна Поточка в Тульчин. Трембецкий умер 12-го декабря 1812 года и погребен в тульчинском монастыре.

ВОЗДУШНЫЙ ШАРЪ.

Где только орёл быстрым лётом своим
Птиц робких внезапно пугает,
И тивный Юпитер огнём громавым
Воздушную область пронзаёт —
Глядь — двое из смертных летят! Победить
Задумав искусством природу,
И опит Икара рѣшае повторить,
Взнеслись они къ горнему своду.
Вадмаемый шаром раздутым, челнок
Несёт их; пловцы не робуютъ.
Рулемъ управляетъ невидомый рокъ,
А вѣтеръ командуетъ. Рвуютъ.
Ужъ дольняа зданья чуть видима. Взаглядъ
Иныя встрѣчаетъ картины
И образы: вмѣсто тѣхъ стройныхъ громадъ
Въ туманѣ мельнаютъ руины.
Король и сенаторъ и нахаръ простой
У смѣлахъ пловцовъ подъ ногами
Смѣшались покрытые пылью густой,
Всѣ позавоутъ тамъ червяками.
Какъ мокраго дѣтскаго палца слѣдокъ
Порой, на столѣ проведённый,
Такъ Висли могучей, шумливый потокъ
Лылется имъ, избѣненный.
Сбѣгаются къ рѣдкой котѣжѣ народъ —
И сколько тутъ кланковъ, вопросов!
Летящихъ чаруетъ усилный поётъ:
По своему мыслить философъ.
Природа тройной хотъ стѣной оградилъ —
Стремящийся въ даль понемогуту
И въ глубь человѣческой разумъ и въ нысь
Пробѣетъ себя всюду дорогу.
Онъ дикую силу стихий превозмогъ,
И — съ ихъ ломовымъ произволомъ
Въ бореньи — отъ суши онъ воду отвѣтъ,
Горамъ повелѣтъ онъ быть доломъ;
Морямъ онъ свои поручилъ корабли;
Средь волнъ, побѣждающій бури,
Сокровища вырвалъ изъ нѣдры онъ земли
И плавать сталъ въ горней лазури.
Планы, вознеси благороднѣйшій чолъ!
Силъ вражыхъ не бойся удара,
Твой подвигъ славишь средъ живущихъ воля,
Чѣмъ подвигъ отважный Влашара!

В. Бенедиктовъ.

п.

ИЗЪ ПОЭМЫ «СОФІЕВКА».

Край утѣшний взору! Всѣ плоды земные!
Молока да мѣду — рѣки разливыи!
Для копей летучихъ пастбище открыто:
Прядаютъ со ржаньемъ. А волы, вози-то!
Сколько ихъ тутъ бродитъ! что за великаны!
Здѣсь свой хвостъ тяжолой тучные бараны
Возятъ на кофѣсахъ. Почва плодотворна
Такъ, что ей посѣвомъ вѣтренныа зѣрна
Быстро съ вавилонскимъ размноженьемъ сибуютъ.
На распанку взглянешъ: нивы силою чернютъ.
Здѣсь людскою кровью тукъ земли уможенъ
И кусками трунотъ щедро переложень:
Онъ досѣль, сохотъ зарытъ для жатвы новой,
Въ знакъ персидскихъ шестей кажетъ клыкъ сло-
новой.

Азіа встрѣчалась тутъ съ мечтѣмъ Европы,
Съ слахотой многократно рѣзалась холоня,
Нивы золотыя въ стени обращались,
Безъ покоу травы дикія ступанься,
Кроя родъ неогонъ — гаднѣя джовитыхъ;
А потомъ, хотъ браней не было открытыхъ,
Мучили Украйну — дщери любви и нѣги —
То вторженья Сѣчи, то татаръ набѣги.
Дался миръ немирный; тамъ — торчали пни,
Тамъ — свистѣли стрѣлы. Безполадно-дни
Были силы вражды. Зная эти силы,
Да разбой, хищные и сосѣдъ немилый
Жить въ глуши по-дала часто вынуждали
Тѣхъ, кто побогате; въ люди попадали
И тучили въ благахъ деревни пришельцы,
Челая да жоленерство, а землевладѣльцы
Отъ своихъ доходовъ малыя лишь части
Еже получали. Пинъ жь всюду власти
Прочно утвердилась, каждому открыты
Право и законность, вѣжды — не безъ защиты,
Варварство исчезло, жизнь пошла иная,
И въ довольствѣ стала сторона родная
Тѣмъ, чѣмъ былъ ей надо. Множество помчалося
Корабей всевѣстныхъ по морю, что звалось
Неостеримнымъ, чтобъ для всѣхъ потребнымъ
Запаситъ зерномъ тутъ ситнымъ, бѣлохлѣбнымъ.
Сдерпуга, упала смертная завѣса,
И, вставъ изъ гроба, принялась Одесса
Плодъ тотъ, земледѣльщѣ потѣмъ окропаннѣй,
Замѣнятъ блестящей вырубкой червонной.
Вызваны порядкомъ мудрымъ изъ забвенья —
Глядь — преобразились бѣдняа селеня,

И пустынный уголъ населая — занять
И все плуце новыхъ поселенцевъ манить...

В. Бенедиктовъ.

А. НАРУШЕВИЧЪ.

Адамъ Нарушевичъ, епископъ Лудкий, поэтъ и историкъ польскій, родился въ 1733 году въ Липсѣ. Потомокъ древней, но обидѣвшей литовской фамиіи, Нарушевичъ съ раннихъ лѣтъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ; затѣмъ, посланный за границу, объѣхалъ Италию, Францію и Германію, послѣ чего получилъ каедроту пѣтики, сначала въ Виленской академіи, а потомъ въ дворянской коллегіи въ Варшавѣ. По уничтоженіи ордена іезуитовъ, вслѣдствіе чего Нарушевичъ остался безъ крова и хлѣба, онъ обратился къ королю съ римонованнымъ прошеніемъ, въ которомъ, перечеисля свои заслуги, выражалъ надежду, что не будетъ оставленъ монаршею милостію. Король действительно не оставилъ просьбы Нарушевича безъ вниманія и назначилъ его каедротомъ епископа смоленскаго, затѣмъ — епископомъ лудскимъ. Нарушевичъ знаменитъ и какъ поэтъ и какъ историкъ. Іезуитское воспитаніе пустило глубокие корни, отъ которыхъ Нарушевичъ никогда не могъ освободиться. Отъ іезуитовъ перенялъ онъ напыщенный и шумно-торжественный слогъ своихъ высокопарныхъ одъ и другихъ лирическихъ стихотвореній, которыми только по языку стоятъ выше напетриговъ XVII вѣка, но по содержанію могутъ смѣло съ ними состязаться. Нарушевичъ плачетъ надъ гробомъ Августа III, и радуется востроствію на польской престолѣ Станислава Повлотаго; славитъ своихъ благодѣтелей, князей Чарторяжскихъ, ихъ помѣстья, даже сами жены Адама Чарторяжскаго, и пишетъ оды и гимны на бракосочетанія разныхъ маглатовъ, по случаю полученія чашовъ или ордена отъ короля, или при поднесеніи ему чернильницы. И не смотря на все это, въ напыщенномъ напетриствѣ жила душа великаго и доблестнаго гражданина, что доказываютъ многія оды сатиры, въ которыхъ онъ, какъ проповѣдникъ и наставникъ народа, говоритъ правду просто, безъ прикрасъ и во-все-услышанье. Лучшими сатирами Нарушевича считаются: «Reduty», «Szlachetnosce», «Полякамъ старото времени» и,

в особенности, «Голосъ Мертвецовъ», въ которомъ онъ предвѣщаетъ смерть обществу.

Сильный талантъ, выказанный Нарушевичемъ въ сатирахъ, выдается еще рельефнѣе въ его «Исторіи Польскаго Народа», сочиненіи весьма замѣчательномъ какъ по плану, такъ и по исполненію. Исполняя желаніе своего царственного друга, короля Станислава Августа, предложившаго ему быть королевскимъ историографомъ Польши, Нарушевичъ покинута въ 1774 году Варшаву и дѣлаетъ шесть лѣтъ прожизнь въ глуши, среди подѣскихъ болотъ, за янами ветхихъ бумажъ. Наконецъ, въ концѣ 1779 года Нарушевичъ возвратился въ Варшаву съ готовыми первыми томами своей исторіи. Король помѣстилъ его во дворцѣ и лично сдѣлалъ за печатаніемъ этихъ томовъ. Всѣ семь томовъ «Исторіи Польскаго Народа», съ древнѣйшихъ временъ до вступленія на престолъ дома Ягеллоновъ, были изданы въ течение слѣдующихъ шести лѣтъ, начиная съ 1780 года. Главное достоинство этого капитальнаго труда Нарушевича заключается въ томъ, что онъ разсмотрѣлъ критически прошедшее Польши, отбросилъ слачозную сторону преданій и проверилъ источники. Правдивый, полный содержанія рассказъ Нарушевича имѣлъ для Польши точно такое значеніе, какое для русской исторіи повѣствованіе Карамзина. Печатавъ свой седьмой томъ, авторъ не подозрѣвалъ, что этотъ томъ будетъ послѣднимъ. Началась политическая сумятица, наступилъ чехрежлѣтній сеймъ, въ которомъ долженъ былъ засѣдать и Нарушевичъ, какъ епископъ лужскій: гдѣ тутъ было заниматься сочиненіемъ исторіи! Въ послѣдній разъ Нарушевичъ имѣлъ свиданіе съ королемъ въ Семичахъ, въ декабрѣ 1793 года, когда король возвратилась съ Гродненскаго сейма: король совѣтовалъ ему продолжать начатый историческій трудъ; Нарушевичъ съ негодованіемъ замѣтилъ, что ему не для кого писать, и потому онъ не возмнетъ пера въ руки. Правственна страданія окончательно расстроили здоровье Нарушевича и ускорили его кончину, которая послѣдовала въ 1796 году.

I.

ИЗЪ ПОЭМЪ «ГОЛОСЪ МЕРТВЕЦОВЪ».

Рассторгнувъ связь любви и мира, какъ дитя —
Тѣхъ благъ, что лодь цитомъ верховной власти
слаты —

Вы разбѣжался прозвъ, какъ стадо безъ вожда,
Липносе всего — и крова и защиты.
Не боится въ васъ сердца для общаго добра:
Настала клевета и подлости пора.

Не знаемъ мы утѣхъ ни мира, ни войны
Съ-тѣхъ-поръ, какъ отъ глывъ съчлены отдѣлились;
Онгда острый мечъ свой спиртала въ ножны,
Торговля умерла, работы прекратилась,
Создать забылъ войну, король — свой долгъ и санъ,
Панъ на крестьянъ валѣтъ, священникъ на карманъ.

Сокровища страны и прежнихъ королей
Растрочены въ тиши изъ поддага тшеславья;
Во дворцѣ спуютъ толны разряженныхъ вралей,
Вначишихъ жалкій вѣкъ подъ бременемъ беславья;
Коронное добро расяялось, какъ дымъ,
И вѣтеръ лишь свиститъ по замкамъ нежиданымъ.

Подъ скипетромъ однимъ ведомые поля
Несчастностью своей народъ изумляли.
Для нихъ свои дары спавяжали двѣ рѣки
И земли двухъ морей предъ ними трепетали.
Теперь нѣтъ ни бойцовъ, ни славы боевой;
За-то вождей въ чинахъ конецъ нечестовой.

Когда на рои итенцовъ разящую стрѣлой
Спускается орѣлъ съ разверстыми когтями,
Вскрываетъ шумный родъ у матери одной
Серьезнается, шуми, подъ тѣлыми крылами —
И эти перья въ рѣшнхъ обрываютъ;
Но чѣмъ же васъ теперь прикроетъ эта мать?

Правленія нигдѣ во-нѣкъ не увидать
Такого, какъ у насъ, съ такими чудесами.
Зачѣмъ монаршему величю снѣтъ,
Когда лодъ маской той безнхле передъ нами?
Зачѣмъ искать владыкъ дѣною дорогой,
Когда всѣ короли плавають къ намъ враждой?

Когда король — отецъ, чего жъ его корятъ?
Когда король — монархъ, то гдѣ же подчинѣнность?
Когда — верховный вождь, чего жъ онъ безъ солдатъ?
Когда король — судья, гдѣ жъ правда и законность?
Безумна та страна, что тамъ ни говори,
Гдѣ вѣщепосиди лишь по имени нари.

Буджадущій табунъ гербовныхъ голшней!
Склонился во прахъ предъ хитрыми вождами,
Не знаемъ ты, какъ зло лодъ простотой твоей
Смѣются хитрецы, и сеймики годами

Срываютъ и клеятъ — и въ выгодѣ одинъ.
Свободы ищешь ты: свободны жъ лишь они.

Ты за стаканъ вина, за вѣжливый поклонъ
Спокойно продаешь отцовскую свободу;
Охригнувъ отъ рѣчей, направленныхъ на тронъ,
Ты выбираешь въ сеймъ пословъ, вождемъ въ угоду.
Не для тебя они удѣтъ твоей удой;
Теперь ты нашенъ самъ: нануть пахать тобой.

Н. ГЕРБЕЛЬ.

II.

СОВѢТЬ ЗВѢРЬЕЙ.

Слышно, что гдѣ-то въ краю отдаленномъ, пустыномъ,

Во Африкѣ, въ царствѣ звѣриномъ,
Между когтистыхъ звѣрей и обутыхъ въ копыта
Сладиласъ Рѣчь-Посполита.

Всѣ у нихъ мосей при самомъ правленъи начатѣ
Шло въ надлежачемъ порядкѣ;
Жили всѣ мирно; дѣла всѣ рѣшались правдою —
Такъ-что и людямъ на диво.

Волкъ на добычу не шолъ, пробирался сквозь лозы:
Цѣлы и овцы и возы!

Грызлись сперва челоуѣкъ съ челоуѣкомъ пустыни:
Звѣрь у него научился.

Но недостатокъ въ клѣтѣ оказался однажды:
«Взносомъ поможетъ пусть каждый!»
Общество требуетъ. Тамъ, гдѣ всѣ шло полюбовно,

Подать платили всѣ ровно;
Слабыхъ, убогихъ стѣненья воспрещали законы:

Тотъ, кто имѣлъ миллионы,
Вровень платилъ съ бѣднякомъ и своей голосъ

Каждый имѣлъ, и боролось
Мнѣнне съ мнѣннемъ на сеймѣ. Въ собраннѣ

Слово теперь началъ возванье:
— «Граждане! къ намъ моя рѣчь здѣсь въ дуб-

личной бесѣдѣ,
Къ намъ, о козы и медвѣди,
Свиньи, волы и ослы! Именитые звѣри

Во полной величїи мѣри!
Всѣмъ же равно помогаемъ намъ пришлось безъ

улонокъ,
Всякъ, будь-то левъ или ягненокъ,
Во случаѣ криды малѣйшей, закону противной,
Сварбу пусть жертвуетъ гривной!

Деньги большаи въ казну черезъ это вносятся,
Страсти жъ дурныя — уймутся.»

— «Это прекрасно!» сказала лисица сѣдая,
Ражий свой хвостъ выпрала.
«Но, мнѣ одѣется, что больше окажется сбору,
Ежеки всякъ безъ разбору,
Послѣ различныхъ достоинствъ своихъ перечетъ
Съ každого дастъ хоть по злоту:
Всѣ вѣдъ охотно свои выставляють засуду,
А на повинную — туги.»

В. ВЕНЕДИКТОВЪ.

И. КРАСИЦКІЙ.

Игнатій Красицкій, епископъ вармійскій и славный польскій писатель, родился въ 1735 году въ мѣстечкѣ Дубецѣ, въ Галиціи. Будучи старшимъ сыномъ и любимцемъ набожной матери, онъ предназначался къ духовному званію, и потому еще ребенкомъ былъ отданъ на воспитаніе іезуитамъ въ Львовѣ. По смерти отца, онъ былъ отправленъ своимъ опекуномъ въ Римъ для дальнѣйшаго образованія. Вернувшись на родину лодъ конецъ царствованія Августа III, Красицкій сталъ быстро подниматься по ступенямъ церковной іерархіи. Въ Варшавѣ Красицкій подружился съ молодымъ стольникомъ литовскимъ, Станиславомъ Поштовскимъ, которому дядя его Чарторяжскіе прочилъ польскій престолъ. Сдѣлавшись королемъ, Поштовскій назначилъ Красицкаго президентомъ мажоральскаго суда. Съ 1766 года Красицкій началъ испытывать свои силы и на литературномъ поприщѣ, помѣщая статьи въ журналѣ «Мониторъ». Но всего болѣе онъ отличался на литературныхъ вѣтеркахъ, у себя въ домѣ, куда собиралась всл знать и гдѣ бывалъ самъ король.

По смерти епископа вармійскаго, тридцатилѣтній Красицкій получилъ это богатое епископство съ прибавленіемъ княжескаго титула. Молодой князь-епископъ поселился въ Варшавѣ и предался со страстью любимому своему занятію — литературѣ, хотя время не вполне благоприятствовало литературнымъ трудамъ — время барской конфедерации. Смуты улеглись съ первымъ раздѣломъ Польши, при которомъ Вармія отошла къ Пруссіи. Внѣшнѣ съ тѣмъ окончилась и политическая дѣятельность Красицкаго, и онъ тѣмъ съ болѣеимъ ревнемъ посвятилъ всего себя литературѣ. Его басни, сатиры, посланія и по-

вѣсти расходились по рукамъ и читались публично съ величайшею жадностью. Общепонятою оныя жилъ въ Гейльсбергѣ, откуда нажалась иногда въ Берлинъ и Саль-Суви, куда приглашалъ его Фридрихъ Великий, который любилъ собирать вокругъ себя литераторовъ и ученыхъ, причѣмъ отводилъ ему комнаты Вольтера, говоря, что воспоминаніе о послѣднемъ должно возбудить въ немъ поэтическое воодушевленіе: и дѣйствительно Красницкій написалъ здѣсь свою знаменитую поэму «Монахоманія, или война монаховъ», сочиненіе весьма остроумное и колкое, вызвавшее, съ одной стороны, ненависть монаховъ, съ другой — реформу монастырей. Поэма эта была отпечатана и выпущена въ свѣтъ въ 1775 году. Въ томъ же году издалъ онъ другую сатирическую поэму «Мышеньскъ», основанную на преданіи о сказочномъ царѣ польскомъ Понедѣ, съдѣленномъ мишамъ. Въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Красницкій, гитогаетъ ритмомъ, избравъ болѣе свободную форму романа съ телеграфіей. Таковы его «Исторія», «Приключенія Николая Досвятчинскаго» и «Панъ Подстолий». Его «Исторія» есть злая насмѣшка надъ исторіографами, родъ мемуаровъ, написанныхъ неумирающимъ человѣкомъ. «Приключенія Досвятчинскаго» осмѣиваютъ модное воспитаніе, страсть къ заграничнымъ путешествіямъ, расточительность, крѣпководство адвокатовъ, продажность судей и политическія партіи. Въ романѣ «Панъ Подстолий» Красницкій изобразилъ идеальный типъ польскаго гражданина, какимъ онъ долженъ быть по его мнѣнію.

Подо конецъ жизни Красницкій уже не писалъ болѣе. Получивъ отъ новаго прусскаго короля саль архіепископа гильзенскаго, онъ съ грустью покинулъ Гейльсбергъ и въ 1801 году, отправляясь по дѣламъ митрополита въ Берлинъ, умеръ тамъ 14-го марта того же года, на 66-мъ году отъ рожденія. Полное собраніе сочиненій Красницкаго было издано въ Варшавѣ, въ 10 томахъ.

КЪ ГРИГОРІУ.

Всюду, на-суни и въ морѣ,
Другъ-Григорій, горе, горе!
Внешній пиръ — злая младость:
Тутъ любовь, веселье, радость;
Но въ вѣбтахъ шиповъ есть много;
Радъ скакать, да смотреть строго.

Мужемъ сталь — насъ въ годы эти
Временять семейство, дѣти;
Скользко тутъ заботъ домашнихъ!
Думай о дѣлахъ, о пашняхъ;
Нѣтъ покоя: тамъ — медвѣди,
Тамъ — недобрые сосѣди.

Дальше — старость, время хлада:
Вить другимъ въ примѣръ тутъ надо;
Жребій намъ и худшій вѣдомъ.
Наконекъ, какъ станешь дѣдомъ.
Всюду, на-сути и въ морѣ,
Другъ-Григорій, горе, горе!

В. Венедиктовъ.

К. ВЕНГЕРСКІЙ.

Кастанъ Венгерскій родился въ 1755 году. Смиръ незнатныхъ родителей, одаренный блестящими поэтическими талантами, онъ служилъ нѣкоторое время при дворѣ Станислава-Августа, въ званіи камергера, но вскорѣ навлѣкъ безчисленное множество враговъ, благодаря злому и острому языку, который не спускалъ даже самому королю, какъ это видно изъ слѣдующей остроумной эпиграммы, сказанной имъ по случаю сооружения этимъ послѣднимъ памятника Яну Собскому:

Милость на монументъ! Я въ этотъ кушъ помоямъ,
Чтобъ Стасъ окамовѣлъ, а Янъ Собскій явля.

Наконекъ, въ 1779 году, вслѣдствіе наскія на нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ дамъ, Венгерскій долженъ былъ оставить дворъ. Онъ отправился за границу, вѣтъ жизнь очень веселую, къ чему давала ему средства счастливая карточная игра, постигъ Италію, Францію, Англію, Америку, и, наконецъ, истощивъ свои силы всевозможными изниществами, умеръ въ 1787 году отъ чахотки въ Марсели, будучи всего тридцати трехъ лѣтъ отъ роду.

«Венгерскій — говоритъ Спасовичъ — смотрѣлъ на жизнь какъ на шумную оргію, какъ на непрерывающуюся маскарадъ; онъ былъ энциурецъ и воспѣвалъ одну только философію наслажденія. Мастеръ остритъ, въ островахъ оныя всего болѣе подходилъ къ Вольтеру. Венгерскій осмѣиваетъ священнѣйшіе предметы, муза его любитъ пе-

Ю. У. НѢМЦЕВИЧЪ.

скромные, сладострастные рассказы, наконецъ онъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ цинизма во множествѣ грязныхъ стихотвореній, которые ходили въ рукописи по рукамъ, остались неизданными и могутъ соперничать съ знаменитѣйшими французскими произведеніями подобнаго свойства изъ послѣдней четверти восемнадцатаго вѣка.»

ФИЛОСОФЪ.

Есть ли деньги, нѣту ль денегъ —
И здоровъ и веселъ я.
Мнѣ — когда я не моментнишъ —
Нагота не въ стыдъ мой.

Если какъ-нибудь поживѣтъ,
То фортуны и поклонъ!
Чаею тонко — такъ-что вѣреться:
Я и тѣмъ не возмущенъ.

Мнѣ и въ ходъ самому тѣсномъ
Межъ прелестивъ и не бѣда:
До того, чтобы стать безчестнымъ,
Я не скорчусь никогда.

Великъ ль мой потреба?
Обхожусь въ годичный часъ
И безъ бѣлаго я хлѣба
И безъ сонныхъ, цѣнныхъ мясъ.

Для значенія передъ свѣтомъ,
Чтобъ снискавъ его поклонъ,
Я не жажду быть одѣтымъ
Въ злато, бархатъ и виссонъ.

Гдѣ нужна для друзей трата
Денегъ — прочь я отъ связей:
Не хочу цѣною злата
Покупать себѣ друзей.

Если дружба еле дянтся
И до чорного лишь дня
Уощеными кривится —
Дружба та не для меня!

Такъ, несклонный къ дальнимъ траатамъ,
Самъ-большой въ своемъ дому,
Я кажу себѣ богатымъ,
Коль не должетъ никому.

В. Венедиктовъ.

Юліанъ Устинъ Нѣмцевичъ родился 4-го (16-го) февраля 1758 года, въ мѣстечкѣ Снокахъ, на самой границѣ Польши и Литвы. До двѣнадцати лѣтъ онъ воспитывался дома, подъ надзоромъ отца и богобоязненной матери. Въ 1776 году его опредѣлили въ Варшавскій кадетскій корпусъ. По окончаніи курса въ этомъ заведеніи, Чарторжскій взялъ его къ себѣ въ адъютанты. 1783 — 1787 года онъ провѣлъ за границей, причѣмъ побывалъ въ Римѣ, Парижѣ и Лондонѣ, познакомился съ многими знаменитыми людьми и въ 1788 году воротился въ Польшу. Затѣмъ, во время восстанія 1794 года, онъ былъ адъютантомъ у Костюшки, вмѣстѣ съ нимъ попался въ плѣтъ подъ Маджевицами и вмѣстѣ съ нимъ былъ вынужденъ, по повелѣнію императора Павла, измѣнить на честное слово. Получивъ свободу, Нѣмцевичъ уѣхалъ въ Америку и прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ. Возвратившись оттуда, онъ былъ при Александрѣ I секретаремъ сената въ Варшавѣ и предсѣдателемъ Общества Любителей Наукъ. Въ 1830 году онъ принималъ дѣятельное участіе въ польскомъ восстаніи, по усмиреніи котораго долженъ былъ бѣжать за границу. Долго странствовалъ онъ по разнымъ европейскимъ государствамъ, наконецъ поселился въ Парижѣ, гдѣ и умеръ 21-го мая 1843 года, на 83 году жизни. Нѣмцевичъ началъ писать очень рано и пробовалъ свои силы во всѣхъ родахъ: онъ писалъ басни, сатиры, баллады, драмы, романы и повѣсти, но ни въ одномъ изъ своихъ произведеній не сумѣлъ возвыситься надъ уровнемъ посредственности. Тѣмъ не менѣе онъ былъ чело-вѣкъ живой, затрогивалъ всѣ животренущіе современные вопросы и постоянно ударялъ въ чувствительную струну патриотизма. Не смотря на всю слабость его «Историческихъ Писемъ», послужившихъ образцомъ для «Думъ» Рылѣева, въ которыхъ Нѣмцевичъ хотѣлъ изобразить польскую исторію въ картинахъ, писанъ эти въ свое время заучивались публично наизусть.

1.

Л Е Ш Е К Ъ В Ъ Л Ы И.

Покинута всѣми, одѣта небрежно,
Елева жмѣтъ къ сердцу печальному нѣжно
Любезнаго сына, крушится по нѣмъ:
То Лешекъ, что Бѣлымъ былъ прозванъ потомъ.

«Ты несель», промолвила, «птенчик невинный;
Своей ты не вѣдаешь горькой судьбины:
Я стала вдовицей, ты сталъ сиротой;
Вельможные панцы, зло-козенно глядя
На насъ, какъ настронял ихъ хитрый твой дядя,
Готовятъ погибель тебѣ, мой родной.

«Рожденный на свѣтъ для короны и царства,
Ты, блѣдный, ставъ жертвой людскаго коварства,
Всѣ въ мѣрѣ утратилъ! Въ своемъ же краю,
Лишь матери скорбной въ родимому лону,
Считалецъ, ты голову клонилъ свою:
Гдѣ смѣешь ниную еще оборону?»

«Сдержи, королева, свѣзъ горькихъ потоковъ!»
Еленѣ сказалъ престарѣлый Говорюкъ:
«Отпу и сужилъ до конца, сколько могъ —
И сынъ его будетъ до гроба мнѣ дорогъ:
Доволь еще въ слезахъ пладѣть я мечемъ —
Не будетъ терпѣть онъ обиды ни въ чѣмъ.»

Шли годы. Росъ Лешекъ, по прозвищу *Бѣлый*,
Подъ старца надзоромъ, и доблести въ нѣмъ
Росли, развивались. Правдивый и смѣлый,
Онъ шествовалъ Пястовъ достойнымъ путѣмъ,
Искусень былъ въ рыцарскихъ ратныхъ забавахъ
И счастливо дѣйствовалъ въ битвахъ кровавыхъ.

Говорюкъ сердечной своей притмой
Развѣять къ себѣ ненависть въ сферѣ придворныхъ.
Завистники въ Лешку приходять толпой
И просятъ отъ имени гражданъ поворныхъ,
Чтобъ Лешекъ Говорюка изгналъ отъ двора:
«Тогда надѣвай и корону! ура!»

Смиренная въ комнатѣ скромной сидѣла
Тогда королева въ нарядѣ простомъ,
Гдѣ золота даже она не имѣла
Ни блѣстки единой — и Лешекъ притомъ
Вылъ тутъ же, сидѣлъ погруженъ въ размышленье:
Его удлинно пословъ предложение.

Молчаніе длилось. Говорюкъ возсталъ:
«Прими», отъ смущенному Лешку сказалъ,
«И властуй! Народъ тебѣ тронъ предлагаетъ:
И такъ — я дождался желаннаго дня!
Пусть край нашъ родной отъ того не страдаетъ,
Что зависть преслѣдуетъ злобою мени!

«Я старецъ: земной непрельщаемый властью,
Уйду въ уголокъ родовой я земли

И буду доволенъ изгнанника частью;
Ты жъ смуты смири, мятежи удали
И всякое зло отъ родимаго края,
Правдиво и доблестно имъ управляли!

«Когда жъ я услышу, дастъ Богъ, что того,
Кого я усердно воспитывала смлада,
Возлюбить народъ, какъ отца своего,
Помыслится и мнѣ еще въ мѣрѣ отрада:
Изъ семани на тронъ твой я взоръ поведу
И, сладко утѣшенъ, въ могилу сойду.»

Въ слезахъ королева внимала, слезами
И въ заплывалъ; а тронутый князь
На рѣчь ту отвѣтилъ такими словами:
«Нѣтъ, Лешекъ по самый послѣдній свой часъ
Не сможетъ забыть (долгъ тутъ сердцемъ указанъ)
Чѣмъ краю, себѣ и Говорюку обязанъ.

«Нѣтъ, я не хочу, чтобы тотъ человѣкъ,
Кто прирѣзалъ меня, безнокровнаго, въ мѣрѣ,
Безвѣстнымъ изгнанникомъ кончилъ свой вѣкъ,
И сколько бы ни было баска въ порфирѣ,
Въ коронѣ и скипетрѣ — для моего
Для сердца другъ вѣрнѣй дорожъ всего.»

И чувствъ благородныхъ младою возвѣститель
Наградой взыскавъ отъ Господа бляхъ:
Князь Польши, могучій въ бояхъ побѣдитель,
Самъ вскорѣ корону себѣ возвратилъ,
И старый Говорюкъ при жизненномъ склонѣ
Въ душевной отрадѣ зрѣлъ Лешка въ коронѣ.

В. Венедиктовъ.

II.

ДУМА О СТЕФАНѢ ПОТОЦКОМЪ.

Слухъ къ моей пѣснѣ склонилъ, молодежь!
Пѣсня моя — не къ забавѣ:
Нѣтъ, моя пѣсня — къ тому, да найдешь
Въ ней ты призваніе къ слави!
Слушай, какъ славы блестящій вѣнецъ
Передъ воинственнымъ строемъ
Въ битвѣ стяжалъ себѣ юный боецъ,
Павъ за отчизну героемъ.

Взрытъ Подоліи значной поля
Грозной Хижальника ратью;

Полнится стопомъ и воемъ земля;
Нивы своей благодатью
Пахарь не гнѣшится: бросилъ свой плугъ;
Плѣнникъ несчастную долю
Пастири дѣлать; съ подругою другъ
Видѣтъ сдастся въ неволю.

Счастлиемъ, славою и старостью смѣтъ,
Воеждѣ-Николай горе чуетъ
И о пашасти всеобщей скорбитъ:
Чѣмъ онъ теперь урочуетъ
Боли отечества? Старецъ вздохнулъ —
Взмогалъ слезами морщина:
Славное прошлое онъ вспомянулъ,
Поля безъисходной кручины.

Дѣйствовать радъ бы, да хилъ ужъ — сѣдой,
Мечъ выпадаетъ изъ длани;
Есть у него только сынъ молодой,
Годный на подвиги брани.
Юный Потоцкій Стефанъ съединялъ
Съ ликомъ плѣнительнымъ силу
И при расказахъ о битвахъ дрожалъ,
Предать войскаму плу.

«Сынъ!» старый гетманъ сказалъ ему: «гляни!
Нужель отечеству воинъ,
Воинъ могучій: за родину стань!
Будь своихъ предковъ достоинъ!
Благо отчизны имѣй лишь въ виду!
Ты ей въ ограду поставленъ;
Я же счастливицемъ въ могилу сойду,
Если ты будешь прославленъ.

«Съ Богомъ!» и рыцарь отцомъ-старикомъ
Объялъ. Родительскій голосъ
Сладокъ ему. Увѣнчалъ нишакомъ
Онъ черно-кудрый своей волосъ.
Съ милой разстаться готовъ онъ: съ рѣсницъ
Вырываетъ слеза при поклонѣ,
Только еѣ между дамъ и дѣвицъ
Онъ усмотрѣлъ на балконѣ.

Елизавета прекрасна, чиста,
Всѣмъ обожаема свѣтомъ;
Розы — ланиты, кораллы — уста;
Вѣрность священнымъ обѣтамъ
Въ сердцѣ она своимъ юномъ хранитъ:
Ею владѣть будетъ ираивъ
Тотъ лишь, кто ливо себя отличитъ
Вѣрностью чувству и слави.

Рыцарь отважный, готовый въ борьбѣ,
Въ нищирѣ, въ шлемѣ — предъ нею:
«Всѣмъ», говоритъ, «я обязанъ тебѣ
Въ жизни сладчайшимъ, и всею
Этою жизнью я — твой. Принимай
Вуду я въ битвѣ кровавой
Имя твоѣ и враговъ поражай...
Если жъ паду, то — со славою!»

Рѣчь у него на устахъ замерла;
Елизавета жъ, рыдая,
Вѣдуя ленту съ себя сорвала
И, на него надѣвая,
Молвила: «бейся! Да все возвратимъ
То, что утрачено нами!
Столько жъ будъ счастливъ ты, сколько любимъ,
И торжествуй надъ врагами!»

Трубы раздаются воинственный громъ;
Рыцари въ сборѣ вѣнчаются;
Пашцари, шаемы сверкаютъ кругомъ;
Пыльные вихри крутятся!
Людъ любовный и съ крикомъ и съ воплемъ
Смотритъ: все вдругъ устренулось;
Месть передъ замкомъ оуцены — и вотъ
Войско на бой потянулось.

Цѣлую ночь оно шло внонцахъ:
Вотъ ужъ и Жолтая-Вода!
Солнце въ кровавыхъ взошло облакахъ,
Предзнаменуя нежданно
Войска ряды за рѣкѣю Богданъ
Въ полѣ шпроко раскинулъ;
Неустрашась числомъ ихъ, Стефанъ
Горсть своихъ ратниковъ двинулъ.

Бой завяриса мгновенно. Огни,
Смерть разносилье, ринутъ;
Падаютъ шлемы, куда ни взгляни;
Стрѣлы перваты свистутъ.
Вдругъ, гдѣ опаснѣе, жарче битъ бой,
Воеждъ съ юнымъ паломъ сердечнымъ,
Въ грудь пораженный враждебной стрѣлой,
Никнеть, облитый спомъ вѣчнымъ.

Смертью младого воеждъ потрясенъ,
Духъ его рати — въ унади;
Кинжъ боевой обращается въ стонъ;
Еъ праху его въ безпорядкѣ
Скорбике войны слышно плутъ,
Кровь его ранъ отграють.

И на щитах своих тьло несутъ:
«Сгибла надежда!» взывают...

И хоронивши вождя своего,
Близко къ его головою
Шлемъ привязан перчатый его
Летюй, забрызганной кровью.
Тамъ злопозудная плачетъ одна
Въ темно-зеленой дубравѣ,
Плачетъ и стонетъ — до гроба вѣрна
Вѣрною милой и славы.

Сии, юный рыцарь, подь сѣбною дресвѣ!
Пусть надь могилой твоею
Мѣсяць призрачно свѣтитъ съ небесъ!
Прочіе жь воины, ею
Пусть вдохновляясь къ отважной борьбѣ,
Мчатся въ нмѣ битвы кровавой
И со врагами, подобно тебѣ,
Бьются и гибнуть со славою!

В. Бенедиктовъ.

К. БРОДЗИНСКІЙ.

Казиміръ Бродзинскій родился 24-го февраля (8-го марта) 1791 года въ Кролевицѣ, близъ Бохни, въ Галиціи. Сынъ бѣднаго шляхтича, онъ довольно натерпѣлся въ молодости отъ злой матери, которая его ненавидѣла, и отъ сельскаго учителя, который его больше билъ, чѣмъ училъ. Запуганный и впечатлительный мальчикъ бѣгалъ изъ дому къ крестьянамъ, которые не разъ его отогрѣвали и кормили, и съ бытомъ которыхъ онъ сроднился съ малолѣтства. Окончивъ курсъ въ тарновскомъ вѣмодскомъ училищѣ, осмнадцатилѣтній Бродзинскій вступилъ, въ 1809 году, въ ряды польскаго войска; затѣмъ, въ 1812 году, въ чинѣ поручика, участвовалъ въ походѣ Наполеона въ Москву, испытывая всѣ ужасы бѣгства великой арміи изъ Россіи, а въ 1813 году, въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, былъ взятъ въ плѣнъ пруссаками, которые отпустили его на честное слово. Этимъ и окончился его военная дѣятельность. Въ 1814 году онъ поселился въ Краковѣ, въ 1818 — переехалъ въ Варшаву, а въ 1822 — получилъ кафедру польской литературы въ Александровскомъ Варшавскомъ университетѣ и издавалъ два томка своихъ стихотвореній. Спусти

году, Бродзинскій написалъ лучшее свое произведение: «Всеславъ, краковская идиллія», сюжетъ которой взять имъ изъ воспоминаній молодости и представляетъ картину деревенской свадьбы по обычаю краковскихъ крестьянъ. Въ 1820 году Бродзинскій ѣздилъ, для поправки разстроеннаго здоровья, за границу, причѣмъ побывалъ въ Италіи, Швейцаріи и Парижѣ. По закритіи, въ 1822 году, Варшавскаго университета, онъ, съ растерзаннымъ сердцемъ и удрученный болѣзною, снова отправился за границу, на чешскія минеральныя воды; затѣмъ поселился въ Дрезденѣ, гдѣ и умеръ 10-го октября 1835 года. Его соотечественники поставили скромный мраморный памятникъ на его могилѣ, на Фридрихсбургскомъ кладбищѣ. «Полное собраніе сочиненій К. Бродзинскаго» издано въ 1842—44 годамъ въ Вильнѣ, въ 10 томахъ. Кромѣ оригинальныхъ его сочиненій, здѣсь помѣщены и его переводы «Краледворской Рукописи», «Дѣянъ Орлеанской» Шиллера, «Вертера» Гете и другіе.

ЗАСЛАВЪ.

Птичка пѣсно лишь заплѣла —
Гривнулъ выстрѣлъ: смертвѣла
И упала; пышный куестъ

Безъ нея сталъ нѣмъ и нусть;
Тщетны всѣ ея усилія:
На-всегда поникли крылья.

Молода и такъ мила —
Вкругъ дѣвица умерла:
Въ мѣрѣ нездѣшній, съ красотомъ,
Съ чудной сердца добротою,
Въ день одинъ, въ единый часъ
Легкой тѣнью вознеслась.

Не смягчишь судьбѣ устаетъ:
Жребій бѣднаго Заслава —
Вѣчно слезы проливать,
Безотрадно изнмать.
Въ ночь надъ тихомъ могилой
Сашенькѣ стоить его унылый:

«Не видать ужь мнѣ тебя!
Безъ тебя, несчастный, я
Не папалчусь въ лютомъ горѣ,
Тѣнь возлюбленная! Векорѣ
Ключъ извѣннетъ слезъ моихъ:
Оскудѣвъ источникъ ихъ.

А. МАЛЬЧЕВСКІЙ.

«Здѣсь, лихась на-вѣки милой,
Взятой хладною могилой,
Я скитаюсь ночь и день —
И живая ходитъ тѣнь
За моею мѣрвой тѣнью,
Присужденною къ томленью.

«Съ недоступной высоты
На меня взиралъ ты
Изъ селеній свѣтлыхъ рая,
Изъ безоблачнаго края:
Въ мѣрѣ твоей, смертью ставъ летучъ,
Я прорвусъ сквозозъ область тучъ.

«Смерть! иди же — прямо, смѣло!
Преврати ты это тѣно!
Въ прахъ преврѣнный! дай копечію!
Почопительный отецъ,
Мнѣ открый земли утробу,
Да вѣдѣть меня ко гробу!

«И при тѣнни гробовомъ
Вольный духъ, взмахнувъ крыломъ,
Да влѣтѣтъ въ горниль безднамъ,
И угонетъ въ морѣ звѣздномъ,
Гдѣ съ возлюбленною онъ
Будетъ вѣчно ссѣдинѣнъ!»

Глядь! вверху, въ зѣврѣ чистомъ,
Блещетъ поамомъ лучистымъ,
Вышея прелести волна,
Неизгладимая — она,
И састаетъ въ лѣсъ, свѣтлѣя,
А въ рукѣ у ней лилѣя.

Стеблемъ бѣлаго цвѣтка
Къ груди милого слезка
Прикоснулась: «все земное
Брось!» — сказала — «и за мною
На бравенство улетай
Въ тотъ высочій, свѣтлый край!»

И мгновенно прахомъ стало
Это тѣло, гдѣ витало
Столько свѣтлаго въ тѣни,
И, какъ ангелъ, они,
Пыль страхнущъ съ себя земную,
Пометѣли въ высь родную.

В. Бенедиктовъ.

Антонъ Мальчевскій, сынъ польскаго генерала и польскій поэтъ, родился въ 1792 году въ городѣ Дубнѣ, на Волыни, гдѣ получилъ блестящее аристократическое воспитаніе во французскомъ духѣ въ домѣ родителей. Побывавъ нѣкоторое время въ Кременецкомъ лицѣѣ, онъ вступилъ въ 1811 году въ польскую службу охотникомъ, въ которой прослужилъ до 1815 года; потомъ пять лѣтъ пространствовалъ за границу; прожилъ все свое состояніе, наслаждаясь всѣми благами свѣтской и роскошной жизни, причѣмъ познакомился съ лучшими представителями западно-европейскаго общества, съ литераторами, учеными и артистами. Первый и раздражительный, онъ болѣзненно страдалъ отъ всякой неудачи, отъ каждаго неудовлетвореннаго желанія. Близкое знакомство съ Байрономъ, съ которымъ онъ сопоса въ Венеціи, только усилило въ немъ эту наклонность къ постояннымъ сѣтованіямъ на судьбу. Говорятъ, что разсказъ Мальчевскаго о Мазенѣ вдохновилъ Байрона и послужилъ ему темомъ для поэмы. Съ кругой стороны Мальчевскій поддался вліянію неукротимой натуры пѣвца «Чайльдъ-Гарольда» — и сдѣлался его подражателемъ въ поэзіи. Если у Байрона разочарованіе жизнью выражалось ненавистью и презрѣніемъ къ людямъ и осмѣяніемъ всего святаго для человѣка, то у Мальчевскаго то же пренебреженіе жизнью выражалось въ сѣдѣющей его тоствѣ. «Я много ѣлъ горькихъ, отравленныхъ яствъ», говоритъ польскій поэтъ: «на моихъ уячнемъ лицѣ зажигалась бѣдность, потому-что изъ моей одичалой души искоренена радость».

Мальчевскій принадлежитъ къ небольшому кружку польско-украинскихъ поэтовъ, которые, почти въ одно время и безъ всякаго между собою согласія, стали воспѣвать необозримую ширь южно-русскаго степей, подвиги ихъ обитателей — украинскыхъ козаковъ, ихъ борьбу съ польскимъ шляхетствомъ, и вдохновляться чудными мотивами пѣсенъ малорускаго народа, его побѣрами и обчачами. Мальчевскій, какъ поэтъ, былъ вовсе не извѣстенъ при жизни, и единственное его произведение, небольшая поэма «Марія», напечатанная въ 1826 году въ Варшавѣ, не имѣла ни малѣйшаго успѣха и даже не окупилась издержекъ изданія, и только много лѣтъ спустя, когда авторъ давно лежалъ въ могилѣ, сдѣлалась самымъ популярнымъ поэтическимъ

произведениемъ въ Польшѣ. Мальчевскій умеръ въ 1826 году.

ИЗЪ ПОЭМЫ «МАРІЯ».

Скажи мнѣ, куда ты, козакъ черновои,
Куда ты несёшься по степи широкой?
Томимый тоскою, обитый природой,
Вить-можетъ, ты хочешь унитъ свободой?
Иль, степи родимой всё вѣдая тайны,
Ты хочешь помѣриться съ вѣтромъ Украйны?
Иль милая ждѣть средь желтѣющей нивы —
И къ ней ты стремишься веселый, счастливый?
Ты взглядомъ оранимымъ окрестность окинуаъ —
И бросилъ поводья, и шапку надвинуаъ...
Какъ облако, ниль за собой подимаа,
Поешь ты про славу родимаго края...
Твой конь черногривный хозина знаетъ:
Онѣ вѣтеръ могучий въ степи обгоняетъ...
Бѣги, черноморскій, съ тѣлѣго скринуаъ —
Снѣгъ степи наградитъ громкою тучей
И соль твою вихремъ размѣчетъ по полю:
Онѣ полонъ отваги и любить лишь волю.
О, ласточка! быстро ты въ небѣ летаешь,
Ты многое вѣдшаа, многое знаешь!
Вить-можетъ, ты хочешь, кружаась и летая,
Ему что повѣдаа? Сидиши, дорога,
Съ нимъ тайной завѣтной своей подѣлаться:
Ты круга не кончиши — козакъ ужъ промчится.

П. Козловъ.

И. ХОДЗЬКО.

Игнацій Ходзько родился въ 1795 году. Первоначальное воспитаніе получил онъ у бабаіааъ, откуда поступилъ, въ 1811 году, въ Виленскій университетъ на философскій факультетъ. Здѣсь дружба съ нѣкоторыми польскими литераторами и покровительство роднаго дяди, Яна Ходзько, побудили его вступить на литературное поприще. Онъ былъ судьбою въ Виленскомъ уѣздѣ, а потомъ инспекторомъ тамошнихъ училищъ.

Ходзько извѣстенъ въ польской литературѣ какъ хорошій поэтъ, а еще болѣе, какъ авторъ прелестныхъ «Литовскихъ Картиць» — цѣлаго ряда рассказовъ и повѣстей, взятыхъ изъ свѣдѣній преданій и изъ собственныхъ воспоминаній рассказчика. Лучшіе изъ этихъ рассказовъ: «До-

микъ моего дѣда», «Верега Виланъ», «Юбилей», «Авторъ сватовъ», «Домъ на Антоколѣ» и «Два рассказа изъ прошлаго». Рассказы эти, раздѣленные на двѣ части и пять серий, были отпечатаны въ Вильнѣ въ 1852—1857 годахъ. Ходзько умеръ въ Вильнѣ въ 1861 году.

1.

МОЛОДЕЦЪ.

Съ конца въ конецъ мой конь гоняаъ
Обрисовалъ свѣтъ:
Гдѣ я леталъ, мой врагъ пропалъ —
И слѣду нѣтъ...

Въ Литвѣ, въ Русь людей спроси,
Кто вѣдалъ бой:
Чей рогъ звучитъ, чей конь бѣжитъ
Вотъ такъ, какъ мой?

Монхъ коровъ среди луговъ
Возмаа трава;
На нивѣ розъ волантъ слыаа;
Хмѣль — деревья.

Да и въ дому найдѣмъ кому
Припрятать сотъ:
Мои красна — что день ясна —
Красота тѣбѣ.

Взялъ на лету я пташку гу
Съ чужихъ полей:
«Вотъ лѣтка — мой; протиснъ съ родной,
Да слѣтъ не лей!

«Протиснъ съ отномъ: за молодомъ
Въ дѣса — дублякъ!
Литвина знай — не знай! — ласкай:
У насъ вѣдъ такъ!»

Л. Мвй.

и.

ПѢСНЯ.

Если хочешь видѣть лѣто,
На себя взгляни, мой ангелъ:
Взоръ твой блещетъ ярче солнца,
Всвѣтъ розою даханье,
Очи сблѣтятся лазурью.

Если жъ хочешь видѣть осень,
Загляни ко мнѣ на сердце:
Въ немъ порывы — вихри бури,
Стегъ заложная — надежды,
Мысли — тучи дождевыя.

О, пусть только бѣ взглядъ твой вѣжливый
Мнѣ блеснулъ лучшимъ надежды —
Бурный вихрь повѣетъ розой,
Стегъ покроется цвѣтами,
Мысль заблещетъ яркимъ солнцемъ.

Если жъ я напрасно буду
На призывъ показъ отвѣта —
Мракъ надѣтъ ко мнѣ на очи,
Въ сердцѣ холодъ разольется,
Улетитъ душа во вздохааъ...

С. Дугровъ.

А. МИЦКЕВИЧЪ.

Адамъ Мицкевичъ, величайшій изъ польскихъ поэтовъ, родился наканунѣ Рождества 1798 года, въ старинной столицѣ Миндовга Новогрудкѣ, Минской губернии. Родители его принадлежали къ числу небогатыхъ мелкихъ помещиковъ и жили въ стѣсненномъ положеніи, обремененные довольно значительнымъ семействомъ. Отецъ его былъ адвокатъ. Первоначальное воспитаніе Мицкевичъ получилъ въ доминиканскомъ училищѣ въ Новогрудкѣ, откуда перешолъ въ Минскую гимназію и, наконецъ, въ 1815 году, въ Виленскій университетъ, гдѣ слушалъ Лелевеля, познакомился съ вѣдомкою критикомъ въ примѣненіи къ классической филологіи, много читалъ и даже попробовалъ писать, находя горячее сочувствіе и поддержку въ кружкѣ своихъ университетскихъ товарищей. Первые опыты молодого поэта не обнѣщали ничего особеннаго. По окончаніи университетскаго курса, Мицкевичъ сначала хотѣлъ было посвятить себя изученію химіи, но потомъ увлекся литературой и опредѣленъ учителемъ латинскаго и польскаго языковъ въ уѣздное училище въ Ковнѣ. Первое время въ Ковнѣ онъ жилъ уединенно, мрачнымъ неодолимомъ, но потомъ снова принялся за перо и написалъ двѣ первыя большыя свои поэмъ: «Поминки» и «Гражина», которыя издалъ въ свѣтъ, вмѣстѣ съ мелкими своими стихотвореніями, въ 1822 и 1823

годахъ, въ двухъ небольшихъ томкахъ. Эти два томика упрочили славу Мицкевича и поставили его въ иѣннн общества на ряду съ первыми польскими поэтами. Правда, въ его стихахъ было замѣтно влияние романтизма Гѣте и Байрона, но и свовъ этотъ чужеземный туманъ ярко проглядывала оригинальность славянскаго поэта. Въ 1823 году онъ оставилъ Ковно и окончательно поселился въ Вильнѣ. Здѣсь, окруженный любовью и довѣріемъ своихъ старшихъ товарищей и всѣхъ знавшихъ его, поэтъ охотно импровизировалъ на шумныхъ сборищахъ, при звукѣ музыки, за бокаломъ пампанскаго. Это была самая счастливая пора его жизни. Ее прервало событие, которое сильно потрясло его, дало новый строй его чувствамъ, и его мыслямъ новое направленіе, которому онъ остался вѣренъ до конца жизни. За участіе въ одномъ изъ виленскихъ тайныхъ обществъ, онъ былъ арестованъ въ ноябрѣ 1823 года и высланъ въ Петербургъ, гдѣ прожилъ одиннадцать мѣсяцевъ. Затѣмъ, Мицкевичъ былъ отправленъ, по собственному желанію, въ Одессу, для опредѣленія профессоромъ въ Ришельевскій лицей, но этотъ прозекъ не осуществился, но неимѣнію вакантныхъ каедръ. Онъ пробылъ безъ всякихъ занятій девять мѣсяцевъ въ Одессѣ, побывалъ въ Крыму, оттуда вывезъ впечатлѣнія для своихъ «Крымскихъ Сонетовъ» и «Фариса». Изъ Одессы онъ былъ переведенъ въ концѣ 1825 года въ Москву, гдѣ и зачисленъ на службу въ канцелярію военнаго генералъ-губернатора. Въ 1828 году Мицкевичъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ подружился съ Пушкинымъ и нѣмоль самымъ радужный пріемъ въ аристократическихъ салонахъ и у поляковъ, осыдааъ въ столицѣ. Здѣсь онъ познакомился съ семействомъ знаменитой pianистки Маріи Шизановской, на дочери которой, Свѣтлѣ, въ то время малюткѣ, онъ и женился наднадавать лѣтъ спустя. Здѣсь же напечаталъ онъ свою знаменитую поему «Конрадъ Валленродъ», написанную имъ во время странствованія по Россіи. Основная мысль поэмъ не могла остаться тайною для многихъ и потому дальнѣйшее пребываніе въ Петербургѣ сдѣлалось для поэта не совѣмъ удобнымъ и даже не довимымъ. Онъ добылъ себѣ, при помощи друзей, заграничный паспортъ и 26-го іюня 1829 года отплылъ изъ Кронштадта, чтобы никогда уже не возвратиться въ Россію.

Въ Германіи онъ посѣтилъ Гете, потомъ, черезъ Швейцарію и Альпы, пробрлся въ Італію—

въ Римѣ, гдѣ вдохновлялся и восторгался памятниками прошедшаго, прислушивался чуткимъ ухомъ въ польскому движению 1831 года. Передъ самымъ концомъ польскаго возстанія, Мицкевичъ внезапно оставилъ Римъ и отправился въ Польшу; но, не дождавъ границы, узнавъ, что борьба окончилась, удалился въ Дрезденъ, гдѣ написалъ третью часть «Поминюкъ», отличающуюся энергіею, мистическимъ и странными идеями, отвергаемыми разумомъ. Онъ описываетъ сцену своего заключенія въ Петропавловской крѣпости, потомъ — ни съ того, ни съ сего — помѣщаетъ какія-то странныя заклинанія и волхованія, не представляющія даже ничего поэтическаго. Жоржъ Завьдъ почему-то ставитъ названную поэму выше «Фауста» и «Манфреда», тогда какъ она не только не можетъ идти въ сравненіе съ этими образцовыми произведеніями двухъ величайшихъ поэтовъ Германіи и Англіи, но даже гораздо ниже «Конрада Валленрода». Въ третьей части «Поминюкъ» Мицкевичъ даже перестаетъ быть католикомъ: передъ нимъ носится образъ библейскаго личнаго Бога, оруженнаго мірадами беззланныхъ духовъ, и протестъ его противъ сущаго во имя чувства, оскорбляемаго слезами и кровью, несправедливостію и страданіями миллионнъ людей, доходитъ до богохульства. Въ 1832 году Мицкевичъ написалъ и издалъ въ Авиньонѣ «Книгу польскаго шлигримства», родъ эмигрантскаго евангелія. Въ этомъ крайне-слабомъ произведеніи онъ даже отказывается отъ самой поэзіи и начинаетъ проповѣдывать своимъ соотечественникамъ библейскою и народною прозою о назначеніи Польши въ будущемъ. Другимъ Мицкевича сталъ безпокоиться, видя его мистическое настроеніе; даже сами католики не одобряли его «Шлигримовъ».

Еще во время своего пребыванія въ Римѣ, въ 1831 году, Мицкевичъ омолодъ съ извѣстными польскимъ писателямъ, графомъ Генрихомъ Жевуцкимъ, который по своимъ фамильнымъ связямъ и по своей обширной памяти служилъ, такъ сказать, живую лѣтописи лицъ и событій старой Польши, которымъ онъ описывалъ и рассказывалъ съ поразительнымъ талантомъ. Сближеніе обоихъ этихъ писателей подѣйствовало плодотворно на каждого изъ нихъ. Жевуцкій, по союзу Мицкевича, взялся за перо и написалъ свои «Записки Солдича», въ которыхъ прошедшее представилось Мицкевичу съ новой стороны: онъ убѣдился, что для исторической поэмы не зачѣмъ

браться въ старо-литовскіе хроникахъ, что достаточно посмотреть сквозь призму дѣтъ издалека на свои собственныя юношескія воспоминанія, взять за основу шляхетское прошлое, слышномъ презираемое и олеветанное за-то именно, за что бы его слѣдовало хвалить, а не порицать — однимъ словомъ, снѣтъ съ этого прошедшаго заслоняющую его кору буржуазныхъ воззрѣній, наслонившихся въ восемнадцатомъ столѣтіи. Подъ влияніемъ этой мысли, Мицкевичъ написалъ лучшее свое поэтическое произведеніе, своей знаменитый эпосъ въ двѣнадцать книгъ «Панъ Тадеушъ», изображающій жизнь и бытъ литовскихъ губерній до войны 1812 года. Мицкевичъ началъ свою поэму въ Познани, которую онъ посетилъ осенью 1831 года, а окончилъ въ 1834 въ Парижѣ, гдѣ онъ поселился за годъ передъ тѣмъ.

Удаленіе изъ отечества оказало свое обычное дурное вліяніе на творчество поэта, лишивъ его освѣжающей наблюдательности за пережитыми, происходящими въ средѣ общества на родной почвѣ. Къ тоскѣ по родиѣ присоединились еще семейныя хлопоты. Слыша похвалы дѣвцѣ Селинѣ Шпмановской, которую онъ оставилъ ребенкомъ въ Петербургѣ, Мицкевичъ протворился передъ друзьями, что онъ охотно бы на ней женился. Другія устроили дѣло: визвали Санину въ Парижъ и въ августѣ 1835 года отпраздновали свадьбу; за свадьбою пошла дѣти, заботы о насущномъ хлѣбѣ. Въ 1839 году Лозанская академія предложила Мицкевичу каведру латинской словесности. Курсъ его имѣлъ большой успѣхъ. Въ это время министръ народнаго просвѣщенія во Франціи, Кузентъ, задумалъ учредить въ Collège de France каведру славянскихъ литературъ и предложилъ ее Мицкевичу. Поэтъ принялъ предложеніе министра — и курсъ открылся въ 1840 году. Исторія этого курса есть вѣсѣтъ съ тѣмъ и исторія умственного паденія Мицкевича. Здѣсь-то развились и созрѣли въ немъ тѣ задатки мистичизма, которые существовали въ немъ всегда и коренились въ особенностяхъ его психической организаціи. Къ довершенію несчастья, около этого времени появился въ Парижѣ нѣкто Товянскій, странная личность: полушарлатанъ, мистикъ съ религіознымъ ученіемъ, которое во многомъ отклонялось отъ преданій католической церкви. Славянскіе курсы приняли странное направленіе. Сдѣлавшись ревностнымъ посѣдателемъ ученія Товянскаго, Мицкевичъ изъ про-

фессора превратился въ проповѣдника и прорицателя, изъ каведры сдѣлавъ орудіе религіозной пропаганды, сталъ предсказывать скорое пришествіе Мессіи, предтечею котораго, по его мнѣнію, былъ Наполеонъ I. Французское правительство нашлось вынужденнымъ закрыть курсы славянскихъ литературъ, естественнымъ слѣдствіемъ чего была потеря Мицкевичемъ каведры въ Collège de France. Въ 1848 году Мицкевичъ отправился въ Италію, гдѣ Пій IX принялъ его очень ласково; затѣмъ, онъ вернулся въ Парижъ и получилъ мѣсто помощника бібліотекаря въ арсеналѣ. Съ восторженіемъ Наполеона III на французскій престолъ, въ Мицкевичѣ ожилъ всѣ давнишніи надежды, которые онъ возлагалъ на Францію, печальнымъ доказательствомъ чего служилъ жалкая ода поэта въ честь этого государя, и поѣздка его въ Константинополь съ порученіемъ отъ французскаго правительства содѣйствовать образованію польскихъ легіоновъ въ Турціи. Труды переѣзда и всякаго рода лишенія разстроили здоровье Мицкевича, и онъ умеръ вскорѣ по прибутіи въ Константинополь, 28-го ноября 1855 года, на пятьдесятъ седьмомъ году. Тѣло его было перенесено обратно во Францію и похоронено въ Монмورانсѣ, близъ Парижа.

I.

ВОВОДА.

Поздно ночью изъ похода
Воротился воевода.
Онъ слагамъ велитъ мочать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ —
Дернулъ подогрѣвъ въ самомъ дѣлѣ —
Ничего! дуста кровать.

И — мрачнѣе черной ночи —
Онъ потупилъ грани очи,
Сталъ крутить свой сильный усъ;
Рукава назадъ закинулъ,
Висель вонъ, замокъ задриннулъ:
«Гей, ты, клиннуль, чортовъ куслъ!

«А затѣмъ вѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я васъ, хамы!.. Дай ружьё;
Приготовь мѣшокъ, верёвку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. Я жъ оё!»

Панъ и хлопцетъ подъ заборомъ
Тихимъ прудомъ дозоромъ,
Входить въ садъ и — сквозь вѣтвей —
На скамейкѣ у фонтана
Въ блѣмъ платѣть, видѣть, панна —
И мужина передъ ней.

Говоритъ онъ: «всѣ пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Вѣдой груди воздуханье,
Нижной ручки пожиманье —
Воевода всѣ купилъ.

«Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отерзался.
Не искалъ отъ, не страдалъ онъ,
Серебрямъ лишь побрякалъ онъ —
И ему ты отдался.

«Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панни видѣть очи,
Ружу вѣжую помажь,
Пожелать для повоселія
Много лѣтъ ей и веселія
И потомъ на-вѣкъ бѣгать.»

Панна плачетъ и тоскуетъ;
Онъ козья ей палуетъ;
А сквозь вѣтви тѣ глядитъ —
Ружья на земь опустилъ,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступилъ осторожно.
«Панъ мой, цѣлать мнѣ не можно»,
Вѣдний хлопцетъ прошепталъ:
«Вѣтеръ что ли, плачутъ очи,
Дрожъ берѣтъ; въ рукахъ вѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.»

«Тихе ты, галдуचे племя!
Вудень плакать, дай мнѣ время!
Снѣтъ на полку... Наводи...
Цѣль ей въ лобъ, дѣвѣ... нима.
Съ паномъ справляюсь самъ. Потихе —
Прежде я; ты погоди.»

Встрѣялъ по саду раздался.
Хлопецъ панна не дождался;

Воевода закричал,
Воевода пошатнулся...
Хлопец видно промахнулся:
Прямо в лобь ему понал.

А. Пушкинъ.

II.

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Три у Будрысы сына, какъ и онъ, три литвина.
Онъ пришло толковать съ молодцами.
«Дѣти, сѣда чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердишами.

«Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замшлены въ Вильнѣ боги!
Пазъ идѣть на полковъ, а Ольгердъ на прусаковъ,
А на русскихъ — Кестуть-воевода.

«Люди вы молодые, силачи удаме —
(Да хранятъ васъ литовскіе боги!)
Ниче самъ я не ѣду, васъ я шлю на поблду:
Трое васъ — вотъ и три намъ дороги.

«Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживитъ отъ русскихъ добычей.
Жоны ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ
нариадахъ;
Домы новы; богатъ ихъ обычай.

«А другой отъ прусаковъ, отъ проклятыхъ кря-
жаковъ,
Можетъ много достать дорогого;
Денегъ съ сѣлаго свѣта, сукновъ яркаго дѣвта,
Литарю — что песку тамъ морского.

«Третій съ Пазомъ на ляка пусть ударитъ безъ
страха:
Въ Польшѣ мало богатства и баску;
Сабель взять тамъ не худо; но ужъ вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невестку.

«Нѣтъ на свѣтѣ дарицы краше польской дѣвицы:
Весела — что котѣнокъ у пещки,
И какъ роза румяна, а бѣла — что сметана;
Они свѣтятся будто днѣ свѣчани.

«Вилья, дѣти, молодежь, въ Польшу съѣздили я тоже,
И оттуда привезъ себя жонку;

Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про неѣ, какъ глажу въ ту сторону.»

Сыновья съ нимъ простались и въ дорогу пустились.
Ждѣть-пождѣть ихъ старикъ доминтій —
Дни за днями проводить: ни одинъ не приходитъ.
Будрысъ думать: «ужъ видно убиты!»

Снѣтъ на землю валится, снѣтъ дорогою мчится,
И подъ буркою нома большаа.
«Чѣмъ тебя надѣлили? что тамъ? Ге — не рубли
ли?»

— «Нѣтъ, отецъ мой, полачка младаа.»

Снѣтъ пунистий валится, всадникъ съ пошею
мчится,

Черной буркой еѣ покрываа.

«Что подъ буркой тако? Не суико ли цѣбное?»
— «Нѣтъ, отецъ мой, полачка младаа.»

Снѣтъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой еѣ прикрывааетъ.

Старый Будрысъ хлопочетъ, и спроситъ ужъ не
хочетъ,
А гостей на три свадьбы сывааетъ.

А. Пушкинъ.

III.

СВИТЕЗЯНКА.

Ктѣ зотѣтъ мѣлодецъ статный, красивый?
Чтѣ за дѣвица съ нимъ, красивымъ?
Вдоль по прибрежью Свитези бурливой
Идутъ при мѣсяцѣ ясномъ.

Оба малины набрали въ кошницы,
Вьютъ по вѣнку себѣ оба:
Знать, онъ — желанный красотка-дѣвица,
Знать, она парня зазноба.

Каждую полночь въ тѣни осокори
Онъ ее здѣсь поджидаетъ:
Мѣлодецъ — ловчій въ соседственномъ борѣ,
Дѣвица... кто ее знаетъ!

Богъ вѣсть — когда и откуда приходитъ,
Богъ вѣсть — куда исчезаетъ!
Мокрой былинкой надъ озеромъ входить,
Искрой ночной пропадаетъ.

— «Позно таняться со мной, дорога!
Вымолви слово, для Бога:
Гдѣ твоя хата и семья родная,
Какъ къ тебѣ путь и дорога?»

«Минуло лѣто, листочки валится;
Холодно въ полѣ просторномъ...
Али всегда мнѣ тебя дожидаться
Здѣсь на прибрежьи озѣрномъ?»

«Али всегда ты, какъ тѣнь гробовая,
Бродишь полночной порою?
Лучше ко мнѣ приходи, дорогая,
Лучше останься со мною!»

«Вотъ и избѣнка моя не далечко,
Видишь — гдѣ въ цацѣ лощина...
Будетъ у насъ съ тобой лавка и печка,
Будетъ и хлѣбъ, и дичина.»

— «Парнямъ не вѣрю я, чтобы ни пѣли,
Знаю я ихъ ихъ уловки:
Въ голосѣ ихъ — соловьиный трели,
Въ сердцѣ ихъ — лисья сваровки.

«Ты насмѣшься потомъ надо мною,
Кинешь меня и загубишь.
Я тебѣ тайну, покажу, открою,
Только... ты вправду ли любишь?»

Мѣлодецъ клялся у ногъ своей милой,
Землю сирую бралъ въ руку;
Бралъ, заклиная тѣмною силой,
На душу вѣчную муку.

— «Будь же ты вѣренъ въ священномъ обѣтѣ:
Если кто клятву забудетъ —
Горѣ ему и на нѣшнемъ свѣтѣ,
Горѣ и тамъ ему будетъ!»

Молвила строгое слово дѣвица,
Молвивъ, вѣнокъ надѣваетъ,
Парню махнула рукой — и, какъ птица,
Въ тѣмныхъ кустахъ исчезаетъ.

Слѣдомъ за ней, по кустамъ и по почкамъ,
Гонится довчій — задаромъ!
Сгнбла, умчалась изъ глазъ вѣтерочкомъ,
Тонкимъ разсѣлась паромъ.

Вотъ онъ остался одинъ надъ водою...
Нѣтъ ни сѣда, ни тропинки;
Тихо кругомъ него, лишь подъ ногою
Кой-гдѣ хрустятъ хворостинки.

Онъ надъ стремниной идѣтъ горюливо,
Робко поводитъ очами...
Вихоръ пронесся дубравой сполоной;
Озеро вздулось волнами —

Вздулось, вскипѣло до дна котловни...
Вльва, или грѣса почла?
Тамъ, надъ Свитезью, изъ тѣмной пучины
Всплываа краса молодая.

Личико чище лилеи прибрежной,
Вспрыснутой свѣжей росой;
Лѣгкому тканью стала бѣлоснѣжной
Обвить, какъ лѣгкою мглою.

— «Парень пригожій мой, парень красивый!
Молвила дѣвица страстно:
«Кто ты? зачѣмъ надъ Свитезью бурливой
Бродишь порою ненастной?»

«Полно жалѣть тебѣ птички отлѣтной,
Глухой и вѣтренной дѣвки:
Ты по ней сохнешь, а ей, перемѣной,
Только смѣши на здѣвни.»

«Полно вздыхать тебѣ, полно томиться,
Ничѣниться съ душой печальной:
Бросься къ намъ въ волны, и будемъ кружиться
Вмѣстѣ по змби хрустальной.»

«Хочетъ, мой милай — и ласточкой шибкой
Будешь надъ озеромъ мчаться,
Али здоровой, веселою рыбой
Цѣлный день въ струйкахъ плескаться.

«На ночь, на ложе волны серебристой
Ландышей ми лабросаемъ,
Сладко задремлемъ подъ снѣжною струстой,
Динили грѣзы узнаемъ.»

Смолкнула. Вѣтеръ покровъ ей колышетъ,
Млеяную грудь открываа...
Парень, хотъ смотритъ не смотритъ, а слышитъ —
Близко краса молодая:

То надъ водою въ кругахъ прихотливыхъ
Мнится, воды не касаясь,
То заиграетъ въ волнахъ говорливыхъ,
Жемчужою брызгъ осеняясь.

Ловчій смутился душой, подбѣгаетъ
Къ самому краю стремнины,
Хочетъ спрыгнуть — и назадъ отступать:
Милы, но страшны пучины.

Вдругъ къ нему въ ноги волна подкатилась,
Пшететь, ласкается, манитъ...
Сердце въ нёмъ замерло, кровь расходилась —
Память и мысли туманитъ.

И позабылъ онъ про прежнюю любовь,
Клятвою прервѣлъ святою:
Кинулся въ волны на вѣрную сгубу
Слѣдомъ за новой красою.

Вотъ надъ волнами несётся онъ смѣло,
Смѣло очами поводитъ...
Береть изъ глазъ у него то и дѣло
Дальше и дальше уходитъ.

Ловчій къ дѣвицѣ плывётъ что есть мочи,
Дѣлалъ и обвивалъ руками,
Смотрится ей въ ненаглядныя очи,
Линѣтъ къ ея губамъ устами.

Въ этотъ мигъ мѣсяцъ надъ тучею черной
Вспыхнулъ сквозъ темель ночную:
Ловчій взглянулъ и въ красотѣ озёрной
Призналъ подругу дѣсную.

— «Такъ-то ты вѣрешь въ священномъ обитѣ?
Если кто клятву забудетъ —
Горе ему и на плывишемъ ситѣ,
Горе и тамъ ему будетъ!»

«Нѣтъ, не тебѣ надъ холодной струёю
Рыбкой весёлой плескаться:
Тѣло твоё распадётся землёю,
Очи нескромъ засорятся.»

«А за измѣну душа проклятая
Вѣчно при той осокори
Будетъ томиться, въ тоскѣ изнывая...
Горе измѣннику, горе!»

Слушаетъ ловчій, слышитъ торопливо,
Робко поводитъ очами...
Вихоръ пронёсся дубравой сонаиво;
Озеро вздулось волнами —

Вздуюсь, вскинуло до два котловини,
Пѣнятся, плещетъ и стонетъ...
Вотъ разступились сѣдыя пучины:
Дѣвица съ молодцомъ тонетъ.

Волны доселѣ вздымаются въ пѣнѣ;
Ночью, при мѣсяцѣ ясномъ,
Бродятъ доселѣ дѣи бѣдныя тѣни —
Дѣвица съ молодцомъ краснымъ.

Молодецъ стонетъ въ тѣни осокори,
Дѣвица въ плещѣ играетъ...
Молодецъ ловчимъ когда-то былъ въ борѣ,
Дѣвица... кто ее знаетъ!

Л. Мвй.

IV.

РЕНЕГАТЪ.

О томъ, что недавно случилось въ Иравѣ,
Повѣдаю я передъ всѣми:
Сидѣлъ на цѣлѣномъ камемирскомъ диванѣ
Паша трехбунчужный въ гаремѣ.

Гречани, лезгинки поютъ и играютъ,
Подъ пѣни ихъ плещутъ киринки:
Здѣсь небо, тамъ тѣни Элиса мелькають
Въ обѣтныхъ глазахъ одалеки.

Паша ихъ не видитъ, паша ихъ не слышитъ;
Надвинувъ чалму, недвижимо
И молча онъ куритъ — и вѣтеръ колышетъ
Вокругъ его облако дыма.

Вдругъ шумъ до порога блаженства доходить —
Рабы разступились толпою:
Кызляръ-ага новую плѣнницу вводитъ
И молитъ, склонясь предъ пашою:

«Эффенди! твои свѣтотарны очи
Горятъ межъ звѣздами дивана,
Какъ въ яркихъ алмазахъ, на ризахъ полночи,
Самъ пламенникъ Альдеборана.»

2.

МОРСКАЯ ТИШЬ.

По флагамъ вѣтерокъ, скользя една, играетъ;
Какъ перси нѣжныя, вздымается волна:
Такъ обручѣнная, счастливыхъ грѣвъ полна,
Пронесѣта, чуть вздохнётъ и снова засыпаетъ.

Подобно знаменамъ, гдѣ брани шумъ затихъ,
Повисли паруса на мачтѣ обмякнутой;
Колыхнется корабль, какъ цѣпью пригвожденный;
Матросъ вздохнуть легко: настала веселья мигъ!

О, море! есть среди живыхъ твоихъ созданий
Чудовище, что спитъ подъ стоны буръ на дѣи
И грозно рамена подымлетъ въ тишинѣ.

О, мысль! въ тебѣ живётъ змѣя воспоминаній,
Что спитъ въ дни грозныхъ бѣдъ, тревожныхъ
ожиданій,
А въ дни покоя въ грудь вонзаетъ когти мнѣ.

Н. С — вѣ.

V.

КРЫМСКИЕ СОНЕТЫ.

4.

АКЕРМАНСКИЯ СТѢНЫ.

Въ просторъ зелѣнаго вилываю океана;
Телега, какъ ладыя въ разливъ свѣтлыхъ водъ,
Въ волнахъ шумящихъ травъ, среди цвѣтѣвъ плывётъ,
Минуетъ острова волочаго бурьяна.

Темнѣтъ; впереди — ни знака, ни кургана.
Ввѣряясь лишь звѣздамъ, я двигаюсь впередъ...
Но что тамъ? облако ль? денницы ли восходъ?
Тамъ Днѣстръ; блеснулъ маякъ, лампада Акермана.

Стой!... Боже, журавлей на небѣ слышенъ лѣтъ,
А ихъ — и сокола бѣ не удивило око!
Былинку мотива къ колеблетъ; вотъ ползѣтъ

Угрюмой свользкій ужъ, шурша въ травѣ высокой.
Такая тишина, что зовъ съ Литвы бѣ дѣтской
Былъ слышенъ... Только нѣтъ, ни кто не позовѣтъ!

А. Майковъ.

3.

ПЛАВАНІЕ.

Ужасный шумъ! Кипитъ страшилица морей,
Матросъ взбѣжалъ наверхъ: пора, готовьтесь, дѣти!
Взбѣжалъ, раскинулся, повисъ въ воздушной сѣти,
Какъ у силка паука, надъ неглемъ своей.

По вѣтру сорвался корабль съ узды насилья,
Въ стурбохъ плѣнистыхъ вознёсъ хребетъ, исчезъ,
Возникъ, стоялалъ волну, несётся въ даль небесъ
И рѣжетъ облака, вбирая вѣтеръ въ крылья.

И вырывается у насъ невольный крикъ...
Какъ мачта, носится мой духъ среди пучины;
Завилась фантазія, какъ косми парусовъ.

И рули я простѣръ, и къ кораблю приникъ,
Какъ-будто придаю полѣтъ ему ордный:
Мнѣ любо и легко бить птицей облаковъ.

Н. С — вѣ.

4.

Б У Р Я .

Уж свернуть нарусь; вой, гроза, трещить кормло;
Шумъ громкой голосовъ и помпъ завоёвй стужъ;
Кавачи у людей ужъ вырвались изъ рукъ;
Надежды нѣтъ: зашло кровавое свѣтло.

Побѣдно вихрь завылъ — и на хребетъ волны,
Съ ступени на ступень, средь общаго смятенья,
Изъ безднъ подымется къ намъ гений разрушенья,
Какъ воинъ, глѣзущій на штурмъ въ проломъ стѣны.

Кто за-мертво лежитъ, кто руки воздѣваетъ,
Кто вадаецъ, крестясь, въ объятія друзей,
Кто молится, чтобъ смерть сокрылась отъ очей.

Въ молчаньи, всё-мъ чужой, одинъ лишь помнитъ:
Счастливы, кто чувства всё утратилъ для скорбей,
Кто съ вѣрою знакомъ, кто друга обнимаетъ.

Н. С — вь.

5.

ВЪДЪ ГОРЬ ИЗЪ СТЕНЪ КОЗЛОВА.

Пилгримъ.

Аллахъ ли тамъ, среди пустыни
Застывшихъ волнъ, воздвигъ твердныи,
Притоны ангеламъ своимъ?

Изъ дымъ, словомъ роковымъ,
Стѣной умъли такъ высоко
Громыды скалъ нагромоздитъ,
Чтобъ путь на сѣверъ зарадить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?

Вотъ свѣтъ всё небо озарилъ:
То не пожаръ ли Цареграда?
Изъ Вотъ во сводамъ притводилъ
Тебя, полночная лампада,
Маякъ спасительный, отрада
Плывущихъ по морю свѣтиль?

Мирга.

Тамъ былъ я: тамъ со дня созданья
Вулсуецъ вѣчная житель;
Потоковъ видѣлъ коллмбелъ,
Дохлаудъ — и мѣрнулъ паръ дыханья.
Изъ проломилъ мой смѣлый слѣдъ,
Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ

И дремлетъ громъ надъ глубиною,
И тамъ, гдѣ надъ моей чалмою
Одна сверкала лишь звѣзда —
То Чагардатъ бить!...

Пилгримъ.

А!...

М. Лермонтовъ.

6.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

Дворецъ Гирея пустъ; средь залъ его старинныхъ,
По окнамъ, по софамъ, въ преддверіяхъ пусты-
ныхъ,
Гдѣ нѣкогда наши сметали пылъ челомя,
Таится саранча и вѣтса змѣй козломъ.

Въ окно пробрался плюхъ, заткалъ собою своды
И гроздыми повисъ: онь — именье природы —
Пріемлетъ трудъ людской и ишетъ на стѣнахъ,
Какъ въ валтасаровъ часъ: «развалина и прахъ!»

Въ углу одной изъ залъ видѣется сосудъ:
Фонтанъ играетъ въ нѣмъ; струи его бѣгутъ,
Роняя перлы слѣзъ, и пенчуть средь пустыни:

Что стало съ вами — власть, и слава и любовь?
Вымннли вѣчно жить; ключъ былъ и падалъ вновь...
Уви! не стало васъ; а ключъ журчитъ по-нынѣ.

Н. Гервель.

7.

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ.

Темпѣетъ. Изъ джами расходятся суниты;
Умолкъ ивана звукъ и гулъ людскихъ рѣчей;
Зардѣлись у зары рубинами ланиты;
Слѣпнштъ къ любовницѣ сребристый царь ночей.

Гаремы на небѣ огнями звѣздъ залиты,
И туша чистая плывѣтъ межъ тѣхъ огней,
Какъ лебедь, дремлющій на озерѣ: у лей
Обводи золотомъ, грудь жемчужомъ улиты.

Здѣсь тѣнь отбросила вершини кипариса,
Вдали чернѣются громады скалъ толпой,
Какъ стая дьяволовъ въ диванѣ у Эвланса,

По дъ мглнстымъ пологомъ. Съ вершини скалъ порой,
Проснувшись, молнія летитъ быстрый Фариса
И тонетъ въ синевѣ бездонной и пѣмой.

Н. Луговской.

8.

МОГЛА ПОТОЧКОЙ.

Въ странѣ весны, какъ роза молодая,
На утренней зарѣ ушла ты,
Въ далѣкую отчизну послала
Послѣдній вздохъ, послѣднія мечты!

Тамъ, къ сѣверу, брильянтами игралъ,
Потоки вихвздъ по небу разлиты:
Не твой ли взоръ оставилъ тамъ слѣды,
На родину стремишь и догорая?

О, полька, здѣсь, покинувъ свой народъ,
Паду и я, забитый міромъ странникъ;
Когда-нибудь соотчичъ-патріотъ,

Подобно мнѣ, блуждающій изгнанникъ,
Къ тебѣ на гробъ задумчиво придѣтъ —
И пѣсню намъ родиную споѣтъ!

Н. Бургъ.

9.

МОГИЛА ГАРЕМА.

Мирга.

Съ расадника любви Аллахъ пріялъ до срока
Здѣсь грозды пѣшныи. Гробъ, вѣчности челомя,
Изъ моря радости безвременно умлѣкъ
Отъ свѣта въ царство тмы жемчужаныи востока.

Забвенія на нихъ простерта келена,
Надъ ними, какъ бунчукъ надъ союзомъ привидѣній,
Холодная чаша, и вѣрзалъ на ступени
Глууръ чуть видныи на камнѣ имена.

О, розмъ райскій! о, дѣвы безъ порока!
Лишъ ваши отцѣли подъ листьями стѣда,
Сокртыи отъ глазъ невѣрныхъ навсегода.

По взоръ чужой проннштъ. Смягчнтса ль гнѣвъ
пророка,

Что прахъ вашъ оксквернѣтъ. Я странника сюда
Вѣстъ самъ, зане слезой его затъмилось око.

Н. С — вь.

10.

БАЙДАРСКАЯ ДОЛІНА.

Скачу какъ бѣшеный на бѣшеное конѣ.
Долины, скалы, глѣсъ мелькаютъ предо мною,
Смѣняясъ какъ волна въ потокахъ за волною...
Тѣмъ вихремъ образовъ упитесь — любо мнѣ!

Но обезсилилъ конь. На землю тихо лѣтса
Ташчественная мгла съ темнѣющихъ небесъ,
А предъ уставлыми очами всё несѣтса
Тотъ вихоръ образовъ — долины, скалы, глѣсъ...

Все спитъ, не спитса мнѣ — и къ морю я сбѣгаю;
Вотъ съ шумомъ черный валъ несѣтса; жадно я
Къ нему склоняюся и руки простираю...

Вслеснулъ, закрылся онь; хадсѣ повѣкъ меня —
И я, какъ въ безднѣ чолъ, кружимый, ожидаю
Что вкуситъ хоть на мигъ забвенныи мысль мою.

А. Майковъ.

11.

АЛШТА ДНЕМЪ.

Предъ солнцемъ гребень горъ снимаетъ свой по-
кровъ;
Слѣпнштъ свершить намазъ свой нива золотая,
И шелухнулся глѣсъ, съ кудрей спонхъ роняя,
Какъ съ ханскихъ чѣтокъ, дождь каменной и жем-
чужовъ.

Долина вся въ цвѣтахъ. Надъ этими цвѣтами
Рой пѣстрыхъ бабочекъ — цвѣтотъ летучихъ рой —
Что ползотъ заблѣтса алмазными волнами;
А выше — саранча вдмкатса завѣсъ своей.

Надъ бездною морской стоить скала нагая.
Бурунъ въ ногамъ ея летитъ и, раздробясь
И пѣною, какъ тигръ глазами, весь сверкая,
28*

Уходит съ мыслию нагнать въ тотъ же часъ;
По море синее спокойно — чайки рѣвютъ,
Гуляютъ лебеди и корабли бѣдуютъ.

А. Майковъ.

12.

АДУГА ПОЧЬЮ.

Тяжелый дѣтній зной остуженъ вѣтерами;
Уназд на Чатырдагъ свѣтлыянькъ всёхъ мировъ,
Змѣнится курдюромъ надъ склонами хребтовъ
И гаснетъ. Ночь царитъ въ горахъ и за горами.

Сталъ робче пѣшеходъ. Чувствашъ звонъ ручьевъ;
На ложѣ сладкихъ грѣвъ, увиномъ насытками,
Струится ароматъ, какъ музыка цвѣтовъ,
И сердцу говорить беззвучными рѣчами.

Смакаетъ сонъ мой усталые глаза...
Вдругъ метеоръ сверкнулъ: въ одно мгновеніе ока
Онь обналъ золотомъ и доль, и небеса...

О ночь восточная! Какъ гурія востока,
Едва навѣшь сонъ ты нѣгою своей,
Какъ будишь къ нѣгѣ вновь сверканіемъ очей.

Н. Луговской.

13.

ЧАТЫРДАГЪ.

Мирза.

Дрожа, твою стопу кадуешь сынъ пророка;
Какъ мачты корабля, великій Чатырдагъ,
Умолъ ты по скаламъ въ туманный міръ далѣйшій.
О, минаретъ земли! о, горный надшахъ!

Какъ грозный Гавриилъ, стрегущій двери рая,
Сидишь ты одинокъ у вратъ небесъ святыхъ.
Твой плащъ — дремучій лѣсъ; чалма твѣ, изъ чужь
Свѣтлѣ, струими затанявъ потогонъ огненыхъ.

Томитъ ли зной дневной, спадетъ ли мракъ глубокой,
На жалтѣ въ сарапачъ, гуиръ идѣтъ войной —
Всегда недвижимъ, глухъ ты, Чатырдагъ высокій!

И, словно драгоманъ межъ небомъ и землей,
Подъ ноги подославъ и грѣмъ и пароды,
Ты внемлешь лишь словамъ Творца среди природы.

Н. Луговской.

14.

ПЯЛИГРИМЪ.

Роскошныя поля кругомъ меня лежатъ;
Играетъ надо мной лучъ радостной денницы;
Любовью дышутъ здѣсь пѣлнителиныя лица;
Но думы далеко къ минувшему летятъ.

Напѣвомъ миламъ мнѣ дубравы тамъ шумятъ...
Вайдари соловей, сагирскія дѣвчичи,
Огнестый ананасъ и ахонтъ шелковичи —
Твоихъ зеленыхъ тундръ, Литва, не замѣняютъ!

Въ краю роскошномъ я брожу съ душой унылой:
Хоть всё меня манитъ, въ тоскѣ стремлюся къ той,
Которую любилъ порою молодой.

Онь отнять у меня, мой отчий край; но милый
О другъ всё твердишь въ родимой стогорѣ —
Тамъ живъ мой свѣдъ: скажи, ты помини обо мнѣ?

Н. Козловъ.

15.

ДОРОГА НАДЪ ПРОНАСТЬЮ ВЪ ЧУФУТЬ-КАЛЕ.

Мирза.

Молитву! стой! не шевели браздами,
Ногаи коня вѣрляя разумъ свой:
Онь самъ пойдѣтъ, глубъ мѣрья озамъ
И скользящій путь нитяючи ногаи.

И вотъ повисѣ! Внизу зинетъ бездна:
На дно ся ты взора не бросаи,
Не указуй рукою бесполезно
И мыслию проникнуть не дерзай!

Твой взоръ до дна той бездны не достаетъ,
Крыла рукъ безсиальной не дано,
А мысль твоѣ, какъ якоръ, вѣдутъ утнеть
Твой углый чолнъ на илнстое дно.

ПЯЛИГРИМЪ.

А я взглянуть! Попуганному глазу
Почудилось... По смерти расскажу:
Иной языкъ мнѣ нуженъ для рассказа;
Здѣсь, на землѣ, я словъ не нахожу.

Н. Бергъ.

16.

ГОРА КИКИНЬЕВЪ.

Мирза.

Взгляни на небеса, лежащія внизу —
То море! А надъ нимъ, какъ зѣвка тумана,
Какъ черное крыло у птицы-великана:
То мчатся облака, несущія грозу.

Подобно островамъ, плывутъ они надъ нами,
Увлажнивая доль серебряной росой;
Вдали невѣрный блескъ играетъ временами
И рѣжетъ небеса огнистой полосой —

То молнія! Смотри: я кинуся черезъ бездну;
За ней, на той скалѣ, ницъ меня съ конемъ;
Но если предъ тобой внезапно я исчезну,
То знай, что никому не вѣднть тѣмъ путемъ.

Н. Бергъ.

17.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМБА ВЪ БАЛАКЛАВѢ.

Твердяица, бывшая на мѣстѣ этихъ грудъ
Неблагодарный Крымъ, была твоя ограда;
Теперь же въ черевахъ гигантскихъ здѣсь живутъ
Лишь гады подлые и людъ — подлѣе гада.

Взойдемъ на башню, вверхъ. Ницъ скала гербовъ:
Вотъ въ этой надписи, въ завѣснѣ — думать надо —
Покоится герой, гроза и страхъ полковъ.
Какъ червь, окутанный въ листочекъ винограда.

Здѣсь грекъ ваялъ въ стѣнахъ харинизъ аонскій свой,
Авоонецъ украсилъ отсель татаръ дѣвчичи
И шабанный хаджи пѣвалъ намазъ святой.

Теперь лишь коршунъ летаетъ надъ гробами,
Какъ въ мѣстѣ, гдѣ чума всё обратила въ прахъ:
На-вѣки воздужовъ на башняхъ черной флаги.

Н. Луговской.

18.

АУДАГЪ.

Люблю, облокотясь на скалы Аюдага,
Гладѣть, какъ борется волна съ сѣдой волной,
Какъ, пѣнись и дробись, бунтующая влага
Горитъ алмазами и радугой живою.

Вотъ, словно рать витовъ, ихъ буйная вагата
Бросается — беретъ олово береговой
И, возвращаясь вспять, роняетъ, вмѣсто стята,
Корами яркіе и жемчугъ дорогой.

Такъ и на грудь твою горячую, пѣвецъ,
Невзгоды тайныя и бури набѣгаютъ;
Но арфу ты берешь — г. горестямъ конецъ.

Огнѣ, тревожныя, мгновенно исчезаютъ
И пѣсни дивныя въ нобѣтѣ оставляютъ:
Изъ пѣсенъ тѣхъ вѣка плетутъ тебѣ вѣнецъ.

С. Дуровъ.

VI.

РАЗГОВОРЪ.

Мой другъ, для насъ что могутъ разговоръ значить?
Что я такъ чувствую — къ чему мнѣ говорить?
Когда нельзя всю душу въ душу перелить —
Къ чему въ словахъ еѣ дробить и тратьить?
Еще до слуха и до сердца не касаясь,
Слова уже остынуть, съ усть моихъ сдвжкаясь.

Люблю, люблю тебя! сто разъ я повторяю;
Ты сердился и хочешь ты бранить
Меня, что я любви моея совѣтъ не знаю
Ни высказать, ни выразитъ, ни въ пѣснь изнати,
И, будто въ летаріи, не имѣю силу
Иной данъ признакъ жизни, какъ сойти въ могилу.

Мой другъ, уста скучаютъ тщетнымъ изліаньемъ,
А я хочу мои уста съ твоими слить,
Хочу съ тобой биемъ сердца говорить,
Да вздохомъ только, да лобзаньемъ;
И такъ проговорю часи и дни, и лѣта,
И до скончанія и по скончанія свѣта.

Н. Огаревъ.

VII.

С О Н Ъ.

Когда меня ты будешь покидать,
Не говори «прощай» мнѣ на прощаньѣ:
Я не хочу въ послѣдній мигъ страдать
И расставаясь знать о расставаньѣ.

Въ послѣдній часъ — и веселье, и счастье! —
У ногъ твоихъ, волшебница, и сяду
И, вѣчно «люблю» проговоривъ,
Изъ рукъ твоихъ приму я каплю яду —

И головой сложившись моею
Къ тебѣ на грудь, подруга молодая,
Засну, глядя въ лазурь твоихъ очей
И сладкія уста твои лобая.

И такъ просидю до страшнаго суда...
Ты въ оный часъ о другѣ не забудешь:
Съ небесъ сойдешь ты ангеломъ сюда
И легкой рукой меня разбудишь:

Вновь на груди владычицы моею
Прочнусь тогда, роскошно мечтая,
Что я дремать, глядя въ лазурь очей
И сладкія уста твои лобая!

Н. Бергъ.

VIII.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Два розныхъ жребія намъ вынуты судьбою;
Какъ въ морѣ днѣ ляди, мы встрѣтились съ тобою:
Твоя, блестя кормой, подъ вѣсми парусами
Увѣренно плывѣтъ, гонимая волнами;
Моя жъ — избитая, по волѣ злыхъ вѣтровъ,
Безъ веселья и руля, кружится среди валовъ,
И я — когда судьба пророчитъ ей невзгоду
И червь ей точитъ грудь — коминахъ выдаю въ воду.
Разстанься мы должни! Увидимся ли опять?
Искать не станешь ты, я не могу искать!

Н. Гервель.

IX.

МОЯ ВАЛОВНИЦА.

Когда въ часъ веселій откроешь ты губки
И мнѣ ты воркуешь нѣжные голубки —

Я съ трепетомъ впеваю, я весь внѣ себя,
Боясь проронить хоть единое слово,
Молчу, не желаю блаженства иного —
Всѣ слушать бы, слушать, всѣ слушать тебя.

Но глазки свернули живѣе кристаломъ,
Жемчужные зубки блестятъ средь кораловъ,
Румянецъ въ ланитахъ ужъ началъ играть —
Теперь я смѣлю смотрю тебѣ въ очи,
Уста приближаю и слушать нѣтъ мочи:
Хочу цаловать, цаловать, цаловать!

Князь М. Голлицынъ.

X.

СОНЕТЫ.

1.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Лаура милая! проносится ль порою
Предъ памятью твоею блаженство прошлыхъ дней,
Когда наднѣшъ, въ бесѣдѣ межъ собою,
Мы забывали мѣръ и чуждыхъ намъ людей?

Въ бесѣдѣ изъ цвѣтовъ, подъ зеленью живою,
Гдѣ вѣетъ по дулу, журча легко, ручей,
Не разъ ночь крыла насъ любовной пеленою
Въ часъ таинственныхъ желаній и рѣчей.

А мѣсяцъ озарялъ свѣзю облако украдкой
Грудь свѣжнюю твою и золото кудрей,
Придавъ красу небесъ красѣ земной твоей...

Тогда сердца у насъ смолкали въ нѣтѣ сладкой,
Встрѣчались уста, во взорѣ взоръ тонуль,
Лилась слеза къ слезѣ и вдохъ ко вздоху льнуль.

Н. Луговской.

2.

ВЪ ЛАУРЪ.

На жизненномъ пути задумчивый прохожій,
Ливъ встрѣтилъ я тебя — смѣтеніе и страхъ
Я въ сердцѣ ощутилъ и слезы на глазахъ...
Нельзя мнѣ быть, и чище, и пригожій!

Безмолвно я стоялъ, ница въ твоихъ чертахъ
Забитый идеалъ, тотъ образъ, дивно схожій...
Загорнила ты — и словно ангелъ Божій
По имени меня окликнулъ въ небесахъ.

Съ-тѣхъ-поря ложилъ я другъ и вѣрую въ забавленья;
Прийтій стало мнѣ и легче съ-тѣхъ-поря;
Пускай мірскихъ судьбъ суровый приговоръ

Готовитъ для тебя съ другимъ соединенье —
Я помню краткій мигъ, я помню ясный взоръ
И встрѣчу нашихъ душъ хотя и на мгновенье.

Н. Бергъ.

3.

Какъ ты проста во всемъ, любви моею безумной
Упрямая мечта, мой ангелъ, нѣжный другъ,
И радость, и печаль, предметъ блаженства, мука,
Предметъ заботъ моихъ, кручины многодумной!

Вчера толпа твоихъ ровесницъ и подругъ
Надъ чьей-то шуткою смѣялась остроумной,
Но тихо ты вошла — и всѣ умолкли вдругъ...
Такъ разъ на вечеру, въ часъ бесѣды шумной,

Когда разсказчика-поэта гласъ гремѣлъ,
Гружкомъ собравшихся внезапно оцѣмлялъ,
Не вѣдая, зачѣмъ всѣ разомъ замолчали;

Но тайну дивную поэтъ уразумѣлъ —
Бесѣдѣ говорить здѣсь ангелъ пролетѣлъ;
Почти всѣ его, не всѣ его узнали.

Н. Бергъ.

4.

СВѢДАНІЕ ВЪ ЛѢСУ.

— Ты ль это? такъ поздно? — «Я обиделъ въ по-
тѣмкахъ съ дороги.
При мѣсяцѣ тускломъ трона обманула лѣсная.
Грустнѣла? мени вспоминала?» — Скажи мнѣ,
могла я
О чѣмъ постороннемъ подумать, любимецъ мой
строгий?

«О, дай же мнѣ руку! Позволь цаловать эти ноги.
Дрожишь; чтѣ съ тобою?» — Не знаю; въ лѣсу я,
гуляя,

Пугаюсь, чуть листъ зашумитъ, или птица почная.
Ахъ! знать мы преступни, коль сердце такъ полно
трепоги!

«Взгляни-ко мнѣ въ очи, въ лицо. Никогда не
бывала

Вина такъ смѣла и тревога съ улыбкой такой.
Уже ль ты преступна, что быть мнѣ съ тобой
позволяла?»

«Сидю я далеко; люблюсь съ отрадой нѣмой...
И такъ я, мой ангелъ земной, наслаждаюсь тобою,
Какъ-будто ты духомъ, какъ будто ты ангеломъ
стага.»

А. Феть.

5.

О, милая моя! ницѣ подъ небесами
Невозмутимаго блаженства не сидеть;
На всемъ невѣрнаго сомнѣнія печатъ;
Смотрю я на тебя открытыми очами,

А ты смущаешься; бѣгу я прочь опять;
При встрѣчѣхъ всякій разъ не вѣдаемъ мы сами,
Что мыслить, говорить, что дѣлается съ нами
И какъ намъ чувства тѣ по имени назвать.

Скажи, когда твои лобая страстно руни,
Ловлю я нѣжныхъ устъ трепещущіе звуки
И замираю самъ — ужели это мучи?

Когда жъ и день и ночь тобой одной живу,
Томитъ любви тоска во снѣ и на яву —
Ужели счастьемъ я это назову?

Н. Бергъ.

6.

УТРО В ВЕЧЕРЪ.

Въ вѣнцѣ багрянотъ Фебъ всплываетъ надъ землѣй;
Печальный ликъ луны блѣднѣетъ, логасаеъ.
Фіалка клонитъ взоръ подъ утренней росой
И роза лепестки къ свѣтлу простираетъ.

Лаура у окна. Смѣясь, она ласкаетъ
Густыя пряди косъ трепещущей рукой:
«О чѣмъ такъ рано вы грустите?» — воспоминаетъ —
«Фіалка и луна, и ты, о милый мой!»

Промчался знойный день; вновь полная луна
Плывёт среди небес, румяна и ясна;
Фанга вновь цвётёт, исполнена надежды;

Опять моя любовь явилась у она,
Съ сияющим лицомъ, въ сияющей одеждѣ:
А я... я всё томлюсь, печальный какъ и прежде.

Н. Гервель.

7.

НЪМАНЪ.

О, Нѣманъ, ты моя родимая рѣка!
Какъ памятна ты мнѣ! Раздольная, не ты ли
Вкругъ дѣтскаго пруда челнока,
Когда мы по тебѣ однажды съ милой плыли?

Сильный кипѣла кровь, сильнѣе ми любил,
И глядя, какъ въ волнахъ качались облака,
То весело смѣялись, то слегка
Слѣзами счастья струи твои мутили.

О, Нѣманъ! гдѣ же тѣ счастливыя струи,
Надежды пренія, восторги, ожиданья?
Гдѣ годы юнче и свѣжше мои?

Гдѣ милая моя? гдѣ съ ней мой свиданья?
Всѣ, всѣ давно прошло! Стою какъ въ забытомъ...
Когда жь пройдетъ вы, души моей страданья?

Н. Бергъ.

8.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

Благословенъ годъ, мѣсяць и седмица,
Благословенъ и день и самый часъ,
И даже мигъ, когда моя парница
Передо мной явилась въ первый разъ!

И будь ей благословенно око;
И ты струѣ благословенна будь,
Что навсегда вознилася глубоко
Пѣвду въ страдальческую грядь!

Благословляю перное свиданье
Моей души, святую пѣсню ту,
Гдѣ высказалъ я перное страданье,
Гдѣ я воспѣлъ Лауры красоту.

Благославляю перья, что въ чужбинѣ
Писали мнѣ про милую мою;
Благославляю сердце, гдѣ допишѣ
Всѣхъ чувствъ моихъ владычицу твою.

Н. Бергъ.

9.

ПРОЩАНЬЕ.

Ни взора нѣжнаго, ни ласковаго слова
Въ отвѣтъ на всю любовь безумную мою!
За что? иль обѣденъ я и злата не даю;
Но ты и безъ него любить была готова.

Не златомъ я купилъ привязанность твою,
А на всѣхъ горькихъ слезѣхъ... и нынѣ слезы лью...
Сокровище души тебѣ я отдалъ снова;
Но ты, не внемля мнѣ, зовешь къ себѣ другаго.

Ужели мало жертвъ? о, нѣтъ, я угадалъ:
Ты хочешь звонкихъ ринемъ, ничтожный дымъ по-
хваля!

Для пѣсни соловья играешь ты душою —

И тѣшишься моимъ страданьемъ и тоскою;
Но знай, что гордыхъ музъ никто не погулялъ!
Для женской прихоти я лиры не настрою.

Н. Бергъ.

XI.

ИЗЪ ПОЭМЫ «КОНРАДЪ ВАЛЛЕНРОДЪ».

1.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Сто лѣтъ минуло какъ тевтонъ
Въ крови пѣвѣришкѣ окупался;
Страной полночной правилъ онъ.
Уже прусаки въ окопи владели,
Или сокмрели — и въ Литву
Попѣсь изгнанную главу.
Между враждебными брегами
Струнуса Нѣманъ: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни и кругомъ,
Пугили роки вѣковыя,
Духовъ пристанища святія.

Вилни не любя цѣвѣточки долины:
Не ихъ — она Нѣмана шцетъ родного;
Литвинкѣ не любя и сучицы литвины:
Не ихъ — она мѣлоцца любить чужого.

Поднявши Вилію къ себѣ на рамена,
Несѣтся въ даль Нѣманъ на дикомъ просторѣ,
И держитъ подругу у влажнаго лона,
И гибнетъ съ ней вмѣстѣ въ пѣвѣломъ морѣ.

Какъ Нѣманъ Вилію, тебѣ, о литвинка,
Похитилъ пришлецъ изъ родного селеня —
И ты, моя бѣдна, ты, спротивка,
Погибнешь тоскливо въ пучинѣ забвеня.

Ни рѣчки, ни сердца никто не догонитъ —
Вилія струится, а дѣвица любитъ:
Вилія въ возлюбленномъ Нѣманѣ тонетъ,
А дѣвица въ кельѣ лии юнче губитъ...

Д. Мей.

3.

ПѢСНЯ ВАЙДЕЛОТА.

«Идѣтъ зараза на Литву,
Лія глетворное дыханье.
Внимай народную молву —
Услышишь чудное сказанье:
Среди холмовъ, среди полей
Стоитъ *Овѣща моровая*;
Кровавый платъ въ рукахъ у ней;
Кровавымъ платомъ повѣяла,
Она живое всё мервитъ —
И страшенъ всѣмъ зараза видъ.
Разный взоръ въ цустыняхъ блещетъ;
Чуму завилы въ детѣхъ,
На башнѣ замка сгражъ тренецетъ,
Кольбѣ дрожитъ въ его рукѣ;
Привратный пѣсь протяжно воетъ,
И, чуя смерть, оны земаю роетъ.
Зараза бѣдная идѣтъ —
И нѣтъ спасеня и пощадъ:
Гдѣ только платъ ея мелькнѣтъ —
Пустѣютъ сѣла, замки, грады.
И вотъ ужъ цѣлая страна
Вокругъ чумой поражена...
Однако всё страшились бохъ,
Когда, мечѣмъ грози Литвѣ,
Являлся латинки въ дальнемъ полѣ,
Съ высокимъ шлемомъ на главѣ.

Символь германца на другомъ,
Крестъ вѣри, въ небо возносящій
Спокъ обьятій грозиши,
Казалось, слыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлачить.

Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысей шапкѣ, съ цукомъ
Калѣныхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Литовцы юнче, въ толнахъ,
Со стороны одной бродили
И зорко подруга слѣдили.

Съ другой, покрытый шипакомъ,
Въ бронѣ завоанный, верхомъ,
На стражѣ вѣмцѣхъ, за прагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пшцалъ съ молитвой зарижать.
Всякъ переправу охранялъ:
Товъ Нѣмана гостеприимной,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ прагомъ вѣчности для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій воды,
Липшомъ былъ жизни иль свободѣ.
Лишь хвѣлъ литовскихъ береговъ,
Нѣмецкой тополью плѣщенный,
Черезъ рѣку, межъ тростниковъ,
Переправлялся дерзновенный,
Бреговъ противныхъ достигалъ
И друта нѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравъ и горъ
По старинѣ вражды не знали,
И въ островъ, обитъ съ давнихъ моръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.

А. Пушкинъ.

2.

ВИЛІА.

У нашей Виліи, готововъ парница,
Дно чисто, а волны румяниѣ денницы;
У юной литвинки, парницы изъ нашей,
Еще чище сердце, ланиты румяниѣ.

Вилія по новенскимъ милымъ полянамъ
Струнуса въ парницахахъ, бѣжить по тульпанамъ;
Въ ногахъ у литвинки весь цвѣтъ молодежи,
Красивѣй тульпановъ, парницовъ пригоже.

«Подобный страшному видѣнью,
Гдѣ онъ промолъ грозившей гѣнью,
Пылала браня, струилась кровь.
Пойдѣмъ, о юноша, со мною,
Кто сохранилъ еще любовь
Къ своей отчизнѣ, кто душою
Донхитъ истинный литвинъ!
Пойдѣмъ — среди пустыхъ долинъ,
Надъ скорбною Лтвы судьбою —
Пойдѣмъ, поначемъ мы съ тобою!
Кручину въ сердцѣ затаимъ,
А духъ истерзаный и хилый
Живою вѣнью напоимъ,
Преданьями отчизны милой.

«О, вѣсп! ты святой ковчегъ,
Куда народъ во дни нечести
Кладеть свой рыцарскій доспѣхъ,
И мечъ, и славныхъ дней киржалы.
Ты глазомъ вѣщамъ говоришь,
Нѣзъ вѣна въ вѣкъ переходящимъ,
И чудодѣйственно миршишь
Было наше съ настоящимъ.
Сгараютъ, тлѣютъ писемена,
Могучихъ гениевъ творенья,
Лишь ты уходишь отъ забвенья,
Камнемъ-то чудомъ спасена!
Всегда жива, одна и та же,
О, вѣсна, ты стоишь на стражѣ
Съ мечемъ архангела у вратъ
Намъ дорогихъ воспоминаній!
О, вѣсна, ты священный кладъ,
Ты црѣвь народныхъ достоиній!
Когда же суетный народъ,
Тебя услышавъ, не поймѣтъ —
Вѣдшии ты, вѣсна, и хоронишь
Свою завѣтную врасу
Въ ущельяхъ мрачныхъ и въ лѣсу,
Или среди развалинъ стонень...
Такъ съ криши, облятой огнѣмъ,
Слетаетъ птичка по-невоѣ,
Покинувъ гнѣздншко и докъ,
Надъ нимъ повѣется и потѣмъ
Она летитъ въ лѣса и въ поле —
И тамъ пріютъ себѣ найдѣтъ
И вѣсни пречнйя поѣтъ.

«Я вѣсни слушивалъ, бывало,
Когда столѣтній земледѣль,
Съ полей родныхъ влекущій рало,
О дняхъ былыхъ мнѣ грустно вѣлъ

И вспоминалъ минувши бои
И насъ, могучіе бойцы,
Давнозабытые герои,
Отцы... бездѣтныя отцы!
Неудержимые бѣжани
Потоки слезъ изъ глазъ моихъ,
А вѣсни тѣ, въ поляхъ родныхъ,
Еще сильнѣе поражали:
Одинъ-одинъ я слушалъ ихъ!
Какъ въ оный часъ трубою судной
Господь воздвигнетъ мертвеное,
Такъ мнѣ, при звукахъ вѣспн чудной,
Являлись призраки отцовъ,
Вставали арки и колонны
И пробуждались воды сонны,
Шумя ночь вѣсами гребцовъ...
Рѣчамъ было внемля жалко,
Бывалъ я духомъ возмущенъ;
Мечталъ и грезилъ такъ отрадно —
И такъ жестоко пробуждѣтъ!

«Нечесты вы, лѣса и сѣлы,
Въ очахъ моихъ густая мгла;
Замолкали вѣщце глаголы
И лютня грустно замерла.
Брожу одинъ въ вѣсной пустинѣ,
Но искры стараго огня
Не гухнуть въ сердцѣ у меня,
И неожиданно по-нишъ,
Порой, сквозъ сумракъ тѣмныхъ туть,
Незашный вспыхиваетъ лучъ
И въ сердце мнѣ летѣтъ отраду...
Такъ въ драгоцѣнную замачу,
Страхнувъ съ неа сѣдую пыль,
Становить иноки фитиль —
И свѣточъ сей, пѣвня възори
Рѣзбой и гранью дорогой,
Раскинетъ по стѣнѣмъ нагой
Великолѣпные узоры...»

«О, еслибъ въ васъ пролѣтъ я могъ
Огонь, что насъ палилъ и жогъ,
Тогда бы, можетъ, ваши силы
Воскресли слова изъ могилы,
И, славы громъ издалека
Почуя духомъ, всякій ожилъ
И хотъ одну бъ минуту прожилъ,
Какъ дѣды прожилъ вѣка.»

H. Бергъ.

АЛЬПУХАРИ.

Свершилось — въ развалинахъ веси и грады,
Народъ мауританскій въ цѣпяхъ...
Еще защищаете стѣнамъ Гренады,
Но злая зараза въ стѣнахъ.

Еще Альманзоръ защищаете съ вождями
Вершины родныхъ Альпухарей.
Испанецъ свой стигъ воздвигалъ подъ стѣнами:
Завтра — послѣдній ударъ.

И вотъ загремѣли орудья съ разсвѣтомъ:
Обрушились стѣны и валы,
Блеснули кресты надъ большимъ минаретомъ —
И замокъ разрушенный палъ.

Одинъ Альманзоръ, когда всѣ въ оборонѣ
Погибло, легло головою,
Давъ смѣлый отпоръ наступавшей погонѣ,
Прорвался сквозъ вражескій строй.

Ватага испанцевъ, побѣдой надмѣнныхъ,
Межъ труповъ въ чертогѣ пустою
Пируетъ и дѣлаетъ добычу и пѣвншихъ,
Купался въ винѣ дорогое.

Вшедшій привратникъ собранью доноситъ,
Что рыцарь далѣйшихъ сторонъ
Вождей о свиданіи немедленномъ проситъ,
Что съ важною тайною онъ.

То былъ Альманзоръ, властелинъ мауританцевъ:
Покинувъ пріютъ боевой,
Онъ самъ предавалъ себя въ руки испанцевъ,
Моля ихъ о жизни одной.

«Испанды!» сказалъ онъ: «во прахъ у порога
Челомъ и склониться приношъ;
Приниоъ я увѣровать въ вашего Бога,
Услышать священный глаголь.

«Весь міръ да узнѣетъ, что честнымъ булатомъ
Низложенный царь и герой
Своихъ побѣдителей хотѣтъ быть братомъ,
Вассаломъ короли чужой!»

Испанды героество всегда уважали:
Едва онъ былъ узникъ вождемъ,
Какъ хотъ его обнялъ — и всѣ обнимали,
Его лобызали потомъ.

Властитель, на ласки вождей отвѣчалъ,
Всѣхъ пламеннѣй главному сказалъ
Въ объятыхъ своихъ и, за шею хваталъ,
Къ устамъ его крѣпко приналъ.

Затѣмъ ослабѣлъ, на колѣни склонился;
Но всѣ еще, слабой рукой
Держась за одежду, за нимъ онъ влачился,
Обматывая ноги чалмой.

Взглянулъ, приподнялся — и всѣ изумились:
Такъ блѣденъ и страшенъ онъ былъ,
Такъ страшно глаза его кровью налились
И смѣхъ его ротъ искривились.

«Смотрите — я блѣденъ, презрѣнные гадя!
Узнайте же — кто я такой!
Я васъ обманулъ: возвратясь изъ Гренады,
Заразу принѣсъ я съ собой!»

«Я влилъ въ васъ заразу своимъ лобызаньемъ —
И ласки тѣ яда полни!
Смотрите на корни, влипайте стѣпьямъ:
Такъ всѣ умереть вы должны!»

Онъ менѣя, вѣдѣтъ — какъ-будто бы хотѣтъ,
Тоскою предсмертной томимъ,
Обнять всѣхъ испанцевъ — и странно хочотѣтъ,
Хочотѣтъ онъ смѣхомъ глухимъ...

И умеръ. Еще не сомкнулися вѣны
И холодъ не тронулъ лица,
А демонскій смѣхъ уже замеръ на-вѣны
На блѣдныхъ устахъ мертвенца.

Напрасно испанды уйти торопились —
Зараза не знаетъ прегралъ:
Еще съ Альпухаръ ихъ войскѣ не спустились,
Какъ палъ ихъ послѣдній отрядъ.

H. Гервель.

XII.

ПАНЬ ТАДЕУШЬ.

ПОЭМА.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Какие тут обернешь поэзии цветы?
 О чём тут будешь петь, среди вечнои суеты
 Парижских мостовых, лачи, грязи и проклятии,
 Непостоянных слёз и воплей меньших братьи?
 О горе, горе намъ, что изъ родной земли
 Мы головы свои въ чужбину занесли,
 На-вѣкъ покинули родимые пороги!
 Что въ чуждъ ми нашли? Такия же тревоги!
 И здѣсь намъ не везётъ, и здѣсь вѣдь, что ни-шагъ,
 Какъ и на родинѣ, шпионы, измѣнники, врагъ,
 И здѣсь ми всякому своей бѣдою чужда,
 И здѣсь до нашихъ слёзъ Европѣ мало нужды.

Изъ Польши между-тѣмъ, да и со всѣхъ сторонъ,
 Летитъ за гѣбую вѣсть, какъ погребальный звонъ,
 А добрые друзья еще спящій трезвонятъ
 И угнѣаются, что скоро всѣхъ схоронятъ,
 Что всѣмъ не долго жить; какъ враны на часахъ,
 Сидятъ; надежды пѣтъ ни гдѣ и... въ небесахъ.
 Не диво же, если ми средъ мукъ и стоновъ вѣчныхъ,
 Обмановъ, лизостей, сердецъ безчеловѣчныхъ,
 Озлобивших на всѣхъ, сдѣлаемъ рать на рать —
 И стали, наконецъ, другъ друга пожирать...
 Я, планка малая, размахомъ слабыхъ крылий
 Я не стремлюсь въ мнръ страдальческихъ усой,
 Ворбѣи, тревоги, враньствъ и бурныхъ непогодъ:
 Въ иной, счастливый край мечта меня зовётъ,
 Гдѣ духъ мой снова гнѣздо, гдѣ мысль моя живётъ.

Лѣта младенчества! Блаженъ изъ насъ, кто можетъ
 Забыть хотя на мигъ, что дразнитъ и тревожитъ
 Неумолима надежды полякъ —
 Съ избранною семьей присѣсть у камелька
 И неазартливо, въ пріятельской бесѣдѣ,
 Рѣчь тихую повесть... хотя бы о старомъ дѣдѣ,
 Иль попросу о тѣхъ, о лучшихъ временахъ —
 И сердцемъ угоную въ блаженствѣ этихъ снахъ.
 Но о слезахъ твоихъ, бессмысленно пролитыхъ,
 И о страданіяхъ, напрасно пережитыхъ,
 О славѣ прошлаго, той славы, коей гудъ
 Доселѣ слышится, доселѣ не уснулъ —
 О, Польша милая! — вайду ль слова и звуки?...
 Нѣтъ, опускаются нѣмѣющій руки!

Ты, Польша, такъ еще свѣжо погребена,
 Что вѣтъ тебя вѣтъ силъ, и не молъ вина,
 Коли молчу теперь, какъ-будто оявѣннй;
 И Богъ-вѣсть кто изъ насъ, чей гонимъ слишкомъ
 Скълнмъ

Разбудить мрачное молчаніе могилъ:
 Нѣтъ, видно часъ еще великій не пробилъ,
 Не загроло намъ сіяніе денница
 И польские орды у Храброго границы
 Побѣдной стаяю еще не собрались
 И кровью враговъ еще не ваннлись;
 Но вѣрно: стается! Святая битва грянетъ —
 И наша родина торжественно воспринетъ
 Дѣя новихъ лучшихъ дней. Тогда кто будетъ живъ,
 Тѣмъ виганъ, мечи побѣные сложивъ,
 На славныхъ рубежахъ пространныхъ нашихъ
 Граничъ

Вѣчанни лаврами, послушають сказаній
 Пѣнца счастливаго, полчуту: та слеза
 Лица не искажетъ, не выжметъ намъ глаза!
 А нѣтъ, горькіе, на собственномъ погостѣ,
 Что будемъ пѣтъ, ни гдѣ неврошенные гости?
 И край, гдѣ легче мнѣ забыть свою тоску,
 Гдѣ есть хоть малая отрада поляку —
 Тотъ край невинныхъ лѣтъ! Воображенъ наше
 Не знаетъ ничего излѣнительнаго и крашѣ,
 И будетъ намъ всегда казаться чистымъ онъ,
 Какъ первая любовь, какъ юной дѣвы сонъ.

Тотъ край, гдѣ весело игралось мнѣ бывало,
 Гдѣ рѣдко я грустилъ и плакалъ очень мало —
 Какъ дѣтвѣнствѣ предо мной и свѣтелъ оны лежатъ;
 По бахату луговъ трона къ нему бѣжитъ,
 Пестро покрятая однимъ лишь цвѣтами.
 Мнѣ любовь въ этотъ край перелететь мечтами:
 Всѣ тамъ кругомъ — мое, что ни завидитъ глазъ,
 Отъ ливы, что въ саду широко зарослась,
 До ближняго ручья; а дальняя граница —
 Гдѣ начинаются сосѣдній свѣтланичъ.

И только тѣхъ друзей, кто жили въ томъ краю,
 Я неизмѣнными друзьями признаю:
 Они одинъ въ душѣ группируются тѣсно;
 Смотри я, какъ теперь, на всѣхъ на нихъ...
 Навѣстено,

Кто были тѣ друзья: сосѣди, братья, мать,
 Какъ приходило кого-нибудь герить,
 Какъ сѣтовали ми, какъ долго говорилось
 О нѣмъ: какъ будто бы Богъ знаетъ, что случилось.

И добрые друзья позду помогли,

Какъ тѣ, извѣстные по сказкѣ, журавли,
 Что разъ надъ молодцомъ закатымъ пролетали
 И перешовъ ему, бѣднягѣ, наиздали:
 Онъ крыльями замахаулъ — и живо улетѣлъ
 Къ себѣ на родину, въ отеческій рѣдѣтъ.
 О, боги! доживу-ль до тѣхъ времѣнъ счастливыхъ,
 Когда собравше снхъ строемъ неприхотливыхъ
 Достигнетъ до Литвы, до нашихъ сельскихъ дѣвъ,
 И дѣвы юныя, за прилокъ, прощѣвъ
 О той красавицѣ, что такъ играть любила,
 Что всѣхъ своихъ гусынь, играя, погубила;
 О сиротникѣ той, стыдливой какъ зоря,
 Что съ краемъ ушла за синія моря —
 Дойдутъ и до моихъ простыхъ и бѣдныхъ пѣсень
 И будетъ мой расказъ имъ также интересенъ.

Такъ, помню, на травѣ, подъ липою, по разъ
 Ми, дѣти, слушали заманчивый расказъ
 О вѣи волшебницѣ и пѣбномъ Веселѣтѣ,
 По какой, что была у насъ въ великой славі.
 Вокругъ читавшаго собрался цѣлый домъ;
 Подсаживался къ намъ порою и эвонъ
 И важнѣмъ голосомъ, вниательно и внятно,
 Ребѣтамъ объяснялъ, что было непонятно.

И какъ завидовалъ я славі тѣхъ пѣвцовъ,
 Хотя невѣдомыхъ, хотя и безъ вѣнцовъ,
 Которые дають надменный Кантолий,
 Но, безъ сомнѣній, своей довольныхъ долей;
 Для нихъ, увѣренъ я, желаній всѣхъ колецъ,
 Былъ поднесенъ въ даръ водруженъ вѣнецъ,
 Рукою дѣвственной и чистой заплетенный
 Изъ синихъ васильковъ, да изъ руты зеленой...

ПѢСНЯ I.

Отчина милая! подоба ты здоровью:
 Тотъ истинной къ тебѣ наполнился любовью,
 Кто потерялъ себя... Въ страданіяхъ и борьбѣ,
 Отчина милая, я плачу по тебѣ!

Мать Богородица, что бодрствуетъ надъ Вильной
 Своей онекою, щедротами обильной!
 Мать Ченстоховская, на Ясной что Горѣ:
 Какъ умиравшій лежалъ я на одрѣ,
 Устами жаркими хвалу тебѣ читалъ —
 И ты спасла меня, заступница святая:
 Такъ благодѣио божественныхъ щедротъ
 Спасешь когда-нибудь отверженный народъ.
 Теперь неси мой духъ свербящій и унымый
 Къ далѣкѣмъ небесамъ моей отчины милой,
 Къ ея задумчивымъ пустынямъ и лугамъ,

Къ зелѣнымъ Нѣмана и Вилн брегамъ,
 Съ ихъ Вилновѣжскою непроходимою иушей,
 Благоуханною, роскошною, цвѣтущей,
 Къ полямъ, исполненнымъ невѣдомыхъ красотъ,
 Гдѣ житье всякое въ обилии растѣтъ.
 Шпенница-золото, серебряная грѣча,
 Медвяный запахъ свой несущая далеча;
 А тамъ — густой ячмень, и просо, и овесъ;
 И гдѣ, на рубежахъ, мѣдь ветелъ и берѣсъ,
 Увидишь тихую, задумчивую грушу...
 Туда носи мою тоскующую душу!

Среди тавихъ луговъ, въ затннѣи, надъ прудомъ,
 Во дни минувшіе, стоялъ шляхетскій домъ,
 Всѣмъ чѣсто выблаенъ; свѣтились арко доски;
 Вокругъ него росли курдяны берѣси,
 А къ пруду низомъ шла аллея тополя,
 Позади — борозды распаханныхъ полей,
 Густая залежь и паръ изъ черноты,
 Съ туманомъ, которое подходитъ близко къ дому,
 Гдѣ желтыя скирды, поставленныя въ рядъ,
 Шарами подобныя, безмолвно говорятъ,
 Что царствуютъ въ дому порядокъ и довольство,
 И ждѣтъ пріѣзжаго привѣтъ и хлѣбосольство:
 Приземистая дверь ему не заперта
 И настезъ широко раскрыты ворота.

Вотъ къ дому тому подъѣхалъ кто-то въ бричкѣ;
 Лощадки бодря, хотя и невеличкія,
 Вѣжали въ ворота исправною рысцою;
 Въ брички выпрыгнувъ прворно молодой
 Панчикъ, не кланялся салугъ, а прямо — въ двери дома,
 Какъ-будто всё ему давнишъ-давно знакомо;
 Не затрудились, но комматомъ бѣжитъ.
 Всё то же ввертъ него, всё тотъ же самый видъ:
 Не измѣнились ни мебель, ни обои,
 Лишь только сдѣлались поменѣ локомъ,
 Чѣвъ были въ старину, да отроческихъ лѣтъ.
 Въ гостиной, на стѣнѣ, висѣлъ еще портретъ,
 Изображающій Тадеуша Костюшку,
 Въ чамаркѣ и плащѣ; ногою ставъ на пушку
 И очи вверхъ поднятъ, влѣяется небесаамъ
 Сласти отечество, иль часть геройскія самъ.
 А далѣе — Корсакъ и съ нимъ Янскій рядомъ
 Дружини польскія окндиваютъ взглядомъ;
 Клишть горячій бой, валится москаль,
 А Прага занялась ужъ пламенемъ валаи...
 А вотъ, въ одномъ углу, на-лѣво, за Костюшкой,
 Курятки старіе, какъ водится, съ кукушкой;
 Пшавъ длинный подпираетъ подъ самый потолокъ.
 Пріѣзжій увидѣлъ протянутый шпурокъ —

Давай его ташить — и, сбивши на печурку,
Прослушать старую Домбровского мазурку.

Гость бросился потом осматривать попой,
Гдѣ, вѣсьм дѣтъ назад, онъ жилъ еще дѣтѣй.
Всѣ измѣнилось тамъ: стояли фортепяны,
Кухметки, канале, широкіе диваны;
Въ углу, на столикѣ, лежали кучи ногъ
И вышки. Кто же здѣсь, подумалъ онъ, живѣтъ?
Мой дядя... развѣ онъ обзавелся женою?
А тѣтка въ Петербургъ уѣхала весною...
На мебель и на вѣс еще взглянулъ онъ разъ,
Въ соображенія и въ думы погрузилъ...
Приблизился къ окну: садъ маленький въ порядкѣ;
Цвѣтами вѣстными покрыты были грядки
И видно, кто-то ихъ лѣдѣтъ всякій день.
Кругомъ окинуть былъ заботливо плетень
И рядомъ съ нимъ вылазъ красивая аллея...
Но гдѣ жь садовница, таинственная фея,
Невидомо отколъ снохорнувшая сюда?
Напрасно юноша искалъ ей сады:
Не видно никого, лишь только за калиткой
Дрожали лопухи, задѣты пошкой приткой.

Прибѣжій, опершись плечѣмъ о вереву,
Стоялъ вѣ воздуха прохладную струю,
Съ благоуханьемъ травъ, вывала широкую грудью,
Дивясь такому сну фольварка и беззащитю.
Никто къ нему неидетъ. Прибѣжій вновь къ окну
И садикъ маленький въ дѣну и ширину
Еще-разъ обжмалъ наглавыми глазами,
Потомъ взглянулъ въ кусти—и что же? за кустами
Уничдѣлъ дѣшушку, всю ясую какъ день:
Вѣрна обычая литовскихъ деревень,
Подъ-вѣчеръ, въ чѣмъ была, въ своей садъ она обжмала,
Вскочила на плетень, не думая нимаго,
Что сзади кто-нибудь еѣ привѣтитъ мого;
Забыва на плечѣ набросить хоть плагокъ;
Вернуть шейки бѣлая сорочка отдуваеасъ
И грудь высокая оттуда выбиваласъ,
А кудри, отданы вѣтрамъ на произволь,
Свѣтъяне по краямъ, какъ нѣкій ореолъ —
Но не видѣлъ лица. Она смѣтрѣла въ поле,
Какъ-будто бы кого ждала къ себѣ отголѣ,
Узрѣла—и стрѣлой съ плетня спустиласъ вынѣтъ,
Какъ серна легкая прыгнула чрезъ цвѣтники
И, словно позабывъ, что сбоку естъ дорожка,
Порхъ на завалинку, съ завалинки— въ ошколю.
Всѣ это видѣлъ гостя; стоитъ ни мѣрѣтъ, ни живѣтъ,
Дыханье бурное неловко прплативъ,
Не смѣя тронуться, мигнуть не смѣя глазоомъ—

Вдругъ «ахъ!» и всмхкнули какъ пламень оба разомъ.
Такъ облачный туманъ зардѣтся порой,
Лишь повстрѣчалася съ руиною зарей,
Смущенный страшно гость словъ шестъ извинилъся,
Едва, едва слухѣлъ неловно поклониться,
Приподнял голову, глядитъ: ея ужъ вѣтъ!
Какъ-видно, скрылася въ соседній кабинетъ
И тамъ задвнжкою проворно затворилъсь.
Онъ все стоялъ, смѣтрѣлъ, а сердце билосъ, билосъ.

Въ то время разнесласъ ужъ по фольварку вѣтъ,
Межь дворики и людей, кто въ домѣ кто-то естъ:
Внѣтъ кони нанснѣе привязаны къ колодѣ
И заданы имъ овѣсъ. Хозяинъ новой модѣ
Не слѣдовать: коней чужихъ не отсылать
Кормиться у жидовъ, а дома корнь держалъ.
Хотя и не свѣшать заботливые слуги
Усердно предложить прѣжнюю услугу —
Не думай, что они балаованный народъ;
Нѣтъ, такъ заведено: покамѣтъ не прѣдѣтъ
Панъ-войскій *) изъ своей особенной свѣтълицы—
Далѣкій родственникъ хозяина, Солпица,
И другъ, который вѣсьм завѣдывалъ въ дому —
Дотолъ не начинать занятій никому.

Панъ-войскій полъ уже тихою на фольварокъ,
Отчасти — загаянулъ на стряпанное кухарокъ,
А главное — сбнѣнъ свой таецкій нудермавъ,
Надѣтъ проворнѣе кунтувъ, или жуланъ —
Встрѣчать прибѣжагоо получше нужно платѣ —
Вдругъ гостя увидѣлъ — и бросилъ въ объятія.

«Тадеуш!» И затѣмъ поспалася слова,
Хота и громки, но вѣтныя едва,
Неудовими, отрывочныя фразы,
Вопросы бнѣтныя и бнѣтныя разсказы,
А послѣ — новая объятія омытъ.
«Тадеуш!» (Такъ отецъ вѣтъяго ея называлъ,
Затѣмъ, что родился во времена Костошкина,
Когда гремѣвшій литвиновъ напхъ пушки
Напоминани вѣсьм народнаго вождя)
«Тадеуш! мы съ тобой немного погодя»,
Такъ войскій продолжалъ, «пойдемъ судѣтъ на
встрѣчу».

Онъ вынѣлъ поглядѣвъ, какъ убраютъ гречу,
И гости вѣтъѣтъ съ нимъ. Народу много тутъ.
Нагрянулъ толпой. Наруженъ, виднншъ, сухъ:
На мѣтъѣ разобратъ, какъ слѣдуетъ, границы:

*) Войскій — во время всеобщаго возстанія ополчѣтъ шляхетскяжъ жовъ и дѣтѣй.

Есть стародавній споръ у графа и Солпица
Объ зѣмѣтъ. Этого спору поросъ уже травой,
Какъ зѣмокъ. Здѣсь теперь ассессоръ*), етаповой
И подкоморій**) самъ, съ женой и дочерями;
Панснѣи въ хѣтъ пошли на ужинъ за грибами;
А панство-молодежь охотится съ ружьемъ.
Пойдемъ же.» И они отравилися вдвоемъ.
Дорогой не могли они наговориться.
А сонце къ западу ужъ начало клониться,
Горя, какъ нахара румяное плно,
Когда, прѣди съ работъ, онъ ступилъ на крыльцо,
Садится ужинать — и послѣ снѣтъ до свѣту;
Садится ужинать — и угомону нѣту.
Сверхавшій зеленюю на горизонтѣ боръ,
Покуда надалъ лучи ему въ упоръ,
Сталъ видимо темнѣтъ, подобно синей тучѣ;
Вокругъ, съ болотъ и рѣкъ, подилася паръ летучій;
Ужъ сонце скрылоса; лишь только свѣозъ верхнншъ
Порой прорѣжася горящій лучъ одинъ,
Какъ пламя отъ свѣтънъ свозъ оконныя шени.
Погасло. Въ полѣ мракъ. Телеги заскрипѣли:
Везутъ хозяину въ амбаръ и на гумно
Овсяные снопы, гречиху и пшею.

Летятъ пернатя на гнѣзда, подъ поѣтъи...
Идѣтъ домой судья; съ кормншшею дѣтъи
Влѣтутъ напередъ; потомъ хозяинъ самъ
Съ подкоморною и, обокъ прочнхъ дамъ,
Солдно шестуетъ вѣльможнншъ подкоморій.
Позадѣ — молодежь. Кто въ шлѣтъ несъ накорій,
Кто — бнѣтныя грибы; что въ погѣтъ ни напши,
На ужинъ годнаго, въ рукахъ съ собой несли,
Заботася старшему отдалъ почѣтъ дорогой:
Судья во вѣсьм любилъ обычай дѣдовъ строгой,
Увѣрнѣтъ, что пока обычный этотъ живѣтъ —
И домо держатся и весь народъ счастливъ;
А если старина уступитъ новыя модамъ —
Прощай тогда Литва со вѣсьм своимъ народомъ.

Свиданье первое Тадеуша съ судѣтъ
Недолго длѣлоса: судья отѣръ полой
Горчичую слезу, окинулъ гостя взглядомъ,
Потомъ пощаловавъ — и путь держалъ ридомъ.
Какъ гостю, былъ ему особенншъ почотъ:
Что вѣтъѣтъ съ дамами домолъ онъ до воротъ.

*) Ассессоръ — началъникъ земской полиціи, родъ нашего исправника.

**) Подкоморій — старшій чинъ въ поѣтъѣ, родъ нашего предводителя дворянства. Одно время подкоморіи въ предоставлено разбиратъ тяжбы помѣщичковъ о границахъ.

Вѣтъя въ хозяйство все рушило съ поля —
Во вѣсьмъ хозяйская прогладывала волъ:
Взвываясь, шелкаеетъ наступншъ звонкій кулъ
И овца, пылъ подиавъ, гурьбой въ село бѣтутъ;
За нимъ тучина трипольскія корони,
Звонками брякал, влекуеа изъ дубровы;
Тамъ кони, ржа, летитъ со спомнѣнхъ луговъ;
Внѣтнѣе овецъ, вѣсьмшй звонъ роговъ
И тонотъ лошадей саная въ гулъ однншй.
Тадеушъ сельскою, забной нѣтъ, картиню
Не налюбуеа и смотрнть, какъ стада
Свѣшать, гдѣ изъ бѣднш студеныя вода
Въ колоды длннныя блестящнш тономъ лѣтсѣ
И манетъ колесо большое у колоды.

Судья, хотъ и усталъ, а вѣс-таки соблюлъ
Обычай: въ замрокъ съ свѣтъншъ заглянулъ.
А войскій между-тѣмъ въ свѣтъншъ Брехальскншъ
возникъ

Соображенншъ предѣлншъ серьезншмъ:
Въ отсутствіи суды Брехальскій, подъ шумокъ,
Всѣю мебель изъ дому, какою только могъ,
Вѣтъя перенести прислугѣтъ въ зѣмокъ древншй,
Который ветхою руиню подъ деревней
Стоялъ наспунншшъ. «Къ чѣму переноснть?»
Хотѣлъ-было судья у войскаго спроснть,
Но войскій ускользавъ и не давалъ отвѣтъа
Опредѣленнаго, затѣмъ тревогу згу
Онъ поднялъ. Наконецъ, сообрашншъ пошли
Гурьбой къ развалинамъ, чернѣющншъ владѣ,
Чтобъ тамъ отожнжнть. Лишь тутъ хозяинъ строгой
Дознался кое-какъ отъ войскаго дорогой,
Что въ домѣ мѣста нѣтъ: такая тѣсноа —
Не поворотншся; развалина же та
Гладнть развалиной лишь издала, снаружн,
А близко никакихъ хоромъ она не хуже,
Хотъ и треснула внутри одна стѣна.
За-то уже просторѣтъ, раздолье, шнрина;
Къ тому жь и погребѣ, насѣдѣтвенныя винн...
Но былъ, сверхъ того, особнш прнчннн.

Шаговъ на тысячу отъ дома, на холмѣ,
Какъ привидѣніе возникшее во тѣтъ,
Торчала зданіе — жестокая напѣшка
Надъ слабой пропашкѣтъ дѣтъ. Хозяинъ, графъ
Горешка,

Погнбъ въ часы лихихъ убойнш и воинш;
Пѣтънншго тотчасъ же роданы
Наслѣдншкнмъ, не-то въ секвестрѣ казнаю взыаы,
Лишь зѣмка ннкому нелупаннш палата
Однн осталися пока еще ннчнш,

Сидя на рубежах Горешки и судьи,
И древней суетой своею не смущали
Показавши никому: наслаждения смѣшали,
Что реставрация потогонит много суммъ,
Которая, подчасъ, важнѣй, чѣмъ славы шумъ.

Вдругъ прибрил родственникъ Горешки подаленный,
Графъ, странникъ и поэтъ. Облѣхавъ повоеленой,
Онъ думаетъ о себя въ полмѣстѣяхъ отдохнуть,
На смоты своего прикащика взглянуть,
Немного осязая свой духъ въ глаши мустинной
И, сразу поражающъ развалиной старинной,
На замокъ предъявляя права свои — тогда жь
Пришла и судья такая точна блажь:
Загѣляя процессъ въ судѣ, потомъ въ сенатѣ,
Потомъ опять въ судѣ и, наконецъ, въ сенатѣ.
Три года дѣло то разсматривалъ сенатъ,
Поведу, послѣ сорей и всахъ новыхъ тратъ,
Процессъ не повернуть дорогою общинной
На разбирательство управы пограничной.
Всѣ это вѣдая, знатокъ статей и правъ,
Брехальский находитъ, что замокъ тотъ знаяъ,
Они практически и дѣльно поступили:
Залъ былъ какъ рефетаръ; въ боку покои были
Для канцелярии. У оконъ и дверей
Кудрявые рога и головы звѣрей
Напоминали всѣмъ про дѣдовскій обычай
Чертоги украшать охотничьей добычей;
И даже надписи видѣлись вездѣ,
Гласившія о томъ, когда, и кѣмъ, и гдѣ
Убить такой-то звѣрь; и явственно дотождѣ
Сіявъ Горешки гербъ: коза въ зелѣномъ полѣ.

При факелѣхъ вошли и стали по мѣстамъ;
Для подкоморія — но званью и лѣтамъ —
Вверху почетный стулъ; хозяинъ посредничѣ.
Косидля-квестаръ прочиталъ молитву по-латини.
Тутъ, водки выпивши, усѣлись наконецъ,
И живо стали бѣть литовскій холостецъ.
Тадеушъ хотъ и былъ лѣтамъ всѣхъ моложе,
Однако помѣщенъ въ углу почетномъ тоже,
Какъ вновь прибывшій гость. Межь людей и межь
нимъ
Остался лишь одинъ приборъ незанятымъ
И ждалъ, казалось, прибитія ного-то.
Судья поглядывалъ съ тревогой и заботой
То на дверь, то на стулъ; и грѣтъ смотрѣлъ туда
И, хотъ былъ его сосѣдка молада,
Дочь подкоморія, и хороша собою,
Но непонятною какою-то судобою
Ни слова съ нею онъ не выронилъ изъ устъ

И всё поглядывалъ туда, гдѣ стулъ былъ пустъ.
Черты прелестныя въ умѣ его сповали
И видимо ему покой не давали.
Такъ на болотѣ въ дождь играютъ музари,
Колесби доухи, тростинки и куцари,
Вдругъ зиня озѣръ ихъ сѣти пробиваетъ
И наверхъ дарственно и нишо выплываетъ.
Ужъ третье кушанье на столъ принесено.
Тутъ въ старшей дочери принудивши вино,
А младшей огуры подавши и цукорій,
Замѣляя съ тайною досадою подкоморія:
«Впервые довелось мнѣ ничне, старину,
Для дамъ прислуживать; ни разу на вѣку
И не видать еще... во времена не схожи;
Что дѣлать, ежели никто изъ молодежи
Не догадается!» Тогда разнули въдругъ
Со всѣхъ концовъ стола десятки дюжихъ рукъ.
Судья — Тадеуша, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ,
Сердитымъ съ головы до ногъ окинувъ взглядомъ —
Сказавъ: «Ми, старини, заботимся о томъ,
Чтобъ воспитать ребятъ и ихъ въ столици шажь;
Не спорю: молодежь учоше отсюда
Къ намъ возвращается, но только вотъ что худо:
Науку — зная людей, приличья, формы, свѣтъ —
На это каедри теперь, какъ видно, нѣтъ.
Въ дни наши молодежь незнающая, бывало,
Въ домахъ зажиточныхъ магнатовъ прожизнала;
Я самъ вотъ у его у милости въ дому,
У подкоморія воспитанъ» — тутъ къ нему
Припалъ почтительно и обнявъ за колѣни —
«И не престану вѣкъ но Господу молений
За все его добро и заски, возности,
Хотъ бы могъ еще и болѣе просить:
Иной, черезъ него, по службѣ удостоенъ...
Но я не жадуясь; доволенъ и кошоень,
Что дѣдовские всѣ порядки соблюдаютъ
Связизала научень. Да, не мѣшаютъ знать:
Учтивость истинно великая наука
И не сейчасъ дается намъ. Не штука
Расмарнуться ногой, пристукнуть каблучкомъ,
Проворно въ воздухъ вернуть своимъ пошломъ,
Не-то заговорить съ прителемъ развальною;
Нѣтъ! штука поступать со всякимъ сообразно
Его значенію, сословию, лѣтамъ.
На-что отецъ съ дѣтими, съ женою мужъ — и тамъ
Свои отгѣвляи бѣтъ, особый сортъ причиній.
Такое, по крайности, прахѣдовскій обычай.
А разговоръ о чѣмъ? Дѣвныя пропашкъ лѣтъ;
Но задѣваютъ тутъ нерѣдно и повѣтъ,
Чтобъ показать намъ, что знаютъ повесѣлство
Прокляны ихъ; что все про нихъ давно извѣстно.

Такъ исполн у насъ въ обычай велось
И быть тѣмъ-вѣрнѣе бить; теперь все гѣзетъ врозь;
Случается, что лань приходитъ въ гости къ пану,
Какъ деньги въ дремуче въ карманъ Веспасіану,
Который не любитъ распросовъ, говоритъ,
Откуда, что и какъ, а быть дальнѣе радъ.»

Сказавши то судья и крикнувъ напоследокъ,
Обнявъ глазами всѣхъ сосѣдей и сосѣдокъ,
Затѣмъ, что хотъ всегда искусно рѣчь держалъ,
Но, тѣмъ не менше, по онту онъ зналъ,
Что ничне молодежь куда нетерѣлива
И какъ бы кто ни вѣлъ своей бесѣды жпво,
Чуть признается — ужъ и начнутъ зѣвать —
И надобно ее не кончать перервать.
Теперь всѣ слушали въ молчаніи глубокомъ.
На подкоморія ораторъ вспиуль окомъ:
Тотъ одобрительно отгѣвлялъ головой.
Тогда, наполившись бокалъ его и своей,
Ораторъ продолжалъ: «Да, подлинно, учтивость
Наука важная, и та въ ней особенность,
Что тѣмъ кто болѣ ту науку познаетъ,
Вынаетъ въ правила, которыя народъ
Огъ дѣдовъ сохраненъ и чтить еще дотождѣ —
Тотъ вѣсу въ обществѣ приобриѣтаетъ болѣ.
Такъ, если собственный узнать ты хочешь вѣтъ,
Вѣли, чтобъ кто-нибудь въ другую чашу взгляѣ.
За этимъ уважать я вамъ рекомендую
Учтивость. Если жь кто сосѣдку молодую
За трѣновой свожки внимаемъ обойдетъ
И не услужитъ ей, я думаю, что тотъ...»
Присѣвъ племянника онъ схриѣлъ грознымъ окомъ,
Готовясь выступить съ крутымъ ему урокомъ.
Тадеушъ поблѣднѣлъ, но подкоморій вдругъ,
Всю заду взорамъ опичувиши вокругъ,
Легкомъ пальцами ударилъ въ табакерку
И молвилъ: «Такъ-то-такъ, но если на повѣрку
Начнемъ все взвѣшивать и все соображать:
Нользя намъ молодежь свою не уважать.
На памяти мой гораздо хуже было,
Когда заморскаго народу навалило
Сюда, хотъ зрудъ зрудѣ: намъ изъ чужой земли
Обачаеъ они и моды навезли,
А наши юлони сейчасъ, но ихъ примѣру,
Забывъ отечество, родной языкъ и вѣру,
Въ наставникахъ своихъ не чая и души,
Надого бросили чамари, кунтуши,
Давай по ихнему кафтанъ шить кургузы —
И стали всѣ на видъ какъ истие французы,
Ну такъ, что иногда нельзя и разобаръ,
Кого кого Господъ захочетъ покарать,

Разсудокъ онъ затмилъ у тѣхъ: объ эту пору
Не думали давать и старше отпору
Той басурманщинѣ; повсюду былъ разладъ,
Повсюду — будто бы на сирной маскарладъ,
Покуда не пришла совсѣмъ иная доля:
Во слѣдъ за сирною, великій постъ — неволя!»

«Лѣтъ пятьдесятъ тому, въ повѣтъ Омшанскій къ
намъ,
Я помню, зажажать любилъ по временамъ
Подчашничъ, первый, кто у насъ кафтанъ француз-
скій
Надѣлъ; тогилась всѣ за этой трясогозкой,
И даже липамъ тѣмъ завидовалъ весь свѣтъ,
У чѣхъ воротъ стоялъ его кабриолетъ.
А кучеръ у него въ чулкахъ ходилъ; ботинки
Носилъ онъ съ прижками, а ноги какъ тичинки
На козахъ, рядомъ съ нимъ, сидѣлъ косматый пѣсь,
Котораго съ собой изъ-за моря привѣзъ
Подчашничъ. А назъ, увиди ту карету,
Твердилъ, что ѣздилъ въ ней нѣмецкій чортъ по свѣту,
И всякій ослепилъ свѣтлѣмъ себя престою.
Какъ одѣвался самъ Подчашничъ, я о томъъ,
Во всѣхъ подробностяхъ описывать не стану,
Скажу лишь, что нохожъ онъ былъ на обезьяну.
Отъ подражанія ему предостережъ
Могли бы старшіе, но сдерживали рѣчь,
Чтобъ шуму не поднять, чтобъ судьи наши строги
Не вздумали кричать, что не даемъ дороги
Мнѣ просвѣщенію. Подчашничъ говорилъ,
Что за моремъ народъ вопросовъ тѣмъ рѣшилъ,
Что всѣ между собой равны тамъ люди стали;
Хотъ мы о томъ давно въ писаніи читали
И проповѣдуемъ въ костѣлахъ всякій день
Кесанди; но ежели французскій болелетъ
Не подтвердитъ законъ не можетъ быть закономъ!
Подчашничъ приржажалъ въ то время намъ барономъ,
Затѣмъ-что за моремъ былъ въ модѣ титулъ тотъ.
Когда же титулы во Франціи народъ
И привилегіи магнатовъ уничтожили —
Ставъ демократомъ онъ; а еслибъ долше помылъ,
Богъ знаетъ прозвине какое бы пообрѣлъ.
Вѣкъ этихъ обезьянствъ, но счастью, прошолъ
И ничне попенуть нельзя намъ молодежи,
Что ѣздитъ за море она — мнѣтъ одѣвъ,
Иль, Господи прости, коверкаетъ свой языкъ.
Приваніе свое французъ теперь позастъ:
Ихъ кесарь, Вонопартъ, голдуеъ не о модахъ,
А объ оружіи, о дарствахъ, о народахъ;
По маню его, сбравится полкъ —
И слыши по свѣту вновь стали поляки.

Тадеуш ободрился сказать: «все дѣло въ томъ,
Чей нѣсъ опередитъ; не можетъ быть тутъ споръ,
Особенно, когда псарни спустился стору
Едновременно, въ одинъ и тотъ же мигъ.»

Ассесоръ, слыша то, наморщилъ гнѣвный лизъ
И на Тадеушъ остановился взглядомъ,
Которой полонъ былъ и горечью, и ядомъ.
Ассесоръ меньше въ движеніяхъ былъ шивъ;
Чѣмъ лютый врагъ его, и меньше кричалъ;
За-то на раутѣ, на сеймѣ, середѣ бала
Боялись всѣ его: языкъ его, какъ жало,
Лизилъ и волности умѣлъ лускать острѣй,
Чѣмъ добавленія нинхъ календарей.
Когда-то человѣкъ съ значеньемъ и богатій,
Провѣлъ онъ молодость азартно, мотовато,
На сѣбѣ дахъ, въ сеймникахъ, по армаркамъ кутилъ
И всѣ отповское имѣніе спустилъ.
Теперь же поступилъ на службу изъ расчюту,
Чтобъ вѣсь какой-нибудь лизъ; любилъ охоту
Для развлечения, а частью потому.
Что громкій звукъ роговъ напоминалъ ему
Потѣхъ прежнихъ дѣтъ, охотничьи забавы
Съ огромной псарнею, веселыми обзавы
И ширнства среди насѣдственныхъ дѣсовъ.
Отъ псарни той едва осталасъ нара псовъ,
На утѣшеніе ему — и смѣтъ теперь позоритъ
Главѣйшаго изъ нинхъ! смѣяться, дерзко споритъ!
И кто жь! молососе! столчничій неучъ, гости...
Съ трудомъ скрывая гнѣвъ, и бакенбарды глядя,
Ассесоръ выступилъ и, бакенбарды глядя,
Сказалъ Тадеушу: «Когда бы панскій дядя,
Или хотъ тѣтушка вмѣшаласъ въ этотъ споръ:
Опн, живя въ селѣ, видана больше своръ
И замѣчана ихъ, пожалуй, были бы сильны;
Но нашъ, всего лишь день вернувшійся изъ Вилны,
Едва ли можетъ быть судьбою избранъ здѣсь!»
Тадеушъ, услышавъ тѣ рѣчи, вешкунулъ весъ,
Присвѣталъ изъ-за стола — ассесору бы горе!
Но въ табакерку вдругъ ударилъ водкоморій,
Понюхалъ и чихнулъ — всѣ крикнули вивать!
А онъ имъ посѣтъ такъ: «дѣтъ подѣ сорокъ назадъ,
Въ дни нашъ, братія, панове добродѣи,
Всѣ эти разныя охотничьи затѣи,
Всѣ споры шумные кончалась межъ дубравъ;
Поэтому нашъ гость едва ли будетъ правъ,
Теперь, за укинномъ, попросъ такой рѣшалъ.
Но учреждается охота здѣсь большая
На завтра: завтра мы всѣ споры разрѣшимъ;
А нинѣ, съ вечера, панове, поспѣшимъ
Приготовленьями какъ слѣдуетъ заняться;

И графъ съ охотою своею, можетъ-статься,
Пожалуетъ; и васъ мы просимъ, панъ-судья,
И дамъ, и паневъ всѣхъ; на старостѣ дѣтъ и я
Попробую: гурьбой всѣ двинемся мы вмѣстѣ;
Я, чай, и войскій нашъ не увидитъ на мѣстѣ!»

А войскій на другомъ сидѣлъ концѣ стола
И словно не слыхалъ, что объ охотѣ шла
Бесѣда ярая. Всѣ споры проликая
И въ пальцахъ табакую ценить переминала,
Онъ, наконецъ, его отчаянно нюхнулъ
И громко посреди компаніи чихнулъ;
Чиханье войскаго откликнулося эхомъ
Подъ сводами; а онъ такъ началъ съ горькимъ смѣ-
хомъ:

«Дивитъ меня, ей-ей, вашъ споръ о нарѣ псовъ,
Съ такою яростью и въ столько голосовъ!
Что если бы въ гробахъ оиъ мертвыхъ растревожилъ,
Когда бы нашъ Рейтанъ опять межъ нами ожилъ
И споръ услышалъ тотъ: онъ вынести бы не могъ,
Вернулся бъ на погостъ и вновь въ могилу лѣтъ!
Ихъ Неселовскій нашъ, охотиниъ первый въ свѣтъ,
Какихъ ужъ боѣтъ нѣтъ и первый панъ въ повѣтъ,
Въ имѣніи своемъ до сихъ живущій поръ,
И держущій псарей по пански члѣмъ дуръ
И сто воровъ сѣтой медвѣжьихъ. Онъ ужъ нинѣ
Не ѣздитъ колесатъ; отшельникомъ въ пустынѣ
Сидитъ среди своихъ отеческихъ дубравъ,
Благопетровичу и то разъ отказвалъ!
И пусть сидятъ себѣ ужъ лучше бирюжани,
Чѣмъ ѣздятъ этакимъ панамъ — за русаками!
Въ дни нашъ: туръ, медвѣдь, кабанъ, олень и досъ —
Вотъ настоящими звѣрями что зналось,
Что любить чаму, плузу, да камши, да тои;
А звѣри безъ колгой гравни лишь хоизни;
Пани же нехотя вели о томъ и рѣчь.
Ругать, въ которое набита не картель,
А дробъ, считалосъ на-вѣки оскверненнѣмъ,
И нану взять его — попустому незакононимъ
И непростительнымъ. А, впрочемъ, и борзыхъ
Держали для того: когда съ охотѣ дѣсныхъ
Случалосъ по полямъ, по стени возвращающаяся,
Чтобъ было чѣмъ подчасъ ребѣтамъ забавляться
И протравивъ шутя иного русака;
А старшіе, смотря на нихъ издалева,
Смѣялись. Потому и мнѣ прошу дозволитъ
Остаться и меня на этотъ разъ уволитъ
Отъ колесанія въ степяхъ на русаконъ;
Что дѣлать: у меня обичай ужъ таковъ!
Гречеха я зовусъ: еще отъ друда Леха
На зайцевъ ни одинъ не посылалъ Гречеха!»

Всѣ въ смѣхъ ударились и, вставъ изъ-за стола,
Изъ замка медленно компанія пошла.
Сначала выступили преважно подкоморій:
Замѣтно по лицу, что въ добромъ былъ юморъ;
Идъ, привѣтливо онъ кланялся гостимъ;
Съ подкомориною хозяйнѣ поль, а тамъ
Попарно прочіе. Ассесоръ поль съ Крайчанкой,
А стамоной, въ концѣ, съ Варварой Гречешанкой.

Тадеушъ забрался дремать на сѣноваль.
Въ воображеніи у юлони сповалъ
Тотъ вечеръ. Боже! всего звонило въ ухо
Ему, какъ бы пчела проклятая, или муха,
Название «тѣтушка». Хотѣлъ потолковать
Объ этомъ съ вознимъ онъ — не могъ его поймавъ.
Запропастился толь куда-то съ нимъ и войскій.
Тадеушъ пометалъ — и быстро сонъ геройскій,
Сонъ иривной юности спустился на него:
Заснулъ какъ богатырь, не видя ничего.

Черезъ полчаса вездѣ такая тишь настала,
Какъ бы въ монастырѣ: всѣ спомъ невнинныхъ снаю,
Какихъ въ сѣмахъ водится; лишь сторожъ въ доску
Билъ,

Да въ комнатѣ судьи оиъ еще свѣтилъ:
Хозяинъ былъ за всѣхъ въ тревогѣ и заботѣ
И съ вознимъ говорилъ о завтрашней охотѣ:
Хотѣлось всѣ ему какъ-надо снарядитъ
И соответственный порядокъ учредить.
За этимъ, времени не тратя попустому,
Приказъ отдавалъ оиъ войтамъ, эконому,
Личничимъ; наконецъ сказалъ, что хочеть снатъ
И возниъ долженъ быть его разоблачатъ:
Сначала носъ снатъ оиъ слункій, златолитый,
Въ узоры вѣстрые шедлами весъ расшитый,
Съ кистями по концамъ, двучичневый: одна
Была у пояса шитнаго сторона,
Другая чорная; носили у узорной
Наружу стороной, то траурною, чорной,
Во дни печальныя; и такъ, какъ надо быть,
Врехальскій носъ тотъ умѣлъ всегда сложить.

Окончинни по всѣмъ порядкѣ раздѣлывае,
Оиъ отпустилъ судѣ такое замѣчанье:
«А что дурного тутъ, что ужинъ въ замѣтъ данъ:
Убитку никому, за-то вельможный панъ
Изволитъ выигралъ, пожалуй, этакъ дѣло.
Другая сторона немного проглядѣла
И ей, какъ кажется, совсѣмъ и не въ домѣкъ,
Что тотъ, кто пригласитъ гостей на ужинъ могъ
Въ домъ, въ замокъ, или куда, имѣеть значить право,

По силѣ тысячи второй статьи устава,
На оио мѣста; лишь стоить намъ присѣсть!
И написать о томъ; свидѣтели же есть...»

Хотѣлъ было еще прибавить да оиъ слова
На заключеніе, но проку никакова
Не вышло бы изъ того: судья уже хранилъ!
Тутъ возниъ выбраласъ, въ сѣмахъ въ огню присѣлъ
И вынулъ книжечку: *Вокандиу Трибунальскую*
Зваласъ она; онъ носилъ съ собой Врехальскій
Какъ бы молитвенникъ, *Отмарикъ Золотой*;
Всѣ было для него въ немудрой книжкѣ той
И съ нею никогда оиъ вѣкъ не разставаласъ,
Съ ней сналъ, и ѣлъ, и пилъ, и въ дальній путь пу-
скался.

Всѣ тяжбы, искн всѣ туда занесены,
Что бы нѣкогда въ повѣтъ ведены,
О воихъ позымы носилъ оиъ лицамъ разнымъ.
Иному книжка та казаласъ только празднымъ
Переисчисленіемъ фамилій, а ему
Являла кучи дѣлъ и приключеній тму.

И такъ, присѣвъ, читалъ: Огинскій съ Высогирдомъ,
Квилецкій съ Рымшею, князь Радзинилъ съ Выш-
гирдомъ,
Гедройцъ съ Мицкенчель, съ Почобутами Занъ,
Благопетровичъ противъ доминпаня,
Юра съ Кунесами; затѣмъ другія лица,
А за заключеніе: Горешна и Солица.

Читая строки тѣ, оиъ живо вспоминалъ
Процессы, партіи, висовой трибуналь,
И самого себя предъ этимъ трибуналомъ,
Въ жупанѣ, а не-то поучасъ въ кунтушѣ аломъ,
При саблѣ — словомъ, какъ ходилъ въ тѣ тои;
Онъ громко восклицалъ: «вниманье, господа!...»
Такъ рассуждаючи, заснулъ мало но малу
Послѣдній на Литвѣ глашантый трибуналу.

Тавиъ великъ забавы и дѣла
Среди спокойнаго литовскаго села,
Межь-тѣмъ, какъ громъ побѣдъ гремѣлъ въ Берою
члѣой

И дивный оиъ вождь, богъ Брани, геній смѣлій,
Звѣздой на челѣ бесчисленныхъ полковъ
Сналъ, съ златыми въ рядѣ серебряныхъ орловъ
Въ побѣдоносную затряпичи колесницу —
И заносилъ уже грозившую десницу
Надѣ съверхомъ. Его хоругви, знамена
Внѣчанныи словою носили имена:
Маренго, Абукиръ, равнина Аустерлица,
Узьмъ, Таборъ... Съ узасомъ полночная столица
Слѣдила всѣ его движенія и шаги:

Единый миг еще — и встретятся враги!
 Въ Литвѣ ужь начина кружить порою вѣсти
 О близости войны. Вернувшись съ поля чести,
 Толкался по селу подчасъ легіонеръ
 Какабоя въ рубищѣ, и если офицеръ
 Московской арміи отсюда былъ далеко —
 Распространялся онъ соотичаемо широко
 О разныхъ чудесахъ. Какъ жалелъ всѣ къ нему!
 И что спасителю внимали своему,
 Нерѣдко жаркими слезами обливался!
 Онъ братьямъ говорилъ, что, по свѣту скитаеся,
 Слышалъ онъ, будто бы Домбровскій генералъ
 Дружными водами несчетно собираетъ
 Въ Ломбардинъ, загнѣвъ, чтобъ устремиться къ
 Польбѣ;

Что полчища его растутъ все больше, больше
 И что Князевичъ шасть отсюда жь имъ поклонъ;
 Что побѣдителемъ вполюбъ недавно онъ
 Въ столицу кесаря, къ ногамъ Наполеона
 Опроваженіи повернувши знамена —
 Сто семидесятъ знаменъ! Что, наконецъ, лихой
 Яблонскій къ тропкамъ штандартъ забросилъ свой,
 Въ горячіе песни: звать, тамъ привольный сердцу,
 Гдѣ сахаръ топится на солнцѣ, роши перцу
 Растутъ, и надо всѣмъ — какъ хотятъ небеса!

По своему народу всѣ эти чудеса
 Тихонько объяснялъ; рассказъ изъ хаты въ хату
 Вѣдалъ; всѣ вѣрили рассказнику-солдату.
 А молодежь, порою, услыша про войну,
 Бросала ночь шуюкъ родимую страну,
 Вооружаяся древоліемъ, косами,
 И пробиралась вдаль дремучими лѣсами,
 Туда, гдѣ строились на Нѣманѣ поляны
 И ждали братю-литвинюе поляны.
 Скрываю по ночамъ литовская телега;
 Когда жь являлся братъ: «да здравствуетъ колгата!»
 Кричали всѣ ему; привѣтствія несла...
 Такъ въ Польшу изъ Литвы на Нѣманѣ пробрался:
 Горюцкій, Гедеминъ, Петровскій, Обуховичъ,
 Рожницкій, Палецъ, Гедройцъ, Бернатовичъ,
 И мало въ ихъ числѣ, еще вѣчно имена,
 Какъ бы священные, чтить будетъ вся страна.

Порой прибывшаго къ литвинамъ издадале
 Выдалъ вестари: онъ вѣлъ тихонько рѣчи
 О томъ, что про войну и про французовъ зналъ;
 Нерѣдко подъ полой показывалъ журналъ,
 Гдѣ были всѣ полки росписаны, какъ надо,
 Всѣ имена воеждъ, названіе отряда,
 Въ которомъ состоялъ иной легіонеръ;

Гдѣ отличился кто, солдатъ или офицеръ,
 Гдѣ палъ; когда о томъ въ семействѣ узнавали
 Покойнаго — сейчасъ же трауръ надѣввали,
 Боясь говорить — по комъ онъ, отчего.
 Такъ тихая печаль въ семьѣ, или торжество
 На лицахъ, можетъ-быть, подчасъ съ иной при-
 мѣтой,

Краснорѣчиво служили всѣмъ газетой.
 Подобнымъ вестаремъ былъ Робакъ бернардинъ.
 Нерѣдко по ночамъ онъ сжигалъ одинъ
 Съ судейѣ, бесѣду о чѣмъ-то вихомлею;
 Порой до пѣтуховъ другъ съ другомъ безъ умолку
 Секретный разговоръ заглядывало вѣли —
 И послѣ всякій разъ въ повѣтъ толки шли
 Межъ шляхты и пановъ: какал-либо новость
 Кружила по дворянъ. Вседашняя суровость
 Коенда и самый видъ фигуры и лица,
 Гдѣ рѣзко значились шпирюхъ два рубца,
 Какъ будто сабли слѣды, или, можетъ, рана пикой,
 Служили для иныхъ таинственной улыкой,
 Что не всегда сидѣть глаголющихъ монахъ
 Въ тиши монастыря, въ глухихъ своихъ стѣнахъ,
 Смирненно бормоча обычныя молитвы,
 Напротивъ: видѣлъ свѣтъ а, можетъ, зналъ и битвы.

Случалоя, когда народъ его словамъ
 Внималъ почтительно и онъ вѣдалъ: *миръ вамъ!*
 И послѣ шликсецкии и причетъ другъ за другомъ —
 Онъ дѣлалъ поворотъ какъ бы налѣво кругомъ,
 По приказанію вождя, середь дружины.
 Не-то, на панерти моляся, бернардинъ
 Провозглашалъ *аминъ* такимъ суровымъ тономъ,
 Какъ бы командовалъ въ то время эскадронномъ.
 Въ политикѣ же былъ гораздо онъ силнѣй,
 Чѣмъ въ знаньи *тропарей, каноноевъ и Мисей.*
 Когда же объѣзжалъ за квестую деревни,
 Подчасъ заглядывалъ въ убогія харчевни,
 Гдѣ пьесма отъ жидовъ секретно отбирая;
 Но при людяхъ чужихъ тѣхъ лихсею не читалъ;
 Имѣлъ таинственныхъ агентовъ по приходамъ,
 Бесѣдовалъ въ вѣрчихахъ со шляхтой и съ народомъ;
 Твердилъ, что кто-то къ нимъ придетъ бѣдѣ помочь;
 Теперь же бернардинъ къ судѣ явился въ ночь,
 Имѣя важныя, пондимуемо, вѣсти —
 А тотъ уже хранилъ со всей деревней вмѣстѣ.

ПѢСНЬ II.

Кто лѣтъ не помнить тѣхъ, когда въ снастливой
 долѣ
 Онъ юношею былъ; ходилъ отважно въ полѣ,

Завинувъ метку въ витювку на плечо,
 А бѣшеная кровь кипѣла горячо?
 Какъ птица вольно въ степи, среди дубравъ шпирюхъ
 Бродилъ по всѣмъ путямъ и въ небесахъ далѣннхъ
 Зарайъ, какъ пророкъ, онъ буря узнавалъ;
 Порой, какъ чародѣй, къ землѣ онъ принадлеаъ:
 Она, безмолвная для прочнхъ, какъ могла,
 Таинственноу рѣчи съ нимъ тихо заводила.
 Вотъ, утренній вѣснучѣ, задержалъ карастея,
 Вспорхнулъ — и вновь упалъ въ зеленую поседа:
 Его не слышешъ тамъ; вонъ жаворонокъ вѣется,
 Звенитъ — и пѣснь его далеко раздается.
 Или зстребъ, просвѣстѣвъ крыломъ подъ облаками,
 Поиспѣтъ въ воздухѣ надъ тѣмными лѣсами,
 И влуритъ на голубя, спорхнуваго съ глѣзда,
 Онъ упадетъ съ высоты небесныхъ, какъ звѣзда.

О, милый сердцу край! Когда жь дозволитъ боги
 Узрѣтъ мнѣ отчихъ хатъ знакомые пороги?
 Удастся ли опять въ Литвѣ моей пожить
 И въ конинѣхъ псарей по прежнему служить,
 Не знаа битвъ иныхъ, окромѣ лишь охоты,
 И вмѣсто всякихъ книгъ слѣда бурмиистра счоты?

Тн вновь приснился мнѣ, полей моихъ просторы:
 Вотъ солнце медленно выходитъ изъ-за горъ,
 И въ рощу, сквозя вѣтвей, блугутъ лучи денницы,
 Какъ ленты изъ воеи души моей дѣвнцы;
 Заглядываютъ въ садъ, на желтое гумно
 И бугають сонную красавицу давно:
 На тѣмной муравѣ лежитъ она; занити
 Пылаютъ розами; уста полуоткрыты
 И грудь высокая выдается слегка,
 И бѣлозвѣжная откинута рука...
 Проснись! уже пора: чу, хлопнувши крылами,
 Ужъ лебедь началъ лѣтъ надъ сонными водами
 Свой гимнъ торжественный, привѣтствіе зарѣ,
 И гусъ загоголатъ съ гусиной на дворѣ;
 Какъ эхо, на прудѣ имъ утн отвѣчали;
 По кровлямъ воробии, скача, защебетали;
 На настища блугутъ весѣлмя стада
 И звонкій рогъ трубить въ долинахъ иногда.

Охотники давно проснувшись въ Соплицовѣ;
 Движене, суета; все въ сборѣ, готовѣ
 Въ отъѣзжъ легѣтъ. Визагетъ и скачутъ пси,
 Полны особенной и жизни, и краси,
 Выть-можетъ, одному охотнику почитной;
 На сворку проснется: то знакъ благопритный.

Выходитъ папъ-судья, компанію прося —
 И шумно двинулся за нимъ охота вся.
 Вотъ поле сѣрое предъ ловчими открыто,
 Гдѣ только-что нечоръ жнецы убрали жито;
 Кочваръ и борозди блугутъ, пестряя, въ даль,
 Туда, гдѣ синя небеса видна эмали,
 Слегка дрожащая отъ утренняго пара.
 Високия жмаи, подобие бульвара,
 Повсюду поросли косматой травой:
 Шахучилъ доинникомъ, реньями, лебедой,
 И все, гдѣ синя ландшафтъ шпиріой, необлганный,
 Все вѣгетъ свѣжестею, охотнику приятной —
 И бодро конь его, и пѣснь его бжигитъ...
 Вдругъ тихо раздаюся протяжное: «лежить!»
 Которое съ сѣда выводитъ дождячий,
 Поднявъ аранинхъ вверхъ: все стихло — визгъ
 собачій

И всей охотничьей аравы тогноты.
 Тадеушъ удержалъ ретиваго коня,
 Привсталъ на стременахъ и ждѣтъ, что зялецъ вско-
 чить,
 Глядитъ впередъ себя; но тщетно онъ хлопочетъ:
 Не видитъ ничего охотникъ молодой,
 Лишь только борозда бжигитъ за бороздой
 И въ безконечности терается далеко.
 Чтось видѣтъ русака, привичный нужно око;
 Тадеушъ отъ полей давно уже отвыкъ,
 А зялецъ, съѣзжившись, за кочкою приникъ
 Какъ-разъ противъ него, прижмась и таится,
 Почуявъ боржихъ псовъ и высочнхъ болтиса.
 Но вотъ ужъ у него аранинхъ на хвосту;
 Русакъ вскошилъ, попомолъ — «ату его, ату!»
 Задорные ловцы всѣ разомъ закричали
 И мигомъ, шль поднявъ, въ клубякъ ея пропали.

Въ то время подѣзжалъ къ охотѣ сбоку графъ
 Рысолой, какъ водится, на травлю опоздавъ.
 Ни разу отроду онъ не вставалъ до свѣту.
 Шотландскій эмантоншъ горюхаго цѣвту
 Полами длинными съ зѣфирами игралъ,
 Межъ-тѣмъ какъ всадникъ папшъ охоту озиралъ.
 За нимъ — одѣтне по англійскимъ лалемъ,
 Которые звѣднѣ въ дому его «жоженъ».
 Вдругъ замокъ передъ нимъ въ роши возстаѣтъ.
 Графъ смотритъ и викакъ его не узнаѣтъ,
 Затѣмъ-что поутру конитъ туда вперныя.
 Печеныя старыхъ нѣтъ морщины вѣковныя,
 И нанесенная столѣтними мгла,
 При утреннихъ лучахъ, съ гранитаго чеда
 Снята; улетѣлъ куда-то мракъ всегдашній —
 И замокъ весь сияетъ, съ его красивой башней.

Далекой травли гуль, крикъ стальных голосовъ,
По вѣтру донесены къ нему из-за гѣбовъ;
Ихъ шумъ драматическаго восторженія:
Казалось, замокъ вновь, народомъ пологъ, ожилъ.

Картонной поражонъ, графъ лошадей осадилъ,
Затѣмъ, что всякую печальность любилъ,
Оригинальна, массивныя строенія,
Съ печально старинъ, предашій и забвенныя,
Напоминанія дѣланія года.

Графъ былъ большой чудакъ: выдали иногда,
Какъ онъ, захвативъ охотиться въ дубраву,
Внезапно покидалъ охотничью араву
И молча гдѣ-нибудь садился надъ ручейкомъ.
Порой безъ толку бродилъ одинъ съ ручейкомъ:
Дичь видать, а не бѣгать: богъ-вѣсто о чѣмъ забота.
Твердили, что ему не достаётъ чего-то;
Что не совсемъ же въ порядкѣ голова;
Но всякъ его любилъ и знала все Литва,
Что тихо онъ живѣтъ, не судить и не ридить
О близнецахъ; что его и прадѣтъ, и прапрадѣтъ.
Такими жъ графами окончили свой вѣкъ;
Что, наослѣдокъ, онъ хорошии челоуѣкъ:
Хотя обременёнъ огромными долгами,
Но къ бѣднымъ милостивъ и ласковъ со слугами;
Что гостю всякому во всякій часъ онъ радъ
И даже для жиждовъ не гордъ и тароватъ.

Такъ точно и теперь съ охотой онъ простился,
Похвально въ сторону, предъ замокомъ очутился,
На стѣны посматривалъ, подумалъ — и тогда жъ
Досталъ изъ-подъ сѣда портфель и карандашъ
И ну чертитъ ландшафтъ. Вдругъ видать: кто-то
сбоку

Поддрался и стоитъ отсюда неподалѣку,
Весь въ созернаніи, спононъ, недвижимъ,
Казалось, тѣмъ же былъ недугомъ одержимъ:
Въ разрушенныхъ стѣнахъ разглядывалъ каменья,
Какъ-будто въ нихъ искалъ предметъ для вдохно-
вения.

Замѣтивъ пришлеца и свой портфель убралъ,
Тихонько на кофѣ къ нему подѣхалъ графъ,
Вглядѣлся пристально, оклинувши три раза —
И только тутъ узналъ онъ ключника Герназа.
То старій шляхтичъ былъ, давно какъ лунъ сѣдой,
Съ огромной ласиной, съ небритой бородой,
Съ физиономіей угрюмой и суровой,
Остатокъ жалостный отъ челяди дворовой
Горешки; въ оны дни очтачный бунякъ,
Гуляка, базагуеръ; когда жъ великоможный панъ
Горешка въ битвѣ палъ — Гервазъ переимѣнился:

Ходилъ насупившись, не спорилъ, не бранился,
Утихъ и присмирѣлъ — и вотъ уже много лѣтъ
На свѣтѣбахъ, на шпиряхъ простоялъ его и сѣдѣтъ;
Ни путны отъ него не слышно, ни усмѣшки
Не видно на устахъ. Послѣднѣю Горешки
Носилъ лирею онъ изъ синяго сукна,
Гдѣ были на боргахъ остатки табуна
И шпильный графскій гербъ — коза въ золотомъ полѣтъ:
Отъ этого козой зовутъ его дотогѣ,
Монакомъ иногда зовутъ и, наконецъ,
Что ласина въ рубцахъ, зовутъ его Рубецъ.
На счотъ его гербовъ... Но видно отъ гербами
Своими пренебрѣтъ: весь вѣкъ ходилъ съ ключами
И ключникомъ себя смиренно называлъ,
Хоть замокъ съ давнихъ поръ въ разваллахъ
стоялъ,

Безъ оконъ и дверей — въ томъ же было потерн —
Но ключникъ отыскалъ каки-то двѣ двери
И въ замкѣнхъ воздвигъ на собствении своей счотъ.
Съ-тѣхъ-поръ въ одной изъ залъ спокойно онъ живѣтъ,
По комнатамъ пустымъ одинъ-себѣ гуляетъ
И двери всякій день преважно отпиралъ —
И этимъ ситъ. Чудакъ у графа жить бы могъ,
Намолакъ бы для него и хлѣба тамъ кусокъ,
Но ключникъ, безъ своихъ горешковскихъ разва-
линь,

Безъ замка своего, былъ болѣнъ и печаленъ.
Лишь-только издали онъ графа увидалъ,
Горешку кровнаго — проворно шапку снялъ
И, низменный поклонъ отънесенный глубоко,
Вдругъ ласику открылъ, свѣтннвую далѣю,
Врадами взрзутую и вдоль и поперебъ,
Потомъ приблизился, опять до панскихъ ногъ
Припалъ, какъ слѣдуетъ, и поклонился шаго,
И робко началъ такъ: «Монаку мой, паниско!
Прости такую рѣчь слугѣ твоему!
«Монаку» говорилъ — да будетъ миръ ему!
Послѣдній столярникъ нашъ, Горешка. Иеный пане,
Монаку! правду ли богаютъ поселане,
Что бросяшь ты процессъ и старій замокъ свой
Солдцанамъ отдаёшь? Скажи: то слухъ пустой,
Монаку, или все, что замокъ — исправленно?»
А самъ поглядывалъ на замокъ болазиво.

— «По мнѣ тутъ ничего особеннаго лѣтъ»,
Сказалъ небрежно графъ: «процессу много лѣтъ!
Напрасно трагитесь! и дорого, и скучно!
Пора покончить споръ, простить великодушно
Другъ друга и задать на примиреніи миръ!»

— «Покончить?» крикнулъ тотъ: «простить? съ
Солнцей миръ?»

И это говоря, онъ страшно исскривился
И собственными словами не вѣрилъ и дивился.
«О, нѣтъ! ты шутникъ, панъ! покончить, воззваться!
Не вѣрю ни за что! Во-вѣкъ тому не быть!
Пустня вдумки, напраслина, насмѣшки!
Монаку! замокъ нашъ, насѣдѣю Горешки,
Солдцанамъ уступитъ? Съ Солнцей миръ? Ни-ни!
Пожалау, сдѣла съ кони, будь милостивъ, взгляни
На замокъ: ну, а тамъ пусть судитъ Богъ и время!»
И ключникъ придержалъ ему рукою стремя.

Вошли. «Вотъ здѣсь, въ сѣняхъ, старинныя панно,
Такъ началъ ключникъ рѣчь: «дворомъ окружены,
Сидѣли на скамьяхъ, по трапезѣ вечерней.
Панъ столярникъ разрѣшалъ отсюда споры черны,
Повѣстнхъ поселанъ; когда же въ духѣхъ былъ,
Гостямъ исторіи рассказывать любилъ,
Изъ самъ выслушивалъ ихъ шутки и бесѣды.
Порой на молодѣжь посматривалъ дѣды —
На итри въ бари, въ мячѣ; кто кричѣтъ и сильнѣй,
Тотъ панскихъ объѣзжалъ здѣсь по двору коней.»

Прошли еще покой. «А какъ о томъ разсудитъ
Мой панъ», сказалъ Гервазъ: «и каменной тутъ не
будетъ,

Что винныхъ бочекъ здѣсь разбило въ оны дни:
Рядомъ по стѣнамъ тутъ ставились они,
На кришнхъ полахъ изъ погребѣ добыты
Честноу илхотю, на праздникъ знаменитый,
Не-то на сельскій сеймъ собравшейся създа.
На хорахъ музыка играла иногда;
Органы до утра весь замокъ оглашали;
Когда жъ задранные вивалти возлашали —
Трубины трубы здѣсь, какъ-будто въ судный день,
И пѣли ивнѣю окрестныхъ деревень.
Вивалти рядомъ или: сначала пили гости
Здоровье короля, его крулевской мости,
Потомъ за здравіе ирмаса, а потомъ
Шошь тотъ уже за весь за королевскій домъ;
А тамъ за здравіе всей шляхти именитой,
А тамъ ужъ, наконецъ, всей Рѣчи-Посполитой,
Потомъ «Kochajmy się!» — тутъ свѣжихъ бочки три.
Послѣдній гость тремѣлъ до утренней зары;
Межь-тѣмъ, по строгому наказу воеводъ,
Гостямъ готовились и пути и подводамъ.»

Прошли въ молчаніи еще покой два.
По сводамъ, кое-гдѣ, висѣла уже трава.
Гервазъ не говорилъ, но, будто спомъ объятый,

Оглядывалъ кругомъ знакомыя палаты,
Насупивъ безъ того угрюмое чело,
Казалось, выражалъ молчащелью: «все прошло!»
Здѣсь жалостно кивалъ, а тамъ махалъ рукою.
Потомъ они пришли къ обширному покою,
Который прежде весь былъ убранъ въ зеркалахъ,
А нинѣ рамы лишь виднѣлись на стѣнахъ,
Здѣсь стѣловъ; выбиты глядѣли всё ошони;
Насупротивъ въ травѣ протоптанной дорожки
Наниско ветхое, убогое крыльцо.
Ступивши на него, старикъ закрылъ лицо
И долго простоялъ; когда же отнялъ руки —
Въ очахъ, на всемъ телѣ такъ много было муки,
Что графъ, хоть и не зналъ покуда ничего,
Глядѣлъ съ сочувствіемъ и грустью на него.
Молчанье прерывалъ, Гервазъ подилъ деснику:
«Нѣтъ», молвилъ, «панскаго Горешковъ и Соланку
Нелзя соединитъ! Монаку, и въ тебѣ
Течѣ Горешки кровь: не уступай въ борьбѣ!
Ты столярнику родни по матери Лочинякъ;
Узнай же про него исторію тн нинѣ;
Внимательно слѣди разсказъ мой до конца:
Всё это было здѣсь, и этого крыльцо!»

«Пойойный столярникъ мой былъ первый шагъ въ
повѣтъ,
Богачъ; имѣлъ онъ дочь всего одну на свѣтѣ,
Красавицу, тогда шестнадцати годовъ.

Отбою не было у насъ отъ жениховъ.
Межь шляхти былъ одинъ, не изъ большого рода,
Солдца, прозванный гдѣ шутки *воевода*:
Весь округ у себя держалъ на сторожѣ,
Про всё, что захотѣлъ, приказывалъ роднѣ,
И сотней ихъ шаровъ командовалъ заранѣ,
Какъ-будто у него лежалъ они въ кармакѣ;
Хоть самъ имѣлъ земли съ четыре полюсы,
Да саблю у боку, да длинныя усы —
И только. Столярникъ-панъ до этого народу
Вилъ ласковъ, принималъ почасту воеводу
И въ замкѣ угощалъ. Солдца мой (туда жъ
Захѣзѣтъ въ голову тапал дрянъ и блазнь!)
Монаку, выдумалъ, какъ-будто бы на ровнѣ,
Поснагати-понгати на нашей столярникнѣ!
Непрошенный сюда въ Горешнамъ зачестилъ,
Какъ дома у себя, у насъ и тѣл, и шпалъ:
Токавъ одного пошло не нѣтъ что дожинъ...
Но вдругъ ему гарбузы мы подали на ужинъ.
А панна видно то жъ, немного, знаетъ, того...
Однако никому объ этомъ ничего.

«Довольно лѣтъ тому: дѣла времени Костянн!»

Пань шляхту собирали; сходились друг ко дружке,
Конфедерацию почуявши вдали;
Вдруг, вь ночь, нагрянули на замокъ москали;
Изъ пушки выпалить едва осталось время,
Всѣ двери запереть и хворосту беремь
Подади навалить; а вь замкѣ — я, да пань,
Да двое поварить; кухмистеръ, хотъ и пьянъ,
А тоже вьзять ружьё; стволы во всѣ окошья...
Глядимъ, а москали, карабкаясь, какъ вошки,
Ужъ гвѣзутъ на заборъ; мы зальшъ имъ прямо въ лобъ;
Кто на плетви повисъ, кто сверху на земъ хлопъ —
Разъѣлисъ — и тутъ пошолъ огонь батальный,
Гремя безъ усталъ, какъ въ битвѣ генеральной.
Пятнадцать на полу лежало ружей тутъ:
Пали изъ одного, другое подають;
Кебдязъ-пробоиць заряжалъ и ствольника-пань;
Всѣ было мастерски обдумано заранъ.
Градь нуль изъ-за плетви пустило москали
И, нѣчего сказать, порядкомъ насъ дошли;
Проклятыи сулоостъ быль вьетверю сибише,
Но, видно, сверху ми удачнѣй и вѣрише
Навалить могли: врагъ трижды напиралъ,
Но кто-нибудь всегда вверхъ ноги задиралъ
И по луку камешекъ его катился черныи.
Но самого утра книжалъ здѣсь бой унорный.
Всего-то пряи стрѣльцовъ, а заданъ ми жаръ!
Подъ утро москали бѣжали за амбаръ
И тамъ стоянишисъ: всѣ: пришло имъ больно худо.
Пань вышель на крыльцо и ну палить оттуда:
Чуть голову какой высовывалъ хозень —
Пань-стольникъ за ружьё: бабахъ! и прямо въ лобъ.
Мы также рядомъ съ нимъ огонь открыли меткий,
И поднино, отъ насъ украдывался рѣдкий
Пѣхура за амбаръ. Тутъ битвѣ бъ и шабашъ:
На штурмъ хотѣли мы; пань выхватилъ палашъ:
«За мной, Гержавъ, за мной!» Вдругъ выстрѣлъ
— съ боку грянулъ —
Пань-стольникъ побѣднѣлъ, шатнулся и отпрянулъ
Назадъ; я посмотрѣлъ: попала нуля въ грудь.
Хотѣлъ онъ говорить, лишь могъ ружью махнутъ,
И пальцемъ показавъ на крайнюю сѣвлицу —
Узналъ я, угадавъ разбойника Солицу
По росту и усамъ — и сердце мнѣ моё
Сказало. Онъ стоялъ, держа въ рукахъ ружьё,
Насупротивъ, и дымъ еще струился бѣлый.
Я вмилъ прицѣлился — онъ сталь какъ померзвыи;
Я дважды выстрѣлилъ и дважды промахъ далъ,
Съ досады, съ горя ли. Тутъ крикъ я услышалъ:
Объяжались изъ дому кебдязъ-пробоиць, панна, пань,
Потомъ и москали... Но это какъ въ туманѣ
Я помню... Такъ погибъ, такой имѣлъ конецъ

Нашъ ствольникъ, шляхты брать, селянамъ панъ-
отецъ!

Носилъ онъ булаву, а не оставилъ сына,
Кто могъ бы отомстить. Но слуги господина
Живутъ еще: списалъ онъ здѣсь къ любови;
И ключникъ живъ еще! Въ струящуюсь кровь
Тогда же омочалъ я праждовснй, длинный,
Завѣщанъ мой палашъ, мой ножикъ-перочинный,
Какъ въ его зовутъ. Чай, пань слышалъ о нѣмъ?
На сеймахъ и вездѣ, по ярмаркамъ кругомъ;
Давно извѣстенъ онъ. Я даль себя присягу
Всѣмъ вѣкъ Солицамъ мстить, пока въ могилу лягу.
И вотъ ужъ сколько лѣтъ преслѣдую я ихъ:
Въ Варшавѣ посадилъ на пожикъ мой тронъ, въ
Четвертого поймавъ въ Кореичахъ на рынкѣ,
Двоихъ подъ Краковомъ убилъ на поединкѣ,
Во Львовѣ одного; обмарилъ цѣлый свѣтъ;
А что ушей посѣлъ — о, имъ и чего нѣтъ!
Осталъ лишь одинъ и живъ, и цѣлъ на свѣтѣ —
Тому Солицѣ братъ, уваженный въ повѣтъ;
Богачъ, тебѣ сосѣдъ, Солица панъ-судья...
И замокъ нашъ ему? Нѣтъ, графъ, не вѣрю я.
Не вѣрю, чтобъ смѣлъ сюда занести онъ логу,
Кровь ствольника стереть съ высоваго порогу
Нечестнымъ самогомъ! Нѣтъ, этому не бытъ!
Покаместъ и могу хотъ пальцемъ поведить
И дивитъ своей налашъ, свой ножикъ-перочинный —
Не будетъ напомятъ здѣсь Солица ни единый!»

— «Да, поднино», сказала, прослушавъ повѣсть,
графъ:

«Предатье хотъ куда! Ты въ-самомъ-дѣвъ правъ:
Мы замокъ отстоимъ; я чтилъ его не даромъ,
Любилъ руины тѣ, онъ такъ добавилъ съ жаромъ:
«Хотъ и не зналъ, что здѣсь, межь самыхъ этихъ
стѣнъ,
Стунилося столько битвъ и драматичныхъ сценъ.
Гержавъ! когда права на замокъ ми докажемъ,
Ты будешь мой мурграфъ, ты будешь замка стра-
жемъ».

Досадо, не пришли сюда ми въ часъ иной,
Когда на стѣны тѣ ложится мракъ ночной:
Окутанныи плащомъ, я сѣлъ бы на руинахъ,
А ты бы мнѣ вѣдалъ о прежнихъ вьсталешахъ,
Съ которыми хотъ одно не связано предатье:
Крованый договоръ — любовничью свиданье —
Коварство недрута — любовь — измѣна — мсть...
Но я не зналъ досель, что въ Польшѣ тоже есть
Такіе случаи. И кровъ Горешниковъ слышу

И буду защищать мою родную врышу
Съ оружіемъ въ рукахъ! Такъ, будетъ сабель звонъ!»
Сказалъ — и, медленно шагалъ, вышель вонъ.
За нимъ послѣдовалъ Гержавъ печальный сада.
Графъ прыгнулъ на коня, и при послѣднемъ взглядѣ
На замокъ, проворчалъ тихонько: «прраво жалъ,
Что нѣтъ наслѣдннкъ: пошла бы это вдали,
Солица началъ бы упорствовать уприво,
Я тоже — и какъ-разъ могла бы выйти драма:
Здѣсь — давняя вражда, вендетта, кровь за кровь,
А тутъ — поэзія, восторги и любови!»

Тая, шѣпча про-себя, коню даѣтъ онъ шпоры
И скачетъ по полямъ. Вдали завидѣвъ сворня,
Охотниковъ, коней, собакъ со всѣхъ сторонъ —
Несется прямо къ нимъ: любилъ охоту онъ;
Но волю давъ затѣлъ блуждающему взгляду,
Цѣвущій огородъ увидѣлъ сквозь оgradu.

На правильныхъ грядкахъ, какъ въ рамѣ, за травой,
Капуста лѣсоу начала головой,
Широкій сморщилъ листъ, какъ бы насуна брони,
Базалосъ, о сдѣбахъ задумалась моркови.
За ней, вдали, горохъ, бобовинку родия,
Рядами вгруппахъ плазъ мигалъ промежь плетня
И живописное прилядило черезъ суцъ
Развѣивалъ свои темнозеленыи стручя;
Здѣсь яркій попушю вытягивалъ свой станъ
И въ воздухѣ ходилъ застой его сдуганъ,
А далѣ, наконецъ, изъ зелени курдывой
Выкатывалъ арбузы свой корпусъ величавый
И дыль на ушко намоштывалъ порой...
Тамъ тѣмныхъ коноплей виднѣлся ровный строй:
Качался на грядкахъ онъ, какъ лѣтъ дремучій,
Пугая гусеницъ изъ зелени пахучей;
За нимъ маковъ плазъ цѣвуща гряда:
Какъ-будто мотыльковымъ игривымъ стада
Усѣяна, тренена, на стебляхъ чуть замѣтннхъ
И бѣлаа искрами каменьевъ самоцѣвннхъ.

Межь тѣхъ пушистикъ грядъ дѣвица шла, не шла,
А, точно по волнамъ, по зелени плыла;
Косинка на плечахъ; простое платье было;
Рукой отъ сонника тихонько заслоняла
Она свое лицо; глаза ступила внизъ;
Дѣв лентя азия за кдсами выилъ.
Вотъ наклонилась, какъ-будто что-то ловить
Рукою на грядкахъ; вдругъ взоры остановитъ
И быстро побѣжнѣ. Всѣ это видѣлъ графъ;
Дыханье загавнвъ, на стреманъ приставтъ,
Кона остановить и чудное видѣше

Возможно созерцалъ; вдругъ слышитъ онъ движеніе
И меслетъ позадю: то былъ отецъ-пѣбагъ,
Квѣндязъ Рѣбакъ. «Огурцовъ», спросилъ онъ, «хочешь
панъ?»

Иль такъ, о чѣмъ другомъ мечтаешь на свободѣ?
Нѣтъ оному про насъ на этомъ огородѣ!»
И, пальцемъ потроизивъ, пошолъ-себѣ онятъ.

Слегка смущенный графъ сталь снова наблюдать,
Со смѣхомъ и въ сердцахъ; но были нусти гряды,
Лишь нара алхмъ лентъ мелнущую у ограды,
Да чуть еще вдали свернуло чрезъ око
Какъ смѣкъ блессташе сорочки полотно,
Да по луку еще, гдѣ пробѣжали ножки,
Едва замѣтна виднѣлись дѣя дорожки,
Тихонько подѣлъ нихъ качался лусты
И что-то межь собой перепали ихъ листы;
Да позабитая корзина тамъ осталась
И тихо на травѣ зеленой колыхалась.

ПѢСНЬ III.

Звонокъ: часъ уныла. Топа шумитъ какъ море.
Вѣкъ выше, вперед, садится подкоморій,
Какъ слѣдуетъ ему по званью и лѣтамъ;
Садясь, онъ кланяся прнвѣтливо гостямъ.
Тадешъ на конѣ; судя посереднй,
Кебдязъ Рѣбакъ прочиталъ молитву по-латнй.
Пригласъ съ водкою подходитъ наконецъ
И ставить на столѣ литовскій холодецъ;
За нимъ лягаютъ цыганка, рани, врази.
Вдѣтъ. Межь блюдами книжку въ нѣкъ расказа.
Вдѣтъ. Вѣселую. Вдругъ ушкыи прервалась,
Утнхъ тарелокъ звонъ и смолкъ голоса,
Предъ тѣмъ хвалншише напѣть изъ мелкой дичи.
Ввалился въ комнату измученный лѣсннчій,
Забывъ, что ужинъ шолъ — хотъ ужъ и къ концу.
Всѣ смотрятъ на него и видятъ по лицу,
Что нѣчто важное изъ утѣ его готово
Потокомъ побѣжать, но... выпало только слово:
«Медвѣдъ, отецъ мол!» — «Какъ? Что? Какой мед-
вѣдъ?»

Всѣ повставали съ мѣсто — куда тутъ уеднть!
Ну, точно подыалъ ихъ волшебствомъ вѣнкй демонъ,
Вмнѣтъ поняли, что звѣрь изъ дальнихъ пуцъ за

Шѣманъ

Прорвался, приманѣнъ на лѣсныи въ луга;
Что надо всей гурьбой ударитъ на врага,
Облану снарядитъ, готовится заранй.
Посмшлася тѣмъ различныхъ приназаній,
Вопросовъ, мелкихъ фразъ, полупонятныхъ словъ —

И всякий хоть сейчас на зѣбра быть готовъ.
— «Эй, сотника сюда! Поищите на деревню!»
Кричалъ слугамъ судья. «Нѣтъ дома, тамъ въ харчевню:

Навѣрно тамъ сидятъ. Скажите отъ меня:
Кто явится съ ружьемъ, изъ барщины три дня
Я вычу у того!» — «Эй, Тوماшь! Эй, Григорій!»
Приказывалъ своей прислугѣ подкоморій:
«Мордашекъ миѣ сюда. Да, слышите, не забудъ
Ошейники на нихъ другіе притащить!»
А чтѣ за мордаши! миѣ ихъ, да съѣху, клочьемъ
Кварцальнымъ одного, другого Горюдинчимъ —
И клочья подлинно имъ по шерсти дана.
Не правда ль, господа, лихія имена?»

— «Эй, Ванька!» становойскомандовала по-русски:
«Готовъ оружіе, снаряды и закуски!
А чае у меня, смотри, не позабудъ
Книжаль передскій мой на брусѣ потянуть;
А также осмотри мю сагаласовку:
Ту, знаешь, на кровлѣ, особую вынтовокъ:
Не видно ль кравицы въ стволѣ и у краевъ?
Да живо нарубить картечи, жеребьевъ,
Да огладѣть камень въ сѣдельномъ пистолетѣ!»
— «Да сбѣгать по всенда!» сказать, чтобы на
разсвѣтъ

Была би у него — добавивъ наизъ судья —
«Въ часовѣ Губерга святая литія!»
Уткнули наконецъ и шумѣ, и восклицанья;
Все думаютъ, среди глубокаго молчанья:
Кому они вручатъ охоты бузаву?
И разомъ очи ихъ упали на главу,
Всю убавившую годами и заботой:
Пусть войскай — рѣшено — командуетъ охотой!
Старикъ желаніе компаніи смекнулъ:
Серебряный шпурокъ тиховою потянулъ
И вытащилъ часм: «вѣ четвертомъ, въ половинѣ
Вѣзмъ, братья, въ сборѣ быть на Шуровой долигѣ!»
Потомъ лѣсничему дать знакъ глазами онъ —
И оба толковать о чѣмъ-то вѣшли вогъ.

Такъ хитрые вожди, приготовляясь къ бою,
Заране ведутъ бесѣду межъ-собой,
Въ тиши, подъ сѣнью широкаго шатра,
А ратникъ спитъ-себѣ спокойно до утра,
Безпеченъ и пока ни для кого не нуженъ;
Не-то на вертегѣ готовить скудный ужинъ.

Ровесники князевъ ответственной Литвы,
Дремуче льва! всё гѣ же ль ничие вы?
Всѣ также ль дѣвственны, благоуханно-свѣжны

Вы, рощи Святези и пущи Бѣловѣжьи?
Среди чужихъ полей, я вспомнилъ нынче васъ,
Чья парственная тѣнь ложилася не разъ
На думную главу великаго Миндоши;
Гдѣ часто Гединишь, среди своей дубровы,
Удачно совершивъ благопріятный ловъ,
Перуку приносилъ барановъ и воловъ,
И, лёжа у костра, внималъ, подъ шумъ Вилейки,
Замалчившимъ рѣчамъ маснитого Лиздойки,
Любя его живихъ разказаовъ благодать
Дремалъ и въ вѣшнихъ снахъ онъ думалъ градъ
создать,

И, жертвувъ потомъ Перуку изобильно,
Среди завѣтныхъ пущей, построилъ городъ Вилью,
Столицу всей Литвы — и грозно встали тутъ,
Въ защиту родины и Ольгерды, и Кейстуты,
Равно счастливыя и славныя въ лонитвѣ
За дикихъ зѣбръ и съ недругами въ битвѣ.
Въ тѣ рощи нахаживалъ съ облавою иногда
Лихой монархъ-ловецъ, въ прекрасные года,
Любимый нашь король, наслѣдникъ Ягеллонъ,
Послѣдній, кто посылалъ витязю дову корону.

Лѣса родимые! случится ли опять,
Хотя подъ старость гдѣтъ, миѣ взоромъ-вашъ объять?
Придется ль встрѣтиться съ родимой стороною,
Гдѣ свѣтъ увидѣтъ я, гдѣ позвалъ я дитѣю
По мягкой муравѣ, среди косматыхъ пней,
Гдѣ ижъ и гдѣ любилъ на утрѣ лучшихъ дней?
Стоитъ ли нишѣ тамъ, надъ Росью серебряной,
Могучій Баублисъ, широкій и вѣтвистый,
Въ сѣни котораго, какъ-будто подъ старомъ,
Дѣлывалъ человекъ сидлово за столомъ?
И липа старая, предъ домомъ Головинскимъ,
Смивѣтель мирныхъ битвъ и подвиговъ воинскихъ,
Гдѣ преніе вожди сходились неогни
О замеслахъ своихъ бесѣдовать въ гдѣи,
И гдѣ, не такъ давно, при Августѣ, бывало,
Сто бранныхъ молодцовъ мазуру тапцовао.

Давно знакомые душѣ моея лѣса!
И вижу васъ опять: утворюя краса
И сумракъ чудный вашъ вновь живы предо мною:
Изъ края чуждаго и къ намъ несусъ мечтою,
Лѣса родимые, лѣса моея Литвы!
Всѣ также ли, какъ въстаръ, величественны вы,
Невозмутимые? Всѣ также ль горделиво
Ростете въ облака и смертному на длво,
Стоите, крѣпкіе, съ небесною грозой
И съ бурями земли выдерживали бой?
Всѣ также ль тишина подъ вашими вѣтвями?

Любимы ли также вы пернатими вѣвнами?
Поютъ ли тамъ они, какъ въ прежние года?
Изъ безлощадная провралася нужда
Въ обитель тихую торжественнаго мира —
И тамъ звенитъ теперь тяжолая сѣнра
По вѣтвямъ вѣковымъ, топя пернатыхъ вогъ?

Было предо мной мелькаетъ будто соль!
Лѣса родимые, отеческія сѣни!
О, сколько чудныхъ думъ и сладкихъ сновидѣній
Вы миѣ навѣяли! какъ часто отъ друзей
И въ вашу гущу бѣжалъ; подъ сумракомъ вѣтвей
Задумывалъ я и было миѣ отрадно,
Какъ чуткимъ ухомъ я прислушивался жадно
Къ невятнымъ голосамъ лепечущихъ листовъ.
Здѣсь повѣсть чудную, преданія вѣковъ,
Мнѣ дубъ разказывалъ, челомъ разрѣзавъ тучи
И три столбѣя на рамена могучи
Поднявъ. Тамъ, издали замѣтна едва,
Вѣрѣя плакала, какъ скорбная вдова,
Иль матеръ вѣжная, утратившая сына.
Вакханка юная, румяная рыбина,
Стояла близъ нелъ, съ плавающимъ лицомъ.
А далѣ росла раскидистымъ кустомъ,
Вся въ перы убрана, красавица лѣсная,
Орѣшина, своей вершиною княва
Черешнѣ молодой, которую внизу
Ужъ обвилъ буйный хмѣль и гибкую лозу
Забросилъ дагѣ, какъ юнона отважный.

Порою пробѣгалъ надъ нами гулъ протяжный
И вихоръ темнаго вершини колебать:
Казалось, тамъ проломъ буряный моря валъ —
И всё стихало вновь. Лишь изрѣдка, высоко,
Въ дубѣ дятель кѣловомъ билъ и улеталъ далѣю;
Иль вѣшка хитрая качалася на вѣтвяхъ,
Поднявъ пушистый хвостъ, орѣхъ держа въ зубахъ;
Вдругъ, гостя чуждаго замѣнивъ зоркимъ окомъ,
Спрыгивала въ гущу лѣсовъ и въ сумракъ глубокомъ
Тердалася. Тихо всё. Вотъ вѣтви затряслись,
Чуть-слышныя шагъ по роиѣ раздалась —
И, словно солина лучъ, изъ яркаго денщика,
Мелькнула владелья, подъ линами, дѣвница,
Смѣливаго дубравъ родимыхъ красота,
Цяя за ягодой, румяной какъ уста.
Вотъ юнона близъ ней: предъ дѣвой оробѣлой
Опъ вѣтви хрипящій рукой сгибаетъ сѣдой.
Чу! ротъ вдали грубитъ и слышенъ топъ коней;
Собакъ заливныя, лочулавши зѣброй.
Вмигъ дѣва съ копейю, исполонца тревоги,
Нечезли въ глубинѣ, какъ роицей темныхъ боги.

На парилѣ у судьи чѣмъ-свѣтъ бреханье несовъ,
Тревога, суега, смѣшанье голосовъ.
Вотъ позывъ въ ротъ дабѣтъ добѣжачій.
Однако же ни рогъ, ни звоной лай собачій
Встревоятъ не могли Тадеуша никакъ:
Заблѣтъ на сѣновалѣ, хранишь олъ какъ зайбакъ,
Забываетъ братьевъ. Съ утра охотой занятъ,
Всякъ думалъ, что паничъ и такъ захочетъ-вста-
нетъ.

Вотъ сѣян на коней; а онъ себѣ лежить.
Денщикъ ясный лучъ будить его бжнать —
И, въ шель-прорывавшись, свергнула сквозѣ окошко
По сѣну темному огнистал дорожка,
Скользнула по глазамъ, добралась до чела
И суди свѣтлая какъ пламенемъ зажгла:
А оуди по прежнему хранитъ по сѣй глубокомъ,
Отъ яркаго луча отворотившись бокомъ,
Вдругъ кто-то въ ставень ступилъ: проснулся! какъ
летко!

Какъ весело, свѣжо! и сонъ ужъ далеко.
Тадеушь вспоминаетъ вчерашніа прокази
И глазки Зосины, чтѣ свѣтлые амази;
Какъ онъ подсматривалъ изъ темнаго куста...
Улиба проснется счастлину на уста
И вспыхнулъ на щекахъ румянецъ пурпурный.
Взглянулъ на ставень онъ: что-это? призракъ новый!
Два глаза ясные припрезились ему,
Съ тревогой, торжко глядяще по тѣму,
Сквозъ ставень, въ мѣстѣ томъ, гдѣ вырѣзано
сердце;

И ручка вѣжная, повиснувши на дверца,
Проснулася къ нему, лишь пальчики корой
Горѣли по краямъ рубиновой зарѣй.

Тадеушь трѣтъ глаза, вскочилъ; по призракъ ясный
Исчезъ — куда? богъ-нѣтъ. Къ окошку: трудъ
напрасный!

Тадеушь вниз бжнать, заглядывающъ въ садъ:
Лишь бляки лебеди, качаясь, дрожатъ —
Кто знаетъ — тронуты ли ногомъ шаловальной,
Иль, можетъ, пробѣжалъ по немъ фефрѣй-инный.

Тадеушь, оперившись рукою о плеченъ,
Стоялъ, едва дыша. На шеѣ яркѣй денъ.
И лѣ двору давно расказывалъ куръ;
Грѣмъ, тяжелою куда-то флугъ фуръ:
Я чай, съ проназей для неогъ и егерей.
Тадеушь бросилъ изъ сада москоровъ,
Схватилъ ружье, книжалъ; ошпѣ съ ногъ въ сѣ-
нихъ старуху;

Берёт себя коня и мчитя, что есть духу,
Къ кормцам, которых виднлись вдали.
Одна из них, одна подвинуясь отъ земли,
Стояла, прислонясь къ горешковской границѣ;
Другая, новая, была кормчмою Солнца.
Нескожили въ чѣмъ — затѣмъ и тамъ, и тутъ
Неодинаковой кутить сходились люди:
Въ одной господствовать Горешки ключникъ грозный;
Въ другой витийствовать всегда Брехальский-возный.

Последняя была какъ всё кормча на видъ;
Другая жъ, старая, прохожаго дивить
Необычайною своей архитектурой,
Ни гдѣ невданной, печальной и пошурой.
Ея отчество, какъ слышно, древней Тирь,
Откопѣ образцы жиды на цѣлый мѣръ
Когда-то разнесли, всё дагдѣ и дагдѣ,
А тамъ уже и мы её въ настѣдство взяли.

Какъ Пон праотца вѣстительный ковчегъ,
Кормча наперед; тамъ виднлись тварей всѣхъ:
Собаки, лошади, коровы, гуси, куры;
Но сади образцы иной архитектуры:
Особенный чертогъ, что соломонъ храмъ;
Колошки хрупкия бѣгаютъ по угламъ,
Немного на боку, точь-въ-точь какъ башни въ Пизѣ;
Рѣзная капитель на окнахъ и карнизѣ;
Простая, трубая, но дѣло тутъ не въ томъ:
Рѣзцомъ ли рѣзана, долблена ли долотомъ,
Была бы лишь рѣзана. Повѣтъ весьма злохота,
Въ дмрахъ, подобие живое малаха
Жидовская; на ней дѣтъ тонкия трубы,
Какъ шен ангоств. Вишу, кругомъ, столби:
Идѣтъ зигагами, съ шафсомъ, галлерей;
А въгдѣт вся кормча походить на свирю,
Когда онь молится, кивала бородой
И на лёбъ вафнивь кудравый цмцесъ свой.

Внутри являютя дѣтъ разнкихъ половини:
Въ одной всё женщини, въ другой — одни мужчини.
Мужской компаньи въ кормчѣ отведена
Попире комната и вся заружена
Столами, стульями, старинными скямьями,
Что втиснулиць туда обильными семьями;
Въ срединѣ компант особой, крутящй столъ
Столяк, какъ нань-отецъ и будто рѣчи вѣтъ.

Довольно въ этотъ день натискалось народу
Въ кормчу, различнаго и звания, и роду.

Отслушавъ поутру въ часовнѣ литю,
Солоно порцію обычную свою
Пришли потребовать — и вотъ сверкнула чарка,
И вкрутъ забѣгала проворная шинкаря.
Въ срединѣ — арендаръ, жидъ Янкель, въ сюртукѣ
Почти до самыхъ пятъ, въ ермолкѣ и шляпкѣ;
Рука за поясомъ, межъ-тѣмъ какъ онь другою
Водилъ по борожд, кивала головою
Входящимъ шляхтичамъ; то ясны имъ точнаъ,
Но не прислуживалъ, а такъ-себѣ ходилъ
И только раздавалъ прислугѣ приказаныя,
Стараясь упредить гостей своихъ желаныя.
Со всѣми Янкель жилъ въ приязни и въ ладу,
Всѣ знали Янкеля; всѣ къ Янкелю-жиду
Ходили бражничать, хотя не очень пипшо;
Но жаобѣ никогда на Янкеля не слышно:
Они самъ окрестное шляхтество уамажъ,
Вино исправное, безъ примеси, держалъ,
Въ рачоткахъ чествовъ былъ и не тергѣтъ обмана;
Гостей уагачивалъ не слышно, а въ-польяпа;
Забавы разныя и музыку любилъ,
Поэтуо народъ къ нему валмъ-валить,
Съ утра до вечера, всѣмъ мѣромъ, всѣмъ селееньемъ;
Особенно жъ ходилъ въ кормчу по воскресеньямъ,
Когда у Янкеля гремѣла всякій разъ
Базетля и гудокъ и польж жестокой шляхъ.

Жидъ самъ когда-то былъ известнымъ музыкантомъ
И слылъ по всей Литвѣ искусство и талантомъ,
Бродя съ цимбалами, послушавъ ихъ прося —
И скоро про него узнала Польша вся.
Жидъ Янкель былъ поэтъ и чувствовалъ онь живо
Очарованіе народнаго мотива;
Въ Литву варшавскія мазури приносилъ
И первый къ намъ занесъ, какъ слыхъ о томъ ходилъ,
Ту вѣсно славную, что посядѣтъ на Авзонювъ
Сыграли польскіе тромпеты легионювъ.
Даръ музыки въ Литвѣ какъ-разъ обогатилъ:
Такъ, скоро кашиталъ себѣ составилъ жидъ
И къ шляхтѣ пересталъ заглядывать на балъ;
Повсѣмъ на стѣнѣ умолились цимбалы
И болъ не игралъ на нихъ ужъ никому,
Самъ даже для себя; завѣтъ себѣ кормчу,
Забился подъ нѣе, какъ итакъ какой то кровлю,
И вѣль-себѣ тихомъ кормчюмоу торговлю.

Всѣ чтини Янкеля; перѣбо ярый споръ
Мирилъ онь въ двухъ кормчмахъ, въшавшнхъ въ разговоръ

То межъ сторонниковъ Горешки, то Солнцани;
И даже главныя предъ нимъ смирились лица:

Языкъ свой унималъ Брехальскій Бальгазаръ,
И въ ключникѣ стихалъ упрямый гнѣвъ и жаръ.

Въ ту пору не было Герваза: на охоту
Спѣшивъ за графомъ онь. Объ нѣмъ свою заботу
И попенчяи онь вѣчно пригадалъ
И въ битю одного никакъ не отпускалъ.
На мѣстѣ ключника, противу двери, прямо,
Въ покуютъ попросту, забившнхъ въ уголь самой,
Сидѣлъ отецъ-побанъ; самъ Янкель посадилъ
Ксандза на мѣстѣ томъ, и часто подходилъ
Къ нему, лишь замѣчалъ его пустую чарку,
Усердно кланялся и подзываетъ шинкаряку,
Чтобъ линцу принесла. Ходилъ рассказъ о томъ,
Что Янкель съ квестаремъ давно уже знакомъ,
Еще съ чужихъ краѣвъ, что съ нимъ онь дружбу
водитъ,

Что квестаръ къ Янкелю, зачѣмъ богъ-знаеть, ходилъ;

Что часто дѣтъ свѣту о чѣмъ-то споръ ведутъ —
И розно толковалъ объ этомъ сельскій людъ.

Едва всѣмъдѣ Робакъ съѣлъ — къ нему склонились
взоры

Всей шляхты; но не вдругъ повѣтъ онь разговоры,
Порою табакомъ компаню прося —
И точно изъ мортирѣ чихала шляхта вся.

— «Reverendissime!» сказалъ, чихнувъ, Сколуба:
«Вотъ подлинно табакъ! Хватлюо ажъ до зуба!
Съ-тѣхъ-поръ, какъ дыгаю по бѣлу свѣту постъ,
Такого табаку похлуптъ не доведосъ
Ни разу!» Тутъ чихнувъ. «Я чай, изъ Ковна родомъ,
Что славится давно и табакомъ, и мѣдомъ?»

— «Во здравье братинъ и всѣхъ честныхъ людей!»
Ксѣндъзъ молвилъ. «Мой табакъ, Сколуба добродѣй,
Прихалъ къ намъ сюда изъ мѣста Ченстохова,
И можно утверждать, что итъ нигдѣ такова!»

— «Изъ Ченстохова онь?» замѣтилъ Вильбинъ тутъ;
Нюхнулъ, потомъ чихалъ не меньше трёхъ минутъ.
«Былъ въ Ченстоховѣ я. А правда ли, что въ маргѣ
Туда пожалуетъ великій Бонапарте —
И вѣдъ востѣлы прочъ? Объ этомъ, видишь, есть
Въ «Курьерѣ Виленскомъ?» — «Волюю «Курьеру»
плести!»

Ксѣндъзъ Робакъ возражалъ. «Не великому курьеру,
Панъ Вильбинъ добродѣй, давай ты нынѣ въру:
Курьеры часто лугъ. А панъ Наполеонъ
Католикъ, какъ и мы: у насъ одинъ законъ.

Что брали серебро и мѣдъ изъ Ченстохова
На войско — это такъ, объ этомъ я ни слова!
Господня воля тутъ. Святая Дѣва мать
Не разъ, по днѣи войнк, кормила нашу рать:
Ташъ нгнѣ, чрезъ нѣе жъ народима дружини
Ростугъ на Нѣманѣ, поляки да литвини:
Кому же, какъ не вамъ послать имъ въодѣй грошъ?
Подушныя въ лазну небосъ вѣдъ отдашь?»

— «Да!» Вильбинъ проворчалъ. «Не дашь, возмущтъ и силой!»
— «Э! что вамъ! не бѣда! вотъ намъ, прятель милой,
Усердно кланялся и подзываетъ шинкаряку,
Чтобъ линцу принесла. Ходилъ рассказъ о томъ,
«Вотъ съ насъ такъ подлинно три шауры въ годъ
деругъ!»
Достаисъ, говорить послонница, на лмша!»

— «Э! племя хамово! вы штука не велика!»
Сколуба встанилъ рѣчь. «Вастъ, сидоровыхъ возъ,
Вѣкъ драли, какъ теперь; а намъ за что пришлосъ,
Вельможнымъ господамъ, панъ, шляхтѣ благородной,
Тергѣтъ? Вишь, выдали законъ какой-то модный
Вумагу заводить, доказывать права!
Да, стану я тебѣ конатье, чорта съ два!
Вумажний дворянинъ!» — «Вамъ что!» сказалъ
Юрага:

«Вашъ дѣдъ холопомъ былъ, какой-то побродяга,
А я вотъ изъ князей: Ягелло нашъ родня!
И спрашивають теперь патенты у мела!»

— «Ты князь, а обо мнѣ», сказалъ опять Сколуба:
«Пусть въ лѣсъ идѣтъ москаль и спроситъ тамъ у
дуба,

Его дакъ ему патентъ ветугу переросни,
Матѣримъ дубомъ былъ, неждѣ въ такой чести?»
— «А мы ведѣмъ свой родъ», сказалъ Бирбашъ-
Канарскій:

«Нашъ пра-пра-прадѣдъ былъ какой-то графъ та-
тарскій,
Въ гербѣ — корабль и крестъ!» — «У насъ хо-
рабъ и щитъ!»

Мицкевичъ возражилъ: «Стрыйковскій говоритъ:
Корабль — гербъ княжескій!» Поднялся шумъ и споръ.

Чтобъ къ дѣлу обратитъ пустые разговоры,
Ксѣндъзъ Робакъ табаку бесѣдѣтъ всей поднѣбъ —
Носмъ понюхали и громко каждакъ постъ.
Чихнулъ Молчаніе. — «Извѣстно панству буди,
Большіе съ табаку того чихали люди.»
Такъ началъ Ксѣндъзъ опять: «Домбровскій генералъ,

Когда у прусаковъ онъ Данцигъ отбиралъ,
Шухвалдъ, повѣрите ль, зарѣзъ раабъ четире!»

— «Домбровский», крикнувъ, «о, это первый въ мірѣ
Великій богатырь!» — «Волею, чтобъ какъ-нибудь,
Кесяндзъ Робаць продолжалъ, «средь битвой не за-
снутъ —

Спроситъ онъ табану, сказашии: слушай, Робаць,
Кесянжина бернардинъ! И вижу, ты не робокъ!
Вить-можетъ, черезъ годъ я буду на Литвѣ:
Такого табану дамимъ вихнуть Москвѣ —
Не прочтятся, хоть сколько бы ни чихали!
Скажи моимъ поклонъ, чтобъ помнили и адали!»

Туть шумъ по всей корчмѣ и гвалтъ пошолъ кругомъ:
«Поклонъ Домбровскаго! Рубитесь со врагомъ!
«Ура, Домбровскій нашъ! табакъ изъ Ченстохова!»
Давай въ объятахъ дунить одинъ друтова:
Забивши равницу и силу давнихъ правъ,
Игдого съ кораблемъ, съ keresztомъ татарскій графъ,
Всѣ перепуталось, всѣ стадо вдругъ Литвою —
И всякій былъ готовъ хоть въ омутъ головою.
Потомъ зашли всѣ. Кесяндзъ слушалъ въ уголку —
И вдругъ въ мелодію подсыпалъ табану:
Носъ понохали и снова зачихали;
А кесяндзъ тѣмъ временемъ повѣлъ бесѣду далъ;
Всѣмъ молча на него уставили глаза,
Слегка разинувъ ротъ — и слушали кесяндза.

— «Табакъ хвалили мой, панове добродѣи!»
Онъ молвилъ: «А теперь, смотрите поскорѣе.»
Туть къ нимъ онъ повернулъ отъ табакерки дно:
«Здѣсь нарисовано сраженіе одно:

Вотъ это — армія; солдаты, кони — съ муху;
А зоты, словно жуки, несётся что есть духу:
Смотрите — руку онъ къ лицу себѣ поднёсъ,
Какъ-будто табану набить желаетъ въ носъ —
Узнайте, это кто?» Всѣ вглядывались стали,
Судя, какъ всякій знаетъ, о крошкѣ-генералѣ.
«То кесарь-кесарей, то самъ Наполеонъ»,
Кесяндзъ Робаць объяснилъ: «да, братья, это онъ!»
— «То кесарь и, поди! А посмотрите, братья»,
Подтайскій возразилъ: «совсѣмъ простое платно,
Стортувъ! У москалей, такъ что ни генералъ —
Всѣ свѣтятся въ звѣздахъ, все небо обобра!»

— «Великіе вожди не схожи другъ на дружку»,
Вступился Римна тутъ: «я съ молоду Костыноу
Выдалъ: великій вождь носилъ кафтанъ простой,
Чамарку «брую!» — «Чамарку? ты постой —
Чамарка», молвилъ Запъ, «иначе тарататка?»

— «Нѣтъ, та съ нашивками, а это просто гладко!»
Мидкевичъ объяснилъ. Тутъ споръ безъ конца
На счетъ различнаго чамарокъ образа.

Замѣтивъ это, кесяндзъ за табакерку снова —
Чиханье — и внимать компанія готова:
— «Когда Наполеонъ въ сраженіи вихнѣтъ,
То значить — хорошо сраженіе иждѣтъ.
Французъ эдакъ вотъ подь Іоною стоилъ,
А пѣвца противъ нитъ отсюда напиралъ.
Онъ всѣ на бой глядѣтъ, Французъ какъ махнутъ —
Такъ улицей предъ нимъ враговъ и покладутъ.
Онъ всѣ глядитъ себѣ, не смитивая глазомъ;
Вдругъ лихо табану понохалъ разъ за разомъ;
Потомъ еще на бой глазомъ однимъ взглянулъ —
Чикъ-чикъ! захохоталъ и пальцы отряхнулъ.
Глядѣтъ: а пѣвчурю по хѣлмамъ и долинамъ
Узнавать пошла маршъ-маршемъ журавлиннымъ!
Такъ вотъ, кому изъ васъ у кесаря служить
Придѣтся — мой расказъ тотъ вспомнить можеть-
быть!»

— «Эхъ, отче! молвилъ Запъ: «не такъ ли насъ
тревожатъ?
Что праздниковъ въ году, французамъ намъ во-
рожатъ!
А ближе поглядитъ — всѣ басни, всѣ то вздоръ!
А насъ москаль какъ билъ, такъ бѣтъ до этыкъ поръ;
На всѣ тебѣ запретъ: нитъ, ѣсть, и вѣдѣть, и выѣзъ!
Пока взойдетъ заря, роса намъ очи выѣстъ!»

— «Не слѣдъ вамъ, шляхтичамъ, по бабьему роп-
тать»,
Замѣтивъ кесяндзъ на то, «я по-жидовски ждѣтъ,
Да руки, какъ киди, закладывать за поясъ,
Глазъи у окна и мало беспокоясь,
Придѣтъ ли гость, нѣтъ нѣтъ. Теперь Наполеонъ
Пруссакамъ носъ утѣръ и швабамъ задалъ звонъ;
Вотъ скоро и Москву придѣтъ — отъ сна разбудитъ.
Что жъ? вы тутъ на коней, какъ битъ не съ кѣмъ
будетъ?»

«Эхъ, скажете, молодци! покончить и безъ васъ!
А выстунайте спать: вотъ весь вамъ, братцы, сказъ!»
Когда жъ, какъ слѣдуетъ, принять кого хотите,
Вы комнату свою заранѣ подметите,
За двери всякій соръ! Потомъ во всѣ угли
Расставьте пошнейшій приборъ и столы,
И, гости чествуя, усердно угощайте!»
Загнѣвъ, взглянувъ въ окно, сказавъ: «мова-прощайте!»
Нѣтъ времени теперь, а посѣвъ и приду
И съ вами разговоръ обширнѣй поведу!»

— «Когда по близости случитесь Негримова,
Прощу не обойти: для гостя для такова
Къ услугамъ дѣлай домъ, лишь съѣдали бы честь!»
Хоружай пригласилъ. «Къ тому жъ присловие есть:
Счастливыя человѣкъ, какъ квестаръ въ Негри-
мовъ!»

— «И къ намъ прошу, отецъ, какъ будете въ Зуб-
ковъ»,
Зубковский говорилъ: «веселье — сторона!
Найдѣте для всенда полштуи полотва,
Корова и баранъ. Помини только слово:
Счастливыя человѣкъ, кто графитъ до Зубкова!»
— «И къ намъ!» Сколуба то жъ. «И къ намъ!»
добавилъ Запъ.
Такъ всѣ наперерывъ, такъ всѣми былъ онъ званъ,
И каждый обещалъ подарокъ небогатый,
По мірѣ силъ своихъ, но кесяндзъ ужъ былъ захатой.

Еще сидя въ корчмѣ, увидѣлъ онъ вдали
Талеуша, верхомъ летящаго въ пилы,
Всѣ шапки, въ полицахъ, туда, гдѣ тѣсъ дремучій,
И мурьясь, и грозя, наиснулъ черной тучей,
Всегда заманчивы для смѣлыхъ егетей:
Туда направился кесяндзъ Робаць поскорѣй.

ПѢСНЬ IV.

Кто свѣдѣлъ глубину литовскихъ тѣмныхъ пущей?
Проникнулъ въ сердечихъ, до двари тамъ-живущей?
Рыбакъ, въ своей ладѣ, съутѣ у береговъ,
Не симъ средь морей затѣять дерзкій ловъ;
Охотникъ по лѣсамъ съ опухни только кружить
И тайвъ глубокихъ ихъ во-ѣжъ не обнаружитъ.
Лишь басня тѣмная бѣжить подь-часъ въ народъ,
Что есть въ среднѣй пущѣ таинственный олоотъ
Изъ наза старыхъ пней, изъ кряжей и каменьевъ,
Изъ грудъ мховъ сѣдыхъ, разросшихся кореньевъ;
А далѣ идуть трясины и руны,
Гдѣ иконы, въ дуллахъ, киншатъ шмелей ронъ,
По близкимъ тростникамъ шнитъ и выется гадъ.
Когда жъ настойчиво проѣбѣшь сѣнъ преграды
И взглянешъ издали во глабъ лѣсныхъ пущинъ:
Тамъ, въ чащѣ, что ни шагъ, нарѣта тѣма сурини
И волчьихъ и друтихъ; какъ мракъ чернѣютъ норы,
А около идуть болоты и озѣры,
Заросшия травой окошкы, ботачи,
Чтобъ далѣ не шли упрямые враги.
Потокъ зволонія, вокругъ болотъ смердящій,
Мертвиль и губитъ тѣсъ, вблизи отъ нихъ стоящій:
Дерева, стогрившиися, прислѣи до земли

И вѣтъ тѣмными сѣтями заплели
Непроницаемо и, мхомъ колтуноваты,
Въ грибахъ и въ блохахъ, согнувшись, сомомъ обьятъ,
Какъ вѣдямъ старья, когда, усвѣвшись въ рядѣ,
Онъ себѣ въ котлѣ на углянъ трутъ варить.

За эти ботачи не смѣй взглянуть и окомъ:
Гаухая пуща снитъ въ молчаніи глубокомъ
И неподвижна, ситѣющая мгла
На-ѣвни вѣчные тамъ тѣжно залегла.
За нею, наконецъ, какъ по преданью слышно,
Равнина элчаная раскинулась пшино,
Властоуханная, вѣтучая страна,
Гдѣ скрыты всѣхъ деревъ и зелей сѣмяны;
И тамъ живутъ звѣрей сѣдне патриархи,
Самодержавные тѣсовъ своихъ монархи:
Туть древній, дикій зубръ и царственный медвѣдь.
Крутомъ, на деревьяхъ, приказано сидѣть
То риси дерзостной, то алчной росомахи
И шлахту мелкую державъ въ обычномъ страхѣ.
А далѣ живутъ, разгнѣвая прозь,
Вассалы вѣрные: кабанъ, олень и лось.
Вверху, въ сѣни вѣтвей, устави они быстры,
Орлы и соколы, какъ бодрые министры,
Ослѣдываютъ далѣ и озираютъ вертвы,
Всегда готовые монархамъ для усугъ.
Такъ, въ чащѣ скрытые, невидимые свѣтомъ,
Владыки царствуютъ зимой, весной и лѣтомъ,
Изъ пущъ не выходя, не жертвуя собой,
И только молодежь къ опухнѣмъ пилотъ на бой,
Далеко отъ своихъ заповѣднихъ жилищей,
Грѣшию злобятъ и провалятъя пшией.
Монарховъ не разитъ ни пуля, ни стрѣля;
Когда жъ почувствуетъ, что смертъ уже пришла
Неотразная: заматерѣвши, сами
Идуть починъ въ глуши, укрытые лѣсами.
Медвѣдь — какъ зубъ съѣстъ, рога обьѣтъ олень
И, ноги чуть влача, шлагается какъ тѣнь;
Когда у кречета вьсанно кровь обрѣннетъ;
Какъ воронъ станетъ съѣтъ, и околовъ вдругъ ослѣ-
неть:

Идуть на кладбище, гдѣ боръ еще густѣй —
И оттого-то мы не видимъ ихъ костей.
И даже малый звѣрь, поучая пламень раны,
Вѣжитъ починъ домой, въ отеческій страны.
Ни что не возмутитъ завѣтныхъ пущъ красу:
Прячельне тихое и мирное въ лѣсу;
Исполненье простоты наслѣдственныхъ обычаевъ:
Какъ дѣды не гналися за чуждою добычей,
Не зарпилься въ раю на роскоши братнихъ блюдъ,
Такъ нитѣ вину ихъ въ согласіи жнуты;

И даже человек, пропихни бозоружий
 Въ средину гварей глѣхъ, прийтѣь напошь бы друж-
 ный:

Глѣдѣи бѣ, выразивъ тревогу и испугъ,
 Какъ въ оный день постой, когда узрѣли вѣдуть
 Ихъ прародители созданнаго Адама.
 Но рѣдко и дождя, настойчиво-упрямо
 Владѣющей словесъ, достигнетъ этихъ мѣстъ.
 Лишь только иногда, охотясь окрестъ,
 Бросаетъ гончихъ онь въ трубуою млыгъ дремучей,
 Но немъ назадъ бѣгутъ, къ нему ласкался кучей,
 Поднявъ протяжный стонъ и жалкій вой и гамъ,
 Спѣшатъ, дрожа какъ листъ, прилечь къ его погамъ.
 Тѣ заповѣдныя, таинственныя пуши,
 Гдѣ лѣсъ всегда росѣтъ непроходимый, гуще,
 Гдѣ звѣри старые безвыходно живутъ,
Купцами въ азыкъ охотниковъ слымутъ.

Медвѣдь! сидѣть бы ты въ крѣпяхъ своихъ глубокихъ,
 Нынѣ бы на тебя изъ ловчихъ быстрогоихъ
 Во-вѣки не напалъ, не зналъ твои сѣдны
 И жилъ бы ты себѣ безъ горя и бѣды!
 Но, зная, медвѣдню благоуханье сога,
 Изъ въ стаду буйволовъ обычная охота
 Взмахнулъ вонъ тебя, на край, гдѣ рѣже лѣсъ —
 И тутъ-то на тебя палъ войскаго и нагнѣлъ!
 Теперь тебя сѣднать; прокинуви въ дубраву
 И хищную вокругъ раскинуви облаву.

Тадешушъ, прискакавъ, узналъ, что уже давно
 Охоту начинать ловами рѣшено.
 Все тихо. Напряглось внимательное ухо
 Охотника: стоятъ и слушаютъ — все глухо!
 Лишь музыка лѣсовъ играетъ иногда.
 Вотъ гончихъ брошена завзятая орда:
 Пошли себѣ прятать и шмыгать безъ умолку;
 А бойные стрѣлки, устая въ лѣсъ другтовку,
 Глядятъ на войскаго: склонился до земли
 И гончихъ слушаетъ: нотъ въ звѣрью натекли!
 Хотя еще молчатъ, но для него уже ясно.
 Другіе слушаютъ, приидли — все напрасно:
 Не слышатъ ничего! Вдругъ отозвался мѣсъ,
 Другой, тамъ два еще, тамъ пять отозвались,
 Вотъ допавшись всѣ, нотъ звѣри узривать —
 И громко зашались, какъ музыка играютъ,
 Перекинулись; вотъ стихли всѣ на мигъ;
 Потомъ стринтосый ударилъ въ уши крикъ:
 Насѣян! Равнцужъ звѣрь, обороняться началъ
 И когти вострѣе на гончихъ обозначалъ.

Стрѣлки безомовенно недвижно стоятъ,

Подавшись наперѣдъ и въ лѣсъ впередъ взгляды;
 Не выдержали вдругъ — и бросились въ дубраву,
 Чтобы раньше выстрѣломъ стяжать и честь и славу;
 Хоть войскаго передъ глѣхъ ихъ всѣхъ остерегалъ,
 Молясь, ураминалъ, а послѣ обшарилъ
 Тому, кто динется, смачкомъ надѣтъ на шею,
 Насловальному, равно какъ и лаею.
 Напрасны всѣ молвы, угрозы и смачки:
 Широко по лѣсу раскинулись стрѣлки,
 Три выстрѣла гремѣтъ, потомъ — огонь батальный,
 Затѣмъ медвѣдя рыкъ и чей-то визгъ печальный.
 Спѣшитъ на выстрѣлы охотниковъ гурьба.
 Лай поевъ, медвѣдя рѣвъ, трескучая труба —
 Все перенуталось; всѣ думали: ловитъ
 Конопъ, и уже успѣлъ предсказывать битвѣ,
 Лишь войскаго говорил, что сбился... И вотъ
 Звѣрь точно повалилъ отъ ловчихъ на-уходъ,
 Выскъ въ сторону, собака отбросивши по-своеки,
 Подлѣтъ, гдѣ графъ стоялъ съ Тадешемъ и войскаго.

Тутъ лѣсъ порѣже былъ; изъ чащи и кустовъ,
 Рыча, награвутъ звѣрь, какъ громъ въ облаковъ,
 Всталъ на ноги, валитъ; а сзади, сѣдкомъ, стая
 То прочь откинется, то, разомъ налетая,
 Хватаетъ и дерѣтъ; звѣрь ломитъ черезъ лѣсъ
 Въ ту сторону, гдѣ графъ съ Тадешемъ одинъ,
 Отбившись ото всѣхъ, стоять и выжидаютъ.
 И вотъ предъ нимъ оны! Глаза какъ жаръ блистаютъ,
 Разинутъ страшный зѣвъ, уставились клыки,
 Ревѣтъ: не дрогнули отважные стрѣлки,
 Нагнувшись въ него, прищурясь глѣвѣмъ глазами,
 Еще единый мигъ — и выстрѣлки разомъ;
 Но промахъ. Звѣрь валитъ; предъ ними тутъ какъ
 тутъ!

Прочъ ружья! молодцы рогатину берутъ,
 Заспорили... А онь не ждѣтъ и прямо ломитъ
 На нихъ; того и жди, что запой опомѣнитъ,
 Изъ черепъ, чтъ колпакъ, подниметь съ головы.
 Вѣгутъ... А ноги ихъ мѣлъ чокетъ и траву
 Скользятъ, сгибаются... Медвѣдь уже недалеко...
 Вотъ, кажется, насѣтъ... Еще мгновение ока —
 И когти страшныя на части разорвутъ
 Сробѣшшаго стрѣлка... все кончено... Но тутъ,
 Откуда ни возьмись, всбѣдъ съ ключникомъ Гер-
 вазомъ,

Ассессоръ, становой — всѣ выстрѣляемъ разомъ:
 Медвѣдь отшинулся, вертнулся колесомъ,
 Протяжно заревѣлъ и въ землю гнался лбомъ.
 Тогда вбѣшались пси, припомнишь свой обычай:
 Квартильный въ лѣвий бокъ, а въ правый — Го-
 родничій.

Тутъ войскаго хватилъ широкою рукою
 Своей буйволовой рога, изогнутой змѣей,
 Прижалъ его къ устамъ, надулся, водъ лобъ оны
 Немного закатилъ, стагъ дуть, что было мочи —
 И грянулъ звонкой рога раскатомъ къ небесамъ
 И музыка пошла по родамъ и лѣсамъ.
 Утихли всѣ кругомъ, зашата гуть призывный
 И насладился гармоніею дивной.
 Старикъ давно въ лѣсахъ своимъ искусствомъ слылъ,
 Теперь, въ послѣдній разъ, имъ ловчихъ оживилъ,
 Наполнилъ звуками широкую дубраву,
 Какъ-будто бы въ неѣ пустилъ борзыхъ аралу,
 За гончими во слѣдъ — и травлю началъ вѣдуть.
 Имѣлъ особое значенье каждый звукъ:
 Сначала вѣзъ въ рога, потомъ слышныѣ тоны:
 Завылъ голосомъ собачьимъ миллионъ,
 Ведутъ по красному; вотъ стихли, а потомъ
 Звукъ рѣзкій — выстрѣла раздавшася громъ.

Умолкъ, но всѣ трубятъ — охотникамъ казалось,
 А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
 Опять задулъ артистъ. Казалось, будто рога
 Мѣняетъ образы: то динеть и широка,
 Ревѣтъ медвѣдемъ онь, то вдругъ завоетъ волкомъ,
 То пробирается въ дубравѣ тихомолкомъ,
 Какъ хитрая лиса; вдругъ взвѣтъ какъ ураганъ
 И равнцужъ вдалекѣ, какъ раненый кабанъ.

Умолкъ, но всѣ трубятъ — охотникамъ казалось,
 А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
 За звукомъ улетаетъ, переливаясь, звукъ,
 Дубъ дубу повторилъ, клѣнъ клѣнамъ, буку букъ.
 Вдругъ войскаго къ небесамъ уставилъ рога могучій
 Игнитъ торжественный триумфомъ грянулъ въ тучи,
 Всюственную финалъ, громоподобный гласъ —
 И музыка въ лѣса далеко понеслася.

Умолкъ, но всѣ трубятъ — охотникамъ казалась,
 А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
 Чтдъ лѣсу, то рогабъ, игравотъ и поетъ,
 И полно динуту другимъ передаютъ;
 И дѣло шла игра отъ края и до края,
 Переливаясь, слабѣя, замирая,
 Покуда гдѣ-то тамъ погасла въ небесахъ.

Настала тишина въ дубравахъ и лѣсахъ.
 Художникъ, бросивъ рога и опустивши руки,
 Ловитъ послѣдніе, стихающіе звуки
 И, вдыхновенная вклучалъ торжество,
 Стоялъ, линая весъ. Межъ-тѣмъ вокругъ него
 Сошались охотники въ восторгѣ удивленья,

И долго слышался ихъ крикъ и поздравленья.
 Лишь смолкъ послѣдній звукъ послѣдняго «ура»,
 Всѣ глянули назадъ, гдѣ точно какъ гора
 Лежалъ косматый звѣрь, когтиемъ земною рога,
 А въ морщинахъ терзали грудь орога.
 Но войскаго оттащитъ вѣталъ спиртныхъ поевъ —
 И снова загремѣтъ «винать» среди лѣсовъ.

«А!» крикнутъ становой, «вотъ это значить ловко:
 Чтдъ, братцы, какова мол сагаасовка!
 Ассессоръ говоритъ, что вверхъ она берѣтъ;
 Нѣтъ, я теперь сошлюсь на весь честной народъ,
 На всѣхъ охотниковъ: чего еще хотите?
 Какова выстрѣлка? Подите, посмотрите,
 Чтдъ за сокровище!... Вѣту косматъ лѣсъ густой,
 А войскаго сзали мнѣ: «куда? постой! постой!»
 Чего уже тутъ стоять, какъ звѣрь уходитъ въ позе!
 Вѣту... едва дышу... усталъ... нѣтъ силъ болѣ...
 Смотрю, а онь уже тутъ! я вездѣ, навѣвъ и хаотъ!
 Покончить разомъ всѣ: должно-быть, прико въ
 лобъ.»

— «Да, точно!» возразитъ ассессоръ, «только обокъ
 Я предаде выстрѣлка: я тутъ неподдаю
 Стоялъ за деревомъ и не замѣтилъ васъ.
 Звѣрь вышлѣдъ на меня — я въ лобъ ему какъ разъ.»
 «Нѣтъ!» крикнулъ становой, вертисвоей вытковой:
 «Нѣтъ, тутъ вѣдь не процессъ! нѣтъ владувань, на-
 рень ловой!»

Шумъ, крикъ! Межъ-тѣмъ Гервазъ медвѣдю настъ
 разжалъ
 И, всунувъ глубоко широкій свой кинжалъ,
 Разсѣкъ звѣринный зѣвъ, карточе оттуда вынулъ
 И живо по стволамъ охотниковъ прикнулъ.
 «Этъ!» молвилъ, «господа, сыграли въ нычѣ:
 Карточе по моему приходится ружью.
 Смотрите: въ самый разъ, и нѣту здѣсь обмана;
 Но выстрѣлъ былъ не мой, а квестара-лѣбана;
 Мнѣ было въ этотъ часъ сонѣкъ не до того:
 Страхъ вспомнилъ! звѣрь насѣтъ на пана моего,
 На пана моего, послѣдняго Горешку —
 Хоть съ женской стороны! И стагъ на ту же стажку;
 «Владичина моя! Господь Исусъ Христосъ!»
 Взмахнулся я: и что жь? Вотъ мгновение, приидѣсь
 На вичурку коенда, лихова бернардина;
 Онь всѣхъ насъ пристѣдѣлъ — и тоно: хватъ коен-
 жина!

Когда я трясся весь, собачки не напошь,
 Онь хватъ мое ружье, приидѣлся, навѣвъ —
 И бап! какъ нѣтъ подѣсь! въ башку промощъ
 зубами!

Мопанку, сто шагов! и между головами
Двонх охотников! Который годь живу;
Каких выдал стрѣльцов; обрисвал всю Литву,
А только одного охотника такова
Я встрѣтил; истинно; да вотъ—ксендза другова.
Тотъ, Янекъ именемъ, а по prostu Усачъ;
На всё зати былъ отъявленный лихачъ;
Не мало наблюковъ у женскихъ силъ ботинковъ,
Не мало на-вѣю настроилъ поединковъ...
Теперь, я чай, въ аду по самое уом
Сидитъ на угольяхъ—и точно змеи псы
Хлопочутъ вокругъ него и Вельзевулъ, и черти...
Спасибо, право, ксендзь! Двонхъ ты спасъ отъ
смерти,

А можетъ и тронихъ: я хватать не хочу,
Но если бы медвѣдь сшилъ черевъ панчу,
Послѣднему въ роду—и я бы къ зѣрью въ глотку
Ползѣлъ! Пойдѣть же, ксендзь, изъ торби вынемъ
водку

Лихую, гланскую, присядемъ и вдвоемъ
Здоровья графское и ваше разопьѣмъ!»

Но не было ксендза: напрасно проискал
Охотникъ его; лишь только разузнаи,
Что, послѣ выстрѣла, окинулъ взоромъ онъ
Окрестность, видитъ: графъ съ Тадеушемъ спасенъ,
Взглянулъ на небеса, тихонько помолился,
Надвинувъ свой картузь и въ чащѣ тѣмной скрылся.

ПѢСНЬ V.

На ужинъ въ замокъ всѣхъ Солнца пригласилъ.
Готово—и народъ толпою повадилъ,
Шумя, какъ вѣтрами волнуемое море.
Всѣхъ выше, впередъ, садится подкоморій,
Какъ слѣдуетъ ему по званию и дѣламъ;
Садясь, онъ кланялся приветливо гостямъ.
На мѣсто квестаря хозяйникъ сѣлъ въ среднѣ,
Прочтя короткую молитву по-латынѣ;
Потомъ благословилъ трапезующій столъ—
И ужинъ чередой, какъ водится, пошелъ.
Сначала холодецъ, тамъ рыби и шпараги,
Между бутылками токая и макаги.

Но тихо всё жууютъ. Молчаніе кругомъ;
Лишь вики брякаютъ. Налитро въ замѣкъ томъ,
Котораго въ огняхъ свѣяшія палаты
Слыхали илькогда столь громкіе ниваты
И рѣчи бурная, кивѣнныя рѣбой,
Ни разу не было компаній таковой:
Какъ-будто нѣкій духъ заворожилъ всея братью

И всё уста сковала безмолвнѣ печалью.
Причина, почему затихла молодежь,
Скрывалась въ выстрѣлѣ; всякъ думалъ: «каково же!
Не дался никому медвѣдь изъ братии нашей,
И вдругъ какой-то ксендзь, какой-то шмыкъ мо-
намшій,

Побѣду выхватилъ, изъ-подъ носу у всѣхъ!
Не срамъ ли, господа? вѣдь это курамъ смѣхъ!
Поюрь отъявленнымъ ложился въ гробъ заранѣ!
Вотъ будетъ похвальбы и въ Лябѣ, и въ Оршанѣ,
Панове братія! и неужели имъ
Мы пальму первенства въ охотѣ отдадимъ?»

Но пуще войскому молчанье то маркетно:
Провѣлъ онъ молодость бурливо, беззаботно,
На сеймахъ, гульбицахъ, у шляхты на пирахъ,
Въ охотничьемъ кругу, на шумныхъ вечеряхъ,
Гдѣ старопольскіе побрякивали кубки;
Затѣмъ онъ былъ врагомъ молчанія и—трубки,
Которую, вишь, чортъ отъ ибѣмцевъ къ намъ занёсъ,
Чтобъ Польшѣ всей молчать, кура табакъ въ засосъ:
Такъ войскаго объяснялъ. Онъ спалъ, иль думалъ
думу,

Когда вокругъ него довольно было шуму,
А если замолчать—проснется и бѣда!
Такъ мельникъ тихо спитъ, урчи кругомъ вода;
Пусть ходитъ шестерня и мельница чужь меаетъ:
Она ему постель знакомымъ шумомъ стелетъ;
Но стали жернова—проснулся вдругъ и онъ,
Гладить, оторопѣвъ... и гдѣ ты, сладкій сонъ?
Такъ войскаго, пробужденъ трапезой молчанной,
Всталъ, подкоморію откланялся учтиво,
Потомъ къ хозяйскому кочусяи кинутому;
Кивнувъ головой, что значило: «спрошу»—
И всеняи началъ такъ: «Панове! ить причины
Намъ молча ужинать: вѣдь мы не калупини!
Молчать, припрятывать за трапезною рѣчь,
Всё то же, что зарядъ въ ружьѣ своемъ беречь:
Зарядъ заржавѣетъ и послѣ не годится.
Не съидѣ охотнику, какъ дѣвци, отидаться!
За-то болтанувъ люблю я старину.
Охочую всегда къ бесѣдѣ и къ вину.

Въ дни наши, кончивъ ловъ, компанія, бывало,
Безъ умолку всю ночь шла и толковала,
Что въ голову придѣтъ, какой бы ни былъ ловъ;
Огонь—не разговоръ; шумящій лишь словъ—
Воля, охотничье дасекаяя ухъ...
Теперь—безмолвіе: услышавъ, если муха
По замку пролетитъ. Э, вижу я сейчасъ,
Откуда буря вѣя на небѣ собралась:
Изъ-подъ монашяго нависнула картура!

И вотъ съ чего теперь глядите всё понуро:
Стыдитесь промаховъ. Да кто жъ ихъ не давалъ!
И много на-вѣку охотниковъ знавалъ,
Какихъ не вамъ чета—а тоже пуделяли;
И самъ я худелялъ, да не было печали.
Покойникъ панъ Рейтанъ, на что ужъ былъ стрѣ-
локъ,

И тотъ безъ промаховъ охотиться не могъ.
Пословица живѣтъ: на всякую старуху
Хотя единый разъ пошлѣть Господь проруку.
А то, что съ поля графъ ударился бѣжать
Съ Тадеушемъ—никто не станетъ осуждать.
Когда бъ безъ выстрѣла пустился вы отъ зѣрью,
То, значитъ, струсили, сробѣли, а теперь
Вы оба дали залпъ и бой лицомъ къ лицу
Безъ страха приняли, какъ слѣдуетъ бойцу—
И намъ почтлва осталась ретрада:
Вы вранѣвъ отступитъ; но вотъ что поинить надо:
Всѣхъ одинаково хочу я остеречь—
Зарядъ не выпуская изъ лука, а беречь
До самаго конна, покуда зѣбрь нагринетъ;
А издали зарядъ не бѣять, а только ранить.
Да вотъ еще о чѣмъ хочу предупредить:
Другъ-друга не сбивать, впередъ не заходить,
И разомъ по одной не тѣниться личишѣ!»

Ассесоръ проворчалъ вполголоса: «дѣвичин!»
Всѣ въ хохотъ: угодилъ ассесоръ, знатъ, на всѣхъ,
И долго за столомъ не унимался смѣхъ.
«Да!» войскаго продолжалъ, «окази перѣджи:
Бынаетъ, что въ талокъ капанъ влетитѣ, дѣтки...»
«Къ охоткѣ!» проворчалъ ассесоръ, нодъ шумокъ
И грозно выстрѣлилъ глазами въ потолокъ.

Вновь на смѣхъ подняли ассесорскую шутку,
А войскаго новую готовилъ прибаутку;
Венгерскимъ до краевъ наполнивъ свой бокалъ,
Отпилъ, прокашлялся и снова продолжалъ:

«Неспорно, ксендзь-плебанъ стрѣляетъ очень
мѣтко,

Такіе лихачи-стрѣлки бываютъ рѣдко,
И ключникъ говоритъ, что зналъ лишь одного,
Но могъ такъ выстрѣнить, и больше никого.
Я жъ на своемъ вѣку знавалъ еще другого
Подобнаго стрѣлка, хоруужаго простого:
Онъ также выстрѣломъ двонхъ отъ смерти спасъ.
Объ этомъ случаѣ пойдѣтъ теперь рассказъ.

«Разъ въ Налибокии ударился мы роци—
И тутъ-то къ намъ кабанъ какъ-куръ попался въ ши.

Тадеушъ панъ Рейтанъ—и ужасъ, и гроза
Окрестной дичи всей...—«За здравіе ксендзя!»
Воскликнулъ панъ судья: «теперь черѣдъ за вами,
Панъ войскаго!» И наливъ тутъ въ уroveň съ
крами

Бокалъ венгерскаго, сосѣду подавъ.
Бокалы кончунис; панъ войскаго заложъ пѣть.
—«А жалъ, сказалъ судья: подарна никагова
Не приметъ ксендзь-плебанъ; за-то, честное слово,
За порохъ, за трудъ, на кляшторъ я внесу
Стпендію: такъ зѣбрь, застрѣленный въ хѣсу
Сегодня, черѣдъ годъ свою оплатитъ шкуру;
Но шкуры не отдамъ; готовъ, пожалуй, фуру
Доставитъ собожей, а шкуру—погоди!
О шкурѣ, братія, рѣчь будетъ впередъ.
Честъ выстрѣла—ксендзу. Теперь, по уговорѣ,
Награду первую охотничью подкоморій
Присудитъ пусть тому, кто болѣ заслужилъ!»

Пополъ межъ шляхтой споръ, и всякій выводилъ
Свои отличія, ихъ завѣсивъ и развѣривъ:
Одинъ, что на собакъ поставилъ первый зѣбрь;
Тотъ—въ рукопашную свалился первый съ нимъ;
Ассесоръ въ яри споръ вступилъ со ставовикомъ:
Одинъ о цѣнности толку сапшукшювки,
Другой о добротѣ своей сагаасовки;
И некончаемо рѣчать объ этомъ шоль...

Но подкоморій глѣкъ къ собранію повѣлъ—
И всѣ утихнули: «Сосѣди и собратя!
Заслуги всѣхъ равны, и всѣ вы безъ изьятъ
Достойны высшую награду получить;
Но, братія, судбѣ угодио отличить
Особымъ знаменемъ двонхъ изъ васъ сегодня:
Тадеушъ и панъ графъ—на нихъ рука Господня.
Тадеушъ, поручусъ, откажется отъ правъ:
Такъ, сродѣ орѣпа получить нимѣтъ графъ;
Пусть шкуру по стѣнѣ развѣситъ кабинета—
По ней воспоминатъ онъ будетъ предъки лѣта,
Горѣтъ виновственнымъ охотника огнемъ,
И пивный духъ отцовъ не осадѣетъ въ немъ!»

Умолкъ и думалъ: графъ доволенъ будетъ рѣчью;
Но графъ былъ холоденъ къ такому красорѣчью,
И, взоръ на потолокъ нечаянно поднявъ,
Увидѣлъ тамъ сѣдыя охотничья забавъ,
Наслѣдѣ въокнь, добычу поколѣній:
Кудравые рога сохатыхъ и оленей,
Слигелась межъ-собой, нависли точно лѣсъ;
А дакъ, подъ шатромъ негѣвннхъ замѣсь,
Портрети прѣдѣловъ, ихъ обликъ угрюмы...

Всё въ графѣ старья расшевелило думи,
Давно умолкнувъ и пованетъ, и злость...
Владыцѣ этихъ стѣнъ межъ ними точно гости!
Горшки стодлянка единственной насѣдникъ —
На шпръ у пратовъ и другъ, и собесѣдникъ!
Волнение и гнѣвъ съ трудомъ въ себя сдержавъ,
Съ усмишкой горькою судья отвѣтилъ графу:
«Благодарю я васъ за даръ и за обѣды;
Но тѣсной уголь мой столе пышною добычей
Покуда укрывать я вовеки не хочу,
А лучше съ замкомъ тѣмъ всё вмѣстѣ получу!»

Смекнувъ, куда пошло, чтобъ избѣжать исторій,
Скорѣе поспѣшилъ встуниться подкоморій:
«Достойнъ похваля, сосѣдь мой молодой:
За выгоды свои стоишь и за ѣдой;
Не такъ, какъ молодежь въ теперешніе годы
Живѣть, не думая шадить свои доходы,
Отъ всякихъ лишннихъ тратъ себя предостережь.
На счетъ недвѣданныхъ теперь имѣй рѣчь:
Меня давно уже вопросъ сей занимаетъ;
Признаваться, эта часть у насъ еще хромаетъ,
Но жѣры приняты...» Тутъ началъ выводить
Порядкомъ цѣлый планъ, пошелъ судить, видѣть,
Администраціи высказывать тайны,
Занѣсея высоко; вдругъ шумъ необычайный
Послышался въ углу; всѣ головы туда
Оборотилися. Такъ вѣтеръ иногда
Колосы тонкіе нагнѣтъ по произволу,
И выблосы они, свѣлаясь тихо долу.

Въ углу, гдѣ стодлянка покойнаго портретъ
Висѣлъ, подъ копоотью и прахомъ многихъ лѣтъ,
Открылась, скрипнувъ, дверь, и въ то же мгновеніе
Фигура длинная, какъ нѣкое видѣнье,
Явилась въ комнатѣ: то ключникъ былъ Гервазъ;
Узнавъ всѣ его по блеску гнѣвъныхъ глазъ,
По росту и усамъ, еще того скорѣе
По форменной его горешковской либрѣ.
Онъ шогъ, не шевелясь, какъ точно не живой,
Не думая кивнуть собранью головой,
И даже не смотря и шапки не домая,
Въ рукахъ его ключи; одинъ изъ нихъ, блистая,
Предлинный, спѣреди воистинно торчала,
И будто лгганъ, изъ мечъ обозначала.

Фигура движется и стала противъ шкафа,
Гдѣ старье часомъ, съ гербомъ Горешки графа,
Мигали за стекломъ, давно уже, на блду,
Со всей природою и съ солнцемъ не въ ладу.
Гервазъ не поправлялъ — и что ему за дѣло! —

Лишь только бы шли часы да музыка гудѣла,
Курантовъ лондонскихъ трескучая игра.
Въ то время заводчикъ какъ-разъ пришла пора.
Рѣчь подкоморія плавно въ шире
Потоками лилась — тутъ ключникъ дернула чирп
И зубья ржавые скрипнули въ колесъ:
Раскакапитъ замочалъ, и отглушилъ всѣ.
«Эхъ, братъ, оставь пока! и кауись тебѣ не тошно!»
Замѣтилъ панъ судья; но ключникъ, какъ паромно,
Дѣръ шнуръ еще сильнѣй: кукушка на верку,
Припрыгнувъ, понесла такую чепуху,
Пшшала, каркала, чѣмъ дагѣ, тѣмъ хуже
И, кончивъ арію, бралась за пѣсню ту же.
Всѣ гости хохотать, но подкоморій вдругъ:
«Эй, ключникъ, берегись: я врагъ подобнымъ штурмъ!
Кто самъ хорошъ со мной, того я не затрону,
Но выпугну какъ-разъ докучную ворону!»

Ни мало не смущонъ, отонъ себя Гервазъ,
Рукою на часы свои облокотился,
И такъ отвѣтилъ: «Слышалъ я эти шутки!
Нѣтъ, выпугнуть меня, шанишь, мопанку, душень!
Каковъ ни есть теперь на свѣтѣ воробей,
А дома у себя не трусь и не робѣй.
Найдѣся про него и корму, и соломи!
А какъ ворона вотъ да не въ свои хоромы
Заетеся, тогда изъ этихъ изъ хоромъ
Какъ-разъ её метлой попросить не-доброжь!»

— «Вопль! за двери его! Эй, Томашъ! Эй, Григорій!»
Затопавъ, закричалъ сердито подкоморій.
«Вотъ видите, панъ графъ, куда уже пошло!»
Озвался ключникъ тутъ: «Имъ мало, что на зло
Загнѣли въ замокъ нашъ, въ домъ стодлянка Го-
решки;

Имъ мало, что теперь мы терпимъ ихъ насмѣшки,
Что панъ пожаловалъ на ужинъ ко врагу,
Давай еще кричать на панского слугу,
Смѣяться мнѣ въ глаза, чинивнику Гервазу,
И даже выгонять изъ дому, какъ заразу!»
Тутъ возный возгласилъ: «Внимание, господа!
Всѣ, кто приглашены въ собраніе сюда!
Я, возный, Бальтазаръ, фамилія Врехальскій,
Иначе генералъ когда-то трибунальскій:
По силѣ данныхъ мнѣ нотенцій и правъ,
Обязанъ нахожусь, свидѣтелей собранъ,
Дознавать чинить по поводу Солпана;
Сирѣчь инквизиціи, набѣйтъ на границы;
А то, что панъ-судья владычель имѣеть мѣсть,
Тому свидѣтельство, что онъ въ семь замкѣ —
ѣсть!»

— «Вотъ я тебѣ, брехачъ, заткну твоё брехало!»
И, взявъ свои ключи, не думая ни мало,
Гервазъ пускаетъ ихъ въ него какъ изъ пращи.
Всѣ повскакали съ мѣстъ: «держъ его! тащи!»
И плахта ринулась шумящею волною,
Межъ лавкой, стульями, столами и стѣною;
Но графъ, имъ вреслами дорогу загородивъ
И слабый шавецъ свой въ томъ мѣстѣ утвердивъ:
«Стой! здѣсь безчинствовать», сказалъ, «я не позволю!»

Напрасно, панъ судья, даёшь ты хлопцамъ волю,
И гдѣ жь? въ чужомъ дому! чужихъ позорить слугъ
И цѣлую ведёшь араву противъ двухъ!
Какъ это доблестно! какъ это благородно!
Хозяинъ на лицо, и тотъ, кому угодно,
Мнѣ можетъ высказать претензію свою;
А тротать славу моихъ я въ замкѣ не даю!»

— «Вѣзь вытеги милости рѣшимъ мы это вскорѣ»,
Сказалъ, изъ-подъ бровей взглянувши, подкоморій:
«Раньшею здѣсь себя хозяйномъ зовѣмъ!
Когда меня, всѣхъ насъ не ставишь ни во грошъ,
Когда тебѣ ничто ни сдѣлана, ни лѣта,
Уважь хоть первое твое званіе повѣта,
Послушайся меня безпрекословно, садъ!»

— «Ни лѣтъ, ни званій нельзя мнѣ уважать,
Когда отъ нихъ терплю себя я оскорбленъ»,
Отвѣтилъ графъ ему. «Здѣсь домъ мой и владычель,
Насѣдье отцовъ. Довольно и того,
Что съ вами, среди помѣстья моего,
Прислешь я бражничать, терпая всё это пьянство,
Кутежь, и наконецъ позоръ и грубійство.
Ужо, какъ выспитесь, отчѣть спрому у насъ.
Такъ — до свиданія! За мною, мой Гервазъ!»

Никакъ не ожидалъ подобнаго отвѣта
Старикъ, отъѣтъ самъ и первый чинъ повѣта.
Въ то время наполялъ венгерскимъ кубокъ онъ,
Вдругъ рѣчью грубою, какъ громомъ, пораженъ,
Совсѣмъ остобѣнѣлъ, въ немъ нравъ проснулся
пшлой:
Старикъ, какъ былъ тогда съ поднятой вверху
бутылкой,
Такъ замеръ, грозные глаза остановивъ
На графѣ и уста широко отворявъ,
И палитой бокалъ сжималъ, что есть мочъ,
Покаместъ лопнула онь — вино плеснуло въ оны,
На сватеръ черепки посыпался званъ;
Казалось, брызгами подбавило огня
Лицу и головѣ: зардѣлся лобъ широкий

И яркой молніей заискрился оно.
Хотѣлъ онъ говорить, но долго всё жевалъ,
Вдругъ прыснулъ слова: «Ахъ, неучи! Ахъ, нахаля!
Эй, Томашъ, саблю мнѣ! Вотъ я тебя, графѣножь,
Иначе вышлюю; не ѣзда, пороснись!»
Ни въ грошъ ему чини! не можетъ слышать, слава!
Какая нѣжана! заморосникъ пѣстунъ баба!
Откуда выскочитъ? Эй, Томашъ! виниси дьябли!
Дай саблю, говорю, и примемъ ихъ мнѣ въ сабли!»

Тутъ въ подкоморій придрагнулись друзья,
Готовы зашпашить; но за руку судья
Сосѣда ухватилъ: «Ясновельможный пане!
Оставьте это намъ! Здѣсь дѣло всё въ буянь,
Въ мальчишесъ: пусть же съ нимъ и кончить мо-
лодежь!»

Тадеушъ, рѣчи ты съ нахаломъ повелѣшь!
За оскорбленіе и гвалтъ противъ сосѣдей!
По-своему пласать заставишь ты медвѣдей!
Тадеушъ выступилъ: «а, шапелъ панъ буянь!
Посмотримъ завтра мы, кто пьянъ и кто не пьянъ!
Ты вздумалъ оскорбить здѣсь первый чинъ въ ко-
вѣтъ!»

Ужо поговоримъ объ этомъ на развѣтѣ!
Теперь же уходи, покаместъ живъ и цѣлъ!»

То былъ совѣтъ благой: едва сказать успѣлъ
Тадеушъ рѣчь свою, какъ прислули бутылки
Въ Герваза-ключника, потомъ ножи и вики.
Графъ началъ отступать; оторопѣлъ Гервазъ...
Колѣбелся... Толпа нахлннула, ярься,
И наступленіе отсюда началось.
По счастью, въ этотъ мигъ въ дверяхъ явился Зоси
И, ругая нѣжаны и очи вверхъ поднявъ,
Молния ими всѣхъ: тогда Гервазъ и графъ,
Межъ-тѣмъ какъ сдерживая былъ напоръ толпы
бурляной,
Направились къ сѣнямъ, дова моментъ счастливый.
Глядъ: ключникъ вдругъ исчезъ, курявцу подъ
длинный столъ,
Какую-то скамью за нимъ, въ углу, наполь
И, вверхъ еи поднявъ молочую десничей,
Какъ мельница крыломъ махнулъ — и вереницей
Назадъ отхлннула шумящая толпа;
Иные симались на землю какъ крупа,
Вставали и опять видались, грозясь,
Но осажденные, скамейкой заслонясь,
Ужъ были далеко; вотъ стали на порогахъ,
Минута — и Гервазъ уйти бы съ графомъ могъ,
Но ключникъ всё еще на мигъ остановился,
Держа скамью въ рукахъ; присѣлъ, изворонился:

Нельзя ли счастья в сраженьи помыслить,
Ударить на врагов, λοιмить и наступать?
Уже заветь скажешь, чтобы пробить дорогу,
Но, войскаго устрѣвъ, почувствовать тревогу.

А войскій, между-тѣмъ, спокойно въ сторонѣ
Сидѣлъ, безъ всякаго участія въ войнѣ.
Сначала трагедия, въ тотъ мигъ, какъ былъ въ спорѣ,
Солнца пань-судья, Гержавъ и подкоморій,
Пань войскаго вслушался, казалось, въ этотъ споръ,
Понюхалъ табаку, очки свои протёръ,
Затѣмъ опять утихъ, не взявша крикамъ, шуму,
И погружаясь, повидимому, въ думу.
Солнца былъ родня неблизка ему;
Но такъ-какъ войскій жилъ давно въ его дому,
То вѣрно о судья заболела немало.
Увидѣвъ, что толпа на графа напирала
И съ нею былъ судья: старикъ себя опять
Сталъ молча, подъ шумокъ, за битвой наблюдать,
И, ножикъ положивъ тихонько на ладоши,
Онъ приготовился, какъ должно, къ оборонѣ.

Искусство страшное метанія ножей
Въ то время вышло въ Велико-Польскій всей
И даже на Литвѣ; лишь кое-кто изъ старшихъ
Его уютрѣблялъ подчасъ при битвахъ ярыхъ.
Зналъ ключники хорошо, чѣмъ нахвѣтъ этотъ пожь.
Движенья войскаго, быть-можетъ, молодёжь
И не примѣтила, но ключники всё примѣтили
И видѣли онъ, въ кого старикъ ножомъ намѣтилъ:
Скамейкой послѣднюю Горешку заслонивъ,
Гержавъ шпунулъ за дверь, и графъ остался живъ.

Такъ волкъ, когда его собакъ настигнетъ стая,
Вдругъ оцѣнитъ его, присядетъ и, блеснувъ
Клыками страшными, пріемаеть ярой бой —
И стая отъ него поносится гурьбой.
Но, чу! звенитъ курокъ — и полая, поджавши ухо,
Со страхомъ слушаетъ знакомый цокъ, и, глухо
Ворча и хвостъ поджавъ, уходитъ въ добрый часъ,
А стая, вновъ за нимъ съ труйфомъ навалась,
Хватаетъ за бока и космы въ воздухъ мечетъ;
На мигъ присядетъ волкъ, пса хваткой искалечитъ
И снова на утѣкъ: такъ точно и Гержавъ
Искусно отступалъ, скамейкою заслонясь,
Грозя движеньями, поглядывая въ оба —
И въ тѣмный коридоръ укрывшись съ графомъ оба.

«Держи!» но ключники былъ на хорахъ, наверху,
Ломаль уже органъ — и быть бы тутъ грѣху,
Когда бы вѣдныя послышались трубы

И затрещали вдругъ панонъ и нахлѣты чубы.
По счастью, толпа сѣднѣла изъ дверей,
А хлопцы, захвативъ посулу воскорій —
Огромные котлы изъ серебра и мѣди —
Бѣжали также вонъ, оставя только сидѣи.

Послѣдній отступилъ Врехальскій Балътазаръ:
Не могли укротить въ себя военской жаръ,
До самаго конца чинить свое дознанье,
Достаточно явивъ различныхъ пунктовъ знанье,
Крючковъ, параграфовъ, узавозъ и статей;
Окончилъ — и пошелъ вслѣдъ шлахты и гостей.

По счастью, не было увѣчныхъ и потери,
Но стувель въ скамейкѣ попадаю у двери
Довольно: самый столъ, подибибъ наконецъ,
Панъ на полъ, улитый венгерскимъ, какъ боекъ,
На обгарѣнные досѣдкѣ суостата.
Вкругъ мѣртвья тѣла: индѣйки, поросята,
Съ пожами, визками, натманнми въ бокъ...

И вотъ опять заснулъ разбуженный чертогъ,
И мракъ надъ нимъ повисъ, какъ тѣмная завѣса;
Лишь мѣсяцъ, выкрасивъ тихонько изъ-за тѣса,
Скользилъ по комнатамъ обманчивымъ лучомъ,
Какъ-будто вѣбій тать въ затишь пробовомъ,
Иль грѣшная душа, летящая на Дзяды.
Вотъ крикъ стая закричалъ — поалакнитесь ради...
Вдругъ хлопнула бутылъ, духомъ задранный гостъ,
И крики прачуется, поджавъ проворно хвостъ.

На хорахъ, въ залѣ той, что прознава зеркальной —
Хотя и безъ зеркалъ — разлуливалъ печальный
Наслѣдникъ стольника, отъ жару сивая сюртукъ,
Однакоже его не выпускалъ изъ рукъ
И, имъ воинственно и ловко драпирнуясь,
Какъ ридаренкъ плаомъ, и такъ-себѣ крикуясь,
Онъ вышелъ на балконъ, на ветхозъ крыльцо,
Чтобъ вѣтръ ему нахнулъ въ горнице лино;
А тамъ ужъ былъ Гержавъ — и началъ бесѣду.
«Вѣхъ, вѣхъ зови на бо!» Ступай! коцну и въ дѣду!»
Графъ молвилъ. «Вѣхъ сюда, вѣхъ до одной души!
Жльѣе снаржай рапри, пазаши!»...
— «Да, точно!» тотъ сказалъ. «Коль хочешь быть
покоень»

Всѣ грабъ и всѣ бери, и будъ вѣкъ дѣлать воинъ.
Какой тамъ муть процесси! Все ясно тутъ какъ день:
Горешки — панами всѣхъ этихъ деревень
Лѣтъ были тысячу, мѣсъ-тѣмъ, какъ панъ Солница
Ни гроша не имѣлъ; вдругъ эта Тарговица

Нагрязнула на насъ, какъ нѣ голову снѣтъ —
И вотъ мой панъ липовъ своихъ владыни всѣхъ,
За что и почему — кто знаетъ, неизвѣстно!
Тутъ гдѣ процессомъ взять и дожидаться честно:
Набѣшь оскомину, не стершись, надобѣсть.
Давно я говорю: махнѣтъ на нихъ въ наѣзд!
Какъ было въ старину въ Литвѣ, въ Велико-Польскѣ;
Тотъ правъ себѣ и панъ, кто могъ нагнать больше;
Кто въ поѣвъ взялъ, возьмѣтъ навѣрно и въ суду!
А если я въ Добжинъ за помощью пойду,
Къ Матвѣю проторю знакомую дорожку,
Такъ, вѣрь мнѣ, изъ Солницъ мы съѣлаемъ окрошку!»

— «Брависимо! идеть!» воскликнулъ громко графъ:
«Давай, Гержавъ, искать своихъ сарматскихъ правъ!
Такой подымемъ шумъ, какой и въ прежни лѣтъ
На рѣдкость былъ въ Литвѣ. Журналы и газеты
Вездѣ начнутъ трубить объ насъ наперерывъ.
Гержавъ! ты подлинно на выдуми счастья!»
Ура! намъ предостонъ прекрасная забава:
Оружя гранеть звонъ, а тамъ — вѣнечъ и слава!
Два года кисну здѣсь, какъ звѣрь какой сиду;
Всѣ развлеченіе — поспорить за меду
Съ холопомъ; а ужъ тутъ не этикъ вовсе нахвѣтъ!»
— «Да, ежели Гержавъ рапррой тарарахнеть...»
Вступился-было тотъ; но графъ остановилъ:
— «Я, знаешь ли, Гержавъ, однажды удичилъ
Спичилъ, сверпшия удачно нападенъе
На шаку дѣлуу разбойниковъ. Сраженъе
Поутру началось и кончилось въ ночь.
Я лично трехъ убилъ, и княжескую дочь,
Красою ангела, освободилъ изъ лѣйна.
Въ объятія мои прекрасная Елена
Упада, плакала — поимешь ли это ты?
Вѣязью въ городъ — ну, какъ водится, цѣтъ;
Коврами пышными увѣщаны балконы,
Валить тѣма тмуцалъ народу, миллионы,
Вывать етъ саета... Потомъ одинъ поэтъ
Удачно сочинилъ стихи на сей предметъ,
Назвавши: *Польскій графъ, иначе приключенъе*
Въ скалахъ Вирбанте-Рокъ. Съ-тѣхъ-поръ во
мнѣ велеченье

Къ сраженіямъ, огонь воинственный въ крови...
Ступай, Гержавъ! ступай, канчъ кланка и зови,
Вассаловъ собирай, вооружай жокеевъ!»
— «Какъ? Боже сохрани вооружать лакеевъ!»
Гержавъ отозвался. «Съ лакеями наѣзд!
Мопану нѣ жилъ здѣсь, не знаетъ нашихъ мѣстъ,
Обычаевъ; наѣздъ собирается въ застанкахъ:
Въ Добжинѣ, въ Тегичахъ, въ Ступилицѣ, въ Ру-
банкахъ,

Гдѣ шлахта ястая, народъ — говоривъ,
Рѣбѣта важние, въ Литвѣ имѣють вѣсъ,
Горешкамъ предакъ и недруги Солницамъ,
Мопану, вотъ куда, вотъ къ этимъ самымъ птицамъ,
Мнѣ нузно залѣтъ, покажеть не блеснутъ
Расвѣтъ на небесахъ. А панъ бы лѣтъ — уснулъ;
Ужъ поздно: Гержавъ вдругорядъ прокричалъ!
Затѣмъ лѣтъ утихъ, и оба замолчали.

Съ балкона видить графъ горящіе огни
Въ хоромахъ у судьи. «Не спать еще они!»
Сказалъ онъ про себя. «Что жъ, дѣло! тѣмътебѣ
этимъ,

Пока мы фейерокъ иной вамъ не засѣтнѣм!»
А ключники на земъ сѣлъ, пригавши въ углу.
Лучъ мѣсяца скользилъ по лицу челу
И рѣче отдѣлялъ глубокия морщины.
Гержаву началъ мерещиться картини
Наѣздовъ и рѣзни, военная грозъ...
А сонъ, мѣжь-тѣмъ, смежалъ уставше глаза.
Гержавъ хотѣлъ прочесть вечернія молитвы
И ими разогнать видѣнья и битвы,
Но между «Вѣрую» и между «Отче нашъ»
Вдругъ какъ-то зазвенитъ то выстрѣлъ, то напашъ,
И грѣзи страшная являются въ туманѣ.
Вотъ, прозно опернися на язакомъ будзпагѣвъ,
Стоитъ сѣдой литвинъ, покручивая устъ;
Другой острить кинжалъ иззубренный о брусъ...
Чу! музыка гремитъ, чертогъ свернукъ огнями —
И, между разными знакомими тѣнами,
Вдругъ образъ стольника покойнаго замелькнулъ,
Кровь брызнула... Гержавъ очнулся и вздрогнулъ,
Крестился... Но дрема опять его облеплетъ...
Наѣзд! Военныя клнчъ и трубы. Ключники внем-
летъ,

Гладитъ Кореличи и Рышка на челѣ!
Сверкаетъ молніей оружіе во мглѣ...
Затѣмъ сбѣшалось все: Литва и гайдамаки...
Вотъ самъ Гержавъ летитъ на дымокъ армакъ,
Выдѣтъ кунтуша на вѣтеръ распустилъ,
Липо его горитъ и шапка сбился въ тѣтъ;
Вотъ, вотъ она: устрѣвъ знакомую свѣтлицу —
Туда! — и онъ поджогъ разбойника Солницу;
Огонъ бжнѣтъ рѣкой; ударилъ въ набагъ;
Объяты пламенемъ, селенія горятъ
И сыплются кругомъ, сверкая, голешени...
И такъ заснулъ слуга послѣдняго Горешки.

ПѢСНЬ VI.

Тихонько, крадучись, на небо выходятъ
Застѣвчивыя расвѣтъ и дремающихъ будгъ,

Но былъ онъ нѣ веселъ: съ лица его руками
Спахнуло сѣрой тьмой и, глядя на поляны,
Не могъ онъ, какъ всегда, зарѣю заалѣть.
Кругомъ висѣлъ туманъ, какъ старая повѣсть
Надъ бѣдной хижинкой убогаго лѣтнина.

Стада воловъ и ковъ, съ природою заодно,
Проснулось и пошелъ на пастбище поодѣль,
Пугая русовокъ изъ мягкихъ зеленей.
Догадливы звѣрковъ имѣлъ обычной раиъ
Въ дубраву уходить; теперь дремалъ въ туманѣ,
Такая съ котками, на воздухѣ сиромѣ,
Подъ камнями росн, блиставшей серебромъ.

И въ росахъ тишина: еще пѣвецъ крылатый,
Забившись въ листья и подъ мохъ бородатый,
Дремалъ, повѣя носъ, и ждалъ зари восходъ.
Лагушки внакала среди своихъ богатъ,
Да бучней слышались отрывочные стоны,
Да каркала порой зловѣщая ворона,
Ненастье и дожди селянамъ воража.

Чу! пѣсня раздалась, и звукъ ея, дрожа
Ушью, а подчасъ и вовсе замрала,
Пролѣтѣла по полямъ отъ края и до края:
То ныли изъ села на ниву яничъ толщъ;
Сверкнули острые на пажитяхъ серны;
Работая, поютъ молодки русовосны.
Вотъ къ нимъ идутъ косцы, напаленъ вкинувъ косы,
И начали косить отаву; косытъ радя,
Всѣ останавливае и косы косятъ
Брусомъ; потомъ опять движенье на полянѣ:
Валитъ косовѣ толпа, чуть видная въ туманѣ,
Лишь изрѣдка свиститъ и хрюкаетъ коса,
Да вътеръ пѣвчювъ приноситъ голоса.
Въ срединѣ, между яничъ, оглядывая житю,
И прехвемъ ворча и хмурясь сердито,
Гуляетъ пасмурный и мрачный эконоомъ
И дремлетъ на ходу, еще обмятый спомъ.
Межь-тѣмъ, большія всѣ и малія дороги
Наполнены людсьи: несутся брички, дроги,
Кибитки польскія, гонца туда, сюда;
Нерѣдко шмыгаютъ проворные лица;
Порою зануски промчатся верхоме,
Какъ-будто развоза звѣстия живня.
Вознеже, гонюция, колѣсь трескучий громъ.
Очудуся и гладыш урюжий эконоомъ,
Брѣчьтъ, зовѣтъ: куда! лихія брички мимо
Летятъ, проносятся, какъ вихрь, неудержимо.
Порой послышится брѣдчине назаша:
Создади! Замера отъ радости душа —

И старикъ эконоомъ, о спѣ и о пшеницѣ
Забывъ, бѣжитъ бѣгомъ въ хозиняу Сошницѣ,
Всѣ въ точности ему повѣдаютъ, рассказать...
Въ то время начали ужъ вѣсти прилетать
Въ Литву на счетъ войны; въ сердцахъ была тре-
вога —

И всякій ждалъ гостей-французовъ, точно Бога.

Судья сидѣлъ съ утра, замкнувшись въ избѣ,
Сердитый, сумрачный, и всѣ писалъ-себѣ;
А возникъ, между-тѣмъ, у пана за порогомъ,
Стоялъ на выпяжку и ждалъ въ молчаньи строгомъ,
Что будетъ. Наконецъ написанъ былъ позывъ,
Гдѣ, жалобу свою на графа изложилъ,
За оскорбленіе его судейской чести,
За дерзкія слова, за гвалтъ и грубость вмѣстѣ,
Сошница требовалъ съ отвѣтчика выискать
Убитыя, протори: ни ютъ пропускать
Опъ въ прособахъ не любилъ, писать замкловато;
А возникъ долженъ былъ сегодня жъ, до заката,
Тотъ позывъ отгласитъ у графа на дому,
Допрежъ не говори ни слова никому.
Едва лишь онъ узрѣлъ знакомую бумагу,
Почувствовалъ въ себѣ и бодрость, и отвагу,
Припрыгнуть, на двадцать годовъ помолодѣлъ —
И гордо на судью и весело глядѣлъ.
Такъ, въ битвахъ проведя всю жизнь, маститый
воинъ

Лезитъ въ госпиталѣ, задумчивъ и спокоенъ;
Вдуртъ слышитъ барабанъ и, духъ свой веселя,
Припрыгиваетъ и кричитъ: «рубите москаля!»
И долго тѣшится, и улыбается плачетъ,
И, бросивъ свой костюмъ, какъ мальчишкѣ малый ска-
четъ.

Брехальскій, позывъ взявъ, собрался въ путь съи-
шить:

На это у него кафтанъ особый сшилъ —
Не кунтушъ, не жупанъ: они идутъ въ парадѣ;
На позывъ возные совсѣмъ въ нѣмъ нарядѣ
Пускаются: пошь низъ широкие штаны;
У куртки два угла слегка подобрааны,
Но можно отстегнуть, откинувъ только пражки;
Съ ушами малахай, а уши тѣ на стяжкѣ;
Коль дождилъ, возникъ ихъ спуститъ пожалуй могъ,
А вѣдро — подтянуть повыше на широкѣ.
Одѣвшись и потомъ взявъ въ руки посохъ длинный,
Брехальскій выступилъ торжественно и чинно,
Пѣшкомъ, не на конѣ. Когда идѣтъ процессъ,
То возникъ, точно волкъ, гляди пошаше въ лѣсъ.

Брехальскій, опитный и расторопный малый,

Повсюду знаемый, во всѣхъ краяхъ бывалый,
На пѣвахъ зубъ сѣлъ. Какъ осторожный лисъ,
Боясь, чтобы за нимъ вдругъ нем не погнался,
Въ курятникъ не сѣла и не задорасъ входить,
А прежде издали внимательно обходить
Глазами острыми тумно, и садъ, и дворъ:
Такъ возникъ, въ лоухахъ прокрившихся подзаборъ,
Всѣ въ щели высмотрѣлъ, на случай ретрадажъ;
Не видитъ никого, выходитъ изъ засады,
Поблизе, но стѣнъ вѣчювалъ —
И въ тѣмныхъ конопляхъ таинственно пропалъ.

Въ ихъ зеленъ густой, высокой и пахучей,
И звѣръ, и человѣкъ отъ смерти неминучей
Скрываются подчасъ. Туда бѣжитъ русакъ,
Въ манусть подлѣтаетъ, надеясь, что никакъ
Его по коноплямъ ищелка не разыщетъ.
Напрасно выежидъ и мечется, и рыщетъ:
Лодки крѣпкіе въ глаза и въ морду бьютъ
И высѣдятъ ему добычу не даютъ.
Туда же прычется иной холопъ дворовый
Отъ грозныхъ батоговъ, покада панъ суровый
Утихнеть. То жъ, когда рекрутчина придѣтъ,
Вездѣ по коноплямъ скрывается народъ.
Затѣмъ, во дни войны, наздоровъ и возстанетъ,
Старается вожди тактически заранѣй,
Занять дремучій боръ господскихъ коноплей,
Который, защитясь оградой отъ полей,
Всегда соединенъ съ другою рошею — хмѣлемъ,
Ихъ стратегическимъ служить способенъ цѣлемъ,
Отъ вражескихъ атакъ оберегая тѣмъ.

Брехальскій, хоть не трусъ и въ передѣлахъ былъ,
Однакожь сробѣлъ: знакомый велія запахъ
Напомнилъ вмигъ ему о разныхъ жестыихъ запахахъ,
О приключеніяхъ съ панями презжихъ лѣтъ:
Такъ, разъ, одинъ усачъ, уперши пистолетъ,
Загнавъ его подъ столъ, кругомъ народъ поставилъ
Съ дубѣмъ и съ саблями, и возного заставилъ
Вдуртъ по собачьему свой отъзывъ отблехать —
Припаясь въ конопли оттуда утѣвать.
Потомъ, еще другой, съ задорными руками,
Вѣль-вѣчній оружужою своими гайдудками,
Который ни во что не ставилъ трибуналъ,
Увидѣвъ позывъ въ судъ, въ локчи его порвалъ,
И возному, грозя надъ нимъ поклятой шпашой,
Вездѣ позавтрагать испрошеной бумагой.
Что дѣлать, началъ ѣтъ, гляди на гайдукоевъ,
А послѣ въ конопляхъ, въ окно — и былъ таковой.

Всѣ это вспомявши, Брехальскій коноплями

Тихонько крадется, разводитъ ихъ руками,
Какъ-будто рыболовъ выпрямлющій плывѣтъ,
Вотъ подыалъ голову, глядѣтъ назадъ, впередъ:
Все тихо. По двору протоптана дорожка —
Онъ вышелъ на нее, упердой подъ окошко
Подползъ: безмолвіе! онъ голову въ окно —
Въ покляхъ та же тишь и всѣ растворенѣ,
Всѣ двери; онъ смѣлѣй; подпался на ступени
Крыльца господскаго, но не безъ страха въ сѣни
Вошелъ и, лозыиъ своей нѣзъ паухи доставъ,
Сталъ громко возгласитъ. Все тихо. Видно графъ
Отбѣлъ куда-нибудь со всей своею дворней,
Предъ тѣмъ вооружасъ исправный и проворный.
Кругомъ навидано воинскаго добра:
Рапиры старыя, фузеи, шугера,
Отбитые куры и безъ куровѣхъ пиджакъ:
Изъ хламу этого, какъ видно, выбиралъ
Оружье; но куда направилъ свой путь?
Брехальскій распростеръ хотѣлъ кого-нибудь —
Напрасны поиски; покои шумя, глухи;
Ужъ послѣ на дворѣ понались двѣ старуки,
Сказавъ, что, кажется, великозній господникъ
Со всею дворнею отправился въ Добжинъ.

ПѢСНЬ VII.

Ширѣю по Литвѣ Добжинскій слылъ застнѣю
Отвагой шлахтичей и красотою шлахтаноевъ,
Вѣ дни оны могучъ. Когда Собескій Янъ
Готовился грозой идти на мусульманъ
И кликнувъ влечь въ народъ, изъ одного Добжина
Пришла къ нему тогда несметная дружина
Иной говорювъ, бывало, во дворѣ
У пана знаглаго пѣтъ, ѣтъ на серебрянѣ,
Не-то, такъ въ лагерѣ живѣтъ-себѣ при войскѣ:
Чуть влкнутъ — онъ готовъ и рубится геройски.
Теперь уже не-то: застнѣю обдѣдиль,
Остененныя всѣ и всякъ работасъ сталъ;
Но всѣ еще народъ и гордъ, и полнь отваги;
Межь бѣднѣхъ шлахтичей не встрѣтѣшь ты серганы,
А всякій шитъ жупанъ нль кунтушъ порывѣтъ.
Шлахтанка, самая оубая на видъ,
Гладышъ: то въ миткалѣ, а то и въ козенкорѣ,
А въ праздничъ каждая въ корсетѣ и въ уборѣ.

И нравомъ различныя добжинцы ото всѣхъ:
То были — присягнувъ по истинну не грѣхъ —
Всѣ родовитые и чистые лѣтнина,
Всѣ безпардонныя, воинственныя мниы:
Ошатистые лѣм, оршине носы,
Прямой и смѣлый взглядъ, аринные усы,

Жуаны бьяне, не-то кунтуши смурн,
А говорили всё как истые мазуры,
Отт нихъ обичай и правы захватаи:
Такъ, ежели Матвій крестнаъ свое дитя,
То вѣчно называлъ его Вареоломеевъ;
Вареоломеевъ сынъ навѣрно былъ Матвѣемъ;
А женщины Кахнами да Марьями велось
Въ Добжинѣ называть; но, дабы сей хаосъ
Не спуталъ всѣхъ и всѣ, условились заранѣй
Давать, при именахъ, тьму-тьмущую прозваній,
По праву, случаю какому, по страстиамъ.
Сосѣди стали тожь, добжинскихъ по сѣдкамъ,
Изъ неразумнаго, пустого подражанья,
Безъ цѣли и нужды надумывать прозванья.
Такъ, скоро въ именахъ литовскій цѣлий край
Смѣшались — и теперь какъ хочешь разберай,
И рѣдко знаетъ кто, отголкъ явился обичай
Давать такую тьму прозваній и отличий.
Въ Добжинѣ проживалъ Матвій, чтó кроликъ бѣлъ,
Отсюда Кролика прозваніе имѣлъ,
А послѣ *Флюгера* прослѣлъ онъ на *Костѣль*.
Когда же, наконецъ, явился въ ратномъ полѣ—
То было въ восемьсотъ-шестомъ еще году —
Люблѣ за лѣвый бокъ хвататься на ходу,
Лишь только москала подстергала далѣко:
Отсюда получить прозваніе *Забока*.
Какъ самъ стоялъ у всѣхъ добжинскихъ на челѣ,
Такъ точно комъ его слылъ первый на селѣ,
Промежь корчмъ жидя и божию костѣла,
Но было не крутомъ запущено и толо:
Ограда безъ воротъ; обломанный изетень;
Березки жидкую на дворъ кидали тѣнь.
Повади — огородъ; однакожь грады चुсти,
Лишь только кое-гдѣ глэдить вилочъ наусты,
А всё же фольварокъ тотъ зашесть вѣкъ на видѣ,
Хоть бѣгъ-вѣсть сколько лѣтъ построены и стойтъ.
Въ боку, какъ водится, конюшня и амбары,
Сушльня и овине; немного тоже стары,
Однако держатся, пригудивши до земли.
Всѣ криши, будто дугъ, травую поросли
И мохомъ, отъ труби до самого до краю;
Крѣпива, лебеда, лодыги молочаю,
Деванни золотой волнистые хвосты,
Въ разбивку между нихъ дворянъ цѣфты
Желѣбютъ въ муравѣ, какъ огненная звѣзды.
Въ ловни и въ кустахъ—повеку птичекъ гнѣзди;
Надъ кровлею чета домашнихъ голубей;
Въ сѣняхъ чирикаеть веселый воробей,
И любитъ ласточка порхатъ туда перѣдо.
Ну, словомъ, дворъ смотрѣть какъ-будто пчѣны
кѣтка.

А прежде зѣмкомъ былъ: досель вездѣ слѣды
Давнишнихъ буръ и битвъ; какъ видно, что сюды
Тевтоговъ, или москаль заглядывалъ когда-то;
На память той поры лежатъ въ травѣ граната,
Давно забытая; а глянъ поди въ кусты:
Увидишь рядъ мотилъ и ветхіе кресты —
Подъ ними тихихъ ономъ почютъ непробудно,
Зарята насоро, а кто? добитые грудно!
Въ дому, въ иномъ бревнѣ, засѣвъ ядро
Увидишь, а стѣна усѣна нестро
Какъ-будто роємъ пчёлъ; взглядиши: это пунн
Богъ-знаеть сколько лѣтъ въ тѣ брусы затонули.

Войдѣшь ли внутрь хоромъ: задвижки и крюки
Имѣють на себѣ надрѣзы и значки;
У многихъ начисто посѣчены головы:
Знать, проба текава, или сабли зинтутовки.
Надъ самими дверьми старинные гербы
Добжинскихъ; но — умъ! такъ сумасъ гербы,
А въ иппшихъ завиткахъ воинской амурагтуры
Оставилъ слѣды индѣйки, либо курч.
Въ сараѣ арсеналъ: въ одномъ углу стоить
Фузелъ яраваа, въ другомъ — пробитый шитъ,
А далѣ: дротикъ, мечъ, рушницъ, кубки,
Кольчуги, шпашаи — въ иномъ гнѣздо голубки;
Изъ шлема древняго хозинъ кормитъ козь,
А въ панцирь задеаетъ конямъ своимъ овсѣ;
А старыхъ бунчуковъ на древки бородачъ
Кухарчѣ отдааетъ насаживатъ ухапчъ.
Такъ, вѣсто марсова упрямаго чела
Переры свѣтлая улыбка разнѣжа;
И, жигмою полныя, заколосилась гумна
Подъ мирнымъ екпертомъ Помоны и Вергумна;
Но Марсь идѣть опять, гоня Цецеру прочъ.

Въ Добжинѣ, невѣсть-откуда, гонецъ прѣіхалъ вѣнчю.
Едва услышанъ — собралъсь шляхта-братья,
Вѣжнѣ и старъ и малъ, всѣ кучей безъ изъятія;
Шуагнѣ и движется по улицѣ толпа,
Глядять — зажглись огни въ шлебяни поа
И тьма народу тамъ; толкуеть безъ умолку,
А всё не ладится и не выходитъ толку.
Туть хоромъ всѣ идти рѣшнли наконецъ
Къ Матвѣю-прознику; за ними и гонецъ.

Матвій, доступный всѣмъ, жилъ скромно, тихо,
просто
И въ тѣ поры считалъ себѣ ужъ девинство.
Хоть ростомъ не великъ, но крѣпкою былъ и дожь,
И первымъ слылъ вездѣ рубакою въ тому жъ;
А саблю вострую, которой честь и славу

Далеко тили всѣ, онъ *розной* звалъ, въ забаву.
Сначала въ Варѣ онъ конфедератомъ былъ,
Потомъ за короля враговъ его рубилъ;
Когдажь желанный миръ былъ конченъ Тарговицей,
Матвій опять уголъ и сержился за границей.
Отселъ «*Флюгера*мъ» ославилъ его.
Зачѣмъ переходилъ, и какъ и отчего —
Кто знаетъ? можетъ, духъ имѣлъ онъ безпокойный,
И тѣшилъ его сраженія да войны,
Безъ дѣла быть не могъ, и только лишь одна
Стихааа партія, свернувши знамена,
Къ другой онъ приставаецъ и тамъ опять рубился,
Иль, родину любя, всегда за правду бился
И чуалъ далеко, кто правъ, кто виноватъ —
Богъ вѣсть! но только всё согласно говорятъ,
Что былъ душой онъ прямъ, и что, награды ради,
За деньги, почести, во-лѣкъ не сдѣлалъ люди,
Что ижда не терпѣлъ, равно и москала,
Что блага всѣ его — родимая земля.
Въ послѣдній разъ помочь съ Огинськимъ онъ поѣлъ
Вильно

И лихо бился тамъ. Тѣснилъ напихъ сильно.
Полковникъ нанъ Поцей одинъ вскопичъ въ редутъ;
Откуда ни возмиснъ, Добжинскій туть-какъ-туть —
За нимъ, на впручку Поцейа легче луку!
И долго не было ни слуху и ни духу
О нихъ; воротится, или нѣтъ — не зналъ никто;
Пришли, исколоты какъ-будто рѣшето!
Поцей, богатяя владѣния имѣа,
Хотѣлъ вознаграждѣть убогаго Матвѣя:
Фольварокъ предлагалъ на свой построить счетъ
И злотыхъ тысячу въ пожизненный доходъ.
Матвій же отвѣчалъ: «Ясновельможный пане!
Хоть у Добжинскаго куда легко въ кармаиъ,
Но не Поцей ему пусть въ памяти людей,
А онъ останется Поцею добродѣй!»
И такъ отдѣлался отъ злотыхъ и фольварку,
Оставшись тѣмъ, чѣмъ былъ; бивовъ гонялъ на
барку,

Долбить узлы для пчѣлъ, лекарства продавааъ,
Да за дичиною по рошамъ полевалаъ
И жилъ слодогора, тихохонью. Въ Добжинѣ
Людь разный былъ: иной умѣлъ и по-латынѣ;
Въ Палестрѣ нахваталъ другой всего изъ книги,
На память съидти знаа; по больше всѣхъ изъ нихъ
Уваженъ былъ Матвій, не какъ рубака грозный,
А какъ дѣлецъ и мужъ бывалый и серьезный,
Который, оингомъ столѣтнимъ научонъ,
Вѣдѣахъ жителескихъ былъ и свѣдучъ и мудрѣнъ;
Хозяйство разумѣлъ и всякіе предметы,
Состави, снадобья, охотничьи свертеты —

На всё равно мастааъ; а въ небо посмотря,
Погоду могъ узнать вѣрный календаря.
Не дню же теперъ, что и зимой и лѣтомъ
Ходилъ многіе къ Матвѣю за советомъ:
Послѣ ли, пахоту лѣ, уборку лѣ начинать,
Съ горохомъ барки ли по Нѣману сплавлять —
Сейчасъ бѣгучи въ дождь. Кочорч и прише:
Ничто не дѣлалось въ Матвѣй безъ Матвѣя.
Однакожь самъ Матвій всеиоромъ избѣгалъ
Извѣстности; ни въ козъ ни разу не искала,
И часто, отказавъ советъ подати иному,
Онъ выпроваживалъ толчвомъ его изъ дому;
Во-вѣки о себѣ не думалъ высоко,
А если говорилъ — два слова, коротко,
Но знаменательно и съ толкомъ. Такъ и нынѣ,
Лишь только обходился случился съ Добжинѣ,
Рѣшнли всё идти къ Матвѣю на советъ,
Спроситъ, потолокнать; въ тому же былъ и предметъ
Знакомый смолуду ему: судитъ сами,
Матвѣю ли не зная, какъ битись съ москалями!

Матвій ходилъ въ саду, всё на небо смотря,
И пѣсно «Занялася румяная заря»
Навистывалъ-прѣмъ и весело, и бодро.
Смѣкнувъ-прѣмъ въсь, онъ зналъ, что будетъ вѣдро.
И точно: солншко вставало хотъ во мглѣ,
Но мгла не въ верху шаа, а спалаасъ по землѣ,
Чтó сватерты бѣлая; межъ-тѣмъ эефиръ игривый
Струиля тлааъ по ней рисунокъ прихотливый
И, съ помощью въ утокъ пронимаго луча,
Творилась дивная, богатая парча,
Золотоканная отъ края и до края,
Огнѣмъ, бриллянтами и звѣздами играя.
Такъ златогитне тучъ въ Слуднѣ поаса:
Два мастера снуветъ, а дѣвица-краса,
Какъ солнце ясное, утокъ ведѣтъ изъ полку
И гонитъ кодь него бѣстааую инокку;
Тѣмъ часомъ подаеть столѣній подлѣй квачѣ
Ей сверху золато, стевлярустъ и кумачъ ...
Такъ вѣтеръ разостааъ основу мѣлы волнистой,
А солнце вприснуло въ неѣ утокъ огнистый.

Матвій, невнинная и чистая дуна,
Молитву Господу свяную соверша,
Вызлѣаствоень и трами, прѣсылъ и громко свистнучу:
Рой кроликонъ въ нему невѣсть откуда приснуа;
Сверхуици уни яхъ, благослаиъ и бѣльи
Разбросанныхъ въ травѣ нарицонъ и злией;
Глаза, какъ ахотны, когда они напнны
На зелень бархата, на тѣмни алсамиты.
Вѣгучъ, ласкаются, играя и сваза

Къ кормилицу своему въ кофлинъ, на плеча
И на спину подчасъ. Любилъ старикъ дѣлать
Привыкъ прыгунцовъ и самъ, какъ вродилъ бѣлый,
Угнѣвшись на лугу, ихъ гладилъ и касался
Морщинистой рукой и за уши таскалъ,
И заставляя служить, и вѣчно брать за лажки;
Межь-тѣмъ другой рукой бросалъ ячмень изъ шапки:
Прника къ нему сътаился воробей —
И бить онъ какъ огонь среди своей семьи.
Вдругъ птицы присадились проворно подъ застрѣху,
А крошки — въ траву: такую помѣху
Пришесыи новме съ собою привесли,
Что быстро по двору къ фольфарку прямо шли,
Подковками стуча и саблями блистая:
— «Да славится Исусъ и Дѣва пресвятая!»
— «Па-вѣки вѣчные, аминь!» сказалъ Матвѣй.
И тутъ же распростился внимательно гостей:
Затѣмъ къ нему и какъ и, услыхавъ о дѣлѣ,
Простилъ ихъ хоромъ ихъ. Вошли, по лавкамъ сѣды
И рѣчи повелъ. А тутъ ужъ и народъ —
Едва не весь Добжинъ — столпилися у воротъ
(Отчаспи были тамъ и проче застанки),
Гремятъ со всѣхъ сторонъ линейки, палчачки;
Къ берѣзамъ конюхи спѣшатъ вязать коней,
Валитъ толпа къ избѣ, всё гуще и плотнѣй.
«Здорово, панъ-отець!» — Исусъ-Марія съ вами!»
И густо втиснулись въ окошки головами.

ПѢСНЬ VIII.

Сначала рѣчь повѣлъ сѣдой Варооломей,
По прозвищу пруссакъ, затѣмъ, что для вѣстей
Крулевецъ посылалъ, заглядывая въ пруссакамъ
И слухи тайные носилъ отголкъ полякамъ.
Довольно кой-чего выдалъ онъ на вѣчу.
Всѣ уваженіе имѣли къ старику,
Охотно слушая подѣ-часъ его рассказы
Про битвы давнія, про всякія проказы.
Теперь къ собранію бесѣдовалъ онъ такъ:

«Нѣтъ, панъ-отець Матвѣй, та помощь не пустякъ!
Когда бы видѣлъ ты ихъ армию да пушки!
По истинѣ скажешь: со времени Костюшки
Такого гения не видано нигдѣ,
Какъовъ Наполеонъ. Я, знаешь, былъ вѣдѣй,
А въ восемьсотъ-шестомъ подѣ Давничомъ у дяди
На мизѣ проминалъ. Родня — другъ другу радѣ!
Охотой онъ меня понасту угонялъ.
Въ то время намъ фольваркъ нѣрѣдко навѣщали
Повѣстный человѣкъ, помѣшникъ панъ Грабовскій,
Что нѣтъ генералъ въ милиціи литовской;

А былъ въ ту пору миръ. Разъ, вдругъ Грабовскій
къ намъ:

«Ура!» кричитъ, «слухи! Французъ пруссакамъ
Тревогу задали — разбили въ кущъ подѣ Іеней!
Ура, Наполеонъ!» Я, ставши на колѣно,
Моливу Господу посѣпѣно отворилъ
И — живо на коня! гоно, что было силъ!
Подѣбхалъ къ Данцигу, глажу: бѣгутъ гофраты,
Ландраты прусскіе и всакіе ису-браты,
И — въ поясъ мѣй. А я, какъ-будто ничего,
И началъ стороной расправлять, того,
О разныхъ пустякахъ: не слышно ль перемѣнъ?
Какія вѣсти, молъ, пришли къ вамъ изъ-подѣ Іены?
Глажу: а рожи ихъ коробитъ и ведѣтъ,
Кричатъ по сеоуму: «О веймиръ! о мейнъ Готъ!»
Повѣсилъ носомъ, да и давая Богъ ноги.
Вотъ бжъ посмотрѣть! Всѣ нѣмцами дорогѣ
Запущены! Кинать вездѣ какъ муральи!
Забыли взять съ собой кофенички свои,
Кисеты съ табакомъ: всѣ это растеряли;
Ужъ, знатъ, не до того; и такъ-то удирали!
А мнѣ, не будь дурни, скорѣе на коня,
Да въ шею ихъ долбитъ... Была-таки возня!
Гофратовъ за чуби, а герольд-офицеровъ
За бузлы, за тупей... и мало ли тамъ манеровъ!
Такъ внутри нѣмчини втурили мы ихъ всѣхъ,
Всю сводочъ, всю какъ есть. Нѣтъ нѣмца, какъ
на смѣхъ,

Хоть только поглядѣть, обмаръ все государство!
Въ аптѣкъ бы не маромъ ты нѣмца на лекаство!
Такъ, если бы и теперь намъ феферу задать!
Что скажешь, панъ Матвѣй?» — «А что тебѣ ска-
зать?»

Такъ началъ Кроликъ рѣчь, по кралому молчанью:
Всѣ ждуть.» Но измѣнилъ онъ братьевъ ожиданью
И слова замолчалъ, всѣмъ тѣломъ трепеща
И за бокъ ухвативъ, какъ-будто бы лица
Отъ сабли рукоятъ: извѣстно, что Забобомъ
Отсюда онъ прослылъ; въ мочалии глубокомъ
Обвѣявъ глазами всѣхъ и возторилъ опять
Тѣ же самыя слова: «А что тебѣ скажеть?
Французи! Гдѣ же они? въ какомъ забилъ мѣстѣ?
И сколько ихъ идѣтъ? И кто прирѣсь тѣ вѣсти?
Кто скажеть: миръ теперь? война ли начатъ?»

Молчалъ кругомъ толпа. Замкнулись всѣ уста.
— «Жаль, нѣтъ влѣбана здѣсь», пруссакъ заводитъ
слова,

«Плебана Рѣбака: сказалъ бы намъ онъ слово:
Всѣ знаеть... А пока піюновъ расозалъ
По всей Галлиціи, подслушать, разузнать,

Межь-тѣмъ готовился, обратъ, свозить снаряды,
Чтобы не было потомъ, какъ гринемъ, ретрады!»

— «Годить, судить, радить, руками разводить!»
Сказалъ другой Матвѣй: «по мѣму, кропить,
Тремъ-бремъ!» И тутъ махнулъ водоуругъ надъ головою
Огромной палицей, саженой бузавою,
Которой всегда по имени честиалъ
Кропильномъ и отсель кропильнемъ прослылъ:
«Я въ Пруссакъхъ не бывалъ; вѣдъ разумъ круле-
вонкій,

Хорошъ для пруссаконъ, у насъ же умъ шляхетскій.
На что тутъ мнѣ плебанъ? Крестить, или хоронить?
Кого? А если бой, такъ надобно кропить!
Шашъ-махъ! Къ чему еще какіе-то шпіоны,
Развѣдчики? Тремъ-бремъ! Умъ больномъ умудрѣн!
Судить, радить, годить, а тутъ — вдругъ москаль...
И значить: лежи вы! и значить: киеси!
Годить и проводить! Затѣмъ и бьютъ васъ чasto!
А вотъ, по-мѣму: кропильномъ плюскъ — и баста!»

Взялъ сторону его другой Варооломей,
Звалъ Бритвою; затѣмъ еще одинъ Матвѣй,
Прозваніемъ Горшокъ, что брать всегда фузею
Широкою на бой и часто въ битвѣ юю,
Какъ-будто изъ горшка, картечей лить потокъ.
«Ура, Кропитель нашъ! да здравствуетъ Горшокъ!»
Пруссакъ хотѣлъ опять — кричать: «Э, къ чорту
прусы!»

Стулай въ Нѣмечину, точи себѣ туруси!»

Тутъ Кроликъ началъ вновь и шумъ сейчасъ захлхъ.
«Плебанъ, сказали вы: ой, смиренъ онъ и тихъ;
Но я сейчасъ узналъ ту птицу по полѣту,
Окудова она! Ему бы лучше роту
Себѣ въ команду взять противъ нѣмцннхъ силъ.
О, этотъ червячокъ орѣшекъ раскусилъ
Полобие намъго! Взглянулъ однимъ я глазомъ —
И всѣ сообразилъ, въ минуту понялъ разомъ.
Онъ дальше отъ меня, боюсь, чтобъ я, того,
Къ себѣ не потянулъ на исповѣдь его.
Напрясно ждѣть его: не будетъ бернардина!
Коль вѣсть та отъ него — о, это бѣсъ-кесанка!
Кто знаеть, какъ и что, какая мысль и цѣль?
Тревога вдорина! Что жъ, только? Неужель
Нѣтъ боай ничего?» — «А боай? вотъ что боай»,
Всѣ разомъ крикнули: «идти и биться въ полѣ!»
«Зачѣмъ? противъ кого?» спросилъ у нихъ Матвѣй.
— «За родину! Тремъ-бремъ, противу москалей!»
Кропитель отвѣчалъ. Тутъ снова голосъ тонкій
Раздался Пруссакъ, пронзительный и звонкій:

«И я хочу свою рапиру подлпнуть;
Но, Господи Христе, какой тутъ будетъ путь?
Какая, съ кѣмъ война? Скажите, панъ-братъ,
Куда, затѣмъ идти? и гдѣ у насъ солдаты?
А биться безъ солдатъ, безъ войска, безъ гроша...
Не заготовлено у насъ вѣдъ ни шпина,
Ни сина порока! А развѣ зтакъ въ Чельсѣ
Бывало на старину? Да вотъ, чего больше:
Давно ли пруссаконъ побилъ Наполеонъ
Подѣ Іеней? Чтѣ же мнѣ? Сошлись со всѣхъ сто-
ронъ —
Совѣтъ! Готовы всѣ, набрали гайдамаковъ
Тавихъ, что только ну! — и гай же на пруссаконъ!»

— «Позвольте рѣчь держать!» вмешался чередой
Панъ Бухманъ, челоуѣкъ довольно-молодой,
Въ нѣмцонмъ сюртугѣ, пристойной и опрятной.
Смотрѣлъ онъ вообще какъ нѣмецъ аккуратный,
Однакожъ былъ полякъ. Откуда родомъ онъ,
О томъ не зналъ никто, но, такъ-какъ былъ утонъ,
Какой-то панъ держалъ его за эконома;
Съ-тѣхъ-поръ онъ проживалъ у пана точно дома;
Хозяйствомъ у него въ имѣньи заправлялъ,
Съ нимъ о политикѣ порюю трактовалъ,
И ввездъ его дѣтей къ себѣ на поченене
Чему-то тамъ училъ. Умѣлъ онъ, въ заключенье,
Бесѣду поддержать, красно поговорить,
И даже поддѣлка, въ веселій часъ, съострить.
«Позвольте, господа!» промолвилъ онъ учтиво,
Отказывая и такъ помѣтъ вѣрѣлино:

«Товарищи мои, тѣ, кои предъ мной
Сейчасъ держали рѣчь, коснулись стороной
Существово всего, всѣхъ главныхъ основаній.
За силой данныхъ тѣхъ, указанныхъ заранѣй,
Къ единой рѣчи всѣ осталось привеси:
Итакъ, собраты, пойдемъ но ихъ пути!
Сперва, сообразивъ внимательно дѣло,
Мнѣ видить двѣ стати, два главныя отдѣла,
Однихъ: къ чему сіе повстане поведѣтъ?
Какая мысль его? намѣрене? И вотъ
Объ этомъ мнѣ должны бесѣдовать сначала.
Другой отдѣлъ таковъ: положимъ, Польна встала —
Откуда жъ взять теперь финансы и войска?
Орудіе? За симъ коснемъ мы слегка
Исторію о томъ, какъ первые народи
И общества сошлись. То были просто бродяги,
Организаціи незнавшіе; всѣ въкъ
По рошамъ и лѣсамъ считались челоуѣкъ,
Какъ звѣрь. Но вдругъ война! Но-то, что мы въ
сражене»

Вотушаем съ тактикой: то было нападение
 Безъ правил; такъ орда вална на орду.
 Вотъ, види, чувствуйа погибель и бѣду,
 Народъ дерать совѣтъ: вотъ первое вамъ въче,
 Первоначальный сеймъ!» — «дѣ, да какъ далече
 Завѣсиа ти, Бухманъ!» сказала ему Матвѣй:
 «Не видно и конца! А ти рѣшай вънѣ!»
 Тутъ дѣло не о томъ, что не было печали —
 Присловье говорить — да черти навачали.
 Нѣтъ, ты вотъ объясни, какъ горю пособить?»
 — «Какъ горю пособить? по моему — кропитъ!
 Плюскъ-плюскъ, и кончено!» Кропитель отозвался:
 «Кого бы я махнулъ, ужъ тотъ бы не поднялся
 На сеймъ и никуда; кого я сиону въ лобъ,
 Хотѣлъый годъ молася объ немъ соборный погъ —
 Шаплинъ, не воскреситъ! Задамъ такого перду...
 Такъ, панъ Бухманъ, кропитъ! мнѣ ваша рѣчь
 по сердцу,

Сказали хорошо на поученье всѣмъ.
 Кропитъ! вотъ сила гдѣ, махуюю тремъ-бремъ!»

— «Такъ, подлинно, что такъ!» замѣтилъ тихо
 Бритва
 Пискливымъ голоскомъ: «начнися только битва —
 И я сейчасъ какъ тутъ, на вашей стороне,
 Стою за родину; мигните только мнѣ —
 Иду, сейчасъ готовъ къ Матвѣю подъ начальство!»

«Начальство», перервалъ Кропитель, «генеральство,
 Камарство и тому подобное камалство!
 Все это хорошо въ парадѣ, на плацу,
 Для равныхъ фокусонъ, а намъ, братъ, не къ лицу!
 У насъ, какъ я служилъ, для всякаго солдата
 Команда коротка была да узавата:
 Кайтъ-вайай-стрѣйя по ребрамъ, по усамъ,
 Шахъ-махъ, коли-рубн, не подавайса самъ!»
 — «Вотъ лихо, вотъ любю! не уступай ни шагу!»
 Вновь Бритва рѣчь ввернула. «Зачѣмъ марать
 бумагу,
 Черниа наводить, писать большой статутъ:
 Рубн, воли, отстрѣйя — и вся наука тутъ!
 Я складно говорить, панове, не умью,
 Но прямо отдавса Матвѣевъ всѣмъ Матвѣю!»
 «Да здравствуетъ Матвѣй! Ура, Варооломей!
 Вивать, Кропитель нашъ! ура компанъь всей!»

Поднялся гамъ и крикъ, все замухло въ хаѣ;
 На партн пошло. «Позвольте, пане брате!»
 Прусскъ заговорилъ: «И партн не хочу!»
 — «И мнѣ», сказалъ Горшокъ, «ошъ не по плечу!»
 «Позвольте мнѣ сказать!» възмахса голосъ грубый

Новоприбывшаго оратора Сколубъ:

«Что? какъ? о чѣмъ идѣтъ? Что же мы исключены?
 Зачѣмъ, широму, одной держаться стороной?
 Къ чему жъ насъ рушили изъ нашего застаню?
 А рушилъ ключникъ насъ, Румбайло, званъ Мо-
 панку:

Сказалъ, что обсудить преважный есть предметъ.
 Тутъ не въ Добжинѣ толкъ, а цѣлый тутъ повѣтъ!
 Вся шляхта-братия не все же изъ Добжина...
 И тоже бернардиинъ брехалъ Робакъ всеняина,
 Да выражалса онъ, по своему, темно...
 Теперь конецъ-концовъ: свазали, рѣшено,
 Чтобъ съѣхатса сюда; мы съѣхалис — и что же?
 Насъ по боку; долой; чуть-чуть не бьютъ по рожѣ.
 Нѣтъ, такъ не пойдѣтъ! Добжинци не одни —
 Насъ цѣлый здѣсь повѣтъ! Коли хотять они
 Маршала выбрать: у всѣхъ на то есть баллы,
 У каждаго свой шаръ! Чѣмъ мы грѣшимъ и малъ?
 Пусть будетъ равенство!» — «Такъ равенство! вивать!»

Два Тераевича хватили какъ въ набатъ:
 — «Долой маршалковъ всеихъ! Concordia! соглассе!
 Рѣчь-Посполитаа и вънѣе узаетсе!»
 Вивать Сколуба нашъ! вивать его тмъсякъ разъ!»
 — «Э», завернулъ Горшокъ, «пробѣлса и безъ васъ
 И дѣло порѣшитъ по своему суждемъ.
 Ура, Кропитель нашъ! вивать Матвѣй Матвѣямъ!
 А кто не за него — вотъ Богъ, а вотъ пороги!»
 — «Какъ? шляхту вигонать? въ ухѣзъ ты, скомо-
 рохъ?»

Сколуба замухлъ: «мы сами насъ уволимъ!»
 «Стоятъ кто-то закрячаль: «стойте! невольномъ!»
 Тѣ: veto! тѣ шумятъ, о голодѣ прося —
 И на двѣ партн разбилася шляхта вся.

Матѣй сидѣлъ въ углу, утробъ и неподвиженъ,
 Какъ-будто спорамъ и крикомъ быть обижень.
 Кропитель близъ него, наусупротивъ какъ разъ,
 Стоялъ, на палицу свою ополоветасъ,
 На шумъ не обращалъ вниманья нисколько,
 Кропило севелькъ и тихо подѣ носъ только
 Ворчалъ себѣ: «Буда? ни шагу уступитъ!»
 Скорѣе наступитъ, топить, душить, кропитъ!»
 А Бритва подвижной, средъ шума и средъ давки,
 Сползалъ, какъ въ стайѣ волкъ, отъ лавки до лавки.
 Горшокъ, то съ этими, то съ тѣми говоря,
 Ходилъ, дѣл партн между собой мيريا.

Вдругъ въ двери всуеула напашъ яхтарининный
 И молвѣй блеснулъ, такой предлинный-длинный,
 Остро-отточенный на оба лезвѣа.

Все смолкли и глядять: «Панове, это и!
 Совѣтъ о войнѣ? вотъ подлинно приманка!»
 Сказалъ — узнавъ все тутъ ключника Мопанка,
 И хоромъ крикнули: «Да здравствуетъ Рубецъ!
 Мопанку! Спизорникъ! Румбайло молодецъ!»
 Гервазъ! (былъ это онъ) протискался къ Матвѣю
 И въ воздухъ мигнулъ рапирою своею,
 Вдругъ передъ Кропкомъ ее остановилъ,
 Какъ бы салютуя, и этимъ заявилъ
 Ему почтение. «Добжинца, пане-братъ!»
 Такъ началъ ключникъ рѣчь: «вса шляхта безъ
 изъятъ!»

Васъ, братя, не учить пришло здѣ Гервазъ,
 А только вамъ сказать, зачѣмъ онъ собралъ васъ.
 Объ этомъ толковать мы будемъ нынче съ вами;
 Но, думаю, давно вы знаете и сами,
 Что загвѣтася теперь такой курьезъ...
 Чая, знаете вы всѣ?» — «Всѣ знаемъ!» раздалось.
 — «Всѣ знаемъ!» тѣ и тѣ, какъ эхо, отвѣчали.
 — «Ну, ладно! поведемъ мы, значитъ, дѣло далѣ.
 Приятно трактовать се разумными людьми.
 Но мы трактуемъ тутъ — а тамъ ужъ, чортъ возьми,
 Французъ! Кесаръ ихъ, великій Бонапарте,
 Сидитъ, по-своему выводитъ на ландкартѣ —
 Чтѣ русскимъ, что ему. И такъ теперь война!
 Французъ на москаля, на сторону страна!
 Царь съ императоромъ, князкинъ себѣ съ князьками!
 Какъ изстари волоса всегда межъ королями.
 А мы? Что жъ намъ сидѣть и ждать, устава льнъ?
 Когда большой съ большимъ, мы малыхъ за чуби,
 Кто подѣ руку коналъ: все далѣе да больше —
 И выметемъ, какъ соръ, шельмовство все изъ
 Польши!

Не такъ ли?» — «Подлинно! какъ книга говоритъ!»
 Кропитель отвѣчалъ: «кропиамъ плюскъ — и
 вивитъ!»
 «А я», сказалъ Горшокъ, «спавью бобовъ въ фузею!»
 Другъ-брумъ!» — «А я зарѣзъ какъ бритвою об-
 рѣю!»
 Вступися Бритва тутъ. — «Позвольте, господа,
 Заговорилъ Бухманъ: «когда же и куда
 Мы двпнемся? Гдѣ цѣль и провантъ готовый?
 Я вижу, мы предметъ берѣте съ точнъ ношой!»

— «Погудка новая на старъй только задѣ!»
 Панъ ключникъ отвѣчалъ. «Тамъ кесаръ, тамъ
 сенатъ!»

Король и сеймъ пускай толкуютъ о расправѣ
 Съ Москвою и царѣмъ не здѣсь, а тамъ, въ Вар-
 шавѣ:
 На тѣ Варшава есть! а мы въ своей изѣзъ...

Конфедерациа не пишутъ на трубѣ
 Лунной, а на гѣ чернила есть, атрѣментъ
 И не бумага тутъ простая, а пергаментъ;
 И много всякихъ есть коронныхъ писарей,
 Подъятыхъ на Литѣ, впрочномъ, секретарей,
 Какъ было въ старину; а наше, братя, дѣло:
 Рапирою махъ-и-трахъ, кого бы ни задѣла!
 — «А я», сказалъ Горшокъ, «визъ моего горшка!»
 — «А я шиломъ суну въ бокъ врага изподтишка!»
 Сказалъ Варооломей, что былъ провантъ въ Шило.
 «А якромпиомъ плюскъ!» сказала Матвѣй Кронио.

— «Теперь въ свндѣтели беру я, братя, васъ»,
 Вновь ключникъ продолжалъ: «Шлебанъ твердилъ
 не разъ:

Пока отворимъ дверь Наполеону-хвату —
 Заразѣ убратъ и выметъ надо хату.
 Чая? понимае, что значитъ «вместе» тутъ?
 Какой-такой тутъ соръ? кому задать капуть?
 Кто главный дутебъ? Кто первый притѣнителъ?
 Солнца, братя!» — «Тремъ-бремъ» сказала

Кропитель:
 «Разбойникъ! всѣхъльникъ! моменникъ! сушйи воръ!
 Кропитъ его, лунитъ — и всѣ тутъ разговоръ!»

Вдругъ голосъ Пруссаа раздался средъ свѣтлицы,
 И, видно, берѣтъ онъ сторону Солнца:
 «Панове! можно ли? Солнцеса на васъ на всѣхъ:
 Намъ, братя, на судью пожаловатса грѣхъ!
 Чѣмъ онъ, его семья предъ нами виновата?
 Не тѣмъ ли, что имѣлъ такого бестыа брата?
 Такъ за него карать? Да есть ли съ нами Богъ?
 Что слышимъ про судью? Тамъ шляхтичу помогу,
 Тамъ вручиатъ! Судья разбойникъ, притѣнителъ —
 Въ умъ ли вы: скорѣй отѣчь намъ, покровителъ!
 Онъ первый запретилъ, чтобъ кланялись ему
 Холони до земли; обидъ — дикому
 Не слышно отъ него; по праздникамъ простую
 Съ собой сажаетъ чернь и вноситъ застаню
 Подушина въ казну за бѣдныхъ поселанъ.
 Чай, въ Клецкѣ, тамъ не такъ у васъ, камратъ
 Бухманъ?»

Судья Солнца воръ? Я зналъ его сызмала,
 Вотъ знаеете какимъ; съ-тѣхъ-норъ судья нимало,
 Ничтъ не погорѣлъ: какъ былъ, такъвъ и есть,
 И надобно отдать ему за это честъ.

Что объащать — вър: па-рѣдностъ крѣпокъ въ
 слонъ;

Къ тому же — говори по правдѣ — въ Солнцѣвъ
 Старопольныхъ центръ: какъ понадеѣа туда —
 Вся чужеземщина что съ гуся, братъ, вода!

Какъ-будто оживёвъ; рукою точно сплметъ!
Судья жь привѣтливъ такъ! Какъ обласкаетъ, при-
метъ!

И вамъ, добринцы, братъ, а нашего судью,
Ужь какъ хотите тамъ, въ обиду не даю.
Не пакъ, собратъ, въ Волыко-Польскъ было:
Не всякое могло въ советъ соваться ршю
И въ дѣло пустаяи и всякій вздоръ мѣшать!
— «Совѣсь не пускай съ ворами поить!»
Вѣщалась ключицъ въ рѣчъ. Опять поднялись

споря,
Волнение, кутерьма, задоръ и разговоры.
«Позвольте!» Инкель-жидъ о голодѣ просилъ,
На лавку взгромоздись, прича, что было съпить,
И лѣснымъ колоканомъ надъ шляхтою махалъ,
Ажь вѣтеръ по избѣ понолъ отъ махалка
Жидовскаго. Толпа утихла наконецъ.

«Добринцы-господа! Хозяинъ паль-отецъ!»
Жидъ началъ, кашлянувь и кланяся низко:
«Добринцы-господа! Я такъ-себѣ, жидскою;
Сонлиця мнѣ ни свать, ни братъ, а павъ-судья;
Сонлицу почитать привыкъ съизмаала я,
Равно добжинскихъ всѣхъ, Матвѣевъ, Бартоломеевъ,
Честную шляхту всю, всѣхъ павовъ-добродѣевъ;
Но, думаю себѣ, коплъ пошло на то,
Чтобъ сдѣлать гвалтъ судья, ни за что, ни про что,
Вы только на себя накланете невзгоду;
Чай знаете, что тамъ всегда содомъ народу:
Ассесоръ, становой, солдаты-москалы;

Чуть свѣтнеть павъ-судья — зарѣвъ какъ изъ земли
Повыростуть, зарѣвъ къ нему прираширують
(Они жь по банкетамъ, въ деревнѣ, квартируютъ),
Придутъ съ багнетами, при шабляхъ, тесакахъ!
У-у! А кто хоть разъ бывалъ у нихъ въ рукахъ,
До новыхъ вѣнковъ, панове, не забудетъ!
Зачѣмъ же гвалтъ теперь? Ей-ей, добра не будеть!
А что твердятъ теперь? что къ намъ идеть французъ;
Что съ ними заключень какой-то тамъ союзъ...

А я, хотя и жидъ, скажу: долги тѣ ищени!
Чеканите, господа! бить-можетъ, разѣй къ всѣмъ...
Всю осень надо ждать; потомъ еше зима...
А домъ Сонлицы намъ, панове, не корчма,
Не будка прамаря, что разберёшь да применё,
Не коробъ у жидъ: рукою не поднимешь!
А какъ стоять-себѣ, такъ будетъ до весны
Стоять. А вы теперь, пановны наны,
Ступайте по домашъ. Какіе гвалты! свара!
А вотъ, коплъ жидость есть, молъ старуха Сара
Янкелька малаго сегодня пошла:
Сойдутся кое-кто изъ мѣста, изъ села,
Пимбалацъ, музикка, баяетая, будутъ танцы —

Прощу не отказать! Какіе тамъ повстанцы!
Какой Наполеонъ! Богъ съ ними! Паль Матвѣвъ,
Вы липецъ любите: везю достать жирикъ;
Старинный липецъ есть, и новыя кадрили
Съ мазурами молъ хлопотья смастерили.»
Рѣчь Янкеля равно всю шляхту забрала:
Любили Янкеля. Толпа была-пошла

О прѣръ толковать, о музикѣ; шумѣла
За дѣрью, на дворѣ. Чтобы поправить дѣло,
Гервазъ раширою накланяся въ жидъ —
Жидъ съ лавки шмыгъ въ толпу, вилать туда-сюда,
И былъ такъовъ, ушолъ. «Счастье твое богъ,
жидина!»

Гервазъ проговорилъ: «здѣсь видно, всё едино
Что жить, что шляхтичъ-павъ, всѣхъ слушаютъ
равно!»

А ты, Пруссакъ, никакъ съ Сонлицей заодно?
Что барками его на Ившай торгуютъ,
Такъ вотъ и горло дракъ, сейчасъ ужь и ратушенъ!
Барочки двѣ изъ три! Монакку позыби,
Какъ вашъ родной отецъ до самихъ Прусеевъ ходитъ
На баркахъ столынка? На память тяжеленокъ!
А мало ль вы тогда падали тамъ денегъ?
Не ты одинъ, а всѣ, что тутъ честныя люди —
Затѣвъ, что столыникъ былъ вашъ павъ и добродѣй,
Понстинѣ сказать, отецъ всего Добжина.

Онъ всякаго любилъ, какъ бы родного сына:
Послать куда зачѣвъ — добжинскаго! кому
Повѣрить на кредитъ — добжинскаго! Въ дому
Кто чаще всѣхъ въ гостяхъ? добжинскіе всѣхъ чаще,
Какъ-будто бы ему шлосъ и флюсъ слаще
Съ добжинскими. За чьи процессы по судамъ
Принимался онъ и зачастую самъ
Пересою своей въ варшавскіи трибуналѣ?
Усердно хлопоталъ? Чьихъ хлопотъ помыщали
Въ учебъ на его одеждѣ и кошту?
Вѣтъ знають, цѣлый свѣтъ такую доброту
Отца Гореникъ къ вамъ. А всё отголъ вылосъ?
Что быль онъ вамъ сосѣдъ — отсюда началось.
Теперь сидитъ судья на нажикъ его!
Что сдѣлалъ онъ для васъ, панове?» — «Ничего!»
Сказалъ Матвѣй Горпокъ: «однажды на крестини
Его и пригласилъ, не-то на именинахъ:
Фу, Боже, пось дереть! Мы подчивалъ судью:
«Нѣтъ, хлопцы, говорить: ужь я давно не вью;
Вамъ, шляхтѣ, ни почёмъ, мнѣ предно!» Стой,
другъ милый,

Шалить! подумалъ я, да и дватни силой
Въ него почти ушатъ. Мнѣ вредно, вышнѣ не жь!
Дай срокъ, еше не такъ я въ брюхо те волью!»
— «Разбойникъ! вотъ ужь и я его оубью!»

Кропитель подхватилъ: «Господъ послалъ на мою
Синка мнѣ, такъ-себѣ; теперь совѣсь дуракъ,
И прознается у павъ за это Сакъ;
Сталъ словно какъ павьшой; а дѣло было такъ:
Когда вы ногаялъ, мой парень въ Солицово
Вое шмыгъ да шмыгъ. Эге! тутъ вижу, нездорово.

Какой тамъ бѣсъ ему мерещится въ глаза?
Разъ какъ-то я поймакъ и далъ ему туза
Кропиломъ; говорю: впередъ не попадайся —
На мѣстѣ пришиби! А онъ и догадился:
Не улизево шмыгъ, а въ садъ, по коношлпамъ.
Еще поймакъ — опять кропиломъ по усамъ.
«Хоть до смерти убей, кричитъ. «Да чтѣ те тамъ?»
«Живитесь», говоритъ, «зумру... наненка Зося!»
Такъ вотъ откуда всё шельмовство завелось!
Чтѣ дѣлать? марш къ судья! толкую: такъ-и-такъ,
Позимуй, говорю: молъ сытъ, такой простакъ,
Взлюбился; у тебя, вышнѣ, ешь въ дому дѣвица,
Какъ слышно, сирота... Чтѣ жь, думаешь, Сонлиця?
Идъ сразу мнѣ отказъ, безъ всякаго стыда!
Тремъ-бремъ! Чтѣ Зося, вышнѣ, покамѣть молодая,
А тамъ потогоривъ... Но у него въ примѣтъ
Давно ужь етъ женихъ, какой-то павъ въ повѣтъ,
Князь, графъ, чортъ-знаетъ кто... Все это чепуха!
Вотъ доберуся и ужо до женка —
«Да шлюкъ!» — «И этотъ воръ великимъ будетъ
паномъ»,

Румбайло продолжалъ: «и будетъ по кармамамъ
Къ намъ лазить, въ замокъ намъ забравшись безъ
стыда?»

Гдѣ жь судьи правые и гдѣ искать суда?
Куда единственный наслѣдникъ головою
Припадетъ, павъ графъ Горенко? Вѣсь Московую
Хотите воевать, а странно вамъ судья!
Война? Тутъ те война — у васъ права свои!
Я васъ въ наездъ зову, къ честному шляхты бою,
Совѣсь не къ грабежу, павъ долдому разбою;
Мы не разбойники такіе жь какъ судья!
Графъ выигралъ процессъ, всё копенчо — и я
Хочу ввести его въ законное владѣнье.
Что жь дѣлать, если тутъ нельзя безъ нападеня?
Вы сами знаете, панове, какъ Добжинъ
Отеда посыалъ тѣму тѣмущую дружинъ
Для исполненя рѣшенй трибунала —
И вотъ съ которыхъ норъ Литва его узнала!
Почъ Мискины, помните, подъ Бродами наездъ?
А вы войска? отволъ? Въ всё шляхта здѣшнихъ мѣстъ!
Припомните, когда нагрянулъ Воинюничъ
И другъ его, полякъ, павъ Волкъ изъ Логомовичъ;
Какого задали мы фефору тутъ имъ!
Скорѣ въ зауски къ границамъ ко своимъ!

А Волкъ попался въ плѣны; капуть хотѣли Волку
Задать: на млатѣ повѣсить вѣтхомолу —
Да хлопцы гушые возымъ и пожагли!
А былъ для нихъ тиранъ и руку москалей
Тянулъ — и не было бы, ей-ей, грѣха повѣснть!
А помните еше дружище наѣздовъ съ десять,
Съ вознагражденіемъ законнымъ за труды,
Своа своаю... По мнѣ тутъ вовсе нѣтъ бѣды:
Графъ выигралъ процессъ — и въ исполнене смѣло
Декретотъ привести мы можемъ: вотъ въ чемъ дѣло!

Ужель, добринцы, вы теперь уже не тѣ,
И въ помощи своей сосѣдъ-сиротѣ
Откажете? Жель изво всего застинку
Защитиниць у него одинъ Рубецъ-Мопалу,
Да этотъ Сюзорникъ?» — «Кропило позавилъ!
Кропитель вставилъ рѣчь. «Ты вѣчно ешь и былъ
Молъ закадмичный другъ и вѣрный молъ прѣтекъ,
Павъ ключицъ, Сюзорникъ, Румбайло! такъ ужь
кстанъ ль

Теперь иди намъ врозь? Я буду шахъ и махъ,
А ты раширою своєю тарарахъ!»
— «И Бритѣй дайте ходъ, монакку добродѣю!
Чтѣ вы намылите, а мигомъ чисто оубью!»
— «И я, сказавъ Горпокъ, «на что-нибудь авось
Прогонете. Выбрать намъ Матвѣя не далось,
Найдутся, можетъ-быть, другіе генералы,
Другіе и шары, и выборные бала!»

Тутъ вынулъ пудъ мѣшонокъ и, ими позвеня,
Сказалъ: «А вотъ они, вотъ бала у меня!»
— «Тамъ, гдѣ трещать павовъ възрошенныя чубы,
Не обходилось ни разу безъ Сколубы!»
Сколуба проворчалъ. — «А гдѣ Сколуба павъ,
Покончивъ воззасилъ, подчинивъ свой павъ,
«Туда идёмъ и мы!» И шумъ на всю оѣлнцу
Раздался изъ уловъ: «Ну, гай же, на Сонлицу!»
Такъ шляхту всю Гервазъ къ себѣ поворотилъ.
У каждаго своё, и каждый нахлѣвалъ,
За что варалъ пудъ, какъ водится въ сосѣдствѣ:
Тотъ, кто-бы, за-то, что дожно о наслѣдствѣ
Процессъ его рѣшилъ; тотъ за дѣсной порубъ,
А третій говоритъ: «Сонлиця гордъ и грубъ!»
Они по низкому и мелкому злорядству,
Другіе, попороту, изъ зависти къ богатству —
Шумять, волнуются, въ одинъ сминась хоръ.

Сидѣвшій въ сторонѣ, въ углу, до-эткъ-поръ,
Матвѣй приподнялся, на середину входить,
Подѣрши руки въ бокъ, глазами всѣхъ обводитъ,
И, слово каждое въ разбѣй проносивъ,
Такъ началъ говорить — внимала шляхта все:
«Ахъ, черти! ахъ осли! Собрали васъ на раду
31*

О Польшу траговать: ни складу тут, ни ладу!
Когда постановить пришлось вам приговор?
О благи родины — у вас раздор до спор!
Ни толку вть, осли, ни смасду, ни порядку!
Вдруг дявольскій наезд: тут вть ужь недо-
статку

Вь согласии — каждый чорт на это грамотей!
Прочь, прочь отсюда все! сто тысяч вам чертей!
Умоль и все молчать, поражены как громом.
Вдруг страшный гвалт и шум послышался за
домом;

Во дворе торжественно въѣзжал со свитой графь,
Поведя у коня лихого подобрая.
Быль вь чорномъ весе, вь ялацѣ не польскаго
покроу,

И вь шляпѣ съ перьями. Салюту рукоу
Всю шляхту и народъ, приветливо взглянул —
И, вынув свой пашах, имъ вь воздухъ махнулъ.

«Ура! да здравствует!» все разом загудѣло.
Вся шляхта изъ вьбы вь окоши поглядѣла —
И ну къ дверямъ ломитъ за ключникомъ живей.
Вся вь графу хлынул. Оставшийся Матвей
Посядшихъ вытолкая, засовомъ заперъ двери.
И крикнувъ всѣмъ: «Осли! безвозможнахъ терети!»
Гервазъ, какъ водится, сейчасъ къ жиуду вь корчугу;
Застынокъ весь за нимъ, а онъ кричитъ ему:
«Команда! пося! тащи три бочки мѣду,
Двѣ пива и вина — на пиръ всему народу!»
И вотъ шибнула вь носъ размычиво-остро
Струя какъ золото, струя, какъ серебро.
А третья — алая, и, вѣсного играя,
Сто кубковъ ястивныхъ наполнила до края.
Жидъ Янвель наутѣк; Прусакъ тихонько тожь,
Но кто-то увидавъ и крикнулъ: «Не уйдешь!
Лови его, держи!» вь погону! стои! изъзна!»
Мидвенечъ вь конопил — вь него летитъ полъно;
Войничий получилъ уже съ десятокъ ранъ;
На виручку быть два Чечета и Загъ.
Возлеутся толпа, сбравъ вькругъ Герваза
И графа — жуть отъ нихъ рѣшениа и приказа;
Возьмъ оружье, садятся на копей;
Тревога, споры, шумъ все громче и сильѣй —
И вотъ, вь огромную собравшись верещу,
Всѣ двинулись, крича: «Ну, гай же на Соллицу!»

ПѢСНЬ IX.

Предъ бурей всегда бываетъ тишина —
Всѣ смолчатъ и замрѣт... Но тутъ ужь видна:
Нависнетъ и грозитъ, пустивъ вь вѣтеръ грину,

Хоть выхрей яростныхъ могуему порыву
Свободы не дасть; лишь зврѣда порою
Подшипится раскатъ неясной за горой,
Да по небу мелькнѣтъ невѣрный лучъ зарницы.
Такая тишина была вь дому Солници.

Поужинавъ, судья и гости все идуть
Прохладой подымать на вѣсколко минутъ
И по развалинамъ, обросшимъ муравоу,
Разсѣяно, весело толкуя межъ собою
И глядя вь небеса, которая вдали,
Какъ будто опустился вь объятаи земли,
Чуть слышнымъ говоромъ и шопотомъ неяснымъ
Во мракѣ предались бесѣдамъ сладострастнымъ —
И музыка у нихъ вечерняя пошла.

Сначала, на концѣ уснувшая села,
Пустушка крикнула, услышавъ на крышѣ;
Восхвѣтъ за ней сова откыкнулася потише,
Протяжно огласивъ любимой своей цустиръ:
Вотъ крыльями менуя прорывной петимаръ;
Ночныя бабочки изъ сада налетѣли,
Висѣя, гдѣ Зоэсны глаза во тьмѣ блещѣли,
Какъ ясные огни; а вь воздухъ надъ ней
Запѣли козары, все громче и сильнѣй;
Но вь тонкихъ голосахъ угадывало ухъ,
Когда, забывшись къ нимъ, мужжана басомъ мука.
На нивахъ загремѣлъ отрывисто дергачъ;
Тамъ бучень подхватилъ, полнучино трубоча,
Потомъ выныла бекасъ, чуть видима пшачка,
И вь воздухъ звенитъ блестящѣмъ барашка.

Межь-тѣмъ, съ той музыкой сливался иногда,
За рощей своей концертъ заводятъ два пруда,
Какъ тѣ закатыя кавказскія озера,
Чтѣ ночью межъ собой вступають вь разговоры.
Одинъ, широкий прудъ, серебряной трубой
Свободно загрѣвѣлъ изъ перся голубой;
Другой, болотинный задавленный травяи,
На вызовъ отвѣчалъ чуть слышными словами;
Одинъ изъ глубины невозможныхъ водъ
Трубитъ фортиссимомъ, тотъ жалобно поетъ;
Вь обоихъ слышны заги безцеленныя орды.
Два хора, слытые вь согласные аккорды.

Такъ тѣмные пруды, играя чередой,
Танцеватвенно вели бесѣду межъ собой,
Среди дремотоу охваченнаго дола,
Какъ арфы стройныя и звучныя Зола,
А мракъ вь поляхъ густѣлъ; лишь около рѣки
Мелькала кое-гдѣ рыбачьи огоньки,

Играя и дробясь вь струяхъ лаури чистой.
Вотъ мѣсяцъ, наконецъ, надъ рощею тѣнистой
Затепаля свой фонарь и матовымъ лучомъ
Все небо озарилъ и земю всю кругомъ,
Дремавныя давно вь объятаихъ другъ друга.

Вотъ подлѣ лунаго златого полукруга
Сверкнула звѣздочка, чтѣ искорка одна;
А вонъ, за ней, еще; а тамъ еще видна;
А вонъ и Ближняя, беззмѣнно досель:
У нашихъ праотцовъ вы Леле и Полеле
Вь дни оныэ записаны, а нынче вь Польшѣ вы
Слывѣте звѣздами Коронны и Литвы.
А далѣ, на вѣгъ, повѣшены двѣ Чаши,
И слышно, что Господь, создавъ планеты наши,
Повѣсилъ ихъ на тѣ воздушные Вѣсы,
Покуда не придутъ урочные часы
И миру каждому Знждителемъ всеянной
Наверстанъ не былъ путь, вь пространствѣ не-
мѣнный.

А тамъ, къ полуночи, горитъ на небѣ Крестъ
И около него пламя яркшхъ звѣздъ.
Чтѣ попросту зовуть сельные наши: Сито,
Твердя, что сивокъ него намъ Вотъ проспать жито.
Такъ люди старыя толкуютъ о звѣздахъ.
Но болѣе всего разсываеа страхъ
Тогда на западѣ сивыяа комета:
Вагровою полосой разлившись на полсѣтъ,
Вся вь блескѣ и вь лучахъ, во холодно-свѣтла,
Она къ полуночи стремительно текла
Тѣ звѣзды по пути захватываеа вь куцу,
Пророчила Литвѣ погибель немшуу.

Стъ неизримоу тревогаго народу
Глядитъ на небеса и все чего-то ждѣтъ,
Пугаясь хвоста злобщаго кометы.
И кромѣ разныя видѣнья и примѣты
Мутный поселятъ и вь нихъ всеяляя страхъ:
Сбравшись вороныа на нивахъ и поляхъ
И глухо каркалаи, какъ будто предъ добычей.
А тамъ, какъ бы вь отвѣтъ на стонъ иговоритчицъ,
Порой по деревьямъ протяжно выли лесъ.
Лѣсныя сторожа, вь полночные часы,
Выдаля, говорятъ, какъ *Дѣва Морозая*,
Вся вь бѣломъ, лишь платкомъ кровавымъ повѣвая,
Мелькала межъ деревъ. Различныа томъ
Всѣ разлагательства съ судьбою экономя,
Ему свои счеты представя на повѣруу.

Но подкоморій вдругъ ударилъ вь табакерку —
Знакъ, что къ собранюю онъ хочетъ говорить —

Ихнуулъ и началъ такъ: «Изволили ты судить
О небѣ и звѣздахъ, держась методомъ модной,
Тадешъ милый мой, а вь такъ гласъ народный
Любюю подслушивать, хоть тоже вь школь быль
И вь Вильѣ разныя науки проходили,
Гдѣ на покушку книгу, машинъ и телескоповъ
Князь Мирский подарилъ деревню вь двѣсти хло-
повъ;

А всждѣтъ Почуботъ намъ рассказывать тогда,
Чтѣ значить важная планета и звѣзда...
Учоный человекъ! А ректоръ нашъ Снядеций
Быль тоже человекъ учоный, хотъ и свѣтскій.
Стъ всендомъ Почуботомъ я близко былъ знакомъ.
Тенерь насчетъ кометы: толкуеть астрономъ,
Глядя на небеса, про всюкую комету,
Точъ-въ-точъ какъ мѣднанинъ, увидѣвши карету:
Замѣтили, куда прѣѣхала она,
А кто вь каретѣ былъ и чѣмъ нагружена —
Тутъ пасъ оп! Когда вь своей каретѣ вь Яссы
Браничий въѣхалъ и двинулся массы
За нимъ торговичанъ: народъ, какъ ни былъ прости,
А тотчасъ угадалъ, чтѣ значить этогъ хвостъ,
И прѣзвалъ оны его, какъ говоритъ, *метлоу*,
Затѣмъ, что зиллоныя, члѣ, вымелъ за собою.»
На это войскій такъ: «Исновельможный панъ
Позвольтъ кое-что изъ дѣдовскихъ временъ
Напомнить: было мнѣ тогда годовъ не болѣ
Десятка; прибылъ къ намъ, не помню, какъ,
отколѣ,

Поручикъ надцерный, ясновельможный князь
Салега, чтѣ потомъ, на службѣ отличаясь,
Вь маршалки къ королю поналъ при Полятовскомъ
И послѣ канцлеромъ оны вь Княжествѣ Литовскомъ
Скончался, будучи ста-двадцати-трехъ лѣтъ.
Стъ Самогой самими тѣмъ служилъ еще мой дѣдъ,
При Янѣ королѣ, въ хоруты у гетмана
Яблоновскаго. Такъ оны рассказывалъ про Яна:
Вь тотъ мигъ, какъ на коня король садиться сталъ
И панскій пуццуюсь его благослонилъ,
Австрійскій же посолъ придерживалъ за стремя
И погу цаловавъ, король сказалъ вь то время:
«Смотрите, нѣ небѣ какія чудеса!»
Взглянулъ — красная надъ ними полоса:
Вь той самой сторожѣ злобщаго комета,
Откуда полчица гянуасы Магомета!
Объ этомъ, помнится, и сочиненье есть
«Лина» гятуломъ: тамъ можете прочесть.
И Верещага койдѣ писалъ на эту тему,
«Orientis Fulminis» называвъ свою поэму,
Гдѣ ясно, вь точности наложень все походъ;
Визну стоить шестьсотъ-восемьдесятъ годъ

О Польщ! траговать: ни складу тут, ни ладу!
Когда постановить пришлось вам? приговор
О благе родины — у вас раздор да спор!
Ни толку нтъ, ослы, ни смысла, ни порядку!
Вдруг дьявольскій наядъ: тут нтъ ужъ недо-
статку

Въ согласи — каждый чортъ на это грамотй!
Прочь, прочь отсюда все! сто тысячъ намъ чергей!
Умолкъ и все молчать, пораженн какъ громомъ.
Вдругъ страшный гвалтъ и шумъ послышался за
домомъ:

Во дворъ торжественно въѣзжалъ со свитой графъ,
Поводы у коня лихого подобралъ.

Быль въ чорномъ весь, въ плащѣ не польскаго
покроу,

И въ шляпѣ съ перьями. Салютуя рукою
Всю шляхту и народъ, приветливо взглянулъ —
И, выпнувъ своей шапкой, изъ въ воздухъ нахнулъ.

«Ура! да здравствуетъ!» все разомъ загудѣло.
Вся шляхта изъ избы въ окошки поглядѣла —
И пу въ дверями ломить да влючникомъ живей.
Всѣ къ графу хлынули. Оставшиися Матрѣй
Последнихъ вытолкали, засовомъ заперъ двери,
И крикнулъ вслѣдъ: «Ослы! безсмысленны тетени!»
Герваазъ, какъ водится, сейчасъ къ жилу въ корчму;
Застынувъ весь за нимъ, а онъ кричитъ ему:
«Команда! послъ! наши три бочкы мѣду,
Двѣ вина и вина — на пиво всему народу!»
И вотъ шибнула въ нось размычико-остро
Струа какъ золото, струа, какъ серебро,
А третья — алая, и, шибнито играя,

Сто кубковъ жестяныхъ наполнила до края.
Жидкъ Янхалъ наутѣкъ; Пруссаекъ тихонько тожь,
Но кто-то увидялъ и крикнулъ: «Не уйдѣмъ!
Лови его, дерни! въ ногоно! стой! захватъ!»
Мицкевичъ въ конопилъ — въ него летитъ полбно;
Воипшкй подулънхъ уже съ десятокъ ранъ;
На выручку бѣгутъ два Чечета и Запъ.
Волнуется толпа, сбирался вирутъ Гервааа
И графа — ждуть отъ нихъ рѣшеня и приказа;
Беруть оружье, садятся на коней;
Тревога, споры, шумъ все громче и сильнѣй —
И вотъ, въ огромную собраннхс вереницу,
Всѣ двинулись, крича: «Ну, гай же на Солнщцу!»

ПѢСНЬ IX.

Предъ бурю всегда бываетъ тишина —
Всѣ смолкаютъ и замрѣтъ... Но луча ужъ видна:
Нависнетъ и грозитъ, наступив на вѣтеръ гриву,

Хоть викрей яростныхъ могуему порыву
Свободы не дасть; лишь шрѣдка порой
Посмынитса раскатъ неясной за горой,
Да по небу мелькнётъ невѣрный лучъ зарницы.
Такая тишина была въ дому Сонщины.

Поуживавъ, судья и гости все идутъ
Проходкой подымать на нѣсколько минутъ
И по развалинамъ, обросшимъ муравомъ,
Разсѣлись, весело толкая межъ собою
И глядя въ небеса, которыя вдали,
Какъ будто окутаны въ объятахъ земли,
Чуть слышнымъ говоромъ и покомомъ неяснымъ.
Во врагѣ предались бесѣдамъ сладострастнымъ —
И музыка у нихъ вечерняя пошла.

Сначала, на концѣ уснуващаго села,
Пустушка крикнула, уфѣсивша на крышъ;
Вослѣдъ за ней сова откликнулася потише,
Протряно огласивъ любимымъ вой кустиръ;
Вотъ крыльми пеннута прворный петогыръ;
Ночныя бабочки изъ сада налетѣли,
Висѣя, гдѣ Зосиня глава во тьмѣ блестяли,
Какъ немо огни; а въ воздухъ надъ ней
Запѣли комары, все громче и сильнѣй;
Но въ тонкихъ голосахъ угадывало ухо,
Когда, забывшись къ нимъ, дужжала басомъ муха.
На нивахъ заиграетъ отрывисто дергать;
Тамъ бучень подхватитъ, подуючи трубачить,
Потомъ вывзлеса бекастъ, чуть видныя пташка,
И въ воздухъ звенитъ бленннмъ барашка.

Межь-тѣмъ, съ той музыкой сливаясь ипогда,
За рошею своей концертъ заводятъ два пруда,
Какъ тѣ заклятия кавказскія озера,
Что ночью межъ собой вступаютъ въ разговоры.
Одинъ, широкій прудъ, серебряной трубой
Свободно зарежьтъ изъ перса голубой;
Другой, болотныхъ задвленнхъ травцями,
На вызовъ отвѣчаетъ чуть слышнымъ словами;
Одинъ изъ глубины невозмутимыхъ водъ
Трубитъ фортиссимо, тотъ жалобно поеть;
Въ обонхъ слышныа жабъ бесчисленныя орды,
Два хора, слитно въ согласные аккорды.

Такъ темные пруды, играя чередой,
Тангственно вели бесѣду межъ собой,
Среди дремотою охваченнаго дола,
Какъ арфы стройныя и звучныя Эола.
А вракъ въ поляхъ густѣлъ; лишь около рѣки
Мелькали кое-гдѣ рыбачьи огоньки,

Играя и дробясь въ струяхъ лазури чистой.
Вотъ мѣсяцъ, накопелъ, надъ рошею тѣнистой
Загелнлъ свой фонарь и матовымъ лучомъ
Все небо оварилъ и землю всю кругомъ,
Дремавшій давно въ объятахъ другъ друга.

Вотъ подлѣ лунаго златого полузвуга
Свернула звѣздочка, что искорка одна;
А вотъ, за ней, еще; а тамъ еще видна;
А вотъ и Близнецки, безсмысленны доселъ:
У нашихъ праотцовъ вы Леле и Полеге
Въ дни онке звались, а нынче въ Польшѣ вы
Славнѣе звѣздами Короны и Литвы.

А даѣе, на югъ, повѣшены двѣ Чапы,
И слышно, что Господь, создавъ планеты наши,
Повѣсилъ ихъ на тѣ воздушные Вѣсы,
Покуда не пришли урочные часы
И миру каждому Звѣздотелемъ вселенной
Начертанъ не былъ путь, въ пространствахъ неиз-
мѣнныи.

А тамъ, къ полуночи, горитъ на небѣ Крестъ
И около него пледа яркихъ звѣздъ,
Что покросту зовутъ сельные наши: Сито,
Твердя, что свокъ него намъ Богъ просыпалъ нго.
Такъ люди старые толкуютъ о звѣздахъ.
Но болѣе всего рассказываа страхъ
Тогда на западѣ сняпшая комета:
Варговой полосой разлившись на полсвѣта,
Вся въ блескѣ и въ лучахъ, по холодно-свѣтла,
Она къ полуночи стремительно текла
Цъ звѣзды по пути захватывая въ ручу,
Пророчна Литвѣ погибель неминучу.

Съ невыразимо тревогою народъ
Глядитъ на небеса и все чего-то ждѣтъ,
Пугаясь хвоста злобнщаго кометы.
И кромѣ разныя видѣнья и примѣты
Мутныи поселены и въ нихъ всеяли страхъ:
Сбразили вороны на нивахъ и поляхъ
И глухо каркали, какъ будто предъ добычей.
А тамъ, какъ бы въ отвѣтъ на стонотъ иговорѣтнщй,
Порой по деревьямъ протяжно выли псы.
Лисные сторожа, въ полночные часы,
Выдали, говоря, какъ *Дваа Морозая*,
Вся въ бѣломъ, лишь платкомъ кровавымъ повѣвая,
Мелькала межъ деревъ. Различныя о томъ
Вѣтъ разлагаемость съ судьбою эконома,
Ему свои счеты предстая на повѣрку.

Но подкоморій вдругъ ударилъ въ табакерку —
Знакъ, что въ собранно онъ хочетъ говорить —

Нюхнулъ и началъ такъ: «Изволиш ты судить
О небѣ и звѣздахъ, держась метода модной,
Тадеушъ милый мой, а я такъ гласъ народный
Любамъ подслушивать, хоть тоже въ школѣ былъ
И въ Вильнѣ разныа науки проходилъ,
Гдѣ на покупку книгъ, машинъ и телескоповъ
Князь Мирскй подарилъ деревню въ двѣсти хло-
повъ;

А коидѣзъ Почобутъ намъ рассказывалъ тогда,
Что значатъ каждая планета и звѣзда...
Учоний человекъ! А ректоръ намъ Снадецкй
Былъ тоже человекъ учоний, хоть и свѣтскй.
Съ всецдоомъ Почобутомъ я близко былъ знакомъ.
Теперь насчетъ кометъ: толкуютъ астрономъ,
Глядя на небеса, про всякую комету,
Точъ-въ-точъ какъ мѣшаннхъ, увидѣвши карету:
Замѣтили, куда проѣхала она,
А кто въ каретѣ былъ и чѣмъ нагружена —
Тутъ пастъ он! Когда въ своей каретѣ въ Лесы
Вранчикй въѣхалъ и двинулся масен
Заннмъ торговичалъ: народъ, какъ ни былъ простъ,
А толчасъ угадакъ, что значатъ этиа хвостъ,
И прозвалъ онъ его, какъ говорятъ, *метлоу*,
Затѣялъ, что миллонъ, чай, вымелъ за собою».
На это войскй такъ: «Иновольможный панъ
Позвоилтъ кое-что изъ дѣдовскихъ времянъ
Напомнить: было нѣтъ тогда годовъ не болѣ
Десятка; прибылъ къ намъ, не помню, какъ,
откогда,

Поручикъ панцерный, ясновольможной князь
Салега, что потомъ, на службѣ отпущасъ,
Вѣ маршакн къ королю попалъ при Понятовскомъ
И послѣ канцлеромъ онъ въ Княжествѣ Литовскомъ
Скончалася, будучи ста-двадцати-трехъ лѣтъ.
Съ Салегой саммъ тѣмъ служилъ еще мой дѣду,
При Янѣ королѣ, въ хоругви у гетманя
Яблонского. Такъ онъ рассказывалъ про Яна:
Въ тотъ мнгъ, какъ на коня король садиться сталъ
И панскй нуниусъ его благословялъ,
Австрйскйсь же посольгъ придерживалъ за стремя
И погу цаловалъ, король сказавъ въ то время:
«Смогите, на небѣ какія чудеса!»
Взглянули — красная надъ ними полоса:
Вѣ той самой сторонѣ злобнщаго комета,
Откуда полчища тянулись Магомета!
Объ этомъ, помнитса, и сочиненье есть
«Янина» титуломъ: тамъ можете прочесть.
И Верещага коидѣзъ писалъ на эту тему,
«Orient's Fulmina» назвавъ свою поэму,
Гдѣ ясно, въ точности изложенъ весь походъ;
Внизу стоитъ шестьсотъ-восмидесятый годъ

И нарисованы хоругви Магомета,
А сверху — по небу идущая комета!»

— «Аминь!» сказали судьи: «пусть такъ тому и
быт!»

Устами вашими, панъ войскай, медъ намъ пить:
Комета къ намъ пришла, придетъ Янъ Третий
тоже!»

А подкоморий имъ на это: «Дай-то Боже!»

А войскай имъ опять: «Всё это, панство, такъ;
Однакожь всячески толковать эгого знавъ:

Междуособія и морь подчасъ порожитъ
Комета! А меня особенно тревожитъ,

Что гостя та, Богъ съ ней, явилась тутъ у насъ,
Надъ самой головою, въ недобрый, козметъ, чась.

Ассессоръ вымъвалъ поутру становова;
Вчера чуть не война вспыхнѣла была готова

За ужиномъ у насъ. Я наставу говорилъ,
Что споръ тотъ примирю, и вѣрно бы примирилъ,

Когда къ хозяева на-то мѣй дали волю.
Отнажды я игралъ такую жь точно ролю,

Первыишихъ примиривъ между собой стрельковъ,
Давѣтнихъ всей Литвы. Тотъ случай былъ таковъ:

Яновельможный графъ Потоцкай изъ Волыни
Въ Варшаву проѣзжалъ. Такихъ магнатовъ ннѣй,

Каковъ быть эгого графъ, ужъ мало. На пути,
Чтобъ болѣе любилъ себя приобрѣсти,

А можетъ, частно, и развлечения ради,
Онъ шахматы поѣсцалъ; конечно, были ради:

Сейчасъ, какъ водится, охотору угодятъ
На жубровъ, медвѣдей. Изволитъ завязать

Такимъ же побитомъ въ то время графы и къ паву
Блаженной памяти покойному Рейтану,
У кого въ дому я съ малолѣтства взросъ.

По случаю того приѣзда собралось
Къ Рейтану нашему гостей тогда немало;

Былъ даже и театръ, и музыка играла.
Веселѣ длносъ три ночи напролѣтъ:

Панъ Качинъ, что теперь въ Стулнвицяхъ жнётъ,
Богатый фейверокъ задалъ; а Тизенгаузъ,

Что послѣ былъ комсомъ, въ Новогродѣ, и Штраусъ,
Изъ Гродно комиссара, прислали пѣвчнхъ хоръ.

Ну, словомъ, пнръ таковой, что и до-этихъ поръ
Всё помнать. Панъ же графъ, хотя они отъ Паста

Ведутъ свой славный родъ, заглядывая не часто
Въ дубравы и глеса, а болѣе любилъ

Театръ и музыку: доволенъ промъжъ былъ
Какъ болѣе влзла. Свой вкупъ у чуужемщевъ

Воспитывалъ. Былъ съ нимъ въ то время князь
изъ вѣмцевъ

До-Насаву; объ немъ составилась молва,

Что гдѣ-то въ Сири онъ тигра или льва
Сразилъ, одинъ какъ естъ, оборонялся пикой.

Изъ тигра эгого былъ шумъ у насъ великой;
Насилу кое-какъ svelи ми двухъ пановъ.

Охотилосъ тогда въ вѣскахъ на кабановъ;
Рейтавъ изъ штуцера подрѣзалъ матеруху

Съ большой опасностью. У нѣмца стало духу
Сказатъ, что хитрость тутъ еще невелика:

При помощи друтикъ, свалитъ издалека;
Что славы болѣе въ оружн холодноу,

Глазъ-на-глазъ, и въ бою открытомъ, благородномъ;
И началъ толковать о Сири своей,

О полевани за львами средъ стеной,
И тутъ же о себѣ расказъ привелъ нескатаи.

Тогда, по сабельной ударивъ рукояти,
Рейтавъ сказалъ ему: «по мнѣ такъ, мосьми панъ,

Что въ Сири твой тигръ, то здѣсь у насъ кабана;
А если ти плещешь такую небилу...»

Вдругъ, слышнть, раздаосъ: «ну, дай же на Сопани!»
Шумъ, готовъ на мосту, звонъ сабель, шляхты крикъ:

Несутся на ура! Дворъ штурмомъ ввязи въмгъ;
Потомъ, ища враговъ, хотятъ ломить въ ворота;

Но, къ счастью, графъ услыхъ поставилъ стражу
къ дому.

Яковевъ, болѣе послушныи войска...
Тогда отражена! Бѣда невелика:

Раземпанисъ вездѣ, по цѣлому фольварку,
На кухню, гдѣ нашли за печкой лишъ кухарку.

Но апетитный видъ и запахъ свѣжихъ блюдъ
Обезоружили мгновенно ратный людъ,

Смирнилъ бранный пнль, на милость гнѣвъ сбнлнли
И, можетъ, многимъ лбм отъ сабель охранили.

Притомъ же армя на сеймѣ провела
Весь день и закуסתъ весьма не прочь была.

«Вить, вѣть!» раздался крикъ: «пнть, пнть!» хва-
тила втора —

И вить составилосъ воинске два хора:
Одни кричали «пнть», тѣ требовали «естъ».

Всѣмъ храбримъ сомннмелъ забита бранъ и местъ,
И вдругъ изъ рядовихъ всё стали фуражирн.

Лишь ключнички не влзали въ ножи свои рашири
И, также отъ дому слугами отражовъ,

Найэда главный пунктъ спнннтъ исполнитъ онъ,
Какъ надо ожидать отъ воина-юриста:

Хотѣлъ онъ завершитъ дѣла норядкомъ, чисто,
И не простой набѣгъ безъ смысла пропавестъ,

Но графа, вмѣстѣ съ гнмъ, и во владѣнне ввостъ
Имѣлемъ; потому съ мечемъ голдасъ грознымъ

По саду и гумну за Вальтараромъ вознмъ,
И гдѣ-то наконецъ поймалъ за воротникъ:

Нацѣпили въ него свой страшный спиזורнѣтъ,

Сказалъ: «Панъ возный, графъ проситъ васъ панъ
сбѣгъ»

Предъ шляхтой огласитъ, что ннѣй графъ имѣтъ
Вступитъ во всѣ свои владѣнныя полянъ,

Вылзая: замокъ, дворъ, хлѣвъ въ полѣ, хлѣвъ
въ гумнѣ,

Сум boris, melnicis, prudis, granicibus,
Kmetonibus, saluetis et omnibus rebus,

Et quibusdam aliis... какъ знаешь, такъ и дай!
Но только ничего, смотри, не прозвѣвай!

При вдовахъ я бывалъ и знаю эти штуки!»
А возный, заложивъ свои за поясъ руки,

Спокойно отвѣчалъ на ключничкову рѣчь:
«Панъ ключничка, я готовъ, но дамъте остеречи:

Актъ, вынужденный въ ночь, есть форма безъ
значеня.»

— «Какъ вынужденъ? ничуть тутъ нѣту при-
нужденя!»

А если темно вамъ, такъ, вспамятъ, извини!
Такіе засѣчу во лбу твоимъ огни,

Какихъ и въ десяти вѣстахъ не бываеът!»
«Э, полно, панъ, Геравъ!» Брехальскій отвѣчаеъ:

«Кѣ кому всѣ эгого шумъ? Самъ знаешь ти законъ:
Не возный нинетъ актъ — то дѣло двухъ сторонъ.

По силѣ носемьсотъ-седьмой статьи устава,
Всякъ возный есть носоль и не имѣтъ права

Отказывать ни той, ни этой сторонѣ,
А потому, прошу, приказывайте мнѣ:

Я тотчасъ на шлемѣ изобразу тѣ рѣчи,
Но только безъ огня не видно — пужны свѣчи;

Не то велите дайте фонаричкъ хоть сюда.
Затѣмъ — улизните!» Вниманье, господа!»

Чуть лучше возглашатель, нахворость онъ забрался:
Какъ видно, къ конопьямъ поближе подбирался;

Вдругъ — бухъ черезъ плетень: ну точно вихрь
смакнулъ!

Потомъ уже далёко, въ крыжвинникъ, мелькнулъ,
Какъ голубъ, бялою сверкнувъ конфедераткой;

Горшокъ по немъ далъ залпъ, но тотъ прилѣгъ
за грядкой,

Затѣмъ въ капусту шмыгъ, а послѣ — въ лебеду
И въ частый батарины, который росъ въ саду,

По краю, близъ плетня — и канулъ въ тѣму густую,
Три раза прокричавъ: «панове, протестую!»

За протестаеий, что громко раздаласъ —
Какъ-будто съ крѣпости трубы побѣднй гласъ,

Лишь вскоичить рать на валь съ кровавыми шт-
ками —

Пошла рѣзня телить, испанскій бой съ быками:
Кронштейнъ-мататоръ тропихъ ужъ закронилъ,

А Брита саблю имъ во чревъ утопилъ,
И Шило дѣйствовалъ проворно и въ порядѣ,

Свиный и порсыетъ шпингу подъ лопатки;
А тамъ и до гусей черда свои дошла:

Напрасно птица та, что древнй Римъ спасла,
Воишь о помощи: не Манлія-Торватта

Урлѣа предъ собой, но, ужомъ обыта,
Взраетъ на Горника; почитай иной гусакъ,

А вопиъ хватъ его — и топчась за кушакъ,
Утканыи птнцами и весь покрытый пухомъ,

Онъ Хохаикомъ глѣдѣтъ, вончнмъ нечестнымъ духомъ.

Хоть крику менѣе, но болѣе рѣчи
Въ курятникѣ былъ средъ куръ и ихъ родни:

Туда Добжинскій Сакъ, кроштелеево чадо,
Забраласъ и крошпн испуганное стадо

Шурпатахъ, рѣдкахъ куръ, красивѣишихъ собой,
Что были вскорменныи перловкою крупной.

Откуда, Сакъ, въ тебѣ такое зло влзлосъ?
Во-нѣн не простить тебѣ за это Зоса!

А ключничкъ, вспоминая бымаи времена,
Добытъ на полясахъ изъ погреба вина

И старки дѣдовской; добрался и до пива —
И шляхта бочкы три опорожняла живо,

Да въ замокъ двѣсносала, въ немъ, какъ въ оны дни,
Сверкаютъ яркіе, весѣлые огни,

И гнутся и третять столы отъ тучныхъ бращень.
Но вотъ и апетитъ и жажду имъ угашень;

Пошли позѣвывать; за глазомъ меринетъ глазъ;
Кинаютъ головы. Всѣхъ долѣе Геравъ

Держаласъ, но и онъ надъ вѣнчоню царой
Склонился, а испной соеи снѣ старой.

И вотъ подыласъ хранъ, какъ будто полкъ трубнлъ:
То побѣдителей, братъ смерти, сонъ сразилъ.

ПѢСНЬ X.

О, годъ двѣнадцатый! Тебя воображаю

На роднцъ моей: ты гдомъ урожаю

Смыслѣтъ у насъ досель и чтить тебя народъ,
И пѣсни про тебя салагаютъ и поѣтъ.

Забытнй гдѣ-нибудь, досель старей воинъ,
Услышавъ про тебя, не можетъ бытъ покоенъ,

Невольно тесака хватаетъ рукоятъ —
И кровъ его кипитъ, и молотъ оны онятъ.

Благословенный годъ самими небесами!
Ты былъ особымъ означенъ чудесами,

Являя въ знаменяхъ, въ обнцнхъ, въ красѣ —
И сердцемъ мы тебя предчувствовали всѣ,

И что-то дивное съ литвиними творилосъ:

Как-будто небо имъ въ то время растворилось!
Едва луга травой подёвнула весна,
Скотина, хоть была тогда и голодна,
Однакоже въ поля проворно не бѣжала,
Но долго по дворамъ и выгонамъ лежала,
Жуя свой зимній кормъ и головы склона,
И медленно потомъ пошла на зеленыя.

Равно и жители, распахивая гряды,
Какъ-будто не были возврату солнца рады:
Лѣнливо и соку, и борону влекутъ,
И пѣсенъ про весну обычныхъ не поютъ;
Смиряться, что ни шагъ, бывовъ своихъ дорогой
И къ западу глядятъ съ волнениемъ и тревогой,
Какъ-будто ждутъ отголь невѣдомыхъ чудесъ,
И раннѣе птицъ слѣдятъ, гурьбой летящихъ въ
лѣсъ.

Уже кричить айсть, ища знакомыхъ сѣней,
Раскинувъ края — стандартъ поры весенней;
И быстрыхъ ласточекъ игривые полны
Стадятся и снуютъ проворно вдоль рѣки;
А вечеромъ слухъ надъ нажитыми гнетъ;
И хриплымъ голосомъ къ любви подругу манитъ;
Гогочетъ дикій гусь и нѣкими вдами
Плывутъ по небесамъ высоко журавли.
Безвременныхъ гостей прѣвѣтствуя какъ чудо,
Встревоженъ осенить, не вѣдая, откуда
Между пернатыми такая суета,
И что пригнало ихъ такъ рано въ тѣ мѣста.

А вотъ, за ними вслѣдъ, пернатыя иныя —
Летягъ полны узанъ, знакомые, родные;
А тамъ пѣхоты строй, хорувей пѣшихъ рядъ;
Родимые орлы какъ солнышко горять,
Маля къ себѣ сердца и радостные взоры —
Покрывли все собой: равнины, доли, горы;
Куда ни поглядѣшь, вездѣ поляны, поляны,
И льются, какъ рѣка, блестящія стѣны;
Гремятъ, колыхнутся, во время дня и ночи,
И грозно гнаются рядами къ полуночи.

Ура! Война, война! И не было угла
Въ Литвѣ, куда бы громовъ она не занесла;
Лѣсные сторожа, въ своихъ убогомъ домъ
Во-вѣки о земномъ несмывавшіе грѣбъ,
Лишь молныя шрѣдка сверкали имъ въ глаза:
Теперь на небесахъ всю ночь дѣлалъ ихъ гроза,
Плещетъ зарево и слышится изъ хаты
Совсѣмъ иныхъ громовъ тяжёлые раскаты —
Побѣдоносный гулъ отъ утра до утра,
Порой, въ лѣсной глуши, раздастся свистъ ядра,

Не то гранаты взрвнъ, иль бомбы ревъ и скрежетъ,
Которая подчасъ деревъ вершини рѣжетъ
И, шельная по пламя, летитъ въ глухую добрь.
Уходитъ съ агова, поднимъ четныи, вперъ;
Встаётъ косматый зурбъ, иль, ужасомъ объятый,
Изъ пущи выскочитъ встревоженный сохатый,
Глазами водить вертуть, всѣмъ тѣломъ трепеща,
И мчитса далѣе, пріютъ себѣ ища.
Годъ приспоаматный, великій и единый!
Останешся въ Литвѣ славенной тѣ годиной!
Ты, урожайная красавица-весна,
Вѣкъ будешь сниться намъ, обильна и красна
Густыми злаками и волновъ одеждой,
Грозами славныхъ битвъ и июною надеждой!
Досель, переносясь въ минувшій года,
Тебя, какъ сладкій сонъ, я вижу иногда,
И, скорбю поинтъ, лью слезы и тоскуу...
Увы, я въ жизни зналъ одну весну такую!

Отъ Нѣмана идѣтъ къ Литвѣ Иеронимъ,
Король Вестфали, и имя Иосифъ * съ нимъ;
А далѣе вожди: Князевичъ и Грабовскій,
Забоичъ, Яшвель, Пацъ, Гедройци, Малаховскій.
Идутъ со штабами, явились средъ села;
Съязъ солищовская радушно приняла
Дружныи братьяи, къ услугамъ ихъ готова:
По счастью, на пути лежало Солиново.
Пришли ужъ подъ-вечеръ. Начальники сдѣлать
Встаивтъ по избамъ изученныхъ солдатъ.
Усталии войска тотчасъ глаза сомкнули.
Всѣ спитъ; лишь движутся, какъ призраки, патрули,
Да слышится порой протяжное «слушай»!
Но войска спитъ нейдѣтъ — ему ты не вѣшай:
Задумалъ думу онъ дѣлать ирадника такова
На-вѣки вѣчные прославить Солиново;
Задать своимъ гостямъ беспышанныи объѣдъ,
Какого никогда и не было и нѣтъ,
Пиръ, соответственный великой той минутѣ,
Чтобы было чѣмъ еѣ и постѣ поманути.

Сначала поваровъ сосѣднихъ онъ зовѣтъ:
Собрались цѣлыхъ шесть, самъ войскай — коноводъ,
Словохотливый, бурливый и рѣчистый;
Колпакъ на головѣ, на брѣхѣ фарту чистый;
Вездѣ готовъ, поспѣлъ; вездѣ одинъ за двухъ;
Приваса пробуетъ, отмахиваетъ мухъ,
Смирнѣтъ поварятъ неугомонный говоръ
И кину достаетъ, названье — *Модный Поваръ*;
По ней въ Италии объѣдъ Тмичиссимъ данъ,

*) Иосифъ Домбровскій.

Который похвалялъ и наша самъ Урбанъ;
По ней Ржевувскій графъ нѣвѣстѣ сталъ въ Па-
рижѣ,
По ней же, наконецъ, въ дому своемъ въ Несвижѣ,
Наместникъ виленскій, Кохану-Радзивиля
Обѣдомъ всю Литву и Польшу удивилъ,
Какъ пиръ дѣлать короля давалъ онъ Станислава,
Тотъ пиръ, которого жьва понимѣтъ слава,
Которого красу, и блескъ, и роскошь бѣдъ
Донынѣ пѣснями литовскій славить люду.

Работа началась. Лишь только войска глянеть —
Полсотни у него пожежъ забаранить.
Кухмистры, засучивъ по локотъ рукава:
Тотъ дуетъ на огонь, тотъ въ печь кладѣтъ дрова,
А третій, хлопча, чтобъ пламя не угасло,
Плещается на него растопленное масло,
Которого всегда достаточно въ дому;
Иныя въ коноти, и въ сажѣ, и въ диму,
Ворочаютъ рожи съ дичиною различной:
Оленей, кабановъ, съ приправою обычной;
Дерутъ иидѣтъ, куръ — и хуху облака,
За лѣвкимъ паромъ вслѣдъ, летятъ до потолка.
Но куръ не достаѣтъ; съ-тѣхъ-поръ, какъ Сакъ
Добжинскій,
Мети Зосѣ, расточилъ на нихъ свой пѣлъ воинскій,
Онѣ попржему еще не развелся;
За-то теревера въ обилии намшасъ,
Сивки, баранчики — и много всякой дичи
Набилъ для войскаго догадливый глѣспичій.

Лучами ясными и тихими горя,
На небѣ заплясала стѣдливая зари —
И сумракъ утренний прощается съ землёю;
Лишь облако одно, съ золотенной каймою,
И бѣлое, какъ снѣгъ, плыло-себѣ вдали,
Подобно ангелу-хранителю земли,
Что нашей утренней молитвой умиленный,
Еще не отлетѣлъ къ Видзиделю вселивной.

Вотъ скрылось и оно безъ знака и слѣда;
Померкнула въ выси послѣдняя звѣзда.
Не видно ничего на всей небесъ равнинѣ,
Которая слегка блѣднѣтъ въ серединѣ;
А темносною полночную змалъ,
Какъ свитокъ, къ западу уватываетъ вдаль;
Междъ-тѣмъ огнистое, палающее око
Намъ открывается прѣвѣтно-широко;
Вотъ на окраинѣ беснууть струяи свѣтъ
И брызнули лучи, какъ тысячи ракетъ;
Но, змурисъ и дрожа, снѣтъ глазъ денницы,

Какъ-будто хочетъ сонъ стряхнуть съ своей рѣ-
шницъ,
И всё свои цѣта соединять вдругъ:
Сапфиръ, потомъ рубинъ, тутъ матовый жемчугъ —
И брилліантами чистѣйшаго кристала
Свѣтлало наконецъ по небу заблѣстало.

Хотя въ калиткѣ мша еще не началась,
Однакожъ тма уже народу собраласъ;
Никто не усидѣлъ въ тотъ день великй дома:
Отчасти праздноиомъ толпа была вѣкома,
Но болѣе манялъ тогда простыхъ людей
Величественный видъ героевъ и вождей,
Военачальниковъ народныхъ легионовъ,
Которыхъ чтили всѣ какъ бы своихъ патроневоъ,
Которыхъ бѣдствія, въ тесныи стѣнокъ лѣтъ,
Побѣдъ, славою напоинившии снѣтъ,
Сивальщеская жизнь съ изгнаніемъ суровымъ —
Служилии поляку евангелиемъ пономъ.
Иныя воины къ часовѣ подошли.
Вы ль это, ратники отеческой земли?
Глядѣтъ на нихъ народъ, глазами робко мѣрѣтъ —
И собственнымъ глазамъ отъ радости не вѣрѣтъ:
Такъ точно — нашъ мундиръ, что всѣмъ сердцамъ
знакомъ,

И польскимъ говорятъ жолнѣры языкомъ!
Волнуется толпа; плачутъ дѣвы-розы
И ронятъ на траву серебряныи слѣды.

Раздаѣся колоколь. Обѣдъ началасъ.
Звучитъ священника мѣротворящйи гласъ,
И съ умиленіемъ ему крестьянныи внемлетъ.
Калитца малая не всѣхъ въ стѣпахъ объмлетъ;
Иныя на лугу — едва не всё село —
Склонились, обложивъ предъ Господомъ чело,
Смирнено молятся. Литвыиновъ русый волосъ
На сонникѣхъ блестятъ, какъ жита зрѣлый колосъ;
Мѣстами дѣвѣи-красавицы плочатъ
Горитъ, что куколя румяная цѣтокъ;
Порой, послушныи священному глагоду,
Всѣ чѣла клонятся какъ бы колосыя долу.

Селенъ въ этотъ разъ въ калитку нанесли
Цѣрѣтовъ — весенній даръ отеческой земли —
И ихъ разсыпали обильно у подножья
Святого алтара, надъ коимъ Матерь Божья
Сила кроткая, въ каменныхъ и лучахъ,
Съ немыслимою любовью въ очахъ;
Потомъ и павертъ всю, и самыи ступени,
Гдѣ становилися мѣряна на колѣни,
Вѣнками пѣшными устлалъ кругомъ.

Так, изукрашенный цѣнтами, Божій домъ
Во облачении сѣль сноёмъ богатою,
Благоухая весь небеснымъ ароматомъ.

Обидя наконецъ въ каплицѣ отомла.
Есбидязъ проповѣдь сказалъ. Но шляхта всё не шла
Изъ церкви; всё еще сезане были въ сборѣ:
На паперть вышелъ въ шимъ маршалокъ-подкоморій
(Конфедератъ маршалкомъ онъ ужъ былъ);
Жуналь его серебромъ и золотомъ свѣтилъ;
А сверху дорогой купитишь изъ асманита,
Съ алмазной пражкою и полейъ златоантий;
У сабли въ камняхъ весъ и въ золотѣ ремень,
И шапка бѣлая, нафта на бекрень;
На ней беснѣтъ сугланъ, украшенный богато,
Гдѣ каждое перо цѣнилось въ три дуката.
Такъ пашню убранный, къ вароуду до всему
Маршалокъ выступилъ — всё двинулось къ нему;
Что началъ: «Братъ!» манъ сказано съ амвона,
Что вольною землей объявлена Корона,
А панъ кесарь панъ далъ вольность и Литвъ,
Затѣмъ, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ мы тронулись къ
Москвѣ,

Какъ вѣрнее его сподвижники-васамы.
Уже на вальный сеймъ зовутъ универсалы;
А я хочу теперь, собратія мои,
Сказать вамъ слова два касательно семьи
Иавѣстныхъ всей Литвъ владѣльцевъ Солищнаго.
Что Йнекъ натворилъ, намъ это ужъ не ново;
Но, если чьи грѣхи поставимъ мы на видѣ,
По правдѣ помануть и доблестъ надлежитъ,
Всѣ добрыя дѣла, отчины, заслуги
И принесянныя отечеству услуги:
Такъ отдадимъ ему заслуженную честь!
Тотъ Йнекъ жилъ еще, когда бродила вѣсть,
Что онъ, монашеству привъ, скончался въ Римѣ;
Онъ только измѣнилъ одежду, санъ и имя,
И всё, чѣмъ Богу былъ и людямъ виноватъ,
Примѣрно живиню загадилъ во сто кратъ.
Подъ Гогенлинденомъ, въ той битвѣ знаменитой,
Гдѣ началъ отступать уже Ришпансъ разбитый,
Не зная, что у врага Кмировичъ былъ въ тѣлу...
Объ этомъ Йнекъ панъ, сраженія въ шшу,
Ришпансу вѣсть пріибѣ: тотъ принялъ бой кро-
вавый —

И потомъ вѣнчанъ въ громкой славы.
Игосамъ, въ Испаніи, какъ брали Алькантаръ,
Онъ съ гренадерами на присутствіи, въ самый жаръ,
Поползъ — и раненъ былъ три раза при Камоскомъ.
Съ тѣхъ поръ, сдѣкался то въ Клянецкѣ Литов-
скомъ,

То за границу, онъ вѣсти разноситъ,
Предвидя общее возстаніе нашихъ силъ,
И въ мигъ, когда уже всё было на готовѣ,
Смертельно раненый скончался въ Солищнѣ.
Едва лишь вѣсть о нёмъ, про славный дѣла,
До мнѣсти его, до кесаря дошла:
Въ награду подниговъ, рукой Наполеона
Ему назначенъ крестъ почётный легиона.

«Да будетъ же для всѣхъ и каждого равно
Отнынѣ вѣдомо, что Йнекъ сымъ пашню,
Лежавшее доселъ на имени Солищны;
И всё теперь въ Литвѣ ословія и лица,
Кто братомъ вздумаетъ Солицну попренуть,
Къ недостаточное объ нёмъ упомянуть,
Тотъ graves maculas несётъ по уломенью.
Примите жъ, братія, сіе къ соображенью!
А что касается до славнаго креста —
Хотя не во время пришла награда та,
И Йнекъ не былъ ей въ послѣдній мигъ утѣшенъ —
Пусть будетъ этотъ крестъ на гробъ его повѣшенъ
И три дни провиситъ! Затѣмъ въ каплицѣ той,
Какъ votum, сложится для Дѣва пресвятой!»

Сказалъ и выпустъ крестъ почётный легиона:
Сила въ золотѣ огнистая корона
И лента алая съ кокардою надъ ней.
Звѣздоподобный крестъ и ярче, и виднѣй
Сверкнулъ на сумрачномъ возгласіи гробиници —
Послѣдній славъ лучъ надъ именованъ Солицны.
Народъ же восторгалъ, склоняясь надъ доской:
«Со духи праведни Господь его покой!»

Въ то время у изби друзья сидѣли наши,
Врехальскій и Гернавъ. Побрякивали чаши,
Межь тѣмъ какъ старики поглядывали въ сакъ,
Гдѣ вошь молодой и дѣвица столятъ:
Онъ — какъ подсолецникъ; шискакъ на нёмъ
златчій;
Она, одѣтая въ корсажъ темнозеленый,
Смиотрѣла весело, какъ алая рута;
Глаза — что васильки, что розы — уста.
Ихъ рѣчи, полныя любовью и мольбою,
Текиа, какъ два ручья, сливаясь межъ собою.
А старики, въ разговоръ пріятельскій вступили,
Другъ друга подчуютъ медомъ наперерывъ;
Врехальскій говоритъ: «Вотъ такъ-то, Гервазевичу»
Гервазъ ему на то: «Вотъ такъ-то, Протаазевичу»
«Вотъ такъ-то! такъ-то вотъ!» сказали оба въ разъ,
И тутъ, какъ надо быть, бесѣда началась.

— «И такъ — прощай, прощесѣ!» сказалъ Гервазу
возникъ:
«Тому помню я такихъ; особенно жъ курьезный
У Чарторжжского съ Вудревичемъ прощесѣ;
Потомъ у Юнааса съ Почобутомъ за рѣкою;
У Пана съ Купецими, съ Князецими у Турна,
У Лейки съ Занами. Намѣтѣся вѣчно душно,
Тамъ, глядъ-явилася дочь, тутъ смгдъ здѣсь вдова —
И кончело! Вотъ такъ Корона и Литва
Тягались сколько лѣтъ; вилзася за ужъ Йдвиги —
И разомъ безъ судовъ окончена интрига!
Да, хорошо, какъ есть у тяжущихся дочь,
Иль сынъ: не трудно тутъ бѣдѣ лихой помочь!
А вотъ, когда прощесѣ пойдетъ между везданми —
Вѣда! хоть прочъ бѣги съ закрытыми глазами!
Еще коль близкое уляжется родство...
Вотъ яки съ руссами тягались отчего?
Что были Руссы и Лихъ два брата. Это дѣло
Тянулось двѣсти лѣтъ — да вынтрафъ Йгелло.
Такъ съ Обуховичемъ судился Одиенцъ;
Съ везданми Дымками у Рымши наконецъ
Ренебатъ долго споръ... но выиграли Дымши,
И вышло, что панъ Богъ сильнѣе пана Рымши.
А мѣдъ по моему сильнѣй, чѣмъ самозорикъ!»

Тутъ чокнулись. «Такъ такъ!» сказалъ другой ста-
рикъ,
Той рѣчью тронутый: «такъ, дивно судьбою
Корона и Литва сближася межъ собою,
Какъ вѣдалъ чета: самъ Богъ связалъ её!
Да видно, Богъ свое, а дьяволъ свое!
Ахъ, брате! тоно ли глаза-то видятъ паша,
Что въ намъ опять сюда пришелъ корониаша!
Экъ! чтобы столбунку дожить до-этнхъ-поръ!»
Тутъ ключникъ подъ-шумокъ полой слезу отѣрѣ
И тихо покачалъ сѣдою головою:

«— Но, полно плакаться! Корона встарь съ Литвою»
— «Да!» возникъ рѣчь повѣтъ, «теперь объ Зосѣ воть!»
«О панѣ Софинъ», его поправилъ тотъ:
«Она ужъ не дитя, невѣста: воть въ чѣмъ штука,
Притомъ, вельможамъ: Горешнѣ будетъ вьнука!»
— «Ну, пана Софія! пожадай хоть и такъ!»
Вновь возникъ продолжалъ: «бытъ, видншь, съ
неба знатъ,
Какъ бы явлено, набездъ тому съ полгода.
Разъ въ праздникъ набездъ довольно тутъ народа:
Кухмистеръ, кое-что изъ челяди, да я;
Вдругъ изъ-подъ ериши шыръ два старухъ ворябья
И въ драку: ажко пиль клубами вверхъ пустили.
Мы смотримъ: чья возьмѣтъ? и тутъ же порѣшани:

Пусть чорный будетъ графъ, а тотъ, что досѣрѣй,
Солища. Сѣрый обитъ: а поправася, братъ, скорѣй!»
Кричима сѣрый вилзасъ: «да здравствуютъ Солицны!»
Тутъ Зоса скончалася, прыгнула изъ свѣтланы
И влѣзкой ружкою бойцовъ навила вьдуги;
Но билася и въ рукѣ. Тогда между старухъ
Помощъ объ этомъ толкъ, что видно пана Зоса
Два дома приприти — и воть оно сбилось!
Въ очѣй свершася! Знатъ, боязь воля тутъ!
Однако же тогда о графѣ думалъ людъ,
Не о Талеушѣ. На это ключникъ старій
Сказалъ: «Да, подлинно, глядѣтъ такою парой,
Что либо-дорого! Тряхиуши старинкой,
И я тѣбъ скажу, что было и со мной
Необъяснимое. Ты знаешь, милый друже,
Что вьвогда Солицы я утонилъ бы въ лужѣ,
А хлонца этого, не знаю почему,
Я съ разу полюбилъ. Вилзало, радъ ему,
Какъ въ замокъ пріибѣжтъ; сейчасъ рашпу въ руки:
Рубинъ! Да и гораздъ онъ былъ на эти штучи!
Вѣда! съ ребатми лѣ възмузася за чубъ —
Не можеть ни одинъ: трѣдѣтъ лишь только лбы,
Когда пойдѣтъ конить. Взобрѣтѣся на одонѣ,
Омѣду съ дуба снѣтъ, стащить гнѣздо воронѣ —
Какъ есть на всё гораздъ, на всяки чудеса!
«Ну, видно, ты, панъчѣ, въ сорочкѣ родилася,
Замѣтилъ я себѣ: «жалъ только, что Солицца!»
И воть... подумася, какая небылша!
Кто вѣдалъ, кто гадалъ, на что ему таланъ
Давъ всякій Господомъ? Теперь онъ здѣшній панъ,
Мужъ пана Софинъ, вельможой пана пашей!»
Умолкъ тотъ и тотъ, задумавшись надъ чашей;
Лишь постѣ нѣсколько послышалася разъ:
«Такъ, пана возникъ, такъ!» — «Да, такъ-то, пашъ
Гернавъ!»

А кухня возлѣ нихъ стогла. Облакъ пара
Изъ окна вылеталъ, какъ дымъ въ часъ пожара.
Кухмистеръ пѣловый, съ вастрапкою въ рукѣ,
Подвизанъ фартукомъ и въ бѣломъ колпакѣ,
Душой и мыслию весь преданный обѣду,
Усѣвъ однакоже подслушивать ихъ бесѣду,
И только лишь они усели говорить,
Вискитомъ подавъ имъ, чтобъ лицѣмъ закунить.
«А я вамъ расскажу исторію про пана,
Благочестной памяти покойнаго Рейтана.
Разъ въ налицбонѣ пустился мнѣ дѣса...»
Вдругъ сяди раздались кухмистеровъ голоса —
И вознаго рассказъ на томъ оборвался...
А старики головы межъ тѣмъ поворотили

Туда, где молодец и дѣва говорили;
Но не было ужъ ихъ: давно покинувъ садъ,
Ушли они въ покой, гдѣ восемь лѣтъ назадъ
Тадеушъ-отрокъ жилъ. Теперь же, въ этомъ мѣстѣ,
Счастливецъ становой услуживаетъ невѣстъ
И въ разные углы со всѣхъ кидается погъ:
То шишки подаетъ, то вѣрты, то платокъ,
Разнообразные флакончики, помаду —
Ну, словомъ, хлопоталъ и бился до упаду;
Хоть бѣдный лобъ его порядочно взорблѣ,
Однако становой торжественно смотрѣлъ
На свѣтае чело имъ избранной подруги
И ровно ни во что считалъ свои услуги.
Подруга же его, окончивъ туалетъ,
Держала съ зеркаломъ таинственный совѣтъ —
Задумалась... Межъ-тѣмъ служанки боевыя,
Дѣвочки вострыя, проворныя, живыя,
Съ горячимъ утюгомъ припавши на полу,
Слѣдшши распрямить у платья фалбалу.

Тогда-какъ становой былъ дѣломъ этимъ занятъ,
Глядитъ: его въ окно рукою кто-то манитъ;
Бухмистеръ русака въ камуфъ подстергѣтъ.
Изъ лѣсу вышугнутъ, русакъ въ саду заелѣтъ,
Скрываясь тамъ весь день отъ дощичъ и отъ жара.
Ассессоръ вѣтъ уже на своркѣ Янчара,
А вотъ и становой Стрѣлу свою зоветъ;
Поставили радкомъ. Панъ войскій въ садъ идѣтъ,
Свиститъ и хлопаетъ, поглядывая въ гряды;
Межъ-тѣмъ охотники, въ него уставя взгляды,
Тихою нацѣпками показываютъ несамъ,
Гдѣ заилъ — а уже охъ летѣтъ въ своимъ дѣсамъ.
«Ату его, ату!» вошла лихая кара!
Тотъ смотритъ на Стрѣлу, другой на Янчара:
Помъ ближе — ближе — вотъ на шагъ отъ русака —
И оба вдуго его схватили подъ бока;
Минута — онъ лежитъ недвижимъ, сверху брюхомъ,
Зелѣную траву покрывши бѣлымъ пухомъ.
Глядитъ охотники — на лица торжество!
А войскій, заилъ взявъ, отлѣзочилъ его
И моваилъ: «Конечнѣ споръ, совершенно мирится!
Палѣна стобгъ Пацъ! Достойнъ палѣна Пацъ!
И, вамъ избранный въ сѣмъ дѣлѣ за судью,
Заклады цѣнныя обратно отдаю:
Другъ другу вы равны и выиграли оба;
Огнѣмъ заключенъ союзъ должнъ до гроба!»
Охотники сошлись, весѣлые — и выитъ
Ихъ руки стѣдннилъ ликующей старикъ.

Туть молвилъ становой: «Собратъя, передъ споромъ,
Вы помните: коня поставилъ и съ приборомъ

И перстень обнчалъ въ Salarium сложить
Тому, кто давнй споръ поможетъ намъ рѣшить.
Обратно возвращать заклады — незаконно!
И я нацѣпкъ: панъ войскій благосклонно
На палѣю перстень тотъ потрудится принять —
Онъ можетъ вырвать на нѣмъ свою печать,
Что вѣчно при часахъ висѣла у него бы,
А золото на ней одиннадцатой пробы.
Уламанъ отдалъ я ретиваго коня,
Но весь его приборъ остался у меня,
Чтобъ долѣ служить набѣгамъ молодецкимъ.
Арчакъ — смѣшеніе козакаго съ турецкимъ;
Въ камняхъ передня и задня лука;
Шелками вышита подушка чапрана,
А сяденъ на ней — качаетъ точно забка;
А тронъ коня въ галопъ, не очень только шибко,
А исподволъ, труса...» При этомъ становой,
Любимши мимикой рассказъ украсить свой,
Вдугъ выступилъ впередъ и погноромъ разставилъ,
Потомъ, какъ скачетъ конь, охотникамъ предста-
вилъ...

«А тронъ коня въ галопъ, то кажется, что конь
Весь заилъ въ золото, въ бриллы и въ огонь:
Сияніе и блескъ струями всѣ, струями...
Тотъ рѣдкостный приборъ, съ уздечкой, съ мунд-
штуками,
Ну, словомъ, осѣдлатъ какъ надобно коня,
Прому ассессора на маматъ отъ меня
Принять и позабытъ, что было въ прежнй лѣтъ!»
Ассессоръ, поклонясь, отвѣтствовалъ на это:
«И ставилъ подъ закладъ ошейники для посовъ,
Когда-то бывше красвою всѣхъ дѣсовъ,
Ошейники, что мнѣ пожертвовалъ Сангушка
И сворку изъ шелковъ (не спорка, а и группа —
Вся шита золотомъ, вся въ рѣдкостныхъ камняхъ,
На солнышкѣ горитъ и бѣшетъ какъ въ огняхъ)
И смѣхъ изъ ящера, котораго плетенье
Приводитъ знатка въ восторгъ и удивленіе:
Всѣ это пану въ даръ я нынче приношу
И давнй споръ забыть, какъ милости, прошу,
Споръ, нынѣ конченный со славою по счастью,
И сердце обратитъ къ призыву и согласью!»
Такъ бойко завершивъ орацію свою,
Охотники пошлн обрадовать судью.

Ходилъ черезъ годъ по Солидушу слухи
(Проговорились какія-то старухи),
Что войскій, загода вскормивши русака
На кухнѣ, въ садъ его пустилъ изподгишка
И старую вражду чрезъ то покончилъ разомъ.
Однакоже никто не вѣрилъ тѣмъ рассказамъ:

Молва пріятелей поссоритъ не могла —
И дружба между нихъ неизбѣжно цѣла.

Уже вокругъ стола собравшіеся гости
Всѣдуго и жгутъ прихода его мѣсти
Хозяина. Идѣтъ, Тадеуша держа
Съ невѣстой за руку. Румяна и свѣжа,
Какъ утро майское, глядя на всѣхъ не смѣло,
Она собрано почтительно присѣла.
На ней — вѣнчовъ живыхъ волосевъ золотой,
Съ серебрянымъ серпомъ: была въ одеждѣ той,
Въ которой поутру молилася Пречистой.
Тѣ жъ лентѣ алма въ струяхъ косы волнистой,
Такіе же цѣфты на дѣвственной груди:
Дарила ихъ вождимъ, и старые вожди
Изъ ручекъ у нея букеты принимали
И ручни бѣжныя въ восторгѣ цаловали;
Невѣста кланялася, зарѣю заилъ.
Князевичъ, на челѣ ея напечатѣлъ
Отдовскій поцаудъ, еще краснѣтъ заставилъ,
Потомъ, поднявши вверхъ, на столъ еѣ поставилъ —
И всѣ, въ единый гласъ, воскликнули «взавѣтъ!»
Невѣсты красота, простой ея нарядъ,
Тотъ-въ-тотъ какъ у сельнѣ — литвинки образъ чи-
стыи,

И дѣвственной вѣнчовъ, и этотъ серпъ лучистый,
Припомини вождимъ совсѣмъ другіе сна
И невозвратную зарю иной весны,
Потомъ изгнаніе, съ борьбою и грозами...
И вотъ, приближившись, смотрѣли со слезами
На дѣву явную, тѣснилася вокругъ стола,
Прося, чтобъ очнъ сверхъ она приподняла,
Чтобъ обернулась къ нимъ и глянула бы свѣло:
Невѣста, какъ заря, какъ маковъ цвѣтъ, алма.

Вѣтѣмъ вождимъ еще представлялася чета.
Затѣмъ явилъ свои обчнныя мѣста:
Вчера слуга царя, теперь — Нанопеона,
Ассессоръ, командиръ жандармовъ легіона,
Въ муадрибъ выступалъ, подговками звеня,
Съ лимъ рѣдомъ, голову стѣдливо наклоня,
Шла вѣрная его подута и кохашка,
Дочь пана пойскаго, Варвара Греченпанка.

По третью парочка собирается не вдругъ;
Судья не вытерпѣлъ, послалъ за нею слугъ:
Узналъ, что чета въ тревогѣ и въ заботѣ:
Неловий становой, на утренней охотѣ,
Погнавши русака, свой перстень потерялъ
И по лугоу его съ лядми теперь искалъ;
А наречѣнная невѣста становава

Еще не собралась — немного неготова:
Какой-то бантъ у ней на платьѣ не нашитъ,
Еще чего-то вѣтъ... однакоже свиститъ,
И, безъ сомнѣній, часа въ четыре будетъ,
Надѣясь, что судья сестрицу не осудитъ.

ПѢСНЬ XI.

Дверь съ шумомъ наконецъ открылася — и вотъ
Маршалковъ пиришета, панъ войскій предстѣлъ,
Въ беретѣ съ перьями. Маршалковскою тростью
Угнито каждого, какъ гостя, такъ и гостю,
Разводитъ по мѣстамъ. Вѣхъ вышо, впередъ,
Панъ подкоморій сѣлъ, а ъ бо съ нимъ вожди,
По разнымъ сторонамъ: по правую Домборовскій,
По лѣвую Гедройцъ, Клязевичъ, Малаховскій
И дамъ; даго — шляхетство; каждый гость
Садится, гдѣ ему велитъ маршалка трость.

Хозяинъ на дворѣ, гдѣ столъ длиной въ два стая
Раскинутъ для сельнѣ. Сошлася гоня густая,
На ширъ пригмашена. Садится: панъ-отецъ,
Хозяинъ — на концѣ, а на другой конецъ
Садится князевичъ-набѣганъ. Тадеушъ и невѣста
Ходилъ вокругъ стола, оставшись безъ мѣста:
Обычай сѣлъ таковъ, что помы паня,
Созвавъ къ себѣ сельнѣ, служить для нихъ должни.
А шляхта и вожди, собравшіеся въ залѣ,
На рѣдкостный сервизъ вынимавъ обрацалъ,
Что всѣхъ работою и цѣнностью дивилъ.
Прогова говорить, что будго Радзывилъ
Вдалитъ тотъ сервизъ прѣвѣтъ изъ-за границъ;
Потомъ, въ часы войни, поналъ онъ въ доль
Солнцаи,

Богъ-вѣстъ какимы путѣмъ. Теперь, столовъ краса,
Онъ, на подобіе большого колеса,
Разлезае и силъ. Въ его златныя стѣнки
Вплитъ изъ сахару серебряныя пѣнки,
Влестѣвныя какъ снѣгъ, сѣдой змыи уборы;
Въ среднѣ, изъ конфетъ, черилъ дремучій боръ,
Видѣлись инеомъ подернутыя хаты,
Искуства дивнаго плоды замысловаты,
Посуду въ глѣдахъ снѣгъ и въ искрахъ синій лѣдъ.
А съ краю, подѣлъ хатъ, разгуливалъ народъ,
Великолѣпныя фигуры изъ фарфору,
Что голюко не веитъ съ гостями разговорю,
А то, какъ естъ во всѣмъ, зланы до-чиста,
И били по глазамъ пардывовъ ихъ цѣфта.

Что значили онѣ? Панъ войскій разрѣшеніе
Готовитъ, неспрсить у панства позволеніе:

«Персоны, коими украсишь тот сервизъ —
Коль созовиете — на сеймики соборисъ.
Вотъ эта, въ сторонѣ стоящая, особа —
Какъ надо полагать, высокая особа —
Заранѣ же себѣ шлехтство созваса;
Иавольте посмотри: стоятъ вокругъ стола
Большими группами и въ каждой посреди —
Ораторы. По его движеньямъ и по мнѣв,
По разсуждающимъ, подытымъ вверхъ рукавъ —
Замѣтно: жаркую онь держитъ рѣчь въ гостины,
А шляхта слушаетъ, почтеннѣмъ объята —
И каждый своего готовить кандидата.

«А этотъ, важный панъ, такъ весело глядитъ,
Рука за поясомъ, другою усь крутитъ:
Знать, баки подобравъ, со шляхтой кончилъ дѣло
И на избрании расчитывается събыло.

«А здѣсь не ладится, какъ видно, голоса:
Ораторъ нарываетъ поймать за поясъ
Но такъ спорочившихъ, но руцъ и уходитъ,
Бесѣды межъ собой сварливы заводятъ,
И прозь по сторонамъ разбился весь народъ.
Вотъ этотъ началъ рѣчь — ему замали ротъ;
А тотъ кричитъ «свѣвать», раскрывъ уста широко,
А тутъ уаё, кажется, до сабель недалече.

«Одинъ межъ группами задумавшись стоитъ;
Куда дѣвать свой шаръ, никакъ не развѣршитъ,
Гадаетъ нальнами: пональ — аффирмутиву,
А если не пональ — положить негативу.

«А здѣсь монастыря представляетъ рефектары,
Гдѣ выборы у насъ производилъ въстарь.
Стекается толпа. Вотъ шляхтичъ любознанный
Въ середину загнулъ, гдѣ маршалъ неумятный
Считаетъ голоса и возмнѣмъ отдасть
О глѣхъ, кто избрании, провозгласитъ въ народъ.

«По вотъ, на сторонѣ, какой-то несогласный
Съ избраннѣмъ, готовъ затѣять споръ опасный:
Раскрылъ широко ротъ, задумываетъ месть
И цѣлый рефектары какъ будто хоцетъ съесть.
Не трудно угадать, что онь уаъ гаркнулъ: yeto!
Вся шляхта на него накинута за это;
Еще единый мнѣ — сойдутся межъ собой,
Скрестивъ оружье, и вонхнеть ярый бой!

«До въ нимъ святой пріоръ Sanctissimus выноситъ,
А послунщикъ, звона, ихъ расцунитъя проситъ:
Тутъ, дѣлать нѣчего, вложилъ мечи въ ножны,

Всѣ пали, молатся — и кончить споръ должны.
И такъ на выборахъ случалось зачастую...»
Но въ табакерку тутъ цѣлкнувши золотую,
Замѣтилъ войскому панъ подкоморій вдругъ:
«Хоть сеймики твой хорошъ, однако клинки слугъ
Да вѣтъ вели давать! Ты вѣрно не откажешь —
И посѣй намъ свою исторію доскажешь!»
А войскій, до земли свою склоняя протъ:
«Всемпостыный панъ, ясновельможный гость!
Рассказъ кончается. Вотъ, выгравши баки,
Маршалокъ избранный выносится изъ залы
Всей шляхтой на рукавъ; раскрывъ рты — виватъ!
Выходить весело и шапки вверхъ летать,
Другіе на бокъ ихъ заламываютъ лихо...

«А здѣсь, наоборотъ, выходитъ скромно, тихо
Вабалгированный; крутитъ въ раздумьи усь,
Сердито на брови надвинувъ свой картузъ.
Идетъ онь... а его супруга и не чааетъ
Вдѣтъ себѣ таковъ: съ улыбкою встрѣчаетъ;
Вдругъ — ахъ! и на рукавъ служанки замерла...
Ясновельможная она бы вѣдь была!
А ныльче — Господи, да развѣ это можно! —
Она попрѣжнему осталась лишь — вельможна!»

Тутъ войскій замолчалъ — и пиръ-себѣ пошелъ.
Сначала холодецъ литовскій и рассолъ,
Тамъ королевскій борщъ, а тѣ, чтѣ было дасть
Тлѣхъ яствый и во сѣмъ мы съ вами не видали!
Блемасъ, помухли, душоная мясъ,
Ингредиенци, былыхъ пировъ красъ;
А ряби: стерляди, севрюга, осетрина,
Карпъ-шляхтичъ, карпъ-холопъ, морская зососина
И блядо хитрое — загнѣя не проста —
Възлуга цѣлкомъ — подарена съ хвоста,
Въ сердцѣхъ парендъ, а спереди цуга
И смачнымъ соусомъ искусно полита.

По жалъ: не распробалъ о блядѣ znamenитомъ
Никто, а вѣль всѣ съ солдатскимъ алегитомъ,
И кубки, полные венгерскаго вина,
Вмигъ осушалъясе воинственно до дна.

Межь-тѣмъ, за полчаа сѣйгами объединенный,
Сервизъ одѣлся вдругъ травой тумозельной:
Весь нней сахарный растаялъ самъ собой.
Пахнуло на гостей весеннею порой
И жито разное на нажитыхъ янзасъ:
Пугали усь ячмень и розъ закодослпаса,
Булагуханіе чорѣмъа разлила
И шоколадная гречка зацѣла.

Вожди снѣгать весной воспользоваться красной;
Но тѣло близится — и осенью ненастной
Повыла. Сервизъ еще отъ теллоты
Растаялъ: желтыми становятся листы
И падаютъ; на нихъ какъ-будто вѣтеръ вѣетъ;
Всѣ измѣняется, природа вся мертвѣетъ;
За мнѣ цвѣтунія, дрова обнажены,
Усьяны вѣрнами коричновыми тинну,
Какъ-будто шляпками. Длуеас на картинну,
Пирующій пародъ деревня сталъ срывать
И усладительнымъ тоаеамъ заивать,
Другъ передъ дружкою усердствую отважно.
А войскій вдругъ стола прохаживался важно.

Тогда сказалъ ему Домбровский генералъ:
«Откуда панъ свой искусство перенялъ?
Панъ дивной магіи учился у Пипетъ?
Давно ли на Литвѣ у васъ волшебства эти?
Вездѣ ль по деревнямъ въ родимой сторонѣ
Такъ чувствуютъ гостей? Прону, повѣдай мнѣ!
Столь долго прозвжился съ родимымъ нашимъ краемъ,
Не мудрость, коль его обчавнее не знаеми?»

А войскій такъ ему: «Ясновельможный панъ!
По старой старинѣ обѣдъ намъ этотъ данъ;
Какъ было у огня у паннхъ и у дѣдомъ,
Во дни счастливые. Теперь такнхъ обѣдовъ
Не водится: они на рѣдкостъ и въ Литвѣ.
Мы стали подражать французамъ, да Москвѣ,
Забили про тоаки и пнѣмъ чужія вина
Заморенныхъ потреблѣхъ, гдѣ русскнхъ половнна;
Иной богатый панъ живѣтъ какъ сушій жандъ,
Слухитъ на пиръ, венгерскимъ дорожитъ —
И тутъ же, погляднши, съ безумнаго азару,
Вдругъ полъ мнѣния становится онь на карту,
Несметный капиталъ, которымъ десятъ лѣтъ
Могъ проворнрться бы застапокъ наъ повѣтъ,
И было бы вынго тоаку чуть не море.
Да вотъ не далекъ... Исвѣднши подкоморій,
Прону не гнѣваться на искренность мою:
Что на сердцѣхъ ни есть, всѣ тайны выдаю...
Когда готововалъ сервизъ я для шрунки,
Напан, что онь похожъ на дѣтскія шрунки,
Машина старая; что нужно поиростѣй,
Что толькѣ насьмнштъ вельможныхъ онь гостей.
А вотъ не насьмншил! И я теперь покоеитъ,
Ундя, что сервизъ вниманемъ удостоенъ
Такихъ высокнхъ лицъ. Уви, уже Вотъ-вѣтъъ,
Достанется ль ему еще такая честь;
Подчасъ и у меня, признаться, замрала

Душа... теперь прошу я пана-генерала
Ту книжечку приняти да намятъ отъ меня:
Панъ вѣрно доживѣтъ до радостнаго дня,
Когда свободные литвинъ и Корона
Гдѣ вайсннннннго ота-Наголеона
Дадуть по-истинѣ на уднленна пиръ,
Какъ будутъ праздновать Европа цѣлой мртъ:
Всѣ то время призови на помощь книгу эту,
Секреты динные, невѣдомые сѣбу;
Я жъ панету разскажу подробно и вполнѣ,
Откуда, гдѣ и какъ она досталась мнѣ.
То книжка рѣдка, какнхъ не ннштуть болѣ...»

Вдругъ крикнули: «свѣвать намъ Флаюгеръ на Ко-
стѣтъ!»
И цѣлан гоана ввалилась, а предъ ней
Судья, а вслѣдъ за нимъ — Матвѣймъ всѣмъ
Матвѣй!

Хозяинъ усадилъ его между вождами,
Сказавъ: «Дѣхъ, панъ Матвѣй! знатъ пану скучно
съ вами:

Такъ поздно жалуетъ, а близкій вѣдь сосѣдъ!»
— «Тлѣхъ лучше!» молвилъ тотъ: «я здѣсь не про
обѣдъ,

А видѣть армію прѣхалъ въ Солонново,
Хотъ, правду гоноря, она ни то, ни ово.
Меня замѣтили тотъ эти господа,
Схватили подъ руки и ну тащнтъ сюда.
А я было-хотѣлъ взглянуть лишь толькѣ въ цѣлку»
Сказалъ и къ верху дномъ перевернулъ тарелку.
— «Такъ вотъ онь, панъ Матвѣй!» сказалъ Дом-
бровскій тутъ:

«Матвѣй, чтѣ Кроликониъ и Розгоу зовутъ,
Костюми напего сподвижникъ разудалнй!
Какой еще крикншо, васалъ! скажи покажу!
А вотъ мене совѣмъ срунула, братъ, война;
Да и Бнзичевна прошнбѣа сѣдна:
Всѣ обрѣднли; а ти, но многосерно божею,
Еще потянешья долгонко съ молодожены!
И Розга, чай, цвѣтѣтъ, какъ въ оны времена!
Недалеко москалей пощупала она,
И слышалъ. Хвать, братъ, хвать! А гдѣ жъ твои
собратыя?

Желалъ бы отъ души и прочнхъ поивалъ я,
Всѣхъ этихъ молодцовъ; ти всѣхъ мнѣ покажи,
Пусть Перочинные и всаеи Ножи
На сдену явятся, Кроигтели и Бритвы,
И стародавни собой напомятъ битвы!»

— «Всѣ эти лихачи», замѣтилъ панъ-судья,
«Разбнвши москалей, въ различные края

Попытались, боясь подвергнуться ошквту;
Богь-знает, гдѣ теперь скитаются по свѣту;
Вить-можете, гдѣ въ поляхъ!» — «У насъ воть,

напримѣръ,
Вь полку», вмѣшана въ рѣчи какой-то офицера,
«Есть совершенно страшнаше съ усамн,
Котораго подчасъ пугаемъ ми сами:
Кротитель; ми его прозвали Медвѣдѣмъ;
Когда прижете, вь минути приведемъ!»

— «Есть также еще!» вступила голосъ новий:
«Я знаю одно: на видѣ такой суровий;
Зовуть его Горншкомъ; поставленъ въ первый рангъ.
Когда случается послать его на флангъ,
Онъ вѣчно выдѣтъ съ какой-то мѣдной пушкой
И мечетъ артикулъ онъ ею какъ ирушкой.»
На это генералъ: «Хотѣлъ бы я скорѣй
Увидѣть старшаго изъ тѣхъ богатѣй,
Что заповѣдалъ намъ, какъ чудо, вѣкъ старинный:
Гдѣ этотъ великанъ, вашъ Пожинокъ Перочинный,
О коемъ я слышалъ такая чудеса?»

— «Онъ также уходилъ въ дренучіе лѣса,
Хозяинъ отъѣчалъ: «Боляса: въ судъ потаудитъ
За тотъ проляпный бой, домытваются станутъ,
А послѣ и въ острогъ, пожадуй, унекутъ.
Всю зиму странствовать; теперь онъ снова тутъ.
Да воть онъ назночо является предъ нами!»
Взглянузи — а въ снѣжкѣ, надъ всѣми головами,
Какъ мѣсикъ, лисина огромная вь рубцахъ
Сяла; сунулся, опять застрялъ въ дѣряхъ.
И съ шумомъ, наконецъ, какъ пушка или фура,
По залѣ динулася массивная фигура.

«Синевальмошній воеждь! коронный гетманъ, панъ!
А можеть генералъ. Но какъ бы ни назвали»,
Такъ началъ ключникъ рѣчь, «едино всё для міра!
На вызовъ моего отпа и командира
Являюся нѣтъ съ тѣмъ момъ сцязорникѣмъ,
Который, сжедъ намѣмъ уже знаемъ,
Какую ни-на-есть себя добиавши славу,
То не за наднини и то не за праву,
А то за подвиги: пришлося по рукѣ.
Наслѣшна Литва о томъ сцязорникѣ
Давно изъ края въ край; по милости господней,
Ми были съ нимъ вездѣ, чуть-чуть не въ пре-
исподеи!

Онъ стѣнитъ, чтобъ его я нявичилъ какъ дитю:
Такъ писарю перо не срѣзаетъ на потгу,
Какъ сѣкъ оцъ голови, гуляючи по свѣту;
А что поговитъ, утѣ... о, имъ и scontу пѣту!
По всёмъ я поворншихъ дѣлъ не зналъ онъ за собой:
Всегда ходилъ ми въ одинъ открытый бой,

Разъ только москала безъ бою поршѣоно,
И то — pro publica utilitate bona!»

— «А, ну-ка покажи!» сказала Сцязорнику
Домбровскій. «Важный мечъ! да это хотъ быку
Отрѣзать голову, какъ журбу: нѣтъ сомнѣній!
Да! нечего сказать, достоянъ удивляюща!»
И сталъ онъ сцязорникъ осматривать кругомъ,
Вертѣтъ, приподнималъ, смѣялся; а потомъ
Собрались вкругъ воеждя нине офицеры
И страшный этотъ мечъ, необычайной мѣры,
Тожъ силнякъ поднять, но мало въ этотъ мигъ
Нашлося, кто бы могъ какъ надо сцязорникъ
Внести надъ головой. Одинъ майоръ Дверничкій,
Да есадрона шефъ, штабъ-ротмистръ Голубицкій,
Приподняли его. Тутъ, выстуя впередъ,
Князевичъ сильною десницею береть
Мечъ неподатливый — и во мгновение ока,
Какъ шагаю легкую, взмакнулъ его высоко,
Провѣтъ по воздуху легкочко два раза,
И вдругъ ухондилъ въ дренучіе вь лѣса
И, фехтовальными припоминивши секретъ,
Какими неголялъ еще въ бымаи лѣтъ,
Свободно выводитъ онъ сталъ надъ головой:
Крестовоку, мельничну, ударъ прямой, кривой.

Гервазъ внимательно сдѣлалъ за нимъ глазами —
И вдругъ не придержалъ... и залился слезами.
«Такъ! такъ, родной отецъ! великій генералъ!»
Воскликнутъ, весь въ слезахъ, и на колѣни палъ:
«Бравенсомъ! знать, нятъ служилъ конфедератоми,
Ходилъ на москалей со шляхотъ, съ нашихъ братомъ!
Нашъ дѣвно рубится, какъ стѣнный жольтеръ!
Вотъ Радутковскихъ взмахъ! вотъ Савича манеръ!
Ударъ Пулавскаго! А такъ, отставна пошу,
Рубился Висоградъ! А это, панъ, ей-богу,
Я выдумалъ! ей-ей, то выдумка моя!
И гдѣ ты это взялъ, Господи тебѣ судья?
Нявѣстенъ тотъ манеръ: лишь нашему застянку
И называється по мнѣ — *ударъ-моланку!*»

Всталъ и, Князевича въ объятія схвативъ,
Сказала: «Теперь ты спокоеенъ и счастьявъ:
Нашлося, кто рубить по-мѣому умѣеть,
Кто дѣтние моѣ родное прирѣтъ!
Давно и день и почъ болѣю сердцемъ я,
Чтобъ не заркачѣла рапра та моя,
Когда состарѣюся, когда въ могилу лягу...
Теперь же етъ кому носить такую шагу.
Эхъ, панъ, прости меня; накыные вы родны
Нимѣцкіе! вл-чему годимъ они, нужнякъ?

Для насъ, для шляхтича десница благородной,
Есть сабя польска, престоенъ мечъ народный!
Мой милый сцязорникъ кладу у нашихъ ногъ:
Прими его! воть всё, что въ жизни я соберѣтъ,
Что бляю я и хранилъ, что мнѣ всего дороже,
Что иѣстовать несъ день и отхода на ложе;
Не разлучались мы: всю жизнь онъ былъ со мной;
Жены я не имѣлъ — онъ былъ моею женою
И дѣтнемъ! По воть и мнѣ онъ не подѣсну;
Сбирался выѣстѣ съ нимъ я лечъ уже въ могила,
Почитъ, и что же? вдругъ, благодаря судьбы,
Нашоловъ наследника — пусть служить онъ тебѣ!»

Князевичъ, тронутый такою простотою,
Сказалъ: «Но какъ же ты, коллега, сиротою
Останешся, отдавъ столъ вѣрнаго слугу,
Жену и дѣтнею? Скажи мнѣ, чѣмъ могу
Тебя вознаградитъ за даръ такой бездѣтный?»
— «Эхъ, панъ!» Гервазъ на то замѣтилъ, удив-
ленный:

«Да нѣшто я могу продать такой паламъ?
Цыбульскій проигралъ жену свою въ марьяжъ,
А я, коль отдаю — не иначе, какъ даромъ!
Довольно мнѣ того, прибавилъ ключникъ съ жа-
ромъ,
«Довольно, что нашлася достойная рука...
Но помни: отпущай больше темляка
И намасно маши отъ лѣваго отъ уха:
Такъ можно развалитъ отъ головы до брюха!»

Князевичъ взглянулъ напалъ, по, знать, не въ мѣру онъ
Пришоловъ и затѣмъ положень былъ въ фурунтъ.
Что сталеосъ съ нимъ потомъ и бится довелосъ ли
Попржежну — никто не могъ узнать опослѣ.

Матвѣю Кроинку Домбровскій тутъ сказала:
«А ты, коллега, что? Совсѣмъ, брать, ошалома!
Костюхонинъ славный маршъ играютъ наши трубы,
А ты нахмуривша, молчишь, развѣся губы!
Неужли гордый видъ залѣтннхъ тѣхъ орловъ
Не въ силахъ пробудитъ въ тебѣ весѣлыхъ словъ?
Я думаю, нашъ Матвѣй, что выпьешь ты больше
За здравье кесаря и за надежду Польши,
А ты... передъ тобой бокаль, я вижу, пусть,
И ты не замочилъ своихъ ни разу устѣ!»

— «Такъ, панъ», сказалъ Матвѣй, «да вы-то что въ
тревожѣ?»

Два зѣбра не жинуть никакъ въ одной берлогѣ,
А милостъ кесаря подбита вѣтеркомъ.
Что кесарь человекъ великій, что намъ въ томъ!

Какой намъ будетъ толкъ отъ этого союза?
Для Польши полка дай, а то французка!
Дружина польскія! Нѣтъ, это, братца, вздоръ:
Что слышу? гренадеръ, капоньеръ, салперъ...
Поляки? — просто сбродъ, ни на что непохожий!
Потѣ-пса и полъ-коза, народъ ни въ чорту гошій!
Родная армия, Литва!... а главный штабъ,
Самъ видѣть я не разъ, по слѣдамъ говнѣ бабъ.
Идѣте на Москву? Счастливая дорога!
Но, если кесарь вашъ безъ мѣры и безъ Бога
Затѣялъ тѣ дѣла, не будетъ проку въ нихъ!»
И тутъ, нахмурившись, Матвѣй опять затѣкъ.
Не нѣ сердцу принялъсѣ хозяину тѣ рѣчи.

По-счастью, публика готовиласѣ ко встрѣчѣ.
Еще одной чети: былъ это становой;
Что до случилосъ съ нимъ? гдѣ видѣ его живой,
Неугомонный дивеленъ и жесты?
По признанію блажной своей невѣсты,
Отрехнѣши кунтушалъ, надѣлъ французскій фракъ
И мѣрно выступалъ, краснѣя точно ракъ.
Когда бы вѣдали, какія бѣсы онъ мучил!
Соваса и не зналъ, куда задрать руки:
То вверхъ ихъ поднимала, то кину опускала,
То, позабывшися, онъ носка искалъ;
Не знаа самъ чему, предую упалбаса...
Вдругъ Матвѣя увидалъ — и вовсе растерялся.

Матвѣй со становымъ давно ужъ былъ знакомъ
И даже дружба вѣлъ, какъ съ добрымъ полянкомъ;
Но, озадаченный теперь его парадомъ,
Измѣрили онъ его такимъ сердцнтымъ взглядомъ,
Какъ варомъ обварилъ, и вымогилъ: «дуракъ!»
Матвѣй до того взбѣлесъ французскій фракъ,
Что онъ, не вложносъ и не сказавъ ни слова,
Уѣхалъ. Между-тѣмъ невѣста становава
Сѣбшпа поразитъ всё воинство Литвы:
Упоръ изряднѣйшій отъ ногъ до головы!
Цѣртовъ, брильянтовъ, блондѣ — расфѣсало обильно;
А палтье... По, увы! неро мѣо не силно
Всего изобразитъ, а развѣ кистъ одна —
И та, я думаю, была бы не силна.

ПѢСНЯ XII.

Веселій сельскій людъ о музыкѣ хлещетъ,
Окончилъ транезу и въ плясъ пустился хотеть;
Зовутъ Тадеуса — по оны, на сторѣхъ,
О чѣмъ-то будущей напоятъ жалѣ:
«Я должнею, Софянъ, по важному предмету
Вспѣсидь съ тобой и твоего совѣту
Спроситъ по совѣсти. Значительная часть

Ивний на тебя должна по праву пасть;
Твоими хлопн гть становится рубаги —
И я распластаю по сиюю ихъ судамъ.
Теперь, когда у нихъ своя огчзна есть,
Ужель еще должны армо неволн вестъ?
Что нынче, что вчера — не всё ли для нихъ едино?
Лишь только новаго получать господина.
Нѣтъ спору, что у насъ народъ не угаетёнъ,
Но въ смерти, въ животи — ты знаеши, Богъ-волонъ;
Я — воинъ... послѣ насъ кто ини будетъ править?
И вотъ, поэтому, имъ волю предостави
Хотѣлъ бы нынѣ я: отървать имъ земли
Участокъ, гдѣ они родились и росли —
Земли, увлаженной слезами ихъ и потомъ...
Не это ль истиннымъ быть значить патриотомъ?
Свободенъ — и другимъ свободу возврати!
Прѣвѣсь — и наземю тебя позволю прѣвѣсти!
Могучи, коли могу вдару дѣлоу народу
Судьбу переимѣнъ! А еслии доходу
Убавится у насъ — что жь? а не прихотникъ
И къ малому уту съ младенчества привыкъ.
Но ты, мой милый другъ, но ты, мой апгелъ Зоса,
Слажи по правдѣ мѣй, когда бы намъ пришлось
Закабалить себя въ деревню на всегда,
Ты не соскучишься? Ты, юные года
Съ родными знатными проживши въ столицѣ,
Не будешь попрекать Тадеушу Соляницъ?»

А Зоса такъ ему отвѣтила на-то:
«Я жонщина — входитъ въ мужское ни во что
Не сѣю; даъ совѣтъ — мнѣ также очень рано;
Готова всей душой исполнить волю пана.
Чего желаетъ онъ, на всё согласна я;
Гдѣ воля есть его, тамъ воля и моя.
А что касается до знати, до столицъ:
Я помню только то, что я въ дому Соляницъ
Росла, носнигана и замужъ отдана.
Вѣрь: Соляничово мнѣ родная сторона!
Скучать мнѣ трудно тутъ: всё эти куры, утки
Мнѣ бы были мнѣ, чѣмъ тѣтушкины шутки
И рѣсказани ея про Питерь и Москву.
Люблю хозяйничать и столько здѣсь живу,
Что кое въ чѣмъ уже набиза-таки руку
И скоро ключника возьму къ себѣ въ науку!»

А ключникъ на поминъ летѣлъ, какъ туль и былъ,
Немного сумрачный: «Судья намъ говорить
Объ этой воляности, да только я не чаю,
Что много проку тутъ и счастья для краю.
Чтобъ на русской тѣ, нль на пѣмцейи ладъ
Не вышло! а тогда на кой имъ воляность лядъ?

Конечно, сказано, что всё мы отъ Адама,
Что хлопн, виднишь ли, произошли отъ Хама;
Жидямъ начало далъ сынъ Ноа, Иафетъ;
Отъ Сима шляхта вся, а выше оной — нѣтъ.
Затѣмъ мы прочими командуемъ и правимъ!
А случай вынадеетъ — позалуй, и придавимъ!
Хоть всѣвдъ не тѣ твердить, какъ выйдетъ на
амово —
Толкуеть, видите: то ветхий былъ законъ;
Когда жь Иисусъ Христосъ, хотъ царскаго былъ роду,
А въ ясляхъ родился, средѣ чорнаго народу,
То этимъ всёхъ людей сраивалъ между собой.
Быть такъ, когда ужъ такъ назначено судьбой
И пани хочеть такъ моя яснелъможна —
Аминъ! Но буде мнѣ позволено и можно
Пановъ предостеречь: скажу вамъ, что боюсь,
Не стада бь снова тутъ распоризать Русь,
Хозяиничать опять — и вольные селане
Врутъ не попанн бы въ казенные крестьяне.
А сдѣлать шляхотъ ихъ, дать воюю, и притомъ —
Сказать, что выѣстъ съ тѣмъ и горьбъ ми имъ даёмъ:
Пусть пани удѣлитъ козу въ зелёномъ полѣ,
А пани свою адуу съ подковы: этой воѣ
Народъ поклонится до самой до земли —
И тутъ ужъ не возьмутъ ни чорта москалн!
А что до вашего, пани мон, дохода —
Вотъ мистивить, авось! Не изъ такова рода
Ясновельможна сенаторша моя,
Чтобъ ручки допустилъ её мозолитъ я.
А вотъ, прошу мою усердно господиноу
Принять завѣтну горешковскую скрипку
Съ краями полниуу наслѣдственнымъ добромъ,
Камнями разными, и златомъ, и сребромъ,
Сокровищъ столичника безчисленные слагаи:
Златые поставни, оружье, оклади,
Убранства дреннѣ, что а береть, какъ глазъ,
Отъ ачлнхъ москалей, а частью и отъ васъ —
Прому не гнѣваться — панове Соляничове!
Да есть еще у насъ въ запасѣ на готовѣ
Кубышка собственныхъ старинныхъ галерѣвъ,
Отъ панскихъ мистелей, бедроты и даровъ.
Я думаю: доживу до лучшей переимѣнъ —
И денги тѣ слоужу въ горешковскѣ стѣмъ,
Чтобъ замокъ старый нашъ какъ прежде заблесталъ.
Теперь, Соляница панъ, твоимъ слухой я стагъ:
Позвоь мнѣ у тебя на мистивомъ хлѣбѣ
Остаться навсегда, въ какой ни есть потребѣ!
Какъ нянюку старую къ дѣтамъ твоимъ возьми!
Мнѣ жъ не учиться стагъ, какъ нявничать съ дѣтьми:
Авось выльничимъ Горешковъ третье паемъ!
Богъ дасть тебѣ сына; теиерь такое время —

Война, а говорятъ, что будто въ часъ войны
Всегда не дочери рождаются, а сыны.
Такъ вѣрно родите снѣ, боеть на диво миру!
Ты мнѣ ужъ предоставь вправлять его въ раптуру!»

Едва окончили онъ — ужъ возниъ направлялъ
Къ нимъ важно шестѣе — раскланялся, достагъ
Какой-то странной лѣстѣ изъ своего кармаи:
То ирини нѣжня для пани и для пана
Пшта, армѣ фельдфебелъ, сочинилъ.
Съ подсотни тѣхъ стиховъ ужъ возниъ возгласилъ,
Порядкомъ надѣвъ; когда жь дошолъ до жѣста:
*О ты, звезда любви! изъ всякъ невѣсть невѣста!
Ты възоры ясные и дневный блескъ лица
Виртне мтнклиъ стрължъ разать людей сердца:
Отъ взгляда твоего и мановенья длани
Смолаютъ проми ось и утисають брани —
Тадеушъ посѣднжъ скорѣй рукоплескати,
Затѣмъ-чтобъ далѣе тѣхъ ириней не слыхати;
А всѣвдъ, взоиди на стогъ и, обратясь къ народу,
Панами данную провозгласилъ свободу.*

Едва въ толпу крестьянъ проникаа эта вѣсть,
Привѣтъ свой спосожъ снѣмать они привѣсть,
Унасть въ ея погамъ, ея коснуться ллатья:
«Да здравствуютъ пани!» — «Да здравствуютъ
собратья!»

Тадеушъ имъ въ отвѣтъ: «у насъ одинъ права:
Да будутъ воляими Коропа и Литва!»
И въ войско понеслись тѣ сладкія слова.

Одинъ лишь какъ Вухманъ хотѣлъ переимачить
Проектъ, комиссію особую назначить;
Но такъ-какъ времени на это не нашлось,
То нѣмцѣ отомолъ, повѣсь молча постъ.
А тутъ ужъ, на луку, давно стояли пани:
Съ народомъ пономая, узаны и гусары;
Съ жупанами крестьянъ мѣшался эполетъ.
Вѣсь жданн трубаей; судья же, подошедъ
Къ Добровскому, шенуца: «Сегодня обручене
Цемамяниковъ моихъ, и оттого стеченье
Народу, со всего повѣта яселанъ;
Понамѣсть свой оркестръ, ясновельможный пани,
Вели остановитъ. Стядливая дѣвчи
И пани селѣние привыкли подъ скрипичи
Свой танецъ начинать: такъ будетъ имъ лончѣй;
А послѣ позовѣтъ и ваише трубачей.»

Далъ знакъ — всеёламъ впередъ выходитъ скрипка,
Слнчючь выписывать она пускаетъ шибко,
Разорваиный рукавъ по дѣлотъ засучивъ,

Прижавши бородой подставку, стиснувъ грифъ,
Казалось, кобаря звава на пединею,
А ось ужъ туть-какъ-туть и парась нимъ воляности:
Какъ началъ ось трубитъ, а тѣ за нимъ дудѣтъ,
Сказалъ же, что хотляъ на воздухъ улетѣтъ,
Борелъ старо пузатымъ малуцанамъ
Подобни. Стахии вдругъ. Цимбаловъ поселянамъ
Хотѣлось; но никто не сѣмѣлъ играть на нихъ
При Янкевѣ, а онъ украсилъ и притихъ,
Какъ-будто нѣтъ его. Нашли; усердно просятъ
И даже инструментъ художнику выносятъ;
Но планяется жидъ и самъ уходитъ прочь,
Сказавъ, что нынче ось до нихъ ужъ не охочъ,
Что отрубивши, окрѣпнущиаи руки
Посудину вызивать утраченные звуки
Не могутъ богѣе. Тутъ, съ ясностью чеа,
Невѣста въ Янкеую проморю подошла
И, ручкой нѣжнжоу артисту подавая
Цимбаловъ молотки, сѣмѣа, какъ утро ман,
Она промолвила: «Пожалуйста сыграй!
Ты знаеши нынче что: собрался дѣльный край
Повѣсткихъ поселенъ ко мнѣ на обручене;
Къ тому же этотъ день особею значене
Имѣеть: здѣсь у насъ народные вожди,
А ты упрямншся; ну, самъ ты посуди
И помони, что давно играть мнѣ обѣщали
На свадьбѣ!» Янкевъ-жидъ на это замѣлалъ
И въ знакъ согласія красавицѣ вивнулъ
Сѣдуу бородой, сѣлъ, лѣйсями трихнулъ
И съ гордостью вокругъ всеёмиа глазами
Повѣлъ, какъ ветеранъ, покрытый сѣднпями,
Когда зовутъ его опять на поле сѣтъ
И винуки подаютъ ему тяжелый мечъ:
Смѣётся далѣ сѣдой, поднявъ его рукою
И чуя, что рука не мѣнѣитъ героеу.

Молчанье. Инструментъ недвижно лежить
Передъ художникомъ. Поливани руки, жидъ
На мигъ отнѣвѣлъ, слегка глаза притщура,
Спустилъ — и грянула могучиъ звуковъ буря,
Какъ-будто шуманн дождъ по струнамъ пролился
И выхрей острене прочмалъ толоса.
Далсиа дину всё, но то была лишь проба —
И снова молотки ось сверху подлалъ оба.

Затѣмъ опять спустилъ. Едва звонитъ струна;
Несенно-тихая гармонія слышана;
Цимбалы замерли, поюеть и стоицуть глухо,
Какъ-будто по струнамъ крикомъ звонилъ муха.
Взглянувъ на лѣбеса, художникъ вдругъ утихъ
И вдохновенія просилъ себѣ у нихъ.

Затѣмъ, свой инструментъ измѣривъ мѣткимъ
глазомъ,
Принёсши молотки и грануль ими разомъ.

Слетѣлъ съ несѣныхъ струнъ живой и рѣзкій звукъ,
Казалось, оркестръ военный грануль вдругъ,
Со всеми дождями, тарелками, звонками —
И славный польскій тотъ, столь чтимый поляками,
Что мая третьяго въ Варшавѣ раздался,
Торжественно гремитъ; рожочку голоса
И сердце повелать, и слухъ ласкають вмѣстѣ.
Смѣются молодѣжь, едва стоя на мѣстѣ,
А думи стариковъ въ минувшее летать,
Въ тѣ дни, какъ въ ратушѣ собранійся сенатъ,
Назначивъ короля, угождая народу,
Польцамъ вознѣмать равенство и свободу.
Художникъ налегаетъ на струны свистъ свои,
Усилилъ голоса — и вдругъ, какъ свистѣ змии,
Какъ дребезжаніе стекла, аккорды фальшивый
Морозомъ проливаетъ всѣхъ, и ропотъ божанный
Промоловъ по всей толпѣ: всѣ думали, что оны
Испортили инструментъ, иль взялъ невѣрными тонъ.
Не ошибался жидъ! Разрушилъ оны нарочно
Гармонию, дотошъ звучавшую роскошно,
И долго по одной и той же былъ струнѣ
Пронзительно, нога стоявшій въ сторонѣ
Гервазъ не понять всѣ: закрывъ лицо десницею,
«Ахъ!» молвилъ, «знаю: я то миръ подѣ Тарговицей!»
И, жалобно заливъ, вдругъ лопнула струна.
Всѣ замерли вѣркомъ. Толпа поражена.
А музыка гремитъ тревожнѣй часъ отъ часу,
Съ басомъ на дисванти и вновь съ дискантовъ
Иль къ басу.

Всѣ громче и сильнѣй по струнамъ бьютъ артисты.
Чу! маршъ, атака, штурмъ, громъ пушекъ, адръ
слихъ,
Крикъ женщинъ, плачь дѣтей такъ выразился живо,
Что дѣвы юныя дрожали боязливо,
А вмѣстѣ и народъ припомнилъ старину
И плѣсны грустныя про битвы и войну,
Про ихъ соотчичей беззаконную отвагу,
Въ слезахъ и пламени нотописенную Прагу —
И ради, что артисты внезапно укротилъ
Тѣ звуки страннѣе, какъ-будто въ землю вбилъ.

Едва пришли въ себя — ужъ музыка звучала
Опять; спокойная и тихая сначала,
Какъ-будто выравнившъ изъ стѣны наука,
Мухъ нѣсколько поётъ. Но вотъ уже слегка
Густѣетъ каждый звукъ, слышнѣй и рѣче тоны,

Соединяются аккордовъ легіоны,
Всѣ прибываетъ ихъ, всё болѣ всѣмъ часть —
И плѣсны старая мгновенно раздастся,
Знакома каждому мелодіе пышной:
«Уданный богатырь, сивалецъ горемышннй,
Кому родимаго пріюта нѣтъ нигдѣ,
И вѣны-вѣчны оны въ горѣ и въ бѣдѣ,
Свалился наконецъ и молитвъ черезъ-силу
Коняи, мой вѣрнѣй конь, копитомъ ииѣ могилу!»
Узнали вѣсноу ту, былые впомянувъ дни,
Когда, похоронивъ отечество, они
Пошли Богъ-вѣстѣ куда, на край далѣмъ свѣта,
И тѣшна соддать въ чужбинѣ вѣсны эта;
Всакъ вспомнилъ, гдѣ оны были, что сѣдалъ
перенебъ,
Какъ много о землѣ родимой пролилъ слезъ —
И такъ стояли всѣ, чело свое понура...

Вдругъ подняли его: встаётъ аккордовъ буря:
Походо! Согласно въ тактъ колотуется мечи
И въ трубы мѣдныя играютъ трубы;
Послышался раскатъ, какъ-будто выстрѣлъ далѣ-
ннй,
И вдругъ ударилъ маршъ завѣтный, триумфальный:
«Несигетъ Польша вѣткъ, покуда мы живѣмъ!»
То маршъ Домбровскаго, раздавшійся какъ громъ
И всѣхъ исполнившій невѣдомою силой:
Войска подѣ этотъ маршъ пришликъ отчизнѣй милей!

Художникъ вдругъ умолкъ, дивясь будто самъ
Тѣмъ оживляющимъ, могучимъ голосамъ;
Узнаи молотки, свалился шыкъ на плечи,
Уста невинныя нащопытываи рѣчи,
Лавиты вспыхнули румянцемъ и огнѣмъ:
Всѣ вдохновеннѣю преобразилосъ въ нѣмъ;
Когда жъ, спустивъ глаза, увидѣлъ генерала
Домбровскаго, сильнѣй въ нѣмъ сердце задрало,
Но выдержалъ старикъ и громко заридаль:
«Велкий генералъ!» воскликнулъ: «долго ждалъ
Тебя литовскій край, какъ мы жиды мессію!
Живи, нашъ славный вождь, иди, трюми Россію,
Взыграй мечѣмъ своимъ, творящимъ чудеса!
Отцѣ!» И жидъ оныиъ слезами залилъ:
Оны родину любилъ. Душой его высокой
Домбровскій тронуть былъ: десницею широкой
Взявъ за руку жидъ — тотъ на козлѣны стагъ
И руку у вождя ридая цаловаль...

Часть польскій начинать! Народъ шумитъ какъ море.
Вотъ къ Зося подошло учило подкоморій,
Круги свои свивай усь, ей руку подаетъ,

Проса по полонезъ; вотъ выступилъ впередъ;
Тромбонъ рѣзкіе послышался удары —
И живописнныя группируются пары.

Пошли, раскинувшись въ обширные круги.
На сонцѣ дня оны сверкаютъ сапоги;
Бьютъ събавель арійи блескъ; прагнетъ поясъ литий;
А оны какъ нехоти всугнаетъ въ бой открытый,
Но выразителемъ тапшора каждый шагъ,
Движеніе всякое имѣетъ смыслъ и знакъ:
Вотъ стагъ и пылкие бросаетъ дамъ взоры;
Вотъ, голову склонивъ, заводитъ разговоры;
Но та не слушаетъ пріитовъ и рѣчи.
Конфедератку сививъ, оны планетаетъ ей,
Вниманія прося утивно и покорно.
Взглянула на него, но всё молчитъ упорно.
Оны шагъ укоротилъ, сердитѣй бросилъ взглядъ —
И засмѣялся вдругъ, оя отѣту радъ.
Вотъ двинула быстрый, размахисто, отважно —
И на соперническо несмотритъ важно;
Вымѣты кунтуша закидываетъ въ тылъ,
А манку на беренъ — и усь свой закрутилъ:
Идетъ, но сивайи рои соперническо упрямой!
Оны далѣе отъ нихъ хотѣлъ бы спринтасъ съ дамою,
Остановился вдругъ и проситъ, чтобы или;
Толпа проносится, а оны одинъ вдаяи;
Задумалъ обманутъ соперническо: напрасно!
Оны преслѣдуютъ восторженно и страстно,
Вѣтуть — за саблю оны хватается тогда,
Какъ-будто говоря: завистнинамъ бѣда!
И самъ идетъ въ толпу настойчиво и смѣло:
Толпа раздвинулася — противился не смѣло:
Группируются вновь, опять за ниль летать.
Тогда межъ зригетей послышался «ивнать»;
Тихонько про себя шепталася строй передній:
«Пусть смотритъ молодѣжь: быть-можетъ, то по-
сѣданій,
Который полонезъ умѣетъ такъ водить!»

И долго по дугу нестрибущая нить
Живыхъ, весѣлхъ паръ кружилась и ходила
И тысячи фигуры затѣйныи выводила,
Вісь по муравѣй какъ исполнискій жидъ.
Сверкалаи войны одеждою своей,
Брилая шпорами и зваякая мечами —
А солнце, заходя, метало въ нихъ лучами.

Одинъ лишь не пошолъ, кагралъ Добжинскій Сакъ:
Стоялъ и всѣ глядѣлъ, припомнивши, бѣднѣкъ,
Какъ оны мелкнущіе, реблическіе года,
Густыя копоши, плетни и огороды,

И Зося милую; какъ пряталася въ кусти;
Какъ подѣ вечеръ носилъ ей изъ поля дѣты;
Порой подкатыривалъ, какъ куръ она кормила.
А сколько за нѣб досталосъ отъ Кропни!
Небагодарная, забыла дочиста!
И съ горы рѣзалася помощь оны въ три-листа,
Намѣривася потомъ пустилася въ пыластво:
Такъ было велнѣй каграла постоянство!
А Зося весело тапуетъ посреди
Обширнаго двора; хоти и впереди,
Неуловная, однакоше, для взгляда
Отъ армага, рутѣ подобнаго народа,
Въ роскопные дѣты и въ ленты убрана,
Послушноу толпой танцующихъ она
Предводитъ на дугу своѣмъ темноселѣномъ,
Какъ гонѣтъ забывае почнакъ блестящимъ легіономъ
На темногубомъ раздолзи небесъ.
Везишюио вокругъ нея толпа густанъ, какъ лѣсъ.
Всѣ мѣсто подѣ нѣй ревниво охраняютъ
И подкоморій отъ тапцетъ оттѣсняютъ.
Домбровскій подошло — и оны ведоло былъ
Банъ Зося: внигъ еѣ друною уступилъ,
Тотъ третьему... но вотъ она уже устала;
Увидѣвъ женшка, въ минуту перестала
Плясать; пошла къ гостямъ, за нею и женихъ.

А вечеръ догоралъ невозмутимо-тихъ,
Подобенъ яснотію восреснушему краю
Короны и Литвы. Лишь бѣлый облакъ съ краю,
Пророка свѣтлѣй день, румянцемъ пламеннѣй
И тааль медленю. Востокъ уже темнѣй
И тучи мелкія, чуть видныя для взгляда,
Какъ по дугу овецъ разсѣпанное стадо,
Мелькали въ томъ углу, порой смыкался въ рядъ.
Вотъ пламенѣтъ сполоннѣиъ обьяеса весь загатъ;
Прощасяся, солнышко еше лучомъ блеснуло,
Склоняю голову и за лѣсъ потонуло.

Но шляхта и въ ночи неугомонно пѣтъ
За здравье кесаря, за шляхту, за народъ,
Потомъ за женшка съ невѣстою, а далѣ
За всѣхъ, кого добромъ въ Литвѣ припоминали.

И я на томъ пиру ниль пиво и вино;
Что слышалъ, видѣлъ тамъ — предъ вами, вотъ оно!

Н. Вьргъ.

I. МАССАЛЬСКИЙ.

Иосифъ Массальскій родился въ первыхъ годахъ нашего столѣтія въ Игуменскомъ уѣздѣ, Минской губерніи. По окончаніи курса въ мѣстной гимназій, онъ поступилъ въ Виленскій университетъ, въ которомъ занимался преимущественно литературой. Пѣсни и басни — были всегда любимѣйшею формою, въ которую онъ обладалъ свои поэтическія произведенія. Еще до окончанія курса въ университетѣ, онъ былъ внезапно арестованъ и увезенъ въ Варшаву, гдѣ былъ опредѣленъ въ одинъ изъ квартированныхъ тамъ полковъ рядовымъ. Носились слухи, что причиной его арестованія было какое-то письмо, написанное имъ на имя великаго князя Константина Павловича. Въпоследствии, уволенный изъ военной службы, Массальскій поселился въ Волынской губерніи и тамъ женился. Стихотворенія его были изданы въ двухъ томкахъ въ Вильнѣ, еще во время его студенчества. Писалъ ли онъ послѣ — неизвѣстно. Массальскій умеръ на Волынѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

ПРАВО МАМЕНЬКЪ СКАЖУ.

Что такое это значить:
Какъ одна я съ нимъ сижу,
Всѣ тоскуютъ онъ и плачетъ?
Право, маменькѣ скажу!

Я ему одна забота,
Но въ душѣ моей, вишь, лѣтъ,
И глаза мои за что-то
Онъ выжилазами зовѣтъ.

Вишь, рѣзва я, непослушна,
Ни на мигъ не послужу...
Право мнѣ ужъ это скучно,
Право, маменькѣ скажу!

Подъ опломъ моимъ всё бродить,
Самъ съ собою говоритъ;
Какъ одна — онъ глазъ не сводить,
А при людяхъ — не глядитъ.

Но порой, какъ съ нимъ бываю,
И сама я вся дрожу,
И смущаюсь, и шалаю...
Право, маменькѣ скажу!

Пусть она о томъ разсудитъ;
Вотъ ужъ я полагаю,
Что-то съ нимъ, съ бѣдняжкой будетъ?
Нѣтъ, ужъ лучше не скажу!

Н. Бергъ.

B. ЗАЛѢСКИЙ.

Вогданъ Залѣскій родился 2-го (14-го) февраля 1802 года въ деревнѣ Богатирки, Киевской губерніи. Воспитывался онъ въ городѣ Уманѣ съ 1815 по 1819 годъ, послѣ чего отправился, вмѣстѣ съ своими землякомъ и ровесникомъ Гоцинскимъ, въ Варшаву. Залѣскій былъ воспитателемъ дѣтей въ нѣсколькихъ польскихъ помещичьихъ домахъ, между-прочимъ въ домѣ генерала Шембека. Какъ поэтъ, Залѣскій пользуется большою извѣстностью между поляками. Въ поэтической оцѣнкѣ стиха онъ не имѣетъ соперниковъ въ польской лирикѣ XIX столѣтія. Предметъ его стихотвореній — Украина; матеріалъ — козацкая дума, малорусская пѣсня. «Нѣтъ ни одного польскаго писателя», говоритъ г. Снаговичъ, «который бы въ такой степени приближался къ идеалу объективной поэзии, какъ Залѣскій, который бы такъ мало вносилъ въ эту поэзію своего собственнаго, личнаго: можно сказать, что онъ не господствуетъ надъ матеріаломъ, но находится въ такомъ подчиненіи этому матеріалу, какъ зеркало или золова арфа, изъ которой каждое дуновение вѣтра извлекаетъ чудные звуки.» Въ сожалѣнію, недостатокъ широкаго философскаго образованія, лишалъ его всякой возможности выйти изъ этого заколдованнаго круга чисто украинскихъ представленій, въ свѣдѣніе чего онъ не создалъ ни одного великаго и дѣльнаго произведенія. Въ своей повѣсти «Духъ Степей» Залѣскій видимо силится создать нѣчто болѣе грандіозное, хотѣвъ представить всю исторію человечества и даже закончить свое повѣствованіе предсказаніемъ будущаго, тѣмъ же не нѣтъ поэма вышла не удачна по бѣдности содержания, не смотря на превосходные подробности. Первое изданіе стихотвореній Залѣскаго было напечатано въ 1841 году въ Парижѣ; въ слѣдующемъ году вышли его «Думы и Думки» въ Познанѣ, а въ 1845 году — въ Львовѣ; въ 1847 году Брокгаузъ издалъ въ Лейпцигѣ его поэму «Духъ Степей», а въ 1851 году вышло въ Петер-

бургъ полное собраніе его стихотвореній въ 4-хъ томкахъ. Последнее изданіе стихотвореній Залѣскаго, подъ заглавіемъ «Всѣхъ ораторіумъ въ Думахъ и Думкахъ», вышелъ въ 1866 году въ Познанѣ.

I.

ЛЕДАЦАЯ.

Ахъ, крикни мой вѣтухъ, чтобъ взялъ тебя лихо!
Не сидитъ тебѣ на насѣстохъ тихо.
Аль не знаешь, что бѣдной мнѣ ночь коротка,
Что мнѣ хочется спать, а постеля жестка?

Тая-вотъ вдругъ, на зарѣ, я горошкомъ и встала!
Не за-то ль, что вчера дѣлый день работала?
Будто впрямъ работатъ велика мнѣ нужда —
Какъ же такъ! Я сама пригожѣ, молода.

А вчера меня мать снозаранокъ гоняетъ:
«Шла бы жито полотъ: вишь — оно посябаетъ!»
Не полота я жита — совсѣмъ не могла:
Хоть ушла изъ избы, да въ бородачку легла.

Тамъ мнѣ въ руки давался самъ цѣточка,
И свивался самъ въ такіе вѣночки,
Что хотѣлось только взглянуть и надѣтъ,
Да подумала: долго ли такъ загорѣтъ?

Я вернулась. Мать всё хлопочетъ, хлопочетъ
По избѣ: накормитъ дочку милоу хочетъ
За работу, за-то, что вернулась домой
Ужъ такая усталая — Боже Ты мой —

Что лица нѣтъ на ней. Улегалась я на лавку
И kota поманила къ себѣ на забавку;
Жмурюсь, жмурюсь и вижу, чтокъ пралкѣ ужъ мать
Три кудели несѣтъ — и опять работатъ!

Только солнышко къ низу — какъ гляну я бодро,
Какъ вскочу, какъ схвачу коромысло и вѣдра,
Какъ порхну изъ избы удачей воробья,
Потому — ужъ куда черноброва-то я!

И ужъ тѣ на душѣ моей горя-заботы,
Да охочей чужой и повольной работы,
Что не ставлю въ укоръ нарпямъ я молодымъ,
Коди вѣдра снесутъ мнѣ къ воротамъ самимъ.

И бранитъ меня мать съ тѣмной вочки до свѣта,
За мои молодая и глупая дѣта;

И не знаю, за что всѣ сосѣди корятъ,
И «ледацала» прямо въ глаза говорятъ.

Пусть бранится, на сколько имъ станетъ охоты,
А ужъ встать не могу я съ вечерней работы:
Вѣдь не знаютъ, какъ бѣдной мнѣ ночь коротка,
И какъ хочется спать, а постеля жестка.

Л. Мвѣ.

II.

ДВѢ СМЕРТИ.

Годъ они любилась — на-вѣкъ разуилилась,
И сердца обоихъ въ дребезги разбилась.

Дѣвица томится во свѣтлицѣ новой,
А козакъ уложенъ матъ-спироу-дубровой.

Дѣвица попила къ пуху-гозоловью,
А козакъ къ дулапу, облитому кровью.

Дѣвичьи дѣвчарства — мѣды-вареницы,
А козакъ... хоть каплю бѣ подали водицы!

Дѣвицу вся сѣмья съ плачемъ обнимаетъ,
А козакъ... ужъ воронъ каренуэтъ и слетаетъ...

Оба отстрадали; грудь сожмо обонимъ —
И заснулъ оба вѣчнымъ сномъ-покоемъ.

Дѣвицу со звономъ, съ дитией заронятъ,
А козакъ... надъ бѣдникомъ только вошки воютъ...

Дѣвичью могилку колятъ и легѣютъ,
А козачьи кости по-вѣтру бѣлѣютъ.

Л. Мвѣ.

III.

С ТЕПЬ.

Травы, травы и бурьянъ
Зеленѣютъ, шума поляны:
Это — степь. Въ дали курганъ;
За курганомъ словно холмы:
Это — взрытый, многомолвий
Твой, Украина, океанъ,
Гдѣ козакъ пиралъ, тамился,
Плаваѣтъ въ зелени и блисн.

Здравствуй, славный ряд гробов!
Сердце шлёт тебе привёт!
Здѣсь лиглас родная кровь;
Гуль стою на всѣ повѣты...
Табунам твоимъ — пѣть смѣты,
Не сочтѣшь твоихъ волосъ;
Волъ же каждый, туюмъ пропать,
Въ благовономъ морѣ топать.

Надъ тобой — лазурный сводъ;
Рѣветъ въ нѣмъ весь миръ крылатый:
Вотъ — орѣль-знаменщикъ! вотъ
И соколъ, боецъ пернатый!
Тутъ и силой небогатый
По пѣвучій родъ ведётъ
Свой навѣвъ тысяче-клинный,
Что звучитъ молитвой мирной.

Стены, стены! — мы сросались!
Мать одна у насъ вдовица —
Мы вѣдь кровные. Всмотрись:
Сходно-дунны наши лица,
Да и дума — намъ сестрица:
Тѣ же ей черты далѣсь,
Что съ таинственностью грустной
Дышутъ рѣчью неузнанной.

Слухъ за музыкой слѣдитъ:
Гуселая, расзынная —
Не поймѣшь, отголѣ гудитъ;
Томность, дикость въ ней стелная;
Эта музыка родная
Замолжно говоритъ.
Эти поты въ гуль, въ шумѣ —
Не подь ладъ ли нашей думѣ?

Дума, дума! — ты жива!
Здѣсь такъ вольно, такъ раздольно,
Что въ разлѣтъ летятъ слова;
Головъ же что-то больно...
Натерѣлась мы довольно:
Освѣтятся ль голова?
Дума! пусть бы намъ съ тобою
Степь дана была судьбою!

В. Венедиктовъ.

IV.

КЪ ЦѢВНИЦѢ.

Товарищъ лѣтъ первоначальныхъ,
Живой повѣренный души,

Дрожащимъ звукомъ струнъ печальныхъ
Ты вздохъ и стонъ мой заглуши!

Пусть ропотъ твой съ моимъ слянный,
Какъ сонъ, недутъ мой уснуть;
Пусть отголосокъ твой желанный
Мнѣ сердце бѣдное смягчитъ.

Разлейся въ слѣзы, звукъ летучий,
Чаруя сердце, пѣвжа слухъ,
Въ одной душѣ ищи отзвучий —
Пусть цѣлый миръ пребудетъ глухъ!

Приманка счастья не насалась,
Порой надеждъ, къ моей весѣ;
Душа страдала, волновалась
И не надѣялась впопѣть.

Такъ за минутой шаа минута...
Такъ вынутъ лѣтние цвѣты!
Когда жъ послѣдняго прѣота
Дождѣлся, правдний странникъ, ты?

Ахъ, вѣчность встрѣтитъ не опасно
Тому, кто жизнью запоздалъ:
Тамъ ясныхъ дней не ждуть напрасно,
Какихъ я въ мирѣ ожидаю!

Товарищъ лѣтъ первоначальныхъ,
Живой повѣренный души,
Дрожащимъ звукомъ струнъ печальныхъ
Ты вздохъ и стонъ мой заглуши!

Е. Шахова.

V.

ЛЮБОРЪ.

Войско на отидѣхъ. Люборъ отважный,
Вожь сѣдовласый дружинъ,
Ночью глухой, на конѣ черногнривомъ
По лѣсу ѣдетъ одинъ.
Вѣтеръ хоругви вдали развиваетъ —
Гнутся оупъ и трепашъ;
Дичь разгоня въ урочищахъ тѣмныхъ,
Въ лагерѣ пѣсни звучатъ.
Ѣдетъ оупъ, юность свою вспоминая;
Удалъ сверкаетъ въ глазахъ;
Гордо побѣды свои онъ считаетъ,
Мыслить о повахъ бояхъ.

Ѣдетъ оупъ — вдаругъ подлѣ старого дуба
Конь какъ бы вкопанный сталь:

Люборъ русалокъ, при луномъ сляпнѣ,
Въ чащѣ густой увидатъ.

Вытосъ оупъ передъ нимъ и кружатся;
Въ очи имъ свѣтитъ луна;

И обрадается съ рѣчью такою
Къ стару-герою одна:

«Люборъ воинственный, долго ли будешь
Въ сѣчи стремиться душой?

Старецъ, пора и о смерти подумать!
Старецъ, пора на покой!

Многие рыцари пали до срока,
Въ юнахъ погибли годахъ:

Матери стонутъ и чахнутъ невѣсты,
Вѣкъ доживая въ слезахъ.

Ты же поль-вѣва въ бояхъ отличался;
Крови погонѣ текли...

Или въ кольчугу неплѣнную боги
Любора грудь облекли?

Скоро умрешь ты — и свѣтлыя очи
Вѣчнымъ закроются сноми!»

Смогла — и съ хохотомъ громкимъ русалки
Скрылись во мракѣ поночю.

Снова въ лѣсу водарилось молчанье.
Вожь сѣдовласый дружинъ,

Люборъ отважный, по тѣмному лѣсу
Ѣдетъ въ раздумьи одинъ;

Ѣдетъ и слышитъ — погѣль недалёко
Бурной волною шумитъ.

Люборъ въ немъ: непопигная жакда
Грудь его жевотъ и томитъ.

Вотъ и погѣль; оупъ влопочетъ и злится,
Плачетъ и стонетъ вода...

Люборъ навился и лѣтъ утомлѣнный,
Лѣтъ — и уснулъ навсегда.

Конь богатырскій вѣе попать — стрѣлою
Въ лагерь назадъ поскакалъ,

Ржаньемъ унылымъ о смерти героя
Вѣрными войскамъ разсказалъ.

Рыцари въ лѣтъ понесены толюю.
Небо бласнузо зарей.

Рыцари ищутъ вождя дорогого,
Ищутъ съ глубокой тоской.

Долго искали оупъ, но среди лѣса
Тѣла его не нашли;

Грустной пѣсню заплѣли и спрятали,
Скрылись въ туманной дали.

Точно изваяны изъ мраморной глыбы,
Люборъ недвижно лежатъ;

Подлѣ него зарастаютъ травою
Шлемъ богатырскій и щитъ.
Но лишь послышится шумъ непогоды
Въ полночь, среди чащи лѣсной,
Люборъ отважный встаетъ; у потова
Ѣдетъ его конь вороной.
Оупъ на коня вороного садится,
Вожь сѣдовласый дружинъ,
И межъ деревьевъ, по тѣмному лѣсу
Ѣдетъ въ раздумьи одинъ.

П. Козловъ.

Э. ОДЫНЕЦЪ.

Эдуардъ Антоній Одынецъ родился въ 1804 году въ деревнѣ Гейстувахъ, Виленской губернии, воспитывался въ вѣстной гимназій (1814—20) и потомъ въ Виленскомъ университетѣ (1820—23), гдѣ соизоса и подружился съ знаменитымъ Мицкевичемъ. По окончаніи курса, Одынецъ жилъ въ Варшавѣ, затѣмъ, въ 1827 году, уѣхалъ за границу, гдѣ путешествовалъ, вмѣстѣ съ Мицкевичемъ, по Германіи, Италіи и Швейцаріи, а позднѣе — по Франціи и Англій. Въ 1837 году оупъ возвратился въ Вильну и принялъ на себя редакцію «Всѣобщей Энциклопедіи» (1838—39) и «Виленскаго Курьера». Стихотворенія Одынца были напечатаны въ двухъ частяхъ (Вильно, 1825—26). Въ 1829 году вышла въ свѣтъ его драма «Изаора». Затѣмъ оупъ издалъ цѣлый рядъ пространныхъ поэмъ изъ эпохи романтизма, въ польскомъ перелодѣ, именно: «Пѣсни послѣдняго минстерляя» — В. Скотта, «Невѣсту Абиосскую», «Корсара» и «Мазелу» — лорда Байрона, «Огне-поклонниковъ» и «Пери и рай» — Томаса Мура, трагедію Шиллера «Дѣва Орлеанская» и романъ В. Скотта «Дѣва Озера». Оупъ также пытался создать историческую драму; но написанія имъ драматическихъ произведенія — «Felicita», «Barbara Radziwillowna», «Jerzy Lubomirski» и другія — не имѣли ни малѣйшаго успѣха.

I.

ДѢВУШКА И ГОЛУБЬ.

Ахъ ты, милый-миленькій,
Ахъ ты, мой дружочекъ!
Ахъ ты, непризнательный
Бѣлый голубочекъ!

Еслибъ съ тѣмъ мнѣ надумалось
Такъ расцаловаться,
Развѣ бы онъ изъ руки моихъ
Сталъ тревожно рваться?

Али бѣднымъ дѣвницамъ
Ждать-пождать напрасно,
Чтобъ любви мѣлодцы
Беззавѣтно-страстно?

Богъ вѣсть! — только на сердцѣ,
Что ни день, больнѣе...
Чѣмъ онъ горделивѣе,
Тѣмъ мнѣ и милѣе.

Богъ съ ними! Пусть голубчикъ мой
Голубицу мучитъ!
Пусть ему и тѣлое
Гнѣздикомъ наскучитъ!

О, теперь по ничтожѣ
Доберусь къ клубочку,
И за-то «спасибо» я
Мозваю голубочку.

Кто ко мнѣ привѣтливѣй,
Съ тѣмъ я буду строже:
Пусть меня полюбитъ онъ
Беззавѣтно тоже.

Только пусть не вѣдаеть
Тотъ, кому прискучить,
Что дѣвницъ строгости
Голубочекъ учить.

Л. Мей.

II.

ПАРЕНЬ И ДѢВИЦА.

Дѣвка въ чистомъ полѣ
Ягодки собираетъ,
Вдругъ невѣсть отколѣ
Парень подѣзжаетъ.

И пригожъ и молодѣ,
Будто маковое цвѣтчикъ:
«Гдѣ тутъ вѣдять въ городъ,
Покажи, мой свѣтликъ?»

«Насъ въ сторонку эту
Занесла охота;
Гляди: проѣзда нѣту —
Топи да болота.»

Замыкала дѣва,
Будто розанъ алый:
— «Богъ сюда налѣво
Поѣзжай пожадуй.

«Нѣтъ дороги проше:
Видишь глѣсъ кудравой —
Прямо къ этой рошѣ,
А оттуда вправо.

«Гдѣ плетень, заборъ-ать,
Мельница и рѣчка,
Ужь оттолъ и городъ
Будеть недалечка.»

Свистнулъ онъ, дрогнула
Степь съ конца до края...
Дѣвица вздохнула,
Отчего — не знаю.

Тѣмная дуброва —
Дѣвка тамъ гуляетъ;
Къ ней все тотъ же снова
Парень подѣзжаетъ:

— «Вашему народу
Чуть поддайся спросту —
Не найдешь ни броду,
Нивакова мосту.

«Вотъ новѣрь рассказамъ!
Этакъ я съ тобою
Угодилъ бы разомъ
Въ омутъ головою.»

— «Ну, слунай, коль хочешь,
Вонъ гдѣ, видишь, нива:
Ножи не замочнишь
И доѣдешь живо.»

— «Ладно, понятаю!»
Молодца не видно...
Знаю-перезнаю,
Что ей стало стыдно.

Дѣвица по нивамъ
Цвѣтчики собираетъ,
На конѣ ретивомъ
Парень подѣзжаетъ —

И кричитъ далѣко:
— «Дѣвка, ну-те къ Богу!
Тамъ оврагъ глубокой:
Вотъ наша дорога!

«Я усталъ до смерти!
Этими путями
Вѣдять развѣ черти
Ночью за дровами.

«Эдакъ не годится —
Пронадешь пожадуй!»
Вспыхнула дѣвица,
Будто розанъ алый.

Замыкала онъ взглядомъ,
Прыгъ съ коня... подходить,
Съ ней садится рядомъ,
Разговоръ заводитъ.

Такъ шептались мило
За полночь далече...
Жаль: за вѣтромъ было
Не слыхатъ ихъ рѣчи.

Какъ-то понемногу
Разобралъ я только,
Что ужъ про дорогу
Не было и толку.

Н. Бергъ.

III.

СЛЕЗЫ.

Если великъ судьбы или долга
Вѣтъ намъ разлуки минута,
Если бросаемъ, быть-можетъ, надого,
Уголъ родного прѣта —
Жаркія слезы въ часъ разставанья
Жгутъ, словно пламень, ланиты:
Только послѣднее наше свиданье,
Милый мой другъ, вспомни ты!

И для меня на далѣкой чужбинѣ
Солнце родное затмылось.

Наше грядущее въ этой пустинѣ
Мглою непроглядной закрылось;
А на былое смотрю я съвѣзъ слезы:
Сладостны слезы съ любовью!
Все мои чувства, все мысли, все грѣшны
Полны теперь лишь тобою.

Если же Богъ наградитъ ожиданья
Любящихъ, вѣрныхъ до гроба —
О, какъ при этомъ желанномъ свиданьи
Сладко наплачутся оба!
Что, что сравнится съ такими слезами,
Съ этимъ живительнымъ плачемъ!
Скоро ли, другъ ненаглядный, мы сами
Такъ при свиданьи заплачемъ?

М. Петровскій.

V. ПОЛЬ.

Викентій Польша, одинъ изъ самыхъ извѣстнѣйшихъ современныхъ польскихъ поэтовъ, родился 20-го апрѣля 1807 года, близъ города Люблина. Первые года своего дѣтства провелъ онъ въ Люблинѣ, гдѣ отецъ его служилъ и владѣлъ домомъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ Виленскій университетъ; въ 1830 году окончилъ курсъ и вслѣдъ затѣмъ отправился за границу, познакомился въ Дрезденѣ съ Мицкевичемъ, прожил нѣкоторое время на берегахъ Рейна, гдѣ ознакомился съ музой Беранже, полюбилъ его простыя, задумчивыя пѣсни и рѣшился сдѣлаться для полковъ тѣмъ, чѣмъ былъ Беранже для французовъ. Вернувшись на родину, Польша поселился въ Галиціи, и первымъ плодомъ его воображенія, возбужденнаго родными картинами, была «Пѣснь о нашей землѣ, исполненная поэзіи, блестящая по языку. Затѣмъ онъ издалъ свои «Картины изъ жизни и путешествій» и написалъ рыцарскую поему «Могорть», которую можно признать за предисловіе къ «Пану Тадеушу» Мицкевича. За «Могортью» послѣдовалъ цѣлый рядъ поэмъ и стихотворныхъ рассказовъ изъ шляхетскаго быта, матеріалъ для которыхъ у него былъ подъ рукою, такъ-какъ Галиція менѣе всѣхъ остальныхъ частей прежней Польши подвергалась измѣненіямъ со времени паденія Рѣчи Посполитой, вслѣдствіе чего нравы ея сохранили еще множество трезвыя характерныхъ особенностей. Лучшіе изъ этихъ рассказовъ: «Приключенія пана Венедикта Вилницъ»

каго», «Сенаторское согласие», «Вить Створжъ», «Тѣтушка» и «Готманский хлонецъ». Въ 1848 году Польша получила мѣсто профессора въ Краковскомъ университетѣ, которое занимаетъ до-сихъ-поръ. Затѣмъ ему было поручено Галицкимъ сеймомъ изслѣдованіе Галиціи въ географическомъ и естественно-историческомъ отношеніи. Изданный имъ въ 1864 году сборникъ стихотвореній, подъ названіемъ «Пѣсни Януша», имѣли большой успѣхъ. Во время послѣдняго польскаго возстанія, Польша читала въ Львовѣ публичныя лекціи о польской литературѣ. Курсъ этотъ былъ начатъ въ 1865 году. Кромѣ вышеупомянутыхъ сочиненій, Польша написалъ нѣсколько прекрасныхъ балладъ, легендъ и тому подобныя стихотворенія, пользующихся большою извѣстностью въ современной польской литературѣ. Полное собраніе его сочиненій было издано въ Вѣдѣ въ четырехъ томахъ.

У К Р А И Н А .

Какъ волынской край оставишь,
Да къ востоку путь направимъ —
Развернётся предъ тобой
Ширь Украины золотой.
Стень — весь міръ какъ на ладони...
Что за псы тамъ! что за кони!
И кругомъ — просторъ, просторъ:
Всюду вольно рыщетъ взоръ.
Вотъ — распусть! Стой телега!
Вперть съ моря: то-то нѣга!
Кровь играть; весь — огонь,
Чутко ухомъ водить конь.
Путь свой, въ бѣду эту пранувъ,
Измѣряй члѣмомъ кугульковъ!
Сталь козачаго коня
Искорй бѣтъ, какъ лучъ сквозь тучи.
Шломо ноюсти кинучей,
Стень, хлопочеть жизнь твоя!
Къ Пошту, въ морю-великану,
Къ тихо-шумному Лимау
Дибиръ торонится, бѣжитъ;
На вершинѣ величавой
Лавра блещеть Божьей славой:
Вѣй тутъ сердцу говоритъ:
Водный путь здѣсь польвъ тревоги:
Здѣсь — Дибровскіе пороги;
Отъ пороговъ черезъ долъ
Мчится по вѣтру орбѣ;
Въ камышахъ, во мрялѣ ноци,
Ярко блещутъ волны очи...

Чуть нагрнеть ураганъ —
Серна мигомъ притаится,
И лукава лица
Робко прячется въ бурьянъ...

В. Венедиктовъ.

И. ГОЛОВИНСКІЙ.

Игнатій Головинскій, извѣстный польскій литераторъ и переводчикъ Шекспира, родился въ 1807 году, прошолъ курсъ теологіи, былъ профессоромъ университета св. Владимира, въ Кіевѣ, ректоромъ духовной римско-католической академіи въ Петербургѣ, архіепскопомъ могодѣвскимъ и, наконецъ, митрополитомъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи. Во время своего пребыванія въ Кіевѣ, Головинскій былъ душою шляхетскаго и ультра-католическаго литературнаго кружка, собиравшагося вокругъ извѣстнаго польскаго писателя Михаила Грабовскаго. Съ перѣздомъ Головинскаго въ Петербургъ и прѣздомъ туда талантливаго польскаго романиста графа Ржевускаго, вокругъ Головинскаго составился въ сороковыхъ годахъ цѣлый кружокъ польскихъ писателей, имѣвшій своимъ органомъ «Tygodnik-Petersburski». Головинскій извѣстенъ въ польской литературѣ какъ авторъ мелкихъ стихотвореній, прараочительнаго содержанія, нѣсколькихъ богословскихъ сочиненій, изъ которыхъ лучшія — «Пилигрима» и «Проловъ», но всего болѣе, какъ переводчикъ драмъ Шекспира: «Гамлетъ», «Ромео и Джульетта», «Сонъ въ Иванову ночь», «Макбетъ», «Король Лиръ» и «Вурва», изданныхъ въ двухъ томахъ въ Вѣдѣ, въ 1840 году. Головинскій умеръ 19-го октября 1855 года въ Петербургѣ.

Л Е Г Е Н Д А .

Нѣкто неправдою владѣ захватилъ,
Вспалъ въ горшокъ и подъ печкой
Сирхатъ сокровище, непомъ закрылъ
И ни кому — ни словечка.

Хищникъ, при смерти внезапной своей,
Знать и женѣ о томъ не далъ.
Тайна хищника ни кто изъ людей
Даже и близкихъ не вѣдалъ.

Странникъ однажды вошелъ въ этотъ домъ,
Вѣдній, усталый, неснѣтый,
Проситъ дажна — склонился челомъ,
Рубищемъ жалкимъ прикрытый.

Тамъ всѣхъ родныхъ усидвши въ кружокъ,
Пиръ задавала хозяйка,
Для бѣднака жъ изъ-подъ печки горшокъ
Вынула: «на, попрошайка!»

Ншій съ молитвою всталъ и побрѣлъ:
Всяко дальнѣе — благо!
И за смирнѣе во мзду пріобрѣлъ
Золота груды бѣднака.

Такъ вѣковая легенда гласитъ:
Пусть да разоймъ надменникъ
Вѣдой всѣмъ-шкю друзей не зовитъ!
Вотъ награждаетъ смиренныхъ.

В. Венедиктовъ.

Ю. СЛОВАЦКІЙ.

Юлій Словацкій, сынъ Евгенія Словацкаго, профессора словесности въ Виленскомъ университетѣ, родился 11-го (23-го) августа 1809 года въ г. Кременцѣ, Волынской губерніи. Онъ съ самой ранней молодости сталъ обнаруживать необыкновенныя способности, а въсемъ лѣтъ уже читалъ латинскія и греческія классиковъ въ подлинникъ. Въ 1824 году Словацкій поступилъ въ Виленскій университетъ, окончилъ въ немъ полный курсъ и въ 1829 году вступилъ въ государственную службу по министерству финансовъ. Около этого времени онъ написалъ свои двѣ первыя трагедіи, «Марія Ствартъ» и «Миндоль», и повѣсть изъ времени тевтонскихъ войнъ «Гуго». Всѣ это было напечатано уже носѣ польской революціи 1831 года, въ Парижѣ; но ни трагедіи, ни повѣсть не имѣли успѣха, такъ-какъ первая сильно напомнила Шиллера, а «Миндоль» и «Гуго» были ни что иное, какъ рабское подражаніе «Граждинъ» и «Копраду Валенроду» Мицкевича. Затѣмъ, Словацкій принималъ дѣятельное участіе въ польской революціи 1831 года, но окончаніи которой поселился въ Парижѣ и посвятилъ всего себя литературѣ. Послѣдовалъ цѣлый рядъ поэмъ, написанныхъ имъ отчасти во

время революціи, отчасти уже въ Парижѣ. Это были: эпическая поэма «Днѣ Вѣлцкій», отрывокъ изъ которой, въ переводѣ Козлова, помѣщенъ въ нашемъ изданіи, стихотворная повѣсть «Витъ», «Дамбро», расказъ въ стихахъ, взятый изъ жизни греческихъ корсаровъ, и, наконецъ, повѣсти «Драбъ» и «Монахъ», отрывокъ изъ которой, въ русскомъ переводѣ, также помѣщенъ въ нашемъ изданіи. Въ 1836 году онъ перѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ написалъ свою драматическую поему «Бордянъ», имѣвшую большой успѣхъ. Затѣмъ, Словацкій посѣтилъ Италію, Египетъ и Іерусалимъ, а въ 1838 году вернулся въ Парижъ, гдѣ прошилъ цѣлыхъ три года безвѣздно. Эти годы можно назвать самыми плодотворными въ его жизни. Не считая всего имъ написаннаго въ это время, довольно будетъ сказать, что онъ въ эти три года создалъ три знаменитѣйшія свои произведенія, упрочившія его славу: трагедіи «Мазепа» и «Балладина» и несовершенный эпосъ «Вельновскій», въ родѣ Байроновскаго «Донъ-Жуана». Вообще, Словацкій имѣетъ почти такое же значеніе въ литературѣ польской, какое Гейне въ нѣмецкой и Байронъ въ европейской. Онъ былъ одарѣнъ огненнымъ и въ высшей степени подлиннымъ воображеніемъ, способнымъ создать идеалы, и вѣдкимъ остроуміемъ, нѣкимъ и ничего не щадившимъ, съ которымъ онъ осмѣливалъ всѣ идеалы и кумиры, всѣ произведенія собственной фантазіи, а наконецъ и самого себя. Въ 1842 году онъ вступилъ въ политико-религіозную секту полусумасшедшаго мистика Товянскаго, въ которой уже принадлежалъ Мицкевичъ, Гошчинскій и многие другіе извѣстные люди. Идеи, усвоенныя Словацкимъ въ этомъ мистическомъ кружкѣ поребрѣдѣнныхъ людей, выразились въ изданной имъ въ слѣдующемъ году драмѣ «Князь Марекъ». Въ 1848 году онъ написалъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній «Автору трехъ псалмовъ», направленное противъ Красинскаго. Затѣмъ, пользуясь революціоннымъ движеніемъ въ Берлинѣ, онъ отправился въ Вратиславъ, въ своей матеріи, съ которой не выдася слишкомъ дѣвятьдѣтъ лѣтъ. Въ началѣ 1849 года онъ возвратился въ Парижъ, гдѣ и умеръ 3-го апрѣля того же года. Словацкій похороненъ на Монмартрскомъ кладбищѣ, гдѣ мать поставила надъ нимъ прекрасный надгробникъ. Полное собраніе сочиненій Словацкаго было издано въ Парижѣ, въ 16 томахъ, а потомъ въ Лейпцигѣ, въ изданіи Бронгаузона «Библиотека Польскихъ Писателей» (1862, 4 т.).

ИЗЪ ПОЭМЫ «ЯНЪ ВЪЛЕЦКІЙ».

Въ Брежанахъ шумный длится балъ;
 Все гѣшитъ слухъ, пѣнается око...
 Изъ Спигзмундъ изъ гроба всталъ?
 Или Венеціи далаеой
 Шумить весѣлый карнавалъ?
 Забыты праздники и балы
 Стѣхъ-поръ какъ царствуетъ Стефанъ,
 Тогда-какъ ярко блещутъ залы
 Дворца роскошнаго Брежанъ.
 По ноцѣ грознаго магната
 Воскресъ забытый маскарадъ;
 Парчѣй и золотомъ богато
 Чертоги пышно горятъ;
 Вокругъ струятся волны свѣта.
 Въ костюмы пышные одѣта,
 Веселье общее дѣла,
 Проходитъ свита короля.
 Но гдѣ же Бона молодая?
 Изъ ядъ, угрома и бѣдна,
 Варварѣ бѣдной льетъ она?
 По заламъ движется густая
 Толпа народа; всѣхъ времени
 И странъ видѣются костюмы:
 Здѣсь ходитъ, въ думы погружонъ,
 Испанецъ гордый и угрюмый.
 Святимъ крестомъ украшенъ онъ;
 На пѣмъ одежда дорога;
 Тяжелый мечъ его блещитъ;
 Въ рукахъ испанца, замирая,
 Гитара томная звучитъ.
 Тамъ дѣва юная проходитъ,
 Вуалью скрытая густой.
 Съ ней обожатель молодой;
 Онъ чорныхъ глазъ съ нея не сводитъ.
 На дѣвѣ розовый вѣнокъ:
 Она — Неаполя цѣтокъ;
 Его жъ аскаан, вѣны полны,
 Адриатическія волны.
 Онъ съ грустью имъ «прости» сказалъ —
 И съ милой родиной расстался:
 Какъ дождь, онъ съ моремъ обѣялся,
 Какъ Тассъ — и плакалъ и страдалъ.
 Но вдругъ пришелъ въ волненью балъ:
 Ля волшебное сіянье,
 Явилась маска — царства фей
 Святые, чистое созданье:

И мракъ и свѣтъ сливались въ ней.
 Всѣ любоваться ею стали:
 Къ ней все влечетъ. Ея наряды
 Изъ драгоцѣнной сдѣлали шали;
 Алмазы крупныя горятъ,
 Ея одежду осмыла,
 И нити жемчуга, сіяя,
 Въ волнахъ мудрей ея дрожатъ.

2.

Звучитъ набатъ; со всѣхъ сторонъ
 Стремятся дикіе татары;
 Ложатся трупы, слышнень стонъ;
 Алъбетъ зарево пожара.
 Но кто ихъ грозный атаманъ?
 Кто ихъ паша, ихъ предводитель?
 И какъ онъ могъ изъ дальнихъ странъ
 Попастъ въ далекую обитель?
 И на грабѣжъ и въ грозный бой
 Ихъ неустанно направляетъ
 Какой-то витязъ молодой
 Въ чашѣ съ серебряной душой.
 Вокругъ все рушится, пылаетъ,
 Кровь льется — всюду смерть и адъ,
 А мечъ вождя — литой булатъ —
 Своихъ ножонъ не покидаетъ;
 Лишь взоръ искрится, какъ кинжалъ,
 И проситъ крови. Въ свѣтлый залъ
 Ворвался вѣтеръ: гаснутъ свѣчи,
 Лишь въ лампахъ тусклый свѣтъ дрожитъ.
 Съ брежанскимъ паномъ ищетъ встрѣчи
 Татарскій вождь — и вотъ стоить
 Онъ передъ нимъ, мечемъ сверкала.
 О, небо! этотъ мечъ не разъ
 Сверкала въ тяжелой битвы часъ,
 Поля родныя защищая.
 На пѣмъ, въ насѣчѣхъ золотой,
 Пречистой дѣвы ликъ святой
 И тербъ видѣется богатый,
 Наслѣдство славной старины:
 Звѣзда и свѣтлый рогъ луны,
 А надъ дуною шлемъ пернатый.
 Вслеснула сталь — и папъ упалъ
 Въ крови. Татаринъ засмѣялся:
 Тоской и злобою звучать
 Ужасный смѣхъ и повторился
 Протяжнымъ эхомъ ряда залъ.
 И неагома услыхала
 Тотъ смѣхъ провинительный, какъ жало:
 Раздался стонъ, тяжелый стонъ —

Тоской и мутьъ былъ погонъ онъ —
 И на звукъ бѣдна упала,
 Какъ бы сражонная грозой;
 Въ ней жизнь, казалось, перестала
 Играть. Татаринъ молодой
 Упалъ предъ нею на колѣна.
 Онъ хочеть жизнь въ себѣ вдохнуть
 Дыханьемъ пламеннымъ: изъ пѣна
 Освободилъ младую грудь,
 Падаютъ страстно очи милой,
 Зоветь ее, но зовъ унылый
 Не слышнень ей: предъ нимъ она
 Лежитъ, какъ статуя, бѣдна;
 Коса распущена густая,
 Разорванъ розовый вѣнокъ;
 Чело волнами покрывалъ,
 Душнѣхъ локоновъ потокъ
 Скользитъ по ней; закрыты очи...
 Но что за шумъ? Кругомъ горитъ...
 И онъ поднять ея свѣтитъ —
 И исчезаетъ въ мракѣ ноцн...

3.

Она очнулась. Боже, гдѣ она?
 Предъ ней встаетъ прошедшаго видѣнье...
 Вокругъ нея и мракъ и тишина;
 Она на все глядитъ въ недоумѣнья.
 Въ часонѣхъ зѣма бѣдна луна
 Бросаетъ свѣтъ печальный и унылый.
 Темно и страшно. «Ты ли это, милый,
 По-прежнему стоишь передо мной?
 Твой лобъ закрытъ турецкою чалмой:
 Сними еѣ, и дай мнѣ въ уносыны
 Взглянуть хоть разъ на милныя черты!»
 Онъ снялъ чалму. Тяжело мгновенье!
 «О, милый мой! какъ страшенъ, бѣденъ ты!»
 Онъ засмѣялся; грудь рвалась отъ муки;
 Тяжелый смѣхъ молчанье пробудилъ —
 И престопагъ онъ: «да, и имѣннлъ:
 Я ренегатъ!» И трижды эти звуки,
 Отчаянья и ужаса полны,
 Съ насмѣшкой злой были повторены
 Дрожащимъ эхомъ, другомъ разрушенья.
 «Когда сіяло счастье надо мной»,
 Онъ продолжалъ, исполненный волненья:
 «Я былъ нимымъ — и сердцемъ и душой;
 А нынѣ мнѣ все печетъ объ измѣнѣ
 И отверженя страшнаго початъ
 Ложитъ на мнѣ. Ужели мнѣ сіять,
 Когда встають страдальческія тѣни,

Когда, коправъ снвновою любовь
 Къ землѣ родной, я лью свитую кровь
 И слышу лишь проклятія и стоны?
 Взгляни вокругъ: старинныя иконы
 Пугаютъ взоръ; луной освѣщены,
 Они теперь и бѣдны и темны,
 Но только день, сіяя надъ полями,
 Ихъ освѣтитъ весѣлыми лучами,
 Они опять зажгутся, заблестятъ.
 Такъ и лицо прожитый намъ рядъ
 Счастливыхъ дней блаженствомъ озаряетъ;
 Но чуть но нѣмъ страдающа лучъ скользнетъ,
 Оно бѣднѣтъ и гаснуть начинаетъ,
 Тоска какъ фабръ спускается — и вотъ
 Могильный слезъ собой напоминаетъ.
 Безцѣнный другъ! покинь родимый край!
 Не покидай, мой другъ, не покидай
 Несчастнаго! взгляни, какъ онъ страдаетъ!
 Сорви его хладную грудь,
 Дай бѣднику забыться и заснуть:
 Въ его душѣ безмолвное мученье;
 Склони къ нему сіяющій твой взоръ,
 Чтобы онъ забылъ, хотя бы на мгновенье,
 Отчаянье, несчастье и позоръ;
 Открой ему горячія объятія,
 Страданья свѣтъ съ печальнаго лица...»
 — «А мой отецъ?» — «Покинь, забудь отца!
 Пускай онъ плѣтъ тебѣ свои проклятія!
 Пускай клинуетъ отечество и братья!
 Чего дрожатъ? Проклятіе — звукъ пустой.
 Есть чудный край: бѣги туда со мной!
 Тамъ ты найдѣшь роскошныя палаты,
 Въ садахъ тѣшитъхъ волны ароматовъ...
 Другей найдѣшь... тамъ ярко сіяетъ свѣтъ...
 Тамъ все, тамъ все — одной отчизны нѣтъ!»

П. Козловъ.

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ «МОНАХЪ».

I.

ИСПОВѢДЬ.

«Подъ расой чорной, въ кельѣ душной,
 Кончаю и тяжелый путь
 И покидаю свѣтъ бездушный.
 Слабѣетъ духъ, митѣтся грудь...
 Подъ головою моею камень —
 На пѣмъ усну. Вокругъ меня

Темпётъ — гаснетъ жизни пламень;
Какъ пальма степи вьну я.
Съ душою полною гордыни,
Когда-то, грозень и могучь,
Я былъ вождемъ сыновъ пустини;
Мени дѣлать счастья лучь.
Внимая голосу свобода,
Глядя на леба звѣздный рой,
Я забивалъ тоску невзгоды,
Мирился съ горькой нищетою...

«Разъ, погруженный въ размышленье,
Я ѣхалъ — возгъ ни кого —
Какъ вдругъ изъбитное пѣнье
Коснулось слуха моего.
Тревожа сонъ степи безлюдной,
Тотъ гимнъ божественный въ горахъ
Звучалъ торжественно и чудно
И на землѣ и въ небесахъ.
Къ нему восторженно я мчался —
И вотъ всё ближе, громче онъ:
То тихій кдокола звонъ
Во храмѣ ночи раздавался.

«Моглись иноки... Во храмъ
Вошелъ я въ страхъ и смитеньи...
Горѣли свѣчи; лилось пѣнье;
Кругомъ восился онимаъ.
На стѣнахъ звѣзды золотыя
Горѣли въ блескахъ зори;
Волнами свѣта облитые,
Взлетѣли лрво алтари;
Какъ пальмы горъ, колонны храма
Видѣлись, золотомъ горя...
Вдругъ въ свѣтлѣхъ волнахъ онимаа
Побесный ликъ увидѣлъ я.
То ангелъ былъ! Одѣтъ лучами,
По храму тихо онъ летѣлъ
И лучезарными глазами
Мнѣ въ душу тѣмную глядѣлъ.
Творя горячя мозеня,
Сули надежду, онъ парилъ...
Я нагъ во прахъ... Съ того мгновенья
Я вѣрѣ предковъ изъзнавалъ...»

2.

ТѢНЬ ЗАРЯ.

«Ты услышалъ мой стонъ унылый!
Златые сны минувшихъ дней

Въ тебѣ воскресли съ новой силой —
И образъ свѣтлый, образъ милый
Душѣ представился твоей!

«Ты позабылъ стихи корана,
Пророка гнѣва не боюсь...
Не измѣнилъ синамъ Ирана;
Храни святяно таисмана,
Вопни пророку въ смертный часъ!

Припомни: пламенныхъ явленій
Пустыня свѣтлая полна;
Надъ ней несется рядъ видѣній:
Я въ нихъ живу, какъ эти тѣни,
Неуловима и блѣдна.

«Я на лучѣ дрожащемъ свѣта
Къ тебѣ примчалась въ часъ ночной;
Любовью грудь моя согрѣта;
Лицо, съ улыбкою прѣята,
Сияетъ прежней прасотою.

«Холоднымъ призракомъ могнямъ
Я не пришла тебя пугать...
Свѣтла, какъ ангелъ легковѣрный,
Хочу по прежнему, мой милый,
Тебя дѣлать и ласкать.

«Желаньемъ нравиться объята,
Я очи всприснула росой,
Липо горитъ лучомъ заката
И кудри полны аромата,
Какъ розы рання весной.

«Ужъ близокъ часъ послѣдней муки,
А близъ тебя монахъ сидитъ
И крестъ твой скрываетъ руки:
Онъ намъ сулитъ тоску разлуки,
Разлукой вѣчною грозитъ.

«Забудъ его — падѣтъ преграда
И ты со мной сойдѣшься вновь
Въ странѣ, гдѣ цѣна и прохлада,
Гдѣ мирно царствуетъ отрада,
Гдѣ счастье вѣчно, какъ любовь.

«Тамъ зеленѣютъ кущи райа,
Иного солнца прѣлетъ лучь,
Сияетъ тамъ луна иная,
Цвѣтны цвѣтуютъ не увядая,
Потокъ прозраченъ и гвучитъ.

«Презрѣвъ людское самовластье,
Мы улетимъ въ страну тѣней,
И тамъ, вьнуша сладострастье,
Узнаемъ истинное счастье,
Вдали отъ свѣта и людей!

«Твой часъ насталъ... слабѣютъ силы...
Мой милый, смерть тебя зоветъ,
А ты молчишь... Прости, мой милый!
И на землѣ и за могилой
Разлука вѣчная насъ ждѣтъ!...

П. Козловъ.

ГРАФЪ С. КРАСИНСКІЙ.

Графъ Сигизмундъ Красинскій родился въ 1812 году въ Парижѣ, откуда, на третьемъ году, былъ привезенъ матерью въ Варшаву. Въ 1829 году онъ снова выѣхалъ за-границу, гдѣ пробылъ около трехъ лѣтъ, путешествуя по Германіи, Италіи, Швейцаріи. Въ Италіи онъ встрѣтился съ Мицкевичемъ и подружился съ нимъ. Въ 1832 году онъ вернулся, по желанію отца, въ Варшаву, но бывалъ въ Петербургѣ и снова уѣхалъ за-границу. 1833 и 34 года онъ провѣлъ въ Вѣнѣ, потомъ жилъ въ Италіи и въ Римѣ, гдѣ написалъ своего «Ирдиона». Познакомившись съ сьузасшедшимъ мистикомъ Товянскимъ, онъ было увлѣкся его ученіемъ, но скоро одумался и прекратилъ съ нимъ всѣ сношенія. Затѣмъ, до самой своей смерти, онъ безпрестанно переѣзжалъ изъ одного города въ другой, изъ одного государства въ другое, и скончался въ 1859 году въ Парижѣ въ то самое время, когда, получивъ телеграмму изъ Варшавы о смерти своего отца, собирался ѣхать въ Польшу. Аристократъ и римскій католикъ, онъ былъ всѣмъ сердцемъ привязанъ къ политическимъ и религіознымъ идеаламъ прошедшаго, но умомъ понималъ, что эти идеалы разбиты и что выработывающійся новый міръ никогда къ нимъ не возвратится. «Поэтъ развалишь», говоритъ К. Снасовичъ, «онъ выразилъ свою трагическую скорбь о прошедшемъ и изобразилъ борьбу непримиримого новаго съ вѣднѣмъ, но омертвившимъ прошлымъ въ цѣломъ рядѣ философско-символическихъ драмъ на манеръ Каульбаховой живописи, изъ которыхъ самыя замѣчательныя двѣ: «Ирдионъ» и «Небожественная комедія». Въ драмѣ «Ирдионъ», взятой изъ рим-

ской жизни, времѣнь Геліогобала, основная мысль та же, что и въ «Ионрадѣ Валленпротдѣ» Мицкевича, но задача разрѣшается иначе. Ирдионъ, сынъ мести, погибаетъ самъ, но будучи въ силахъ разрушить ненавистный ему Римъ, и на развалинахъ Рима торжествуетъ не онъ, а христіанство. Въ «Небожественной Комедіи» описывается кровавая побѣда черни, совершающей социальную революцію воима наущающаго хлѣба и устроющей государство по своему, безъ дворянъ и первей, безъ заботы о другихъ потребностяхъ человека, кромѣ матеріальныхъ. Страдая въ ожиданіи социальной революціи, Красинскій находилъ успокоеніе въ мистической вѣрѣ въ великое будущее назначеніе его народа. Той же мистической вѣрой одушевлены и другія его лирическія поэмы, какъ, напримѣръ: «Разсвѣтъ», «Шелмы будущаго» и другія. Два главныя произведенія Красинскаго, «Ирдионъ» и «Небожественная Комедія», написаны прозой и потому переводы изъ нихъ не могли войти въ предлагаемое изданіе, послѣднее исключительно образцамъ славянскихъ поэтовъ, тогда-какъ слава Красинскаго преимущественно находится на этихъ двухъ произведеніяхъ. Чтобы напомнить этотъ пробѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать нашимъ читателямъ хотя нѣкоторое понятіе объ оригинальномъ стилѣ Красинскаго, мы помѣщаемъ здѣсь нѣсколько начальныхъ страницъ «Небожественной Комедіи» въ переводѣ Н. В. Берга:

1.

Звѣзды вокругъ главы твоей; подъ твоими ногами волны моря; на волнахъ моря радуга горитъ предъ тобою и расцвѣтаетъ туманъ. Что ни узришь — всё твоё: берега, грады и люди тебѣ принадлежатъ; небо тоже твоё — и мнѣнсе ничто не превыситъ Славы твоей! Ты смилень чуждымъ ушамъ непонятныя, дивные звуки; смиленае сердце и распетаеиъ ихъ, какъ вѣнокъ, ирралице перестовъ твоихъ; исторгаеиъ слезы, сунуишь ихъ улыбкой и снова сдуваешь съ устъ улыбку на одно мгновение — на нѣсколько мгновень — порою на-вѣно. Но что чувствуешь самъ? но что творить самъ? что мыслишь? Отъ тебя бѣжитъ потокъ прекраснаго, но ты не прерасеиъ. Горе тебѣ, горе — дитя, плачущее на груди няньки! Полевой цвѣтокъ, не вѣдающій о своемъ благоуханіи, больше чѣмъ ты заслуживаешь предъ Господомъ. Откуда въ возникъ ты, ничтож-

ний призрак, который даёшь чувствовать свѣтъ, по свѣту не имѣешь — не выдашь, не увидишь? Кто тебя создал во глѣбѣ или въ припадкѣ иронии? Кто далъ тебѣ жалкую жизнь, столь предательскую, кто тебѣ удаётся на мигъ прикиннуться ангеломъ, прежде чѣмъ застринешь въ грязи, прежде чѣмъ, какъ червь, станешь пресмыкаться и заходешься въ тишѣ? Тебѣ и женщинѣ одно начало! Но и ты страдаешь, хотя твои муки ничего не создаютъ, ни къ чему не приведутъ. Стоялъ посѣдито бѣдняка станеть между звуками арфы небесныхъ. Твое отчаяніе и вздохъ падаютъ внизъ; сатана ихъ собираетъ, весело подмѣшываетъ ко своей лжи и обманамъ — и Господь иногда отречётся отъ нихъ, какъ они отречены отъ Господа. Не на тебя, однако, я ропщу, Поэзія, мать Красоты и Спасенія! Носчастливыхъ только тотъ, кто въ мірахъ, начавшихъ существованіе и въ мірахъ, долженствующихъ скоро исчезнуть, грезитъ о тебѣ, чувствуетъ тебя — ибо ты губишь только глѣхъ, кто посвящая себя тебѣ, кто ставъ живымъ глаголомъ твоей славы. Благословенъ тотъ, въ комъ ты живёшь, какъ Богъ живётъ въ свѣтѣ, невидимый, неслышимый, проявляющийся въ каждой части его, великій Господь, передъ которымъ падаютъ ницъ творенія и восклицаютъ: «Онъ здѣсь!» Избранникъ сей будетъ носить тебя какъ звѣзду на челѣ своёмъ и не отбѣдится отъ любви твоей бездумно слова. Онъ будетъ любить людей и выступитъ мужемъ посреди братьевъ своихъ. А кто тебя не сохранитъ, кто преждевременно измѣнитъ тебѣ и бросятъ въ погубу людей, тому уронитъ ты нѣсколько члѣтовъ на чело и отвергнись, а онъ станеть гнѣшиться увидящими члѣвами и плести изъ нихъ вѣнокъ въ теченіе всей жизни. Ему и женщинѣ одно начало.

2.

Ангель хранитель. Миръ добрымъ! Благословенъ среди твореній, кто имѣетъ сердце! Онъ еще можетъ быть спасёнъ — живъ для него жена добрая и цѣломудренная, и пусть родится дитя въ дому его. *(Пролетаетъ.)*

Хоръ злохъ духовъ. Скорѣе, скорѣе, приидиѣни, неситехъ къ нему! и ты впереди всѣхъ, тынъ наложницъ, вчера умершей! Обложонная мглою и убранныя члѣвами, дѣвица, возлюбленная поэта, впереди! И ты лети туда же, Слава, станое чучело орда, набитое въ аду, снятое съ кол-

ка, на которомъ повѣсилъ тебя осенью стрѣлокъ! лети, раскинь крылья надъ головою поэта, огромныя, бѣлыя отъ солнца... Выиди изъ-подъ нашихъ склеповъ, тѣнный образъ Эдема, созданіе Вельзевула! Валенимъ дыри и покровомъ ихъ лакомъ — и потомъ чародѣйское полотно свернешь въ тучу и лети къ поэту, раскинешь около него, окружъ его скалами и водами, представъ ему и ночь и день! Мать природа, обойми поэта!

3.

Дерева. Церковь.

Ангель хранитель *(пая надъ церковью)*. Если не казнишь влѣтѣвъ во-вѣни, будешь братомъ моимъ передъ лицомъ Отца небесаго! *(Исчезаетъ.)*

4.

Внутренность церкви. Свидѣтел. Сѣбя на алтарѣ.

Священникъ *(отмѣаетъ)*. Помните о томъ...

(Мужъ жмётъ руку жены и отдаётъ её родственнику. Вѣсь, кроме мужа, высидитъ.)

Мужъ. Я принялъ земной объѣтъ, ибо намолю ту, о которой мечтаю. Проклятія главъ мой, если я перестану её любить!

5.

Комната поэина народомъ. Бѣкъ; музыка; свѣчи; цѣнты.

Молодая *(вальсируетъ и посылъ несколькохъ тюрвовъ останавливается, нечаянно встрѣчаетъ мужа въ толпѣ и опускаетъ голову на его плечо)*. Молодой. Какъ ты прекрасна для меня въ своёмъ утомленіи! Члѣвты и жемчугъ приняла въ беспорядокъ на волосахъ твоихъ; ты издаешь отъ себя и утомленія. О, вѣчно, вѣчно будешь ты моею вѣсною!

Молодая. Буду вѣрно тебѣ женою, какъ твердила мнѣ мать, какъ твердила сердце. Но здѣсь столько народу... такъ жарко и шумно...

Молодой. Поди танануѣ еще, а я буду здѣсь стоять и смотрѣть на тебя, какъ иногда въ мечтатъ моихъ смотрѣлъ на рѣющихся ангеловъ.

Молодая. Пойду, пожалуй, если хочешь; но я такъ устала...

Молодой. Прощу тебя, душа моя... *(Танецъ и музыка.)*

6.

Мрачная ночь: на небѣ тучи.

Злой духъ *(пролетая въ образѣ дѣвицы)*. Еще недавно бѣгала я по землѣ въ такую точно пору. Теперь дьяволъ мною недоволенъ и велеть мнѣ разгнѣвать святую. *(Пролетая надъ садомъ.)* Члѣвты, срывайтесь и летите въ мои волосы! *(Летитъ надъ кладбищемъ.)* Свѣжестъ и предестъ умершихъ дѣвъ, разлитія въ воздухѣ, носящіяся надъ могилами, летите къ ланитамъ моимъ! Здѣсь разлагается черноволосая: мракъ ея мудрей повисни надъ моимъ челомъ! Подъ этимъ камнемъ два уташихъ лазурныхъ ока: ко мнѣ, по мнѣ огонь, который въ нихъ искривилъ! За этой рѣшоткой нмадетъ сто свѣчей — сегодня похороны князю: атласная одежда, бѣлая какъ молоко, сорвись съ нея! Сноровъ рѣшотку летитъ ко мнѣ одежда, шумя какъ птица крыльями. Дальше, дальше!

7.

Опочивальныи покой.

Ночная лампа стоитъ на столѣ и слабо освѣщаетъ Мужа, спящаго подлѣ Жены.

Мужъ *(сказавъ сонъ)*. Откуда ты, давно-невиданная, неслыханная? Какъ пливѣтъ потокъ, такъ движутся твои ноги, двѣ бѣлыя волны; священная тишина царствуетъ на челѣ твоёмъ. Все, о чёмъ я грезилъ и чтѣ любилъ, слилось въ тебѣ! *(Пробуждается.)* Гдѣ я? А, подлѣ жены! Это моя жена! *(Всмотривается въ жену.)* Я думалъ, что это ты мнѣ грезилась; но грѣза моя, послѣ долгаго перерыва, воротилась — и на тебя не похожа. Ты добрая и милая, а та... Боже, что я вижу — на яву!

Дѣвица. Ты измѣнилъ мнѣ! *(Исчезаетъ.)*

Мужъ. Да будетъ проклятъ часъ, когда я женился и бросилъ возлюбленную прежнихъ лѣтъ, мысль мыслей моей, душу души моей!

Жена *(пробуждается)*. Что это — или уже день — подана карета? — вѣдь намъ нужно сегодня ѣхать по дѣламъ...

Мужъ. Глухая ночь: спи, спи крѣпко! Жена. Уже не занемогъ ли ты, мой милый? Постою, и встану и дамъ тебѣ эону.

Мужъ. Засни. Жена. Скажи, милый, чтѣ съ тобой? Ты говоришь не своимъ голосомъ, въ лицѣ жаръ... Мужъ *(порывисто)*. Мнѣ нуженъ свѣжій воздухъ... Устаешь — ради Бога не ходи за мною! не вставай, повторяю тебѣ еще разъ. *(Уходитъ.)*

8.

Садъ при свѣтѣ мѣсяца. За стѣною церковъ.

Мужъ. Со дня женитбы я сналъ своимъ оцѣнѣльнхъ, своимъ плотогляднхъ, своимъ фабрикантапима подлѣ жены нѣмки... Весь свѣтъ какъ-будто заснулъ вокругъ меня, подражая мнѣ... Я ѣздилъ по роднымъ, по докторамъ, по магазинамъ и думалъ о кормилнѣ, потому-что у меня должно родиться дитя... *(Бѣтъ два часа на колокольни церкви.)* Ко маѣ, пресвятой мѣрт, царство полное жизни и движенія, откинувшейся мыслямъ моимъ, послушно моему вдохновеню! Звонъ ночного колокола былъ нѣкогда вашимъ знакомъ. *(Ходитъ и заламываетъ руки.)* Боже, Ты ли спотыкаешь союзъ двухъ существъ, Ты ли изреченъ, что никакая сила не разорветъ ихъ, хотя бы души пошлн врознь, каждая въ свою сторону, а тѣла остались другъ подлѣ друга, точно группа? *(Входитъ дѣвица.)* Снова ты здѣсь... О, ты, моя, моя! Возьми меня къ себѣ! Если ты ничто иное, какъ обманъ, если я тебя выдумалъ, если ты возникла изъ меня и теперь являешься мнѣ, пусть я и стану призракомъ, мечтою, димомъ, только бы соединился съ тобой. Во всякое мгновеніе я твой.

Дѣвица. Помни! Не пойдѣи ли ты за мною, если я приеду когда-нибудь за тобой?

Мужъ. Останься — не разсывайся какъ сонъ. Если ты чудю изъ чудесъ красоты, если ты мысль надо всѣми мыслями, отчего ты не существешь долѣ чѣмъ одно желаніе, одна мысль? *(Въ блуждающемъ домѣ открывается окно.)*

Голосъ женщины. Другъ мой, холоду ночи падѣтъ тебѣ на грудь; воротись, мое сопроче: мнѣ szükség одной въ этомъ черномъ, огромномъ покой.

Мужъ. Хорошо... сейчасъ... Духъ истевъ, но обидаль воротиться... Тогда пропай и садикъ, и домикъ, и ты, созданная для садика и для домика, но не для меня!

Голосъ. Сидалься — къ утру становится всё холоднѣе и холоднѣе...

Мужъ. О, дитя мое!.. Господи! *(Уходитъ.)*

9.

Завя; двѣ свѣчи на фортепьяно; въ углу колыбель съ спящимъ ребенкомъ.

Мужъ сидитъ въ креслахъ, съ милою закрытыми руками; Жена за фортепьяно.

Жена. Я была у отца Веніамина: общалась послѣ завтра...
Мужъ. Спасибо.

Жена. Посылаю также къ кондитеру, чтобы приготовилъ нѣсколько тортовъ — ты вѣрно навралъ много гостей на крестинъ — знаешь, покладнице, съ невзломъ Юрія Станислава.

Мужъ. Спасибо.

Жена. Дать Богъ, исполнится какъ слѣдуетъ обрядъ — и нашъ Юра станетъ настоящимъ христіаниномъ. Хотя онъ и крещенъ уже водою, но, всё мнѣ кажется, чего-то не достаѣтъ. (*Пододвинуть къ колыбели.*) Сии, мое дитя! или тебѣ что приснилось, что ты сбросилъ одеяльце? Вотъ такъ—теперь лежи спокойнѣе! Юрѣ сегодня что-то не спится. О, мой крошка, мой ангелъ, спи!

Мужъ (*въ сторону*). Душно—паритъ: будетъ буря. Тамъ скоро грянетъ громъ, а здѣсь разорвется мое сердце...

(*Жена возвращается, садится за фортепьяно, и играетъ, перестаетъ играть; снова начинаетъ и снова перестаетъ.*)

Жена. Сегодня, вчера — о, Боже мой! — цѣлую недѣлю — даже три недѣли, мѣсяцъ — ты не скажешь со мною слова — и всё, чего не увижу, говорю, что я дурно гляжу...

Мужъ (*въ сторону*). Настала минута — ничто ея не отвратитъ! (*Громко*) Напротивъ, мнѣ кажется, ты хорошо смотришь.

Жена. Тебѣ всё равно, потому что не глядишь на меня, отворачиваешься, когда я вхожу, и закрываешь глаза, когда я сижу близко. Вчера я была у исповѣди и припоминала себѣ всё грѣхи; но не наша ничего такого, чѣмъ бы могла тебя оскорбить.

Мужъ. Ты ни чѣмъ не оскорбляла меня.

Жена. Боже мой! Боже мой!

Мужъ. Я чувствую вполнѣ, что обязанъ тебя любить.

Жена. Ужь это мнѣ: «обязанъ, обязанъ» Лучшее сказали: «я не люблю тебя»; но-крайней-мѣрѣ я буду знать всё, всё. (*Воскакиваетъ и хватается дитя на руки.*) Его только не оставай, а ужъ я всё снесу! дитя моё люби—дитя моё, Генрихъ! (*Становится на колѣни.*)

Мужъ (*оставая*). Не обращай вниманія на то, что я сказалъ: на меня находятъ часто такіа минуты — такая тоска...

Жена. Объ одномъ тебя прошу — дай слово, что всегда будешь его любить.

Мужъ. И тебя, и его — вѣрнѣ. (*Цалуетъ её въ лобъ — а она обнимаетъ его руками. Въ эту минуту раздаётся ударъ грома, потомъ музыка, аккордъ за аккордомъ, всё диче и диче.*)

Жена. Что это значитъ? (*Прижимаетъ дитя къ груди. Музыка утихаетъ.*)

Давида (*входя*). О, мой милый! я приношу тебѣ благословеніе и восторги — ступай за мной! О, мой милый, сбрось земныя дѣши, которыя тебя связываютъ! Я со свѣта много, безъ конца, безъ ночи... Я твои!

Жена. Заступница святая, защити меня! Это привидѣніе блѣдно, какъ мертвецъ, очи угасли, голосъ точно скрипъ телеги, на которой везутъ трупы...

Мужъ. Чело твое ясно, волосомъ усѣяны цвѣтами, о, милая!

Жена. Изорванный саванъ виситъ поскутыями у нея по плечамъ...

Мужъ. Свѣтъ разливается вокругъ тебя. Проговори слово — и я погибъ...

Давида. Та, которая тебя удерживаетъ — ничто иное, какъ обманъ: жизнь ея мгновенна; ея любовь — древесный листъ, умирающій среди тысячи другихъ заохшихъ листьевъ; май же нѣтъ конца...

Жена. Генрихъ, Генрихъ, закрой меня, закрой: я слышу сѣру и запахъ могилы.

Мужъ. Женщина изъ глина и грязь, не ревнуй, не говори такихъ словъ, не богохульствуй! Выгляни — это первая мысль Бога о тебѣ; но ты послушалась змія и стала тѣмъ, чѣмъ есть...

Жена. Я не пушу тебя.

Мужъ. О, милая! я покидаю домъ и иду за тобою. (*Уходитъ.*)

Жена. Генрихъ! Генрихъ! (*Падаютъ безъ чувствъ съ ребенкомъ на рукахъ. Второй ударъ грома.*)

I.

ПРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

Другъ мой, въ прошлое взгляни ты:
Помнишь южные брега,
Величавые граниты,
Вѣковѣчные сѣта?

Такъ далеко, такъ высоко,
Что едва достигнешь око!
А въ долині, а внизу,
Съ горъ ручей бѣжитъ чуть-слышный
И расширяется пышный
Виноградъ свою лозу;
И, въ обитіи богатомъ,
Спать возносится за снагомъ,
Выше, ниже, тамъ и здѣсь,
Скаты за снагомъ, предъ закатомъ
Блѣда серебромъ и златомъ —
И наполненъ ароматомъ
Розъ и лилій воздухъ весь.
Всё, къ чему не обращаю
Взоръ мой — съ краю и до краю
Всё цвѣтѣтъ, подобно раю,
Всё — Знждителя чертогъ:

Эти доли и стремнины,
Эти гордыя вершины,
Эти льдины: тамъ единый
Надо всёми и всюду — Богъ!

Скази сумрачнѣй и диче;
Вдаль уходитъ задъ:
Въ ней со мною — Беатриче
Незаглядная мои.

Изъ-за Альпы дуна восходить
И волшебный свѣтъ наводитъ
На утѣс и на доль;
И, въ волнѣхъ дробяся чистой,
Вкругъ нея она лубящая
Распустила ороель —
И стоить Любови поэта,
Въ море святая, передъ нимъ,
Въ море свѣта, въ бласкъ одѣта,
Ангелъ Божій — херувимъ.

Занятъ огнѣмъ дорога...
Прочь забота! прочь тревога!
Какъ легко, отрадно мнѣ!
Мы летимъ на лодкѣ шибкой,
Отражаясь въ влагѣ зибкой,
Въ чистой, зѣральной волнѣ.
Мы одни теперь съ тобою
Надъ мучной голубою,
Въ этой райской тишинѣ!

Занятъ огнѣмъ дорога...
Вотъ задъ вошла въ заливъ...
Прочь забота! прочь тревога!
Какъ божественно, какъ много,

Какъ глубоко я счастливъ!
Всѣ печали, горе, смуты
Въ эти сладкія минуты
Я забылъ; душа полна
Дивныхъ образовъ: ей снится,
Ей, въ блаженствѣ этомъ, мнится,
Будто тамъ встаетъ она,
Наша милая, святая,
Яро, искристо блестяя.
Той же славою повѣта,
Какъ въ былыя времена...

Ясный мѣсяцъ не заходитъ
И не хочетъ скрыть лица:
Всѣ намъ свѣтитъ, всё увидитъ
Вдаль насъ, вдаль насъ — безъ конца!

Берегъ, скалы, роши — мимо!
Вдаль летитъ неутомимо
Наша лодка всё быстрѣй...
Миръ исполненъ сна и лѣни...
Ты склонился на колѣни...
Вотъ съ альпійскихъ къ намъ ступеней
Сходятъ тѣни — миръ виднѣй:
Дай мнѣ, дай его скорѣй!

Н. БЕРГЪ.

II.

Отъ слезъ и крови мутны и черны,
Клубятся волны жизни, вѣчнымъ стономъ
И скрежетомъ зубовъ оглашены.
Въ туманѣ похоронномъ
Безпалудный берегъ прошлаго исчезъ;
А впередъ далѣй край небесъ
Кровавымъ заревомъ пылаетъ.
Вокругъ плывущихъ мракъ сирой,
Знобитъ ихъ стужа — и съ тоской
И воплемъ каждый повторяетъ,
Плывя во тьмѣ: «проплате надо мной!»

М. Михайловъ.

I. КРАШЕВСКІЙ.

Иосифъ Игнатій Крашевскій, одинъ изъ плодовитѣйшихъ и любимѣйшихъ современныхъ поль-

сних писателей, родился 14-го (26-го) июня 1812 года в Варшаве, в богатой дворянской семье и провёл первые дни детства в долах своего дяди. Первоначальное образование получил он в школе ректора Преяса, в Бяль, в Люблинском училище и гимназии в Свислочи, после чего поступил в Виленский университет. По окончании полного курса в этом послѣднемъ заведеніи, Крашевскій извѣстилъ желание занять кафедру польскаго языка и литературы при университетѣ св. Владиміра, въ Киевѣ. По неспитаніи, мѣсто это было назначено ему, но, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, онъ не могъ принять его — и удалился въ тишину частной жизни, чтобы предаться любимымъ своимъ занятиямъ: литературѣ, музыкѣ и живописи. Въ 1836 году онъ женился, и поселился съ своимъ семействомъ на югѣ Россіи, въ городѣ Ягтомирѣ, гдѣ прожилъ до начала шестидесятихъ годовъ. Въ настоящее время онъ живётъ в Варшавѣ. Крашевскій можетъ называться однимъ изъ плодотворнѣйшихъ писателей нашего времени. Кроме шестидесяти томовъ журнала «Атепей», издававшихся двадцать лѣтъ подъ его редакціею, издало имъ до ста томовъ своихъ собственныхъ сочиненій; изъ нихъ нѣкоторыя дошли до третьего изданія. Не говоря о множествѣ повѣстей его, называемъ «Исторію Литвы», въ трёхъ томахъ, «Исторію Вильны», въ четырёхъ частяхъ, «Шестешие по Волынѣ и въ Одессѣ», «Памятники исторіи Польши», три большія поэмы изъ старопольскихъ азвѣскихъ преданій: «Витольдожда», «Милдось» и «Виты Витольда». Всѣ сочиненія Крашевскаго носятъ на себѣ печать замѣчательнаго дарованія. Они отличаются вѣрнымъ изображеніемъ предметовъ, естественнымъ и вѣрнѣйшимъ эффектнымъ изложеніемъ и блестящимъ слогами. Въ основѣ всякаго его произведенія лежитъ какой-нибудь современный вопросъ, но проводится этотъ вопросъ болѣе сердцемъ, нежели головою. Онъ рассматриваетъ всякое общественное положеніе, чтобы объяснить его и приискать разрѣшеніе на всѣ вопросы, волнующіе общество. Его обширныя свѣдѣнія дѣлаютъ ему доступнымъ каждый предметъ — и это даётъ ему точное мѣсто не только между писателями своего отечества, но даже и между европейскими знаменитостями. Его сочиненія переведены не только на русскій и чешскій языки, но и на нѣмецкій и французскій.

СЛАВЯНСКІЙ ПОЭТЪ РУССКОМУ.

Пой, молодой пѣвецъ! Твой не напрасенъ трудъ:
Твои слова миллиона братьевъ ловятъ!
Твои соотчичи давно поэтовъ ждутъ
И имъ вѣки завроне готовы.

У насъ — у насъ вездѣ и тѣсно и темно:
Намъ не сорвать съ прошедшаго печати!
Удѣлъ униженныхъ — очтаные одно!
Какая пѣсь покажется имъ встати?

Пой, молодой пѣвецъ! вся будущность — твой!
Пой намъ о всемъ, что на сердцѣ вскапаетъ.
Пусть старцы, впоши — всѣ слушаютъ тебя,
Пустькай вся Русь словамъ твоимъ внимаеть.

И если обо мнѣ ты вспомнишь — о чужомъ,
О зной судьбѣ твоихъ забытыхъ братьевъ,
Прому тебя, молю я только объ одномъ:
Не напей на насъ своихъ проклятиій ...

Довольно жаркѣй бой кипѣлъ въ странѣ родной,
Довольно ихъ легко — поверженныхъ безъ славы!
Пусть пѣсь согласія звучитъ надъ той страной,
Которую мочилъ такъ долго дождь кровавый.

Такъ кой — и пусть тебя признаетъ народъ
Рукоплесканьями, участіемъ встрѣчаетъ!
А насъ — насъ за труды иная доля ждётъ:
Насъ только смерть безславная вѣнчаетъ ...

М. ПЕТРОВСКІЙ.

II.

НЕУСТРАШИМЫЙ.

Солнце взомло и мерцаетъ кровавой слезой;
Небо свинцовое близко дашетъ грозой;
Съ шумомъ отъ сѣвера вѣтра сѣвнѣтъ колесница,
Туча на ней выѣзжаетъ, и облако въ слѣдъ
Мчится за облакомъ: этихъ гоцовъ вереница
Падаетъ поголамъ тѣмнымъ на утренній свѣтъ.
Съ горныхъ вершинъ, вознесённыхъ въ селеніямъ
звѣзднымъ,

Выше всѣхъ ужасовъ жалкой юдоли земной,
Греблей воздушной плывутъ, лавируя по безднамъ,
Сидящие вихри, какъ пыль по дорогѣ стеной.

Дологъ стоялъ онъ, и взоръ его дикій впередъ
То въ эту землю, то въ сферу небесъ;
Но лишь въ себя заглянулъ онъ: себя испугался,
Вздрыгнувъ, патнулся и въ безднѣ исчезъ.

В. ВЕНЕДИКОВЪ.

III.

ПѢСНИ МАРУСИ.

1.

Отъ чего такъ грустно мнѣ
На родимой сторонѣ?
Груль моя съ печалю вѣнчетъ;
Всея меня надежда манитъ
Въ дальніе края ...
Полетѣла бы я!

Тамъ далеко, за рѣкой,
Есть красавецъ молодой:
Скоро онъ по мнѣ прискачетъ
И съ собой возмётъ; заплачетъ
Мать моя тогда —
Мнѣ опять бѣда!

Сердце рвѣтся и дрожитъ,
Изъ очей слеза бѣжитъ;
На порогъ родимый ногу
Ставлю я, потомъ съ порогу
Отступаю вновь ...
Помоги, любовь!

2.

Скоро въ путь я соберусь
И покину отчий домъ.
Мама спроситъ: «Гдѣ Маруся?»
Смажутъ ей: «въ край чужомъ!»

О, цѣты мои! несую
Кто васъ будетъ оберегать?
Кто заботливой рукою
Въ зной васъ станетъ поивать?

Кто пойдетъ съ бѣльемъ на рѣчку,
Кто поднимаетъ чѣмъ-свѣтъ?
Кто заголитъ рану пещку
И сострилетъ обѣдъ?

Кто за вами, гуси, гуси,
Станетъ такъ какъ я ходитъ?

Грянули громы. Разгнѣваннымъ окомъ возвратю
На землю небо, облитое смертнымъ огнемъ:
Гордѣй червякъ-человѣкъ задрожалъ — и кругомъ
Взоромъ грозное небо обводитъ несмѣю.
Гора! Лишь кто-то одинъ, равнодушно на тьму
И всекрушене взглянувъ, на высокую гору
Твердо возомлъ — и оттуда разгудъ своему
Даль онъ далеко простѣрному взору.

Гордѣй — надъ бурей, надъ громомъ и молніей онъ
Молча стоялъ, весь въ раздумье своё погружонъ,
Молча внималъ, не моргнувъ ни единожды окомъ,
Страшнымъ раскатамъ грозы, раздравшей всю
твердь,
Грозно сверкавшей въ пространствѣ бездноно-глу-
бокомъ.

Зрѣнье зѣнчикъ, выражавшихъ уже полу-смерть,
Въ боже было спокойно и смѣло впередъ,
Мнилось, стремился онъ къ тѣмъ неземнымъ высо-
тамъ
Съ тайною душой предсмертной, какъ-будто желая,
Всмотрѣть мѣсто себѣ еще за-живо тамъ.

Буря шумѣла и ливень всё дилъ,
Пшумо сбѣгала съ горы испаннискій.
Онъ былъ недвижимъ, лишь смѣхъ сатаннискій
Синій губы его шевелилъ.
Съ грохотомъ небо кругомъ разрывалось,
Пламенемъ адскимъ земля загоралась —
Онъ же стоялъ, равнодушнѣе и глухъ ко всему:
Литвѣ былъ небесный не страшнѣе ему.

Буря утихла. Ужь быстро-летучи
Прочь уносилися хмурыя тучи;
Снова, какъ утрому, въ вѣнцѣхъ золотистомъ,
Солнце заискрилось на небѣ чистомъ.

Вновь обозрѣлъ онъ вокругъ всё мѣста,
Брови наморщилъ и стиснулъ уста:
Мнилось, пыталъ онъ, чело свое хмури,
Точно ли смельца затихшая буря,
Всѣ ли покоенно? Думно трихнулъ головою,
Доль оглянулъ онъ, рядъ доминокъ, хижинъ,
Зелень и скалы въ одеждѣ ихъ мшисто-сирой,
Всѣ оглянулъ онъ — и вновь неподвиженъ.
Ниже взглянулъ: видить — пропасть зияетъ подъ
нимъ,
Алчняя челюсть грозно разинувъ;

Выше — потоку низвергается съ ревомъ глухимъ,
Волны свои съ высоты опрокинувъ
Въ бездну, что догнѣтъ ихъ зѣвомъ своимъ.

Кто-то будет безъ Маруси
Васъ и холить и кормить?

И отворить утромъ кто-то
Хлѣвъ буренушекъ моей?
Въ часъ вечерній за ворота
Кто на встрѣчу выйдетъ къ ней?

Н. Бягтъ.

Э. ЖЕЛИГОВСКИЙ.

Эдуардъ Желиговскій, въ польской литературѣ болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Антони Сомъ, родился въ 1820 году, въ Гродненской губернии. Окончивъ курсъ въ университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ, онъ уѣхалъ въ свою гродненскую деревню и занялся хозяйствомъ. Первымъ его стихотворнымъ произведеніемъ, имѣвшимъ въ свое время нѣкоторый успѣхъ и надѣланнымъ много шуму, была драматическая фантазія «Юрдагъ», напечатанная въ Вильнѣ, въ 1846 году и переизданная въ слѣдующемъ году тамъ же. Фантазія эта подавала большія надежды, которыя, однако, не оправдались въослѣдствіи. Затѣмъ Желиговскій былъ высланъ на жительство въ Петрозаводскъ, а оттуда, въ 1853 году, въ Оренбургъ и потомъ въ Уфу. По возвращеніи своемъ въ 1857 году изъ ссылки, онъ прожилъ около двухъ лѣтъ въ Петербургѣ, гдѣ встрѣтилъ радужный пріемъ въ литературныхъ кружкахъ и былъ нѣкоторое время редакторомъ польскаго журнала «Слово». Здѣсь онъ написалъ едва ли не лучшее свое стихотвореніе «Друзьямъ-славянамъ», переводъ котораго помѣщено въ предлагаемомъ изданіи. Въ 1858 году Желиговскій напечаталъ въ Петербургѣ собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ: «Rozsze Antoniego Somy» и «Сегодня и Вчера». Затѣмъ, въ 1861 году, уѣхалъ за-границу и умеръ въ Женевѣ 17-го (29-го) декабря 1864 года.

ДРУЗЬЯМЪ-СЛАВЯНАМЪ.

О, братья! хоть у насъ отъ самаго рожденія
И въра, и языкъ — отдѣльные, свои,
Мы составляемъ всею единой дѣли звѣнья,
Все — дѣти мы одной разрозненной семьи.

Зачѣмъ же, за кого жь на крестное страданіе
Его къ намъ вызвала небесная любовь,
Когда народный вопль, тревожное роптанье
И дѣло Каина творится въ мірѣ вновь?

Да! раздраженный братъ полъ въ гнѣвъ противъ
брата,

Свершая на пути кровавыя дѣла;
И не за истину подъ огрѣмъ бузата
Лилась родная кровь, свершалось столько зла.

Гудинь сребренникъ, Каифа осужденъ
Надъ кровію людскою имѣють перевѣсъ;
Въ борьбѣ съ насилиемъ, въ борьбѣ съ предуби-
деніемъ
Какъ счастья искать? Или ждать во всемъ чудесъ?

А племя наше такъ раскинулось, созрѣло!
Лишь хартія его дѣяній перечесать —
Повсюду встрѣтимъ въ нихъ величье слова, дѣла,
Вездѣ гражданскую возвышенную честь.

Не изрѣчѣмъ суда и мрачнымъ въ нихъ страницамъ;
Припомнимъ, что грѣшитъ порою весь народъ,
Народъ цѣмъ, подобно частнымъ лицамъ:
То всинька, провозволю, предаю старыхъ гнѣтъ!

Natum est! Простимъ! Но то для сердца больно,
Что помрачается дѣянія людей.
Какой-то злобный духъ надъ нами своеволью
Распространяетъ мракъ темнѣе и темнѣй.

Такъ, зная грубой лжи считается народнымъ,
И вызываетъ въ насъ бессмысленный восторгъ,
Святое все сдвѣтѣ отверженіемъ, бесплоднымъ,
И честь демовая выносятся на торгъ.

И дерзко демоны въ добро ридиться стали,
Во знаменці креста предвѣли свой успѣхъ;
Но святотатство ихъ мы поняли, сознали,
И кровью и слезой мы свой омьли грѣхъ.

Теперь сознали мы къ какой стремимся требѣ:
Теперь не надо намъ чужихъ земель, знаменъ;
Мы все нуждаемся въ одномъ насущномъ хлѣбѣ,
И тотъ насущный хлѣбъ — есть счастье племенъ!

Насущный хлѣбъ для насъ въ той истинѣ священней,
Что мы должны пролить за правду потъ и кровь;
Что, по ученію Спасителя вселенной,
Нашъ лозунгъ — братская къ собратіямъ любовь,

Вы, пережившіе чистилище страданій,
Чья грудь огнемъ любви и истины горитъ,
Увѣруйте — прождѣтъ эпоха испытаній:
Согласіе средь насъ то чудо довершить.

И благо братій — намъ завѣтная награда
За трудный подвигъ нашъ: оно нашъ ключъ въ сво-
имъ.

Долой сомнѣнія — и вырвемъ мы у ада
Божественную мысль, украденную имъ!

И демоны тогда глумиться перестанутъ
Надъ вѣчной правдою, устроенною міръ;
И братья, братьями поверженные, встанутъ
И дружно потекутъ на всеславянскій ширъ.

М. Петровскій.

Т. ЛЕНАРТОВИЧЪ.

Теофилъ Ленартовичъ родился 15-го (27-го) февраля 1822 года, въ Варшавѣ. Сынъ небогатыхъ родителей, онъ не получилъ хорошаго воспитанія въ дѣтствѣ: онъ даже не былъ въ гимназій, такъ-какъ, по окончаніи курса въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, сѣбѣвинна обстоятельство заставили его, въ 1835 году, поступить писцомъ въ канцелярію одного адвоката; затѣмъ, въ 1837 году, онъ опредѣленъ былъ аликантомъ въ бывшій тогда судъ высшей инстанціи, а черезъ четыре года сдѣланъ штатнымъ канцеляристомъ. Въ 1848 году ему предложено было мѣсто помощника дѣлопроизводителя въ Комиссіи Юстиціи, но онъ не принялъ его и уѣхалъ за-границу, гдѣ довершилъ свое скудное образованіе. Сначала Ленартовичъ поселился въ Фонтенбло и прожилъ въ этомъ городѣ до 1854 года, то-есть до своей поѣздки въ Италію, гдѣ онъ задумалъ поселиться окончательно. Въ Римѣ онъ сильно поболѣлъ, что заставило его перебраться во Флоренцію. По выздоровленіи, онъ вступилъ въ бракъ съ Софьею Шмановской, двоюродной сестрой жены Мицкевича и весьма талантливой художницей, написавшей нѣсколько замѣчательныхъ картинъ, пріобрѣвшихъ извѣстность за-границей. Первые поэтическіе опыты Ленартовича стали появляться въ «Навдвлянникѣ» и «Варшавской Виблютекъ» — и были замѣчены дублюю. По выѣздѣ своемъ за-границу, онъ напечаталъ, въ 1848 году, въ Краковѣ: «Четыре Образа» и 1-ю

часть «Картинъ Польской Земли» (2-я часть была издана въ 1850 году, въ Познанѣ). Съ перѣѣздомъ въ Италію, направленіе его мума измѣнилось — и онъ написалъ цѣлый рядъ сладенныхъ религиозно-сельскихъ произведеній, исполненныхъ манерности и отъзывающихся упадкомъ искусства. Вотъ ихъ заглавія: «Восторгъ и Благоговѣшная», «Лиренка» (Познань, 1855), «Святая Софья» (Познань, 1857) и «Новая Лиренка» (Варшава, 1859). Какъ на болѣе выдающееся изъ его многочисленныхъ стихотвореній можно указать на рассказъ «Савинскій», въ которомъ поэтъ описываетъ штурмъ Волы, взятіе костѣла и смерть генерала Совинскаго въ 1831 году. Эти стихи напоминають «Редуть Ордона» Мицкевича. Въ настоящее время Ленартовичъ живѣтъ во Флоренціи и трудится надъ переводомъ «Божественной Комедіи» Данта. Полное собраніе стихотвореній Ленартовича издано въ 2-хъ томахъ, въ Познані, въ 1863 году.

ПѢСНЯ.

Мѣсяць ясный, въ поднебесы
Много видѣть ты чудесъ:
Видѣть море голубое,
Видѣть горы, степь и лѣсъ;
И любовниковъ счастливыхъ
Ты лучами освѣцалъ,
Но, по небу протекая,
Милой сердцу не видалъ.

Если бѣ милую увидѣть
Съ чуднымъ пламенемъ въ очахъ —
Закинься бы жгучей страстью,
Задрожалъ бы въ небесахъ;
Даже спрятавшись за тучу,
Все бѣ думалъ ты о ней
И соткалъ бы ей корону
Изъ серебряныхъ лучей.

П. Козловъ.

II.

ЛАСТОЧКА.

Вотъ идетъ краса-дѣвица,
Тяжею вдыхаетъ,

А надъ нею спитую
Ласточка порхаетъ —

И порхаетъ, и щебечетъ,
И дружитъ, и вѣстаетъ:
Только-только что крылами
О косу не бѣтаетъ.

— «Что ты вѣдешь? что ты бѣдешь?
Что съ тобою, пташка?
Не томи — и безъ того мѣй
Жить на свѣтѣ тяжело!»

— «Не покину, не оставлю,
Друга не забуду:
Вѣдьго брата, надъ тобою
Щебетать я буду.

«Что ни зоряка — братъ твой голосъ
Шать мѣй изъ темниці:
«Побывай, малютка-пташка,
«У моей сестрицы?»

«Всѣ ль еще она о братѣ
«Поминитъ, вспоминаетъ?
«Всѣ ль еще о безатланномъ
«Сдѣемъ проливаетъ?»

Н. ГЕГЕЛЬ.

Д. КОНДРАТОВИЧЪ (СЫРОКОМЛЯ).

Людвигъ Владиславъ Кондратовичъ, известный больше подъ своимъ псевдонимомъ *Владислава Сырокомля*, родился въ 1824 году, въ деревнѣ, арендуемой его отцомъ и лежащей недалеко отъ Минска. Сынъ бѣднаго шляхтича, Кондратовичъ промоль все пять классовъ гимназій и на семнадцатомъ году уже поступилъ на службу въ канцелярію администраціи радзивиловскихъ имѣній. Страсть къ стихотворству развилась въ немъ очень рано: будучи пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже пользовался извѣстностью между своими товарищами, какъ поэтъ. И дѣйствительно, даже въ тогдашнихъ стихотвореніяхъ Кондратовича проглядывала его талантливая натура, которая впоследствии высказалась такъ блестятельно въ цѣломъ рядѣ произведеній, исполненныхъ неподдѣльного чувства, добродушнаго юмора и истинной поэзіи.

Первымъ серьезнымъ трудомъ Кондратовича, явившимся въ печати, и обратившимъ на себя общее вниманіе, были переводы старшихъ польскихъ поэтовъ, писавшихъ по-латыни. Переводы отличались точностью, мастерствомъ отдѣлки и часто даже оставляли за собою подлинныхъ. Всегда за тѣмъ дѣятельность Кондратовича приняла широкіе размѣры и сдѣлалась весьма разнообразною. Изъ-подъ Минска переѣхавъ онъ въ маленькое имѣніе, взятое на аренду его отцомъ, и лежащее въ верстахъ пятнадцати отъ Вильно. Взяліе бывшей литовской столицы, центра умственной и общественной жизни всей Литвы, было плодотворно для развитія богато-одаренной личности Кондратовича. Здѣсь-то началъ онъ издавать рядъ своихъ поэмъ и легкихъ стихотвореній, поставившихъ его имя на ряду съ первыми поэтами Польши и обратившихъ на него общее вниманіе всѣхъ истинныхъ ценителей поэзіи. Лучшими изъ поэмъ Кондратовича, написанныхъ имъ въ это время, можно назвать: «Маргера», «Диа Демборого», «Кавонича Перемышляского» и «Уласа», а изъ драматическихъ произведеній: «Ябу въ тѣсу», «Деревенскаго политика» и «Каспара Карлинскаго». Несмотря на огромный успѣхъ его лучшихъ поэмъ и нѣкоторыхъ драматическихъ произведеній — все это блѣднѣетъ передъ его мелкими рассказами, основанными болѣею частью на старшихъ литовскихъ преданіяхъ, или взятыми изъ быта бѣднаго шляхты и простого народа, и поражающія читателя не глубиной идей, а благородствомъ направленія, искренностью, простотою и изяществомъ формы. Въ этихъ рассказахъ Кондратовичъ достигъ высokaго совершенства. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ обладалъ необыкновенно-звучнымъ стихомъ, и всѣ согласны въ томъ, что по красотѣ стиха Кондратовичъ, за исключеніемъ Мицкевича, не имѣлъ соперника въ польской литературѣ. Въ произведеніяхъ Кондратовича выдаются всего болѣе дѣйствительныя черты, отличающія его своеобразное творчество; это — полная искренность выражаемыхъ имъ чувствъ, производящая обязательное впечатлѣніе, и тонкая, добродушная сатира, которую пронизываютъ многія изъ его мелкихъ стихотвореній. Во всѣхъ его сочиненіяхъ видно живое пониманіе прошлаго, основанное на глубокомъ, серьезномъ изученіи старинъ, что кладетъ на его произведенія печать своеобразности. Изъ мелкихъ стихотвореній Кондратовича многія сдѣлались народными. Большая часть изъ

нихъ положена на музыку извѣстнымъ польскимъ композиторомъ Моисюшко.

Не смотря на недостаточность своего школьнаго образованія, Кондратовичъ обладалъ обширною начитанностью, знать прекрасно латинскій языкъ, а также языки русскій, французскій и нѣмецкій, съ которыхъ много переводилъ. Работавъ онъ чрезвычайно быстро, такъ-что иногда цѣлую поэму оканчивалъ въ два, три дня. Въ эти дни онъ бывалъ всегда болѣзненно разстроены. Послѣ труда первое раздраженіе, которымъ онъ постоянно страдалъ, доходило въ немъ до крайней степени. Можно сказать положительно, что каждому новому поэтическому произведенію онъ отдавалъ часть самого себя, въ буквальномъ значеніи этого слова. Въ образѣ своей жизни онъ отличался чисто-поэтической беззаботностью, вслѣдствіе чего постоянно нуждался, не смотря на высокій гонорарій, платимый ему издателями. Неумѣренный въ наслажденіяхъ, онъ рано растратилъ свои жизненные силы и безвременно сошелъ въ могилу, едва переживъ свой сороковой годъ.

1.

КУКЛА.

Не плачь, моя кукла, не будь своенравной:
Уменью сиди, не мойай головой!
Послушай — о чѣмъ говорили недавно
Папа и мамаша со мной.

Мѣй къ празднику платье сошьютъ — загляднѣй!
Я къ этому времени буду уже знать
Молитвы французскія: мы въ воскресенье
Пойдемъ къ бѣднѣй опять.

А наши крестьяне — вотъ будутъ дингиться
И, сашма молотку, качать головой!
А мѣй не прилично по-польски молиться,
Какъ-будто мужикѣ простой.

Но тихо — по-польски просить буду Бога,
Чтобъ мѣй хорошѣть и расти поспорѣй,
Чтобъ далъ онъ намашѣ такъ много, такъ много
И бѣлыхъ, и желтыхъ грошей.

Ужъ какъ же папаша мой любитъ монеты!
И служилъ могобни, и въ церковь дарилъ:
«Господь — говоритъ онъ — заплатитъ за это,
И больше въ сто разъ возвратитъ.»

Такъ вотъ онъ и молитъ усердно у Бога —
И Богъ ему больше и больше даѣтъ;
И скоро накопится денегъ такъ много,
Что мы потеряемъ и счетъ.

Ахъ, кукла! какая ты, право, смѣшная!
Ты думаешь: Богъ къ намъ поинтеритъ Самъ,
Иль спустится съ деньгами ангелъ изъ райа
И деньги отдастъ эти намъ?

Нѣтъ! явится жидъ въ длиннополотѣ кафтанѣ,
И будетъ онъ деньги папашѣ носить;
За деньги мы кушимъ крестьянъ, а крестьяне
Намъ будутъ и жалъ, и носить.

Ты знаешь ли кто мы? Мы — панъ, и — панна,
А это — холопи, рабочій народъ;
Самъ Богъ имъ велѣлъ, чтобы они постоянно
Трудились для насъ, для господъ.

Фи, какъ они грубы, нечисти и пыльны,
Въ дѣржавыхъ сермягахъ, всегда безъ сапогъ...
Да кто жъ виновать въ томъ! Не слушають пана:
За-то и караетъ ихъ Богъ.

Папа любить лошадей, мамаша — собаку,
Холоповъ же всеній ругаетъ и бѣтѣ.
Хоть жалъ, а нельзя же давать имъ потачку:
Такой ужъ упрямый народъ.

Вчера вотъ: панъ отдыхалъ въ кабинетѣ,
Онъ же — ну, право, ихъ мало бранить —
Вопли, наотпашанъ сѣдлово на паркетѣ:
«Всѣхъ нѣчего, баринъ!» кричатъ.

За-то были выгнаны вонъ и прибиты...
Ну, право, когда я начну управлять —
Пока эти люди не будутъ всѣ слѣпы,
До-тѣхъ-поръ не лягу я спать!

Уснѣшь ли спокойно, когда тутъ топшится
Голодный народъ у окна, у воротъ!
Пожалуй, какой-нибудь индѣй принесится
И въ сумкѣ съ собой унесѣтъ.

А нуе боюсъ — не узнаешь ли на небѣ
Господя; а Онь добръ, говорить, къ бѣднѣкамъ...
Помолимся жъ, кукла, о деньгахъ, о хлѣбѣ —
Чтобъ далъ ихъ крестьянамъ и намъ!

А. С.

II.

ПРЕЖДЕ БЫЛО ЛУЧШЕ.

Нѣтъ! сею у насъ стояло
Кране въ старину!
Да не быть порѣ бывалой:
Что ни дѣвна — цвѣтникъ алый,
Что ни паренъ — ну!

Васъ привѣлъ Богъ умудриться,
А посмотришь — не спорится
Ничего-то вамъ:

На дугу цвѣты — крапива;
И чахоточная нива,
И народъ-то — срамъ!

Намъ, бывало, не поѣха —
Снѣтъ и градъ съ дождѣмъ:
Коль работаемъ — утѣха,
А гуляемъ — такъ застрѣха
Ходитъ ходенѣмъ.

Нынче люди не такіе:
За работой — что больные,
Съ чарки — подъ столомъ;
А могучихъ дѣдовъ кости
Почиваютъ на погостѣ
Видовѣчнымъ сномъ!

Къ нимъ бреду въ морозъ и слякоть —
Выпить жбанъ меду:
По покойникамъ поплакать
И съ могилы поплакаться
Любо старику!

Л. Мвй.

III.

ДУМА.

Здѣсь дни мои текутъ спокойно;
Здѣсь хлѣба вдоволь и цвѣтовъ;
И вечеркомъ приятель добрый
Потолокать со мной готовъ.

Средь яблонь, грушъ и дубовъ старыхъ,
Отрадно въ этой мнѣ тиши.
Еще одно бы только благо —
Одно: спокойствіе души.

О, люди, братья! поможитесь
За брата бѣднаго порой,
Чтобы остылъ тревожной мысли
Жаръ въ головѣ моей больной.

Чтобы мечтамъ моимъ крылатымъ
Разсудокъ воли не давалъ,
Чтобы о всеобщемъ, вѣчномъ счастьи
Безумный я не помнилъ!

А. Пяцкеввъ.

IV.

КАПРАЛЪ ТЕРЕФЕРА И КАПИТАНЪ
ШЕРПЕТЫНА.

Хлѣбъ солдатскій — не пшеница,
А припомнишь — сердце стиснетъ:
Горько... что твой горчица —
И слеза въ глазахъ пописнетъ.
Панъ подумаетъ: такая
Наша молодость бывала,
Какъ теперь у васъ, шальная,
Что съ пеленъ старухой стала?
Нѣтъ! похоже, да не то же:
Гдѣ въ васъ сила? гдѣ въ васъ вѣра?
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Вотъ теперь-то мы въ невзгодѣ
Старики совѣмъ ослабли,
А въ двѣнадцатомъ-то годѣ,
Какъ пришла пора до сабли...
Эхъ! Вотъ видишь, панъ, петличку
Съ алой лентою? А пущка,
Какъ я эту вязалъ отличку —
Поспроси, такъ скажешь — жутко!
Да! бывало намъ негоже:
Голодъ, холодъ, дѣсъ — квартера...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Ну, Смоленская дорожка!
Что ни шагъ, то перестрѣлки...
Въ ранахъ хлѣба хотъ бы крошка;
А ужъ гдѣ тутъ до горѣлки!
Подъ усадкою одною
Дали роздыхъ. Чуть свѣтаетъ;
А козакъ за спиною,
А морозъ такъ и кусаетъ.

Крестъ замганъ съ могили: что же?
Не могили святы — вѣра!
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Всѣ къ огню: хотъ у лучины,
Да согрѣть бы только пальцы,
Всѣ — гасконцы и жмудины,
И кракусы, и вестфальцы.
Вспыхнулъ крестъ; огонь раздули,
Хворостинкою подожгли,
Не добромъ морозъ ругнули,
Съ пѣней трубы заурили;
А иной легъ спать — да тоже
Вѣдь и сну бываетъ мѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Лѣтъ на снѣжной-то постелѣ,
Да вотъ встаетъ — не всталъ по-нынѣ;
Развѣ встанетъ, въ-самомъ-дѣлѣ,
Въ Есофатовой долинѣ.
Ну, бывало, палашами
Мы и виродемъ могили;
И съ молитвой, со слезами
Сложимъ въ снѣгъ быдую силу.
Про другихъ болтать не гоже,
А панъ польскъ крѣпидна вѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Да, нашъ польскъ былъ въ капитана:
Что по битвѣ, что до битвы,
Каждый день онъ, раннимъ-рано,
Намъ велитъ читать молитвы;
Если жъ постъ когда наступитъ —
Nolens, volens, а постися.
Офицеръ его помянетъ,
А солдаты нмъ влядиси.
Человѣкъ былъ въ лѣтахъ тоже;
Рѣчь — по маслу; взгляду мѣра...
Ахъ Ты, Господи мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Хотъ была похмура мина,
Да живѣмъ его измартъ —
Камень... Звали Шерпетина,
Потому — рубился арте.
Для солдатъ весъ на распанну;
Есть нужда, такъ всѣ къ нему же:
Дастъ послѣднюю рубашку;

Передъ фронтомъ — чорта хуже!
Голосъ — чешто трубы строже:
Оглушить и офицера.
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Со Смоленска — примѣчаю —
Старый сѣлъ на обѣ ноги:
Можетъ, раненъ по случаю,
Можетъ, такъ усталъ съ дороги?
Богъ же вѣдаетъ! Примѣрно
Такъ былъ крѣпко вѣреть роли,
Что умри онъ съ боли — вѣрно
Не узнали бы, что съ боли.
По колѣна снѣгъ, а всѣ же
Прѣтъ въ нѣмъ лучше гренадера.
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Чуть мы были на готовѣ,
«Стройся!» крикнулъ онъ порядно:
«На плечо!» И вижу — брови
Такъ и сходятся. Не ладно!
По шерпетамъ всѣхъ оправилъ.
«Прямо, маршъ!» Такой-то бравый;
Только посмотрѣлъ, анъ оставилъ
На снѣгу онъ слѣдъ кровавый...
И патаетъ онъ, тоже
Словно веселъ, для примѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Вотъ присѣлъ онъ на дорогу,
Обвязалъ платочкомъ рану;
Я и вышелъ на подмогу,
Чѣмъ прійдется, капитану.
А старикъ какъ крикнетъ: «Что ты!
На чудую кровь плазвѣшь,
Терефера? Маршъ до роты!»
Тереферой, разумѣешь,
По колду прозвали тоже
Хотъ меня бы, для примѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Эко зелье было злое!
Экой поровъ непреклонный!
Всталъ съ земли добрѣе вдовое,
Зашагалъ передъ колонной.
Ладно! думаемъ мы: сказан!
Невертѣешь ему, бохвалить...

Кровь сочится сквозь повязки;
Устал сь ночь съдога валить,
А шагает... И вьдъ что же?
Оху итьт!... Не та мапера...
Ахъ Ты, Господи, мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Ну, сломла мука хватя:
Застоналъ — и брызъ, что плаха.
Подсочица тутъ ребата —
Кто съ усердыя, кто со страха,
Цѣлый взводъ поднять собрался:
Самъ не можетъ встать отъ боли;
А обозъ-то нашъ остался
Повади, въ Смоленскѣ, что ля.
Съ плечъ долой плащца мы: всё же
Хотъ на нихъ снести командера...
Ахъ Ты, Господи, мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Огрызнулся жь онъ тогда-то
Такъ, что развѣ волку въ пору:
«Это что? изъ-за меня-то
Опоздать полку къ отпору!
Прочь! я съ вами не поучишь;
Я ужь въ свискахъ стертый номеръ.
Заготовьте, панъ-поручишь,
Рапортичку, что я умеръ.
Гробъ не нуженъ мнѣ... да тоже
Не трубить! Одна химера!»
Ахъ Ты, Господи, мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Панъ-поручишь — что жь? по чину
Долженъ былъ его поинуть...
«Нтъ же!» думаю: «хоть синну,
А ему не дамъ загинуть!»
Подхожу къ нему — не трушу,
Говорю: «по вольной вожь,
Панъ-пубить задумалъ душу;
Али любви събѣгъ, да поле?»
— «Болъ идти не въ мочь, такъ что же?»
— «Мы доставимъ командера...»
Ахъ Ты, Господи, мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

— «Отойди ты прочь съ свѣтломъ,
Не болтай мнѣ ничего ты!
Мнѣ приааъ: проститься съ свѣтломъ,
А тебѣ свои заботы.
У тебя вонъ поослабли

Рекрута, да и балуютъ:
Ружья держатъ, словно грабли,
И, гляди, какъ маршируютъ —
Ни на что вьдъ не похоже!
Гдѣ ровнише, ловкость, мѣра?»
Ахъ Ты, Господи, мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Говорить онъ: «срѣшко раненъ...
Исполъ въ конецъ я кровью...
Какъ вернѣшься ты сохраненъ
Къ намъ на ридину, къ домовью,
(Вьдъ село тебѣ извѣстно,
Гдѣ живѣтъ моя родная)
Ты скажи ей: «умеръ честно,
Съ шокъ крестъ снялъ, умирал:
Да хранить тебѣ, а тоже
Хату съ парой ульевъ, вѣра!»
Ахъ ты, Господи мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

«Вся казна моя хранится
Здѣсь въ лядунѣ: ты за душу
За мою, гдѣ прилучится,
На поминъ церковный, въ вужу
Опусти всё денши... Надо
И ребатамъ помолиться
За меня... Прощай! Отряда
Не видать ужь... А отбѣйся
Отъ отряда непригоже:
Домъ и честь солдату — вѣра!»
Ахъ Ты, Господи, мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

— «Ладно, ладно, молъ! проходитъ
Всѣмъ людямъ одна дорога;
А куда она приводитъ?
Ну, да это въ рудѣхъ Бога!
Я вотъ такъ смекаю: взять бы
Каштана мнѣ на плечи,
Да вдвоёмъ и дошагать бы
До больницъ: недалеко...
А въ сѣнгу-то для чего же
Ночевать? что за кварталера?»
Ахъ Ты, Господи, мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Обозлился лютымъ бѣсомъ;
Искри сымаются отъ взгляда.
— «Дурень! полкъ подъ самими бѣсомъ:
Ты останешъ отъ отряда...

Догоняй живѣе! знаешь:
За побѣгъ — арестъ и пузи!»
— «Ну», мерекаю: «пугаешь,
А не хочешь чорта въ стужѣ?»
Взять его на плечи — что же?
Какъ эхидна, для примѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Рвѣтся, бѣется и бранится...
— «Пусть же, думаю: «знать, нужно!»
Только по сѣнгу тащиться
Было съ нимъ, ей-ей, притужно.
Отдохнѣшь себѣ невозможно —
И вверѣтъ, ажь лобъ потѣеть.
Мили съ три я той дорожкой
Промололъ... Старикъ слабѣтъ,
Жмѣтъ мнѣ шею... Да чего же?
Вьдъ на всё про всё есть мѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Всѣдѣ за войскомъ кой-гдѣ гдѣтъ
Огоньки; кой-гдѣ потухли;
Труны грудой коченѣютъ,
Посинѣли и онухли;
Кой-гдѣ видѣшь слѣдъ обоза...
У меня сухарь остался:
Подклянись мы — съ мороза
Мой старикъ проголодался;
Пропустилъ горькаки тоже;
Моздломъ сталь, для примѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Глядъ, подъ вечеръ: насъ густая
Туца войска нагрываетъ;
Знать, что конница какаа...
Шеретина укоряетъ:
«Видишь, дурень, самъ на дѣлѣ,
Какъ не слушаться приказа?
То козакъ налетѣли —
Пронадѣшь задаромъ съ-разу,
Своевольники! Для чего же
Не послушалъ командера?»
Ахъ Ты, Господи, мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

«Жаль тебѣ! Такия ль лѣта
Чтобъ пронаешь со всей семьей?
Да, постой, не наши ль это?

И жь справляю съ тобою!»
Видю — валятъ къ намъ ридами,
Словно по стогни бурани;
Одаъ — пушки; передами
Мамелюжи и уланы...
Сибѣтъ — что вихоръ; воздухъ тоже
Стопомъ стонетъ, для примѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Глядъ, какой-то всадникъ близко
На конѣ на бѣломъ свачетъ:
Въ сергучишкѣ; плещу низко,
До бровей, надвинуть, значить.
Туть я крѣпко струсила что-то,
Словно жизнь была на каргѣ.
«На-кравуль!» мнѣ крикнулъ мой-то:
«Это несаръ Бонапарте!»
Самъ долой мнѣ съ плечъ, вотъ тоже,
Что змѣя, али випера...
Ахъ Ты, Господи, мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Подскакалъ къ намъ несаръ, грозно
Насъ обвѣтъ орлинымъ взглядомъ:
«Кто такіе? что такъ поздно?
Отчего вы не съ отрядомъ?»
Я подумалъ: «бузь что бужетъ,
Правду молвить хванитъ духу!»
Я тогда — панъ не забудеть —
По-французски зналъ по слуху.
Собрался я съ силой тоже,
Начинаю, для примѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Разсказалъ ему съ почина,
Что случилось въ дорогѣ,
Какъ уналъ нашъ Шеретина,
Какъ отбился отъ подмоги,
Какъ команду я нарушилъ:
Разсказалъ всё дѣло — право.
Онъ всё молча слушалъ, слушалъ:
«Ну, капраль, промолвишь, «браво!»
А глаза загляниси тоже,
Что горячая вотъ сѣра...
Ахъ Ты, Господи, мой Воже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Разспросилъ у Шеретина,
Кто я, какъ служилъ, бывало?

Тотъ ему — свои причины:
 Про мои заслуги, стало...
 Вижу я: теперь мнѣ льгота,
 Нѣтъ въ немъ злости сатанинской...
 А вѣдь всё бормочитъ что-то
 Объ ослушности воинской;
 Да ужь, знать, что словомъ тоже
 Не хотѣлъ срамить мундера...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Обнял самъ меня, скорѣе
 Далъ мнѣ крестъ своей рукою...
 Это — лента; крестъ на шеѣ;
 А умру я — въ гробъ со мною
 Положить отлички обѣ:
 Не пропасть же имъ задаромъ:
 Пусть красуются во гробѣ
 На моёмъ мундерѣ старомъ...
 Вѣдь, достались отъ кого же,
 Отъ какого командера!...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Ну! тряхнулъ я головою,
 Крикнулъ, сядовно загробилъ:
 «Vivat, кесарь!» а за мною
 Всѣ гвардейцы подхватили.
 Намъ — въ фуры, и въ дорогу;
 Довезли въ больницу рано
 На зарѣ; тамъ, слава Богу,
 Излечили капитана.

Онъ теперь живётъ здѣсь тоже...
 Миза... знатная квартира...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Но мнѣ было не до цутокъ:
 Только съ койки — для примѣру,
 Подъ арестъ на трое сутокъ,
 За ослушность, Тереферу...
 «Кесарь далъ тебѣ награду»,
 Говоритъ: «и дѣло свято!»
 Только я-то вамъ поваду
 Ужъ не дамъ: шалишь, ребята!
 Ты и спасъ мнѣ жизнь, а всё же
 Надо слушать командера.»
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Да и правда! Недоуки
 Тѣ, кому любя безчинность:
 Далъ Господь команду въ руки,
 Такъ справилъ свою повинность!
 Такъ гугорилъ Терефера
 На порогѣ низкой хаты;
 И на посохъ суконатый
 Оперся — и стала строже
 Бровь сѣдая кавалера...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Д. М. в.

ЛУЖИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Лужичане представляютъ самую малочисленную вѣтвь славянскаго племени. Въ числѣ не доходящемъ и до 200,000 душъ, они населяютъ часть Саксоніи и Бранденбурга, со всѣхъ почти сторонъ оруженныя нѣмцами и съ каждымъ днёмъ всё болѣе и болѣе теряющие свою народность отъ разлагающаго на неѣ дѣйствія германскихъ стихій. Нужно еще удивляться, какъ уцѣлѣть до нашихъ дней этотъ послѣдній осколокъ великаго нѣкогда племени славянъ прибалтійскихъ, и какъ могла въ немъ сохраниться или возродиться вѣра въ силу своей народности и надежда на лучшую будущность.

А между-тѣмъ эта вѣра и надежда живутъ въ сознаніи лучшихъ людей народа; онѣ и оправдаются отчасти тѣми неожиданными, но несомнѣнными успѣхами, которые сдѣлала славянская идея и на этой безнадежной, повидному, почвѣ, въ короткій промежутокъ нѣсколькихъ десятилѣтій. Бѣдное племя, расколотое на части въ отношеніяхъ, какъ политическомъ (въ Пруссіи и Саксоніи), такъ и въ религіозномъ (протестанти и католики) и диалектическомъ (верхне и нижне-лужицкое нарѣчія), лишенное одушевляющихъ преданій прошлаго и самыхъ необходимыхъ условій развитія народнаго сознанія — просыпается, подымаетъ на ноги, подымается знамя народности, кладетъ основаніе литературнаго языка, создаетъ письменность, поэзію, науку, и всё это въ разбѣрахъ хотя очень скромныхъ въ смыслѣ абсолютномъ, но довольно значительныхъ

въ сравненіи съ количествомъ наличныхъ силъ народности.

Не забудемъ, что Лужички — не болѣе любого уѣзда русской губерніи. Какова была бы теперь наша литература, еслибъ каждый уѣздъ далъ ей хоть по одному Бранцелю, Любенскому, Зейлеру, Смоляру и Пфузу!

Первый толчокъ къ литературному пробужденію лужицкой народности дала реформація. Въ этомъ отношеніи здѣсь повторилось то-же, что было въ XVI вѣкѣ въ Крайшѣ, Хорватіи, Словачійѣ и другихъ славянскихъ земляхъ. Но эта письменность вращалась исключительно въ предѣлахъ религіи: переводы священнаго писанія и богослужбныхъ книгъ, церковныя вѣсны и гимны, проповѣди, духовныя размышленія — вотъ содержаніе этой старой письменности, обнимающей вѣка XVI—XVIII. Главнымъ представителемъ письменности свѣтской этого периода былъ знаменитый Авраамъ Бранцель (Френцель), который для обработки исторіи своего народа сдѣлалъ то, что для словенцевъ — Вальвазоръ. Но большая часть произведеній Бранцеля осталась въ рукописяхъ. Впрочемъ, учено труды Бранцеля писаны на латинскомъ языкѣ; послѣдующіе же ученые этого народа пользовались въ своихъ сочиненіяхъ, кромѣ латинскаго, и вѣдмѣнскимъ языкомъ (Фабрицій, Кнаутенъ, Горчанскій, Антонъ и другіе). Не подождежь сомнѣнію, что самыя основатели новолужицкой литературной школы — Лессингъ (Лисиникъ) происходилъ изъ племени

полабских славян, равно как и великий историк Лейбницъ.

Возрождение лужицкой народности совершилось въ первой половинѣ нашего вѣка, одновременно съ литературнымъ возрожденіемъ чеховъ и словаковъ и, можетъ-быть, не безъ нѣкотораго вліянія со стороны последнихъ. Роль Голаго и Коллара игралъ при этомъ въ Лужицахъ пасторъ Андрей Любенскій. Онъ былъ средоточіемъ перваго патриотическаго лужицкаго кружка. Изъ него вышли потомъ Зейлеръ, Смоляръ, Жорданъ и другіе представители младшаго поколѣнія, при которомъ патриотическія мечты Любенскаго и Клина начали приводиться въ исполненіе. Одно за другимъ возникали общества, появлялись изданія, выдвигались новые дѣятели. Движеніе распространилось изъ городовъ въ села, изъ школы въ народныя массы. Духовенство и учителя были главнымъ дѣятелями и вождями этого движенія. Оно, какъ и всюду, получило строго-демократическій характеръ, вслѣдствіе чего подробное изученіе народа, его быта и понятій, языка и пѣсенъ сдѣлалось главнымъ основаніемъ воздвигаемаго зданія народной литературы. Плодами этого этнографическаго изученія являются прекрасное изданіе народныхъ лужицкихъ пѣсенъ (Гаугта и Смоляра) и сербо-лужицкаго словаря (Шфула). Явилось нѣсколько даровитыхъ поэтовъ. Въ ихъ ряду первенствуютъ Зейлеръ и Музишъ-Касопольскій. Роль же словацкаго Штура — поэта, публициста и главнаго посредника между обществомъ и народомъ — игралъ въ Лужицахъ Смоляръ, собиратель народныхъ пѣсенъ и издатель многихъ книгъ и журналовъ на лужицкомъ нарѣчій.

Съ 1848 года центромъ умственной дѣятельности народа является Лужицкая Матина, основанная въ городѣ Будишинѣ стараніями Смоляра,

Клина и другихъ патриотовъ. Ея изданія, особенно «Часопись», служатъ вѣрнымъ показателемъ дальнѣйшихъ успѣховъ лужицкаго народа на поприщѣ науки и литературы. Особенную цѣнность имѣютъ помѣщонія въ изданіяхъ Матины сборники и исслѣдованія по предметамъ этнографіи и филологіи. Эти труды принадлежатъ, кромѣ названныхъ уже нами Зейлера, Смоляра, Жордана, Клина, Гаугта и Шфула, еще слѣдующимъ лицамъ: Пазу, Гочу, Буку, Дучмалу, Килиану, Фидлеру, Ямбу, Шпейдеру, Велѣ, Пиншу, Крушиницѣ, Брюгару, Станѣ, Кульману, Бартау, Рихтару, Мудинку, Вапаку, Гашеѣ, Стемизю, Горнику, Ростоку и нѣкоторымъ другимъ. Кромѣ Будишина, лужицкія книги издаваемы были въ послѣднее время еще въ Воеропахъ, Любин, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Бреславлѣ и Прагѣ.

Успѣхамъ народнаго возрожденія этого племени вредитъ не мало отчужденіе нижнихъ или прусскихъ лужичанъ отъ литературнаго единенія съ верхними или саксонскими. Но въ послѣднее время это отчужденіе значительно ослабло и можно питать болѣе или менѣе основательную надежду, что въ литературномъ единствѣ этотъ маленный народъ почерпнѣтъ хоть часть той силы, которая столь необходима ему для дальнѣйшаго сохраненія своей народности, отовсюду поднимаемой прибоемъ нѣмецкаго моря — въ эмигрантскомъ и политическомъ. Но не трудно видѣть, что борьба здѣсь идетъ очень неравная, и что ее конечный исходъ будетъ печаленъ для славянства, если оно не найдѣтъ въ себѣ воли и силъ послать своевременное подкрѣпленіе на этотъ пунктъ, самый опасный и угрожаемый во всей славянской территоріи.

А. Будиловичъ.

ЛУЖИЦКІЕ ПОЭТЫ.

А. ЗЕЙЛЕРЪ.

Андрей Зейлеръ, евангелической пасторъ и замѣнчившій изъ лужицкихъ поэтовъ, родился въ 1804 году. Любовь къ народной литературѣ и патриотическія стремленія къ поддержанію самостоятельности маленкаго племени лужицкихъ славянъ, въ саксонской и прусской Лузани, рано проснулись въ восторженной душѣ поэта. Будучи еще студентомъ въ Лейпцигѣ, Зейлеръ возстановилъ, подъ именемъ «Сорабио», проповѣдническое общество при университетѣ, основанное въ 1716 году лужицкими студентами и называвшееся послѣ того два раза, во время семилѣтней войны и по окончаніи войны за независимость, причѣмъ въ первый разъ оно было возстановлено Андреемъ Любенскимъ, предшественникомъ Зейлера въ дѣлѣ возрожденія лужицкой народности. Затѣмъ онъ сталъ издавать рукописную лужицкую газету, въ которой помѣщались труды устроеннаго имъ общества и его собственныя поэтическія попки. Газета имѣла большой успѣхъ и ее переписаніе экземпляры ходили во всему лужицкому краю. Въ 1826 году Зейлеръ познакомился въ Лейпцигѣ съ Палацкигъ и сербскимъ поэтомъ Милутиновичемъ — и ихъ вліяніе еще болѣе развилось его собственными стремленіями. Онъ сталъ горячо проповѣдывать о служеніи своей народности — и слова его надали не на безплодную почву. Лужицкій народъ, не достигавшій въ настоящее время и 200,000 населенія и едва сохранившій свою народность подъ гнетомъ тысячелѣтнаго рабства, начиная съ тридцатыхъ годовъ, носилъ такіа ревностныя заботы къ дальнѣйшему возрожденію, что, повидимому, обезпечить совершенно

свою гѣсную связь съ другими болѣе многочисленными славянскими племенами. Какъ поэтъ, Зейлеръ до-сихъ-поръ остается въ главѣ сербо-лужицкой литературы. Многія изъ его пѣсенъ, прославившихъ его имя, давно сдѣлались народными.

I.

МАЙСКОЕ ВОСКРЕСНОЕ УТРО.

Тихими шагами утро молодое
Изъ воротъ выходитъ, свѣтомъ залито;
Встѣр спитъ — забился безмятежнымъ сномъ;
Только гдѣ-то рѣчка, каменнымъ русломъ
Пробираясь съ ревомъ, точитъ скалы подошью:
Ничне день воскресный, въ церквѣ служба Божья!

«Да святятся имя Божіе во-вѣкъ!»
Умилается сердцемъ, шепчетъ человѣкъ,
Поднимая очи, полна пріятыя,
Къ голубому небу. Лучъ горячій свѣта —
Жизни безконечной пламенный родникъ —
Въ ачужую душу странника проникъ.

Люди, гдѣсь и поле — въ праздничномъ уборѣ —
Мирно отдыхаютъ; радость въ каждомъ взорѣ.
Не тревожитъ слуха рѣзкій стукъ колѣсъ —
По дорогѣ пыльной не скрипятъ обозы;
Только птичка рѣшетъ надъ цѣтущей рожью:
Ничне день воскресный — правитъ службу Божью!

Взаговѣсть заслыша, всѣ на зовъ спѣшать
Въ храмъ святой; на каждомъ праздничнй народъ:
Взвѣсивъ душою путь имъ устланъ,
Цѣные птичь небесныхъ ихъ сопровождать,

Услажда сердце, дух готова ихъ
Къ воспріяты пісень лучшихъ — неземныхъ.

Не ласкаетъ ухо слышь знакомый шута;
Оседло о косу не стучитъ средь луга;
Смолкла въ чащѣ дѣса звонкая шиза;
Дремлетъ наковальня — точно замеря;
Вѣтеръ звонъ разноситъ, въ церквѣ слышно дѣньки;
Въ церквѣ служба Божья — ничто воспресвѣе!

Червь, забывъ про солнце, роется въ землѣ,
Звѣрь по ней блуждаетъ, словно въ черной мглѣ;
Только то, что вѣчно, что словъ начало
Отъ небесъ, по волѣ Божьей, воспріяло,
Къ небу шлетъ моленье тѣлою своею:
«Да придетъ, Боже, царствіе твоё!»

Н. Гервель.

II.

МОЯ РОДИНА.

Ты знаешь ли мою прекрасную отчизну?
Что золота въ ней нѣтъ — не ставь ей въ укоризну!
Могучій кипарисъ и персики золотой
Не украшаютъ горъ страны моей родной...
Нѣтъ, это мирный край — дѣтствующій, тихій садъ,
Обитель тишины, Господень вертоградъ.

Ты знаешь ли мой край съ горами голубыми?
Онъ не дивитъ очей границами своими;
Нѣтъ гордыхъ въ нёмъ князей; мечтал о войнѣ,
Онъ мечъ кровавый свой не точитъ въ тишинѣ;
Нѣтъ, онъ не величавъ, онъ славою не богатъ,
Родной мой уголокъ, мой домъ, мой тихій садъ.

Ты знаешь ли мою отчизну дорогую?
Нѣмецкій край мнѣ чуждъ: люблю страну яную!
Отечество мое — очагъ мой, сербскій домъ —
Есть маленькая вѣтвь на древѣ вѣковомъ
Славянства; съ вѣтви той листы не опадаютъ...
Счастливыи этотъ край Лужицами зовутъ.

Она, она — мой рай, страна моя родная,
Земля моихъ отцовъ, желанная, святая!
Кто въ ней расцвѣлъ и жилъ, кому она близка —
Для счастья тѣхъ она довольно велика...
Сияй же и цвѣти, о край родимый мой,
Всѣмъ яче, всѣмъ свѣтлѣй и чество и красой!

Н. Гервель.

II. ВЕЛА.

I.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ДОМОЙ.

Воротился домой молодецъ на конѣ:
Съ господиномъ онъ былъ на войнѣ.
А въ ту пору у матери бѣдной его
Не осталось въ дому ничего:
Торжничковъ безпощадный и дерзкій народъ
Отъ ея не отходить воротъ.
Добрый сынъ вороного къ платню привазалъ
И, къ тѣмъ людямъ приблизился, сказать:
«Стойте, стойте, злодѣи! А ты, моя мать,
Перестань, перестань горевать!
Золотую, добрую честно кину
Я тебѣ изъ чужбины несу.
Нѣтъ позора, нѣтъ горькой слезинки на нихъ,
На червонцахъ конь золотыхъ:
Даръ они моего господина — въ тотъ часъ,
Какъ его я отъ гибели спасъ.»
То промова, онъ брякнулъ нисою о столъ,
Ажно гулъ по свѣтлѣцѣ пошелъ.
«Будетъ этого намъ, будетъ этого, мать,
Чтобъ не плакать и горя не знать!»

Н. Бергъ.

II.

ПОЛУДНИЦА.

Солнце на полдень взмогло:
Стадо съ пастбища пошло
И работники толпою,
Утомленные отъ зною,
Воротились по домамъ —
Отдохнуть немного тамъ.
Лихъ неидетъ хозяинъ поля:
Онъ, явновъ своихъ неволя,
Хочетъ погнать поосу.
Зашумѣло вдругъ въ лѣсу —
И Полудница оттуда
Выступаетъ. «Будетъ худо» —
Говоритъ она — «тому,
Кто вѣднѣ моему
Непослушенъ: въ полдень знойный
Отдыхъ людямъ дать покойный
Воспротивится!» Идетъ —
И земля подъ ней гудѣтъ;

Вѣ трепещуть... Полдень минулъ,
Селанинъ опять покинулъ
Хату: въ поле всѣ поили
И умершаго нашли.
Если вѣровать въ рассказы:
То Полудница прокази.

Н. Бергъ.

III.

Ъ З Д О К Ъ.

Онъ на лошади бузаною
Подбѣжаетъ къ кузнѣ рано;
Мечъ у пояса торчитъ,
Кузнецу ѣздокъ кричитъ:
«Слыши! кони подкуй мнѣ живо,
Чтобъ леталъ со мной на диво,
И чтобы сталъ мой вѣрный конь —
Вурный вѣтеръ и огонь!»
Побѣжалъ кузнецъ; готова
У него какъ-разъ подкова.
«Ладно!» вымолвилъ ѣздокъ —
И увѣстивъ вѣстовъ
Изъ-за казухи онъ вынулъ
И его на землю кинулъ:
«Вотъ тебѣ, кузнецъ, пона
Отъ лихого ѣздока!
А потомъ — еще награда:
Кой-кого догнавъ мнѣ надо,
Впередъ, въ густомъ лѣсу,
И больше взять кину!»

Н. Бергъ.

IV.

НЕЗНАКОМЕЦЪ У МОГИЛЫ.

Вотъ идетъ незнакомецъ унылый,
На колѣни онъ налъ предъ могилой,
Про всѣ у людей распросилъ
И слезами ея орошилъ;
Вѣхкій крестъ обнимаетъ рукою
И вдыхаетъ, исполненъ тоскою —
Такъ всю ночь. Лишь зардѣлся востокъ,
Горсть земли завязалъ онъ въ платокъ:
«Мать моя!» говоритъ онъ, стелая:
«Мать моя, дорогая, родная!

Спи спокойно до судного дня,
Поджидалъ, бѣднягу, меня!»
Тутъ съ могилы онъ молча простился
И куда неизвестно пустился.

Н. Бергъ.

Я. БУКЪ.

Яковъ Букъ родился въ 1825 году, въ Велчахъ, въ саксонскихъ горныхъ Лужицахъ. Онъ воспитывался въ духовной гимназій въ Прагѣ, по окончаніи курса въ которой былъ, въ 1850 году, посвященъ въ священники и опредѣленъ учителемъ въ только-что основанную католическую семинарію въ Будишинѣ; затѣмъ, въ 1851 году, онъ былъ сдѣланъ бібліотекаремъ Сербской Матицы. Эту послѣднюю должность онъ занималъ до 1854 года, когда былъ назначенъ преподавателемъ дрезденской прогимназій и чешскомъ придворной католической церкви въ Дрезденѣ. По переводѣ въ Дрезденъ, Букъ принялъ на себя редакцію журнала «Сербская Матица», а въ 1860 году получилъ мѣсто директора дрезденской прогимназій. Оригинальными его стихотворенія очень хороши и пользуются большимъ почтеніемъ у лужичанъ. Также хороши его переводы на лужицкій языкъ «Кралевворской Рукописи» и нѣкоторыхъ піесъ Чапковского. Кроме того онъ издалъ «Собраніе Сербскихъ Пословицъ» и перевелъ съ нѣмецкаго поѣсть Смиды «Какъ Богуславъ изъ Дубовина вѣрновалъ въ Бога».

СЕРБСКАЯ ЛИПА.

Какъ радостно видѣть кудравую липу,
Мать-Слава, на сербской могилѣ —
Ту липу, что, полныя братской любви,
Сыны ея тамъ посадили!

Она съ нетерпѣньемъ ждѣтъ раннего цвѣта
На благо родному народу:
Она уповаетъ, что духъ въ нѣмъ воскреснетъ
И сербамъ воротитъ свободу.

Такъ будемъ же нестовать сербскую липу —
Да будетъ зеницею ока!
Пусть только цвѣтѣтъ она нишно, обильно,
Раскинувши вѣтви широко.

Друзья, постигмъ до послѣдняго крѣпно
За нашу народность и счастье;
Господь не оставитъ народъ безъ охраны —
И смѣшится вѣдромъ ненастье!

Н. Гервель.

Б. ПФУЛЬ.

Карлъ Пфуль, современный лужицкій писатель, пользуется въ своёмъ отечествѣ славою хорошаго поэта и прозаика, благодаря нѣсколькимъ написаннымъ имъ пѣснямъ, исполненнымъ горячою патриотизма, и многимъ прозаическимъ статьямъ этнографическаго и литературнаго содержания, отличающимися живымъ интересомъ. Кроме того, онъ еще извѣстенъ какъ составитель и издатель перваго лужицко-дѣмецкаго словаря.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

Я знаю васъ, о горы голуби!
Я снова здѣсь, поля мои родныя,
Лужицкій край, отечество моё!
Одной тебя, о Сербія свята,
Мой отчий домъ, страна моя родная,
Поляны мои и мѣся и бѣгит!

Ужь до меня доходятъ изъ-далече
Привычный слухъ ласкающія рѣчи,
Родной земли серебристая слова.
Ужь я давно вокругъ васъ душой витаю,
Сегодня жь васъ, о сербы, обнимаю —
Рука дрожитъ и нынѣтъ голова.

Всѣ вернутъ меня цвѣтѣть и оживать,
И счастье мнѣ улыбку посылаетъ,
Какъ весенній день въ шлохѣ золотомъ...
Трепетаетъ грудь, стѣсняется дыханье...
Какъ глубоко, какъ радостно сознанье —
Я снова здѣсь, въ краю моемъ родномъ!

Н. Гервель.

К О Н Е Ц Ъ.

М. ГОРНИКЪ.

Михаилъ Горникъ родился 20-го іюля (1-го августа) 1833 года въ деревнѣ Ворканицахъ, въ Верхнихъ Лужицахъ. Учился онъ въ Будшпенской гимназіи, а потомъ въ Пражскомъ университетѣ. Въ 1856 году онъ былъ посвященъ въ католическіе священники. На литературное поприще выступилъ онъ очень рано, именно въ 1853 году, еще во время своего студенчества, какъ редакторъ рукописнаго лужицкаго журнала, издаваемаго студентами изъ лужичанъ, унизимися въ Прагѣ. Съ 1860 года Горникъ сталъ издавать беллетристическій журналъ «Лужичанинъ», а спустя нѣсколько лѣтъ — духовный журналъ, для лужичанъ-католиковъ, подъ названіемъ «Католическій Вѣстникъ». Въ настоящее время Горникъ, вмѣстѣ съ Смолляромъ, стоитъ во главѣ лужицкой литературы. Статьи его, преимущественно филологическаго содержания, весьма многочисленны. Онъ также извѣстенъ какъ поэтъ.

СЕРБАМЪ.

Чуть вѣтеръ про шумитъ съ наставкою весною —
Ужь — волей божества — въ природѣ всѣ цвѣтѣтъ:
Роскошные сады блистаютъ красотою
И каждый лепестокъ васъ амброю обдаётъ.

Чтобъ лучше расцвѣло прелестное творенье,
Содвинишь день и ночь заботится о нёмъ:
Онъ забываетъ всё — и трудъ и утомленье,
Чтобъ только дать цвѣтку развиться счастіемъ.

Такъ точно и у васъ, надъ сербами родными,
Проносится весна, проглядываетъ день:
Красуются сады цвѣтами молодыми —
Прелестными дѣтвями лужицкихъ деревень.

Такъ станемъ же ходить за этими цвѣтами!
Смирненны сердца въ любви соединимъ,
И нодъ покровъ Того, Кто правитъ небесами,
Съ надеждою себя покорно отдадимъ.

Н. Гервель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	V	II. ЧЕРВОННОРУССКІИ.	
			стр.
		<i>У соседки сынъ молодчикъ.</i> — Л. Мейя	42
		<i>Нана.</i> — Л. Мейя	—
		<i>Помолодѣвшій старикъ.</i> — О. Миллера	43
		<i>Примиреніе.</i> — О. Миллера	—
		<i>Одиночество.</i> — О. Миллера	44
		<i>Добрые паны.</i> — Н. Гервеля	—
		<i>Вдова.</i> — Н. Берга	—
		III. ВѢЛОРУССКІИ.	
		<i>На Руси былъ черныи Бовъ.</i> — А. Майкова	45
		<i>Петрусь.</i> — А. Майкова	—
		<i>Онъ, сынки мои, совокомъ мой.</i> — А. Майкова	46
		<i>Не ходи, мой, въ желанныи садъ.</i> — Н. Гервеля	47
		<i>Онъ, хомы бѣ, холы.</i> — А. Майкова	—
		<i>Онъ, хатмаса зари.</i> — А. Майкова	—
		<i>При дорогѣ три широкой.</i> — А. Майкова	—
		<i>Не сынки ты, батюшка.</i> — А. Майкова	—
		<i>Вятры осенне.</i> — Н. Гервеля	48
		<i>На сль два брата.</i> — Н. Гервеля	—
		<i>Бузина съ малиною.</i> — Н. Гервеля	—
		<i>Въ чистомъ полѣ сынъ еалитя.</i> — Н. Гервеля	—
		IV. ЮЖНО-РУССКІИ ПѢСНИ.	
		I. МАЛОРУССКІИ.	
		<i>Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова.</i> — Н. Гервеля	33
		<i>Походъ на полянокъ.</i> — Н. Гервеля	34
		<i>Сагайдачный.</i> — Г. Данилевскаго	35
		<i>Морозенко.</i> — Н. Гервеля	—
		<i>Сивировскій.</i> — Н. Гервеля	36
		<i>Куда ѣдешь.</i> — Н. Берга	—
		<i>Вспахана черная наша.</i> — А. Максимовича	37
		<i>На полѣ сѣнокосъ.</i> — Н. Берга	—
		<i>Доля.</i> — Н. Берга	—
		<i>Яворъ.</i> — Н. Берга	—
		<i>Вѣдъ.</i> — Н. Берга	38
		<i>Пѣсня.</i> — Н. Берга	—
		<i>Доля.</i> — Е. Гревенки	39
		<i>Повѣи вѣтеръ.</i> — Н. Берга	—
		<i>Сама хому по камушкамъ.</i> — Н. Берга	—
		<i>Нѣтъ милаго.</i> — Н. Берга	—
		<i>Бездолье.</i> — Л. Мейя	40
		<i>Проклятіе.</i> — Н. Берга	—
		<i>Былъ у матери сынъ соколъ.</i> — Н. Берга	—
		<i>Суженый.</i> — Л. Мейя	41
		<i>Три сестры.</i> — Л. Мейя	—
		V. ПѢСНИ ЮГО-СЛАВЯНСКІИ.	
		I. СЕРБСКІИ.	
		<i>Царь Стефанъ празднуетъ день своего святого.</i> — Н. Берга	49
		<i>Построеніе Скадра.</i> — Н. Берга	50
		<i>Бановичъ Страхиля.</i> — Н. Берга	52
		<i>Сербская церковь.</i> — А. Майкова	60
		<i>Погибель сербскаго царства.</i> — П. Киръевскаго	—
		<i>Царь Лазарь и царица Милица.</i> — Н. Берга	62
		<i>Разговоръ Милоша съ Ивановомъ.</i> — Н. Берга	65
		<i>Косовская дѣвушка.</i> — Н. Берга	66
		<i>Юришичъ-Линко.</i> — Н. Берга	67

	стр.	ПЪСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.	стр.
Судъ Марка-Королевича. — О. Миллера	69		
Марко-Королевичъ и соколъ. — Н. Берга	71		
Марко-Королевичъ и беръ-Костадинъ. — Н. Берга	72		
Марко-Королевичъ уничтожаетъ свадебный откупъ. — Н. Берга	—		
Сабая царя Вукашина. — А. Майкова	75		
Марко цѣсть въ Рамазанъ вино. — Н. Берга	77		
Марко-Королевичъ шашетъ. — О. Миллера	78		
Марко-Королевичъ и Мана изъ Костура. — Н. Берга	—		
Смерть Марка-Королевича. — Н. Берга	82		
Какъ старшая турецкій султанъ московскаго царя. — А. Майкова	84		
Симеонъ-Найденышъ. — Н. Берга	86		
Сестра и братья. — А. Пушкина	88		
Йово и Мара. — Н. Щербины	89		
Вана Голая-Котомка. — Н. Берга	92		
Пѣсня изъ войны сербско-мадирской. — Н. Берга	95		
Соловей. — А. Пушкина	96		
Конь. — А. Майкова	—		
Соловей. — Н. Берга	97		
Молодецъ въ хорождѣ. — Н. Берга	—		
Мать и дочь. — Н. Берга	98		
Юноша и дѣва. — Н. Берга	—		
Не бери покурги. — Н. Берга	—		
Братъ, сестра и милая. — Н. Берга	99		
Морнакъ въ Венеци. — Н. Берга	—		
Скользящія очи. — Н. Берга	100		
Женитьба воробья. — Н. Берга	—		
Дѣвушка и рыба. — М. Михайлова	—		
<i>Будь у меня Лазо</i> . — М. Михайлова	—		
II. БОЛГАРСКІЯ.			
Женитьба короля Шишмана. — М. Петровскаго	101		
Воевода Дойчинъ. — М. Петровскаго	103		
Марковина — М. Петровскаго	105		
Исповѣдь Марка-Кравевича. — М. Петровскаго	107		
Марко-Кравевичъ и мадиринъ Филиппъ. — Н. Берга	108		
Марко-Кравевичъ и Филиппъ Соколъ. — Н. Берга	—		
Марко-Кравевичъ отыскиваетъ своего брата. — Н. Берга	109		
Обитель Врачарица. — М. Петровскаго	111		
III. ХОРУТАНСКІЯ.			
Женитьба короля Матаса. — М. Петровскаго	114		
Анселъмъ. — М. Петровскаго	116		
Преступникъ. — М. Петровскаго	117		
Сирота Ерица. — М. Петровскаго	118		
Молодая Бреда. — В. В.	—		

	стр.		стр.
Въпьеть. — Н. Берга	149	А. Л. МЕТЛИНСКІЙ.	
Изъвивникъ. — Н. Берга	150	Яворъ. — Н. Гербеля	193
Смерть милого. — Н. Берга	—	А. С. АОНАСЬЕВЪ-ЧУЖБИНСКІЙ.	
Полаудъ. — Н. Берга	—	Е. П. Гребенкъ. — Н. Гербеля	194
V. ЛУЖИЦКІЯ.			
Вѣрность до гроба. — Н. Берга	151	П. А. КУЛИШЪ.	
Изъѣва милого. — Н. Берга	152	Землячкъ. — Н. Гербеля	195
Покорная дочь. — Н. Берга	153	Л. И. ГЛЪБОВЪ.	
Легенда. — Н. Берга	—	Пѣсня. — Н. Гербеля	196
ОТДѢЛЪ III.			
СЛАВЯНСКІЕ ПОЭТЫ.			
I. МАЛОРОССІЯ.			
Малорусская литература. — Н. Костомарова	157	И. П. ГАЛИЦКАЯ РУСЬ.	
II. П. КОТЛЯРЕВСКІЙ.			
Вѣють вѣтры. — Н. Берга	165	Червононорусская литература. — Я. Головацкаго	197
Пѣсня. — Н. Гербеля	—	М. ПАШКЕВИЧЪ.	
Возный. — Н. Гербеля	166	Тоска по милой. — Н. Гербеля	205
Изъ «Онеиды». — О. Лепко	—	Н. УСТАНОВИЧЪ.	
III. П. АРТЕМОВСКІЙ-ГУЛАКЪ.			
Панъ и собака. — О. Лепко	169	Дума. — Н. Гербеля	206
E. П. ГРЕБЕНКА.			
Украинская мелодія. — Н. Гербеля	171	Осенъ. — Н. Гербеля	—
Солнце и тучи. — О. Лепко	—	А. МОГИЛЬНИКЪ.	
Копыля и рейсникъ. — О. Лепко	—	Дума. — Н. Гербеля	207
Ченюкъ. — О. Лепко	172	Я. О. ГОЛОВАЦКІЙ.	
IV. И. КОСТОМАРОВЪ.			
Мѣсяцъ. — Н. Гербеля	173	Тоска по родинѣ. — Н. Гербеля	209
T. Г. ШЕВЧЕНКО.			
Тополь. — Н. Гербеля	175	Рѣчка. — Н. Гербеля	—
Дума. — А. Пящцева	177	И. О. ГОЛОВАЦКІЙ.	
Дума. — Н. Гербеля	178	Тайная любовь. — О. Лепко	210
Дума. — Н. Гербеля	—	И. Н. ГУШАЛЕВИЧЪ.	
Къ Основьяненкѣ. — Н. Гербеля	—	Михаилъ Черниговскій. — О. Лепко	211
Иванъ Подкова. — М. Михайлова	179	Заря. — Н. Гербеля	212
<i>Не вернулася изъ походу</i> . — А. Пящцева	180	И. НАУМОВИЧЪ.	
Пѣсня. — А. Пящцева	181	Возвращеніе на родину. — Н. Гербеля	—
Завѣщанье. — Н. Гербеля	—	В. ДЪДИЦКІЙ.	
Канунъ Рождества. — Н. Гербеля	—	Русскому пѣвцу. — Н. Гербеля	213
Изъ повѣсти «Катерина». — Н. Гербеля	—	Утро. — Н. Гербеля	—
Изъ повѣсти «Работница». — А. Пящцева	185	На стражѣ. — Н. Гербеля	214
Изъ поэмъ «Райданины»:		Н. О. ЛЪСЪКЕВИЧЪ.	
1. Прологъ. — Н. Гербеля	187	Пѣсня. — Н. Гербеля	—
2. Смерть. — Н. Гербеля	188	И. ФЕДЬКОВИЧЪ.	
3. Пѣръ въ Лисичкѣ. — Л. Мей	189	Украйна. — Н. Гербеля	215
4. Гонъ въ Умань. — Л. Мей	190	СЛАВИЧЪ.	
5. Эпилогъ. — Н. Гербеля	192	Мя рускіе. — О. Лепко	216
		Братъ, тѣло мой разлитъ. — Н. Гербеля	217
		МАРІЯ СЛОДСКАЯ.	
		Прологъ къ поэмѣ «Пророкъ Народъ». — Н. Гербеля	—

III. УГОРСКАЯ РУСЬ.	
	стр.
А. ДУХОВИЧЬ.	
Пѣсь земледѣльца. — П. Гербеля	219
Послѣдняя пѣсь. — О. Лепко	220
А. ПАВЛОВИЧЬ.	
Думанамогиаѣть подъ Бардѣовымъ. — Н. Гербеля	221
IV. СЕРБЫ.	
Сербо-хорватская литература. — А. Будило- вича	223
МИНЧЕТИЧЬ.	
Пѣсня. — Н. Берга	228
ЛУЧИЧЬ.	
Идеальная красавица. — В. Бенедиктова	224
ГУНДУЛИЧЬ.	
Изъ поэмы «Османъ». — Н. Берга	225
ПАЛЬМОТИЧЬ.	
Введение въ поэму «Христіада». — Н. Берга	227
ДЖОРДЖИЧЬ.	
Свѣтлякъ. — Н. Берга	228
КАЧИЧЬ-МОШИЧЬ.	
Мылошъ Обиличъ и Вукъ Бранковичъ. — Н. Гербеля	230
МУШИЦЬИЙ.	
Голосъ патриота. — Н. Гербеля	242
ХАДЖИЧЬ (СВѢТИЧЬ).	
Страданіе Сербин. — В. Бенедиктова	243
ПОПОВИЧЬ.	
Пѣсня на Косовомъ полѣ. — Н. Берга	244
ВРАЗЪ.	
Мой вѣнокъ. — М. Петровскаго	245
ДЕМЕТЕРЬ.	
Царь Магасъ. — Н. Гербеля	246
Изъ поэмы «Гробничко Поле». — М. Петров- скаго	—
ПЕТРЪ II НЕГОШЪ.	
Изъ поэмы «Горскій Вѣнецъ». — Н. Гербеля	247
НЪМЧИЧЬ.	
Родина. — Н. Гербеля	249
МАЖУРАНИЧЬ.	
Смерть Изманла-Аги Ченгича. — М. Петров- скаго	250

БУКАТИНОВИЧЬ.	
	стр.
Выдринская гора. — Н. Гербеля	263
Поплауѣ черносокой. — Н. Берга	—
Молба къ черносокой. — Н. Берга	264
Клѣчъ. — Н. Берга	—
Черны оци. — Н. Берга	—
КАЗАЛИ.	
Изъ поэмы «Златка». — Н. Берга	265
КУКУЛЕВИЧЬ-САКЦИНСКІЙ.	
Славянки. — Н. Берга	267
БОГОВИЧЬ.	
Воспоминаніе. — Н. Гербеля	269
Осторожнымъ. — М. Петровскаго	—
Либераль. — М. Петровскаго	270
Старцы и юноши. — М. Петровскаго	—
СУВОТИЧЬ.	
Привѣтъ Москвѣ. — Н. Берга	272
Вина говорить съ облаками. — Н. Гербеля	—
УТЬШЕНОВИЧЬ.	
Въ память Коллару. — П. Гербеля	273
Пѣнь. — Н. Берга	—
ПРЕРАДОВИЧЬ.	
Заря. — М. Петровскаго	275
Лила птичка на вѣткѣ. — М. Петров- скаго	—
Братъ далеко въ морѣ. — М. Петровскаго	276
Въ морѣ дивушка смотрѣла. — М. Петров- скаго	—
Въ небѣ солнышко сіяло. — М. Петровскаго	—
Мать будила Радована. — М. Петровскаго	277
Вѣтеръ ходитъ стигимъ моремъ. — М. Пет- ровскаго	—
Частый дождичекъ идетъ по полю. — М. Пет- ровскаго	—
Звѣзды яркія хоровадъ ведутъ. — М. Петров- скаго	—
БАНЪ.	
Письмо. — Н. Гербеля	278
ТЕРНСКІЙ.	
Завѣтъ перу поэта. — Н. Гербеля	279
МИРКО ПЕТРОВИЧЬ.	
Бой въ Кашани. — Н. Берга	280
ГРАФЪ МЕДО-ЛУЧИЧЬ.	
Желаніе. — Н. Берга	281
Палма. — В. Бенедиктова	282
ФИЛИПОВИЧЬ.	
Старикъ и старуха. — Н. Гербеля	283
РАДИЧЕВИЧЬ.	
Дѣвушка у колодца. — Н. Гербеля	284

СУНДЕЧИЧЬ.	
	стр.
Москва. — Н. Гербеля	284
Сабля Скендербега. — В. Бенедиктова	285
НЕНАДОВИЧЬ.	
Стамбулу. — Н. Гербеля	286
Моладецкій отвѣтъ. — Н. Гербеля	287
МИХАЙЛОВИЧЬ.	
Пѣсня. — Н. Гербеля	—
ДРАГАШЕВИЧЬ.	
Въ бой. — Н. Гербеля	—
ЮВАНОВИЧЬ.	
Крестъ. — Н. Берга	288
Дѣва-воинъ. — В. Бенедиктова	—
ЛАЗАРЕВИЧЬ.	
Прощаніе съ Прагой. — Н. Гербеля	289
ЯКШИЧЬ.	
Томитъ, братья, въ рукави кровю. — Н. Гер- беля	—
КАТИЦКІЙ.	
Тучи. — О. Миллера	290
НИКОЛАЙ I, КНЯЗЬ ЧЕРНОГОРСКІЙ.	
Туда. — В. Бенедиктова	291
Заздравный кубокъ. — В. Бенедиктова	—
МЕДИЧЬ.	
Наша надежда. — Н. Гербеля	292
V. БОЛГАРИ.	
Болгарская литература. — К. Жинзифова	294
ЯКОВСКІЙ.	
Изъ поэмы «Горны Путникъ». — Н. Гербеля	304
СЛАВЕЙКОВЪ.	
Не пойдя мнѣ. — Н. Берга	305
Голосъ изъ тюрьмы. — Н. Берга	306
Найдентъ-Героу. — Н. Берга	—
Пѣсня. — Н. Берга	307
АРАВЕЛОВЪ.	
Дума. — Н. Гербеля	308
ЖИНЗИФОВЪ.	
На смерть юноши. — Н. Гербеля	309
Изъ поэмы «Крѣпкая Рубашка». — Н. Гербеля	310
ЧИНТУЛОВЪ.	
Болгарская пѣсня. — Н. Берга	311
VI. СЛАВОНЫ.	
	стр.
Хоруатская литература. — А. Будиловича	312
ВОДНИКЪ.	
Влюбленная Милица. — Н. Берга	315
ЯВНИКЪ.	
Ивановъ день. — Н. Берга	316
КАСТЕЛИЦЪ.	
Возрожденіе. — Н. Гербеля	317
ПРЕШЕРНЪ.	
Розамунда. — М. Петровскаго	—
Поминокъ юности. — М. Петровскаго	319
ЦЕГНАРЪ.	
Пегамъ и Ламбергаръ. — М. Петровскаго	320
ТОМАНЪ.	
Сапа. — Н. Гербеля	324
КОСЕСКІЙ.	
Словенскій оратай. — Н. Берга	—
ВИЛЬХАРЪ.	
Богомила. — Н. Гербеля	325
ЛЕВСТИКЪ.	
Дѣвушка и птица. — Н. Берга	326
ПРАПРОТНИКЪ.	
Родилъ. — Н. Гербеля	—
VII. ЧЕХИЯ.	
Чешская литература. — А. Гильфердинга	327
ГУСЪ.	
Гимнъ. — Н. Берга	328
ЛОМНИЦКІЙ.	
Мудрость. — Н. Берга	329
ШНЕЙДЕРЪ.	
Лебедь. — Н. Берга	340
СТАХЪ.	
Музъ. — Н. Берга	341
Честь мой. — Н. Берга	—
ЛУХМАЙЕРЪ.	
Завистникъ и скупой. — Н. Берга	342
НЕРЪДИЙ.	
Благодарный сынъ. — Н. Берга	—
ПОЛАКЪ.	
Соловиная пѣсь подъ вечеръ. — Н. Берга	343

	стр.		стр.
ГАНКА.			
Краледворъ. — Н. Берга	345	<i>Звѣзды восходятъ и заходятъ</i> . . . — Ф. Миллера . . .	372
Флашка. — Н. Берга	346	<i>Людю мина расцветаетъ</i> . . . — Ф. Миллера . . .	—
Ожиданіе. — Н. Берга	—	РУБЕШЬ.	
Себѣ. — Н. Берга	—	Я чекъ. — Н. Берга	373
Цѣфты. — Н. Берга	347	ШТУЛЬЦЪ.	
Лаба. — Н. Берга	—	Изъ «Воспоминаній на пути жизни». — Ф. Миллера	375
Очи. — Н. Берга	—	ФУРХЪ.	
КОЛЛАРЪ.			
Изъ поэмы «Дочь Славы»:		Эхо. — Н. Берга	376
1. Вступленіе. — Н. Берга	349	БАРОШЪ ВИЛАНИ.	
2. Пѣсь I, сонеты 1—7. — Н. Берга	350	5-го мая 1821 года. — Н. Берга	—
3. Пѣсь II, сонеты 137—142. — Н. Берга	352	Эмигрантъ. — Н. Берга	377
4. Пѣсь III, сонеты 5, 7 и 110. — В. Бенедиктова	353	НЕВСКІЙ.	
ШАФАРИКЪ.			
Сонетъ. — Н. Берга	354	Большая книга. — Н. Берга	—
ПАЛАЦКІЙ.			
Гора Радость. — Н. Берга	355	Весна любви. — Н. Берга	—
ЧЕЛЯКОВСКІЙ.			
Великая панхида. — Н. Берга	357	Соната. — Н. Берга	378
Узникъ. — Н. Берга	—	РИГДЪ.	
Вина. — М. Петровскаго	—	Пѣсь кузнецовъ. — Н. Берга	379
Всему свое. — Н. Берга	358	ГАВЛИЧЕКЪ.	
Иава Волжанинъ. — Ф. Миллера	—	Тирольскія элгии. — Н. Берга	380
ХМЪЛЕНСКІЙ.			
Пустыняникъ. — Н. Берга	362	ПФЛЕГЕРЪ (МРАВСКІЙ).	
ВИНАРИЦКІЙ.			
Умирающее дитя. — Н. Берга	363	Пѣсня. — Н. Берга	384
Молодой проволокникъ. — Н. Берга	364	VIII. СЛОВАЦКАЯ ЗЕМЛЯ.	
ВОЦЕЛЬ.			
Изъ поэмы «Мечъ и Чаша». — Н. Берга	365	ГОЛЫЙ.	
КОУБЕКЪ.			
Изъ поэмы «Три Сестры». — Н. Берга	—	Голосъ Татры. — Н. Берга	389
ЛАНГЕРЪ.			
Чешскіе краковяки. — Н. Берга	366	Пахоуму стихотворцу. — Н. Берга	390
МАХА.			
Май. — Н. Берга	367	ХАЛУПКА.	
ЭРБЕНЪ.			
Водяной. — М. Петровскаго	368	Бей его. — А. Майкова	391
ТУПЫ (ЯБЛОНСКІЙ).			
Три поры. — М. Петровскаго	371	ШТУРЪ.	
<i>Сынъ мой, самообольщенъ.</i> — Н. Петровскаго	372	Пѣсь Святобы. — Н. Берга	394
<i>Много, сына мой, разналъ книгъ.</i> — М. Петровскаго	—	Пѣсь овчара. — Н. Берга	—
		ГУРВАНЪ.	
		Нитра. — Н. Берга	395
		Повяжкѣ. — Н. Берга	—
		БРАКАТОРИСЪ (СЛАДКОВИЧЪ).	
		Тѣни Пушкина. — Н. Берга	396
		Эхо. — Н. Берга	—
		ЖЕЛЛО.	
		Изъ поэмы «Паденіе Миладуха». — Н. Берга	397

	стр.		стр.
IX. ПОЛЬША.			
Польская литература. — А. Буликовича	398	14. Пилигримъ. — И. Козлова	436
КОХАНОВСКІЙ.			
Не терай надеждъ. — В. Бенедиктова	412	15. Дорога надъ пропастью въ Чусутъ-Кале. — Н. Берга	—
Изъ «Бездѣлокъ». — Н. Берга	—	16. Гора Кикинешъ. — Н. Берга	437
ШИМОНОВИЧЪ.			
Жницы. — Н. Берга	413	17. Развалины замка въ Валалавѣ. — Н. Луговскаго	—
ТРЕМБЕКІЙ.			
Воздушный царь. — В. Бенедиктова	416	18. Аюдэгъ. — С. Дурова	—
Изъ поэмы «Сосѣвка». — В. Бенедиктова	417	Разговоръ. — Н. Огарина	—
НАРУШЕВИЧЪ.			
Изъ поэмы «Голосъ Мертцовъ». — Н. Гервеля	418	Сонетъ. — Н. Берга	438
Совѣтъ зѣбрѣй. — В. Бенедиктова	419	Изъ альбомъ. — Н. Гервеля	—
КРАСИЦКІЙ.			
Къ Григорію. — В. Бенедиктова	420	Моя баюница. — Князя М. Голицына	—
ВЕНГРОКІЙ.			
Философъ. — В. Бенедиктова	421	Советы:	
1. Воспоминаніе. — Н. Луговскаго			
2. Къ Лаурѣ. — Н. Берга			
3. Какъ ты проста во всемъ. — Н. Берга			
4. Свиданіе въ лѣсу. — А. Фета			
5. О милая моя. — Н. Берга			
6. Утро и вечеръ. — Н. Гервеля			
7. Нѣманъ. — Н. Берга			
8. Благовосеніе. — Н. Берга			
9. Прощанье. — Н. Берга			
НѢМЦЕВИЧЪ.			
Лешекъ Бѣлый. — В. Бенедиктова	—	Советы:	
Дума о Стефанѣ Потоцкомъ. — В. Бенедиктова	422	1. Вступленіе. — А. Пушкина	—
2. Внѣя. — Л. Мей			
3. Пѣсь Вайдекота. — Н. Берга			
4. Альбухары. — Н. Гервеля			
Панъ Тадеушъ. — Н. Берга			
БРОЗИНСКІЙ.			
Заславъ. — В. Бенедиктова	424	МАССАЛЬСКІЙ.	
МАУЧЕВСКІЙ.			
Изъ поэмы «Марія». П. Козлова	426	Зальскій.	
Ледяная. — Л. Мей			
Дѣя смерти. — Л. Мей			
Степь. — В. Бенедиктова			
Къ дѣвницѣ. — Е. Шаховой			
Любовь. — П. Козлова			
ОДЪЯНЕЦЪ.			
Дѣвушка и полюбъ. — Л. Мей			
Парень и дѣвица. — Н. Берга			
Слѣзы. — М. Петровскаго			
ОДЪЯНЕЦЪ.			
Дѣвушка и полюбъ. — Л. Мей			
Парень и дѣвица. — Н. Берга			
Слѣзы. — М. Петровскаго			
ПОЛЬ.			
Украина. — В. Бенедиктова			
ГОЛОВИНСКІЙ.			
Легенда. — В. Бенедиктова			
СЛОВАЦКІЙ.			
Изъ поэмы «Янъ Блаецкій». — П. Козлова			
Изъ поэмы «Монахъ». — П. Козлова:			
1. Исповѣдь			
2. Тѣнь Зары			
ГРАФЪ КРАСИНСКІЙ.			
Предъ разбитомъ. — Н. Берга			
<i>Отъ слѣзъ и крови мутны и черны</i> . . . — М. Михайлова			

	стр.	Х. ЛУЖИЦЫ.	стр.
КРАШЕВСКИЙ.			
Славянский поэтъ русскому. — М. Петровскаго	518	Луницкая литература. — А. Будиловича	529
Неустранимый. — В. Бенедиктова	—	ЗЕЙЛЕРЪ.	
Пѣсни Маруси. — Н. Берга	519	Майское воскресное утро. — Н. Гервеля	531
ЖЕЛИГОВСКИЙ.			
Друзьямъ-славянамъ. — М. Петровскаго	520	Моя родина. — Н. Гервеля	532
ЛЕНАРТОВИЧЪ.			
Пѣсни. — П. Козлова	521	ВЕЛА.	
Ласточка. — Н. Гервеля	—	Возвращеніе домой. — Н. Берга	—
КОНДРАТОВИЧЪ (СЫРОКОМЛЯ).			
Кукла. — А. С.	523	Полудница. — Н. Берга	—
Прежде было лучше. — Л. Мья	524	Тялокъ. — Н. Берга	533
Дума. — А. Пяццеева	—	Незнакомецъ у могилы. — Н. Берга	—
Капитанъ Тересера и капитанъ Шерпетъма. — Л. Мья	—	БУКЪ.	
		Сербская липа. — Н. Гервеля	—
		ПФУЛЬ.	
		Возвращеніе на родину. — Н. Гервеля	534
		ГОРНИКЪ.	
		Сербамъ. — Н. Гервеля	—